

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯБРЬ.

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХХVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Бѣзанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи
(Окончаніе) .

А. И. АРТЕМЬЕВА.

Индійскія сказки .

И. П. МИНАЕВА.

**Варяго-русская и варяго-англійская дру-
жина въ Константинополѣ XI и XII
вѣковъ**

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

Юридическіе знаки (Продолженіе)

П. ЕФИМЕНКО.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Замѣчательныя богатства частныхъ лѣтъ въ Россіи.

Экономическо-историческое изслѣдованіе. Е.

Карновича. С.-Петербургъ. 1874

А. Г. БРИККЕНРА.

**Физиологія гласа и гласови сръпскаго языка, Стојан а
Новаковића.**

**Das Leben der Wurzel *dě* in den slavischen Sprachen
von D-r. V. Jagić.**

Descriptio codicum slovenicorum. *Aemiliani Kalusniacki.* И. Водушевъ-де-Кур-
теновъ.

Олонецкая гимназія съ 1808 по 1831 годъ. К. Петрова.

Шестиклассныя прогимназіи.

**О введеніи обязательнаго обученія въ С.-Пе-
тербургѣ.**

Село Миненское, родина В. А. Жуковскаго. П. МАРТИНОВА.

**Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университеты,
б) гимназіи, в) низшія училища.**

Открытіе учительской семинаріи въ Псковѣ.

Письмо изъ Парижа .

Л. Л — РА.

А. И. Артемьевъ. (Некрологъ.)

Л. Н. МАЙКОВА.

Отдѣлъ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХVІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1874.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (31-го августа 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Тульской гимназій.*

Служащіе въ дирекціи училищъ Тульской губерніи, къ намѣть управленія нынѣшняго товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника князя Ширинскаго-Шихматова, Московскимъ учебнымъ округомъ, собрали по добровольной подпискѣ *четыреста* руб. и просили объ учрежденіи на проценты съ сего капитала при Тульской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія князя Александра Прохоро-вча Ширинскаго-Шихматова».

По донесенію объ этомъ попечителя Московскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше на сіе соизволилъ.

2. (7-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.*

Опекунъ надъ имуществомъ умершаго штабсъ-капитана Тихоцаго, землевладѣлецъ Левшинъ, согласно духовному завѣщанію Тихоцаго, представилъ въ правленіе Харьковскаго университета билетъ Харьковскаго городского купческаго банка на

двенадцать тысячъ пятьсотъ руб., для учрежденія при означенномъ университетѣ трехъ стипендій: одной—имени Сергѣя Павловича Тихоцкаго и двухъ—имени покойной дочери его Агафіи Сергѣевны, по мужу Ковалевской.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ съ зафиганнаго Тихоцкимъ капитала въ 12.500 руб., трехъ стипендій для студентовъ: одной—имени Сергѣя Павловича Тихоцкаго и двухъ—имени Агафіи Сергѣевны Ковалевской, урожденной Тихоцкой.

3. (7-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.*

Потомственные почетные граждане, братья Адольфъ и Леонъ Романовичи Рубинштейны представили начальству Харьковского учебнаго округа *четыре тысячи руб. шестипроцентными* закладными листами Полтавскаго земельного банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала одной стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина, Харьковского 1-й гильдіи купца Романа Осиповича Рубинштейна, для студентовъ Харьковского университета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ съ капитала въ 4.000 руб., одной стипендіи съ наименованіемъ оной: «стипендіею потомственнаго почетнаго гражданина Харьковского 1-й гильдіи купца Романа Осиповича Рубинштейна».

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

30-го августа 1874 года (№ 11). *Производится за отличіе:* ординарный профессоръ Императорскаго Харьковского универси-

тета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кремянскій* — въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (24-го августа 1874 года). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Андрея Андреевича Керстича, учрежденной при Оренбургской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, при Оренбургской гражданской гимназій учреждается стипендія покойнаго генералъ-лейтенанта Керстича, на слѣдующихъ основаніяхъ:

2) Стипендія при Оренбургской гимназій учреждается изъ процентовъ съ завѣщаннаго покойнымъ генералъ-лейтенантомъ Керстичемъ капитала въ 2.000 руб., который обращается въ ренты непрерывнаго дохода *ста десяти* руб. въ годъ.

3) Капиталъ этотъ долженъ находиться въ завѣдываніи педагогическаго совѣта гимназій.

4) Въ стипендіаты избирается бѣдный сирота изъ вольноприходящихъ воспитанниковъ Оренбургской гимназій, выборъ котораго, по волѣ завѣщателя, на первый разъ предоставляется душеприкащикамъ, а впослѣдствіи — начальству гимназій.

5) На первый разъ, по волѣ душеприкащиковъ, стипендіатомъ избирается ученикъ приготовительнаго класса Іосифъ Гатти, съ тѣмъ, чтобы ему выдаваемо было изъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала по 85 рублей ежегодно; остающіяся же за тѣмъ отъ процентовъ деньги помѣщаются для приращенія процентовъ въ кредитныя учрежденія и вмѣстѣ съ накопившимися процентами должны быть выданы Гатти при выходѣ его изъ Оренбургской гимназій.

6) Деньги стипендіатамъ, избираемымъ впослѣдствіи начальствомъ гимназій, выдаются всѣ сполна лицамъ, которымъ поручено.

чается воспитаніе стипендіатовъ, за исключеніемъ суммы, слѣдующей за право годоваго ученія въ гимназіи.

7) Каждому воспитаннику, избираемому въ стипендіаты, присвоивается названіе стипендіата генералъ-лейтенанта Андрея Андреевича Керстича.

2. (19-го сентября 1874 года). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи къ переводу изъ приготовительнаго въ первый классъ гимназій и прогимназій учениковъ, не достигшихъ 10-лѣтняго возраста.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 7-й день текущаго сентября, въ Ливадіи, Всемилостивѣйше соизволилъ: тѣхъ учениковъ приготовительнаго класса гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, кои поступили въ таковой, имѣя отъ роду 8 лѣтъ, и въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ вполне подготовились къ продолженію ученія въ I классъ, но которые не могутъ быть переведены собственно за недостиженіемъ 10 лѣтъ, допускать къ переводу изъ приготовительнаго въ первый классъ, хотя бы имъ и не исполнилось 10 лѣтъ, если только они по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію вполне будутъ заслуживать перевода въ тотъ классъ, а по своимъ познаніямъ и умств.спому развитію легко могутъ слѣдовать за курсомъ I-го класса, по удостовѣренію гимназическаго начальства.

3. (28-го сентября 1874 года). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о снабженіи директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ казенными гербовыми печатями.*

На основаніи Высочайше утвержденнаго ^{25-го мая}_{6-го июня} 1874 года миѣнія государственнаго совѣта, упразднены дирекціи училищъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, а также званіе губернскихъ директоровъ училищъ въ губерніяхъ, означенныхъ въ томъ Высочайшемъ повелѣніи; взаимѣ сего учреждены должности директо-

ровъ народныхъ училищъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на послѣднихъ перенесены всѣ права и обязанности бывшихъ дирекцій и губернскихъ директоровъ училищъ по отношенію къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ и слѣдовательно директоры народныхъ училищъ, а равно инспекторы сихъ училищъ, по исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, должны входить въ переписку съ различными мѣстами и лицами, то нѣкоторые управленія учебныхъ округовъ обратились въ министерство народнаго просвѣщенія о разъясненіи слѣдующаго вопроса: могутъ ли директоры и инспекторы народныхъ училищъ имѣть казенныя печати съ правомъ бесплатной пересылки по почтѣ за сими печатями официальныхъ бумагъ, а также могутъ ли имѣть таковыя же печати училищныя совѣты.

Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ министерство народнаго просвѣщенія входило въ сношеніе по сему предмету, отозвался, что со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствія къ снабженію директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ установленными казенными гербовыми печатями, для пересылки за сими печатями по почтѣ ихъ корреспонденціи по служебнымъ дѣламъ на точномъ основаніи 70 ст. временныхъ постановленій по почтовой части.

Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о снабженіи какъ директоровъ народныхъ училищъ, такъ и инспекторовъ сихъ училищъ вышеназваннымъ учебнаго округа означенными казенными печатями. Что же касается училищныхъ совѣтовъ, то исходящія изъ сихъ совѣтовъ бумаги могутъ быть отправляемы по почтѣ за печатями предсѣдателей оныхъ, такъ какъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не представляется никакихъ основаній къ предоставленію этимъ совѣтамъ казенныхъ печатей и права бесплатной корреспонденціи по почтѣ.

4. (3-го октября 1874 года). *Поуженіе о стипендіи имени умершаго Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова при Кронштадтской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, повѣдовавшаго въ 21-й день сентября сего года, при Кронштадтской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова на проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, внесеннаго Кронштадтскимъ купцомъ Николаемъ Григорьевичемъ Сидоровымъ и заключающагося въ двухъ 500 рублеваго достоинства закладныхъ листахъ Полтавскаго земельного банка серіи 2-й за № № 03007 и 03011.

2) Капиталъ этотъ, составляя неприкосновенную собственность Кронштадтской женской гимназіи, хранится въ Кронштадтскомъ расходномъ отдѣленіи и состоитъ въ завѣдываніи попечительнаго совѣта гимназіи. Проценты по означеннымъ бумагамъ поступаютъ въ плату за обученіе стипендіатки, при чемъ она освобождается отъ взноса таковой, если бы установленная въ гимназіи плата и превышала количество ежегодныхъ процентовъ; если же проценты будутъ превышать плату за ученіе или отъ таковой ученица будетъ освобождена помимо стипендіи, то въ первомъ случаѣ излишекъ, а во второмъ вся стипендія выдается стипендіаткѣ за каждое истекшее учебное полугодіе.

3) По истеченіи срока названнымъ листамъ, или въ случаѣ выхода оныхъ въ тиражъ, полученныя за нихъ деньги снова обращаются въ государственныя процентныя бумаги, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта Кронштадтской женской гимназіи.

4) Избраніе кандидатки на упомянутую стипендію принадлежитъ пожизненно Кронштадтскому купцу Николаю Григорьевичу Сидорову, а послѣ него — попечительному совѣту означенной гимназіи.

5) Стипендіаткѣ, оставшейся на другой годъ въ томъ же классѣ,

можетъ быть сохранена стипендія только по особо уважительнымъ причинамъ, разсмотрѣннымъ въ педагогическомъ совѣтѣ гимназій, и не иначе, какъ съ согласія учредителя стипендіи.

6) Въ случаѣ упраздненія въ г. Кронштадтѣ женской гимназій, если таковое произойдетъ при жизни учредителя стипендіи, сему послѣднему предоставляется право передачи стипендіальнаго капитала съ тѣмъ же назначеніемъ въ одну изъ ближайшихъ женскихъ гимназій; по смерти же учредителя, стипендія, на точномъ основаніи сего положенія, переводится въ женское учебное заведеніе по усмотрѣнію начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

24-го Іюля 1874 года. (№ 15). *Утверждаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Владиміровъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по записуемой имъ кафедрѣ уголовного судоустройства и судопроизводства, съ 20-го апрѣля 1874 года; директоръ Казанскаго ветеринарнаго института *Зейфманъ*—ординарнымъ профессоромъ сего института, съ 1-го января 1874 года, съ оставленіемъ въ званіи директора; бывшій преподаватель Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи, магистръ ветеринарныхъ наукъ, пдворный совѣтникъ *Сергѣевъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Харьковскаго ветеринарнаго института; инспекторъ Харьковской прогимназій, коллежскій совѣтникъ *Одарченко*—директоромъ Бѣгородской гимназій, съ 1-го іюля 1874 года; учитель Симферопольской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Радкевичъ*—директоромъ открываемаго въ гор. Мелитополѣ, Таврической губерніи, реальнаго училища, съ 1-го іюля 1874 года; бывшій директоръ училищъ С.-Петербургской губерніи, статскій совѣтникъ *Калябинъ*—директоромъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, съ

13-го іюля 1874 года; бывшій членъ совѣта и инспекторъ вѣдѣнъ Одесскаго института благородныхъ дѣвицъ, статскій совѣтникъ *Шуцуровъ*—директоромъ учительскаго института въ гор. Оеодосіи, съ 1-го іюля 1874 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Ауновскій*—директоромъ Псковской учительской семинаріи, съ 1-го іюля 1874 года, съ отчисленіемъ отъ министерства; инспекторъ Каменской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Котляровъ*—директоромъ вновь открываемой Волчанской, Харьковской губерніи, учительской семинаріи, съ 1-го іюля 1874 года.

Назначаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Головскій*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ философіи, съ 9-го марта 1874 года, на пять лѣтъ; окончившіе въ 1874 году курсъ наукъ студенты Императорскаго историко-филологическаго института учителями: Александръ *Кеммерлингъ*—въ гимназію при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ по древнимъ языкамъ, Осдоръ *Владыковъ*—въ С.-Петербургскую Ларинскую гимназію по латинскому языку, Иванъ *Смирновъ*—во вторую С.-Петербургскую гимназію и Леонидъ *Доброхотовъ*—въ Кронштадтское реальное училище, оба по русскому языку, всѣ съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Опредѣляется: предсѣдатель Алатырской уѣздной земской управы, Алатырскій уѣздный предводитель дворянства, подпоручикъ *Пазухинъ*—почетнымъ попечителемъ Порѣцкой учительской семинаріи, съ 16-го іюня 1874 года.

Продолжается срокъ отпуска: директору Николаевской Царскосельской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Пискареву*—по 15-е августа 1874 года, по болѣзни, въ Россіи; учителямъ гимназій: С.-Петербургской третьей, коллежскому совѣтнику *Крейцеру* и Тобольской *Пикоровичу*, первому—на двадцать

дней, по болѣзни, и послѣднему—по 28-е августа 1874 года, обомъ за границу.

Уволяются изъ отпуску, по Россіи: канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ *Сърковъ*—на мѣсяць, въ Псковскую губернію, по болѣзни; директоръ Киевской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Кустовъ*—на полтора мѣсяца, въ разныя губерніи, по болѣзни; директоръ Лубенской гимназіи *Симоновъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1874 года, въ Полтаву и Кіевъ; за границу, на лѣтнее вакаціонное время 1874 года: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Эттингенъ*; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Шимановскій*; учителя Рижельевской гимназіи: *Бѣльчанскій* и *Кукурничекъ*; причисленный къ сверхштатнымъ чиновникамъ Варшавской учебной дирекціи *Целиховскій*; бывшій законоучитель римско-католическаго исповѣданія упраздненнаго Варшавскаго спеціальнаго уѣзднаго училища, священникъ *Краевскій*; начальница Тульской женской гимназіи *Сытина* и учитель начальнаго училища въ селѣ Вавржепчицахъ, Мѣховскаго уѣзда Кѣлецкой губерніи, *Войцѣховскій*; изъ нихъ: Эттингенъ, Шимановскій, Целиховскій, Краевскій, Сытина и Войцѣховскій по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1874 года и двадцать восемь дней: учитель Московской второй гимназіи, надпорный совѣтникъ *Зарицкій*, по болѣзни; на два мѣсяца: директоръ Варшавской первой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Крыжиновскій*; библіотекаръ Императорской публичной библіотеки, статскій совѣтникъ *Мицковъ*; завѣдывающій читальною залю сей библіотеки, надворный совѣтникъ *Юлъ*; секретарь управленія Императорскаго Дерптскаго университета *Блокъ* и учитель Суражскаго уѣзднаго училища *Кареницкій*; изъ нихъ: Крыжановскій, Блокъ и Кареницкій по болѣзни; на четыре мѣсяца: почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго уѣзднаго училища *Воронинъ*, съ 1-го августа 1874 года.

Уволяется отъ службы: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица *Духовской*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: землевладѣльцу Хотинскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, *Казиміру*—за усердіе его къ дѣлу народнаго образованія; предсѣдателю управленія Либавской Брестско-Кіевской и фабрично-Лодзкой желѣзныхъ дорогъ, банкиру *Бюху*; предсѣдателю правленія Варшавско-Вѣпской и Варшавско-Тереспольской желѣзныхъ дорогъ, банкиру *Кроненбергу* и жителю гор. Петрокова *Михаицекому*—за значительныя пожертвованія ихъ въ пользу Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

Исключаются изъ списковъ умершіе: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Могилянскій*; чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ князь *Долгоруковъ*; директоръ училищъ Екатеринбургской дирекціи, статскій совѣтникъ *Предтеченскій*; директоръ Гродненской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Мысовскій*, и инспекторъ народныхъ училищъ Пермской губерніи, статскій совѣтникъ *Всеволодовъ*.

17-го августа 1874 года. (№ 16). Назначаются: инспекторъ Рязанской гимназіи, надворный совѣтникъ *Сыромяковскій*—исправляющимъ должность директора Александровской гимназіи Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Саратовской, статскій совѣтникъ *Пановъ*, и Харьковской, надворный совѣтникъ *Жаворонковъ*, исправляющими должность директоровъ народныхъ училищъ: *Пановъ*,—Саратовской, а *Жаворонковъ*—Харьковской губерніи, послѣдній съ 26-го, а первый съ 28-го іюля 1874 года.

Утверждаются: инспекторъ Варшавской первой мужской прогимназіи, коллежскій ассесоръ *Грушецкій*—инспекторомъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, съ 6-го августа 1874 года; учитель Новгородсѣверской гимназіи, исполняющій обязанности инспектора сей гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Кизимовскій*—директоромъ Немировской гимназіи; инспекторъ Императорской первой Казанской гимназіи, статскій совѣтникъ *Горскій*—директоромъ Сызринскаго реальнаго училища, съ

26-го іюля 1874 года; инспекторы: Влоцлавской реальной гимназіи, коллежскій ассесоръ *Лебедевъ*, и Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Поповъ* — директорами реальныхъ училищъ, первый—Влоцлавскаго и послѣдній—Ловичскаго; директоръ Сызранскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Кудряшевъ*, инспекторы народныхъ училищъ статскіе совѣтники: Симбирской губерніи *Ульяновъ*, Московской *Краснопольковъ* и Тверской *Дружининъ*, коллежскіе совѣтники: Костромской *Петровский* и Калужской *Львовъ*, надворные совѣтники: Ярославской *Шпееръ* и Казанской *Износковъ*, титулярные совѣтники: Владимірской *Чеховичъ* и Вятской *Нурминскій*—директорами народныхъ училищъ губерній: Кудряшевъ—Самарской, Ульяновъ—Симбирской, Краснополяковъ—Московской, Дружининъ—Тверской, Петровский—Костромской, Львовъ—Калужской, Шпееръ—Ярославской, Износковъ—Казанской, Чеховичъ—Владимірской и Нурминскій—Вятской, всѣ съ 11-го іюля 1874 года; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: статскій совѣтникъ *Оранскій*, коллежскій совѣтникъ *Григорьевъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Кулжинскій*—директорами народныхъ училищъ губерній: Оранскій—Курской, Григорьевъ—Тамбовской и Кулжинскій—Воронежской, всѣ съ 26-го іюля 1874 года, первые двое съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія; директоръ Полтавской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кулжинскій*, инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, статскій совѣтникъ *Добротворскій*, учителя гимназій: статскіе совѣтники: Псковской *Соколовъ* и Уфимской *Чогаковъ* — директорами народныхъ училищъ губерній: Кулжинскій—Черниговской, Добротворскій—Полтавской, Соколовъ—Озоевской и Чогаковъ—Пермской, всѣ съ 28-го іюля 1874 года, изъ нихъ Кулжинскій съ оставленіемъ на службѣ на пять лѣтъ, считалъ съ 30-го декабря 1873 года; инспекторъ Нижегородской гимназіи, статскій совѣтникъ *Овсянниковъ* и учитель Кіевской 1-й гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Богаиновъ*—директорами народныхъ училищъ: первый—Нижегородской, а второй — Екатерино-

славской губерніи, оба съ 1-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Олонисовъ*—директоромъ народныхъ училищъ Витебской губерніи, съ 5-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерніи Кіевской, Подольской и Волынской, коллежскій совѣтникъ *Бѣлявскій*—директоромъ учительскаго института въ гор. Глуховѣ, съ 26-го іюля 1874 года.

Перемѣщается: директоръ Немировской гимназій, надворный совѣтникъ *Шульженко*—директоромъ Полтавской гимназій.

Опредѣляется на службу по відомству министерства народнаго просвѣщенія изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ *Крупининъ*, съ утвержденіемъ директоромъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, съ 11-го іюля 1874 года.

Командируется въ разныя губерніи Россіи: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Тюльпановъ*.

Продолжается срокъ отпуска за границу: управляющему Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Дакнишскому*, и доценту Императорскаго Дерптскаго университета *Гюлю*, первому—по болѣзни, на двадцать восемь дней, и послѣднему—на два мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ, въ Россіи: Ковенскій директоръ народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Савельевъ*—на десять дней, въ Псковскую и С.-Петербургскую губерніи; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Комовскій*—на три недѣли, въ Ярославскую, Курскую, Полтавскую и Кіевскую губерніи; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Нироновъ*—на два мѣсяца, по болѣзни, въ С.-Петербургскую губернію; за границу: врачъ Императорскаго историко-филологическаго института, докторъ медицины *Левесъ*—на двадцать восемь дней, съ 20-го августа 1874 года; врачъ Бердянской женской прогимназій *Гольдштейнъ*—по болѣзни, на два мѣсяца; докторъ ме-

дицины Императорскаго Московскаго университета *Остроумовъ* — на четыре мѣсяца.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: кандидатъ Московской духовной академіи *Первухинъ* по случаю окончанія возложеннаго на него порученія, съ 1-го іюля 1874 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: начальницѣ Омской женской гимназіи *Буланже* — за примѣрное исполненіе ею своихъ обязанностей; предсѣдателью Чистопольской земской управы *Якубовичу* и мировому посреднику 1-го участка Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, *Троицкому* — за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія.

24-го августа 1874 года. (№ 27). *Утверждаются:* инспекторъ Казанской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Островскій* — директоромъ Казанской третьей гимназіи, съ 10-го августа 1874 года; инспекторъ С.-Петербургской Введенской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Груздевъ* — директоромъ С.-Петербургской Введенской шестиклассной прогимназіи, съ 10-го августа 1874 года; директоръ Орловскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Померанцевъ*, инспекторъ Вологодской гимназіи, статскій совѣтникъ *Левицкій*, инспекторы народныхъ училищъ губерній: Херсонской, коллежскій совѣтникъ *Соловьевъ*, Псковской, коллежскій ассесоръ *Скляровъ*, и Бессарабской *Исаинъ* — директорами народныхъ училищъ губерній: Померанцевъ — Пензенской, Левицкій — Вологодской, Соловьевъ — Херсонской, Скляровъ — Псковской и Исаинъ — Бессарабской, первый съ 14-го, второй съ 20-го, третій съ 13-го и послѣдніе двое съ 14-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, статскій совѣтникъ *Хохряковъ* и изъ *отставныхъ* статскій совѣтникъ *Щерещкій* — директорами вновь открываемыхъ учительскихъ семинарій: Хохряковъ — Пензенской, съ 6-го августа 1874 года, а Щерещкій — въ м. Новомъ-Вугѣ, Херсонской губерніи, съ 17-го августа 1874 года.

Назначается: учитель Кіевской второй гимназіи, состоящій въ VIII классѣ, *Горватъ* — исправляющимъ должность директора Московской шестой гимназіи.

Опредѣляется: потомственный почетный гражданинъ, временно Московскій 1-й гильдіи купецъ *Глинскій* — почетнымъ попечителемъ учительской семинаріи въ с. Поливановѣ, Подольскаго уѣзда Московской губерніи, съ 13-го августа 1874 года.

Продолжается срокъ отпуски: инспектору народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской *Соловьеву*—въ разныхъ губерніяхъ Россіи, на двадцать пять дней; директору Динабургскаго реальнаго училища, статскому совѣтнику *Невзорову*—по болѣзни, за границу, по 8-е сентября 1874 года.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: коллежскій совѣтникъ *Милосидовъ* и магистръ Московской духовной академіи *Хунотскій*, первый—за опредѣленіемъ его учителемъ въ Тульскую гимназію и послѣдній—по случаю окончанія порученнаго на него порученія, оба съ 1-го августа 1874 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: президенту гор. Влоцлавска, Варшавской губерніи, отставному капитану *Добровольскому*—за усердіе въ дѣлу народнаго образованія.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

«Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. Часть французско-русская. Спб. 1873 г. Часть русско-французская. Спб. 1874 г.»—признать заслуживающими высокой чести посвященія Августѣйшему Имени Государя Императора и предпочтительной передъ другими словарями ре-

комендаціи, какъ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

На посвященіе этихъ словарей Августѣйшему Имени Государя Императора послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ этихъ словарей, которые при особенной ихъ полнотѣ отличаются и рѣдкою дешевизною, при чемъ для учебныхъ заведеній дѣлается еще уступка въ 20%, г. министр народнаго просвѣщенія изволилъ предложить начальствамъ учебныхъ округовъ о приобрѣтеніи означенныхъ словарей для учебныхъ заведеній, предпочтительно предъ всѣми другими подобнаго рода изданіями.

Книги: 1) «*Естественная исторія пчелы и наставленіе къ разумному пчеловодству*. Съ 63-ми рисунками, на одной, особо приложенной таблицѣ. Составилъ О. Паульсонъ. Второе измѣненное и дополненное изданіе. Кіевъ. 1872 г.» — одобрить для народныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

2) «*Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française par E. Varon*. 1-re et 2 partie. Helsingfors. 1874 г.» — рекомендовать какъ руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, а также реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

3) «*Географическую таблицу*. Курсъ I-го и II-го классовъ. Составилъ Н. Лыткинъ» — рекомендовать какъ необходимое учебное пособие при преподаваніи географіи въ I-мъ и II-мъ классахъ гимназій, прогимназій и другихъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

4) Издаваемые книгопродавцемъ Черкесовымъ книги: а) «*Физика проф. Бамбура Стюарта*»; б) «*Физическая географія пр. Гейки*»; в) «*Химія пр. Роско*. Переводъ съ англійскаго» — рекомендовать для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій.

б) «*Руководство къ физикѣ*. В. Полкомъцаго» — рекомендовать часть CLXXVI, отд. 1.

вать какъ руководство физики для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

6) «*Учебникъ химіи*. Составилъ преподаватель С.-Петербургскаго реальнаго училища *Ковалевскій*» — рекомендовать какъ руководство для преподаванія химіи въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

7) «*Хрестоматія какъ пособіе при изученіи русской словесности и при повтореніи грамматики*. Часть 2-я. Составилъ *А. Семеновъ*. Изданіе 3-е исправленное (Москва. 1874 г.)» — одобрить какъ пособіе при изученіи русской словесности и при повтореніи грамматики.

8) «*Наука грамотъ съ сборникомъ для послѣдовательнаго письма съ юлосу*. II. *Перевѣсскаго*. Начальный учебникъ роднаго языка. Изданіе 2-е, 1874 г.» — одобрить какъ учебное пособіе.

9) «*Таблицу удѣльнаго періода Русской исторіи*. Составилъ *Пикторскій*» — одобрить для употребленія въ классной комнатѣ, гдѣ проходитъ русская исторія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра постановлено:

Книги подъ заглавіями: 1) «*Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ*. Соч. *В. И. Соболева*. Москва. 1873 г.» — допустить для чтенія въ народныхъ училищахъ.

2) «*Исторія Россіи*. Съ картинками, для народныхъ училищъ. Сочин. *М. Острогорскій*. Цѣна 15 коп. Спб. 1874 г., въ 12 дол. стр. 66» — одобрить для чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

3) «*Животныя, полезныя для полей и лѣсовъ*. Соч. *П. Анкиевъ*.

Спб. 1874 г.» (изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городѣ)—одобрить для народныхъ училищъ и для книжныхъ складовъ.

4) Изданную княгиню Марією *Бариатинскою* книгу, подъ заглавіемъ: «*Начатки. Приготовленіе къ христіанскому ученію, въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленное къ дѣтскому возрасту. С.-Петербургъ. 1873 г.*»—рекомендовать какъ полезное пособие при преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

5) «*Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человека. (Опытъ народной гігіены). Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. С. Бобровскаго. Спб. 1873 г. Цѣна 35 коп.*»—одобрить для библіотекъ учительскихъ семинарій и народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, 27-го числа истекшаго августа, изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ Николаевскія мужскую и женскую гимназіи и Константиновскую школу грамотности и осмотрѣть всѣ классы въ сихъ заведеніяхъ; того же числа Государь Императоръ изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ Николаевское реальное училище, воспитанниками коего исполненъ былъ народный гимнъ.

— 27-го минушаго августа, въ присутствіи г. попечителя Дерптскаго учебнаго округа, помощника его, управляющаго Лифляндскою губерніею, первенствующаго бургомистра г. Риги, директора Александровской гимназіи, членовъ управленія училищъ и выборныхъ отъ городского общества, послѣдовало въ г. Ригѣ открытіе двухъ начальныхъ училищъ, одного для мальчиковъ, и одного для дѣвочекъ, съ присвоеніемъ этимъ училищамъ наименованія «Петровскихъ», въ память совершившагося 30-го мая 1872 года празднованія 200-лѣтней годовщины дня рожденія Императора Петра Великаго.

По прочтеніи директоромъ Рижской Александровской гимназіи, ближайшему вѣдѣнію котораго подчинены означенныя учи-

лица, краткой записки о причинахъ, побудившихъ Римскій магистратъ ходатайствовать объ открытіи ихъ, законоучитель Александровской гимназіи отслужилъ въ каждомъ училищѣ молебствіе съ подосвѣщеніемъ и сказалъ приличное случаю слово, послѣ чего провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему царствующему дому и вѣчная память въ Вѣкъ почивающему Императору Петру Первому, именемъ котораго названы эти училища.

Ко времени открытія въ училища принято: въ мужское 28 мальчиковъ и въ жепское 16 дѣвочекъ. Преподаваніе въ этихъ училищахъ введено на русскомъ языкѣ.

— 24-го августа сего года Казанская прогимназія преобразована въ классическую третью гимназію. Нынѣ открыты V-й и VI-й классы оной, въ которые принято въ V—23 ученика и въ VI—22 ученика.

— 30-го августа сего года послѣдовало открытіе учительской семинаріи въ с. Поливановѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, слѣдующимъ порядкомъ: въ мѣстной домово́й церкви, въ присутствіи командированнаго начальствомъ округа для открытія семинаріи окружнаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кулина, наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, а также предназначеннаго на должность директора семинаріи статскаго совѣтника Григорьева, уѣзднаго исправника и владѣльца с. Поливанова, была совершена божественная литургія, за которою послѣдовало молебствіе съ возглагошеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому; за тѣмъ окружнымъ инспекторомъ были прочитаны: Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи учительской семинаріи въ Московскомъ учебномъ округѣ и распоряженія министерства народнаго просвѣщенія и начальства Московскаго учебнаго округа, послѣдовавшія въ исполненіе таковой Высочайшей воли, послѣ чего статскій совѣтникъ Григорьевъ наименовалъ служащихъ лицъ и прочиталъ списокъ воспитанниковъ семинаріи, ознакомивъ присутствующихъ съ порядкомъ ежедневныхъ занятій воспитанни-

ковъ. Въ заключеніе всѣ воспитанники пропѣли народный гимнъ: «Боже Царя храни». Въ означенную семинарію принято 47 воспитанниковъ, изъ нихъ 34 переведены изъ упраздненной учительской школы Московскаго земства, и 13 поступили вновь, — трое стипендіатами Московскаго земства и десять — казенными стипендіатами. Начало классовъ послѣдовало 2-го октября.

— Въ первомъ городскомъ училищѣ въ Москвѣ, преобразованномъ изъ уѣзднаго, 2-го сентября, передъ началомъ ученія, происходило молебствіе въ присутствіи служащихъ и учащихся, а также родителей и родственниковъ сихъ послѣднихъ. Всѣхъ учащихся въ означенномъ училищѣ состоитъ въ I-мъ классѣ—51 и во II-мъ — 59, въ томъ числѣ вновь принятыхъ 60; сверхъ того отказано въ приемѣ 63-мъ лицамъ, о принятіи которыхъ были поданы прошенія.

— Въ селѣ Удоло, Ямбургскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, послѣдовало 8-го сентября 1874 года открытіе двухъ-класснаго пачальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Училище это открыто во вновь выстроенномъ домѣ, имѣющемъ два класса, приблизительно на 100 учениковъ, сборную комнату, мастерскую, бібліотеку и двѣ учительскія квартиры. Училище снабжено бібліотечною, мебелью лучшаго образца и необходимыми учебными пособиями. Въ мастерской имѣются два столярныхъ станка съ полнымъ приборомъ. Мѣстный землевладѣлецъ Ал. Ив. Блокъ пожертвовалъ въ бібліотеку до 800 томовъ книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія.

— На основаніи Высочайше утвержденныхъ ^{25-го мая}_{6-го іюня} 1874 г. мнѣній государственнаго совѣта объ измѣннѣ управленія низшими учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія и положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, открыты слѣдующіе училищные совѣты:

Губернскіе: Самарскій—4-го іюля 1874 года; Екатеринославскій—25-го іюля 1874 года; Казанскій—3-го августа 1874 года; Симбирскій—15-го августа 1874 года; Владимірскій—19-го августа 1874 года.

Уѣздные: 1) Казанской губерніи: Казанскій; Цивильскій — 15-го іюля 1874 года; Лаишевскій—9-го августа 1874 года; Тетюшскій — 13-го августа 1874 года.

2) Нижегородской губерніи: Балахнинскій—12-го іюля 1874 года; Княгининскій—12-го іюля 1874 года; Нижегородскій—20-го іюля 1874 года; Ардатовскій—30-го іюля 1874 года; Сергачскій—7-го августа 1874 года; Горбатовскій—11-го августа 1874 года; Семеповскій—16-го августа 1874 года; Макарьевскій—19-го августа 1874 года; Лукояновскій—21-го августа 1874 года; Арзамасскій—23-го августа 1874 года; Васильскій—2-го сентября 1874 года.

— Въ Псковѣ по благословенію святѣйшаго синода, съ 1867 года, издается священникомъ Константиномъ Голубевымъ журналъ «Истина» примиряющій раскольниковъ съ церковію православною; журналъ этотъ разсылается въ приходы, зараженные расколомъ по Имперіи, — чрезъ что весьма замѣтно слабѣетъ прежній фанатизмъ раскола и являются весьма частыя добровольныя воссоединенія бывшихъ раскольниковъ съ церковію православною. Два раза святѣйшій синодъ циркулярными указами рекомендовалъ чрезъ спархіальныхъ архіереевъ всему православному духовенству выписывать журналъ «Истину» для руководства въ полемикѣ съ расколомъ.

Въ годъ выходятъ 6 книжекъ «Истины», — подписная цѣна съ пересылкою 3 рубля. Недостаточные подписчики, по рекомендаціи ихъ начальствъ, пользуются половиною уступкою въ цѣнѣ.

— Редакторъ-издатель журнала «Досугъ и Дѣло» Александръ Погосскій, пылѣ умершій, издалъ описаніе «Обороны Севастополя. Бесѣды о войнѣ 1853—1855 гг. для войскъ и для народа. Спб. 1873 г.», заключающее въ себѣ повѣсть чести, славы и любви защитниковъ къ отечеству и имѣющее, въ виду настоящей воинской повинности, глубоко поучительное для всего Русскаго народа значеніе.

Описаніе это одобрено особымъ отдѣломъ ученаго комитета

министерства народнаго просвѣщенія для библіотекъ народныхъ школъ.

Нынѣ министръ народнаго просвѣщенія изволилъ приказать предложить чрезъ журналъ министерства начальствамъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и народныхъ школъ, министерства народнаго просвѣщенія приобрести, если пожелаютъ, означенную книгу прямо отъ вдовы Погосскаго, по взаимному съ нею соглашенію.

Адресъ редакціи журнала «Досугъ и Дѣло», гдѣ помѣщается и вдова Погосская, слѣдующій: С.-Петербургъ, Большая Московская улица, домъ Владимірской церкви.

КАЗАНСКІЯ ГИМНАЗИИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ¹⁾.

VI.

Празднество 21-го апрѣля 1773 года замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно было послѣднимъ. Надолго послѣ него, прекратились въ Казани всякія торжества и театральныя зрѣлища²⁾. Въ сопредѣльномъ съ Казанскою губерніей Оренбургскомъ краѣ было очень неспокойно; явленіе самозванца между Яицкими казаками паводило уныніе и страхъ на всѣхъ. Съ этого времени въ дѣлахъ гимназическихъ чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться бумаги, касающіеся не столько устройства учебной части или внѣшняго благосостоянія гимназій, сколько мѣръ предосторожности на случай внезапныхъ тревогъ. Очевидно, что хотя гроза проходила еще далеко, однако горизонтъ уже помрачался сильно и здѣсь: паника увеличивалась.

Впрочемъ, нечего и удивляться распространявшемуся здѣсь унынію. Пугачъ, проявившійся на Яикѣ подъ именемъ „государя Петра Федоровича“, за три мѣсяца до настоящихъ происшествій находился въ Казани, какъ арестантъ, но пользовался значительною свободою и ходилъ по городу; въ острогѣ его посѣщали многіе доброжелатели, и при ихъ помощи, среди бѣлаго дня, онъ ускокалъ въ повозкѣ изъ города. Теперь очевидными становились для всѣхъ, съ одной стороны крайняя оплошность пачальства въ отношеніи къ важному арестанту, а съ другой — то, что этотъ арестантъ имѣлъ въ городѣ и въ губерніи надежныхъ единомышленниковъ и пособниковъ.

Неумѣстно излагать здѣсь исторію Пугачевского бунта, но при всемъ томъ нельзя не войти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ

¹⁾ Окончаніе. См. майскую и июльскую книжки *Журнала Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ Рыбушкинъ, *Ист. Казани*, I, 123, — утверждаетъ, что никакихъ театральныхъ представленій не было до 1791 года.

событія, имѣвшемъ важныя послѣдствія для Казани и Казанскихъ гимназій.

Извѣстно, что Пугачевъ, въ концѣ 1772 года, былъ арестованъ въ селѣ Мамыковѣ (нынѣ гор. Вольскъ Саратовской губерніи), какъ подговорщикъ волновавшихся Яицкихъ казаковъ къ выселенію, по примѣру Некрасовцевъ, въ турецкія владѣнія, на рѣку Лабу. Пересылаемый для допросовъ и передопросовъ по инстанціямъ, Пугачевъ изъ Симбирской посподской канцеляріи былъ отправленъ въ Казань, куда и приведенъ 4-го января 1773 года. Казанскій губернаторъ фонъ-Брантъ, „сей любви достойный паукъ любитель“ какъ называлъ его Мелиссино, — „только поглядѣлъ на приведеннаго арестанта“. Черезъ нѣсколько дней губернаторскій секретарь Адріанъ Абрамовъ потребовалъ Пугачева въ канцелярію и прочиталъ ему допросъ, снятый съ него въ Мамыковѣ; а когда Пугачевъ отрекся отъ изведенныхъ на него показаній, то „секретарь, не дѣлавъ никакого письменнаго допроса, только плюнулъ и приказалъ съ рукъ сбить желѣза“. Вообще на этого арестанта не было обращено большаго вниманія: въ ту пору не считались рѣдкостью разглагольствія разныхъ тодковъ о дѣлахъ Яицкихъ казаковъ, и фонъ-Брантъ, донося сенату 21-го марта, признавалъ Пугачева просто „вралемъ“. Тѣмъ не менѣе 6-го мая послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы Пугачева, показавъ, за его пріаки и за утайку своего званія, плетью, сослать въ городъ Ицелымъ, и тамъ, употребляя его въ работу, въ какую годенъ будетъ, производить кормовыхъ по три копейки на день, но смотрѣть за нимъ на-крѣпко, чтобы не сдѣлалъ оттуда побѣгу.

Эта резолюція получена была въ Казани 1-го іюня, а за три дня до того, 28-го мая, Пугачевъ бѣжалъ...

Принятъ былъ Пугачевъ какъ колодникъ секретный, и первоначально содержался при губернской канцеляріи; но послѣ, въ ожиданіи отбыта изъ Петербурга, перемѣщенъ въ общій острогъ, гдѣ содержался вмѣстѣ съ другими арестантами, безъ особенныхъ предосторожностей. Его не только посылали на разные казенныя работы парави съ простыми колодниками, но выпускали также ходить по городу для сбора милостыни и къ разнымъ благотѣльцамъ. Благотѣлей же онъ пріобрѣлъ себѣ довольно, потому что, какъ самъ говоритъ въ послѣдствіи, „велъ порядочную жизнь, вина тогда не пилъ и временемъ молился Богу, почему прочіе колодники, также и солдаты, почитали его добрымъ человѣкомъ“. Отъ этого и подаваніи ему дѣлались значительнѣе: нѣкоторые вдругъ по рублю и больше, спраши-

вали при подачѣ именно: кто, де, здѣсь Емельянъ Пугачевъ?—вотъ, де, ему рубль. Такимъ образомъ у него постоянно водились и порядочныя деньги. Особеннымъ благотворителемъ для него былъ зажиточный Казанскій купецъ Василій Григорьевъ Щелоковъ, ревностный раскольникъ и пріятель Иргизскаго игумена Филарета, у котораго Пугачевъ имѣлъ пріютъ, по выходѣ изъ знаменитой Вѣтки. Щелоковъ не только присылалъ ему неоднократно милостыню, но хлопоталъ за него у губернатора и давалъ взятки секретарю. Чрезъ Щелокова же онъ подблизился въ милость къ другому важному раскольнику, Московскому купцу Ивану Иванову Хлѣбникову, который также обѣщалъ ходатайствовать объ его освобожденіи. Секретарь губернаторской канцеляріи даже положительно обнадеживалъ въ этомъ Пугачева: „Будетъ, мой другъ время“—говорилъ онъ ему. Законнаго освобожденія не послѣдовало; но льготы и послабленія въ содержаніи открыли Пугачеву возможность побѣга.

Въ числѣ арестантовъ былъ купецъ изъ пригорода Алата Пароенъ Дружининъ, содержавшійся по какимъ-то казеннымъ взысканіямъ, но ожидавшій себѣ наказанія кнутомъ и ссылкой, отчего и поговаривалъ: „Иѣжалъ бы куда ни есть, только не знаю, гдѣ скрыться будетъ“. Съ нимъ особенно сдружился Пугачевъ и поддерживалъ въ немъ мысль о побѣгѣ, утѣшая: „Если бы, де, можно было отсюда уйдти, такъ бы и тебя вывелъ на Донъ, а тамъ бы вѣрно нашли мѣсто, гдѣ прожить“. Дѣло было полагено тѣмъ скорѣе, что содѣйствовать побѣгу согласился еще одинъ изъ солдатъ, въ которомъ Пугачевъ замѣтилъ „малороссійскую наклонность къ неудовольствію въ его жизни“. Дружининъ поручилъ своему сыну приготовить лошадь и кибитку и въ назначенное время поджидать ихъ. Утромъ 28-го мая, Дружининъ съ Пугачевымъ отпросились у караульнаго офицера къ одному знакомому попу для полученія милостыни. Провожатыми ихъ были два солдата, изъ которыхъ одинъ, какъ сказано, самъ участвовалъ въ замыслѣ. Попа, однако, они не застали дома и потому возвратились въ острогъ, а потомъ, часа черезъ два, „въ обѣдъ“, опять отправились къ нему. На этотъ разъ попъ оказался дома, радушно принялъ колодниковъ и ихъ конвойныхъ и на данныя Дружининымъ деньги купилъ вина и меду. Заговорщики пили умѣренно, „а болѣе старались подпоить не согласнаго къ побѣгу солдата“, и внонѣ достигли своей цѣли. Тогда они распрощались съ попомъ, сказавъ, что идутъ въ острогъ; попъ проводилъ ихъ за ворота и хлопнулъ за ними калиткой. Какъ же скоро вышли, то сынъ Дружинина на одной лошади,

запряженной въ кибитку, ѣдетъ на встрѣчу, къ которому Дружининъ, хотя и зналъ, что сынъ его ѣдетъ. но чтобъ отвести нѣ смотрящихъ подозрѣніе, закричалъ: „Импчикъ, чѣмъ возьмешь довезти до острогу?“ А сынъ сказалъ: „Много ли васъ?“ А какъ ему сказано, что четверо, то запросилъ 5 копѣекъ, за которую плату всѣ четверо, а сынъ Дружинина пятый, и сѣли, и покрылъ тотъ мнимый для другихъ извозчикъ привязанною къ кибиткѣ рогожкой, и такъ поѣхали, говоря несогласному солдату къ побѣгу, что ѣдутъ въ острогъ. А какъ закрытые всѣ рогожкою ѣдутъ долго, то солдаты спрашивалъ: „Что, де такъ долго ѣдетъ?“ На то ему Пугачевъ отвѣчалъ: „Видно, де, не въ ту дорогу поѣхали“. Когда же выѣхали на Арское поле, то рогожку открыли, и солдаты удивились, что за чудо, и спрашивалъ, зачѣмъ выѣхали изъ Казани. „Оставайся, де, съ благополучіемъ!“ А сами въ путь поѣхали; онаго солдата отнюдь не были...

Такія подробности о побѣгѣ сообщалъ самъ Пугачевъ, когда его допрашивали 16-го сентября 1774 года въ отдѣльной секретной коммисіи въ Яицкомъ городѣ ¹⁾.

Но и самый побѣгъ Пугачева, какъ кажется, не возбуждалъ на первыхъ порахъ въ Казани особенныхъ опасеній. Донесеніе о побѣгѣ его, написанное только 21-го іюня, пролежало не отправленнымъ еще семь дней; а между тѣмъ эти четыре недѣли надѣлали много разницы въ успѣхахъ Пугачева. Кромѣ того, есть поводъ думать, что первоначальныя распоряженія о поимкѣ бѣжавшихъ арестантовъ были разсланы въ такія мѣста, гдѣ Пугачеву не зачѣмъ было и скрываться... Все это раскрылось уже впоследствии, но и то не разъяснило дѣла вполне за смертію Бранта; а секретарь Абрамовъ оправдался тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ какъ подчиненный...

И вотъ этотъ-то бѣжавшій арестантъ-бродяга, черезъ три мѣсяца послѣ побѣга изъ Казани, поднимаетъ все Яицкое казачье войско, забираетъ крѣпости и станицы, осадилъ самый Оренбургъ. Забунтовали Башкиры и начали грабить и раззорять русскія селенія; другіе инородцы этого края, Чуваши, Мордва, Черемисы, также волновались и приставали къ бунтовщикамъ. Киргизскій ханъ Нурали вошелъ въ сношенія съ самозванцемъ и готовится къ набѣгамъ. Крестьяне господскіе и горнозаводскіе явпо выказывали свою приверженность къ Пугачеву, провозглашавшему полную свободу. Въ короткое время мя-

¹⁾ Ут. Моск. Общ. Ист. 1858, ч. II, стр. 8—10, 42; 1859, ч. III, стр. 104.—*Москвитинъ*, 1845, № 9, стр. 26—31.

тежное броженіе умовъ охватило весь край отъ Яика до Волги, Камы, Вятки и Тобола, край, занимаемый нынѣшними губерніями Оренбургскою, Самарскою, Уфимскою, Казанскою, Вятскою, Пермскою, Тобольскою. Вездѣ образовались пайки, предводители которыхъ, титулуя себя атаманами, есаулами и полковниками „государя-батюшки Петра Федоровича“, распространяли Пугачевскіе манифесты, захватывали казенное имущество, грабили и убивали всѣхъ оставшихся вѣрными законному правительству. При напряженномъ состояніи силъ государства, какъ по случаю военныхъ дѣйствій въ Турціи и Польшѣ, такъ и по причинѣ недавно свирѣпствовавшей чумы и вызванныхъ его мѣръ,—нельзя было ручаться за сохраненіе спокойствія и во внутреннихъ губерніяхъ.

При всей своей рѣшительности и находчивости, императрица Екатерина не безъ тревожнаго чувства взглянула на возникшее бѣдствіе: но странному стеченію обстоятельствъ, появленіе самозванца совпало съ наступленіемъ совершеннолѣтія государя послѣдника Павла Петровича ¹⁾. Наскоро собрано нѣсколько ротъ и эскадронъ изъ Петербурга, Новгорода и Москвы и отправлены въ Казань. Начальство надъ этими войсками, высочайшимъ указомъ 14-го октября 1773 года, поручено генералъ-маіору Кару, пріобрѣтшему большую извѣстность своими воинскими способностями во время дѣйствій въ Польшѣ. Губернаторамъ Оренбургскому Рейнсдорну и Казанскому Бранту повелѣно оказывать всякое вспоможеніе Кару, которому вообще предоставлено было право распоряжаться вездѣ именемъ государыни. Выѣстъ съ этимъ обнародованъ повсемѣстно манифестъ о появленіи самозванца и о принятыхъ противъ мятежа мѣрахъ. Независимо отъ того, государыня особымъ рескриптомъ Казанскому архіепископу Веніамину повелѣла, чтобъ онъ составилъ для священниковъ подвѣдо-мой ему епархіи ²⁾ наставленія, кои бы они своимъ прихожанамъ во

¹⁾ Вѣсть о самозванствѣ Пугачева, какъ сообщаетъ *Державинъ* (Записки, стр. 49), разнеслась въ Петербургъ въ день свадьбы Павла Петровича, 29-го сентября 1773 года.

²⁾ Къ Казанской епархіи тогда принадлежала значительная часть Оренбургскаго края; остальная же часть его относилась къ епархіи Тобольской, почему Веніаминъ о новѣ государыни сообщилъ Тобольскому епископу Варлааму, и тотъ также разошлѣлъ по своей епархіи наставленія духовенству. *Чтенія Московскаго Общества Исторіи* 1859 г., I, стр. 51, 52. Епископъ Вятскій Варволомей также издалъ «Краткое увѣщаніе къ народу своей епархіи». См. *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1848, № 7, а также нов. описаніе рукописей Казанскаго университета, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 8, отд. III, стр. 44.

увѣщаніе читать и тѣмъ удерживать ихъ могли отъ присоединенія къ самозванцу. Увѣщанія Веніамина могли имѣть особенную важность, потому что онъ, до перемѣщенія въ Казань, занималъ архіепископскую кафедру въ Петербургѣ и въ 1762 году былъ очевидцемъ событій, сопровождавшихъ воцареніе Екатерины. И дѣйствительно, Веніаминъ, въ одномъ изъ своихъ увѣщаній, свидѣтельствуясь Богомъ, объявлялъ, что бывшій императоръ всероссійскій Петръ III скончался въ 1762 году; что тѣло его, привезенное на утренней зарѣ въ Александровскій монастырь, было поставлено въ залѣ тѣхъ деревянныхъ покоевъ, въ которыхъ самъ Веніаминъ имѣлъ тогда жительство; что нѣсколько дней, по обычаю древнему, приходили туда для отдаванія ему послѣдняго христіанскаго долга вельможи, всякаго званія люди и простой народъ, и что въ присутствіи ихъ перенесено оно потомъ съ подобающею церемоніей въ церковь, гдѣ по отпѣтіи запечатлѣно земною перстью имъ самимъ ¹⁾.

Что касается дѣйствій Казанскаго губернатора, то онъ еще до назначенія Кара успѣлъ собрать нѣсколько сотенъ гарнизонныхъ солдатъ, а также оставшихся, поселенныхъ по Закамской чертѣ, и расположить ихъ преимущественно по рѣкѣ Черемшану (въ нынѣшнемъ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) и у Кичуйской крѣпости ²⁾; на Волгу также высланъ былъ небольшой отрядъ для пре-

¹⁾ *Веніаминъ-Каменискій*, Словарь достопамят. людей, I, 264. *Энциклоп. Лексиконъ*, IX, 418.

²⁾ Нынѣ село въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, № 434 Списка населенныхъ мѣстъ Самарской губ. Устройство Закамской черты для сторожевой линіи начато было въ XVII столѣтіи, когда значительно усилились набѣги кочевниковъ изъ Киргизскихъ степей. Этихъ линій было двѣ: первая, называвшаяся «Старою», начиналась отъ р. Волги у села Вѣлый Яръ (№ 2186, Ставропольскаго уѣзда Самарск. губ.) и тянулась на востокъ по направленію рѣчки Черемшана до устья р. Ики. Но когда эта линія оказалась ненадежною оплотненіемъ для Казанской области, то въ 1732 году провели «новую» черту гораздо южнѣе первой, между р. Самарой и тѣмъ же Икомъ. На этихъ «чертахъ» поселены были стрѣльцы, бѣлопашенные казаки, ландмилиціонеры, драгуны и гвардейскіе солдаты. Такая колонизація прекратилась только въ 1764 году. Поселенцы, подъ именемъ «пахатныхъ солдатъ», составляли особое сословіе, освобожденное отъ рекрутства, но обязанные выстѣять по востребованію въ военную службу всѣхъ годныхъ молодыхъ людей. Это и послужило поводомъ къ названію ихъ «милочѣйными». При учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, они обращены въ государственныхъ крестьянъ, что не обошлось безъ замѣшательства. См. Списки населенныхъ мѣстъ Казанской губ., стр. XI, VII и слѣд., Самарской губ., стр. XXI. — Описаніе Закамскихъ линій, составленное *Иоанномъ*, помѣщено въ *Вѣстникъ Ист. Геогр. Общ.* 1851, ч. I, отд. VI, стр. 57—72.

слѣдованія разныхъ шаекъ, постоянно издревле появившихся на этой рѣкѣ. При всемъ томъ фонъ-Брантъ находилъ эти силы крайне недостаточными и просилъ Московскаго главнокомандующаго князя Волконскаго ¹⁾ о присылкѣ войска, но и тотъ могъ отрядить не болѣе трехсотъ человекъ съ одною пушкою, и отправилъ ихъ въ Казань на подводахъ.

Не знаемъ, дождался ли фонъ-Брантъ прибытія этого отряда, только онъ, когда успѣхи Пугачевщины разгорѣлись, „возникъ изъ

¹⁾ Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, сынъ князя Никиты Федоровича, бывшаго при императрицѣ Аннѣ шутомъ и оберогателемъ ея гончей собаки (*Mannstein, Nachrichten von Russland, Leipzig, 1771, в. 340; въ русскомъ переводѣ ч. I, 61*) и Аграфены Петровны, урожденной Бестужевой-Рюминой, сосланной при императорѣ Петрѣ II, род. 9-го октября 1713 года, ум. 8-го декабря 1788 года. Онъ ждалъ еще себя біографа: доселѣ напечатанныя его біографіи (*Диктшица-Каменская, Словарь, I, 327; Изыковъ, Энциклоп. Лексиконъ, X, 356; Бартексова, Русскій Архивъ 1865, стр. 1039*), весьма недостаточны. Его дѣятельность на поприщахъ военномъ, дипломатическомъ и административномъ была обширна и разнообразна. Въ родовомъ вѣтви князей Голицыныхъ-Прозоровскихъ, въ селѣ Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи (№ 629 Списка писемъ. Имятъ Саратовской губ.), мы имѣли случай въ 1854—1855 гг. видѣть весьма значительную коллекцію писемъ и рескриптовъ къ князю М. Н. Волконскому отъ Елизаветы I, Петра III, Екатерины II и Павла (бывшаго еще наследникомъ); кромѣ того, и дневники Волконскаго. О богатствѣ содержимыя этихъ бумагъ, особенно эпохи Екатерининской, и говорить нечего. Нѣкоторыя извлеченія изъ этой коллекціи сообщены были въ *Москвитинѣ* 1845 г., № 9, стр. 26 — 58; въ *Уринелѣ* 1843 г., №№ 12 — 20; въ *Русскомъ Архивѣ* 1845 г., стр. 1042 — 1080; въ *Осмнадцатомъ вѣкѣ* I, стр. 52 — 161. Тѣ же документы послужили матеріаломъ для статьи *Дубровина* «Никануръ первый раздѣла Польши» (*Вѣсти. Евронъ* 1870, июль, 191 — 251; Сряв. 1868. ноябрь, 83, декабрь, 543). Но мы прибавимъ къ этому, что въ Зубриловкѣ, кромѣ того, находятся и бумаги графа А. П. Бестужева-Рюмина (приходившагося дядею Волконскому), А. В. Макарова, известнаго кабинетъ-секретаря, на дочери котораго (Елизаветѣ Александровнѣ), былъ женатъ князь Волконскій; затѣмъ вообще фамиліальныя бумаги князей Голицыныхъ, особенно князя Сергія Федоровича. Коллекція фамиліальныхъ портретовъ, вооруженій, утвари, жилищныхъ вещей, также значительныя и любопытныя. «Все это заслуживало бы хорошаго добросовѣстнаго описанія. Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (*Русскій Инстникъ* 1864, № 2) сообщаетъ довольно извѣстій о Зубриловкѣ и ея владѣльцахъ; есть упоминаніе у *М. К. Грога* въ примѣчаніяхъ къ «Сочиненіямъ Державина» (изд. 2-е, т. I, стр. 159). Извѣстное стихотвореніе Державина «Осень по времени осады Очюкона» называется также и «Осень въ селѣ Зубриловкѣ» и написано было для княгини Варв. Васил. Голицыной (урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина), супруги князя Сергія Федоровича, находившагося тогда въ арміи Потемкина.

Казани отсутствіе", уѣхалъ въ г. Козмодемьянскъ и передалъ управление губерніей Казанскому коменданту генераль-поручику Петру Петровичу Баннеру.

Мѣры, принятыя Банперомъ „для предохраненія города и еъ наблюденію внутренней тишины и спокойствія“, дѣлаются намъ извѣстными изъ дѣлъ гимназическихъ. Въ журналѣ 18-го октября 1773 года записано, что Баннеръ, между прочимъ, положилъ: „находящихся въ Казани конныхъ служивыхъ Татаръ распределить по частямъ—для дневныхъ и ночныхъ разъѣздовъ, — а у состоящихъ при вѣздахъ въ улицы рогатокъ учредить изъ нихъ же (то-есть, Татаръ) пикеты, подъ командой оберъ-офицеровъ, и тихо и порядочно ѣхавъ, накрѣпко смотрѣть, чтобы когда по улицамъ, а особенно въ ночное время, никакого шумства и собранія подлыхъ людей и отъ нихъ пѣсенъ и другихъ непристойностей чинимо не было, — а ослушниковъ приводить въ полицію“. Вообще Казань поставлена была въ такъ называемое „военное положеніе“: позже седьмого часа пополудни позволено было ходить по улицамъ города только по особымъ билетамъ. Предписано было также имѣть осторожность отъ огня, а паиначе того накрѣпко наблюдать, дабы не могло послѣдовать отъ какихъ-либо злодѣевъ зажигательнаго пожара. Вслѣдствіе всего этого Казанецъ съ особенною строгостью требовалъ наблюденія за тѣмъ, чтобы ученики гимназій вели себя скромно.

Между тѣмъ генералъ Каръ, ѣхавшій противъ мятежниковъ съ увѣренностію на успѣхи Цезаревскіе, опасавшійся „только того, чтобы сія разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допусая до себя оныхъ“,—при самой первой встрѣчѣ съ бунтовщиками (8-го ноября), при деревнѣ Юзеевой ¹⁾, потерпѣлъ значительную неудачу и смутился до крайности. Военной коллегіи онъ представлялъ уже, что для пораженія Пугачева нужны цѣлыя полки съ надежною конницею и сильною артиллеріей. Не прошло недѣли, какъ случилось новое несчастіе: довольно сильный отрядъ, веденный въ Оренбургъ Симбирскимъ комендантомъ полковникомъ Чернышвымъ, въ виду Оренбурга былъ почти весь захваченъ Пугачевымъ. При извѣстии объ этомъ, Каръ окончательно растерялся: онъ собирался ѣхать въ Петербургъ для переговоровъ съ графомъ З. Г. Чернышевымъ о средствахъ къ устраненію встрѣченныхъ имъ затрудне-

¹⁾ Въ 100 верстахъ отъ Оренбурга—№ 45 Списка насел. мѣстъ Оренбург. губерніи.

ній въ недостаткѣ войскъ и снарядовъ. Графъ Чернышевъ положительнымъ образомъ запрещалъ такую поѣздку. Не смотря на то, Каръ, подъ предлогомъ „во всѣхъ костяхъ нестерпимаго ложа“, сдѣлать командованіе войсками генералу Фрейману и поспѣшно усакавалъ въ Казань, а оттуда въ Москву. „По такой слабости духа въ персонѣ званія его, принѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть. долженствующей“, государыня повелѣла исключить его изъ воинскаго стага и списковъ. Къ князю Волконскому она писала 7-го декабря: „Пошлите ему (Кару) сказать отъ меня, чтобы онъ не дорвался киваться мнѣ на глаза, ниже ѣхать сюда“, и проч. Волконскій доносилъ, что въ Москвѣ сильно раздражены поступкомъ Кара, всѣ говорятъ: „Какой это генералъ, что не могъ съ такими бездѣльниками справиться и самъ суды ушелъ! Его бы надо повѣсить“ и проч. ¹⁾.

Всѣ эти событія сдѣлались извѣстны въ Казани немедленно и послужили поводомъ въ всеобщимъ толкамъ. Они, какъ видно, занимали умы даже гимназистовъ. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ гимназическій журналъ 20-го ноября, который мы приводимъ вполнѣ: „Понеже сегоднѣшняго числа услышано, что ученики гимназическіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, по пустому мною болтаютъ и такіа рѣчи, которыя подлый народъ на площади говорилъ, другъ другу въ классахъ пересказываютъ, — то симъ опредѣляется: всѣмъ гимназическимъ чинамъ симъ наискрѣчайше приказать, чтобы воздерживались отъ всякихъ пустыхъ слышанныхъ рѣчей, а ожидали бы единственно отъ своей команды приказанія, которое—если какіи обстоятельства потребуютъ, имъ порядочнымъ образомъ отдано быть имѣеть. А если кто изъ учениковъ послѣ сего еще пустымъ слышанныя рѣчи пересказывать будетъ, тотъ, какъ нарушитель покоя, жестоко штрафованъ и куда надлежитъ отосланъ быть имѣеть. Порядочнымъ же ученикамъ и прочимъ чинамъ принадлежитъ то, что они, противъ сего приказанія, отъ кого-либо изъ здѣшнихъ учениковъ услышать, — тотчасъ бы, въ командѣ о семъ объявляли“.

¹⁾ *Осмнадцатый томъ*, I, стр. 101.—Записки о жизни А. И. Вибинова, стр. 123.—*Путешествіе*, VI, стр. 37—42. Л. К. Громова, Матеріалы для исторіи Пугачевск. бунта, стр. 21—38. Впрочемъ, обвинять Кара въ трусости нельзя безусловно: недостатокъ войскъ и снарядовъ былъ крайне великъ, какъ это обнаружилось поздне при назначеніи главнокомандующимъ А. И. Вибинова. Князь М. Н. Волконскій тогда же (23-го ноября) совѣтовалъ усилить число войскъ.

Но какія мѣры ни принимали въ Казани, чтобы „подіи народъ пустыхъ рѣчей на площадяхъ не говорилъ“,—совершавшіяся событія произвели впечатлѣніе самое ужасающее. Большая часть дворянъ и купцовъ немедленно стали уѣзжать изъ Казани въ другія губерніи; множество такихъ эмигрантовъ собралось въ Москву и своими рѣзкими наветами трепали на древнюю столицу. Вунтъ, произошедшій во время чумы, еще былъ въ свѣжей памяти у Москвитинъ и заставлялъ ихъ опасаться повторенія подобнаго бѣдствія, тѣмъ скорѣе, что между чернью обнаруживалось сочувствіе къ усѣхамъ Пугачева. Явились и злоумышленные подстрекатели.

Тогда назначенъ былъ начальникомъ военныхъ дѣйствій противъ бунтовщиковъ генералъ-аншефъ А. И. Бибииковъ, незадолго до того главнокомандовавшій всѣми русскими полками въ Польшѣ. Бибиикову былъ извѣстенъ уже этой край: еще за десять лѣтъ раньше онъ усмирилъ волненіе крестьянъ на Уральскихъ заводахъ, извѣстное подъ названіемъ Дубинщины, и своими безпристрастіемъ и умѣньемъ различать истинно виновныхъ отъ замѣшанныхъ въ дѣло,—снискалъ общее довѣріе. Кроме того, Бибииковъ состоялъ въ свѣтѣ императрицы, когда она совершала путешествіе по Волгѣ. Поэтому назначеніе его истинно было исходомъ съ большими надеждами на успѣшный ходъ дѣла ¹⁾.

Въ Казань пріѣхалъ Бибииковъ 25-го декабря 1773 года. Унив-

¹⁾ Какъ смотрѣла императрица на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Оренбургско-Казанскомъ краѣ, всего лучше выразила она сама въ письмѣ къ Новгородскому губернатору Я. Е. Сиверсу, *изъ декабря 1773 года*: «Два года тому назадъ у меня въ сердцѣ Имперіи была чума; теперь у меня на границахъ Казанскаго царства политическая чума, съ которою намъ справиться нелегко. Любезный и достойный вашъ собратъ Рейнсдорпъ, вотъ уже цѣлыхъ два мѣсяца, осажденъ толпою разбойниковъ, производящихъ страшныя жестокости и опустошенія. Генералъ Бибииковъ отправляется туда съ войсками, прошедшими черезъ вашу губернію, чтобы поборотъ этотъ ужасъ XVIII столѣтія, который не принесетъ Россіи ни славы, ни чести, ни прибыли; но наконецъ съ Божіею помощію надѣюсь, что мы возьмемъ верхъ, ибо на сторонѣ этихъ каналій нѣтъ ни порядка, ни искусства; это сборище голытьбы, изнущенной по глади обманщика столь же безстыднаго, лживаго и извѣстнаго. По всей вѣроятности, это кончится повстаніями. Какая перспектива, г. губернаторъ, для меня, не любящей повстаній! Европа въ своемъ низіи отождествляетъ насъ со временами царя Ивана Васильевича! Вотъ та часть, которой мы должны ожидать для имперіи отъ этой жалкой испанки. Я нехотѣю не дѣлать болѣе тайны изъ этой исторіи, ибо полезно, чтобы должностныя лица высказали о ней свое мнѣніе тѣмъ тономъ, которымъ слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣлѣ....» См. *Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 1431 и 1432.

шій и опустѣвшій городъ, оставленный губернаторомъ и другими начальствующими лицами, сталъ оживляться: начали съѣзжаться дворяне, воротился и губернаторъ. Бибииковъ въ письмѣ къ своей женѣ выразился о немъ такъ: „Бѣдный старикъ губернаторъ, Брантъ, такъ замученъ, что насиду уже таскается“¹⁾. Вообще изъ донесеній Бибиикова и частныхъ его писемъ видно, что Казань и весь здѣшній край находились въ положеніи весьма дурномъ. По увѣренію Державина, уже въ 60 верстахъ отъ Казани разбѣжали толпы вооруженныхъ Татаръ и всякой злодѣйской сволочи²⁾. Бибиикова въ особенности тревожило общее настроеніе умовъ и обширность пространства, охваченнаго мятежомъ. „Слѣпота, невѣжество въ здѣшнемъ краю по большей части жителей превосходитъ, кажется, всякое понятіе; сіе примѣчаю не только въ самой черни, но и въ здѣшнихъ краяхъ живущихъ отставныхъ офицерахъ“, доносилъ Бибииковъ вскорѣ по прибытіи въ Казань. „Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было“, писалъ онъ къ графу З. Г. Чернышеву, — „но народное колебаніе, духъ бунта и смутеніе: тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлаться“.... Спусти мѣсяцъ по прибытіи въ Казань, въ письмѣ къ Д. И. фонъ-Визину опять повторилъ то же самое: „Отвѣчаю за себя, что употребляю всѣ способы, и забочусь ежедневно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаяваюсь; да успокоить почти всеобщаго черни волненія предстоятъ трудности. Богъ же жъ всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать чтò могу. Неужели та проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ — чучело, которою воры Ницкіе казаки играютъ... J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то бѣда, какъ нарочно, все противу насъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Но все однако же одолѣвать будемъ“.

Дѣйствительно, Бибииковъ своею энергіей, въ короткое время, одо-

¹⁾ Пушкина, Сочиненія, VI, 53.

²⁾ Державина, Записки, стр. 55.

лѣлъ многое, не смотря на всѣ затрудненія: важнѣе же всего было то, что онъ своимъ присутствіемъ поднималъ упавшихъ духомъ. Казанское дворянство, въ торжественномъ собраніи своемъ, 1-го января 1774 года опредѣлило, по бѣдственнымъ обстоятельствамъ, заразившимъ бунтомъ и измѣною нѣкоторыя селенія, прилежанція къ Оренбургской границѣ, къ скорѣйшему искорененію сего зла и къ возстановленію всеобщаго покоя и собственной своей безопасности, на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, собрать конный корпусъ поискъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку вооружить и снабдить всѣмъ потребнымъ къ службѣ, а затѣмъ всѣмъ и каждому особливо приуготовить себя на всякій потребный случай къ защищенію отечества, не щадя жизни. Шефомъ этого корпуса избрали они генералъ-маіора Ларіонова, родственника Бибикова, назначали также эскадронныхъ и ротныхъ начальниковъ, а Бибикова просили комплектовать этотъ корпусъ унтеръ-офицерами и капралами и принять его въ составъ командуемыхъ имъ войскъ. Государыня, получивъ донесеніе объ этомъ, указомъ 16-го января, повелѣла Бибикову объявить Казанскому дворянству монаршее благоволеніе за такой патріотическій поступокъ, а корпусъ приять въ свою команду и употреблять оный, гдѣ и какимъ образомъ на мѣстѣ за лучшее усмотрится. Но для дворянства драгоцѣннѣе всего было слѣдующее собственноручное письмо государыни къ Бибикову, отъ 20-го января:

„Александръ Ильичъ!

„Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла я, яко помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей, съ каждаго двухъ сотъ душъ, всѣмъ отдать по одному рекруту, и обмундировавъ и снабдя лошадей, велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе уведомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли; широчемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

ЕКАТЕРИНА.

Торжественно объявлено было дворянству монаршее благоволеніе; съ благоговѣніемъ и неменьшею торжественностію принято оно дворянствомъ. Предводитель дворянства ¹⁾ и шефъ новосформированнаго

¹⁾ Въ постановленіи дворянства о сформированіи корпуса (*Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1860, II, 62—65; 1864, III, 105—107) предводителемъ дворянства названъ «статскій совѣтникъ *Кудрявцевъ*»; въ Запискахъ Державина онъ названъ

корпуса произнесли благодарственные рѣчи въ присутствіи Бибикова, предъ портретомъ императрицы; такія же рѣчи обращены были и къ Бибикову, съ просьбою „подать дворянству случай пролить кровь свою за благополучіе отечества и монархини“. Эти рѣчи были сообщены императрицѣ, и она отозвалась о нихъ, что онѣ „прямо благородными мыслями наполнены“¹⁾.

Государыня справедливо суждала, что поступокъ Казанскаго дворянства послужитъ хорошимъ примѣромъ для другихъ провинцій, и что вслѣдствіе того диспозиція простаго народа скорѣе переменится. Дѣйствительно, по примѣру Казанцевъ, дворяне Свияжскіе, Симбирскіе и Пензенскіе также изъявили готовность образовать ополченіе; Казанское купечество и мѣщанство, съ своей стороны, сдѣлали пожертвованія на образованіе и содержаніе особаго гусарскаго эскадрона. Въ эту пору всеобщаго одушевленія Казанцевъ и гимназій выразили свое сочувствіе тѣмъ, что въ нихъ усилено было обученіе фехтованію: вполнѣдствіи эти уроки очень пригодились. Все это утѣшало государыню, и она, „соотвѣтствуя усердію дворянства, приказала выбрать Казанскихъ помѣщиковъ изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи охочихъ людей, и пожаловавъ ихъ въ оберъ-офицеры, обмундировавъ и снабдя всѣмъ, фельдмаршалу князю Голицыну приказала ихъ отправить въ Казань наискорѣе“. Выѣстъ съ этимъ она поручила Бибикову „Казанскаго магистрата усерднѣйшимъ членомъ отъ имени ея дать шпаги“²⁾. О всѣхъ этихъ доказательствахъ вѣрноподданничества объявлено по всей имперіи особымъ манифестомъ, 22-го февраля 1774 года, который повелѣно прочесть во всѣхъ церквяхъ, да и положить въ архивъ каждаго города по нѣскольку экземпляровъ оного, дабы

Уковыи (стр. 61); у Пушкина (Сочиненія, VI, 52) Макаровыми; въ Запискахъ о жизни Бибикова (Приложеніи стр. 56) говорится, что рѣчь произнеслъ «павицкій Лестужевъ».

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1860, стр. 395. Рѣчь дворянства къ императрицѣ сочинена была Державнымъ, въ эту пору состоявшимся при Бибиковѣ и уже успѣвшимъ совершить небольшую экспедицію въ Самару и въ крѣпость Алексѣевскую (Записки, 55 — 61). Рѣчь эта остается еще не напечатанною; но извѣстно въ печати письмо при адресѣ отъ лица дворянъ къ императрицѣ, сочиненіе котораго также приписываютъ Державину (*Знаменскій Муравъ* 1834, № 5; *Пушкина*, Сочиненія, VI, 142—145). Ср. *Зап. Акад. Наукъ* 1862, ч. II, стр. 58. Но кто же сочинялъ рѣчи, помѣщенные въ *Чтенія въ Моск. Общ. Ист.* 1860, II, 64 и 65?

²⁾ *Русскій Архивъ*, 1866 г., стр. 390—397.

сіе публичное изъявленіе императорской милости могло навсегда останеться полнымъ монументомъ ¹⁾).

Бибиковъ остался въ Казани до начала марта 1774 г., а потомъ перенесъ свой штабъ въ Кичуевскую крѣпость. Казань была уснокоена, и разосланные Бибиковымъ отряды вездѣ дѣйствовали съ успѣхомъ, такъ что всѣ стали надѣяться на близкое окончаніе дѣла. Къ сожалѣнію, должно сказать, „дворянскій корпусъ“ не оправдалъ общихъ ожиданій. Генералъ Ларіоновъ, отраженный на освобожденіе Уфы, выйдя изъ Казани въ началѣ февраля, почти цѣлый мѣсяцъ простоялъ безъ всякихъ дѣйствій въ Бакалахъ ²⁾. „За грѣхи мои“, писалъ тогда Бибиковъ, — „навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливимъ detaшментомъ; а теперь съ мѣста сдвинуть не могу“. А въ другомъ письмѣ выражался такъ: „Дворянскаго шефа принужденъ перемѣнить со всѣми его куртками, а послать Михельзона; тотъ за болѣзнію отказался. Я уже и тому радъ. Улеталъ меня сей храбрый герой: не могъ съ мѣста цѣлой мѣсяцъ двинуться“ ³⁾).

Между тѣмъ въ это время, по повелѣнію императрицы, привезена была въ Казань съ Дону, изъ Зимовейской (нынѣ Потемкинской) станицы ⁴⁾, жена Пугачева, Софья Дмитришна, съ дѣтьми—сыномъ Трофимомъ и дочерьми Аграфеною и Христиною, а потомъ и родной братъ Пугачева, находившійся въ арміи. Бибиковъ по этому случаю писалъ къ начальнику секретной комиссіи, А. М. Лунину, въ Казань: „Привезенную къ вамъ прямую жену Пугачева извольте приказать содержать на пристойной квартирѣ подъ присмотромъ, однако безъ всякаго огорченія, и давайте ей пропитаніе порядочное, ибо такъ ко мнѣ указъ. А между тѣмъ не худо, чтобъ пускать ее ходить, и чтобъ она въ народѣ, а паче черни, могла разказывать, кто Пугачевъ, и что она его жена. Сіе однакожъ надлежитъ сдѣлать съ махерою, чтобъ не могло показаться съ нашей стороны ложнымъ увѣ-

¹⁾ *Ист. Моск. Общ. Ист.* 1860 г., II, 77—79. Въ Полномъ Собраніи Законовъ этотъ манифестъ не находится.

²⁾ Деревня въ Вугульминскомъ уѣздѣ на дорогѣ въ Белебей. Списокъ населенныхъ мѣстъ Самарской губерніи № 633.

³⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 384. *Пушкина*, Сочиненія, VI, 59. — Ларіоновъ, Александръ Леонтьевичъ, былъ „сводный“ братъ Бибикова, зять его мачихи.

⁴⁾ Во 2-мъ Донскомъ округѣ области Донскаго казачьяго войска. См. Списокъ населенныхъ мѣстъ области, № 722.

репiемъ; паче жъ, думаю, въ базарные дни, чтобъ она, ходя, будто сама собою, разказывала объ немъ, кому можно или кстати будетъ" ¹⁾.

Повторяемъ, всѣ распоряженія Бибикова исполнялись уснѣшно; его релііи были утѣшительны, и государыня, въ награду за такія дѣйствія, пожаловала его подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайлowskaго полка, сенаторомъ и кавалеромъ Андреевскаго ордена. Но всѣ эти почести не застали уже Бибикова въ живыхъ. Измученный громадними трудами, безпокойствами, досадою и не обратившій особеннаго вниманія на начавшуюся съ нимъ лихорадку, Бибиковъ въ непродолжительное время слегъ совершенно и умеръ въ Вугульмѣ 9-го апрѣля. Молва приписывала смерть его отравѣ, будто бы данной однимъ изъ плѣнныхъ конфедератовъ ²⁾. Въ подобныхъ случаяхъ молва всегда ищетъ причинъ событія особенныхъ; но нельзя не замѣтить, что подозрѣніе на Поляковъ имѣло основаніе: Бибиковъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ въ Польшѣ очень рѣшительно, и быть можетъ, не мало отправилъ оттуда конфедератовъ въ Оренбургскій край. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ конфедератовъ чрезвычайно дѣятельно интриговали въ Казани, а другіе пристали къ шайкамъ Пугачева и явились ловкими ихъ руководителями. Положительно также извѣстно, что король Шведскій Густавъ III былъ не прочь воспользоваться Пугачевщиною и считалъ большимъ снисхожденіемъ съ своей стороны, что тогда не напалъ на Россію ³⁾. Вольтеръ признавалъ Пугачева за орудіе турецкой политики. Участіе иностранной политической интриги въ бунтѣ Пугачевскомъ было признаваемо и русскими правительственными лицами. „Тогда хитрые Французы не упустили отправить въ Уральскъ своихъ секретныхъ посланцевъ, кои, можетъ-быть, имѣли величайшее вліяніе на тогдашнія кровопролитныя произшествія“,—сказано въ одной официальной бумагѣ Оренбургскаго губернатора, князя Г. И. Волконскаго, относящейся къ 1805 году ⁴⁾.

Можно сказать, до послѣдняго часа жизни Бибиковъ занимался дѣлами, хотя, сознавая опасность своего положенія, сдѣлалъ начальство старшему по себѣ генералу, князю Ѳ. Ѳ. Щербатову.

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 385.

²⁾ *Пушкина*, Сочиненія, VI, 75.

³⁾ *Храповицкаго*, Дневникъ, 1788 г., іюля 1-го и сентябрі 24-го. *Л. Ермлера*, Война Россіи съ Швеціей въ 1788 году, стр. 53, 60 и др.

⁴⁾ *Ученія Моск. Общ. Истор.* 1860, II, 89. Но Бибиковъ въ одномъ изъ доносеній государынѣ прямо говорилъ: «Подозрѣніе на чужестранныхъ совѣтъ неосновательно». *И. Грота*, Матеріалы, стр. 58.

Со смертію Бибикова дѣло усмиренія мятежа измѣнилось къ худшему. Державинъ, въ „Пригвѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ“, приписывалъ это несогласіямъ и пререканіямъ, возникшимъ между княземъ Щербатовымъ, Казанскимъ губернаторомъ фонъ-Брантомъ и освободителемъ Оренбурга княземъ Голицынымъ: они не пошли одинъ другому въ команду, дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣды ¹⁾. Какъ бы то ни было, но Пугачевъ, неоднократно разбитый въ теченіе марта мѣсяца, укрывшійся въ Уральскихъ заводахъ, теперь опять усилился и началъ быстро переходить изъ одного мѣста въ другое, подвигаясь болѣе и болѣе къ сѣверу, то-есть, къ предѣламъ Казанскимъ. Самыми дѣятельными и счастливыми преслѣдователями мятежниковъ были генералъ де-Калонгъ и полковникъ Михельсонъ; но и тѣ не могли дѣйствовать соединенными силами. Де-Калонгъ, имѣвшій главною цѣлію преградить стремленіе мятежниковъ въ Сибирь, остановился наконецъ въ Челябѣ (нынѣ гор. Челябинскъ) и отказался отъ содѣйствія Михельсону, какъ думаютъ, просто изъ зависти къ его успѣхамъ. Что касается всѣхъ другихъ начальниковъ отрядовъ, то они, по распоряженію князя Щербатова, держались преимущественно около Оренбурга и Илецкаго-городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ. Михельсонъ, дошедшій до того, что у него оставалось только по два патрона на человѣка, не получая ни откуда поддержки, вынужденъ былъ приостановиться и отправился въ Уфу ²⁾.

Такимъ образомъ, путь черезъ Каму и къ Казани остался открытымъ. Казанскій губернаторъ Брантъ обратился съ просьбой о помощи къ князю Щербатову, а между тѣмъ изъ находившагося въ Казани гарнизона отрядилъ часть солдатъ и вооруженныхъ крестьянъ съ маіоромъ Скрипицынымъ въ наиболѣе угрожаемый пригородъ Осу.

Пугачевъ, потерпѣвъ неудачу подъ Кунгуромъ и Красноуфимскомъ, бросился къ Осѣ. Скрипицынъ выступилъ противъ него, но потерявъ три пушки, воротился въ крѣпость. Мятежники, не могли взять ее приступомъ, вознамѣрились ее сжечь и обложили сѣномъ и соломой. Тогда Скрипицынъ рѣшился сдать. Одинъ изъ участниковъ взятія

¹⁾ Пушкина, Сочиненія, VI, 155.

²⁾ Извлеченія изъ донесеній Бибикова о ходѣ военныхъ дѣйствій, съ разрѣшенія государыни, печатались въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Съ смертію Бибикова, прекратились эти извѣстія, и вообще свѣдѣнія до окончательнаго усмиренія мятежа не общиродолжались.

Осы сообщаетъ такія подробности объ этомъ: „Изъ крѣпости перестали стрѣлять; всѣ жители собрались, тихо зазвонили въ колокола и отворили ворота; но еще прежде обезоруженные солдаты, распустивъ волосы по плечамъ, уныло шли къ намъ; тутъ же сняли съ нихъ мундиры, остригли и одѣли по казацки. Майоръ Скрипицынъ сдался плѣннымъ и слѣдовалъ вмѣстѣ съ (под)поручикомъ Минеевымъ, бывшимъ подъ его командою, за Пугачевымъ до пристани Рождественскаго завода господина Демидова: онъ припаялъ веселый видъ, разлѣзжалъ и совѣтовался съ Пугачевымъ“ ¹⁾.

Скрипицынъ поступалъ такъ съ особенною цѣлю: онъ, вмѣстѣ съ капитаномъ Смирновымъ и повѣренными князей Голицыныхъ, Ключниковымъ, отправилъ нисмо къ исправнику Воткинскаго завода, уговаривая его вооружиться противъ Пугачева, обѣщая, съ своей стороны, заклепать у мятежниковъ пушки. Такія же письма были приготовлены въ Купгуръ и Казань. Подпоручикъ Минеевъ открылъ это самозванцу: письма были перехвачены, сочинители ихъ повѣшены, а дописчикъ названъ полковникомъ.

Минеевъ, желая войти въ большую довѣренность у Пугачева, совѣтовалъ ему безостановочно идти на Казань, увѣряя, что, по вѣстости крѣпостныхъ строеній и по недостатку гарнизона, овладѣть ею можно будетъ безъ затрудненій. Пугачевъ и самъ зналъ состояніе Казани, надѣялся, конечно, также на помощь единомышленниковъ и потому дѣйствительно направился на Казань, распространяя молву, что туда идетъ на соединеніе съ нимъ государь цесаревичъ съ войсками, и что они уже вмѣстѣ отправятся въ Москву.

Положеніе Казани, въ самомъ дѣлѣ, было весьма ненадежное. Князь Щербатовъ, получивъ извѣстіе о сдачѣ Осы, распорядился о передвиженіи нѣкоторыхъ отрядовъ къ Уфѣ, а самъ съ эскадрономъ гусаровъ и ротой гренадеровъ ушелъ въ Бугульму. Старикъ фонъ-Брантъ оставленъ былъ защищаться одинъ, какъ умѣетъ. Дѣлительными помощниками ему оказались комендантъ Баннеръ и генералъ П. С. Потемкинъ, начальникъ секретной слѣдственной комиссіи.

Численность войскъ, находившихся въ Казани, простиралась до 1.500 человекъ, а между тѣмъ въ скопищахъ мятежниковъ, шедшихъ къ городу, по слухамъ, было болѣе 20.000 человекъ. Брантъ отправилъ на встрѣчу Пугачеву небольшой конный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Николая Васильевича Толстаго, и 2-го іюля

¹⁾ *Ученія Моск. Общ. Ист.* 1862, III, 336, 337.
часть CLXXVI, отд. 2.

1774 года объявилъ всѣмъ жителямъ, чтобъ они приготовились къ защитѣ города, который, по возможности, приведенъ былъ въ оборонительное состояніе.

Въ объявленіи губернатора о защитѣ города говорилось, что о приближеніи къ городу мятежниковъ подавъ будетъ сигналъ пущенымъ выстрѣломъ и набатнымъ звономъ колоколовъ; что по этимъ сигналамъ всѣ лица, назначенныя къ оборонѣ города, должны спѣшить съ оружіемъ къ своимъ постамъ и не должны отлучаться съ своихъ мѣстъ, хотя бы ихъ собственные дома горѣли,—нарушители же такого порядка, на страхъ другимъ, безъ всякой пощады будутъ заколоты или застрѣлены, „дабы, смотря на то, отъ сей зловредности и прочіе воздержались и были бы неотлучными до послѣдней капли крови при своихъ мѣстахъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ губернаторъ старался привести въ извѣстность, какое число вооруженныхъ жителей можетъ выставить Казань. Каницъ, 4-го іюня, сообщилъ губернатору, что Казанскія гимназіи могутъ выставить слѣдующій „корпусъ“: 13 учителей, 2 дежурныхъ офицера, 2 приказныхъ, 39 учениковъ, „кои имѣютъ не менѣе 16 лѣтъ, 6 человѣкъ дворовыхъ людей самого Каница и затѣмъ всѣхъ служителей гимназическихъ изъ отставныхъ солдатъ. Учителя и двое дежурныхъ офицеровъ, „будучи люди шпашные, имѣли по парѣ пистолетовъ“, а всѣ прочіе вооружены были пиками (въ рапортѣ университета, однако, сказано было, что „50 человѣкъ учителей и учениковъ дѣйствовали карабинами, а прочіе — пиками, купленными на гимназическія суммы“). Каницъ просилъ у губернатора потребное количество пороку и пуль, а въ заключеніе говорилъ: „А какъ сему корпусу, состоящему изъ 74 человѣкъ, въ космѣ люди упражняющіеся въ наукахъ, непристойно съ прочими гражданами мѣшаться па-ряду, то-бъ повелѣно было означить мѣсто, гдѣ бы гимназическая команда при оборонѣ города сама собою, подъ предводительствомъ своего командира, стоять могла“.

Нападенія слѣдовало ожидать съ восточной стороны, и потому здѣсь наиболѣе усилены были укрѣпленія. На огромномъ пространствѣ отъ лѣваго берега Казанки, чрезъ Арское поле, до озера Кабана поставлены были рогатки, и въ четырехъ мѣстахъ устроены батареи. Здѣсь стоялъ Потемкинъ съ отрядомъ солдатъ въ 400 человѣкъ, да кромѣ того, подъ командою коммерціи совѣтника Дриблова, его суконщики и крестьяне подгородныхъ слободъ Архангельской и Поповки. Съ южной стороны, отъ озера Кабана, вокругъ Татарскихъ

слободѣ, также поставлены были 4 батареи и отряды солдатъ, подъ главнымъ начальствомъ шефа дворянскаго корпуса Ларіонова. На западѣ, отъ Ямской слободы, вокругъ Мокрой, чрезъ Московскую дорогу, до Казанки и крѣпости расположенъ былъ отрядъ съ одною батареею полковника Свѣчина и вооруженные ямщики и обыватели окрестныхъ улицъ. Самая крѣпость поручена была полковнику Ляцкому, а по Казанкѣ расположены были вооруженныя лодки подъ начальствомъ члена адмиралтейской конторы Щелина. Внутри города, по Арской улицѣ, недалеко отъ Богородицкаго дѣвичьего монастыря, поставленъ былъ отрядъ волонтеровъ, вооруженныхъ карабинами и пиками. Этотъ отрядъ состоялъ изъ гимназистовъ и учителей, подъ командою директора фонъ-Каница; къ нимъ присоединились всѣ иностранцы мастеровые ¹⁾. Небольшія партіи изъ этого отряда выдвинуты были на окраины овраговъ, примыкающихъ къ Казанкѣ, со стороны Арскаго поля.

Іюля 10-го Пугачевъ встрѣтился съ высланнымъ изъ Казани отрядомъ полковника Толстаго, верстахъ въ 12-ти отъ города, разбилъ его, при чемъ погибъ самъ командиръ, и отправилъ къ губернатору указъ, чтобъ онъ безъ боя сдался. Какъ только разнеслась объ этомъ вѣсть по Казани, многіе жители поспѣшили оставить городъ, и въ числѣ первыхъ шефъ дворянскаго корпуса Ларіоновъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, оставивъ на произволъ судьбы вѣренную ему оборону южной стороны города....

На другой день, мятежники стали лагеремъ близъ села Царичина ²⁾, и вечеромъ самъ Пугачевъ ѣздилъ осматривать городскія укрѣпленія на Арскомъ полѣ.

Рано утромъ 12-го іюля Пугачевъ повелъ свои толпы къ городу. Такъ какъ прямо съ Арскаго поля, или съ Сибирскаго тракта, не легко было нестройному сборищу сдѣлать приступъ, потому что тамъ стояла сильнѣйшая батарея,—то Пугачевъ съ главными силами подвигался, имѣя впереди себя возы сѣна, между которыми ѣхали пушки. Подъ такимъ прикрытіемъ они заняли находившіеся тутъ кирпичные сараи и роцы, принадлежащіе нынѣ Родіоновскому институту благородныхъ дѣвицъ и военному госпиталю, поставили свою батарею и сбили отрядъ Потемкина, защищавшій дорогу. Въ то же время измѣнникъ Мипсевъ повелъ толпу заводскихъ крестьянъ овра-

¹⁾ Рыбушкинъ, Ист. Казани, I, 134—137.

²⁾ Списокъ насел. мѣстъ Каз. губ., № 22.

гами вдоль берега Казанки. Этотъ отрядъ состоялъ большею частью изъ людей, вооруженныхъ дробью и дубинами, и потому шель впередъ неохотно: казаки стегали его пагайками. Одушевленные такимъ способомъ, мятежники ползкомъ пробирались далѣе и далѣе и смияли своею многочисленною слабые посты, содержащіяся гимназистами. „Гимназическій корпусъ“, какъ засвидѣтельствовано впоследствии губернаторомъ и Потемкинымъ, выдержалъ себя „твердо“¹⁾. Онъ, съ присоединеніемъ всѣхъ находившихся въ Казани художниковъ и ремесленниковъ иностранцевъ (почти исключительно Нѣмцевъ), расположенъ былъ въ двѣ шеренги: передняя вооружена была карабинами, а задняя — пиками; на флангахъ стояли „шпажные люди“ — учителя съ пистолетами. Во время нападенія мятежниковъ самъ Каницъ раненъ былъ стрѣлою въ ногу, а также 6 учениковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ; убиты два учителя (нѣмецкаго языка — Ааронъ Тихъ и рисовальный — Иванъ Кавелинъ) и пятеро находившихся въ корпусѣ иностранцевъ; кромѣ того, 6 человекъ пропали безъ вѣсти. Остатки этого „корпуса“, тѣснимые мятежниками, достигшими до самаго дѣвичьего монастыря, удалились въ крѣпость. Здѣсь на содержаніе гимназическихъ чиновъ отпущенъ былъ провіантъ изъ казенныхъ военныхъ магазиновъ, за который впоследствии взыскана была съ гимназіи уплата.

Что касается самаго зданія гимназіи, то охрана его „при выступленіи директора въ поле“ была поручена 14-ти человѣкамъ солдатъ и сторожей, подъ командою унтеръ-офицера. Когда мятежники заставили „гимназическій корпусъ“ отступить съ своего поста, Каницъ, не смотря на рану, поспѣшилъ въ гимназію, чтобы распорядиться о спасеніи казеннаго имущества; но въ ту пору, когда служители переносили казну и вещи въ находившійся около гимназіи оврагъ, злодѣи ворвались въ домъ, отняли у караульныхъ сундукъ съ казною, зажгли строенія, и перевязавъ караульныхъ увели ихъ съ собою; самъ Каницъ скрылся.... При этомъ случаѣ гимназія, Каницъ и прочіе чины понесли убытку почти на 15.000 рублей: Каницъ, въ особенности, жалѣлъ объ истребленіи своей библіотеки, которую онъ собиралъ въ теченіе двадцати лѣтъ, и которая состояла изъ 980 ино-

¹⁾ Каницъ, донося, 10-го іюля, Адаурову о томъ, что „онъ съ своею командою идетъ въ рогатки“, просилъ куратора не оставить своимъ покровительствомъ его семейство, если самъ онъ будетъ умерщвленъ злодѣями. Владими́рова, Историч. записки, I, 127.

странныхъ и русскихъ книгъ на сумму 1.760 рублей. Сохранились только гимназическій архивъ и нѣкоторые изъ классныхъ принадлежностей, еще раньше снесенные въ погребѣ.

Минеевъ, овладѣвъ монастыремъ, гдѣ былъ убитъ и столѣтній генералъ Кудрявцевъ, поставилъ одну пушку на церковной паперти, а другую на монастырскихъ воротахъ и открылъ пальбу по крѣпости.

Лѣвое крыло Пугачева бросилось къ озеру Кабану. Суконщики стойко встрѣтили разбойниковъ дубьемъ; но явился самъ Пугачевъ съ пушками и прыснулъ картечью; конные Башкиры, пустивъ тучу стрѣлъ, съ гикомъ бросились въ улицы и немедленно зажгли нѣсколько домовъ... Надобно сказать, что съ самаго утра погода была весьма неблагопріятна для защитниковъ: сильный юго-восточный вѣтеръ дулъ прямо въ городъ, и впереди мятежниковъ возмывались тучи пыли. При этомъ вѣтрѣ пожаръ быстро началъ распространяться. Суконщики бѣжали; за ними, бросивъ пушки, пустились и солдаты Потемкина: всѣ искали послѣдняго спасенія въ крѣпости, гдѣ архіепископъ Веніаминъ совершалъ молебствіе въ Благовѣщенскомъ соборѣ ¹⁾.

Городъ сдѣлался добычею мятежниковъ, разсѣявшихся всюду и производившихъ самое дикое опустошеніе....

Пугачевъ съ ближайшими своими сообщниками ворвался въ гостинный дворъ, отстоявшій не болѣе, какъ на 20 сажень отъ крѣпости, и поставивъ въ нашедшемся тамъ трактирѣ двѣ пушки, направилъ сильную пальбу противъ Снасопреображенскаго монастыря, стоящаго въ крѣпости, стѣна которой въ этомъ мѣстѣ и безъ того была очень ветха, а одна изъ башенъ почти до половины развалилась. Невдалекѣ отъ гостиннаго двора находился домъ Дриблова, гдѣ останавливалась въ 1767 году Екатерина II; большія триумфальныя ворота и прочія иллюминаціонныя сооруженія еще были цѣлы и теперь послужили мятежникамъ надежною защитой: укрываясь за этими постройками, мятежники производили ружейную стрѣльбу по крѣпости.

„Син злодѣи“, говоритъ свидѣтель этого событія, архимандритъ упомянутаго Спасскаго монастыря Платонъ Любарскій, — „не безъ

¹⁾ Объ этомъ сохранилось собственноручное письмо П. С. Потемкина къ графу Г. А. Потемкину, отъ 12-го іюля 1774 года. *Русская Старина* 1870 г., II, стр. 403.

успѣха могли бы продолжать такимъ образомъ атаку; но видя своихъ паче на грабленіе устремившихся, бродящихъ по домамъ, обремененныхъ добычею, раздѣляющихъ пьяныхъ по улицамъ и многихъ, одѣтыхъ въ различныя одежды, яко-то: въ стихари, подризники, въ женское платье и проч., также не стерпя жара отъ пламени зажженныхъ около крѣпости публичныхъ и частныхъ зданій, а притомъ напаче опасаясь охваченными быть сзади пожаромъ и приближающимся на помощь осажденнымъ, подъ командою подполковника Михельсона, войскомъ, не осмѣлились болѣе штурмовать крѣпость, хотя во многихъ мѣстахъ отъ древности и развалившуюся, но отступя въ лагерь, съ досады во многихъ мѣстахъ зажгли городъ“.

Дѣйствительно Михельсонъ приближался къ Казани. Въ моментъ страшнаго разгрома ея онъ находился верстахъ въ 40 и видѣлъ густой, багровый дымъ. Не смотря на усталость предводимаго имъ отряда, требовавшаго отдохновенія, онъ, узнавъ, что вблизи находится одна изъ шаекъ, стремившихся къ Казани, напалъ на нее и захватилъ до 400 человекъ въ полонъ; остальные бѣжали и извѣстили самозванца объ опасности.

Получивъ это извѣстіе, Пугачевъ опять отступилъ за городъ, на Арское поле. Сюда вывезли 15 бочекъ вина: самозванецъ любилъ угощать дружину послѣ всякой побѣды. Привели до 10.000 плѣнныхъ; въ числѣ ихъ была и настоящая жена его Софья Дмитріева... Объ этомъ свиданіи самъ Пугачевъ послѣдствіемъ показалъ слѣдующее: „Увидя (ее), говорилъ: „друга моего, Пугачева, жена, у котораго въ бѣдности я жилъ, и онъ за меня пострадалъ“ — говори при томъ: „я-де тебѣ, бѣдная, не покину“. Итакъ вслѣлъ ее и съ дѣтьми взять съ собою, и возилъ ихъ въ коляскѣ по самое послѣднее разбитіе, кое было подъ Чернымъ-Иромъ“¹⁾. Другіе полоняники поставлены были на колѣни передъ пушками. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары отъ Татаръ. Довольный побѣдою, самозванецъ всѣмъ объявилъ прощеніе и вызывалъ охотниковъ на службу: вызвались многіе... Ночью шла попойка, Пугачевъ раздѣлялъ по лагерю, а городъ горѣлъ...

Какъ только Пугачевъ прекратилъ пальбу, архіепископъ Вепіимпъ, не смотря на нестерпимый зной пожара, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, совершилъ крестный ходъ въ крѣпости. Утѣрь нѣсколько стихъ и даже принявъ

¹⁾ Чтен. Моск. Общ. Ист. 1858, II, 34.

обратное направленіе. Наступила ночь: недоумѣвая, что значить прекратившаяся пальба, „всякъ ожидалъ завтра несчастнаго конца своей жизни; всякъ прощансь съ ближними, въ бѣдѣи пребывалъ до утра, взирая на безпрепятственно обрацаемый въ пепелъ городъ, и горькими слезами оулакивалъ кровныхъ и согражданъ своихъ, почитая ихъ отъ рукъ злодѣйскихъ или отъ пламени погибшими, отъ чего и самые бывшіе на большихъ сраженіяхъ приходили въ уныніе“. Городъ дѣйствительно представлялъ необозримую громаду сожженныхъ и разграбленныхъ зданій: остались въ большей цѣлости слободы Архангельская, татарскія и часть Сукоиной, бывшія не подъ вѣтромъ, все прочее погибло; въ томъ числѣ до 28 церквей, 777 лавокъ и до 2.200 казенныхъ и частныхъ домовъ ¹⁾. Зданія, гдѣ номѣщались Казанскіи гимназіи, также сгорѣли совершенно. Число людей, убитыхъ въ это время въ Казани, насчитывалось болѣе 100 человекъ ²⁾, раненныхъ до 200 и пропавшихъ безъ вѣсти до 500.

Прошла ужасная ночь. Сидѣвшіе въ крѣпости жители ждали новаго штурма; но вмѣсто бунтовщиковъ съ изумленіемъ увидали скачущихъ въ городъ Михельсоновыхъ гусаровъ. По словамъ архимандрита Платона Любарскаго, „вообразить не можно, коль неописанная радость въ тотъ часъ объяла несчастныхъ; всякій предупреждаетъ другъ друга, стремится избѣжать на крѣпостную стѣну, чтобы воззрѣть на сего ангела Божія, желая увѣриться собственными глазами и хоти малое въ отягченномъ печалью сердцѣ получить облегченіе. Узнавъ же истину, съ воздвѣніемъ на небо рукъ приносили благодареніе Вышнему, не безъ сожалѣній нѣкотораго на свою судьбину, что и избавитель Михельсонъ немощными только часами опоздалъ въ Казани случившееся отвратить несчастіе; но и то за неисповѣдимое милосердіе къ себѣ Божіе почитали, что хоти безъ домовъ, безъ имѣній, и лишишь нѣсколькихъ согражданъ, а нѣкоторые и кровныхъ, сами живы остались“. Въ послѣдствіи завистники и порицатели распристрастно молву, будто Михельсонъ умышленно допустилъ Пугачева разграбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею отъ него. Но это чистая клевета: Михельсонъ, оставивъ въ Уфѣ больныхъ и раненныхъ и запасшись боевыми снарядами, немедленно

¹⁾ Рыбушкина, Ист. Казани, I, 155.

²⁾ Пушкина въ числѣ убитыхъ показываетъ и директора Каница (Сочин., VI, 93); но это не справедливо, и мы рѣшительно не знаемъ источника, на которомъ основано такое извѣстіе.

пустился преслѣдовать Пугачева, который въ ту пору, какъ было сказано выше, бросался и на Купгуртъ, и на Красноуфимскъ, и на Осу. На пути Михельсону встрѣчались многочисленные шайки бунтующихъ Башкировъ, которыя также нужно было разсѣивать и уничтожать. Изъ Бирска шелъ опъ къ Осѣ, когда, 27-го іюня, узнать отъ плѣнныхъ Башкировъ о сдачѣ этого городка и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Такимъ образомъ, Пугачевъ въ своемъ стремленіи на Казань былъ цѣлою недѣлею впереди Михельсона, которому еще предстояла трудная переправа черезъ Каму. Тогда Михельсонъ измѣнилъ свой маршъ и направился прямо къ Казани, но не успѣлъ предупредить самозванца.

Въ ночь съ 12-го на 13-е іюля, когда Пугачевъ праздновалъ взятіе Казани, Михельсонъ напалъ на его становище. Мятежники встрѣтили его сильнымъ огнемъ, но не выдержали смѣлаго натиска правильно дѣйствующаго войска и бѣжали, потерявъ нѣсколько пушекъ и до тысячи человекъ убитыми и плѣнными. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, Михельсонъ двинулся къ Казани, уничтожая безпрестанно встрѣчавшіяся молкія шайки Пугачевского сброда; нъ городъ опъ отправилъ офицера съ нѣсколькими гусарами для уведомленія о своемъ прибытіи и съ просьбой о подкрѣпленіи. Потемкинъ вывелъ до 150 человекъ гарнизона и во время успѣлъ соединиться съ Михельсономъ. Пугачевъ пытался воспрепятствовать, но скоро былъ сбитъ, бѣжалъ къ селу Савинову, а оттуда, переправясь чрезъ Казанку, ушелъ въ село Сухую-Рѣку, лежащее въ 11 верстахъ отъ Казани на сѣверъ¹⁾. Преслѣдовать его было не возможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Михельсонъ, однако, не вступилъ и въ крѣпость, но остановился лагеремъ на Арскомъ полѣ, ожидая новаго нападенія. Весь день 14-го іюля прошелъ безъ тревогъ, а между тѣмъ въ Казань прибылъ еще небольшой отрядъ войскъ съ подполковникомъ графомъ Меллинымъ. Пугачевъ въ теченіе этого дня производилъ разныя передвиженія, формировалъ новыя полки, разглашая между прочимъ, что Казанская крѣпость раззорена, а прибывшее къ ней войско истреблено. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказалось впоследствии, Пугачевъ сначала считалъ отрядъ Михельсона несравненно сильнѣе, и только убѣдившись въ его немногочисленности, рѣшился въ третій разъ сдѣлать на него нападеніе.

¹⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ Каз. губ. № № 45 и 311.

На разсвѣтъ 15-го іюля Пугачевъ собралъ вмѣстѣ всѣ свои „полки“ и плѣнниковъ, велѣлъ прочитать предъ ними манифестъ, которымъ возвѣщалось, что, послѣ торжественнаго шествія въ Казань, будетъ предпринятъ походъ въ Москву. Затѣмъ всѣ эти скопища, простѣравшіяся до 25.000 человѣкъ, двинулись отъ Сухой-Рѣки старою дорогою къ селу Савинову, а оттуда къ селу Царицыну и на Арское поле. „Можно было, по густой преселикой пыли, изъ-за лѣсовъ на подобіе дыма или черныхъ облаковъ на воздухъ поднимающейся, всему городу издали явно видѣть злодѣйское третичное дерзновение, что всѣхъ приводило въ страхъ и трепетъ, особливо представляющихъ себѣ несравненно превосходнѣйшее сволочи его число противу, такъ-сказать, горсти защитительнаго своего (которое не болѣе какъ изъ 800 карабинеровъ, гусаровъ и Чугуевскихъ казаковъ состояло) храбраго войска, хотя искусство предводителя отчаяваться въ побѣдѣ и не позволяло“ Дѣйствительно, Михельсонъ смѣло и съ увѣренностію ударилъ на нестройный полчища. Опрокинутъ Япцкихъ казаковъ, наилучше вооруженныхъ и наиболѣе стойкихъ, онъ могъ уже безъ большаго труда разбить и прогнать остальную сволочь, невооруженную и обыкновенно подстрекавшуюся къ наступленію пагайками и пиками. Какія усилія ни употреблялъ Пугачевъ, чтобы удержать разсыпавшіяся толпы, ничто не помогало. Смятеніе произошло неизобразимое, когда отбитыя у мятежниковъ пушки обращены были противъ нихъ же. Все бѣжало стремглавъ: бывшіе съ Пугачевымъ Башкиры въ то же время оставили его совершенно и усакали въ свои предѣлы. До двухъ тысячъ мятежниковъ положено было на мѣстѣ, огромное количество ихъ перетонуло въ Казанкѣ и захвачено въ плѣнъ 5.000 человѣкъ, въ томъ числѣ отставной каповиръ Иванъ Наумовъ Вѣлобородовъ, одинъ изъ приближеннѣйшихъ людей къ самозванцу, носившій титулъ „старшаго атамана и фельдмаршала“, завѣдывавшій письменною частію у Пугачева и введшій строгую дисциплину въ шайкахъ ¹⁾. Всѣ Казанскіе плѣнники также были освобождены, и сверхъ того, побѣдителямъ достался почти весь обозъ

¹⁾ Вѣлобородовъ былъ пытанъ въ Казанской секретной комиссіи, сознался во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, наказанъ плутомъ и отправленъ въ Москву, гдѣ преданъ смертной казни 5-го сентибри 1774 года (см. *Лебедевъ*, Графы Панины, стр. 334). Имя плѣнникъ Мансень захваченъ въ плѣнъ еще прежде Вѣлобородова. По приговору военного суда, онъ лишенъ чина и загибъ сквозь строй до смерти.

мятежниковъ. Потеря въ отрядѣ Михельсона простиралась до 35 человекъ убитыми и 68 ранеными.

Для преслѣдованія Пугачева отряженъ былъ подполковникъ графъ Меллинъ; по успѣху особеннаго достичь онъ не могъ. Пугачевъ ускокалъ на перемѣняющихся лошадяхъ въ Царевококшайскъ, а оттуда, съ небольшимъ числомъ приближенныхъ („въ то время было у меня людей сотъ пять“, показалъ онъ впоследствии), переправился на правый берегъ Волги, у села Сундыры. Между его спутниками находился конфедератъ Пулавскій, жившій въ Казани подъ надзоромъ полиціи и радушно припавшій въ домѣ привѣтливаго фонъ-Бранта ¹⁾.

Торжественно, съ настоящимъ и вполне заслуженнымъ триумфомъ, вступилъ Михельсонъ въ крѣпость. Губернаторъ фонъ-Брантъ съ генералитетомъ и знатнѣйшими персонами встрѣтили побѣдителя за крѣпостными воротами и принесли ему поздравленія съ побѣдой и благодаренія за его неутомимые труды. Народъ, находившійся въ крѣпости, и освобожденные плѣнники и слезами, и радостнѣйшими восклицаніями „ура!“ и другими знаками свидѣтельствовали свою благодарность и радость. Михельсонъ отправился въ соборъ, гдѣ архіепископъ отслужилъ благодарственный молебенъ ²⁾.

¹⁾ Для полноты очерка дѣйствій Пугачева изъ предѣловъ нынѣшней Казанской губерніи, прибавимъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія:

Торговое село Сундырь—нынѣ посадъ Маринскій—Пугачевъ предалъ огню и грабежу за то, что жители его селія разбѣжались, а неѣ барки свои затопили. Можеть-быть, оладѣвъ барками, самозванецъ спустился бы внизъ по Волгѣ; а теперь вынужденъ былъ углубиться внутрь страны. Отъ Сундыря онъ двинулся прямо на Суру чрезъ чувашскія и черемисскія селенія, жители которыхъ въ особенности жаловались на поповъ: Пугачевъ разрѣшилъ истреблять ихъ. Объявляя крестьянамъ пользу, безденежную раздачу соли и уничтоженіе повинностей, онъ въ короткое время возмущилъ весь здѣшній край. Нижегородскій губернаторъ Ступининъ былъ почти убѣжденъ, что Пугачевъ разоритъ и Нижний и проникнетъ до Москвы. Дѣйствительно, опасности была значительна: скопища мятежниковъ быстро увеличивались и преслали прямое сообщеніе Нижнему съ Казанью. Пугачевъ, ограбивъ г. Цивильскъ, гдѣ повѣсилъ воеводу Копьева, двинулся къ Курмышу, а оттуда хотѣлъ идти на Ядринъ, но узнавъ о движеніи преслѣдующихъ войскъ, повернулъ самъ къ Алатырю, въ Ядринъ же все-таки отправилъ особую шайку, которая, однако, была отбита жителями, а послѣ того совершенно разсѣяна грабятъ Меллинымъ. Въ отраженіи мятежниковъ отъ города въ особенности отличился купецъ Засыпкинъ, котораго императрица пожаловала за это нинагою.

²⁾ Освобожденіе Казани описано было въ особой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Михельсонъ въ бышее въ Казани возмущеніе; издалъ Дмитрій Зинковскій». Москва, 1807, въ 8-ю д.

Тяжелые труды предстояли губернскому начальству. Въ раззоренномъ городѣ нужно было размѣстить болѣе 30.000 жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ, а такихъ домовъ насчитывалось до 800, да и тѣ были необширны, потому что находились въ пригородныхъ слободахъ. Для помѣщенія гимназическихъ классовъ назначили на первый случай одинъ изъ купеческихъ домовъ на Проломной улицѣ, а ученикамъ отвели квартиры въ Татарскихъ слободахъ. Это было крайне неудобно; но на первыхъ порахъ еще некогда было думать объ ученикахъ: достаточно было и того, что всѣ получили хоть какой-либо пріютъ. Добыча, отбитая войсками у Пугачева, была значительна: начальство положило раздѣлить ее между жителями. Раздѣлъ этотъ, конечно, не могъ быть произведенъ съ неоспоримою точностію, и естественно, при этомъ иные не получили вещей, собственно ихъ принадлежавшихъ; другіе воспользовались чужимъ. Солдаты отряда Михельсонова при этомъ дѣлежѣ обогатились значительно, и это обстоятельство впоследствии, какъ мы скажемъ, поставлено было въ особое обвиненіе для самого Михельсона.

Прослѣдимъ кратко послѣдующія событія Пугачевщины, дабы объяснить, какое мѣняніе имѣли они на Казань и на нѣкоторыхъ лицъ, упоминаемыхъ въ нашемъ очеркѣ.

Мы знаемъ, что по смерти Бибикова начальникомъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева, считался князь Ѳ. Ѳ. Щербатовъ. Нерышительный и даже робкій въ дѣйствіяхъ, онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что мятежники, почти подавленные вовсе у Лицкого города и Оренбурга, пріобрѣли новыя страшныя силы на горныхъ заводахъ въ сѣверо-восточной части Оренбургскаго края. Государыня была крайне недовольна Щербатовымъ и въ началѣ іюли отозвала его, поручивъ главное начальство надъ войсками князю П. М. Голицыну. Въ эту пору война съ Турціей уже закончилась, со дня на день ожидалось заключеніе мира, — слѣдовательно, представлялась возможность располагать большимъ числомъ войскъ для подавленія бунта. Поэтому повелѣно было нѣсколькимъ полкамъ — Владимірскому, Вологодскому и другимъ — двинуться въ Казань.

Событія шли, однако, быстрѣе. Пугачевъ успѣлъ разграбить Казань, и хотя разбитый и едва спасшійся отъ поимки, прорвался на правый берегъ Волги, взбунтовалъ инородцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ и опять съ огромными скопищами двигался по направленію рѣки Суры. Было доносано, что курьеръ, ѣхавшій къ князю П. М. Голицыну съ указомъ о назначеніи его главноначальствующимъ, былъ оста-

новленъ Нижегородскимъ губернаторомъ Ступишинымъ, „по причинѣ небезопасности дороги“ — и что нельзя ручаться за безопасность Москвы...

Тогда императрица, видя губерніи Оренбургскую, Казанскую и Нижегородскую „огнемъ наполненными“, созвала чрезвычайный совѣтъ изъ лицъ, наиболѣе довѣренныхъ, и объявила намѣреніе принять самой начальство надъ войсками для спасенія Москвы и имперіи. Графъ П. П. Панинъ возразилъ, что волненіе презрительной черни не заслуживаетъ столь рѣшительныхъ мѣръ, и что родной его братъ, графъ Петръ, при всей дряхлости своей, не откажется спасать отечество и, вѣрнѣе нести себя на посылкахъ, если только государыня пожелаетъ ввѣрить ему начальство надъ войскомъ, не имѣя въ виду другаго полководца способнѣе его.

Одинъ изъ изслѣдователей этой эпохи называетъ упомянутый чрезвычайный совѣтъ „театральнымъ зрѣлищемъ“ ¹⁾. Дѣйствительно, многія обстоятельства заставляютъ думать, что большая часть тогдашнихъ событій основывалась на тайной интригѣ различныхъ честолюбцевъ, между которыми самое видное мѣсто занимали два брата Панины. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ-аншефъ, командовавшій второю изъ дѣйствовавшихъ противъ Турокъ армій, прославившійся взятіемъ Бендеръ (16-го сентября 1770 г.), считая для себя оскорбленіемъ ордень св. Георгія 1-й степени, вдругъ почувствовалъ усиленіе подагрической болѣзни, кою онъ страдалъ будучи еще полковникомъ, сталъ проситься въ отставку посреди разгара войны, на что и получилъ согласіе государыни 27-го ноября 1770 года. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ большею частью въ Москвѣ, куда всегда любили удалиться всѣ, считавшіе себя обиженными правительствомъ или дѣйствительно подпавшіе подъ оналу. Его братъ, графъ Никита Ивановичъ, управлявшій коллегіей иностранныхъ дѣлъ и завѣдывавшій перенискою по важнымъ дѣламъ внутренняго управленія, состоялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитателемъ Наслѣдника престола. Между братьями происходили дѣятельныя сношенія: Петру Панину сообщались курьерами всѣ Петербургскія и придворныя новости, даже копія съ военныхъ реляцій, денешъ нашихъ посланниковъ и другихъ документовъ, какъ это видно изъ напечатанной переписки Д. П. фонъ-Визина ²⁾. При такихъ условіяхъ графъ Петръ, въ своемъ кружкѣ, являлся вѣрнымъ предсказателемъ событій, и слѣдователь-

¹⁾ Лебедева, Графы Панины, стр. 115.

²⁾ Кн. Вяземскій, Фонъ-Визинъ, стр. 90—92 и 380—432.

но. справедливымъ судіей всякихъ правительственныхъ мѣръ. Въ дѣлахъ государственнаго архива есть показаніе, что въ 1771 году, во время чумы, народное возстаніе въ Москвѣ было произведено по вѣнченію графа Петра Ивановича ¹⁾. Показаніе это ничѣмъ не было подтверждено; однако, оно замѣчательно въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ взглядъ нѣкоторыхъ современниковъ на вліяніе Петра Панина на событія.

Графъ Никита, въ свою очередь, въ своемъ кружкѣ, который въ то же время былъ кружкомъ Государя Паслѣдника, судилъ и ридилъ о способностяхъ военачальниковъ, дѣйствовавшихъ противъ мятежниковъ, разказывалъ, какъ дрихль его братъ, „покоритель Бендеръ“, вооружилъ своихъ дворовыхъ и крестьянъ и намѣренъ идти на самозвапца, и т. п. Такимъ образомъ, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ создавалось и распространялось мнѣніе, что спасеніе государства зависить единственно отъ назначенія графа Петра полномочнымъ начальникомъ губерній Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской и всѣхъ войскъ, посѣщающихъ на погубленіе государственнаго врага Емельки Пугачева ²⁾. Все это было извѣстно императрицѣ, и потому она въ упомянутомъ чрезвычайномъ засѣданіи сошлась отзывалась, что и она признаетъ графа Петра Ивановича способнѣйшимъ, но не рѣшалась назначить его только потому, что онъ находится въ отставкѣ. Главною же причиною ея перѣшительности было полное убѣжденіе въ томъ, что патріотическая готовность Панина имѣть источникомъ непомѣрное властолюбіе.

Вотъ чтó писала она знаменитому Г. А. Потемкину по этому поводу: „Увидишь, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что господинъ грифѣ Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя, съ безпредѣльною властью, въ лучшей части имперіи, то-есть, Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніи, а sous entendus есть и прочіи. Что если я подпишу, то не токмо князь Волконской будетъ огорченъ и смѣшенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ—перваго врага и мнѣ персональнаго оскор-

¹⁾ Лебедева, Графы Панины, стр. 88 и 89.

²⁾ Кн. М. Н. Волконскій въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ такъ выражается о П. Панинѣ: „Болшой, нашему императорскому величеству извѣстной болтунъ вздоръ болатаетъ.... а другіе перебалтывають, но все ничего не значущее и единственно къ тщеславію его касающееся“. (*Османдацый окъ*, I, стр. 105). Волконскій былъ вообще въ холодныхъ отношеніяхъ къ Панину издавна, и какъ самъ выражался, имѣлъ противъ него *«jealousie de métier»*.

бители, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и признавай, что гордился затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше. При семъ прилагаю и Библикова инструкцію для *confronterie*: и тотъ пунктъ не худъ, гдѣ сказано, что всѣхъ людей, гдѣ бѣ они ни были, онъ можетъ какъ, гдѣ и когда хочетъ" (казнить смертью).

Какъ бы то ни было, но отчасти уступая мнѣнію вліятельной партіи, Екатерина, 29-го іюля 1774 г., подписала рескриптъ о порученіи П. Панипу начальства надъ войсками, высланными противъ Пугачева, и надъ губерніями Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою, съ полномочіемъ „къ изысканію и употребленію всѣхъ средствъ и мѣръ, необходимыхъ въ возлагаемомъ на него важномъ государственномъ дѣлѣ“ Исключеніе Московской губерніи значительно ограничивало права Панина; но еще болѣе уменьшилось значеніе его власти тѣмъ, что дѣйствительное командованіе войсками возложено было на Суворова, который, по обыкновенію, явился изъ турецкой арміи чрезвычайно поспѣшно и немедленно отправился къ мѣсту назначенія. Кромѣ всего этого, многіе распоряженія, касающіяся къ усмиренію мятежа, предпринимались совершенно независимо отъ Панина, по непосредственнымъ сношеніямъ Г. А. Потемкина съ Московскимъ главнокомандующимъ княземъ М. Н. Волконскимъ и съ генералъ-прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ. Секретная коммиссія о мятежѣ, подчиненная прежде Бибикову, также была изъята изъ вѣдѣнія Панина и получила особаго начальника — П. С. Потемкина, поставленнаго въ прямые отношенія къ императрицѣ ¹⁾.

Въ сущности, впрочемъ, Суворовъ, а тѣмъ менѣе Панинъ, лично ничего не успѣли сдѣлать противъ Пугачева. Все дѣло закончено было неутомимымъ Михельсономъ и другими предводителями дѣйствовавшихъ отрядовъ. Суворовъ только успѣлъ приплыть въ Яицкѣ (Уральскѣ) уже выдавшаго своими сообщниками самозванца и привести его въ кѣлѣтѣ къ Панипу въ Симбирскъ; а Панинъ, при первомъ свиданіи съ Пугачевымъ, всенародно собственноручно далъ ему нѣсколько пощечинъ и отстрепалъ за бороду ²⁾, а послѣ того, презрѣвшись, показывалъ его Державину.

¹⁾ *Русская Старина* 1870 г., II, 400—402.

²⁾ *Державина*, Записки, стр. 99; *Пушкина*, Сочиненія, VI, 521. Державинъ замѣчаетъ при этомъ, что первый вопросъ Панина Пугачеву былъ: «какъ смѣлъ онъ поднимать оружіе противъ ея?», и что Пугачевъ отвѣчалъ: «что дѣлать,

Важно было то, что графъ Панинъ, „хоти уже исчезли всѣ безпокойства внутреннія, и всюду тишина была восстановлена въ полной мѣрѣ“, оставался полновластнымъ начальникомъ обширнаго края въ теченіе года слишкомъ, до 9-го августа 1775 года. За мѣсяцъ до этого, именно 10-го іюля 1775 г., въ торжественное празднованіе Кучукъ-Кайнарджискаго мира, государыня, щедро награждая разныхъ дѣятелей своего царствованія, дала особую похвальную грамоту Панину, въ которой выразилась, что „при самомъ началѣ его предводительства, Богъ благословилъ его предпріятіе поимкою злодѣевъ“.

Въ отношеніи къ Казани и Казанской губерніи въ періодъ главноначальствованія графа Панина совершилось слѣдующее.

Старикъ Казанскій губернаторъ фонъ-Брантъ, больной и вообще сильно потрясенный тогдашними событіями, вскорѣ по освобожденіи Казани отъ Пугачева умеръ (3-го августа 1774 г.). Выѣсто него назначенъ былъ генераль-поручикъ князь Пл. Степ. Мещерскій, до этого времени управлявшій Малороссіей. По отзыву самой императрицы, „сей новый губернаторъ, при самомъ началѣ отправленія его должности, уже соотвѣтствовалъ довѣренности и открылъ понесительность свою докладами“¹⁾. Одною изъ первыхъ его заботъ были соображенія о возобновленіи выжженного города и объ изысканіи способовъ къ обезпеченію продовольствія жителей въ краѣ. Государыня въполнѣ утвердила предложенія по первому предмету, прислала планъ для постройки губернаторскаго дома и повелѣла сенатѣ отправить въ Казань особаго архитектора. Что касается мѣръ о продовольствіи, между прочимъ заключавшихся въ установленіи таксъ на предметы потребленія, то государыня хотя и согласилась на то, потому что дѣлать какія-либо измѣненія въ соображеніяхъ, основанныхъ на знаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, не возможно,—однако, замѣтила: „предвидится, правда, что труднѣе всего будетъ удержать безъ нарушенія предписанныя цѣны, ибо и въ здѣшнемъ городѣ (то-есть, въ Петербургѣ) полицейскія таксы почти что мнимыя суть, потому что розничную продажу нѣтъ возможности всякую минуту свидѣтельствовать“. Вслѣдствіе этого въ письмѣ къ графу Панину,

ваше сіятельство, когда уже воевалъ противъ государыни!... Руничъ въ своихъ запискахъ (*Русская Старина* 1870 г. т. II, 348 — 350) описываетъ эту сцену значительно иначе.

¹⁾ Мещерскій пользовался особымъ благоволеніемъ Екатерины II; она называла его «почтеннымъ старцемъ». *Русскій Архивъ* 1872 г., стр. 2181.

20-го ноября 1774 г., она высказала такое мнѣніе: „Дабы оное прокормленіе доставить павившій голодъ терпящимъ, пришло мнѣ на умъ вамъ сообщить слѣдующую идею, сходственную, впрочемъ, съ вашимъ мнѣніемъ о обведеніи городовъ такими заградами, кои бы величины ихъ означали и служили бы имъ защитой отъ воровскаго иногда заброда. Идея сія есть слѣдующая: чтобъ начинать около тѣхъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ голодъ наивышій есть, рыть ровъ и платить за сіе не токмо деньгами, но и хлѣбомъ. Тутъ всякой полъ и возрастъ сыщеть прокормленіе, ибо кто не роетъ, то мало или много пося землю, не праздепъ будетъ, и изъ уѣзда не разбредутся въ другіе, но тутъ свое пропитаніе найдутъ. Таковыя работы начать можно въ разныхъ мѣстахъ, чѣмъ народъ удержите въ мѣстѣ его пребыванія, и упражнія его, уймете и воровства, и разбоя. Сіе мое мнѣніе вамъ пишу не въ указъ, но какъ совѣтъ, котораго удобность вамъ на мѣстѣ надлежитъ разсмотрѣть и исполнить безъ огласки, дабы не притянуть работниковъ изъ изобилующихъ мѣстъ для сущаго изысканія вашихъ запасовъ“¹⁾.

Князь Мещерскій, между прочимъ, не оставилъ безъ ходатайства о монаршемъ вниманіи къ Казанскимъ гимназіямъ, самоотверженно дѣйствовавшимъ противъ бунтовщиковъ. По этому случаю на ния губернатора послѣдовалъ, 25-го августа 1774 г., высочайшій рескриптъ, которымъ было повелѣно „выдать изъ штатсъ-канторскихъ доходовъ для исправленія ихъ состоянія, не въ зачетъ жалованья по ихъ окладамъ: директору гимназій надворному совѣтнику фонъ-Каницу за полгода, учителямъ и другимъ чинамъ гимназій за треть, а ученикамъ за годъ“²⁾. Независимо отъ того, въ пособіе гимназіямъ выслано было отъ университета 1000 рублей.

Награждая преданность Казанцевъ, государыня хотѣла особенно отличить самого Панина, и потому дала указъ военной коллегіи принять въ службу поручикомъ родственника его Татищева „въ разсужденіи претерпѣннаго мученическаго конца въ вѣрности непоколебимаго старика Кудрявцева“, который, по женѣ графа П. И. Панина Аннѣ Алексѣевнѣ, урожденной Татищевой, приходился Панину дѣдомъ³⁾.

¹⁾ *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1858 г., II, 56, 57.

²⁾ *Рыбушкинъ, Ист. Казани*, I, 143.—Росписаніе награды помѣщено у *Владимірова, Истор. записка*, I, 130.

³⁾ *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1858 г., II, 55.

Замѣчательнѣе всего приключеніи, постигшія Казанскаго архіепископа Веніамина, который, какъ мы видѣли, столь усердно трудился къ поддержанію спокойствія въ краѣ и выказалъ мужество въ моменты самаго отчаяннаго положенія Казани, опустошаемой разбойниками. Архіерейскій домъ его, находившійся въ крѣпости, занятъ былъ слѣдственной комиссіей, главнымъ начальникомъ которой состоялъ генералъ П. С. Потемкинъ, двоюродный племянникъ „свѣтлѣйшаго“. Архіерей, по этому случаю, имѣлъ пребываніе въ загородномъ своемъ домѣ, въ такъ-называемомъ Новомъ Іерусалимѣ, отстоящемъ отъ Казани въ 7 верстахъ, по Оренбургскому тракту ¹⁾. Ровно черезъ три мѣсяца послѣ освобожденія Казани, именно 15-го октября 1774 года, пригласили Веніамина въ городъ, подъ предлогомъ личныхъ объясненій съ Потемкинымъ по дѣлу о раззореніи Казани. Не подозрѣвая ничего, онъ явился въ городской домъ и здѣсь былъ арестованъ, по обвиненію въ сношеніяхъ съ самозванцемъ. Доносъ такой былъ сдѣланъ однимъ изъ Казанскихъ дворянъ, Ильею Аристовымъ, который ссылаясь на купца Огородникова. Этотъ Аристовъ, служа капра-ломъ въ Томскомъ пѣхотномъ полку, бѣжалъ при началѣ Пугачевского бунта, и пробравшись на Донъ, возмущалъ казаковъ въ пользу самозванца. Схваченный гдѣ-то подъ стражу, онъ содержался съ другими, преступниками въ Казани, освобожденъ изъ острога при Пугачевѣ, присоединился къ бунтовщикамъ и дѣйствовалъ съ ними въ званіи полковника. Вскорѣ однако онъ попался въ плѣнъ и на допросѣ въ Нижнемъ признался, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Онъ оговорилъ, будто архіепископъ Веніаминъ сносился съ Пугачевымъ и присылалъ къ нему деньги; купецъ Огородниковъ, также состоявшій въ мятежническихъ шайкахъ, подтвердилъ показаніе Аристова о доставленіи самозванцу денегъ, однако отозвался невѣдѣніемъ, отъ кого были тѣ деньги присланы. Когда Аристовъ былъ присланъ изъ Нижняго въ Казань, то Потемкинъ, главный начальникъ слѣдственной комиссіи, съ первыхъ допросовъ убѣдился, что онъ клеветаетъ на архіерея, но при всемъ томъ „нашелъ нѣкоторую причину къ сумнѣнію“, о чемъ и доносилъ императрицѣ (17-го августа 1774 г.), прибавляя въ заключеніе: „но до времени не приступаю я къ изобличенію, но малымъ сумнѣніемъ къ изобличенію, дабы напрасно не оскорбить толь великаго сана“ ²⁾.

¹⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, № 133.

²⁾ *Русская Старина* 1870 г., II, стр. 406, 407. — *Державинъ*, Записки, часть CLXXVI, отд. 2.

Какъ бы то ни было, однако, чрезъ вѣсколько времени Веніаминъ подвергнутъ былъ крѣпкому аресту. Государыня, получивъ извѣстію о доносѣ на Веніамина, повѣрила извѣту, тѣмъ болѣе, что она, какъ видно, и прежде почемъ-то не очень благоволила къ этому архіерею ибо переѣхавъ его съ Петербургской каведры на Казанскую чрезъ мѣсяцъ по вступленіи своемъ на престолъ (26-го іюля 1762 г.). При всемъ томъ, желая утушить и слухъ дѣла „о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ“, Екатерина поручила Г. А. Потемкину предложить архіепископу С.-Петербургскому Гавріилу, чтобъ онъ отъ себя написалъ къ Веніамину, „съ тѣмъ, дабы сей изъ ума выжившій старикъ просился бы немедленно на общаще, и если сіе сдѣлаетъ архіерей Казанскій, то въ разсужденіи сана уже далѣе слѣдствіе производить не веля“. Письмо Гавріила императрица приказывала отпрavitить къ Веніамину съ парочнымъ и затѣмъ пріостановить отъѣздъ Веніамина въ Москву, куда предполагалось выслать его для окончателнаго дослѣдованія въ тайной экспедиціи у извѣстнаго Шешковскаго. Не извѣстно, писалъ ли Гавріиль къ Веніамину; но съ одной стороны, явились и защитники Веніамина, представлявшіе государынѣ, что этотъ пастырь, въ теченіе 25-ти лѣтъ епископскаго служенія своего на разныхъ каведрахъ, былъ всегда примѣромъ доблестнымъ для паствы, а въ Казани дѣйствія его были открыты предъ всѣми; наконецъ, и самъ Веніаминъ, не смотря на всѣ строгости надзора, сдумалъ тайно (по словамъ Державина, „чрезъ отверстіе нужнаго мѣста“) отпрavitить письмо къ государынѣ съ писцомъ архіерейской канцеляріи Петромъ Васильевымъ¹⁾. Все это послужило къ раскрытію истины, и государыня, послѣ казни Пугачева (10-го января 1775 г.), прибывъ въ Москву для празднованія Кучукъ-Кайнарджискаго мира, рассмотрѣла все дѣло о Веніаминѣ, и убѣдилась, какъ въ оклеветаніи его, такъ и въ пристрастности веденнаго слѣдствія; къ тому же и Аристовъ наконецъ сознался въ лживости своихъ обвиненій. Немедленно Екатерина посигнѣла огласить невинность архипастыря и „въ награжденіе его добродѣтели, удовлетворяя тѣмъ и

стр. 103 и 104, говорить, что Потемкинъ былъ слѣдователь доводно пристрастный и не достаточно опытный въ производствѣ этого рода дѣлъ, почему и далъ полную вѣру извѣтанъ на Веніамина. Изъ приведеннаго донесенія Потемкина усматривается противное. Срав. *Русскій Вѣстникъ*, 1866, № 6, статья г. Алучина.

¹⁾ Письмо Веніамина къ графу П. И. Панину напечатано въ *Русской Старинѣ* 1870 г., II, стр. 413.

самое правосудіе“, указомъ сятѣйшему синоду 26-го января 1775 г., повѣля Веніамину „именовать митрополитомъ Казанскимъ и носить ему по обычаю бѣлый клобукъ“. Къ самому Веніамину государыня тогда же отправила съ нарочнымъ офицеромъ гвардіи новый клобукъ при слѣдующемъ собственноручномъ рескриптѣ:

„Пресвященный Веніаминъ, митрополитъ Казанскій!

„По прїѣздѣ моемъ въ Москву, первымъ попеченіемъ было для меня разсмотрѣть дѣла бездѣльника Аристова, и узнала я, къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести, да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминовеніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте при скорбіи и печаль, кои васъ уязвляли; припишите судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а я съ отличнымъ доброжелательствомъ есмь

ЕКАТЕРИНА“.

Вмѣстѣ съ этимъ рескриптомъ, при письмѣ Г. А. Потемкина, врученъ Веніамину крестъ для клобука, составленный изъ большихъ брилліантовъ, „которые императрица изволила носить на себѣ“¹⁾.

Всѣ эти награды и дары вручены Веніамину торжественно, въ присутствіи губернатора и всѣхъ знатныхъ лицъ Казани, 1-го февраля. День былъ воскресный, и новый митрополитъ совершилъ божественную литургію и благодарственный молебенъ, предъ начатіемъ котораго прочитаны были высочайшій рескриптъ и указъ синоду. 6-го февраля митрополитъ отправилъ государынѣ благодарственное письмо, въ которомъ, между прочимъ, выразился, что ея безпримѣрная милость и судъ воскресили его отъ гроба, возвратили ему жизнь, которую онъ отъ малыхъ ногтей посвятилъ на службу по Божѣ въ непоколебимой вѣрности монаршему престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ него зависѣло, а продолжалась она чрезъ 53 года, по которую кле-

¹⁾ Кажется, однако, государыня невольно была убѣждена въ невинности Веніамина. По крайней мѣрѣ, спустя десять лѣтъ послѣ этого событія, въ ту пору, когда во Франціи производилось оглашеніе на всю Европу слѣдствія надъ кардиналомъ Роганомъ объ ожерельѣ, купленномъ будто бы для королевы Маріи-Антуанетты, — Екатерина, по самодѣтельству Храповицкаго (Дневникъ, 14-го іюня 1786 г.), противопоставляла Рогана съ архіереемъ Казанскимъ, который сдѣлавъ митрополитомъ, далъ указъ и крестъ нашить наъ собственного склада, ... а Роганъ оправданъ, но будетъ посланъ въ ссылку.

вета, напасть и злоба, противъ совѣсти и челоуѣчества, исторгнуть покупались¹⁾. Прибавимъ въ заключеніе, что клеветника Аристова, въ уваженіе претерѣнныхъ имъ истязаній у Шешковскаго, императрица избавила отъ смертной казни, но велѣла наказать кнутомъ въ Казани, гдѣ жилъ оклеветанный имъ пастырь, и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ Гогервикъ (нынѣ Балтійскій портъ).

VII.

Наше отступленіе, сознаемся очеуь велико, но казалось намъ отчасти необходимымъ, потому что разгромъ Казани въ Пугачевщину оказалъ важное вліяніе не только на состояніе гимназій, но даже и на самое ихъ существованіе. Возвращаемся снова исключительно къ исторіи гимназій.

Мы видѣли, что съ самаго открытія гимназій, въ теченіе 15-лѣтняго періода, постоянно каждый годъ директоры представляли о недостаточности содержанія гимназій, о тѣснотѣ помѣщенія и т. п. Пожаръ, произведенный мятежниками, истребилъ гимназическіе дома вовсе: разсадникъ просвѣщенія съ своими наставниками и воспитанниками теперь остался совершенно безиріиутизмъ. Правда, довольно скоро отведено было помѣщеніе для гимназій и казеннокопитныхъ учениковъ; но все это оказывалось и недостаточнымъ, и неудобнымъ. Въ матеріалахъ, которые послужили намъ главною основою предлагаемой статьи, мы мало нашли свѣдѣній, относящихся до гимназій за 1774, 1775 и 1776 годы.

Какъ скоро возстановилось въ Казани спокойствіе послѣ постигшаго ее разгрома, Каницъ началъ хлопотать о возобновленіи гимназій. Онъ обращался съ просьбами объ этомъ къ губернатору, къ архіерею и къ П. С. Потемкину, начальнику слѣдственной комиссіи о мятежѣ, въ распоряженіе котораго предоставлена была особая сумма, высо-

¹⁾ *Рыбушкина*, Ист. Казани, II, 1—13. *Баттыша-Каменская*, Словарь достоуим. людей, I, 63, 263—267. *Энцикл. Лексик.* IX, 417—419. *Пушкина*, Сочиненія, VI, 88, 166, 538. *Державина*, Записки, 103 и 104. *Лебедева*, Графы Панины, 321—324. Этотъ послѣдній какъ будто сомнѣвается въ правотѣ Веніамина и все приписываетъ желанію государыни «занять дѣло». Но если бы это было такъ, то Екатерина поступила бы съ Веніаминомъ, какъ предполагала въ письмѣ Г. А. Потемкину; а между тѣмъ Веніаминъ оставался на своемъ мѣстѣ до 1782 года и уволенъ по прошенію съ пенсіей въ 4110 руб. Болѣе подробная біографія Веніамина помѣщена въ *Странинѣхъ*, 1866, январь.

чайше назначенная на постройку сгорѣвшихъ домовъ въ Казани. Каницъ желалъ открыть классы въ одномъ изъ монастырей или въ домѣ „новокрещенской школы“, но архіепископъ Веніаминъ не нашелъ возможнымъ исполнить это, потому въ особенности, что сгорѣвшая семинарія также нуждалась въ помѣщеніи. Какъ бы то ни было, но усиленными просьбами Каницъ добился, что въ октябрѣ 1774 года отведенъ былъ для классовъ обгорѣвшій домъ купца Пушеникова, на Проломной улицѣ ¹⁾, гдѣ, съ приличнымъ торжествомъ, 3-го ноября и открыто было ученіе. Вскорѣ однако классы перемѣщены были въ два казенные каменные дома ²⁾, и сенатскимъ указомъ 5-го февраля 1776 года велѣно было оставить ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не отстроится особенный для гимназій домъ.

Такимъ образомъ, по заботливости и настойчивости Каница, гимназій вновь приступили къ продолженію своихъ педагогическихъ обязанностей, менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца по своемъ раззореніи. Въ дѣлахъ 1779 года мы встрѣтили весьма замѣчательное упоминаніе о томъ, что „слово, говоренное въ публичномъ собраніи гимназій въ 1775 году, было напечатано въ числѣ 1.300 экземпляровъ и съ портретомъ“. Къ сожалѣнію, при этомъ не приведено полного заглавія этого „слова“, и не обозначено его содержаніе, а также и того, чей портретъ былъ къ нему приложенъ,—и потому мы, до сихъ поръ, при всѣхъ стараніяхъ, не могли отыскать его въ разныхъ библиографическихъ изданіяхъ.

Съ начатіемъ классовъ, Каницъ, по прежнему, съ полнымъ усердіемъ, предавался какъ устройству вѣтренныхъ ему заведеній, такъ и изысканію способовъ къ распространенію полезныхъ свѣдѣній въ публикѣ вообще. Казанскій губернаторъ, князь Платонъ Степановичъ Мещерскій, хотя и не получилъ достаточнаго образованія, однако, по всему видно, понималъ пользу ученія и содѣйствовалъ Каницу въ разныхъ предпріятіяхъ. Извѣстно, что Мещерскій, будучи тридцатилѣтъ отъ роду, во время похода Ласси въ шведскія владѣнія (1742), выучился у одного пастора нѣмецкому языку и впоследствии, въ Семилѣтнюю войну, еще болѣе усовершенствовалъ свои познанія. Теперь, какъ только водворилось спокойствіе въ краѣ, и Казань стала обновляться послѣ раззоренія, Мещерскій „за весьма полезное почелъ, чтобы

¹⁾ Рыбушкина, Ист. Казани, I, 119.

²⁾ Эти дома стоятъ рядомъ съ нынѣшнимъ зданіемъ 1-й Казанской гимназій и залаты уздымихъ училищемъ.

для образованія и удобренія нравовъ, при Казанскихъ гимназіяхъ моралическія, историческія и прочія сочиненія публично отъ времени до времени читаны были". Это вполне согласовалось съ желаніями Каницы, и онъ, „не взирая на крайнюю слабость своего здоровья и на приближающуюся старость лѣтъ", принималъ на себя чтеніе такихъ лекцій и продолжалъ ихъ, кажется, до конца своей жизни. Чтенія эти производились нѣсколько разъ въ году, обыкновенно въ свободные отъ ученія дни, въ послѣобѣденную пору, въ присутствіи губернатора и многочисленныхъ посѣтителей. Сочиненіе лекцій представляло Каницу не мало затрудненій, такъ какъ вся бібліотека его погибла, а пріобрѣтеніе новыхъ книгъ обходилось не дешево. Поэтому иногда чтенія эти исключительно состояли изъ „моралей" Геллерта, сочиненія котораго своею простодушною простотою, вразумительными правоученіями, безобидною, однако остроумною, шутливостію. въ ту пору пользовались громаднѣмъ успѣхомъ: извѣстно, что самъ Фридрихъ Великій, вообще не любившій нѣмецкой литературы и литераторовъ, называлъ Геллерта „le plus raisonnable de tous les savans allemands".—Не будемъ удивляться такимъ чтеніямъ. Если и въ наше время, наука, какъ бы оправдывая свое бытіе передъ обществомъ, угождаетъ его вкусамъ, домогается его покровительства и открываетъ иногда публичныя лекціи „популярно изложенныя",—то за 90 лѣтъ назадъ положительно было необходимо пробуждать въ общества участіе къ наукамъ или указаніемъ на прямую пользу, ими приносимую, или рѣшеніемъ такихъ практическихъ вопросовъ, въ которыхъ эта польза являлась не только очевидною, но даже осязаемою.

Такъ мы узнаемъ еще, что князь Мещерскій 5-го сентября 1777 г. прислалъ къ Каницу рогъ неизвѣстнаго животнаго, найденный въ берегу рѣки Камы, въ двухъ верстахъ ниже пригорода Лаишева (нынѣ уѣздный городъ), и предлагалъ изслѣдовать эту мѣстность: „не пайдется ли тамъ еще чего примѣчанія достойнаго". Плодомъ этого изслѣдованія было произнесеніе Каницею на публичномъ актѣ гимназіи „до наукъ касающесся слоно о естественныхъ въ Казанской губерніи обрѣтеніяхъ (*Dissertatio de naturalibus in gubernio Kazanensi detectis*)". Сочиненіе это, при отчетѣ о благосостояніи и успѣхахъ Казанскихъ гимназій, представлено было въ университетъ, конференція котораго постановила объявить Каницу благодарность и удовольствіе какъ за диссертацию, такъ и вообще за полезную дѣятельность его,—о чемъ и былъ онъ увѣдомленъ особеннымъ письмомъ директора М. В. Приклонскаго, 1-го ноября 1777 года.

Попеченія князя Мещерскаго о распространеніи просвѣщенія до-казываются еще и тѣмъ, что онъ малолѣтнихъ сиротъ дворянъ и разnochинцевъ, убитыхъ въ Пугачевщину, зачислялъ въ гимназій. Это значительно увеличивало число учениковъ; но какъ въ домахъ гимназій не было для нихъ помѣщеній, то по распоряженію губернатора, отведено было 12 квартиръ въ Татарской слободѣ и 4 въ городѣ, да и тѣхъ оказывалось недостаточно, почему Каницъ и просилъ губернатора (29-го августа 1779 г.) прибавить еще 6 квартиръ. Надобно замѣтить, что размѣщеніе учениковъ по разнымъ квартирамъ, удаленнымъ отъ гимназій, служило однимъ изъ главныхъ препятствій къ поддержанію бдительнаго надзора за ихъ нравственностію и давало поводъ, отчасти справедливый, къ прогуливанію учениками классовъ; информаторы (учителя) также нерѣдко пропускали свои классы, отсылаясь болѣзнію. Къ уничтоженію такихъ злоупотребленій Каницъ принималъ различныя мѣры: о неисправныхъ учителяхъ записано въ журналѣ (1-го августа 1777 г.) и постановлено имъ на видъ возможно точное исполненіе обязанностей. Что касается учениковъ, то съ ними поступали съ обыкновенною школьною строгостію, то-есть, наказывали розгами; но въ отношеніи казенныхъ учениковъ наказанія приняты были очень суровыя: такъ, за малоуспѣшность и другіе проступки учениковъ „изъ гимназій выкидывали, и въ примѣръ другимъ, отсылали въ Казанскую адмиралтейскую контору для записанія вѣчно въ матросы“.

Высокоторжественныя дни, какъ и прежде, ознаменовались особыми празднествами, которые однако, кажется, отличались меншею затѣйливостію; по крайней мѣрѣ, намъ не удалось видѣть подробныхъ описаній. 29-го іюня 1777 г., по случаю тезоименитства государя наслѣдника, великаго князя Павла Пестровича, „иллюминированы были всѣ города Казани улицы, въ числѣ оного и при Казанскихъ гимназическихъ домахъ поставлены на столбахъ два большіе жестяные съ зажженными свѣчами казенные въ три рубля фонари, которые и стояли до 12-го часа, а въ ономъ часу невідомо кѣмъ украдены“. Такое свѣдѣніе заимствовано нами изъ отношенія гимназій въ полицію объ отысканіи покраденныхъ фонарей; по открылись ли виновники, и возвращены ли фонари—не знаемъ.

Наблюдая за нравственностію учениковъ и въ особенности стараясь давать имъ приличныя развлеченія въ вакаціальные дни, Каницъ старался возобновить при гимназіяхъ театральныя представленія. 7-го ноября 1777 г. онъ далъ инспектору гимназій Листову

слѣдующій ордеръ: „Поколикъ въ разсужденіи будущей о праздникахъ Рождества Христова вакаціи, дабы тогда находящіеся въ Казанскихъ гимназіяхъ ученики безъ всякаго благороднаго упражненія не были, то гимназіи предпріяли, для полезнаго препровожденія времени, представлять въ оную вакацію театральныя дѣйствія, въ разсужденіи чего извольте всѣмъ оныхъ гимназій ученикамъ благороднымъ и разночинцамъ обоего содержанія объявить, что если кто изъ нихъ въ таковыхъ дѣйствіяхъ бытъ склонность и способность въ себѣ чувствуетъ, по объявленіи сего, явились бы къ господамъ информаторамъ Горенкову и Бабушкину ¹⁾, ибо таковыя представленія гимназіямъ похвальны и публикѣ полезны“. Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о томъ, какое послѣдствіе имѣлъ этотъ ордеръ, и состоялись ли предполагаемые спектакли. Принимая въ соображеніе, что тогда духъ субординаціи предписывалъ безотговорочное исполненіе всякаго желанія начальства, — можно думать, что спектакли состоялись, хотя бы и не пашлось учениковъ, чувствовавшихъ въ себѣ склонность и способность къ драматическимъ представленіямъ.

Что Каницъ обладалъ педагогическимъ тактомъ и умѣлъ пользоваться различными способами развитія учениковъ и распространенія полезныхъ знаній, — это доказывается различными его распоряженіями. Мы видѣли, что онъ, съ самаго почти вступленія въ должность директора, заботился о распространеніи круга преподаванія въ гимназіяхъ и ввелъ было особые классы для ученія о состояніи неба и земли, о приведеніи сердець и поступковъ въ порядокъ, а также о томъ, какъ удобнѣе и съ большею пользою надобно читать книги. Эти классы, однако, были отмѣнены, по предписанію конференціи университета, а велѣно руководствоваться тѣми методами, какіе предложены были Мелиссино. Но постоянный недостатокъ въ хорошо-приготовленныхъ учителяхъ былъ главною причиною неуспѣшности въ полномъ достиженіи предположенныхъ цѣлей. Еще Веревкинъ пытался учредить при гимназіяхъ родъ педагогическихъ засѣданій (конвенты), въ которыхъ учителя обсуждали мѣры „добраго правленія гимназій“, но такіа собранія также отмѣнены были по распоряженію университета. Между тѣмъ необходимость подобныхъ учительскихъ совѣщаній чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что между ними

¹⁾ Горенковъ былъ преподавателемъ ариметики и греческаго языка, а Бабушкинъ учителемъ исторіи.

чаще встрѣчались люди малосвѣдущіе или неопытные въ преподаваніи. Поэтому Каницъ и завелъ литературно-педагогическія бесѣды учителей, собиравшіяся ежемѣсячно и иногда по нѣскольکو разъ въ мѣсяцъ и происходившія въ его присутствіи. Такъ дѣло шло до 1774 года, а послѣ того, по причинѣ разворенія Казани и неустойства гимназій, эти собранія прекратились. Въ 1778 году Каницъ опять рѣшился возобновить ихъ и составилъ 4-го августа слѣдующій журналъ:

„Между прочими сихъ гимназій главнаго командира о ихъ благосостояніи попеченіями учреждено имъ, прежде общаго несчастія, чтобъ господа информаторы въ каждый мѣсяцъ по нѣскольکو разъ собирались въ аудиторію, гдѣ въ его присутствіи, при чтеніи полезнѣйшихъ сочиненій, разсуждаемо было о литературныхъ матеріалахъ, также и о изобрѣтеніи лучшихъ способовъ къ обученію и воспитанію обучаемого здѣсь юношества. А какъ сіе полезное учрежденіе по причинѣ бывшихъ притѣсненныхъ обстоятельствъ повинѣ прервано было, то симъ отнынѣ паки опредѣляется, чтобъ они каждаго мѣсяца по крайней мѣрѣ одинъ разъ собирались въ аудиторію, гдѣ-бъ при чтеніи и разсужденіи разныхъ до наукъ и правоученія касающихся піесъ почерпая хорошія мысли, сообщать ихъ могли и учащимся, дабы при обученіи ихъ положенному влияемо было въ нихъ просвѣщеніе разума, образованіе сердець и вкорененіе добродѣтели,—чрезъ что бъ памѣреніе гимназій, съ коимъ онѣ учреждены, къ пользѣ отечества часъ отъ часу съ лучшими плодами исполняемо быть могло. А передъ каждымъ собраніемъ извѣщено имъ о томъ быть имѣетъ наканунѣ. Буде жъ кто изъ нихъ чѣмъ-либо тогда отъ сего отказываться будетъ, тотъ покажетъ себя, что онъ о одобреніи своей должности, на которую онъ Богомъ призванъ, старанія прилагать не желаетъ, и съ таковымъ какъ съ нерачительнымъ исполнителемъ своей должности поступлено быть имѣетъ. И всѣмъ господамъ информаторамъ въ слышаніи сего опредѣленія подписаться“¹⁾.

О такомъ постановленіи Каницъ донесъ въ подробномъ рапортѣ, 11-го августа, новому куратору университета М. М. Хераскову, объяснивъ притомъ порядокъ ученія въ гимназіяхъ вообще и извѣстивъ о тѣхъ особыхъ лекціяхъ, которыя предприняты по вызову губернатора. На этотъ разъ университетъ не пашелъ такіи учительскіи собранія несообразными съ уставомъ, всего вѣроятно потому, что Херасковъ

¹⁾ Сравни. *Владимірова*, Историч. Записки, I, 108—110.

самъ весьма много заботился объ улучшеніи образованія учителей и съ этою цѣлю учредилъ при университетской гимназій педагогическую семинарію, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ столь извѣстный профессоръ Іоаннъ-Георгъ Шварцъ ¹⁾).

Къ 1778 году относится одна изъ замѣчательныхъ работъ Каница, — это составленіе плана древняго города Казани съ краткимъ объясненіемъ къ нему и описаніемъ осады и взятія Казани въ 1552 году. „Черезъ неутомимое по манускриптамъ и признакамъ изысканіе каждаго мѣста“ Каницу удалось опредѣлять границы старой деревняной стѣны, окружавшей Казань. Главнымъ и самымъ точнымъ способомъ опредѣленія этой черты послужили ему крестные ходы, совершаемые въ Казани съ иконою Смоленскія Божіей Матери ежегодно въ іюль мѣсяцѣ. Казань, какъ и всѣ старинныя города, состояла пѣкогда изъ кремля или собственно города, обнесеннаго каменною стѣною и ровомъ, и посада, который также огражденъ былъ деревянною стѣною. Остатки деревянной стѣны существовали еще въ первой четверти XVIII столѣтія и окончательно уничтожены по распоряженію извѣстнаго А. И. Воынскаго, бывшаго въ Казани губернаторомъ. Тогда не представлялось уже надобности въ этой оградѣ, потому что городъ былъ безопасенъ отъ вторженій непріятеля, и при увеличившемся населеніи стоявшія за стѣною слободы Красная, Рыбная, Суконная, Мокрая слялись съ посадами, стоявшими прежде внутри стѣны. Что касается упомянутыхъ крестныхъ ходовъ, то они установлены въ Казани съ 1654 года, въ память избавленія отъ моровой язвы. Каждый годъ 24-го іюня церковная процессія отправляется изъ Казани въ Седмюзерскую пустынь, находящуюся въ 17-ти верстахъ къ сѣверу отъ города ²⁾). Отсюда на другой день, по совершеніи литургіи, та же процессія, принявъ изъ монастыря икону Божіей Матери Смоленскія, отправляется въ городъ и къ вечеру приходитъ въ подгородный монастырь святыхъ мучениковъ въ Кизицѣ (въ слободу Кизическую, или по просторѣчію, „въ Хижицы“), гдѣ и остается икона до утра слѣдующаго дня. 26-го іюня съ величественною торжественностію, при громадномъ стеченіи народа, икона приносится уже въ самый городъ, прямо въ Благовѣщенскій соборъ, стоящій въ крѣпости ³⁾). Образъ остается въ Казани до 27-го

¹⁾ *Шварца*, Ист. Моск. универс., 219—222.

²⁾ Списокъ насел. мѣстъ Казанск. губ., № 49.

³⁾ Картина этой торжественной процессіи мастерски и живо описана въ этнографическомъ романѣ П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго) «За Волгою».

іюля, когда возвращается въ Седміозерскую пустынь, къ храмовому празднику „явленіе иконы Смоленскія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Одигитріа“. Въ теченіе этого мѣсяца икона, по особому росписанію, переносится изъ прихода въ приходъ, и тогда каждый житель того прихода считаетъ обязанностью принять святую икону въ своемъ домѣ. Независимо отъ того, совершаются два крестные хода 2-го и 20-го іюля: въ первый обходятъ юго-западную половину города, а во второй сѣверо-восточную половину. Ходы эти совершаются по улицамъ и переулкамъ, соответствующимъ направленію древней деревянной стѣпы; мѣста остановокъ, гдѣ совершаются литіи, соответствуютъ прежде бывшимъ городскимъ воротамъ. Вотъ эти крестные ходы и объяснили Каницу направленіе городской стѣны и обширность самаго города. Къ составленному на этихъ основаніяхъ плану Каницъ присоединилъ довольно подробное объясненіе и описаніе самой осады. Этотъ почтенный трудъ свой Каницъ, какъ увѣряютъ, посвятилъ митрополиту Веніамину. Въ дѣламъ гимназическихъ намъ не удалось встрѣтить никакого упоминанія объ этомъ планѣ, что очень странно, потому что Каницъ о большей части своихъ произведеній доводилъ до свѣдѣнія университета.

По важности и замѣчательности этого труда, позволяемъ себѣ сообщить о немъ нѣсколько подробнѣе.

Подлинный планъ города Казани и осады его въ настоящее время хранится въ депо картъ Главнаго Штаба (за № 2228) и по тщательности отдѣлки заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ начерченъ на листѣ длиною 1 $\frac{1}{2}$ аршина, шириною $\frac{3}{4}$ аршина. Масштабъ на немъ не означенъ. Верхняя треть листа занята планомъ Казани 1778 года: густымъ карминомъ означены старыя каменные зданія, тонкимъ карминомъ покрыты вновь возникшія каменные строенія; гуммигутомъ съ тушью означены всѣ тѣ части города, которыя уцѣлѣли отъ пожара во время Пугачевского разгрома 1774 года. На этомъ планѣ цифрами (1—23) помѣчены названія улицъ, а буквами (А — М) площади и другія мѣста въ городѣ. Кромѣ того, особомъ чертою означены окружность и направленіе существовавшихъ нѣкогда деревянныхъ стѣнъ, окружавшихъ Казань.

Нижнія двѣ трети листа заняты изображеніемъ плана осады Казани въ 1552 году. Къ этой части принадлежитъ слѣдующая надпись: „Расположеніе древняго города Казани, кое она дѣйствительно имѣла въ 1552 году, когда показаннымъ здѣсь образомъ обступлена российскимъ войскомъ и 2-го октября того же года взята была,

изъ древнихъ манускриптовъ, преданій и прилежнѣйшихъ изслѣдованій на мѣстахъ еще находящихся покрытыхъ (?) остатковъ собрано и при особенно краткомъ, но точномъ описаніи всего того, что во время осады и взятія дѣйствительно происходило на всемъ, выдано отъ Ю. оонъ-Каница". Для удобства сравненія древняго плана съ современнымъ на обоихъ поставлены одинаковыя буквы, означающія городскія ворота, башни, площади и проч. По сторонамъ плана помѣщены разныя пояснительныя надписи, между прочимъ, сказано, что „мѣстоположеніе отъ Волги до города и вокругъ онаго съ математическою точностію снято“.

„Изъясненіе плана древняго города Казани и описаніе осады и взятія его“ извѣстны намъ въ двухъ спискахъ, помѣщенныхъ въ принадлежащихъ библиотекѣ Казанскаго университета рукописныхъ сборникахъ подъ №№ 8417 и 8419 ¹⁾. Они никогда не были изданы; впрочемъ, напечатаніе ихъ можетъ имѣть значеніе только при изданіи самаго плана. Что же касается плана, то онъ также не изданъ доселѣ, но дважды служилъ источникомъ при составленіи плановъ собственно осады Казани, а именно въ 1833 году Н. Г. Устряловымъ и въ 1834 году М. С. Рыбушкинымъ ²⁾. Изъ этихъ двухъ изданій планъ у Рыбушкина до нѣкоторой степени можетъ быть названъ воспроизведеніемъ или копіей подлиннаго плана Каница, только не вездѣ удержаны въ немъ тѣ знаки, какія употреблены Каницемъ для объясненія движеній русскихъ войскъ и проч. Устряловъ въ своемъ изданіи воспользовался основною идеею чертежа Каница (котораго, замѣтимъ, почему-то онъ называетъ „архитекторомъ“), а въ сущности составилъ новый чертежъ, на которомъ движенія русскихъ войскъ приурочены къ слободамъ и деревнямъ, существующимъ нынѣ въ окрестностяхъ Казани. Главное же отступленіе отъ чертежа, составленнаго Каницемъ, состоитъ въ томъ, что Устряловъ, согласно свидѣтельству участника въ штурмѣ Казани—князя Андрея Курбскаго, а также и другимъ источникамъ ³⁾, ограничилъ пространство Казани лишь правымъ берегомъ Булака, тогда какъ у Каница стѣна город-

¹⁾ См. статью Историческія рукописи Казанскаго университета, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 8, отд. III, стр. 35—37, 40—44.

²⁾ Сказанія князя Курбскаго, издан. Устрялова, ч. I, стр. 310. Рыбушкина, Краткая исторія Казани, ч. I, стр. 32.

³⁾ Сказанія князя Курбскаго, ч. I, стр. 21. Царствениая книга или дѣтописецъ царя Ивана Васильевича (С.-Пб., 1769), стр. 269. Ср. *Татищева*, Ист. Росс., V, 343, 344, 346, 347, въ *Чтен. Моск. Общ. Ист.* 1847, кн. 9-я.

ская перенесена и на лѣвый берегъ этого рва-протока. Это совершенно справедливо, но тѣмъ не менѣе и показаніе Каница о стѣнѣ, существовавшей за Булакомъ (то-есть, на лѣвой сторонѣ Булака), нельзя считать безусловно ошибочнымъ. Первоначальное намѣреніе Каница заключалось въ томъ, чтобы опредѣлить границы деревянной стѣны, окружавшей Казань, и въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ, показавъ стѣну за Булакомъ, а ошибку сдѣлалъ въ томъ, что отчасти къ ней относилъ сказанія лѣтописей объ осадѣ. Слободы стали распространяться на лѣвый берегъ Булака вскорѣ послѣ взятія Казани: изъ писцовой книги Казани, составленной въ 1566 году, видно, что уже въ эту пору, то-есть, черезъ 15 лѣтъ по взятіи Казани, за Булакомъ уже существовали слободы ¹⁾. Геодезистъ Пестриковъ, составлявшій „Краткое описаніе царства Казанскаго“ въ 1739 году для В. Н. Татищева, говоритъ слѣдующее: „О деревянной крѣпости, въ которомъ году построена была и кѣмъ, извѣстія нѣтъ; а въ бытность губернатора Волынскаго разрушена до основанія. Она въ начало свое имѣла въ западную сторону отъ Никольскихъ воротъ и отъ рѣки Казанки и продолжалася чрезъ рѣку Булакъ и въ Мокрую слободу; а оттуда къ Татарскому мосту, который лежитъ на Булакѣ ²⁾, и прямо на гору, чрезъ Проломную улицу и къ Кузнечному ряду уваломъ; потомъ къ Федоровскому монастырю, а отъ Федоровскаго монастыря по увалу жъ рѣки Казанки внизъ, прямо до каменной крѣпости, къ церкви великомученицы Параскевіи, нареченныя Пятницы, и къ Дмитріевскимъ воротамъ“ ³⁾. Пестриковъ не могъ сдѣлать большихъ ошибокъ, потому что составлялъ описаніе свое не болѣе какъ лѣтъ пятнадцать спустя послѣ уничтоженія деревянной стѣны Волынскимъ, который управлялъ Казанскою губерніей съ половины 1725 до половины 1730 года. Слѣды этого „деревяннаго города“ въ ту пору еще могли быть очевидны и воспоминанія о немъ живы въ на-

¹⁾ Подлинная писцовая книга, извѣстѣ со множествомъ другихъ подобныхъ, хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Мы пользовались нѣкоторыми съ нея спискомъ, имѣющимся въ археографической комиссіи.

²⁾ Все это пространство находится на лѣвой сторонѣ Булака.

³⁾ Сочиненіе Пестрикова, безъ означенія его имени, извѣстно въ печати по немногимъ экземплярамъ оттисковъ, оставшихся отъ 2-го тома „Сибирскаго Сборника“, котораго печатаніе остановилось за смертію издателя Д. А. Валуева. Значительная часть его, представляющая современное автору состояніе Казани, введена почти буквально И. И. Рычковымъ въ его „Опытъ Казанской исторіи“, стр. 166—166.

родной памяти, тѣмъ болѣе, что и понинѣ, какъ мы сказали, въ память избавленія Казани отъ моровой язвы, крестные ходы совершаются по направленію бывшей деревянной стѣны, хотя съ тѣхъ поръ расположеніе городскихъ улицъ значительно измѣнилось по причинѣ пожаровъ, много разъ опустошавшихъ Казань въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ ¹⁾. Что касается времени построенія деревянной стѣны за Булакомъ, то она, по всей вѣроятности, возникла послѣ покоренія Казани, и мы думаемъ, что ея началомъ послужили преимущественно тѣ укрѣпленія, которыя устроены были Русскими при осадѣ города: „повелѣ туръ ставить по Булаку, вверхъ отъ Казани рѣки.... промежду туръ тынъ ставить, и утверди государь градъ Казанской крѣпостями своими,—ни въ городъ, ни изъ города вѣсть пройдетъ“ ²⁾. Во время Каница, лѣтъ черезъ 50 послѣ Волинскаго, послѣ страшныхъ пожаровъ, бывшихъ въ 1742, 1749, 1757 и особенно въ 1774 годахъ,—остатковъ стѣны, конечно, не существовало, и ему, дѣйствительно, приводилось составлять планъ „черезъ неутомимое по манускриптамъ и признакамъ изысканіе каждаго мѣста“. Во всякомъ случаѣ видно, что планъ, составленный Каницемъ, соответствуетъ показанію Пестрикова и вообще составляетъ весьма полезный источникъ при изученіи топографіи старой Казани.

Обращаемся къ изложенію событій, относящихся собственно до гимназій.

Устройство здацій гимназическихъ и вообще экономическое положеніе гимназій въ эту пору шло чрезвычайно медленно, не смотря на всѣ ходатайства Каница. Правда, еще въ ноябрѣ 1774 года, при утвержденіи общихъ правилъ для возобновленія Казани ³⁾, положено было начать постройку новаго гимназическаго дома; но на самомъ дѣлѣ къ этому почти не приступали и по прошествіи пяти лѣтъ послѣ того. Все ограничилось пока тѣмъ, что по распоряженію губернатора, улицу передъ (будущимъ) гимназическимъ домомъ выровняли, а вокругъ гимназическаго двора прорыли каналы, шириною въ два аршина, об-

¹⁾ Эти крестные ходы описаны у Рыбушкина, Исторія гор. Казани, I, 67—90, но еще съ большою подробностію въ статьѣ іеромонаха (нынѣ архимандрита) *Леониды Кавелина*: «Краткое изъясненіе плана древняго города Казани» и пр., помѣщенной въ *Малю* 1843 г., № 4.

²⁾ Царственная книга, стр. 269, 281. *Татищева*, Исторія Россійская, кн. V, 347, 352.

³⁾ Полн. Собр. Зап. т. XIX, № 14.214.—Городскія поселенія въ Россійской имперіи, т. II, стр. 299.

ложили ихъ дерномъ и осыпали пескомъ, а по берегамъ обсадили липками въ 4 аршина вышиною (см. донесеніе университету 26 августа 1779 года). Дѣло успѣшно и не могло идти, потому что на постройки особыхъ суммъ не отпускалось; все хотѣли исполнить „экономическимъ способомъ изъ свободныхъ остатковъ“, а остатковъ не оказывалось. Да и не могли они оказываться, потому что изъ ассигнованной по штату на гимназіи суммы 3.400 р. (считая тутъ и жалованье директору и информаторамъ) постоянно не досылалось по тысячѣ рублей, а иногда и болѣе. Вслѣдствіе этого въ дѣлахъ мы встрѣчаемъ безпрестанныя и весьма жалобныя просьбы о досылкѣ денегъ: гимназіи входили въ долги; учителя, раззорившіеся въ Пугачевщину, не получая жалованья, вынуждены были снискивать себѣ пропитаніе наймомъ въ разныя работы. Въ рапортѣ университету 7-го октября 1779 года Каницъ, описывая такое стѣсненное положеніе, между прочимъ выражается: „жители дивятся, что гимназіи такъ оставлены“. Обыкновенно суммы на содержаніе гимназій получались по векселямъ графа А. Р. Воронцова съ Шамбутскаго винокуреннаго завода, находившагося въ нынѣшнемъ Ланшевскомъ уѣздѣ ¹⁾. Такой способъ полученія денегъ оказывался крайне затруднительнымъ, потому что и самое управленіе казеннымъ винокуреньемъ шло неудовлетворительно.

Къ этому періоду жизни Каница и управленія его гимназіями относится слѣдующій разказъ И. И. Дмитріева. Когда Херасковъ издалъ „Россіаду“ (1779), то общество Новикова, состоявшее болѣею частію изъ почитателей поэта, вознамѣрилось написать разборъ его поэмы; но по неопытности въ критической оцѣнкѣ литературныхъ произведеній ничего не сумѣли сдѣлать. „Писали, чертили, переправляли, и наконецъ, при всемъ своемъ усердіи сознались въ своемъ безсиліи и предоставили этотъ трудъ совершить Нѣмцу, директору Казанской гимназіи. Ю. И. фонъ-Каницъ, не имѣвшій съ ними никакого сношенія, самопроизвольно сочинилъ на нѣмецкомъ языкѣ этотъ разборъ и помѣстилъ его въ *Рижскомъ Журналѣ*. Тогда тотчасъ поспѣлъ переводъ и напечатанъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, котораго издателемъ былъ г. Врайко, чиновникъ иностранной коллегіи“ ²⁾.

¹⁾ Списокъ селеній Казан. губ., № 1048. Замѣтимъ, кстати, что и содержаніе Московскаго университета значительною частью относилось на доходы съ книготорговли откуповъ. *Шеллереръ*, Ист. Москов. университет. стр. 59.

²⁾ *Дмитріевъ*, Взглядъ на мою жизнь, стр. 84. *М. Н. Ломоносовъ* въ своихъ

Посреди заботъ о приведеніи Казанскихъ гимназій въ надлежащее устройство, постигла Каница болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ 6-го марта 1781 г. Подробностей о послѣднемъ времени его жизни намъ не удалось встрѣтить; но между разными бумагами мы нашли отпускн двухъ прошеній, писанныхъ Каницемъ въ февралѣ 1777 г. Одно изъ нихъ на высочайшее имя заключало въ себѣ просьбу о производствѣ Каница въ чинъ коллежскаго совѣтника. Прописавъ всю свою службу до назначенія командиромъ гимназій, онъ излагаетъ всѣ труды свои въ этомъ званіи, о которыхъ мы сообщали въ своихъ мѣстахъ. Другое прошеніе на имя директора университета В. Е. Ададурова — о томъ же и въ главныхъ частяхъ почти буквально сходно съ первымъ прошеніемъ. Въ немъ только съ большими подробностями Каницъ описываетъ свое стѣсненное положеніе послѣ Пугачевского разворенія и какъ-бы смѣлѣе говоритъ о трудахъ своихъ, особенно указываетъ на свои сочиненія, которыя всегда „въ университетъ отъ каждаго публичнаго собранія посыланы были“. Нѣтъ сомнѣнія, что Каницъ въ этомъ случаѣ былъ откровеннѣе предъ Ададуровымъ, потому что тотъ еще въ 1772 году представлялъ его къ производству въ слѣдующій чинъ за приведеніе гимназій въ отличное состояніе и вообще за полезную и неутомимую его дѣятельность. Въ ходатайствѣ этомъ было, впрочемъ, тогда отказано, на томъ основаніи, что въ общихъ спискахъ чиновниковъ считалось еще 12 надворныхъ совѣтниковъ, которые по службѣ гораздо старше Каница. Теперь Каницъ просилъ возобновить представленіе о чинѣ и исходатайствовать прибавку 200 рублей къ получаемому имъ жалованью, потому что дороговизна содержанія въ Казани увеличивалась со дня на день, а онъ не имѣлъ возможности дѣлать какіе-либо денежные обороты, потому что хотя въ ту пору уже и былъ открытъ въ Казани банкъ, однако въ закладъ въ немъ принимались только населенныя имѣнія и драгоценности, а Каницъ не имѣлъ ни того, ни другаго. Просьбы Каница въ этотъ разъ имѣли болѣе успѣха: мы не знаемъ, сдѣлали ли ему прибавку жалованья, но можемъ сказать, что въ желаемый чинъ коллежскаго совѣтника онъ былъ произведенъ.

Управляя гимназіями болѣе 17 лѣтъ, Каницъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно выказалъ много усердія къ дѣлу распространенія просвѣщенія. Если ему и не удалось поставить ихъ на надлежащую сте-

библіографическихъ замѣткахъ о Херасковѣ (*Русскій Архивъ*, 1873 г.) не упоминаетъ объ этомъ разборѣ «Россіады».

ненъ совершенства, то выповать въ этомъ былъ не самъ онъ, а тѣ обстоятельства и отношенія, въ коихъ находился онъ, какъ лицо, подчиненное университету. Средства содержанія гимназій никогда не были обеспечены, а со времени Пугачевского раззоренія гимназій приходилось, какъ-бы вновь открывать. Надобно удивляться, какъ умѣлъ изворачиваться Каницъ, что гимназій не закрылись вовсе.

Несомнѣнно, что Каницъ былъ человекъ просвѣщенный и обладалъ свѣдѣніями разнообразными, если не глубокими; но насъ чрезвычайно удивляетъ то обстоятельство, что въ дѣлахъ гимназій мы не встрѣтили никакихъ извѣстій о посѣщавшихъ Казань и Казанскую губернію ученыхъ экспедиціяхъ. Въ періодъ управленія Каница здѣсь проѣзжали Палласъ, Ричковъ, Ленекинъ, Озерецковскій, Георгіи, Фалькъ,—послѣдній даже умеръ въ Казани, прекративъ жизнь свою, въ припадкѣ ипохондріи, выстрѣломъ. Казалось бы, что Каницу, какъ представителю учепости въ здѣшнемъ краѣ, слѣдовало являться посредникомъ въ сношеніяхъ этихъ лицъ съ мѣстными властями и т. п.; но повторяемъ, ничего подобнаго въ бумагахъ гимназическихъ не встрѣчается. Дѣйствительно ли Каницъ не входилъ ни въ какія сношенія съ учеными путешественниками, или не сохранилось о томъ извѣстій, быть можетъ, потому, что самъ Каницъ считалъ эти сношенія неважными,—рѣшить трудно ¹⁾. Не менѣе странно и то, что всѣ упомянутые путешественники въ своихъ запискахъ не говорятъ ничего о гимназіяхъ и ихъ директорѣ. Только у одного Фалька встрѣчается слѣдующее коротенькое и неудовлетворительное упоминаніе: „Казанская гимназія состоитъ подъ вѣдѣніемъ Московскаго университета“ ²⁾, тогда какъ о семинаріи и училищахъ для дѣтей иностранцевъ сообщаютъ нѣкоторыя подробности. Должно ли приписать это тому, что путешественники-естествоиспытатели, болѣею частію, скупились сообщать свѣдѣнія о предметахъ, не касавшихся спеціальной

¹⁾ Скажу съ большою осторожностію: быть можетъ, и не умѣлъ отыскать слѣдовъ этихъ сношеній. Вообще, было бы желательно, чтобы кто-нибудь изъ Казанцевъ съ большою тщательностію проинтудировалъ старинный архивъ гимназій. Въ началѣ своей статьи я объяснялъ, что мое знакомство съ архивомъ вызвано было другою цѣлью и теперь, по истеченіи 20 лѣтъ, я не смѣю съ увѣренностію говорить, что я въ свои замѣтки внесъ все достопримѣчательное. Прибавлю и то, что когда я разсматривалъ дѣла гимназій, то не думалъ, что я оставлю Казань; нѣсколько дѣлаю самыхъ краткихъ замѣтки, подвиги, въ случаѣ надобности обратиться прямо въ петочинну.

²⁾ Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, VI, 171.

дѣли ихъ экспедицій, или въ ихъ молчаніи слѣдуетъ видѣть приговоръ о состояніи гимназій.

Состояніе гимназій, дѣйствительно, какъ мы знаемъ, въ строгомъ смыслѣ, похвалить, конечно, было нельзя. Каницъ, по его личнымъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ начальствующимъ лицамъ въ университетѣ, хотя съ величайшими хлопотами, однако улаживалъ дѣла; те- перь, съ его смертію, эти отношенія еще болѣе нарушились.

VIII.

Послѣ Капица „командованіе“ гимназіями принялъ преміеръ-майоръ *Георгъ Ведель*; но не надолго, и исправленіе должности командира поручено было инспектору гимназій коллежскому регистратору *Борису Листову*¹⁾.

Листовъ управлялъ гимназіями около года. Немного свѣдѣній можно сообщить о гимназіяхъ за этотъ періодъ. Можно сказать одно, что гимназій продолжали существовать подъ тѣми же неблагоприятными условіями неоснащенности въ средствахъ. Полагаемъ, что главною причиною такого положенія дѣлъ служило то обстоятельство, что въ эту пору уже были въ ходу новыя предположенія правительства относительно устройства учебныхъ заведеній вообще, окончившіяся открытіемъ особой „комиссіи объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ“²⁾. Конечно, въ ожиданіи этихъ преобразованій, Московскій университетъ и не находилъ удобнымъ принимать настойчивыя мѣры къ обезпеченію гимназій, удаленныхъ отъ непо-

¹⁾ Листовъ происходилъ изъ духовнаго званія и кончилъ курсъ въ Казанской семинаріи. Въ гимназію поступилъ онъ учителемъ съ 1762 года, а съ 1770 года былъ инспекторомъ и за труды, понесенные во время раззоренія Казани Пугачевымъ, произведенъ былъ за отличіе въ чинъ коллежскаго регистратора. Последствіемъ, когда гимназія была закрыта, Листовъ поступилъ въ гражданскую службу и былъ стрѣлкомъ въ Казанской верхней расправѣ.

²⁾ Указъ 7-го сентября 1782 года.—Полн. Собр. Зак. т. XXI, № 16507.—«Первоприсутствующимъ» въ комиссіи былъ Завадовскій, впоследствии графъ и первый министръ народнаго просвѣщенія. Екатерина II возлагала великія надежды на просвѣтительное вліяніе этихъ училищъ. *Храновицкій* (Записки, 18-го іюля и 20-го октября 1782 г.) приводитъ слѣдующія слова императрицы: «Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; колы скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ нѣспііа не надобно.... Заведеніемъ народныхъ школъ разнообразныя въ Россіи обычаи приведутъ въ согласіе, и исправятся нравы». Для организціи школъ былъ приглашенъ изъ Австріи ученый педагогъ Сербъ *Ф. И. Янковичъ де-Миріево*.

средственнаго наблюденія и къ тому же подвергшихся страшному разгрому. Въ 1781 г. открыто было Казанское намѣстничество ¹⁾. По этому случаю часть гимназическаго помѣщенія, именно „командирскіе покои“ (такъ какъ настоящаго командира не было) заняли подъ гражданскую и уголовную палату. Ученики, по прежнему, жили на отведенныхъ квартирахъ въ Татарской слободѣ.

Личный составъ гимназическихъ преподавателей въ эту пору былъ слѣдующій: инспекторъ Борисъ Листовъ преподавалъ латинскій языкъ въ среднихъ классахъ; катихизитаторомъ греко-россійскаго исповѣданія былъ священникъ Левъ Федоровъ; информаторы преподавали: Григорій Горенковъ — ариметику въ высшихъ классахъ и греческій языкъ; Филиппъ Фастрицкій — языкъ россійскій и въ нижнихъ классахъ ариметику и латинскій языкъ; Егоръ Бабушкинъ — исторію, съ присовокупленіемъ правоученія, и географію; Ларіонъ Ивановъ — геометрію, тригонометрію и фортификацію; Петръ Лаурини — латинскій языкъ въ высшихъ классахъ; Даниилъ Редеръ — нѣмецкій языкъ въ высшихъ, а Ивандъ Рейхвальдъ — въ нижнихъ училищахъ; Иванъ Лаватеръ — французскій языкъ; Искандъ Хальфинъ — татарскій языкъ, Даниилъ Орфеевъ — музыку и Василій Смирновъ — рисованіе.

О количествѣ учениковъ свѣдѣній не имѣемъ, но въ одномъ отпускѣ „объясненія“, представленнаго гимназіями въ намѣстническое правленіе ²⁾, говорится, что хотя на казенномъ содержаніи предписано имѣть 40 дворянъ и столько же разночинцевъ съ тѣмъ, чтобы по обученіи ихъ предписанному отправлять въ Московскій университетъ къ слушанію профессорскихъ лекцій и къ производству ихъ въ студенты, да кромѣ того, еще 60 разночинцевъ для приуготовленія ихъ въ приказное званіе, — однако полнаго числа не состоялось на лицо, за „неопредѣленіемъ на содержаніе суммы“. „Но Казанскія гимназіи“, прибавляло объясненіе, — „твердую имѣютъ надежду, что, при высочайшемъ попеченіи премудрыя обладательницы о распространеніи въ отечествѣ наукъ, оныя, чрезъ одареніе всѣмъ для нихъ потребнымъ, въ совершенное процвѣтаніе приведены будутъ“. На сколько осуществились эти лестныя надежды, увидимъ далѣе. Здѣсь же, для курьеза,

¹⁾ Сентябрь 28 и 30-го. См. Полн. Собр. Зап., XXI, №№ 15.241 и 15.243. Торжественное же открытіе совершено 23-го декабря 1781 г. Генералъ-губернаторомъ Казанскимъ и Пензенскимъ остался князь П. С. Мещерскій, а губернаторомъ Казанскимъ назначенъ Илья Богдановичъ Бибииковъ.

²⁾ Въ дѣлахъ 1782, л. 443 и 516.

приведемъ замѣченную нами форму исключенія неблагонаправленныхъ и лѣзвыхъ учениковъ своекоштныхъ. Такъ ученика Брудинскаго вѣлѣно было „при всѣхъ прочихъ ученикахъ изъ гимназій чрезъ сторожа выбить“. Въ чемъ состояла вина его, и въ своихъ замѣткахъ не нахожу ¹⁾.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1782 года командиромъ гимназій назначенъ Казанскаго 3-го баталіона подполковникъ *Иванъ Федоровичъ фонъ-Людemanъ*, кажется, съ оставленіемъ и въ прежней должности.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о прежней дѣятельности этого новаго директора и не можемъ сказать, на чемъ основывались его права на полученіе званія главнаго руководителя по учебной части въ краю, столь обширномъ и удаленномъ отъ столицы, гдѣ находились учебныя заведенія. Впрочемъ, сколько можно заключать изъ бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи матеріаловъ, фонъ-Людemanъ обладалъ нѣкоторыми свѣдѣніями и вообще довольно внимательно относился къ гимназіямъ.

Главною заботой его было обезпеченіе экономическаго состоянія гимназій. Доноси университету (2-го мая 1782 года) о вступленіи своемъ въ должность (29-го апрѣли), Людemanъ довольно обстоятельно описываетъ состояніе гимназій въ учебномъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Онъ особенно распространяется о томъ, что учителя и ученики постоянно пугаются до крайности въ деппгахъ, потому что гимназій никогда не получаютъ полной ассигнованной по штату суммы, и усерднѣе проситъ начальство университета обратить на это обстоятельство милостивое вниманіе, и, сколь возможно, устранить его вовсе, или по крайней мѣрѣ, ослабить его неблагопріятное и даже вредное вліяніе. Ученики, живущіе разбѣянно по отдаленнымъ концамъ города, на бѣдныхъ квартирахъ, легко портятъ свою нравственность, потому что бдительный надзоръ за ними оказывается рѣшительно невозможнымъ. Хотя вмѣсто погорѣвшихъ въ 1774 году деревянныхъ зданій и разрѣшено построить для гимназій каменный домъ, однако, исполненіе такого предположенія не предвидится въ близкомъ будущемъ, почему Людemanъ и проситъ университетъ дозволить ему обратиться съ просьбою къ генералъ-губернатору князю Мещерскому о занятіи какого-либо казеннаго зданія подъ квартиры учениковъ, „пока пастоящій гимназическій

¹⁾ Еще свѣдѣнія относящіяся къ 1781 году: возъ сѣна въ Казани продавался за 50 коп., пудъ «простыхъ сальныхъ» свѣчъ стоить 2 руб. 60 коп.

домъ построенъ будетъ". Необходимость такой мѣры Людеманъ доказывалъ тѣмъ, что „если ученики и впредь порознь находиться будутъ, то никогда сіе въ пользу отечества учрежденное училище въ принадлежащее процвѣтаніе привести невозможно будетъ“.

Представленіе Людемана не достигло исполнѣнн сѣй цели. Университетъ держался въ подобныхъ случаяхъ давно принятой системы молчанія, которое прерывалось только послѣ многократныхъ убѣдительныхъ просьбъ, да и то не всегда совершенно удовлетворительнымъ отвѣтомъ. А между тѣмъ Людеманъ для совокупнаго помѣщенія всѣхъ учениковъ присклаъ въблизи гимназіи довольно удобный домъ, „только онъ ни спутри, ни снаружи былъ еще не отстроенъ“: Людеманъ все-таки донесъ университету (20-го іюня) о выгодоности приобрѣтенія или найма этого дома. Черезъ двѣ недѣли послѣ того (4-го іюля), Людеманъ рапортовалъ университету, что въ гимназіяхъ публичнаго экзамена учиться было пельзя, потому что большая часть гимназическаго помѣщенія взята подъ гражданскую и уголовную палаты. Онъ просилъ при этомъ, чтобы университетъ отнесся къ генералъ-губернатору о перемѣщеніи палатъ и объ освобожденіи помѣщенія для гимназій.

Вотъ каковы были пужды гимназій Казанскихъ; по университетъ оставлялъ ихъ безъ удовлетворенія, и только черезъ два года по вступленіи Людемана въ должность послѣдовалъ положительный отвѣтъ на одно изъ главныхъ его ходатайствъ. Директоръ университета М. В. Приклонскій, 12-го марта 1784 года, увѣдомилъ Людемана: „дабы учителя отъ неполнаго жалованья не могли претерпѣвать въ содержаніи себя крайней нужды, а паче къ лучшему во всѣхъ (во всемъ?) сихъ гимназій содержанію“, — прибавлено еще 500 руб. къ положеннымъ по штату 2.900 рублямъ. Но и это увѣдомленіе нѣсколько странно, потому что еще въ 1765 году къ штатной суммѣ прибавлено было 500 руб., и общій бюджетъ гимназій съ тѣхъ поръ ностоимно простирался также до 3.400 руб. Правда, эти 500 рублей тогда назначались собственно въ жалованье фонъ-Каницу; но въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, положенная сумма никогда не высылалась и въ 1779 году Каницъ именно указывалъ на это. Мы не знаемъ, какъ при жизни Каница пополнялись эти дефициты по штату; но очевидно, что университетъ, съ смертію Каница, вовсе прекратилъ отпускъ этой прибавочной суммы, и конечно, нѣмалъ достаточное къ тому основаніе. Теперь эта прибавка вводилась въ штатъ, какъ существенная его часть.

Что касается дѣятей Людемана въ отношеніи къ учебной части гимназій, то личность его какъ-то не ясно обрисовывается. Встрѣчается въ дѣлахъ 1784 года очень интересное извѣстіе о томъ, что у него каждую недѣлю устраивались концерты, въ которыхъ участвовали знающіе музыку информаторы Де-Моръ и Рейхвальдъ и даже постороннія лица. Это обличаетъ въ Людеманѣ любителя изящныхъ искусствъ, и его концерты, въ нѣкоторомъ отношеніи, замѣнили прежнія театральныя представленія, имѣвшія цѣлью проводить въ публику, то-есть, въ массу народа, идея гуманности и даже разныя политическія свѣдѣнія.

Нельзя оставить безъ замѣченія также и то обстоятельство, что въ эту пору университетъ какъ-то вообще мало относился къ гимназіямъ. Эти отношенія почти исключительно касаются предметовъ чисто служебныхъ, что называется канцелярскихъ, напримѣръ, о производствѣ инспектора гимназій Бориса Листова (указомъ 16-го іюля 1784 года) въ губернскіе секретари, и т. п. Сюда же принадлежитъ и сообщеніе, что указомъ 11-го марта 1784 года Высочайше повелѣно, „если кто изъ академиковъ, профессоровъ или адъюнктовъ употребленъ будетъ комиссіею объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ для дѣлъ, ей порученныхъ, въ томъ не надлежитъ препятствовать или же затрудненія дѣлать“. Это общее постановленіе прямо не относилось до Казанскихъ гимназій, потому что никто изъ здѣшнихъ учителей, сколько извѣстно, въ комиссію приглашенъ не былъ.

Ничего также нельзя сказать о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ Казанскимъ гимназіямъ находились Московскія „Учебное дружеское общество“ и „Типографическая компанія“, дѣятельность которыхъ въ это время была въ полномъ развитіи. Можно предполагать, что оба эти учрежденія, стремившіяся къ распространенію „различнаго рода книгъ, особливо же учебныхъ, и о доставленіи ихъ въ училища“, не забыли Казанскихъ гимназій, подчиненныхъ Московскому университету, типографію котораго знаменитый Н. И. Новиковъ взялъ въ откупъ па десять лѣтъ еще въ 1779 году и вскорѣ сблизился тѣснѣйшимъ образомъ съ „Нѣмчикомъ“ И. Е. Шварцемъ, а черезъ него и съ П. А. Татищевымъ, богатымъ Казанскимъ помѣщикомъ, который, ставши усерднымъ масономъ, сдѣлалъ большія пожертвованія на предпріятія „Дружескаго ученаго общества“. Новиковъ, стараясь о распространеніи книжной торговли, завелъ комиссіонеровъ и открылъ книжныя лавки въ различныхъ городахъ; но ни откуда не видно,

чтобы комиссіонерство или книжныя лавки учреждены были въ Казани ¹⁾. И. И. Дмитріевъ, ссылаясь на И. П. Тургенева, одного изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ и друзей Новикова, положительно утверждаетъ, что Казанецъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Новиковскимъ обществомъ ²⁾. Это свидѣтельство очень важно; по вообщу какъ-то трудно представить, чтобы „Дружеское общество“ или „Типографическая компанія“ не имѣли никакихъ отношеній къ Казани, гдѣ еще въ 1776 году существовала масонская ложа „Восходящаго солнца“ ³⁾. Что въ дѣлахъ гимназическаго архива не удалось открыть свѣдѣній по этому любопытному предмету, то это я готовъ приписать самому себѣ, потому что въ свое время не обратилъ должнаго вниманія на счеты о приобрѣтеніи книгъ и т. п. Это замѣчаніе пусть послужитъ указаніемъ для того, кто со временемъ тщательно займется разсмотрѣніемъ дѣлъ гимназическаго архива.

Особенно замѣчательны въ этомъ періодѣ случаи, дававшіе поводъ генераль-губернатору князю Мещерскому вступать въ сношенія съ гимназіями.

Въ іюнѣ 1782 года гимназіямъ было сообщено, что въ непродолжительномъ времени прибудетъ изъ Петербурга въ Казань полковникъ Алексѣй Михайловичъ Бушуевъ, имѣющій у себя указъ путешествовать въ нѣкоторые Россійскаго государства города, и что съ нимъ находятся нѣсколько офицеровъ гвардіи и одинъ профессоръ академіи. Въ случаѣ посѣщенія ими гимназій предлагалось удовлетворять ихъ любопытство и сообщать имъ все потребное къ приобрѣтенію полезнѣйшихъ о своей землѣ познаній.

Изъ дѣлъ гимназій усматривается, что эти путешественники прибыли въ Казань въ концѣ іюля и осмотрѣли гимназій, — но болѣе никакихъ подробностей мы не встрѣтили. Изъ другихъ же источниковъ объ этихъ путешественникахъ знаемъ слѣдующее.

Почти съ самаго открытія шляхетскаго сухопутнаго корпуса въ числѣ кадетовъ состоялъ „нѣкакій воспитанникъ г. Вобриискій“. Носилась въ народѣ тайная молва, что находящаяся въ Тульской губерніи и прославившаяся во всей Россіи „Вобриковская, а также

¹⁾ М. Н. Ломоносова, Новиковъ и Московскіе Мартинисты, 110, 122, 126, 138, 209. Между тѣмъ, книжныя лавки при гимназіи открыты были въ Казани еще въ 1762 году.

²⁾ И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 84.

³⁾ Русскій Вѣстникъ 1857 г. ч. XII, стр. 175. Пекарскій, Дополненія къ исторіи масонства, стр. 181.

и присоединенная къ ней знаменитая Богородицкая, также и прикупленная на доходъ съ сихъ третья Кіасовская, волости назначались этому воспитаннику". Такъ говоритъ извѣстный своими мемуарами А. Т. Волотовъ, занимавшійся строеніемъ палацо и разведеніемъ сада въ селѣ Бобринскѣ, и присовокупляетъ къ тому, что званіе его (Бобринскаго), сходственное съ Бобринковскою волостью, и отличное отъ всѣхъ прочихъ казенныхъ деревень управленіе сихъ волостей, называвшихся все время правленія императрицы ея собственными, украшеніе ихъ разными зданіями, несмѣшливое доходовъ съ нихъ ни съ какими иными государственными, а доставляваніе оныхъ въ особо назначаемыя мѣста, и наконецъ, препоручиваніе оныхъ всегда особымъ командирамъ и содержаніе ихъ во всемъ почти на дворянскомъ правѣ, подавали поводъ къ таковымъ заключеніямъ, и всѣ почти не сомнѣвались, что они выбудутъ нѣкогда изъ казеннаго вѣдомства и пожалованы будутъ компанутому знаменитому воспитаннику" ¹⁾. Въ 1782 году кадетъ Бобринскій выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ лейбъ-гвардіи поручика. По уставу корпуса, отличные изъ выпускаемыхъ кадетовъ предназначаемы были въ путешествіе по Россіи и за границу. Вслѣдствіе этого главный начальникъ корпуса Н. И. Бецкій избралъ четырехъ молодыхъ поручиковъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, Алексѣя Ульяновича Волотникова, Николая Сергѣевича Свѣчина и Николая Ивановича Борисова; въ руководители имъ назначены полковникъ Алексѣй Михайловичъ Бушуевъ и академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій ²⁾.

Для молодыхъ путешественниковъ была составлена 20-го мая

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1864 г., стр. 751—753.

²⁾ Вся эти молодые путешественники впоследствии занимали весьма видныя мѣста въ государственной службѣ. А. Г. Бобринскій (1762—1813 гг.) при Елизаветѣ достигъ чина бригадира, а императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-майоры и пожаловалъ ему графское достоинство. А. У. Волотниковъ былъ действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, голясторомъ и членомъ государственнаго совѣта. Н. С. Свѣчинъ былъ Санктпетербургскимъ комендантомъ и генералъ-провіантмейстеромъ; онъ былъ женатъ на Софѣи Петровнѣ Соимоной, перешедшей въ католичество и до конца своей жизни оставшейся ультрамонтанкою. Объ Алексѣѣ Михайловичѣ Бушуевѣ извѣстно, что онъ состоялъ въ званіи адъютанта при А. И. Вибиновѣ, сопровождалъ его въ разныхъ путешествіяхъ и занимался перепискою его бумагъ, такъ какъ отличался красивымъ почеркомъ; онъ выходилъ при Вибиновѣ до самой его кончины. *Н. К. Грота, Матеріалы для истор. Пугачевск. бунта*, стр. 10.

Безцѣмъ краткая, но замѣчательная инструкція, которую мы считаемъ не лишнимъ привести вполнѣ.

„Для путешествія вашего положено три года; а какъ познаніе своей земли необходимо нужно для всякаго благороднаго гражданина, уготовляющагося служить съ отмынною пользою отечеству, то и можете вы расположить путешествіе слѣдующимъ образомъ:

1) „Начать оное по Россіи, отсюда въ Москву, по вѣстѣмъ знатымъ, или хотя и не знатымъ, но въ разсужденіи пріобрѣтенія полезныхъ знаній достойнымъ любопытства городамъ, не оставая и части Сибири до Пермской губерніи, заключающей въ себѣ толь много отмынностей, и наконецъ, проѣзжая Малороссію чрезъ Кіевъ, въ чужихъ краяхъ Польшею, а оттуда въ Вѣну, въ Италію, въ Швейцарскіе кантоны, во Францію, Англію, Голландію и чрезъ Германію, а буде время допустить, то и чрезъ Данію и Швецію, предпріять обратный путь.

2) „Вамъ извѣстно, что всякое путешествіе въ чужихъ краяхъ должно имѣть себѣ предметомъ просвѣщеніе, пріобрѣтаемое познаніемъ свѣта, то-есть, людей, разностию климатовъ и правленіи до безконечности отличаеваемыхъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, великолѣпныхъ остатковъ ихъ минувшей славы и чѣмъ нынѣ славятся, ихъ образа правительства и слѣдствій онаго, причиняющихъ возвышенія, упадки, благоденствія и удрученіе народовъ, ихъ успѣховъ въ наукахъ или художествахъ; ихъ полезныхъ заведеній, установленій, воспиталищъ и обращенія въ бесѣдахъ. и словомъ, всего, что достойно похвалы и подражанія, и даже и того, что подвержено осужденію, для избѣжанія онаго; то надѣюсь, что, подкрѣпляемые совѣтами г. Бушуева, вы не пропустите ничего, заслуживающаго уваженія изъ пространной живой книги, выразительнѣе всякихъ книгъ научающей почерпнуть всѣ возможныя свѣдѣнія къ большому образованію сердца и разума, дабы со временемъ принести существительныя услуги своему отечеству.

3) „Къ основательнѣйшему самихъ себя наставленію почитаю за весьма нужное вести дневныя записки или журналъ всему, что видѣли, присоединяя ваши собственныя примѣчанія и разсужденія. Въ Россіи можетъ вамъ въ томъ вспомошествовать г. Озерецковскій, уже путешествовавшій по оной, которому также вести журналъ особый; почему, по свѣдѣнію его, удобнѣе пріобрѣтете полезнѣйшія познанія о своемъ отечествѣ какъ въ разсужденіи даровъ, конни его натура снабждаетъ, такъ и въ разсужденіи челоувѣчества, дѣламъ свои на-

блюденіи о всемъ, что до сего касается, какъ-то о новомъ учрежденіи намѣстниковъ, о естественныхъ произведеніяхъ земли, о хлѣбонашествѣ, о торговлѣ, о правѣ, обычаяхъ жителей, о ихъ привольяхъ и недостаткахъ.

4) „Для лучшаго споспѣшествованія къ достиженію въ семъ путешествіи полагаемыхъ полезныхъ предметовъ, вручаются вамъ препоручительныя письма, въ Россіи — ко всѣмъ губернаторамъ, а въ чужихъ краяхъ — къ министрамъ и прочимъ особамъ, могущимъ съ выгодою вамъ вспомошествовать, чрезъ которыхъ можете присылать извѣстія, какъ о себѣ, такъ и о томъ кратко, что достойнѣе всего вашимъ любопытствомъ замѣчено“¹⁾.

Въ рекомендательныхъ отношеніяхъ къ губернаторамъ Бецкій, между прочимъ, выражался: „Препоручаю ихъ вспомошествованію вашему, надѣясь, что не изволите оставить, по желанію ихъ, согласному съ совѣтами г. Бушуева, преподать имъ легчайшихъ способовъ во всемъ томъ, что какъ къ удовольствованію ихъ любопытства, приобрѣтающаго имъ полезнѣйшія о своей землѣ познанія, такъ и всего, что къ достиженію полагаемыхъ въ семъ путешествіи предметовъ нужно отъ вашего наставленія или какого другаго пособія“²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такой обстановкѣ путешественники встрѣтили вездѣ отличный пріемъ: губернаторы употребили возможные способы, дабы открыть имъ все, что могло сыскаться нужное и полезное къ свѣдѣнію, споспѣшествуя притомъ похвальному ихъ любопытству. Поэтому было бы чрезвычайно любопытно знать, представлены ли ими вполнѣдствіи требуемые журналы, и гдѣ они находятся. Относительно журнала Н. Я. Озерецковскаго извѣстно, что въ печати его нѣтъ; но, быть можетъ, въ архивѣ Академіи Наукъ есть особыя донесенія его объ этомъ путешествіи.

Другое замѣчательное отношеніе генералъ-губернатора къ Казанской гимназій въ 1872 году касалось слѣдующаго предмета. По указу ея императорскаго величества, находящійся у принятія челобитенъ на высочайшее имя полковникъ Соймоновъ³⁾ сообщилъ князю Мещерскому планъ къ сочиненію топографическаго описанія намѣстни-

¹⁾ *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1863, IV, 143—146.

²⁾ *Русскій Архив* 1865 г., стр. 951.

³⁾ Статсъ-секретарь Петръ Александровичъ Соймоновъ управлялъ русскою придворною труппой; онъ былъ племянникомъ извѣстнаго составителя порныхъ картъ Каспійскаго моря — Фед. Ип. Соймонова. О дочери Соймонова, Софьѣ Петровнѣ, по мужу Сибирской, упомянуто выше.

честна „для сочиненія генеральнаго описанія Россійской имперіи“. Вслѣдствіе этого, намѣстническое правленіе и потребовало отъ гимназій свѣдѣній о началѣ и настоящемъ состояніи ихъ. Планъ описанія намѣстничества намъ не извѣстенъ, потому что въ дѣлахъ гимназическихъ его нѣтъ, а есть только отпускъ съ доставленными гимназіями свѣдѣній (столбъ дѣлъ 1782 г., л. 443 и 516). Въ царствованіе Екатерины II необходимость статистическихъ и политико-экономическихъ свѣдѣній сдѣлалась уже ощутительною и потому явилось нѣсколько попытокъ составленія описаній губерній, провинцій и всей Имперіи. Такъ, указомъ 1766 года вмѣнено было въ обязанность землемѣрамъ, при производствѣ собственно межевыхъ работъ, составлять особыя описанія или вносить въ особый журналъ такіе свѣдѣнія, которыя послужили бы матеріаломъ для составленія такихъ описаній; позднѣйшими указами 1771, 1777 и 1788 годовъ эта программа значительно расширена ¹⁾. Кроме того, извѣстны и другія предпріятія въ этомъ родѣ. Императорское вольное экономическое общество, тотчасъ послѣ учрежденія своего, обнародовало рядъ вѣдомостей, отнѣсы на которые должны были служить къ объясненію сельскаго хозяйства въ разныхъ губерніяхъ: при всей спеціальности этой программы, собранныя обществомъ свѣдѣнія представляли хорошій матеріалъ для изображенія картины государства съ хозяйственной точки зрѣнія. Еще важнѣе предпріятіе Императорской Академіи Наукъ: въ 1777 году директоръ ея С. Г. Домашневъ, желая составить что-нибудь цѣльное изъ обширнаго запаса свѣдѣній, собранныхъ путешествовавшими по Россіи академиками, предложилъ общими силами Академіи издать „всеобщее географическое, историческое, политическое, физическое и экономическое описаніе Россіи“. Для обсужденія плана предполагавшагося изданія образованъ былъ особый комитетъ изъ академиковъ Румовскаго, Палласа, Лахманна, Лепехина, Гюльденштедта и адъюнктовъ Иноходцева и Георги. Этотъ комитетъ составилъ очень подробный и тщательно обдуманный планъ, изданный отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Начертаніе общаго топографическаго и физическаго описанія Россійской имперіи, предпринятаго Императорскою С.-Петербургскою Академіею Наукъ“ (С.-Пб., 1778, въ 4 д. л.). По плану комитета

¹⁾ Полн. Собр. Зак. XVII, № 12711, XIX, № 13953, XX, № 14610 и XXII, № 16676. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1848, XXI, 40 — 56; 1849, XXVI, 228 — 270, XXVII, 51—86, 204—235; *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 7, III, 7, 8.

изданіе должно было состоять изъ слѣдующихъ частей: 1) общее географическое описаніе Россіи; 2) общее историческое описаніе Россіи; 3) общее статистическое описаніе Россіи; 4) особенная географія Россійскаго государства и 5) физическое онаго же описаніе. Сочиненіе статей, долженствовавшихъ войти въ первую часть, члены комитета (къ которымъ присоединился инспекторъ академической гимназіи Бакмейстеръ) распредѣлили между собою. „Сіе раздѣленіе трудовъ подтверждаю“, написалъ Домашневъ, — „препоручая почтеннѣйшимъ господамъ членамъ комитета скорѣйшимъ произведеніемъ онаго въ исполненіе соответствовать справедливой истертиальности общества видѣть плоды отъѣнныхъ ихъ дарованій“. Не смотря на всѣ такіа приготовленія, „почтеннѣйшіе господа члены комитета“ ничего не сдѣлали болѣе, кромѣ упомянутой брошюры ¹⁾.

Кѣмъ составлялъ былъ „Планъ къ сочиненію топографическаго описанія намѣстничествъ“, присланный Соймоновымъ, сказать мы не можемъ. Полагаемъ однако, что извѣстныя „Топографическія описанія намѣстничествъ“, напечатанныя около того времени (Калужскаго, С.-Пб., 1785; Курскаго, М., 1786, и Харьковскаго, М., 1788; послѣднее перепечатано вновь въ *Прибавленіяхъ къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* въ 1865 году), — были вызваны именно этимъ планомъ, хотя полного единообразія въ ихъ изложеніи и не замѣчается, равно какъ не видно сходства и съ планомъ Академіи

¹⁾ Еще до учрежденія комитета, по порученію Академіи Наукъ, инспекторъ академической гимназіи Люд. Х. Бакмейстеръ издалъ: *Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи* (С.-Пб., 1771—1774). Это изданіе получило свое начало слѣдующимъ образомъ. Въ 1760 году Академія Наукъ составила вопросы о состояніи каждой губерніи и провинціи и при особомъ сенатскомъ указѣ разослала ихъ ко всѣмъ воеводамъ для доставленія отвѣтовъ; въ то же время и сухопутный шляхетный корпусъ, съ своей стороны, составилъ подобную же программу вопросовъ. Въ теченіе 1761—1766 годовъ получались изъ воеводскихъ канцелярій и магистратовъ отвѣты. Все это должно было служить матеріаломъ для составленія атласа имперіи; но Академія рѣшилась издать также и книгу, сочиненіемъ которой занялся Бакмейстеръ и приготовилъ ее въ 1769 г. Въ 1771 году приступлено къ печатанію и на 1774 конченъ былъ 1-й томъ, состоящій изъ 4-хъ частей (въ частяхъ 1-й, 2-й и 3-й описана Московская губернія; въ 4-й—Новгородская). *И. И. Покровский* въ *Исторіи Академіи* (т. II, стр. 664—668, 694, 787) сообщаетъ много подробностей о составленіи атласа имперіи и собраніи для него статистическихъ свѣдѣній, но ничего не говоритъ о сочиненіи „Топографическихъ Извѣстій“, собственно потому, что 2-й томъ его „Исторіи Академіи“ обнимаетъ событія только до 1768 года.

Наукъ¹⁾. Что касается описанія намѣстничества Казанскаго, то такой книги никогда не было издано; а какъ и кѣмъ было оно составлено въ рукописи и было ли доставлено къ Соймонову,—не знаемъ, по считаемъ нелишнимъ замѣтить, что въ 1786 году напечатанное въ Москвѣ (въ 8-ю д., стр. 70) „Топографическое описаніе города Казани и его уѣзда“,—сочиненіе Дмитрія Зинovieва,—на стр. 40 и 41 содержитъ свѣдѣнія о гимназіяхъ, почти буквально сходныя съ тѣмъ „объясненіемъ“, какое сообщено гимназіями въ намѣстническое правленіе по упомянутому запросу Соймонова. Наконецъ, въ заключеніе всего, позволимъ себѣ высказать и такую догадку. Повторяемъ, намъ не извѣстно, составленныя по требованію Соймонова описанія намѣстничествъ были ли употреблены въ дѣло, то-есть, послужили ли „для сочиненія генеральнаго описанія имперіи“, по думаемъ, что „Обзоръ Россійской имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи“, сочиненное Сергѣемъ Пленцеевымъ и изданное въ первый разъ въ 1786 году (второе изданіе въ 1787, третье въ 1790, четвертое въ 1793; въ нѣмецкомъ переводѣ 1787 и въ французскомъ въ 1796 г.), едва ли не было сводомъ этихъ частныхъ описаній. Пред-

¹⁾ Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести и изданное въ 1781 г. «Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой географіи о Россійской имперіи», въ 1-й части котораго заключается описаніе Тульского намѣстничества. Это изданіе предпринято было профессоромъ Московскаго университета Г. Ф. Дилетеемъ и основывалось на 1-й части, вѣроятно, за смертью Дилетей, послѣдовавшей въ томъ же 1781 г. Оно начато было на двухъ языкахъ французскомъ и русскомъ; русскій слѣдуетъ рѣшительному Ив. Пестелеву, впоследствии извѣстному генералъ-губернатору Сибири, отцу декабриста. Дилетей, или какъ тогда писали Дилетей, былъ вообще большой затѣйщикъ, умѣвшій создать системы изъ немногихъ матеріаловъ; онъ издумалъ составить «Опытъ Россійской географіи толкованіемъ гербовъ и съ родословіемъ царствующаго дома, собранный разными авторами и манускриптами» (*Essay géographique sur la Russie le Blason etc...*). Онъ посвятилъ свое произведеніе всѣмъ современнымъ епископамъ и всѣмъ губернаторамъ; списокъ этихъ особъ занимаетъ нѣсколько страницъ. Въ посвятителномъ письмѣ онъ проситъ ихъ (и въ предисловіи обращается и ко всѣмъ читателямъ) сдѣлать исправленія и дополненія и прислать ему книгу для новаго изданія. Книга напечатана въ Москвѣ въ 1781 году, въ 8 д. л., съ французскимъ текстомъ. «Съ французскаго на русскій и съ русскаго на французской», подъ руководствомъ Дилетей, ее переводилъ конной гвардіи квартирмейстеръ П. П. Вибиновъ и артиллерійскій сержантъ Н. М. Мацеевъ. Спрашивается: на какомъ же языкѣ она писана была? О Дилетей см. *Шевырева*, Исторія Моск. универс., стр. 33. Биографич. словарь Моск. универс., ч. II, стр. 301—311.

положеніе свое основываетъ на томъ, что С. И. Плещеевъ, также какъ и П. А. Соймоновъ, состоялъ статсъ-секретаремъ при императорѣ, и что сочиненіе его въ непродолжительное время выдержало четыре изданія на русскомъ языкѣ и было переведено на языки французскій и нѣмецкій ¹⁾). Скудность въ нашей литературѣ изслѣдованій біографическихъ и бібліографическихъ невольно вынуждаетъ разрѣшать дѣло предположеніями, иногда далеко неточными, и потому свою догадку отстаивать мы не будемъ.

Любопытны сношенія генералъ-губернатора съ гимназіями о знатокахъ татарскаго языка.

Трактатомъ 27-го декабря 1783 г. Порта признала владѣтельство Россіи надъ Крымскимъ полуостровомъ. Потемкинъ немедленно приступилъ къ устройству новоприсоединеннаго края и образовалъ изъ него Таврическую область. Введеніе административнаго порядка на общихъ началахъ учрежденія о губерніяхъ поставило въ необходимость имѣть при равныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ благопадежныхъ переводчиковъ съ татарскаго языка, такъ какъ масса населенія области состояла преимущественно изъ Татаръ. О доставленіи такихъ лицъ Потемкинъ обратился къ князю Мещерскому, въ генералъ-губернаторствѣ котораго также находилось много Татаръ. Поэтому князь Мещерскій, отношеніемъ 8-го апрѣля 1784 г., просилъ гимназін доставить ему списокъ всѣхъ учениковъ, обучавшихся съ 1775 года татарскому языку, для выбора и назначенія переводчиковъ. Къ сожалѣнію, въ свои замѣтки я не внесъ требованнаго списка, а теперь не въ состояніи сказать, на сколько гимназін могли удовлетворить желанію „свѣтлѣйшаго“.

Вскорѣ послѣ этого, именно 30-го апрѣля, генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, потребовалъ отъ князя Мещерскаго отлич-

¹⁾ Сергей Ивановичъ Плещеевъ первоначально служилъ во флотѣ и былъ въ Англіи; затѣмъ онъ состоялъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, чѣмъ и сблизило его съ нимъ, а впоследствии и съ его супругою Марією Феодоровною. Онъ сопровождалъ ихъ въ путешествія по Европѣ и издалъ *Description des Voyages du Comte et de la Comtesse du Nord*. Благоволеніе и довѣренность, какими онъ пользовался всегда отъ Павла Петровича, когда онъ сдѣлался императоромъ, и отъ Маріи Феодоровны, свидѣлствуется многими письмами къ Плещееву, многіе напечатанными въ разныхъ сборникахъ. По обычаю своего времени Плещеевъ былъ масономъ, а въ 1788 году, находясь въ Авиньонѣ, вступилъ въ мистическое общество «Полный Израиль», основанное подьяскимъ грѣшомъ Грѣблякомъ, но поротаннымъ въ Россію, отсталъ отъ этого общества. (Доминкова, Повѣнокъ, стр. 290). *Русск. Вѣст.* 1860 г., № 16).

нѣйшаго знатока татарскаго языка для повѣрки перевода „Учрежденія о губерніяхъ“. Въ своемъ отношеніи князь Вяземскій, между прочимъ, говоритъ, что въ Казанской губерніи всего скорѣе можно ожидать такихъ знатоковъ, такъ какъ „одинъ изъ Казанскихъ Татаръ вышѣ при соборной мечети въ Константинополѣ шейхомъ: пѣтъ ли кого способнаго для сего изъ рода означеннаго шейха, въ разсужденіе, что жена его, какъ слышно, жительство имѣетъ съ семействомъ своимъ въ Казани“. Князь Мещерскій, естественно, обратился опять къ гимназій, и тамъ признали возможнымъ отправить въ Петербургъ учителя Исаака Хальфина, сына прежняго учителя Сагита Хальфина. Мещерскій, сверхъ того, отправилъ съ Хальфинимъ муллу Усмана Исмаилова, изъ деревни Тюнтяръ, Арскаго уѣзда. Неизвѣстно, принадлежалъ ли этотъ мулла къ роду шейха, о которомъ упоминалъ генералъ-прокуроръ. однако, какъ видно, онъ признанъ былъ лучшимъ изъ переводчиковъ, потому что татарскій переводъ „Учрежденія для управленія губерній“ изданъ въ 1786 году подъ именемъ этого муллы.

Въ томъ же 1784 году повелѣно было государынею Казанскому архіепископу Антонію ¹⁾ составить татарскій словарь. Извѣстно, что Екатерина II, еще будучи великою княгиней, очень много заботилась о составленіи общаго сравнительнаго словаря. Сдѣлавшись императрицей, она не оставила этого намѣренія и не только придумывала и заказывала работы для словаря, но руководила ими и много работала сама. Наибольшая дѣятельность по этой части относится именно къ 1784 году ²⁾. Требованіе татарскаго словаря, безъ всякаго сомнѣнія, вызвано тѣмъ же стремленіемъ. Такъ какъ „въ повокрещенной школѣ иновѣрцевъ Татаръ дѣти обучаются только чтенію книгъ російскихъ и писъму російскому же, а настоящихъ ихъ татарскихъ книгъ и чтенію и писъму совсѣмъ уже не употребляютъ“, — то архіепископъ Антоній обратился къ посредничеству князя Мещерскаго въ присканіи свѣдущихъ людей для исполненія такого дѣла. Тогда князь Мещерскій предложилъ гимназій (28-го сентября 1784 года) объ отправленіи къ архіепископу ученика Семена Мальцева. По всей вѣроятности, этотъ Мальцевъ извѣстенъ былъ Мещерскому по списку, который составлялся для свѣтлѣйшаго князя Тавриче-

¹⁾ Былъ переведенъ изъ Нижняго въ 1782 году и управлялъ Казанскою митрополіею до 1785.

²⁾ *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 388—391; 1864 г., стр. 593—295.

скаго Вмѣстѣ съ Мальцевымъ назначенъ былъ въ составители словаря какой-то солдатъ Имангуль Чуриковъ. Командиръ гимназій Людсманъ, однако, крайне затруднялся исполненіемъ предложенія генералъ-губернатора, потому въ особенности, что съ отсылкою Мальцева гимназій вовсе остались бы безъ преподавателя татарскаго языка: Исаакъ Хальфинъ отправленъ былъ въ Петербургъ, а отецъ его Сагимъ Хальфинъ, за старостью и болѣзненностью, рѣшительно отказался приняться вновь за учительство. Директоръ университета Н. Н. фонъ-Визинъ пошелъ въ сношеніе съ архіепископомъ Антоніемъ, и дѣло уладили такъ, что Мальцевъ обязанъ былъ заниматься словаремъ, по указанію архіерея, въ свободное отъ занятій въ гимназіяхъ время. Впрочемъ, въ это время преподаваніе татарскаго языка поручено было временно Исмаилу Хальфину, меньшему брату Исаака Хальфина. Какъ исполнено было ученикомъ Мальцевымъ и солдатомъ Чуриковымъ возложенное на нихъ составленіе словаря — мы не знаемъ.

Не менѣе интересно и нѣсколько сходно съ этимъ дѣломъ другое, бывшее уже въ слѣдующемъ году. Астраханскаго 4-го баталіона поручикъ Александръ Николаевъ Шондетовъ перевелъ Евангеліе св. апостола Матѳея на татарскій языкъ и представилъ свой переводъ святѣйшему синоду, который поручилъ разсмотрѣть и подтвердить правильность перевода архіепископу Казанскому Амвросію ¹⁾. Этотъ архипастырь, извѣстный своею дѣятельностью на поприщѣ распространенія просвѣщенія въ духовенствѣ и самъ написавшій замѣчательное „Руководство къ чтенію писанія Вѣтнаго и Новаго завета“ (Москва, 1779 г.), желалъ исполнить возложенное на него порученіе вполне соотвѣтственно важности предмета, но средствъ къ тому не открывалось никакихъ. Паства Казанской епархіи, какъ извѣстно, значительную часть состояла изъ крещеныхъ Татаръ. Чувашей, Черемисовъ и другихъ инородцевъ и была окружена почти сплошною массою нѣхъ одноплеменниковъ не только не просвѣщенныхъ христіанствомъ, но подчасъ и враждебно относившихся къ христіанамъ. Не было недостатка въ ревности къ распространенію христіанства, но достигалась эта цѣль особыми льготами для крестив-

¹⁾ Амвросій Подобняковъ род. въ 1742 г., до перемѣщенія въ Казань управлялъ Крутицкой епархіей. На Казанской кафедрѣ онъ находился до 1799 года, когда перемѣщенъ въ С.-Петербургъ, сначала архіепископомъ, а потомъ митрополитомъ. Умеръ въ 1818 г.

шихся и особыми стѣсненіями для оставшихся не крещеными, а ограждались новопросвѣщенные отъ соблазна совращеній мѣрами устрашительными и карательными. Живой апостольской проповѣди Евангелія не было: школы, учрежденныя для обученія дѣтей инородцевъ, какъ мы видѣли, вовсе не имѣли учителей татарскаго и другихъ языковъ мѣстнаго населенія; причты приходовъ инородческихъ, даже и практически не изучали природнаго языка прихожанъ и не употребляли его, какъ вѣрное орудіе при утвержденіи христіанства между народами не христіанскими ¹⁾. Это тѣмъ болѣе странно, что русская церковь прославила св. Стефана Велико-Пермскаго, который составилъ азбуку для Зырянъ, перевелъ нѣсколько церковныхъ книгъ на ихъ языкъ и на томъ же языкѣ совершалъ богослуженіе въ Усть-Вымской церкви, „дабы каждый могъ самъ слышать ученіе христіанское съ мыслями и дѣлами суетвѣрія“ ²⁾.

Только въ весьма недавнее время обращено подлежащее вниманіе на распространеніе и утвержденіе христіанства между Татарами помощію распространенія христіанскихъ книгъ въ татарскихъ переводахъ и при посредствѣ учителей-миссіонеровъ, выбранныхъ изъ среды самихъ Татаръ, безъ обращенія ихъ въ духовный санъ. Эта система еще только вводится, но уже ясно начинаетъ обнаруживаться, что она будетъ обильна утѣшительными результатами. Но за 80 лѣтъ до настоящаго времени такого взгляда не существовало, и по видимому, не сознавалась необходимость перевода Евангелія по татарски: архіепископъ Амвросій, одинъ изъ просвященнѣйшихъ пастырей, даже не зналъ, существуютъ ли такіе переводы, и обратился къ гимназій, 7-го ноября 1785 года съ вопросомъ: „нѣтъ ли перевода евангелія на татарскій языкъ“? Отвѣтъ гимназій былъ, конечно, отрицательный. Но было бы весьма любопытно узнать, какой отзывъ далъ Амвросій о трудѣ поручика Шендетова, и вообще, какой ходъ данъ этому дѣлу правительствующимъ синодомъ.

Между тѣмъ коммиссія объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ выработала планъ учрежденій въ губернскихъ городахъ „главныхъ училищъ“, а въ уѣздныхъ— „малыхъ народныхъ училищъ“ съ отнесеніемъ содержанія ихъ на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, чрезъ что издержки государственнаго казначейства

¹⁾ Современное состояніе инородческихъ, особенно татарскихъ, приходовъ Казанской епархіи также неутѣшительно. См. *Православное Обозрѣніе* 1863 г., №№ 8, 10 и 12.

²⁾ *Филарета Русскіе Святые*, апрѣль, 133—122.

ч лотъ CLXXVI, отд. 2.

значительно сокращались. Но источники доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія были очень скудны къ осуществленію плана во всей его полнотѣ; поэтому „главные народныя училища“ открыты были только въ немногихъ городахъ. Въ Казани гимназіи оставлены подъ прежнимъ наименованіемъ и въ прежнемъ составѣ, но изъяты изъ вѣдѣнія Московскаго университета. Объ этомъ объявлено въ указѣ правительствующаго сената 1-го сентября 1785 г. слѣдующаго содержания: „Казанскія гимназіи поручить въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія Казанской губерніи, съ тѣмъ чтобы ученіе, въ оныхъ преподаваемое, соображасмо было съ правилами, для прочихъ народныхъ школъ отъ ея императорскаго величества утвержденными, заимствуя потребныя въ томъ наставленія и пособія отъ комиссіи для установленія народныхъ училищъ, въ здѣшней столицѣ учрежденной“ ¹⁾. Въмѣстѣ съ этимъ директоръ гимназій Людеманъ былъ уволенъ и управленіе гимназіями поручено вновь инспектору Листову. Московскій университетъ немедленно послѣ этого потребовалъ возвращенія всѣхъ книгъ, какія были одновременно высланы имъ въ гимназическую библіотеку.... ²⁾.

Такимъ образомъ новый періодъ существованія гимназій начался не при сочувствіи того высшаго учебнаго заведенія, которое открыло ихъ и управляло ими въ теченіи 27 лѣтъ. Московскій университетъ какъ-бы отрекался отъ всякой солидарности съ Казанскими гимназіями.

Періодъ этотъ продолжался только три года. Существованіе гимназій подорвалось и слабѣло все болѣе и болѣе, хотя число учениковъ и въ эту пору простиралось до 111 человекъ ³⁾. Важнымъ соперникомъ гимназій явилось главное народное училище, торжественно открытое въ Казани 22-го сентября 1786 г. Къ нему, какъ къ учрежденію повому и возникшему по идеѣ императрицы, привлечено было общее сочувствіе ⁴⁾. Попечителемъ училища былъ самъ Казанскій

¹⁾ Копія съ этого указа, сообщеннаго изъ наместническаго правленія, подписана совѣтникомъ Василіемъ (Ипатьевичъ?) Поляскимъ,—личностію весьма замѣчательною.

²⁾ Вѣдомости о составленныхъ тогда въ гимназіяхъ чинахъ и ученикахъ, а также о книгахъ и другомъ имуществѣ см. у *Владимірова*, Историч. Записки, I, 144—151, 155—159.

³⁾ *Зимовска*, Топографич. описаніе Казани, стр. 41.

⁴⁾ Многие изъ современниковъ Екатерины видѣли въ учрежденіи народныхъ училищъ одну изъ предварительныхъ мѣръ къ упраздненію крѣпостнаго состоянія. *И. И. Болтинъ*, одинъ изъ образованнѣйшихъ писателей царство-

губернаторъ, генералъ-маіоръ Татищевъ; училище посѣщали проѣзжавшіе чрезъ Казань царедворцы, наприѣзъ, президентъ коммерцъ-коллегии А. Р. Воронцовъ и дѣйствительный камергеръ А. Л. Нарышкинъ, и присутствовали на публичныхъ испытаніяхъ, при чемъ Казанское купечество пожертвовало въ пользу училища 5.000 р., а потомъ и дворянство подписалось внести въ приказъ общественнаго призрѣнія по 10 в. съ ревизской крестьянской души. При такихъ обстоятельствахъ училище могло идти впередъ, а гимназии должны были падать, и въ 1788 г. онѣ были закрыты по недостатку средствъ содержанія ¹⁾.

10-го Іюня 1866 года.

А. Артемьевъ.

вѣнія Екатерины, по поводу учрежденія народныхъ училищъ писалъ слѣдующее: «Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ было не нужно дать имъ облегченія и пособія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не единственно къ дачѣ вольности долженствуетъ состоять; прежде должно учинить свободными души рабовъ (говорить Руссо), а потомъ уже тѣла. Мудрому сему правилу послѣдовала великая Екатерина. Желая снять узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предначинала сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкихъ и мрачныхъ неволъ невѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устроились, по высочайшей ея волѣ, по всему государству установленныя училища для нижнихъ чиносостояній, дабы приуготовить души юношества въ нихъ воспитываемаго къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара, дабы учинить ихъ достойными вольности и способными къ снесенію ея. Не могу сказать, которое изъ двухъ благодѣяній есть вѣщнее: то ли, чтобъ дать вольность рабу, или то, чтобъ открыть ему таинство учиниться счастливымъ, то-есть, чтобъ научить его употреблять вольность на пользу самого себя и купѣ на пользу ближняго и отечества? Боже, помози дѣлательницѣ премудрой и человеколюбивой то и другое совершить и сподоби ея вкусити плоды трудовъ своихъ». См. Примѣчанія на Исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка, ч. II, стр. 236—237. Болтливъ могъ смотрѣть такъ тѣмъ скорѣе, что указомъ 19-го февраля 1786 г. (Пол. Собр. Зак.) Екатерина воспретила употреблять въ прошеніяхъ на высочайшее имя слово *раба*. Замѣчательно совпаденіе въ числахъ: 19-го февраля 1861 г. Правнукъ Екатерины упразднилъ рабство и фактически....

¹⁾ Рыбушкинъ, Ист. Казани, I, 120; II, 33—37.

ИНДІЙСКІЯ СКАЗКИ.

Введеніе.

Изученіе религіозныхъ литературъ всѣхъ народовъ представляетъ высокій научный интересъ; мы въ правѣ ожидать отъ этого рода изслѣдованій массу данныхъ для рѣшенія главнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи развитія человѣчества. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ памятника, который не былъ бы достоинъ вниманія, нѣтъ литературы, которая не заслуживала бы строго научнаго изученія. Но среди обилія матеріаловъ, подлежащихъ ему, есть памятники, наиболѣе привлекающіе изслѣдователей, наиболѣе раздражающіе ихъ пылливость—или потому, что въ этихъ памятникахъ намъ открывается глубокое и возвышенное религіозное чувство, необыкновенная сила мысли въ соединеніи съ чистотою нравственнаго ученія, или благодаря особенностямъ народныхъ судебъ, среди которыхъ слагалась религіозная литература того или другаго народа. Прослѣдить ходъ ея развитія получаетъ совершенно особенный интересъ. Моменты и различныя стороны развитія таковой литературы могутъ быть любопытны не только сами по себѣ, но и какъ факты, свидѣтельствующіе о духовномъ общеніи народовъ, о чемъ весьма часто документально намъ ничего или весьма мало извѣстно.

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ одна изъ цѣлей изученія индійскихъ религій вообще и буддизма въ частности. Выясненіе духовнаго общенія народовъ, то-есть, опредѣленіе, съ какой стороны было заимствованіе, и какимъ путемъ оно шло, или же объясненіе сродныхъ явленій единствомъ человѣческой природы предоставляется сдѣлать изслѣдователю на основаніи фактовъ, весьма часто допускающихъ нѣсколько прямо противоположныхъ и всегда болѣе или менѣе вѣроятныхъ толкованій; въ такомъ случаѣ недостаточно обо-

значеніе путей, которыми могло идти заимствованіе или опредѣленіе времени появленія памятниковъ, но необходимо выиснить мотивы, почему тотъ или другой народъ заимствовалъ тогда-то, тамъ-то, то или другое представленіе. И въ такомъ только случаѣ заимствованіе, какъ гипотеза для объясненія множества сходныхъ явленій въ области человѣческаго творчества, получаетъ научное значеніе; разъясненіе именно этихъ пунктовъ составляетъ всю суть вопроса о странствующихъ литературныхъ созданіяхъ. Время и мѣсто зарожденія этихъ литературныхъ произведеній въ большей части случаевъ для насъ неясно; мы можемъ прослѣдить съ большею или меньшею вѣроятностью послѣдовательность различныхъ редакцій; рассматривая различныя редакціи одного и того же сказанія, всегда есть возможность отмѣтить одніѣ редакціи какъ болѣе искусственныя, а потому и болѣе позднія; другія, на оборотъ, простѣйшія представляются намъ какъ болѣе древнія; но всякіе дальнѣйшіе выводы на основаніи именно этихъ фактовъ будутъ гадательны; не всегда сложныя, и по видимому, болѣе позднія редакціи могутъ свидѣтельствовать о заимствованіи именно этого произведенія однимъ народомъ отъ другаго, у котораго почему-либо сохранилась болѣе простѣйшая редакція.

За исѣмъ тѣмъ изученіе извѣстной редакціи какова бы то ни было памятника необходимо начинать съ вопроса хронологическаго, иными словами, постараться разъяснить, когда эта редакція появилась въ данной литературѣ и не слѣдуетъ ли ея начала отнести къ гораздо болѣе глубокой древности.

I.

На островѣ Явѣ, въ трехъ миляхъ отъ извѣстнаго храма Вородоръ, находится такое же зданіе (Mundot), пользующееся хотя и меньшею извѣстностью, но тѣмъ не менѣе весьма замѣчательное. Всѣ храмы на островѣ имѣютъ одинъ общій признакъ: снаружи они подобны брахманическимъ, внутри буддійскимъ. Этотъ признакъ бросается въ глаза даже людямъ, никогда спеціально не изучавшимъ индѣйскую архитектуру. По этому поводу Юль приводитъ слѣдующій наивный отзывъ о характерѣ этихъ построекъ: „Господинъ“, говорилъ ему его слуга,—внутри эти храмы подобны бирманскимъ, снаружи же сходны съ индусскими“ (*Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. XXXVI, стр. 16 и слѣд.). Въ храмѣ, о которомъ сейчасъ было упомянуто, на одномъ изъ барельефовъ изображены слѣдующія фигуры: два фламинго поднялись на воздухъ, держа на палкѣ черепаху; оче-

видно, артистъ желалъ изобразить содержаніе извѣстной аэоповской басни о печальномъ странствованіи черепахи по воздуху (*The Indian Antiquary*, part X, стр. 320).

Такъ какъ храмъ, не смотря на виѣшнія индусскія украшенія, есть буддійскій, то и появленіе басни на внутреннемъ барельефѣ храма объясняется ея существованіемъ въ одномъ изъ каноническихъ буддійскихъ памятниковъ. Дѣйствительно, давно извѣстно, что это басня находится въ сборникѣ жѣтакъ или легендъ о перерожденіяхъ Будды. Разкажывается она такъ слѣдующимъ образомъ:

Ц, 7, 5. „Убила, увы, сама себя“, такъ разказывалъ учитель, пребывая въ Жетаванѣ и намекая на Кокѣлика.

Vatthi (то-есть, совокупность обстоятельствъ, подавшихъ поводъ сказать учителю жатаку) будетъ разказана въ легендѣ XIII, 1, 8.

Тогда учитель сказалъ: „О братья, не только теперь Кокѣлика убилъ себя своею рѣчью, но и прежде убивалъ себя!“ Такъ сказавъ, онъ обратился къ прошедшему (I).

Въ древности, въ Варанаси царствовалъ Брамадатта. Бодхисатва родился въ министерской семьѣ, и когда выросъ, сталъ царскимъ законоучителемъ.

Царь былъ весьма болтливъ; когда онъ начиналъ рѣчь, въ это время другимъ не представлялось возможности слова сказать. Бодхисатва пожелалъ отлучить его отъ болтливости. Размышляя о средствѣ къ тому, онъ прогуливался.

Въ это время, въ Гималайскихъ странахъ въ одномъ озерѣ жила черепаха. Два юные фламинго, расхажывая за ницею, подружились съ черепахой. Однажды, послѣ долгой дружбы, они сказали черепахѣ:

— Милая черепаха, въ Гималайской странѣ, у горы Читтакута, въ золотой пещерѣ наше жилище; прекрасно то мѣсто! Пойдемъ туда, виѣсть съ нами.

— Какже я пойду? отвѣчала черепаха.

— Если ты можешь стеречь ротъ, никому не скажешь слова, мы тебя возьмемъ и пойдемъ.

— Стану стеречь ротъ; берите и ведите меня!

Взяли они палку, заставили черепаху закусить ее, и сами закусивъ палку за оба конца, направились по воздуху. Черепаху, везомую двумя фламинго, увидали деревенскіе мальчики и закричали:

— Два фламинго везутъ на палкѣ черепаху!

— Если меня везутъ друзья, какое вамъ тутъ дѣло, мерзкіе рабы! захотѣлось черепахѣ имъ отвѣтить; но такъ какъ фламинго

летѣли очень быстро, то когда они достигли Баранаси и царскаго жилища, въ это время, только, черепаха выпустила изъ зубовъ палку, упала съ неба и разбилась на двѣ части.

Поднялся шумъ: съ неба свалилась черепаха и разбилась на двое! (III). Царь вмѣстѣ съ Бодһисатвою, окруженный министрами, пошелъ въ то мѣсто, и увидавъ черепаху, спросилъ:

— Мудрый, какъ черепаха упала?

Бодһисатва давно желалъ наставить царя и раздумывалъ о средствѣ, а потому онъ и обрадовался этому случаю.

„Эта черепаха“, думалъ онъ,—сдружилась съ фламинго: тѣ повезли ее къ Гималаю, заставили закусить палку и направились по воздуху; услышавъ чью-либо рѣчь, по болтливости она захотѣла отвѣтить, и выпустивъ палку, упала съ неба и погибла.“

— „Великій царь, очень шумливый, неумѣренный въ рѣчахъ, подвергается таковой горькой участи“, сказалъ мудрецъ, и такъ сказавъ, онъ прибавилъ стихи:

I. Убила, увы, сама себя черепаха, заговоривъ въ то время, когда хорошо держала палку. Рѣчью своею убила себя!

II. Глядя на это, мощный межъ людей, не говори добрыхъ словъ безъ времени. Смотри, отъ болтливости погибла черепаха.

Царь понялъ, что Бодһисатва говоритъ, иѣя его нѣ виду.

— Мудрый, ты говоришь, иѣя насъ въ виду, сказалъ онъ.

— Ты ли, великій царь, другой ли кто, отвѣчалъ Бодһисатва, — всякій безъ мѣры говорящій подвергается такому несчастію. Начиная съ тѣхъ поръ, царь воздержался и сталъ мало говорить (II).

Учитель въ приложеніе къ этому ученію закопчилъ жѣтаку: „Тогда черепахою былъ Кокѣликиа, два фламинго были два моихъ старшихъ ученика, царемъ былъ Ананда, мудрымъ министромъ—я.“¹⁾

Обыкновенно иѣніе о заимствованіи Индѣйцами басенъ съ запада стараются подтвердить искусственностью и сложностью индѣйскихъ редакцій. Если сравнить сейчасъ приведенную индѣйскую басню съ простымъ изложеніемъ содержанія греческихъ баснописцевъ, то искусственность и сложность индѣйской редакціи каждому вполне очевидна. Для того, однакоже, чтобы дѣлать изъ этого факта вполне вѣрное заключеніе, необходимо прослѣдить развитіе подлежащихъ намъ редакцій и такимъ образомъ постараться опредѣлить

¹⁾ Сравни. Benfey, Панчатантра, стр. 241. Weber, Ueber das Rāmāyana, стр. 14 примѣчаніе. Ни тотъ, ни другой не знали приводимой нами жѣтаки.

хронологически начало этихъ поэтическихъ созданій и уже затѣмъ обращаться къ вопросу о томъ, откуда они могли явиться, и можно ли видѣть въ нихъ свидѣтельство отдаленнаго по времени литературнаго общенія востока съ западомъ.

Въ редакціи настоящей басни ясно различаются слѣдующія составныя части: въпервыхъ, обстоятельства, среди которыхъ и поводъ, по которому учитель разказалъ басню; въвторыхъ, разказъ о болтливомъ царѣ; вътретьихъ, самая басня о черепахѣ. Въ баснѣ также нужно различать двѣ части: прозаическую и стихотворную. Сами буддисты въ каждой жѣтакѣ видятъ двѣ части: 1) стихи или текстъ (*pāli*) и 2) прозу или комментарий (*atthakuthā*). Та и другая части иногда сохранились въ отдѣльныхъ рукописяхъ, напримѣръ, въ библіотекѣ здѣшняго азіатскаго музея С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ Парижской національной библіотекѣ. Строго держась такого различія, буддисты говорятъ, что текстъ (*pāli*) есть слово *buddh* и утвержденыя отцами первыхъ трехъ соборовъ (*jāt.* I, 8, 7); приводятъ книги текста (*pālipotthaka*, напримѣръ, *jāt.* XI, 1, 8; XV, 1, 9; XXI, 1, 8 и т. д.) и упоминаютъ также о разночтеніяхъ текста (XVI, 1, 4; 1, 5; XXI, 1, 2). По языку стихотворная часть жѣтакъ существенно не отличается отъ прозаической; о позднѣйшемъ происхожденіи послѣдней, однакоже, мы имѣемъ прямое свидѣтельство преданія, и кромѣ того, на появленіе прозаической части гораздо позднѣе записанія канона указываетъ одинъ внѣшній признакъ: въ стихотворной части не замѣчено ни одного выраженія, относящагося къ письму, въ прозаической же, напротивъ, встрѣчаются и „книги“, и „записи“, и „надписи“, словомъ, рядъ выраженій, указывающихъ, что во время появленія прозаической редакціи въ буддійской общинѣ письменность была сильно распространена и во всеобщемъ употребленіи. Съ точки зрѣнія буддистовъ, комментарий хотя и имѣетъ равную съ каноническими сочиненіями силу и святость, но не есть „слово Будды“, не составляетъ часть трехъ питакъ; онъ считается произведеніемъ Буддагоши и появился гораздо позднѣе перваго записанія канона.

„Великіе ставиры“, говорится въ бирманской хроникѣ *Sāsanavamsa*, — „создавались о томъ, кто въ состояніи перевести на магадскій языкъ всецѣлость ученія, переведеннаго на языкъ сингалезскій. Пошли они на небо *Tavatimsa*, и увидавъ тамъ сына боговъ Глосу, вмѣстѣ съ Индрою, княземъ боговъ, стали его просить; они заставили его пріять зачатіе въ утробѣ брѣһманки Кеса, жены брѣһмана Кеса изъ деревни Г'госа, около древа „всеуразумѣнія“ (*figus religiosa*).

Такъ какъ онъ родился во время взаимнаго крика браһмановъ: „ѣшьте, возлюбленные, пейте, возлюбленные“, то и дали ему ими Гһоса (шумъ, крикъ). Семи лѣтъ онъ изучалъ три веды. Разсуждан однажды съ однимъ святителемъ о ведахъ, по окончаніи разсужденій, онъ былъ спрошенъ о безусловномъ знаніи, изреченіи Вѣщаго: „Явленія добры, явленія грушпы, явленія откровенны, явленія не откровенны“ и т. д. Услышавъ это изреченіе, Гһоса хотѣлъ его понять, принялъ отъ святителя посвященіе и ежедневно читалъ изъ трехъ питаекъ по шестидесяти словъ. Онъ затверживалъ ихъ, и въ три мѣсяца изучилъ всѣ три питаки.

Однажды, когда онъ сидѣлъ одинъ въ уединеніи, ему пришло на умъ: кто изъ двухъ, я или учитель, лучше понимаетъ три питаки, проповѣданныя Вѣщимъ?

Учитель, узнавъ это обстоятельство, осудилъ его и наставилъ. Испуганный Гһоса, чтобъ успокоить учителя, поклонился ему.

— Милый, сказалъ учитель, — ступай на островъ Цейлонъ и переведи съ сингалезскаго на магадскій языкъ три питаки. Если ты это сдѣлаешь, я успокоюсь.

Буддагһоса, освободивъ отца отъ еретическихъ воззрѣній и пріявъ въ голову слова учителя, отправился на суднѣ на островъ Цейлонъ переводить три питаки.

На третій день его плаванія по морю, ставира Буддадатта возвращался съ Цейлона; на перепутьи, по благости боговъ, они увидали другъ друга; спросивъ и узнавъ все обстоятельство, Буддадатта сказалъ такъ:

— Милый, я сочинилъ „Jinâlapakaga“. Говорили, что сочиненіе не цѣнно, а потому и не дали перевести трехъ питаекъ. Ты же объясни три питаки.

Онъ подарилъ Гһосѣ, дарованную ему княземъ боговъ Индрою, палочку для письма изъ Herftakî (myrobolan) съ желѣзнымъ концемъ и точильный камышекъ.

Во время ихъ разговора два судна разошлись.

Прибывъ на островъ Цейлонъ, Буддагһоса сначала повидался съ старцемъ Сангһапала.

— Я пришелъ, сказалъ онъ ему, — переводить три питаки на магадскій языкъ.

Цейлонскіе духовные, давъ ему стихъ: „на скалѣ ставъ“ и т. д., поручили объяснить его, не впадая въ противорѣчіе съ тремя пита-

ками. Въ тотъ же день, начиная съ вечера, положивъ началомъ сказанный стихъ, онъ сочинилъ Visuddhimagga.

Когда онъ окончательно завершилъ это дѣло, Индра, князь боговъ, хотѣлъ испытать силу его разума и скрылъ книгу. Буддагоса опять сочинилъ ее. Трижды Индра скрывалъ книги и затѣмъ показавъ первыя книги. Всѣ три книги ни въ одномъ словѣ не отличались другъ отъ друга.

Старецъ Saṅghapala, совершенно довольный, передалъ Гносѣ три питаки. Такъ повѣствуетъ о великомъ комментаторѣ бирманская хроника. Существуютъ другіе варианты той же легенды, въ которыхъ его жизнь обставляется иными подробностями. „Въ разныхъ книгахъ“, говоритъ бирманская хроника, — „разнообразно передается происхождение Буддагоса... Относительно ставиры слѣдуетъ считать за несомнѣнное его пребываніе на островѣ Цейлонѣ, записаніе имъ трехъ питакъ и сочиненіе комментарія. Объ остальномъ слѣдуетъ мысленно истязаться“. Время жизни Буддагоса въ той же хроникѣ опредѣляется царствованіемъ Mahānasaḥ: въ 933 году п. Б. (то-есть, въ 390 по Р. Х.) онъ пришелъ на островъ Цейлонъ. По другимъ источникамъ (Mahāgāṇḍa) онъ жилъ въ половинѣ V-го вѣка. Но всѣ источники одинаково утверждаютъ, что Буддагоса былъ авторъ комментаріевъ, и это извѣстіе повторяется въ началѣ каждаго комментарія; такъ, оно находится въ началѣ *jātaka-attahavannanā*; на основаніи этихъ данныхъ прозаическую часть сборника жѣтакъ слѣдовало бы отнести къ IV—V вѣку по Р. Х. Такое опредѣленіе было бы, однакоже, приблизительно, вѣроятно, только относительно внѣшней формы; Буддагоса переводилъ, говоритъ преданіе, а не сочинялъ; легенды, басни, сказки существовали до него, въ другой формѣ, и вѣроятно, также на другихъ нарѣчіяхъ; дѣйствительно, въ канонахъ другихъ сектъ (напримѣръ, *Mahāvastu*), мы встрѣчаемъ тѣ же басни, сказки, легенды; притомъ стихотворная часть буквально сходна съ палийскою, прозаическая же, передавая то же содержаніе, отличается языкомъ, стилемъ и второстепенными подробностями. Итакъ, какъ проза, такъ и стихи жѣтакъ существовали до IV—V вѣка по Р. Х.; въ это время въ самой Индіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ Буддагоса, смыслъ стиховъ не всегда былъ понятенъ, а потому чувствовалась необходимость въ пояснительныхъ разказахъ, за которыми великій ставира и отправился на островъ Цейлонъ. Но переработка этого древняго матеріала не окончилась въ V вѣкѣ,—въ сборникѣ жѣтакъ находятся ссылки на *Petavatthu-aṭṭhakathā*—сочиненіе, заведомо позднѣйшее;

переработка касалась только формы, древнее же содержаніе въ общихъ чертахъ оставалось неизмѣненнымъ и его исторія тѣсно связана съ исторіей самаго текста или стихотворной части жѣтакъ.

II.

Исторію своего священнаго писанія буддисты начинаютъ съ года смерти Учителя, въ VI вѣкѣ до Р. Хр. (то-есть, около тысячи лѣтъ до Буддагоса). Ни въ то время, ни гораздо позже текстъ не былъ записанъ; съ I вѣка до Р. Х. онъ передавался устно. Въ то время, когда буддисты собирались на соборы, спорили о различныхъ вопросахъ догматическаго ученія и расходились во взглядахъ на различныя стороны дисциплинарнаго устройства, Индія пережила знаменательное время: она впервые вошла въ столкновеніе съ Западомъ. Сношенія Индіи съ западнымъ міромъ начались, конечно, гораздо ранѣе, но то были или торговыя сношенія съ Финикіей и Вавилономъ, или не вполне разъясненные завоеванія Дарія Истаспа; обо всемъ этомъ до насъ дошли полусказочныя извѣстія. Свѣдѣнія же о походѣ Александра Великаго посятъ на себѣ совершенно другой характеръ. Ходъ его побѣдоносныхъ походовъ на сѣверо-западѣ Индіи (чѣмъ, какъ извѣстно, и ограничались его завоеванія) мы можемъ прослѣдить почти шагъ за шагомъ: слѣдуя за Александромъ Великимъ по этимъ странамъ, мы непрестанно встрѣчаемся съ именами мѣстныхъ священныхъ въ глазахъ каждаго буддиста. Въ извѣстіяхъ какъ Грековъ, такъ и буддистовъ, намъ встрѣчаются тѣ же имена; такъ, напримѣръ, какъ тѣ, такъ и другіе упоминаютъ объ Александрѣ (Alasadra буддистовъ), откуда былъ родомъ благочестивый царь Мелинда, и о городѣ Сакала, гдѣ онъ царилъ и бесѣдовалъ съ благочестивымъ и мудрымъ старцемъ Нагасеною. Въ городѣ Пушкалавати нѣкогда была воздвигнута ступа, извѣстная во всей сѣверо-западной Индіи; въ этомъ мѣстѣ Вѣщій въ одномъ изъ предыдущихъ перерожденій пожертвовалъ своими глазами. До сихъ поръ, не далеко отъ Шахдери, на пространствѣ шести квадратныхъ миль, видны величественныя остатки Такшасилы, города нѣкогда богатаго и славнаго, какъ по легендамъ буддистовъ, такъ и по западнымъ извѣстіямъ. Такшасила была резиденціею учености и историческимъ мѣстомъ многихъ буддійскихъ святителей. Тутъ же царили также Индо-скины. Съ именемъ одного изъ мелкихъ народцевъ, *Sibi*, о которыхъ Арріанъ разсказываетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, связана одна изъ важнѣйшихъ и знаменательнѣйшихъ легендъ буд-

дистовъ. Здѣсь родился и цариль Vessantara; въ этой странѣ онъ подвизался; съ отдѣльными мѣстами Сибійской страны связаны высоко поэтическіе моменты легенды. Страны, завоеванныя Александромъ и удержанныя его преемниками, были отняты у Грековъ Чандрагуптой, основателемъ Маурійской династіи. О борьбѣ съ Гречами у Индійцевъ сохранилось весьма смутное воспоминаніе (см. *Lassen*, *Indische Alterthumskunde*, II, 216); но легенда привязалась къ имени героя, освободителя, и Брѣманы, буддисты, Жайны одинаково чтутъ его память и по своему разказываютъ его исторію. Легенда Жайновъ (еще не изданная) о происхожденіи Чандрагупты разказывается такъ:

„Въ деревнѣ Чанака жилъ брѣманъ Чани; въ его домѣ жила супруга Чанесвари. Оба были преданы вѣрѣ Жайновъ. Однажды у нихъ родился сынъ съ зубами. Ему дали имя Чанака. При этомъ случаѣ въ ихъ домѣ сошлись добрые люди (то-есть, Жайны). Поднеся къ ногамъ добрыхъ малютку, брѣманъ Чани спросилъ:

— Повѣдайте, владыки, отчего въ нашемъ домѣ родился сынъ съ зубами? Каково будетъ его величіе?

— Царемъ будетъ! сказали добрые.

На это отецъ съ матерью подумали:—Сей сынъ, долго наслаждаясь царствомъ и сими осквернившись, пойдетъ въ адъ.

Малютка заскрежеталъ зубами. Родители опять спросили добрыхъ, на чтò тѣ отвѣчали:

— Будетъ онъ царскимъ совѣтникомъ, потому что зубами скрежететь; станетъ онъ хранить царство, поставивъ кого-либо важнаго во главѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени затѣмъ, Чанака сталъ искушенъ во всѣхъ знаніяхъ, и достигши юности, вкушалъ отъ мірскихъ страстей, влюбившись въ красавицу, брѣманскую дочь.

Однажды жена Чанаки пошла въ родительскій домъ, на свадьбу къ брату; тамъ, такъ какъ она была въ будничномъ одѣяніи, не имѣла богатствъ, ей не оказали почтенія; другихъ сестеръ, туда пришедшихъ, братъ принималъ съ уваженіемъ, такъ какъ на тѣхъ было много украшеній, прекрасныя одѣянія и пр. Уви, въ этомъ мірѣ все зависить отъ богатствъ.... У другихъ сестеръ братъ спрашивалъ о дѣлахъ, на эту же и не смотрѣлъ. Она, страдая, стояла въ углѣ дома и размышляла:—Уви, несчастна жизнь бѣдной, даже родной разрываетъ связь!“

По окончаніи брачныхъ обрядовъ, въ гнѣвѣ она вернулась къ себѣ Чанака спросилъ ее:

— Отчего ты такая скучная?

Жена разказала ему все поведеніе брата.

— Даже братъ не почтилъ моеѣ бѣдной жены, подуматъ Чанакја; наживу богатства и исполню желаніе жены."

Такъ подумавъ, онъ пошелъ въ чужую страну. Бродя, онъ пришелъ въ городъ Паталипутру, съ просьбою къ царю Нанда. Въ царскомъ покоѣ онъ сѣлъ на престолъ.

— Врѣиманъ, сказала ему рабыня, — покынъ престолъ и укрась другое сѣдалище.

Тогда Чанакја сказалъ: — Здѣсь будетъ находится моя чаша, — и поставилъ чашу на сѣдалище. Когда же ему показали третье мѣсто, онъ сказалъ: — Здѣсь будетъ лежать мой посохъ, — и положилъ туда посохъ. Показали ему четвертое мѣсто, а онъ положилъ на него вѣнокъ. Показали пятое, туда онъ положилъ жертвенный поносъ и такимъ образомъ занялъ пять мѣстъ.

— Кто ты, сказала разгнѣванная рабыня, — великимъ и надменнымъ являющийся? Если не оставишь престола, то не получишь мѣста!

И она ударила брѣимана ногою.

— Мерзкая рабыня! Сегодня ты меня презираешь, но потомъ, когда, свергнувъ царство Нанды, я поставлю новое, ты скажешь, что мои слова справедливы." ¹⁾

Уходить Чанакја изъ города, и согласно съ пророчествомъ добрыхъ, начинаеть искать своего будущаго царя.

Обозрѣвая множество городовъ и деревень, онъ прибылъ въ деревню хранителей павлиновъ (шауѣга) царя Нанды. Тамъ онъ бродилъ въ одѣяніи странника нищаго. У жены одного хранителя павлиновъ, на третьемъ мѣсяцѣ беременности, вслѣдствіе величія зародыша, возникло желаніе пить мѣсяцъ. Никто не могъ исполнить ея желанія, чтó узнавъ, она, не говоря о томъ мужу, очень ослабла. Мужъ спросилъ ее съ любовью, и она разказала, все какъ есть. Увидавъ Чанакю, хранитель павлиновъ, спросилъ его о средствахъ удовлетворить желанію жены. Тотъ сказалъ:

— Если ты мнѣ отдашь сына, находящагося въ ея чревѣ, тогда изыщу средство удовлетворить ея желанію. Если же не отдашь, то и жена, и зародышъ погибнутъ отъ неудовлетворенія желанія.

Отецъ, выслушавъ это, при пяти свидѣтеляхъ отдалъ сына Чанакѣ.

¹⁾ Сравни. Lassen Ind. Alterth. II, 212, стр. 1.

Чанакѣ построилъ травяную хижину и вверху оставилъ отверстіе, надъ которымъ сталъ нѣкій человѣкъ съ покрывкою, въ хижину же посадили беременную. Ночью, когда полная луна взошла на небѣ, Чанакѣ поставилъ подъ отверстіемъ сосудъ съ молокомъ. Въ сосудѣ отразился мѣсяцъ, и сказалъ тогда Чанакѣ беременной:

— Ты счастлива, — на твое счастье луна пришла сюда!

Какъ только Чанакѣ сказалъ: „пей“, беременная стала пить луну; человекъ же, стоявшій на верху, началъ прикрывать отверстіе, и когда окончилось питье луны, отраженной въ сосудѣ, закрылось и отверстіе. Желаніе беременной, такимъ образомъ, исполнилось.

Такъ повѣствуетъ легенда о рожденіи Чандрагупты (луною принимаго). О его дѣтствѣ разказывается слѣдующее:

Когда ему было восемь лѣтъ, игралъ онъ съ малолѣтками. Самъ былъ царемъ и раздавалъ другимъ—кому деревню, кому цѣлую страну, кому начальство надъ крѣпостями. Въ это время Чанакѣ, странствуя, пришелъ въ это мѣсто, и увидавъ игру, сказалъ:

— О царь, всѣмъ ты даруешь желанное, подари и мнѣ что-либо желанное.

— Дарю тебѣ, сказалъ Чандрагупта,—всѣхъ этихъ коровъ.

— Эти коровы чужія, возразилъ Чанакѣ, — какъ же я могу ихъ взять?

— Кто способенъ, тому принадлежитъ земля, отвѣчалъ Чандрагупта (*śraddhā mīlāprakaṣaṇa*).

Затѣмъ Чанакѣ, пораженный этимъ отвѣтомъ, узнаетъ кто такой Чандрагупта, беретъ его съ собою и начинаеть борьбу съ царемъ Нанда. О борьбѣ этой сохранилось нѣсколько подробностей въ браһманической литературѣ; о царѣ же Нандѣ, какъ клжется, знали и Греки: можно предполагать, что Нанду они считали богатымъ царемъ Просіевъ и Гангаридовъ, о которомъ вѣсть доходила до самого Александра Великаго, когда онъ былъ на Гифазѣ, куда также являлся и Чандрагупта. Съ Селевкомъ у Чандрагупты были постоянныя сношенія,—ему была уступлена часть греческихъ завоеваній, и при его дворѣ жилъ Мегасѣенъ, первый изъ западныхъ писателей, упоминающій Будду и буддистовъ. Чандрагупта царствовалъ 26 лѣтъ и умеръ въ 291 году до Р. Х. При его внуцѣ Асокѣ Великомъ произошло первое движеніе буддизма за индѣйскіе предѣлы. На третьемъ соборѣ, уладившемъ одну изъ распръ въ буддѣйской общинѣ, положено было послать миссіи въ отдаленныя страны. Обширныя владѣнія Асоки и его непосредственныя сношенія съ мнѣшими царями по-

ясняютъ, откуда могло явиться это стремленіе покорить слову Вѣщаго—чуждыя страны. Извѣстія о буддійскихъ миссіяхъ во вѣиндѣйскія страны подтвердились, въ послѣднее время, случайно сдѣланными находками. Кѣннингему посчастливилось открыть въ ступѣ Сангу, ящикъ съ мощами; на ящикѣ читалась надпись: „благочестиваго *Kassapagota*, наставника всего Гимавата“; внутри того же ящика была другая надпись: „благочестиваго *Majjhima*...“. Имъ же былъ найденъ, въ ступѣ Сонари, другой ящикъ, на которомъ были слова: „благочестиваго *Gotiputa* Гимаватскаго, *Dadabhisara*, по вѣрѣ родственника. (*The Bhilsa Topes*, стр. 119, 121). Имена *Kassapa*, *Majjhima*, *Dadabhisara* встрѣчаются въ числѣ именъ пяти старцевъ, посланныхъ просвѣщать страны Гималайскія. Подъ именемъ странъ Гималайскихъ нужно разумѣть страну по сю сторону Гималая; такъ какъ съ буддизмомъ по ту сторону этого хребта мы встрѣчаемся нѣсколько позднѣе, хотя еще до начала нашей эры буддисты и буддійскій культъ появляются на западѣ отъ Яркента, въ Бактріи, во времена Канишки на востокѣ отъ Белуртага, и на западѣ отъ Желтой рѣки. Бирманская хроника (*Sāsanaganisa*) даетъ Гималайскимъ странамъ одно общее названіе—*Чина*. „Тамъ люди весьма чтили яшмовъ: *Sanda* (луну), *Raganissara* (верховнаго владыку)... Страны Кашмиръ и Гандхара иногда бывали покорены царемъ Чины, иногда бывали самостоятельны“. О положеніи страны Чина Индійцы имѣли весьма смутное представленіе: ее представляли себѣ и на сѣверѣ, и на востокѣ. „На сѣверѣ“, говорится въ *Grayambhū rigāna*, „въ срединѣ есть страна, по имени Чина, моремъ окруженная. Тамъ есть мѣсто *Mahācina*, прекрасное, семью рѣками и семью стѣнами окруженное, въ ширину семь кростъ и въ длину семь кростъ (кроста=6000 футовъ), жилище богатыхъ людей, снабженное разными вещами. Въ срединѣ находится пятиглавая гора, Манжушри по имени, въ ширину, длину, высоту одинаковая... Въ срединѣ срединной вершины находится великое озеро... Тамъ родился учитель Манжушри, всевѣдущій наставникъ...“. Извѣстіе, что жители страны Чина чтили луну и верховнаго владыку дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что бирманская хроника отодвинула въ древность болѣе позднее событіе, и что здѣсь мы имѣемъ указаніи на страны, подчиненныя Хувишнѣ и его пресмникамъ, отъ которыхъ остались монеты, какъ съ изображеніемъ иранскихъ боговъ, такъ и съ буддійскими надписями. Изъ странъ вѣиндѣйскихъ, куда пролилъ буддизмъ въ это время преданіе называетъ кромѣ того *aparāntu* или западную пограничную страну; о ней говоритъ Асока въ Жи-

рифской надписи, *Уона* или страны, уступленныя Чандрагуптѣ; Селевкомъ; *Sivaṇṇa bhūmī* или Пегу. Внутри Индіи были просвѣщены многія страны; тогда же буддизмъ былъ введенъ въ Кашмиръ и Гандхару, гдѣ, по сказанію бирманской хроники, жители, создавъ изображеніе вмѣя, чтили его, покланялись ему и уважали его. На платьяхъ и сосудахъ они создавали также тѣ же образы...

III.

Въ то время, когда буддизмъ сдѣлалъ первыя попытки утвердиться внѣ Индіи, его ученіе не было еще записано и сохранялось по памяти; чрезъ 450 или чрезъ 433 года по смерти Будды, при царѣ Vattagamāni, сынѣ царя Saddhātissa, ученіе было записано на Цейлонѣ, въ вихарѣ Alokalena. Около этого же времени, въ Кашмирѣ собрались духовные на соборъ, цѣлю котораго, вѣроятно, было также записаніе ученія, до того времени хранившагося устно.

Сами буддисты твердо вѣрятъ, что въ четыреста сличкомъ лѣтъ ученіе сохранилось неизмѣннымъ; цѣлыя легенды сложились у нихъ о подвигахъ старцевъ, хранителей священнаго писанія. Какъ бы предвидя сомнѣнія въ подлинности и древности своего ученія, могущія возникнуть при взвѣшиваніи голаго факта поздняго записанія священнаго текста, буддисты передаютъ намъ, какъ они хранили святыню; у нихъ существовали преемство учителей, особые термины для обозначенія разныхъ степеней знанія священнаго писанія (см. Пра-тимокша-сутра, стр. XIV); ученіе затверживалось отдѣльными лицами по частямъ и въ различномъ объемѣ. Такіе знатоки отдѣльных частей пользовались извѣстностью, и къ нимъ сходились ученики со всѣхъ сторонъ:

„Во времена царя Mahābhaya, на островѣ Цейлонѣ, одинъ духовный отлично зналъ *Mahāniddeśu*. Ставирѣ Mahārakkhit'ъ сказалъ его учитель, изучившій три питаки:

— Милый, изучи у такого-то Mahāniddeśu.

— Возлюбленный, онъ грѣшенъ, не стану у него учиться.

— Милый, выучи, я стану рядомъ сидѣть.

— Хорошо, возлюбленный, если ты будешь сидѣть около, то стану изучать.

Условились такъ, и ставира Mahārakkhita непрестанно, днемъ и ночью, изучалъ. Въ послѣдній день, подъ постелью наставника, онъ увидалъ женщину. „Слыхано ли прежде таковое, возлюбленный? Знай я это прежде, не сталъ бы изучать закона у грѣшника“.

Много великихъ старцевъ, изучивъ у него mahāniddeś'ya, утвердили ее“

Ученіе хранилось въ памяти, а память могла измѣнять, хотя стихотворный размѣръ помогаль не забывать выученнаго. При каждомъ возникшемъ сомнѣніи, благочестивые буддисты не щадили трудовъ: по этому поводу въ бирманской хроникѣ разказывается слѣдующій характерный случай:

„На островѣ Цейлонѣ, у одного мірянина Pugaḥhasuka былъ сынъ ставира Tissa. Изучивъ слово Будды, ставира пошелъ въ Индію и тамъ изучаль слово Будды, подъ руководствомъ ставиры Dhammapakkhita, родомъ Уоака (Грека). На возвратномъ пути къ гавани, у ставиры возникло сомнѣніе относительно одного изреченія. Онъ повернулъ назадъ, хотя и прошелъ уже путь, во сто южанъ.

По дорогѣ къ учителю, ставира сказалъ одно изреченіе шкскому мірянину. Мірянинъ, исполнившись благочестія, подарилъ ставирѣ шерстяное одѣяніе, стоящее сто тысячъ. Принявъ его, ставира передалъ учителю... Ставира Tissa, разрѣшивъ у учителя сомнѣніе, пришелъ въ свое мѣсто, на островѣ Цейлонѣ“.

„Результатомъ такого рода изученія „слова Будды“, такихъ стараній о его чистотѣ, было, по мнѣнію буддистовъ, то, что ученіе сохранялось въ продолженіе столѣтій, до самаго записанія его въ книгахъ, неизмѣннымъ. „Начиная съ того времени“, говорятъ они, — „когда еще жилъ господь-Будда, и до записанія ученія въ книгахъ, преемство учителей хранило устно три питаки. Дополнивъ ученіе, ставиры записали его въ книгахъ и твердили“. Такимъ образомъ, великіе старцы съ немалымъ трудомъ блюли ученіе. Объ этомъ таковъ разказъ:

„Во время Candālātissa, на островѣ Цейлонѣ было смущеніе: послѣ засухи возникъ голодъ. Въ то время пришелъ книзь боговъ, Индра, и сказалъ духовнымъ:

— Миліе, вы не въ состояніи сохранить три питаки; взойдите на судно и ступайте въ Индію; если судно будетъ вамъ недостаточно, плывите на доскѣ, тростникѣ; стану васъ охранять, дабы не было вамъ страху.

Шестьдесятъ духовныхъ пошли тогда къ берегу моря; и случилось съ ними такое:—Не пойдемъ въ Индію, проживемъ здѣсь и сохранимъ три питаки.

И засимъ, вернувшись отъ гавани, пошли въ одну изъ странъ острова, *Malaya*; жили тамъ корнями, плодами и свершали чтеніе часть CLXXVI, отд. 2.

священнаго ученія. Но, мучимые сильно страхомъ голода, и такъ не могли продолжать; возлегли грудью на песокъ, и обернувъ другъ къ другу голову, молча, умственно повторяли чтеніе.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, сохраняя такъ три питакки, вмѣстѣ съ комментаріями, они пеклись объ ученіи. Но простествіи двѣнадцати лѣтъ исчезъ страхъ. Семьсотъ духовныхъ, еще прежде ушедшихъ въ Жамбудвѣпу (Индію), прибыли на островъ Цейлонъ, и пришли въ монастырь *Mandalārāma*, въ странѣ *Rāma*.

Тѣ шестьдесятъ духовныхъ пришли также въ тотъ монастырь, и сговорившись другъ съ другомъ, прочли вмѣстѣ (священное писаніе).

Взаимно они согласовались и, какъ вода Ганга сливается съ водою Ямуны, такъ и они не различествовали" (*Sāsanavamsa*).

IV.

Изъ двухъ отдѣловъ вышеприведенной басни, то-есть, прозы и стиховъ, мы видѣли, что проза считается буддистами за переводъ съ сингалезскаго, сдѣланный въ IV—V вѣкахъ по Р. Х.; стихи, резюмирующіе фабулу, составляютъ часть священнаго текста, развившагося отъ VI до I вѣка до Р. Х. Есть основаніе предполагать, что начало многихъ басенъ и сказокъ возможно отодвинуть въ болѣе глубокую древность; извѣстно, что многое изъ древняго умственного достоянія Индіи было усвоено буддистами и внесено въ литературу; книга уложенія или виная питака разсказываетъ, что буддійскіе монахи любили наполнять праздное время слушаніемъ разказовъ, сказокъ, легендъ и т. д.; имъ запрещались этого рода развлеченія, но съ теченіемъ времени доктрина съумѣла воспользоваться легендами; старыми средствами буддисты пытались достигъ новыхъ цѣлей; изъ стараго содержанія создавалось новое проясненіе, вознѣцавшее новыя идеи, новое ученіе.

Для изслѣдователя происхожденія странствующихъ сказаній было бы весьма важно опредѣлить, откуда буддисты взяли ту фабулу, которую они резюмировали въ хроникахъ, несомнѣнно весьма древнихъ и весьма часто составляющихъ общее достояніе всѣхъ школъ. До сихъ поръ вопросъ объ этомъ разрѣшался двояко: одни считали индійское происхожденіе сказочнаго матеріала вполне возможнымъ, опираясь при этомъ на извѣстную древность индійской литературы; другіе, какъ, напримѣръ, Веберъ, говорили, что это содержаніе пришло въ Индію съ запада, отъ Грековъ; Греки сохра-

нили то же содержаніе, въ болѣе безыскусственной формѣ; они явились въ Индію очень рано, вмѣстѣ съ македонскимъ завоевателемъ, и въ то время, какъ развивалось буддійское ученіе, политическія событія постоянно приводили Индію въ столкновеніи съ Греками. Такимъ образомъ, какъ-бы указывался самый путь перехода странствующихъ сказаній, и самое мнѣніе подтверждалось искусственностью индійскихъ редакцій. Послѣдній доводъ, какъ намъ кажется, лишень всякаго научнаго основанія. Искусственная редакція и внѣшняя систематизація разказа не бросаетъ никакого свѣта на самое происхожденіе содержанія; редакція явилась въ IV—V вѣкахъ по Р. Хр., но содержаніе существовало и прежде, ранѣе появленія сингалезскаго оригинала, какъ это подтверждается стихотворною частью всякаго разказа. Греки бывали дѣйствительно въ Индіи, но было ли ихъ много, въ какомъ отношеніи они были къ туземному населенію, не жили ли они исключительно въ лагеряхъ и тѣхъ укрѣпленныхъ ставкахъ, которыми западные писатели называютъ громкимъ именемъ городовъ,—обо всемъ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ то время, когда Греки появились впервые въ Индіи и долго послѣ того, тамъ продолжалось время смутное,—военное положеніе было обыкновеннымъ явленіемъ; контингентъ греческаго войска долженъ былъ весьма часто мѣняться, а потому врядъ ли солдату было время сходиться съ туземнымъ населеніемъ и быть, такимъ образомъ, піонеромъ западной культуры въ странѣ, въ то время далеко не лишенной своей собственной оригинальной цивилизаціи. Часть Индіи дѣйствительно пала подъ ударами македонскаго завоевателя, но это случилось не вслѣдствіе ея низшаго культурнаго развитія, а благодаря воспому генію Александра Великаго и стеченію второстепенныхъ обстоятельствъ; около этого времени Индіи вступила въ сношенія и съ другими народами; буддійскихъ миссіонеровъ мы видимъ и на сѣверѣ, и на востокѣ еще до Р. Хр.; благодаря буддизму, началось религіозное общеніе между отдаленными народами; а потому если индійская литература подвергалась чужеземному вліянію, было бы весьма односторонне ограничивать это вліяніе однимъ греческимъ: сказки, басни, легенды мнѣческаго содержанія могли идти и изъ другихъ мѣстъ.

Для того, чтобы вліять на народъ именно въ этомъ отношеніи, нужно говорить съ нимъ, нужно быть ему понятнымъ; мы не знаемъ, былъ ли греческій языкъ извѣстенъ, или на сколько онъ былъ распространенъ въ Индіи; въ позднѣйшихъ астрологическихъ сочине-

ніяхъ попадаются греческія техническія выраженія, но они зашли въ Индію гораздо позднѣе той эпохи, о которой мы говоримъ теперь. Съ другой стороны, буддизмъ, распространяясь внѣ Индіи, несть съ собою и свой языкъ; множество именъ странъ, встрѣчаемыхъ въ путешествіи Сюанъ-цзапа или нѣкоторыя имена въ Загангской Индіи—санскритскаго происхожденія; двуязычныя монеты греко-бактрійскихъ царей свидѣлствуютъ о распространеніи одного изъ индѣйскихъ нарѣчій далеко внѣ Индіи; индѣйская грамматика процвѣтала въ странахъ пограничныхъ съ краемъ, которымъ владѣли Греки; все это заставляетъ думать, что и здѣсь—можетъ-быть—въ самой Бактріи, буддизмъ и языкъ его культуры былъ распространенъ, было, быть можетъ, то же, что позднѣе повторилось въ самой Бирмѣ. „Тамъ“, говоритъ бирманская хроника,—въ древности, въ городѣ *Arimaddana*, даже женщины изучали книги.... встрѣчаясь другъ съ другомъ, онѣ спрашивали: Какое сочиненіе изучаешь? Какое сочиненіе затверживаешь?... Однажды нѣкая двѣнадцатилѣтняя дѣвушка, встрѣтившись съ духовнымъ, рассказывавшимъ за милостинею, спросила его:—Какъ тебя зовутъ, возлюбленный?—Мое имя, отвѣчаетъ тотъ, *Khetā*!

— Какъ, милый, ты мужчина, а принялъ имя съ окончаніемъ женскаго рода?

Мать, стоявшая въ домѣ, закричала дочери:—Развѣ ты не знаешь отличія словъ *gājā* и пр.?

— Да, знаю, отвѣчала дочь,—но слово *Khetā* не принадлежитъ къ разряду словъ *gājā* и пр.? Между женщинами завязался ученый споръ, и обѣ высказали большія познанія“.

Факты говорятъ, что между народами древности были и сношенія духовнаго общенія, и нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ утверждать исключительное вліяніе Грековъ на Индѣйцевъ; вѣроятнѣе предположить, что заимствованіе было и съ той, и съ другой стороны, и конечно, болѣе сказочнаго матеріалу перешло изъ Индіи на западъ, нежели наоборотъ. Этотъ литературный матеріалъ дошелъ до насъ въ искусственныхъ редакціяхъ; но прослѣживая ихъ развитіе, мы приходимъ къ убѣжденію, что начало содержанія уходитъ въ глубокую древность, и самый вопросъ о томъ, откуда могло взятъ это содержаніе, остается открытымъ вопросомъ.

Издавая небольшое собраніе индѣйскихъ, буддійскихъ сказокъ (жйтакъ), я счелъ необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній о началѣ этихъ литературныхъ произведеній; окончательно же этотъ важный вопросъ въ исторіи культуры можетъ быть разрѣ-

шенъ соединенными усиліями многихъ и путемъ сравнительнаго изученія литературъ различныхъ народовъ.

Сказки.

1.

I. 7, 2. *anda bhatajataka*. Бодхисатва родился бѣрѣмасійскимъ царемъ. Онъ часто игривалъ въ кости съ своимъ главнымъ жрецомъ (пурогита). Когда же бросалъ золотую кость на серебрянную доску, то припѣвалъ такую пѣснь:

— Всѣ рѣки криво текутъ; во всякомъ лѣсѣ дрова и всякая женщина сотворить грѣхъ, застигнутая въ скрытомъ мѣстѣ!—Такъ играя, царь всегда выигрывалъ, а пурогита проигрывалъ. Види, какъ въ домѣ исчезаетъ достатокъ, пурогита задумалъ жениться и сталъ такъ разсуждать:—Не могу я стеречь женщину, уже видѣвшую мужчину; стану стеречь какую-нибудь женщину съ ея рожденія, и когда она достигнетъ возраста, подчиню ее себѣ; сдѣлаю ее принадлежащею одному человѣку, и приставивъ сильную стражу къ ней, паберу много богатства отъ царя.

Такъ и сдѣлалъ пурогита: досталъ отъ бѣдной женщины дѣвушку, окружилъ ее женщинами, и пока она росла, не игралъ съ царемъ; когда же дѣвочку выростилъ, то сказалъ царю:

— Поиграемъ, великій царь!

— Хорошо, согласился царь, и сталъ играть прежнимъ способомъ; когда же царь, распѣвая, бросалъ кость, пурогита прибавилъ:

— Исключая моей питомицы.—И начиналъ съ тѣхъ поръ пурогита выигрывать, а царь проигрывалъ.

Царю это не понравилось, и онъ отрядилъ одного плута соблазнить дѣвушку. Плутъ пошелъ и недалеко отъ дома главнаго жреца на царскія деньги завелъ торговлю благоуханіями. Питомицу стерегли такъ, что и въ домъ нельзя было проникнуть. У нея была служанка, которой случалось проходить недалеко отъ лавки того плута. Однажды, видя какъ она подходитъ, плутъ вышелъ изъ своей лавочки, упалъ къ ея ногамъ, и обнявъ ихъ крѣпко руками, сталъ плакать:

— Матушка, гдѣ ты была столько времени?

Другіе подзученные плуты стояли и говорили о сходствѣ матери съ сыномъ; ихъ словамъ служанка повѣрила, признала плута своимъ

сыномъ и стала брать въ его лавочкѣ благоуханія для молодой жены пурогита, не платя за нихъ денегъ. Черезъ нѣсколько дней плутъ сказался больнымъ и объяснилъ свою болѣзнь названной матери такъ:

— Матушка, вотъ въ чемъ моя болѣзнь: слыша хвалы твоей питомицы, я влюбился; если овладѣю ею, то буду жить; не овладѣю, то умру.

Служанка донесла объ этомъ молодой женщинѣ, и съ ея согласіемъ, пронесла въ корзинѣ съ цвѣтами плута въ домъ главнаго жреца; тамъ плутъ прожилъ два-три дня.

По прошествіи двухъ трехъ дней, молодая женщина сказала:

— Господинъ, теперь ты долженъ уходить.

— Не хочу уходить, не прибывъ браһмана, отвѣчалъ плутъ.

— Да будетъ такъ, отвѣчала молодая женщина и спрятала плута.

Пришелъ браһманъ.

— Господинъ, сказала ему жена, — хочу поплясать подъ твою игру на лютнѣ.

— Хорошо, милая, попляши!

— Если ты станешь смотрѣть, я застыжусь. Завязавъ тебѣ лицо платкомъ, буду плясать.

Браһманъ и на это согласился. Завязала ему жена глаза, и поплясавъ, жена сказала:

— Господишь, хочу ударить тебя, разъ, по головѣ.

Браһманъ и это позволилъ. Когда же плутъ ударилъ его довольно сильно, онъ потребовалъ, чтобы жена подала ему руку:

— Рука нѣжна, сказалъ опъ, держа жену за руку. а ударъ крѣпокъ.

Когда браһманъ ушелъ, вынесли и плута въ корзинѣ. Плутъ пошелъ и разказалъ обо всемъ царю.

Когда браһманъ явился къ царю, тотъ предложилъ ему поиграть и во время игры пѣлъ свою обыкновенную пѣснь; браһманъ хотя и прибавилъ: „исключая моей питомицы!“ но проигралъ на этотъ разъ. Царь ему разказалъ все, что узналъ о его молодой женѣ. Браһманъ, придя домой, сталъ бранить свою жену. Жена отрицала все и утверждала, что ни одинъ мужчина не касался ея руки; справедливость словъ своихъ она готова была подтвердить божьимъ судомъ. Браһманъ согласился на это.

— Милая, обратилась жена къ служанкѣ, — когда я буду входить въ огонь, скажи сыну, чтобы онъ пришелъ туда и взялъ меня за руку.

Та пошла и научила плута, какъ дѣйствовать. Пришелъ на судъ плутъ и сталъ въ толпѣ.

Питомица, желая обмануть бра́хмана, ставъ по среднѣи́й народа, сказала:

— Исключая бра́хмана, не знала и прикосновеніи руки другаго человѣка. Если я говорю правду, то да не сжеть меня этотъ огонь! И стала входить въ огонь. Въ тотъ же мигъ плутъ обратился къ народу:

— Полюбуйтесь на дѣло пурогиты: такую женщину онъ посылаетъ въ огонь,—и схватилъ ее за руку. Жена, вырвавъ руку, обратилась къ бра́хману:

— Господинъ, свидѣтельство мое нарушено. Не могу и входить въ огонь.

Бра́хманъ тутъ только понялъ, что онъ обманутъ, и прибивъ жену, прогналъ ее.

2.

I. 7, 7. *Ucchanga jataka*. Однажды въ странѣ *Kocala* три человѣка напали въ лѣсу; въ то же время вблизи того же лѣса разбойники ограбили людей и убѣжали. Ограбленные люди, ища разбойниковъ и не видя ихъ, пришли къ тому мѣсту (гдѣ тѣ три человѣка напали).—Награбили въ лѣсу, а теперь стали пахать! (сказали землепашцамъ ограбленные) и, считая ихъ разбойниками, связали, привели къ царю и отдали ихъ ему.

Нѣкая женщина (жена одного изъ трехъ), плача и приговаривая: „дайте мнѣ покровъ, дайте мнѣ покровъ“, стала расхаживать вокругъ царскаго жилища. Царь, услыхавъ ея голосъ, приказалъ:—Дайте ей покровъ.—Слуги, взявъ одѣяніе, пошли къ ней, но она, увидавъ это, сказала:—Не этого я прошу, я прошу покрыва—мужа.—Слуги пошли и доложили царю:—Не тотъ покровъ она разумѣетъ, мужа (покровъ) она разумѣетъ.—Царь, приказавъ ее позвать, спросилъ:—Ты просишь мужа—покровъ?

— Да, царь, для женщины мужъ—покровъ; если мужа нѣтъ, то хотя бы женщина одѣлась въ драгоцѣннѣйшее одѣяніе, она будетъ нага!—И чтобы доказать это, она прибавила слѣдующее изреченіе: Безводная рѣка нага; нага страна безъ царя; нага вдова, хотя бы у ней было десять братьевъ.

Довольный ею, царь спросилъ:—Эти три человѣка кто тебѣ?

— Одинъ мнѣ, о царь,—мужъ, другой—братъ, третій—сынъ.

— Я доволенъ тобою, сказалъ царь,—изъ трехъ одного дарую тебѣ, кого желаешь?

— Покуда я жива, о царь, отвѣчала она,—мужа могу достать и могу достать сына, но такъ какъ мои родители померли, трудно мнѣ достать брата; а потому даруй мнѣ, о царь, брата.

Царю понравился этотъ отвѣтъ и онъ отпустилъ всѣхъ трехъ...

(Далѣе въ текстѣ слѣдуетъ пересказъ того же съ однимъ видоизмѣненіемъ, именно жена отвѣчаетъ такъ:—Въ колѣнахъ у меня сынъ, пойду по дорогѣ и мужа найду, но не вижу страны, откуда могла бы привести брата!).

3.

I. 10, 2. *mahāsara jātaka*. По приглашенію царя *Kosala*, сѣхавира Ананда преподавалъ законъ его женамъ. Однажды у царя пропалъ драгоценный камень изъ діадемы. Царь приказалъ отыскать его. Не смотря на усердные поиски, камень не находился; людей же очень мучили. Объ этомъ узналъ отъ царскихъ жень Ананда; онъ отправился къ царю и предложилъ ему средство найти камень, не муча людей: онъ посоветовалъ царю отобрать тѣхъ, кого подозрѣвали въ кражѣ, раздать каждому изъ нихъ по куску глины или соломы и заставить бросать то и другое, на разсвѣтѣ, въ определенное мѣсто; такимъ образомъ найдется воръ. Это средство, хотя повторялось трижды, не открыло вора; тогда Ананда посоветовалъ еще другое средство: поставить въ одномъ мѣстѣ сосудъ съ водой и окружить его оградой; каждый долженъ былъ входить за ограду и омывать руки въ сосудѣ; воръ, убѣжденный, что рано или поздно сѣхавира откроетъ украденное, бросилъ въ сосудъ драгоценный камень, который и нашли тамъ, выливъ воду.

По этому поводу учитель разказалъ жатаку: У баранасійскаго царя Брахмадатты былъ мудрый министръ (бодхисатва). Однажды царь со всѣми женами отправился въ садъ купаться. Жены, снявъ украшенія, отдали ихъ служанкамъ, а сами вошли въ прудъ. Увидала это одна обезьяна; воспользовавшись разсѣянностью служанки, обезьяна утащила ожерелья царицы, быстро влѣзла на дерево, и не желая показывать другимъ обезьянамъ украденное, спрятала его въ дуплѣ сухаго дерева. Служанка, проснувшись и не видя царицына ожерелья, подняла крикъ; сбѣжала стража, и услыжавъ, въ чемъ дѣло, донесла о промажѣ царю. Царь приказалъ поймать вора. Побѣжали стражи съ крикомъ:—ловите вора, ловите вора!—Въ это

время одинъ прохожій, услыхавъ этотъ крикъ, принялся со страху бѣжать. Стражи сочли его за вора, поймали и стали бить.

Прохожій подумалъ:—Если я скажу, не брать ожерелья, то не жить мнѣ; стануть бить и умертвять меня! — И сказалъ онъ: — Да, господишь, я укралъ ожерелье.

Связали его стражи и потащили къ царю.

— Ты укралъ драгоцѣнное ожерелье (*mahāsārapilāndhanam*), спросилъ его царь.

— Да, царь!

— Гдѣ же оно теперь?

— О царь, никогда не видывалъ я прежде постелей и стульевъ изъ *mūhasāru* (*Acacia Catechu*); Галова (*setthi*) заставилъ меня украсть драгоцѣнное украшеніе (*mahāsārapilāndhana*). Укравъ, я отдалъ ему украшеніе, и онъ знаетъ, гдѣ оно теперь.

Царь приказалъ позвать голову (*setthi*) и спросилъ его:

— Бралъ ли ты изъ рукъ этого драгоцѣнное украшеніе (*mahāsārapilāndhanam*)?

— Да, царь!

— Гдѣ жъ оно теперь?

— Я отдалъ его пурогитѣ, отвѣчалъ голова.

Царь приказалъ позвать пурогиту и также допросилъ его; и тотъ сознался и сказалъ:

— Я отдалъ украшеніе музыканту.

Позвали музыканта.

— Бралъ ли ты изъ рукъ пурогиты, драгоцѣнное украшеніе (*mahāsārapilāndhanam*).

— Да, царь!

— Гдѣ жъ оно теперь?

— Изъ любви я отдалъ его гѣтерѣ (*raṇṇadāsī*).

— Царь приказалъ позвать гѣтеру; та, будучи спрошена, отвѣчала: „не брала.“

Между тѣмъ зашло солнце, и царь, отложивъ дальнѣйшій допросъ до завтра, отдалъ пять человѣкъ министрамъ, а самъ отправился домой. Разумный министръ (бодhisатва) сейчасъ же догадался, что пять человѣкъ не крали украшенія, пришелъ къ царю и выпросилъ ихъ у царя.

— Великій царь, отдай мнѣ воровъ, я изслѣдую это дѣло.

— Прекрасно, мудрецъ, отвѣчалъ царь, изслѣдуй, — и отдалъ ему пять воровъ.

Бодһисатва, призвавъ своихъ рабовъ, сказалъ имъ:

— Заключите этихъ пять человѣкъ въ одно мѣсто; сторожите ихъ кругомъ; прислушайтесь къ тому, что они между собою станутъ говорить, и все это передайте мнѣ. Сказавъ такъ, онъ ушелъ; рабы такъ и сдѣлали.

Въ то время, какъ пять человѣкъ сидѣли тамъ, голова (*setthi*), обратившись къ домохозяину, сказалъ:

— Негодный домохозяинъ, когда ты меня прежде и когда я тебя прежде видѣлъ? Когда ты мнѣ отдавалъ украшеніе?

— Голова, отвѣчалъ домохозяинъ,—я не знавалъ постели или стула съ ножками, сдѣланными изъ дерева *Маһазара* (*acacia catechu*). Отъ тебя будетъ зависеть мое освобожденіе, такъ думая, я сказалъ. Не гнѣвайся на меня, господинъ!

Пурогита сказалъ:—Голова, какъ могъ ты мнѣ дать то, что тебѣ не было дано?

— Мы оба ловкіе люди, и если вмѣстѣ будемъ, въ то время ты быстро разрѣшишь дѣло; вотъ поэтому и оговорилъ тебя.

Музыкантъ сказалъ пурогитѣ: Брахманъ, когда ты мнѣ давалъ украшеніе?

— Я думалъ, отвѣчалъ пурогита,—съ тобою и въ заключеніи мнѣ будетъ пріятно, а потому такъ сказалъ.

Гэтера обратилась къ музыканту:

— Негодный музыкантъ, когда я къ тебѣ приближалась прежде, или ты подходилъ ко мнѣ? Когда ты мнѣ давалъ украшеніе?

— Сестрица, отвѣчалъ музыкантъ,—зачѣмъ ты сердилась? Если мы пять человѣкъ станемъ вмѣстѣ жить, то это будетъ какъ-бы жизнь дома. Не тоскуй, пріятно проживемъ; такъ думая—я сказалъ.

Вслушавъ отъ приставленныхъ людей донесеніе объ этомъ разговорѣ, бодһисатва убѣдился, что пять человѣкъ не суть воры. Подозрѣвая, что воръ—обезьяна, бодһисатва наловилъ обезьянъ и навязалъ имъ на ноги, руки, шею украшенія; видя это, обезьяна-воръ надѣла драгоцѣнное ожерелье и стала разгуливать. Приставленные бодһисатвою люди погнались за нею, отняли украденное и отдали бодһисатвѣ, который отнесъ его царю.

Царь, вслушавъ разказъ обо всемъ, сказалъ:

— Героя въ битвѣ, не болтуна въ совѣтѣ, за трапезой милаго желаютъ; когда же возникаетъ дѣло, мудраго желаютъ.

4.

I. 8, 10. *Bhīmasena jātaka*. Бодһисатва родился въ семьѣ браһманской и научился въ *Takkasīla* тремъ ведамъ и шестнадцати искусствамъ и былъ весьма искусный стрѣлокъ изъ лука. Пришелъ онъ въ Варанаси, но, будучи малъ ростомъ, боялся предстать предъ царемъ; встрѣтивъ одного красиваго юслаго ткача, онъ условился съ нимъ такъ: если меня увидитъ царь, то скажетъ: „что можетъ намъ сдѣлать такой малорослый?“ и разсердится. Если же ты скажешь царю: „я стрѣлокъ изъ лука“, онъ дастъ тебѣ жалованіе и возможность спокойно жить! Я стапу за тебя дѣлать случившіяся дѣла и буду жить за твою спиною, оба будемъ счастливы. Исполни мои слова.—Ткачъ согласился; пошли вдвоемъ къ царю и панялъ ихъ царь—ткача какъ стрѣлка, бодһисатву какъ ученика. Случилось вскорѣ, что царь послалъ ткача *Bhīmasena* убить тигра, который нападалъ на людей по дорогѣ. Бодһисатва не пошелъ съ нимъ, а научилъ его, какъ дѣйствовать:—Не ходи одинъ въ логовище тигра; собери народъ и, взявъ тысячу или двѣ луковъ, ступай туда; когда же увидишь, что тигръ всталъ, бѣги въ чашу и припади на животъ; какъ скоро люди, побивъ тигра, возьмутъ его, откуси зубами ползучее растеніе, и взявъ его за конецъ, ступай къ тигру мертвому и скажи: „Кто убилъ тигра? Я пошелъ въ лѣсъ за веревкою, хотѣлъ его связать, какъ корову, и привести къ царю. Но принесъ я веревки, а кто-то ужъ убилъ его! Народъ испугается и скажетъ: „Господинъ, не докладывай объ этомъ царю.“ Дадутъ тебѣ много денегъ, ты же возьмешь тигра и отъ царя получишь еще много богатства“.

Bhīmasena все такъ и сдѣлалъ, и случилось все по словамъ бодһисатвы. Такъ же выходилъ онъ на буйвола. Затѣмъ сталъ онъ презрительно относиться къ бодһисатвѣ. Случилось вскорѣ, что какой-то царь осадилъ Варанаси. Царь выслалъ *Bhīmasena* на послединокъ съ нимъ. Вооружился *Bhīmasena* съ нощъ до головы и выѣхалъ на словѣ; сзади его сидѣлъ бодһисатва; какъ только услышавъ *Bhīmasena* звуки битвы, такъ испугался, что испачкалъ сидѣніе.

Бодһисатва, побравивъ его, пересадилъ на заднее мѣсто, а самъ сѣлъ напередъ и побѣдилъ врага.

Варанасійскій царь выбралъ его своимъ стрѣлкомъ. *Bhīmasena* же отпустилъ.

5.

I. 10, 7. *namasiddhijātaka*. Въ *Takkasīla*, у одного браһмана-учителя (бодһисатва) былъ ученикъ по имени Рарака (грѣшникъ). Не

поправилось такое имя ученику, и пошелъ онъ, съ позволенія учителя, отыскивать новое имя. Приходитъ въ нѣкоторый городъ; тамъ умеръ нѣкій человекъ, по имени *jivako* (живой); не поправилось ему это имя; и (живой) *jivako* умираетъ. Пошелъ онъ дальше; видитъ онъ, какъ одинъ хозяинъ бьетъ раба за недоставленіе оброка; раба звали *Dhanapali* (богачъ); не поправилось ему и это имя,—и *Dhanapali* (богачъ) бываетъ бѣднымъ. Вышелъ за городъ и видитъ человека заблудившагося; спросилъ, какъ его имя, а имя тому было (путникъ) *Panthako*; и *Panthako* (путникъ) теряетъ путь,—не поправилось ему и это имя; вернулся къ учителю и не хотѣлъ мѣнять имени. Тогда учитель сказалъ стихъ:

Увидѣвъ *jivako* (живаго) мертвымъ, бѣднымъ *Dhanapali* (богача), заблудившимся *Panthako* (путника), *Piriki* вернулся.

6.

I. 13, 6. *kataha jatak*. Въ древности, въ Баранаси царствовалъ Брахмадатта. Бодхисатва былъ въ то время весьма богатымъ цеховымъ начальникомъ (*setthi*). Жена его родила сына, и въ тотъ же день служанка родила сына. Оба мальчика росли вмѣстѣ; когда сынъ господина учился письму, сынъ слуги, пося за ними доску, научился письму, счету. По простествіи нѣкотораго времени сталъ онъ искусенъ въ рѣчахъ и дѣлахъ; былъ красивъ, назывался *Katahaka* и въ домѣ господина имѣлъ должность ключника.

Исполняя свою должность, задумалъ ключникъ такое: „Не вѣрно будетъ у меня должность ключника; замѣтятъ какой-нибудь проступокъ, прибудутъ, свяжутъ, заклемятъ и будутъ мною пользоваться какъ рабомъ. Въ отдаленной странѣ у господина есть другъ *Setthi*. Если я, какъ-бы по словамъ господина, вмѣстѣ съ его письмомъ пойду туда, назовусь сыномъ господина, и такимъ образомъ обманувъ *Setthi*, женюсь на его дочери, то стану жить счастливо!

Въ тотъ же вечеръ ключникъ написалъ письмо, въ которомъ отъ имени своего господина рекомендовалъ себя, какъ сына и жениха дочери *Setthi*; запечаталъ письмо перстнемъ господина и отправился въ отдаленную страну. Прочиталъ *Setthi* письмо друга и исполнилъ все по писанному.

Женился сынъ служанки на дочери головы и имѣлъ самъ много слугъ. Пищу, наряды—все сталъ онъ корить. Между тѣмъ господинъ его разузналъ, куда бѣжалъ его слуга, и собрался самъ къ другу, въ далекую страну. Дошла объ этомъ вѣсть до сына служанки и по-

налъ онъ, затѣмъ идетъ его господинъ.—Если я убѣгу, думалъ онъ,—то пельза будетъ мнѣ вернуться. Осталось одно средство: Пойду на встрѣчу господину, исполню всѣ дѣла слуги и тѣмъ его умилостилю!

И увѣрилъ онъ своихъ слугъ, что въ его странѣ дѣти у родителей тѣ же слуги, исполняютъ всѣ тѣ дѣла, что здѣсь дѣлаютъ слуги, и не ѣдятъ вмѣстѣ съ родителями. Увѣривъ въ этомъ слугъ, отпросился у тестя и отправился на встрѣчу своему господину. Прислуживая ему какъ слуга, *Katahaku* умолилъ господина не губить его. Господинъ обѣщалъ исполнить эту просьбу, и придя къ другу, призналъ сына служанки за своего сына. Съ этихъ поръ никто не могъ смотрѣть въ лице *Katahak'u*. Однажды господинъ призвалъ къ себѣ молодую жену *Katahak'i* и сталъ спрашивать о томъ, какъ живетъ ея мужъ.

— Нѣтъ у него пороковъ, отвѣчала жена;—только нищу всегда корить.

Господинъ научилъ ее одному стиху, которымъ жена должна была заставить мужа молчать. Ушелъ господинъ и возгордился еще болѣе. *Katahaka*, и сталъ онъ разъ бранить обѣдъ, подаваемый женою. Жена отвѣтила ему стихомъ:

— Пришелъ въ иную страну и многое искажаетъ. За тобою въ слѣдъ опять придетъ и (тебя же) унижать. Наслаждайся, *Katahaka*!

— Господинъ сказалъ ей мое имя и все про меня, подумалъ *Katahaka* и съ тѣхъ поръ присмирѣлъ.

7.

Х. 1, 15. *Ghata-jataka*. Въ древности, на сѣверѣ (*uttara patha*) въ странѣ *kamsabhoga*, въ городѣ *Asitanjani* царствовалъ *Mahakamsa*; у него было два сына: *Kamsa* и *Upakamsa* и дочь *Deragabbha*. Въ тотъ день, когда родилась дочь, гадатели предсказали:—Сынъ, родившійся изъ ея чрева, погубить страну *Kamsabhoga* и фамилію *Kamsa*.—Царь, любя сильно дочь, не имѣлъ силы убить ее;—Да знаютъ объ этомъ ея братья! такъ думалъ онъ. и, проживъ свой вѣкъ, умеръ. Когда онъ умеръ, *Kamsa* сталъ царемъ, *Upakamsa* вице-царемъ. Стали они совѣщаться:—Если мы убьемъ сестру, станутъ насъ порицать. Не отдадимъ ее за мужъ; станемъ охранять ее дѣвственницей!—Построили дворецъ съ одною башнею, поселили сестру тамъ. У царицы была прислужница, по имени *Nandagopa* и слуга *andhaka venhi*.

Въ это время въ сѣверной *Madhura* царствовалъ *Maḥasāgara*; у него было два сына: *Sāgara* и *Upasāgara*; по смерти отца *Sāgara*

сталъ царемъ, *Upasagara* вице-царемъ. *Upasagara* былъ товарищемъ вице-царя *Upakams'a*; оба учились искусствамъ въ домѣ одного и того же учителя. *Upasagara*, пойманный разъ на свершеніи зла, въ городѣ брата, убѣжалъ изъ родины къ вице-царю *Upakamsa*. *Upakamsa* показалъ его царю *Kamsa*; а тотъ окружилъ его великимъ блескомъ. Отправляясь прислуживать царю *Kamsa*, *Upasagara* увидалъ жилище царевны *Devagabbha*, дворецъ съ одною башнею, и спросилъ: чье это жилище? Услыхавъ все обстоятельство, онъ влюбился въ царевну *Devagabbha*. Царевна *Devagabbha*, увидавъ его однажды отправляющимися вмѣстѣ съ вице-царемъ *Upakamsa* прислуживать царю, спросила:—Кто это?—Услыхавъ отъ служанки *Nandagora*, что это *Upasagara*, сынъ царя *Maḥāsagara*, влюбилась въ него.

Upasagara подкупилъ служанку *Nandagora*:

— Сестрица, сказалъ онъ ей,—можешь ты мнѣ показать царевну *Devagabbha*?

— Это не трудно, господинъ, отвѣчала та и разказала обстоятельства царевны.

Царевна, уже по природѣ влюбленная въ него, услышавъ эту рѣчь, согласилась, сказавъ:—Хорошо.

Nandagora, услывшись съ *Upasagara*, ночью ввела его во дворецъ. Онъ спалъ вмѣстѣ съ царевною. Оттого, что они повторительно спали вмѣстѣ, *Devagabbha* пріяла зачатіе. Черезъ нѣкоторое время ея беременность стала замѣтна. Братья спросили служанку *Nandagora*. Служанка, испросивъ себѣ безопасность, разказала то обстоятельство. Братья подумали: нельзя убить сестры; если она родитъ дочь, то не будетъ убита; если родитъ сына, мы убьемъ его,—и отдали царевну за *Upasagara*. Когда созрѣлъ плодъ, она родила дочь, братья остались довольны, возрадовались и назвали дѣвочку *Añjanaderi*, родителямъ же дали во владѣніе деревню *Govaddhamāna*. *Upasagara* вмѣстѣ съ царевною жилъ въ той деревнѣ. *Devagabbha* опять забеременѣла и въ тотъ же день забеременѣла *Nandagora*. Когда плодъ у обѣихъ созрѣлъ, *Devagabbha* родила сына, *Nandagora*—дочь. *Devagabbha*, опасаясь убіенія сына, тайно послала его къ *Nandagora*'ѣ и взяла дочь послѣдней. Доложили братьямъ, что ихъ сестра родила.

— Сына она родила? спросили тѣ.

— Дочь, отвѣчали имъ.

— Пусть и воспитываетъ, сказали они.

Такимъ образомъ *Devagabbha* родила десять сыновъ, *Nandagora*

десять дочерей. Сыновья росли у *Nandagor*'ы, дочери у *Devagubbi*'ы. Никто не зналъ этого обстоятельства. Старшій сынъ *Devagubbi*'ы назывался *Vasudeva*, второй *Baladeva*, третій *Cundadeva*, четвертый *Suriyadeva*, пятый *Aggideva*, шестой *Varunadeva*, седьмой *Ajjuna*, осьмой *Rajjita*, девятый *Gahat*—мудрый, десятый *Ankura*. Они были извѣстны какъ десять братьевъ, десять сыновъ раба *Andhakavenu*. Когда братья выросли и возмужали, стали они грабить страну. Жители пожаловались царю. Царь призываетъ мнимаго отца десяти братьевъ.

— Это не мои сыновья, то сыновья *Upasagar*'ы, сказалъ тотъ и повѣдалъ царю все обстоятельство.

Испугался царь и спросилъ министровъ:—Какимъ способомъ овладѣемъ ими?

Тѣ отвѣчали:

— О, царь! они бойцы; устроимъ въ городѣ бой; когда они придутъ на кругъ, прикажемъ ихъ взять.

Царь приказалъ кормить двухъ бойцевъ: *Canura*, *Vuttika* (или *Muttika*) и съ барабаннымъ боемъ возвѣстия въ городѣ: чрезъ семь дней будетъ бой. У царскихъ воротъ приготовили кругъ для боя вырыли яму, украсили кругъ для дома; привязали знамена. Весь городъ взволновался.... Десять братьевъ явятся; происходитъ битва; бойцы царя побиты; *Vuttika* дѣлается *yakkha* и живетъ въ лѣсу *Kalamatti*.

— Хватайте десять братьевъ, рабовъ, сказалъ царь, вставая. Въ этотъ мигъ *Vasudeva* бросилъ свой жезлъ, который спелъ голову двумъ братьямъ-дядямъ; испуганный народъ упалъ къ ногамъ десяти братьевъ, съ словами: будьте намъ убѣжищемъ.

Братья, убивъ двухъ дядей, овладѣли царствомъ въ городѣ *Asitanjana*; привели туда отца съ матерью.—Овладѣемъ всею Жамбудвиною, сказали десять братьевъ и вышли. Пришли въ городъ *Ayojja*, жилище царя *Kalasena*. Обложили городъ, убили царя и овладѣли городомъ. Послѣ того пришли къ городу *Dvaravati*.

Съ одной стороны этого города было море, съ другой—гора, которую владѣли нелюди. На ней пребывалъ *Yakkha*, охраняя городъ. Увидѣвъ враговъ, онъ подъ видомъ осла ревѣлъ по ослиному. Въ то же мгновеніе, по могуществу *Yakkha*'я, весь городъ поднимался и становился въ срединѣ моря, на островокъ. Когда же враги уходили, городъ возвращался и становился на свое мѣсто.

То же самое повторилось, когда приблизились десять братьевъ.

Не могли овладѣть царствомъ въ городѣ *Dvāravatī*, они пошли и поклонились мудрецу *Kaṇhadīpāyana*.

— Возлюбленный, не можемъ мы овладѣть царствомъ въ городѣ *Dvāravatī*, скажи намъ средство.

— За оградой, въ такомъ-то мѣстѣ, отвѣчалъ подвижникъ, расхаживаетъ нѣкій оселъ; онъ, увидавъ враговъ, реветъ и, въ то же мгновеніе городъ, поднявшись, уходитъ. Вы припадите къ его ногамъ, это средство для успѣха. Такъ имъ было сказано; десять братьевъ, поклонившись подвижнику, стали просить осла, упавъ къ его ногамъ:

— Господинъ, исключая тебя, нѣтъ для насъ помощи; не ревни въ то время, когда мы будемъ брать городъ.

— Не могу не реветъ, отвѣчалъ оселъ;—вы сперва придите и четыре человека, взявъ четыре большихъ желѣзныхъ плуга, у четырехъ воротъ города врыйте четыре большихъ желѣзныхъ столба. Въ то время, когда городъ станетъ подниматься, возьмите плуги и привязанныя къ плугамъ желѣзные привязи, прикрѣпите къ желѣзнымъ столбамъ,—оттого городъ не сможетъ подняться.

Братья поступили согласно съ этимъ наставленіемъ и взяли городъ; убивъ царей, они овладѣли царствомъ. То же самое они сдѣлали въ шестидесяти тысячахъ другихъ городахъ. Живя въ городѣ *Dvāravatī*, они раздѣлили свои владѣнія на десять частей и при этомъ забыли о своей сестрѣ *Añjanadevi*; въ ея пользу отказывается отъ своей части *Ankura*; онъ отправляется торговать.

По прошествіи многого времени, когда царствовалъ *Vāsudeva*, принцы-сыновья десяти братьевъ стали думать: *Kaṇhadīpāyana* называется обладающимъ небеснымъ зрѣніемъ, испытаемъ его. Взяли юношу, придили его, привязали ему на животъ подушку, и показывая какъ-бы беременною женщиною, спросили подвижника, что родить эта женщина. Подвижникъ, предвидя свою и десяти братьевъ судьбу, предсказалъ, что чрезъ семь дней женщина родить палочку дерева *khadira* (*Acacia Catechu*), отъ которой погибнетъ родъ *Vasudev*’ы. Вы возьмите эту палочку, сожгите ее и пепелъ бросьте въ рѣку, добавилъ онъ имъ. Принцы, насмѣявшись надъ подвижникомъ, придушили его. Чрезъ семь дней изъ живота юноши дѣйствительно вышла палочка. *Vāsudeva* приказалъ сжечь палочку и пепелъ бросить въ рѣку. Пепелъ, несомый водою, остановился передъ главными воротами, съ одной стороны, и сдѣлался растеніемъ *craka*.

Однажды десять братьевъ отправлялись къ главнымъ воротамъ, построили тамъ павильонъ и стали пировать. Между ними произо-

шелъ споръ; одинъ изъ нихъ, не имѣя никакого орудія, беретъ листь *eraka*, который превращается въ палку дерева *khadava*. Другіе слѣдуютъ его примѣру. Этими палками они побиваютъ другъ друга. Остаются въ живыхъ: *Vasudeva*, *Baladeva*, *Añjanadevi* и пурогита. Они бѣгутъ и попадаютъ въ лѣсъ якшаса *Mutthika*. Якшасть, какъ только узналъ ихъ приходъ, созидаетъ селеніе, самъ принимаетъ видъ бойца. *Baladeva* идетъ съ нимъ состязаться и *Mutthika* пожираетъ его.

Убѣдившись, что онъ умеръ, *Vasudeva*, взявъ сестру и пурогиту, шелъ всю ночь; когда же возшло солнце, они достигли отдаленной деревни. *Vasudeva* послалъ туда сестру и пурогиту за пищею, самъ же прилегъ въ кустахъ. Здѣсь его подстрѣливаетъ нѣкій охотникъ *Jaga* по имени. Такимъ образомъ, всѣ погибли за исключеніемъ царицы *Añjanadevi*.

8.

ХІІ. 1, 2. *Bhaddasārajātaka*. Эта жатака разказана среди слѣдующихъ обстоятельствъ. Учитель пребывалъ въ Жетаванѣ; бникшу ежедневно питались или у Ана́тхапиндика, или у Виса́нхā и не принимали роскошной пищи отъ царя *Kosala*. Царь, услышавъ отъ самого учителя, что бникшу принимаютъ пищу отъ тѣхъ, кому довѣряютъ, то-есть, или отъ родственниковъ, или отъ семей, вѣроу просвѣщенныхъ, задумалъ жениться на сакійской дѣвушкѣ; съ этою цѣлью онъ посылаетъ сватать Сакійку. *Mañanāma* отдаетъ за него дочь *Vāsabhakkhattiya*, рожденную отъ рабыни *Nāgatiṇḍā*.

Послы царя *Kosala*, боясь, чтобы гордые Сакійцы не отдали имъ дѣвушку низкаго происхожденія, требовали, чтобы выдаваемая дѣвушка ѣла вмѣстѣ съ Сакійцами. Сакійцы призадумались.

Mañanāma сказалъ: „Не беспокойтесь; я придумалъ средство. Въ то время, когда я буду обѣдать, нарядите дѣвушку *Vāsabhakkhattiya* и приведите. Какъ только я возьму кусокъ, вы скажите: „царь! такой-то царь прислалъ грамоту; выслушай его извѣщеніе!“ и покажите мнѣ грамоту.

Сакійцы отвѣчали: Хорошо!

Когда *Mañanāma* сталъ обѣдать, они нарядили невѣсту.

— Приведите мою дочь, сказалъ *Mañanāma*,— пусть обѣдаетъ она со мною вмѣстѣ.

— Она наряжается еще царь! отвѣчали ему, и помедливъ немного, привели дѣвушку.

часть СЛХХVI, отд. 2.

Дѣвушка, думая, что съ отцомъ станеть ѣсть, протянула руку къ сосуду. *Маһаната* вмѣстѣ съ нею взялъ одинъ кусокъ; когда же протянулъ руку за другимъ, ему сказали:

— Царь, такой-то царь прислалъ грамоту; выслушай его извѣщеніе! и подали ему грамоту.

— Милая, сказалъ *Маһаната* дѣвущкѣ, кушай,—правую руку опустилъ въ сосудъ, лѣвою же взялъ грамоту и сталъ ее обозрѣвать.

Въ то время, когда онъ читалъ грамоту, дѣвушка ѣла. Когда же она поѣла, онъ вымылъ руки и выполоскалъ ротъ.

Такимъ образомъ, обманувъ пословъ, выдали за царя *Kosala* дочь рабыни. Отъ этой жены у царя *Kosala* родился сынъ; царь послалъ къ своей бабушкѣ узнать, какъ назвать сына. Посланный министръ былъ нѣсколько глухъ и дурно выслушалъ слова бабки.

— Не родивъ еще сына, сказала бабка,—*Vasabhakhattiya* овладѣла всѣмъ народомъ, теперь же станеть очень мила (*vallabha*) царю.

Глухой министръ дурно разслышавъ слово: „мила“ (*vallabha*), принялъ его за *vissudaha*. Этимъ именемъ и назвали принца. Когда *Vissudaha* выросъ, онъ посѣтилъ своего дѣда *Маһаната*. Сакійцы отослали на это время всѣхъ юношей. Принцъ почтительно кланялся всѣмъ, ему же никто не кланялся, такъ какъ вся молодежь ушла. Когда принцъ уходилъ, то услышалъ, какъ одна рабыня, омывая его сѣдалище водою съ молокомъ, назвала его сыномъ рабыни. Онъ принялъ рѣшеніе, какъ скоро сдѣлается царемъ, то омытъ свое сѣдалище кровью изъ сакійскихъ горлъ. По возвращеніи въ *Savatthi*, министры донесли обо всемъ царю. *Kosala* удалилъ отъ себя жену и ея сына, и только послѣ увѣщанія учителя возвращаетъ ихъ.

У царя *Kosala* былъ военачальникъ, по имени *Bandhula*; онъ отослалъ свою безплодную жену *Mallika* въ городъ *Kusinara*.

— Ступай къ своей семьѣ, сказалъ онъ ей.

— Посмотрю на учителя, и потомъ пойду, отвѣчала она. Пошла въ Жетавана, поклонилась учителю и стала въ сторонѣ.

— Куда ты идешь? спросилъ ее учитель.

— Мужъ отсылаетъ меня въ семью.

— Почему?

— Потому, возлюбленный, что я безплодна, бездѣтна.

— Если такъ, сказалъ учитель,—то не зачѣмъ идти, вернись назадъ.

Безплодная жена возвращается домой и черезъ недолгое время становится беременной и получаетъ желаніе выкупаться въ торже-

ственномъ прудѣ коронованія въ городѣ *Vesali*. Около этого пруда была стража, и онъ былъ покрытъ мѣдною сѣтью. *Bandhula* беретъ жену и ѣдетъ въ *Vesali*. Прогнавъ стражу, онъ купаетъ тамъ жену и поитъ ее. Цари *Sicchavi* преслѣдуютъ его; онъ ихъ убиваетъ и приходитъ въ *Savatthi*. *Mallina* рождаетъ шестнадцать разъ по два сына. *Bandhula* дѣлается рѣшителемъ дѣлъ у царя. Министры, рѣшавшіе прежде дѣла, наговариваютъ на него у царя. Царь подозрѣваетъ его и посылаетъ съ сыновьями усмирять отдаленныя страны; вмѣстѣ съ нимъ онъ посылаетъ воиновъ убить его и его сыновей; когда *Bandhula*, послѣ усмиренія, возвращался назадъ, воины отсѣкли ему голову и его сыновьямъ. *Mallika* въ то время угощала бхикшу, и принявъ съ твердостью печальную вѣсть, съ разрѣшенія царя сама отправляется въ *Kusinara*, а гробъ отсылаетъ къ Śākīйцамъ.

Царь *Kosala*, убѣдившись въ невинности убитаго *Bandhulo*, дѣлаетъ военачальникомъ его младшаго брата *Dighakarayuta*; но этотъ не забываетъ преступленія царя и низводитъ его съ престола. Царемъ дѣлается *Vissudaha*. *Vissudaha* выступаетъ противъ Śākīйцевъ. Три раза ему мѣшаетъ учитель исполнить свое намѣреніе. Въ четвертый походъ онъ побиваетъ всѣхъ Śākīйцевъ.

Въ поясненіе этихъ обстоятельствъ учитель разсказываетъ жатаку: Брахмадатта, баранасійскій царь, задумалъ выстроить одинъ дворецъ въ одну колонну, для всѣхъ царей Жамбудвипы. Плотники долго искали надлежащихъ деревьевъ, и наконецъ, нашли такое дерево въ царскомъ саду; то было дерево *Bhaddasala*, чтимое во многихъ мѣстечкахъ и деревняхъ. На немъ жило божество, которое рѣшилось спасти свой дворецъ и своихъ родныхъ. Божество ночью является къ царю, и ходатайствуя за родныхъ, убѣждаетъ царя отказаться отъ своего намѣренія.

9.

XIII. 1, 8. *takkariyajātaka*. Въ древности царствовалъ въ Баранаси Брахмадатта; у него былъ пурогита *Pingala* съ зубами, выступившими наружу; жена этаго пурогита имѣла связь съ другимъ брахманомъ... Пурогита останавливалъ ее нѣсколько разъ, и не могли остановить, сталъ думать:—Не могу я своеручно убить эту мнѣ враждебную; убью ее хитростью.

Принемъ пурогита къ царю и сказалъ:—Великій царь, твой городъ есть высшій городъ въ цѣлой Индіи; ты самъ высшій царь; но у тебя, высшаго цѣля, южныя ворота дурно выстроены и несчастны!

— Что же теперь дѣлать? спросилъ царь.

Пурогита наставляетъ царя, какъ слѣдуетъ выстроить ворота, и между прочимъ говорить:—Во время счастливаго сочетанія созвѣздій слѣдуетъ поставить ворота и принести жертву божествамъ, охраняющимъ городъ.

У пурогиты былъ ученикъ *Takkariya*. Снесъ пурогита старія ворота, выстроилъ новыя и пришелъ сказать объ этомъ царю:

— О царь, выстроены ворота; завтра счастливое сочетаніе созвѣздій; не пропуская этого времени слѣдуетъ, принести жертву, чтобы установить ворота.

Царь спрашиваетъ, какую жертву слѣдуетъ принести; пурогита требуетъ, чтобы былъ принесенъ въ жертву разноглазый (*pingala*) брахманъ съ зубами, выступающими наружу. Царь согласился.

Пошелъ брахманъ домой и похвалился женѣ, что завтра убьетъ ея любовника, рыжаго и разноглазаго. Жена извѣстила объ этомъ любовника; всѣ рыжіе и разноглазые брахманы убѣгаютъ изъ города. На другой день, когда по указанію пурогиты царскіе люди стали искать таковаго брахмана, во всемъ городѣ, кромѣ самого пурогиты, не оказалось другаго рыжаго и разноглазаго брахмана. Царь приказываетъ его принести въ жертву; а его ученика *Takkariya* дѣлаетъ на это время пурогитою. Между учителемъ и ученикомъ возникаетъ разговоръ; *Takkariya* рассказываетъ учителю нѣсколько басенъ:

1. У баранасійской гѣтеры *Kali* былъ братъ *Tundila*; она давала ему денегъ, но онъ тратилъ ихъ; *Kali* приказала его прогнать.

Разъ проигравшись, *Tundila* пришелъ въ лохмотьяхъ къ сестрѣ; она приказала его выгнать. Служанка въ точности исполнила ея приказаніе.

Нѣкій сынъ цеховаго начальника (*setthi putta*), отправлявшійся къ гѣтерѣ, увидалъ ея брата въ слезахъ. Прийдя къ *Kali*, онъ сталъ просить за брата.

— Не дамъ ему пята, сказала *Kali*,—если ты чувствуешь къ нему нѣжность, то дай самъ.

Въ домѣ этой гѣтеры былъ такой обычай: изъ тысячи принесенныхъ ей денегъ пятьсотъ шли самой гѣтерѣ, на пятьсотъ покупались одѣянія, благоуханія, гирлянды. Въ одѣянія эти наряжались люди, какъ только входили въ ея домъ.

Setthi putta переодѣвшись, отдалъ свою одежду брату гѣтеры, а на другой день, по приказанію *Kali*, служанки отобрали у него одѣянія, и онъ долженъ былъ уйдти нагимъ.

2. Нѣкая птица *kalengasakupa*, увидавъ двухъ дерущихся козловъ, вздумала ихъ останавливать, и попалъ между ихъ головъ, погибла.

3. Нѣкіе пастухи увидали плодоносное дерево; одинъ влѣзъ на дерево и сталъ сбивать плоды; вышла змѣя и полѣзла на дерево. Внизу стоящіе сказали о томъ товарищу; отъ испуга онъ закрычалъ.

Внизу стоящіе взяли прочное одѣяніе; схватились за четыре угла. — Пригай въ это одѣяніе, сказали они ему.

Отъ быстроты его паденія четыре человѣка ударились головами и погибли.

4. Нѣкіе воры укравъ козу, привели ее въ лѣсъ; по увидавъ, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ ножа прирѣзать козу, отпустили ее.

Въ это время нѣкій человѣкъ, собиравшій тростникъ, спряталъ въ листьяхъ тростника свой ножъ. Отпущенная на волю коза стала прыгать; ударила задними ногами по тростнику и уронила ножъ.

Воры, услышавъ звукъ паденія, обрадовались, убили козу и съѣли ее.

5. Нѣкій охотникъ, жившій въ Варанаси, поймавъ въ Гимавантѣ пару киннаровъ (мимическія существа, пѣвцы), подарилъ ихъ царю.

Царь, узнавъ отъ охотника, что киннары прекрасно поютъ и пляшутъ, пробовалъ заставить ихъ пѣть и плясать.

Киннары не пѣли и не плясали. Тогда царь приказалъ ихъ убить и изжарить.

Услыхавъ это, киннары объявили, что они не пѣли потому, что боялись дурно пѣть.

Царь остался доволенъ этимъ отвѣтомъ и приказалъ охотнику отнести киннаровъ на ихъ прежнее мѣсто.

Въ заключеніе *Takkariya* отпустилъ своего учителя, зарѣзавъ вмѣсто него овцу.

10.

XIV. 1, 14. *matanga jataka*. Въ древности, во время царствованія Брахмадаты въ Варанаси, великое существо родился внѣ города, между Чандалами; ему даровали имя *Matanga*; когда онъ достигъ зрѣлости, то сталъ извѣстенъ какъ *Matanga* мудрый.

Въ то время у баранасійскаго головы была дочь „благополучіе зрящая“, *Dittha mangalika*. Въ мѣсяцъ или въ два мѣсяца разъ она жаждала съ великою свитой играть въ садъ.

Однажды *Matanga* пришелъ въ городъ за какимъ-то дѣломъ,

У воротъ онъ встрѣтилъ дѣвушку, отошелъ въ сторону и прижавшись стоялъ.

Дѣвушка „благополучіе зрячая“ (*Dittha mangalika*), открывъ завязку (въ паланкинь), выглянула и увидѣла его.

— Кто это? спросила она.

— Чандалъ, госпожа! отвѣчала ей.

— Вижу то, чего не слѣдуетъ видѣть! сказала она, и промывъ глаза пахучею водою, вернулась домой.

Люди, сопровождавшіе ее, разгнѣвались и стали бить мудраго *Matang'u* ногами и руками, приговаривая:

— Ахъ, ты гадкій чандалъ, сегодня отъ тебя погибла наша нажива!

Приведя его въ безчувствіе, они ушли. Черезъ минуту *Matanga* пришелъ въ себя и сталъ думать:

— Свита „благополучіе зрящей“ (*Dittha mangalika*) безъ причины прибила меня невиннаго. Поднимусь, получивъ дѣвушку „благополучіе зрящую“ (*Dittha mangalika*), не поднимусь безъ нее!

Принявъ такое рѣшеніе, онъ пошелъ и легъ у воротъ дома ея отца.

— По какой причинѣ ты лежишь? спросилъ тотъ.

— Потому что желаю получить дѣвушку „благополучіе зрящую“; другой нѣтъ причины, отвѣчалъ *Matanga*.

Прошелъ одинъ день такимъ образомъ; также прошли второй, третій, четвертый, пятый, шестой. Намѣренія бодхисатвъ исполняются успѣшно, а потому на седьмой день вывели дѣвушку и отдали ему.

— Встань, господи, пойдемъ въ твой домъ, сказала она ему.

— Милая, твоя свита прибила меня хорошо; ослабъ я—подними меня, положи къ себѣ на спину и такъ ступай.

Она такъ и сдѣлала. И въ виду всѣхъ городскихъ жителей вышла изъ городу и пошла въ деревню чандалъ.

Matanga поселилъ ее въ своемъ домѣ, но не жилъ съ нею, какъ съ женою. Черезъ нѣсколько дней онъ ушелъ въ лѣсъ и принявъ брахманское посвященіе; черезъ семь дней онъ достигъ чудотворной силы и явился въ домъ дѣвушки „зрящей благополучіе“.

Услыхала „зрячая благополучіе“ его приходъ и вышла къ нему на встрѣчу.

— Господи, зачѣмъ ты сдѣлалъ меня вдовой, выступишь на путь (то-есть, принявъ посвященіе?) плакалась „зрячая благополучіе“.

— Не безпокойся, милая! Увеличу твою прежнюю славу. Можешь ли ты говорить, среди людей: „не *Matanga* мой мужъ, великій браhma мой супругъ!“

— Могу.

— Если теперь тебя спросятъ: гдѣ твой мужъ? говори „въ мѣрѣ Браhмы“. Когда придетъ? спросятъ, отвѣчай: чрезъ семь дней, разбивъ полнолуніе, придетъ.

Такъ сказавъ, *Matanga* отправился въ Гимавантъ.

„Зрящая благополучіе“ говорила точно такъ среди толпы, во многихъ мѣстахъ, въ Баранаси.

— Великій браhma приходитъ къ „зрящей благополучіе“. Такъ это будетъ, говорилъ народъ, увѣровавъ.

На седьмой день *Matanga* дѣйствительно явился въ образѣ великаго Браhмы, разбивъ дискъ луны. Вѣрующіе въ Браhму оказали ему великое почтеніе. Пальцемъ *Matanga* коснулся чрева „зрящей благополучіе“, и она стала беременна. На другой день по его уходѣ, вѣрующіе въ Браhму посадили „зрящую благополучіе“ въ золотую колесницу и на своихъ головахъ принесли въ Баранаси. Народъ, считая ее за жену великаго Браhмы, оказывалъ ей великое почтеніе и подавалъ много денегъ. Среди города построили великій павильонъ, гдѣ она поселилась и родила сына, которому по павильону дали имя *Mandavya* (*mandape jātattā mandavya kumāro*). Рядомъ съ павильономъ построили великолѣпный дворецъ.

Юношу *Mandavya* учили лучшіе учителя въ Жамбудвипѣ, и на шестнадцатомъ году онъ ежедневно кормилъ шестнадцать тысячъ браhманъ.

Matanga является въ дворецъ юноши съ цѣлью научить его, кому слѣдуетъ давать дары. *Mandavya* отказываетъ ему подаяніе, не хочетъ слушать его и прогоняетъ чандала. *Matanga* уходитъ. Разгнѣванные боги перебиваютъ всѣхъ браhмановъ, которыхъ угощала *Mandavya*, а ему сворачиваютъ голову, и онъ лежитъ, не двигая членами. Мать, узнавъ объ этомъ, идетъ отыскивать *Matanga*; *Matanga* даетъ „траву безсмертія“, остатокъ своей пищи, которая должна оживить убитыхъ браhмановъ и излѣчить *Mandavya*. „Благополучіе зрящая“ такъ и сдѣлала. *Mandavya* и браhманы стыдятся того, что ѣли остатокъ пищи чандала, ушли въ страну *Mejjha*.

Въ это время у города *Vettavati*, на рѣкѣ *Vettavati* жилъ родонитый браhманъ; *Matanga* вздумалъ смирить его гордость. Два раза *Matanga* ронялъ свою зубочистку въ рѣку, и всякій разъ она попадала

въ носъ брахмана, въ то время, когда онъ умывался. Брахманъ сталъ его прогонять.

Matanga на седьмой день помѣшалъ восходу солнца. Жители города обратились къ родовитому брахману, и узнавъ отъ него, что то—дѣло чандала, стали просить *Matang'u*. *Matanga* согласился выпустить солнце, если только родовитый брахманъ поклонится ему въ ноги. Жители заставили брахмана такъ сдѣлать.

— Если я выпущу солнце, сказать затѣмъ *Matanga*,—голова брахмана разобьется на семь частей.

Въ предупрежденіе этого голову брахмана покрываютъ кускомъ кирпича и его ставятъ въ воду; лучи восходящаго солнца разбили на семь частей кирпичъ, самъ же брахманъ въ это время нырнулъ въ воду.

Затѣмъ *Matanga* отправляется въ страну *Mejjha* смирить шестнадцать тысячъ скрывшихся туда брахмановъ; но царь *Mejjha*, по наговору тѣхъ же брахмановъ, убиваетъ его.

Разгнѣванные боги опустошаютъ страну огненнымъ дождемъ.

И. Минаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВАРЯГО-РУССКАЯ И ВАРЯГО-АНГЛІЙСКАЯ ДРУЖИНА ВЪ КОН- СТАНТИНОПОЛѢ XI И XII ВѢКОВЪ.

I.

Положеніе вопроса о Византійскихъ Варягахъ и источники для его
рѣшенія.

Одинъ изъ главныхъ борцовъ-противниковъ норманской теоріи, С. А. Гедеоновъ первый обратилъ вниманіе на то чрезвычайно важное обстоятельство, что имя Варяговъ появляется въ византійскихъ источникахъ очень поздно, не ранѣе 1034 года. Съ большимъ остроуміемъ онъ сопоставилъ появленіе въ Византіи новой по имепи дружины Варяговъ съ извѣстіемъ русской лѣтописи, относящимся къ 980 году: „Въ этомъ году Владиміръ, недовольный требованіями своихъ Норманскихъ Варяговъ-союзниковъ, отправляетъ ихъ въ Грецію; его посольство къ императору доказываетъ, что дѣло идетъ о новомъ, до того времени небываломъ случаѣ, то-есть, о появленіи въ Константинополѣ цѣлой массы Норманновъ, вмѣсто отдѣльныхъ, въ русской дружинѣ исчезавшихъ лицъ“. Прежде, то-есть, до 971 года, до эпохи разрыва Святослава съ Греками, наемное войско греческихъ императоровъ состояло главнымъ образомъ изъ Руссовъ (по теоріи г. Гедеонова, исконныхъ славянскихъ жителей южной Россіи); только нѣкоторые, немногіе Норманны вступали въ это русское отдѣленіе греческаго войска и служили подъ тѣмъ же именемъ 'Ρῶς. Со времени прибытія Варяговъ, отправленныхъ Владиміромъ, становятся извѣстными въ Греціи два отдѣльные корпуса: во первыхъ—Руссовъ, уже чисто-славянскій корпусъ безъ всякой норманнской примѣси, и во вторыхъ — Варяговъ-Норманновъ. О *постоянномъ отличіи обоихъ содѣйствуютъ всѣ писатели того времени.*

Д. И. Иловайскій пишетъ: „Норманисты много и убѣдительно доказывали, что Варяги Византійскіе были Норманны и означали то же,

что у насъ Варяги. Съ чѣмъ мы совершенно согласны; только и въ этомъ случаѣ скандинавоманы слишкомъ упираютъ на Скандинавію. Относительно отечества Варанговъ византійскія извѣстія указываютъ иногда на *Германію*, иногда на далекій островъ, находящійся на океанѣ, который они называютъ Туле, а чаще всею причисляютъ ихъ къ *Анличанамъ*. Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что, смотря по обстоятельствамъ, подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Ісландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что жъ изъ этого? Мы все-таки не видимъ главное: тождества, съ Русью и не только нѣтъ никакого тождества, напротивъ, Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ;—для насъ, повторяю, важно то обстоятельство, что Византійцы, близко, въ очю видѣніи предъ собою въ одно и то же время и Варяговъ, и Русь, нидѣ ихъ не смѣшиваютъ и нидѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ.

И въ другомъ мѣстѣ: „Византійцы нидѣ не смѣшиваютъ Русь съ Варягами. О Варягахъ они упоминаютъ только съ XI вѣка; а о народѣ Рось, подъ этимъ ея именемъ, говорятъ преимущественно со времени нападенія ея на Константинополь въ 865 году. Но и послѣ того они продолжаютъ именовать Руссовъ Скивами, Тавроскивами, Сарматами и т. д.“

На страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* мы еще недавно читали: Византійское Βάρυτοι произошло не прямо отъ Varing (тогда было бы Βάρυροι), а чрезъ посредство славянскаго „Варязи“, которое впервые пришло къ Грекамъ изъ Киева, вѣроятно, въ письменномъ сообщеніи. По свидѣтельству нашей лѣтописи, это было именно въ 980 году, когда посланники „Варязи“, озабоченные были Владиміра своими притязаніями, отпущены были имъ на службу къ императору, и притомъ съ рекомендаціей, не слишкомъ для нихъ лестною. Эти-то „Варязи“ и были, стало быть, первыми Варангами въ Греціи, гдѣ до ихъ появленія имя Βάρυτοι было совершенно неизвѣстно, что вполне доказано уже г. Геденовымъ“. (Н. П. Ламбинъ въ статьѣ „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“).

Тотъ же авторъ, объясняя вставныя, по его мнѣнію, слова лѣтописи „сиде бо тѣи звяхуся Варязи Русь“ и проч.,—пишетъ: „Толкованіе это вставлено послѣ, и никакъ не ранѣе XI вѣка, когда Варяговъ, называвшихся Русью, нидѣ уже не было, когда пришедшіе къ намъ Варяги-Русь уже ославянились, и утративъ свое отдѣльное

существованіе, слились съ массою туземнаго славянскаго населенія, которому сообщили свое имя, и когда вслѣдствіе этого сліянія самое имя Русь получило уже совершенно другое значеніе,—стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народъ Русскій“.

Итакъ, въ настоящее время и норманистами, и противниками ихъ признаются несомнѣнными два слѣдующія положенія:

1) Имя Варанговъ появляется въ Византіи въ XI вѣкѣ, и появленіе этого имени объясняется прибытіемъ туда варяжской дружины, о которой говорится въ русской лѣтописи.

2) Съ XI вѣка Византійцы различали Русь и Варяговъ и никогда не смѣшивали этихъ двухъ названій.

Мы намѣрены провѣрить оба положенія полнымъ разборомъ всѣхъ византійскихъ извѣстій XI вѣка, гдѣ говорится о Варягахъ. Намъ уже давно казалось, что второе положеніе высказано и принято безъ достаточнаго изученія именно того византійскаго писателя, который въ этомъ случаѣ былъ важнѣе другихъ. Мы разумѣемъ Атталіота или Атталіоту, который жилъ и писалъ дѣйствительно въ XI вѣкѣ и не былъ компиляторомъ, какъ Зонара и Кедринъ, писатели болѣе поздніе. Лѣтомъ нынѣшняго года изданъ наконецъ и другой самостоятельный и оригинальный источникъ для византійской исторіи XI вѣка. Въ *Bibliotheca graeca medii aevi* (t. IV) напечатана исторія Михаила Пселла. Всѣ ученые, занимающіеся византійскою или русскою исторіей, должны будутъ принести глубокую благодарность ученому Греку Саѣѣ, (Sathas), неожиданно подарившему ихъ такимъ дорогимъ и цѣннымъ сюрпризомъ. Пселлъ, какъ извѣстно, былъ не только первымъ ученымъ своего времени, но и игралъ первостепенную политическую роль при Византійскомъ дворѣ Константина Мономаха и его преемниковъ. Онъ описываетъ то, чему самъ былъ свидѣтелемъ, въ чемъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Изъ его исторій мы узнаемъ, что вмѣстѣ съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ онъ слѣдилъ своими глазами за ходомъ морскаго сраженія Византійцевъ съ Русскими въ 1043 году. Разказъ его о походѣ Владиміра Ярославича, представляющій нѣкоторыя особенности противъ другихъ ранѣе извѣстныхъ источниковъ, мы приводимъ въ концѣ статьи въ видѣ приложенія, и оставляемъ за собою право поговорить впоследствии подробнѣе о всемъ IV томѣ „Греческой Средневѣковой Библіотеки“, гдѣ, кромѣ исторій, находятся и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія того же Пселла. Въ настоящее время мы воспользуемся тѣми данными, какія можно извлечь изъ исторій Пселла относительно значе-

нія слова Βάρητοι у Византійцевъ, и относительно состава варяжской дружины въ XI вѣкѣ. Любопытно то обстоятельство, что Пселлъ, окончившій свою исторію около 1077 года, ни однажды не употребляетъ выраженія „Варанги“, хотя несомнѣнно говоритъ о самомъ предметѣ и даже описываетъ одну сцену, въ которой самъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а Варяги представляли грозную обстановку. Кромѣ Пселла и Атталіоты, мы должны будемъ приводить мѣста, относящіеся къ XI столѣтію, еще изъ четырехъ писателей: Іоанна Скилицы или Іоанна Оракисійскаго, Никифора Вріеннія, Кедрина и Зонары. Но изъ всѣхъ этихъ писателей только первый можетъ быть почитаемъ сколько-нибудь самостоятельнымъ писателемъ. Іоаннъ Оракисійскій, сановникъ императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), написалъ 'Εκτομή ιστορίωνъ отъ 811—1057 гг., и это сочиненіе было такъ основательно обокрадено Кедриннымъ, что по справедливости во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ называться Кедринъ, слѣдовало бы писать и читать Іоаннъ Скилица. Іоаннъ Скилица и самъ поступалъ въ отношеніи другихъ не лучше, чѣмъ Кедринъ въ отношеніи къ нему. Онъ написалъ, нѣсколько позже, продолженіе своего первоначальнаго труда, обнимающее время отъ 1057 года по 1081, и здѣсь довольно безцеремонно воспользовался сочиненіемъ Атталіоты. Эта именно часть труда и напечатана въ Боннскомъ изданіи подъ собственнымъ именемъ Скилицы, тогда какъ первая пропала въ компиляціи Кедрина. Никифоръ Вріенній и Зонара жили въ XII вѣкѣ, точно также, какъ и Кедринъ, и подобно ему не имѣютъ ничего своего самостоятельнаго. Это все нужно знать и имѣть въ виду при рѣшеніи всякаго частнаго вопроса, заставляющаго обращаться къ названнымъ источникамъ. Тѣмъ болѣе это нужно, что въ концѣ XI вѣка, какъ мы будемъ доказывать, составъ варяжской дружины въ Константинополѣ совершенно измѣнился, а между тѣмъ этого какъ будто не хотѣли знать писатели-компиляторы XII вѣка (Вріенній и Кедринъ). Въ суетномъ и тщетномъ желаніи придать себѣ нѣкоторый видъ самостоятельности, они прибѣгали нерѣдко къ легкимъ стилистическимъ измѣненіямъ подлинника и вносили при этомъ въ источникъ XI вѣка возрѣпія своего времени. Это съ полною очевидностію можетъ быть доказано относительно Вріеннія и того объяснительнаго замѣчанія, которое онъ счелъ за нужное сдѣлать относительно Варяговъ. Но, съ другой стороны, такіа стилистическія измѣненія и легкія добавленія помогаютъ намъ узнавать Варяговъ въ такихъ мѣстахъ у писателей XI вѣка, въ которыхъ безъ этого мы должны были бы огра-

ничиваться одними догадками, не для всѣхъ убѣдительными. Не византійскими источниками мы пользуемся на столько, на сколько это необходимо для объясненія византійскихъ.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Мы не считаемъ себя компетентными въ вопросахъ русской исторіи на столько, чтобы выѣшиться въ споръ, снова поднятый уважаемымъ Д. И. Иловайскимъ. Небольшое изслѣдованіе, которое мы посвящаемъ Византійскимъ Варягамъ, нисколько не касается существа норманской теоріи, и выводы, которые изъ него позволительно будетъ сдѣлать, могутъ быть обращены въ свою пользу какъ норманистами, такъ и съ такимъ же правомъ противниками ихъ. Мы совсѣмъ не касаемся вопроса о томъ, что такое была Русь, о которой говорится въ бесѣдахъ патріарха Фотія и въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками,—равно какъ и вопроса о томъ, кто была та служебная Русь въ Византіи, о которой упоминается въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго,—и отправляемся отъ того положенія, въ настоящее время признаваемого, кажется, обѣими сторонами, что въ XI вѣкѣ Русь есть не иная какая Русь, какъ славянская, православная.

II.

Варяги, отправленные въ Константинополь Владиміромъ, и первые свидѣтели голандскихъ сагъ о Норманнахъ, вступавшихъ въ варяжскую дружину.

Первый изъ двухъ вышеозначенныхъ пунктовъ, подлежащихъ здѣсь изслѣдованію, состоитъ въ томъ, что появленіе на страницахъ византійской исторіи имени Варанговъ объясняется прибытіемъ въ Царьградъ дружины, находившейся до тѣхъ поръ на службѣ Кіевскихъ князей, въ частности—Кіевского князя Владиміра; или другими словами: первые Варанги въ Константинополь суть тѣ Варяги, которые были приведены Владиміромъ изъ-за моря, а потомъ, недовольные имъ, ушли въ Царьградъ. Положеніе это основывается на сопоставленіи двухъ явленій, связь между которыми открыта только комбинирующею силой ума извѣстнаго и замѣчательнаго русскаго изслѣдователя. Въ 980 году отправились изъ Кіева въ Византію Варяги; въ 1034 году у византійскихъ историковъ въ *первый разъ* упоминаются Варанги, до сихъ поръ имъ неизвѣстные: слѣдовательно, Византійцы узнали Варанговъ не задолго до 1034 года и всего скорѣе познакомились съ ними въ лицѣ тѣхъ Варяговъ, о прибытіи которыхъ въ Константинополь мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія. За-

конность такого вывода и вообще такого приѣма въ историческомъ изслѣдованіи не можетъ быть отрицаема. Но къ нему нужно прибѣгать только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ никакихъ другихъ прямыхъ указаній, объясняющихъ вопросъ болѣе положительнымъ образомъ, и особенно—когда ничто не противорѣчитъ выводу. Мы оставляемъ въ сторонѣ довольно насильственное пониманіе г. Гедеоновымъ первоначальной лѣтописи. Услышавъ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ *за море*, то-есть, по объясненію г. Гедеонова, не къ Шведамъ, а безъ сомнѣнія, къ своимъ западнымъ однокровникамъ (на Балтійскомъ поморьи), быть можетъ, въ Юмю. Черезъ два года онъ пришелъ съ *Вартами* къ Новугороду, при помощи ихъ взялъ Кіевъ; въ его войскѣ преобладалъ *вендо-варяжскій* элементъ (Отрывки, стр. 162). А между тѣмъ Варяги, отправившіеся въ Константинополь, были Скандинавы. Такое довольно натянутое толкованіе находится въ связи съ теоріей г. Гедеонова о призваніи князей съ Балтійскаго поморья, которая не подлежитъ здѣсь обсужденію. Нашъ вопросъ состоитъ въ томъ, — существуетъ ли дѣйствительно связь между разказомъ первоначальной русской лѣтописи, помѣщеннымъ подъ 980 годомъ, и первымъ упоминаніемъ Варанговъ у византійскаго писателя. Въ лѣтописи мы читаемъ:

„Варязи (при помощи которыхъ Владиміръ одержалъ верхъ надъ Ярополкомъ и овладѣлъ Кіевомъ) рѣша Володимеру: „се градъ нашъ; мы пріяхомъ ѳ, и да хочемъ имати окупъ на нихъ по двѣ гривнѣ отъ человѣка“. И рече имъ Володимеръ: „пождѣте, даже вы куны соберутъ, за мѣсяць“. И ждаша мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: „солъстѣли еси нами, да покажи вы путь въ Греки“; онъ же рече имъ: „идѣте“. И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; *прочни же идоша Царехраду* въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сие царю: „се идутъ къ тебѣ Варязи, *не мози ихъ держати въ градѣ*, оли то створятъ ти зло, якоже и седе, *но расточи я разпо*, а сѣмо не пушай ни единого“.

Сопоставляя это свидѣтельство съ толкованіемъ г. Гедеонова, замѣтимъ:

Во-первыхъ, на какомъ основаніи мы будемъ думать, что Византійскій императоръ не послушалъ даннаго ему совѣта? Само собою понятно, что лѣтописецъ, кто бы онъ ни былъ, никакъ не имѣлъ въ виду разказывать о какихъ-либо безплодныхъ дипломатическихъ спосованіяхъ Кіева съ Константинополемъ. Совѣтъ Владиміра предполагаетъ исполненіе или даже есть только живая лѣтописная (эническал) форма для

передачи факта, совершившагося въ дѣйствительности. Варяги, отправившіеся изъ Кіева въ Византію, не остались въ городѣ, не остались при дворѣ императора, слѣдовательно, не сдѣлались его тѣлохранителями или лейбъ-гвардіей, то-есть, тѣмъ, чѣмъ, по общепринятому мнѣнію, были Вѣранги въ Византіи. Они были *разсыланы*, расточены розно; слѣдовательно, не могли образовать какого-либо отдѣльнаго военного корпуса. Мы знаемъ, что дѣйствительно въ Византіи не всегда благосклонно принимали вооруженную толпу, приходившую изъ Кіева. Примѣръ Хрисохира извѣстенъ и будетъ приведенъ ниже.

Вовторыхъ, мы можемъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что между 980 и 1034 годами приходится все-таки слишкомъ значительный промежутокъ. Съ той поры, какъ Вѣранги въ первый разъ были упомянуты въ византійской исторіи, они являются въ ней безпрерывно, постоянно и довольно часто. Отчего нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованія въ первые пятьдесятъ четыре, или принимая въ разсчетъ и не византійскіе источники, въ первые тридцать лѣтъ ихъ предполагаемаго пребыванія въ Константинополѣ? Правда, византійскіе источники очень скудны именно за послѣдніе годы X столѣтія. Но они восполняются лѣтописями армянскими, грузинскими, а потомъ южно-италіанскими, наконецъ,—исландскими сагами, обильными источникомъ именно для исторіи Варяговъ и Вѣранговъ.

Втретьихъ, эти же самыя исландскія саги и опровергаютъ окончательно мысль, пущенную въ оборотъ г. Гедеоновымъ. Спѣшимъ, однако, замѣтить, что свидѣтельства исландскихъ сагъ опровергаютъ не только теорію г. Гедеонова о происхожденіи Византійскихъ Вѣранговъ, но точно также и всѣ возраженія, сдѣланныя на нее изъ противнаго лагеря, именно на основаніи исландскихъ сагъ.

А. А. Куникъ, съ нѣкоторою резигнаціей принявшій многіе изъ ударовъ (часто дѣйствительныхъ, иногда мнимыхъ), нанесенныхъ норманнской теоріи авторомъ „Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ“, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія относительно византійскихъ „гвардейскихъ“ сѣкироносцевъ: „Относительно поѣздокъ въ Византію надобно различать Шведовъ и Норвежцевъ строже, чѣмъ это дѣлаетъ г. Гедеоновъ. Первое извѣстіе о Шведахъ, явившихся въ Византію, относится къ 838 году, и даже г. Гедеоновъ допускаетъ это, хотя и старается этотъ неудобный для него фактъ всячески перевернуть и перетолковать. А когда въ первый разъ прибыли въ Византію Норвежцы? Едва ли раньше 984 года, когда Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя предикаторомъ *fold-vágingi*, а вѣрнѣе 40 или 50 лѣтъ спустя. Сѣверныя саги, которыя,

по ихъ содержанію, конечно, должно раздѣлить на мнѣстскія, романческія и болѣе или менѣе историческія, толкуютъ объ этомъ довольно опредѣленно. Какъ извѣстно, онѣ почти никогда не показываютъ годовъ, а представляютъ только не прямыя хронологическія данныя. За то въ нихъ — мы имѣемъ здѣсь въ виду саги историческія — называется по имени множество Норвежцевъ и Исландцевъ съ ихъ родословными, которыхъ древніе Исландцы собрали огромную массу. Иной разъ установитъ хронологію извѣстій помогаютъ также введенныя въ саги событія не скандинавскихъ странъ. Такимъ путемъ можно дойти до того, что первые Норвежцы и Исландцы отправились въ Византію для поступленія въ военную службу, *по всей исторической вѣроятности* (курсивъ подлинника), лишь по смерти Святослава († 972). Первый императоръ, упоминаемый въ сагахъ, есть Яап (то-есть, Іоаннъ Цинискій † 10-го января 976 года), побѣдитель Святослава. Чаше же стали такія поѣздки лишь съ начала XI столѣтія, какъ прямо даетъ повѣсть одна сага. Этимъ подрывается положеніе г. Гедеонова о вступленіи Vāringiar въ лейбъ-гвардію императоровъ". (Отрывки, стр. 223).

Но для того, чтобы сдѣлаться Варангомъ, мало было прійхать въ Грецію, а нужно было вступить въ военную службу, или даже, по общепринятому воззрѣнію, въ число тѣлохранителей императора, въ составъ его лейбъ-гвардіи. Извѣстіе Вергинскихъ лѣтописей о людяхъ, посланныхъ императоромъ Теофиломъ къ Лудовику Благочестивому, которые называли себя *Рось*, а по разслѣдованію оказались *Шведами*, совершенно не относится къ вопросу о Византійскихъ Варангахъ, ибо нигдѣ не сказано, что это были Варанги. Далѣе, то, что Норвежецъ Эгилъ титуловалъ себя въ 934 году foldvāringi, также нисколько не служитъ къ опроверженію г. Гедеонова. Это слово объяснено самимъ А. А. Куникомъ на одной изъ предыдущихъ страницъ его замѣчаній (стр. 219) и значить *защитникъ наследственной земли* (противъ несправедливаго приговора суда), *ruris defensor, vindex*. Если скандинавское названіе Варяговъ и происходитъ отъ корня, означающаго на сѣверномъ языкѣ защищать, оберегать, то это не значитъ, что для полученія названія защитникъ (чего бы то ни было) необходимо было съѣздить въ Византію. А главное, зачѣмъ дѣлать гадательныя предположенія, когда въ сагахъ есть совершенно опредѣленныя указанія о томъ, *кто именно и когда именно былъ первымъ* Норманномъ, вступившимъ въ варяжскую дружину. Мы удивляемся, какимъ образомъ никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія на слѣдующее

въ высшей степени важное мѣсто въ одной изъ древнѣйшихъ и наиболѣе достовѣрныхъ историческихъ сагъ:

„Когда Болле провелъ нѣсколько времени въ Даніи, онъ рѣшилъ отправиться въ болѣе отдаленныя страны, и не прежде остановился въ своемъ путешествіи, чѣмъ прибылъ въ Миклагардъ (Византію); онъ провелъ тамъ короткое время, какъ вступилъ въ общество Вэринговъ (=Варанговъ). У насъ нѣтъ преданій (намъ не передано), чтобы кто-нибудь изъ Норманновъ служилъ у Константинопольскаго императора прежде, чѣмъ Болле, сынъ Болле. Онъ провелъ тамъ много зимъ и во всѣхъ опасностяхъ являлся храбрѣйшимъ и всегда между первыми; подлинно, Вэринги много цѣнили Болле, когда онъ жилъ въ Константинополѣ“. (*Quinque Bollius in Dania transegisset, ad remotiores regiones adire paravit, haud itinere desistebat prius quam Miklagardum pervenisset; brevi ibi fuerat moratus, quum Vaeringiorum inivit societatem. Nec nobis quidem relatum est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium, Bollii filium. Multas ibi degit hyemes ac in omnibus periculis fortissimus est habitus, ac semper inter principes, ac magni sane Vaeringi Bollium existimare, dum Constantinopoli moraretur.*)

Это читается въ Лаксдальской сагѣ (Laxdaela-Saga. Historia de rebus gestis Laxdölensium. Ex mss. leg. Arn. Magn. cum interpretatione latina et cet. Hafniae, 1827), стр. 315. Лаксдальская сага записана, какъ полагаютъ, въ началѣ XIII столѣтія; слѣдовательно, во времени записанія она не принадлежитъ къ самымъ древнимъ, но событія, въ ней описываемыя, оканчиваются около половины XI вѣка ¹⁾. Такимъ образомъ она, подобно всѣмъ другимъ сагамъ, довольно долго сохранялась въ устномъ преданіи. Вопросъ о томъ, въ какой степени первая письменная редакція, сохранила подлинный устный текстъ саги, для насъ пока не имѣетъ никакой важности. Если замѣчаніе о томъ, что Болле Боллесонъ былъ первымъ Норманномъ, вступившимъ въ военную службу къ Византійскому императору, сдѣлано только при письменной редакціи, то это будетъ значить, что въ началѣ XIII вѣка, то-есть, во времена Снорри Стурлесона—когда послѣдній кульминаціонный пунктъ своеобразнаго историческаго творчества въ

¹⁾ См. *Peter Erasmus Müller*, Sagenbibliothek (Aus der dänischen Handschrift übersetzt von K. Lachmann. Berlin, 1816) I, стр. 102 и слѣд., и также *Rosselet*, *Islandische Litteratur* въ Энциклопедіи *Эрша и Грубера*, II-е отдѣленіе, томъ 31, стр. 302.

Исландіи уже завершился—не было извѣстно ни одной саги, которая говорила бы о болѣе ранней службѣ Норманновъ-Скандинавовъ въ Византии.

Къ какому же времени относится вступленіе Болле Боллесона въ общество Варанговъ? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно, потому что лица, дѣйствующія въ Лаксдальской сагѣ, не только встрѣчаются въ другихъ историческихъ сагахъ, но упоминаются также у Аре Фрода, перваго исландскаго лѣтописца, то-есть, суть лица вполне историческія. Отецъ перваго Византийскаго Варанга изъ Норманновъ, по имени Болле, есть одно изъ такихъ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи; другой герой саги, Кіартанъ, не только появляется во всѣхъ разказахъ о стремленіяхъ короля Олафа Тригвссона обратить Исландію въ христіанство, но даже его гробница съ руническою надписью сохранилась до нашего времени. Болле отецъ, по лѣтописи, былъ убитъ въ 1006 году, а только послѣ его смерти родился его сынъ, Болле младшій или Боллесонъ. Двѣнадцати лѣтъ, по сагѣ, онъ предпринимаетъ исполнить долгъ мести за своего отца (1018 г.), но потерпѣлъ неудачу. Потомъ онъ женился и только послѣ этого отправился въ далекія страны, сначала въ Данію, а потомъ въ Константинополь. Итакъ, первый Норманнъ явился въ числѣ Варанговъ никакъ не ранѣе 1020 года, а по видимому, послѣ 1023 или даже 1026 года. О путешествіи Болле Боллесона говорится послѣ разказа о гибели Торкеля Ейлуфсона, что относится къ одному изъ сейчасъ означенныхъ годовъ ¹⁾.

Такому заключенію, по видимому, противорѣчитъ упоминаніе Варинговъ въ двухъ другихъ историческихъ сагахъ, считаемыхъ самыми древними—какъ на основаніи ихъ содержанія, такъ и по времени письменной редакціи, относящейся къ первой половинѣ XII-го вѣка ²⁾. Это суть: 1) сага о Вига-Стирѣ и 2) сага о битвѣ на полѣ (auf der Heide) или Heidarviga-Saga. Въ первой является на сцену Гестъ, сынъ Торгалла (Thorgall); убивъ Стира (1007 г.), одного изъ старшинъ или князьковъ Исландскихъ, онъ удаляется изъ опасенія мести сначала въ Норвегію, а потомъ въ Миклагардъ, гдѣ поступаетъ въ число Варинговъ. Здѣсь находитъ его сынъ Стира, Торстейнъ (Thorstein), застаётъ его во время обѣда среди Варинговъ,

¹⁾ Müller-Lachmann, Sagaenbibliothek, I, 163.

²⁾ Müller-Lachmann; Rossetet p. 300. Сравни, впрочемъ, Konrad Maurer. Island (München, 1874) p. 463.

и бросается на него съ мечемъ въ рукахъ и т. д. ¹⁾). Событіе должно относиться къ 1011 году, и слѣдовательно, сказаніе о Стирѣ противорѣчитъ прямому свидѣтельству Лаксдальской саги о первомъ Норманнѣ въ византійской гвардіи. Но весьма легко рѣшить, на которой сторонѣ находится болышая достовѣрность. Подлинная первоначальная рукопись Вигастировой саги и единственный списокъ съ нея, сдѣланный для Арна Магнусона (Arn Magnus), сгорѣли при Копенгагенскомъ пожарѣ 1728 года. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сага *возстановлена по памяти* переписчикомъ Арна Магнусона ²⁾). Понятно, что при этомъ не могли вполне удержаться всѣ подлинныя выраженія саги, и легко могли явиться прибавки, особенно подъ вліяніемъ знакомства съ другими сагами. Путешествіе въ *Царьградъ* и вступленіе въ варяжскую дружину Византійскаго царя самая обычная черта въ позднѣйшихъ сагахъ; она легко могла попасть изъ нихъ чрезъ посредство такого поздняго редактора и въ Вигастирову сагу. Между тѣмъ не всегда нужно было ѣздить въ Византію, чтобы сдѣлаться Варангомъ: въ началѣ XI вѣка для этого можно было ограничиться Кіевомъ, или вообще, Русскою землею.

Не совсѣмъ вѣрно утверждаютъ, что Норманны, служившіе у Русскихъ князей, никогда въ сѣверныхъ сагахъ не называются Вэрингами. Въ Гейдарвига-сагѣ, которая составляетъ продолженіе Вигастировой, но по времени записанія даже древнѣе ея и сохранилась въ очень хорошей рукописи до нашего времени, разказывается о *Вина-Барди*, что онъ, изгнанный судомъ изъ своей родины въ Исландію, послѣ нѣсколькихъ скитаній, прибылъ съ женою въ Галогаландъ (Halogaland), то-есть, въ сѣверо-западную приморскую окраину Норвегіи. Здѣсь онъ поссорился съ женою и опять пустился путешество-

¹⁾ *Islandinga Sögur* (Kjöbenh. 1847) II, 304: «Есть видѣть, что онъ не въ состояніи держаться противъ притѣсненій Торстейна въ Норвегіи, и отправился — на югъ въ Миклагардъ и нанялся тамъ служить съ Вэрингами; онъ разчитывалъ тамъ быть лучше скрытымъ. До Торстейна дошли о томъ вѣсти, и онъ въ то же лѣто отправился въ Миклагардъ. Но таковъ обычай у *Вэринговъ* и *Норманновъ*, что день они проводятъ въ играхъ и борьбѣ». Торстейнъ, вступившій въ среду Вэринговъ, засталъ Геста во время обѣда, выхватилъ мечъ и ранилъ его. Вэринги подбѣжали и хотѣли тотчасъ убить Торстейна, потому что былъ такой законъ, что если кто покусится на жизнь другаго во время обѣда, то долженъ потерять свою. Но самъ Гестъ освободилъ Торстейна, заплативъ за него выкупъ и потомъ помирившись съ нимъ. Ср. *Müller-Lachmann*, *Sagenbibl.* I, 23.

²⁾ *Müller-Lachmann*, *Sagenbibl.* I, p. 30. Ср. *Rossetet*, p. 300, примѣч. 49-е.

вать. „Онъ не оставилъ своего пути, пока не прибылъ въ Гардарикъ; и сдѣлался тамъ наемникомъ, и былъ тамъ съ Вэрингами, и всѣ Норманны высоко чтили его и вошли съ нимъ въ дружбу“ (Islendinga Sögur II, 394: Kom i Gardariki, ok gekk þar á mála okvar þar meðh Vaeringium, ok thotti öllum Nordhmönnum mikils um ann vert, ok höfðhu hann i kaerleikum meðh ser) ¹⁾).

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о Русскихъ Варягахъ, о Варягахъ, находящихся въ Гардарикѣ; напрасно, стало быть, помѣщаютъ (Гопфъ и самъ Конрадъ Мауреръ) Вига-Стира въ число Византийскихъ Варанговъ. Но еслибъ это и было основательно, то и тогда прямое свидѣтельство Лаксдальской саги не потеряетъ своего значенія. Событія, разказываемыя Гейдарвига-сагою, относятся къ началу XI-го столѣтія; эпоха битвы, отъ которой произошло самое названіе саги, опредѣляется лѣтописными показаніями 1013 годомъ, а по другимъ сагамъ, битва произошла въ 1014 или даже въ 1015 году ²⁾. Между сраженіемъ и судебнымъ приговоромъ, произнесеннымъ противъ Вига-Барди, находится значительный промежутокъ времени, такъ что варяжская служба нашего героя падаетъ близко къ 1020 годамъ, а съ точностію не можетъ быть опредѣлена хронологически. По свидѣтельству учебныхъ издателей подлинной саги, она кончается 1025 годомъ, а послѣднее событіе, въ ней разказанное, есть именно смерть Барди, павшаго въ битвѣ послѣ трехлѣтней службы въ Вэрипахъ.

Третья сага, упоминающая о Вэрингахъ, есть *Ньялова сага* (Njala или Nia'ls-Saga). По Мюллеру и Росселету, она записана въ первой половинѣ XII вѣка, и событія, составляющія ея содержаніе, относятся къ началу XI вѣка и оканчиваются приблизительно 1017 годомъ. Нужно однако думать, что мы имѣемъ сагу не въ томъ видѣ, какъ она была первоначально записана, а въ переработкѣ гораздо болѣе поздняго времени ³⁾. Здѣсь идетъ рѣчь о Норманнѣ (Норвежцѣ или Исландцѣ) Колскеггѣ: „Онъ отправился въ Данію и представился королю Даніи Свену Двойнобородому (Tuesking, furci-barbus) и здѣсь пользовался большимъ почетомъ. Въ Даніи Колскеггъ

¹⁾ Для перевода нужныхъ намъ мѣстъ въ сагахъ, не переведенныхъ на латинскій языкъ, мы обращались къ профессору А. Н. Вессловскому.

²⁾ Müller-Lachmann, Sagenbibl. I, 52.

³⁾ Müller-Lachmann, I, 43; Rosselct, p. 300. Сравни замѣчанія Конрада Маурера въ только что вышедшей книгѣ (Island, p. 57—65, 66 и о самой сагѣ p. 59): Manches deutet darauf hin, dass die Sage in der Gestalt, in welcher wir sie allein kennen, eine spätere Uebersarbeitung älteren Originals sei и т. д.

принялъ крещеніе, но не нашедши никакого удовольствія жить въ ней, пошелъ на востокъ, въ *Московию* (sic), и провелъ тамъ одну зиму. Вскорѣ онъ отправился оттуда въ Константинополь и началъ тамъ служить наемникомъ. Послѣдній слухъ, принесенный о немъ, былъ тотъ, что онъ тамъ соединился бракомъ, и поставленный во главѣ *стражей царства*, остался тамъ до послѣдняго дня: и здѣсь упоминаніе о немъ заключается". (*Jam de Kolskeggo memorandum est—Daniam orientem versus profectum se regi Danorum Sveini fuscibarbo commendasse... Moscoviam orientem versus petiit... mox inde Constantinopolim profectus ibi stipendia coepit facere. Novissima de illo fama tulerat, illic matrimonio junctum et custodibus regni praefectum, ad supremum diem permansisse: atque hic mentio ejus clauditur.*—*Historia Nialis et filiorum latine reddita. Hafniae, 1809, pag. 257.*

Мы можемъ принять разказъ о Колскеггѣ за вполне достовѣрный, предполагая, что въ оригиналѣ вмѣсто *Московіи* читалось *Гардарика*, и что указаніе на *послѣдній* слухъ о судьбѣ Колскегга принадлежитъ не ипаче какъ современнику. Но на первый взглядъ очевидно, что такимъ образомъ извѣстіе о службѣ Колскегга среди Варанговъ (ибо они, конечно, разумѣются подъ *custodes regni*) нѣсколько выходитъ изъ рамки повѣствованія, ограничиваемаго 1017 годомъ, и будетъ относиться по крайней мѣрѣ къ двадцатымъ годамъ XI столѣтія.

Въ *Hallfredar-Saga* мы читаемъ о Грисѣ Сэмингсонѣ (Griss-Sæmingsson): „Есть человекъ, называемый Грисъ, сынъ Сэминга, мой пріятель и живетъ въ Гейтаскардіи въ Длинной долині (Langadal); онъ былъ (прошелъ?) *по всему Миклагарду* и собралъ тамъ большія почести; онъ—богатый человекъ и у него много друзей" (*Fornsögur. Vátnsdaelasaga. Hallfredarsaga, изд. Vífússon и Möbius. Leipzig, 1860, стр. 88.*)

Грисъ Сэмингсонъ жилъ также въ началѣ XI столѣтія, подобно Болле Боллесону и Колскеггу; поэтому нѣтъ никакой нужды пускаться въ хронологическія соображенія о томъ, не поступилъ ли онъ въ Варанги ранѣе Боллесона. Сверхъ того, въ сажѣ даже и не утверждается прямо, что онъ служилъ въ наемной византійской дружинѣ.

Что же касается Греттировой саги (*Grettis-saga, Grettla* по имени Скальда Греттира) и до Варинговъ, въ ней упоминаемыхъ, то здѣсь пока не время говорить о нихъ. Торбіорнъ Онгуллъ и его товарищи суть уже современники Гаральда Гаардраде, въ одно съ нимъ время служатъ византійскому царю или царцѣ: слѣдовательно, они всту-

пили въ число Варанговъ позднѣе вышеозначенныхъ Исландцевъ. Въ сагѣ прямо сказано, что Онгулъ (Aungul) и Дромундъ пришли въ Миклагардъ тогда, когда уже былъ большой приливъ туда сѣверныхъ людей, и именно при *Mizauti Katlakr* (то-есть, Калафактѣ). (См. *Grettla-saga ved S. Magnussen*. Kiobenh. 1852. Ср *Müller-Lachmann*, I, 189).

Послѣ этого мы имѣемъ полное право утверждать, что исландскія саги не подтверждаютъ предположеніе, высказанное г. Гедеоповымъ и потомъ принятое другими. Первые Норманны, служащіе въ византійской гвардіи и носящіе имя Варяговъ, не были Варяги-Скандинавы, ушедшіе въ 980 году изъ Кіева, а другіе, отправившіеся туда позднѣе и намъ извѣстные поименно.

Целью, однако, оставить безъ вниманія слѣдующаго соображенія. подсказываемаго нѣкоторыми выраженіями въ приведенныхъ выше отрывкахъ. Норманны, приходящіе изъ Норвегіи и Исландіи, какъ будто отличаются отъ другихъ Варяговъ или Варанговъ. Варяжская дружина какъ на Руси, такъ и въ Миклагардѣ существуетъ ранѣе ихъ, ранѣе Болле Боллесона и ранѣе Вига-Стира. I. Олафсонъ, вышеупомянутый переписчикъ и возсоздатель Вига-Стировой саги, отиѣтилъ старинныя выраженія и обороты, въ ней встрѣчавшіеся. Въ его excerptахъ прямо замѣчено, что въ подлинной сагѣ Норманны часто отличались отъ Варишговъ. (*Sacpius cru Nordhmen distingueradir fra Vaeringium Islendinga*.—*Sögur*, II, 481).

Изъ кого же состояла варяжская дружина въ Цареградѣ до вступленія въ нее Норвежцевъ, и кто составлялъ варяжскую дружину на Руси помимо Норманновъ?

Отвѣтъ на это можетъ быть двоякій. Норманисты должны сказать, что и здѣсь, и тамъ это были Шведы, то-есть, что когда исландская сага говоритъ о первомъ Норманнѣ, вступившемъ въ общество Варяговъ, и когда она отличаетъ въ русской варяжской дружинѣ, какъ особую составную часть, Норманновъ, то при этомъ подъ Норманнами она разумѣетъ только Норвежцевъ, живущихъ на самомъ полуостровѣ и въ Исландіи, исключая отсюда Шведовъ. Шведы, слѣдовательно, могли и ранѣе быть Варангами въ Константинополѣ, точно такъ, какъ на Руси они были долго первыми и единственными Варягами. Мы думаемъ, что такое положеніе будетъ очень трудно доказать. Выраженіе „Норманны, Nordhmen“ въ сагахъ употребляется въ двоякомъ значеніи. Въ первомъ, обширномъ значеніи оно обнимаетъ не только всѣхъ жителей Скандинавскаго полуострова, но также Датчанъ, и само

собою разумѣтся, Исландцевъ. Когда нужно несомнѣнно и ясно отличить между Норманнами Норвежца, тогда въ сѣгахъ употребляются выраженія: Austmenn или Noregsmenn. Второе, болѣе тѣсное значеніе слова Норманнъ, или собственно, norðinnadinn, norðmenn, дѣйствительно, исключаетъ Датчанъ, Шведовъ и Готовъ, но оно исключаетъ также и всѣхъ людей Норвежскаго племени, поселившихся внѣ Норвегіи, то-есть, между прочимъ, Исландцевъ ¹⁾. Ясно, что въ этомъ второмъ значеніи слово Норманнъ не могло быть приложено къ Болле Боллесону, родившемуся въ Исландіи и отправившемуся въ Византію изъ Даніи. Слѣдовательно, выраженіе Норманнъ въ Лаксдальской сѣгѣ мы должны приписать въ широкомъ значеніи. Болле былъ первый *скандинавскій* Норманнъ, вступившій въ варяжскую дружину. Притомъ съ предполагаемымъ нами норманно-шведскимъ толкованіемъ мы все-таки не далеко уйдемъ въ *византійской* исторіи варяжскаго военнаго корпуса. Все-таки останется несомнѣннымъ, что этотъ корпусъ является въ Константинополѣ очень поздно, на глазахъ вполне ясной исторіи, которая и отмѣчаетъ Шведовъ въ составѣ Варанговъ, какъ скоро они въ немъ оказались (Шведы упоминаются въ числѣ Варанговъ, но только нѣсколько позднѣе и на ряду съ другими — въ сѣгѣ объ Олафѣ Святѣмъ и о Гаральдѣ).

Историческая логика, историческое чутье и внимательное изученіе приводятъ даже поборниковъ норманизма къ иному отвѣту на вышеставленный нами вопросъ. Умѣренные норманисты теперь признають, что иноплеменики привесли къ намъ только институтъ дружины, только форму новаго общества; содержаніе же въ эту форму уже съ самаго начала стало вливаться какъ изъ варяжскаго, такъ и изъ славянскаго міра, и даже по преимуществу изъ послѣдняго. „Русь-дружина и притомъ сборная дружина, въ которую открытъ былъ свободный доступъ всѣмъ храбрымъ и достойнымъ, безъ различія національностей. Таковъ же, безъ сомнѣнія, былъ составъ и тѣхъ младшихъ служебныхъ дружинъ, члены которыхъ (на языкѣ пришельцевъ) назывались Варангами, а у автора первоначальнаго лѣтописнаго сказанія именуются Варагами; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія предполагать, будто эти дружины состояли на-голо

¹⁾ См. объ этомъ въ превосходной статьѣ К. Маурера: „Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache“, примѣчаніе 71 на стр. 706, въ *Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissensch. Philol. classe*, Bd. XI (1867 г.). Тамъ приведено много примѣровъ того и другаго словоупотребленія.

изъ однихъ только заморскихъ выходцевъ, изъ Варяговъ" (Н. П. Ламбинъ, въ статьѣ: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси). Но это почти тотъ самый взглядъ, который уже давно былъ высказанъ С. М. Соловьевымъ, — именно, что Варяги русской исторіи IX вѣка собственно не народъ, а дружина, состоявшая изъ разноплеменнаго сброда съ преобладаніемъ Скандинавовъ. Съ дополненіемъ В. И. Ламанскаго, что при тѣсныхъ сношеніяхъ Норманновъ съ Славянами, необходимо предполагать и послѣднихъ въ составѣ этой разноплеменной дружины, — мы можемъ, вмѣстѣ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминнымъ (см. Русская исторія 1, 95. 96), считать разноплеменную дружину послѣднимъ словомъ науки по вопросу о первыхъ Варягахъ нашей лѣтописи. Что въ позднѣйшее время она — эта дружина — набиралась, быть можетъ, преимущественно изъ мѣстныхъ — туземныхъ, славянскихъ и русскихъ элементовъ — этого въ настоящее время также никто не будетъ отвергать.

Послѣ этого намъ понятно будетъ, почему даже въ исландскихъ сагахъ Норманны XI столѣтія, приходящіе на службу Русскаго князя, „отличаются" отъ прочихъ Варяговъ.

Обращаясь къ Византійскимъ Варангамъ, мы заранѣе можемъ высказать ожиданіе, что и тамъ насъ встрѣтитъ такое же явленіе, то-есть, что и византійскій военный корпусъ Варанговъ вовсе не состоялъ изъ однихъ только Норманновъ-Скандинавовъ, даже, быть можетъ, Норманны составляли небольшую его долю. Теперь для насъ всего важнѣе то, что Норманны, то-есть, Исландцы, Норвежцы, а потомъ Шведы, вступаютъ въ Константинополь уже въ готовое „Варяжское общество". Вопросъ, поставленный въ началѣ главы, остается пока не рѣшеннымъ. Мы не приняли сопоставленія, сдѣланнаго г. Гедеоновымъ, между Варягами, отправившимися изъ Кіева въ 980 году, и Византійскими Варангами 1034 года, — на томъ преимущественно основаніи, что этихъ Варяговъ г. Гедеоновъ считаетъ Норманнами, а Норманны появились въ составѣ византійской варяжской дружины гораздо позднѣе 980 года: мы опредѣленно знаемъ, когда именно. Но если Варяги существуютъ въ Константинополѣ ранѣе 1020 года, ранѣе перваго появленія среди нихъ Норманновъ, то въ первыхъ, кто жъ они были? — а во вторыхъ, и это для насъ теперь главное, когда же былъ сформированъ знаменитый варяжскій корпусъ въ Византіи? Можно, конечно, оставить объясненіе г. Гедеонова, подвергнувъ оное небольшому измѣненію. Варяги, отправившіеся въ 980 году изъ Кіева въ Царьградъ, не были Норманны, а или тѣ самые Венды-Славяне, ко-

торые, по теоріи г. Геденова, въ сущности и были настоящими и основными Варагами, или просто Русскіе-Славяне, безъ сомнѣнія, также вступавшіе въ Кіевскую варяжскую дружину. Но мы уже указали трудности, какія встрѣтитъ такое толкованіе. Нужно будетъ предполагать, что Василій II не послушался совѣта, поданнаго Кіевскимъ княземъ. Нужно будетъ доказывать, что именно Варяги-пришельцы, которые все-таки были въ Кіевской варяжской дружинѣ, и по видимому, только что приведены были Владиміромъ изъ-за моря, остались на Руси, а ушли свои Русскіе, которымъ приходилось разстаться съ родиною. Можно здѣсь прибавить и еще одно соображеніе, помимо другихъ, которые пусть лучше подразумѣваются. Въ 988 году Русскій князь Владиміръ находился въ открытой враждѣ съ Византійскою имперіей; взятіе въ этомъ году Херсона извѣстно какъ изъ русской лѣтописи, такъ равно изъ византійскихъ источниковъ (Левъ діаконь)¹⁾. Что же въ этомъ году сдѣлалось съ отрядомъ Варанговъ, находившимся въ Византіи и состоявшимъ исключительно изъ Русскихъ? Послѣ, при подобныхъ случаяхъ, отправляли Варанговъ дальше изъ Константинополя: но мы не видимъ, чтобы въ 988 году была припята такая мѣра. Правда, можно замѣтить, что въ 988 году Русскіе не угрожали самому Константинополю, какъ это было въ томъ нашествіи, которое мы подразумѣваемъ. Но во всякомъ случаѣ есть очень ясныя указанія, что зимою 987—988 годовъ не было въ Цареградѣ Русскихъ, а если они здѣсь явились въ продолженіе года, то это были не прежніе и старые пришельцы, а новые. Именно послѣ взятія Херсона и послѣ женитьбы Владиміра на греческой царицѣ Аннѣ Русскіе въ Византіи являются вновь, послѣ перерыва, бывшаго слѣдствіемъ Болгарской войны Святослава. Наши русскіе историки и ученые разыскатели, гоняясь иногда за призраками, пропустили и пропускаютъ безъ вниманія фактъ громаднѣйшей важности въ исторіи не только русской, но и всего сѣвера. Этотъ фактъ мы выражаемъ надписаніемъ слѣдующей главы нашего изслѣдованія.

III.

Шеститысячныйъ русскій корпусъ въ Константинополѣ съ 898 года.

На первыхъ страницахъ исторіи Михаила Пселла, начинающейся со смерти Цимисхія, и такимъ образомъ, служащей примыкомъ продол-

¹⁾ Одна и та же комета предвѣщала для Льва діакона и возмущеніе Варды Фоки (987 — 989 гг.), и взятіе Херсона Русскими.

женіемъ Льва діакона, разсказывается о возмущеніи Варды Фоки противъ Василия II: непріатели дошли до самой Пропонтиды и расположились лагеремъ на другой сторонѣ моря, въ виду Константинополя. Тогда: „Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ не *задолго предъ тѣмъ* къ нему пришелъ отъ Тавроскиновъ *значительный военный отрядъ*, то онъ, соединивъ *ихъ* вмѣстѣ и устроивъ другую насмную силу, выслалъ (ихъ) противъ расположенной на другой сторонѣ флаланги“ (Ὁ δὲ βασιλεὺς Βασίλειος τῆς τῶν Ρωμῶν ἀγνοοῦντος καταγνοῶς, ἐπειδὴ περ οὐ πρὸ πολλοῦ ἀπὸ τῶν ἐν τῇ Ταύρῳ Σκολλῶν λόγος πρὸς αὐτὸν ἐφοίτησεν ἀξιόμαχος, τοὺτους δὴ συκροτήσας καὶ ξενικὴν ἐτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν, κατὰ τῆς ἀντι καιμένης ἐκπέμπει φάλαγγος.—Pag. 10).

Что подъ Тавроскинами здѣсь разумѣется Русь, это не требуетъ никакихъ доказательствъ. Въ такомъ смыслѣ это слово употребляется у Льва діакона, въ послѣднихъ страницамъ котораго примыкаетъ, какъ продолженіе, трудъ Михаила Пселла. У другихъ позднѣйшихъ историковъ мы сейчасъ увидимъ именно Русь при разказѣ о томъ же самомъ фактѣ. Приведенное нами мѣсто представляетъ неопредѣленность и неясность не относительно національности „значительнаго боеваго отряда“, а совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Возмущеніе Варды Фоки падаетъ на 987—989 годы; военныя дѣйствія, въ которыхъ участвуютъ Русскіе, не многимъ предшествуютъ апрѣлю 989 года, когда Фока умеръ, а его армія разсѣялась ¹⁾. Итакъ, куда должно быть отодвинуто „незадолго предъ тѣмъ“, опредѣляющее время прибытія русскаго отряда? На основаніи неопредѣленныхъ выраженій Пселла, можно было бы предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ Варигахъ, которые отправились изъ Кіева въ 980 году. По прямому смыслу вышеприведеннаго отрывка, къ 989 году относится не прибытіе Русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, а ихъ организація въ особый отрядъ, инушающій болѣе довѣрія, чѣмъ мѣстныя силы. Слово συκροτήσας (соединивъ, собравъ въ одно мѣсто) могло бы быть принято, какъ намекъ на то, что значи-

¹⁾ День смерти Варды Фоки отмѣченъ у Бедріана (II, 446) въ апрѣлѣ 647 (989-го года). Дѣйствию разбить нѣсколько раньше того—въ апрѣлѣ или самомъ началѣ марта того же года. Это видно изъ отчетливаго разказа примыкающаго историка Асохіяка (переводъ Эжнина, стр. 479). Сраженіе около Скутара подается въ 988 году, но это годъ мартовскій. Непосредственно злѣмъ члѣтлмъ: съ наступленіемъ (989) слѣдующаго года—прмя стояло несеннее—царь Василій отиваллся противъ самаго Фоки. Ни Муралиги полагаться нельзя.

тельное количество русскихъ людей хотя и находилось (съ 980 года) въ Византіи, но било разсыяно въ разныхъ мѣстахъ (какъ со- вѣтовать поступить Владиміръ). Все это оказалось бы, однако, на- прасными и неосновательными догадками. Не сомнѣмъ удовлетвори- тельны для нашей пытливости, которой, конечно, Иселла не могъ имѣть въ виду, и послѣднія фразы выписаннаго нами отрывка. Слова *ἐνελήν ἑτέραν δύναμιν* могутъ быть понимаемы или въ смыслѣ противо- положенія ненадежнымъ Грекамъ, служившимъ не по найму, или же въ смыслѣ сопоставленія съ русскимъ отрядомъ; такъ что въ пер- вомъ случаѣ именно Русскіе и будутъ составлять *наемную друину* силу, а во второмъ — нужно будетъ допустить существованіе или учрежденіе еще какой-то иной, помимо Русскихъ, военной наемной силы. Гораздо естественнѣе первое объясненіе, потому, во первыхъ, что образованіе новой силы выше мотивируется *только* прибытіемъ *однихъ* русскихъ людей; во вторыхъ, потому, что два глагола *συγκροτήσας* и *ἐκλόχουσαν* въ сущности представляютъ естественную градацію двухъ дѣйствій, относящихся къ одному объекту: первое значить сти- нуть, собрать въ одно мѣсто массу военныхъ людей, а второе — раз- дѣлить ихъ на отряды, дать надлежащую организацію; и третьихъ, по- тому, что другіе источники — всѣ говорятъ объ однихъ Русскихъ.

То, чтó ясно въ разказѣ Иселла, объясняется параллельными мѣстами двухъ византійскихъ писателей XII вѣка, почерпавшихъ свои извѣстія изъ одного источника, то-есть, 'рабски копировав- шихъ хронику Іоанна Θракисійскаго. Іоаннъ Θракисійскій, какъ уже было замѣчено, жилъ въ концѣ XII столѣтія. Мы имѣемъ одну докладную записку (*ὑπόμνημα*), представленную имъ Алексію Комнину въ 1092 году (*Zachariæ, Jus græco-romanum*, III, 376). Но есть очень много признаковъ, что извѣстія, относящіеся къ первой половинѣ XI вѣка и вошедшія первоначально въ его хронику, были запи- саны современно самымъ событіямъ, именно въ Малой Азіи. Во вся- комъ случаѣ, съ перваго взгляда очевидно, что въ данномъ, наст. интересующемъ, мѣстѣ Кедринъ и Зонара независимы отъ Иселла.

Разказывая исторію возмущенія Варды Фоки, Кедринъ (II, 444) пишетъ, что когда одинъ отрядъ Варды явился въ виду Хрисополи (теперь Скутари), то Василий II „приготовилъ ночью корабли и по- садилъ на нихъ Русь, такъ какъ естаті онъ призвалъ къ себѣ изъ нихъ *союзную* (военную) *силу* и сдѣлалъ зятемъ князя ихъ Влади- міра по своей сестрѣ Аннѣ; переправившись съ ними, онъ не ожи- данно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ въ свои руки“.

(Πλοῖα παρασκευάσας νοκτός καὶ τούτοις ἐμβιβάσας Ῥώς [ἔτοχα γὰρ συμμαχίαν προσκαλεσάμενος ἐξ αὐτῶν καὶ κηδεστήν ποιησάμενος τὸν ἄρχοντα τούτων Βλαδὴμῆρὸν ἐπὶ τῇ αὐτοῦ ἀδελφῇ Ἀννῇ], παραιωθείς μετ' αὐτῶν ἀνοήτως ἐπιτίθεται τοῖς ἐχθροῖς καὶ ῥᾶον χειροῦται).

Въ подобныхъ же выраженіяхъ описывается событіе у Зонары (II, 221, парижск. издан.): „Когда Дельфина (сторонникъ Фоки) расположился лагеремъ противъ Хрисополя, императоръ напалъ на нихъ съ *Русскими народомъ*, потому что онъ, устроивъ родственныи союзъ съ княземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, *получилъ отъ нуда вспомогательный военный отрядъ*: онъ одержалъ верхъ надъ противниками“. (Αἰρνίδιον ἐπῆλθεν ὁ βασιλεὺς μετὰ λαοῦ ῥωσικοῦ, κῆδος γὰρ πρὸς Βλαδὴμῆρὸν τὸν ἄρχοντα τούτων ἐπὶ Ἀννῇ τῇ ἀδελφῇ αὐτοῦ θέμενος συμμαχικὸν ἐκεῖθεν ἐδέξατο καὶ ῥᾶον τῶν ἐναντίων χειροῦται).

Не останавливаясь на томъ, что здѣсь вмѣсто Тавроскиевовъ является Русь, Русскій народъ, состоящій подъ властію князя Владиміра, мы получаемъ совершенно новое, болѣе яркое освѣщеніе факта и объясненіе причины, вслѣдствіе которой явился въ Византію „значительный военный отрядъ“. Исцела. Эта причина есть бракъ Кіевскаго князя на сестрѣ императора Василия, а по русской лѣтописи—соединенное съ нимъ крещеніе Владиміра, относимое къ 988 году. Слѣдовательно, вспомогательный русскій корпусъ отправленъ былъ въ Византію только въ 988 году, предъ самымъ приближеніемъ мало-азіатскихъ инсургентовъ къ Царьграду, на что и указываютъ выраженія Кедрипа (ἔτοχε). Очевидно, все это вмѣстѣ бросаетъ нѣсколько новыхъ лучей свѣта на одно изъ важнѣйшихъ событій русской исторіи: съ одной стороны, должно быть оценено затруднительное положеніе Василия II въ 988 году, а съ другой—должно быть признано, что не одно желаніе обратить Кіевскаго князя въ христіанство заставило царицу Анну отправиться въ Корсунь; что, наконецъ, условія брачнаго союза не ограничивались однимъ принятіемъ крещенія и возвращеніемъ Херсона. Обращаемся, однако, къ своему предмету.

Помимо Византійцевъ, объ отправленіи Владиміромъ вспомогательнаго союзнаго отряда въ Византію свидѣлствуютъ два армянскіе историка. Одинъ изъ нихъ, Степаносъ Таронскій, по прозванію Асохикъ, есть ближайшій современникъ Владиміра Кіевскаго и Василия II. Онъ предпринялъ свой трудъ по приглашенію владыки Саргиса, о которомъ извѣстно, что онъ вступилъ на патріаршій престолъ армянской церкви въ 992 году (см. введеніе Эмина ко Всюб-

щей исторіи Асохика, стр. VII). „Асохикъ“, по словамъ его русскаго переводчика, — „занимаетъ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ между писателями своего отечества. Не говоря о правдивости, которою онъ по справедливости можетъ гордиться наравнѣ со всѣми армянскими историками, у которыхъ она составляетъ характеристическую черту и одно изъ главныхъ достоинствъ, онъ имѣетъ предъ ними еще то огромное преимущество, что съ необыкновенною тщательностію относится къ хронологіи“ (стр. XII). То и другое качество, дѣйствительно, должно быть признано за Степаносомъ Таронскимъ: на точность его хронологіи мы сами обратили вниманіе ранее, чѣмъ прочитали предисловіе почтеннаго переводчика.

Въ концѣ своего сочиненія Асохикъ разказываетъ о приходѣ греческаго царя въ Восточную землю, то-есть, въ Арменію. Событіе, которое случилось при этомъ, имѣло своимъ ближайшимъ театромъ мѣстность, содѣльную съ Таронскимъ округомъ (теперь Мущъ, между Діарбекиромъ и Эрзерумомъ), то-есть, именно совершилось на родинѣ Степаноса Таронскаго. Оно относится къ 1000 году. Въ Таикской провинціи, въ городѣ Хав-тчиттѣ Византійскій императоръ былъ встрѣченъ Багаратомъ, царемъ Абхазскимъ, и отцемъ его Гургеномъ, царемъ Иверійскимъ. Василій, сдѣлавъ великолѣпный приемъ обоимъ царямъ, отпустилъ ихъ въ ихъ земли.

„Въ самый день отъѣзда послѣдняго (то-есть, Грузинскаго царя) въ греческомъ лагерѣ произошла сильная схватка изъ-за ничтожной причины. Князья и вассалы Куропалата Давида (властитель Карталинскій и царь Армяногрузинской провинціи Даика, на сѣверо-востоку въ верхней Арменіи), прибывшіе туда, стали недалеко отъ греческаго лагеря. Изъ пѣхотнаго *отряда Рузовъ* какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Иверійцевъ и отнял у него сѣно. Тогда прибѣжалъ на помощь къ Рузу другой Рузъ. Иверіецъ вликнулъ къ своимъ, которые, прибѣжавъ, убили перваго Руза. *Тогда весь народъ Рузовъ*, бывшій тамъ, поднялся на бой: изъ было 6.000 человекъ пѣшихъ, вооруженныхъ коньями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою за мужа за послѣдняго. Въ это же самое время *Рузы утѣрали во Христа*. Всѣ князья и вассалы Тайкскіе выступили противъ нихъ и были побѣждены. Тутъ погибли: великій князь князѣй, по имени Петріархъ (Шатрикій? имя искажено въ рукописяхъ) два сына Очопетре—Габріель и Іоаннесь, Чортванель влукъ и мно-

іе другіе; ибо гнѣвъ Божій таготѣлъ надъ ними за ихъ высокоуміе" (стр. 200--201).

Разказъ въ высокой степени ясный, простой и естественный; ни одна малѣйшая подробность не возбуждаетъ сомнѣній. Что русскій человѣкъ способенъ былъ подраться съ Грузиномъ изъ-за сѣнца, приготовленнаго для лошади, этому всякій повѣритъ, и уже никто, надѣмся, не скажетъ, что это чисто норманское качество. Критика, которая захочетъ быть строгою, можетъ напасть только на лошадь, которую имѣетъ пѣхотинецъ. На этотъ случай можно сдѣлать уступку. Въ другомъ переводѣ лошади именно и нѣтъ. Тамъ читается: „Les princes et les nobles de Daik avaient établi leur camp auprès de celui des Grecs. Or, un fantassin russe, étant sorti du camp, y rentra apportant une botte de foin. Un soldat georgien, s'approchant de lui, le lui enleva" и т. д. (отрывокъ переведенъ въ примѣчаніи къ тому мѣсту другаго армянскаго писателя, которымъ мы сейчасъ займемся). Но мы вѣримъ и въ лошадь: она могла быть какъ въ спискѣ г. Эмина, такъ и у русскаго пѣхотинца—въ видѣ военной добычи или для перевоза добычи. Походъ, изъ котораго возвращались Русскіе, былъ также не близкій: Василій II шелъ изъ Сиріи и Киликіи. Очень можетъ быть, наконецъ, что имѣющій лошадь Русскій служилъ пѣхотинцемъ, потому что это было выше и почетнѣе, то-есть, эта была русская пѣхотная гвардія. Что касается шеститысячнаго числа русскихъ военныхъ людей, то оно, конечно, неожиданно. Но за то оно напоминаетъ шеститысячную гвардію, около этого же времени учрежденную въ Англіи, знаменитый корпусъ Household—на другомъ концѣ Европы. Неожиданнымъ, но также не подлежащія сомнѣнію цифры мы встрѣтимъ и далѣе. Утверждаютъ, напримѣръ, что варяжская гвардія въ Константинополѣ едва достигала пятисотеннаго числа (г. Геденовъ), а окажется, что ее надобно считать тысячами. Но мы забываемъ впередъ.

О схваткѣ Русскихъ съ Грузинами упоминаетъ и продолжатель Асохика, Аристакесъ Ластивертскій, жившій въ первой половинѣ XI вѣка. Въ самомъ началѣ своей „Исторіи Арменіи" онъ повѣствуетъ о посѣщеніи Василіемъ II армянскихъ областей: „Воины благороднаго отряда провинціи Даикъ вышли ему на встрѣчу. Они были почетны большими дарами, каждый по своему достоинству, своему титулу или своей степени, и это исполнило ихъ всею радостію. Но тотчасъ исполнилось надъ ними пророчество, внушенное Духомъ Святымъ Давиду: „Утромъ они произрастутъ изъ земли, будутъ блистать

и цвѣсти какъ трава, а вечеромъ они увянуть, засохнуть и упадутъ". Вслѣдствіе, не знаю какихъ причинъ, подпалась ссора между западными воинами, *называемыми Русскими*, и благороднымъ отрядомъ; тридцать человекъ самихъ знатныхъ изъ этого послѣдняго умерли на этомъ мѣстѣ. Въ этотъ день не ускользнулъ ни одинъ благородный Далека; всѣ заплатили немедленною смертію за свое преступленіе"). (Une rixe s'étant élevée, je ne sais pour quels motifs, entre les soldats occidentaux appelés Russes et la légion noble, trente hommes des plus honorables de cette dernière moururent et cet endroit и т. д.— Histoire d'Arménie par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par Evariste Prud'homme. Paris, 1864, pag. 9).

Преступленіе, совершенное благороднымъ легиономъ грузинскимъ, насъ не касается. Но если позволительно искать причины кровавой ссоры между Русскими и Грузинами помимо клочка сѣна, упомянутого Асохиномъ, то мы должны обратиться назадъ къ событіямъ 989 года. Варда Фока, какъ мы узнаемъ отъ Пселла (стр. 11) и отъ самого Асохика, кромѣ греческихъ силъ опирался, главнымъ образомъ, на сочувствіе къ нему Грузинъ; въ сраженіи, которое рѣшило его участь, грузинская пѣхота составляла лучшую часть его войска (Пселлъ). Асохикъ (стр. 178) прямо утверждаетъ, что Фока началъ войну противъ царственнаго города Константинополя во главѣ греческихъ и *иерійскихъ* войскъ. Когда Дельфина укрѣпился насупротивъ царственнаго города, „Василій привелъ на противоположный берегъ всѣ войска, бывшія въ городѣ, равно какъ и *войска западныхъ странъ*“ Мы сейчасъ видѣли, что Аристакесъ называетъ *Русскихъ* западными воинами. Такимъ образомъ, сверхъ вышеприведенныхъ источниковъ, и армянскій историкъ, по крайней мѣрѣ, намекаетъ на то, что Грузины Варды Фоки въ 989 году пострадали, главнымъ образомъ, отъ вновь организованнаго русскаго корпуса. Память объ этомъ тяжеломъ посрамленіи народной чести могла оставаться тѣмъ болѣе, что, по видимому, Русскіе заняли мѣсто Грузинъ въ византійской арміи. На первыхъ страницахъ исторіи Пселла, росла иверская молодежь — самая воинственная часть греческой арміи; послѣ эти самые предикаты придаются Тавроскиоамъ.

Итакъ, фактъ присутствія въ Византійской имперіи съ 988 года до первыхъ годовъ XI столѣтія большаго русскаго военнаго корпуса — по крайней мѣрѣ, шеститысячнаго, — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы только *много* ходомъ отмѣчаемъ теперь то, конечно, не лишнее значенія обстоятельство, что Тавроскиоамъ (=Русскіе),

упомянутые Михаиломъ Пселломъ при повѣствованіи о Василии II Болгаторобойцѣ, встрѣчаются потому нѣсколько разъ на страницахъ его исторіи и притомъ прямо въ видѣ *Варяговъ*. Это будетъ видно въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія. Теперь, оставляя пока Пселла въ сторонѣ, мы обращаемся къ другимъ источникамъ, у которыхъ находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о важности и многочисленности русскаго элемента въ Византійской арміи. Мы находимъ въ нихъ продолженіе исторіи все того же русскаго корпуса.

Но извѣстное мѣсто Льва Остійскаго (*Pertz*, SS. VII, 652), въ которомъ норманисты и даже ихъ противники совершенно напрасно находили Варяговъ на ряду съ Русью, мы, по строгой справедливости, должны признать не имѣющимъ для насъ пока никакого значенія. Левъ Остіійскій, разказывая о южно-италіанскихъ событіяхъ 1110 года, упоминаетъ о возстаніи Мело, прибавляя, что это былъ первый самый дѣятельный и умный изъ всѣхъ гражданъ города Бари и даже цѣлой Италіи. Когда Апулійцы не могли болѣе переносить высокомѣрія и наглости Грековъ, не задолго предъ тѣмъ, то-есть, во время Оттона I, при помощи союзныхъ *Датчанъ*, *Русскихъ* и *Гуаламовъ*, присвоившихъ себѣ Апулію и Калабрію, то Мело сталъ во главѣ возмущенія (*Grecorum, qui non multo ante, a tempore scilicet primi Ottonis Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum Danis, Russis et Gualanis vendicaverunt*).

Вопервыхъ, Левъ Остіійскій писалъ свою хронику Монте-Кассинскаго монастыря въ самомъ концѣ XI столѣтія и относительно южно-италіанской, греко-норманской исторіи пользовался сочищеніемъ своего старшаго по времени собрата, именно „Норманскою исторіей“ Кассипскаго монаха Амата. Амаъ служилъ для него главнымъ источникомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что даже въ томъ случаѣ, если бы событіе, совершившееся будто бы при помощи Датчанъ, *Русскихъ*, и положимъ, *Варяговъ* (хотя въ *Gualani* скорѣе скрываются Аланы или Вандалы Барійской лѣтописи), относясь къ началу XI столѣтія, то Левъ Остіійскій самъ по себѣ далеко не былъ бы такимъ свидѣтелемъ, на точность котораго, особенно въ подробностяхъ, слѣдовало бы полагаться. Между тѣмъ, именно этой вставочной исторической реминисценціи и нѣтъ у Амата, тогда какъ изложеніе главнаго событія въ хроникѣ Льва несомнѣнно находится въ самой близкой зависимости отъ его *L'ystoire de li Normant*. „*Sequentia Amatus non habet*“, замѣчено предъ вышеприведеннымъ отрывкомъ въ лучшемъ изданіи Льва Остійскаго (*Pertz*, Monumenta Germaniae).

Вовторихъ, событіе, въ которомъ участвовали Датчане, Русскіе и (предполагаемые) Варяги, должно относиться даже не къ XI столѣтію, а къ 60 годамъ X вѣка, ко времени Оттона I, которое еще менѣе было извѣстно Монте-Кассинскому монаху, писавшему около 1098 года, тѣмъ первая половина XI вѣка. Не только подробности, но и самая сущность и основа сообщаемого мимоходомъ извѣстія — ошибочны. Апулію и Калабрию Греки присвоили себѣ вовсе не при Оттонѣ I. Итакъ, если Русскіе и Варяги сколько-нибудь различаются у Льва Остійскаго, то это можетъ имѣть значеніе лишь для опредѣленія тѣхъ возвращеній и той дѣйствительности, которыя существовали въ концѣ XI вѣка, а не въ началѣ его.

Черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ появленія русской наемной дружины въ Константинополѣ, мы встрѣчаемъ Русскихъ среди византійской арміи въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ только шли военныя дѣйствія. Положимъ, что тотъ родственникъ князя Владиміра, который *содействовалъ* покоренію Византіяцами Хазаріи, не былъ на службѣ Василия II, а былъ отправленъ на помощь изъ Кіева, либо самъ пришелъ изъ какого-нибудь русскаго княжества. За то Русскіе, дѣйствовавшіе подъ греческими знаменами въ южной Италіи и Болгаріи, несомнѣнно входили въ составъ домашнихъ военныхъ силъ императора Византійскаго. Въ 1016 году, въ походѣ на Болгаръ, Василій II въ равнинахъ Пелагопін захватилъ множество плѣнниковъ. Онъ раздѣлилъ добычу на три части и одну часть предоставилъ союзной Руси, другую Грекамъ, а третью взял себѣ: καὶ τριῇ τοῖς ἀλόντας μερίσμενος, καὶ μίαν μὲν μερίδα τοῖς συμμαχοῦσι παρ' αὐτοῦ ῥωσὶς Ῥώσις, ἑτέραν δὲ Ῥωμαῖος, καὶ ἄλλην ἑαυτῷ παρακτασῶν, ἐχούραι προστέρω (Cedren II, 465). Нужно думать, что число Русскихъ, служившихъ въ греческой арміи, было весьма значительно, если они получаютъ цѣлую половину добычи, доставшейся на долю войска. Въ 1019 году французскіе Норманны, явившіеся въ южной Италіи на помощь апулійскимъ инсургентамъ и вышеупомянутому Баріицу Мело, были разбиты греческимъ катапаномъ въ сраженіи при Каннахъ. Помимо классическихъ воспоминаній, пробуждаемыхъ названіемъ мѣста битвы, сраженіе замѣчательно тѣмъ, что здѣсь противъ Норманновъ дѣйствовали Русскіе, и что они-то были главными виновниками побѣды: „Когда императоръ услышалъ, что смѣлые рыцари напали на его землю, онъ противъ Норманновъ отправилъ самыхъ храбрыхъ людей, какихъ только онъ могъ найти“ (L'ystoire de li Normaut, I, 21). „Въ первыхъ трехъ сраженіяхъ Норманны остались побѣдителями, часть CLXXVI, отд. 2.

но въ четвертой битвѣ, гдѣ имъ пришлось бороться съ народами Русскими, они были побѣждены, обращены въ ничто и въ безчисленномъ количествѣ отведены въ Константинополь, гдѣ до конца жизни были истязуемы въ темницахъ. Отсюда вышла пословица „Грекъ на телѣгѣ ловить зайца“ (*Congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt. Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt et ad nihilum redacti et innumeri ducti Constantionopolim* и т. д.—*Ademari historiarum libri III, Pertz. SS. IV, 140. Ср. Leo Ostiens. Pertz. SS VII, 652*). Авторъ извѣстія, писавшій въ южной Франціи, кончилъ свою исторію въ 1028 году, когда, вѣроятно, умеръ; онъ вообще обнаруживаетъ знакомство съ дѣлами Іерусалимскими и Константинопольскими (см. предисловіе *Вайца*). Выраженіе *gens Russorum* напоминаетъ λαὸν Ῥωσικὸν Зонары. Пословица на счетъ Грековъ: *Graecus cum sagitta Ierogem caput*, напоминаетъ галлицкую пословицу: „Воломъ зайца не догонитъ“ (Ср. *Гедеоновъ*, *Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ въ Запискахъ Академіи Наукъ*, II, стр. 165).

Одно византійское извѣстіе, которое относится или къ послѣднимъ годамъ правленія св. Владиміра, или же къ первымъ годамъ правленія Ярослава (1011—1025 гг.), указываетъ на постоянный приливъ русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, такъ что византійское правительство стало уже смотрѣть на нихъ подозрительно и принимать мѣры осторожности. Вромя событія, о которомъ должна идти рѣчь, византійскимъ историкомъ опредѣлено такъ, что оно случилось послѣ того, какъ умерла въ Россіи сестра императора Василия Анна и еще прежде нея мужъ ея Владиміръ. Между тѣмъ, смерть Анны въ первоначальной русской лѣтописи отмѣчена подъ 1011 г., ранѣ смерти Владиміра. Впрочемъ, такъ какъ указаніе на смерть Владиміра повторено два раза, то отъ него и нужно отправляться въ опредѣленіи хронологіи. Съ другой стороны, греческая компилятивная хроника ставитъ сейчасъ приводимый разказъ предъ самою смертію Василия II, которая случилась въ декабрѣ—послѣ событій 1023 и 1025 годовъ, что, по видимому, можетъ служить болѣе надежнымъ путемъ для восстановленія истиннаго года событія. Итакъ: „Когда умерла на Руси сестра императора, а ранѣ ея мужъ ея Владиміръ, то Хрисостиръ, какой-то сородичъ умершаго, привлеки къ себѣ 800 человекъ и посадивъ ихъ па суда, пришелъ въ Константинополь, какъ будто желая вступить въ наемную службу. Но когда императоръ требовалъ, чтобъ онъ сложилъ оружіе и только въ такомъ видѣ представлялся

на свиданіе, то онъ не захотѣлъ этого и ушелъ черезъ Пропонтиду. Прибывъ въ Абидосъ и столкнувшись со стратигомъ оной (Пропонтиды), наблюдающимъ за морскими берегомъ, онъ легко его поборолъ и спустился къ Лемносу. Здѣсь (онъ и его спутники) были обмануты притворными обѣщаніями, данными начальникомъ флота Киварріотомъ и Давидомъ изъ Охриды, стратигомъ Самоса, да Никифоромъ Кавасилой, дукою Солунскимъ, и всѣ были перебиты" (Cedren, II, 478—479: Χρυσόχαρ — — ἀνδράς ὀκτακοσίους προσταγισάμενος — ἦλθεν, ὡς τάχα μισθοφορήσαν τοῦ δὲ βασιλέως καταθεῖναι τὰ ὅπλα χελεύοντος καὶ οὕτω ποιήσασθαι τὴν ἐντυχίαν, μὴ θελήσας διῆλθε τὴν Προποντίδα. — — — Ἐκείσε — — — παραπονεθῆντες ἅπαντες κατεσφάγησαν).—Норманисты придумываютъ какого-то Gullhand'a или Gullmund'a (*Kimik*, *Berufung* II, 170), чтобъ изъ Хрисохира сдѣлать Норманна, перевода обратно на норманнскій греческое, по ихъ мнѣнію, переводное наименованіе. Противники скандинавской теоріи ссылаются на то, что у Норманновъ прозвища безъ имени не употребляются, тогда какъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть и Волчій хвостъ, и Положи шило (*Идеомовъ*, *Отрывки*, т. III, 262), слѣдовательно, возможна была и Золотая рука. Но предъ нами находится прозвище греческое, а не норманское; византійскому писателю не было нужды слѣдовать строго законамъ скандинавской ономастологій. Трудно сказать что-нибудь безспорно убѣдительное по этому вопросу: очень можетъ быть, что въ основѣ греческаго „Хрисохиръ“ лежитъ не переводъ, а искаженіе созвучнаго русскаго имени. Мы можемъ остановиться на слѣдующемъ соображеніи: такъ какъ Хрисохиръ былъ сородичъ Владиміра—συγγενὴς τῷ τοῦ τελευτήσαντος, то онъ, безспорно, былъ такой же Русскій Славянинъ, какъ и князь Владиміръ, и если онъ былъ Варягъ, то во всякомъ случаѣ не Норманнъ. Норманскіе Варяги, дѣйствительно, были въ Кіевѣ въ 1024 году; но Якунъ съ золотою лудою, ихъ предводитель, послѣ сраженія при Лиственѣ, ушелъ не въ Греки, а назадъ къ себѣ за море, то-есть, за Варяжское море. Было бы большимъ произволомъ предполагать, что именно его Варяги пробрались въ Малую Азію.

За то нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что Русскіе, снова дѣйствующіе около этого времени въ южной Италіи, суть тѣ же самые наемные союзники, которые отличались на мѣстѣ, прославленнымъ побѣдою Аннибала надъ Римлянами. Въ 1024 (или въ 1025) году знаменитый Волгаробойца собирався завершить свои подвиги возстановленіемъ греческой власти на Италійскомъ полуостровѣ; одинъ

изъ его вѣрныхъ слугъ, постельничій (хитонітъ, *χιτωνίτης*) Орестъ, отправился впередъ для завоеванія Сициліи, находившейся въ рукахъ невѣрныхъ. Въ одной изъ Барійскихъ лѣтописей описывается составъ войска, приведеннаго Орестомъ въ Италію. Тутъ были на первомъ мѣстѣ *Русскіе*, далѣе загадочные *Вандалы*, можетъ быть, одно и то же съ Гуаланами Льва Остіискаго и тогда всего скорѣе *Аламы*, то-есть, Грузины, давно служившіе въ греческихъ войскахъ ¹⁾, далѣе Турки, Болгары, Волохи, Македоняне и другіе (*Annales Barienses: Pertis*, SS. V, 5, 8. Годъ (1027) поставленъ невѣрно: Hoc anno descendit ispo chitoniti in Italiani cum exercitu magno, id est *Russorum*, *Guandalorum*, *Turcorum*, *Bulgarorum*, *Vlachorum*, *Macedonum* aliorumque, ut caperet Siciliam. (Ср. относительно года Cedren. II, 479 и Chronic. Anonym. Barenens.: *Murator*. V, 149.

Приведенныя свидѣтельства достаточно убѣждаютъ насъ въ важности, многочисленности и прочномъ, постоянномъ существованіи русскаго элемента въ войскахъ Византійскаго императора. Едва ли кто рѣшится думать, что и въ Болгаріи, и въ южной Италіи все дѣйствуетъ Русь норманская, а не славянская. Византійцы твердятъ о Русахъ, Русскихъ, а что значить страна и народъ Русъ на ихъ языкѣ? Это страна, гдѣ царствуетъ князь Владиміръ, и гдѣ умираетъ греческая царица Анна. Это — *народъ*, находящійся подъ властію затаеннаго и славнаго Болгаробойцы; это народъ, котораго князья именуются Ярославомъ, Ростиславомъ, Звениславомъ (Cedren, II, 515: Οἱ τῶν Ῥώσ ἀρχόντες Νοσσεβλάρος καὶ Γεροβλάρος καὶ — Σινεβλάρος). Это, наконецъ, народъ, котораго архиерейство именовалось митрополитомъ *Руси*, нерѣдко бывавъ въ Константинополѣ и участвовавъ своими вкладами въ византійской церковной литературѣ

¹⁾ Грузины участвовали въ походахъ въ южную Италію. См. Attaliota, p. 9. *οὐμπαγοὶ καὶ τῆς ἰσπολιταίας ἡμῶν σωματεύοντες, ὧς καὶ αὐτῆς τῆς θρησκείας Ἀλβανοί*. Ср. Zonar. II, 101. *Ἀλβανούς, οὓς Ἀλβανούς Προχόπιος γράφει*. Изъ Алаповъ тамъ легче могли сдѣлаться Гуаланами, что и въ греческомъ средневѣковомъ языкѣ говорилось вмѣсто браѣ — γουίναѣ, вмѣсто ἁλὲν — Γουαλὲν. Впрочемъ, мы не имѣемъ ничего противъ всякаго другаго объясненія: можно подъ Вандалами разумѣть жителей сѣверной части Ютландскаго полуострова (Wendile); можно разумѣть и славянскихъ Вендовъ, какъ это принимаетъ г. Геденовъ. Къ несчастью, всего этого мѣста нѣтъ у анонима Барійскаго, напечатаннаго у Муратори и представляющаго болѣе древнюю и несравненно лучшую редакцію Барійскихъ лѣтописей. О Русскихъ мы все-таки не можемъ сочиняться, потому что ужъ Адамаръ засвидѣтельствовалъ ихъ подвиги въ южной Италіи, а Венды или Вандалы остаются еще вопросомъ.

(например, Леонтій). Имя Руси, Русскихъ не было, притомъ, для Византійцевъ однимъ изъ тѣхъ унаслѣдованныхъ отъ классической древности терминовъ, которые были обязательны для порядочнаго писателя, и которые, не смотря на свое первоначальное этнографическое значеніе, продолжали въ теченіе вѣковъ прикладываться къ извѣстной странѣ, не смотря на многократную смѣну населенія. Оно означало больше народъ, чѣмъ страну, а теперь въ XI вѣкѣ—народъ очень хорошо извѣстный. Не тотъ, кто пришелъ съ сѣвера, изъ страны, называемой Русью, былъ Русскій, а тотъ, кто принадлежалъ къ этому извѣстному народу и говорилъ извѣстнымъ языкомъ. Но положимъ, что Византійцы имѣли какія-нибудь причины называть въ XI вѣкѣ Скандинавовъ Русскими. Остается все-таки вопросъ, почему современный армянскій свидѣтель говорить, что 6.000 Русскихъ — народъ Рузовъ, крестившійся въ 988 году. Остается вопросъ, почему Адемаръ, описывающій современныя ему событія—на основаніи извѣстій, полученныхъ, вѣроятно, отъ самыхъ участниковъ въ южно-италіанскихъ битвахъ,—употребляетъ выраженіе „gens Russorum“, племя или народъ Русскій. Развѣ онъ могъ не знать настоящаго имени Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ во времена Канута и святаго Олафа?

Мы предоставляемъ норманистамъ доказывать, что въ 988 году въ Кіевѣ крестилась Русь скандинавская, а не славянская, и что эта Русь въ XI столѣтіи была большой народъ, хорошо извѣстный и на Западѣ, и на Востокѣ, но послѣ какъ-то затерявшійся. Намъ можно упрекнуть въ томъ, что мы ставимъ вопросы тамъ, гдѣ нѣтъ никакого вопроса. Скажутъ, что въ настоящее время никто не думаетъ утверждать, будто въ XI вѣкѣ подъ Русью и Русскими разумѣлись скандинавскіе Норманны, и что опровергать такое мнѣніе значить воевать съ призраками.

Но если Русскіе, Русь, Рѣс, Тавроскиены въ XI вѣкѣ суть православные славянскіе люди, то и Варанги XI вѣка были такіе же православные славянскіе люди, другими словами: варяжская дружина въ Византіи состояла первоначально изъ Русскихъ; названіе Варанговъ прежде всего принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовалъ съ 988 года; если скандинавскіе Норманны также входили въ составъ этого корпуса, то они вступали въ готовую уже организацію и составляли здѣсь незамѣтное меньшинство, такъ что византійскіе источники могли совершенно умолчать о нихъ и называть варяжскую дружину по преобладающему національному составу русскою или тавроскиенскою.

IV.

Византійскіе Варанги 1034 года.

Въ 1034 году въ Малой Азіи, во Фракісійскомъ округѣ (темѣ), обнимавшемъ часть Фригіи, Карію и Лидію, зимовали Варанги. Византійскій писатель, который сообщаетъ этотъ фактъ, не нашелъ необходимымъ объяснить намъ, откуда явились эти военные люди, и какой они были національности, хотя именно здѣсь, при первомъ упоминаніи о Варангахъ, слѣдовало бы это сдѣлать. Само собою разумѣется, что не внезапно явились эти Варанги, что они уже прежде были въ византійской арміи. Мы сами должны поискать, какіе именно войска и какой національности могли зимовать въ 1034 году въ Малой Азіи. Если мы будемъ читать византійскаго автора, у котораго встрѣчается первый поминъ о варяжскомъ корпусѣ, въ связи и со вниманіемъ, — чего, кажется, до сихъ поръ никто не догадался сдѣлать, — то обнаружится, что ему и не нужно было объяснять, кого слѣдуетъ разумѣть подъ Варангами, — такъ это было ясно изъ общаго хода разказа.

Легко догадаться, что мы будемъ искать въ Малой Азіи Русскихъ, то-есть, слѣдить за переходами того большаго русскаго корпуса, о которомъ шла рѣчь въ предшествующей главѣ, и доказывать, что въ 1034 году онъ весь или часть его могли стоять на зимнихъ квартирахъ въ Малой Азіи. Мы не скрываемъ своего намѣренія: весь вопросъ въ томъ, въ какой степени предположены будутъ наши соображенія. Но для нихъ мы должны обратиться нѣсколько назадъ.

Въ 1021 году императоръ Василій II снова былъ въ Арменіи. Причиной его появленія здѣсь были непріязненные дѣйствія Багратида Георгія (Гургена) I, царя Абхазіи и Картліи (Карталиніи), нарушившаго византійскіе интересы захватомъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей. Василій II явился на границахъ Арменіи и Грузіи — со *всеми войсками Греціи и значительнымъ числомъ иностранцевъ* ¹⁾. Большое сраженіе при Уктикѣ (Ough'thik, на сѣверо-западѣ Великой Арменіи), осталось нерѣшительнымъ. Василій II отступилъ къ Требизонду и зимовалъ съ своими войсками въ Халдіи. Между тѣмъ обнаружались связи Георгія I съ внутренними, домашними врагами Ва-

¹⁾ L'empereur Basile se mit en campagne avec toutes les troupes de la Grèce et avec un nombre considerable d'étrangers. *Brosset, Histoire de Georgie, traduite du Géorgien I, 306.*

силія, именно съ Никифоромъ, сыномъ того Варды Фоки, который прежде нашелъ себѣ большое сочувствіе въ Грузинахъ. Но эта опасность скоро миновала: Фока былъ измѣннически убитъ своимъ главнымъ пособникомъ, а этотъ послѣдній былъ выданъ Волгаробойцѣ приверженцами Фоки, искавшими мести. Послѣ разныхъ, ни къ чему не приведшихъ, переговоровъ съ Вагратидомъ во время зимы, императоръ снова двинулся противъ властителя Абхазіи и Картліи. Грузины вели переговоры о мирѣ, а готовились къ войнѣ, желая усмирить Грековъ и напасть на нихъ въ расплохъ. Этотъ расчетъ не удался. Грузинскій передовой отрядъ, вѣроломно напавшій на византійскую армію, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. „Когда *русскіе полки императора* сдѣлали натискъ, то успѣло спастись только небольшое число изъ пришедшихъ первыми, потому что еще ни царь, ни кто бы то ни было изъ главнаго корпуса грузинской арміи не подоспѣли. Въ этотъ день погибли также и тѣ, которые противились заключенію мира. *Всѣ* были обращены въ бѣгство, большое число пало подъ мечемъ, нѣкоторые попались въ плѣнъ, другіе убѣжали. Греки получили громадную добычу и овладѣли всѣми тѣми, что было у Грузинъ изъ царскихъ сокровищъ“ ¹⁾. Такъ разказываетъ грузинскій источникъ. Аристакесъ Ластивертскій, армянскій историкъ, равнымъ образомъ говоритъ объ этой битвѣ, не упоминая, впрочемъ, о Русскихъ, но только отмѣчая „безчисленное множество“ Грузинъ или Абхазовъ, убитыхъ при началѣ сраженія. Самая битва произошла 11-го сентября 1022 года при Шегфѣ (Schëgh'pha), по армянскому историкъ, то-есть, неподалеку отъ Эрзерума ²⁾. Василій преслѣдовалъ Георгія въ самую внутреннюю Грузію и принудилъ его къ миру, покорности и выдачѣ въ заложники собственнаго сына.

Итакъ, вотъ первый несомнѣнный примѣръ того, что Русскіе зигнуютъ въ Азію, даже около Трапезунта, и одинъ изъ нѣсколькихъ случаевъ, когда они рѣшаютъ судьбу битвы въ пользу Византійскаго императора.

Ничтожный и безпечный братъ Василія II, Константинъ VIII, въ продолженіе своего царствованія (1025—1028 гг.) больше былъ озабоченъ ипподромомъ и театромъ, чѣмъ защитой границъ имперіи

¹⁾ *Les bataillons russes de l'empereur ayant chargé, il n'échappa qu'un petit nombre des premiers venus* и т. д. Brosset, Histoire de Géorgie I, 309.

²⁾ Histoire d'Arménie par A. Lasdverd, traduite par Prud'homme, p. 34 и сл. Ср. Cedren II, 478.

противъ ея враговъ, между которыми самыми опасными были Сарацины. Но за то первымъ дѣломъ императора Романа III (1028 — 1034 гг.) былъ большой походъ именно противъ Сарацинъ, владѣвшихъ Сиріей. Пселлъ (стр. 33), разказывая о приготовленіяхъ Романа къ безразсудному и ничѣмъ не вызванному, въ его глазахъ, предпріятію, съ нѣкоторою ироніей описываетъ составъ арміи, собранной для похода. Императоръ „собиралъ и устраивалъ всѣхъ войско, увеличивалъ число полковъ и выдумывалъ новые, *стѣсняя наемныя силы* и набиралъ новое множество, какъ будто наивѣреаясь съ перваго натиска захватить варвара. Онъ думалъ, что если онъ соберетъ число войска болѣе надлежащаго, и особенно если внесетъ разнообразіе въ греческій строй, то уже никто не выдержитъ, когда онъ нагрянетъ съ такою громадою своихъ и союзниковъ“ (Σανικὰς οὐχρὸτὼν δυνάμεις — — — τοσοῦτ' ἐπὶ τὼν κλήθεαι ἰδίῳ τε καὶ συμμαχικῷ). Мы видѣли и еще нѣсколько разъ увидимъ, что главные наемники и союзники Византійскаго императора въ исторіи Пселла суть Тавроскменъ, то-есть, Русскіе¹⁾.

Походъ Романа Аргири кончился самымъ бѣдственнымъ образомъ. Въ сраженіи около Халепы (Βερρίν, Βάρρονα), — присутствіе славянскаго элемента въ этомъ сраженіи замѣчено нѣстными лѣтописцами²⁾, — императоръ былъ разбитъ на голову и едва успѣлъ спастись въ Антиохію, благодаря мужеству иностранной дружины, его окружавшей (августъ 1030 г.) (Ἐχθόρως ἀγωνισαμένων τῶν βασιλικῶν ἐταίρων καὶ διασωσάντων — τὸν βασιλέα. Cedren II, 493).

Начальникъ этой иностранной дружины царскихъ тѣлохранителей или великій этеріархъ (μέγας ἐταρειάρχης), по имени Θεοκτίστης, вскорѣ былъ опять отправленъ въ Сирію съ значительными силами греческими, а также *иностранными* (Cedren. II, 495: μετὰ δυνάμεος ἄλλας Ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν). Последнее выраженіе (ἐθνικός) означаетъ совершенно то же самое, что у Пселла было названо союзнымъ отрядомъ (συμμαχικόν). Оно вполне объясняется однимъ мѣстомъ въ

¹⁾ Чтобы не было никакихъ сомнѣній, мы здѣсь же, отступая отъ принятаго порядка, приводимъ слова Пселла, относящіеся ко времени Михаила V (1041—1042 гг.): δυν ξανικόν τε καὶ συμμαχικόν εἰσθαι: παρὰ τρέφειν οἱ βασιλεῖς, λίγην δὲ τοὺς παρὶ τὸν Ταύρον Σκύθας — — — то-есть: Немецкими и союзными, которыхъ принимали держать при себѣ (кормить) императоры; и ралуйю *Тавроски-оос*. Pselli, *Historia Byzantina*, pag. 91.

²⁾ Abulpharagii sive Bar-Hebraei chronicon Syriacum (ed. Briggs et Kirsch, Leipzig, 1789), II, говоритъ о Славянахъ, начальствовавшихъ въ арміи.

исторіи Пселла, которое мы и приводимъ для избѣжанія длинныхъ разсужденій: Σοφισαὶ καὶ δυνάμεις, ὁποῖαι παρὰ τῶν ἐθνῶν (==εθνικός) αὐτοῖς παραγέγοντο, Ἰταλοὶ τε καὶ Ταυροσκόθαι; то-есть, союзныя силы, которыя пришли къ Грекамъ отъ языковъ (народовъ), Италіанцы и *Тауроскии*. См. *Historia Byzant.*, p. 222.

Все это заставляеть насъ предполагать, что тотъ военный корпусъ, съ которымъ императоръ Василій II совершилъ два раза свои походы въ Арменію и Грузію, продолжалъ оставаться въ Малой Азіи и въ 1031 году. Очень вѣроятно, что въ 1025 году въ Италію была отправлена только незначительная часть Русскихъ, — или же, когда планы Василія на Сицилію и Италію были покинуты, и византійское правительство отказалось отъ всякихъ энергическихъ дѣйствій на западѣ, то отправленныя туда силы были вызваны обратно.

Къ концу 1031 года Греки овладѣли Эдессой, городомъ при Евфратѣ, который былъ прославленъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя. Правитель греческой при-Евфратской области, Георгій Маніанъ (его мѣстопребываніе былъ городъ Самосата), призванный однимъ изъ мѣстныхъ эмировъ, вошелъ въ Эдесскую крѣпость съ небольшимъ отрядомъ въ 400 человѣкъ. Въ этомъ числѣ былъ какой-то слуга, приближенный Маніана, по имени *Рузаръ* (Rouzar'n), отправленный посломъ къ эмиру Харранскому (Harran, Samrae, на югъ отъ Эдессы). Рузаръ, имя котораго сильно говоритъ за его принадлежность къ Рузамъ, былъ вооруженъ совершенно такъ, какъ были вооружены Русскіе, сражавшіеся при Святославѣ противъ Грековъ, какъ послѣ всегда является вооруженною варяжская дружина: именно, онъ былъ вооруженъ *топоромъ* или *сѣкирою* (Un serviteur de Maniacès, nommé *Rouzar'n*, lequel était venu à lui (то-есть, эмиру Харрана), en qualité de messenger — — — d'un *coup de sa hache d'armes* — l'atteignit à l'épaule (Chronique de Matthieu d'Edesse, trad. par E. Dulaurier, pag. 49).

Въ 1033 году Романъ Аспиръ еще разъ отправилъ въ Сирію главнаго начальника своихъ иностранныхъ легионовъ, великаго этеріарха Θεοκτίστα, и опять съ громадною силою (Cedren II, 502). Дѣло шло теперь о завладѣніи Тринолисомъ, эмиръ котораго, тѣснимый Египетскимъ султаномъ, передался на сторону Грековъ. Въ то же самое время Сарацинъ Алимъ, въ рукахъ котораго находилась важная, по своему положенію, крѣпость Пергри (теперь Варгир) на

самой армянской грапинѣ¹⁾, добровольно сдать ее Хрисилію, Болгарину, занимавшему высокое мѣсто при Константинопольскомъ дворѣ. Алимъ желалъ, чтобы сынъ его, въ награду за расположеніе отца, былъ возведенъ въ санъ патриція. Но въ Константинополѣ приняли юнаго Сарацина довольно холодно; возвратившись съ негодованіемъ на родину, онъ уговорилъ своего отца отнять у Грековъ обратно уступленную имъ крѣпость. Алимъ, при помощи сосѣднихъ сарацинскихъ эмировъ, дѣйствительно привелъ въ исполненіе желаніе и совѣтъ своего сына; при неожиданномъ паденіи его на крѣпость было убито 600 человекъ. Виновенъ былъ въ потерѣ крѣпости и людей прежде всего безсметный Волгаринъ, въ ней начальствовавшій. Въмѣсто него былъ отправленъ патрицій Никита Пигонітъ, которому пришлось брать Персери уже трудною и продолжительною осадой.

Какія же силы привелъ съ собою патрицій Никита и кто были осаждающіе?

У Кедрина (II, 503) прямо сказано, что *то были Русскіе* и прочая греческая сила. Такимъ образомъ, Русскіе стоятъ на первомъ планѣ: Ἀλλὰ μετὰ μικρὸν ὁ πατρίκιος Νικήτας ὁ Πηγωνίτης ἀρχεὶν ἔχειας πεμφθεὶς καὶ ἐπιτόνω χρησάμενος πολιορκίᾳ μετὰ Ῥώσ καὶ ἄλλης Ῥωμαϊκῆς δυνάμεως, τότε φρούριον κατὰ κράτος εἰλε πολιορκίᾳ καὶ τὸν Ἀλεῖμ σὺν τῷ υἱῷ ἀπέκτεινε.

Это прямое упоминаніе о Русскихъ подкрѣпляетъ всѣ косвенныя указанія на ихъ присутствіе въ Азіи около 1031—1033 годовъ, приведенныя нами выше. Взятіе крѣпости Пергрии Русскими должно относиться къ осени 1033 года. Непосредственно затѣмъ Кедринъ обращается отъ провинціальныя азіатскія происшествія въ западнымъ — столичнымъ и дворцовымъ; изъ ряда его хронологическихъ отмѣтокъ совершенно ясно, что онъ прервалъ свой разказъ ради важныя событія въ Константинополѣ: разумѣются болѣзнь и потомъ смерть Романа III (12-го апрѣля 1034 года). Доведа этотъ главный

¹⁾ Cedren. II, 502: το φρούριον το λεγόμενον Περχρίν ἔγγιστα Βαβυλῶνος διακρίμενον. Подъ Вавилономъ собственно долженъ разумѣться Багдадъ, но не возможно предположить, чтобы Греки зашли такъ далеко: можетъ быть, Кедринъ имѣлъ здѣсь въ виду Мосулъ. Мы думаемъ, что Перхрі та же самая крѣпость, о которой говорится чрезъ нѣсколько лѣтъ (1036) у Маттіа Эдесскаго, и которая у него именуется Пергрия, Pergri (стр. 60). По объясненію Дюдорье, это теперешній Баркири (Barkiry) въ западныхъ Ванъ, на сѣверо-востокъ отъ озера Ванъ (иринич. къ главѣ 49, стр. 396).

отдѣлъ до необходимой и естественной грани, до смерти императора, Кедригъ снова обращается къ оставленнымъ на время въ сторонѣ дѣламъ восточнымъ. Такимъ образомъ, первая отиѣтка, относящаяся къ Азіи, будетъ непосредственно примыкать къ исторіи взятія Пергри Русскими.

Какая-жь это будетъ отиѣтка?

„Въ это время случилось и другое событіе, достойное памяти. Одинъ изъ Варанговъ, разсѣянныхъ въ темѣ Фракісійской для зимовки, встрѣтивъ въ пустынномъ мѣстѣ туземную женщину, сдѣлалъ покушеніе на ея цѣломудріе. Не успѣвъ склонить ея убѣжденіемъ, онъ прибѣгъ къ насилию; но женщина, выхвативъ (изъ пояса) мечъ этого человѣка, поразила варвара въ сердце и убила его на мѣстѣ. Когда ея поступокъ сдѣлался извѣстнымъ въ окружности, Варанги, собравшись вмѣстѣ, воздали честь (буквально уважали) этой женщинѣ, отдавъ ей и все имущество насильника, а его бросили безъ погребенія, согласно съ закономъ о самоубійцахъ“ (Cedren. II, 508—509); Τῶν εἰς παραξενασίαν ἐν τῇ θέματι τῶν Φρακτικῶν διασκορμίσαντων Βαράγγων — — βίαν ἤδη ἐπύρεν, ἣ δὲ τὸν ἀκινάκην σπασαμένη τάνδρος — — ἀναρταί. Τοῦ δὲ ἔργου διαδοθέντος ἐν τῇ περικύρῳ συναθροισθέντες οἱ Βαράγγοι τὴν — γυναῖκα στεφανώουσι т. д.).

Въ этомъ разказѣ мы должны отиѣтить прежде всего ту черту, что Варанги, зимующіе въ округѣ Фракісійскомъ, являются здѣсь, очевидно, обыкновенными военными людьми, а не царскою дружиною, не императорскими тѣлохранителями (лейбъ-гвардіей). Согласно съ этимъ, но крайней мѣрѣ, тотъ Варигъ, который былъ первымъ виновникомъ появленія имени на страницахъ исторіи, не имѣетъ, *по видимому*, характеристическаго вооруженія придворныхъ императорскихъ Варяговъ—топора или сѣкиры, хотя, конечно, мечъ (ἀκινάκη) нисколько не мѣшало носить и сѣкиру¹⁾. Если бы то были императорскіе тѣлохранители, то они были бы въ Цареградѣ, а не въ Малой Азіи, и не были бы разсѣяны на зимовьяхъ. Но если здѣсь Варанги еще не суть дружина тѣлохранителей, то и вообще Варанги не были исключительно такою дружиною. Приничное представление Варанговъ исключительно въ видѣ императорской лейбъ-

¹⁾ Но Муральтъ ошибается, перевода ἀκινάκη военнымъ топоромъ; этого не значитъ самое слово, да и подробности разказа не позволяютъ предполагать, что рѣчь идетъ о топорѣ.

гвардіи совершенно ложно. Это есть одно изъ многихъ недоразумѣній, скопившихся около варяжскаго вопроса. На самомъ дѣлѣ Варанги прежде всего суть наемники или союзники, или другими словами: союзный наемный корпусъ, *συνμαχικόν* или *ἑνικόν*, и потому уже избранный (изъ среды такого корпуса) отрядъ тѣлохранителей, приближенная дружина императорская. Это съ совершенною ясностію обнаруживается, напримѣръ, въ разказѣ Іоанна Θρακισίѣскаго о возмущеніи Варанговъ въ царствованіе Никифора Вотаниата (Scylitz., p. 737). Здѣсь являются: а) дворцовые Варанги и б) соплеменные имъ „внѣшніе Варанги“. У Иселла (*Historia Byzant.* ed. *Sathas*, p. 153) перваго рода Варанги обозначаются слѣдующаго рода перифразомъ: „та часть наемническая, которая обыкновенно принимаетъ участіе въ царскихъ выходахъ“; она противопоставляется союзному корпусу, именно какъ часть цѣлому (Ὅτε συνμαχικόν αὐτοῦ ποὺ συνέλκετο, εἰ μὴ τις μερὶς ἑνικῇ, ὁπότῃ τις εἰσθελὲν ἀφ' ἐπεσθαι ταῖς βασιλικαῖς πομπαῖς). Да иначе нельзя и представлять себѣ эти отношенія, когда мы знаемъ, что Варанги считались не сотнями, а тысячами. Итакъ, нужно думать, что подѣ Варангами 1034 года 'разумѣется просто союзный наемный корпусъ, который не задолго предъ тѣмъ дѣйствовалъ въ Азіи. А мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что этотъ корпусъ состоялъ главнымъ образомъ изъ Русскихъ.

Находить въ вышеприведенномъ разказѣ какіе-либо внутренніе признаки, характеризующіе ту или другую народность, мы считаемъ не только совершенно излишнимъ, но и весьма рискованнымъ дѣломъ. Лучшій изъ современныхъ византинистовъ (недавнюю смерть котораго нужно считать величайшею потерей для современной византийской науки), Голфъ, сдѣлалъ несомнѣнную ошибку, вздумавъ отыскивать въ поведеніи Варанговъ указаніе на высокую нравственность Германскаго племени: „Что ядро варяжской лейбъ-гвардіи было германское“, говоритъ онъ, — „это не подлежитъ сомнѣнію; даже нравы Варяговъ указываютъ на это“. За германскимъ уваженіемъ къ женской чести является на сцену и *Deutsche Treue*: „Германцы своею вѣрностію (*ob ihrer Treue*) были тогда столько же знамениты, какъ послѣ Швейцарцы; они были лучшею, даже единственною опорою колеблющейся имперіи Ромейской (*Geschichte der Griechenland im Mittelalter* въ Энциклопедіи *Эриа* и *Грубера*, т. 85, стр. 149). Маленькое, но совершенно излишнее патріотическое увлеченіе. Что касается до гуманной вѣрности, то византийская исторія никакъ не можетъ служить ея доказательствомъ. Напротивъ того, по мнѣнію Византийцевъ

XI вѣка, предателей всего скорѣе можно было найти именно среди Нѣмцевъ, которые также были на службѣ византійской, но отличались отъ Варяговъ, между прочимъ, своею продажностію (См. Anna Comn. I, 120 и здѣсь, и ниже). Факты подтверждали это воззрѣніе.

Разказъ о такомъ частномъ и въ сущности маловажномъ событіи, какъ убійство одного Варяга женщиною, могъ попасть въ общую исторію Кедрина только изъ какихъ-либо мѣстныхъ источниковъ. Дѣйствительно, около этого времени мы находимъ въ сочиненіи этого Византійца XII вѣка цѣлый рядъ замѣтокъ, относящихся къ Фракісійской темѣ и особенную подробность относительно дѣлъ восточныхъ. Въ 1029 году во Фракісійской темѣ былъ слышанъ въ горахъ около одного источника какой-то жалобный плачущій голосъ (II, 489). Въ томъ же самомъ 1034 году отмѣчено появленіе саранчи во Фракісійскомъ округѣ; подъ 1035 говорится о нападеніи на него Сарацинъ съ моря и о новомъ появленіи саранчи и т. д. Прежде всего, естественно припомнить отношеніе исторіи Кедрина къ произведенію Іоанна Фракісійскаго или Скилицы. Всѣ эти частныя, мѣстныя замѣтки принадлежать собственно этому послѣднему; они случились на его родицѣ. Но едва-ли на этомъ мы можемъ остановиться. Іоаннъ Скилица Фракісійскій жилъ въ самомъ концѣ XI столѣтія; слѣдовательно, замѣтки о двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ столѣтія, носящія вполнѣ характеръ современности съ самими событіями, не могли принадлежать ему, какъ первому автору. Въ византійской исторіографіи вообще, и въ частности въ исторіографіи XI вѣка, многое остается темнымъ и загадочнымъ. Изданіе исторіи Михаила Пселла, правда, разъяснило кое-что и въ этомъ отношеніи. Еще болѣе будетъ пролито свѣта полнымъ изданіемъ подлинной исторіи Іоанна Фракісійскаго, что ужъ обѣщано тѣмъ же неутомимымъ работникомъ по исторіи средневѣковой Греціи, которому мы обязаны исторіей Михаила Пселла. Но кромѣ этихъ двухъ писателей и третьяго—Атталіоты, въ XI вѣкѣ былъ еще одинъ историкъ, Іоаннъ, митрополитъ Евхантскій. Его епархія лежала въ предѣлахъ Византійскаго армянскаго округа (пресвятаго Геленопонта), не на столько далеко отъ Фригіи, чтобы не могли доходить до него мѣстныя событія послѣдней; самъ онъ былъ старшимъ современникомъ и учителемъ Пселла, современникомъ Константина Мономаха и нашествія Руси на Царьградъ (1043 г.). Къ несчастію, о его хроникѣ мы знаемъ только одно то, что она существовала; знаемъ это изъ одного небольшого стихотворенія, сочиненнаго митрополитомъ Евхант-

скимъ на свое историческое произведение. Какъ бы то ни было, почти несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что имя Варанговъ впервые внесено было въ греческую письменность какимъ-либо мѣстнымъ мало-азіатскимъ писателемъ-гѣтописцемъ. Важно это въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, здѣсь находится путь къ объясненію самаго происхожденія византійскаго названія Варанговъ. Уже давно, хотя на довольно шаткихъ основаніяхъ было высказано предположеніе, что происхожденіе этого слова народное, то-есть, простонародное. Нужно, слѣдовательно, знать особенности мало-азіатскихъ нарѣчій средневѣковой Греціи, чтобы безошибочно рѣшать вопросъ. Мы лично не обладаемъ нужными для того свѣдѣніями; да и самыя, теперь довольно многочисленныя, изданія народныхъ греческихъ пѣсень Трапезундской, Понтійской и прочихъ областей совсѣмъ почти не доходятъ до Петербурга. Только по цитатамъ у Саеи, помѣщеннымъ въ предисловіи къ II-му тому Средневѣковой Библіотеки, узнаемъ мы, что въ народныхъ пѣсняхъ при-понтійскихъ Грековъ, носящихъ на себѣ слѣды глубокой древности и даже именно XI столѣтія (упоминаніе объ Узахъ), воспѣваются наряду съ греческими паликарами также и *Фарани*, которыхъ Сафа прямо принимаетъ за Варанговъ. Спеною геройскихъ подвиговъ служатъ ущелья и клисуры Тавра (Девы, Δέβα), то-есть, сосѣдній съ Фракіеіей Кивиррхотскій округъ—тотъ самый округъ, куда, между прочимъ, стремились Хрисохиръ со своими удалцами, и далѣе пограничныя области Писидіи, Ликаоніи и Киликіи, за которыми начиналась сарацинская граница XI вѣка, спорный рубежъ между двумя мірами, по направленію къ Евфрату, Эдессѣ и Самосатѣ. Мы не споримъ противъ того, что Форанги могутъ быть прямо считаемы за Варанговъ; точно также не отвергаемъ тождества съ Варангами и тѣхъ *Маранювъ*, имя которыхъ подслушала еще Пуквилль (Pouqueville) въ собственной Греціи; этимъ именемъ, говорятъ, и теперь дѣти преслѣдуютъ и дразнятъ иностранцевъ:

Φράγγο, Μαραύγο
Πίτσι χαχαράύγο!

Мы думаемъ однако, что напрасно было бы находить здѣсь подтвержденіе западнаго происхожденія Варанговъ. Трудно согласиться даже съ тѣмъ, чтобы φράγγοι были народною передѣлкой слова φράγγοι. Тогда нужно будетъ принять, что имя Варанговъ образовалось въ Греціи совершенно независимо отъ русскаго „Варяги“ и перешло не

изъ Руси въ Византію, а на оборотъ, и что наша первоначальная лѣтопись современную ей терминологию XI и XII вѣковъ перенесла неправильнымъ образомъ въ предыдущія столѣтія. Легко высказать такое предположеніе, но чтобы доказать его строго научнымъ образомъ, нужны именно строго научныя доказательства и точныя изслѣдованія. Согласимся, впрочемъ, на время съ тѣмъ, что Франки и Варанги этимологически одно и то же. Такъ думалъ даже Гюлфъ, а у насъ независимо отъ него Д. И. Иловайскій. Останется еще вопросъ, кого въ Малой Азіи, гдѣ впервые появилось имя Варанговъ или Фаранговъ, называли Франками, кого могли называть и кого не могли называть. Народъ могъ такъ называть и Русскихъ, могъ называть такъ всѣхъ иностранцевъ. Пѣсни, о которыхъ мы говорили, называютъ же не только Фаранговъ, но и Узовъ Эллинами — въ какомъ смыслѣ? теперь для насъ все одно. Пока гораздо проще предполагать, что сами Русскіе, служившіе въ Византіи, называли себя Варагами, принеся съ собою этотъ терминъ изъ Кіева, и что такъ стали называть ихъ тѣ Греки, которые прежде всего и особенно близко съ ними познакомились. Маранги представляютъ только другой выговоръ слова Варанги; а Фаранги могло быть или точно также діалектическимъ отличіемъ, или народнымъ искаженіемъ подъ вліяніемъ созвучнаго Φράγγος.

Для нашей темы останется, во всякомъ случаѣ, тотъ не лишенный значенія выводъ, что названіе Варанговъ появилось тамъ, гдѣ русскій союзный корпусъ прославилъ себя въ походахъ Василия II Болгаробойцы, гдѣ онъ провелъ не одну зиму на постоѣ, гдѣ онъ, по видимому, стоялъ обыкновенно и постоянно, гдѣ онъ ясно и прямо указанъ именно около зимы 1034 года. Очень можетъ быть, что въ томъ первоначальномъ источникѣ, изъ котораго разказъ о женщинѣ, убившей Варага, попалъ въ компицію Кедрина, зимовка Варанговъ въ Тракисійскомъ округѣ и эпизодъ, ознаменовавшій оную, стояла непосредственно за извѣстіемъ о азіатіи Русскими крѣпости Баркири или Пергри на армянской границѣ. Могло быть нѣчто въ такомъ родѣ: „Греческими и русскими силами Никита Нигонитъ взялъ крѣпость. Когда же Вараги стали на зимнихъ квартирахъ, случилось слѣдующее достопамятное событіе“.

Богѣ рѣшительныя доказательства тождества Вараговъ и русскихъ союзниковъ или наемниковъ въ Византіи слѣдуютъ далѣе. Но прежде мы должны обратиться снова въ южной Италіи, гдѣ встрѣ-

титъ насъ Гаральдъ и Норманны-Скандинавы, то-есть, по общепринятому мнѣнію, истые, несомнѣнные Варяги. Пока мы можемъ сказать о нихъ только то: пусть они будутъ истинные и настоящіе Варяги, но это нисколько не мѣшало быть подлинными Варягами и другимъ.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЗНАКИ ¹⁾.

III.

Юридическими знаками другихъ народовъ можно пользоваться для объясненія аналогическихъ явленій нашего быта.—Пятна и знамена, какъ корень печатей, гербовъ, межевыхъ знаковъ, заемныхъ, кучиныхъ и счетныхъ бирокъ, торговыхъ клеймъ, тавръ, денежныхъ и письменныхъ знаковъ.

Доказавъ, на основаніи древнихъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ и юридическихъ актовъ, самобытное происхожденіе нашихъ знаковъ собственности, мы должны убѣдиться и въ томъ, что знаки собственности для однихъ и тѣхъ же цѣлей употреблялись различными народами, часто ничего не имѣвшими между собою общаго, кромѣ одинаково низкаго состоянія культуры. Приведа нѣсколько примѣровъ одинаковаго употребленія этихъ знаковъ у племенъ различныхъ странъ, мы будемъ уже имѣть прямое основаніе, при дальнѣйшемъ изложеніи, прибѣгать для своихъ заключеній къ помощи аналогій. Мы видѣли, что въ Архангельской губерніи крестьяне употребляютъ знаки собственности вмѣсто подписей. То же обыкновеніе существуетъ у Лопарей, Корель, Самоѣдовъ, Зыринъ и у всѣхъ другихъ финско-татарскихъ племенъ. Объ этихъ знакахъ упоминается и въ Уложеніи Алексѣя Михайловича: „а у кизей и у мурзъ и у Татаръ, которые татарской грамотѣ умѣютъ, обыски имати за руками же; а которые грамотѣ не умѣютъ и у тѣхъ и у ясачныхъ людей имати обыски за ихъ знамяны“ (гл. X, ст. 161).

Въ Архангельской губерніи знаками собственности отмѣчается различная посуда; у стакановъ клейма кладутъ на ихъ днѣ. То же самое можно встрѣтить на Кавказѣ. Такъ племя Джигетовъ кладетъ

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Народ. Просв., октябрь 1874 года.

свой родовой знакъ на кувшины ¹⁾. Даже на днахъ древнихъ жертвенныхъ кувшиновъ и горшковъ, находимыхъ въ могилахъ, приписанныхъ Славянамъ, встрѣчаются такіе же знаки ²⁾.

Карпатскіе Гуцулы означаютъ свое оружіе, топорыки, особыми значками. У Черногогорцевъ также имѣются знаки на оружіи ³⁾.

Въ Малороссіи, въ Сосницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, бортовые знаки на деревняхъ и теперь существуютъ ⁴⁾.

Пермяки, живущіе въ Пермской губерніи, тоже накладываютъ знаки на борты и на ульи ⁵⁾. Въ старину же накладывали, вѣроятно, и теперь накладываютъ, знаки на борты Татары, Мордва и Черемисы ⁶⁾. Въ одномъ интересномъ актѣ 1686 года о продажѣ четырьмя темниковскими Татарами мурзѣ Асаю служилой своей отцовской и дѣдовской вотчины сказано, что продали они эту вотчину „лѣсы и съ поляны, съ озеры и съ истоки, и съ падающими рѣчками и со всякимъ вотчиннымъ угодьемъ, и со всякою птицею, и со всякимъ звѣремъ, и знамя шесть рубежей (№ 314), и до коихъ мѣстъ мы продавцы въ той своей вотчинѣ ходили и отъ коихъ мѣстъ воротились, а ему купцу до тѣхъ же мѣстъ ходить и отъ тѣхъ же мѣстъ поротитица, пчелы драть и звѣрь всякой бить, и вповѣ деревня дѣлать и затворять и своими знаменами мѣтить“ ⁷⁾.

У тѣхъ славянскихъ народовъ, которые утратили знаки собственности, напримѣръ у Сербовъ, бортовые знаки замѣняются начертаніями крестовъ, точно такъ, какъ и у насъ крестьяне нѣкоторыхъ губерній прикладываютъ на роспискахъ, вмѣсто заручныхъ знаковъ или подписей, три крестика ⁸⁾. Въ Сербіи, если кто найдетъ въ лѣсу пчелъ, то вырѣжетъ топоромъ крестъ на корнѣ дерева, въ которомъ находятся пчелы, и другое лицо не смѣетъ присвоить себѣ этого дерева, такъ какъ оно уже имѣетъ владѣльца. Чтобы выразить это первоначальное завладѣніе, употребляется глаголъ *закрестити* ⁹⁾.

¹⁾ Сообщилъ В. С. Познанскій. Самый знакъ Джигетовъ см. подъ № 31.

²⁾ Древности, изд. Моск. Археол. Общ. 1867 г., т. I, вып. 2, стр. 242.

³⁾ Сообщилъ Н. Н. Вязозерскій.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., кн. XII, стр. 338.

⁶⁾ Акты, относящ. до юрид. быта древн. Россіи, т. II, стр. 433; т. I, стр. 622—625. Акты Юридич. № 202, стр. 213. Тутъ же находятся изображенія знаменъ Мордвы и Черемисъ.

⁷⁾ Акты, относящ. до юрид. быта древн. Россіи, т. II, стр. 433, 149.

⁸⁾ Pravni običaji u Slovena. Napisaо V. Bogišić. U Zagrebu, 1867, стр. 168.

Въ Псковской губерніи, въ мѣстностяхъ населенныхъ полуѣвцами, то-есть, Чухонцами, около дорогъ часто попадаются чисто вырѣзанные на земли, вершка въ полтора глубиною, знаки. Эти знаки или гербы полуѣвцы кладутъ на своихъ участкахъ, чтобы знать, кому именно чинить дорогу ¹⁾. Знаки на нивахъ выдѣлываются сохой не только у крестьянъ Воронежской губерніи, но и у Зырянъ Вологодской ²⁾ и у Татаръ Уфимской губерній ³⁾.

На межевыхъ предметахъ клались особые знаки, какъ у насъ, такъ и у другихъ Славянъ и у западныхъ народовъ. У древнихъ Чеховъ такіе знаки вырѣзывались или вырубались на деревьяхъ и скалахъ и состояли изъ стрѣлъ, крестовъ, кружковъ и т. п.; ихъ называли *liha*. Иречекъ говорить, что слово *liha* сходно и по звуку, и по значенію съ германскимъ *laha*, то-есть, *arborum incisio* (нынѣ *lache* — зарубка на деревѣ), откуда *gelahiet* — округъ, уѣздъ, ограниченный межами ⁴⁾. Германцы именно на межахъ своихъ, преимущественно на деревьяхъ, рубили особые знаки ⁵⁾. Въ Англіи также на межевыхъ деревьяхъ дѣлались зарубы ⁶⁾. Иѣкоторые изъ сербскихъ племенъ на пограничныхъ камняхъ и скалахъ рубаютъ крестъ (что бываетъ рѣже) или какой-либо другой знакъ ⁷⁾. Въ Вартенскомъ статутѣ упоминаются „знаменитыя знаки“, которые состояли изъ крестообразныхъ надрѣзовъ на деревьяхъ ⁸⁾.

Мѣтки на ушахъ животныхъ вырѣзываются не только у насъ, но и у Сербовъ, Киргизъ и у другихъ народовъ. Каждый родъ Киргизъ имѣетъ свои примѣты, *іемъ*, которыя состоятъ собственно въ различныхъ вырѣзкахъ на ушахъ домашнихъ животныхъ, лошадей и овецъ. Такъ напримѣръ, у Султанскаго рода примѣта на лошадяхъ, *уухъ-телекъ*, то-есть, обрѣзанная, распоротая, именно на лѣвомъ ухѣ сдѣланная вырѣзка задней части его, а на правомъ распорка; у овецъ же правое ухо разрѣзано такимъ же образомъ, а вырѣзка

¹⁾ Путев. письма изъ Новгородской и Псковской губ. П. Якушкина. С.-Пб. 1860 г., стр. 175.

²⁾ Записано мною въ городѣ Вологдѣ.

³⁾ Сообщилъ П. Ф. Студенцовъ.

⁴⁾ *Slovanske pravo v. Čechách a na Moravě*. Н. Jir. ček. Praha, 1863—1864 гг. Т. I, стр. 76; т. II, стр. II, стр. 230—275.

⁵⁾ *Deutsche Rechtsalterthümer*, von Grimm. Göt., 1854 г., стр. 497.

⁶⁾ Англо-саксонск. община, Н. Сокольскаго. Харьк., 1872 г., стр. 141.

⁷⁾ *Pravni obištaji u Slovena V. Bogišić*, стр. 176.

⁸⁾ *Historja pravedavstv slovianakich, przez Maciejowskiego*. W. 1865 г., т. V, стр. 304.

сдѣлана на передней части лѣваго уха. У лошадей Адаевского рода только лѣвое ухо распорото (тележъ) и т. п. ¹⁾. Въ Сербіи назначенъ даже особый день для торжественнаго обрѣзыванія ушей у ягпять. Тамъ значать ягпять въ Спасовъ день. Соберутся хозяева, и настухъ овецъ, перекрестившись три раза, говорить: „Господи Іисусе Христе, милостивъ буди ко мнѣ и моему стаду и буди намъ въ помощь днемъ и ночью“. Послѣ этого отрѣзывается у всякаго ягненка кусокъ уха, чтобы различать ихъ отъ чужихъ ягпять, и кладетъ отрѣзанные куски въ мѣдную посудину съ водою. Сосчитавъ куски, настухъ узнать настоящее число своихъ ягпять. Послѣ этого онъ относитъ отрѣзки ушей къ муравейнику и, бросая ихъ на муравейникъ, приговариваетъ: сколько муравейникъ имѣетъ муравьевъ, столько бы у меня было овецъ ²⁾. По древнему чешскому праву, въ случаѣ, если хозяинъ пропавшей лошади или другаго домашняго животнаго признавалъ его у сторонняго лица и обращался въ судъ съ жалобой, то судъ назначалъ члена для осмотра животнаго; тотъ, осмотря животное, долженъ былъ отрѣзать кусокъ уха и спрятать; затѣмъ животное доставлялось въ судъ ³⁾. Ухо, конечно, отрѣзывалось какъ доказательство принадлежности животнаго истцу, ибо на немъ вырѣзывалась мѣта.

Приведенныхъ примѣровъ одинаковаго употребленія клеймъ у различныхъ народовъ будетъ достаточно для того, чтобы имѣть право, для указанія дальнѣйшей судьбы собственно русско-славянскихъ знаковъ, сослаться не только на отечественныя историческія свидѣтельства, но и пользоваться тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ данныхъ, аналогическими явленіями у другихъ народовъ.

Мы уже сказали, что клейма служатъ иногда у насъ и служили прежде вмѣсто рукоприкладства къ бумагамъ. Но еще раньше вырѣзывали ихъ вмѣсто подписей на деревянныхъ дощечкахъ, служившихъ бирками и т. п. Здѣсь зародыши печатей. Въ этомъ своемъ первобытномъ видѣ печати можно встрѣтить даже у такого неразвитаго племени, какъ самоѣдское. До сихъ поръ каждый Самоѣдъ

¹⁾ Мой рукописный сборникъ юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды составленъ въ гор. Холмогорахъ со словъ бывшаго султана-правителя Магомета-Галли.

²⁾ Гласникъ српскогъ ученогъ друштва кн. XXX, 1871 г. Обычаи српскогъ народа у Босни. Петровичъ, стр. 356.

³⁾ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1841 г. июнь. Древн. прав. чеховъ, *Ивановича*, стр. 147.

имѣть при себѣ вырѣзанное на кускѣ дерева клеймо, по которому можно узнать, напримѣръ, личность погибшаго въ тундрѣ неизвѣстнаго человека изъ этого племени ¹⁾. Въ Средней Азіи всѣ мужчины носятъ въ футлярѣ, прикрѣпленномъ ремнемъ къ поясу, въ числѣ другихъ необходимыхъ вещей, и тамги (родовой знакъ и печать), потому что тамъ вмѣсто подписей прикладываются печати, на которыхъ вырѣзываются имена владѣльцевъ ихъ ²⁾.

Отдѣльно вырѣзанное клеймо, какъ мы сказали, служило и у насъ печатью или гербомъ извѣстнаго лица; это доказываетъ слово „пятно“, которое въ старину употреблялось такъ же, какъ названіе печати. Что печати извѣстны были Русскимъ съ раннихъ поръ, объ этомъ свидѣлствуютъ слова договора Игоря съ Греками: „Посли ноптаху печати златы, а гостѣе серебряны,“—а это было еще до 944 г. Древнія печати, какъ извѣстно, состояли изъ двухъ серебряныхъ, мѣдныхъ или, наконецъ, свинцовыхъ пластинокъ, сплоченныхъ вмѣстѣ и скрѣпленныхъ снуркомъ, которымъ печати привѣшивались къ грамотамъ. Свинцовыя печати были очень похожи на пломбы, какія привѣшиваются къ товарамъ ³⁾. Всѣ подобнаго рода печати, свидѣнія о которыхъ дошли до нашего времени, употреблялись не простымъ народомъ, для котораго онѣ, вѣроятно, были недоступны по своей цѣнности, а только важными частными лицами и въ особенности лицами, облеченными властью, лицами, которыя легко оставляютъ одни обыкновенія, чтобы принять другія. Поэтому неудивительно, что печати знатныхъ лицъ утратили свой первоначальный характеръ, а именно, на нихъ стали изображаться не знаки собственности, а чисто условные знаки ⁴⁾. Такъ на всѣхъ почти повгородскихъ печатяхъ XIV и XV стол., которыя описаны въ Актахъ юридическихъ, изд. археографической комисіи, находится разнообразныя изображенія крестовъ, и только на двухъ изъ нихъ изображены птицы. Зато на нихъ существуютъ надписи, указывающія на личность владѣльцевъ. Здѣсь мы опять видимъ повтореніе явленія, ука-

¹⁾ Арханг. губ. вѣд. 1870 г., № 22. Опис. Архангельска *фонъ-Пошмана*.

²⁾ Средняя Азія, *Костенко*. Спб. 1871 г., стр. 59.

³⁾ Промышлен. древн. Руси, *Аристова*. Спб. 1866 стр. 119—125, 159, 213, 236.

⁴⁾ Въ старину печатями служили также перстни съ большимимъ глазкомъ, на которомъ дѣлались различныя вырѣзки. Такіе перстни назывались *яковинами*, а въ Архангельской губерніи, гдѣ ихъ носили старики до недавняго времени, *жузовинами*.

заннаго зыше, а именно, замѣну знаковъ собственности изображеніемъ креста ¹⁾). Разумѣется, это нужно приписать вліянію христіанства.

Монгольское иго также оказало свое вліяніе на наши гербы, какъ видно уже изъ передачи Монголами Русскимъ словъ *тамга* и *ясаки*, которыя означаютъ и знакъ собственности, и печать, и гербъ ²⁾). Но никакъ нельзя предположить, что гербы появились у насъ подъ вліяніемъ Монголовъ; монгольское иго скорѣе способствовало уtratѣ первоначальнаго значенія гербовъ, какъ постоянныхъ знаковъ, и замѣнѣ ихъ чисто условными знаками. Хотя въ монгольскій періодъ нашей исторіи такъ-называемые ясаки и тамги имѣли значительное распространеніе между высшими сословіями и даже употреблялись для отличія одного города отъ другаго, одного полка отъ другаго, но они были уже болѣею частью непостоянны и произвольны: каждый мѣнялъ ихъ, какъ и когда хотѣлъ; постоянны были только гербы нѣкоторыхъ городовъ: Москвы, Новгорода, Пскова и др. Удѣльные князья, не исключая даже и великихъ, имѣли свои собственныя ясаки, мѣнявшіеся по ихъ произволу ³⁾).

Какъ бы то ни было, гербы нашего высшаго сословія рано утратили свой устойчивый характеръ. Въ этомъ отношеніи они очень отличаются отъ дворянскихъ гербовъ Польши. Родовые гербы польскихъ дворянъ, какъ извѣстно, постоянны и неизмѣнны; ихъ существуетъ опредѣленное количество и къ нимъ приписано все родовитое дворянство. Тамъ иногда одинъ гербъ приходится на сотню фамилій, совершенно несходныхъ, разноименныхъ, но происшедшихъ отъ одного корня, или впослѣдствіи причисленныхъ къ нему; тамъ всѣ благородныя фамиліи, которыя вели одинъ и тотъ же гербъ, юридически относились къ одному роду, не смотря даже на недоказанность ихъ родства ⁴⁾).

Безъ сомнѣнія, весьма естественно искать жорня польскихъ гербовъ въ болѣе древнихъ знакахъ Польскаго или Литовскаго народа, хотя это и покажется весьма несприятнымъ для многихъ владѣльцевъ подобныхъ гербовъ. Покойный польскій археологъ графъ К. П. Тышкевичъ, въ статьѣ своей „Слипцовые оттиски, найденныя въ р. Бугѣ,

¹⁾ Акты юрид., стр. 110—115 и др.

²⁾ Промыш. др. Рус., стр. 226; Ист. Карамз. IV, 334.

³⁾ Энцикл. словарь К. Крайя, т. 10, стр. 73.

⁴⁾ О наслед. въ древн. рус. правѣ, *Никольскою*. М. 1859. Прилож. 2-е о родовомъ союзѣ у Поляковъ, стр. 29 30.

у Дрогичина, въ странѣ прежнихъ Ытвяговъ" ¹⁾, между прочимъ, высказался: „Допустивъ въ этихъ отчеканенныхъ на свинцѣ знакахъ начало родовыхъ гербовъ, — признаковъ вполне созрѣвшаго, образованнаго и сильнаго общества, которое, не довольствуясь въ своемъ существованіи, обезпечиваетъ еще, нѣкимъ образомъ, своему имени будущность, — пришлось бы упрекнуть въ неправдѣ исторію, представляющую намъ Ытвяговъ на столь низкой степени образованности. Еслибы мы признали за Ытвягами начало гербовъ и были бы въ состояніи доказать это, то какой же переворотъ испытала бы въ своихъ началахъ литовская и польская геральдика, ибо на этомъ десяткѣ съ лишнимъ ытвяжскихъ печатей я вижу настоящій Наленчъ, вижу гербъ Огинскій и что-то весьма похожее на Пилаву“. Тому, кто приступаетъ къ изученію славянскихъ знаковъ, придерживаясь историческо-сравнительнаго метода, кажется до крайности страннымъ, что человекъ, посвятившій всю жизнь археологическимъ и историческимъ изысканіямъ, не хотѣлъ признать зачатковъ гербовъ въ простыхъ знакахъ собственности, предполагая, что черезъ это онъ черезъ-чуръ возвыситъ степень культурнаго развитія дикаго Литовскаго племени и уронитъ достоинство гербовъ благородныхъ фамилій.

Признавая древнѣйшее происхожденіе знаковъ собственности, мы должны показать, какую роль играли они въ старину при разнаго рода сдѣлкахъ: займѣ, куплѣ и пр. Для разрѣшенія этого вопроса у насъ мало фактовъ, касающихся собственно Русскаго народа, а потому намъ очень часто придется прибѣгать къ помощи аналогіи. Пользоваться ею мы будемъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтимъ хотя малѣйшаго намека на существованіе у насъ иныхъ фактовъ или, по крайней мѣрѣ, на существованіе такихъ условій, которыми могли бы породить у насъ иныя обмѣнованія.

Многіе народы, находящіеся въ патриархальномъ состояніи кочевой, промысловой или земледѣльской жизни, при всей своей грубости, отличаются замѣчательною честностью по отношенію къ своему слову и по отношенію къ чужому имуществу: они вѣрны въ словѣ, честны во всѣхъ сдѣлкахъ, не позволяютъ себѣ пользоваться чужимъ имуществомъ, въ особенности добычею, даже оставленною въ пустынномъ мѣстѣ. Такіе нравы сохранились до сихъ поръ въ значительной чистотѣ у обитателей крайняго сѣвера: Самоѣдовъ, Лопарей и отчасти даже у русскихъ крестьянъ, занимающихся звѣринными

¹⁾ Древности, изд. Моск. Археол. Общ. 1867 г., т. I, вып. 2, стр. 119.

и птичьими промыслами. Даже въ самомъ южномъ уѣздѣ Архангельской губерніи, Шенкурскомъ, гдѣ нравы болѣе испорчены, нежели въ сѣверныхъ уѣздахъ, даже и тамъ то, что добыто посредствомъ промыслового труда, считается неприкосновеннымъ, тогда какъ похищеніе другихъ вещей не составляетъ рѣдкаго явленія. Тамъ, по словамъ одного мѣстнаго этнографа, „никто изъ крестьянъ не рѣшится вынуть изъ чужаго силка птицу. Крестьянинъ всегда готовъ выкрасть у сосѣда изъ ямы рѣну и тѣмъ лишить его зимняго, дароваго харча, или лѣтомъ вытащить изъ прясель ноши двѣ гороху; но крестьянинъ этотъ не посмѣетъ вынуть изъ чужаго силка птицы. Послѣдній поступокъ онъ считаетъ грѣшнымъ въ высшей степени. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: были примѣры, что огромный тетеревъ или вкусный рябчикъ соблазнили вѣрность и правду мужика; но эти примѣры такъ рѣдки и мужики-воры такъ бываютъ наказаны за свои поступки всеобщимъ посмѣяніемъ, что, вѣроятно, болѣе не захотятъ нарушать издревле принятаго правила: „не мѣшай ворошить въ чужихъ силкахъ птицъ“¹⁾. Разумѣется, въ сѣверныхъ уѣздахъ, въ которыхъ населеніе живетъ исключительно промысловю дѣятельностію и гдѣ жиѣе сохранились первоначальныя обыкновѣнія вѣролововъ, улазанный обычай имѣеть болѣе широкое распространеніе. Сознавая всю тяжесть труда, Поморъ свято уважаетъ право собственности; онъ знаетъ по себѣ, съ какими усиліями достается каждый предметъ промысловъ, и потому никогда не посягнетъ на чужое. Это прекрасное, благородное чувство есть общее достояніе здѣшнихъ промышленниковъ. Чужая вещь, съ какимъ-нибудь знакомъ (биркою, палкою, весломъ и пр.), подлѣ нея находящимся, есть святыня для Помора; онъ не только не возьметъ ея, но и не прикоснется къ ней²⁾.

У полукочевыхъ инородцевъ сѣвера, Лопарей, выработались, вслѣдствіе ихъ подвижной жизни среди пустынныхъ тундръ, такіа честныя отношенія къ чужой собственности, какія трудно встрѣтить у народовъ осѣдлыхъ, стоящихъ далеко выше по своему развитію. Къ чести Лопарей, говоритъ одинъ изслѣдователь ихъ быта, можно сказать, что воровства у нихъ нѣтъ совсѣмъ: никто не имѣетъ амбаровъ и даже сундуковъ, куда бы можно положить свой багажъ. Лопари, ничего не опасаясь, кладетъ оленьи кожи въ лѣсу, домашнія вещи

¹⁾ *Отеч. Зап.* 1848 г., т. LVIII, отд. VIII. „Врачев. забавы и повѣрія крестьянъ Шенк. и Арх. уѣздовъ“, Харитонова, стр. 20.

²⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1862 г., № 38.

оставляетъ подлѣ жилища и, возвращаясь почти чрезъ полгода, находить въ цѣлости все, что было у него. Если другому Лопарю понадобится изъ оставленнаго имущества какая-либо вещь, то онъ спокойно беретъ ее безъ хозяина, оставивъ только свое клеймо¹⁾. У Лопарей также есть обыкновеніе ставить клеймо надъ оленемъ, убитымъ на охотѣ и оставленнымъ на сохраненіе въ тундрѣ до возвращенія за нимъ²⁾. Самоѣды также спокойно оставляютъ убитое животное, охраняя его только приложеннымъ клеймомъ, вырѣзаннымъ на дощечкѣ³⁾. У Самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ оленьей одежды и покрывающаго для чумовъ, есть обычай оставлять значительную часть своего хозяйства, какъ не пущую въ лѣтнее время, въ мѣстахъ лѣтнихъ кочевьевъ. Для этого они складываютъ свои вещи въ сани, а сани оставляютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ рошъ и притомъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ; только мирный деревянный божокъ, поставленный въ сани (да, вѣроятно, бирка, прибавимъ отъ себя) защищаютъ ихъ неприкосновенность отъ каждаго Самоѣда. „Этотъ обычай, говоритъ Шренкъ, можетъ служить доказательствомъ удивительной честности сѣвернаго номада, такъ какъ нѣсколько времени тому назадъ нельзя было услышать, чтобы такой складъ былъ когда-либо разграбленъ Самоѣдами, потому что, по ихъ мнѣнію, если кто это сдѣлаетъ, тотъ долженъ ожидать всякихъ бѣдствій отъ неба на свою голову. Теперь этотъ обычай становится рѣдкимъ въ тундрѣ: Зыряне, гдѣ только они находятъ подобный складъ, безъ всякаго страха нечисто разграбляютъ его, чѣмъ и научили Самоѣдовъ предосторожности. И тѣ нынѣ уже прячутъ свои сани въ лѣсу въ скрытномъ мѣстѣ или въ такихъ мѣстностяхъ, около которыхъ они останавливаются сами съ своими чумами, чтобы время отъ времени посѣщать ихъ“⁴⁾.

И въ другихъ частяхъ свѣта можно встрѣтить подобныя обыкновенія. Въ Австраліи, въ оставляемой на время деревнѣ, дикари ставятъ три столба, связанные къ верху и покрытые кускомъ коры. Подъ этимъ навѣсомъ туземцы оставляютъ лишнія вещи, не нужныя для нихъ при дальнѣйшемъ странствованіи. Такія мѣста, по обычаю, считаются

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г. № 27. Опис. Арх. губ. *Пошмана*.

²⁾ Тамъ же, 1870 г. № 22.

³⁾ *Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands durch die Tundren Samojeden*, Dorp. 1854, ч. I, стр. 316.

священными и неприкосновенными¹⁾. Впрочемъ, и тамъ они охраняются знаками собственности, которые кладутся Австралійцами на различныя вещи. Итакъ, изложенные факты даютъ возможность утверждать, что при самыхъ простыхъ и патриархальныхъ нравахъ звѣролововъ и промышленниковъ клеймо, съ одной стороны, является знакомъ, охраняющимъ собственность, съ другой — знакомъ, удостоверяющимъ, что такой-то воспользовался или, лучше сказать, занялъ вещь у хозяина ея, во время его отсутствія. Въ послѣднемъ случаѣ клеймо является зародышемъ заемнаго письма и тѣсно связано съ биркой.

Биркой называется дощечка, на которой изображается или одно клеймо, или числовые знаки съ клеймомъ, или эти послѣдніе безъ клейма. На отдаленномъ сѣверѣ счетныя бирки, называемыя *рубешами*, всегда сопровождаютъ знакомъ собственности, на югѣ же безъ этого знака. Главное назначеніе бирки съ цифрами — служить своего рода роспиской при займахъ.

О биркахъ, какъ долговыхъ актахъ, упоминаютъ и лѣтописи наши, и законодательные памятники, называя ихъ *дсками*. Такъ, о дскахъ говорится въ Новгородской лѣтописи подъ 1208 годомъ: „А что на дѣцѣяхъ (посадника Дмитрія), то князю оставиша... Даша дѣцки Дмитровы Святославу, а бѣше на нихъ безъ числа“²⁾. Въ Псковской судной грамотѣ, составленной на основаніи древнихъ великокняжескихъ грамотъ въ 1397 году, также упоминаются заемныя дски³⁾. Тогда какъ посадникъ Дмитрій давалъ деньги въ заемъ по доскамъ на значительную сумму — (а бѣше на нихъ безъ числа), слѣдовательно, сумма денегъ, которыя занимались подъ бирки, не была ограничена, — во время составленія Псковской судной грамоты, бирки, по словамъ Энгельмана, потеряли уже большую часть своей прежней силы, какъ акты слишкомъ грубые, слишкомъ мало обезпечивавшіе права и не соотвѣтствовавшіе уже тогдашнимъ, болѣе сложнымъ отношеніямъ лицъ между собою. Это выразилось тѣмъ, что судная грамота даетъ имъ полную доказательную силу только въ тѣхъ спорахъ, когда сумма, занятая и записанная на доскѣ, не превышаетъ одного рубля⁴⁾. Въ народѣ, какъ мы сказали, до сихъ поръ удержались заемныя бирки; такъ, въ Архан-

¹⁾ Allgemeine Cultur-Geschichte der Menschheit von G. Klemm. Leipz. 1843, I, стр. 300.

²⁾ Исторія Госуд. Рос., т. III, прил. 128.

³⁾ Псков. Судн. Гр., изд. Энгельмана. Спб. 1855, стр. 16, 36.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 116.

гельской губерніи онѣ имѣютъ полную силу даже на довольно значительную сумму, именно на нѣсколько десятковъ рублей ¹⁾. Тамоншіе инородцы, Самоѣды, Лопари, Карелы и Зыряне, также употребляютъ бирки при займахъ и свято уплачиваютъ долгъ, хотя бы онъ былъ давній и простирался на значительную сумму. Такія бирки, какъ и у русскихъ крестьянъ Архангельской губерніи, всегда помѣчаются знакомъ собственности должника. Тоже самое обыкновеніе существуетъ и у инородцевъ другихъ губерній.

Остатки, разказывавъ Орманъ, имѣютъ деревянные, на которыхъ они обозначаютъ вырѣзками свои счета, и эти деревянные переходятъ по наслѣдству въ семьяхъ. Кромѣ того, сношенія полярныхъ жителей съ Русскими произвели особое шифровашное письмо, которыми они обозначаютъ свои обязательства. Оно состоитъ изъ шести различныхъ фигуръ, которыми обозначаютъ извѣстное количество шкуръ, цѣнностью отъ 1 до 10 к. и отъ 1 рубля до 1000. Въ продолженіе самаго торга эти шифры изображаются на бумагѣ, а затѣмъ вырѣзываются на деревянныхъ палочкахъ ²⁾.

Здѣсь говорится, конечно, о тѣхъ знакахъ, которые приняты нашимъ законодательствомъ для квитанцій, выдаваемыхъ сибирскимъ инородцамъ и мезенскимъ Самоѣдамъ во взносъ ясака. Въ Уставѣ о податяхъ (Св. Зак. т. V, ст. 907 и 959) сказано, что каждому рядовому старостѣ, отъ котораго внесенъ будетъ ясакъ, выдается отъ земской полиціи квитанція въ печатныхъ бланкахъ. На каждой квитанціи, кромѣ изложенія словами, должно быть показываемо особыми знаками число внесенныхъ рублей и копѣекъ такъ, чтобы сдающіе, сосчитавъ эти знаки могли быть увѣрены въ справедливости показанія. Дабы не можно было сдѣлать здѣсь никакихъ прибавокъ, всѣ таковыя знаки очерчиваютъ кругомъ прямыми линиями. При этой же статьѣ приложена самая форма квитанціи, въ которой тысяча рублей обозначена звѣздочкой, сто рублей — кружкомъ, десять — квадратомъ, одинъ рубль — римскою цифрой X, десять копѣекъ — десятью черточками, перечеркнутыми одною линіей и одна копѣйка — одною черточкой. Въ первый разъ форма такой квитанціи помѣщена въ уставѣ объ управленіи инородцами, изданномъ въ 1822 году іюля 22-го.

Другіе полярные номады (Эскимосы) даютъ письменныя обяза-

¹⁾ *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 71.

²⁾ *Allgem. Cultur-Geschichte der Menschheit von Klemm*, т. III, стр. 128.

тельства въ слѣдующей формѣ: когда желаютъ они занять что либо, тогда рисуютъ тотъ предметъ на кускѣ кожи, а также число дней, въ которые желаютъ уплатить, обозначаютъ соотвѣтствующимъ числомъ черточекъ. Они вѣрно держатъ свое слово и только удивляются, что умные Европейцы не такъ легко понимаютъ ихъ рисованье, какъ собственное свое царпанье ¹⁾.

Вотъ что говоритъ Миллеръ, въ своей книгѣ: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ“ ²⁾, о Черемисахъ, Чувашихъ и Вотякахъ. „Ежели одинъ другому что обѣщаетъ или съ кѣмъ въ договоръ вступаетъ, то оное обязательство для большаго утвержденія и увѣренія бываетъ при нѣкоторыхъ порукахъ или свидѣтеляхъ. При заимодавствѣ заимодавецъ и должникъ берутъ двѣ палочки, которыя между собою складываются, и на оныхъ палочкахъ вырѣзываютъ столько крестовъ или херовъ (XXX) или зарубокъ (III), сколько будетъ гривенъ или копѣекъ, и каждый вырѣзываетъ на своей палочкѣ, на концѣ подъ крестомъ или подъ зарубками, какой-нибудь вмѣсто рукописанія знакъ; употребительные же у нихъ знаки суть такіе: (см. изображеніе подъ № 304—313) и другіе симъ подобныя, какой кому на умъ придетъ для себя выбрать, который они во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется подписка, обыкновенно употребляютъ. Потомъ палочками оными между собою размѣриваются, которыя у нихъ такую же силу имѣютъ, какъ у насъ паянкрѣчайшія обязательства. Но сіе поведеніе служитъ у нихъ въ такой только суммѣ денегъ, въ которой не свыше десяти рублей; ежели же будетъ болѣе десяти рублей, то берутъ они въ такихъ долгахъ въ горсть записи. Вышеписанные знаки въ употребленіи бываютъ и между Татарами, у такихъ людей, которые писать не умѣютъ.“

На тѣхъ рубежахъ, которые употребляютъ Самоѣды и Русскіе, торгующіе съ ними, десятки рублей обозначаются крестиками, пять—минусомъ, четыре первыя единицы рублей — палочками, копѣйки же означаются точками ³⁾. Во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ десятки изображаются крестиками же въ видѣ римской цифры X, пять—тоже, какъ римское V, а единицы — палочками, четверти же знакомъ 1. Когда количество считается сотнями, то одинъ изъ знаковъ изображаетъ 100, другой 10, третій 1, а четвертый $\frac{1}{4}$.

¹⁾ Allgem. Cultur-Geschichte der Mensch. т. II, стр. 339.

²⁾ Стр. 63—64.

³⁾ Сб. народн. юридич. обыч. Арх. губ. II. Ефименко, Арх. 1869 г., стр. 97.

Крестьяне внутренних губерній употребляютъ бирки не только какъ записныя доски, но и какъ счеты. Вотъ почему знаки для чиселъ имѣютъ такую форму, какую можно дать не только остроконечнымъ по жемъ и съ нѣкоторымъ искусствомъ, но и топоромъ, косою и всякимъ остриемъ, на дому или въ полѣ, гдѣ бы ни случилось ¹⁾. Какъ во внутренней Россіи, такъ и въ Архангельской губерніи, многіе крестьяне считаютъ для себя обременительнымъ вести счетъ на память десятками, а считаютъ въ умѣ только до десяти; поэтому, досчитываясь до десятковъ, замѣчаютъ числа приведенными знаками на различныхъ предметахъ: мѣломъ или углемъ на деревѣ, зарубкой на деревѣ, то-есть, на биркѣ, завязкой узловъ на нитѣхъ или тесемкѣхъ и т. п. Почти то же самое найдено и у дикихъ народовъ. Такъ, по свидѣтельству одного Моравскаго миссіонера, приводимому Тайлоромъ, Ирокезы считаютъ до 10 и дѣлаютъ крестъ; потомъ еще до десяти и такъ далѣе, пока не кончатъ счета; затѣмъ берутъ вмѣстѣ десятки и дѣлаютъ изъ нихъ сотни, тысячи и сотни тысячъ ²⁾. „Позднѣйшіе наблюдатели говорятъ о далекомъ племени Криковъ, что они считаютъ по десяткамъ, при чемъ ставятъ перпендикулярныя палочки вмѣсто единицы и крестъ вмѣсто десяти“ ³⁾. Мы привели здѣсь эти примѣры, чтобы показать, какъ народы въ первобытныя эпохи своей жизни сходны между собою даже въ мелочныхъ обыкновеніяхъ, сохранили эти обыкновенія и долго спустя послѣ своего выхода изъ первобытнаго состоянія. Это, повторемъ еще разъ, даетъ наукѣ полное право ссылаться на аналогическія явленія у другихъ народовъ и объяснить ими не только свою старину, но и явленія повѣйшаго времени.

Если, какъ мы говорили, народы въ невѣжественномъ состояніи затрудняются въ счетѣ какого-нибудь десятка и для облегченія употребляютъ бирку, то, конечно, бирки были у насъ въ ходу и при мѣновой торговлѣ; во время самаго процесса торгова на биркѣ отмѣчалось количество обмѣниваемыхъ и продаваемыхъ предметовъ, а впоследствии и количество тогдашнихъ денежныхъ знаковъ, которые должны были обмѣниваться на товары. Въ случаѣ неуплаты денегъ за товаръ, продавцу давалась такая бирка съ приложеніемъ клейма должника; на этой же биркѣ кредиторы, по истеченіи извѣстнаго времени, нарезывали рѣзы, то-есть, цифры, обозначающія условныя

¹⁾ Журн. сельск. хоз. и овцев. 1845 г., № 25. О бирочномъ счетоводствѣ.

²⁾ Домстор. бытъ человека. М. 1888 г., стр. 137.

³⁾ Тамъ же, стр. 138.

проценты. Такимъ образомъ счетная бирка обращалась въ заемнос письмо.

Бирки у насъ служили не только долговыми актами, но также употреблялись, какъ акты укрѣпленія имущества. Во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ, какъ и въ Германіи, при передачѣ недвижимой собственности изъ однихъ рукъ въ другія, приобретающему имуществу передается и бирка съ знакомъ этой собственности ¹⁾. Тутъ бирка играетъ уже роль купчей крѣпости, а не долговаго обязательства.

Какъ счетные знаки вообще, бирки имѣютъ многообразное употребленіе. Такъ въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ овчинники, собирающіе овчины для выдѣлки, *имѣютъ жеребьи*, то-есть, бирки, въ полученіи овчинъ ²⁾. То же дѣлаютъ и лица, берущія холстъ для набойки. Бирки употребляются еще сборщиками податей. При сборѣ податей сборщики даютъ каждому крестьянину половину бирки, съ означеніемъ на ней внесеннаго послѣднимъ количества податей. Если же одинъ сборщикъ передаетъ общественныя деньги другому, вновь назначенному, то послѣдній въ приемъ денегъ *дѣлаетъ марку* на биркѣ первому ³⁾. Подридчики, нанимающіе отъ себя рабочихъ, отмѣчаютъ на биркахъ полученіе платы рабочими ⁴⁾. На биркахъ также отмѣчается количество принимаемаго товара приемщиками и поставщиками и т. п. Впрочемъ, надобно сказать, что бирки для расчетовъ между сборщиками податей и плательщиками введены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высшимъ начальствомъ. Такъ циркуляромъ министра государственныхъ имуществъ, отъ 25-го октября 1840 г., разъяснено было палатамъ, что въ IV части 313 ст. 2 пун. проекта учрежд. объ управленіи государственными имуществами предоставлено сборщикамъ податей означать въ семейныхъ таблицахъ итогъ сборовъ, кромѣ цифръ, такими знаками, какіе гдѣ употребляются; сверхъ того, дозволено для расчетовъ между сборщикомъ и плательщиками имѣть бирки. А потому министръ государственныхъ имуществъ призналъ весьма полезнымъ и необходимымъ, чтобы безграмотные крестьяне, сверхъ выдаваемыхъ имъ таблицъ, имѣли для расчетовъ съ сборщи-

¹⁾ Древности. Труды Моск. Археол. Общ. т. I, вып. 2, М. 1867, стр. 242 и слѣд.

²⁾ Труды Ком. по преобраз. вол. судовъ, т. I. Тамб. губ., стр. 153.

³⁾ Тамъ же, стр. 145.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 180.

ками бирки, съ показаніемъ на одной сторонѣ оныхъ количества или итога всѣхъ сборовъ съ каждаго домохозянина, значущихся въ семейной таблицѣ, а на другой сторонѣ—поступленія или платежа, сдѣланнаго домохозяниномъ.

Биркамъ, которыя ведутъ биржевыя артельщики и другіе приѣмщики и поставщики товаровъ, дана закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сила полнаго доказательства на судѣ (Торг. Уст. ст. 1639). Даже въ Италіи бирки (*tacche o taglie*), выполнѣ соответствующія ихъ образцамъ (*contrassegno*), заслуживаютъ вѣры между лицами, имѣющими обычай удостовѣрять бирками передачу или полученіе предметовъ розничной торговли, то-есть, служатъ доказательствомъ на судѣ (Гражд. Улож. Итал. кор. час. I, кн. 5-я, § III, ст. 133). Въ Англіи бирки вышли изъ употребленія въ прошломъ столѣтіи и составляютъ только достояніе кабинетовъ древностей, какъ предметы, представляющіе археологическую рѣдкость¹⁾.

Выше мы говорили объ обычаѣ заочнаго займа и объ оставленіи бирки заемщика при тѣхъ предметахъ, изъ числа которыхъ онъ пользовался извѣстною частію. Въ связи съ обычаемъ займа находится другой, а именно обычай заочной торговли, остатки котораго сохранились, хотя въ измѣненной формѣ, на крайнемъ сѣверѣ даже у русскихъ обитателей.

Г. Михайловъ въ книгѣ „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края“ говоритъ объ Архангельскихъ крестьянахъ: „Никто, кромѣ зѣбра, не возьметъ птицы изъ—подъ чужаго слопа, какъ никто не вынетъ рыбы изъ чужой мережи. Мнѣ случалось видѣть, какъ крестьяне вынимали изъ воды свои сѣтки и, вмѣсто рыбы, находили деньги, завернутыя въ тряпицу. Это—плата за взятую рыбу какого-нибудь прохожаго человѣка и плата, всегда соответствующая ея стоимости. Таковъ обычай, издавна установившійся и свято соблюдаемый“ (стр. 104). Въ глухихъ мѣстностяхъ Пинежскаго уѣзда сохранилось между крестьянами, занимающимися извозомъ, слѣдующее обыкновеніе: они, имѣя надобность въ сѣнѣ для лошадей, сами берутъ его изъ зародовъ, находящихся на пути, въ далекомъ разстояніи отъ жилы, а деньги въ количествѣ, какое, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ уплатить, вѣшаютъ тутъ же на шестѣ зарода, завязавъ ихъ въ трипку. Попытно, что такой обычай, требующій большаго уваженія къ чужой собственности какъ со стороны извозчиковъ, такъ и со стороны постороннихъ лицъ,

¹⁾ Начало цивилизаціи, Лабона, Спб. 1871, стр. 183.

не могъ удержаться на большихъ дорогахъ, гдѣ шляется всякій народъ ¹⁾). У Зырянъ, отправляющихся въ лѣса на звѣриный или птичій промыселъ на сотни верстъ отъ жилья, каждый лѣсникъ, смотря по дальности пути и продолжительности охоты, беретъ съ собой нѣсколько пудовъ сухарей, и, чтобъ не обременять себя этимъ грузомъ, зарываетъ его по частямъ въ разныхъ мѣстахъ лѣса и ставитъ свои знаки, то-есть, клейма. На обратномъ пути въ этихъ походныхъ магазинахъ опъ не рѣдко находитъ, вмѣстѣ съ сухарями, еще бѣлокъ и рябчиковъ: это значитъ, что какой-либо землякъ, истощивъ свой хлѣбный запасъ, взялъ себѣ частицу изъ его провизіи и заплатилъ за нее, по совѣсти, настрѣянною дичью ²⁾). Разумѣется, настоящій случай не можетъ быть названъ сдѣлкой купля - продажи, потому что владѣлецъ вещи вовсе не предназначаетъ ее для продажи; это скорѣе купля-заемъ, то-есть, переходная форма отъ займа къ куплѣ. Но у Зырянъ же сохранился до сихъ поръ обычай настоящихъ заочныхъ торговыхъ сдѣлокъ, когда вещи прямо предназначаются для продажи. Интересное описаніе нынѣшней заочной торговли близъ Уральскихъ горъ сообщаетъ начальникъ Уральской экспедиціи г. Гофманъ въ спосмъ сочиненіи „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Найхой“ (Сиб. 1856 г., т. 2, стр. 66). За устьемъ рѣчки Нирсъ-ю (зырянское названіе), или Липкаля (остяцкое), выдающей съ лѣвой стороны въ Илмычъ (притокъ Печоры), который течетъ здѣсь по лѣсистой пустынной равнинѣ, Гофманъ и его товарищи разбили на ночь свои палатки подлѣ уединеннаго бревенчатаго сруба, къ которому были прислонены два балагана“. „Постройки эти, говоритъ Гофманъ, принадлежали знакому монахъ гребцовъ (Зырянъ), который ежегодно выѣзжаетъ сюда на все лѣто отъ береговъ Печоры, для рыбной ловли; изба была на этотъ разъ пуста; дверь ея была изнутри заперта замкомъ, но ключъ торчалъ тутъ же въ стѣпѣ. Внутренность избы была раздѣлена бревенчатою перегородкой на двѣ части, изъ которыхъ одна была обращена въ баню, а другая въ амбаръ, для запасовъ. Эта кладовая была наполнена кадушками съ соленою рыбой, большими кучами вяленыхъ на солнцѣ щукъ и коробами изъ березовой коры съ рыбнимъ жиромъ. Подъ балаганомъ висѣла пара остяцкихъ мѣховъ на шестахъ подъ свѣжею березовою покрывкою и стояло на доскахъ множество новыхъ посудинъ изъ березовой коры различной величины

¹⁾ Сообщилъ П. А. Нишиновъ.

²⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1852 г., кн. I. Зыряно, стр. 57.

вмѣстѣ съ другою хозяйственною утварью, принадлежавшею къ издѣліямъ лѣсныхъ жителей. Гребцы мои знали, что все это было приготовлено для продажи, и опредѣляли цѣну каждой вещи. Они просили меня купить пудъ сушеной щуки и нѣсколько фунтовъ рыбьяго жиру, для приготовленія обѣда. Деньги за это я могъ положить на видномъ мѣстѣ въ хижинѣ и быть увѣрену, что они будутъ въ рукахъ у хозяина, потому что такой способъ покупки здѣсь очень обыкновененъ. Предполагая встрѣтить владѣльца хижины въ верховьяхъ рѣки, я рѣшился привести въ исполненіе эту странную сдѣлку, которая основывается на взаимной честности и довѣрія". Мы остановились на этой сдѣлкѣ, чтобы показать, какъ живучи бываютъ старинныя обыкновения и какъ можно ими пользоваться тому, кто захочетъ по нимъ воссоздавать явленія давнопрошедшихъ временъ. Кому, послѣ прочтенія настоящихъ строкъ, не придетъ на память нѣмая торговля, которую на далекомъ сѣверѣ вели съ туземцами, по Герберштейну, въ Лукоморіи—Грустинцы и Сергисовцы, по Вакуи, въ Уакуа или Уальсу—Болгары, по Абулфедѣ—Болгары же съ пародами, жившими по сосѣдству съ Сѣвернымъ океаномъ, по Павлу Іовію—Русскіе съ Лопарями, по Нестору—Югра съ чудесными обитателями Уральскихъ горъ и, по другимъ, Русскіе съ Тунгузами. Причины нѣмой торговли происходили, по словамъ указанныхъ писателей, отъ трусости бродячихъ ловцовъ, боявшихся чужеземцевъ, или отъ того, что торговцы не знали туземнаго языка. Самый процессъ нѣмой мѣновой торговли состоялъ въ томъ, что торговцы, пріѣхавъ съ своими товарами въ опредѣленное мѣсто, раскладывали ихъ тамъ и потомъ удалялись, а въ это время и туземцы, узнавъ о прибытіи торговцевъ, съ большою осторожностью и значительными обходами приближались туда же, раскладывали рядомъ свои товары, преимущественно мѣха, которые считали равноцѣнными, и также удалялись, издали наблюдая за купцами. Если торговцы находили мѣпу выгодною, то брали съ собой туземные товары; въ противномъ случаѣ удалялись, показывая тѣмъ, что нужна прибавка. Туземцы дѣлали ту или другую прибавку, пока не заключался окончательпо торгъ. Съ туземцами, болѣе смѣлыми, торговля велась при помощи условныхъ жестовъ. Не смотря на подозрительность и трусость туземцевъ, торговля велась съ чрезвычайною честностью¹⁾. Что самое интересное для насъ въ

¹⁾ Reise nach dem Nordostens europäischen Russlands, Шренка, т. II, стр. 231. Прерода и челов. на крайн. сѣверѣ, Гартвига, стр. 224. Сѣвер. Уралъ, Гюемана.

подобныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, такъ это обозначеніе торговцами своихъ товаровъ особыми знаками при ихъ раскладываніи. О существованіи такого обычая у Болгаръ свидѣтельствуетъ Абулфеда. Знаки, которыми обозначались въ старину товары, были, конечно, такіе же знаки собственности, вырѣзанные на деревянной дощечкѣ, какъ и тѣ, которые до сихъ поръ кладутся при предметахъ промысла Русскими и инопорядками на отдаленномъ сѣверѣ Россіи. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ эмблемою торговыхъ штемпелей; вотъ гдѣ начало обычая накладывать клейма на товары. Можно ли послѣ этого согласиться съ мнѣніемъ гр. Тышкевича, что свинцовые оттиски, найденные имъ въ рѣкѣ Бугѣ, не могли быть товарными клеймами потому только, что въ отдаленную эпоху до-христіанскихъ временъ, къ которымъ онъ относитъ оттиски, „не существовало таможенного порядка, а тѣмъ менѣе клеймленія товаровъ свинцовыми штемпелями“.

Въ отдаленнѣйшую эпоху, когда еще не существовало таможенъ, продавцы и покупщики товаровъ сами накладывали клейма на вещи. Эти клейма сначала вырѣзывались на вещахъ или на дощечкахъ, которыя привѣшивались къ вещамъ, а потомъ выдѣлывались на свинцовыхъ и другихъ металлическихъ пластинкахъ. Эти же клейма служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и печатами, такъ что слово печать употреблялось и для обозначенія торговаго клейма ¹⁾. Разумѣется, сначала не существовало никакой разницы между торговыми клеймами, печатами и знаками собственности; точнѣе сказать, они первоначально различались только по своему употребленію, а не по сущности. Только впоследствии тѣ и другіе совершенно обособились.

Въ древнѣмъ обычаѣ торговцевъ накладывать свои клейма на предметы торговли таятся начало обычая клеймить правительственными штемпелями всѣ предметы торговли, съ которыхъ собирались заграничныя и внутреннія торговыя пошлины. Отсюда тождество въ названіяхъ знаковъ собственности, торговыхъ клеймъ, таможенныхъ штемпелей и таможенныхъ пошлинъ. Мы уже знаемъ, что у насъ еще во время Русской Правды пятномъ назывались знаки собственности, которые налагались на лошадей. Впоследствии пятномъ стали называть таможенное клеймо или тапро, налагавшееся на лошадей, и пошлину за проданную или промѣненную лошадь, а также пошлину,

т. II, стр. 66. Лѣтоп. Нестора подъ 1096 годомъ. Заволоцкая Чуда, II. Емменко. Арх. 1869 г., стр. 66.

¹⁾ Промысл. древн. Руси, Аристова, стр. 213, 236.

бравшуюся съ соли. За уклоненіе отъ пятнанія лошадей, при покупкѣ и мѣнѣ, взыскивался штрафъ подъ названіемъ *пропятнаніе* ¹⁾.

Въ старину главными поставщиками лошадей для Русскихъ были Татары и Ногайцы изъ Астрахани и Казани. Они ежегодно доставляли на продажу въ Москву табуны тысячъ отъ 30 до 50. Часть этихъ лошадей, тысячъ 5—8, по словамъ Котошихина, отбиралась мѣстными воеводами про царскій обиходъ, — лошадей записывали и запятывали, остальныхъ присылали потомъ въ Москву. Въ Москвѣ эти лошади продавались всякаго чину служилымъ людямъ и инымъ чинамъ, при чемъ, съ продажи и съ записки тѣхъ лошадей, сопровождавшихся наложепіемъ пятенъ, собирались отъ покупателей записныя деньги въ Конюшенный Приказъ. Затѣмъ лошади перепродавались изъ Москвы по всей Россіи. Память о такомъ обыкновеніи до сихъ поръ сохранилась въ дѣтской припѣвкѣ въ Пермской губерніи:

Ударимъ въ доску,
Поѣдемте въ Москву;
Ребятъ крестить,
Жеребятъ пятнать ²⁾.

Разумѣется, въ старинной Руси, во время господства привилегій, не всѣ обязывались платить пятно. Нѣкоторые изъ монастырей, въ томъ числѣ и наши сѣверные, освобождались отъ упомянутой пошлины великокняжескими и царскими жалованными грамотами. Въ грамотѣ Василя Ивановича Печеньскому Кольскому монастырю читаемъ: „а случится игумену или братѣ и монастырскимъ слугомъ и крестьяномъ и дворникомъ, въ которомъ городѣ или волости, купить лошадь или промѣнять, а намѣстники Новгородскіе и Устюжскіе и Двинскіе и волостели и пятинщики пятинного съ нихъ не емлютъ“ ³⁾. Въ грамотѣ Ивана Грознаго, данной въ 1548 году Соловецкому монастырю, между прочимъ сказано: „также пятенщики кони монастырскіе и у слугъ и у крестьянъ и у дворниковъ пятнають, а отъ пята у нихъ не емлютъ ничего“ ⁴⁾. Слуги и крестьяне Сібскаго монастыря также безплатно покупали и питали лошадей ⁵⁾. Нѣкоторымъ монастырямъ, напримѣръ Саво-Сторожевскому,

¹⁾ Тамъ же, стр. 70, 228, 43, 45, 197.

²⁾ Зап. Русск. Геогр. Общ. 1869 г., т. II, стр. 664.

³⁾ Зап. Русск. Отд. Археолог. Общ. 1861 г., т. II, стр. 647.

⁴⁾ Опис. Соловецк. монаст., архив. Доспѣева, т. II, стр. 11.

⁵⁾ Памяти. книж. Арх. губ. 1862 г., стр. 15.

самимъ предоставлено было право собирать пятно или пятинное¹⁾. Сами князья иногда дарили монастырямъ пятна для пятнанія лошадей. Такъ, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, великій князь Дмитрій Донской далъ (до 1393 г.) Троицкому-Сергіеву монастырю пятно погайское²⁾.

Послѣдній фактъ служитъ прямымъ доказательствомъ того, что къ намъ, по крайней мѣрѣ въ высшія сословія, переходили пятна и отъ сосѣднихъ восточныхъ народовъ. Случаевъ знакомиться съ восточными клеймами, въ особенности во время монгольскаго ига, было не мало. Наши предки шли передъ глазами, во первыхъ, ханскія клейма, которыми налагались на товары при сборѣ торговыхъ пошлинъ на всякаго рода грамоты и бумаги хановъ, восточныхъ, родовыя клейма различныхъ восточныхъ народовъ, подвластныхъ монгольскимъ ханамъ, въ особенности тѣхъ, которые доставляли въ Москву лошадей, заклеимленныхъ, по восточному обычаю, особыми знаками. Внося къ намъ нѣкоторые изъ своихъ клеймъ, восточные народы передали и слова для ихъ обозначенія: тамга и ясакъ. Первое слово, какъ мы уже говорили, означало сперва родовой знакъ и печать, потомъ таможенное клеймо и, наконецъ, пошлину или подать. Ясакъ также означалъ сначала родовое клеймо, а послѣ—подать кожами и другими предметами, которые, при приѣмѣ, заклеимливались казеннымъ клеймомъ. Разумѣется, число клеймъ, принятыхъ отъ восточныхъ народовъ, не могло быть значительно, какъ потому, что у народовъ, сохраняющихъ родовой бытъ, какими были всѣ наши восточные сосѣди, родовыхъ клеймъ было очень мало³⁾, такъ и потому, что ихъ заимствовали собственно высшія сословія и разнаго рода учрежденія, духовныя и гражданскія, и правительственныя лица; народъ же въ нихъ не нуждался, потому что имѣлъ собственные исконные знаки, которыхъ не мѣнялъ по произволу. Если бы у насъ существовали въ народѣ и въ официальной средѣ одни татарско-монгольскія названія клеймъ, то еще можно было бы утверждать о значительномъ запи-

¹⁾ Промышл. древн. Руси, Аристова, стр. 229.

²⁾ Тамъ же, стр. 64 и 197.

³⁾ У Монголовъ, напримѣръ, во время Чингизхана, было собственно 12 родовъ, имѣвшихъ свои особые гербы, или тамга, которыми служили птицы и деревья. Когда одинъ изъ этихъ родовъ, родственныхъ по гербамъ, отходилъ, то гербъ его удерживался, а онъ замѣнялся однимъ изъ 34 родовъ (свободныхъ Божіихъ людей), которые были поселены въ долину Глапуси (Die Rechtsverh. bei verschied. Völker, von Bastian, 1872, стр. 164).

ствованіи Русскими восточныхъ клеймъ. Но такъ какъ на-ряду съ подобными названіями сохранились и чисто русскія, то этого нельзя признать.

Мы уже говорили, что таможенные знаки произошли именно отъ знаковъ собственности и потому уже сдѣлались произвольными знаками. У Монголъ таможенными знаками служили родовыя клейма хановъ, а у насъ—личные знаки великихъ и удѣльныхъ князей и другіе, которые прежде тоже были родовыми и, слѣдовательно, постоянными. Родовые или личные знаки, будучи приложены къ товарамъ, съ которыхъ взималась пошлина, становились правительственными, официальными клеймами. Подобно этому и на деньгахъ выставались личные знаки князей, или знамена, сдѣлавшіяся правительственными.

Начало денежныхъ знаковъ также кроется въ торговыхъ клеймахъ. Въ странахъ, занимаемыхъ восточно-славянскими и литовскими племенами, также финскими и монгольскими народами, первоначально, какъ извѣстно, денежною единицей служили кожи дикихъ звѣрей, представлявшія важный предметъ вѣшняго сбыта. У насъ первоначально цѣна кожи, заклеяенныя родовыми или личными княжескими знаками (а клеймить продаваемые вещи, въ особенности мѣха и кожи, и раньше было въ обычаѣ, какъ сказано выше), а потому части ихъ ходили вмѣсто денегъ, передаваясь при каждой покупкѣ. Отсюда происхожденіе названій многихъ денежныхъ знаковъ по именамъ животныхъ и ихъ частямъ: купы, бѣлки, мордки, потатки и проч. ¹⁾ Могло быть и такъ, что кожи извѣстныхъ животныхъ принимались просто какъ воображаемыя мѣрила цѣнностей вещей, безъ передачи ихъ каждый разъ при обмѣнѣ однихъ вещей на другія, подобно тому, какъ до сихъ поръ въ мѣшовой торговлѣ Русскихъ съ Самоѣдами единицей торговой мѣры считаются кожи песца или молодого оленя, къ которой приравнивается цѣнность товаровъ при мѣнѣ ²⁾.

Весьма можетъ быть, что у насъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, до признанія монетой кусковъ металла съ изображеніемъ знаковъ, были въ употребленіи и деревянные дощечки съ родовыми

¹⁾ Ист. Госуд. Росс., Карамзина, т. I, пр. 524. Долше всего удержались мѣшовыя деньги, кумицы и бѣлки, на отдаленномъ сѣверѣ, на Двинѣ и пр., а въ остальныхъ мѣстахъ Россіи уже со времени нашествія Монголовъ должны были распространиться серебряныя деньги, такъ какъ монгольскіе завоеватели не хотѣли признавать денегъ перваго рода.

²⁾ Сборн. народн. юрид. обыч. Арх. губ., II. Ефименко, стр. 97.

же клеймами, подобно тѣмъ дощечкамъ, которыя оставались при взятіи чужихъ вещей въ долгъ въ отсутствіе хозяина. Можно думать, что заемныя дощечки съ клеймами обратились въ денежные знаки. Въ примѣръ народа, употреблявшаго деревянныя деньги, можно привести Монголовъ. Монголы, говоритъ Карамзинъ, въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и кожаные лоскутки съ ханскимъ клеймомъ. Но въ Бухаріи и въ Камчаткѣ тѣ же Монголы имѣли собственную серебряную и мѣдную монету, изъ коихъ первая называлась тангою, а вторая—пулою ¹⁾. Въ Олонецкой губерніи и на развалинахъ города Булгара до сихъ поръ находятъ серебрянныя куски съ простыми знаками, въ видѣ точекъ, черточекъ, звѣздочекъ и тому подобныхъ начертаній. Подобныя куски, находимыя въ Булгарѣ, Карамзинъ приписываетъ безграмотному народу; онъ признаетъ ихъ за чуждскія деньги ²⁾. Принадлежали ли они Чуди или другому народу—объ этомъ можно еще спорить, но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что изображенія на этихъ древнѣйшихъ монетахъ были ни болѣе, ни менѣе, какъ знаки собственности.

Древнѣйшія русскія монеты имѣютъ на себѣ изображенія животныхъ безъ надписи ³⁾. Изображенія же эти были ничто иное, какъ княжескіе гербы, которые произошли отъ знаковъ собственности. Догадка о первоначальномъ возникновеніи нашихъ монетъ изъ знаковъ собственности можетъ опираться еще на слѣдующіе факты. Подтвержденіемъ этому служатъ, во первыхъ, сходство у насъ и у другихъ народовъ въ названіи нѣкоторыхъ монетъ съ названіями родовыхъ знаковъ и знаковъ собственности. Такъ, у Монголовъ слово танга было названіемъ монеты и родового знака. Это же названіе усвоили и Русскіе, измѣнивъ его въ слово деньга и деньги ⁴⁾, у Нѣмцевъ марка — названіе извѣстной монеты и знака собственности. Въ вторыхъ, тождество въ названіяхъ изображеній на деньгахъ съ названіями знаковъ собственности; тѣ и другія назывались знаменами ⁵⁾. По своему внѣшнему виду, монета представляетъ не болѣе, какъ измѣненію бирку, самый древній знакъ, который передавался при торговыхъ и

¹⁾ Ист. Гос. Рос., т. V, стр. 69 и прим. 135.

²⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 125 и Памятн. кн. Олонец. губ. 1867 г., стр. 112.

³⁾ Тамъ-же, т. V, прим. 135.

⁴⁾ Тамъ-же, т. V, стр. 96 и прим. 135.

⁵⁾ Тамъ-же, т. I, прим. 298; VIII, прим. 67.

другихъ сдѣлкахъ; именно, знамя монеты соотвѣтствуетъ клейму бирки, а числа, означающія достоинство монеты, цифрамъ бирки.

Еще одно примѣненіе пятенъ или знаменъ было сдѣлано первобытными народами, это — употребленіе ихъ какъ первоначальнаго письма. Вырѣзанныя на чемъ-нибудь или начертанныя на какомъ-нибудь предметѣ пятна и знамена составляли первое извѣстное челоуѣчеству письмо. Клейма, будучи начертаны, представляли собою два различныя понятія: понятіе о предметѣ, который служилъ эмблемой лица или рода, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о самомъ лицѣ или родѣ, называвшемся именемъ этого предмета. Здѣсь, слѣдовательно, источникъ эмблематическихъ начертаній, которыя играютъ такую важную роль въ фигурномъ письмѣ. Собраніе начертанныхъ знаковъ даднаго народа уже составляетъ первоначальную фигурную азбуку, изъ которой развилось дальнѣйшее письмо.

Самыя простѣйшія мысли могутъ быть выражены на письмѣ одними клеймами; дѣйствительно, посредствомъ клеймъ дикари выражаютъ свои мысли, при чемъ матеріаломъ для письма служитъ собственная кожа. Такимъ образомъ, татуированіе есть родъ первоначальнаго письма. Приводимъ примѣръ самаго простѣйшаго изображенія своихъ мыслей. Одинъ храбрый начальникъ индѣйскаго племени, по имени Ванундохвалепдъ желалъ, чтобы ему дали другое имя; для этого онъ нацупкировалъ себѣ сверху подбородка изображеніе водяной ищерицы, и съ тѣхъ поръ началъ называться Твакашавсу (водяная ищерица)¹⁾.

Если къ знакамъ собственности присоединить изображеніе нѣкоторыхъ чиселъ, съ начертаніями которыхъ знакомы всѣ почти народы, находящіеся въ первобытномъ состояніи, то составитъ уже гораздо большее число знаковъ, съ помощью которыхъ не трудно выразить нѣкоторыя болѣе сложные понятія.

У бродячихъ ловцовъ нашего сѣвера, у Самоѣдовъ, посредствомъ однихъ клеймъ и числовыхъ знаковъ пишутся своего рода предписанія или приказанія по службѣ, касающіяся до сбора ясачной подати и требованія подводъ. Самоѣдскіе старшины вырѣзываютъ на деревянной дощечкѣ клейма тѣхъ лицъ, отъ которыхъ требуется ясакъ или олени для подводъ; противъ этихъ клеймъ дѣлаютъ зарубки, означающія количество требующихся рублей, звѣриныхъ шкуръ или оленей, прикладываютъ тутъ же свое клеймо и приказъ готовъ;

¹⁾ Allgem. Cultur-Geschichte der Menschheit, von Klemm, т. II, стр. 39.

стоитъ только отослать его по принадлежности ¹⁾). Конечно, такого рода письмо существовало и у Славянъ, если только они имѣли знаки собственности и числовые. Что въ первобытномъ письмѣ Славянъ важная роль была предоставлена тогдашнимъ числовымъ знакамъ, можно заключить изъ того, что они искусству чтенія и счисленія дали названія филологически тождественныя: слова читать и считать имѣютъ одинъ корень и показываютъ, что первоначально читали по цифрамъ, разумѣется, съ прибавленіемъ клеймъ. То же самое доказываютъ и другіе языки; напримѣръ, у Литовцевъ слова skaityti, skaityti означаютъ и читать, и считать; потому чтеніе называется считаньемъ буквъ ²⁾).

Далѣе, въ фигурномъ письмѣ первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемся, кромѣ символическихъ знаковъ рода или отдѣльнаго лица, а также счетныхъ знаковъ, съ фигурными изображеніями другихъ предметовъ. Это письмо уже болѣе высшаго разряда. Приводимъ примѣръ выраженія мыслей и въ подобной формѣ. Одинъ престарѣлый Индѣецъ, племени Лсанапе, котораго все тѣло было покрыто рубцами отъ стрѣлъ, разрисовалъ всѣ свои непокрытыя мѣста кожи фигурами, которыя имѣли отношеніе къ его геройскимъ подвигамъ, такъ что вся его исторія, такимъ образомъ, была представлена на кожѣ и его соплеменники могли читать ее по этимъ фигурамъ ³⁾).

Если признать у Славянъ существованіе фигурнаго письма, въ родѣ самоѣдскаго или индѣйскаго, то съ помощію его можно объяснить способъ составленія нѣкоторыхъ славянскихъ надписей и писемъ, о которыхъ упоминаютъ иностранные писатели и отечественные историческіе акты, напримѣръ, собственные подписи, которыми, по словамъ Константина Порфиророднаго, Хорваты подтвердили свою клятву нацѣ по восвать съ другими народами; надпись на могильномъ столбѣ, на которомъ, по словамъ Ибнъ-Фодлапа, писалось имя покойнаго съ пменемъ князя; извѣщеніе (какъ того требовалъ договоръ Игоря съ Греками) русскимъ княземъ о числѣ кораблей съ послами и гостями, которые посылались въ Византію и т. п. ⁴⁾).

Но для болѣе широкаго круга понятій, возникшихъ у Славянъ, уже недостаточно было картиннаго письма, которое притомъ, по своей

¹⁾ Арх. Губ. Вѣд. 1870 г., № 34.

²⁾ Litwa, Kraszewskiego. W. 1847, т. I, стр. 249.

³⁾ Allgem. Cult. Gesch. der Mensch., т. II, стр. 39.

⁴⁾ Сказ. иностр. о бытѣ Слав., *Махушева* Спб. 1861, стр. 163 — 165.

образности, довольно затрудняло пишущихъ. Поэтому, выѣстъ съ перемѣной въ характерѣ родовыхъ знаковъ, должно было появиться письмо простыми начертаніями и наръзками, письмо славянскими рунами, или тѣми чрѣтами (пятна) и рѣзами (знамена), которыми, по словамъ Черноризца Храбра „чѣтаху и гатаху Словѣне, погани суще“. Что славянскія руны возникли изъ пятенъ и знаменій, а не на оборотъ, какъ думаютъ нѣкоторые, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Чтобы отрицать это, нужно доказать, что вообще родовые знаки возникли послѣ искусства письма и что самыя простыя изъ открываемыхъ надписей обходятся безъ клеймъ. Навѣрно, позднѣйшія изысканія и сравненіе древнѣйшихъ родовыхъ и домовыхъ знаковъ, открываемыхъ, напримѣръ, на днахъ жертвенныхъ горшковъ¹⁾, съ славянскими рунами покажутъ, что многіе изъ знаковъ перваго рода вошли въ составъ нашихъ рунъ. Въ подтвержденіе мысли о происхожденіи древнихъ славянскихъ письменныхъ знаковъ отъ пятенъ и знаменъ можно привести и филологическое соображеніе. По словамъ Шафарика, буквы у Славянъ назывались мѣтами или мѣтками, а писецъ—метельникъ; нынѣ же мѣтками и отиѣтинами называются знаки собственности²⁾.

Арабскій писатель Ибнъ-Эль-Недимъ, сохранившій въ своемъ сочиненіи славянскія руны, сообщаетъ, что эти знаки были вырѣзываемы на кускахъ бѣлаго дерева. Что такой обычай существовалъ у насъ, подтверждаетъ слово „рѣзь“, которымъ обозначались буквы. О существованіи подобнаго же обыкновенія у ближайшихъ нашихъ сосѣдей—Литовцевъ, находившихся, пожалуй, на низшей степени развитія, нежели Славяне, свидѣлствуютъ филологическія данныя. Вотъ что говоритъ Крашевскій по этому поводу: „письмо, писаніе по-литовски называется раштасъ, рашимасъ, пишу—рашау, письмо (написанное)—раштасъ. Значеніе этого слова, его корень указываютъ на характеръ древняго письма: рашыти, писать, означаетъ совершенно то же самое, что *ripen, ripen* по-готски, то-есть, вырѣзывать. Рашыти до сихъ поръ означаетъ вырѣзывать на камнѣ. Насѣчки, затеси на деревѣ называются, также какъ и письмо, раштасъ. Наконецъ, раштасъ означаетъ кусокъ дерева, а это еще болѣе подтверждаетъ, что первоначально писали на деревѣ зарубками—раштасъ и знаками—зникласъ. Буквы по-литовски называются рашитине, или скаитытине

¹⁾ Изображ. ихъ см. въ Древностяхъ, издав. Моск. Археол. Общ. 1867, т. I, вып. 2, табл. VIII—XI.

²⁾ О началахъ наслѣдов. въ древн. рус. правѣ, Никольскаго М. 1859, стр. 67.

(числовый знакъ, цифра), или раштелись, даже раштасть... Слово раштыти, писать, употреблялось также для означенія цвѣтнаго вышиванья на рубахахъ¹⁾.

И у Славянъ первоначально руны вырѣзывались на доскахъ; оттого вошло въ обычай называть письмо дсками, даже и тогда, когда, вмѣсто дерева, стали употреблять для письма иной матеріалъ²⁾. Самое слово книга, по объясненію филологовъ, происходитъ отъ кнее или кнѣе, а кнее значитъ цепь, дерево, доска³⁾. У Римлянъ богъ границъ, Гермесъ, изображавшійся въ видѣ пограничныхъ камней, считался изобрѣтателемъ буквъ. Это, конечно, оттого, что на пограничныхъ камняхъ и столбахъ вырѣзывались сначала клейма и межевые знаки, а потомъ и разнаго рода надписи⁴⁾.

¹⁾ Litwa, Kraszew., т. I, стр. 248.

²⁾ Historia prawod. słowian, Maciejowskiego, т. I, стр. 239.

³⁾ Slovanske pravo v Čechach a na Morave. Jiráček, т. I, стр. 152.

⁴⁾ Начало цивилиз., Лэбока, стр. 142.

И. Юрминко.

(Кончаніе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. Е. Карновича. С.-Петербургъ. 1874.

Исторія частнаго хозяйства не только въ нашей литературѣ, но и въ заграничной, вообще еще весьма мало разработана. Поэтому нельзя не признать выборъ темы г. Карновича весьма удачнымъ. Монографія такого рода тѣмъ болѣе должны считаться важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки, что онѣ представляютъ одинаково важный интересъ и для исторіи, и для политической экономіи.

Но что могло заставить г. Карновича считать свой трудъ изслѣдованіемъ? Монографія о „частныхъ богатствахъ въ Россіи“ една ли заслуживаетъ такого названія. Собраніе множества фактовъ, относящихся къ замѣчательнымъ частнымъ богатствамъ въ нашемъ отечествѣ, разказъ, болѣею частью анекдотическій, о многихъ богачахъ XVIII вѣка и о судьбѣ ихъ капиталовъ до позднѣйшаго времени въ томъ видѣ, въ какомъ все это излагается у г. Карновича, вовсе не имѣетъ характера научности. Въ разбираемой книгѣ мы находимъ лишь однѣ частности; авторъ не приходить къ какому-либо опредѣленному выводу. Его книга произвела на насъ впечатлѣніе сборника фактовъ болѣе или менѣе интересныхъ, но еще ожидающихъ тщательной обработки.

Способы пріобрѣтенія значительныхъ богатствъ, какъ справедливо говорить г. Карновичъ, могутъ дать вѣрное понятіе о *нравственномъ* состояніи нашего общества. Мы сказали бы, что изученіе этихъ способовъ можетъ ознакомить насъ съ главными условіями быта *хозяйственной*, разъясненіе которыхъ, въ свою очередь, можетъ доставить матеріалъ для болѣе правильнаго обсужденія *нѣкоторыхъ* чертъ нравственнаго состоянія народа.

Относительно матеріаловъ для составленія сочиненія о частныхъ богатствахъ въ Россіи, авторъ въ замѣчаніи подъ стр. 2-й говоритъ слѣдующее: „Мы считаемъ излишнимъ приводить особо длинный списокъ всѣхъ источниковъ, которыми мы воспользовались, такъ какъ на нихъ, тамъ гдѣ это оказывается нужнымъ, дѣлаются ссылки въ самомъ сочиненіи“. Во первыхъ, намъ кажется, что обязанность автора заключается не только въ сообщеніи списка источниковъ, но и въ точной оцѣнкѣ ихъ. Тутъ именно онъ могъ бы указать на значеніе разныхъ видовъ источниковъ, на степень довѣрія, котораго заслуживаютъ различныя записки или историческіе труды, относящіеся къ исторіи XVII и XVIII вѣковъ; могъ бы указать преимущественно на тѣ источники, которые заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи хозяйства, какъ напримѣръ, на сочиненіе Котошихина и пр.; авторъ былъ бы обязанъ за тѣмъ упомянуть о значеніи матеріала, заключающагося въ такихъ сочиненіяхъ, какъ книга Гельбига „*Russische Güstlinge*“ или біографическіе словари Бантышъ-Каменскаго и пр. Вторыхъ, ссылки на нѣкоторыя сочиненія, которыми пользовался г. Карповичъ, встрѣчаются у него нѣ весьма небольшимъ числѣ, а къ тому же безъ достаточно подробныхъ указаній. Авторъ, впрочемъ, замѣчаетъ, „что при пользованіи упомянутыми матеріалами строгая историческая критика, въ большинствѣ случаевъ, была почти не возможна, такъ какъ очень часто нельзя допастись съ точностью о томъ, какимъ именно способомъ пріобрѣтались богатства всѣми тѣми, которые въ разное время слыли у насъ извѣстными богачами, а также опредѣлять цѣнность или доходность принадлежавшаго имъ имущества“. Тутъ, какъ видно, смѣшиваются два различныя предмета. Историческая критика должна прежде всего опредѣлять степень достовѣрности источниковъ вообще, а затѣмъ уже опредѣляются съ возможною точностью частности каждаго факта. Совсѣмъ разныя вещи — объясненіе, почему, напримѣръ, сочиненіемъ Гельбига „*Russische Güstlinge*“ должно пользоваться лишь съ величайшею осторожностью, или разборъ вопроса, на сколько можно считать вѣроятнымъ, что графъ Завадовскій занимался передѣломъ монеты въ разные предметы и этимъ самымъ содѣйствовалъ умноженію своего богатства.

Изъ книги г. Карповича читатель, хотя нѣсколько знакомый съ источниками, можетъ, конечно, составить себѣ понятіе о размѣрахъ начитанности автора. Очевидно, автору извѣстны общіе историческіе источники, записки современниковъ, журнальныя статьи; но очень

жалъ, что мы не въ состояніи прослѣдить способа, какимъ онъ пользовался всѣмъ этимъ. Такъ напримѣръ, на стр. 284 сказано: „Извѣстный историкъ Германъ разказываетъ, что по смерти императрицы Елизаветы графъ Алексѣй Разумовскій просилъ Петра III принять въ казну все пожалованное ему, Разумовскому, недвижимое имѣніе, оставивъ за нимъ одну только свободу, гдѣ бы онъ могъ вести остатокъ своихъ дней“. При чтеніи этихъ строкъ насъ прежде всего поразили выраженія: „извѣстный историкъ Германъ разказываетъ“. Откуда почтенный авторъ сочиненія „Geschichte des russischen Staats“, профессоръ Марбургскаго университета, могъ узнать объ этомъ анекдотѣ, и можно ли приводить „разказъ Германа“ въ томъ же тонѣ, въ какомъ передается обыкновенно разказъ современника-очевидца? Мы пожелали справиться съ самимъ Германомъ, но въ книгѣ г. Карновича не нашли надлежащей ссылки на него; тогда мы на удачу обратились къ тому изъ сочиненій Германа, въ которомъ легче всего можно было предполагать разказъ о Разумовскомъ, а именно въ „Geschichte des russischen Staats“. Тутъ въ томѣ V, на стр. 265, нашли мы то указаніе, на которомъ г. Карновичъ основываетъ свой разказъ. Оказалось, что въ означенномъ мѣстѣ г. Германъ приводитъ *in extenso* обширную записку саксонскаго дипломата графа Брюля, такъ что „разказъ Германа“ превратился этимъ самымъ въ разказъ Брюля. Что же касается до содержанія разказа, то онъ въ сочиненіи г. Карновича представленъ въ совершенно искаженномъ видѣ. Алексѣй Разумовскій и не думалъ отказываться отъ своихъ богатствъ въ пользу казны, а желалъ лишь отказаться отъ занимаемыхъ имъ должностей: не того ему хотѣлось, чтобы государь „оставилъ за нимъ одну свободу“, а просилъ онъ подарить ему имѣніе въ Малороссіи ¹⁾).

Такой случай небрежности едва ли можетъ развитъ въ читателяхъ-специалистахъ особенное довѣріе къ книгѣ г. Карновича ²⁾. Чѣмъ менѣе солидно пользовался онъ источниками, тѣмъ болѣе важною оказывается для насъ повѣрка данныхъ въ его книгѣ.

Во многихъ случаяхъ совершенное отсутствіе ссылокъ оказы-

¹⁾ *Harrmann, Gesch. d. russ. Staats. V, 265.*

²⁾ Вотъ, между прочимъ, примѣры хронологическихъ погрешностей: на стр. 114 авторъ говоритъ, что со времени Семилѣтней войны прошло *два столѣтія*; на стр. 129 сказано, что въ 1760 (*sic*) году Екатерина II позвратила *ишу* Толстаго графское достоинство.

вается чрезвычайно прискорбнымъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о фальшивыхъ русскихъ ассигнаціяхъ, привезенныхъ будто бы Французами въ 1812 году въ Россію, еще не такъ давно считался спорнымъ. Между тѣмъ какъ г. Богдановичъ положительно не довѣрялъ этому слуху. г. Липранди въ *Русскомъ Архивѣ* (1865 г, стр. 491—494 и 873—882) приводитъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ въ подтвержденіе его. Вообще же это обстоятельство еще не достаточно изслѣдовано ¹⁾. Тѣмъ любопытнѣе замѣтка г. Карповича (стр. 27) о случаяхъ обогащенія фальшивыми, ввезенными Наполеономъ, ассигнаціями въ 1812 г., когда вдругъ появились въ Москвѣ громадныя купеческія капиталы у лицъ, до того времени совершенно бѣдныхъ и не занимавшихся никакими значительными коммерческими предпріятіями. Тутъ опять нѣтъ никакой ссылки. Вообще ссылки встрѣчаются въ книгѣ г. Карповича лишь какъ весьма рѣдкое исключеніе. То, что авторъ называетъ ссылкой, по нашему мнѣнію, вовсе не заслуживаетъ этого названія. На стр. 49, напримѣръ, сказано: „1.750.000 рублей при Екатеринѣ II, по сдѣланному въ *Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей* замѣчанію, равнялись 10 милліонамъ по нашему курсу 1862 года“. Кто сдѣлалъ это „замѣчаніе“? Когда оно было сдѣлано? Въ какой статьѣ? Можетъ ли столь важный результатъ быть содержаніемъ простаго „замѣчанія“, тогда какъ онъ долженъ быть основанъ на тщательномъ изысканіи объ отношеніи цѣнностей или монетныхъ единицъ въ разлчное время? Такого рода ссылки обнаруживаютъ познѣйшій дилеттантизмъ.

Г. Карповичъ очень доволенъ своею начитанностью и считаетъ свой трудъ совершенно полнымъ, не имѣющимъ пробѣловъ. На стр. 4 сказано: „Мы не безъ увѣренности полагаемъ, что все, когда-либо появившееся въ печати какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, касательно частныхъ богатствъ въ Россіи, внесено въ настоящій трудъ съ прибавленіемъ къ тому нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма немногихъ слѣдствій, заимствованныхъ нами изъ рукописныхъ матеріаловъ“. Имѣлъ ли авторъ, разсуждалъ такимъ образомъ, хотя бы приблизительное понятіе объ обширности своей задачи? Исчерпать все, встрѣчающееся въ иностранной литературѣ о частныхъ богатствахъ въ Россіи, было бы, во первыхъ, нелегко, а во вторыхъ, совершенно невозможно. Многія подробности о частныхъ богатствахъ вовсе не

¹⁾ См. мою статью „Napoleon I als Fälscher russischen Papiergeldes“ въ журналѣ: *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1867 II, 435.

интересны, вовсе не заслуживаютъ вниманія и имѣютъ нѣкоторое значеніе только какъ сырой матеріалъ. Далѣе, число источниковъ, напримѣръ, однихъ записокъ современниковъ на различныхъ языкахъ, столь громадно, что едва ли кто-нибудь можетъ гордиться полнымъ знакомствомъ со всѣми такими книгами, въ которыхъ могло быть упомянуто о частныхъ богатствахъ въ Россіи. О князѣ Меншиковѣ, Биронѣ, графѣ Остерманѣ и пр. явилось за границею въ продолженіе XVIII вѣка множество брошюръ и довольно обширныхъ сочиненій, въ которыхъ говорится между прочимъ болѣе или менѣе подробно, о хозяйственномъ положеніи этихъ лицъ. Неужели г. Карновичъ убѣжденъ, что онъ вполне знакомъ со всею этою литературою? Занимался ли онъ, напримѣръ, вопросомъ о частномъ богатствѣ извѣстнаго современника Петра Великаго Ивана—Посошкова? Читалъ ли онъ все то, что Юрій Крижаничъ писалъ объ общественномъ положеніи богатыхъ людей, которыхъ онъ называетъ Сардапалами? То, что сказано въ сочиненіи г. Карновича, на стр. 173, о безкорыстіи Лефорта, заставляетъ сомнѣваться, чтобы ему было извѣстно сочиненіе Посселята о Лефортѣ, въ которомъ, однако, встрѣчаются весьма любопытныя данныя о частномъ богатствѣ этого любимица Петра Великаго.

Приступая къ рѣшенію такой задачи, за которую взялся г. Карновичъ, нельзя довольствоваться знакомствомъ съ историческою литературою въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Авторъ подобнаго труда долженъ быть экономистомъ, долженъ быть знакомъ съ важнѣйшими пособіями исторіи хозяйства вообще и исторіи хозяйства въ Россіи въ особенности. Ни того, ни другаго нельзя сказать о г. Карновичѣ, который, затрогивая экономическіе вопросы, разсуждая объ экономическо-историческихъ фактахъ, обнаруживаетъ изумительное незнакомство съ предметомъ и неумѣнье заниматься такого рода вопросами.

Размѣры богатства частныхъ лицъ выражаются въ цифрахъ, а именно чаще всего въ извѣстныхъ суммахъ денегъ или въ извѣстномъ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Очевидно, доходность поземельной собственности была различна въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ; нигдѣ, однако, въ сочиненіи г. Карновича мы не встрѣчаемъ попытки опредѣлить извѣстное отношеніе имущества къ доходамъ, получаемымъ изъ этого имущества. На стр. 305 авторъ разсказываетъ, что братья Орловы получили въ сложности отъ 1762 по 1783 г. 45.000 душъ крестьянъ и 17 милліоновъ рублей налич-

ними деньгами и разными драгоценностями, а на стр. 307 сказано, что ежегодный доход князя Орлова (одного изъ братьевъ) простирался до 200.000 руб. Певольно рождается вопросъ: не кажется ли ежегодный доходъ относительно незначительнымъ въ сравненіи съ громаднымъ капиталомъ? Какихъ бы то ни было соображеній объ отношеніи дохода къ капиталу въ сочиненіи г. Карновича нигдѣ не встрѣчается.

Исторія монетной единицы, подвергавшейся въ продолженіе вѣковъ сильнымъ измѣненіямъ, какъ кажется, вовсе не интересуетъ автора. Все, что упоминается объ этомъ въ книгѣ г. Карновича, показываетъ только, что онъ никогда не занимался исторіей денежной системы въ Россіи.

На стр. 36 разказано, что царь Борисъ Ѳеодоровичъ подарилъ воеводѣ Петру Ѳеодоровичу Басманову, за пораженіе Самозванца, между прочимъ, „2.000 рублей, составляющихъ по нынѣшнему курсу 100.000 рублей“. На чемъ основано такое положеніе? Неужели на тщательномъ сравненіи монетной единицы въ началѣ XVII вѣка съ „нынѣшнимъ курсомъ“? Что значитъ „нынѣшній курсъ“? Имѣется ли тутъ въ виду сравненіе количества серебра въ рубль при Борисѣ съ количествомъ серебра, соответствующимъ теперешнему бумажному рублю? Имѣется ли въ виду различная степень возможности купить известное количество различнаго товара, а именно хлѣба, въ различное время? Мы полагаемъ, что авторъ едва ли въ состояніи отвѣчать на подобные вопросы.

Указаніе на то, что $1\frac{3}{4}$ милліона равнялись при Екатеринѣ II 10-ти милліонамъ „по нашему курсу 1862 года“, онъ встрѣтилъ, какъ мы уже видѣли, гдѣ-то въ *Чтеніяхъ Московскаго общества*; но на чемъ основано такое положеніе — къ этому вопросу г. Карновичъ относится вполне равнодушно.

Г. Карновичъ на стр. 362 говоритъ, что банкиру Сутерланду было поручено перевести въ Англію казенныя суммы въ количествѣ 6.000.000 гульденовъ, что составляло на тогдашнія наши деньги 200.000 рублей (sic). Неужели г. Карновичъ считаетъ возможнымъ, чтобы при Екатеринѣ одинъ рубль равнялся 30-ти гульденамъ? Или это опечатка? Но она не оговорена въ списокѣ типографскихъ погрѣшностей, какъ и многія другія.

Какъ мало г. Карновичъ знакомъ съ исторіей денегъ въ Россіи — видно изъ слѣдующаго. На стр. 50 разказываетъ онъ объ искусствѣ графа Завадовскаго захватывать золотую и серебрянную монету

въ свои руки при самомъ выходѣ ея изъ чеканки, а затѣмъ продолжаетъ: „Даже мѣдныя деньги и тѣ быстро уходили изъ обращенія, такъ какъ цѣнность мѣди въ издѣлкахъ была выше, нежели въ монетѣ, и по слышаннымъ нами преданіямъ, многіе разжились тѣмъ, что сплавляли мѣдныя деньги и потомъ продавали мѣдь на вѣсъ, преимущественно на выдѣлку кубовъ для винокуренныхъ заводовъ“.

Вообще ли, часто ли, когда именно „цѣнность мѣди въ издѣлкахъ была выше нежели въ монетѣ“? Такой вопросъ даже и не затрагивается авторомъ. Положившись на его слова, можно подумать, что мѣдныя деньги въ Россіи чеканились обыкновенно такимъ образомъ, что реальная цѣнность заключающейся въ деньгахъ мѣди превышала номинальную цѣнность монеты, между тѣмъ какъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ сплавка денегъ оказывалась выгодною операціей. Объ отношеніи номинальной цѣны монеты къ реальной можно весьма легко узнать изъ многихъ доступныхъ каждому изслѣдованій, напримѣръ, изъ сочиненій барона Шодуара (Chaudoir), Заблоцкаго, изъ описаній нумизматическихъ коллекцій Шуберта, Рейхеля и др. Настоящій историкъ-экономистъ никогда не станетъ при оцѣнкѣ столь важныхъ фактовъ руководствоваться „слышанными преданіями“, а обратится къ исторической литературѣ. Изъ нея г. Карповичъ узналъ бы, что, напримѣръ, въ то время, къ которому отнесены имъ операціи Завадовскаго по сплавкѣ монетъ, пудъ мѣди стоилъ не болѣе 5½, рублей, тогда какъ изъ одного пуда мѣди чеканилось мѣдной монеты на сумму 16 рублей ¹⁾. Значить, по крайней мѣрѣ въ то время, сплавка монетъ и передѣлка ихъ въ кубы для винокуренныхъ заводовъ оказываются невозможными. Неужели авторъ наввно, убѣжденъ, что правительство допускало въ мѣдной монетѣ такую несообразность между номинальною и реальною цѣнностями въ ущербъ казнѣ? Кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ исторіей денегъ, тотъ знаетъ, конечно, что правительство гораздо легче ошибалось въ противоположномъ направленіи, чеканя деньги по слишкомъ высокой номинальной цѣнѣ, то-есть, употребляя при чеканкѣ монетъ слишкомъ мало металла, что обыкновенно имѣло слѣдствіемъ пониженіе цѣнности монетной единицы.

Вотъ еще другой случай, показывающій незнакомство автора съ исторіей денегъ въ Россіи. На стр. 49 у него сказано: „Вумажно-денежныхъ цѣнностей въ старину у насъ вовсе не существовало;

¹⁾ См. *Chaudoir*, *Apports sur les monnaies russes*, I, 190—192.

введенныя же при Екатеринѣ II ассигнаціи долгое время не пользовались большимъ кредитомъ, такъ что собственно при недостаткѣ звонкой монеты и конить было нечего". Значить, по мнѣнію автора, бумажныя деньги въ первое время послѣ выпуска не пользовались довѣріемъ публики, и только мало-по-малу („долгое время“) упрочилось довѣріе къ нимъ? Исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи свидѣтельствуєтъ о совершенно противномъ. Въ началѣ выпуска ассигнацій увѣнчался полнымъ успѣхомъ вслѣдствіе того, что правительство поступало осторожно, ограничиваясь выпускомъ сравнительно небольшой суммы бумажекъ. Въ самое первое время публика отдавала имъ даже предпочтеніе предъ металлическими деньгами, такъ что размѣнъ послѣднихъ на бумажныя деньги происходилъ съ наддачею $\frac{1}{4}\%$ звонкой монеты. Только спустя нѣсколько лѣтъ, когда вслѣдствіе политическихъ затрудненій, въ особенности же вслѣдствіе Второй Турецкой войны, правительство рѣшилось выпустить гораздо болѣе значительное количество бумажныхъ денегъ, ассигнаціи начали падать въ цѣнѣ и мало по малу утратили довѣріе публики. О всемъ этомъ г. Карповичъ могъ бы узнать подробно, заглянувъ въ одно изъ многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ этому предмету. Онъ убѣдился бы, что бумажныя деньги довольно долгое время пользовались большимъ кредитомъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1772 году	100 руб. звонкой монеты	=	101 бум. денегъ.
„ 1787	100 „	=	103 „
„ 1790	100 „	=	115 „
„ 1791	100 „	=	123 „

и т. д. ¹⁾.

На той же 49 стр. въ сочиненіи г. Карновича встрѣчаются нѣкоторые соображенія о количествѣ находившихся въ обращеніи при Екатеринѣ II денегъ. При этомъ случаѣ авторъ, приводя разные данныя, ссылается на „одну изъ замѣтокъ Екатерины“. Что это за замѣтка? Гдѣ она напечатана? На чемъ основаны цифры, сообщенныя императрицею?

Г. Карновичъ рѣдко затрогиваетъ вопросы, относящіеся до исторіи хозяйства вообще, но тамъ, гдѣ онъ это дѣлаетъ, обнаруживается вполне его несостоятельность. На стр. 60 онъ говоритъ о роскоши,

¹⁾ См., между прочихъ, П. Шторха, Матеріалы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840 г. Спб. 1868, стр. 57. (Оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв.).

которая выражалась главнымъ образомъ въ содержаніи многочисленной прислуги, и на ряду съ которою господствовала не рѣдко нищенская обстановка: „Такая въ сущности нищенская обстановка не помѣшала, однако, Карамзину, восхвалявшему до-Петровскій нашъ бытъ, написать слѣдующія фразистыя строки объ обстановкѣ московскаго боярства: „Въ теченіе вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклопился имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они со своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностію, при звукѣ бубновъ, являлись на столпахъ, шествуя въ храмѣ Божій, или шли на совѣтъ къ государю“. Нане-деніе г. Карновича на Карамзина лишено всякаго основанія. Народу, не привыкшему ни къ какой роскоши, обстановка бояръ должна была казаться чрезвычайно пышною и богатою, если даже она, по нашимъ пышнѣйшимъ понятіямъ, можетъ отчасти казаться „нищенскою“.

Далѣе на той же страницѣ говорится объ одеждѣ, не отличавшейся въ до-Петровскій періодъ особенною роскошью, между прочимъ потому, что „дорогіе наряды, какъ мужскіе, такъ равно и женскіе, не подчинялись причудливымъ требованіямъ моды и переходили постоянно отъ одного поколѣнія къ другому“. На низкихъ степеняхъ культуры сырые продукты обыкновенно обходятся дешево, тогда какъ произведенія промышленности, напримѣръ, ткани, цѣнятся весьма дорого, особенно когда онѣ производятся за границею. Дорогіе наряды въ Московскомъ государствѣ состояли большею частію изъ матерій, бывшихъ предметомъ привоза изъ-за границы. Онѣ обходились чрезвычайно дорого. Многіе писатели XVII вѣка, иностранцы, посѣщавшіе Россію, въ своихъ запискахъ особенно говорятъ о томъ, что Русскіе любятъ паряжаться въ дорогія и заграничныя матеріи, и что на эту роскошь даже люди скромнаго состоянія обыкновенно тратятъ весьма значительныя суммы. Таковы, напримѣръ, отзывы Петра, Олсarıя, Крижанича и др. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ костюмомъ Русскихъ въ XVII столѣтіи, напримѣръ, изъ великолѣпнаго изданія „Русскихъ Древностей“, кто имѣлъ случай перелистывать ту или другую изъ расходныхъ книгъ XVII вѣка, напримѣръ, расходную книгу митрополита (впослѣдствіи патріарха) Никона, тотъ будетъ въ состояніи составить себѣ нѣкоторое понятіе о роскоши тогдашнихъ нарядовъ. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этихъ нарядахъ, слѣдуетъ, между прочимъ, сравнить цѣны на сукно, атласъ, бархатъ и т. п. съ хлѣбными цѣнами того времени. Вотъ нѣкото-

рые результаты, къ которымъ мы пришли путемъ такихъ изслѣдованій. Никонъ на покупку сукна для саней истратилъ столько денегъ, сколько было нужно для покупки 30 четвертей ржи. Въ продолженіе семи мѣсяцевъ имъ была израсходована на платье сумма денегъ, соотвѣтствовавшая 500 четвертей ржи. Между тѣмъ какъ по нынѣшнимъ цѣнамъ аршинъ сукна, атласу, или бархату равняется въ цѣнѣ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ четверти ржи, въ XVII вѣкѣ за десять четвертей ржи платилось столько же, сколько платилось за аршинъ этихъ матерій ¹⁾.

На основаніи всего сказаннаго намъ кажется, что г. Карновичъ недостаточно приготовленъ для занятій экономическо-историческими темами. Тѣмъ не менѣе авторъ придаетъ своему сочиненію особенное значеніе. На стр. 4 онъ говоритъ: „Позволяемъ себѣ думать“,— говоритъ онъ,— „что въ книгѣ нашей найдется не мало занимательныхъ подробностей; но если бы мы ограничились только ими, то трудъ нашъ представлялъ бы не столько общаго историческаго, сколько отрывочнаго, анекдотическаго интереса. Поэтому, независимо отъ подробностей, мы сдѣлали еще общіе выводы и такія же замѣчанія, указывающія, подъ вліяніемъ какихъ именно обстоятельствъ въ ту или другую пору могли возникать и развиваться у насъ замѣчательныя частныя богатства; какъ богатства эти подъ тѣмъ же вліяніемъ скоплялись въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ или какихъ-нибудь фамилій, какъ потомъ они дробились, распадались, переходили по наслѣдству или пропадали безслѣдно“.

Къ сожалѣнію такихъ обобщеній, выводовъ почти вовсе не встрѣчается въ сочиненіи г. Карновича, и книга его, вопреки его желанію, сохраняетъ почти исключительно отрывочный, анекдотическій характеръ. Автору далеко не удалось овладѣть предметомъ. Утопая во множествѣ выписокъ, заключавшихъ въ себѣ лишь подробности, онъ даже и не сумѣлъ сгруппировать факты по какимъ-либо общимъ соображеніямъ.

Мы не встрѣчаемъ никакой цѣльности въ изложеніи г. Карновича. Одинъ случай приобрѣтенія богатства слѣдуетъ за другимъ, безъ всякой связи. Авторъ, очевидно, не держался и не хотѣлъ держаться хронологическаго порядка, хотя въ первыхъ главахъ есть нѣкоторыя указанія на богачей XVII вѣка, а въ послѣдней говорится о богачахъ изъ временъ императора Павла и даже Александра I.

¹⁾ См. расходную книгу Никона въ *Временникъ Моск. Общ. Ист.*, т. XIII.

За то въ первыхъ же главахъ говорится и о богачахъ Екатерининскаго времени; о нѣкоторыхъ милліонерахъ времени Елизаветы упоминается во второй половинѣ книги, о богатствѣ фамиліи Строгановыхъ, получившемъ свое начало еще до Петра, въ одиннадцатой главѣ.

Авторъ могъ бы дѣлить богатства на пріобрѣтенныя при дворѣ или государственною службой и посредствомъ обширныхъ торговыхъ и промышленныхъ операций. Онъ, однако, не держался такого порядка въ распредѣленіи своего матеріала, какъ видно изъ того обстоятельства, что въ одной и той же главѣ говорится довольно часто о богатыхъ купцахъ и о царедворцахъ, составившихъ себѣ громадное состояніе, о фабрикантахъ и о государственныхъ людяхъ, считавшихся милліонерами. Хотя, напримѣръ, въ 11-й и 12-й главахъ рѣчь идетъ преимущественно о Строгановыхъ, Демидовыхъ и т. п., но тутъ же совсѣмъ не кстати находятся указанія на Сибирскихъ князей, графа Владислава-Радзвильскаго и т. п. Въмѣсто того, чтобъ отнести исторію богача Походяшина (въ 17-й главѣ) въ группѣ Баташенихъ, Гордениныхъ, Тулиновыхъ, Твердишевыхъ (въ 11-й и 12-й главахъ), разказъ о Походяшинѣ какъ-то нечаянно попалъ въ ту главу, которая посвящена Миниху и Виропу, Волынскому и Неплюеву. Въ 19-й главѣ, правда, говорится только о богатствѣ государственныхъ людей, въ 20-й только о богатствѣ купцовъ, откупщиковъ и т. п., но такую группировку матеріала слѣдовало бы провести гораздо болѣе послѣдовательно. Отсутствие этой послѣдовательности и лишаетъ сочиненіе г. Карновича значительной доли интереса. Г. Карновичъ въ большей части случаевъ считалъ нужнымъ прослѣдить судьбы капиталистовъ до новѣйшаго времени, разказать, какъ богатства дѣлились между сыновьями или дочерьми какихъ-нибудь милліонеровъ, какого рода браки были заключаемы въ ихъ потомствѣ и т. д., а между тѣмъ гораздо интереснѣе было бы поставить слѣдующіе вопросы: Какіе изъ самыхъ замѣчательныхъ богатствъ XVIII вѣка уцѣлѣли до настоящаго времени? Какія условія содѣйствовали главнымъ образомъ сохраненію большихъ капиталовъ? Какіе капиталы исчезли и какимъ путемъ? Авторъ могъ бы также изслѣдовать вопросъ о доходности поземельной собственности, о причинахъ упадка крупнаго землевладѣнія, объ участіи царедворцевъ или государственныхъ людей въ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ, о поощреніи, со стороны капиталистовъ, научнымъ интересамъ и т. п. Г. Карновичъ этого не сдѣлалъ. Нельзя, однако, не отдать ему справедлив-

ности въ томъ, что онъ собралъ въ своемъ сочиненіи значительный матеріалъ, хотя ему и не удалось овладѣть избранными имъ предметами.

А. Врикперъ.

Физиологія гласа и гласовъ сербскаго языка. Лингвистичка студија Стојана Новаковића. (Физиологія слова человѣческаго и звуки сербскаго языка. Лингвистическое изслѣдованіе Стояна Новаковича). У Београду, 1873 (Особый оттискъ изъ Гласника српског ученог друштва, XXXVII).

Авторъ поставилъ себѣ задачей, съ одной стороны, показать, что сдѣлала наука по части раздѣленія звуковъ языка, основаннаго на ихъ физиологическомъ происхожденіи, и именно показать это для разъясненія основнаго вопроса о природѣ науки языковѣдѣнія (то-есть, принадлежитъ ли она къ разряду историческихъ, или же естественныхъ наукъ) и о согласіи и связи между науками, — съ другой же стороны, усвоить сербской литературѣ и сербскому языку новѣйшія и наиболѣе раціональныя мнѣнія о звукахъ, о ихъ нѣкоторыхъ законахъ и объ ихъ раздѣленіи.

Во введеніи говорится о возникшемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, спорѣ о томъ, слѣдуетъ ли причислить языковѣдѣніе къ естественнымъ или же историческимъ наукамъ. Представителями двухъ противоположныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ авторъ справедливо считаетъ, съ одной стороны, Шлейхера и М. Мюллера, съ другой — Штейнтала. Намъ кажется только, что онъ не вполне вѣрно характеризуетъ ученіе Штейнтала, говорилъ, что послѣдній возсталъ противъ Шлейхера и Мюллера съ старой точки зрѣнія идеализма и всевозможныхъ трансцендентальныхъ доктринъ. По нашему мнѣнію, гораздо болѣе идеализма и трансцендентализма можно найти у Шлейхера, разсматривающаго языкъ въ отвлеченіи отъ человѣка и считающаго его какимъ-то особеннымъ, независимымъ организмомъ, нежели у Штейнтала, всѣ стремленія котораго сосредоточиваются именно въ томъ, чтобы напоминать другимъ лингвистамъ, что языкъ не есть самъ по себѣ существующій организмъ, но только органъ духа (выраженіе, прочее, далеко не опредѣлительное) и физиологически — психологическая (по преимуществу же психологическая) функція человѣческаго физически-психическаго организма, и что, слѣдовательно, языкъ нельзя разсматривать въ отвлеченіи отъ его носителя, то-есть, отъ человѣка. Мы не рѣшаемъ вопроса о томъ, на сколько вѣрно это мнѣніе и другія, въ связи съ нимъ состоя-

ція, общія положенія Штейнталя, но позволимъ себѣ замѣтить, что во всякомъ случаѣ его никакъ нельзя обвинять въ лишнемъ „идеализмѣ“ и „трансцендентализмѣ“. Г. Новаковичъ не соглашается ни съ тѣми, кто причисляетъ языковѣдѣніе къ естественнымъ наукамъ, ни съ тѣми, кто считаетъ его наукою историческою, и прежде всего не находя никакого существеннаго различія между естественными и историческими науками, совершенно правильно ставитъ языковѣдѣніе въ связь съ обѣими этими категоріями научной дѣятельности. Относительно мѣста, занимаемаго языковѣдѣніемъ между другими отдѣльными науками, авторъ соглашается съ философскою школою О. Конта и съ сербскимъ писателемъ по вопросамъ философіи Куунджичемъ (Кујунѣић), хотя, впрочемъ, этотъ послѣдній, на сколько можно судить по характеристикѣ его ученія, сообщенной г. Новаковичемъ, ограничивается болѣе общими мѣстами и не входитъ въ подробный, положительный разборъ этого вопроса.

II-я, III-я, IV-я, V-я и VI-я главы предлежащаго сочиненія посвящены разсмотрѣнію фізіологической природы звуковъ, преимущественно въ примѣненіи къ сербскому языку. Это изслѣдованіе основано на добросовѣстномъ изученіи трудовъ другихъ лингвистовъ и фізіологовъ и на собственныхъ наблюденіяхъ автора. Въ отдѣлѣ II-мъ рассматриваются органы рѣчи и ихъ дѣйствіе вообще; III-й отдѣлъ занимается происхожденіемъ и природою гласныхъ, а IV-й—образованіемъ согласныхъ и ихъ раздѣленіемъ по способу произношенія или артикуляціи; въ V-мъ отдѣлѣ говорится о звукѣ *х* у Сербовъ и различіи между звонкими („яснимъ“) и глухими („муклимъ“) согласными, а въ VI-мъ—о происхожденіи согласныхъ по предѣламъ и мѣстамъ артикуляціи. Представленное здѣсь ученіе нашего автора болѣе всего согласуется съ ученіемъ Брюке (Brücke), хотя и представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ знаменитаго фізіолога, конечно тамъ, гдѣ этотъ послѣдній не вполне вѣрно понялъ природу того или же другаго звука или даже цѣлой категоріи звуковъ. При раздѣленіи согласныхъ по мѣсту артикуляціи авторъ придерживается Н. Водуэна-де-Куртенэ (О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ, 1870), хотя въ нѣкоторомъ отношеніи исправляетъ его систему. Наглядное представленіе принятаго авторомъ раздѣленія звуковъ даетъ слѣдующая фізіологическая таблица звуковъ сербскаго языка, приложенная г. Новаковичемъ въ концѣ VI-го отдѣла:

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку этой таблицы, позволимъ себѣ замѣтить только слѣдующее:

1) Нѣтъ никакого основанія исключать мѣсто артикуляціи переднихъ зубовъ и передняго края языка изъ предѣла языка и неба. Отъ *т* и *д* къ *ћ* и *ђ* переходъ меньше, нежели отъ *ћ* и *ђ* къ *к* и *г*.

2) Существенное различіе между звуками разряда *т* и *д* и звуками разряда *к* и *г* состоитъ въ томъ, что тамъ дѣйствуетъ копецъ или же передній край языка, здѣсь же его задняя поверхность. Различіе мѣста неба, къ которому языкъ приближается или же прижимается, есть при этомъ дѣло второстепенное и несущественное. Конецъ языка даже на границѣ твердаго и мягкаго неба все же производитъ звукъ, акустически подходящій подъ категорію *т* или *д* или т. п. Напротивъ того, какъ ни приближается задній край языка къ переднимъ зубамъ, онъ въ состояніи произвести только согласный изъ категоріи *к*, *г*, *х* и т. д.

3) Кромѣ мѣста артикуляціи, слѣдуетъ принимать во вниманіе его ширину и длину; такъ, напримѣръ, весьма важно опредѣлить, — совершается ли соприкосновеніе или же сближеніе языка и неба въ видѣ физической линіи или же въ видѣ поверхности; *ј* есть именно результатъ *поверхностнаго* тѣснаго сближенія передней части языка съ переднимъ небомъ.

4) Совершенно ошибочно считать заднеязычное *х* (= *ch*, въ различіи отъ гортаннаго *х* = нѣмецкому *h*) глухимъ, соответствующимъ звонкому *ј*. Глухому *х* соответствуетъ, какъ звонкій, тотъ придумной согласный, который, напримѣръ, въ чешскомъ (*h*), малорусскомъ и т. п. развился отъ звонкаго мгновеннаго *з*. Авторъ слѣдуетъ здѣсь Врюке, и потому не удивительно, что не хочетъ согласиться на эту связь *х* съ звонкимъ придумнымъ *з* (*h*) (ср. стр. 50).

5) Для *р* слѣдовало бы придумать особый разрядъ по способу произношенія, а не ставить его вмѣстѣ съ *л* въ одномъ и томъ же разрядѣ. Сверхъ того, названіе „полугласные“, съ физиологической точки зрѣнія, совершенно неумѣстно. Если же сохранить его, то нужно замѣтить, что, напримѣръ, *ј* или же чисто губное *в* (*w*) имѣютъ на него гораздо болѣе права, нежели *р* (*r*).

6) Авторъ силится доказать, что *ч* (*č*), *ц* (*č*), *ћ*, *ђ*, *џ* и т. п. суть согласные совершенно простые, не сложные, точно также, какъ напримѣръ, *с*, *з*, *ш*, *ј* и т. п. Онъ говоритъ объ этомъ довольно обширно (стр. 48 и слѣд.), отчасти даже противорѣча самому себѣ (стр. X, 50—51), но все-таки въ концѣ концовъ онъ не въ состоя-

нія съ точностью опредѣлить, съ своей точки зрѣнія, природу этихъ будто бы безотносительно простыхъ согласныхъ, и не находя для нихъ ни особаго мѣста артикуляціи, ни особаго способа произношенія, онъ принужденъ отождествить въ своей таблицѣ ч съ ш, и (дж) съ ж, и съ с и т. п. Гораздо легче было бы г. Новаковичу сладить съ этими согласными, еслибы онъ не считалъ ихъ съ такимъ упрямствомъ безотносительно простыми. Конечно, они, и по моему, сложны не въ томъ смыслѣ, чтобъ ихъ можно считать составленными изъ двухъ отдѣльныхъ согласныхъ. Но попробуемъ произносить протяжно, не переводя духа, съ одной стороны — с, з, ш, ж и т. п., съ другой же — и, ь (дз), ч, и (дж) и т. п., и мы увидимъ, что с, з, ш, ж и т. п. постоянно и неизмѣнно остаются с, з, ш, ж, тогда какъ и, ч, и (дж) и т. п., только въ самомъ началѣ отличаются чѣмъ-то особеннымъ, впоследствии же становятся совершенно тождественны: и съ с, ь съ з, ч съ ш, и (дж) съ ж и т. п.; а такъ какъ такой согласный элементъ, котораго нельзя произнести протяжно, и для котораго возможно только мгновенное существованіе, мы называемъ мгновеннымъ, то и при произношеніи согласныхъ и, ь (дз) ч, и (дж) и т. п., рядомъ съ преобладающимъ въ нихъ продолжительнымъ элементомъ с, з, ш, ж и т. п., мы должны признать какой-то мгновенный элементъ, сливающийся съ продолжительнымъ и придающій особый характеръ этимъ звукамъ, но только въ обыкновенной рѣчи, то-есть, при ихъ (звуковъ и, ч, ь, и т. п.) мгновенномъ произношеніи, — и исчезающій и дѣлающійся не возможнымъ, если мы попробуемъ произносить названные согласные нѣсколько болѣе продолжительное время, хотя бы равное только двойному времени, нужному для обыкновеннаго произнесенія согласнаго. Эти начальные мгновенные элементы согласныхъ и, ь, ч, и и т. п., конечно, походятъ на т и д, но они существенно отличаются отъ этихъ послѣднихъ тремя присущими имъ особенностями: 1) они такъ кратки, что отдѣленіе ихъ отъ слѣдующаго за ними продолжительнаго элемента и ихъ самостоятельное появленіе совершенно невозможны; 2) мѣста ихъ артикуляціи вполнѣ тождественны съ мѣстомъ артикуляціи слѣдующихъ за ними продолжительныхъ элементовъ, такъ что языкъ, переходя отъ положенія сжатія къ положенію сближенія съ небомъ, не совершаетъ никакого скачка, который былъ бы необходимъ при переходѣ, напримеръ, отъ т или д къ ш или ж; 3) наконецъ, — и это самое важное, — голосовыя связки (Stimmbänder) вовсе не измѣняютъ своего

положенія, между тѣмъ какъ такое измѣненіе было бы необходимо при переходѣ, по крайпей мѣрѣ, отъ славянскаго *т* къ *с* или же *ш*. Оно было бы необходимо потому, что голосовыя связки при произношеніи *т* и *с* или *ш* находятся въ совершенно различномъ положеніи: при *т* онѣ тѣсно сжимаются, подобно тому, какъ сжимаются тоже органы рѣчи въ полости рта (языкъ и небо), и затѣмъ только одновременно съ открытіемъ затвора во рту открывается затворъ въ гортани (между голосовыми связками), такъ что *т* является, такимъ образомъ, результатомъ двойной эксплозіи (взрыва) во рту и въ гортани; при *ш* же или при *с*, напротивъ того, никакое сжатіе не возможно, и въ особенности голосовыя связки, при произношеніи этого звука, остаются широко раскрытыми. Попробуемъ произнести непосредственно одно за другимъ *настоящее т* и *ш*, и увидимъ, что, кромѣ особеннаго усилія во рту, еще болѣе значительное усиліе мы должны совершить въ гортани, вслѣдствіе чего непосредственное соединеніе этихъ согласныхъ оказывается чрезвычайно труднымъ. Три выше исчисленныя условія, при которыхъ образуется мгновенный элементъ согласныхъ *ш*, *с*, *ч*, *ц* и т. п., дѣлаютъ возможнымъ такое тѣсное слитіе обоихъ составныхъ элементовъ, что они оба вмѣстѣ производятъ впечатлѣніе единичнаго звука, и что поэтому этихъ согласныхъ можно назвать *сложными*, но только *слитными*. Но все-таки они физиологически состоятъ изъ двухъ элементовъ, что доказывается не только выше приведеннымъ разборомъ, но и исторіей развитія звуковъ въ разныхъ языкахъ. Такъ, между прочимъ извѣстно, что въ старо-славянскихъ сочетаніяхъ *си*, *шч*, *ждж* (изъ *жжж*) и т. п. замѣняются сочетаніями *ст*, *шт*, *жд* и т. п. Въ нѣкоторыхъ италіанскихъ говорахъ вмѣсто общепиталіанскаго *дж* (gi) мы встрѣчаемъ *д*, развившеся изъ *дз* (z), а это послѣднее изъ *дж* (gi), такъ что, напримѣръ, латинскому *juvēnis* соответствуетъ въ этихъ говорахъ *dovin* рядомъ съ *dzovin* (zovin) нѣкоторыхъ другихъ говоровъ и *dhovine* (giovine) опять другихъ говоровъ и преимущественно италіанскаго литературнаго языка.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно чисто физиологическаго отдѣла книги г. Поважовича. Предполагаемое имъ, на стр. 21 и 22, произношеніе старо-славянскихъ *ъ* и *ь* весьма сомнительно. Точно также сомнителенъ выводъ слова *смидъкъ* изъ *свидъкъ* (стр. 38). Вѣроятно, по ошибкѣ авторъ утверждаетъ на стр. 28, что различіе въ произношеніи старогреч. *ὄρα* и *χώρα* было подобно различію между нѣмецкими *h* и *ch*, и что, слѣдовательно, *χ* старогреч.

$\chi = sh$; я говорю „вѣроятно, по ошибкѣ“ потому, что на стр. 36 самъ же авторъ считаетъ $\chi = kh$.

Говоря объ отдѣльныхъ звукахъ языка съ точки зрѣнія физиологической акустики въ главѣ VII-й, авторъ добросовѣстно пользуется изслѣдованіями Гельмгольца (*Helmholtz, Die Lehre von den Tonempfindungen, als physiologische Grundlage für die Theorie des Musik*, 3-е изд. Braunschweig 1870) и Вольфа (*Sprache und Ohr. Akustisch-physiologische und pathologische Studien von Dr. Oscar Wolf. Braunschweig 1871*).

Въ главѣ VIII-й представлены въ сжатомъ очеркѣ мнѣнія многихъ ученыхъ объ удареніи и долготѣ гласныхъ вообще и о сербскомъ удареніи въ особенности. Относительно этого втораго пункта авторъ высказываетъ и свои собственныя соображенія.

Особенно интересны двѣ заключительныя главы: IX-я — „Звуковые законы и историческія измѣненія и развитіе языка. Взглядъ на исторію славянскихъ языковъ“, и X-я — гдѣ говорится о правописаніи, то-есть, о правописаніи историческомъ и физиологическомъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, о вліяніи извѣстной системы правописанія на складъ ума читающихъ и пишущихъ, о ложныхъ лингвистическихъ ученіяхъ, обусловленныхъ ложною системою правописанія (графики) извѣстнаго народа и т. п., и наконецъ, о взаимодействіи физиологій языка и языковѣдѣнія. Авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ послѣдовательнаго фонетическаго правописанія.

Только что разобранная книга свидѣтельствуетъ о громадной начитанности и эрудиціи автора, которая, однакоже, не мѣшаетъ ясности и простотѣ изложенія. Въ этомъ, относительно небольшомъ, сочиненіи затронуто столько самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, что нельзя не удивляться тому, съ какимъ талантомъ г. Новаковичъ сумѣлъ ихъ сосредоточить и обобщить.

Das Leben der Wurzel de in den slavischen Sprachen von D-r. V. Jagić. (Жизнь корня *de* въ славянскихъ языкахъ написалъ Д-ръ В. Ягичъ). Wien 1871.

Это нѣмецкое сочиненіе извѣстнаго хорватскаго лингвиста, занимающаго нынѣ катедру сравнительнаго языковѣдѣнія въ Новороссійскомъ университетѣ, посвящено подробному изслѣдованію всѣхъ тѣхъ славянскихъ словъ и формъ, въ которыхъ являются, по мнѣнію автора, свойственныя славянскимъ языкамъ видоизмѣненія первобытнаго арійскаго, корня *dha* (ср. греч. τί-θη-μι, ст.-сл. дѣ-ти, деждѣ и т. п.).

Этотъ корень встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ весьма разнообразныхъ видахъ: то въ видѣ простаго глагола, то въ видѣ глагола сложнаго и производнаго, то въ видѣ существительнаго или же прилагательнаго, то въ видѣ частицъ (нарѣчія и междометія); наконецъ онъ же служитъ вспомогательнымъ средствомъ при образованіи разныхъ формъ. Свое разсужденіе авторъ раздѣлялъ на шесть главъ.

Въ главѣ I-й разсматриваются разные видоизмѣненія звуковой формы корня *dha*. Въ чистомъ, простомъ видѣ, который въ славянскомъ долженъ бы быть *de*, корень этотъ не встрѣчается; по за то мы его находимъ удвоеннымъ (редуплицированнымъ) (*deide*) или же усиленнымъ черезъ удлинненіе кореннаго гласнаго, (*dě=dn*), какъ на примѣръ, *деждѣ* (изъ *ded-j-n*), *деждеши* и т. д., *дн-ти*. Кромѣ того, какъ удвоенный, такъ и удлинненный видъ этого корня являются тоже въ соединеніи съ предлогами (какъ въ глаголахъ, такъ и въ именахъ). Въ видѣ *dě* корень *de* получаетъ тематическое расширеніе въ словахъ, какъ *дн-па-ти*, *сз-дн-па-ти* и т. п., *дн-ва-нѣ* и т. п., *за-дѣ-нѣ* и т. п. Въ главѣ II-й авторъ приводитъ примѣры употребленія корня *dha* въ другихъ арійскихъ языкахъ, какъ-то въ санскритскомъ, Zendскомъ, греческомъ, латинскомъ и другихъ древне-италійскихъ нарѣчіяхъ, въ германскомъ (готскомъ, древне-верхне-нѣмецкомъ и т. д.), и наконецъ, въ литовскомъ и латышскомъ. Глава III-я занимается разборомъ корня *de* (*dě*), какъ самостоятельнаго глагола въ славянскихъ языкахъ. Г. Лгичъ различаетъ три главныхъ значенія этого корня: 1) ставить, ложить (*ponere, collocare*), 2) дѣлать (*facere, agere*), 3) говорить (*loqui, dicere*), и на всякое изъ этихъ значеній приводитъ множество примѣровъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. (Удвоенной формѣ нашего корня (деждѣ и т. п.) вмѣстѣ съ предложными сложеніями свойственно одно только первое значеніе „ponere“). Напротивъ того, два другія значенія раздѣлены на формы, происшедшія отъ корня *dě*. Подъ первое значеніе подходитъ, на примѣръ, русское *дѣть*, *дѣну*, *дѣвать* и т. д. со всѣми сложными и производными, подъ второе значеніе—русское—*дѣй*, *дѣйка* (въ *зло-дѣй*, *зло-дѣйка* и т. д.), *дѣлнѣ*, *дѣйствиѣ* и т. д., *дѣло* и т. п.; третьимъ, наконецъ, значеніемъ объясняется, между прочимъ, Несторово *дѣють* въ „да аште кто, дѣють, въ нашу вѣру ступить“, старонольское *dwieją mi* (то-есть, зовутъ меня) и т. д. Къ этому мы можемъ прибавить, что въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ исключительно этотъ глаголъ употребляется въ значеніи „сказать“. Въ главѣ IV-й авторъ говоритъ о

тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ разбираемый имъ корень является въ славянскихъ языкахъ въ видѣ различныхъ частицъ вопросительныхъ, вводныхъ и т. п. Сюда, между прочимъ, относятся старославянское *не дѣи* (оставь, пусть, позволи), вставное русское *де* съ *дескать* и т. п., союзъ *да* и т. д. Въ главѣ V-й г. Ягичъ открываетъ корень *dha* = *де* во многихъ славянскихъ словахъ въ роли словообразовательнаго элемента. Сюда, по его мнѣнію, слѣдуетъ отнести *сѣ-д-ѣ* (*instrumentum, vas*), *при-д-ѣ* (*additamentum, lucrum*), *за-д-ѣ*, *на-д-ѣ*, *по-д-ѣ*, *прѣ-д-ѣ*, *послѣ-д-ѣ* со всѣми производными, далѣе *зѣ-д-ѣ* (!), *зѣ-д-ѣ*, *зѣ-д-ѣ*, *зи-д-ѣ* (стѣна) изъ *сѣ-д-ѣ* (!) и т. д., производное отъ предыдущаго *пра-з-д-ѣ* отъ *пра-з-д-ѣ* изъ *пра-зѣ-д-ѣ* („ohne Materie, ohne Stoff, folglich *prazden* = den Stoff weg habend, des 'Stoffes bair, also: leer, inhaltslos“) (стр. 54), затѣмъ *узда* изъ *усто-да* = „въ уста влагаемое“ (!), *мѣзда*, *мѣздо*, числительныя нарѣчія *дважды*, *трижды*, *четырижды*, *пятижды*, *многожды*, *кажды* и т. д., мѣстоименія *каждо*, *каждо* и т. п., существительныя *злѣдѣ* (?), *мокрѣдѣ*, *бѣда*, *стадо*, *юмѣдо*, *чудо*, *плодѣ*, и т. д. Наконецъ, глава VI-я посвящена изслѣдованію корня *де* (*dē*), какъ входящаго въ составъ пѣкоторыхъ глагольныхъ основъ (темъ) въ славянскомъ спряженіи. Къ такимъ глаголамъ авторъ причисляетъ *идѣ*, *идѣ* съ производными и *бѣдѣ* (*ho*). Отъ этихъ старинныхъ сложений глагольныхъ корней съ корнемъ *де* слѣдуетъ строго отличать столь расширенное въ настоящее время въ сербо-хорватскомъ и болгарскомъ языкахъ спряженіе въ родѣ *имадем*, *имадеш*, *имаде* и т. д. (имѣю, имѣешь, имѣеть и т. д.), *знаде* (знаеть) и т. д., *смиде* (смѣть), *стаде* (станеть), *умиду* (умѣють), *имадоше* (имѣли), *познадоше* (познали), *дадох* (я далъ) и т. д. Авторъ весьма остроумно объясняетъ происхожденіе этихъ вторичныхъ, совершенно новыхъ формъ, и эта заключительная часть его книги безспорно самая лучшая и самая интересная. По весьма справедливому и мѣткому замѣчанію автора, всѣмъ этимъ формациямъ дано было начало настоящимъ временемъ глагола *дати*, и именно тогда, когда 3-е лицо множ. числа *даде* (*даде*) = ст.-сл. *дадѣтъ*, подвергшись аналогіи другихъ глаголовъ съ окончаніемъ въ 3-мъ л. мн. *и* (*y*) = ст.-сл. *жѣ*, приняло именно это окончаніе и перешло въ *дади* (*даду*). Тогда-то вслѣдъ за нимъ пошло и 3-е лицо едипств. числа, и по аналогіи другихъ глаголовъ, первичную форму *да* замѣнило вновь образованною *даде* (*даде*). Затѣмъ эта новопоразвившаяся основа *дад* мало-по-малу распространилась на все настоящее и прошедшее простое (аористъ) глагола *дати*. Глаголу *дати*

послѣдовалъ прежде всего глаголь *знати* (*знаде, знадем* и т. д.), конечно, вслѣдствіе внѣшняго сходства (односложность, тотъ же коренной гласный) обонхъ глаголовъ. Отъ *дати* и *знати* эта новая формация настоящаго и аориста перешла также на глаголь *имѣти* (*имиде, имаду* и т. д.), и наконецъ (судя по литературнымъ памятникамъ, только въ XVIII столѣтіи), на громадное количество глаголовъ, тема настоящаго времени которыхъ оканчивается гласнымъ (*и, ѣ, даже і*). Это постепенное расширеніе новой формации настоящаго (съ согласнымъ *і*) авторъ доказываетъ многими примѣрами изъ памятниковъ сербо-хорватской литературы.

Не можемъ не замѣтить, что г. Ягичъ, стремясь къ возможной полнотѣ и къ отысканію всѣхъ случаевъ появленія корня *dhā* = *dha*, увлекался иногда предметомъ и въ своихъ изысканіяхъ заходилъ слишкомъ далеко, подводя подъ избранный имъ корень даже и то, что вовсе къ нему не подходитъ. Такъ, онъ видитъ корень *dha* въ составѣ слова: *послѣдъ* отъ *послѣ* и *де* (стр. 50), между тѣмъ какъ оно несомнѣнно состоитъ изъ предлога *по* и существительнаго *слѣдъ* (ср. слѣдовать, послѣдовать, слѣдить и т. п.). Вполнѣ неудачнымъ нужно считать объясненіе существительнаго *зидъ, зыдъ, зьдъ* (у автора тоже *зьдъ*!) и затѣмъ глаголовъ *зижидѣ, зидати* и т. д. составомъ ихъ изъ предлога *съ* (сун) и возлюбленнаго корня *dha*. Всѣ доказательства автора въ пользу подобнаго предположенія (стр. 51—54) не имѣютъ ни малѣйшаго значенія въ виду того, что 1) здѣсь слѣдовало бы допустить неслыханный, впрочемъ, въ ст.-слав. переходъ *с* въ *з* *передъ гласнымъ*, 2) что настоящая ст.-слав. форма представляетъ здѣсь не *ъ* и *ы*, но *ѣ* и *и* (*і*), 3) наконецъ, что, такъ какъ предлогъ *съ* развился изъ *см* (*зм*), то здѣсь, съ извѣщеніемъ *и* (*и*), должно было бы, по крайней мѣрѣ, въ ударенныхъ слогахъ, явиться *и* вмѣсто *ы* (*ср.* мою рецензію на книгу г. Будиловича въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, августъ и ноябрь, и *Johannes Schmidt, Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus*, стр. 178). Къ той же категоріи вполнѣ несостоятельныхъ этимологическихъ выводовъ слѣдуетъ причислить объясненія состава словъ *узда* изъ *устода* (стр. 54), *имъздо* (стр. 55), *бѣзда*; *чудо* (ср. тему *чудес-*), *плодъ, трудъ, терѣдъ* (твердѣ), *младъ* (стр. 59—60) и т. п. Къ какимъ натажкамъ авторъ принужденъ прибѣгать для оправданія своей теоріи, это въ особенности видно при словѣ *имъздо* (стр. 55—56). Здѣсь сравнивается и санскритское *nīda* изъ *nī* и *dha* (?) и литовское *līda* (то-есть, собственно говоря, въ им. ед. *līdas*) и латинское *pīdus* и

пр.,—здесь принимается, впрочемъ, небывалая, представка (prothesis) согласнаго *g* (*г*) передъ *n*, здесь дѣлается еще кое-что въ этомъ родѣ, лишь бы только доказать (?) мнимое происхождение и родство славянскаго слова „гнѣздо“. Впрочемъ, я долженъ признаться, что и для меня это темный вопросъ. Во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы упускать изъ виду весьма схожихъ словъ *мида*, *мидой* и т. п. Можетъ быть, *мида* стоитъ въ такомъ же болѣе или менѣе фонетическомъ отношеніи къ слову „*мнѣздо*“, какъ „*нду*“ къ „*жазда*“ (изъ *jad-da*) и т. п. Въ такомъ случаѣ мы бы именно и нашли корень *dha* въ словѣ „*мнѣздо*“, которое, слѣдовательно, означало бы мѣсто, куда владутъ *миды* („*мида*“ здѣсь не въ своемъ позднѣйшемъ специальномъ значеніи, но въ болѣе обширномъ значеніи „*яйца*“, „*плода*“).

Что касается словъ *дважды* (дважды), *множды* (много-разъ) и т. п. (стр. 57—58), то здѣсь, по всей вѣроятности, во второй части слѣдуетъ принять корень *шд* (тотъ же, что въ *шелъ* изъ *шдлѣ* и т. п.). Относительно значенія ср. нѣмецкое *fahrt*, принявшее въ нѣкоторыхъ говорахъ просто значеніе „разъ“ (нѣм. „*mal*“) и перешедшее въ томъ же значеніи и въ формѣ *bart* къ нѣкоторымъ Словенцамъ; ср. тоже итальянское *volta* и *viaggio*, получившее въ нѣкоторыхъ говорахъ значеніе „разъ“ („*mal*“). Созвучіе—*ид*—въ словахъ *жыда*, *тыда* и т. п. (стр. 58), можетъ быть, состоитъ въ этимологической связи съ корнемъ *юд-* (ср. русск. *юдь*, сербск. *юдина*, польск. *godzina*, чешск. *hodina* и т. д.). Но впрочемъ это только моя догадка, безъ всякихъ положительныхъ основаній.

Въ томъ, что глаголѣ *бѣдѣ* составленъ изъ *су* (*бы*) съ носовымъ подъемомъ и *dha*, (стр. 62, 66), позволительно сомнѣваться, такъ какъ вообще этимологія этого слова совершенно темна. Въ особенности же нельзя согласиться съ авторомъ, что на основаніи предполагаемаго ослабленія дѣепричастія *сѣ* или же *сѣ* въ *сѣ* мы, въ правѣ, принять тоже подъемъ (*steigerung*) въ обратномъ направленіи: *бѣдѣ* въ *бѣд-* (стр. 66). При этомъ можно замѣтить, что формѣ *сѣ* никогда и не предшествовала форма „*сѣ*“ или же „*сѣ*“, такъ какъ *сѣ* (*sy*) развилось непосредственно изъ *sis*, а это послѣднее изъ *sans* (ср. литовскій) и т. д.

Сомнительными кажутся намъ еще: 1) этимологія слова *обѣдо* (сокровище) (стр. 51); 2) нѣмецкое происхождение славянскихъ словъ *дума* (стр. 14—15) и *мѣзда* стр. (52—53); 3) возможность въ литовскомъ слова *detdū* (зм., вѣроятно, *dedtū*) (стр. 5); 4) переходъ въ сербо-хорватскомъ и болгарскомъ слова *нека* въ *нека* (стр. 37) и т. д.

Объясненія на стр. 38 (*дѣй* изъ *дѣиши* и т. п.) и 45 (*degidi* изъ *де* или *děj* и *gidi* или *jijid*) звучатъ какъ-то не совсѣмъ убѣдительно. Въ малорусскомъ *десъ* (стр. 41), можно видѣть сокращеніе изъ *хѣдесъ* = *хѣдесъ* (ср. польское *gąsies*). *Nadimak* (проввище) (стр. 24) происходитъ, конечно, отъ *имѣ* (имѣя). Литовское *sudas* (стр. 53) усвоено изъ русскаго. — Суффиксъ *ьъ* (стр. 50) есть что-то чудовищное. — Въ старославянскомъ есть только тема *въздъ* (въздѣ, въздѣхати), темы же *въздъ* (стр. 65) не имѣется.

Впрочемъ, такихъ промаховъ у г. Ягича весьма немного, и подобная односторонность вполне простительна, если принять во вниманіе нетвердость почвы и отсутствіе прочихъ основаній при всякаго рода этимологическихъ изслѣдованіяхъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что трудъ г. Ягича представляетъ весьма почтенный вкладъ въ сравнительную грамматику арійскихъ языковъ.

Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemiliani Kalużniacki confecta etc. a. MDCCCLXXI. (Описаніе славянскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Ягелленскаго университета, трудъ Эмиліана Калу́жникаго, изд. 1871 г.), съ двумя листками синиевокъ. Въ гимназической программѣ: *Sprawozdanie s. k. Dyrektora gimnazyalnej przy św. Anny w Krakowie z roku szkolnego 1871.* (Отчетъ дирекціи гимназій св. Анны въ Краковѣ за учебный 1871 годъ). Краковъ, 1871.

Всѣ описанныя г. Калу́жницкимъ рукописи привезены изъ Македоніи и подарены Ягелленской библіотекѣ въ Краковѣ докторомъ Рудольфомъ Гutowскимъ. Ихъ пять: 1) *codex rescriptus graeco-slovenicus*; 2) *menaeum mensis septembris*; 3) *menaeum novembre*; 4) *octochnus*; 5) *evangelium (fragmentum)*. Авторъ даетъ точную палеографическую и грамматическую характеристику четырехъ первыхъ рукописей и говоритъ нѣсколько словъ о пятой, которая сама по себѣ весьма не велика. Часть первой рукописи писана въ XIV столѣтіи; это палимпсестъ, въ основаніи котораго лежитъ греческій текстъ, принадлежащій XII—XIII столѣтіямъ; вторая и третья часть той же рукописи обязаны своимъ происхожденіемъ XVI вѣку, за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ, написанныхъ частью въ XVIII вѣкѣ, частью несравненно раньше. Остальные четыре рукописи принадлежатъ XVI вѣку.

Описаніе фонетическихъ и формальныхъ особенностей языка этихъ рукописей свидѣтельствуетъ, что авторъ вполне знакомъ какъ съ стар. часлѣт. SLXXVI, отд. 2.

рославянскимъ языкомъ и его различными видоизмѣненіями, такъ и съ современными приемами подобнаго рода изслѣдованій. Разсмотрѣніе этихъ особенностей, въ сравненіи съ настоящими старославянскими звуковыми явленіями и формами, приводитъ автора къ заключенію, что всѣ рукописи, кромѣ четвертой, списаны Сербами, съ значительною примѣсью сербскихъ особенностей, съ подлинниковъ, принадлежащихъ въ категорію такъ-называемыхъ „*mediae aetatis slovenicae*“ рукописей (по терминологіи Н. И. Срезневскаго „юсовыхъ“, и собственно говоря, составленныхъ въ Болгаріи) (стр. 11, 21, 25, 37); четвертая же рукопись, напротивъ того, по мнѣнію автора, чисто сербскаго происхожденія (стр. 29). Исчисляя звуковыя особенности, авторъ раздѣляетъ ихъ на указывающія на „*mediae aetatis slovenicam*“ и на такія, которыя „*e dialecto serbica desumpta sunt*“. Однако же, его дѣленіе не совсѣмъ строго, такъ какъ нѣкоторые признаки считаются имъ исключительно сербскими, тогда какъ они съ точю такимъ же правомъ могутъ быть болгарскими (то-есть, принадлежащими „*mediae aetatis slovenicae*“), и наоборотъ, что отчасти признается даже самимъ авторомъ (стр. 14, 20—21). Кромѣ того, въ числѣ ихъ мы находимъ такія особенности, которыя не могутъ быть ни сербскими, ни болгарскими, и скорѣе позволяютъ подозрѣвать русское, въ особенности же малорусское, вліяніе. Такъ, между прочимъ, замѣны полугласнаго *o* гласнымъ *o*, какъ напримѣръ, *любонъ* (любовь), *кровынъ* (кровь) и т. п. вмѣсто *любавъ*, *крывъ* и т. д. (стр. 13, 30) въ 1-й и 4-й рукописи нельзя вовсе считать сербизмомъ, но скорѣе руссизмомъ. Точно также окончаніе *-омъ* творительнаго пад. единств. муж. и средн. (стр. 13, 30), если здѣсь *o* въ самомъ дѣлѣ стоитъ вмѣсто *-ъ*, можетъ быть приписано только русскому вліянію, хотя, съ другой стороны, это отлично можетъ быть первичное *-омъ*, не имѣющее ничего общаго съ *-ъ*—*ж* вмѣсто *ъ*, какъ напримѣръ, *мѣглы* (мглы, туманы) и т. п. (стр. 12), равно какъ и *ъ* вмѣсто *ж* (стр. 12, 29), могутъ быть слѣдствіемъ только болгарскаго вліянія. Стало быть, авторъ совершенно ложно причисляетъ эту послѣднюю особенность (*ъ* вмѣсто *ж*) къ сербскимъ признакамъ. Если въ *глубина* (глубина) и т. п. *ъ* въ самомъ дѣлѣ стоитъ вмѣсто *ж*, въ такомъ случаѣ и 4-я рукопись, по причинѣ этого попадающагося въ ней слова, должна быть причислена къ рукописямъ, подвергшимся болгарскому (или *mediae aetatis slovenicae*) вліянію. Измѣненіе *i* передъ *j* въ *e* мы встрѣчаемъ только въ великорусскомъ; а такъ какъ это вліяніе должно быть вполне исключено изъ нашихъ рукописей, то при родит. множеств.

заповѣден (заповѣдей), гвозден (гвоздей), дѣтен (дѣтей) и т. п. нельзя вовсе говорить о замѣнѣ *i* (и) черезъ *e* (е) (стр. 13 и др.); это *e* развилось здѣсь скорѣе изъ *ь*. Въ вѣзюунн (возопилъ) и т. п. нельзя никакъ принимать замѣны *ь* черезъ *оу* (стр. 13, 20, 26, 31), но нужно объяснять эту формацию совершенно иначе. Въ соуородство (сродство), соуорѣгъ (супругъ) и т. п. *оу* стоитъ не вмѣсто *ь* (стр. 13, 20), но вмѣсто *ж*. Въ дат. пад. единств. муж. и средн. прилагательныхъ на -омоу нельзя вовсе видѣть стяженія (contractio) изъ *оуоуоуоу* (стр. 22), но скорѣе приуроченіе сложнаго прилагательнаго склоненія къ мѣстоименному, какъ это вообще имѣетъ мѣсто въ теперешнемъ сербскомъ и русскомъ. Если въ формахъ склоненія даже послѣ мягкихъ согласныхъ встрѣчается *о* вмѣсто *е*, то нельзя здѣсь говорить о чисто фонетической замѣнѣ гласнаго *е* гласнымъ *о* (стр. 13, 30—31), но слѣдуетъ тоже и здѣсь видѣть вліяніе аналогіи однихъ формъ на другія. Замѣна буквъ *ы* и *ь* буквою *ѣ* (стр. 31) понимается нашимъ авторомъ, по моему, не совсѣмъ вѣрно: тѣмъ въ кнѣзь тѣмъ можетъ быть отлично или дательнымъ пад. или же родительнымъ, образованнымъ вслѣдствіе вторичнаго процесса аналогіи, по образцу такихъ существительныхъ, какъ доуна, поуриа, пома и т. п., какъ это исключительно употребляется въ словенскихъ и сербскихъ говорахъ; въ -ѣхъ же родит. пад. множ. прилагательныхъ и числительныхъ нужно скорѣе видѣть приуроченіе къ мѣстоименному склоненію. Родит. множ. женск. пращнь не возможно считать, вмѣстѣ съ авторомъ (стр. 25), ошибкою; подобные родит. пад. на -нь, то-есть, долгое *а*, встрѣчаются довольно часто въ старосербскихъ памятникахъ (сравни *Schaffarik*, *Serbische Lesekörner*, Pesth, 1833, стр. 30, 95, 99—100).

Эти и еще нѣкоторыя другія неточности исчезаютъ, однако, вполнѣ въ виду общаго благоприятнаго впечатлѣнія, производимаго трудомъ г. Калужняцкаго. Будущій старославянскій лексикографъ не оставитъ его безъ вниманія. Желательно, чтобъ авторъ продолжалъ по тому же методу обѣщанное имъ описаніе другихъ старославянскихъ рукописей, находящихся въ бібліотекахъ и церквяхъ Галиціи.

И. Водуанъ-де-Куртенъ.

ОЛОНЕЦКАЯ ГИМНАЗІЯ СЪ 1808 ПО 1831 ГОДЪ ¹⁾.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го сентября 1786 года при Архангельскомъ и Олонсскомъ генералъ-губернаторъ Т. Н. Тутомлинъ открыто было въ Петрозаводскѣ главное народное училище изъ 4 классовъ съ 4 учителями. Въ 1797 году, при императорѣ Павлѣ I, послѣдовало упраздненіе нѣкоторыхъ городовъ и губерній. Олонецкое намѣстничество также было упразднено; Петрозаводскъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ, а потому бывшее въ немъ главное народное училище преобразовано въ малое. При вторичномъ открытіи губерній, въ 1802 году, всѣ училища Олонецкаго намѣстничества перешли въ вѣдѣніе Олонецкаго приказа общественнаго призрѣнія, снова открывшаго главное народное училище, въ которомъ преподавались почти тѣ же предметы, какіе излагались впоследствии въ гимназін.

5-го ноября 1804 года былъ утвержденъ уставъ учебныхъ заведеній, составленный главнымъ правленіемъ училищъ. Уставомъ этимъ сдѣланы были коренныя перемѣны въ составѣ и управленіи училищами; предполагалось открыть новыя заведенія и ввести въ нихъ новые предметы преподаванія. Такая важная реформа не могла осуществиться вдругъ и повсюду, потому что для этого требовалось большое количество новыхъ дѣятелей, въ которыхъ въ то время чувствовался недостатокъ; заведенія не имѣли даже домовъ для приличнаго помѣщенія учениковъ и учителей.

Преобразование училищъ Олонецкой губерніи по уставу 1804 года началось только въ 1808 году и окончательно приведено въ испол-

¹⁾ Продолженіе труда, первая часть коего появилась въ нашемъ журналѣ еще въ 1886 году (см. декабрьскую книжку этого года).

полненіе въ 1810 году. Въ 1808 году, при директорѣ училищъ Н. П. Ушаковѣ, прибыли въ Петрозаводскъ 4 новыхъ учителя изъ воспитанниковъ Педагогическаго института: Егорьевскій, Кулишевъ, Иконовскій и Соболевъ и съ августа мѣсяца открытъ былъ новый курсъ въ Петрозаводскомъ главномъ училищѣ, при чемъ два класса его получили названіе Олонецкой губернской гимназіи, а другіе два образовали Петрозаводское уѣздное училище. Учащихся въ 1-мъ классѣ гимназіи было 11, во второмъ—7.

Гимназія существовала, но еще торжественно, какъ того требовало тогдашнее время, открыта не была.

Въ октябрѣ 1811 года прибылъ въ Петрозаводскъ, отправленный визитаторомъ отъ главнаго правленія училищъ въ Архангельскую и Олонецкую губерніи, ординарный профессоръ, академикъ Петръ Дмитріевичъ Лодій. Визитаторъ предварительно осмотрѣлъ гимназію, распышивалъ каждого изъ учителей „обо всемъ, что касается до учебной части, о должности каждого, о наукахъ, о томъ, каковаго метода слѣдуютъ, и просилъ приготовить записки, какія кто употребляетъ“. Лодій много говорилъ съ учителями о томъ, что „слѣдуетъ отъучать учениковъ отъ зубренія и стараться подавать дѣтямъ точныя понятія о томъ, что говорится“. Учителя отвѣчали, что у нихъ часто ведутся бесѣды съ учениками, которые приучаются дѣлать возраженія. Визитаторъ совѣтовалъ вести дневныя записки занятій и историческую записку. Послѣ бесѣды съ учителями, Лодій осмидѣлствовалъ сумми и зданіе и „нашелъ ихъ во всемъ порядкѣ“. 11-го октября разсматривалъ онъ рѣчи, приготовленныя по случаю предстоящаго торжественнаго открытія гимназіи; 12-го былъ въ уѣздномъ училищѣ, а 13-го ревизовалъ учебныя пособія; въ это же время произвелъ по классамъ частное испытаніе ученикамъ, потому что публичное происходило не задолго предъ тѣмъ.

15-го октября, въ воскресенье, въ 8 часовъ утра, ученики гимназіи, уѣзднаго и приходскаго училищъ собрались въ гимназію и, по окончаніи благовѣста въ соборной церкви, отправились къ лѣтургии, послѣ которой протоіерей Ф. Оштинскій произнесъ рѣчь, предварительно разсмотрѣнную визитаторомъ. По окончаніи молебна былъ крестный ходъ отъ собора до гимназіи при стеченіи всего города. Послѣ молебствія и освященія дома св. водою открылся актъ рѣчью визитатора, представившаго въ сжатой картинѣ исторію предшествовавшаго гражданскаго просвѣщенія Россіи: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ необходимость точнаго исполненія законовъ и объяснилъ

цѣли новыхъ учебныхъ заведеній. Директоръ Ушаковъ прочелъ рѣчи „на открытіе Олонецкой гимназій“, а за рѣчью директора слѣдовали разсужденія учителей: Соболева — „О пользѣ естественной исторіи“, Троицкаго — „Краткое обзорѣніе начала и успѣховъ опытной физики“, Куниева — „Вообще о всемірной исторіи“ и Якоповскаго — „О необходимости и слѣдствіяхъ гражданского образованія“. Рѣчи и разсужденія сохранились въ дѣлахъ гимназій, какъ память того, что въ то время нужно было говорить о пользѣ наукъ. Актъ окончился раздачею наградъ ученикамъ, наиболѣе отличившимся успѣхами въ наукахъ. Двое изъ воспитанниковъ произнесли благодарственные рѣчи къ посѣтителямъ, которые пожертвовали въ пользу гимназій 339 рублей ¹⁾. По окончаніи акта, губернаторъ В. О. Мертенсъ угощалъ обѣдомъ духовенство, многихъ гражданъ и учителей ²⁾.

По уставу 1804 года собственно гимназія состояла изъ четырехъ классовъ. При ней находилось и уѣздное училище, помѣщавшееся въ одномъ съ нею зданіи и, по понятію стариковъ-воспитанниковъ, составлявшее съ нею какъ бы одно цѣлое, тѣмъ болѣе, что учениковъ уѣзднаго училища переводили въ гимназію всѣхъ безъ исключеній. Въ курсъ гимназій входили: 1) математика чистая и прикладная и общая физика; 2) исторія (при ней міеологія и древности), географія и статистика; 3) философія (логика, всеобщая грамматика, психологія, правоученіе), изящныя науки (эстетика и риторика), политическія науки (политическая экономія, право естественное и народное); 4) естественная исторія, начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли и технологій; 5) языки нѣмецкій и французскій, и 6) рисованіе. Въ программѣ этой мы не видимъ закона Божія и роднаго языка, такъ какъ предметы эти преподавались въ уѣздныхъ училищахъ. Съ теченіемъ времени вполнѣ уяснились ошибки программы; многіе второстепенные въ ней предметы были замѣнены существенно важными. Уже въ 1811 году С. С. Уваровъ началъ хлопотать объ измѣненіи программы уничтоженіемъ преподаванія наукъ философскихъ, политическихъ и торговыхъ и введеніемъ вмѣсто нихъ закона Божія, русскаго и древнихъ языковъ.

¹⁾ Губернаторъ Мертенсъ и начальникъ завода Армстронгъ пожертвовали по 100 руб., управитель завода Бутеневъ 50 руб. Пожертвованныя деньги были въ 1820 г. употреблены на покупку «изящескихъ инструментовъ».

²⁾ Историческая записка о 50-ти лѣтіи Олонецкой гимназій *О. Н. Фортунатова*. Подробности визитаціи профессора Лодія въ дѣлахъ гимназій, 1811 годъ, № 33.

Новая программа появилась въ 1819 году, при чемъ каждый учитель обязанъ былъ употреблять время, свободное отъ уменьшенія учебныхъ предметовъ по росписанію главнаго правленія училищъ, на прохождение остальныхъ по его части предметовъ ¹⁾.

По росписанію 1819 года курсъ гимназій составляли: чтеніе изъ св. писанія, географія, исторія, статистика, логика, риторика, языки латинскій, греческій, нѣмецкій и французскій, чистая математика, статистика, начала механики, опытная физика, естественная исторія и рисованіе ²⁾.

Въ Олонеккой гимназій распредѣленіе предметовъ вводилось постепенно. Еще въ 1805 году въ главномъ народномъ училищѣ введено было обученіе новѣйшимъ языкамъ, съ отнесеніемъ жалованья учителямъ на счетъ остатковъ отъ суммъ, получаемыхъ отъ приказа. Въ 1811 году послѣдовало высочайшее повелѣніе о введеніи въ гимназій преподаванія закона Божія и предложено на экзамены приглашать лицъ духовнаго сана. Въ Олонеккой гимназій преподаваніе закона Божія введено тотчасъ же, но, по неимѣнію способныхъ духовныхъ лицъ ³⁾, преподавалъ этотъ предметъ учитель Троицкій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, „чтобы не разстроивать распредѣленія учебныхъ часовъ“, и только въ 1815 году былъ назначенъ особый законоучитель, занимавшійся преподаваніемъ до 1820 года безплатно. Въ 1819 году во всѣхъ гимназіяхъ, а въ томъ числѣ и въ Олонеккой, принято за правило—каждое утро собирать учащихся за полчаса до началія уроковъ и читать съ ними по одной главѣ изъ Поваго Завѣта. Въ 1825 году къ курсу гимназическому прибавленъ былъ славянскій языкъ, а въ 1827 году—греческій, который, впрочемъ, преподавался до 1833 года учителемъ латинскаго языка и жалованья за этотъ предметъ не отпускалось.

Въ 1819 году мнѳологія аббата Ліонне признана была неблагоприличною, а потому не только ее, но и вообще мнѳологію, какъ особую науку, приказано было не преподавать отдѣльно, а проходить вкратцѣ вмѣстѣ съ исторією. Замѣтимъ кстати, что еще ранѣе учитель гимназій Куняевъ предлагалъ сократить книгу „Храмъ

¹⁾ Дѣла дирекціи училищъ, 1819 годъ, № 36.

²⁾ Истор. стат. обзорніе учебныхъ заведеній С.-Петербург. учебн. округа А. С. Воронова, т. I, стр. 216.

³⁾ Одинъ священникъ былъ ректоромъ духовнаго училища, а двое другихъ по ученымъ.

всеобщаго баснословія“, исключивъ изъ нея соблазнительныя мнѣ-
логическія сказанія и затѣмъ уже дать ее въ руководство ученикамъ.

Чтобы составить себѣ понятіе, въ какомъ объемѣ преподавались
въ гимназій науки въ рассматриваемый періодъ, слѣдовало бы про-
вести паралель между программами 1811 и 1831 годовъ; но это за-
влекло бы насъ слишкомъ далеко и потому мы должны ограничиться
приведеннымъ выше распредѣленіемъ предметовъ. Просматривая про-
граммы учителей, мы видимъ, что очень много требовалось отъ гим-
назистовъ 1808—1830 годовъ, но что требованія эти далеко не при-
водились въ исполненіе. Очень жалъ, что минувшее время не оста-
вило намъ ясныхъ доказательствъ, какъ преподавались предметы,
какъ смотрѣли на нихъ учителя, происходили ли у нихъ какія-ни-
будь софщанія объ улучшеніи методовъ преподаванія. По нѣсколь-
кимъ замѣткамъ въ дѣлахъ дирекціи видно, однако, что учителя
сознавали недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ и принуждены были
прибѣгать къ составленію записокъ. Такъ Яконовскій давалъ запи-
ски психологін, Соболевъ проходилъ ботанику „съ прибавленіемъ нѣ-
которыхъ породъ извѣстныхъ по пользѣ“; изъ коммерціи училъ по
тетрадямъ „о банкахъ“. Въ одной изъ вѣдомостей учителя Яконов-
скаго за 1813 годъ читаемъ: „Всеобщую грамматику въ I классѣ не
проходили за неимѣніемъ учебника. Недостатокъ сей отчасти замѣ-
няемъ былъ повтореніемъ русской грамматики. Недостатокъ философ-
скихъ наукъ (въ учебникѣ) на русскомъ языкѣ и время года, боль-
шею частію проведенное въ писаніи психологін и казуистики, были
причиною того, что послѣдняя во II классѣ пройдена не вся и то
краткимъ способомъ. Право народное въ III классѣ не пройдено по
двумъ причинамъ: 1) что оно есть только приготовленіе къ естествен-
ному частному праву и 2) время, употребленное на писаніе полити-
ческой экономіи, не позволило запяться онымъ“. Методъ практическій
былъ примѣняемъ къ теоріи. Тотъ же Яконовскій при рассматриваніи
существа и видовъ стихотворства „практически занималъ учениковъ
сочиненіемъ примѣровъ на разные виды стихотворства“¹⁾. „Рассма-

¹⁾ Яконовскій имѣлъ сильное вліяніе на развитіе нашего поэта В. Г. Бе-
недиктова, ученика Олонецкой гимназій. Первые стихотворенія Бенедиктова
были написаны подъ вліяніемъ Яконовскаго (Портретная галлерей русскихъ
дѣателей, изд. Мюстера, т. I, стр. 263). Случайно въ 1872 году одинъ изъ
бывшихъ учениковъ Олонецкой гимназій, К. К. Виттегъ, живущій въ Одессѣ,

тривая свойства хриі, большею частію занимались практикою". Ясно, что учителя дѣлали свое дѣло, но ихъ стѣсняли программы и руководства; они учили такъ, какъ учились когда-то сами, а примѣровъ и указаній заимствовать было не откуда. Въ 1810 году Ушаковъ указывалъ начальству округа на усердіе учителей Олонецкой гимназій, и въ концѣ своего дописанія прибавлялъ: „поставленія ихъ не ограничиваются одними книгами". Въ 1821 году учителямъ Куняеву и Яконовскому были предложены каведры въ Харьковскомъ университетѣ и почетитель даже зачислилъ ихъ кандидатами, но они оба, по слабости здоровья, отказались. Замѣтимъ здѣсь, что первые учителя были изъ семинаристовъ, получившихъ образованіе въ Педагогическомъ институтѣ.

Преподаваніе въ гимназій происходило по книгамъ, одобреннымъ и изданнымъ главнымъ управленіемъ училищъ. Не перечисляя ихъ подробно, замѣтимъ, что между ними находились: „Право народное" епископа Стройновскаго, „Нравоученіе" Фергюсона, „Древняя гео-

сообщилъ намъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о гимназій и, между прочимъ, одно стихотвореніе Яконовскаго, написанное ему на память.

Вотъ оно:

Вотъ вѣрные тебѣ пути,
 Коль хочешь счастье найти:
 Будь мужественъ, великодушенъ,
 Воздерженъ и трудолюбивъ;
 Царю, Отечеству послушенъ,
 Услуживъ, вѣжливъ, справедливъ.
 Ищи премудрости премноги,
 На промыслъ Божій уповай.
 Переноси зло необходимо,
 Въ несчастіи не унывай!
 Иные съ лестью и коварствомъ,
 Съ обманомъ, хитростью, лукавствомъ
 Въ храмъ счастья ползутъ,
 Но счастья не обрѣтутъ.

К. К. Витгеетъ окончилъ курсъ въ 1821 году. Вотъ какъ отзывается онъ о вліяніи на него гимназій: «Религіозное чувство, посвященное въ моемъ юномъ сердцѣ и не покидавшее меня до сихъ поръ—старца 67 лѣтъ,—я обязанъ моему пребыванію въ Олонецкой гимназій, гдѣ въ 1818 году читалась одна глава изъ Св. Евангелія и молитва ежедневно при началѣ классовъ; добрые наши учителя умѣли поддерживать это религіозное чувство. Имъ да будетъ всегдѣшняя добрая и вѣчная память и благодарность за посвященное ямъ въ сердцахъ нашихъ доброе сѣмя Божьяго слова. Оно имѣло свою огромную благотворительную пользу въ нравственномъ отношеніи».

графія“ Стефенгагена; физика проходила съ прибавленіями изъ Боссю, статистика Паратича съ добавленіями изъ записокъ Германа. Съ русскаго на латинскій переводили, между прочимъ, различные отрывки изъ наказа Екатерины II. Для пѣмецкаго языка употреблялась грамматика Шумахера; „переводы на русскій языкъ и обратно дѣлаются безъ посредства авторовъ, изустно, подъ руководствомъ самого учителя, природнаго Пѣнца“. Учебники и пособіи, издаваемыя для употребленія въ училищахъ, не могли удовлетворять потребностямъ даже и невзыскательныхъ учителей, которые вслѣдствіе того, по необходимости должны были прибѣгать къ составленію записокъ, къ извлеченіямъ изъ разныхъ авторовъ, съ приношеніемъ ихъ къ программѣ или къ переводамъ учебниковъ иностранныхъ. Съ этою цѣлью Якововскій перевелъ Эстетику Ешенбурга и представлялъ чрезъ профессора Лодія свои записки о психологическомъ разсмотрѣніи понечителя округа. Разумѣется, переписываніе тетрадей отнимало у учениковъ много времени и отзывалось весьма вредно на ихъ занятія; а при этомъ не нужно еще забывать, что иные учителя требовали дословнаго заучиванія руководствъ, не обращаясь ни съ силами учащихся, ни съ потребностями ихъ. На вредъ, происшедшій отъ этого, обращено было вниманіе еще въ 1810 году, а именно главное правленіе училищъ предписывало директору: 1) „при назначеніи учителей въ должности требовать отъ нихъ знанія методы ученія не механической, но способствующей къ дѣйствительному обогащенію ума; 2) имѣть неослабный надзоръ за учителями, дабы въ облегченіе себя не затрудняли дѣтей однимъ только вѣтверживаніемъ наизусть уроковъ, но принудили бы ихъ легкимъ и простымъ образомъ къ пониманію всего имъ преподаваемаго, останавливаясь на каждомъ словѣ сколько-нибудь для нихъ непонятномъ и объясняя оныя удобовразумительнымъ для ихъ лѣтъ способомъ. Изъ сего исключаются лучшія мѣста изъ писателей по части словесности, которыя для примѣровъ и подражанія затверживать наизусть весьма полезно и нужно, но не прежде, какъ послѣ яснаго аналитическаго истолкованія оныхъ. 3) Требовать, чтобы ученики, сколько менѣе можно, обременяемы были перепискою курсовъ, учителями самовольно составленныхъ, и ученіе вообще преподаваемо было по книгамъ отъ высшаго начальства предписаннымъ. 4) На экзаменахъ предписывалось экзаменовать стороннимъ лицамъ или же учителямъ другихъ предметовъ“¹⁾ Это предписаніе Главнаго правленія училищъ

¹⁾ Дѣла дирекціи училищъ 1810 года, № 27.

ясно указываетъ на состояніе учебной части въ гимназіяхъ, когда со стороны многихъ учителей не столько обращалось вниманія на то, понимаютъ ли ихъ дѣти, сколько на „зубреніе“.

Понятно, что тогдашніе гимназисты выходили съ аттестатами, въ которыхъ изчислялось множество наукъ, но со знаніями весьма поверхностными. Неоднократно приходилось намъ говорить съ людьми, учившимися въ Олонецкой гимназіи въ рассматриваемый періодъ времени, и мы вполнѣ убѣдились въ справедливости этого замѣчанія. Многіе предметы были забыты ими не только по содержанію, но даже и по названію. Случалось, что ученики, прошедшіе всѣ 3 класса ¹⁾, не умѣли сдѣлать на бумагѣ умноженія и дѣленія, писали безтолково и безграмотно ²⁾.

Въ 1823 году изъ Олонецкой гимназіи были отправлены въ С.-Петербургскій университетъ 5 воспитанниковъ, окончившихъ въ ней курсъ,—и въ томъ числѣ Александръ Чивилевъ, впоследствии извѣстный профессоръ Московскаго университета. По принятіи ихъ въ январѣ 1824 года, попечитель писалъ: „хотя свѣдѣнія ихъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, и особенно въ латинскомъ языкѣ, оказались слабы, но конференція университета, имѣя у себя еще ни чѣмъ не занятыхъ кандидатовъ, приняла на себя исправить сей недостатокъ въ продолженіе 1824 года. Впрочемъ, не смотря на сіе, доставленіе воспитанниковъ изъ одной только Олонецкой гимназіи въ С.-Петербургскомъ округѣ приносить ей особенную честь и даетъ право на признательность начальства“ ³⁾.

¹⁾ Чѣмъ разнится теперешній 6.

²⁾ Вотъ прошеніе одного изъ бывшихъ гимназистовъ объ увольненіи изъ гимназіи его брата: «Родного брата моего N, находящагося подъ вѣдомствомъ В. В-ія учениковъ 4 класса губернской гимназіи, оставшагося послѣ смерти родителя нашего коллегіаго ассессара и кавалера N весьма въ бѣдномъ состояніи, такъ что едва могъ пропитываться брать мой и одеваться по приличію съ весьма великимъ трудомъ по настоящее время, а поэтому самому болѣе нѣтъ никакихъ средствъ продолжать даже ученіе до полнаго курса наукъ, какъ устроить его мнѣ на службу по гражданскому вѣдомству въ губерніи присутствіемъ мѣста. А потому всепокорнѣе прошу сіе мое прошеніе принять» и проч...

³⁾ Въ 1822 году былъ прекращенъ пріемъ семинаристовъ въ университеты; вмѣсто ихъ положено было принимать казенныхъ воспитанниковъ С.-Петербургскихъ гимназій, дѣтей учителей, служившихъ въ округѣ, и дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ. Въ предисловіи, данномъ по этому случаю, прибавлено: «присылка учениковъ отнесется къ отличному усердію и дѣятельности вашей (директора)». Вслѣдствіе этого и были посланы изъ Олонецкой гимназіи 5 воспитанниковъ.

Говоря о преподаваніи и преподавателяхъ, нельзя не обратить вниманія на недостатокъ въ гимназіи людей, направившихъ ее къ достиженію общей цѣли. Директоры, погруженные въ канцелярское дѣло, по перепискѣ съ начальствомъ и подвѣдомственными имъ лицами, мало имѣли возможности слѣдить за преподаваніемъ. Изъ бумагъ, однако, мы можемъ вывести заключеніе, что Крыловъ и Ушаковъ были преданы свосму дѣлу. Крыловъ устраивалъ гимназію, но въ то же время былъ отвлекаемъ постоянно дѣлами по управленію дирекціей и по открытію сельскихъ училищъ. Онъ понималъ важность общихъ совѣщаній и еще въ 1805 году писалъ учителямъ: „рекомендую впредь въ первое воскресенье каждаго мѣсяца собираться ко мнѣ для совѣтованія объ удобнѣйшемъ усовершенствованіи способовъ ученія“. Директоръ Ушаковъ самъ преподавалъ французскій языкъ. Башинскій весьма хорошо велъ хозяйственную часть и управлялъ дирекціей, будучи въ то же время предсѣдателемъ уголовной палаты. Въ гимназіи онъ не жилъ, предоставивъ казенную свою квартиру подъ помѣщеніе уѣзднаго училища. Инспектора тогда не было; учителя, за некомплектомъ, были обременены множествомъ уроковъ.

Совѣщанія ихъ происходили больше на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, и состояли исключительно въ ежемѣсячной повѣркѣ суммъ. Въ 1808 году директоръ доносилъ начальству округа: „составилъ я расположеніе часовъ для тѣхъ учениковъ, которые должны поступить въ гимназію. Въ I классѣ назначилъ на математику по 6 часовъ, для философіи и естественной исторіи по 4 часа, дабы классъ латинскаго языка не оставался въ-пустъ, а также для сравненія часовъ учителей философіи и естественной исторіи съ часами прочихъ учителей, то-есть, чтобы каждый занимался по 6 часовъ, назначилъ я имъ обучать латинскому языку до тѣхъ поръ, пока каждый не будетъ занимать полныхъ часовъ, назначенныхъ по уставу; но учителя не согласились“. Въ чемъ было несогласіе, неизвѣстно. Въ 1811 году (когда именно, не видно) „разсматривали отмѣтки учениковъ; потомъ трактовано было о способѣ ученія, и мнѣніи всѣхъ присутствующихъ о

Ранѣе этого, именно въ 1810 г., предписывалось о прислаивъ воспитанниковъ для помѣщенія въ Педагогическій институтъ, при чемъ было прибавлено, что если ученики окажутся слабы, то ихъ отсылать обротно на счетъ подписавшихъ аттестаты. Какъ были слабы отправленные гимназисты въ 1823 г., видно изъ того, что Чивадель въ теченіе только университетскаго курса имѣлъ возможность пополнить недостатки гимназическаго ученія (Биографическій словарь профессоровъ Московскаго университета. Т. 2, стр. 554).

семъ предметъ были согласны съ наставленіями устава учебныхъ заведеній и предписаніями главнаго правленія училищъ“. Въ одной изъ мѣсячныхъ вѣдомостей 1811 года Соболевъ замѣтилъ, что надо ввести, согласно § 23 устава, преподаваніе начальныхъ основаній сельскаго хозяйства и домоводства. Въ 1812 году, въ числѣ постоянныхъ ежемѣсячныхъ свидѣтельствъ, записано только, что разсуждали о распределеніи времени экзаменовъ и положили производить ихъ по теченію мѣсяца (какъ это, вѣроятно, было прежде), а въ теченіе четырехъ дней. Въ 1831 году директоръ предложилъ совѣту имѣть при гимназій, для выдачи бѣднымъ воспитанникамъ, учебниковъ на 15 рублей, купивъ книги на счетъ штатныхъ суммъ, хранить ихъ особо и, въ случаѣ утраты, замѣнять новыми на тотъ же счетъ. Этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о совѣщаніяхъ между 1808 и 1832 гг. Можетъ быть, бывали они и чаще, но въ дѣлахъ дирекціи нельзя отыскать никакихъ другихъ указавій.

Другою весьма важною причиною, замедлявшею успѣхи преподаванія, былъ постоянный недочетъ учителей. Вотъ одно изъ доказательствъ, какъ сильно пуждалась въ нихъ гимназія: учитель рисованія съ 1815 по 1831 годъ состоялъ въ то же время смотрителемъ училищъ Олонецкаго уѣзда, а Олоонецъ находится отъ Петрозаводска въ 150 верстахъ. Постоянное опущеніе уроковъ преподавателями очень дурно отзывалось на ученикахъ и, вѣроятно, не мало вредило введенію въ глаза общества. Палачинные учителя, не смотря на то, что получали плату за посторонній трудъ, вѣроятно, тяготились имъ. Въ 1831 году Берштрессеръ, учитель латинскаго языка, просилъ уволить его отъ занятій языкомъ нѣмецкимъ, „потому что безпрестанный и безсмысленный занятія дѣлаются тягостными и изнуряютъ здоровье“. Въ утѣшеніе его директоръ писалъ, что „благороднымъ своимъ поведѣніемъ и исполненіемъ обязанностей онъ заслужилъ общую довѣренность и признательность“.

Матеріальный бытъ старшихъ учителей гимназій въ первые годы существованія ихъ, вѣроятно, былъ вполне обезпеченъ, если принять во вниманіе, что, кромѣ жалованья 750 руб. асс. въ годъ, каждый изъ нихъ имѣлъ готовую квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ ¹⁾ и, кромѣ того, получалъ добавочнаго жалованья отъ 200 до 300 руб.

¹⁾ Свѣчей полагалось каждому учителю въ годъ по 3 пуда, дрова же разчитывались по числу печей, полагая на голландскую печь по 5, а на русскую—по 10 сажень.

въ годъ. Съ 1811 года цѣны на все возвысились, а потому штатнаго только жалованья на содержаніе семейнаго учителя оказывалось недостаточно. Ушаковъ, ходатайствуя о вознагражденіи Якоповскаго за преподаваніе латинскаго языка, писалъ: „къ тому же, по возрастающей дороговизнѣ и немѣнно никакихъ постоянныхъ доходовъ, помощь Якоповскому необходима; имѣть же особаго учителя пока нельзя, потому что нѣтъ возможности данать ему квартиру“. Если жаловались уже въ 1811 году на скудость содержанія, то что же было въ 1821 и 1831 годахъ и какъ должны были жить младшіе учителя, получавшіе 400 руб. асс.? Чтобы улучшить домашній бытъ учителей, директоръ Башиинскій неоднократно ходатайствовалъ предъ попечителемъ о вознагражденіи ихъ на счетъ остаточныхъ суммъ отъ штатнаго назначенія, что, по большей части, и увѣнчивалось успѣхомъ.

Можно положительно сказать, что учрежденіе Олопецкой гимназій въ Петрозаводскѣ не было вызвано мѣстными потребностями, а условливалось лишь 3-ю статьею устава 1804 года, по которой каждый губернской городъ долженъ былъ имѣть гимназію. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было огромное пространство, занимаемое Олопецкою губерніей, удаленною отъ всѣхъ губернскихъ городовъ, лишить заведенія, гдѣ бы, по крайней мѣрѣ, дѣти чиновниковъ могли получать достаточное образованіе. Мѣсто для гимназій было выбрано самое невыгодное. Петрозаводскъ лежитъ какъ бы въ углу губерніи; самый ближайшій къ нему городъ отстоитъ отъ него на 150, а другіе на 185, 200, 386, 486 и 609 верстъ. Населеніе около Петрозаводска, въ районѣ на 200 верстъ, состоитъ изъ инородцевъ—Корель; даже въ самомъ городѣ большая часть жителей были мастеровые при пушечномъ заводѣ, вовсе не нуждавшіеся въ гимназическомъ образованіи для своихъ дѣтей, такъ что гимназія удовлетворяла только потребностямъ служилыхъ людей Петрозаводска; изъ уѣздныхъ городовъ поступало воспитанниковъ очень немного, что продолжается даже и теперь.

Число учащихся между 1808 и 1832 годами колебалось между 13 и 38; среднее число поступавшихъ въ гимназію было 9 человекъ въ годъ. Большая часть учащихся не оканчивали курса, потому что сами родители не сознавали еще пользы образованія: они брали дѣтей „для пріученія къ письменнымъ дѣламъ“, или начальство завода требовало мальчиковъ для работъ въ заводѣ; однимъ словомъ, гимназія приготовляла не болѣе, какъ писарей для разныхъ присутствен-

ныхъ мѣстъ, начинавшихъ службу свою gratis или съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 1 руб. асс. Упомянемъ еще, что въ гимназіи не могли обучаться не только солдатскіе дѣти, но и дѣти мастеровыхъ пушечнаго завода не могли поступать въ нее, ибо ихъ считали наравнѣ съ солдатскими. Въ 1822 году начальникъ заводовъ Фуллеръ думалъ ограничить число учащихся въ гимназіи мастеровыхъ двумя въ каждомъ классѣ, то-есть, 8 на всю гимназію. Директоръ представлялъ ему, какъ важно образованіе для всѣхъ сословій, ходатайствовалъ, чтобы указанное выше число этихъ воспитанниковъ увеличено было до 12-ти, чтобы ихъ не отрывали отъ учебныхъ занятій по приказанію начальства. Просьба была уважена; ученики-мастеровые были оставлены въ гимназіи, но съ оговоркою, что не будутъ брать въ заводъ для работы только отличнѣйшихъ изъ нихъ. Но при преобразованіи гимназіи по уставу 1828 года, то-есть, въ 1831 году, мастеровыхъ приказано было вовсе исключить и только въ 1843 году дозволено было обучать по три мальчика для приготовленія къ званію учителей для заводской школы.

Число окончившихъ полный курсъ между 1808 и 1831 годами составляетъ 46 человѣкъ, то-есть, меньше чѣмъ по два на годъ; но были и такіе годы, когда ни одинъ не окончилъ курса, а именно въ 1812, 1814, 1816, 1817, 1823 и 1827 годахъ. Изъ числа окончившихъ курсъ поступили: въ университетъ — 6, въ Педагогическій институтъ—1, въ военную службу—2, въ учителя уѣздныхъ училищъ—9, въ учителя приходскихъ училищъ—1, въ гражданскую службу—17, въ заводскую службу—9 и къ занятіямъ торговлей—1. Выбыло же изъ гимназіи въ означенное время, до окончанія курса: изъ I класса 54, изъ II—43, изъ III—33 и изъ IV—54, то-есть, число не окончившихъ курсъ составляетъ $\frac{3}{4}$ всего числа выбывшихъ, а число окончившихъ курсъ только $\frac{1}{4}$.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное объ успѣхахъ учениковъ, но, судя по многому, нельзя вывести о нихъ особенно хорошаго заключенія; напримѣръ, въ 1811 году не было вовсе перевода изъ II въ III и изъ III въ IV классы, „потому что ученики объявили, что они желаютъ слушать предметы тѣхъ же классовъ“. Въ 1822 году окончившіе курсъ 5 человѣкъ пожелали продолжать образованіе въ университетѣ, но за неимѣніемъ вакансій оставались въ гимназіи до 1824 года и все-таки на приѣмномъ испытаніи оказались слабы въ латинскомъ языкѣ. И не мудрено: въ гимназію, какъ видно изъ

вѣдомостей, поступали дѣти 8—9 лѣтъ²⁾, и вынуждены были заниматься даже такими науками, которыя были имъ вовсе не по силамъ.

Нѣтъ также опредѣленныхъ свѣдѣній о мѣрахъ возмощенія и поощренія, употреблявшихся въ гимназiи. Въ 1813 году министръ адресовалъ С. С. Уварову письмо, копія съ котораго была прислана въ гимназію и, вѣроятно, была исполняема въ точности. Вотъ это письмо: „Извѣстно, что соревнованіе къ успѣхамъ въ наукахъ и благоправію ничѣмъ столько въ учащихся не возбуждается, какъ приличными поощреніями, дѣйствительнѣйшими изъ коихъ дознаны тѣ, которыя въ молодыхъ людяхъ питають честолюбіе. Наблюдаемое въ нѣкоторыхъ училищахъ обыкновеніе раздавать ученикамъ въ классахъ мѣста по ихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію всегда имѣло полезныя слѣдствія, которыя, посредствомъ сего размѣщенія учениковъ, прилежанія самаго посредственнаго, имѣють нѣкоторую цѣль, коея и самая посредственность его не отъемлетъ у него надежды достигнуть“. Поэтому, министръ предлагалъ установить, чтобы отличнѣйшіе ученики занимали высшія мѣста, а желающіе оспорить у нихъ эти мѣста по какому-либо предмету всегда допускались бы къ тому. Еще въ 50-хъ годахъ нѣкоторые преподаватели вызывали учениковъ для *заниманія* другъ друга: низшій по мѣсту спрашивалъ вышшаго о чемъ-либо и, если тотъ не могъ дать отвѣта, то спрашивавшій объяснялъ и занималъ его мѣсто. Въ Лодейнопольскомъ приходскомъ училищѣ иногда цѣлые классы проводились въ такого рода упражненіяхъ, давая учителю возможность ничего не дѣлать. Въ 1814 году было подтверждено, чтобы учениковъ не сбывали, подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности. На сколько достигало своей цѣли это предписаніе, можно судить уже по тому, что въ Олонецкой гимназiи въ сороковыхъ и позже годахъ наказывали еще розгами очень жестоко.

Единственная мѣра поощренія, на которую есть прямыя указанія, это—раздача наградъ за прилежаніе при открытыхъ ежегодныхъ испытаніяхъ. Награждали преимущественно похвальными листами, а изрѣдка—книгами. Въ 1811 году розданы были „Дѣтскій другъ“ и „La première partie d'essai des mathématiques“, въ 1814 году „Геометрія“ Фусса. Въ 1820 году предписано, награждать дѣтей книгами духовно-нравственнаго содержанія и чтобы таковыя книги были въ запасѣ и въ хорошихъ переплетахъ. Книги выдавались обыкно-

²⁾ А. И. Чивиковъ, какъ видно изъ его біографіи, поступилъ 7-ми лѣтъ въ гимназію.

венно при открытыхъ испытаніяхъ, которыя велѣсь по извѣстной программѣ. Вотъ одна изъ этихъ программъ: пѣснь „Днесь благодать Святаго Духа нась соборѣ“; рѣчь директора о необходимости соединить съ просвѣщеніемъ образованіе сердца; слово законоучителя о томъ, что добрыя дѣла составляютъ украшеніе родителей; вокальный концертъ; разсмотрѣніе образцовъ чистоисація; разсужденіе одного изъ учителей „о приходѣ“; инструментальный концертъ; чтеніе учениками своихъ сочиненій; раздача наградъ; благодарственные рѣчи на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ; молитва. На открытыхъ испытаніяхъ производились также экзамены учениковъ изъ того, что они успѣвали лучше всего приготовить.

Гимназія, кромѣ примаго своего назначенія—давать общее образованіе желающимъ, имѣла еще въ виду специальную цѣль—приготовлять воспитанниковъ для занятія учительскихъ мѣстъ. 13-го февраля 1815 года состоялось положеніе комитета министровъ по этому поводу ¹⁾. Въ запискѣ министра народнаго просвѣщенія говорилось, что по малому жалованію трудно пріискывать учителей въ уѣздныя и приходскія училища, а потому весьма полезно въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ имѣются остатки отъ штатныхъ суммъ, отдѣлять до 400 р въ годъ на содержаніе воспитанниковъ, желающихъ поступить въ учителя, выдавая каждому изъ нихъ отъ 75 до 100 руб. асс. ежегодно. Въ случаѣ болѣзни учителей, воспитанники могли заниматься повтореніемъ въ свободныхъ классахъ и тѣмъ мало-по-малу приготавливаться къ учительской должности. За выданную стипендію они обязывались прослужить въ званіи учителя не менѣе 6 лѣтъ.

Мѣры, изложенныя въ этой запискѣ, были какъ нельзя болѣе выгодны для Олонецкой губерніи. Въ 1832 году директоръ писалъ къ попечителю округа: „сею только мѣрою былъ отвращенъ совершенный недостатокъ въ способныхъ наставникахъ, да и впредь, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признается она существенною мѣрою, могущею предотвратить оный; ибо студенты Педагогическаго института и университетовъ неохотно соглашались ѣхать въ сѣверныя губерніи, вредныя для многихъ по суровому климату“. Для содержанія воспитанниковъ, предназначаемыхъ въ учителя, предложено было употреблять экономическія суммы, весьма необходимыя на ея различныя потребности, особенно на исправленіе заданій, а потому директоры постоянно хлопотали о займахъ экономическихъ суммъ

¹⁾ Сборн. по мин. народ. просв. т. I, стр. 766.

уѣздныхъ училищъ. Займы эти не были возвращаемы, такъ что большая часть содержанія воспитанниковъ падала на суммы уѣздныхъ училищъ. Олонецкая гимназія имѣла 23 казенныхъ воспитанниковъ съ 1816 по 1855 годъ. Каждому изъ нихъ, кромѣ книгъ, выдавалось на содержаніе въ 1816 — 1819 гг. 100 руб., а съ 1820 по 1855 г. по 200 руб. асс. Въ 1822 году предложено было увольнять изъ гимназіи тѣхъ, которые замѣчены будутъ въ дурномъ поведеніи, а выданные имъ деньги взыскивать съ нихъ; то же подтверждено было и въ 1827 году. Какъ дорожили казенными воспитанниками и какъ важны были учителя, свидѣлствуетъ слѣдующее: Мецкерскій и Кунаевъ, по вызову отъ академіи художествъ, поступили въ нее для приготовленія въ архитекторы путей сообщенія; но лишь только гимназія узнала объ этомъ, какъ тотчасъ же, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, велѣно было возвратить ихъ въ Петро-заводскъ, а прогоны и деньги, употребленные на теплую одежду, приписать на счетъ гимназіи. Немного позднѣе одинъ изъ учителей хотѣлъ поступить въ военную службу, но ему отказали въ просьбѣ, ибо онъ не выслужилъ установленныхъ 6 лѣтъ. Воспитанникамъ, отправленнымъ въ университетъ, выдавались прогоны, но никакихъ другихъ пособій они не получали.

Положивъ части учебную и воспитательную, перейдемъ теперь къ хозяйственной.

По штатамъ гимназіи 1804 года на бібліотеку, кабинеты и учебныя пособія отпускалось ежегодно 200 р. асс. Такая сумма, при существовавшей въ прежнее время дороговизнѣ книгъ и пособій, не могла удовлетворять нуждамъ учебнаго заведенія. Библіотека наполнялась, большею частью, учебниками или книгами, не отличавшимися ни учеными, ни литературными достоинствами. Къ сожалѣнію, нельзя показать ежегоднаго приращенія въ учебныхъ пособіяхъ, по неимѣнію достаточныхъ данныхъ; каталоги почти не сохранились, а въ весьма немногихъ, уцѣлѣвшихъ изъ нихъ, не показано, сколько приобретено сочиненій въ тотъ или другой годъ. Впрочемъ, сумма, положенная на этотъ предметъ по штатамъ, расходовалась сплошная. Въ 1810 году въ физическомъ кабинетѣ гимназіи были: астролябія съ цѣлью, компасъ, мѣдная липейка, циркуль, воздушный насосъ съ приборомъ (въ 500 р.), электрическая машина (300 р.), микроскопъ (50 р.), солнечный микроскопъ (100 р.), волшебный фонарь (60 р.), цилиндрическое зеркало съ картонами (30 р.), гальваническій приборъ (50 р.), бьющій фонтанъ (150 р.), барометръ (35 р.) термо-

метръ, пневмато-химическій приборъ и камера-обскура (175 р.) Цѣнность кабинета по описи простиралась до 1552 р. асс. Затѣмъ, въ теченіе 10 лѣтъ, какъ замѣчено въ дѣлѣ 1810 г. № 13, почти ничего не было приобретено для кабинета. Въ 1820 году учитель Троицкій просилъ приобрести 16 названій разныхъ приборовъ, на которые и было израсходовано 350 р. ¹⁾, но изъ этого числа 65 р. употреблены на исправленіе испорченнаго барометра, бывшаго фон-тапа и на пересылку вещей. За тѣмъ приобретены были два цилиндрическихъ колокола для доказательства давленія воздуха, стеклянный коническій колоколъ, деревянная чашка для доказательства давленія атмосферы и скважности тѣлъ; электрическое стекло съ лан-шафтомъ и т. п. Въ теченіе послѣдующихъ 23 лѣтъ кабинетъ пришелъ въ большой упадокъ. Въ 1832 году былъ отправленъ въ Петербургъ учитель Колосовъ, чтобы отвезти инструменты для исправленія. Изъ описи вещей видно, что онъ взялъ съ собою чуть не весь кабинетъ: все было попорчено или изломано.

Кабинетъ естественныхъ наукъ остался до 1832, и даже до шестидесятихъ годовъ точно такимъ, какимъ былъ онъ при учрежденіи гимназій. Во время существованія главнаго училища, олонекій горный начальникъ Армстронгъ пожертвовалъ свое собраніе олонекскихъ горныхъ породъ въ числѣ 166 названій; въ 1808 году гимназія на свои экономическія суммы приобрѣла у Севастьянова за 600 р. 452 названія минераловъ. Въ 1819 году минералогическому кабинету была составлена опись, изъ которой видно, что онъ не увеличился ни однимъ номеромъ, ни однимъ камешкомъ. Минералы были распределены по старой системѣ Вернера, когда малѣйшему измѣненію цвѣта какого-либо изъ нихъ давалось особое названіе. Коллекція эта по времени могла почитаться хорошею, но съ распределеніемъ минераловъ по системѣ Наумана она потеряла цѣну. Составленная въ 1819 году опись минералогическаго кабинета была отправлена къ попечителю для представленія въ экспедицію о снабженіи учебныхъ заведеній пособиями по естественной исторіи. Вѣроятно, вслѣдствіе этого представленія, Олонекская гимназія получила собраніе раковинъ, числомъ 89. Въ 1810 году при гимназій, въ числѣ пособій по естественной исторіи, находился гербарій, а въ 1819 году было ихъ уже два (изъ нихъ первый съ растеніями на 400 листахъ,

¹⁾ Деньги, употребленные на кабинетъ, были пожертвованы въ 1811 г., въ день открытія гимназій.

а второй на 309); кромѣ того, Histoire naturelle и Collection des animaux quadrupedes Бюффона.

Пособія по географіи и исторіи во время разсматриваемаго періода состояли изъ 2 глобусовъ, 21 географической карты и карты „Рѣка времени“. Рисунковъ для класса рисованія въ 1810 году считалось 57, но учитель по 1819 годъ употреблялъ свои собственныя. Въ 1819 году отпущено было гимназіею на покупку рисунковъ 75 руб. Нумизматическая коллекція за это время увеличилась не многимъ: въ 1808 году было 29 серебрянныхъ и 68 мѣдныхъ монетъ, а въ 1832 году 35 серебрянныхъ и 81 мѣдная монета ¹⁾.

Въ 1808 году, немедленно по открытіи гимназій, приобретено было разныхъ учебныхъ пособій для ея библіотеки на 3.200 руб. асс., такъ что въ концѣ 1808 года, какъ видно изъ представленной попечителю вѣдомости, въ библіотекѣ этой состояло сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній 293 названія въ 657 томахъ.

Изъ дѣлъ не видно, чтобы въ послѣдующее время произведена была сколько-нибудь значительная единовременная покупка пособій для библіотеки. Въ 1811 году была она передава въ вѣдѣніе учителей „по реестру и по предметамъ каждого“, такъ что книги составляли какъ бы ихъ собственность, а потому не удивительно, что при выбытіи кого-либо изъ нихъ директоръ вынужденъ былъ входить въ переписку о возвращеніи книгъ и о взысканіи денегъ. Въ 1812 году была потребована попечителемъ вѣдомость о библіотекѣ, такъ какъ обнаружилось, что нѣкоторые изъ гимназій имѣютъ дублиеты различныхъ сочиненій, а другія вовсе были лишены ихъ. Неизвѣстно, что приобрѣла въ это время Олонецкая гимназія, но, какъ видно изъ отчета въ каталогѣ, она выслала 38 томовъ въ Абовскій университетъ. Изъ департамента народнаго просвѣщенія посылались книги, изданныя, или купленныя имъ. За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго объ ежегодномъ приращеніи библіотекъ.

По уставу 1804 года, на полное содержаніе гимназій назначено было 6.650 р. Сумма эта отпускалась еще и до преобразованія главнаго народнаго училища въ гимназію съ 1-го января 1805 года, такъ что съ теченіемъ времени образовались изъ нея значительныя сбере-

¹⁾ Объ образованіи кибистонъ и нумизматической коллекціи см. статью «Исторія Олонецкой дирекціи до 1808 года» въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1808 годъ.

женія. Кромѣ штатной суммы, отпускалось еще отъ приказа общественаго призрѣнія 1.200 руб. Весь годовой бюджетъ гимназіи до преобразованія ея въ семиклассную былъ 7.850 руб. Изъ штатной суммы производились расходы: на жалованье директору—1.000 руб., 4 старшимъ учителямъ по 750 руб.—3.000 руб.; 3 младшимъ учителямъ по 400 руб.—1.200 руб.; учителю рисованія—300 р.; на учебныя пособія—250 р.; на содержаніе дома—900 руб.

Затѣмъ 1.200 рублей, отпускаемые приказомъ общественнаго призрѣнія, употреблялись на наемъ квартиры для служащихъ, отопленіе, освѣщеніе, на пособіе къ штатной суммѣ для содержанія дома и другіе расходы ¹⁾. Упомянутая выше сумма (7.850 р.) отпускалась на гимназію въ теченіе слишкомъ 24 лѣтъ, за исключеніемъ весьма незначительныхъ измѣненій, а именно: въ 1811 году учитель латинскаго языка сравненъ жалованьемъ со старшими учителями и къ прежнему его окладу добавлено 350 руб. Въ августѣ 1823 года, по несостоятельности приказа, взносъ имъ денегъ съ 1824 года совершенно былъ прекращенъ, съ отнесеніемъ всей суммы на счетъ государственнаго казначейства; изъ того же источника была уплачена и недоимка на приказъ за прежнее время (1.600 руб.). Излишніе остатки отъ содержанія гимназіи отсылались въ банкъ для приращенія процентами и были вынимаемы оттуда, по мѣрѣ надобности, на необходимые расходы, особенно по ремонту зданія. Остатки эти бывали довольно значительны: напримѣръ, въ 1820 году—5.418 руб. 91 коп., въ 1825 году—7.604 руб. 26 коп., въ 1829 году—8.750 руб. 80 коп.

Пожертвованій во все это время въ пользу гимназіи, кромѣ 1811

¹⁾ Сверхштатные расходы были слѣдующіе:

	1808 г.	1809 и 1811 г.
Директору на квартиру.....	150 руб.	—
4 учителямъ на квартиры.....	240 —	—
2 учителямъ на квартиры.....	120 —	120 руб.
2 учителямъ уезднаго училища на квартиры.....	120 —	120 —
На наемъ дома для уезднаго училища..	250 —	150 —
Писцу при директорѣ.....	90 —	100 —
На канцелярію.....	60 —	60 —
На прогоны директору.....	170 —	170 —
На связи.....	—	420 —
На наемъ сторожей.....	—	360 —
	1.200 руб.	1.500 руб.

года, когда послѣдовало ея открытіе, не было вовсе. Въ упомянутомъ году было пожертвовано разными лицами 339 рублей.

Недостаточность штатныхъ суммъ на содержаніе училищъ вызвала въ 1819 году сборъ платы за ученіе. Этою мѣрою, какъ видно изъ записки министерства народнаго просвѣщенія ¹⁾, имѣлось въ виду обратить вниманіе родителей на занятія ихъ дѣтей и заохотить преподавателей, обезпеченіемъ ихъ содержанія, усердиѣ заниматься своимъ дѣломъ. О введеніи платы за ученіе было предписано Олонецкому директору въ 1819 году. Возникла переписка и, прежде всего, съ заводскимъ начальствомъ: директоръ предполагалъ взимать съ гимназистовъ въ годъ по 15 руб., съ учениковъ уѣзднаго училища—10 руб. и приходскаго—5 руб. асс., но лишь съ дѣтей чиновниковъ и гражданъ, а у начальника завода просилъ къ отпуску ежегодно по 500 руб. Начальникъ завода Фуллонъ, подъ разными предлогами, отказывался удовлетворить эту просьбу, писалъ, что мастеровые—люди очепь бѣдные, что ввести плату или дать пособіе, безъ согласія горнаго департамента, онъ не можетъ. Директоръ донесъ объ этомъ попечителю, опровергая Фуллона тѣмъ, что многіе мастеровые получаютъ отъ 20 до 60 руб. ²⁾ въ мѣсяцъ задѣльной платы и имѣютъ хорошіе собственные дома; онъ говорилъ, что при заводѣ должно существовать особое училище, на которое даже отпускаются деньги, по училища этого нѣтъ, а дѣти заводскихъ чиновниковъ и мастеровыхъ обучаются въ школахъ министерства; „много изъ учениковъ сихъ хорошихъ офицеровъ и дѣловыхъ людей; слѣдовательно, заводъ имѣетъ значительный остаточный капиталъ отъ несуществованія при немъ училища“. Съ дѣтей горныхъ и прочихъ чиновниковъ предполагалось взимать плату въ размѣрѣ существовавшей въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, на томъ основаніи, что „Олонецкая губернія, нуждающаяся въ хлѣбѣ, изобильна другими произведеніями. Наилучшимъ доказательствомъ денежнаго ея достатка, служитъ существующая на все дороговизна и высокая плата за поденную и мѣсячную работу. Всѣ наилучшія соображенія и распоряженія по предмету взиманія платы съ учениковъ первоначально, конечно, могутъ быть сопряжены съ важными затруженіями, ибо невѣжество и предрассудки самыя благонамѣренныя цѣли признають за безполезныя и сочтутъ новымъ нало-

¹⁾ См. Сборн. пост. по мин. нар. просв., т. I, стр. 1145.

²⁾ 60 руб.—сумма значительная для мастерового, когда семейные чиновники въ то время получали 10—20 руб. асс.

гомъ, пока не убѣдятся въ благоразуміи благотѣльныхъ мѣръ правительства". Взимать плату за ученіе съ учениковъ прочихъ сословій директоръ не думалъ на томъ основаніи, что города содержатъ на свой счетъ приходскія и помогаютъ уѣзднымъ училищамъ и что по малолюдству горожанъ нельзя ожидать прибавки на училища.

Этими соображеніями до 1838 года окончились дѣло по введенію платы за ученіе въ училищахъ Олонецкой дирекціи.

Въ 1810 году гимназія помещена была въ принадлежавшемъ ей до сего времени домѣ, отдѣланномъ почти за-ново послѣ пожара 1802 года ¹⁾. Мелочность, съ которою производились работы,—поспѣшность, впрочемъ, неизбѣжная, ибо нужно было начинать ученіе, а ничего еще приготовлено не было,—вскорѣ вызвала необходимость различныхъ исправленій въ домѣ. Уже въ 1811 году потребовалось въ классныхъ и жилыхъ комнатахъ исправить разошшіеся полы и потрескавшіяся печи, на что и разрѣшено было употребить проценты съ капитала 5.000 руб., образовавшагося отъ сбереженія. Работы эти обошлись въ 514 руб. 50 коп. Въ домѣ, кромѣ классовъ, находились квартиры директора и всѣхъ учителей. Въ 1814 году въ управленіе дирекціей вступилъ предсѣдатель уголовной палаты Вапшинскій. Имѣя въ Петрозаводскѣ свой собственный домъ, онъ уступилъ казенную квартиру для уѣзднаго и приходскаго училищъ, чрезъ что составилось для казны до 300 руб. ежегоднаго сбереженія. Гимназія помещалась въ верхнемъ этажѣ, училища же—въ нижнемъ; учителя занимали боковыя комнаты, такъ что могли имѣть постоянный надзоръ за дѣтьми, что было необходимо уже потому, что директоръ въ гимназіи не жилъ, а должности инспектора еще не существовало. Передъ переводомъ въ гимназическій домъ училищъ сдѣланы были нѣкоторые исправленія на 200 руб. Въ 1817 году въ квартирѣ одного изъ учителей отъ образовавшейся въ русской печи трещины произошелъ пожаръ. Домъ осмотрѣли и оказалось, что необходимо исправить всѣ печи, защебенить трещину въ стѣнѣ, исправить деревянныя колонны у параднаго входа и т. п. Донося объ этомъ начальству, директоръ говорилъ, что „домъ требуетъ многихъ поправокъ какъ внутри, такъ и снаружи“. Снова началась переписка по исправленію дома, для чего по изчисленной сѣтѣ потребовалось уже 13.483 руб. 12 1/2 коп. Работы производились хозяйственнымъ образомъ, подъ на-

¹⁾ О постройкѣ гимназическаго дома подробно сказано въ исторіи дирекціи до 1808 года (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, декабрь 1866).

блюденіемъ губернатора, въ теченіе 1823—1826 гг. Гимназіи и училища помѣщались въ одномъ зданіи до 1830 года; о тѣснотѣ, отъ которой страдали они, можно судить по слѣдующему: при разсужденіи въ совѣтѣ о необходимости устроить въ гимназіи публичную залу и хорошую мебель, было замѣчено, что въ залѣ помѣщается библіотека, кабинеты физическій и минералогическій, всѣ учебныя пособія; здѣсь же происходятъ и акты, при чемъ мебель берется у частныхъ людей, которые даютъ ее неохотно; совѣщанія происходятъ въ архивѣ, въ тѣсной и темной комнатѣ, гдѣ нѣтъ даже ни одного стула.

Не лишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь о двухъ эпизодахъ, касающихся гимназіи, а именно: о попыткѣ устроить при ней ланкастерскій классъ и о помѣщеніи въ одномъ съ нею зданіи педагогическаго института.

Въ 1816 году было обращено вниманіе правительства на распространеніе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ Ланкастеровой методы взаимнаго обученія. Въ 1828 году были собраны въ С.-Петербургскомъ батальонѣ военныхъ кантонистовъ учителя изъ всѣхъ гимназій округа для изученія этой методы. Изъ Олопецкой гимназіи былъ отправленъ учитель Баранкѣвъ. За дѣло принялись очень горячо; въ гимназіи уже составленъ былъ проектъ для устройства школы, планъ и смѣта передѣлокъ въ зданіи. Директоръ предполагалъ открыть при гимназіи ланкастерскую школу на 200 человѣкъ и, кромѣ того, еще школу при заводѣ; устроить въ гимназіи залу съ принадлежащимъ къ ней дополнительнымъ отдѣленіемъ, обзавестись новою мебелью по образцу Петербургской, приобрести необходимыя пособія; учителямъ опредѣлить воспитанника гимназіи Воскресенскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ занимался подъ наблюденіемъ Баранкѣва; на содержаніе школы употреблять остатки штатныхъ суммъ и т. д. Предположенія эти не осуществились и отложены были до изданія новаго устава училищъ. Однако мы видимъ, что ланкастерскій способъ обученія Баранкѣвъ объяснилъ разъ въ недѣлю, по средамъ, а въ 1843 году онъ введенъ былъ, хотя не вполне, въ Петрозаводскомъ приходскомъ училищѣ, которое и названо было „образцовымъ“.

Въ 1812 году въ зданіи Олопецкой гимназіи помѣщены были (впрочемъ, только до весны 1813 года) студенты С.-Петербургскаго Педагогическаго института и казенные воспитанники гимназіи С.-Петербургской, отправленные сюда подъ наблюденіемъ директора института Энгельгардта съ профессорами Лодіемъ, Кукольниковъ и Арсеньевымъ. Послѣдній въ своихъ запискахъ описалъ поѣздку свою въ часть CLXXVI, отд. 3.

Петрозаводскъ или, какъ онъ называется, „безславный походъ не на непріятеля, а отъ непріятеля“. Директору Ушакову было предписано заблаговременно, еще до прибытія студентовъ, распустить учащихся и очистить, какъ классы, такъ и учительскія квартиры „съ нѣкоторымъ потѣсненіемъ, ибо чиновники сіи, яко благомыслящіе подчявенные, не отречутся на время перенести нѣкоторую тѣсноту“. Директоръ приготовилъ, по возможности, помѣщеніе, но прекратить уроки, не смотря на предписаніе, не рѣшился: два класса помѣстилъ опъ въ своей квартирѣ, оставивъ для себя только одну комнату и кухню, другіе же два класса — въ квартирахъ учителей: такимъ образомъ, въ домѣ гимназій, имѣвшемъ 22 небольшихъ комнаты, считая и кухни, были помѣщены 5 чиновниковъ института, всѣ студенты и казенные воспитанники Петербургской гимназій, директоръ института съ семействомъ, семейные директоръ гимназій и 3 учителя и одинъ холостой учитель ¹⁾. Можно по этому судить, какова была тѣснота въ зданіи, гдѣ во все это время не прекращались уроки ни для студентовъ, ни для гимназистовъ. Дѣла и вещи министерства были отправлены на одной бригѣ, 4-хъ доншкоутахъ и одной соймѣ; дѣла и вещи департамента, Педагогическаго института и Медицинской академіи были помѣщены при гимназій, а Академія наукъ и Публичной библіотеки въ гостиномъ дворѣ ²⁾.

К. Пестровъ.

¹⁾ Этотъ холостой учитель былъ М. И. Троицкій, впоследствии директоръ Олонецкой гимназій; онъ былъ по воспитанію товарищемъ К. И. Арсеньева, какъ узнаемъ это изъ записокъ покойнаго. Самому Арсеньеву пришло въ Петрозаводскомъ кладбищѣ. Онъ умеръ въ Петрозаводскѣ 29-го ноября 1863 года, находясь при сынѣ своемъ, Олонецкомъ губернаторѣ.

²⁾ Подробности объ этомъ см. въ Запискахъ покойнаго К. И. Арсеньева и въ статьѣ моей, помѣщенной въ № 9 *Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей* 1866 года.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ШЕСТИКЛАССНЫЯ ПРОГИМНАЗІИ.

Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала (см. отд. правит. распоряженій, стр. 95 — 98) напечатано Высочайше утвержденное, 8-го іюня 1874 года, мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ разрѣшается г. министру народнаго просвѣщенія открывать прогимназіи, не только въ четырехклассномъ, но и въ *шестиклассномъ* составѣ, Считаемо не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой, въ высшей степени, полезной мѣрѣ, значеніе коей будетъ, конечно, оцѣнено по достоинству нашею публикою.

Учрежденіе прогимназій вообще вызвано было существенною потребностью: съ одной стороны, онѣ нужны были въ городахъ, гдѣ не представлялось возможности устроить полныя гимназіи, а съ другой — были необходимы даже и тамъ, гдѣ гимназіи существовали, ибо вслѣдствіе крайняго переполненія этихъ учебныхъ заведеній, постоянно приходилось отказывать въ пріемѣ значительному количеству дѣтей, желавшихъ поступить въ нихъ. Хотя первыя прогимназіи появились еще въ 1860 году (въ Виленскомъ округѣ), но повсемѣстное ихъ устройство было разрѣшено лишь Высочайше утвержденнымъ, 19-го ноября 1864 года, гимназическимъ уставомъ. Онѣ должны были состоять изъ *четырехъ* низшихъ классовъ, съ тѣмъ самымъ курсомъ который проходится въ означенныхъ классахъ гимназій. О томъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяли онѣ насущнымъ потребностямъ общества можно лучше всего судить по быстрому увеличенію ихъ числа и по почти повсемѣстному переполненію ихъ учениками. До настоящаго времени находится у насъ 54 прогимназіи, изъ коихъ 34 содержится часть CLXXVI, отд. 4.

на счетъ казны, 17 на счетъ казны и обществъ и 3 исключительно на счетъ обществъ.

Но если эти учебныя заведенія встрѣчены были съ самаго начала столь явнымъ сочувствіемъ, то явился вопросъ, не слѣдовало ли произвести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, съ цѣлью еще болѣе приимѣнить ихъ къ образовательнымъ потребностямъ общества?

При пинѣшнемъ четырехклассномъ составѣ прогимназій, дѣти, поступающія въ нихъ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, оканчиваютъ курсъ 14 или 15 лѣтъ. Что ожидаетъ ихъ затѣмъ? Если родители намѣреваются дать имъ законченное образование, то нерѣдко вынуждены исключить ихъ изъ дома въ отдаленныя гимназіи, находящіяся почти исключительно въ губерпскихъ городахъ. Но подобное удаленіе 14-лѣтняго мальчика въ совершенно чуждую ему обстановку, при которой онъ, въ большей части случаевъ, лишенъ надлежащаго за собою присмотра (ибо пансіоны существуютъ только при немногихъ гимназіяхъ и, сверхъ того, переполнены воспитанниками), сопряжено съ значительною опасностью для нормальнаго развитія ребенка, что въ сожалѣнію подтверждается несомнѣнными фактами: мальчикъ, въ этомъ, не выполнѣ еще установившемся возрастѣ, легко подчиняется пагубнымъ вліяніямъ, для устраненія коихъ онъ не находитъ средствъ ни въ самомъ себѣ, по недостатку окрѣпшихъ убѣжденій, ни въ окружающей его, чуждой ему средѣ. Многіе родители не рѣшаются поэтому посылать дѣтей своихъ въ гимназію, но если бы даже они и согласились разстаться съ ними, то не слѣдуетъ забывать, что тутъ ожидаетъ ихъ нерѣдко новое препятствіе: въ послѣднее время и старшіе (съ V-го) классы гимназій до такой степени начинаютъ переполняться учениками, что поступленіе въ нихъ дѣтей оказывается затруднительнымъ.

Вслѣдствіе всего этого, не малое количество мальчиковъ обречено было покидать школу съ 4-хъ класснымъ прогимназическимъ образованіемъ, не представляющимъ законченнаго цѣлаго и весьма недостаточнымъ для практической дѣятельности. Это образованіе не даетъ получившимъ его никакихъ льготъ относительно отбыванія воинской повинности, такъ какъ 4-хъ классныя прогимназіи не подходятъ ни подъ одинъ изъ разрядовъ, поименованныхъ въ уставѣ о всесловной воинской повинности: онѣ стоятъ выше тѣхъ требованій, которые установлены для 3-го разряда льготъ по образованію, и значительно ниже 2-го разряда, къ коему отнесены реальныя училища и *первые шесть классовъ гимназій*. Это послѣднее обстоятельство, вмѣ-

стѣ съ соображеніями, о которыхъ мы упомянули выше, убѣдило министерство народнаго просвѣщенія, что прогимназій, для полнаго достиженія своей цѣли, должны быть учреждаемы на будущее время не только въ четырехклассномъ, но и въ шестиклассномъ составѣ. Мѣрою этою отстрапятся весьма важныя, существованіи доселѣ, неудобства: молодые люди будутъ оканчивать курсъ 16—17 лѣтъ, когда уже не такъ опасно предоставлять ихъ самимъ себѣ; если даже не пожелаютъ они продолжать учебы въ 7-хъ классахъ гимназій, то во всякомъ случаѣ получатъ довольно законченное образованіе, усвоятъ значительный запасъ свѣдѣній, могущихъ дать имъ полную возможность съ успѣхомъ приняты за практическую дѣятельность въ томъ или другомъ направленіи; сверхъ того, эти молодые люди приобретаютъ, по отношенію къ отбыванію воинской повинности, права 2-го разряда льготъ по образованію, что весьма важно вообще въ интересахъ просвѣщенія, ибо нельзя сомнѣваться, что благодаря упомянутому обстоятельству, приливъ молодежи къ прогимназіямъ не только не уменьшится, но еще усилится, тогда какъ, если бы прогимназій оставались по прежнему только въ четырехклассномъ составѣ, то слѣдовало бы опасаться противнаго.

Не во всѣхъ еще 51 прогимназіяхъ находятся нынѣ, по недавнему ихъ открытію, четвертые классы, но въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ они существуютъ, число учениковъ въ означенныхъ классахъ весьма значительно. Можно утвердительно сказать, что большая часть этихъ молодыхъ людей, по окончаніи курса IV-го класса, пожелали бы продолжать учебы хотя бы только для того, чтобы по истеченіи двухъ лѣтъ воспользоваться льготами 2-го разряда по отбыванію воинской повинности. Но мы уже говорили, что тутъ могло встрѣтиться ихъ весьма важное препятствіе, а именно, недостатокъ помѣщенія въ гимназіяхъ: если это препятствіе нерѣдко обнаруживалось и до сихъ поръ, то чего же слѣдуетъ ожидать въ будущемъ, когда V и VI классы, вслѣдствіе новыхъ условий, созданныхъ общеою воинскою повинностью, будутъ, по всему вѣроятію, нерсполняться учениками еще въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ теперь? Многіе весьма даровитые и трудолюбивые юноши были бы такимъ образомъ лишены возможности продолжать гимназическое образованіе, что не входитъ, конечно, въ виды правительства. Въ сѣверной Германіи общаа воинская повинность давно уже вызвала преобразованіе значительнаго количества прогимназій въ шестиклассныя, и то же самое явленіе становится теперь и у насъ вполне естественнымъ и необходимымъ.

Вообще новому уставу о военной службѣ суждено значительно повліять на распространіе образованія въ Россіи: уже теперь, на первыхъ порахъ, непрерывно поступаютъ въ министерство народнаго просвѣщенія заявленія объ открытіи новыхъ училищъ, предлагаются посильныя пожертвованія для нихъ, и все это должно быть отчасти приписано желанію общества воспользоваться льготами воинской повинности. Въ будущемъ предстоитъ, конечно, открыть много новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а вслѣдствіе этого увеличится число учениковъ, для которыхъ недостаточно будетъ образованіе, даваемое прогимназіями въ четырехъклассномъ составѣ.

Полагаемъ, что эти свѣдѣнія достаточны для того, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ новое постановленіе о нашихъ прогимназіяхъ. Читатели могли уже видѣть изъ официальныхъ документовъ, обнаруженныхъ въ октябрьской книжкѣ нашего журнала, что г. министру народнаго просвѣщенія предоставлено, на первое время, приступить къ преобразованію *пятнадцати* четырехъклассныхъ прогимназій въ шестиклассныя, изъ которыхъ *тринадцать* въ настоящее время уже преобразованы. Вотъ эти прогимназіи: С.-Петербургскія Введенская и вторая (на Пескахъ), Кіевская, Острогская, Виленская, Пензенская, Якутская, Николаевская, Мозырская, Херсонская, Корочанская, Аманьевская и Глуховская. Выборъ палъ на нихъ по той причинѣ, что онѣ или переполнены учениками, или находятся въ слишкомъ далекомъ разстояніи отъ городовъ, въ которыхъ имѣются гимназіи. Затѣмъ принимаются уже мѣры для преобразованія еще двухъ прогимназій.

О ВВЕДЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ наше время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію та истина, что сила каждаго государства заключается въ его образованіи и что страны, въ которыхъ просвѣщеніе развито въ массахъ населенія, являются самыми сильными и пользуются наибольшимъ благосостояніемъ. Неопровержимымъ доказательствомъ этой истины служить Германія, которая справедливо считается самою образованною страню сколько потому, что она обладаетъ наибольшимъ числомъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, доставляющихъ высшее и среднее образованіе достаточнымъ классамъ населенія, столько же и потому, что въ Германской имперіи полученіе образованія въ извѣстной начальной его степени обязательно для всѣхъ подданныхъ обоюго пола, и что поэтому въ Германіи безграмотными могутъ оставаться только идіоты отъ рожденія и вовсе неспособные къ ученію по болѣзни или физическимъ недостаткамъ. По германскимъ законамъ объ обязательномъ ученіи, всѣ должны учиться и каждый, кто не можетъ или не желаетъ доставить своимъ дѣтямъ необходимое образованіе у себя на дому, обязанъ, по достиженіи ими шестилѣтняго возраста, посылать ихъ въ школу, гдѣ обученіе продолжается до 14-ти лѣтъ. Размѣръ этого обязательнаго для каждаго образованія опредѣляются курсомъ начальнаго училища, въ который входитъ: законъ Божій, наглядное обученіе, чтеніе и письмо, счисленіе, начальная геометрія или собственно ученіе о формахъ и пространствѣ (Formen- und Raumlehre), отечественнѣдѣніе и отечествовѣдѣніе (Heimaths- und Vaterlandskunde), т. е., географія и исторія родины, необходимыя свѣ-

дѣнія изъ естественныхъ наукъ, черченіе, рисованіе, пѣніе и гимнастика. Всякое уклоненіе отъ обязательнаго ученія преслѣдуется по законамъ и родители, за непосѣщеніе дѣтми школы безъ уважительныхъ причинъ, наказываются денежными штрафами и даже арестомъ, а если випа уклоненія отъ школы заключается въ дурныхъ наклонностяхъ и упрямствѣ самихъ дѣтей, то послѣднія могутъ быть помѣщаемы въ исправительныя заведенія. Обязывая дѣтей приобрѣтать извѣстныя познанія, законъ не требуетъ, однако, непремѣннаго посѣщенія начальной общественной школы всѣми дѣтми школьнаго возраста; дѣти могутъ учиться въ частныхъ школахъ и дома и должны только, въ доказательство того, что они дѣйствительно учатся, подвергаться установленному контролю.

Не одна Германія, но и другія государства, какъ напримѣръ, Швеція и Норвегія, гдѣ повсѣдно обязательное начальное обученіе, представляютъ неоспоримыя доказательства того, что обязательное начальное обученіе приноситъ только пользу, ускоряя ходъ умственнаго и нравственнаго образованія въ народѣ, укрѣпляя и просвѣтляя его религіозныя вѣрованія и чрезъ то значительно содѣйствуя уменьшенію преступленій, главный источникъ которыхъ коренится въ нечужествѣ массы населенія.

При всемъ томъ, введеніе обязательнаго начальнаго обученія представляется, какъ показалъ опытъ Германія, дѣломъ весьма не легкимъ. Начало обязательности ученія въ Германіи совпадаетъ со временемъ реформаціи; въ протестантскихъ государствахъ Германіи грамотность со времени Лютера требуется религіею, и потому обученіе народа грамотѣ и краткому лютеранскому катехизису началось со введеніемъ реформаціи; сначала обучали пасторы и кистеры по воскреснымъ днямъ въ церквахъ, потомъ стали устраивать при церквахъ же ежедневныя народныя школы; при всемъ томъ, дѣло распространенія грамотности въ народѣ шло весьма медленно и масса населенія оставалась безграмотною. Въ Пруссіи, шедшей всегда впереди въ дѣлѣ народнаго образованія, обычай обученія, установленный церковью, подтвержденъ былъ въ 1738 году государственнымъ закономъ, изданнымъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-мъ и дѣлавшимъ начальное обученіе обязательнымъ; законъ этотъ въ болѣе опредѣленной формѣ выраженъ былъ въ 1763 году въ общемъ уставѣ сельскихъ училищъ, изданномъ Фридрихомъ Великимъ. По уставу этому каждая община обязывалась учредить школу и посылать дѣтей учиться, па-

чиная съ 6-ти лѣтняго возраста и до конфирмаціи, т. е., до 14-ти лѣтъ. Содержаніе школы возлагалось на родителей обучающихся дѣтей и *за неисполненіе этого постановленія назначался денежный штрафъ*. Успѣшное осуществленіе этихъ мѣръ встрѣтило, однако, огромныя препятствія, съ одной стороны, въ недостаткѣ учителей, такъ какъ учителями, за неимѣніемъ другихъ, назначались болѣею частію отставные унтеръ-офицеры и инвалиды, а съ другой стороны — въ бѣдности населенія. Правда, на приготовленіе учителей для начальныхъ училищъ обращено было уже нѣкоторое вниманіе, — до 1807 года устроено было въ Пруссіи до 11-ти учительскихъ семинарій; но дѣйствительное осуществленіе закона объ обязательномъ обученіи сдѣлалось возможнымъ только послѣ 1807 года, когда начало быстро распространиться матеріальное благосостояніе въ массѣ сельскаго населенія, и Прусское правительство, желая вознаградить потери, причиненныя тяжелою войною съ Франціею, обратило все свое вниманіе на развитіе внутренняго могущества путемъ распространенія въ массѣ населенія основательнаго начального образованія. Съ этого времени дѣйствительное введеніе обязательнаго начального обученія можно было уже считать дѣломъ вполне обеспеченнымъ; вмѣстѣ съ приготовленіемъ учителей, съ каждымъ годомъ приписывавшимъ болѣе размѣры, быстро росли начальные училища, и число дѣтей школьнаго возраста, не получающихъ никакого образованія, дошло наконецъ до ничтожной цифры. Въ 1864 году въ Прусскомъ королевствѣ изъ 3.457.301 дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ только 11.641 были освобождены отъ ученія по болѣзни, и о 15.568 дѣтяхъ не было достовѣрныхъ свѣдѣній; всѣ же остальные обучались или въ начальныхъ училищахъ, или въ школахъ высшаго разряда. Вообще число дѣтей, остающихся въ Германіи безъ элементарнаго обученія, постоянно уменьшается. Сознаніе, что усвоеніе хорошаго элементарнаго образованія есть истинное благодѣяніе для дѣтей, все болѣе проникаетъ въ массу народа и облегчаетъ правительственный контроль за посѣщеніемъ школъ.

Изъ другихъ Европейскихъ государствъ, кромѣ Германіи, обязательное обученіе введено въ Швеціи и Норвегіи, въ Даніи, въ Австріи, въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи и Греціи; вопросъ о введеніи его возбуждался нѣсколько разъ во Франціи, но остался пока въ этой странѣ еще нерѣшеннымъ.

Мѣра о введеніи обязательнаго обученія пользуется сочувствіемъ

и у насъ въ значительной части образованнаго общества: она обсуждалась неоднократно въ печати, а нѣкоторыя земскія собранія и общества вошли уже въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствами объ узаконеніи этой мѣры. Безъ сомнѣнія, ходатайства эти должны быть удовлетворены въ той степени, въ какой это окажется возможнымъ; но теперь, прежде всего казалось бы необходимымъ, при введеніи обязательнаго начальнаго обученія, остановить вниманіе на нашихъ столичныхъ городахъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ значительное населеніе и въ которыхъ, однако, огромное большинство дѣтей школьнаго возраста остается безъ всякаго образованія на всю жизнь, дѣлался такимъ образомъ, по причинѣ своего невѣжества, легкою добычею порока и увеличивая собою число людей не только бесполезныхъ, но и вредныхъ для общества.

Въ С.-Петербургѣ, по переписи, произведенной 10-го декабря 1869 года, на 667.963 жителей обоего пола приходилось дѣтей возраста отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ включительно 56.234, т. е., 8,4% общаго населенія (см. приложение № 1), а учащихся школьнаго возраста обоего пола находилось около 22.915, или, прибавляя къ этому числу примѣрно до 2.085 учащихся дома, около 25.000 человекъ (см. приложение № 2), т. е., число учащихся составляетъ только 44% дѣтей школьнаго возраста, а остальные 31.234, т. е. 56%, вовсе не учатся.

Такое печальное положеніе начальнаго образованія въ столицѣ Имперіи не можетъ не представляться явленіемъ крайне ненормальнымъ и тѣмъ менѣе терпимымъ, что С.-Петербургъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для того, чтобы устроить здѣсь обязательное начальное ученіе. У С.-Петербургскаго городского общества всегда могутъ найдтись средства для содержанія достаточнаго по населенію числа начальныхъ училищъ; еще менѣе въ С.-Петербургѣ можетъ оказаться недостатокъ въ учителяхъ или учительницахъ.

Нижеслѣдующее изложеніе представляетъ собою главные основанія, на которыхъ могла бы быть устроена система обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ.

1) При введеніи обязательнаго обученія прежде всего является вопросъ: въ какой мѣрѣ должно быть обязательно для С.-Петербурга начальное обученіе, или, другими словами, изученіе какихъ именно предметовъ слѣдуетъ считать обязательнымъ для каждою ребенка школь-

наго возраста. Въ Германіи, какъ сказано выше, въ составъ обязательнаго начальнаго курса входятъ: законъ Божій, наглядное обученіе, чтеніе и письмо, счисленіе, начальная геометрія, отчизновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе, т. е., географія и исторія родины, необходимыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, черченіе, рисованіе, нѣміе и гимнастика, и на обязательное изученіе этихъ предметовъ полагается 8 лѣтъ отъ 6-ти до 14-ти лѣтнаго возраста. Соотвѣтственный этому курсу представляетъ у насъ курсъ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года; на прохожденіе его назначено 6 лѣтъ и городскихія училища съ такимъ курсомъ имѣютъ быть открыты въ С.-Петербургѣ въ непродолжительномъ времени на счетъ правительства. Очевидно, что знаніе въ объемѣ курса этихъ городскихъ училищъ не можетъ быть признано обязательнымъ даже въ С.-Петербургѣ, гдѣ, какъ показано выше, находится такое огромное число дѣтей совершенно безграмотныхъ. Намъ, какъ начинающимъ, необходимо спуститься ниже и ограничиться уровнемъ требованій курса начальныхъ народныхъ училищъ, именно въ составъ обязательнаго курса ввести только: законъ Божій (знаніе молитвъ и краткаго катехизиса и священной исторіи), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, счисленіе и первыя четыре дѣйствія ариметики, а дальнѣйшее обученіе въ городскихъ или другихъ училищахъ предоставить уже на волю каждаго. Такой составъ обязательнаго курса значительно облегчитъ присканіе для училищъ способныхъ учителей, уменьшитъ расходы по содержанію училищъ и дастъ возможность *сократить срокъ обязательнаго обученія* вмѣсто 8-ми лѣтъ, принятыхъ въ Германіи, до 4-хъ лѣтъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтнаго возраста. Последнее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе для дѣтей ремесленнаго и вообще рабочаго класса, которымъ должно быть оставлено время для ремесленныхъ и другихъ занятій, имѣющихъ въ виду обезпеченіе ихъ будущности; при томъ же, по суровости нашего климата и малому развитію большинства дѣтей, отнесеніе начала обученія ихъ не къ 6-ти, а къ 8-ми лѣтнему возрасту, является болѣе удобнымъ. Само собою разумѣется, что обязательное знаніе каждымъ ребенкомъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтнаго возраста вышеуказаннаго курса начальныхъ училищъ не можетъ быть связано съ обязательнымъ посѣщеніемъ начальной школы; желающіе изъ родителей могутъ учить дѣтей своихъ и дома, съ обязательствомъ не уклоняться отъ того контроля, который будетъ установленъ за дѣйствительностію обученія ихъ дѣтей требуемому курсу.

2) Вторымъ важнымъ вопросомъ представляется вопросъ объ обезпеченіи С.-Петербурга достаточнымъ числомъ начальныхъ училищъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста, обязанныя учиться, имѣли возможность посѣщать начальные школы. Изъ 56.234 дѣтей школьнаго возраста отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ въ настоящее время въ С.-Петербургѣ вовсе не учатся около 56%, т. е. 31.234; отсюда ясно, что число училищъ въ С.-Петербургѣ далеко не достаточно для того, чтобы ввести обязательное начальное обученіе, а потому законъ объ обязательности ученія не могъ бы быть выполненъ при наличномъ числѣ существующихъ начальныхъ школъ. Полагая на каждую начальную школу при двухъ учителяхъ по 100 человѣкъ, пришлось бы учредить вновь до 312 школъ для 31.234 дѣтей школьнаго возраста. Но если принять срокъ обязательнаго ученія въ возрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ, на который, по переписи С.-Петербурга 10-го декабря 1869 года, приходится дѣтей отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ только 28.119 (въ томъ числѣ мужскаго пола 14.196 и женскаго пола 13.923) и взять 56%, не учащихся ничему изъ этого числа, то-есть 15.746, то и для этого послѣдняго числа безграмотныхъ дѣтей пришлось бы учредить вновь до 157 начальныхъ училищъ. Забота правительства и городского общества объ учрежденіи приведенной здѣсь цифры новыхъ начальныхъ училищъ, съ введеніемъ обязательнаго начального обученія, конечно, была бы облегчена, съ одной стороны, тѣмъ, что увеличилось бы число начальныхъ училищъ, содержимыхъ частными лицами, а также хозяевами фабрикъ, заводовъ и разныхъ мастерскихъ учреждений, и съ другой стороны тѣмъ, что и родители въ большемъ числѣ, чѣмъ теперь, стали бы обучать дѣтей своихъ дома курсу предметовъ начального училища. Поэтому безъ всякаго сомнѣнія городскому обществу С.-Петербурга пришлось бы въ сущности учредить даже менѣе 157 новыхъ начальныхъ училищъ; но, во всякомъ случаѣ, необходимо для разчета имѣть въ виду эту цифру вновь требуемыхъ къ учрежденію начальныхъ народныхъ училищъ.

3) Третій и самый существенный вопросъ заключается въ матеріальномъ обезпеченіи начальныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ. Начальные школы во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ содержатся на счетъ общества, а не на счетъ государства: государство борется на себя только надзоръ за школами и приготовленіе учителей; заведеніе же и содержаніе школъ лежитъ на обязанности общества.

Во Франціи на народное образованіе тратится изъ общественныхъ суммъ до 24 милліоновъ франковъ. Въ Пруссіи, стоящей въ этомъ отношеніи гораздо выше, на народное образованіе давалось земствомъ въ 1864 году болѣе 11-ти милліоновъ талеровъ; у насъ въ 1873 году на тотъ же предметъ удѣлялось земствомъ, городскими и сѣльскими обществами только около 3-хъ милліоновъ 600 тысячъ рублей и въ томъ числѣ однимъ земствомъ около 1.400.000 рублей. Изъ столичныхъ городовъ Парижъ въ 1872 году, при годовомъ бюджетѣ 194.660 тысячъ франковъ, давалъ на народное образованіе до 8.000.800 франковъ; Берлинъ въ томъ же году, при бюджетѣ 6.000.228 талеровъ, употребилъ на тотъ же предметъ до 1.000.058 талеровъ; въ С.-Петербургѣ въ 1872 году при бюджетѣ въ 3.000.582 рублей, на народное образованіе назначено было всего 27.864 руб., то-есть, $\frac{1}{132}$ доли всѣхъ расходовъ, между тѣмъ какъ расходы Парижа и Берлина въ этомъ отношеніи составляютъ въ первомъ $\frac{1}{42}$, а въ последнемъ даже $\frac{1}{6}$ долю всего бюджета ¹⁾). Итъ сомнѣнія, что просвѣщенныя члены городского управленія С.-Петербурга, въ виду важнаго значенія начальнаго образованія для большинства безграмотныхъ дѣтей школьнаго возраста, обратить вниманіе на устраниenie этого зла и не откажутся усилить средства начальнаго народнаго образованія, нынѣ крайне скудныхъ и вовсе уже несоотвѣтственныхъ тому высокому положенію, которое въ починѣ такого важнаго дѣла, какъ введеніе обязательнаго начальнаго ученія, должно принадлежать первому городу 80-ти милліонной Имперіи. Усиленіе это тѣмъ необходимѣе, что за послѣдніе три года во многихъ нашихъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ расходы по народному образованію гораздо значительнѣе, чѣмъ въ С.-Петербургѣ и составляютъ отъ $\frac{1}{32}$ до $\frac{1}{7}$ доли всѣхъ расходовъ, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

¹⁾ Въ 1873 году въ С.-Петербургѣ назначено на народное образованіе 52.864 рубля, въ томъ числѣ собственно на народныя училища 14.571 руб. 42 коп.; но и цифра 52.864, по отношенію къ общимъ расходамъ, простиравшимся въ 1873 году до 5.239.837 рублей, составляетъ только $\frac{1}{100}$ долю.

Г О Р О Д А .	Общіе расходы.	Расходы на народное образование.	Доля расходовъ на народное образование изъ суммы всѣхъ расходовъ.
Кіевъ .	393,932	12,807	32-я доля.
Казань .	411,980	18,336	22-я
Астрахань .	337,447	16,630	21-я
Одесса .	690,351	54,075	13-я
Рига .	868,955	71,625	12-я
Таганрогъ .	154,337	12,276	12-я
Кишиневъ .	133,954	12,436	11-я
Ростовъ на Дону .	232,147	21,188	11-я
Самара .	164,388	16,751	10-я
Орелъ .	105,974	11,142	9-я
Елисаветградъ .	113,693	14,110	8-я
Саратовъ .	263,000	30,000	8-я
Керчь .	82,966	11,326	7-я

Впрочемъ, С.-Петербургская городская дума давно уже, именно съ 1863 года, признавала недостаточность средствъ, отпускаемыхъ отъ города на начальное образованіе, и особая коммиссія городской думы въ 1870 году высказала мысль о необходимости увеличить содержаніе собственно начальныхъ народныхъ училищъ до 72 тысячъ рублей и на эти средства къ нынѣ существующимъ 14-ти начальнымъ училищамъ прибавить еще 14 такихъ же.

Со введеніемъ обязательнаго начального образованія въ С.-Петербургѣ и эта прибавка оказалась бы недостаточною: пришлось бы учредить не 14, а 157 новыхъ начальныхъ училищъ, назначить увеличенное, сравнительно съ нынѣшнимъ, содержаніе новымъ училищамъ и сравнить по содержанію съ новыми училищами нынѣ существующія 14.

По разчету, сдѣланному въ 1870 году особою коммиссіею городской думы, бюджетъ содержанія каждаго начального училища въ

С.-ПетербургѢ, при комплектѣ 100 учениковъ, опредѣленъ въ 1.750 рублей, а именно:

Жалованье учителю (при готовой квартирѣ)	600 руб.
Законоучителю.	90 "
На библіотеку и учебныя пособія .	100 "
Наемъ квартиры, отопленіе и ремонтъ мебели.	820 "
На награды ученикамъ.	20 "
Наемъ сторожа	130 "
Итого.	1.750 руб.

Въ училищѣ, гдѣ болѣе 100 учениковъ, предполагено было имѣть еще помощника учителя съ жалованьемъ 300 рублей.

Бюджетъ этотъ могъ бы быть принятъ и теперь, съ тѣмъ только измѣненіемъ, чтобы комплектъ учениковъ каждаго отдѣльнаго училища не превышалъ 100 и чтобы въ каждомъ училищѣ при 100 ученикахъ былъ непремѣнно и помощникъ учителя: съ этими измѣненіями *бюджетъ одного училища составитъ 2.050 руб. въ годъ.* Особая коммиссія городской думы, при обсужденіи вопроса объ увеличеніи содержанія начальныхъ народныхъ школъ, высказала мысль, воплотивъ заслуживающую вниманія, что было бы весьма полезно учредить въ С.-Петербургѣ отдѣльныя женскія начальныя училища. Дѣйствительно, отдѣльное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ представляется въ С.-Петербургѣ болѣе удобнымъ и болѣе соответственнымъ нашимъ правамъ, а потому эту мысль слѣдовало бы осуществить при введеніи обязательнаго обученія. *Содержаніе женскаго начальнаго училища можетъ быть сокращено до 1.750 руб. въ годъ* назначеніемъ жалованья учительницѣ 400 руб. и помощницѣ ея 200 рублей; но сбереженіе 300 руб. должно бы быть обращено на покупку матеріаловъ для рукодѣлій и на вознагражденіе учительницѣ рукодѣлія, поэтому и бюджетъ содержанія женскаго училища *не можетъ быть менѣе 2.050 руб. въ годъ.*

Число дѣтей мужскаго и женскаго пола въ школьномъ возрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ въ С.-Петербургѣ почти одинаково, съ небольшимъ перевѣсомъ мужскаго пола, а потому потребовалось бы учрежденіе почти одинаковаго числа мужскихъ и женскихъ начальныхъ училищъ. По разчету, сдѣланному выше, со введеніемъ обязательнаго обученія, пришлось бы учредить въ С.-Петербургѣ до 157 новыхъ начальныхъ училищъ, что съ нынѣ существующими уже 14-ю составило бы для С.-Петербурга начальныхъ училищъ, подле-

жащихъ содержанію на счетъ городского общества, 171, или, раздѣляя ихъ, по различію пола, 86 мужскихъ и 85 женскихъ. Такимъ образомъ, полагая на содержаніе одного училища по 2.050 руб. въ годъ, получится общая сумма, *требуемая ежегодно на содержаніе всѣхъ 171 училищъ, 350.551 рубль*, то-есть, отъ городской думы потребовалось бы къ вынѣ отпускаемымъ на начальныя народныя училища 14.571 руб. 42 коп. прибавлять еще ежегодно по 335.979 руб. 58 коп., для того, чтобы система обязательнаго начальнаго обученія могла быть введена въ С.-Петербургѣ съ надеждою на несомнѣнный успѣхъ. Какъ ни велика эта сумма, по все-таки, въ сравненіи съ тѣми плодотворными результатами, которыми должно сопровождаться въ близкомъ будущемъ распространеніе образованія въ массѣ столичнаго населенія, нынѣ въ большинствѣ безграмотнаго, она не можетъ быть признана непомерною: требуемая сумма, по отношенію къ расходамъ С.-Петербурга за 1873 годъ, составляетъ едва пятнадцатую долю, то-есть, менѣе того, что уже тратятъ въ настоящее время Одесса, Рига, Таганрогъ и многіе другіе города, по отношенію къ своимъ расходамъ, на дѣло народнаго образованія, а по сравненію съ Берлиномъ, удѣляющимъ на образованіе шестую долю всѣхъ своихъ расходовъ, сумма эта составила бы расходъ въ два съ половиною раза меньшій. Полагая однако, что городское управленіе С.-Петербурга лишено возможности уменьшить другіе свои расходы, все же трудно было бы допустить, что оно не можетъ изыскать новыхъ источниковъ на покрытіе издержекъ по содержанію начальныхъ училищъ, то-есть, на такой расходъ, который вездѣ считается нынѣ самымъ производительнымъ: съ развитіемъ образованія разовьются и возрастутъ промышленныя и вообще производительныя силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилятся и матеріальное благосостояніе города.

Такой значительный ежегодный расходъ города можетъ быть, однако, облегченъ пособіями изъ нѣсколькихъ источниковъ. Первымъ источникомъ служить *плата за ученіе*. Многіе раздѣляютъ тотъ взглядъ, что ученіе при обязательности должно быть для всѣхъ даровое; но такой взглядъ могъ бы быть справедливымъ, если бы всѣ учащіеся были дѣйствительно бѣдны; на дѣлѣ же оказывается, что между ними не малое число и такихъ, которымъ вовсе не трудно внести весьма умеренную плату за ученіе, какъ напимѣръ, по 3 рубля въ годъ. Изъ 15.000 дѣтей, не учащихся въ нозрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ, навѣрное найдется въ С.-Петербургѣ до 5.000 могущихъ платить, что составило бы ежегодный доходъ въ 15 тысячъ р.

Но этотъ доходъ необходимо оставлять въ запасъ подѣ именинъ училищнаго фонда. Кромѣ расходовъ, вошедшихъ въ бюджетъ, училища могутъ имѣть чрезвычайныя издержки, какъ напримѣръ, на приплату за помѣщеніе, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій и принадлежностей для бѣдныхъ учениковъ и въ особенности на покупку теплой одежды и обуви для бѣдныхъ въ холодное время; послѣдній расходъ въ Берлинѣ довольно значителенъ; нельзя же требовать, чтобы бѣдные ученики, не имѣющіе обуви и теплой одежды, зимой являлись непременно въ училище, а тѣмъ менѣе было бы справедливо изыскивать съ нихъ за неявку по этой причинѣ. Слѣдовательно, сборъ за ученіе хотя и составляетъ пособіе, но это пособіе не можетъ имѣть вліянія на уменьшеніе вышенсчисленнаго ежегоднаго расхода городской думы на содержаніе училищъ. Имѣть особую сумму на особыя издержки необходимо. Въ Берлинѣ въ 1870 году, кромѣ 494.484 талеровъ на обыкновенное содержаніе начальныхъ училищъ, отпущено было изъ городскихъ суммъ на покупку земель и постройки училищныхъ домовъ 386.920 талеровъ, и такой отпускъ экстраординарныхъ суммъ совершается ежегодно.

Вторымъ источникомъ пособія городу могло бы быть наложеніе на фабрикантовъ и заводчиковъ обязательнаго содержанія на свой счетъ при нихъ фабрикахъ и заводахъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ могли бы обучаться дѣти рабочихъ и малолѣтніе рабочіе. Способъ этотъ не представляетъ ничего новаго и практикуется съ успѣхомъ въ Норвегіи, гдѣ каждая фабрика, мануфактура или заводъ, нанимающіе тридцать рабочихъ или болѣе, обязаны имѣть школу, если только вблизи нѣтъ общинной школы. Въ С.-Петербургѣ обязательство это могло бы быть примѣнено только къ обширнымъ фабрикамъ и заводамъ, особенно съ малолѣтними рабочими, чтобы и эти рабочіе могли удовлетворить требованіямъ обязательнаго начального обученія. Если такихъ школъ можетъ быть учреждено до 15, то и въ такомъ случаѣ расходъ города уменьшился бы ежегодно болѣе, чѣмъ на 30.000 рублей.

Далѣе, городское управленіе, не учреждая вездѣ новыхъ общественныхъ школъ, можетъ, если признаетъ то болѣе выгоднымъ, входить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города въ сношеніе съ содержателями частныхъ начальныхъ училищъ о приѣмѣ въ эти училища извѣстнаго числа дѣтей съ платою отъ города. Такія частныя училища находятся и въ Берлинѣ и въ нихъ въ 1870 году обучалось съ платою отъ города 11.726 дѣтей. Содержатели ихъ заключаютъ фор-

мальное условіе съ городскимъ управленіемъ о принятіи извѣстнаго числа дѣтей за опредѣленной вознагражденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняются всѣмъ правиламъ, постановленнымъ для общественныхъ городскихъ училищъ. Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обученіе 100 дѣтей въ частныхъ школахъ окажется болѣе дешевымъ, чѣмъ содержаніе особаго начальнаго училища.

Затѣмъ, городское управленіе начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, особенно многолюдныхъ, можетъ соединять нѣсколько общественныхъ школъ въ одномъ помѣщеніи, что представитъ сбереженіе относительно найма помѣщенія. Въ Берлинѣ есть такіа общественныя школы, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 учащихся. Само собою разумѣется, что такая школа должна состоять изъ многихъ классовъ, и у насъ по разсчету 100 человѣкъ на школу, въ ней должно бы быть при 100 учащихся 10 классовъ и въ каждомъ классѣ по особому учителю и его помощнику.

Всѣ эти источники, при благоразумномъ пользованіи ими, послужили бы значительнымъ пособіемъ городу. Наконецъ, исчисленная выше дополнительная сумма на содержаніе начальныхъ училищъ 335.979 рублей не потребовалась бы вдругъ, а могла бы быть назначена по частямъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, ежегодно по равной части; сначала, въ первый годъ, могло бы быть введено обязательное обученіе только для дѣтей восьмилѣтняго возраста, во второй годъ — для дѣтей девятилѣтняго возраста, въ третій — для дѣтей десятилѣтняго и въ четвертый — для дѣтей одиннадцатилѣтняго возраста, такъ что полное введеніе обязательнаго начального обученія при этой системѣ осуществилось бы въ теченіе четырехлѣтняго періода, что, облегчивъ городскую думу, представило бы не маловажное удобство и для учебнаго начальства въ постепенномъ подготовленіи способныхъ учителей и учительницъ для новыхъ училищъ. Въ крайнемъ случаѣ постепенное введеніе обязательнаго обученія могло бы быть распределено и на 8 лѣтъ, съ отпускомъ новой дополнительной суммы чрезъ каждые два года.

4) Въ виду значительности расхода изъ городскихъ суммъ по содержанію начальныхъ училищъ и еще болѣе въ виду сложности контроля, который необходимо установить и возложить главнымъ образомъ на членовъ городского управленія для того, чтобы всѣ постановленія обязательнаго обученія непремѣнно исполнялись на дѣлѣ, управленіе начальными училищами должно быть сосредоточено въ С.-Петербургской городской думѣ. Образцомъ въ этомъ отношеніи

можетъ служить училищное управление при Берлинскомъ магистратѣ, заведующее всѣми училищами Берлина, содержимыми на счетъ города; оно могло бы быть примѣнено и у насъ съ нѣкоторыми измѣненіями, вызываемыми общою системою нашего училищнаго управленія. Высшее управленіе Берлинскими училищами, содержимыми на счетъ города, принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія. Устранивъ себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла Берлинскихъ начальныхъ школъ и предоставивъ городу въ этомъ отношеніи значительную долю самоуправленія, прусское министерство народнаго просвѣщенія удерживаетъ за собою право издавать законоположенія и уставы училищъ, утверждать наиболѣе важныя мѣры по училищной части, назначать служащихъ на болѣе важныя должности, не допускать упушеній или отклоненій отъ устава и требовать точнаго исполненія училищныхъ уставовъ; затѣмъ, непосредственное управленіе городскими школами въ Берлинѣ возложено на городской магистратъ, который исполняетъ свою задачу въ предѣлахъ, указанныхъ уставами, и распорядается вполне всю хозяйственную часть; для успѣшнаго выполненія этой обязанности въ числѣ членовъ магистрата находятся лица, свѣдущія въ учебномъ дѣлѣ, которыя, какъ и всѣ члены училищной депутаціи (Schul-Deputation), состоящей при магистратѣ и спеціально заведующей дѣлами училищъ, утверждаются въ должностяхъ правительствомъ, при чемъ на утвержденіе представляются всякій разъ трое выбранныхъ магистратомъ кандидатовъ, изъ коихъ утверждается одинъ.

Почти въ такомъ же отношеніи къ начальнымъ училищамъ, какъ въ Пруссіи, находится и у насъ министерство народнаго просвѣщенія, которое оставляетъ за собою право почина въ составленіи училищныхъ законовъ и наблюденія за точнымъ ихъ исполненіемъ, и затѣмъ, непосредственное управленіе училищами ввѣряется училищнымъ совѣтамъ. По нашимъ уставамъ всѣ начальныя училища С.-Петербургa должны бы подлежать управленію уѣзднаго училищнаго совѣта С.-Петербургскаго уѣзда; но, по причинамъ, которыя изложены выше, въ данномъ случаѣ, со введеніемъ обязательности ученія, оказалось бы необходимымъ отдѣлить всѣ начальныя училища С.-Петербурга отъ С.-Петербургскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и поручить ихъ особому управленію, которое должно образоваться при С.-Петербургской городской думѣ подъ названіемъ *С.-Петербургскаго городской училищнаго совѣта*, и которое соединяло бы въ себѣ по дѣламъ училищъ права и обязанности уѣзднаго и губернскаго училищнаго со-
часть СLXXVI, отд. 4.

вѣта въ совокупности. Совѣтъ этотъ полезно было бы образовать въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель совѣта—городской голова, или за отсутствіемъ его, помощникъ его, три члена, назначенные отъ министерства народнаго просвѣщенія: директоръ народныхъ училищъ, инспекторъ С.-Петербургскихъ начальныхъ училищъ и особый членъ отъ министерства, и три члена отъ городской думы, имѣющихъ названіе городскихъ депутатовъ по дѣламъ училищъ и выбираемыхъ общимъ собраніемъ думы. Городскому головѣ, какъ предсѣдателю, должна принадлежать и власть, предоставленная предводителю дворянства въ училищныхъ совѣтахъ и, соразмѣрно съ этою властію, онъ несъ бы и соотвѣтственныя обязанности по дѣламъ училищъ. Въ числѣ членовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія долженъ находиться особый инспекторъ С.-Петербургскихъ начальныхъ училищъ, такъ какъ, по значительному числу начальныхъ училищъ, учрежденіе такой должности было бы необходимо; двухъ существующихъ инспекторовъ едва достаточно для остальныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи. Инспекторъ долженъ получать жалованье по штату изъ суммъ государственнаго казначейства; казалось бы сирраведливымъ изъ того же источника назначить нѣкоторое вознагражденіе и другимъ двумъ членамъ отъ министерства народнаго просвѣщенія; но члены училищнаго совѣта, назначенные отъ думы, во избѣжаніе излишняго обремененія городского бюджета, исполняли бы свои обязанности безмездно, единственно въ виду пользы, приносимой городу ихъ дѣятельностію для распространенія начальнаго образованія. И въ Берлинѣ члены училищной депутаціи при магистратѣ также не получаютъ жалованья. Для облегченія членовъ училищнаго совѣта изъ городскихъ депутатовъ, обязательная ихъ служба по выбору могла бы быть ограничена трехлѣтнимъ срокомъ.

На С.-Петербургскомъ городскомъ училищномъ совѣтѣ должны лежать тѣ же обязанности по С.-Петербургскимъ начальнымъ училищамъ, какія возложены на уѣздные и губернскіе училищные совѣты по отношенію вообще къ начальнымъ школамъ; сверхъ того, С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ имѣетъ общее наблюденіе за исправнымъ пошщеніемъ школы дѣтьми, принимаетъ относительно этого необходимыя мѣры, заботится о томъ, чтобы городъ имѣлъ соотвѣтствующее потребностямъ населенія число училищъ, завѣдуетъ суммами, отпускаемыми городомъ на училища, суммою сбора за ученіе и вообще всѣми статьями прихода и расхода по учебной части. С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ сносится, на правахъ

губернскаго училищнаго совѣта, непосредственно съ попечителемъ учебнаго округа чрезъ своего предсѣдателя, который предложенія попечителя, касающіяся учебной части и предметовъ, имѣющихъ вліяніе на поддержаніе этой части въ должной исправности, вноситъ въ совѣтъ и постановленія совѣта сообщаетъ попечителю. Годичный отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ С.-Петербургской городской училищный совѣтъ сообщаетъ также непосредственно попечителю учебнаго округа. Обыкновенныя собранія бываютъ два раза въ мѣсяцъ, а чрезвычайныя по мѣрѣ надобности.

Но, управляя дѣлами начальныхъ училищъ, С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ, со введеніемъ обязательнаго обученія, долженъ имѣть особые органы для ближайшаго наблюденія за начальными школами во всемъ томъ, что касается точнаго исполненія постановленій закона объ обязательномъ обученіи. Такими органами въ Берлинѣ служатъ училищныя коммиссіи (Schul-Commissionen), непосредственно подчиненныя училищной депутаціи, состоящей при магистратѣ. Берлинъ раздѣленъ на 41 школьный округъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особую коммиссію, заведывающую извѣстнымъ числомъ школъ. Коммиссія каждого округа состоитъ изъ нѣсколькихъ гражданъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ гласныхъ и утверждаемыхъ магистратомъ, и изъ старшихъ учителей городскихъ училищъ того округа и содержателей тѣхъ частныхъ школъ, въ которыхъ есть дѣти, учащіяся на счетъ города. Число членовъ коммиссій, избираемыхъ отъ города, зависитъ отъ числа школъ, и члены эти избираютъ изъ среды своей предсѣдателя коммиссій, который утверждается училищною депутаціею при магистратѣ. Какъ предсѣдатель, такъ и члены училищной коммиссій не получаютъ никакого вознагражденія. Засѣданія коммиссій бываютъ обыкновенно одинъ разъ въ мѣсяцъ въ опредѣленный день; но предсѣдатель можетъ, въ случаѣ надобности, совывать членовъ и въ другое время. Занятія коммиссій, главнымъ образомъ, составляютъ:

- а) веденіе списковъ дѣтей школьнаго возраста, живущихъ въ различныхъ округахъ;
- б) распредѣленіе дѣтей въ начальныя училища или въ тѣ частныя школы, въ которыхъ дѣти учатся на счетъ города, и
- в) контроль за исправнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школы.

Собіраніе свѣдѣній о числѣ дѣтей, обязанныхъ въ данную минуту посѣщать школу, въ такомъ городѣ какъ Берлинѣ, гдѣ населеніе растетъ быстро и гдѣ, кромѣ того, происходитъ постоянная пе-

рекочевка съ мѣста на мѣсто, конечно, не мыслимо безъ постоянного содѣйствія полиціи. Поэтому всякое вновь прибывшее въ Берлинъ или перѣхавшее изъ другой части города семейство обязано заявить *въ теченіе трехъ дней* полицейскому комиссару своего участка о своемъ прибытіи. Если въ этомъ семействѣ есть дѣти школьнаго возраста, то полиція приглашаетъ родителей объявить ей *въ теченіе семи дней* о томъ, получаютъ ли эти дѣти образованіе дома и въ такомъ случаѣ, кто ихъ учитель, или же въ какую школу посылаютъ или желаютъ они посылать своихъ дѣтей. Свѣдѣнія эти полиція препровождастъ мѣстной училищной комиссіи. Комиссія въ первомъ случаѣ разсматриваетъ, имѣетъ ли названный учитель разрѣшеніе на преподаваніе, и ей предоставлено право въ извѣстные сроки провѣрять занятія учителя; если успѣхи окажутся неудовлетворительными, то она можетъ принудить родителей посылать дѣтей въ общественную школу; во второмъ случаѣ комиссія спрашивается, дѣйствительно ли дѣти посѣщаютъ названную въ объявленіи школу, или же, если родители выразили желаніе посылать дѣтей въ нѣвѣстную школу, заявляетъ о томъ начальнику ея, а если въ ней нѣтъ свободнаго мѣста, то указываетъ родителямъ другую школу того же участка. Если родители не дадутъ полиціи чрезъ семь дней требуемаго отвѣта, то полиція сообщаетъ объ этомъ мѣстной училищной комиссіи, которая въ такомъ случаѣ помѣщаетъ дѣтей, по своему усмотрѣнію, въ ту или другую школу.

При распредѣленіи дѣтей по школамъ, лежащемъ также на обязанности училищныхъ комиссій, въ Берлинѣ опредѣлено два срока для приѣма въ городскія училища: 1-го апрѣля и 1-го октября. Родители, дѣти которыхъ достигли къ одному изъ этихъ сроковъ школьнаго возраста, обязаны заявить о томъ мѣстной училищной комиссіи заблаговременно за два мѣсяца, то-есть, къ 1-му февраля и къ 1-му августа. Комиссія, на основаніи этихъ заявленій, озабочивается распредѣленіемъ дѣтей по школамъ своего округа, принимая во вниманіе желаніе родителей и близость ихъ квартиръ къ той или другой школѣ, но разчитывая также, чтобы въ каждой школѣ не было болѣе опредѣленнаго числа учениковъ. Если комиссія при этомъ распредѣленіи увидитъ, что имѣющихся въ ея округѣ школъ не достаточно для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, то она сообщаетъ объ этомъ немедленно училищной депутаціи при магистратѣ съ возможно точнымъ обозначеніемъ числа дѣтей, которымъ не достаетъ мѣста. Для устрaненія этого недостатка, училищная депу-

тація или учреждаетъ параллельные классы при существующихъ уже школахъ, или открываетъ новыя школы, или же входитъ въ сношеніе съ содержателями частныхъ школъ въ различныхъ мѣстностяхъ о приѣмѣ извѣстнаго числа дѣтей съ платою отъ города. По распредѣленіи дѣтей въ соотвѣтствующія школы, училищная коммисія сообщаетъ о томъ какъ родителямъ, такъ и учителю начальнаго училища или содержателю частной школы. Родители, желающіе, по случаю перемѣны квартиры, перемѣстить своихъ дѣтей изъ одной школы въ другую, обязываются не позже 14-ти дней до переѣзда извѣстить о томъ учителя или содержателя школы, которую дѣти посѣщаютъ, съ указаніемъ своего адреса. Завѣдующій школою сообщаетъ имъ немедленно адресъ предсѣдателя той училищной коммисіи, въ округъ которой они переѣзжаютъ и, кромѣ того, увѣдомляетъ о предстоящемъ выѣздѣ ученика свою школьную коммисію для свѣдѣнія и для извѣщенія подлежащей коммисіи.

Вышеуказанныя мѣры обеспечиваютъ исполнѣе исправность поступленія дѣтей въ школы; для наблюденія же за тѣмъ, чтобы дѣти, поступившія въ школу, исправно посѣщали ее, въ Берлинѣ училищными коммисіями принимаются слѣдующія мѣры. Учитель школы каждую субботу представляетъ предсѣдателю училищной коммисіи списки дѣтей, пропустившихъ уроки въ теченіе недѣли, съ обозначеніемъ причинъ пропуска. Предсѣдатель училищной коммисіи распределяетъ эти списки между членами коммисіи для личнаго объясненія въ теченіе слѣдующей недѣли съ родителями не явившихся дѣтей и списки эти, съ отмѣтками членовъ коммисіи о степени уважительности причинъ неявки, возвращаются опять учителямъ для принятія въ соображеніе при будущихъ манкировкахъ. При повтореніи манкировокъ безъ уважительныхъ причинъ, училищная коммисія дѣлаетъ въ засѣданіи своемъ внушеніе родителямъ, а при неуспѣшности и этой мѣры, представляетъ о томъ училищной депутаціи при магистратѣ, которой предоставлено право палатать на виновныхъ родителей взыскація, состояція въ денежныхъ штрафахъ или арестѣ; денежные взыскація простираются отъ 1 зильбергрoша до 1 талера. а арестъ отъ 4 до 24 часовъ. Денежные штрафы вносятся виновными въ городское казначейство и поступаютъ въ число училищныхъ доходовъ; въ случаѣ невзноса, взысканіе производится при содѣйствіи полиціи, на обязанности которой лежитъ также исполненіе приговоровъ объ арестѣ. Если по разслѣдованію окажется, что виною несправнаго посѣщенія школы не нерадѣніе родителей, а дурныя наклонности

и упрямство самихъ дѣтей, и если всѣ увѣщанія комиссіи остаются безплодными, то комиссія ходатайствуетъ о помѣщеніи такихъ дѣтей въ какое-либо исправительное заведеніе.

Изъ этого краткаго изложенія обязанностей училищныхъ комиссій въ Берлинѣ не трудно вывести заключеніе, что комиссія эти являются крайне необходимыми для содѣйствія училищной депутаціи при магистратѣ въ дѣлѣ правильной организаціи обязательнаго начального обученія. Поэтому, со введеніемъ въ С.-Петербургѣ обязательнаго обученія и съ устройствомъ особаго городского училищнаго совѣта при городской думѣ, необходимо и въ С.-Петербургѣ въ помощь училищному городскому совету учредить также особыя училищныя комиссіи съ возложеніемъ на нихъ тѣхъ же обязанностей, какъ и въ Берлинѣ, относительно обязательности обученія въ начальныхъ училищахъ. По меньшему числу учащихся, было бы достаточно раздѣлить С.-Петербургъ на 20 училищныхъ округовъ и, соотвѣтственно тому, учредить 20 училищныхъ комиссій, съ возложеніемъ на каждую изъ нихъ наблюденія за 10 школами; расчетъ этотъ сдѣланъ на томъ основаніи, что кромѣ 170 общественныхъ школъ, могутъ явиться и частныя, въ которыхъ будутъ учиться дѣти съ платою отъ города. Комиссія каждаго округа должна состоять по числу училищъ изъ 10 депутатовъ отъ города, выбираемыхъ общимъ собраніемъ думы, и изъ 10 учителей или содержателей частныхъ школъ, если въ послѣднихъ обучаются дѣти съ платою отъ города. Предсѣдатель каждой комиссіи выбирается самою комиссіею изъ числа ея членовъ, назначаемыхъ отъ города, и утверждается въ этой должности городскимъ училищнымъ совѣтомъ. Члены отъ города назначаются въ комиссіи на трехлѣтній срокъ, по истеченіи котораго производятся новые выборы. Занятія училищныхъ комиссій должны состоять, какъ и въ Берлинѣ, преимущественно въ веденіи ученическихъ списковъ, въ распредѣленіи дѣтей по школамъ и въ наблюденіи за исправнымъ посѣщеніемъ школы учащимися. Подробное обозначеніе этихъ обязанностей опредѣляется особою инструкціею, составленною городскимъ училищнымъ совѣтомъ, по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ инструкціи этой должно быть обозначено, между прочимъ, что на хозяевъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній, у которыхъ въ числѣ рабочихъ есть дѣти школьнаго возраста, возлагаются относительно обязательности посѣщенія послѣдними начальныхъ училищъ тѣ же обязанности, какъ и на родителей и, соотвѣт-

ственно тому, они подлежатъ, при нарушеніи этихъ обязанностей, той же отвѣтственности, какъ и родители, которыхъ мѣсто они замѣняютъ въ этомъ случаѣ.

Вотъ тѣ главныя основанія, на которыхъ, со введеніемъ обязательнаго обученія, могло бы устроиться въ С.-Петербургѣ городское училищное управленіе. Къ сказанному можно присовокупить, что С.-Петербургскій городской училищный совѣтъ могъ бы еще, независимо отъ училищныхъ комиссій, заведующихъ исключительно дѣлами по обязательности ученія, назначать для непосредственнаго наблюденія за каждою школою особыхъ попечителей и попечительницъ, которые были бы непосредственно подчинены училищному совѣту и пользовались бы правами, предоставленными попечителямъ и попечительницамъ общимъ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ. Въ Берлинѣ, независимо отъ училищной депутаціи при магистратѣ и училищныхъ комиссій, при каждой школѣ имѣется еще особое управленіе (Schulvorstand) изъ мѣстнаго священника и двухъ свѣтскихъ членовъ, избираемыхъ магистратомъ. Управленіе это у насъ, для избѣжанія затрудненій при выборахъ, могло бы быть замѣнено однимъ попечителемъ или одною попечительницей, если не при каждомъ училищѣ, то по крайней мѣрѣ при тѣхъ училищахъ, гдѣ найдутся желающіе занять такое мѣсто.

5) Опредѣленіе и увольненіе учителей и учительницъ начальныхъ училищъ и частныхъ школъ, въ которыхъ обучаются дѣти съ платою отъ города, можетъ быть устроено на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ сельскихъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы въ учителя и въ учительницы опредѣлялись лица, имѣющія, по выдержанному ими испытанію, право на преподаваніе. Соблюденіе этого послѣдняго условія, какъ существенной гарантіи за успѣшность школы, составляетъ первую необходимость, и правило это строго соблюдается во всѣхъ образованныхъ странахъ. Въ С.-Петербургѣ найдется достаточное число учителей и учительницъ, способныхъ удовлетворить требованіямъ закона; остается только дѣло за учрежденіемъ самихъ училищъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно заключить, что ввести обязательное ученіе въ С.-Петербургѣ возможно теперь же, но что осуществленіе этого дѣла сопряжено съ значительными пожертвованіями: тутъ не только потребуются новыя значительныя и постоянныя расходы изъ общественныхъ суммъ города, но и окажется необходимымъ живое и непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ не малой части депутатовъ городского общества. Но ни одно важное дѣло и не можетъ совер-

шиться безъ такихъ матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ пожертвованій, а всякое пожертвованіе на дѣло народнаго образованія вознаграждается сторицею. Рѣшить этотъ вопросъ отрицательно значить оставить С.-Петербургъ, гдѣ почти половина населенія безграмотна, коснѣть въ невѣжествѣ еще на долгое время, не подвигаясь впередъ, а отставая съ каждымъ годомъ отъ прочихъ европейскихъ столицъ, обладающихъ болѣе значительными средствами образованія и постоянно усиливающихъ эти средства. Ждать спасенія отъ естественнаго постепеннаго развитія въ народѣ стремленія къ ученію значило бы увлекаться прекрасными, но не сбыточными мечтами. Опытъ Европы въ послѣдніе два столѣтія показалъ достаточно, что движеніе образованія, предоставленное самому себѣ безъ всякихъ побудительныхъ мѣръ, могло бы привести къ продолжительному застою, для насъ даже невозможному и крайне вредному при томъ движеніи, которое получила теперь наука въ Европѣ. Отсрочку обязательнаго обученія тамъ, гдѣ это возможно, нельзя оправдывать и тою теоріею, которая считаетъ всякое принужденіе, а слѣдовательно и припужденіе къ ученію, насиліемъ личной свободы. Въ каждомъ обществѣ личной свободѣ поставлены извѣстныя границы, и тѣмъ благоустроеннѣе общество, тѣмъ болѣе на каждомъ отдѣльномъ лицѣ лежитъ обязанность подчиняться требованіямъ общественнымъ, вызываемымъ сознаніемъ общественной пользы. Если законы, касающіеся общественнаго порядка, огражденія правъ собственности, защиты отечества и тому подобныя, обязательны и не могутъ быть признаны нарушеніемъ личной свободы, то въ такой же мѣрѣ взглядъ этотъ долженъ быть примѣненъ и къ закону объ обязательномъ обученіи, требуемому также важными общественными интересами. Поэтому казалось бы, что рѣшеніе вопроса о введеніи обязательнаго обученія въ С.-Петербургъ должно быть утвердительное; только этимъ путемъ можно сразу разрубить гордіевъ узелъ невѣжества, связывающій промышленныя и производительныя силы столицы, и поставить С.-Петербургъ въ такія условія образованія, при которыхъ за нимъ будетъ обезпечено почетное значеніе въ ряду важнѣйшихъ европейскихъ столицъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ позволятельно думать, что въ С.-Петербургѣ городская дума, ближайшему обсужденію которой подлежитъ вопросъ о введеніи обязательнаго обученія въ столицѣ, не только дастъ на него отвѣтъ утвердительный, но и изыщетъ средства для осуществленія этого важнаго дѣла.

Число дѣтей школьнаго возраста отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ въ С.-Петербургѣ по переписи 10-го декабря 1869 года.

	МУЖЕСКАГО ПОЛА.	ЖЕНСКАГО ПОЛА.
8-ми лѣтняго возраста .	3.500	3.757
9-ти лѣтняго „	3.480	3.535
10-ти лѣтняго „	3.745	3.589
11-ти лѣтняго „ . . .	3.471	3.042
Итого за 4 года	14.196	13.923
Всего	28.119	
12-ти лѣтняго возраста .	5.315	3.344
13-ти лѣтняго „	5.859	3.267
14-ти лѣтняго „ . . .	6.869	3.461
Итого за 7 лѣтъ	32.239	23.995
Всего	56.234	

Число 56.234, по отношенію къ общему населенію С.-Петербурга 667.963, составляетъ 8,4%.

Число учащихся обоего пола во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга въ возрастѣ отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ ¹⁾).

А. Вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

	МУЖЕСК. ПОЛА.	ЖЕНСК. ПОЛА.
Въ шести гимназіяхъ	1.081	—
Въ двухъ реальныхъ училищахъ	310	—
Въ четырехъ прогимназіяхъ	536	—
Въ гимназіи Человѣколюбиваго общества	190	—
Въ гимназіи при Историко-филологическомъ институтѣ.	112	—
Въ трехъ нѣмецкихъ училищахъ, съ приготовительными классами .	723	656

¹⁾ Показаніе сдѣлано за 1872 и 1873 годы.

	МУЖСК. ПОЛА.	ЖЕНСК. ПОЛА.
Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ		
и частныхъ церковныхъ училищахъ	4.740	4.538
Въ уѣздныхъ училищахъ	226	—
Въ приходскихъ училищахъ . .	1.190	123
Итого	9.148	5.217

Б. Духовно - православнаго вѣдомства.

Духовная семинарія .	7	—
Александровское духовное училище	244	—
Итого	261	—

В. Вѣдомства IV отдѣленія собствен-
ной Его Величества канцелярія.

Въ 8 закрытыхъ женскихъ институ- тахъ и училищахъ	—	1.226
Въ 7 женскихъ гимназіяхъ и 1 про- гимназіи	—	1.718
Въ Императорскомъ Александров- скомъ лицей.	3	—
Въ С.-Петербургскомъ коммерче- скомъ училищѣ.	263	—
Въ училищѣ глухо-нѣмыхъ . .	54	—
Въ Демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся	—	96
Въ двухъ училищахъ солдатскихъ дочерей	—	91
Въ училищѣ дѣтей бѣдныхъ ино- стрanceвъ	140	87
Въ 20 дѣтскихъ пріютахъ съ си- ротскимъ отдѣленіемъ	1.016	1.489
Въ 12 школахъ	—	1.205
Итого	1.497	5.980

Г. ВѢДОМСТВА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІИ.

	МУЖСКО. ПОЛА.	ЖЕНСКО. ПОЛА.
Въ Пажескомъ корпусѣ. .	44	—
Въ приготовительномъ классѣ при Николаевскомъ кавалерійскомъ учи- лищѣ .	3	—
Въ 3 военныхъ гимназіяхъ	662	—
Въ военной прогимназіи . .	44	—
Итого	753	—

Д. ВѢДОМСТВА ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА.

Въ театральномъ училищѣ . . .	25	44
Итого .	25	44
Всего	11.675	11.241
	22.915	

СЕЛО МИШЕНСКОЕ, РОДИНА В. А. ЖУКОВСКАГО.

Заслуги Жуковского, бесспорно, принадлежать всей Россіи; но тѣмъ не менѣе, мы, жители Тульской губерніи, въ правѣ называть достойнаго поэта своимъ согражданиномъ, не только потому, что онъ родился въ нашей губерніи, но и потому, что лучшіе годы своей молодости онъ провелъ въ предѣлахъ ея и началъ здѣсь свою литературную дѣятельность.

Подобно знаменитому Сперанскому, Жуковскій не можетъ, конечно, похвалиться геральдикомъ: свое высокое общественное положеніе на пути государственной службы онъ приобрѣлъ лишь умомъ, трудомъ и высокими нравственными качествами. Біографія его (отъ первыхъ дней его рожденія) долго была неизвѣстна публикѣ. Докторъ К. Зейдлицъ, изъ Дерпта, въ 1869 году написалъ ее по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ: болѣе 40 лѣтъ авторъ былъ знакомъ съ Жуковскимъ и съ его ближайшими родными и знакомыми ¹⁾. Зейдлицъ говорилъ не мало и о Мишенскомъ, родинѣ Жуковского, и о Бѣлсѣ, гдѣ покойный провелъ лучшіе годы своей молодости; но самъ онъ не видалъ этого села: я намѣревался познакомить съ нимъ читателей, ибо, какъ уроженцу Бѣлева, Мишенское мнѣ извѣстно съ дѣтства.

Рѣка Большая-Выра ²⁾ беретъ свое начало въ сосѣднемъ Бѣлевскому — Лихвинскомъ уѣздѣ (Калужской губ.); она быстро течетъ съ запада на востокъ на протяженіи 25 — 30 верстъ и не далеко отъ Мишенскаго, въ полуверстѣ выше Бѣлева, впадаетъ въ Оку, съ лѣвой стороны. Большая-Выра не протекаетъ собственно въ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., апрѣль, май, іюнь 1869 г.

²⁾ Въ Оку около Бѣлева впадаютъ четыре Выры: Большая (Фатьяновская) Малая (въ городѣ), Велика, Гостунская. Выра, вѣроятно, происходитъ отъ глагола: вырывать, означая свойство рѣки въ отношеніи разлитія водъ весной.

Мишенскомъ (въ селѣ есть только прудъ отъ рѣчки Семьюпки), но вблизи его омываетъ сочные, богатые растительностію луга этого села, прилегающіе къ большой Волховской дорогѣ, къ такъ-называемому „Горѣлому озеру“ и изобилующей своими преданіями Васьковой горѣ¹⁾; а самая гора есть продолженіе той возвышенности, на которой, въ полуверстѣ, не много правѣе, расположено Мишенское. Возвышенность покрыта лѣсомъ, оканчивающимся, съ одной стороны, Волховскою дорогою, а съ другой — усадьбами; внизу же села, къ сторонѣ города, по Вырѣ тянется холмистая, луговая мѣстность, соединяющаяся съ заочными лугами, такъ что отъ Мишенскаго, почти на 10 верстѣ, виднѣются всѣ лучшіе зарѣчные виды: на сѣверъ—Жабынская пустынь²⁾, на востокъ—Красная часовня³⁾, немного южнѣе—село Темрянь и проч. Не удивительно, что здѣшнія живописныя окрестности, въ свое время, могли благотворно повліять на впечатлительную и воспримчивую душу Жуковскаго. Западная, лѣвая, сторона заслонена возвышенностію (въ молодости Жуковскаго тутъ была роща⁴⁾), на которой стоитъ Вѣлевъ и по окраинѣ которой идетъ дорога (нижняя) въ городъ; возвышенность эта тянется, лѣвымъ берегомъ Оки, почти до Жабынской пустыни.

Изъ Вѣлева на Мишенское идутъ двѣ дороги: одна, горная, мимо Петропавловскаго кладбища, другая, нижняя, по Берестовой улицѣ, мимо Никольской часовни и Пониковской слободы. Послѣдняя дорога, какъ ближайшая, безъ всякаго сомнѣнія, служила покойному Василию Андреевичу его обычнымъ путемъ, когда онъ, во время своей молодости, въ 1807—1809 годахъ, хаживалъ изъ Мишенскаго изъ Вѣлева для обученія своихъ родныхъ племянницъ Марьи и Александры Протасовыхъ. Обѣ эти дороги скрещиваются въ дер. Фатьяновой, отдѣленной отъ Мишенскаго только небольшимъ лугомъ, при-

¹⁾ Гора получила это названіе, по преданію, отъ хозяйничавшаго когда-то здѣсь извѣстнаго разбойника Васьки; на вершинѣ ея, по народной молві, хранятся зарытые имъ клады. Мѣсто для разбоя, въ самомъ дѣлѣ, избрано весьма удобно.

²⁾ «Жабынскою» пустынь именуется по жабынцу-кладезю, на которомъ она основана старцемъ Онуферіемъ въ 1558 году; возобновлена въ началѣ XVII столѣтія Макаріемъ, признаннымъ здѣсь за праведнаго, — что подтверждаетъ и монастырскій синодикъ.

³⁾ Часовня именуется «Красною» по красотѣ окружающей ее мѣстности.

⁴⁾ Роща эта, именовавшаяся «Фатьяновою», до 80-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія была обыкновенно мѣстомъ воскресныхъ удовольствій жителей Вѣлева.

нимающимъ къ Окѣ большіе размѣры. Въ 6—7 верстахъ отъ Мишенскаго, въ верховьяхъ Выры, лежитъ село Долбино (Дих. уѣзда), гдѣ жилъ покойный ученый И. В. Кирѣевскій, глубокой знатокъ философіи Гегеля и близкій родственникъ Жуковскаго ¹⁾; тутъ Жуковскій родственико пропоздилъ свое время.

Село Мишенское было, по видимому, уже изстари фамильнымъ достояніемъ Буниныхъ: изъ нихъ Андрей и Артемій Романовы Бунины, при обновленіи закрывшейся Жабынской пустыни, въ началѣ XVIII столѣтія, много дѣлали пожертвованій житомъ и записаны, для поминовенія, въ мѣстный синодикъ; а двѣ мукомольныя на Большой-Вырѣ мельницы, лежащія близъ Мишенскаго, и теперь носятъ наименованіе „Бунискихъ“. Въ концѣ прошлаго столѣтія Мишенское принадлежало богатому помѣщику Аванасію Ивановичу Бунину, человеку уже не молодому, имѣвшему земли и въ Орловской губерніи. Аванасій Ивановичъ (отецъ Жуковскаго), по разказамъ знавшихъ его лично, былъ честнѣйшій, благороднѣйшій и весьма дѣятельный человекъ и баринъ добраго стараго времени относительно пышности домашней обстановки. Плѣнявшійся красотою этого имѣнія и близостью города (по нижней дорогѣ менѣе 3-хъ верстъ), владѣлецъ избралъ его постояннымъ мѣстопробываніемъ для своего семейства и, по обычаю того времени, роскошно обстроилъ и украсилъ его. Тутъ былъ огромный домъ съ флигелями, службами, оранжереями, теплицами, прудами, паркомъ и садомъ; неумолимая рука времени не пощадила ничего этого: теперь все разрушилось такъ, что не сохранилось и слѣда прежняго; остались только неприкосновенными каменный старинный храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы, съ придѣломъ св. Николая (разрушившіеся хоры надъ входомъ свидѣлствуютъ, что у Бунина были свои пѣвчіе), ручеекъ (Гремучій) ²⁾, востѣный Жуковскимъ, роща и холмъ, сохранившій названіе: Грєва элегія ³⁾. Родная внучка Бунина, извѣстная писательница Анна Петровна Зонтагъ, долго жила одинокою въ небольшомъ домикѣ,

¹⁾ Кирѣевскій доводился Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ роднымъ племянникомъ отъ ея сестры Авдотьи.

²⁾ Прежде воду этого ручья почитали за цѣлебную, и многіе, даже изъ города, приходили обливаться ею. На мѣстѣ ручья было устроено часовня. Существовалъ, по видимому, и другой ручей, любимый Жуковскимъ (въ долину—къ городу), но онъ исчезъ.

³⁾ На этомъ холмѣ Жуковскій перевелъ въ дѣтствѣ первое свое стихотвореніе «Сельское кладбище», Грєя, обратившее на него вниманіе Карамзина.

отъ котораго, какъ старшій намятникъ прошлаго великолѣпія, идетъ къ церкви густая, сросшаяся аллея. Огромный садъ съ гротомъ внизу запустѣлъ и только украшается отличными розами; изъ сада ходъ въ лѣсъ къ Васьковой горѣ. Прекрасная библіотека покойной Зонтагъ ¹⁾ долго хранилась въ ея домѣ, но теперь она разобрана. Къ чести покойной Зонтагъ нужно сказать, что въ Мишенскомъ еще и при крѣпостномъ правѣ была сельская школа, съ особымъ учителемъ, часто посѣщаемая помѣщицею, наблюдавшею за ходомъ ученія; въ настоящее время, если не ошибаюсь, школы не существуетъ.

Живыми намятниками Жуковскому въ Бѣлевѣ служатъ публичная библіотека и ремесленная школа, основанная въ домѣ покойнаго.

Прежде нежели обратимся къ описанію библіотеки, скажемъ нѣсколько о зданіи, въ которомъ она помѣщается. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія существовалъ въ Бѣлевѣ родъ богатыхъ портowychъ купцовъ Гуровыхъ ²⁾, отъ которыхъ теперь не осталось и потомства. Къ усадьбѣ одного изъ нихъ прилегла площадь старой деревянной церкви св. Зосимы и Савватія, вслѣдствіе чего, вѣроятно, дѣй близъ лежащія улицы, пересѣкающія Георгіевскую, и въ настоящее время именуются Зосимовскими. Гуровъ пожелалъ воспользоваться этимъ мѣстомъ и, силою своего вліянія, постарался упразднить церковь (будто бы за ветхостью), а мѣсто пригородилъ къ своей усадьбѣ; но случившея скорѣ грозою, разразившея надъ домомъ, уголъ каменнаго дома былъ сильно поврежденъ. Купца это событіе сильно поразило; для успокоенія своей совѣсти, онъ, отдѣливъ захваченный силою участокъ отъ своей усадьбы каменною стѣною, устроилъ на мѣстѣ церкви каменное одноэтажное зданіе для помѣщенія бѣдныхъ, съ лавками, и отдалъ его въ распоряженіе мѣстной думы. Образъ остался въ устроенномъ помѣщеніи, а зданіе стало именоваться „Гуровскою богадѣльнею“; получаемые же съ лавокъ небольшіе доходы поступали въ пользу города.

До конца 30-хъ годовъ серебрянный образъ пахотился въ богадѣльнѣ, потомъ былъ перенесенъ въ Троицкую (кладбищенскую) цер-

¹⁾ Г-жа Зонтагъ умерла 6 или 7 лѣтъ тому назадъ, имѣя болѣе 80-ти лѣтъ.

²⁾ Со времени открытія Петербургскаго порта, Бѣленскіе купцы торговали съ Петербургомъ пенькою, саломъ, масломъ и хлѣбомъ. Торговля эта, на весьма значительную сумму, производится и теперь. Хотя родъ старинныхъ „портowychъ“ торговцевъ и пресѣкся, но есть въ Бѣлевѣ и теперь фирмы, производящія торговлю съ Петербургомъ болѣе 70-ти лѣтъ.

ковъ, а затѣмъ—въ Срѣтенскую, на площади; зданіе изъ богадѣльни превратилось въ столовую.

Въ молодость Жуковского Гуровъ еще славился своими богатствами; у нихъ, по разказамъ, были лошади съ серебрянными подковами, а въ банѣ на плитѣ лежали духи.

Обращаемся затѣмъ къ библіотекѣ. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ живетъ много родныхъ покойнаго поэта, которые, желая почтить достойнымъ образомъ память своего родственника, задумали въ 1858 году основать въ Бѣлевѣ публичную библіотеку. Собравъ 1.309 руб. 50 коп., они вручили эту сумму бывшему тогда городничимъ г. Максимову. Онъ передѣлалъ весьма неприглядное и полуразвалившееся зданіе богадѣльни, устроилъ просторные шкафы со стеклами, приобрѣлъ необходимую мебель и т. д. Теперь богадѣльня, находящаяся на большой улицѣ, близъ хлѣбной площади ¹⁾, приноситъ городу доходу около 100 руб.

Задумавъ учредить библіотеку, одна изъ родственницъ покойнаго, А. В. Целопида (урожденная Азбукина), обратилась съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ къ статсъ-секретарю Д. Н. Блудову, бывшему тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Вотъ отвѣтъ Блудова г-жѣ Целопидѣ: „Дочь моя передала мнѣ письмо ваше отъ 21-го ноября прошлаго года, и оно доставляетъ мнѣ пріятный случай благодарить васъ отъ имени всѣхъ, коимъ драгоцѣнна память В. А. Жуковского, за ваши и супруга вашего заботы объ устроеніи публичной, посвященной имени незабвеннаго нашего поэта и друга, библіотеки. Я доселѣ не могъ отвѣчать вамъ, м. г., потому, что желалъ придумать средства также съ своей стороны чѣмъ-либо содѣйствовать успѣху сего прекраснаго предпріятія. Цѣль имѣю честь уведомить васъ, что мною сдѣлано распоряженіе о доставленіи для Бѣлевской публичной библіотеки нѣкоторыхъ изъ книгъ, выданныхъ вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Императорскою Академіею Наукъ и Императорскимъ Археологическимъ обществомъ. Списокъ оныхъ при семъ прилагается.

„Да будетъ сіе неважное приношеніе выраженіемъ моего душевнаго желанія способствовать полезному дѣлу и добрымъ началомъ для дальнѣйшаго приращенія библіотеки. Что касается до званія почетнаго члена оной, то, зная дружбу, которая меня связывала съ

¹⁾ Близъ библіотеки находится уѣздное училище и дворовый домъ, въ которомъ въ 1826 году скончалась государыня Елизавета Алексѣевна.

покойнымъ Жуковскимъ, вы, конечно, не сомнѣваетесь въ искреннемъ удовольствіи, съ какимъ и принимаю сіе званіе. Пусть оно будетъ какъ бы новою связью между мною и другомъ, коего я умѣлъ уважать во все теченіе и во всѣхъ положеніяхъ моей жизни, и коего не перестаю оплакивать со времени его неожиданной кончины“.

Вѣроятно, по ходатайству статсъ-секретаря Блудова, многіе редакторы и издатели вызвались доставлять въ библіотеку журналы, книги и газеты. Г. Кокоревъ пожертвовалъ портретъ Жуковского, работы Вишневецкаго, писанный съ оригинала Брюлова и отличающійся поразительнымъ сходствомъ.

Въ 1871 году Бѣлевское земство избрало въ директоры библіотеки почетнаго гражданина Сорокина, который сдѣлалъ очень много для ея благоустройства. Вслѣдствіе его ходатайства, земская управа стала отпускать на вспоможеніе библіотеки 100 руб., а городская—50 руб. Вообще дѣйствія г. Сорокина по библіотекѣ были такъ полезны, что собраніе гласныхъ, при открытіи въ сентябрѣ 1872 года очередныхъ земскихъ собраній, журнальнымъ постановленіемъ своимъ выразило ему благодарность.

Василій Андреевичъ устроилъ для матери своей въ Бѣлевѣ въ 1810 году деревянный, двухэтажный, на каменномъ фундаментѣ домъ, при которомъ, еще на нашей памяти, были хорошія службы и фруктовый садъ, погибшій отъ морозовъ 1837 года. Полагать надобно, что Жуковскій зналъ Бѣлевъ какъ свои пять пальцевъ: выбравъ для постройки дома мѣстность считается лучшею въ городѣ какъ по чистотѣ воздуха, такъ и по живописнымъ видамъ, разстилающимся на десятки верстъ. Верхній этажъ дома Жуковского былъ отданъ въ 1820 году подъ помѣщеніе уѣзднаго суда, а нижній — земскаго. Къ усадьбѣ Жуковского прилегаетъ усадьба и домъ вѣрнаго дядьки его Михаила Ив. Звѣрева, умершаго въ концѣ 20-хъ годовъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ домъ Жуковского приобрѣтелъ, по купкою, секретаремъ магистрата Емельновымъ. Этотъ-то Емельновъ имѣлъ счастье принимать, въ 1837 году, въ купленномъ имъ домѣ Государя Императора, тогда еще наследника престола, вмѣстѣ съ достойнымъ хозяиномъ дома, Жуковскимъ.

Князь П. А. Вяземскій, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ современниковъ и друзей покойнаго поэта, обратился съ предложеніемъ въ министерство народнаго просвѣщенія о приобрѣтеніи этого дома въ вѣдѣніе министерства, съ цѣлю устроить въ немъ народное училище, въ память Жуковского. 5-го іюля 1868 года Государь Императоръ, отд. 4.

дарю Императору благоугодно было Высочайше соизволить на открытіе для сего по Имперіи, въ теченіе года, подписки для сбора добровольныхъ приношеній. По подпискѣ собрано было 7.337 руб. 83 $\frac{1}{2}$ коп., изъ коихъ 3.000 выданы наследникамъ Емельянова за ветхій домъ съ мѣстомъ. Перестройка дома совершена лѣтомъ 1872 года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инспектора народныхъ училищъ Тульской губерніи г. Конопацкаго; а 12-го декабря того же года послѣдовало открытіе училища ¹⁾, на содержаніе коего разрѣшено отпускать изъ государственнаго казначейства по 2.070 руб. Училище это, въ которомъ обучаютъ и ремесламъ, пользуется въ Вѣлевѣ хорошею репутаціею и имѣетъ около 70 учащихся.

II. Мартыновъ.

¹⁾ Передѣланный домъ осадомъ оставленъ на память такимъ же, какимъ онъ былъ у Жуновскаго, который не только самъ наблюдалъ за постройкою, но и чертилъ планъ и осады.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1873 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; усиленіе учебныхъ занятій студентовъ; темы для соисканія наградъ медалями; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ; публичныя чтенія; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; свѣдѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — Рѣчь, произнесенная на актѣ Варшавскаго университета ректоромъ, Н. М. Благовѣщенскимъ.

Въ теченіе 1873 года въ Харьковскомъ университетѣ состояло слѣдующее число преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ — 8, доцентовъ — 3, лекторовъ новѣйшихъ языковъ — 3; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ — 12, экстраординарныхъ — 3, лаборантовъ — 4; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ — 5, экстраординарный — 1, доцентъ — 1; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ — 11, экстраординарныхъ — 2, доцентовъ — 7, прозекторовъ — 2, помощниковъ прозектора — 3, лаборантовъ — 2, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ, въ томъ числѣ 1 сверхштатный, — 6. Сверхъ сего, состоялъ 1 ординарный профессоръ по кафедрѣ богословія (онъ же настоятель университетской церкви). Приватъ-доцентовъ было два, оба по физико-математическому факультету; имъ поручено было чтеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ, одному — по математикѣ, другому — по физикѣ. Вакантныхъ кафедръ было 5: агрономіи — съ 16-го сентября 1872 года, энциклопедіи права — съ 29-го сентября 1868 года, римскаго права — съ 1-го іюня 1858 года, гражданскаго права — съ 4-го іюля 1873 года и международнаго права съ 21-го декабря 1872 года. Сверхъ того, не открыты еще положенныя по уставу 1863 года кафедры: а) теоріи и исторіи искусствъ, б) исторіи русскаго права, в) исторіи

славянскихъ законодательствъ, г) государственнаго права, д) церковнаго законодѣднія, е) госпитальной терапевтической клиники и ж) госпитальной хирургической клиники.

Въ 1873 году факультеты имѣли засѣданія: историко-филологическій—27, физико-математическій—38, юридическій—33 и медицинскій—45. Для замѣщенія кафедръ, остававшихся вакантными въ 1-му января 1873 года, приняты были слѣдующія мѣры: кафедра философіи поручена, на основаніи § 20 устава университетовъ, избранному совѣтомъ доценту Зеленогорскому; кафедра славянской филологіи—доценту Дринову; вновь открытая кафедра всеобщей литературы предоставлена доценту Кирпичникову; на кафедре русской исторіи перемѣщенъ профессоръ Варшавскаго университета Аристовъ; для отдѣльнаго преподаванія политической экономіи перемѣщенъ профессоръ университета св. Владиміра Цѣхановецкій. Для приготовленія въ профессорскому званію при университетѣ состояло 9 стипендіатовъ: Ильинскій—по русской исторіи, Гладкій—по технической химіи, Порѣцкій—по астрономіи, Бѣлецкій—по зоологіи, Загурскій—по римскому праву, Полкотыцкій—по энциклопедіи права, Куплеваскій—по русскому государственному праву, Ковалевскій—по государственному праву и Фесенко—по предмету акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Контроль надъ занятіями студентовъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, заключался: а) въ постоянномъ, въ теченіе года, наблюдѣніи преподавателей за практическими занятіями студентовъ, б) въ годовыхъ и полугодовыхъ теоретическихъ испытаніяхъ и в) въ годовыхъ и полугодовыхъ практическихъ испытаніяхъ. Практическія занятія студентовъ заключались въ слѣдующемъ: *по историко-филологическому факультету*: по кафедрѣ греческой словесности—студенты двухъ высшихъ курсовъ занимались переводомъ сочиненій Платона—Апологіи Сократа и Протагора. Представленные ими переводы признаны преподавателемъ удовлетворительными; студенты же 1-го курса занимались письменными переводами съ русскаго языка на греческій по учебнику Шенкеля. По кафедрѣ латинской словесности студенты всѣхъ курсовъ упражнялись, подъ руководствомъ преподавателя, въ письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Переводы эти представляемы были большею частію студентовъ ежемѣсячно, а нѣкоторыми—еженедѣльно. По сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ студенты въ лекціи занимались переводами съ санскритскаго языка на русскій и сравненіемъ всѣхъ сродныхъ формъ и корней языковъ родственныхъ. Преподавателемъ пред-

ложены были слушателямъ двухъ высшихъ курсовъ слѣдующія темы: „Особенности словообразованія въ латинскомъ языкѣ“, „Разборъ звукоподражательныхъ словъ въ языкѣ греческомъ“, „Указаніе всѣхъ, происшедшихъ путемъ удвоенія, словъ и формъ въ языкахъ классическихъ“, „Слова съ суффиксомъ *a* въ языкахъ латинскомъ и древнеболгарскомъ“. Письменныхъ работъ на эти темы представлено не было. По исторіи русской литературы и русскаго языка, независимо отъ чтенія и разбора памятниковъ литературы, указываемыхъ на лекціяхъ, предложено было нѣсколько темъ для письменныхъ работъ, изъ которыхъ на одну (разсужденіе Ломоносова „О размноженіи россійскаго народа“) представлена была работа студентомъ Сумцовымъ, признанная удовлетворительною; письменныя же работы на предложенныя студентамъ 3-го и 4-го курсовъ темы по исторіи русскаго языка („О правописаніи по поводу разсужденія академика Грота“ и „О древнѣйшихъ слѣдахъ малорусскаго нарѣчія въ памятникахъ“) не были окончены студентами Одоллаинымъ и Лидскимъ и представленіе ихъ отложено до слѣдующаго полугодія. Студенты 1-го и 2-го курсовъ упражнялись въ разборѣ указанныхъ имъ главъ Евангелія Маттея по пѣтѣшнему церковно-славянскому переводу съ цѣлю возстановленія чертъ древнѣйшаго, извѣстнаго намъ по памятникамъ, старо-славянскаго языка. По кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, преподаваніе которыхъ возобновилось съ начала втораго полугодія, со времени опредѣленія доцента Дринова, практическія упражненія въ лекціяхъ состояли въ ознакомленіи студентовъ, подъ руководствомъ преподавателя, съ важнѣйшими памятниками древне-славянской письменности. По всеобщей исторіи, независимо отъ чтенія указанныхъ на лекціяхъ сочиненій и памятниковъ, предложено было нѣсколько темъ, изъ которыхъ на одну („Вѣкъ болгарскаго царя Симеона“) представлена была письменная работа студентомъ Кузнецовымъ, признанная удовлетворительною. По русской исторіи предлагались для чтенія и разбора въ лекціяхъ историческіе памятники и сочиненія, съ обязательствомъ представленія письменнаго или устнаго отчета о результатахъ записей этого рода. Письменные отчеты представлены были студентами: Сумцовымъ—разборъ послѣдняго сочиненія Костомарова „Русская исторія въ біографіяхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ“, Ишичемъ—разборъ сочиненія Карновича „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“. Студентомъ Оедотовымъ представлена была вторая половина сочиненія, начатаго въ 1872 году, на тему „Разборъ дѣла о ссылкѣ Романовыхъ“; студентомъ Полниц-

кимъ составленъ былъ удовлетворительно библиографическій указатель житій русскихъ святыхъ какъ напечатанныхъ, такъ и остающихся въ рукописяхъ. По церковной исторіи, независимо отъ чтенія историческихъ памятниковъ и сочиненій, указываемыхъ на лекціяхъ, представлены были письменныя работы студентами Полницкимъ, Діаконенко и Клевцовымъ на тему: „Взятіе Константинополя крестоносцами въ 1204 году“ и студентомъ Дмитріевымъ—на тему: „Колдовство въ западной Европѣ въ XVI и XVII вѣкахъ“ по сочиненію Рейса: „La Sorcellerie aux XVI et XVII siècles, particulièrement en Alsace“. Paris, 1872. По всеобщей литературѣ, преподаваніе которой началось только со втораго полугодія, со времени опредѣленія доцента Кирпичникова, представлены были письменныя работы студентами: Сумцовымъ — изслѣдованіе новогреческой сказки „Астеринность и Пуля“ (*Наѣн*: Griechische und Albanesische Märchen, № 1), сравнительно съ нѣмецкими сказками Гримма; Канустанскимъ—„Карлъ Великій въ исторіи, легендахъ, Chanson de Roland и Chanson de Geste“; Ѳедотовымъ—„Бытовые черты изъ Dialogus miraculorum II. Гейстербаха“. *По физико-математическому факультету*: по чистой математикѣ занятія состояли—въ рѣшеніи задачъ студентами 2-го, 3-го и 4-го курсовъ: по астрономіи—въ упражненіи студентовъ 3-го и 4-го курсовъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ и въ рѣшеніи задачъ; по зоологіи—въ упражненіи студентовъ 2-го курса въ гистологическихъ наблюденіяхъ, студентовъ 3-го курса — въ секціяхъ и опредѣленіи животныхъ; по ботаникѣ — въ упражненіи студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ въ гистологическихъ, морфологическихъ изслѣдованіяхъ и опредѣленіи растений; по геологіи—въ упражненіи студентовъ 4-го курса въ опредѣленіи горныхъ породъ и окаменѣлостей; по минералогіи—въ кристаллографическихъ упражненіяхъ и опредѣленіи минераловъ; по химіи—въ химическомъ анализѣ; по физикѣ—въ упражненіи студентовъ 2-го и 4-го курсовъ въ физическихъ изслѣдованіяхъ; по химіи—въ химическомъ качественномъ и количественномъ анализѣ, приготовленіи препаратовъ и специальныхъ работахъ по органической и неорганической химіи; по технической химіи — въ техническомъ анализѣ; по математикѣ—въ рѣшеніи задачъ интегральнаго изчисленія; по физической географіи — въ производствѣ и обработкѣ метеорологическихъ наблюденій. *По медицинскому факультету* практическія занятія студентовъ были, по примѣру прежнихъ лѣтъ, главною заботою каждаго преподавателя, такъ какъ почти всѣ предметы этого факультета не могутъ быть иначе усвоены, какъ только при практи-

ческомъ изученіи ихъ. Такъ, по описательной анатоміи: а) для изученія остеологіи, изъ музея фізіологической анатоміи, въ продолженіе всего года, выдавались студентамъ на домъ сухіе препараты костей; б) для изученія синдесмологіи, эстезіологіи, спланхнологіи, ангиологіи и неврологіи были выставляемы въ секціонной залѣ препараты сухіе, изъ *rareig mâché*, а также находящіеся въ спиртѣ; в) по отдѣламъ міологіи, ангиологіи, неврологіи, также синдесмологіи и спланхнологіи студенты, подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора, упражнялись въ изготовленіи препаратовъ на трупахъ, причемъ студенты 1-го курса приготовили 206, а студенты 2-го курса 84 препарата; матеріаломъ для занятій студентовъ служили 84 трупа, доставленные изъ тюремнаго замка и изъ губернской земской больницы, частію же трупы, оставшіеся послѣ судебно-медицинскихъ вскрытій, не взятые родственниками; г) многіе студенты пользовались книгами и атласами, которые выдавались имъ изъ кабинета фізіологической анатоміи на домъ для болѣе спеціального ознакомленія съ анатоміей. Въ гистологическомъ кабинетѣ занимались практическими упражненіями въ изслѣдованіи строенія тканей и органовъ студенты 1-го и 2-го курсовъ въ часы, назначенные для практическихъ занятій. Кромѣ того, въ часы свободныя отъ лекцій, изученіемъ методовъ гистологическаго изслѣдованія и прослѣдованіемъ тканей и органовъ занимались четыре студента 2-го курса. Одинъ студентъ 4-го курса занимался изслѣдованіемъ процесса 'возстановленія перерѣзанныхъ нервовъ. Изслѣдованіе его было удостоено совѣтомъ университета золотой медали. Изслѣдованія эти продолжались въ 1874 году, съ цѣлію дополнить представленную въ факультетъ работу и помѣстить ее въ одномъ изъ русскихъ медицинскихъ журналовъ. Въ фізіологическомъ кабинетѣ занимались: одинъ студентъ 5-го курса, одинъ ординаторъ, одинъ кандидатъ физико-математическаго факультета и три студента 2-го курса медицинскаго факультета. Въ фізіолого-химической лабораторіи студенты ежедневно занимались, сверхъ опредѣленнаго для практическихъ занятій времени, отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ по полудни, въ часы свободныя отъ лекцій. Занятія ихъ состояли въ приготовленіи препаратовъ, относящихся къ фізіологической и патологической химіи, въ повтореніи на практикѣ слышаннаго на теоретическихъ лекціяхъ, въ аналитическихъ упражненіяхъ надъ животными жидкостями и тканями, какъ нормальными, такъ и патологическими. По патологической анатоміи занятія раздѣлялись на обязательныя и необязательныя. Обязательными занятіями

были: для студентовъ 3-го курса—упражненія по практической гистологіи подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора и производились по два часа въ недѣлю въ теченіе цѣлаго учебнаго года; для студентовъ 4-го и 5-го курсовъ — упражненія въ патолого-анатомическихъ вскрытіяхъ клиническихъ труповъ, которыя и производились, когда представлялся соотвѣтственный матеріалъ, въ клиническіе часы по принадлежности. Наиболѣе плодотворными изъ этихъ занятій оказались упражненія по патологической гистологіи, такъ что многіе изъ студентовъ 3-го курса уже обнаружили довольно хорошій навыкъ въ приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ, въ толкованіи ихъ и анализѣ. Матеріаломъ для этихъ упражненій служили главнымъ образомъ органы и части тѣла, получаемые отъ патологическихъ и судебно-медицинскихъ вскрытій, и отчасти патологическіе наросты и части тѣла, удаляемыя съ помощію операций и доставляемыя по временамъ изъ хирургической клиники университета. Оба эти источника анатомическаго матеріала оказывались, однако, недостаточными, вслѣдствіе чего нерѣдко приходилось прибѣгать къ пользованію, для практическихъ упражненій въ патологической гистологіи, препаратами музея патологической анатоміи. Къ необязательнымъ практическимъ занятіямъ относились отдѣльныя изслѣдованія патолого-анатомическихъ объектовъ, принимавшіяся по временамъ студентами старшихъ курсовъ въ кабинетѣ, частію съ цѣлю упражненія въ гистологіи, частію съ цѣлю діагноза анатомическихъ измѣненій отдѣльныхъ органовъ, частію, наконецъ, съ цѣлю подробнаго анатомическаго анализа нѣкоторыхъ, почему-либо замѣчательныхъ, клиническихъ случаевъ. Изъ занятій этой группы оказались особенно плодотворными изслѣдованія студента Дмитріевскаго, относящіяся къ одному случаю бѣлокровія, при одновременно существующемъ амилоидномъ перерожденіи органовъ, при чемъ изслѣдователю удалось напасть на амилоидное перерожденіе слизистой оболочки желудка, доселѣ неизвѣстное въ медицинско-й литературѣ. При чтеніи тератологіи (ученіе объ уродствахъ) студенты ознакомлены практически со всѣми видами и формами уродствъ, находящихся въ распоряженіи патолого-анатомическаго музея, и происхожденіе ихъ объяснено на основаніи эмбриологическихъ, макро-и микроскопическихъ препаратовъ музея. Въ кабинетѣ общей патологіи производились практическія занятія по предмету общей патологіи для студентовъ 3-го курса, состоявшія въ практическомъ изученіи микроскопической патологіи. Объектами для этой

цѣли служили различнаго рода опухоли, новообразованія, различнаго рода воспалительные, а также и регрессивные процессы. Во время практических занятій производились различные эксперименты, частію самимъ преподавателемъ, частію студентами, относящіеся къ общей патологій. Въ обязательныхъ занятіяхъ, студенты 3-го курса самостоятельно занимались въ кабинетѣ производствомъ опытовъ, а также и практическимъ ознакомленіемъ съ приемами и методами изслѣдованія патологическихъ объектовъ. Нѣкоторые изъ студентовъ 3-го курса, а также и высшихъ, занимались самостоятельно разработкою отдѣльныхъ вопросовъ (5-го курса Кемарскій—вопросомъ о золотухѣ, 3-го курса Фавръ—вопросомъ о возрожденіи мышцъ). Въ фармакологическомъ кабинетѣ студенты 3-го курса занимались практически рецептурою по одному часу въ недѣлю и, кромѣ того, во время зимнихъ каникулъ, желающіе занимались упражненіями въ фармакологическихъ наблюденіяхъ. Занятія въ терапевтической и хирургической клиникахъ велись въ томъ же направленіи и въ томъ же духѣ, какъ и въ минувшіе годы. Они состояли въ изученіи студентами способовъ изслѣдованія больныхъ, какъ съ цѣлію діагностической, такъ и съ цѣлію изучить тѣ перемѣны, которыя произошли въ организмѣ больного подъ вліяніемъ терапевтическихъ агентовъ. Для этихъ двухъ цѣлей студенты упражнялись въ стетоскопій, перкуссіи, термометріи падъ больными, а также въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ выдѣленій, читали подробно исторіи болѣзней больныхъ, находящихся подъ ихъ наблюденіемъ, и, въ случаѣ смерти больного, присоединялся протоколъ вскрытія. Въ обоихъ случаяхъ исторія болѣзни заканчивалась научнымъ эпикризомъ. Въ амбулаторной клиникѣ (которая была ежедневно) студенты, подъ руководствомъ профессора, разбирали каждого больного, ставили діагнозъ и назначали леченіе. Кромѣ того, въ терапевтической клиникѣ были отдѣльные вечерніе часы, въ которые студенты упражнялись перкуссіей, аускультацией и т. п. Въ хирургической клиникѣ, въ такіе же часы, студенты 5-го курса упражнялись въ производствѣ операцій на трунахъ. Замѣчательнѣйшіе случаи изъ терапевтической клиники описывались въ медицинскихъ журналахъ; такъ, напримѣръ, случай истерической нѣмоты описавъ студентомъ Ильянымъ и случай лейкеміи приготовленъ къ печати студентомъ Дмитревскимъ. Практическія занятія студентовъ 3-го курса по предмету діагностики состояли въ примѣненіи у кровати больного всѣхъ способовъ физикальнаго изслѣдованія для постановленія правильнаго

діагноза болѣзни. Въ акушерской клиникѣ нѣкоторые студенты 5-го курса, сверхъ обыкновенныхъ, обязательныхъ для каждаго изъ нихъ, практическихъ занятій, состоящихъ въ уходѣ за беременными, роженицами, родильницами и больными, въ тщательномъ изслѣдованіи ихъ и веденіи подробныхъ и точныхъ исторій,—занимались точными научными изслѣдованіями по заданнымъ для того задачамъ. Такъ, студентъ Смоленскій занимался измѣреніями живота беременныхъ, роженицъ и родильницъ и выводы изъ своихъ работъ изложилъ въ особой статьѣ; студентъ Вѣлиппъ—сравнительными измѣреніями температуры подмышечной и рукава у больныхъ и составилъ для печати описаніе трехъ клиническихъ случаевъ; студентъ Фессенко продолжалъ занятія, состоящія въ взвѣшиваніи новорожденныхъ. Въ кабинетѣ гігіены съ половины сентября нѣкоторые студенты занимались упражненіями въ опредѣленіи угольной кислоты воздуха по способу Петтенкофера; такъ, два изъ нихъ опредѣляли угольную кислоту воздуха въ хирургической клиникѣ, одинъ—угольную кислоту подпочечнаго воздуха и одинъ занимался объемнымъ опредѣленіемъ уксусной кислоты въ разныхъ сортахъ продажнаго уксуса.

Для соисканія наградъ медалями въ 1873 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету—„Быть дьяковъ и подъячнихъ“, „Шекспиръ въ русской литературѣ“, „Историческій очеркъ христіанской демонологіи“ и „О трагедіяхъ, обыкновенно приписываемыхъ Сенека“ (de tragaediis vulgo Senecae adscriptis); по физико-математическому—„Изложить теорію паровой машины и опредѣлить, на основаніи механической теоріи теплоты, условія наиболѣе выгоднаго ея дѣйствія“, „Опредѣлить длину секунднаго маятника въ лабораторіи физическаго кабинета Харьковскаго университета“ и „Произвести химическое изслѣдованіе состава полевыхъ шпатовъ и результаты привести въ связь съ изслѣдованіями Чермака, сдѣланными въ этомъ направленіи“; по юридическому—„О значеніи трактатовъ и обычаевъ въ международномъ правѣ“; по медицинскому—„О движеніи, представляемомъ протоплазмой“, „О вліяніи желчи на организмъ“, „О вліяніи возвышенной температуры на измѣненіе тромбовъ“ и „Изслѣдованіе примѣсей пищевыхъ веществъ Харьковскаго рынка (хлѣбъ, соль, масло, молоко, мясо, уксусъ, водка и вино)“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: золотыми: въ историко-филологическомъ факультетѣ—Константинъ *Ведомовъ*, въ медицинскомъ—Иларіонъ *Солодилинъ*; серебрянными: въ историко-филологическомъ факультетѣ—Евгеній

Лядскій и *Семень Дяченко*, въ юридическомъ — *Бипріянъ Яроизъ*; удостоены почетнаго отзыва за сочиненія по физико-математическому факультету кандидатъ *Владиславъ Кочетовъ* и студентъ *Михаиль Штандель*.

Въ теченіе 1873 года напечатали слѣдующіе труды преподаватели Харьковскаго университета и другія служащіе въ ономъ лица: ординарные профессоры: *Шериль* — „Санскритскую грамматику“, „Славянскую грамматику славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ“, ч. II. Словопроизведение“ и „Санскритскую хрестоматию“; *Леваковский* — „Изслѣдованіе осадковъ мѣловой и слѣдующей за нею формаций между Днѣпромъ и Волгою“; *Лавровскій* — „Воспоминанія о В. II. Каразинѣ“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, „О русской исторіи профессора Харьковскаго университета Рейта“, тамъ же; „Замѣчанія о гирѣ Константина Багрянороднаго“ тамъ же; „Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета“ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей российскихъ“; *Лебедевъ* — „Молодые годы Фотія, патріарха Константинопольскаго“ въ „Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія“, и „Объ избраніи въ епископскій санъ въ древней церкви“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; *Бекетовъ* — „Къ вопросу о различіи элементовъ отъ сложныхъ соединеній“; *Имшенецкій* — „Sur un rapport inharmonique. Application du théorème de Meusnier“ въ *Mémoires de la société royale des sciences de Liège*, „Общій способъ интегрированія двухъ совиѣстныхъ уравненій съ частными производными 1-го порядка при двухъ зависимыхъ и независимыхъ переменныхъ“ въ „Московскомъ математическомъ сборникѣ“; *Лазаревичъ* — „Описаніе неправильныхъ тазовъ, хранящихся въ кабинетѣ акушерской клиники Харьковскаго университета“ въ изданіи Лондонскаго акушерскаго общества; *Лашкевичъ* — „Наблюденіе о syphilis hereditaria tarda“ и „Къ этиологій болѣзни сердца“; *Кремлинскій* — „О дѣйствіи Эссентукскихъ минеральныхъ водъ на организмъ“ въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“; „О патолого-анатомическихъ явленіяхъ у собакъ подъ вліяніемъ эссентукской соленощелочной воды, называемой № 17“ въ „Журналѣ для нормальной и патологической гистологій“, „О дѣйствіи различныхъ Кавказскихъ минеральныхъ ваннъ на вѣсъ и температуру тѣла, пульсъ и дыханіе“, читано въ обществѣ опытныхъ наукъ медицинской секціи; экстраординарный профессоръ *Латермаркъ* — „Объ изомерныхъ соединеніяхъ $C_{12}H_{10}BrS$ “ въ „Журналѣ русскаго химическаго общества“; доценты: *Цитовичъ* — „Деньги въ области гражданскаго права“; *Потебня* — „Замѣтки по

исторической грамматики русскаго языка“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ въ „Филологическихъ Запискахъ“; *Кириичниковъ*—„Поэмы Ломоносовскаго цикла“; *Дриновъ*—„Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“, „Вопросъ за Българската и Сръбска церкви прѣдъ съдилището на Ліонскій съборъ“, „Три грамоты императора Василя II“ въ Періодическомъ описаніи Болгарскаго ученаго общества Бранля; стипендіатъ при университетѣ (нынѣ приватъ-доцентъ) *Парицкій*—„Опредѣленіе географической широты астрономической башни Харьковскаго университета“.

Въ 1873 году публичныя лекціи читали бесплатно ординарные профессора: Бекетовъ—по предмету технической химіи, Ковальскій—по практической механикѣ и экстраординарный профессоръ Яцукъ—по технологіи.

Въ 1873 году Харьковскимъ университетомъ утверждены: въ степени доктора медицины—Каспарьянцъ, Яковенко, Ивановъ, Горелейченко, Габетинъ и Пономаревъ; въ степени доктора гражданскаго права—Цитовичъ, въ степени магистра русской словесности—Колозовъ. Затѣмъ удостоены: степени кандидата—36, званія дѣйствительнаго студента—35, лекаря—26, уѣзднаго врача—25, провизора—37, аптекарскаго помощника—39, даятиста—2, повивальной бабки—35.

Съ Высочайшаго соизволенія командированы были за границу съ ученою цѣлю профессора Лазаревичъ и Якобій, лекторъ фонъ-Видертъ и лаборантъ Богомоловъ. Командированы были въ Казань для принятія участія въ съѣздѣ естествоиспытателей: профессоръ Ценковский, лаборанты Кроявскій и Эльтековъ, помощники лаборантовъ Пенго и Рейнгардтъ и стипендіаты университета Погорѣлко и Гладкій.

Студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ къ 1-му января 1873 года было 448; въ теченіе года вновь поступило 81, въ томъ числѣ: изъ гимназій—34, изъ духовныхъ семинарій—30, изъ другихъ университетовъ и Медико-Хирургической академіи—7, изъ бывшихъ студентовъ Харьковскаго университета—10; въ теченіе года выбыло: до окончанія курса—47, по окончаніи курса—93, всего 140; затѣмъ къ 1-му января 1874 года оставалось 389, которые были распределены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ—20, въ юридическомъ—165, въ физико-математическомъ—42 (по отдѣленію математическихъ наукъ—26, по отдѣленію наукъ естественныхъ—11, по отдѣленію наукъ физико-химическихъ—5), въ медицинскомъ—162. Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1873

года состояло 76; въ теченіе года поступило 29, въ томъ числѣ: лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ—15, аптекарскихъ помощниковъ—9, ветеринарныхъ помощниковъ—5; въ теченіе года вышло—76, изъ нихъ до окончанія курса—21, по окончаніи курса—55; затѣмъ 1-му января 1874 года оставалось—29. Независимо отъ сего, въ 18^{73/74} учебномъ году слушали въ Харьковскомъ университетѣ лекціи 134 студента мѣстнаго ветеринарнаго института. Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первой половинѣ 1873 года—233, что составляетъ 52%, и во второй половинѣ—219, то-есть, 56,2% общаго числа. Изъ состоявшихъ къ 1-му января 1874 года студентовъ пользовались стипендіями—104 лица, въ томъ числѣ: на счетъ суммъ государственнаго казначейства—88 (размѣръ стипендій отъ 250 до 340 руб.), на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ—13 (отъ 200 до 325 руб.), на счетъ Тамбовской губернской земской управы—1 (200 руб.), на счетъ Курскаго дворянскаго депутатскаго собранія—1 (197 руб.), на счетъ Екатеринославскаго дворянства—1 (138 руб. 50 коп.).

По финансовой смѣтѣ на содержаніе Харьковскаго университета въ 1873 году ассигновано было 304.704 руб. 86 коп., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава съ присоединеніемъ экстраординарнаго кредита—182.483 руб. 74 коп.; на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы съ присоединеніемъ экстраординарнаго кредита—119.721 руб. 12 коп., обществу испытателей природы, учрежденному при университетѣ—2.500 руб. Специальныхъ средствъ поступило 27.420 руб. 49 коп., именно: сбора со студентовъ за слушаніе лекцій—9.800 руб., процентовъ и остатковъ отъ процентовъ за прежніе годы съ пожертвованныхъ капиталовъ—12.652 руб. 49 коп., валоваго дохода университетской типографіи—4.968 руб. Вся сумма специальныхъ средствъ израсходована вполне.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ университета числилось на лицо 43.417 названій въ 84.616 томахъ; студентское отдѣленіе библіотеки заключало 1.628 названій. Въ астрономическомъ кабинетѣ состояло 223 нумера инструментовъ, разныхъ приборовъ и книгъ. Въ теченіе 1873 года студенты производили наблюденія съ помощію универсальнаго инструмента. Въ физическомъ кабинетѣ имѣлось 564 нумера. Изъ приобретенныхъ приборовъ, общая стоимость которыхъ составляетъ 608 руб., особеннаго вниманія заслуживаетъ баттарей въ 60 элементовъ новой конструк-

ція съ выдвижными цинками. Въ кабинетѣ физической географіи находилось 40 номеровъ, а въ метеорологической обсерваторіи—37. Въ химической лабораторіи числилось 1.964 номера. Въ лабораторіи произведены были слѣдующія изслѣдованія: помощникомъ лаборанта Эльтековымъ—превращеніе бромистаго изобутила въ бромюръ триметилъ-карбинола и бромистаго изоамила въ бромисто-водородный амиленъ; лаборантъ Кропскій произвелъ большое число анализовъ для правительственныхъ учреждений и частныхъ лицъ, а именно: а) для Херсонской губернской земской управы—анализъ посуды, содержащей свинецъ; б) для Кубанской области—анализъ минерала, содержащаго селитру; в) анализъ различныхъ водъ (одна изъ минеральныхъ водъ доставлена изъ Самарской губерніи); г) анализы свинцовыхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и другихъ рудъ; д) соды, хинина, спирта и другихъ веществъ, въ которыхъ оказались подмѣсы. Число всѣхъ лицъ, для которыхъ произведены анализы, доходило до двадцати. Кромѣ того, г. Кропскій занимался изслѣдованіемъ дѣйствія амміака въ присутствіи свѣта на фосфоръ и дѣйствія тока на углекислоту. Студенты 2-го курса медицинскаго факультета и студенты 2-го, 3-го и 4-го курсовъ физико-химическаго и естественно-историческаго разрядовъ занимались анализомъ и другими работами. Изъ студентовъ занимались специально органическою химіею, подъ руководствомъ профессора Лагермарка, слѣдующіе: студентъ 2-го курса физико-химическаго разряда Словесскій изслѣдовалъ продукты разложенія метиловыхъ эфировъ лимонной кислоты при сухой перегонкѣ; студентъ 2-го курса физико-химическаго разряда Осиповъ занимался изученіемъ дѣйствія обыкновеннаго амилена на сѣрную кислоту, разведенную на половину по объему воды; при этомъ, какъ показали изслѣдованія, образуется ненормальный амиловый спиртъ, по видимому, третичный, то-есть, диметаль-этилъ-карбонатъ; студентъ 3-го курса естественнаго разряда Гордѣенко занимался изслѣдованіемъ продуктовъ разложенія хинина подъ влияніемъ безводной корболовой кислоты. Членъ общества опытныхъ наукъ Щербачевъ, продолжая заниматься вопросомъ о диссоціаціи гидратовъ солей въ растворахъ, замѣтилъ влияніе одной соли на растворимость другой съ повышеніемъ температуры и объяснилъ, на основаніи своихъ опытовъ, образованіе твердыхъ осадковъ въ котлахъ (такъ-называемый котельный камень). Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи ежедневно, отъ 9-ти до 2-хъ часовъ, занимались студенты 2-го, 3-го и 5-го курсовъ медицинскаго факультета экспериментальнымъ повторе-

ніемъ слышаннаго ими на лекціяхъ, приготовленіемъ препаратовъ, изученіемъ метода изслѣдованія животныхъ жидкостей какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ. Къ 1-му января 1874 года состояло въ лабораторіи 167 номеровъ приборовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ состояло 12.097 номеровъ. Коллекціи и приборы кабинета служили для демонстрацій при лекціяхъ и для практическихъ упражненій студентовъ. Въ кабинетѣ геологическомъ съ палеонтологическимъ собраніемъ находилось 4.715 номеровъ окаменѣлостей, горныхъ породъ, геологическихъ картъ, сочиненій и инструментовъ. Въ ботаническомъ садѣ имѣлось до 3.500 видовъ растений, разводимыхъ и дико растущихъ и до 300 видовъ сѣмянъ растений. Въ ботаническомъ кабинетѣ состояло 732 номера коллекцій и разныхъ предметовъ. Въ зоологическомъ кабинетѣ всѣхъ предметовъ состояло 16.923. Изъ приобрѣтеній 1873 года особенно замѣчательны: а) коллекція жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, пожертвованная почетнымъ членомъ Д. А. Донецъ-Захаржевскимъ, заключающая 2.310 родовъ Coleoptera и много насѣкомыхъ изъ другихъ порядковъ, окончательно еще не опредѣленныхъ, и б) коллекція разныхъ экзотическихъ формъ животныхъ, купленная у Сальмина въ Гамбургѣ. Специальными работами были заняты студенты: Рейнгартъ—животными наукообразными, и Штандель—нематодами. Предметы зоологическаго кабинета служили постоянно для демонстрацій при преподаваніи; въ зоологической лабораторіи студенты занимались практическими упражненіями по систематикѣ животныхъ. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіею состояло 1.696 номеровъ препаратовъ, моделей, книгъ, инструментовъ и проч. Кабинетъ служилъ пособіемъ при преподаваніи сравнительной анатоміи, гистологіи животныхъ и эмбриологіи; въ лабораторіи занимались практически студенты 2-го, 3-го и 4-го курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ. Въ физиологическомъ кабинетѣ съ лабораторіею находилось вещей 287 номеровъ. Изъ приобрѣтенныхъ въ 1873 году наиболѣе замѣчательны: 5 камертоновъ, настроенныхъ на тоны гласныхъ, съ 5-ю резонаторами къ нимъ, и гальваническая баттарей изъ 40 элементовъ Гренеля. Въ лабораторіи производились постоянно опыты, служащіе для демонстрацій студентамъ при чтеніи курса физиологіи. Практически занимались въ лабораторіи 3 студента, 1 кандидатъ и 1 лекаръ. Въ кабинетѣ общей патологіи находилось 187 номеровъ разныхъ предметовъ. Занятія заключались въ самостоятельныхъ опытныхъ работахъ студентовъ высшихъ курсовъ и въ практическомъ изученіи гистологической па-

тологін студентами 3-го курса. Въ технологическомъ кабинетѣ съ лабораторією состояло 1.250 нумеровъ. Приобрѣтенія 1873 года, въ числѣ 50 нумеровъ, состояли исключительно изъ принадлежностей лабораторій, между которыми самое капитальное — перегонный снарядъ съ паровикомъ пятнатмосфернаго давленія. Занятія въ лабораторіи, кромѣ демонстрацій на лекціяхъ, состояли въ упражненіи студентовъ 3-го и 4-го курсовъ физико-химическаго разряда въ качественномъ и количественномъ анализѣ. Въ агрономическомъ кабинетѣ было 1.459 предметовъ. Въ музеѣ физиологической анатоміи имѣлось 910 нумеровъ препаратовъ, книгъ, рисунковъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, для практическаго изученія анатоміи студентамъ выдавались препараты, которыми обладаетъ анатомическій музей. Для практическихъ работъ надъ трупами студентамъ 1-го и 2-го курса служили 84 трупа. Самыя практическія занятія студентовъ въ музеѣ были ведены подъ руководствомъ профессора анатоміи, при чемъ упражнялись студенты 1-го курса на 206, а студенты 2-го курса на 87-ми препаратахъ. Лекціи анатоміи сопровождались демонстрированіемъ какъ свѣже-приготовленныхъ къ лекціи препаратовъ на трупахъ, такъ равно и при помощи всѣхъ вспомогательныхъ средствъ кабинета. Въ музеѣ патологической анатоміи находилось патолого-анатомическихъ препаратовъ, книгъ, инструментовъ и разныхъ принадлежностей 1.115 нумеровъ. Постоянныя практическія занятія въ рабочемъ отдѣленіи патолого-анатомическаго музея и кабинета состояли: а) въ патолого-анатомическомъ вскрытіи труповъ; б) въ ознакомленіи студентовъ и слушателей съ свѣжимъ патологическимъ матеріаломъ болѣзненно-измѣненныхъ органовъ какъ изъ клиническихъ, такъ и изъ другихъ труповъ; в) въ упражненіи учащихся, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и надзоромъ профессора, въ гистологическихъ изслѣдованіяхъ болѣзненно-измѣненныхъ тканей и органовъ, и г) въ изготовленіи патолого-анатомическихъ препаратовъ для музея. Временными занятіями были отдѣльными изслѣдованіи болѣе выдающихся патолого-анатомическихъ измѣненій органовъ, разработка нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, производившаяся частію студентами, частію врачами, и составленіе систематической описи препаратовъ патолого-анатомическаго музея, основанной на началахъ патологической гистологіи. По спеціальнымъ вопросамъ докторомъ Горелейченко произведены нѣкоторыя наблюденія и изслѣдованія: „О вліяніи пельвиперитонита на происхожденіе отклоненій матки“ и начаты наблюденія надъ вліяніемъ подкож-

ныхъ впрыскиваній эрготиива на сосуды при воспаленіи; докторомъ Пономаревымъ начаты и продолжаются изслѣдованія: а) о развитіи и ростѣ раковыхъ опухолей матки, б) объ измѣненіяхъ нервовъ роговой оболочки при воспаленіи; студентомъ Дмитревскимъ предпринято подробное гистологическое изслѣдованіе органовъ въ одномъ случаѣ лейкеміи. Составленіе систематической описи препаратовъ музея начато и окончено профессоромъ Крыловымъ во время лѣтнихъ каникулъ, при чемъ въ необходимыхъ для этого гистологическихъ изслѣдованіяхъ принимали дѣятельное и полезное участіе лекаря Бергъ и Гиршовскій. Въ гистологическомъ кабинетѣ состояло разныхъ предметовъ 156 нумеровъ. Въ теченіе года занимались практическою гистологіей студенты 1-го и 2-го курсовъ, между прочимъ и въ часы свободные отъ лекцій. Студентъ 4-го курса Солодихинъ произвелъ изслѣдованіе надъ вырожденіемъ перерѣзанныхъ нервовъ, удостоенное совѣтомъ университета золотой медали. Въ фармацевтической лабораторіи находилось 325 нумеровъ препаратовъ и 18 сочиненій въ 19 томахъ. Въ лабораторіи занималось фармацевтовъ, державшихъ экзаменъ на степень провизора — 37, на степень аптекарскаго помощника—39 и нѣсколько аптекарскихъ учениковъ. Въ теченіе всего года въ лабораторіи производились различныя фармацевтическо-химическіе опыты и приготовленія. Практическими занятіями для студентовъ по судебной медицинѣ служили вскрытія труповъ, производившіяся студентами-медиками 4-го и 5-го курсовъ подъ руководствомъ профессора; при вскрытіяхъ были демонстрированы важнѣйшіе признаки въ судебно-медицинскомъ отношеніи посредствомъ различныхъ методовъ, приложимыхъ къ каждому данному случаю, при помощи микроскопа, надуванія, погруженія въ воду и другихъ способовъ изслѣдованія. Въ теченіе года произведено было болѣе 40 вскрытій. Въ терапевтической клиникѣ занятія состояли, какъ и въ прежніе годы, въ чтеніи клиническихъ лекцій студентамъ, совмѣстномъ съ ними разборѣ стаціонарныхъ больныхъ и въ приѣмѣ амбулаторныхъ больныхъ. Стаціонарныхъ больныхъ въ 1873 году было 139; изъ нихъ вновь прибывшихъ 121, отъ 1872 года оставалось 18; больныхъ приходящихъ было 1028, такъ что общее число больныхъ составляло 1.167. Изъ стаціонарныхъ больныхъ вышло — 106, умерло—17, оставалось къ 1-му января 1874 года — 16. Изъ числа выбывшихъ больныхъ этой категоріи большинство окончательно выздоровѣло; меньшая часть получила значительное облегченіе; нѣсколько человѣкъ не получили никакого облегченія и трое оставили клинику

часть CLXXVI, отд. 4.

съ ухудшеніемъ здоровья. Въ клиникѣ начаты были двѣ самостоятельныя работы: „О фізіологическомъ дѣйствіи и терапевтическомъ употребленіи кокаина“, принадлежащая ординатору Данини, который наблюденія свои по этому предмету производилъ на клиническихъ больныхъ, и „О дѣйствіи двууглекислаго натра на организмъ собакъ“, принадлежащая студенту Ломиковскому. Отдѣлъ этой работы: „О вліяніи двууглекислаго натра на содержаніе сахара въ печени“ произведетъ въ кабинетѣ терапевтической клиники подъ руководствомъ профессора Лашкевича. Въ кабинетѣ клиники разныхъ аппаратовъ и инструментовъ, вмѣстѣ съ книгами, имѣлось 224 нумера. Въ состоящемъ при терапевтической клиникѣ Маньковскомъ электролечебномъ заведеніи книгъ и разныхъ вещей находилось 387 нумеровъ; больныхъ въ 1873 году было 264. Въ хирургической клиникѣ въ теченіе 1873 года пользовалось 2.230 больныхъ, изъ нихъ стационарно—179. Изъ послѣднихъ выздоровѣло вполне—118, получило облегченіе—25, вышло безъ операцій—20, умерло—16, то-есть, 9% общаго числа больныхъ. Операцій произведено было около 600, изъ нихъ студентами—болѣе 100. Занятія студентовъ состояли: а) въ изслѣдованіи стационарныхъ больныхъ и веденіи исторій ихъ болѣзней, при чемъ многія изъ этихъ исторій читались въ аудиторіи и подробно разбирались директоромъ клиники; б) въ микроскопическомъ и химическомъ изслѣдованіи болѣзненныхъ продуктовъ; в) въ упражненіи въ изслѣдованіи внутренностей уха, гортани и другихъ полостей, доступныхъ хирургическому изслѣдованію, и г) въ производствѣ операцій на живыхъ и на трупахъ, подъ руководствомъ директора клиники. Въ хирургическомъ кабинетѣ состояло на лицо 1.290 нумеровъ. Изъ офтальмологической клиникѣ больныхъ въ 1873 году было 1.773, изъ нихъ стационарныхъ—118. Изъ числа послѣднихъ совершенно выздоровѣло—56, получило значительное облегченіе припадковъ болѣзни и улучшенія зрѣнія—38, оставило клинику безъ существеннаго улучшенія—14, осталось въ клиникѣ—10. Изъ стационарныхъ больныхъ произведено 100 операцій, въ томъ числѣ ординаторомъ клиники—4, и студентами 5-го курса—3. Амбулаторнымъ сдѣлано 124 операціи, въ томъ числѣ ординаторомъ клиники—12, студентами 5-го курса—4 операціи. Сверхъ того, полноклинически произведено 79 операцій. Занятія студентовъ въ теченіе года состояли: а) въ подробномъ изслѣдованіи стационарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ и въ разборѣ болѣзней сообща съ завѣдывающимъ клиникою; б) въ веденіи исторій болѣзней; в) въ производствѣ операцій на

живыхъ; г) въ упражненіяхъ производства операцій на фантомѣ, надъ вырѣзанными глазами животныхъ, и д) въ упражненіяхъ въ разнообразныхъ методахъ изслѣдованія и леченія глазъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ студентовъ 5-го курса, вѣ клиническихкихъ занятіяхъ, наблюдали за болѣе серьезными больными и оперированными на дому, поликлинически, подъ руководствомъ заведывающаго клипкою, и производили даже значительныя операціи. Клиника акушерская, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней съ оснопрививательнымъ заведеніемъ въ 1873 году просуществовала всего три мѣсяца. Она была закрыта 10-го марта, по случаю прекращенія срока пайма занимаемаго ею помѣщеніи. Только къ началу декабря оказалось возможнымъ открыть ее въ домѣ, принадлежащемъ городу. Въ короткое существованіе клиники, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1873 года, нѣкоторые изъ студентовъ занимались самостоятельными работами. Такъ, Вѣлинъ приготовилъ къ печати статью объ изслѣдованіи гимена; студентъ Смоленскій производилъ измѣреніе живота беременныхъ и объ этомъ предметѣ приготовлялъ статью для напечатанія; стипендіатъ-лекаръ Фесенко занимался наблюденіями надъ колебаніями вѣса и температуры новорожденныхъ. Студенты вели исторію родовъ и болѣзней съ достаточною подробностію, добросовѣстно записывая ежедневныя наблюденія и прилагая заключенія о каждомъ случаѣ. Всѣхъ пользовавшихся совѣтами въ клиникѣ акушерской и гинекологической въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 1873 года было 311. Изъ нихъ больныхъ женскими болѣзнями было: стационарныхъ—35, амбулаторныхъ—172, беременныхъ было 28 и амбулаторныхъ дѣтей—46. Изъ стационарныхъ больныхъ женскими болѣзнями умерла одна, шесть оставили клинику безъ перемѣны, остальные или выздоровѣли, или получили облегченіе. Въ повивальномъ клиническомъ институтѣ состояло 87 ученицъ. Въ музей изящныхъ искусствъ къ 1-му января 1873 года состояло 1.360 нумеровъ предметовъ. Въ теченіе 1873 года приобрѣтено 7 нумеровъ, въ томъ числѣ пожертвованная музеемъ Государств. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ большая картина: Видъ города Кострома, писанная масляными красками Н. Чернецовымъ. Сверхъ того, музей въ томъ же году обогатился большимъ художественнымъ собраніемъ, пожертвованнымъ по завѣщанію умершимъ въ Лоннѣ въ 1872 году любителемъ искусствъ А. Н. Алферовымъ, бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета. Собраніе это, оцѣненное за границею въ 13.000 талеровъ, состоитъ изъ 50 картинъ, писанныхъ масляными красками, 4-хъ папокъ съ 316 акварелями и рисунками

прошлаго и настоящаго столѣтій, обширнаго собранія (до 800) гравюръ старыхъ и новыхъ и изъ библіотеки, содержащей болѣе 500 названій книгъ, между которыми около 200 принадлежать къ сочиненіямъ по искусству и къ художественнымъ изданіямъ. Въ собраніи монетъ и медалей состояло 22.256 экземпляровъ.

— 30-го августа происходилъ въ Варшавскомъ университетѣ торжественный актъ, на которомъ г. ректоръ университета, Н. М. Благовѣщенскій, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Въ числѣ обычныхъ своихъ почетныхъ гостей, университетъ не видитъ сегодня того, присутствіемъ котораго онъ всегда такъ дорожилъ, не видитъ доблестнаго воина и знаменитаго государственнаго челоука, имя котораго съ почетомъ перейдетъ на страницы русской исторіи. Покойный намѣстникъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ графъ Федоръ Федоровичъ Бергъ глубоко понималъ значеніе Императорскаго Варшавскаго университета и благосклонно относился къ нашей дѣятельности. Благодарная о немъ память навсегда сохранится въ нашей средѣ, и то не простая случайность, что въ рѣчи одного изъ достойныхъ ея представителей объ экономическомъ развитіи Царства Польскаго за послѣднее десятилѣтіе, которая будетъ представлена вашему вниманію вслѣдъ за моимъ словомъ, такъ ярко, хотя нисколько не предвѣренно, обозначились тѣ благодѣтельные слѣды, которые оставило по себѣ доблестное служеніе покойнаго намѣстника интересамъ Привислянскій окраины.

„Императорскій Варшавскій университетъ въ первый разъ имѣетъ честь привѣтствовать сегодня на своемъ обычномъ торжествѣ новаго главнаго начальника здѣшняго края. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, сіятельный графъ, то теплое и просвѣщенное участіе въ дѣлу народнаго образованія, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, начиная отъ народнои школы до университета, которое вы такъ постоянно и плодотворно занимали въ только что оставленномъ вами Новороссійскомъ краѣ; всѣмъ намъ памяты тѣ благородныя и душевныя благожеланія, которыми еще такъ недавно напутствовало васъ учное его сословіе на мѣсто новаго вашего высокаго служенія. Позвольте же мнѣ, ваше сіятельство, отъ имени нашей университетской корпораціи, заявить отраднѣю для насъ надежду, что тѣ же благовольтельныя отношенія вы перенесете и на нашъ университетъ и вашимъ одобрительнымъ сочувствіемъ облегчите намъ нашъ не легкій подвигъ.

„Варшавскій университетъ—могу сказать это съ полною добросовѣстностью—усилью стремится выполнить свою высокую миссію. Для

этого въ настоящую пору онъ обладаетъ всѣми средствами, дарованными ему Высочайше утвержденнымъ его устаномъ. Къ сожалѣнію, въ подтвержденіе этого заявленія, я не могу, за недостаткомъ времени, остановить ваше вниманіе на всѣхъ подробностяхъ нашей университетской жизни въ минувшемъ академическомъ году. Потому остановлюсь на болѣе выдающихся ея проявленіяхъ.

„Вступая въ 6-й годъ своего существованія, Варшавскій университетъ является въ надлежащей полнотѣ, относительно своего ученаго состава. Въ настоящее время въ немъ почти нѣтъ вакантныхъ кафедръ. Наша ученая корпорація увеличилась въ минувшемъ году двумя новыми достойными членами: протоіереемъ Дьячпомъ, въ качествѣ исполняющаго должности доцента греческой словесности, и экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русской исторіи, Никитскимъ. Благодаря щедрости правительства и въ особенности благосклонному участию къ нашимъ научнымъ нуждамъ со стороны его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, университетъ получилъ въ недавнее время значительный сверхсметный кредитъ на улучшение внѣшняго вида и специальныхъ потребностей своихъ многочисленныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений. Многія изъ нихъ, напримѣръ, бібліотека, заключающая въ себѣ болѣе 300 тысячъ томовъ, зоологическій музей и нѣкоторые другіе, ни въ какомъ отношеніи не уступаютъ подобнымъ же университетскимъ учрежденіямъ не только въ Имперіи, но и въ остальной Европѣ.

„Собранныя въ означенныхъ коллекціяхъ сокровища не остаются у насъ мертвымъ капиталомъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служить усиливающаяся въ нашемъ университетѣ учено-литературная дѣятельность его членовъ. Многіе изъ нихъ и въ минувшемъ академическомъ году обогатили науку, въ разныхъ ея отрасляхъ, своими замѣчательными трудами. Здѣсь же и долженъ упомянуть, что съ нѣкотораго времени Варшавскій университетъ началъ принимать живое и дѣятельное участіе въ ученыхъ сѣздахъ, періодически повторяющихся въ разныхъ нашихъ культурныхъ центрахъ. Такъ на недавнемъ сѣздѣ натуралистовъ, происходившемъ въ Казани, Варшавскій университетъ имѣлъ пять изъ своихъ представителей и столько же ихъ было на только что окончившемся археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ, а именно: гг. Мѣржинскій, Павинскій, Самоковцовъ, Никитскій и Яковлевъ. Кроме того, нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ принимали участіе въ экспедиціяхъ, имѣвшихъ цѣлю научныя изслѣдо-

ванія здѣшного края и, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ заграничныхъ ученыхъ сѣздахъ.

„Переходя отъ преподавателей нашего университета къ его слушателямъ, я и на этотъ разъ не безъ понятнаго чувства удовольствія могу сказать, что и въ минувшемъ году со стороны ихъ не было почти ни одного, сколько нибудь рѣзкаго, уклоненія отъ дисциплинарныхъ правилъ, за несуклопнымъ исполненіемъ которыхъ университетская администрація слѣдитъ зорко и тщательно. Къ числу знаменательныхъ и отрадныхъ явленій въ нашемъ учащемся мірѣ принадлежитъ также замѣтно съ нѣкоторыхъ поръ увеличивающееся число чисто русскихъ студентовъ. Въ наступающемъ академическомъ году ихъ, кромѣ уніатовъ, будетъ до 60. Многіе изъ нихъ явились сюда изъ внутреннихъ и отдаленныхъ губерній Имперіи. Есть поводъ думать, что этотъ притокъ русскаго элемента въ Варшавскій университетъ со временемъ увеличится еще болѣе. Мы счастливы тѣмъ, что можемъ служить не только здѣшнымъ мѣстнымъ педагогическимъ потребностямъ, но и общему нашему отечеству, которое, при быстромъ развитіи просвѣщенія во всѣхъ составныхъ частяхъ Имперіи, все болѣе и болѣе нуждается въ университетской наукѣ, и виѣсть съ тѣмъ, въ новыхъ образовательныхъ центрахъ. Въ настоящее время Варшава представляетъ хорошую научную и воспитательную почву для всѣхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Служеніе Варшавскаго университета общерусскому дѣлу въ истекшемъ году выразилось и тѣмъ, что два Казанскіе кандидата, гг. Смирновъ и Зеленогорскій, выдержали здѣсь испытаніе и защитили диссертациі на степень магистра философіи.

„Испытанія которыми заключился нашъ академическій годъ, снова подтвердили уже прежде замѣченное мною отрадное явленіе, а именно то, что удовлетворительные отвѣты нашихъ студентовъ находятся въ тѣсной связи съ усерднымъ посѣщеніемъ ими лекцій. Главная характеристическая черта этихъ отвѣтовъ состоитъ въ ихъ ровности, которая, очевидно, является не дѣломъ простаго случая, а результатомъ постоянного и добросовѣстнаго труда въ теченіе всего учебнаго времени. При этомъ нельзя также было не обратить вниманія на замѣтные успѣхи нашихъ студентовъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ знаніи русскаго языка. Многихъ изъ нихъ очень трудно отличить въ этомъ отношеніи отъ лицъ чисто русскаго происхожденія.

„Для того, чтобы поддержать и надлежащимъ образомъ направить

это рѣшеніе къ наукѣ въ средѣ нашего университетскаго юношества, начальствомъ университета и его совѣтомъ принято было, съ разрѣшенія г. попечителя, въ истекшемъ году нѣсколько мѣрь, изъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о студентской читальнѣ. На первоначальное ея устройство г. министру народнаго просвѣщенія угодно было разрѣшить 3.000 рублей изъ нашихъ спеціальныхъ суммъ. Помѣщеніе для читальни отведено въ нижнемъ этажѣ нашего бібліотечнаго зданія и отличается просторомъ и удобствомъ. Въ читальню проведенъ газъ, такъ какъ она открыта не только въ утренніе часы, но и по вечерамъ, три раза въ недѣлю. На столахъ и въ особыхъ помѣщеніяхъ, рядомъ съ нѣкоторыми періодическими изданіями, выложены лексиконы, атласы и разныя справочныя книги по всѣмъ читаемымъ въ университетѣ наукамъ. Кромѣ того, студенты имѣютъ право пользоваться книгами изъ нашей богатой фундаментальной бібліотеки, и при томъ не только въ ея помѣщеніи, но и дома. Нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что тѣ изъ нихъ, а такихъ очень много, которые въ своей домашней обстановкѣ не находятъ надлежащаго комфорта для занятій, предпочитаютъ работать въ читальнѣ. Здѣсь они не только могутъ съ большимъ удобствомъ готовиться къ лекціямъ и экзаменамъ, но и заниматься подготовленіемъ письменныхъ работъ на избранныя ими, или предлагаемыя факультетамъ, темы. Для того, чтобы, по возможности, удовлетворить исполнѣ сознаваемой здѣшнимъ мѣстнымъ юношествомъ необходимости ближайшаго ознакомленія съ разными сторонами русской жизни, составляющаго одну изъ главныхъ цѣлей нашего университета. въ читальнѣ уже теперь собрана очень замѣчательная коллекція русскихъ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, какъ научнаго, такъ и беллетристическаго содержанія.

Съ этою же цѣлю въ смежныхъ съ читальнею залахъ отведено въ минушемъ году помѣщеніе для принадлежащаго доценту Іезебръ русскаго этнографическаго музея, который заключаетъ въ себѣ до 20 тысячъ разнообразнѣйшихъ предметовъ. Почтенный владѣлецъ этой коллекціи употребилъ на составленіе ея много времени и труда. Многие изъ выставленныхъ предметовъ опъ получилъ въ даръ отъ лицъ, сочувственно отнесшихся къ его предпріятію. Нельзя, конечно, сказать, чтобы русская техническая культура выказывалась въ этомъ музеѣ съ блестицей своей стороны. Для этого доцентъ Іезебры не имѣлъ достаточно денежныхъ средствъ, но и теперь его коллекція представляетъ не малый этнографическій интересъ. Весьма желательно, чтобы подобная же коллекція составила изъ предметовъ, облегчаю-

щихъ изученіе этнографическихъ особенностей здѣшняго края. Университетъ, разумѣется, гостепріимно открылъ бы свои двери и для этого собранія.

„Возвращаясь къ нашимъ студентамъ, замѣчу еще, что, въ видахъ усиленія ихъ учебной дѣятельности, совѣтъ опредѣлилъ въ минувшемъ году увеличить число ежегодныхъ темъ на медальныя диссертации. Для предоставленія же студентамъ возможности къ болѣе тщательной обработкѣ сочиненій на заданныя темы, совѣтъ нашелъ необходимымъ установить правиломъ, что если на какую-нибудь изъ заданныхъ темъ не будетъ вовсе представлено диссертаций, или если онѣ окажутся неудовлетворительными, то тема должна оставаться открытою и на слѣдующій годъ

„Матеріальное положеніе нашихъ студентовъ, число которыхъ въ послѣднюю пору, вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ и временныхъ условій, нѣсколько уменьшилось, также постоянно составляло предметъ особенной заботливости университетской администраціи. Мѣрами къ облегченію ихъ верѣдко бѣдственнаго положенія по прежнему служили: 1) стипендіи, 2) освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, въ количествѣ, согласно уставу университета, 10% со всего числа учащихся, и 3) единовременныя пособія.

„Изъ числа имѣющихся въ распоряженіи нашего университета стипендій, 22 выдаются студентамъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 25 изъ спеціальныхъ средствъ университета, а всѣ остальные—изъ частныхъ пожертвованій. Общая сумма стипендіальныхъ пособій составляетъ 20.760 руб. 97 коп. Въ минувшемъ году число университетскихъ стипендій увеличилось тѣми, которые должны были образоваться изъ процентовъ съ капиталовъ, пожертвованныхъ съ этою цѣлю покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Воловскимъ, деканомъ бывшей Варшавской Главной Школы, и покойнымъ же Фраппемъ Корвиномъ-Шимаповскимъ,—первымъ въ количествѣ 3.000, а вторымъ—6.000 рублей.

„Опытъ достаточно и оочпательно убѣдилъ насъ въ томъ, что третій изъ названныхъ источниковъ вспоможенія нашимъ студентамъ, значительное большинство которыхъ состоитъ изъ людей крайне бѣдныхъ, имѣетъ особенное и весьма благотворное значеніе. Дѣйствительно, не рѣдко ничтожное временное пособіе выводитъ молодаго чловѣка изъ безвыходнаго положенія, а иногда имѣетъ рѣшительное вліяніе на всю остальную его жизнь. Сознавая это, университетъ, со времени своего открытія, ежегодно назначаетъ изъ своихъ спеціаль-

ныхъ суммъ по 1.000 руб. для единовременныхъ пособій наиболѣе нуждающимся студентамъ. Сумма эта, однако, далеко недостаточна для ихъ обезпеченія. Это обстоятельство вызвало необходимость частной благотворительности, которая — я говорю это съ понятнымъ чувствомъ благодарности — постоянно является на помощь университету. Съ публичныхъ лекцій, концертовъ, баловъ и т. д., ежегодно собирается довольно значительная сумма. Въ прошломъ году такихъ пожертвованій поступило до 5.000 руб., чему наиболѣе содѣйствовали гг. Равичъ, Потканскій, Мюнгеймеръ и Аполлинарій Коптскій.

„Для правильнаго распредѣленія временныхъ пособій между бѣдными студентами, при университетѣ учрежденъ, подъ предѣлательствомъ ректора, особый комитетъ, членами котораго состоятъ инспекторъ и 4 профессора, по одному отъ каждаго факультета, а именно профессора: Александровичъ, Тыховскій, Струве и Кашница. Мы увѣрены въ томъ, что эти, пользующіеся въ здѣшнемъ обществѣ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ, имена могутъ служить для всякаго жертвователя достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что временныя пособия въ пользу бѣдныхъ студентовъ распредѣляются между ними вполне добросовѣстно и нелицепріятно. Уже одной этой причины достаточно для того, чтобы университетъ, съ своей стороны, не видѣлъ необходимости въ учрежденіи внѣ его особыхъ благотворительныхъ комитетовъ.

„Г. попечитель Варшавскаго учебнаго округа изъ находящихся въ его распоряженіи суммъ распредѣлилъ между 13 студентами, по 25 руб. на каждаго, всего 325 руб.

„Долгомъ считаю упомянуть также о томъ, что здѣшній банкиръ г. Лессеръ Леви предложилъ мнѣ обращать къ нему нашихъ бѣдныхъ студентовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по моей рекомендаціи, уже воспользовались его помощію.

„Всѣ означенныя пособія и пожертвованія, къ сожалѣнію, далеко недостаточны для обезпеченія всей массы нашей пеннущей молодежи. Для облегченія ея, университетская администрація въ минувшемъ году, съ разрѣшенія г. попечителя, который постоянно съ полнымъ сочувствіемъ относится ко всѣмъ нашимъ полезнымъ для университета начинаніямъ, и на основаніи устава, приняла еще одну мѣру, успѣвшую уже оказать хорошія послѣдствія. Я разумѣю отсрочку платы за слушаніе лекцій. До послѣдняго времени, по принятому въ Варшавскомъ университетѣ правилу, означенный 50-рублевый взносъ производился студентами два раза въ годъ, а именно 1-го сентября

и 1-го января. Эти сроки, однако, никогда не считались окончательными и обыкновенно отдалались на нѣкоторое время, такъ какъ постоянно оказывалось, что цѣлыя сотни студентовъ не въ состояніи были своевременно удовлетворить означенному требованію. Всѣ такіе студенты лишались права посѣщать лекціи или навсегда, или до времени взноса ими упомянутой платы. Какъ лицо, обязанное слѣдить за правильностію и успѣшностію университетскаго преподаванія, я не могъ не обратить вниманія на такой искусственный перерывъ въ занятіяхъ студентовъ. Не посѣщая лекцій въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, молодой человекъ, очевидно, теряетъ нить преподаванія, которое вообще при означенномъ условіи не можетъ быть успѣшнымъ и правильнымъ. Я очень счастливъ тѣмъ, что въ настоящее время эти крайне стѣснительныя для нашихъ неимущихъ студентовъ условія болѣе не существуютъ. Окончательный взносъ платы за слушаніе лекцій производился ими въ минувшемъ году въ самомъ концѣ академическихъ семестровъ. Эта мѣра оказалась благотворною не только въ педагогическомъ и нравственномъ, но и въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ дала молодымъ людямъ болѣе возможности къ удовлетворенію означеннаго требованія. Тѣмъ не менѣе и въ прошломъ году за неисполненіе его пришлось, къ сожалѣнію, удалить изъ университета нѣсколько человекъ. Впрочемъ, едва ли не болѣею частію это были такіе молодые люди, которые не чувствовали себя способными продолжать университетскій курсъ.

„Представляя этотъ далеко не полный перечень наиболѣе замѣнательныхъ событій и явленій въ вашей университетской жизни за послѣднее время, я тѣмъ не менѣе позволяю себѣ надѣяться, что и онъ довольно ясно указываетъ на сильное стремленіе Императорскаго Варшавскаго университета исполнить свое назначеніе и возможно твердо идти по пути, указанному ему Вѣнценоснымъ его Основателемъ“.

ГИМНАЗИИ.

О состояніи Николаевской Царскосельской гимназіи въ 1873/74 учебномъ году.

Николаевская Царскосельская гимназія, открытая въ 1870 году въ составѣ трехъ нормальныхъ классовъ съ приготовительнымъ, состоитъ нынѣ изъ семи классовъ нормальныхъ и приготовительнаго; ученики послѣдняго, по степени развитія, раздѣлены для занятій на

два отдѣленія. Къ 1-му сентября 1874 году учащихся было 15, учащихся—172, въ томъ числѣ вновь поступившихъ—35. Приемъ въ наступившемъ учебномъ году открытъ былъ во всѣ классы гимназій. Изъ 43 молодыхъ людей, заявившихъ желаніе поступить въ гимназію, приняты 31 по испытанію и 4 безъ испытанія, по свидѣтельствамъ другихъ гимназій. Затѣмъ одинъ не явился на испытаніе и семи отказано по недостаточной подготовкѣ. Учащіеся распределяются слѣдующимъ образомъ, по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—138, лютеранскаго—18, католическаго—8, еврейскаго—8; по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—88, духовнаго званія—12, городскихъ сословій—55, сельскаго состоянія—7, иностранцевъ—10; по классамъ: въ подготовительномъ—39, въ I-мъ—43, во II-мъ—25, въ III-мъ—25, въ IV-мъ—16, въ V-мъ—13, въ VI-мъ—7, въ VII-мъ—4. Изъ общаго числа учившихся въ минувшемъ учебномъ году освобождены были отъ платы за ученіе 12; получали стипендіи: двое—на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ частными лицами капиталовъ, и одинъ—отъ педагогическаго совѣта гимназій, въ видѣ помѣсячнаго пособія, по добровольной подпискѣ преподавателей. Съ наступившаго учебнаго года учреждаются еще двѣ стипендіи: одна—министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, другая—члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря И. Д. Делянова, обѣ на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Губкинымъ.

Ученіе въ минувшемъ учебномъ году началось съ 20-го августа и продолжалось по 10-е іюня. Учебныхъ дней было 206. Уроковъ дано: въ подготовительномъ классѣ: предметныхъ—529, чистописанія—82; въ четырехъ низшихъ: предметныхъ—3.456, чистописанія—171, черченія и рисованія—196; въ V-мъ и VI-мъ: предметныхъ—1.884, черченія и рисованія—69. Пропущенныхъ учениками уроковъ было: въ подготовительномъ классѣ—9,91, въ низшихъ четырехъ—1,66, въ V-мъ и VI-мъ классахъ—5,53 на каждого ученика изъ 100 данныхъ уроковъ; изъ этого числа 20,22 не имѣли оправданія. Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ составляетъ 2,46 на 100 данныхъ уроковъ. По числу случаевъ, записанныхъ преподавателями въ видѣ жалобъ на невнимательность учениковъ въ классахъ, приходится, по разверстанію всѣхъ записей на общее число учащихся и таковое же число данныхъ уроковъ, по 0,03 случая на каждого ученика въ 100 уроковъ; случаевъ неприготовленія уроковъ, при тѣхъ же условіяхъ, оказалось 0,004. Замѣчено, что кромѣ разсыанности и не-

внимательности во время классныхъ занятій, одною изъ существенныхъ помѣхъ къ исправному выполнению задаваемыхъ на домъ уроковъ служитъ превратное пониманіе учащимися метода ученія. Учащіеся пренебрегаютъ мнемоническимъ элементомъ ученія, называя такое ученіе зубреніемъ и не разграничивая въ семъ случаѣ механическаго затверживанія урока отъ рациональнаго воспріятія его памятью, обогащающаго умъ и усвоивающаго твердое значеніе въ готовой формѣ. Результатъ ученія за минувшій учебный годъ выразился въ слѣдующихъ данныхъ: а) успѣвшихъ по отдѣльнымъ предметамъ своего класса по среднему выводу изъ четырехъ срочныхъ вѣдомостей за годъ: въ приготовительномъ классѣ: по закону Божію—84,61%, по русскому языку—76,92%, по математикѣ—79,48%, по чистописанію—50%; въ низшихъ четырехъ классахъ: по закону Божію—97,54%, по русскому языку съ церковно-славянскимъ—62,04%, по латинскому языку—55,45%, по греческому языку—63,15%, по математикѣ—67,66%, по исторіи—73,68%, по географіи—67,27%, по нѣмецкому языку—86,51%, по французскому—85,48%, по чистописанію—83,33%; въ V-мъ и VI-мъ классахъ: по Закону Божію—100%, по русской словесности съ элементарною логикою—94,73%, по латинскому языку—73,68%, по греческому—73,68%, по математикѣ—92,10%, по физикѣ—100%, по исторіи—78,94%, по нѣмецкому и французскому языкамъ—100%; б) успѣвшихъ по всѣмъ научнымъ предметамъ своего класса и оправдавшихъ свои успѣхи на испытаніяхъ и потому переведенныхъ въ слѣдующіе классы: въ приготовительномъ классѣ—61,59%, въ низшихъ четырехъ классахъ—49,47%, въ V-мъ и VI-мъ классахъ—55,55% всего числа учившихся въ означенныхъ классахъ; в) не успѣвшихъ въ первый годъ пребыванія въ классѣ и потому оставленныхъ въ томъ же классѣ на второй годъ—37,25%; г) неуспѣвшихъ въ продолженіе двухлѣтняго пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ, а потому, на основаніи устава, выбывшихъ изъ гимназій—7,22%; д) удостоенныхъ наградъ (изъ общаго числа переведенныхъ въ слѣдующіе классы, не включая приготовительнаго): 1-й степени, то-есть, похвальнаго листа и подарка—1,53%; 2-й степени, то-есть, похвальнаго листа—10,76%, и 3-й степени, то-есть, похвальнаго отзыва—9,23%.

Переводныя испытанія произведены были съ 22-го мая по 12-е іюня. къ испытаніямъ не явились 8 учениковъ; изъ нихъ двумъ разурѣшено дополнительное испытаніе послѣ вакаціи, а шесть оставлены въ тѣхъ же классахъ. Сверхъ того, назначено было дополнительное

испытаніе послѣ вакаціи одному изъ учениковъ IV-го класса, который, явившись въ назначенный для испытанія изъ этого предмета день, не могъ держать онаго по причинѣ болѣзни. Темы и задачи для письменныхъ испытаній во всѣхъ классахъ избраны были такъ, что предметъ ихъ и рѣшеніе доступны были среднимъ силамъ класса, а для устныхъ испытаній въ IV-мъ и VI-мъ классахъ составлены были особыя испытательныя программы, въ которыя внесено было только существенное изъ пройденнаго по предметамъ испытанія.

На вакаціонное время назначены были ученикамъ каждаго класса письменныя и устныя работы и задачи. Тѣ и другія взяты были изъ пройденныхъ курсовъ по закону Божію (только устныя), по русскому языку и словесности, древнимъ языкамъ и математикѣ (только письменныя). Задачи были даны какъ переведеннымъ въ слѣдующіе классы, такъ и оставленнымъ въ тѣхъ же классахъ, и при этомъ каждая категорія учениковъ (переведенные и оставленные) раздѣлена была въ каждомъ классѣ по каждому изъ названныхъ предметовъ на группы, по соображенію успѣховъ, степени развитія учениковъ, мѣрѣ прилежанія ихъ и другимъ соображеніямъ. Каждой группѣ предложена особая задача и работа. Вакаціонныя работы поданы были 47% учащихся; не поданы по уважительнымъ причинамъ—27%, по неуважительнымъ причинамъ—26% учениковъ. Изъ поданныхъ исполнены удовлетворительно—58%, неудовлетворительно—42%. Существенный недостатокъ почти всѣхъ неудовлетворительныхъ упражненій состоялъ въ отсутствіи самостоятельной работы,—упражненія списывались учениками другъ у друга, и больше у хорошихъ учениковъ. Это обстоятельство и было причиною, почему въ минувшемъ учебномъ году ученики каждаго класса раздѣлены были на группы и каждой группѣ дана особая задача или работа.

Педагогическій совѣтъ гимназій имѣлъ въ минувшемъ учебномъ году 32 засѣданія, изъ коихъ 20 посвящены были обсужденіямъ вопросовъ учебной и воспитательной части, остальные 12 заняты были производствомъ испытаній на разныя учительскія званія и на первый классный чинъ.

Учебно-вспомогательныя учебныя учрежденія гимназій къ началу 18⁷⁴/75 учебнаго года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ основной библіотекѣ имѣлось книгъ 556 названій въ 1.012 томахъ, въ учебнической библіотекѣ—262 названія въ 405 томахъ; въ физическомъ кабинетѣ—118 нумеровъ; въ кабинетѣ естественныхъ наукъ—220 коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ; пособій по исторіи, географіи,

черченію, рисованію и пѣнію — 590; гимнастическихъ снарядовъ и принадлежностей — 29. Стоимость всѣхъ исчисленныхъ пособій, по инвентарнымъ цѣнамъ, составляетъ до 5¹/₂ тысячъ рублей. Изъ сдѣланныхъ въ 187³/₄ учебномъ году въ пользу гимназій пожертвованій заслуживаютъ особеннаго вниманія: 8 тысячъ рублей, пожертвованные потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. С. Губкинымъ; 1.000 р., ассигнованные Царскосельскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, и припопеченія въ пользу гимназической библіотеки, сдѣланныя Академіею Наукъ, Царскосельскою обывательницею Н. С. Добротной, директоромъ гимназій И. И. Пискаревымъ и графинею И. И. Голицыною, урожденною графинею де-Моранжіе. Августѣйшій покровитель гимназій, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ соизволилъ прислать въ даръ гимназій коллекцію препаратовъ, спиртныхъ и сухеныхъ, представляющую исторію развитія шелковичнаго червя, выведеннаго въ С.-Петербургъ въ 1873 году при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

— Недавно происходилъ актъ въ женской учительской семинаріи, учрежденной въ Москвѣ г-жею Чепелевскою при Братствѣ св. Маріи. Поюдомотъ къ нему послужилъ второй выпускъ воспитанницъ, окончившихъ полный курсъ обученія въ означенной школѣ. Заямствуемъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* подробныя свѣдѣнія объ этомъ скромномъ, но знаменательномъ по своему нравственному значенію, торжествѣ.

Актъ открылся чтеніемъ краткаго отчета объ основаніи и дѣятельности семинаріи.

Женская учительская семинарія получила начало восемь лѣтъ тому назадъ. Въ то время вопросъ о приготовленіи учительницъ только еще возникалъ въ обществѣ и не встрѣчалъ въ немъ особаго сочувствія. Учрежденію семинаріи предшествовало основаніе четырехкласснаго женскаго училища съ педагогическими курсами. Училище это имѣло значеніе подготовительной для курсовъ школы; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оно сосредоточивало свою дѣятельность на правильной постановкѣ учебнаго курса въ объемѣ курса женской прогимназій, и успѣло обратить на себя вниманіе какъ учебнаго начальства, такъ накопецъ и общества.

Въ маѣ 1870 года открыты были женскіе педагогическіе курсы

на положенія учительской семинаріи. Въ 1873 году учрежденіе выполнѣ преобразовано въ семинарію при Братствѣ св. Маріи, получивъ при этомъ особый уставъ и права.

По мѣрѣ своего развитія, учрежденіе это пріобрѣтало все большее и большее сочувствіе общества своимъ задачамъ, и дѣятельностью своею обратило на себя особое вниманіе Московскаго духовенства и земства. Московскій архіепископъ, высокопреосвященный Иннокентій, удостоилъ своимъ присутствіемъ и благословеніемъ открытіе педагогическихъ курсовъ для приготовленія народныхъ учительницъ (1870 года, 14-го сентября).

Духовенство, какъ Московское, такъ въ особенности уѣздное и сельское, озабоченное устройствомъ своихъ взрослыхъ дочерей, отнеслось съ большимъ сочувствіемъ къ учрежденію, впервые открывавшему двери для образованія взрослыхъ дѣвицъ и приготовленія ихъ къ педагогической дѣятельности и, съ цѣлію обезпеченія стипендіями поступающихъ въ семинарію дочерей лицъ духовнаго званія, учредило Братство св. Маріи. Братство это, кромѣ заботы объ учрежденіи стипендій, приняло на себя также устройство четырехклассныхъ женскихъ училищъ въ селахъ, для образованія малолѣтнихъ дочерей священно- и церковно-служителей. Московское земство, желая воспользоваться педагогическими курсами для приготовленія учительницъ въ земскія школы, назначило 30 стипендій и предоставило воспитанницамъ семинаріи право на занятіе учительскихъ мѣстъ въ начальныхъ школахъ и женскихъ училищахъ Московской губерніи, — право, принадлежавшее до сего времени исключительно учителямъ.

Результаты перваго опыта приготовленія учительницъ оказались удовлетворительными: вопреки тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, съ которыми новое учрежденіе встрѣтилось въ началѣ своей дѣятельности, какъ напримѣръ, слабая подготовка поступающихъ воспитанницъ, большею частію, кромѣ усердія и желанія учиться, не приносящихъ въ заведеніе почти никакихъ познаній, оно поставило учебную часть такъ, что, не смотря на краткость времени (двухгодичный курсъ), успѣло доставить воспитанницамъ свѣдѣнія, необходимыя для правильнаго веденія педагогическаго дѣла. Доказательствомъ этого могутъ служить, во первыхъ, выпускные экзамены, а вторыхъ, одобрительные отзывы о практическихъ занятіяхъ учительницъ, послѣдовавшіе какъ отъ учебнаго начальства и училищныхъ совѣтовъ, такъ и отъ земства. Учительская семинарія дѣятельностью своею обратила на себя вниманіе и другихъ земствъ. Воспитанницы семинаріи были пригла-

паемы на мѣста учительницъ со стороны земствъ губерній: Курской, Смоленской, Калужской, Тульской, Пермской и др.; сверхъ того, нѣкоторые земства заявили желаніе имѣть въ женской семинаріи своихъ стипендіатовъ и назначили для нихъ стипендіи.

Во избѣжаніе исключительныхъ мѣръ, какія семинарія выпущдена была принимать для успѣшнаго выполненія своей задачи, при двухгодичномъ курсѣ ученія, признано было необходимымъ образовъть въ семинаріи два класса—младшій теоретическій и старшій теоретико-практическій. Такимъ образомъ, полный курсъ семинарскаго образованія опредѣлился въ четыре года, по два года въ каждомъ классѣ. Благодаря этому, явилась возможность отказаться отъ исключительныхъ мѣръ, тормозившихъ до тѣхъ поръ дѣятельность семинаріи. Слабая подготовка и недостатокъ развитія поступавшихъ воспитанницъ при двухгодичномъ курсѣ вызывали необходимость: а) назначать огромное число уроковъ по главнымъ предметамъ (по ариметикѣ и русскому языку восемь уроковъ еженедѣльно по тому и другому предмету); б) пачинать практическія занятія позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало; в) увольнять тѣхъ воспитанницъ, которыя не могли слѣдовать за курсомъ. (Открытіе младшаго класса представляетъ ту выгоду, что воспитанницы, не успѣвающія въ старшемъ классѣ, могутъ быть не увольняемы, а переводимы въ младшій классъ для необходимой подготовки). Предметы обученія въ семинаріи слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ, математика, исторія, географія, естественная исторія, школовѣдѣніе, скорописаніе, гимнастика и пѣніе. Кромѣ того, воспитанницы знакомились съ правильнымъ веденіемъ обученія въ народной школѣ; онѣ давали пробные уроки по обученію грамотѣ по звуковому способу, по наглядному обученію, объяснительному чтенію, орфографическимъ и граматическимъ упражненіямъ, ариметикѣ, отечественновѣдѣнію, скорописанію, пѣнію и т. д.

Для всѣхъ воспитанницъ втораго выпуска устроень былъ при семинаріи интернатъ, при чемъ на нихъ возлагались различныя дежурства: по классамъ, образцовой школѣ, домашнему хозяйству и проч., что служило несомнѣнно хорошею подготовкой для нихъ къ самостоятельному завѣдыванію школами, развивало привычку къ порядку и правильному распредѣленію своихъ занятій и времени. Кромѣ того, интернатъ способствовалъ сближенію воспитанницъ съ учрежденіемъ и ознакомленію завѣдующихъ семинаріей съ характеромъ и наклонностями каждой воспитанницы.

Въ началѣ учебнаго курса 1872 года поступили въ старшій классъ

32 воспитанницы, изъ которыхъ одна своекоштною, одна стипендіаткою его высокопреосвященства митрополита Московскаго, остальные стипендіатками Московскаго земства. Выбыли среди курса: по болѣзни четыре, въ младшій классъ, вслѣдствіе слабой подготовки, переведены были три, уволены за неспособностію двѣ, исключены двѣ, оставлена на второй курсъ одна. Окончили съ отличными успѣхами семь, съ хорошими—одиннадцать, съ удовлетворительными—двѣ, всего двадцать воспитанницъ. Въ младшій классъ приняты въ 1872 году стипендіатками Братства св. Маріи пятнадцать, благотворителей—двѣ, учредительницы—четыре, своекоштными—пять, всего—26. Изъ нихъ переведены по экзамену въ августѣ 1874 года на стипендіи имени Ея Величества Государини Императрицы—три, земства—шестнадцать воспитанницъ, своекоштныхъ—двѣ. Приняты по экзамену въ старшій классъ вновь своекоштными двѣ, стипендіатками земства—четыре, Благотворительнаго общества—одна. Всего состоитъ въ старшемъ классѣ 38 воспитанницъ. Въ младшій классъ въ августѣ 1874 г. принято: своекоштныхъ, на полномъ содержаніи, двѣ, приходящихъ—девять, стипендіатками Ея Величества—три, братства св. Маріи—девять, его высокопреосвященства митрополита Московскаго—одна, учредительницы—три, всего—28. Итого къ началу учебнаго 1874—1875 года состоитъ въ семинаріи 67 воспитанницъ, изъ коихъ шестнадцать приходящихъ и 42 на полномъ содержаніи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что число лицъ, заявившихъ желаніе поступить въ семинарію, значительно превышало число имѣющихся стипендій, и болѣшая часть изъ нихъ могли поступить по экзамену въ младшій классъ. Изъ означенныхъ цифръ видно, что половина воспитанницъ, поступившихъ въ старшій классъ, переведены изъ младшаго, гдѣ онѣ уже получили достаточную для успѣшныхъ занятій подготовку. Необходимость младшаго класса подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ даетъ лучшій контингентъ воспитанницъ для старшаго класса. Въ женской учительской семинаріи состоятъ: преподавателей пять, учительницъ семь, руководѣльная дама одна, заведывающая хозяйствомъ одна. Строго держась вышеприведенной учебной программы, семинаріи, однакожь, полагаетъ въ будущемъ не ограничиваться ею, а ввести нѣкоторыя дополнителныя занятія, необходимыя для учительницъ народныхъ школъ, какъ-то: по техническому рисованію, по нѣкоторымъ мастерствамъ и сельскому хозяйству. Для этой цѣли устраиваются при семинаріи особыя дополнителныя курсы

и сельско-хозяйственная ферма, гдѣ воспитанницы будутъ проводить лѣтнее время.

Таковы въ общихъ чертахъ данныя, сообщаемыя отчетомъ. „Въ этотъ знаменательный для учрежденія день“, заключаетъ отчетъ, „нельзя не привести на память того высокаго вниманія, котораго удостоена семинарія отъ Августѣйшей Покровительницы женскаго образованія, Государыни Императрицы. Ея Величеству благоугодно было лично отъ учредительницы освѣдомиться объ устройствѣ семинаріи и веденіи въ ней учебно-воспитательной части и выразить по этому поводу Свое удовольствіе и одобреніе. Ея Высочество Герцогиня Эдинбургская, по желаніи Государыни Императрицы, не смотря на краткость пребыванія въ Москвѣ, ослѣдствовала семинарію Своимъ посѣщеніемъ, познакомившись съ учрежденіемъ, выразила Свое полное ему сочувствіе, и въ память Своего посѣщенія пожаловала семинаріи Свой портретъ.

Въ послѣдній проѣздъ чрезъ Москву, Ея Величество Государыни Императрица, освѣдомившись о предстоящемъ второмъ выпускѣ воспитанницъ, вновь удостоила семинарію Своего благосклоннаго вниманія и изволила поручить почетному попечителю семинаріи, московскому губернскому предводителю дворянства, князю А. В. Мещерскому, передать П. И. Чепелевской, какъ учредительницѣ семинаріи и предсѣдательницѣ совѣта, благодарность Ея Величества за приготовленіе учительницъ и за ея полезныя и неутомимыя труды по народному образованію.

Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, оказало весьма важное содѣйствіе семинаріи предоставленіемъ ей права выдавать дипломъ на званіе учительницъ сельскихъ и начальныхъ школъ и трехклассныхъ женскихъ училищъ.

Вслѣдъ за отчетомъ былъ прочитанъ списокъ окончившихъ курсъ воспитанницъ, съ означеніемъ ихъ успѣховъ и назначенныхъ имъ мѣстъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что шесть воспитанницъ поступаютъ въ городскія и сельскія училища Московской губерніи, съ жалованьемъ 300 руб. въ годъ, остальные четырнадцать съ жалованьемъ отъ 175 до 250 руб. въ годъ.

Изъ числа означенныхъ воспитанницъ четыре поступили въ училища благотворительныхъ обществъ, двѣ въ пріютъ и сельскую школу Можайскаго общества, состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны, и двѣ въ четырехклассное Рязоположенское училище, учрежденное Братствомъ св. равноапостольной Маріи, въ на-

мать бракосочетанія Великой Княгини Маріи Александровны, Герцогини Эдинбургской.

Во время чтенія означеннаго списка воспитанницъ, выданы были имъ помощникомъ попечителя учебнаго округа С. С. Ивановымъ, аттестаты на званіе учительницъ, а затѣмъ почетный попечитель семинаріи, князь А. В. Мещерскій, напутствовалъ воспитанницъ слѣдующею рѣчью:

„Будучи попечителемъ народныхъ школъ, согласно волѣ Государи Императора, на основаніи новаго положенія, и однимъ изъ учредителей нашего Братства св. равноапостольной Маріи, я считаю своею обязанностию сказать вамъ нѣсколько напутственныхъ словъ.

„Привѣтствую васъ съ окончаніемъ вашего курса въ учительской семинаріи, къ которой вы должны сохранить навсегда благодарное чувство глубокой привязанности.

„Дай Богъ, чтобы вы нашли на избранномъ вами поприщѣ какъ нравственное удовлетвореніе добросовѣстно исполненнаго вами долга, такъ и матеріальное обезпеченіе вашей жизни.

„Вы призваны быть работницами въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія: ведите дѣло такъ, чтобы образованіе не посылало въ умахъ народа какихъ-нибудь вредныхъ началъ, всегда такъ скоро соарѣвующихъ и приводящихъ такъ неожиданно къ весьма прискорбнымъ послѣдствіямъ. Съ этою цѣлью пользуйтесь всѣми представляющимися вамъ случаями, даже до мельчайшихъ подробностей, чтобы посадить, укрѣпить и развивать въ дѣтяхъ религіозно-нравственное чувство. Да, вы призваны къ великому дѣлу! Но да не возгордитесь, но будьте кротки и смиренны сердцемъ.

„Знайте, что посвящая себя дѣлу школьнаго преподаванія, вы тѣмъ самымъ взяли на себя обязанность предъ обществомъ строго исполнить вашу задачу и что общество за вами зорко будетъ слѣдить.

„Знаете ли вы, дѣвицы, что, вступая на это поприще, вы въ то же время дали важный обѣтъ? Не вынужденный обѣтъ—обѣтъ свободный. Обѣтъ не только сохранить себя въ чистотѣ и благочестіи, но обѣтъ кротости, смиренія, лишенія всякаго рода, обѣтъ терпѣнія и безпредѣльной любви христіанской!

„Вотъ, дѣвицы, мое вамъ напутственное слово и сердечное пожеланіе. Дай Богъ вамъ этотъ обѣтъ исполнить свято и безупречно“.

На это привѣтствіе князя А. В. Мещерскаго одна изъ выпускныхъ воспитанницъ семинаріи выразила отъ имени своихъ подругъ

благодарность и увѣренность, что онѣ удостоены будутъ того же благосклоннаго вниманія и допѣрія на своемъ новомъ поприщѣ, какое встрѣтили воспитанницы перваго выпуска, и съ своей стороны сдѣлаютъ все возможное, чтобы заслужить это.

Въ отвѣтъ на это князь А. В. Менцерскій сказалъ:

„Будьте увѣрены, что вы можете ожидать отъ всѣхъ насъ нравственную поддержку и всегда разчитывать на наше покровительство“.

Послѣ того воспитанницами былъ пропѣтъ народный гимнъ, которымъ и закончился актъ.

— Сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о различныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пожертвованіяхъ на народное образованіе, сдѣланныхъ въ послѣднее время:

Въ первыхъ числахъ сентября, говорятъ *Московскіи Вѣдомости*, въ Вереѣскомъ уѣздѣ, по добровольному желанію крестьянъ, положено начало устройству народныхъ школъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что нельзя обойти молчаніемъ этотъ фактъ.

Прежде всего нужно коснуться причинъ, которыя возбудили въ крестьянахъ такое релпностное желаніе учить своихъ дѣтей. Кто можетъ забыть недавно обнародованныя слова нашего Монарха, которыя Онъ изволилъ сказать депутаціи, состоявшей изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства Московской губерніи? Въ этихъ милостивыхъ словахъ Государь Императоръ выразилъ Свое довѣріе къ дворянству въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія и тѣмъ самымъ, такъ сказать, положилъ начало повсемѣстному устройству народныхъ школъ. Слова Государя благотворно подѣйствовали на исполнителей Его повелѣнія. Это обнаружилось, между прочимъ, и въ Вереѣскомъ уѣздѣ. Уѣздный предводитель дворянства, съ 1-го сентября, въ сопровожденіи мировыхъ посредниковъ, сталъ объѣзжать всѣ волости и въ каждой изъ нихъ на волостномъ сходѣ объяснялъ крестьянамъ, какъ Государь Императоръ заботится объ ихъ дѣтяхъ, особенно объ ихъ правильномъ умственно-нравственномъ образованіи. Но прежде чѣмъ г. предводитель дворянства началъ указывать крестьянамъ на необходимость и пользу обученія, онъ объявилъ, что желаетъ узнать, почему такъ медленно прививается у крестьянъ желаніе обучать своихъ дѣтей грамотѣ. При этомъ онъ просилъ ихъ непринужденно высказаться. На эти разпросы г. предводителя многіе изъ крестьянъ чаще всего повторяли одно и то же, именно, что они сознаютъ потребность въ обученіи дѣтей, но боятся, что дѣти ихъ изъ существующихъ нынѣ школъ большею частью выходятъ почти безъ всякихъ

добрыхъ познаній, а такая грамотность не приноситъ имъ никакой пользы. Отвѣчая на всѣ вопросы крестьянъ, г. предводитель въ теплыхъ, весьма понятныхъ для русскаго крестьянина, словахъ объяснилъ имъ, что будущія народныя школы, по волѣ Государя, поведутъ дѣло на другихъ основаніяхъ, что отъ наставниковъ будутъ требоваться отчеты въ ихъ дѣйствіяхъ, что для этого надъ ними учредится контроль; наконецъ, что будущіе училищные совѣты будутъ имѣть право выдавать воспитанникамъ, успѣшно окончившимъ курсъ въ этихъ училищахъ, свидѣтельства, съ которыми молодые люди будутъ пользоваться двухлѣтнею льготой въ отправленіи воинской повинности. При этомъ на ссылку нѣкоторыхъ крестьянъ о желаніи имѣть школы, какія существуютъ въ уѣздѣ отъ Императорскаго Воспитательнаго дома, пользующіися доброю репутаціей, г. предводитель обѣщалъ ходатайствовать объ учреженіи новыхъ школъ на половинныхъ издержкахъ со стороны крестьянъ и Воспитательнаго дома или частныхъ лицъ. Вообще, объясненія крестьянамъ словъ Государя и пользы обученія дѣтей въ школахъ, такъ серьезно подѣйствовали на нихъ, что они выразили желаніе какъ можно скорѣе завести школы, при чемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне, по разнаго рода предполагаемымъ неудобствамъ, желали имѣть отдѣльныя школы чуть ли не въ каждой деревнѣ.

Однако, послѣ разъясненія крестьянамъ, что имъ придется въ такомъ случаѣ принести значительныя пожертвованія, состоялись болѣею частію общіе волостные приговоры, съ пожертвованіемъ на нѣсколько училищъ въ избранныхъ ими пунктахъ известной волости. Изъ приговоровъ этихъ видно, что по Верейскому уѣзду крестьяне пожелали имѣть 27 народныхъ школъ, а именно:

Въ Вышегородской волости, съ пожертвованіемъ по 25 коп. съ 4.882 душъ, на устройство 5-ти школъ.

Въ Назарьевской волости, съ пожертвованіемъ по 25 коп. съ 3.219 душъ, на устройство 4-хъ школъ.

Въ Каповской волости, съ пожертвованіемъ по 26 коп. съ 2.350 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Въ Богородской волости, съ пожертвованіемъ по 26 коп. съ 1.556 душъ, на устройство 2-хъ школъ.

Въ Кубинской волости, съ пожертвованіемъ по 16 коп. съ 2.009 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Въ Петровской волости, съ пожертвованіемъ по 20 коп. съ 1.736 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Въ Рудневской волости, съ пожертвованіемъ по 25 коп. съ 1.956 душъ, на устройство 3-хъ школъ.

Въ Мауринской же волости нѣкоторыя отдѣльныя общества положили открыть школы сборомъ на таковыя съ отдѣльныхъ обществъ, а именно: Крюковское, съ прилегающими селеніями — по 36 коп. съ 555 душъ, Плесенское — по $49\frac{2}{3}$ коп. съ 304 душъ, Горковское — по $35\frac{1}{2}$ коп. съ 282 душъ и Ташировское — по 50 коп. съ 212 душъ. Всего же будетъ ежегодно вноситься крестьянами на этотъ предметъ 4.755 руб. 34 коп.

Не знаемъ, говорятъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*, скоро ли устроятся эти школы, но нельзя искренно не пожелать имъ успѣха, тѣмъ болѣе, что крестьяне, составляя свои приговоры, выразили въ нихъ твердую рѣшимость покончить разъ навсегда съ упорствомъ нѣкоторыхъ изъ ихъ среды, что доказывается тѣмъ, что въ большей части приговоровъ, крестьяне пожелали *обязательную обученія дѣтей* обоего пола съ девятилѣтняго возраста. При этомъ крестьяне, довѣряясь исполнѣ просвѣщенной дѣятельности г. предводителя, предоставили все дѣло по устройству школъ въ его распоряженіе. Кромѣ того, крестьяне Верейскаго уѣзда установили сборы на школы и на будущее время единогласнымъ опредѣленіемъ за подписью надлежашаго по закону числа лицъ, долженствующихъ быть на волостномъ сходѣ, а во многихъ волостяхъ завершили дѣло, сдѣлавъ приговоры о закрытіи кабаковъ.

— 24-го сентября закрылось въ Лебедяни очередное земское собраніе, которое нынѣшній годъ особенно отличалось сочувствіемъ къ просвѣщенію: ассигновано одновременно *три тысячи* рублей для устройства двухкласснаго училища, положеннаго къ открытію въ одномъ изъ селеній уѣзда, предположено отпустить ежегодно по *пяти тысячъ* рублей для содержанія *прогимназіи*, объ открытіи которой постановлено ходатайствовать вмѣстѣ съ городскимъ обществомъ предъ правительствомъ, и наконецъ состоялось положеніе объ учрежденіи *восьми стипендій* для помѣщенія восьми воспитанницъ въ сиротское отдѣленіе въ Тамбовѣ, въ размѣрѣ *ста пятидесяти* рублей каждой.

— Чрезвычайное Александровское уѣздное, Екатеринославской губерніи, земское собраніе, въ засѣданіи 7-го мая нынѣшняго года, при обсужденіи вопроса объ открытіи въ селѣ Александровѣ земскаго ремесленнаго училища, постановило: принимая во вниманіе, что

предположенное къ устройству въ с. Александровкѣ земское ремесленное училище будетъ способствовать къ распространенію ремесленныхъ знаній въ населеніи всей губерніи, и что содержаніе его въ тѣхъ размѣрахъ, какіе опредѣлены уставомъ, превышаетъ средства Александровскаго уѣзднаго земства, — ходатайствовать предъ Екатеринославскимъ губернскимъ собраніемъ о принятіи двухъ третей суммы, потребной на содержаніе училища (именно 6.493 руб.), на губернской земскій сборъ; затѣмъ, самую постройку училищныхъ зданій разрѣшить уѣздною управѣ только по удовлетвореніи означеннаго ходатайства уѣзднаго земства, и поручить управѣ выработать основанія для развитія труда будущихъ воспитанниковъ ремесленной школы, въ связи съ обезпеченіемъ средствъ на содержаніе школы.

Изъ доклада уѣздною управы объ учрежденіи въ с. Александровкѣ ремесленнаго училища, между прочимъ видно, что однимъ изъ гласныхъ, г. Гяфдинымъ, для устройства названнаго училища пожертвовано 12.000 руб. и четыре десятины земли; по смѣтѣ же на устройство заведенія управою исчислено: 1) единовременно на постройку зданій 16.000 руб. и на обзаведеніе мастерскихъ моделями и инструментами, а также на приобрѣтеніе мебели, покупку книгъ для библіотеки и проч.—4.000 руб., итого—20.000 руб., и 2) ежегодно на содержаніе заведенія и 20 пансіонеровъ земства и на жалованье директору, учителямъ, мастерамъ и проч.—9.740 рублей.

— На нѣкоторыхъ изъ сахарныхъ заводовъ въ Кіевской губерніи издавна существуютъ, пишутъ въ газетѣ „Кіевлянинъ“, школы для дѣтей служащихъ и рабочихъ. Въ особенности замѣчательны школы при Городищенскомъ сахарномъ заводѣ братьевъ Ихненко и Симиренко и при Смѣлянскомъ заводѣ графовъ Бобринскихъ. Въ настоящемъ же году возникла школа другаго рода: школа для несовершеннолѣтнихъ, работающихъ на заводѣ. Она устроена при Смѣлянскомъ рафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ и содержится на пожертвованія частныхъ лицъ, при пособіи со стороны завода, отъ котораго поступаютъ въ пользу ея штрафныя суммы. Учителя школы, изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, получаютъ квартиру и 250 руб. жалованья. Въ настоящее время открыто только первое отдѣленіе школы; съ открытіемъ въ слѣдующемъ году втораго отдѣленія, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ принимаютъ на себя безвозмездно

нѣкоторые изъ лицъ, служащихъ при заводѣ. Курсъ перваго отдѣленія предполагается одинъ годъ, а втораго — два года. Для того, чтобы несовершеннолѣтніе рабочіе могли посѣщать школу, устроены нынѣ для нихъ три смѣны, то-есть, они работаютъ не 12 часовъ, а 8, и на обученіе въ школѣ полагается два часа. Предметы, преподаваемые въ школѣ, слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ, письмо, арифметика, предметные уроки въ примѣненіи къ заводской техники, черченіе геометрическихъ фигуръ и церковное пѣніе.

ОТКРЫТІЕ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ ВЪ ПСКОВѢ.

1-го сентября 1874 года происходило открытіе учительской семинаріи въ Псковѣ. Къ часу пополудни, по приглашенію г. директора семинаріи В. А. Ауновскаго, прибыли г. губернаторъ, начальствующіе отдѣльными учрежденіями, представители земства и города, учителя отъ всѣхъ учебныхъ заведеній и другіи лица. Послѣ молебствія и водоосвященія, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, министру народнаго просвѣщенія, земству, учащимъ и учащимся. Затѣмъ г. директоръ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, изъ которой заимствуемъ слѣдующія мѣста:

„Первыя семинаріи въ нашемъ отечествѣ возникли въ 1864 году: одна—въ селѣ Молодечнѣ, Виленской губерніи, по инициативѣ министерства народнаго просвѣщенія, другая—въ Петербургѣ, при Воспитательномъ домѣ, отъ IV Отдѣленія. Затѣмъ, только въ 1870 году министерство народнаго просвѣщенія приступило къ открытію цѣлаго ряда учительскихъ семинарій и институтовъ, разрѣшивъ въ то же время земству и частнымъ лицамъ учреждать учительскія школы. Въ настоящій моментъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія состоитъ 46 различныхъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей. Если принять населеніе Россіи въ 80 милліоновъ, то одна семинарія придется болѣе чѣмъ на 1½ милліона жителей, тогда какъ у сосѣдки нашей Пруссіи семинарія приходится на 300.000 жителей. Далѣе, въ Россіи считается 24.000 народныхъ школъ съ 875.000 учащихся, или, другими словами, одна семинарія существуетъ для 500 школъ и для 18.000 учащихся дѣтей, что слишкомъ недостаточно, особенно потому, что ежегодный выпускъ едва ли можетъ превышать 20 человѣкъ, такъ что на каждого выпускнаго семинариста придется 27 школъ и 951 учащійся. Приведенныя циф-

ры убѣдительно говорятъ о необходимости большаго числа учительскихъ семинарій. Настоятельная потребность въ нихъ оказалась у насъ тотчасъ же по отмѣнѣ крѣпостнаго права. Дѣйствительно, давая свободу массѣ грубаго населенія, нельзя было не думать о средствахъ къ его образованію. Слѣдовавшія за тѣмъ одна за другой великія реформы вносили въ нашу жизнь такія общественныя учрежденія, которыя невольно требовали большаго умственнаго и нравственнаго развитія народнои массы.

„Обогатить будущаго учителя знаніями, воспитать его для будущей учительской дѣятельности, есть прямая цѣль семинаріи, которая должна достигаться какъ преподаваніемъ предметовъ семинарскаго курса, такъ и всею обстановкой этого учебнаго заведенія, тѣми особенными отношеніями, какія должны водвориться между учителями и ихъ учениками какъ въ классное время, такъ и внѣ его. Выходя изъ основной цѣли семинаріи, преподаваніе каждаго предмета должно быть образцовое, примѣрное и вообще пригодное воспитанникамъ въ ихъ будущей дѣятельности. Здѣсь болѣе всего умѣстны методы катехизическій и евристическій, способствующие какъ сознательному усвоенію пройденнаго, такъ и самостоятельному развитію учащихся. На этомъ основаніи самый учебный матеріалъ по каждому предмету должно располагать, по возможности, концентрически. Въ частности приемы преподаванія должны быть направлены на всестороннее умственное развитіе учащихся, на развитіе въ нихъ находчивости, самостоятельности и любознательности. Было бы также полезно употреблять въ преподаваніи такія преимущественно наглядныя пособія, которыя въ состояніи имѣть народная школа, или которыя могли бы быть сдѣланы самимъ преподавателемъ. Необходимо обращать особенное вниманіе на письменныя работы учащихся, какъ со стороны опрятности ихъ, такъ и по внутреннему достоинству, при томъ не только по русскому языку, но и по всѣмъ прочимъ предметамъ семинарскаго курса; точно также каждый преподаватель долженъ способствовать къ выработкѣ грамматически правильной рѣчи постояннымъ требованіемъ отъ учениковъ отвѣтовъ ясныхъ, полныхъ и точныхъ. Вести дѣло иначе, значитъ поступать не по семинарски.

„Воспитанники семинаріи должны быть вполне и основательно ознакомлены какъ съ планомъ народной школы, такъ и со всѣмъ ея учебнымъ матеріаломъ. Какъ бы ни былъ ограниченъ матеріалъ народной школы, но будущій ея учитель долженъ совершенно ясно понимать его и вполне обладать имъ; только тогда знанія могутъ

ясно отразиться въ головахъ учениковъ, когда они совершенно ясными представляются въ головѣ учителя. А потому, съ учениками семинаріи необходимо основательно переработать весь тотъ учебный матеріалъ, который они впоследствии будутъ передавать своимъ ученикамъ. Но чтобы умѣть передать, необходимо знать, и зпать значительно больше того, что придется передавать, а потому семинарія должна обогатить учащихся положительными и полезными знаніями, при томъ, по возможности, разносторонними, такъ чтобы учитель, возбуждивъ любознательность учениковъ, не затруднился удовлетворить обращенныхъ къ нему различныхъ вопросовъ.

„На основаніи только что высказаннаго, будущій учитель долженъ имѣть познаніи не только въ законѣ Божіемъ, грамматикѣ и арифметикѣ, господствующихъ предметахъ нашей народной школы, но и въ географіи и исторіи, преимущественно отечественныхъ, въ естественныхъ наукахъ, гигиенѣ, сельскомъ хозяйствѣ; долженъ ясно и правильно понимать физическое и духовное развитіе дѣтскаго организма, при всемъ этомъ долженъ еще умѣть плавно, ясно и выразительно, читать и толково разъяснять прочитанное, правильно и красиво писать и хорошо чертить. Тогда только онъ будетъ въ состояніи сообщить своимъ ученикамъ свѣдѣнія, дѣйствительно необходимы и полезны въ ихъ будущей трудовой жизни.

„Въ частности, или по каждому отдѣльному предмету курса, необходимо стремиться къ осуществленію слѣдующихъ цѣлей.

„Не касаясь вопроса о томъ, въ какихъ раздѣлахъ должно совершаться преподаваніе различныхъ статей закона Божія, какъ предметовъ опредѣлившихся, вошедшихъ въ границы, скажу, не опасаясь, что часы по закону Божію преимущественно должны быть посвящены на изученіе Евангелія. Далѣе, законоучитель постоянно долженъ имѣть въ виду специальную цѣль заведенія. Такъ, онъ долженъ обратить особенное вниманіе на точное знаніе текста главныхъ молитвъ, Моисеевыхъ заповѣдей и символа вѣры, на евангельскіе разказы и особенно воскресныя Евангелія; на объясненіе богослуженія, исторіи праздниковъ, посты, таинства, — вообще на такіе религіозные факты, подъ вліяніемъ которыхъ простой народъ находится, что чаще всего видитъ и слышитъ онъ въ церкви и внѣ церкви, и къ чему онъ примѣшиваетъ свои предразсудки и суевѣрія. Вообще законоучитель семинаріи долженъ быть не столько учителемъ, сколько краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, не столько сообщать массу свѣдѣній, сколько имѣть нравственное вліяніе, не столько увлекаться

подробностями, сколько блюсти и очищать отъ суевѣрій родную вѣру. Съ послѣднею цѣлію онъ обязанъ также обратить вниманіе, по отношенію къ расколу, на объясненіе различныхъ ихъ возраженій и болѣе рельефныхъ грамматическихъ безсмыслицъ, чѣмъ опредѣляется также необходимость возложенія преподаванія церковно-славянскаго языка на законоучителя. Изученіе церковно-славянскаго языка важно уже потому, что простой народъ, какъ извѣстно, относится съ особеннымъ довѣріемъ и съ живою симпатіей къ той именно сельской школѣ, ученики которой научаются читать церковныя книги бойко и выразительно. Для воспитанника семинаріи достаточно будетъ, если онъ выучится бѣгло, правильно, осмысленно читать всякую книгу съ новѣйшимъ церковно-славянскимъ текстомъ, сѣмѣть перевести и объяснить молитву, общеупотребительную церковную пѣснь, общезвѣстный библейскій фактъ, всякій евангельскій разказъ.

„Русскій языкъ. Въ народной школѣ родное слово есть основа, сокровищница всѣхъ знаній. Обучая дѣтей грамотѣ, счету, ведя съ ними объяснительное чтеніе, знакомя ихъ съ окружающими явленіями и предметами изъ жизни природы и людей, вводя дѣтей въ кругъ новыхъ познаній, учитель дѣлаетъ только то, что учить ихъ языку, обогащаетъ умъ ихъ новыми словами, какъ выраженіями новыхъ представленій, понятій дѣтскаго ума, комбинируя ихъ въ такой между собою зависимости, которая представлялась бы легчайшею и наиболѣе удобною для усвоенія. Слѣдовательно, учитель народной школы (разумеется, при извѣстныхъ естественно-историческихъ и географическихъ знаніяхъ и методическомъ приѣмѣ) только тогда можетъ надѣяться на полный успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, только тогда можетъ возбудить въ крестьянскихъ мальчикахъ любознательность, пріохотить ихъ къ труду, невольно заставить полюбить школу и ученіе и себя самого, если онъ хорошо владѣетъ родною рѣчью. Имѣя большой запасъ русскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, онъ можетъ разнообразить, при запятіяхъ съ дѣтьми, вопросы, измѣняя ихъ форму, не измѣняя содержанія, для того, чтобы удовлетворить дѣтскій умъ и пріучить его къ болѣе легкому и быстрому усвоенію знаній, что въ особенности важно при начальномъ обученіи. Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость основательнаго изученія будущими сельскими учителями отечественнаго языка. А такое изученіе должно заключаться, кромѣ собственно грамматики, въ чтеніи и самостоятельномъ ознакомленіи учащихся въ учительской семинаріи съ образцовыми словесными произведеніями, въ которыхъ отразился лучшій

языкъ Русскаго народа. Работа эта, не замѣтно вводи учащихся въ кругъ самостоятельныхъ занятій, начавшихся, конечно, подъ руководствомъ преподавателя, разовьетъ въ нихъ наблюдательность, логическое мышленіе, обогатитъ ихъ умъ русскими словами, оборотами рѣчи, мыслями, познаніями, возбудитъ интересъ къ занятіямъ, заставитъ полюбить родной языкъ. Такимъ образомъ, преподаваніе русскаго языка въ учительской семинаріи должно имѣть въ виду слѣдующія цѣли: 1) научить правильно и хорошо владѣть устной, а также письменною рѣчью, съ помощью усвоенія, путемъ практическимъ, законовъ и грамматическихъ правилъ роднаго языка; 2) познакомить воспитанниковъ съ различными родами образцовыхъ произведеній русской литературы и тѣмъ побудитъ ихъ къ дальнѣйшему саморазвитію при посредствѣ чтенія; 3) развить въ учащихся умѣнье владѣть методомъ обученія родному языку въ народной школѣ.

Ариметика и геометрія. Оба эти предмета важны въ курсѣ, какъ по своей образовательной силѣ, такъ и по практическому примѣненію, а потому при преподаваніи ихъ необходимо преслѣдовать двѣ цѣли: формальную и матеріальную. Умственный счетъ, быстрота соображенія при рѣшеніи практическихъ задачъ — вотъ существенныя условія для успѣшнаго хода преподаванія ариметики. Отъ учителя ариметики потребуется также не мало педагогическаго такта и умѣнья при передачѣ методики этого предмета. Преподаваніе геометріи должно быть по преимуществу наглядное, тѣмъ болѣе, что почти всѣ предметы, окружающіе насъ, суть геометрическія формы и тѣла. Опредѣленіе величины этихъ предметовъ, измѣреніе ихъ, даетъ понятіе о геометрическихъ измѣреніяхъ. Но рядомъ съ наглядностью въ преподаваніи и развитіемъ самостоятельности, необходимо обращать преимущественное вниманіе на усвоеніе тѣхъ въ особенности геометрическихъ истинъ, которыя имѣютъ практическое примѣненіе. Дѣйствительно, трудно представить себѣ народнаго учителя, который бы не умѣлъ рѣшать вопросовъ, постоянно встрѣчающихся въ сельской жизни, какъ напримѣръ, измѣреніе разныхъ участковъ, спятіе плапа и т. п.; едва ли возможно не требовать отъ народнаго учителя, чтобы онъ научилъ своихъ учениковъ, какъ разрѣшать имъ потомъ въ жизни различные споры, возникающіе между ними изъ-за ошибки въ размѣрѣ полей и проч., какъ уберечь себя отъ опасностей, не разлучныхъ съ ошибками, происходящими отъ неправильной постройки жилищъ, амбаровъ и пр. А потому, крайне необходимо упражнять воспитанниковъ, какъ можно болѣе, въ рѣ-

шеніи различныхъ практическихъ задачъ, напримѣръ въ такомъ родѣ: — сколько квадратныхъ аршинъ занимаетъ данная комната? сколько кубическихъ футовъ воздуха заключается въ ней? какой длины, ширины и высоты долженъ быть амбаръ, который бы вмѣстилъ въ себѣ столько-то четвертей ржи? и т. п.; точно также при измѣреніи различныхъ поверхностей геометрическихъ тѣлъ должно обращать вниманіе на приложеніе ихъ, напримѣръ, къ измѣренію площадей полей, раздѣленію ихъ, на измѣреніе объемовъ, связь ихъ между собою и иѣсомъ, разсматривать, въ какой мѣрѣ возможно приложеніе геометрическихъ построеній къ ремесламъ, къ различнымъ хозяйственнымъ вопросамъ и проч.

„*Географія*. Цѣль преподаванія географіи должна заключаться въ ознакомленіи съ рельефомъ и климатическими условіями болѣе важныхъ географическихъ мѣстностей, равно также съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣютъ эти условія на развитіе растительной и животной жизни извѣстной мѣстности, на характеръ и свойства самого человѣка и на развитіе общественной и исторической жизни его. Выходя изъ педагогическаго принципа, что „не отдаленное и чужое, но близки находящееся и отечественное должно стоять во главѣ обученія“, — изученіе географіи должно начинаться съ родной мѣстности (отчизновѣдѣнія) и перейти, затѣмъ, къ отчизновѣдѣнію и мировѣдѣнію. Начиная изученіе географіи съ отчизновѣдѣнія выгодно въ томъ отношеніи, что учащіеся, во время прогулокъ, на мѣстѣ могутъ изучать всѣ элементарныя географическія понятія путемъ нагляднымъ, чрезъ непосредственное наблюденіе, которое не можетъ замѣнить ни одно изъ самыхъ лучшихъ искусственныхъ наглядныхъ пособій, были бы то рельефныя карты, глобусы, разныя модели и т. п., тѣмъ болѣе, что въ природѣ на каждомъ клочкѣ земли сосредоточены въ миниатюрѣ всѣ формы земной поверхности и многія изъ физическихъ ея свойствъ. Кроме того, отчизновѣдѣніе, заключаая въ себѣ прекрасный матеріалъ для первоначальныхъ упражненій, на ряду съ прочими предметами семинарскаго курса, неминуемо разовьетъ въ учащихся наглядность, приучитъ ихъ сознательно относиться къ приобретеннымъ познаніямъ и, въ то же время, подготовить учащихся къ послѣдующему курсу географіи. За отчизновѣдѣніемъ, — изученіемъ родной мѣстности, уѣзда, губерніи, — должно слѣдовать возможно подробное ознакомленіе съ Россійскою Имперіей и затѣмъ, по преимуществу, съ тѣми изъ иностранныхъ государствъ, которыя связаны съ Россією торговыми отношеніями, политическими, племеннымъ род-

ствомъ и единовѣріемъ. Курсъ долженъ быть законченъ систематическимъ обзорѣніемъ всѣхъ частей свѣта и болѣе подробнымъ очеркомъ математической и физической географіи. Вообще, карта, съ умѣніемъ чертить ее отъ руки, характеристика странъ и чтеніе или оживленный разказъ,—вотъ тѣ существенные приемы, которые должны господствовать въ преподаваніи географіи.

„Исторія. Цѣль ея: 1) познакомить съ судьбами исторической жизни Русскаго народа, съ чѣмъ тѣсно будетъ связано развитіе національнаго чувства и любви къ своей родинѣ. 2) Научить воспитанниковъ передавать въ начальной школѣ, при объяснительномъ чтеніи, важнѣйшія историческія событія простымъ, плавнымъ и понятнымъ разказомъ, затрогивающимъ умъ и сердце. Преподаваніе исторіи, какъ и географіи, слѣдуетъ начинать съ 1-го класса, съ исторіи той мѣстности, гдѣ находится семинарія, при чемъ должно быть указано на постепенное заселеніе края, на тѣ устные преданія, пѣсни, въ которыхъ говорится объ историческихъ событіяхъ края, равно также на племенное различіе въ краѣ и на отношеніе племенъ другъ къ другу, на бывшія смуты, время возникновенія городовъ, развитіе промышленности и торговли, просвѣщенія; не должны быть также упущены изъ виду курганы, развалины, постройки, какъ остатки старины и проч. За тѣмъ должно послѣдовать болѣе систематическое преподаваніе русской исторіи въ связи съ тѣми явленіями исторической жизни другихъ народовъ, знаніе которыхъ необходимо для лучшаго пониманія исторіи нашего отечества. Чтобы сдѣлатьзанятія по исторіи болѣе живыми и наглядными, полезно пользоваться при преподаваніи картинами, изображающими историческія сцены и заставлятъ, по возможности, самихъ учащихъся объяснять содержаніе показываемыхъ картинъ, полезно также показывать портреты историческихъ дѣятелей, прочитывать, если есть, стихотворенія, относящіяся къ ихъ біографіямъ. Такой приемъ преподаванія даетъ возможность обратить урокъ исторіи въ живую классную бесѣду, при чемъ главное вниманіе необходимо обращать на то, чтобы ученики сами объяснили изучаемые факты. Посредствомъ предлагаемыхъ ученикамъ вопросовъ учитель заставитъ ихъ подмѣчать характеристическія черты въ изучаемыхъ ими лицахъ и событіяхъ, заставитъ ихъ дѣлать сравненія и возможныя для ихъ умственнаго развитія выводы изъ фактовъ. Такимъ методомъ преподаванія исторіи учитель побудитъ учениковъ вдумываться въ изучаемыя ими событія, разовьетъ въ учащихъся самостоятельность, наблюдательность и сообразительность, что для семи-

наристовъ, какъ будущихъ учителей, весьма важно. Необходимо также давать воспитанникамъ различныя историческія статьи и сочиненія, могущія пополнить запасъ свѣдѣній и пробудить любовь къ полезному чтенію.

„Естествознаніе.“ Исходною точкой преподаванія должна тутъ служить та мѣстность, гдѣ мы живемъ. Для сокращенія объема преподаванія и для выигрыша времени, въ естественно-историческій курсъ, по преимуществу, должны войти необходимыя свѣдѣнія по части мѣстной ботаники, зоологій и минералогій. Кромѣ того, многія свѣдѣнія по этой части могутъ быть сообщены и помимо уроковъ, въ бесѣдахъ и на экскурсіяхъ съ учениками. Такъ, напримѣръ, собирая образцы камней, можно сказать о свойствѣ минераловъ, объ ихъ употребленіи и т. п.; собирая растенія и составляя изъ нихъ гербарій, можно сообщить о строеніи и жизни растений, о полезныхъ и вредныхъ растеніяхъ и т. п., тоже и по зоологій. Свѣдѣнія, добытыя помимо уроковъ, должны приводиться въ классѣ въ должную систему, при ознакомленіи учениковъ съ необходимыми къ тому руководствами. Привыкнувъ къ такимъ занятіямъ, народный учитель извлечетъ изъ нихъ пользу и въ будущей дѣятельности: онъ не будетъ скучать въ часы досуга и обставитъ свою школу, не дѣлая большихъ матеріальныхъ затратъ, всѣми наглядными пособиями, столь необходимыми при ознакомленіи учениковъ съ окружающей природой. Хорошо бы также было большую часть опытовъ производить при помощи самихъ простыхъ средствъ и машинъ, легко устраиваемыхъ домашнимъ образомъ, что и пригодилося бы будущему учителю при объясненіи тѣхъ же явленій.

„Единственный предметъ, входящій въ кругъ семинарскаго преподаванія и указывающій на спеціальное значеніе семинаріи, есть педагогика съ своими частями.— дидактикой и методикой. Уроки педагогики принадлежатъ непосредственно директору семинаріи. Эта наука должна развить въ учащихся горячую любовь къ тому поврищу, на которомъ они со временемъ будутъ дѣйствовать. Основныя педагогическія положенія, дидактика и методика курса народной школы, біографія тѣхъ изъ педагоговъ, жизнь которыхъ можетъ особенно сильно подѣйствовать на учащихся—вотъ содержаніе того, что должно входить въ курсъ педагогики въ обширномъ смыслѣ. Но будущему учителю недостаточно только знать, онъ долженъ умѣть прилагать добытыя знанія на практикѣ; съ послѣднею цѣлію устроивается при

семинаріи образцовая школа. „Всѣ школы“, говоритъ Дистервегъ, „учительская семинарія—*нѣчто*, съ нею—*все*“.

„Практическія занятія семинаристовъ по преподаванію въ школахъ, какъ и теоретическія, должны отличаться строгою послѣдовательностью въ своемъ развитіи. Такъ, напримѣръ, упражненія учениковъ 2-го класса и въ началѣ 3-го класса должно ограничить присутствіемъ ихъ на урокахъ въ начальной школѣ и воспроизведеніемъ этихъ уроковъ письменно. Къ преподаванію въ школахъ могутъ быть допущены только ученики 3-го класса и то въ началѣ съ ограниченіемъ слѣдующаго рода. Преподаватель долженъ сообщить ученикамъ матеріалъ и планъ урока, который они обязаны разработать письменно; затѣмъ подвергнуть трудъ свой оцѣнкѣ товарищей и преподавателя, исправить его сообразно сдѣланнымъ замѣчаніямъ, и только тогда они получаютъ право дать урокъ и то сперва небольшому числу учениковъ начальной школы. Только послѣ нѣсколькихъ упражненій въ такомъ родѣ можно дозволить ученикамъ выступить самостоятельно въ классѣ. Директоръ и наставники, по очереди, присутствуютъ въ школахъ при преподаваніи въ ней семинаристовъ. Преподаватели русскаго языка и математики руководятъ обученіемъ каждый по отношенію къ своему предмету. Преподаватели же тѣхъ предметовъ, которыхъ нѣтъ въ народной школѣ, должны руководить объяснительнымъ чтеніемъ, каждый по предметамъ своей спеціальности.

„Теоретическимъ и практическимъ курсомъ еще не вполнѣ исчерпывается задача семинаріи. Для учителя, а тѣмъ болѣе для народнаго, не достаточно знать и умѣть. Отъ него необходимо требовать, чтобы онъ былъ образцовой нравственности, чтобы убѣжденія его были проникнуты идеей христіанства. Всего же болѣе, въ этомъ отношеніи, должно ожидать не отъ огораждающихъ и поудительныхъ мѣръ, а отъ примѣра и нравственнаго вліянія всѣхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ дѣло воспитанія и обученія въ семинаріи; отъ тѣхъ теплыхъ, искреннихъ отношеній наставниковъ къ воспитанникамъ, которыя непремѣнно должны существовать въ этомъ заведеніи. Вообще солидарность, дружное и добросовѣстное стремленіе къ осуществленію общей цѣли заведенія нигдѣ такъ необходимы, какъ въ семинаріи; только ими можно создать характеръ, выработать прочное направленіе и твердыя убѣжденія будущаго школьнаго учителя, и такимъ образомъ, поставить школу и народное образованіе на прочную почву. За воспитанниками семинаріи, безъ сомнѣнія, долженъ быть надзоръ, даже наблюденіе за квартирами должно быть раздѣ-

6

часть CLXXVI, отд. 4.

лено между преподавателями. Если въ наставникахъ, посѣщающихъ ихъ квартиры, они будутъ видѣть только надзирателей за нравственностью, съ цѣлью оцѣнки ихъ поведенія, то нельзя ожидать со стороны воспитанниковъ ни искренности, ни откровенности. Понятно, что подобныя отношенія положительно вредны, потому что они разовьютъ въ учащихся такіе недостатки, какъ притворство, скрытность, обманъ,—качества, едва ли терпимыя въ будущемъ народномъ учителѣ. Напротивъ, если въ наставникахъ они встрѣтятъ прежде всего людей, принимающихъ самое горячее, живѣйшее участіе въ ихъ нуждахъ, потребностяхъ, готовыхъ при всякомъ случаѣ помочь имъ добрымъ совѣтомъ и т. п., которые, наконецъ, потому только и ходятъ къ нимъ, что искренно заинтересованы въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ предметъ и цѣль ихъ занятій и стремленій, тогда дѣйствительно можно сказать, что между наставниками и семинаристами установилась прочная нравственная связь. Только подъ этимъ условіемъ и возможно нравственно-воспитывающее вліяніе. Съ цѣлью единенія наставниковъ съ воспитанниками и для облагороженія послѣднихъ весьма полезно устроить въ семинаріи въ свободное, особенно праздничное время, бесѣды, на которыхъ читались бы отрывки изъ болѣе замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей и поэтовъ, декламировались бы стихи, читались и разбирались самостоятельныя ученическія произведенія, показывались картины при помощи иллюминаціоннаго фонаря, производились химическіе и физическіе опыты и проч. и, для большаго разнообразія, допускались бы музыка и пѣніе.

„Очертивъ, на сколько было возможно, задачу и значеніе учительской семинаріи, переходжу къ открываемому нынѣ учебному заведенію.

„Существованіемъ своимъ оно обязано Высочайшей волѣ Государя Императора, послѣдовавшей 11-го ноября 1873 года, мѣстной потребности въ народныхъ учителяхъ, а также сочувствію и матеріальной поддержкѣ со стороны земства Псковской губерніи, которое постановило дать на нужды семинаріи одновременно 3.000 рублей, и затѣмъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, отпускать ежегодно по 2.100 рублей. На первый учебный годъ постановлено открыть при семинаріи только первый курсъ и начальную школу. Съ іюля послѣдовало назначеніе штата служащихъ, который ко дню открытія заведенія былъ уже въ полномъ составѣ. 20-го августа приступлено было къ пріемнымъ испытаніямъ. Желающихъ поступить въ семинарію явилось 46 человекъ; но изъ нихъ 22-мъ отказано вслѣдствіе устава о воинской повинности, дающаго льготу по образованію

въ семинаріи до 22-лѣтняго возраста. Изъ 24-хъ человѣкъ, допущенныхъ къ экзамену, принято въ семинарію 15; по, вслѣдствіе поступленія новыхъ просьбъ, пріемъ не законченъ и экзамены будутъ продолжаться въ сентябрѣ". При семинаріи открыто теперь и училище, въ которое поступило 20 дѣтей, въ томъ числѣ 4 дѣвочки.

Послѣ этого пѣвчими пропѣтъ былъ народный гимнъ. По единодушному желанію публики, была послана г. министру народнаго просвѣщенія телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Сегодня, по совершеніи торжественнаго молебствія, послѣдовало открытіе Псковской учительской семинаріи. Всѣ присутствующіе просить ваше сіятельство принять выраженіе искренней признательности за избраніе города Пскова мѣстомъ учрежденія этого заведенія“.

На что получена была отъ г. министра на имя губернатора слѣдующая телеграмма:

„Покорно прошу васъ принять и передать всѣмъ присутствовавшимъ, при открытіи учительской семинаріи мою признательность за ихъ ко мнѣ вниманіе. Искренно желаю полнаго успѣха этому, столь важному для края, учебному заведенію“.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

9/10 октября 1874 года.

I.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, когда я былъ лишень возможности доставлять вамъ свои обычныя корреспонденціи, не произошло почти ничего особенно замѣчательнаго въ нашемъ училищномъ мірѣ. Не разъ, впрочемъ, собирався для совѣщаній высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія и въ числѣ новыхъ его административныхъ распоряженій особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: во первыхъ, окончательно состоялась мѣра, о которой я заранѣе и лишь по ходившимъ о ней слухамъ извѣщалъ васъ весьма подробно, а именно, отнынѣ экзамены на степень бакалавра должны происходить въ два различные срока, съ значительнымъ промежуткомъ между ними; во вторыхъ, совѣтъ произвелъ весьма существенныя перемены въ программахъ классовыхъ занятій нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Извѣстно, что классы въ этихъ заведеніяхъ (*lycées* и *collèges*) раздѣляются на три категоріи: 1) классы элементарныя (восьмой и седьмой) для дѣтей отъ 8-ми до 12-тилѣтняго возраста; 2) классы грамматики (*classes de grammaire* — шестой, пятый и четвертый), и наконецъ 3) высшіе классы (*classes supérieures* или, какъ иначе называютъ ихъ, *classes de lettres*), гдѣ молодыхъ людей заставляютъ упражняться въ сочиненіяхъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Первые изъ этихъ классовъ, то-есть, элементарныя существуютъ не во всѣхъ лицеехъ.

Вотъ какъ распределены теперь учебныя занятія по понямъ программъ: въ *элементарныхъ классахъ*: французская грамматика съ изученіемъ орфографіи; священная исторія; основныя понятія о всеобщей географіи и физическая географія Франціи; краткая геогра-

фія Палестины; латинская граматика; переводъ *Epitome historiae sacrae*, составленнаго въ прошломъ столѣтіи Ломондомъ; *De viris illustribus*, того же автора, и небольшой книжки *De duobus et heroicis poeticis*, изданной въ прошломъ столѣтіи іезуитомъ Жюванси. Г. Жюль Симонъ, во время управленія своего министерствомъ народнаго просвѣщенія, пытался замѣнить эти компиляціи чтеніемъ подлинныхъ латинскихъ авторовъ, но попытки его не увѣчились успѣхомъ. Что касается до упражненій во французскомъ языкѣ, то для этого избраны преимущественно басни Лафонтена и Флоріана.

Программою для среднихъ классовъ (*classes de grammaire*) постановлено: для *шестинаго* класса—продолженіе прежнихъ упражненій по французски; латинская граматика и синтаксисъ съ переводомъ „*Selectae e profanis scriptoribus historiae*“ (компиляціи въ родѣ указанныхъ выше) и басень Федра. Изъ греческаго языка склоненія и первая часть спряженій; при этомъ чтеніе басень Эзопа и избранныхъ мѣстъ изъ легчайшихъ авторовъ. Древняя исторія востока; географія Азіи, Африки, Америки и Океаніи. Въ *пятомъ* классѣ: французская граматика; отрывки изъ Фенелонова „*Dialogue des morts*“, „Эсфирь“ Расина. Латинская граматика и синтаксисъ, „*Selectae historiae*“, Юстинъ, Корнелій Непотъ, метаморфозы Овидія. Греческая граматика: продолженіе склоненій и спряженій и начальныя правила синтаксиса. Переводъ діалоговъ Лукіана и Ксенофоновой Киропедіи. Исторія древней Греціи. Общая географія Европы. Въ *четвертомъ* классѣ: французская граматика; Фенелоновъ „*Телемакъ*“ и Расинова „*Аталія*“. Изъ латинскаго языка повтореніе грамматики и основныя свѣдѣнія о просодіи; комментаріи Цезаря; избранныя мѣста изъ переписки Цицерона; Квинтъ-Курцій, Овидій, I и II пѣсни Вергиліевой Энеиды. По греческому языку повтореніе пройденнаго изъ грамматики; евангеліе св. Луки по гречески; Ксенофонтъ и нѣсколько біографій Плутарха; Геродотъ.—Исторія древняго Рима. Географія Франціи. Съ этого класса начинается геометрія, тогда какъ во всѣхъ предшествовавшихъ проходила арифметика.

Переходимъ теперь къ высшимъ классамъ. *Третій* классъ: исторія французскаго языка и литературы (для чтенія приняты тутъ Вольтеровъ Карлъ XII, „*Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*“ Монтескье, сатиры Буало), французскія сочиненія. По латинскому языку: повтореніе грамматики и просодіи. *Pro Archia*, *De signis*, *De supplicio* Цицерона, Саллюстій, нѣсколько комедій Теренція, элоги Вергилія и отрывки изъ геогр-

гикъ; III и IV пѣсни Энеиды. Въ этомъ классѣ, одновременно съ сочиненіями на латинскомъ языкѣ, начинаются также упражненія въ латинскомъ стихотворствѣ. Изъ греческаго языка: Исократовъ „Панегирикъ“, діалоги Лукіана и біографіи Плутарха, Геродотъ, Иліада, творенія отцевъ церкви; греческія сочиненія. Исторія европейскихъ государствъ отъ V до конца XIII вѣка. Физическая, политическая и экономическая географія Франціи.—*Второй классъ*: продолженіе исторіи французскаго языка и литературы: „Discours sur l'histoire universelle“ Боссюэта, „Les caractères“ Лабрюйера, „Petit catéchisme“ Массильона, „Epîtres“ Буало, замѣчательнѣйшія произведенія классическаго театра; разборъ французскихъ авторовъ; сочиненія. Изъ латинскаго языка: „Narrationes excerptae“, въ которыхъ произведенія Цицерона (рѣчи противъ Катилины, De senectute, De amicitia), жизнеописаніе Агриколы Тацита, VI, VII и VIII пѣсни Энеиды, оды Горация, избранныя мѣста изъ западныхъ отцевъ церкви; писаніе сочиненій прозаическихъ и стихотворныхъ. По греческому языку: филиппики и олімпскія рѣчи Демосфена, „Апологія Сократа“ и „Критопъ“ Платона, Одиссея, трагедіи Эврипида. Исторія европейскихъ государствъ отъ конца XIII до начала XVII вѣка. Географія Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Алгебра, геометрія. Естественная исторія.

Классъ *риторики* имѣетъ особенную важность относительно всѣхъ учебныхъ предметовъ; многіе изъ молодыхъ людей, которые отличаются лучшими способностями, остаются въ немъ болѣе установленнаго срока, вслѣдствіе чего и произошло обычное раздѣленіе воспитанниковъ этого класса на „новичковъ“ и „старичковъ“. Занимаются здѣсь преимущественно изученіемъ риторики и упражненіями въ ораторскомъ краснорѣчіи на латинскомъ и французскомъ языкахъ.

Въ программѣ французскаго языка для означеннаго класса сдѣлано довольно существенное измѣненіе, а именно, въ нее вошли избранныя мѣста изъ замѣчательнѣйшихъ писателей XVI вѣка. До сихъ поръ молодые люди знакомились только съ литературою XVII и XVIII столѣтій и не имѣли почти никакого понятія о томъ, что представляло ей. Главная ~~цѣль~~ ^{задача} упражненій въ такъ-называемыхъ „discours français“ состоитъ въ томъ, чтобы приучить воспитанниковъ владѣть изысканною рѣчью; но на достиженіе этой цѣли обращали у насъ слишкомъ уже исключительное вниманіе: высшій совѣтъ старается помочь этому недостатку, требуя отъ молодыхъ людей критическаго разбора изучаемыхъ ими писателей.

Что касается до другихъ предметовъ, то изъ латинскаго языка стоятъ въ программѣ „*Conciōnes excerptae*“, то-есть, отрывки изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ, а также изъ Цицерона, Вергилія, Горация, Лукреція и Плавта; по греческому языку — избраннѣйшія мѣста изъ Аристотелевой политики, изъ рѣчей Демосфена, изъ Платонова „Федона“, Гомера, Софокла и Аристофана. — Исторія Европы отъ 1610 до 1789 г. съ повтореніемъ пройденнаго прежде курса. Физическая и политическая географія Франціи и ея колоній. Геометрія. Космографія.

Наконецъ переходимъ къ послѣднему классу — *классу философіи*. Сюда отнесено преподаваніе тѣхъ наукъ, которыя въ другихъ европейскихъ государствахъ составляютъ принадлежность университетскаго курса, и вотъ почему многіе молодые люди старательно избѣгали этого класса; они знакомились по кое-какимъ учебникамъ съ элементарными понятіями о философіи и прямо изъ класса реторики спѣшили держать экзаменъ на степень бакалавра. Высшее учебное начальство давно уже заботилось объ искорененіи этого зла; бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи думалъ отстранить его тѣмъ, что отъ явившихся на испытаніе стали требовать довольно обширныхъ диссертаций по предмету философіи, но и эта мѣра не принесла пользы. Только теперешнему высшему совѣту удалось достигнуть цѣли, благодаря той реформѣ, которую произвелъ онъ въ порядкѣ испытаній на ученую степень.

Въ классѣ, о которомъ идетъ рѣчь, преподаются главнымъ образомъ философскія науки (логика, психологія и т. д.) и исторія этихъ наукъ. Воспитанники усиленно занимаются, кромѣ того, диссертациями на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Вотъ тѣ классическія произведенія, которыя предназначены для этого класса: Ксенофонтъ о Сократѣ; Платоновъ Федонъ и VII глава его республики; *De officiis*, *De finibus bonorum et malorum* Цицерона, логика Поръ-Рояля; „*Discours de la méthode*“ Декарта; философскія сочиненія Паскаля; „*Traité de la connaissance de Dieu et de soi-même*“ Боссюэта, „*Traité de l'existence de Dieu*“ Фенелона, теодицея Лейбница. Повѣйшая исторія отъ 1789 до 1848 года. Повтореніе арифметики, геометріи, алгебры и космографіи. Физика и химія.

Я изложилъ, быть можетъ, слишкомъ подробно повня программы нашихъ лицеевъ, но надѣюсь, что вы не посѣтуете на меня за это, ибо предметъ самъ по себѣ представляетъ значительный интересъ. Любопытно сопоставить съ этими программами темы для сочиненій,

торые другіе труды, заслуживающіе по мѣнѣю ея, особеннаго вниманія, напримѣръ, „Очеркъ исторіи французскаго языка“ г. Белиссе, „Дипломаты временъ Лиги“ г. Эдуарда Фреми и „Славянскій міръ“ г. Луи Дежера. Темою для соисканія преміи краспорѣчій академія избрала въ нынѣшнемъ году похвальное слово знаменитому проповѣднику Бурдалу и преміи этой удостоились одинъ изъ нашихъ молодыхъ профессоровъ, г. Фѣжеръ, который скоро будетъ защищать въ парижскомъ факультетѣ диссертацию по тому же самому предмету. Носятся слухи, что ему же, въ качествѣ помощника г. Ломени, предназначается катедра французской литературы въ Collège de France.

Для конкурса будущаго года академія назначила разсужденіе „о геніи Рабле, о характерѣ и значеніи его произведеній“. Она требуетъ при этомъ не кропотливаго изслѣдованія, а по возможности оживленной и яркой оцѣнки великаго писателя, съ указаніемъ, сколько ума, здраваго смысла, философской и политической пронипательности скрывалось у него часто подъ грубою и циническою обстановкою.

Французская наука и литература понесли въ полномъ смыслѣ слова непоправимую потерю въ лицѣ г. Гизо. Творенія его слишкомъ извѣстны всей образованной европейской публикѣ, чтобы упоминать здѣсь о нихъ подробно. Г. Гизо занималъ почетное мѣсто въ каждой изъ нашихъ пяти академій. Онъ родился въ Нимѣ, въ 1797 году; родители его были протестанты и до конца жизни оставался онъ неизмѣнно вѣрею этому исповѣданію. Литературная его дѣятельность начинается съ 1809 года, когда обратилъ онъ на себя общее вниманіе своимъ „Словаремъ французскихъ синонимовъ“ и переводомъ знаменитаго творенія Гиббона о римской имперіи. Въ 1812 году получилъ онъ катедру въ Сорбоннѣ, а при Бурбонахъ выступилъ и на политическое поприще, ревностно отстаивая либеральныя принципы, вслѣдствіе чего лишился своей катедры въ 1825 году. Онъ снова занялъ ее лишь по истеченіи шести лѣтъ, въ царствованіе Людовика-Филиппа. Изъ него, Кузена и Вильмена образовался тотъ литературный триумvirатъ, который привлекалъ къ себѣ вниманіе всей просвѣщенной Европы, хотя нужно сказать, что онъ былъ неизмѣримо выше пазванныхъ нами сейчасъ ученыхъ, раздѣлавшихъ съ нимъ почетную извѣстность. Въ 1832 году Гизо поручено было министерство народнаго просвѣщенія, управленіи котораго онъ оказалъ огромныя услуги: его собственно можно назвать творцемъ той учебной системы, которая господствуетъ нынѣ во Франціи. Отстраненный отъ всякой политической дѣятельности зло-

получною революціей 1848 года, г. Гизо удалился въ частную жизнь, но и при второй имперіи, благодаря высокому значенію французской академіи, въ которой вліяніе его было чрезвычайно сильно, онъ все-таки игралъ не маловажную роль.

Было бы долго исчислять здѣсь всѣ произведенія этого знаменитаго дѣятеля, въ которомъ такъ трудно отдѣлить писателя отъ профессора и профессора отъ политическаго человѣка. Последнимъ его трудомъ была „Histoire de France, racontée à mes petits enfants“: печатаніе IV тома этой книги началось еще при жизни автора и увѣряютъ теперь, что по сохранившимся рукописямъ онъ будетъ доведенъ до конца, то-есть, до 1789 года.

Со смертью г. Гизо въ каждой изъ трехъ академій открывается по одному вакантному креслу: въ Академіи надписей и излщной словесности думаютъ, кажется, замѣстить покойнаго г. Дежарденомъ. ученымъ издателемъ карты Пейтингера; въ Академіи французской явится кандидатомъ профессоръ Collège de France, г. Гастонъ Буассье.

III.

Перехода къ замѣчательнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ, появившимся въ послѣднее время, я долженъ прежде всего остановиться на трудѣ писателя и ученаго, который былъ названъ мною сейчасъ. Г. Буассье издалъ весьма обширное изслѣдованіе (въ двухъ томахъ) о „Римской религіи отъ Августа до Антониновъ.“ (La religion romaine d'Auguste aux Antonins). Это новое изслѣдованіе, конечно, еще болѣе упрочить почетную репутацію, которую составила автору его прежняя книга „Цицеронъ и его друзья“ (Cicéron et ses amis), переведенная на различныя европейскіе языки и, между прочимъ, на нѣмецкій. „Читатель“, говоритъ г. Буассье въ предисловіи, „который перешелъ бы вдругъ отъ писемъ Цицерона къ корреспонденціи Марка-Аврелія, очутился бы въ совершенно новомъ для него мірѣ. Въ теченіе двухъ вѣковъ римское общество подверглось коренному перевороту, и конечно, изъ всѣхъ испытанныхъ имъ переменъ самую замѣчательною и наименѣе ожидаемую является переходъ отъ неврія къ набожности. Въ письмахъ Цицерона нигдѣ не встрѣчаемся мы съ религіей, — о ней не упоминается тамъ ни слова. По всему вѣроятію, она занимала извѣстное мѣсто въ жизни друзей и товарищей великаго оратора, ибо каждый изъ нихъ принадлежалъ къ какой-нибудь коллегіи жрецовъ и правильно совершалъ предписанные обряды, но она не владѣла ихъ сердцемъ. Напротивъ того, въ пе-

репискѣ Марка-Аврелія безпрерывно идетъ рѣчь о религіи, боги упоминаются на каждомъ шагѣ... Во II вѣкѣ всѣ философы становятся вѣрующими и даже суевѣрными; самъ Маркъ-Аврелій горячо благодаритъ боговъ за то, что въ сповѣдніи открыли они ему лекарства, которыми онъ можетъ исцѣлиться отъ своихъ болѣзней“. Г. Буассье ставитъ себѣ задачею изслѣдовать причины подобной перемѣны въ настроеніи римскаго общества и для этого онъ не ограничивается собственно религіозною сферою. „Движеніе, намѣченное мною“, говоритъ онъ, „я намѣреваюсь прослѣдить въ полномъ его развитіи, въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ, повсюду, гдѣ оно ни проявлялось — какъ въ храмахъ, такъ и въ философскихъ школахъ; я буду подробно останавливаться на системахъ, которыя были придумываемы философами съ цѣлю разрѣшить религіозныя сомнѣнія, и на усиліяхъ моралистовъ исправить нравы современнаго имъ общества“. По мнѣнію ученаго автора, въ исторіи римскаго язычества со временъ Августа надо различать два момента: тотъ, когда этотъ культъ развивался самъ собою, сообразно своему принципу и свойствамъ, и тотъ, когда онъ дѣлалъ попытки примѣниться къ христіанскому ученію, вступившему съ нимъ въ борьбу. Г. Буассье сосредоточиваетъ свое вниманіе почти исключительно на первомъ изъ этихъ моментовъ; онъ доводитъ свое изслѣдованіе до временъ Марка-Аврелія, до той поры, когда начинается повсемѣстная и открытая проповѣдь христіанства. Этотъ періодъ представляетъ нѣчто цѣльное и имѣетъ важность для изученія постепеннаго торжества самой христіанской религіи, ибо указываетъ, съ какими вѣрованіями приходилось ей имѣть дѣло, что это былъ за культъ, разлагавшійся предъ ея вѣчными истинами, каково было нравственное состояніе римскаго общества въ I и II столѣтіяхъ. Многіе французскіе ученые занимались уже этимъ важнымъ предметомъ, — между прочимъ г. Шампани въ 3-мъ томѣ своей „Исторіи цезарей“ и г. Гавс въ своемъ сочиненіи объ „Эллинизмѣ и первыхъ временахъ христіанства“. Этотъ послѣдній трудъ сопрягается многими своими сторонами съ приведеннымъ трудомъ г. Буассье, хотя авторы приходятъ къ совершенно различнымъ заключеніямъ.

Г. Буассье не только воспользовался для изданной имъ теперь книги повѣвшими изслѣдованіями германскихъ и французскихъ писателей, но также и источниками, къ которымъ мало обращались у насъ до сего времени, а именно собраніями надписей Орелли, Моммзена, Леона Ренье и т. д. Все это было употреблено имъ въ дѣло съ обычнымъ его талантомъ. Сначала излагаетъ онъ въ общихъ чер-

тахъ римскую языческую религію, за тѣмъ изслѣдуетъ судьбы этой религіи въ послѣднія времена республики и при императорѣ Августѣ (преимущественно по произведеніямъ Вергілія), реформы этого императора относительно улучшенія нравовъ, философскія системы, возникшія въ послѣдующее время (Сенека, Эпиктетъ), состояніе общества при Антонинахъ, семейный бытъ, различныя ассоціаціи, и все это оканчиваетъ изложеніемъ тѣхъ условій, которыя должны были содѣйствовать побѣдѣ христіанскаго ученія. Книга г. Гастона Буассье встрѣчена была единодушными похвалами нашей критики.

Ученый, менѣе извѣстный, но обладающій несомнѣнными достоинствами, г. Фердинандъ Делоне издалъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, изслѣдованіе, которое можетъ служить какъ бы дополненіемъ къ упомянутому мною труду г. Буассье, ибо и въ немъ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ христіанства къ разлагавшемуся язычеству: сочиненіе это озаглавлено „Монахи и сивиллы въ греко-іудейскомъ древнемъ мірѣ“ (*Moines et sibylles dans l'antiquité judeo-grecque*, par F. Delaunay). Почтенный авторъ уже извѣстенъ своимъ основательнымъ изслѣдованіемъ о Филонѣ Александрійскомъ; онъ доказалъ, что трактатъ „О созерцательной жизни“, который долгое время только приписывали Филону, дѣйствительно принадлежитъ этому лицу. Г. Делоне сдѣлалъ его переводъ, чрезвычайно точный, при чемъ онъ руководился стариннѣйшими рукописями. Запнимался изученіемъ Филона, онъ обратилъ вниманіе на александрійскія и еврейскія секты и плодомъ этого была книга, которая состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: монашество у Евреевъ, монашество въ Александріи, греческія сивиллы, капитолійскіе оракулы, еврейскія сивиллы, идея мессіанизма, апокрифы. Г. Делоне подробно объясняетъ, какимъ образомъ само древнее общество, истомленное нравственными недугами, шло на встрѣчу христіанству и жаждало спасительнаго его свѣта. Авторъ, одинъ изъ сотрудниковъ католическаго органа *Correspondant*, — глубоко вѣрующій человекъ, что не помѣшало, однако, г. Режану отозваться въ Академіи падписей съ большими похвалами объ его обширной эрудиціи и добросовѣстности его изысканій.

Появилась вторымъ изданіемъ диссертация, которую г. Октавъ Гресаръ защищалъ въ парижскомъ словесномъ факультетѣ еще въ 1866 году: „О нравственности у Плутарха“ (*De la morale de Plutarque*, par Octave Greard). Въ свое время этотъ трудъ удостоился преміи Французской академіи и г. Вильменъ сдѣлалъ о немъ слѣдующій отзывъ въ своемъ отчетѣ: „Авторъ старается отстранить все

то, что называется онъ легендою о Плутархѣ... Баснямъ, возникшимъ въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія, противопоставляетъ онъ настоящую дѣйствительность, рисуетъ намъ жизнь гениальнаго писателя именно такою, какою могла она сложиться тогда подъ римскимъ владычествомъ. Въ біографіи, вышедшей изъ-подъ пера г. Греара, разсѣяно много тонкихъ и ученыхъ изысканій о сочиненіяхъ Плутарха и о нравахъ той эпохи: въ семейномъ быту, въ муниципальныхъ учрежденіяхъ римскихъ провинцій, въ общественномъ и мѣстномъ культѣ авторъ уловилъ множество характеристическихъ чертъ для своего разказа. Читатели найдутъ въ этой книгѣ въ высшей степени нравственное чтеніе: она написана искусно и не безъ краснорѣчія и, отличаясь большими философскими достоинствами, служить въ то же время превосходнымъ историческимъ этюдомъ". Общественное мнѣніе вполне подтвердило приведенный нами сейчасъ приговоръ г. Вильмена.

Не такъ давно появился посмертный трудъ весьма почтеннаго филолога, г. Ф. Менье, „Алфавитный указатель къ грамматикѣ Боппа“, переведенной на французскій языкъ г. Бреалемъ. Этотъ указатель продается и отдѣльно отъ самой грамматики.

Г. Брюйеръ перевелъ по французски народныя русскія сказки, изданія Англичаниномъ, г. Ральстономъ. Къ сожалѣнію, переводчикъ выпустилъ изъ этой книги всю научную часть, всѣ объясненія и старался познакомить публику только съ самими сказками. Забѣчу здѣсь кстати, что г. Ральстонъ издалъ краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго подъ заглавіемъ: „Early Russian History.“

Въ Сорбоннѣ происходила недавно публичная защита двухъ диссертаций: г. Леонъ Буше, бывшій преподаватель французской Страсбургской гимназій, выступилъ съ слѣдующими темами; „Iogannes Bascelarius“, и „Вилліамъ Коуперъ, его корреспонденція и стихотворенія“, а темами, избранными г. Лапуаномъ, окончившимъ курсъ наукъ въ Нормальной школѣ, были: „De Cicerone contra oratores atticos disputante“ и „Исторія французскихъ среднеучебныхъ заведеній въ XVII вѣкѣ“.

Академія надписей избрала преемникомъ покойному Целе г. Леона Гезе (Heuzeu), археолога, извѣстнаго преимущественно своими изысканіями въ Греціи и Македоніи, а въ Академіи политическихъ и нравственныхъ наукъ кресло Мишле досталось г. Целлеру.

Л. Л-ръ.

А. И. АРТЕМЬЕВЪ ¹⁾.

(НЕКРОЛОГЪ).

Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщено окончаніе статьи, которая, подъ заглавіемъ „Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи“, представляетъ рядъ весьма любопытныхъ очерковъ изъ исторіи просвѣщенія, въ сѣверо-восточной Россіи, въ срединѣ прошлаго вѣка. Автору этого труда не суждено было видѣть его окончаніе въ печати: Александръ Ивановичъ Артемьевъ скончался 29-го сентября текущаго года здѣсь въ Петербургѣ, послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ страданій.

Имя его не принадлежало къ числу общезвѣстныхъ за пределами круга ученыхъ специалистовъ. Но тѣмъ не менѣе А. И. Артемьевъ олицетворялъ собою одинъ изъ лучшихъ типовъ ученаго дѣятеля. Любовь къ наукѣ и обширность познаній соединялись въ немъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ и необыкновенною скромностью: въ глазахъ многихъ это рѣдкое достоинство, быть можетъ, заслоняло другія его качества, какъ ученаго и человѣка; но кто ближе всматривался въ эту личность, для того скромность покойнаго лишь ярче освѣщала его достоинства.

Александръ Ивановичъ былъ уроженецъ юго-восточной Россіи: онъ родился въ г. Хвалынскѣ 4-го октября 1820 года. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ пере-

¹⁾ Скудные біографическія данныя этого некролога заимствованы изъ формулярнаго списка А. И. Артемьева и краткой записки о его жизни, составленной съ его собственныхъ показаній и напечатанной въ № 193 *Всемирной Иллюстраціи* 1872 года, гдѣ можно найти и весьма схожіи портреты покойнаго. Нельзя не пожелать, чтобы кто-либо изъ лицъ, близко и много лѣтъ знавшихъ его, составилъ обстоятельную его біографію.

шелъ въ Саратовскую гимназію, и по окончаніи здѣсь курса въ 1837 году, поступилъ въ Казанскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, по восточному отдѣленію и разряду китайской словесности. По тогдашнему распредѣленію предметовъ преподаванія на этомъ факультетѣ, студенты слушали почти полный курсъ отдѣленія словеснаго; такимъ образомъ, и Александръ Ивановичъ, состоя на китайскомъ разрядѣ, слушалъ всеобщую и русскую исторію у одного изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ этого предмета въ свое время—И. А. Иванова, извѣстнаго обширностью своихъ познаній и большимъ критическимъ талантомъ. Подъ руководствомъ даровитаго преподавателя А. И. Артемьевъ пристрастился къ изученію русской исторіи и древностей. Съ другой стороны, и способности молодого человѣка не остались незамѣченными его паставниками: онъ окончилъ университетскій курсъ въ 1841 году съ золотою медалью и степенью кандидата и былъ оставленъ при университетѣ въ должности помощника библіотекаря (съ 10-го января 1842 года).

Съ первыми мѣсяцами службы покойнаго въ этой должности совпадаетъ одно изъ тѣхъ печальныхъ событій, жертвою которыхъ не разъ была Казань, какъ многіе другіе русскіе города, особенно въ то время. Описаніе этого событія сохранилось въ одной изъ статей покойнаго, и мы приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно живо изображаетъ и ученыя наклонности молодого библіотекаря, и его горячее религіозное чувство: „Страшный пожаръ 24-го августа 1842 года, разрушившій большую часть Казани, истребившій астрономическую и магнитную обсерваторіи и другія зданія университета, грозилъ тѣмъ и библіотекѣ... Уже загорѣлось заднее крыльцо и весь юго-западный уголъ ея, сгорѣли рамы, и затворились желѣзные ставни въ окнахъ ея съ южной стороны; ураганъ сыпалъ милліоны искръ и бросалъ цѣлыя головки внутрь главной залы... Спасать, то-есть, выносить 40.000 томовъ, не было никакой возможности; да и куда спасать, когда казалось, что жертвою пламени будетъ весь городъ?... Только то, что составляло гордость библіотеки, важнѣйшія изъ рукописей были вынесены на рукахъ студентовъ на Арское Поле—остальное передано на волю Божию. Снова съ опасностью жизни затворили ставни, заперли двери; библіотекарь перекрестилъ эту дверь, самъ и его помощники поклопились предъ нею въ знакъ прощанья... Трогательно было это прощанье!... И сила Животворящаго Креста спасла библіотеку, потому что силы человѣческія никогда бы не были въ состояніи это сдѣлать. Библіотека собою даже защищала всѣ прочія зда-

нія университета: загорись она, тогда неизвѣстно чѣмъ и когда кончился бы пожаръ?...¹⁾ Такимъ образомъ, бібліотека уцѣлѣла, и утраты ея въ этотъ день простирались всего до 73 сочиненій; но на долю А. И. Артемьева, какъ и другихъ хранителей, выпало нелегкое дѣло—приводить ее въ порядокъ послѣ грозившей опасности.

Александръ Ивановичъ любилъ и зналъ книги, и потому должность, которую онъ занималъ, была ему вполне по душѣ. За то и обязанности бібліотекаря, которыя онъ несъ на себѣ около десяти лѣтъ, были имъ выполнены такъ, какъ онѣ рѣдко выполняются другими. Онъ написалъ исторію бібліотеки Казанскаго университета (напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1851 г., чч. LXX и LXXII, отд. III), издалъ въ 1851 г., въ Казани, каталогъ русскихъ и иностранныхъ книгъ той части ея, которая носитъ названіе студентской (въ 1850 г. въ ней было 2.220 названій, 6.394 экземпляра въ 9.839 томахъ на сумму 20.619 руб. 90 коп.), и наконецъ, составилъ весьма замѣчательное подробное описаніе славянскихъ, русскихъ и вообще европейскихъ рукописей, принадлежащихъ бібліотекѣ (въ 1851 г. ихъ числилось тамъ 190). „Въ описаніи своемъ“ — такъ говорилъ послѣдствіемъ авторъ о своемъ трудѣ, — „я не только старался опредѣлить вѣкъ рукописи и мѣсто ея написанія, но также, смотря по надобности, излагалъ содержаніе рукописей и приносилъ много извлеченій изъ нихъ для ознакомленія съ языкомъ рукописи, такъ и для показанія любопытнѣйшихъ фактовъ. Описаніе свое я дополнялъ разными историческими примѣчаніями и бібліографическими ссылками на изданія гг. Кеппена, Востокова, Строева и проч., и присовокупилъ алфавитный указатель всѣхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ рукописяхъ или въ описаніи ихъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, я, по мѣрѣ возможности, описанія свои сравнивалъ съ рукописями одинаковаго содержанія, находящимися въ Императорской Публичной бібліотекѣ и Румянцевскомъ музеумѣ, и также, гдѣ, по моему мнѣнію, казалось это нужнымъ, сдѣлалъ замѣчанія о найденныхъ мною различіяхъ или сходствѣ между рукописями этихъ бібліотекъ и бібліотеки Казанской. Сверхъ того, я снялъ также нѣсколько заводскихъ знаковъ (Wasserzeichen) съ бумаги, помещенныхъ въ палеографическихъ снимкахъ Лаптева и Тромовина. Въ такомъ видѣ и по такому плану составлялось мною, и составлено, опи-

¹⁾ Прогулки по Казани. VI. Университетская бібліотека, стр. 150 — 152 (отдѣльнымъ оттискомъ въ *Казанскихъ губернскихъ ведомостяхъ* 1850 года).

саніе рукописей библиотеки Императорскаго Казанскаго университета. Зная, что планъ этотъ былъ слишкомъ обширенъ, и можетъ быть, не вполне соответствовать какъ моимъ силамъ и палео-библіографическимъ познаніямъ, такъ и важности самихъ рукописей, — тѣмъ не менѣе могу сказать, что выполнить его старался я по крайнему разумѣнію и съ полною добросовѣстностію, тѣмъ болѣе, что, занимаясь преимущественно изученіемъ русскихъ древностей, я видѣлъ въ этомъ трудѣ много пользы для самого себя... Полное „Описаніе“ едва ли когда будетъ издано мною; по крайней мѣрѣ собственныхъ средствъ къ этому я не имѣю...“¹⁾.

Дѣйствительно, мочтенный трудъ А. И. Артемьева остался не изданнымъ за исключеніемъ одного отдѣла—рукописей историческихъ, описаніе которыхъ, въ числѣ 70-ти, появилось въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1852—1857 гг. (чч. LXXV, LXXXIII, XC и XCIV), и еще нѣсколькихъ отрывковъ, разсѣянныхъ въ другихъ журналахъ. Но всѣ эти отрывки доказываютъ, что бібліографическая задача, которую поставилъ себѣ А. И. Артемьевъ, была имъ рѣшена весьма обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Послѣ появленія Востокскаго „Описанія рукописей Румишцевскаго музея“ и до выхода изъ свѣтъ превосходнаго труда А. В. Горскаго и К. И. Невоструева Московской Синодальной бібліотеки у насъ едва ли появилась другая палео-библіографическая работа, столь широко задуманная и столь отчетливо выполненная, какъ описаніе, составленное А. И. Артемьевымъ. Поэтому весьма желательно, чтобы прекрасный трудъ покойнаго — если только онъ сохранился въ цѣлости—былъ, наконецъ, обнародованъ въ полномъ видѣ: хотя рукописный отдѣлъ Казанской бібліотеки и не имѣетъ первостепенной важности, тѣмъ не менѣе ознакомленіе съ нимъ не можетъ быть бесполезно для науки.

Одновременно съ описаніемъ рукописей Казанскаго университета А. И. Артемьевъ пересмотрѣлъ и старинный архивъ Казанскихъ гимназій и изъ „десятковъ тысячъ листовъ его“ извлекъ тѣ любопытныя данныя, которыя легли въ основаніе позднѣйшихъ статей его объ этихъ гимназіяхъ, написанныхъ въ 1866 году, а напечатанныхъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

Но между тѣмъ какъ бібліотечныя и архивныя работы Александра Ивановича совершались исподволь, рядъ другихъ учепыхъ изысканій былъ предпринятъ имъ для написанія магистерской диссертациі. Четыре

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1852 г., № 9, отд. III, стр. 23—24.

часть CLXXVI, отд. 4.

года спустя по выходѣ изъ университета, А. И. Артемьевъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ и 15-го февраля 1846 года публично защищалъ диссертацию, написанную на тему: „Имѣли ли Варяги вліяніе на Славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?“ (Казань, 1845). Это, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстное сочиненіе покойнаго принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій по варяжскому вопросу. Въ немъ сдѣлана попытка разсмотрѣть этотъ вопросъ съ культурной стороны; авторъ, тщательно собравъ и разобрать мнѣнія прежнихъ ученыхъ о свойствахъ и степени вліянія Варяговъ на Славянъ, приходитъ къ заключенію, что Варяги (Скандинавы), во время пришествія ихъ въ землю Славянскую, были народомъ безземельнымъ, кочевымъ; что будучи призваны послѣдними, они сдѣлались повелителями по добровольному подданству, а не по насилію; что эти пришлые люди были весьма немногочисленны и притомъ безсемейные, холостые. Изъ всего этого авторъ вывести, что Варяги стояли на низшей степени образованности, чѣмъ Славяне, которые вели жизнь осѣдлую, домовитую, имѣли законы и промышленность, и что посему Варяги не могли имѣть сильнаго вліянія на Славянъ, да и дѣйствительно, не имѣли его, тѣмъ болѣе, что на всѣ стороны народной жизни Славянъ, и особенно, на самый духъ народа и умственное его просвѣщеніе оказывала сильное и рѣшительное дѣйствіе Византия. Изданное въ періодъ сильнаго господства формализма, сочиненіе А. И. Артемьева представляетъ смѣлый и основательный отпоръ той теоріи, по которой весь внутренній строй жизни въ древнѣйшей Руси представляется съ рѣзкимъ отпечаткомъ норманскаго характера. Уже въ этой диссертациі А. И. Артемьевъ обнаружилъ свое особенное вниманіе къ вопросамъ исторической этнографіи, которые не разъ занимали его и впослѣдствіи ¹⁾).

¹⁾ Считается не лишнимъ привести здѣсь положенія этой диссертациі подлинными словами автора, тѣмъ болѣе, что въ числѣ тезисовъ, выставленныхъ авторомъ, есть нѣсколько такихъ, кои не касаются ближайшимъ образомъ предмета его сочиненія:

«I. Славяне болѣе Варяговъ имѣли средствъ къ преуспѣванію своей гражданственности, а потому и стояли выше ихъ.

«II. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было незначительно.

«III. Несравненно важнѣе, чѣмъ вліяніе Варяговъ, было дѣйствіе Византии на древнюю Русь. Оно простиралось на всѣ главнѣйшія условія тогдашней русской гражданственности.

«IV. Исторія русскаго права, равно какъ и исторія русскаго гражданского общества, должна начинаться до признанія Варяговъ.

Въ то же время интересовался онъ и вопросами мѣстной исторіи и этнографіи Казанскаго края, гдѣ соприкосновеніе русскаго народнаго быта съ бытомъ инородцевъ и особенности того и другого невольно обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя. Назначенный въ 1844 года редакторомъ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей*, А. И. Артемьевъ, помѣстилъ здѣсь много статей и замѣтокъ историческихъ, этнографическихъ и статистическихъ о тамошнемъ краѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: „Моровое повѣтріе въ Казани въ 1654—1656 годахъ“ (перепечатана въ *Маякѣ* 1844 года, ч. XVIII) и „Прогулки по Казани“, рядъ очерковъ, представляющихъ занимательное и богатое свѣдѣніями описаніе и исторію Казанскихъ достопримѣчательностей, преимущественно разныхъ коллекцій и ученыхъ учреждений при университетѣ. Для однихъ изъ этихъ статей, онъ добывалъ матеріалы поисками въ архивахъ казенныхъ учреждений; другія заключали въ себѣ плоды его личныхъ наблюденій во время многочисленныхъ разъѣздовъ по губерніи. Вообще изыскательность его въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи и народнаго быта принимала самое разнообразное направленіе, и всюду готовъ онъ былъ приложить свой трудъ и знаніе, лишь бы освѣтить не разъясненнымъ или забытымъ явленіямъ. Такъ, напримѣръ, собравъ въ статьѣ своей о библіотекѣ Казанскаго университета любопытныя свѣдѣнія объ одномъ

«V. Направленіе, данное изысканіямъ по русской исторіи Шлёцеромъ, сосредоточивъ вниманіе изыскателей исключительно на первомъ ея періодѣ, замедлило успѣхи обработанія прочихъ ея частей, въ особенности же помѣшало внимательному разсмотрѣнію гражданскаго быта древней Руси въ разные періоды ея существованія.

«VI. Сомнѣнія въ подлинности Несторова временника, равно какъ и толки о Варягахъ, не принесли существенной пользы русскому дѣлеписанію.

«VII. Основныя положенія Венеліны и его послѣдователей могутъ удовлетво- рить даже требованіямъ осмотрительной исторической критики; но въ частности они слишкомъ увлеклись догадками, которыя нѣрѣдко вредятъ главному дѣлу.

«VIII. Изысканія о Смугломъ періодѣ понинъ не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, потому что вниманіе изыскателей обращалось преимущественно на личность самозванцевъ, а не на пружины, двигавшія тогдашніе событія.

«IX. Несправедливо утверждаютъ, будто до Петра Великаго у насъ существовало коллегіальное устройство судовъ. Во всей древней Руси управленіе было личное, основанное на единоначаліи.

«X. Доселѣ сдѣланныя попытки обработанія русскихъ древностей не имѣютъ никакого основанія и показываютъ, что занимавшіеся этимъ предметомъ не дали себѣ отчета, какими правилами надлежитъ руководствоваться въ этомъ отношеніи».

изъ первыхъ вкладчиковъ ея, В. И. Полянскомъ, онъ печатно приглашалъ доставлять новыя о немъ біографическія данныя „на имя редактора неофициальной части губернскихъ вѣдомостей, въ университетъ“ и заявлялъ „живѣйшую готовность“ заняться ихъ обработкою; и эта „живѣйшая готовность“ никогда не была у него пустимъ, празднымъ словомъ. При такихъ условіяхъ, при такой постоянной дѣятельности, редакторство А. И. Артемьева чрезвычайно оживило мѣстную газету и привлекло къ ней полезныхъ сотрудниковъ: извѣстное сочиненіе В. А. Сбоева о Чувашихъ написано въ формѣ писемъ къ А. И. Артемьеву и первоначально появилось въ *Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ*. Тамъ же, если не ошибаемся, были напечатаны первыя статьи дѣльнаго этнографа Казанскаго, С. Михайлова, природнаго Черемисина. Статьи небольшой Казанской газеты были замѣчены столичными журналистами, которые стали перепечатывать ихъ въ своихъ изданіяхъ.

Быть можетъ, поощренный этимъ успѣхомъ, Александръ Ивановичъ и самъ началъ посылать свои статьи, также по мѣстной исторіи, для напечатанія въ Петербургъ и Москву: такъ, въ *Сѣверномъ Обзорѣ* 1848 г., № 1, появилась довольно большая рецензія его на сочиненіе г. Н. Важенова: „Казанская Исторія“ (Казань, 1847 г.), а въ *Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1851 г., кн. 1, статьи: „Древній болгарскій городъ Жукотинъ“, въ которой точно определено мѣстоположеніе этого города въ Чистопольскомъ уѣздѣ, гдѣ на его мѣстѣ и по нынѣ существуетъ село того же имени. Об участіи А. И. Артемьева въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, начало котораго восходитъ къ тому же времени, упомянуто выше.

Кромѣ того, около этого же времени, А. И. Артемьевъ сталъ сообщать въ *Москвитинѣ* корреспонденціи объ ученыхъ новостяхъ Казанскихъ и вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми учеными обществами обѣихъ столицъ. Въ XI-й книгѣ *Временика Общества Исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ* (1851 г.) напечатана статья А. И. Артемьева: „Каталоги бібліотеки Московской синодальной типографіи“, составленная на основаніи копій съ нихъ, принадлежащихъ Казанской университетской бібліотекѣ; а въ томъ III-мъ *Запискѣ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества* (1851 года) появилась его статья: „Медальныя комитеты, учрежденные императрицею Екатериною II“, съ любопытными свѣдѣніями о медаляхъ, выбитыхъ по повелѣнію Екатерины на разныя событія изъ цар-

ствованія Петра Великаго, на основаніи документовъ, также хранящихся въ Казанской библіотекѣ; сверхъ этого, въ *Перечнѣ застѣдній* того же общества за 1850 годъ (изд. 1851 г.) помѣщены: „Минцъ-кабинетъ Императорскаго Казанскаго университета“ и „Разгадка старинной анаграммы, помѣщенной въ послѣсловіи къ житію св. Александра Невскаго“. Еще ранѣе присылки этихъ статей, 14-го февраля 1850 года, А. И. Артемьевъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ Археологическаго общества.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, 8-го февраля 1850 года, состоялось избраніе его и дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Географическаго общества. Около этого времени онъ задумалъ составить, на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій и другихъ матеріаловъ, общесъ описаніе Казанской губерніи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ; первую часть этого труда онъ и препроводилъ въ Географическое общество, но здѣсь она осталась не папечатапною ¹⁾.

Такая участь одного изъ большихъ трудовъ А. И. Артемьева, посланнаго въ Петербургъ, не охладила, однако, ученой дѣятельности Александра Ивановича и не прекратила уже завязанныхъ имъ ученоститературныхъ сношеній съ обѣими столицами; а вскорѣ затѣмъ переселеніе его въ Петербургъ помогло его личному сближенію съ тѣмъ кругомъ людей науки, который по преимуществу интересовалъ его въ столицѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доставило возможность людямъ, которые были знакомы только съ учеными трудами Александра Ивановича, оцѣнить его высокія личныя достоинства.

Еще въ 1851 году А. И. Артемьевъ, безъ всякаго исканія съ своей стороны, получилъ приглашеніе отъ графа Л. А. Перовскаго служить по министерству внутреннихъ дѣлъ. Годъ спустя по полу-

¹⁾ Рукопись была взята на разсмотрѣніе однимъ изъ членовъ Общества и не заслужила его одобренія; причиною тому были, по видимому, нѣкоторыя стилистическія шероховатости, слишкомъ поразившія столичнаго рецензента въ трудѣ провинціальнаго писателя; такъ, по крайней мѣрѣ, можно догадываться по замѣткамъ критика на поляхъ рукописи, которая и по нынѣ выходитъ изъ ученомъ архива Общества. Когда, лѣтъ семь тому назадъ, пишущій эти строки нашелъ ее въ этомъ складѣ и сообщилъ о томъ автору, оказалось, что почтенный Александръ Ивановичъ ничего не зналъ о судьбѣ своего сочиненія съ самаго того времени, какъ отправилъ его изъ Петербурга: переселившись впоследствии въ столицу и сдѣлавшись однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Географическаго общества, онъ, по обычной своей скромности, никогда не рѣшался навѣсти справку о томъ, что стало съ его сочиненіемъ.

ченіи этого приглашенія, онъ былъ причисленъ (9-го апрѣля 1852 г.) къ названному министерству и покинулъ Казань. Съ перваго дня прибытія въ Петербургъ поставленный въ прямыя сношенія съ покойными Н. А. Милутинымъ и Н. И. Надеждинымъ, А. И. Артемьевъ началъ работать по канцелярскія работы. Въ ту пору снаряжались министерствомъ статистическія экспедиціи, и А. И. Артемьевъ былъ назначенъ членомъ-редакторомъ одной изъ нихъ, направленной въ Ярославскую губернію¹⁾. Эта экспедиція еще болѣе, чѣмъ частныя поѣздки по Казанской губерніи, была для А. И. Артемьева практической школой, въ которой онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ приемами и способами собиранія статистическихъ свѣдѣній, а также съ народною жизнью въ одной изъ самыхъ промышленныхъ великорусскихъ губерній. Здѣсь встрѣтился онъ, между прочимъ, съ обширнымъ распространеніемъ раскола, наблюдалъ вліяніе раскольничьихъ понятій безпоповщины на разныя стороны народнаго быта и изучалъ особенности различныхъ сектъ; наглядное и близкое знакомство съ этимъ поразительнымъ явленіемъ русской жизни не могло не оказать сильнаго вліянія на весь складъ общественныхъ воззрѣній глупаго и проникательнаго наблюдателя. Масса свѣдѣній, собранныхъ этою экспедиціей, по огромности своей, не могла быть издана вполне, но только главнѣйшіе выводы напечатаны въ особой книгѣ: „О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской“ (С.-Петербургъ, 1861 г.); это изданіе можно однако считать библиографическою рѣдкостью, ибо большая часть экземпляровъ его погибла въ пожарѣ, бывшемъ въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ 28-го мая 1862 года. Послѣ объѣзда Ярославской губерніи, А. И. Артемьевъ посѣтилъ, также по дѣламъ службы, Саратовскую губернію, а по возвращеніи изъ экспедиціи былъ назначенъ, 28-го іюня 1853 года, старшимъ производителемъ (впоследствии редакторомъ) статистическихъ работъ въ статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который позже получилъ названіе центрального статистическаго комитета.

Ровно двадцать лѣтъ, до назначенія въ 1871 г. членомъ статистическаго совѣта, А. И. Артемьевъ оставался въ этой должности и былъ

¹⁾ Личный составъ этой экспедиціи былъ слѣдующій: начальникъ — Н. М. Сивилкинъ (ум. въ 1856 г.), члены — Д. К. Насиловъ, А. И. Пискаревъ, графъ А. К. Сиверсъ, Г. Г. Григорьевъ, и А. И. Артемьевъ. Впоследствии въ экспедицію былъ присоединенъ графъ Э. К. Гуттенъ-Чапскій. Въ то же время такая же экспедиція была отправлена въ Нижегородскую губернію.

постояннымъ участникомъ всѣхъ преобразованій по статистической части и всѣхъ ученыхъ работъ комитета, предпринятыхъ въ теченіе этого времени. При его непосредственномъ участіи выработанъ планъ изданія „Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи“ (выходящаго въ свѣтъ съ 1861 года); подъ его редакціей и съ его обширными введеніями изданы въ свѣтъ списки губерній: Астраханской, Бессарабской, Казанской, Курской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Ярославской. Имъ же обработаны нѣкоторыя важныя отдѣлы въ другихъ изданіяхъ комитета, вышедшихъ подъ заглавіями: „Статистическія Таблицы“ (изд. 1856 г.), „Статистическій Временникъ“ (въ особенности VIII-й выпускъ второй серіи этого изданія, заключающій въ себѣ сводъ свѣдѣній о движеніи населенія по Имперіи за 1867 г., съ обширнымъ предисловіемъ объ устройствѣ у насъ статистической регистраціи по этому предмету) и „Санктпетербургъ по переписи 1869 г.“ (въ первомъ выпускѣ этого изданія А. П. Артемьеву принадлежатъ предисловіе, излагающее ходъ всей операціи переписи, и обработка отдѣла о вѣроисповѣданіи, родпозн. языкѣ и грамотности жителей столицы). Въ подготовительныхъ работахъ по производству этой переписи, а также къ стѣзду секретарей губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ 1870 году, и еще ранѣе того, по устройству поземельной регистраціи (по нынѣ, впрочемъ, не осуществленному) А. П. Артемьевъ также принималъ самое постоянное и дѣйствительное участіе, внося во всѣ свои работы и сужденія основательность фактическаго знанія и близкое, утвержденное на опытѣ знакомство съ условіями какъ пародной жизни, такъ и административной дѣятельности. Всегда высоко цѣнимый и уважаемый своими начальниками, Александръ Ивановичъ являлся постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ своихъ сослуживцевъ, охотно, дружески и безъ малѣйшаго самооптїнія дѣлясь съ ними своими обширными свѣдѣніями и опытностью.

Кромѣ занятій собственно по статистическому комитету, А. П. Артемьевъ, работая подъ руководствомъ Н. А. Милутина, съ первыхъ дней дѣйствія редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, привлеченъ былъ къ занятіямъ по этому великому вопросу. Подъ его наблюденіемъ и редакціей напечатаны были разныя изданія, относящіяся къ тому, между прочимъ „Второе изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій“ (6 томовъ, 1859—1860) и „Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія въ Россіи“ (3 части, 1860—1861). Съ объявленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 года, по мысли Н. А.

Милютина, было предпринято особое ежемѣсячное изданіе, подъ заглавіемъ *Лѣтописи сельскаго благоустройства*, въ которомъ сообщались всѣ правительственныя распоряженія по устройству быта освобожденныхъ крестьянъ и всѣ свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла въ губерніяхъ; это изданіе также было редактируемо А. И. Артемьевымъ.

Учено-литературная дѣятельность А. И. Артемьева со времени его переселенія въ Петербургъ была въ связи съ его служебными занятіями. Онъ участвовалъ въ редакціи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, и сверхъ того, съ 1857 года по 1862 почти въ каждой книжкѣ его помѣщались библиографическіе разборы статистическихъ изданій и нѣкоторые другія статьи. Въ двухъ обширныхъ изданіяхъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ онъ также былъ приглашенъ къ дѣятельному сотрудничеству. Такъ, въ *„Городскихъ поселеніяхъ Россійской имперіи“* (7 томовъ, 1860—1868) А. И. Артемьеву принадлежатъ историческіе очерки 26 губерній и всѣхъ городовъ въ нихъ (перечень этихъ губерній находится въ предисловіи къ тому I-му), а въ *„Экономическомъ состояніи городовъ Европейской Россіи“* имъ описаны нѣсколько южныхъ губерній. По прекращеніи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* А. И. Артемьевъ принималъ участіе въ редакціи *Сѣверной Почты*, а въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* помѣщалъ довольно обширныя статьи: „Подворная перепись населенія г. Перми“, „Фабрично-заводская промышленность, ремесленность и ярмарки Варшавской губерніи“ и „Обозрѣніе смѣты доходовъ и расходовъ города Варшавы за 1868 годъ“. Изъ частныхъ изданій А. И. Артемьевъ, по переселеніи на службу въ Петербургъ, принималъ участіе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1857 г. ч. X), гдѣ помѣщена обширная его статья „О народныхъ переписяхъ“, отчетливо излагающая ихъ исторію, организацію и результаты, и притомъ, имѣвшая тогда современное значеніе въ виду предполагавшейся на 1858 годъ десятой ревизіи,—въ газетѣ *Русскій Дневникъ* 1859 года и въ обѣихъ *„Энциклопедическихъ Словаряхъ“*—А. А. Краевскаго и нынѣ издаваемыхъ—И. Н. Березина. Въ томъ и другомъ были печатаемы Артемьевымъ статьи историко-статистическаго содержанія.

Извѣстно, какъ важно въ статистическихъ трудахъ—критически оцѣнить первичныя данныя и аккуратно сдѣлать подготовительную черновую работу для упорядоченія и правильной постановки этого матеріала, прежде чѣмъ приступить къ систематическому распредѣленію итоговъ и къ опредѣленію отношеній между отдѣльными цифрами и ихъ группами. А. И. Артемьевъ, во всѣхъ своихъ статистическихъ рабо-

тахъ, въ высшей степени внимательно относился къ этой необходимости, хотя и не видной части труда, никогда не останавливаясь передъ громадностью перѣдко требовавшихся при этомъ усилій. Напротивъ того, онъ былъ очень остороженъ и сдержанъ въ выводахъ и особенно въ объясненіи статистическихъ результатовъ. Чрезвычайно искусно умѣлъ онъ сочетать съ данными статистическими свой обширный запасъ этнографическихъ и историческихъ познаній. Поэтому съ особенною любовью обрабатывалъ онъ списки населенныхъ мѣстъ, которые давали разнообразную пищу его ученой изыскательности. Во всѣхъ написанныхъ имъ введеніяхъ къ спискамъ населенныхъ мѣстъ отдѣльныхъ губерній, кромѣ специально статистическихъ выводовъ, дано самое широкое мѣсто изслѣдованіямъ и замѣчаніямъ по исторической географіи и этнографіи. Движеніе колонизаціи, постепенное сліяніе первобытныхъ жителей съ позднѣйшими пришельцами и образование этимъ путемъ настоящаго населенія извѣстнаго края, распредѣленіе древнихъ селищъ, номенклатура населенныхъ мѣстностей, вліяніе природы на характеръ и промыслы жителей и обусловливаемое этимъ вліяніемъ образованіе разновидностей кореннаго народнаго типа—всѣ эти задачи, по преимуществу историко-географическія и историко-этнографическія, всегда занимали собою А. И. Артемьева и рассматривались имъ съ возможною подробностью, большею частью на основаніи самостоятельныхъ его розысканій.

Изъ числа редактированныхъ имъ списковъ два наиболѣе замѣчательны по полнотѣ обработки предпосланныхъ имъ введеній: мы говоримъ о спискахъ населенныхъ мѣстъ въ губерніяхъ Казанской и Ярославской. Раздѣляя мнѣніе Н. И. Надеждина, что „паша древняя географія тѣмъ запутана, что никто не пріурочивалъ ее живымъ наблюденіемъ“, и сожалѣя, что „у насъ еще не явился свой Реннель, который бы совершилъ пѣшехождение исключительно для повѣрки Большого Чертежа“¹⁾,—А. И. Артемьевъ въ обоихъ названныхъ трудахъ постарался примѣнить въ широкихъ размѣрахъ столь цѣнный имъ методъ сличенія древнихъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ свидѣтельствъ съ самими мѣстностями, о которыхъ въ этихъ свидѣтельствахъ говорится. Это удалось ему тѣмъ лучше, что въ своихъ поѣздкахъ онъ не оставлялъ безъ замѣчанія дѣйствительно ничего касающагося древностей и народнаго быта, начиная съ земныхъ сооружений—кургановъ, валовъ и городищъ,

¹⁾ Списки Каз. губ., введеніе, стр. XXXI.

и съ названій всякаго рода урочищъ и кончая особенностями народнаго хозяйства въ извѣстномъ краѣ и прозвищами, которыми характеризуются жители той или другой мѣстности. Это-то примѣненіе живого наблюденія дало А. И. Артемьеву возможность удовлетворительно рѣшить такіе вопросы, какъ, напримѣръ, озпаченіе предѣловъ древней Болгарской земли и движеніе славянской колонизаціи въ Ростовской землѣ, опредѣлить мѣстонахожденіе Шернскаго лѣса, гдѣ, въ 1238 году, убитъ былъ Татарами Василько Ростовскій, или паконецъ, указать слѣды татарскаго населенія, нынѣ исчезнуваго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ярославской губерніи ¹⁾. Вообще можно сказать, что тщательная обработка историко-географическихъ и историко-этнографическихъ вопросовъ во введеніяхъ ко всѣмъ спискамъ населенныхъ мѣстъ, которые редактированы А. И. Артемьевымъ, дѣлаетъ эти этюды, небольшіе по объему, по богатству содержаніемъ, вкладомъ въ науку тѣмъ болѣе полезными, что мѣстная исторія весьма мало у насъ разработана. Будущій историкъ славяно-русской колонизаціи не только найдетъ въ этихъ трудахъ многочисленныя для себя указанія, но и приметъ многіе частные выводы, сдѣланные А. И. Артемьевымъ въ этомъ отношеніи, и вѣроятно, усвоитъ себѣ ту главную идею, которую постоянно проводилъ онъ въ своихъ очеркахъ, именно, что Славяно-Русское племя, какъ наиболѣе культурное на восточно-европейской равнинѣ, по столько матеріальною силой, сколько своею сравнительно высшею цивилизаціей покоряло своихъ иноплеменныхъ сосѣдей—Финновъ и Тюрковъ.

Къ Петербургскому періоду жизни А. И. Артемьева относится дѣятельность его въ трудахъ двухъ ученыхъ обществъ—Русскаго Археологическаго и Русскаго Географическаго. Въ *Извѣстіяхъ* перваго изъ нихъ помѣщено нѣсколько рецензій, написанныхъ А. И. Артемьевымъ; сверхъ того, онъ былъ участникомъ двухъ первыхъ археологическихъ сѣздовъ—въ Москвѣ и Петербургѣ, и принадлежалъ къ составу той ученой комиссіи, которая была избрана Петербургскимъ Археологическимъ обществомъ для изданія трудовъ втораго сѣзда. Предсмертная болѣзнь застала Александра Ивановича за этою работою. Въ комиссіи по устройству архивовъ, возникшей по инициативѣ втораго сѣзда,

¹⁾ Списокъ Каз. губ., введеніе, стр. XXXI—XXXIII и Списокъ Яросл. губ., введеніе, стр. XXIV—XXV и XXIX—XXXI. Ср. Отчетъ Геогр. Общ. за 1852 годъ, стр. 80.

А. И. Артемьевъ также явился членомъ въ качествѣ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ.

Еще тѣснѣе связанъ онъ былъ съ Обществомъ Географическимъ. Онъ дѣятельно трудился по двумъ его отдѣленіямъ — этнографіи и статистики, и можно сказать, что ни одинъ изъ главныхъ вопросовъ, въ нихъ возбуждавшихся, не вырабатывался безъ его участія. Имъ было рассмотрѣно большое количество присылаемыхъ въ Общество статей этнографическаго и статистическаго содержанія, преимущественно относительно губерній приволжскихъ. Постоянный членъ комиссій, ежегодно избираемыхъ отдѣленіями для присужденія медалей, онъ всегда являлся серьезнымъ и добросовѣстнымъ критикомъ всѣхъ трудовъ, разборъ которыхъ выпадалъ на его долю. Онъ написалъ между прочимъ рецензіи на сочиненія — г. Лаптева: „Матеріалы для географіи и статистики Казанской губерніи“, — г. Кривошапкина: „Енисейскій округъ и его жизнь“ и общій обзоръ ученыхъ трудовъ В. П. Васильева при присужденіи Константиновской медали нашему знаменитому сипологу. Въ другихъ ученыхъ комиссіяхъ, которыя были избираемы названными отдѣленіями, А. И. Артемьевъ былъ тоже почти постояннымъ членомъ, и вездѣ, какъ въ сферѣ чисто научной, такъ и при практической постановкѣ вопросовъ, его опытное слово имѣло особый вѣсъ. Въ особенности важно было его участіе въ комиссіи, разсматривавшей трудъ г. Кузлинскаго надъ восстановленіемъ Вольшого Чертежа, гдѣ обширная историко-географическая эрудиція покойнаго нашла себѣ широкое примѣненіе.

Избранный редакторомъ двухъ первыхъ томовъ *Записокъ* отдѣленія статистики, А. И. Артемьевъ, можно сказать, мастерски исполнилъ это порученіе. Въ первомъ томѣ этого сборника помѣщенъ трудъ священника Ѳ. В. Гиляровскаго: „О рожденіи и смертности дѣтей въ Новгородской губерніи“. По отзыву секретаря отдѣленія статистики въ 1867 году, М. П. Раевского, „рукопись протоіерея Гиляровскаго, замѣчательная по богатству содержанія, представляла тѣмъ не менѣе не мало затрудненій при редакціи. Авторъ — глубокой и тонкой наблюдатель, въ то же время не можетъ быть названъ ученымъ статистикомъ въ строгомъ смыслѣ слова: дойдя до научныхъ выводовъ преимущественно путемъ личныхъ наблюденій, онъ неизбежно впадаетъ въ недоразумѣнія, разбѣшая вопросы экономическіе, медицинскіе; вдобавокъ, крайне тяжелый слогъ и совершенно оригинальная терминологія перѣдко затемняютъ сущность дѣла. И трудъ Ѳ. В. Гиляровскаго оставался въ рукописи до тѣхъ поръ, пока отдѣленіе не обратилось къ содѣйствію

Александра Ивановича. Благодаря неутомимому его старанію, I-й томъ *Записокъ* отдѣленія, сохраняя всю своеобразность труда отца Гиларовскаго, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ стройное цѣлое въ чисто-научномъ смыслѣ¹⁾. Второй томъ тѣхъ же *Записокъ* если и не потребовалъ отъ А. И. Артемьева такой коренной переработки, за то обогатился составленными имъ дополнительною статьею къ изслѣдованію В. А. Попова: „О движеніи населенія въ Вологодской губерніи“ и некрологомъ другого владѣтика въ этомъ же сборникѣ—А. Ѳ. Попова.

Въ дѣятельности отдѣленія этнографіи участіе А. И. Артемьева было столь же полезно. Нѣсколько примѣровъ тому приведено уже выше. Но должно указать еще на одно учебное предпріятіе этого отдѣленія, гдѣ помощь Александра Ивановича была существенно необходима. Когда въ 1868 году бывшій секретарь Географическаго общества, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ членовъ Отдѣленія этнографіи обсудить вопросъ о составленіи этнографическаго атласа Россіи, Артемьевъ оказалъ горячее содѣйствіе разсмотрѣнію этого проекта, и подъ его руководствомъ былъ выработанъ первый планъ этого труда. Хотя проектъ этотъ оказался не осуществимымъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, но вскорѣ затѣмъ явилось предложеніе М. И. Венюкова объ изданіи новой этнографической карты Европейской Россіи; А. И. Артемьевъ и въ этомъ дѣлѣ явился однимъ изъ руководящихъ дѣятелей и много помогалъ указаніями своими почтенному редактору названной карты А. Ѳ. Риттиху. Наконецъ, свое глубокое уваженіе, и можно сказать, преданность ученой дѣятельности Географическаго общества А. И. Артемьевъ выразилъ составленіемъ, по случаю двадцатипятилѣтія Общества, замѣчательнаго обзора трудовъ его по исторической географіи (С.-Пб., 1873). Нельзя не вспомнить здѣсь о томъ, какъ трудясь надъ этимъ превосходнымъ критико-библіографическимъ очеркомъ и отдавая полную справедливость многимъ почтеннымъ работамъ своихъ сочленовъ по исторической географіи, покойный — самъ неутомимый трудолюбецъ—скорбѣлъ, когда находилъ, при тщательномъ просмотрѣ протоколовъ Общества, указанія на какіе-либо задуманные и не выполненныя предпріятія и труды.

Всѣ эти разнообразныя заслуги А. И. Артемьева предъ Географическимъ обществомъ были почтены присужденіемъ ему въ 1867 г. малой

¹⁾ Отчетъ Геогр. Общества за 1867 годъ, стр. 80—81.

золотой медали и указали ему мѣсто въ совѣтѣ Общества; въ этомъ званіи онъ пробылъ одно четырехлѣтіе, и чрезъ годъ послѣ того, вторично призванный къ исполненію тѣхъ же обязанностей, несть ихъ до самой кончины.

Наконецъ, въ 1867 и 1868 годахъ А. И. Артемьевъ имѣлъ честь сопровождать Его Императорское Высочество, великаго князя Алексѣя Александровича, въ путешествіи по Европейской Россіи и Кавказскому краю и въ плаваніи по Черному и Средиземному морямъ.

Но не одна только высоко-полезная ученая дѣятельность покойнаго, не только его трудолюбіе, его свѣтлый, просвѣщенный умъ и даровитость внушали уваженіе къ почтенному Александру Ивановичу. Всѣ сближавшіеся съ нимъ цѣнили въ немъ еще человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ истинно добрый, онъ никогда не выставлялъ на показъ скрытую нѣжность своей души; сдержанный въ обращеніи и въ выраженіи своего расположенія, онъ любилъ заглаживать свои привязанности въ глубинѣ сердца. Но всегда снисходительный къ другимъ и строгій только къ себѣ, всегда благожелательный къ чужому успѣху и скромный въ призваніи лишь своихъ заслугъ, онъ всегда готовъ былъ помочь тому, кто желалъ его помощи: много найдется людей, особенно тружениковъ науки, которыхъ онъ ободрилъ и руководилъ своимъ добрымъ словомъ. Выбѣстъ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ прямой и свое спокойное, разумное мнѣніе высказывалъ всегда безъ утайки, такъ, какъ требовала его совѣсть. За то у него не было — да и не могло быть — недоброжелателей: всякая непріязнь склонялась предъ этимъ благороднымъ, высоко-нравственнымъ характеромъ. Вотъ почему незабвенный покойникъ пользовался такимъ полнымъ уваженіемъ, такою единоподушною любовью всѣхъ знавшихъ его, какія выпадаютъ на долю немногихъ.

22-го октября 1874 года.

Л. Майковъ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЗАМѢТКА О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

Извѣстно предубѣжденіе противъ классическаго образованія вообще и греческаго языка въ особенности.—*Аще свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма колыми?* (Матѣ. 17, 23). Если половина образованнаго русскаго общества и большая половина нашей періодической печати предавала и предаётъ анафемѣ нашъ многострадальный классицизмъ, то можно вообразить себѣ, какими очами взглянула и смотритъ на этотъ предметъ провинціальная полуобразованная, а часто и совершенно невѣжественная среда, изъ которой дѣти поступаютъ въ гимназіи! Неоднократныя бесѣды и разсужденія съ родителями и опекунами учениковъ о греческомъ языкѣ убѣдили и убѣждаютъ меня, что языкъ этотъ у нихъ еще въ меньшемъ почетѣ и уваженіи, чѣмъ языкъ цыганскій или татарскій. Наслушавшись дома такихъ разсужденій и усвоивъ себѣ подобныя взгляды, дѣти, естественно, вступаютъ въ гимназію не только съ полнѣйшимъ предубѣжденіемъ противъ этого языка, но даже съ чувствомъ страха и отвращенія къ нему. Очевидно поэтому, что самая первая и главная задача педагога, *начинающаю* преподаваніе греческаго языка, — разсѣять предубѣжденіе его учениковъ противъ этого предмета, уничтожить въ нихъ ни на чемъ не основанный какой-то паническій страхъ предъ нимъ, вырвать съ корнемъ навѣянное извнѣ глупѣйшее отвращеніе къ нему и, взаимѣнъ всего этого, расположить ихъ къ этому предмету, сначала заронивъ въ нихъ любопытство, потомъ возбудивъ интересъ и наконецъ любовь, безъ которыхъ, какъ извѣстно каждому, не мыслимо изученіе чего бы то ни было.

Какъ же поступать педагогу въ этомъ важномъ и критическомъ случаѣ? Я говорю—*критическомъ* потому, что здѣсь отъ перваго шага учителя зависитъ вся будущность предмета въ гимназій; и если гдѣ,

то именно въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія изреченіе Горация: *dimidium facti, qui bene coepit, habet*. Отвѣчая на поставленный вопросъ, мы должны сознаться, что наша педагогическая практика пока не можетъ дать прямого и положительнаго отвѣта на него. Безъ сомнѣнія, причиной этому новость дѣла и тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя сопровождали появленіе на свѣтъ Божій нашего злосчастнаго классицизма. По большей части наши педагоги, въ данномъ случаѣ, раздѣляются на два разряда или класса: одни не признаютъ исключительнаго положенія греческаго языка въ кругу предметовъ гимназическаго курса; другіе хотя и признаютъ его, но, въ силу различныхъ личныхъ соображеній и побужденій, или игнорируютъ его, или не придаютъ этому обстоятельству особеннаго значенія. Вслѣдствіе этого тѣ и другіе идутъ по одному и тому же педагогическому пути и держатся однихъ и тѣхъ же приемовъ въ преподаваніи: вооружившись учебникомъ Кюннера и стоническимъ гладнокровіемъ, они шагъ за шагомъ слѣдуютъ за руководствомъ (съ дозволенными учебнымъ планомъ сокращеніями), пока не дойдутъ до положеннаго по программѣ мѣста, то-есть, начинаютъ преподавать греческій языкъ, какъ всѣ предметы гимназическаго курса, то-есть, такъ, какъ будто бы противъ него не существовало никакого предубѣжденія. Но этотъ путь, очевидно, не вѣренъ, потому что онъ не уничтожаетъ въ ученикахъ вышеупомянутаго предубѣжденія противъ предмета, а слѣдовательно не возбуждаетъ въ нихъ интереса и любви къ нему. Дѣти не перестаютъ испытывать отталкивающее чувство и по прежнему считаютъ греческій языкъ чѣмъ-то вѣшнимъ, чуждымъ, чѣмъ-то такимъ, что не только не содѣйствуетъ умственному ихъ развитію, но даже мѣшаетъ ему, какъ тормазъ, какъ тяжелое и лишнее бремя. А усвоивъ въ самомъ началѣ это убѣжденіе, ученикъ, представленный самому себѣ, не въ силахъ высвободиться изъ-подъ него и въ послѣдствіи.

Чтобы уничтожить въ ученикахъ унаслѣдованное нелѣпое и уродливое, но тѣмъ не менѣе упорное предубѣжденіе противъ греческаго языка и возбудить въ нихъ, на первыхъ же порахъ, любопытство, интересъ и расположеніе къ нему, я стараюсь, при первоначальномъ его преподаваніи, провести и доказать мысль, что языкъ этотъ не есть что-либо чуждое намъ, но что мы уже нѣсколько знаемъ его и не учившись.—Исходя изъ этой мысли, я употребляю слѣдующіе способы и приемы:

- 1) Чуть только ученики познакомятся съ азбукой и начнутъ чи-

татъ и писать, я называю имъ слова—азбука, буквы, удареніе греческими терминами — ἀλφάβητος, γράμματα, τόνος; сопоставляю ихъ съ русскими словами—алфавитъ, грамота, тонъ, и такимъ образомъ ipso facto убѣждаю ихъ, что эти послѣдніи цѣликомъ взяты въ нашъ языкъ изъ греческаго. Вслѣдъ за этимъ я останавливаю ихъ вниманіе на названіи книгъ, по которымъ они учатся, на словахъ — грамматика, хрестоматія и объясняю ихъ греческое происхожденіе; затѣмъ разъясняю названія частей грамматики—этимологія, синтаксисъ, ореографія. На объясненіе этихъ словъ я посвящаю по нѣскольку минутъ при концѣ или началѣ урока. Но чтобы эти объясненія не были толченіемъ воды и празднымъ препровожденіемъ времени, нишутся на доскѣ всѣ разсматриваемыя слова съ ихъ русскими значеніями: ἀλφάβητος, γράμμα, γράμματα, τόνος, γράφω, γραμματική (τέχνη), χρηστός, μαυρίανω, ἔθνος, λόγος, τάσσω, συντάσσω, σύνταξις, ὁρῶς и пр. Ученики записываютъ ихъ въ свои тетради и заучиваютъ, кто хочетъ. Заронивъ въ молодые умы первое зерно любопытства и интереса къ предмету, я, при дальнѣйшемъ прохожденіи грамматики, неотступно преслѣдую ту же цѣль, и потому обращаю вниманіе моихъ слушателей на слова, постоянно ими употребляемыя: каеэдра, библіотека, гимназія, гимнастика, лицей и др. Разъяснивъ названія предметовъ, почти ежеминутно встрѣчающіяся, я перехожу къ объясненію значенія собственныхъ именъ учениковъ, напримѣръ: Стефанъ, Василій, Макаръ, Николай, Θεοδωρ, Φιλίππος и др. Такъ какъ имена наши мы получаемъ отъ церкви, то, въ слѣдъ за ихъ разъясненіемъ, я останавливаюсь на толкованіи и объясненіи употребительнѣйшихъ словъ языка церкви: іерей, протоіерей, архіерей, пресвитерь, протопресвитерь, іерархъ, митрополитъ, епископъ, діаконъ, архидіаконъ, протодіаконъ, ктиторъ, амвонъ, библія, евангеліе, апостолъ, каеэзма, акаеистъ, ангелъ, діаволъ и др. Показавъ, что относительно названія церковныхъ предметовъ мы въ совершенной зависимости отъ языка греческаго, и что не зная послѣдняго, мы произносимъ ихъ или изуродовывъ (какъ напримѣръ, титоръ вм. ктиторъ, панахида или панафида вм. панинихида), или еще чаще машинально и безсознательно, не соединяя съ ними надлежащаго смысла и значенія, я предлагаю, въ заключеніе, этимологическое значеніе словъ, относящихся къ наукѣ, искусству и жизни вообще; напримѣръ, катехизисъ, арифметика, географія, исторія, геометрія, физика, стихъ, реторика, піитика, поэтъ, поэма, поэзія, музыка, архитектура, фосфоръ, фотогенъ, фотографія, телеграфъ, стеаринъ, керосинъ, ми-

кроскопъ, термометръ, барометръ, баритонъ и др. — Разумѣется, все это дѣлается исподволь, при случаѣ и какъ бы мимоходомъ, но съ записываніемъ объясняемыхъ словъ, заучиваніе которыхъ предоставляется *ad libitum*. Если ученики выучили и знаютъ всѣ эти слова, прекрасно; если же нѣтъ, не большая бѣда: матеріалъ здѣсь играетъ второстепенную роль, а главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы привлечь вниманіе ученика къ предмету и заставить его *volens-nolens* признать этотъ предметъ не чуждымъ себѣ. Но, по опыту могу завѣрить, что подлежащіе слова затверждаются мальчиками охотно и безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ.

Этимъ путемъ, по моему мнѣнію, достигаются двѣ цѣли: во-первыхъ, ученики незамѣтно обогащаются извѣстнымъ лексическимъ матеріаломъ, а во-вторыхъ, и это самое главное, глубже и глубже проникаются убѣжденіемъ, что греческій языкъ не только не чуждъ намъ. Но что онъ находится въ очевидной и несомнѣнной связи со стихійнымъ составомъ нашего языка.

2) Чтобы поднять въ глазахъ учащихся филологическое значеніе и авторитетъ греческаго языка, дѣлаются, къ мѣсту и по временамъ, параллели и сближенія съ языкомъ латинскимъ; напримѣръ, *θεός*—*deus*, *πατήρ*—*pater*, *μήτηρ*—*mater*, *ἀρσεν*—*aratro*, *ἀρόν*—*aro*, *ἀροτήρ*—*arator*, *βός*—*bos*, *πούς*—*pes*, *λύκος*—*lupus*, *ἐπιστολή*—*epistola* и друг.

3) Доказавъ лексикологическимъ путемъ, что греческій языкъ помогаетъ нашему въ наименованіи многихъ предметовъ церкви, науки, искусства и жизни и что уже по одному этому онъ заслуживаетъ нашего вниманія и изученія, я стараюсь потомъ доказать моимъ слушателямъ, что онъ, по богатству выраженій (напримѣръ, *φιλῶ*, *στέρω*, *ἀγαπάω*, *ἀράω* — люблю) и по разнообразію формъ (*τοῦτογα γρίπα et vesipna*), способенъ выражать самыя тонкіе оттѣнки мысли, самыя вѣжливыя движенія сердца и религіознаго чувства. Чтобы фактически подтвердить это, я, чуть только ученики пройдутъ мѣстоименія и усвоятъ таблицу спряженія глаголовъ, предлагаю имъ въ переводѣ на греческій языкъ обыкновенныя классныя молитвы—предъ ученіемъ и послѣ ученія. Чтобы усвоеніе ихъ учащимися не было механическимъ заучиваніемъ и чтобы молитва была истинною молитвой, то-есть, сознательнымъ и прочувствованнымъ обращеніемъ къ Богу, я посвящаю нѣсколько уроковъ на самый подробный грамматическій разборъ и разъясненіе ихъ, и только уже послѣ этого приглашаю выучить ихъ наизусть. Зная значеніе каждаго отдѣльнаго слова и со-

зная граматическую связь и зависимость всѣхъ словъ, ученики охотно и безъ труда выучиваютъ молитвы. А что это усвоеніе доставляетъ имъ удовольствіе, объ этомъ можно заключить изъ той охоты и готовности, съ какими они наперерывъ другъ предъ другомъ вызываются читать ихъ, и притомъ не только на урокахъ греческаго языка, но и другихъ предметовъ, особенно же закона Божія. Вотъ эти классныя молитвы въ переложеніи:

Προσευχὴ πρὸ τῆς μαθησεως.

Молитва передъ ученіемъ.

Ὑπεράγαθε Κύριε ἡμῶν! κατάπεμψον ἡμῖν τὴν χάριν τοῦ ἁγίου Σου Πνεύματος, χαρίζουσα ἡμῖν διάνοιαν καὶ ἐνισχύουσαν τὰς τῆς ψυχῆς ἡμῶν δυνάμεις, ἵνα, προσέχοντες τοῖς διδασκομένοις, προσευξάμεν εἰς δόξαν Σου, Πλάστοι ἡμῶν, καὶ τὸ συμφέρον τοῦ Βασιλείως ἡμῶν, γονέων τε καὶ παντὸς τοῦ βασιλείου.

Преблагій Господи! импосли намъ благодать Духа Твоего Снѣгаго, дарствующую намъ смыслъ и укрѣпляющую душевныя наши силы, дабы мы, внимая преподаваемому намъ ученію, возросли Тебѣ, Создателю нашему, во славу, Государю же, родителямъ нашимъ и обществу всему на пользу.

Προσευχὴ μετὰ τὰ μαθήματα.

Молитва послѣ ученія.

Εὐχαριστοῦμέν Σοι, τῷ Πλάστῃ ἡμῶν, ὅτι ἤξιωσας ἡμᾶς τῆς χάριτός Σου εἰς κατὰληψιν τῶν μαθημάτων. Εὐλόγησον τὸν Βασιλέα ἡμῶν, ἀρχικούς τε, γονεῖς καὶ διδασκάλους, τοὺς ὀδηγοῦντας ἡμᾶς εἰς ἐπίγνωσιν παντὸς ἀγαθοῦ, καὶ χάρισον ἡμῖν δύναμιν καὶ ἰσχύον εἰς ἀκολουθίαν τῶν μαθημάτων τούτων.

Благодаримъ Тебѣ, Создателю нашему, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоея во еже внимати ученію. Благослови Государя нашего, начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія сего.

Нѣтъ спора, что эти приемы нѣсколько погрѣшаютъ противъ строгаго научнаго изложенія предмета; но, въ замѣтъ его, они обогащаютъ учащихъ полезнымъ лексическимъ матеріаломъ, фактически доназываютъ участіе греческаго языка въ историческомъ развитіи нашей культуры и, чуждаясь мертвящаго неадантизма и убійственной сухости изложенія, сообщаютъ первоначальному преподаванію необходимую жизненность, главное же—разсвѣтаютъ въ учащихъ уродливое предубѣжденіе противъ предмета и возбуждаютъ теплое, родственное сочувствіе къ нему, безъ котораго не мыслимо надлежащее изученіе его. Что это не одни лишь пустыя слова или *rida desideria* педагога, считающаго свои приемы непогрѣшимыми, доказательствомъ могутъ служить нѣкоторые явленія школьной жиз-

ни: такъ ученики, по собственной инициативѣ, отыскиваютъ и выучиваютъ на греческомъ языкѣ церковныя молитвы: „Христосъ воскресъ“ и „Кресту твоему поклоняемсл“; такъ, они, говоря между собою, часто называютъ другъ друга, вмѣсто собственныхъ именъ, русскими ихъ значеніями; напримѣръ: вмѣсто Андрей — мужественный, вмѣсто Василій — царственный и проч.; такъ они интересуются знать, какъ по-гречески русскія выраженія: добраго утра, здравствуйте, прощайте, поздравляю васъ и др. (выраженія брани играютъ не послѣднюю роль).

Что касается до собственно такъ-называемаго преподаванія, или класснаго объясненія уроковъ въ тѣсномъ смыслѣ, то извѣстно, что послѣ умѣнья и усердія учителя, хорошій учебникъ есть первое условіе успѣшности дѣла. Принятый у насъ учебникъ Кюнера не вполне удовлетворителенъ, потому что не вполне приноровленъ къ возрасту учащихся и изложенъ не всегда ясно и вразумительно для дѣтей; къ тому же, въ немъ не рѣдко встрѣчаются промахи и недосмотры, по крайпей мѣрѣ, въ переводѣ II. II.

4. Всѣмъ учившимся и учащимъ греческому языку, безъ сомнѣнія, извѣстно, что 3-е склоненіе этого языка есть камень преткновенія для неофитовъ. Этотъ-то камень преткновенія у Кюнера и возведень въ чертъ созданія, выражался языкомъ Гоголя: въ его учебникѣ сначала предложена таблица 3-го склоненія (но безъ окончаній именительнаго падежа) съ *обычными* падежными окончаніями, затѣмъ примѣры склоненія именъ существительныхъ съ корнями и въ довершеніе всего — болѣе исключеній (по Кюнеру примѣчаній), чѣмъ правилъ. При такой системѣ, вниманіе начинающаго ученика раздвояется и теряетъ всякую точку опоры, будучи вынуждено, съ одной стороны, слѣдить за падежными окончаніями (и переходомъ ударенія), а съ другой — быть постоянно на-стражѣ, чтобы не потерять изъ виду корня слова (обнаруживающагося въ родительномъ падежѣ). Чтобы устранивъ это капитальное неудобство и сосредоточить вниманіе учащихся, я нахожу необходимымъ прохожденію 3-го склоненія по предложеннымъ въ учебникѣ парадигмамъ предпосылать свою таблицу этого склоненія, въ которой показаны всѣ окончанія именительнаго его падежа, съ указаніемъ, по возможности, рода, и характеристическія окончанія падежа родительнаго именъ каждаго окончанія съ главнѣйшими исключеніями, и только послѣ твердаго усвоенія учащимися этой таблицы обращаюсь снова къ Кюнеру. Вотъ эта таблица:

3-Е СКЛОНЕНІЕ.

№	Именит. пад.	Родит. пад.
I.	α (сред. р.). τὸ κτήμα, приобращеніе. τὸ σῶμα, тѣло. τὸ ποίημα, стихотвореніе. τὸ γάλα, молоко.	ος (+ τ, δ, θ). τοῦ κτήματος. τοῦ σώματος. τοῦ ποιήματος. τοῦ γαλακτος.
II.	ι (сред. р.). τὸ κέπερι, перецъ. τὸ αἶνακι, горчица. Исключенія: τὸ μέλι, медъ.	ιος, εος. τοῦ κепέριος. τοῦ αινάπεος. τοῦ μέλιτος,
III.	ο (сред. р.). τὸ ἄστυ, городъ. Исключенія: τὸ δάκρυ, слеза. τὸ γόνυ, колено. τὸ ὄφρυ, конье.	εος. τοῦ ἄστυος. τοῦ δάκρυος. τοῦ γόνατος. τοῦ ὄφρατος.
IV.	ω (жен. р.). ἡ ἡχώ, эхо. ἡ εὐεστῶ, благоденствіе.	оос = оуε. τῆς ἡχόος = ἡχοῦς. τῆς εὐεστόος = εὐεστοῦς.
V.	ὁ παιάν, побѣдная пѣсня. ὁ λειμών, лугъ. ὁ μῆν, мѣсяць. Ξενοφῶν, Ксенофонтъ. ὁ ποιμήν, пастухъ. ὁ δαίμων, божество. ὁ λέων, левъ. Прилагат. и причас. сред. р. на αν, ον, πᾶν, все.	νος, ντος. τοῦ παιᾶνος. τοῦ λειμῶνος. τοῦ μηνός. Ξενοφώντος. τοῦ ποιμένος. τοῦ δαίμονος. τοῦ λέοντος. миѣють всегда: ντος. παντός.

№	Ημερη. παδ.	Ροδη. παδ.
VI.	ρ (αρ сред. ρ.). τὸ νέκταρ, божеств. напитокъ. ὁ ῥήτωρ, ораторъ. ὁ αἰθήρ, вѣтръ. Исключенія: τὸ ἥπαρ, печень. τὸ φρέαρ, колодезь. τὸ ἄλειφαρ, мазъ. τὸ στέαρ, сало. τὸ ὕδωρ, вода.	ρος. τοῦ νέκταρος. τοῦ ῥήτορος. τοῦ αἰθέρος. τοῦ ἥπατος. τοῦ φρέατος. τοῦ ἀλείφατος. τοῦ στέατος. τοῦ ὕδατος.
VII.	ς (ос сред. ρ.).	(Различно).
1.	αις ὁ ἡ καίς, дитя. ἡ δαίς, пиръ.	δος, тоς. τοῦ, τῆς παιδός. τῆς δαιτός.
2.	ας (муж. ρ.). ὁ γίγας, гигантъ. ας (жен. ρ.). ἡ λαμπάς, лампада. ας (сред. ρ.). τὸ σέλας, блескъ. τὸ κρέας, мясо. Исключеніе: τὸ τέρας, чудо.	ντος. τοῦ γίγαντος. δος. τῆς λαμπάδος. ας. τοῦ σέλαος. τοῦ κρέας = κρέως. τοῦ τέρατος.
3.	αυς. ἡ γραῦς, старуха. Исключеніе: ἡ ναῦς, корабль.	ας. τῆς γραός. τῆς νεώς.
4.	ευς. ὁ βασιλεύς, царь.	εως. τοῦ βασιλέως.

№	Именит. пад.	Родит. пад.
5.	ης (им. собств. и прилаг.). Σωκράτης, Сократъ. ης (ж. р. въ корнѣ τ). ἡ κακότης, подлость. ἡ νεότης, юность.	ος = ους. Σωκράτης = Σωκράτους. τητος. τῆς κακότητος. τῆς νεότητος.
6.	ος (всѣ сред. р). τὸ γένος, родъ.	ος = ους. τοῦ γένους = γένους.
7.	ις, υς. ἡ χάρις, пріятность. ἡ πατρίς, отечество. ὁ κόρυς, шлемъ. ἡρίς, носъ. ὁ δελφίς, дельфинъ. ὁ ἰχθύς, рыба. ἡ πόλις, городъ.	τος, δος, θος, νος, ιος, υος, εως. τῆς χάριτος. τῆς πατρίδος. τοῦ κόρυθος. τῆς ῥίνος. τοῦ δελφίνος. τοῦ ἰχθύος. τῆς πόλεως.
8.	ους. ὁ, ἡ βοῦς, быкъ. Исключенія: τὸ οὖς, ухо. ὁ ὀδούς, зубъ. ὁ πούς, нога и сложныя съ ними.	оус. τοῦ, τῆς βοός. τοῦ ὠτός. τοῦ ὀδόντος. τοῦ ποδός.
9.	ως (муж. р.). ὁ ἥρως, герой. ως (въ корнѣ τ). ὁ ἰδρώς, потъ. ως (жен. р.). Одно слово: ἡ αἰδώς, стыдъ.	ωος. τοῦ ἥρωος. ωτος. τοῦ ἰδρώτος. оос = оус. τῆς αἰδώς = αἰδοῦς.

№	Именит. пад.	Родит. пад.
VIII.	ξ. ὁ κόραξ, воронъ. ὁ λάρυξ, горло. ὁ ἄναξ, царь. ἡ νύξ, ночь.	ος. (+ κ, γ, χ, κт.) τοῦ κόρακος. τοῦ λάρυγγος. τοῦ ἀνακτος. τῆς νυκτός.
IX.	ψ. ἡ λαίλαψ, буря.	ος. (+ π, β, φ.) τῆς λαίλαπος.

5. Такъ какъ у Кюнера замѣчанія объ образованіи надежей разбросаны и не представляютъ цѣльнаго ученія, единственно доступнаго для начинающихъ, то я концентрирую эти замѣчанія и излагаю съ возможною полнотою и цѣлностію образованіе каждаго изъ подлежащихъ надежей: дательнаго, винительнаго и звательнаго единственнаго числа и дательнаго надежа множественнаго числа.

6) У Кюнера, въ силу одинаковости склоненія именъ прилагательныхъ съ существительными (смотря по окончанію), нѣтъ отдѣльной статьи объ именахъ прилагательныхъ, въ которой были бы показаны всѣ ихъ окончанія, съ указаніемъ, какія изъ нихъ суть имена прилагательныя трехъ, двухъ и одного окончанія. Вниманіе начинающихъ, само по себѣ, безъ помощи учителя, не въ силахъ составить себѣ ясное и раздѣльное представленіе объ этомъ, а тѣмъ болѣе наглядное и какъ-бы рельефное изображеніе его. Чтобы помочь этому, я, по окончаніи 3-го склоненія, предлагаю своимъ слушателямъ слѣдующую таблицу окончаній именъ прилагательныхъ съ указаніемъ на тѣ §§ Кюнерева учебника, въ которыхъ говорится объ особенностяхъ склоненія.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ ИМЕНА.		
№	3-хъ окончаній.	Словоизменіе.
1.	ος, η, ον. — καλός, ή, όν; См. § 28, прим. 3.	Женскій родъ всѣхъ прилагательныхъ съ 3-ми окончаніями склоняется по 1-му склоненію, а мужскій и средній имеютъ на ος и ος по 2-му (на ος по 2-му склоненію), всѣхъ же прочіхъ прилагательныхъ мужскій и средній родъ склоняется по 3-му склоненію. (См. § 26, 2, прим. 1.)
2.	ος, α, ον. — άγιος, ία, ιον; δικaios, δικαία, ον; μακρός, μακρά, ον; αἰρώς, όα, ον; см. § 26, прим. 1; § 28, прим. 3.	
3.	ους, η, ουν. — (сокращенныя), χρυσοῦς, η, ουν.	
4.	ους, α, ουν. — (сокращенныя), άρτυροῦς, α, ουν; см. § 29, прим.	
5.	ας, αινα, αν. — μέλας, αινα, αν; р. μέλανος, μελαινης, ος; τάλας, αινα, αν (несчастныя); р. τάλανος, ταλαινης, ος; см. § 40, прим. 1.	
6.	ας, ασα, αν. — πᾶς, πᾶσα, πᾶν; р. παντός, πάσης, παντός; см. § 40, прим. 1; § 38, III, 6, исключ.	
7.	ος, εια, υ. — γλυκός, εια, υ; р. γλυκέος, ειας, έος; см. § 46, прим. 1: Въ сред. р. мн. ч. εα не сокращается.	
8.	εις, εσσα, αν. — χαρίεις, εσσα, αν; р. — αντος, έσσης, αντος; см. § 40, прим. 1; § 8, прав. 8. Дат. п. мн. έσι.	
9.	ην, αινα, αν. — τέρην, τέραινα, αν; р. τέρανος, τερεινης, νος (нѣжныя).	
10.	ων, ουσα, ον. — έχών, έχουσα, έχόν (добровольныя); άκων, άκουσα, άκον (недобровольныя), р. — οντος, ούσης, οντος; см. § 40, прим. 1, с. Сюда относятся и причастія на ων, ουσα, ον.	
11.	Прич. на ας, ασα, αν. — λύσας, λύσασα, αν; р. αντος, άσης, αντος.	
12.	Прич. на ως, υια, ος. — λελυκώς, куia, κός; р. ότος, υιας, ότος.	
13.	Прич. на εις, εια, αν. — λυθείς, λυθείσα, υαν; ιуд. έντος, είσης, έντος. Дат. п. множ. ч. έισι. См. § 40, прим. 1; § 8, прав. 8.	

№	2-хъ о ж о н ч а н і я.	Склонения.
1.	ος, ον. — Большею частью составленныя чрезъ сло- жение 2-хъ словъ или слова съ частицей: ἄλογος, ον; δύσκολος, ον; εὐπορος, ον; см. § 28, прим. 3.	По 2-му склонению.
2.	ους, ουν. — εὐνοус, εὐνουν, р. ου.	По 2-му склонению.
3.	ως, ων. — ἴλεως, ἴλεων, р. ω, ω.	По 2-му склонению аттическ. См. § 30.
4.	ης, ες. — ἀληθής, ἀληθείς, р. ἀληθείος = ἀληθεύς. См. § 42.	
5.	ις, ι. — εὐχαρις, εὐχαρι (веселый), р. на ἰδος и ιτος; см. § 38, прим. 2; ἰδρις, ἰδρι (сладущий), р. ἰδριος; см. § 46, прим. 2.	
6.	υς, υ. — ἄδακρυς, υ (безслезный), р. εος; см. § 46, прим. 1. Ср. εα = η.	
7.	ους, ον. — μονόδους, μονόδον, р. μονόδοντος; см. § 40, прим. 2.	
8.	ην, εν. — ἄρην, ἄρην. р. ενος; см. § 35, прим. 4.	
9.	ων, ον. — (и сравнит. степ.) σώφρων, σώφρον, р. ονος; μειζων, μειζон, р. ονος. См. § 35, прим. 4.	
10.	ωρ, ορ. — ἀπάτωρ, ἀπατορ; ἀμήτωρ, ἀμητορ, р. ορος. См. § 35, прим. 4.	

По 3-му
склонению.

№	1-го окончанія.	Склоненіи.
1.	ас, р. ου. μονίας, ου; см. § 27, прим. 2.	По 1-му склоненію.
2.	ас, р. ἄδος. φυγᾶς, δος, (бѣглый, ссыльный). См. § 38, прим. 2.	По 3-му склоненію.
3..	ас, р. αντος. ἀλάρας, ντος (неутомимый). См. § 40, прим. 2.	
4.	ар, р. арос. μάκρ, ρος (счастливый, блаженный).	
5.	ηс, р. οῦ. ἐθαλοντής, οῦ; см. § 27, прим. 2.	
6.	ηс, р. ἦτος. ἀργῆς, ἀργήτος (бѣлый). См. § 38, прим. 2.	По 1-му склоненію.
7.	ηч, р. ηνος. ἀπτήν, ἀπτήνος (безперый).	По 2-му склоненію.
8.	ис, р. ιδος. ἀνάκτις, ἀνάκτιδος (бесильный). См. § 38, прим. 2.	
9.	ус, р. υδος. νέηλος, νεήλудος (новоприбывшій). См. § 38, прим. 2.	
10.	ас, р. ατος. ἀγνῶς, ἀγνῶτος (неизвестный). См. § 38, прим. 2.	
11.	ε, р. γος, хос. ἀρπαξ, γος (хищный), ἤλιξ, ἤλικος (ровесникъ); μῶνουξ, μῶνουχος (однокопный). См. § 37, прим.	
12.	ψ, р. пос. αἰγίλιψ, пос (очень высокій). См. § 37, прим.	
13.	Сложныя съ какинь-нибудь существ. 3-го склоненія, напр. μακρόχαιρ, ρος (долгорукій).	

Наконецъ 7) говори объ образованіи временъ въ глаголахъ, я нахожу іѣдѣлесообразнымъ къ § 93 учебника Кюнера присоединить выподы, заключающіеся въ §§ 68, 69, 70 и 81 Греческой грамматики Бюрнуфа.

Опытъ показалъ, что этими способами и пріемами можно достигнуть если не блестящихъ, то по меньшей мѣрѣ удовлетворительныхъ результатовъ, о чемъ считаю не лишнимъ подѣлиться съ товарищами по занятію.

Ем. Вѣлбровъ.

DE CLAVO PURPUREO, TUNICAE ROMANAE ORNAMENTO.

Senatores Romanos ius lati clavi, equites angusti clavi ius habuisse eorum, qui vel primoribus labris antiquitatis studia gustaverunt, nemo est, qui ignoret. Quid vero fuerit clavus et quibus in vestimentis suum habuerit locum, non paucos ignorare video; nam, ut unum e multis veterum scriptorum interpretibus nominem, Orellius in nota, quam ad Hor. art. poet. v. 16 scripsit, de *togae* lato clavo loquitur limbum ¹⁾ vestimentorum et clavum temere confundens. Quæ cum ita sint, haec de clavi forma et usu quaestio non indigna mihi visa est, quæ breviter retractetur, praesertim cum duos scriptorum Romanorum locos ad hanc rem explicandam facientes invenerim, qui, ut nunc circumferuntur corrupti, tenebras quasdam antiquitatis studiosis offuderunt.

Jam olim optime Albertus Rubenius (de re vestiaria praecipue de lato clavo libri duo, in Gracvii thesauro antiquitatum Romanarum tom. VI, cap. II, p. 938 E.) diversissimas aliorum opiniones refutavit, quorum alii clavos fibulas esse, quibus tunicae conecterentur, alii flores dixerunt vestibus intextos, alii aliis indulserunt alucinationibus, idemque clavos fuisse purpureas lineas vel virgulas, quæ medias ²⁾ vestes intersecabant, probavit.

¹⁾ Ultima pars telae tenui circumdata limbo. *Ovid. Metam.* VI, 127. Limbus est fascia, quæ ambit extremitatem vestium *Serv.* ad Vergil. Aen. IV, 137. cf. *Verg.* Aen. IV, 137; *Ovid. Met.* V, 51. Hic *togae* limbus plerumque simpliciter purpura vocabatur v. *Cic. pro Cluent.* 40, 111 «usque ad talos demissa purpura». Discernit togam praetextam et tunicae clavum *Horat. sat.* I, 5, 38: Praetextam et latum clavum.

²⁾ Non apte quidem chlamydes appellat tunicas Joannes Laurentius Lydus, de clavo vero quæ dicit non absona sunt: ἐπίσημα δὲ τοῖς πατράσι, ἥτοι πατριχίοις ἢ διπλάκας μὲν ἦτοι χλαμύδας ἄχρι κνημῶν ἐξ ὧμων διήκουσαι... πορφύρεα κατὰ μέσσοις διείσθημοι (λατινικαβίας αὐτάς ὠνόμαζον) de magistr. pop. Rom. I, 17. Graeci tunicas clavatas vernaculo sermone μεσοπορφύρους χιτῶνας dixerunt.

Ut togas et magistratuum et puerorum Romanorum limbus purpureus ampiebat, ita tunicae clavis exornabantur. Utrum vero clavi in priore tantum tunicae parte, an etiam in posteriore fuerint, utrum e singulis, an e binis virgulis purpureis constiterint, adhuc dubitari videmus. Atqui sunt loci veterum scriptorum, qui dubitationem nobis eximant. Nam *purpurae* plurali numero a Quintiliano (instit. orat. XI, 3, 139 codd. Bernens. et. Bamberg.) de unius tunicae clavo ponuntur; Festus p. 209 haec habet: „tunica palmata a latitudine *clavorum* dicebatur;“ Varro apud Nonium p. 536, 33 haec: „quorum vitreae ¹⁾ togae ostentant tunicae *clavos*“.

Horum locorum ultimus ita demum recte intellegetur, si tunicae partem, quae togum tegebat, et ipsam clavo insignem fuisse nobis persuaserimus. Constat autem tunica Romanorum e binis pannis vel plagulis, quarum altera pectus obtegens a collo ad genua, altera tergum velans a collo ad poplites descendebat. Legimus enim apud Suetonium in vita Augusti c. 94 ei sumenti virilem togam tunicam lati clavi resutam ex utraque parte ad pedes decidisse, quod ita tantum fieri potuit, si quae erant in umeris suturae relaxabantur. Rem ita se habuisse etiam e Josephi ²⁾ verbis colligere licet.

Sed non solum pectora, ³⁾ verum etiam terga senatorum equitumque clavis insignia fuisse e loco quodam, qui in Varronis de lingua latina lib. IX. §. 79 legitur, discimus. Refutat Varro eos, qui analogiam in vocabulorum declinatione esse negant, et contendit, si nominativi forma cum genetivo non congruat, in suo tamen genere et nominativum et obliquos casus servare analogiam. Tum haec sequuntur: „Non, si quis tunicam in usu ita consuit, ut altera plagula sit angustis clavis, altera latis, utraque pars in suo genere caret analogia“.

Utramque tunicae plagulam clavo intexto ornatam fuisse patet, neque quisquam dubitabit, quin ambae plagulae unius tunicae aut laticlaviae aut angusticlaviae fuerint. Fingit tantum Varro aliquem perverse et contra morem diversi generis plagulas consuere. Hoc si reputamus,

¹⁾ De hoc genere togarum, quae perlucidae dicebantur (Seneca epist. CXIV, 21). Diodorus exc. libr. XXXVII. 3 ed. S. Bekk. scribit: οἱ νέοι κατὰ τὴν ἀγορὰν ἐφόρουσαν ἱσθητὰς διαφόρους μὲν ταῖς μαλακότησι, διαφανεῖς δὲ καὶ κατὰ τὴν λεπτότητα ταῖς γυναικείαις παρεμφερεῖς. cf. Ovid. a. a. III, 445.

²⁾ Antiqu. Jud. III, 7, 4: ῥαπτὸς ἐπὶ τῶν ὤμων καὶ τῶν παρὰ πλευρὰν. Cf. Marquardt, röm. Alterth. V, 2. p. 160.

³⁾ Notissima sunt Horatii verba, quae in I. Satiarum libro 6, 28 leguntur: *latum demisit pectore clavum*.

iam ea verba, quae quomodo explicari possint nescio, — nam quis potest in usu consuere tunicam?—facile ita corrigemus, ut pro: „in usu ita“ scribamus „*inuitate*“.

His ita disputatis viam mihi munivisse videor ad sententiam loci Suetoniani, qui gravi mendo laborans multorum errorum quasi fons fuit, recte perspiciendam. In Divi Julii enim vitae cap. 45, ubi scriptor Caesarem dixit circa corporis curam morosiores fuisse, ut non solum tonderetur diligenter ac raderetur, sed etiam deficientem capillum a vertice revocaret et ius aureae coronae perpetuo gestandae libentissime usurparet, leguntur haec: „Etiam cultu notabilem ferunt; usum enim lato clavo ad manus fimbriato, nec ut unquam aliter, quam super eum cingeretur, et quidem fluxiore cinctura, unde emanasse Sullae dictum, optimates saepius admonentis, ut male praecinctum puerum caverent“!

Verba, quae sunt: *lato clavo ad manus fimbriato* difficilia esse intellectu interpretes viderunt. Scripsit igitur Casaubonus in animadversionibus suis haec: „*Latum clavum ad manus fimbriatum* interpretor χιτῶνα πλατύσημον χειρίδας ἔχοντα μέχρι τοῦ καρπῶν προσσωτός, tunicam laticlaviam, manicas ad manus usque habentem, easque fimbriatas“. Approbavit, Casaubonianam loci enarrationem Ernestius, approbavit et verborum ambitu auxit Baumgarten-Crusius. Mihi vero, ut ingenue profitear, quod sentio, haec enarratio tantopere displicet, ut nihil contortius aut minus probabile esse censeam.

Non nego clavi vocabulum a scriptoribus nonnunquam ita poni, ut pro tunica vel laticlavia vel angusticlavia positum esse videatur; sed ubi tandem Suetonius dixit eam, quam significat, tunicam manicatam fuisse? An hoc dicere supervacaneum fuit in vestimento, quod manicis caruisse ¹⁾ et scriptorum consensus et monumentorum docet aspectus? Jam vero is, qui tunica manicata usum esse Caesarem diceret, non iustum atque concessum corporis cultum laudaret, sed vituperaret vehementer effeminatam viri luxuriam. Nam post Ciceronem ²⁾ in orat. Catil. II, 10, 22, pueros manicatas tunicas gestantes acerbissimis verbis exagitantem. Gellius n. a. VI. 12, 1: „tunicis uti virum prolixis“,

¹⁾ Cf. Nonius p. 536: tunica est vestimentum *sine manicis*.

²⁾ Cf. Orat. in Clodium et Curionem, 5. Tu vero festivus, quem decet muliebris ornatus, quem incesans psaltriae... qui indutus muliebri veste fueris... cum vix *manicatum tunicam* in lacertos induceres. Verg. Aen. IX, 615. Curt. III, 3, 13. Sueton. C. Caligula, 52. Gallienum Trebellius Pollio XVI, 4, dicit purpuream tunicam auratamque virilem eandemque *manicatum* habuisse; sed ita hoc de eo praedicat, ut hominis auri scobem crinibus suis aspergentis inauditam luxuriam exagitet et mollietiam.

inquit, „ultra brachia et usque in primores manus ac prope in digitos Romae atque in omni Latio *indecorum* fait; feminisque solis vestem longe lateque diffusam indecere existimaverunt ad ulnas cruraque adversus oculos protegenda“. Jam vero fimbrias tunicae assutas fuisse, id non mirum ac novum, sed prorsus inauditum est; hoc enim vestium ornamentum ex Oriente Romam translatum paenularum lacernarumque proprium fuit, a tunica Romana atque a toga semper abhorruit.

Haec paullo fusius exposui, ut Casauboni explicationem virorum doctorum consensu comprobata et verborum vim detorquere nec sententiam efficere probabilem docerem. Jam medicinam corruptalae quaerentibus non exiguum fert auxilium locus quidam, qui legitur in Quintiliani instit. orat. lib. XI, 138: „Cui lati clavi ius non erit“, inquit, „ita cingatur, ut tunicae prioribus oris infra genua paulum, posterioribus ad medios poplites usque perveniant. Nam infra mulierum est, supra centurionum. Ut purpurae recte descendant, levis cura est; notatur interim negligentia. Latum habentium clavum modus est, ut sit paulum cinctis summissior“.

Postulat igitur Quintilianus, ut oratoris clavus recte, id est ad perpendicularum descendat, ne oblique trans pectus transcurrens eiusdem negligentiae nomine hominem Romanum arguat, quo nostrae aetatis homines notari solent, si nodus fasciae, quo collum sub mento ornari oportet, ad aurem semotus „dissidet impar“.

Jdem quod oratori, qui a multis conspiciebatur, observandum erat, Caesarem observasse Suetonius scripsit. Verba corrupta igitur sic refingenda esse puto, ut pro iis, quae nunc in editionibus ut genuina Suetonii verba circumferuntur:

ad manus fimbriato
scribatur: ad amussim striato¹⁾.

¹⁾ *Striata* a Plinio et folia et conchae dicuntur, a Vitruvio proprie columnae; vestes vero striatas alibi dictas esse quamquam equidem non invenio, tamen hanc vocem a plantis et columnis ad vestimenta traductam esse, nemo, opinor, mirabitur. Nam striae columnarum, quas non semper excavatas fuisse Vitruvius dicit (columnas autem striari XX striis oportet. Quae si *planae* erunt, angulos habeant XX designatos, IV, 3, 9), paribus intervallis inter se distantes ita ad perpendicularum descendunt, ut cum tunicae clavis aptissime conferantur. Accedit, quod vocabulum Graecum ἀβδὸν, quod idem valet ac striatus, et de columnis usurpatur et de vestibus. Cf. Xenoph. Cyropaed. VIII, 3, 16 ἰσχυρὸς ἀβδὸν. Apud Plinium nat. hist. XIX, 8, 146 haec: «asparagus in toros *striatus* potest et semine seri» respondent Catonis de re rustica, c. 161 his: «ad *lineam* grana bina aut terna paxillo demittito».

Eum ipsum ad finem, ut clavus diligentissime compositus et ad perpendiculum directus eodem vestigio maneret, cincturam tunicæ laticlaviae imposuit, id quod senatores facere non solebant.

Jam ut paucis complectamur, quid hac disputatiuncula consecuti simus, Varronis ille locus corruptela liberatus nos docet, constantem Romanorum consuetudinem fuisse ita consuere tunicæ plagulas, ut et prior pars et posterior eodem clavorum genere insignes essent. Si vero ea, quæ ad mendum loci Suetoniani tollendum protuli, probabuntur, non solum Cæsar gravi effeminatæ mollitiæ opprobrio ¹⁾, cuius nunc reus est, absolvetur, verum etiam de tunicæ Romanæ fimbriis ²⁾, quas nullas unquam fuisse mihi persuasi, quia alius scriptor Romanus eas nullus usquam commemoravit, actum erit.

Ernestus Schulze.

¹⁾ Marquardt, röm. Alterth. V, 2, p. 160, n. 1486. Becker, Gallus III, p. 117. Pauly, Real-Encyclopädie IV, p. 482.

²⁾ Marquardt, l. l. p. 154, n. 1439.

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА¹⁾.

IV. ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ВЕЗЪ *δν* (*хэн*) ВЪ ПРИДАТОЧНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНИЯХЪ.

§ 8. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія предложеній относительныхъ, такъ какъ эти предложенія были первоначально самостоятельными. Многія изъ нихъ сохранили даже (особенно у Гомера) слѣды своей прежней самостоятельности. Поэтому не удивительно, что въ относительныхъ предложеніяхъ встрѣчаются тѣ же самыя наклоненія, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какъ и въ предложеніяхъ независимыхъ.

Примѣчаніе. Подъ категорію относительныхъ предложеній под-
ходятъ также предложенія, опредѣляющія мѣсто дѣйствія, и
большая часть предложеній сравнительныхъ.

а) Optativus относительнаго предложенія выражаетъ желаніе
(см. § 2, а), напримѣръ:

Od. IV, 699. *μνηστῆρες φράζονται, δ μή τελέσειε Κρονίων.*

Od. VII, 148. XIII, 42. II. XXIV, 212.

S. Ph. 509. *ἄλλ' ὅσα μηδεὶς τῶν ἐμῶν τόχοι φίλων.*

S. Ph. 275; 316. S. Tr. 1039.

X. An. III, 2, 3. *οἶομαι ἄν ἡμᾶς τοιαῦτα παθεῖν, οἷα τοὺς ἐχθροὺς οἱ θεοὶ ποιήσαν, quae utinam dii in hostium capita vertant.*

Dem. XVIII, 299. *τί σὺν... λέγεις, ἃ σοὶ καὶ τοῖς σοῖς οἱ θεοὶ τρέψαν εἰς κεφαλὴν;*

Dem. VIII, 51. XVIII, 89. XXI, 209.

Ср. въ дат. Ov. Met. VI, 209. *et me, quod in ipsam recidat, orbam dixit.*

¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г., январь и июнь.

б) Иногда встрѣчается въ относительныхъ предложеніяхъ optativus potentialis безъ ἄν (см. § 1, а), выражающій личную, субъективную мысль, не зависящую отъ дѣйствительности и находящуюся только въ представленіи говорящаго лица (у Гомера, рѣдко у трагиковъ, весьма рѣдко въ прозѣ).

Il. V, 303. . . . δὲ χαρμάδιον λάβη χαίρι, Τυδαΐδης, μέγα ἔργον, δ' οὐ δόο γ' ἄνδρα φέροισιν.

Il. XX, 285. Andoc. III, 1. οἱ ῥήτορες τῷ μὲν ὀνόματι τῆς εἰρήνης συγχεροῦσι, τοῖς δ' ἔργοις, ἀφ' ὧν ἡ εἰρήνη γένοιτο, ἐναντιοῦνται.

Примѣчанія. Къ этимъ мѣстамъ можно причислить тѣ, въ которыхъ встрѣчается οὐκ ἔσθ' ὅς (δοτις) въ смыслѣ οὐδαίς съ optativus.

Il. XXII, 348. ὣς οὐκ ἔσθ' ὅς σῆς γε κύνας κεφαλῆς ἀπαλάλχοι.

Il. II, 687.

Aesch. Pr. 292. οὐκ ἔστιν, ὅτε μείζονα μοῖραν νείμαίμ' ἢ σοί.

Aesch. Ch. 170.

Сюда принадлежатъ также относительныя предложенія съ optativus potentialis безъ ἄν, зависящія отъ вопросительныхъ предложеній, напримѣръ:

S. Ol. 1172. καὶ τίς ποτ' ἔστιν, ὃν γ' ἐγὼ ψέξαίμ' τι;

Pl. Euthyd. 292, e. τίς ποτ' ἔστιν ἡ ἐπιστήμη ἔχειν, ἣ ἡμᾶς εὐδαίμονας ποιήσειεν;

Въ подобныхъ случаяхъ можно оба предложенія сократить въ одно, напримѣръ:

τίνα ἐγὼ ψέξαίμ' τι; — τίς ἐπιστήμη ἡμᾶς εὐδαίμονας ποιήσειεν.

с) Optativus часто встрѣчается въ относительныхъ предложеніяхъ послѣ одного изъ историческихъ временъ (обыкновенно послѣ impregfectum, или послѣ многократной формы на σκον) въ главномъ предложеніи. Эти относительныя предложенія болѣею частью могутъ быть замѣняемы условными предложеніями (= *si cum optativo*), принимаютъ поэтому отрицаніе μή и выражаютъ не одинъ отдѣльный, конкретный случай, а весь родъ одинаковыхъ случаевъ или, другими словами, неопредѣленное повтореніе дѣйствія. Что это значеніе повторенія дѣйствія не заключается въ желательномъ наклоненіи, разъяснено выше (см. § 7, б). Въ относительномъ предложеніи Il. II, 188 sq.

ὅτινα (какого бы ни) μὲν βασιλῆα καὶ ἔσχαον ἄνδρα κίχρην, τὸν δ' ἄγανός ἐπέσσειν ἐρητύσασκα παρὰστάς.

мы собственно не должны искать ничего другого, какъ случай, существующій въ представленіи поэта. Положимъ, что Одиссей встрѣчалъ какого-нибудь царя, тогда онъ его удерживалъ. Связь и содержаніе періода и многократная форма (*verbum frequentativum*) глагола предложенія ἐρητύσασκε показывають, что это случалось часто. Поэтому можно при переводѣ такихъ относительныхъ предложеній употреблять союзы „какъ часто“, „всякій разъ какъ“, хотя это не необходимо, такъ какъ и русскій языкъ имѣетъ оборотъ, способный выражать эту общность, это неопредѣленное повтореніе дѣйствія: кто ни, кто бы ни, какой бы ни и т. д. (ср. лат. *quicumque*).

Примѣры:

Il. X, 489. ὄντινα Τηδαιδης ἄορι πλῆξετε παραστάς,
τὸν δ'Ὀδυσσεὺς μετόπισθε λαβὼν ποδὸς ἐξερύσασκεν.

D. II, 198. IV, 232, 240. XII, 268, 428. Od. XXIII, 66. Od. IX, 94.
S. Tr. 906. κλαίει δ', ὀργάνων ὄτου
ψαύσκειαν. . . .

Herod. III, 39. δοκοῖς ἰθὺσαι στρατεύεσθαι, πάντα
οἱ ἐχώρει αὐτοχέως (предложеніе, опредѣляющее
мѣсто дѣйствія).

Th. I, 22. οὐ ταῦτά περὶ τῶν αὐτῶν ἔλεγον,
ἀλλ' ὡς ἑκατέρων τις εὐνοίας ἢ μνημης
ἔχοι (предложеніе сравнительное).

Th. IV, 4. ξυνετίθασαν, ὡς ἑκαστὸν τι ξυμβαίνει.

Th. II, 67. πάντας. . . οἱ Λακεδαιμόνιοι, δσοὺς
λάβοιεν. . . διέφθειρον.

Th. II, 100. καὶ ἣ μὲν προσπέσοιαν, οὐδεις ὑπέμεναν ἄνδρας (предло-
женіе, опредѣляющее мѣсто дѣйствія).

Th. III, 1. VII, 29. VIII, 66.

X. An. I, 9, 20. φίλους γε μὴν δσοὺς ποιήσαιτο καὶ εὐνοὺς γνοίη ὄντας
καὶ ἱκανοὺς κρίνειν συναργούς εἶναι, ὅτι τυγχάνοι βουλόμενος
κατεργάζεσθαι, ὁμολογεῖται πρὸς πάντων κράτιστος δὴ γενέσθαι
θεραπεύειν.

X. An. I, 1, 5. II, 6, 13. IV, 2, 24. I, 9, 15. III, 1, 32.

X. Hell. VI, 2, 28.

X. Cyr. III, 3, 5. III, 3, 67. ἱκετεύουσι (*praes. hist.*), ὅτε ἐντυγχά-
νοινεν, μὴ φεύγειν.

Plat. Apol. 21, a.

Dem. 22, 52.

д) Если въ главномъ предложеніи стоитъ одно изъ главныхъ временъ, то въ такихъ относительныхъ предложеніяхъ обыкновенно употребляется сослагательное наклоненіе съ *άν* (у Гомера также съ *κάν* или безъ *κέν*), которое выражаетъ случай ожидаемый. Но если говорящій выражаетъ опредѣленіе (*attributum*), какъ случай только представляемый, безъ всякой мысли о его существованіи, то онъ и въ этомъ случаѣ употребляетъ въ относительномъ предложеніи *optativus* безъ *άν*.

II. XVIII, 631. τῶν μὲν γὰρ πάντων βέλε' ἄπτεται, ὅστις ἀφείη.

II. XXII, 494. Od. XIX, 511.

S. OR. 315. ἄνδρα δ' ὠφελεῖν ἀφ' ὧν

ἔχοι τε καὶ δύναίτο κάλλιστος πόνος.

S. OR. 979.

S. Ant. 666. ἀλλ' ὅν πόλις στήσῃσι, τοῦδε χρὴ κλύειν
(= εἰ τίνα πόλις στήσῃσιν).

S. OC. 1172. Ag. Th. 872.

X. Cyt. I, 6, 19. τοῦ μὲν αὐτὸν λέγειν, ἃ μὴ σαφῶς
εἰδείη, φεῖσθαι δεῖ.

X. Cyt. I, 6, 3. VII, 5, 56; X. Hell. VII, 3, 7.

Dem. 3, 14.

Примѣчаніе. Особенно интересны тѣ мѣста, гдѣ въ относительномъ предложеніи встрѣчается *optativus* безъ *άν* рядомъ съ *conjunctivus* съ *άν* (у Гомера также безъ *άν*), напримѣръ:

Od. VI, 286, sq. καὶ δ' ἄλλῃ νεμεσῶ, ἥτις τοιαῦτά γε ῥέζοι, ἣ
τ' ἀέκητι φίλων πατρὸς καὶ μητρὸς ἐόντων ἀνδράσι μίσσηται,
πρὶν γ' ἀμφάδιον γάμον εἰθεῖν.

Второе относительное предложение (ἣ τ' . . . μίσσηται = εἰ μὴ μίσσηται) опредѣляетъ женщину, о которой говоритъ Навзикая, точнѣе чѣмъ первое, выражающее свойство женщины только общими словами (ἥτις τοιαῦτά γε ῥέζοι = εἰ τις . . . ῥέζοι). Поэтому Навзикая выражаетъ первую мысль отвлеченнѣе, какъ случай мыслимый, неизвѣстный (посредствомъ *optativus*), а вторую, какъ случай ожидаемый (черезъ *conjunctivus*).

X. Cyt. II, 4, 10.

е) Часто желательное наклоненіе относительнаго предложенія обусловливается наклоненіемъ того предложенія, отъ котораго оно зависитъ (*attractio* или *assimilatio modi*). Это бываетъ тогда, когда относительное предложеніе зависитъ отъ такого предложенія, кото-

рое, выражая случай только мысленный, имѣть глаголѣ въ желательномъ наклоненіи.

Это послѣднее предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ можетъ выражать или желаніе, или предположеніе, или можетъ быть само придаточнымъ предложеніемъ. Вольшею частью можно такое относительное предложеніе обратить въ условное (= *si cum optativo*), иногда оно можетъ быть замѣнено предложеніемъ цѣлн.

Относительное предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ служить, во первыхъ, опредѣленіемъ предложенія, выражающаго желаніе, и означаетъ мысленный случай безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, напримѣръ:

II. III, 299, sq. ὁππότεροι δὲ καὶ νικήσῃ κρείσσων τε γένηται,
τάων ἦν κ' εὐέλποιν ἀναστὰς αὐτὸς ἐλάσθω,

гдѣ говорящій Антиной ожидаетъ побѣды одного изъ противниковъ.

Примѣры:

Od. I, 47. ὡς ἀπόλοιτο καὶ ἄλλος, ὅστις τοιαῦτά γε ῥέζοι.

II. VI, 58, sq. XXIV, 139. Od. XV, 360. XVI, 386. XVIII, 142.

S. Ph. 529. μόνον θεοὶ σῶζοιαν ἔκ τε τῆσδε γῆς ἡμᾶς, ὅποι τ' ἀνθρώδε
βρολοίμεθα πλεῖν

(предложеніе, опредѣляющее мѣсто дѣйствія).

Ag. V. 1431. ἔρδοι τις, ἦν ἕκαστος εἰδείη τέχνην.

Pl. Phaed. 279, c. τὸ δὲ χρυσοῦ πλήθος εἴη μοι ὅσον μήτε φέρειν
μήτε ἄγειν δύναται ἄλλος ἢ ὁ σῶφρων.

II. XVII, 640. εἴη δ' ὅστις ἐταῖρος ἀπαγγεῖλαιε τάχιστα.

II. XIV, 107. νῦν δ' εἴη ὅς τῆς δὲ γ' ἀμείνονα μῆτιν ἐνίσποι.

S. Tr. 953, sq. Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ относительное предложеніе имѣетъ значеніе предложенія цѣлн — *utinam sit, qui nunciet* — *utinam nunciet aliquis*.

Относительное предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ можетъ, въ вторыхъ, зависѣть отъ главнаго предложенія съ *optativus potentialis cum ἄν* (кѣн).

II. VI, 329, sq. . . . σὸ δ' ἄν μαχέσαιο καὶ ἄλλω
δυνάμει που μεθιέντα ἴδοις στογερῶς πολέμοιο.

Od. XIV, 402, sq. ξεῖν', οὕτω γὰρ κέν μοι εὐκλείη τ' ἀρατὴ τε
εἴη ἐκ' ἀνθρώπων, ἅμα δ' αὐτίκα καὶ μετέπειτα,
ὅς σ', ἐπεὶ ἐς κλισίην ἀγαγον καὶ ξείνα δῶκα,
αὐτὶς δὲ κτεínaμι, φίλον τ' ἀπὸ θυμὸν ἐλοίμην,
гдѣ δс. . . . = εἰ σε κτεínaμι.

II. IX, 125, 267. II. XIII, 118, 322. Od. VIII, 240. Od. I, 229.
Od. IV, 222.

Od. XIII, 291. XXIII, 102.

Ag. R. 97. γόνιμον δὲ ποιήτην ἄν οὐχ εἶροισ ἐτι
ζητῶν ἄν, ὅστις ῥῆμα γενναῖον λάκοι.

X. An. I, 3, 17. ὀκνοῖν ἄν εἰς τὰ πλοῖα ἐμβαίνειν, ἃ
ἡμῖν δοίη (= εἰ δοίη πλοῖα, ὀκνοῖν ἄν ἐμβαίνειν).

Pl. Symp. 8, 17. τίς μισεῖν δύνατ' ἄν, ὅφ' οὐ εἰδείη
καλὸς τε καὶ ἀγαθὸς νομιζόμενος;

X. Cyr. II, 4, 23. . . . οὐδὲ δὲ μὴ δύναιντο λαμβάνειν,
ἀποσοβοῦντες ἄν ἐμποδῶν γίγνοιτο τὸ μὴ
ὁρᾶν αὐτοὺς τὸ δλον στρατεύμα σου.

X. Mem. I, 5, 4. IV, 6, 7.

Pl. Mem. 92, c. πῶς οὖν ἄν εἰδείης περὶ τούτου τοῦ
πράγματος, εἴτε τι ἀγαθὸν ἔχει ἐν αὐτῷ εἴτε
φλαῦρον, οὐ παντάπασιν ἄπειρος εἷης;

Pl. Lys. 215, b.

Затѣмъ, сюда же принадлежатъ относительныя предложенія съ
желательнымъ наклоненіемъ, зависящія отъ придаточныхъ предло-
женій съ желательнымъ наклоненіемъ.

II. X, 17. sq. ἦδε δὲ οἱ κατὰ θυμὸν ἀρίστη φαίνεται βουλή,
Νέστορ' ἐπὶ πρῶτον Νηλῆιον ἐλθέμεν ἀνδρῶν,
εἰ τίνα οἱ σύν μῆτιν ἀμύμονα τεκτῆναιτο,
ἦτις ἀλεξίκακος πᾶσιν Δαναοῖσι γένοιτο.

II. XII, 334 sq. Od. VI, 112 sq. Od. XI, 479 sq.

Pl. Phaed. 72, c. εἰ ἀποθνήσκοι μὲν πάντα, ὅσα τοῦ ζῆν
μεταλάβοι, ἐπειδὴ δὲ ἀποθάνοι, μένοι ἐν τούτῳ
τῷ σχήματι τὰ τεθνεῶτα καὶ μὴ πάλιν
ἀναβιώσκοιτο, ἄρ' οὐ πολλὴ ἀνάγκη τελευτῶντα
πάντα τεθνάναι καὶ μηδὲν ζῆν;

Примѣчаніе. Такъ какъ во всѣхъ означенныхъ трехъ случаяхъ
желательное наклоненіе того предложенія, отъ котораго зави-
ситъ предложеніе относительное, выражаетъ дѣйствіе, относя-
щееся къ настоящему или будущему, то говорящій иногда при-
нимаетъ въ соображеніе осуществленіе высказываемаго въ от-
носительномъ предложеніи случая и употребляетъ поэтому со-
слаговое наклоненіе (обыкновенно съ ἄν), напримѣръ:

II. XIII, 232, sq. Ἰδομενεὺς, μὴ καῖνος ἀνὴρ εἶναι νοστήσειεν
ἐκ Τροίης, ἀλλ' αὐτοὶ κοινῶν μέληθηρα γένοιτο,
ὅστις ἐπ' ἡματι τῷδε ἔκων μετιῆσι μάχεσθαι.

Pl. Phaed. 104, d. ἐπὶ τὸ τοιοῦτον δὴ ἡ ἐναντία ἰδέα
ἔκείνη τῇ μορφῇ, ἣ ἐν τούτῳ ἀπεργάζεται,
οὐδέποτε' εἴναι ἔλθοι.

§ 9. *Предложения, определяющія время дѣйствія.*

а) Временныя предложения съ желательнымъ наклоненіемъ обозначаютъ болѣею частью кромѣ времени и условіе главнаго дѣйствія и поэтому весьма близко подходятъ къ предложениямъ условнымъ (si cum optativo). Отрицаніемъ служатъ μὴ. И въ этихъ предложенияхъ желательное наклоненіе выражаетъ случай воображаемый, существующій только въ представленіи говорящаго безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности.

Желательное наклоненіе употребляется въ предложенияхъ времени (какъ и въ относительныхъ) преимущественно тогда, когда въ главномъ предложеніи стоитъ одно изъ историческихъ временъ. Это происходитъ отъ того, что говорящій, высказывая представляемый, случай по отношенію къ прошедшему, не ожидаетъ и не принимаетъ въ соображеніе его осуществленія. Значеніе неопредѣленнаго повторенія, которое часто соединено съ такими предложениями, не заключается въ желательномъ наклоненіи, а происходитъ отъ связи и содержанія всего періода, какъ уже выше сказано (§ 7, b и § 8, c); въ главномъ предложеніи стоитъ тогда или imperfectum, или verbum frequentativum, или аористъ (обыкновенно съ εἴναι).

II. I, 609 sq. Ζεὺς δὲ πρὸς ὃν λόχος ἦι Ὀλύμπιος ἀστεροπητὴς,
ἐνθα πάρος κοιμᾶτο, ὅτε μιν γλυκὺς ὕπνος ἱκάνοι.

Od. VII, 138. ᾧ πυμάτερ σπένδεσκον, ὅτα μνησαίετο κοῖτου.

II. III, 232 sq. πολλέκι μιν ξείνισεν ἀρηίφιλος Μενέλαος
οἷον ἐν ἡματέρεσσι, ὅποτε Κρήτηθεν ἴκοιτο.

Od. XI, 585 sq. ὅσασι γὰρ κύψει' ὁ γέρων πίεινι μανειάνων,
τοσάχ' ὅδωρ ἀπολέσχετ' ἀναβροχέν....

II. XXIV, 14 sq. ἀλλ' ὃ γ' ἐπεὶ ξεύξειεν ὅφ' ἄρμασιν ὠκείας ἵππους
Ἑκτορα δ' ἔλκεσθαι δηρώσχετο δίφρου ὀπισθεν.

II. X, 11, 14, 78. XI, 543. XVII, 732 sq. XIX, 132.

Od. IX, 208, 384. XI, 596. XIX, 49, 371.

Herod. VI, 61. ὥς δὲ ἐνείκειε ἡ τροφὸς (τὸ παιδίον), πρὸς τε τῷγαλμα
ἴστα καὶ ἐλίσσετο τὴν θεὸν ἀπαλλάξει τῆς δυσμορφίης τὸ παιδίον.

Herod. VI, 75. ὅπως γάρ τεφ' ἐντόχοι Σπαρτιητέων, ἀνέχρας ἐς τὸ πρόσωπον τὸ στήθετον.

Herod. VII, 119. I, 14. I, 29.

Th. II, 49. ὁπότε (ὁ πόνος, μογibus) ἐς τὴν καρδίαν στηρίζαι, ἀνέστραψε αὐτήν.

Th. II, 10. II, 15.

Pl. Phaed. 59, d. αἰ γάρ δὴ καὶ τὰς πρόσθεν ἡμέρας εἰώθαμεν φοιτᾶν... πρὸς τὸν Σωκράτη· περιεμένοντες οὖν ἕκαστοτε, ἕως ἀνοιχθεῖν τὸ θεωρητήριον· ἐπειδὴ δὲ ἀνοιχθεῖν, ἤειπεν παρὰ τὸν Σωκράτη.

X. An. I, 2, 7. (Κῦρος ἄγρια θηρία) εἰθάρουν ἀπὸ ἵππου ὁπότε γυμνάσειν βούλοιντο ἑαυτὸν τε καὶ τοὺς ἵππους.

X. An. I, 5, 2. I, 9, 25. II, 6, 12. III, 4, 20. IV, 1, 16. IV, 5, 8. IV, 7, 10. VII, 1, 7.

X. Mem. I, 2, 97. II, 9, 4.

X. Cyn. VII, 1, 10.

Примечание. При союзах ὁσάκις и ὁποσάκις, *есликій разъ какъ*, встрѣчается часто вмѣсто сослагательнаго послѣ главныхъ и вмѣсто желательнаго послѣ историческихъ временъ изъявительное наклонение; тогда говорящій выражаетъ дѣйствіе временнаго предположенія какъ фактъ и обозначаетъ посредствомъ самихъ союзовъ ὁσάκις и ὁποσάκις, что этотъ фактъ повторялся нѣсколько разъ.

X. Mem. III, 4, 3. ὁσάκις κεχορήγηκε, νανίχηκεν.

X. Cyn. II, 2, 30. ὁποσάκις αὐτὸν ἐκάλεσα....

X. Cyn. II, 3, 23.

Pl. Charm. 158, a. ὁσάκις . . . ἀφίκετο.

Въ остальныхъ временныхъ предположеніяхъ употребляется 'въ такомъ случаѣ' изъявительное наклонение весьма рѣдко.

X. An. IV, 7, 16. καὶ ἦδον καὶ ἐχόρευον, ὁπότε οἱ πολέμοι αὐτοὺς δῖσθαι ἐμελλον.

Herod. VI, 110. οἱ στρατηγοί...., ὡς ἕκαστοῦ αὐτῶν ἐγίγνετο προταγῇ τῆς ἡμέρης, Μιλτιάδῃ παραδίδοσαν.

b) Если въ главномъ предположеніи стоитъ одно изъ главныхъ временъ, то во временномъ предположеніи употребляется, для выраженія представляемаго случая, обыкновенно сослагательное наклонение (большею частію съ ἄν), такъ какъ говорящій, высказывая представляемый случай, относящійся къ настоящему или будущему, думаетъ обыкновенно о его осуществленіи. Но если говорящій оставляетъ въ сторонѣ мысль о его осуществленіи и такимъ образомъ лишаетъ его

всѣаго отношенія къ дѣйствительности, то онъ и въ этомъ случаѣ употребляетъ во временномъ предложеніи optativus безъ *ἄν* (ср. § 8, д). И эти временныя предложенія выражаютъ часто неопредѣленное повтореніе дѣйствія.

II. III, 54 sq. οὐκ ἄν τοι χραίσμῃ κίθαρις τά τε δῶρ' Ἀφροδίτης
ἢ τε κόμῃ τό τε εἶδος, ὅτ' ἐν κονίῃσι μιγείης.

II. IV, 261 sq. εἰ περ γάρ τ' ἄλλοι γε καρηκομόωντες Ἀχαιοί
δαιτρὸν πίνωσιν, σὸν δὲ πλεῖον δάπας αἰεὶ
ἔσσηχ' ὥς περ ἐμοὶ πιάειν, ὅτε θυμὸς ἀνώγει.

Od. XXIV, 343. ἐνθα δ' ἀνὰ σταφυλαὶ παντοῖαι ἔασιν,
ὅππότε δὴ Διὸς ὦραι ἐπιβρίσειαν ὑπερθεῖν.

Od. XXIV, 254. τοιοῦτ' δὲ εἰκας, ἐπεὶ λούσαιτο φάγοι τε.

II. XIII, 317 sq. Od. II, 43. Od. XIV, 372 sq.

Aesch. Eum. 696. οὐκ οὖν δίκαιον τὸν σέβοντ' εὐαργετῆν
ἄλλως τε πάντως χῶτε δαόμενος τύχα;

S. Tr. 94. . . . καὶ γὰρ ὑστέρῃ, τό γ' αὖ
πράσσειν ἐπεὶ πύθοιτο, κέρος ἐμπολῶ.

X. Hipparch. 7, 4. φρονήσεως δεῖ πολλῆς πρὸς τοὺς πολὺ πλείους καὶ
τόλμης, ὅποτε κατὰ παραπέσοι.

Pl. civ. 332, a. ἀποδοτέον δὲ γε (sc. ὃ παρακατέθετο) οὐδ' ὅπως οὖν
τότε, ὅποτε τις μὴ σωφρόνως ἀπαιτοῖ;

с) Иногда случается, что предложеніе времени опредѣляетъ время дѣйствія такого предложенія, которое, выражая случай только мыслимый, имѣетъ глаголъ въ желательномъ наклоненіи и въ предложеніи; тогда стоитъ желательное наклоненіе и въ предложеніи времени (as-similatio modi, ср. § 8, е).

Временное предложеніе съ желательнымъ наклоненіемъ опредѣ-
ляетъ:

1) время дѣйствія предложенія, выражающаго желаніе, напри-
мѣръ:

II. XVIII, 464. αἱ γάρ μιν θανάτῳ δυσχερὸς ὧδα θυναιμένην
νόσφιν ἀποχρύψαι, ὅτε μιν μόρος αἰνὸς ἰκάνοι.

Od. XII, 106. Od. XVIII, 148.

S. Tr. 658 μὴ σταίῃ
πολύκωπον ὄχημα ναὸς αὐτῇ
πρὶν τάνδε ποτὶ πόλιν ἀνύσειε.

S. Ph. 961. ὅλοιο μήπω, πρὶν μάθοιμ', εἰ καὶ πάλιν γνώμην με-
τοίσεις.

2) время дѣйствія предложенія съ optativus potentialis cum *ἄν* (*хѣν*), напримѣръ:

II. XIV, 247 sq. Ζηνὸς δ'οὐκ ἄν ἔγωγε Κρονίουκος ἄσπον ἰκοίμην
οὐδὲ καταυήσαιμ' ὅτε μὴ αὐτὸς γε καλεῖται.

II. VIII, 23. Od. II, 30. XI, 875.

S. OR. 505. οὐποτ' ἔγωγ' ἄν, πρὶν ἴδοιμ' ὀρθὸν ἔπος, μεταφoμένων ἄν καταφαίην.

X. Mem. II, 1, 18. ὁ μὲν ἔχων πεινῶν φάγοι ἄν, ὁπότε βούλοιο.

X. Cуг. II, 4, 17. ὁпότε δὲ οὐ προεληλυθοῖς σὺν ἡ ἔχους δυνάμει καὶ θηρῶς καὶ δὴ οὗο ἡμέρας, πέμψαιμὶ ἄν...

X. Cуг. I, 3, 11. III, 1, 16. X. An. VII, 7, 17.

3) время дѣйствія придаточныхъ предложеній съ желательнымъ наклонениемъ, напримѣръ:

Od. IX, 332 sq. ὅστις τολμήσειεν ἔμοι σὺν μοχλὸν αἰέρας,
τρίψαι ἐπ' ὀφθαλμῷ, ὅτε τὸν γλυκὺς ὕπνος ἰκάνοι.

II. XX, 147 sq. ὅφρα τὸ κῆτος ὑπεκπροφυγῶν ἀλέαιτο,
ὁπότε μιν οὐάαιτο ἀπ' ἡϊόνος πεδίονδα.

Th. III, 22. (ὅπως) μὴ βοηθοῦεν..., πρὶν σφῶν οἱ ἄνδρες οἱ ἐξιόντες διαφύγοιεν καὶ τοῦ ἀσφαλοῦς ἀντιτάσσοντο.

X. Cуг. I, 5, 10. οἷον εἴ τις γεωργὸς ἀγαθὸς προθυμηθεὶς γενέσθαι καὶ εἰ σπείρων καὶ εἰ φωτεύων, ὁпότε καρποῦσθαι ταῦτα δεοί, ἔφη τὸν καρπὸν ἀσυγκόμιτον εἰς τὴν γῆν πάλιν καταρρέειν.

Pl. leg. 752, c.

Примѣчаніе 1. Желательное наклонение встрѣчается въ означенныхъ случаяхъ иногда даже при союзахъ, сложныхъ съ частицею *ἄν* (ер. *хѣν*), см. § 19, f.

Примѣчаніе 2. Говорящій употребляетъ въ означенныхъ случаяхъ во временномъ предложении иногда сослагательное наклонение (съ *ἄν*), объясн. § 8, e, напримѣръ:

S. Tr. 2. ὥς'οὐκ ἄν αἰῶν' ἐκμάθοις βροτῶν, πρὶν ἄν
θάνῃ τις, οὐτ' εἰ χρηστὸς, οὐт' εἰ τφ κακός.

X. Oec. 12, 1.

§ 10. Сравнительныя предложенія относятся, какъ выше сказано, къ предложеніямъ относительнымъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ предложенія съ ὥς εἰ (ὥς εἰ те) и ὥς ὅτε cum optativo, встрѣчающіяся въ сравненіяхъ Илиады и Одиссеи и выражающія случай, только воображаемый, взятый для сравненія изъ области человѣческаго представленія безъ всякой мысли

о его осуществленіи. Такое сравнительное предложеніе собственно ничто иное, какъ сокращенный условный періодъ, анодовись котораго подразумѣвается. Греки, конечно, не замѣчали этого эллипсиса: ὥς εἰ (ὥς ὅτε) получило значеніе одного слова = quasi = какъ будто, какъ бы = wie wenn.

П. XI, 389. οὐκ ἀλέγῃ, ὥς (подраз. οὐκ ἀλέγοιμι ἐν) εἰ με γυνή
βάλαι ἢ καὶς ἄφρων.

Мнѣ же ничто! какъ бы дѣва ударила, или ребенокъ.
(Гнѣдичъ).

П. II, 780. οἱ δ' ἄρ' ἰσαν ὥς εἰ τε παρὶ χθὼν πάσα νέμεττο.

П. XI, 467. XXII, 410 sq.

Od. X, 415 sq. . . . δόκησε δ' ἄρα σφίσι θυμός
ὥς ἔμεν, ὥς εἰ πατρίδ' ἰκοίαιτο καὶ πόλιν αὐτὴν
τρηχεῖς Ἰθάκης, . . .

Od. X, 420. Od. XVII, 366.

Od. IX, 384. δίνων, ὥς ὅτε τις τροπῇ δόρυ νήιον ἀνῆρ.

Вмѣсто ὥς εἰ встрѣчается иногда οἷον εἰ, наприимѣръ:

X. Cyp. I, 5, 10. οἱ τοιοῦτοι ὅμοιον ἔμοι δοκοῦσι
καπονθέναι, οἷον εἰ τις εὖ σπεῖρων καὶ
εὖ φυτεύων ὅποτε καρποῦσθαι ταῦτα θέοι,
ἔφη τὸν καρπὸν ἀσυγκόμιστον εἰς τὴν γῆν
πάνην καταρρεῖν.

§ 11. Предложенія съ ὥστε, выражающія средство опъистей мааню предложенія.

Optativus безъ ἄν встрѣчается въ этихъ предложеніяхъ:

а) весьма рѣдко вмѣсто optativus potentialis съ ἄν (см. § 1, а), наприимѣръ:

Eur. J. A. 418. μήτηρ δ' ὀμαρταῖ. . .
καὶ καὶς Ὀρέστης, ὥστε τερφεθείς ἰδῶν.

б) иногда даже при аттракціи наклоненія (см. § 8, е и § 9, с), наприимѣръ:

X. Oes. 1, 13. εἰ τις χρῆτο τῇ ἀργυρίῳ, ὥστε χάκιον τὸ σῶμα ἔχοι, πῶς
ἂν ἔτι τὸ ἀργύριον αὐτῷ ὠφέλιμον εἴη;

X. Cyp. V, 5, 30.

с) въ косвенной рѣчи вмѣсто изъявительнаго наклоненія (см. § 15).

§ 12. Предложенія цѣли.

Предварительное замѣчаніе. Предложенія цѣли присоединяются къ періоду, часть котораго они составляютъ, или посредствомъ союза

(собств. мѣстнаго варѣчїи) ἴνα, или (у Гомера) посредствомъ временныхъ союзовъ ὅφρα, ἕως (собст. пока не), или посредствомъ союзовъ ὥς, ὅπως, соответствующихъ латинскому ut. Отрицаніемъ всегда служить μή (чтобы не = μή или ἴνα μή, ὥς μή).

а) Желательное наклоненіе въ предложенїяхъ цѣли обыкновенно встрѣчается послѣ историческаго времени главнаго предложенїи, тогда какъ послѣ главнаго времени употребляется сослагательное наклоненіе. Граматики, считающіе желательное наклоненіе сослагательнымъ историческихъ временъ, находятъ въ этомъ обстоятельстве подтвержденіе своему мнѣнію и говорятъ, что въ предложенїяхъ цѣли выборъ наклоненїи (желательнаго или сослагательнаго) обуславливается временемъ главнаго предложенїи. Что это мнѣніе не вѣрно, показываютъ, съ одной стороны, тѣ мѣста (и они не такъ рѣдки), въ которыхъ послѣ историческаго времени въ предложенїи цѣли стоитъ conjunctivus, а съ другой стороны—тѣ, въ которыхъ, наоборотъ, послѣ главнаго времени въ предложенїи цѣли встрѣчается optativus. Прежде всего надо рѣшить вопросъ: отчего въ предложенїяхъ цѣли, послѣ главнаго времени, стоитъ обыкновенно conjunctivus, а послѣ историческаго — optativus? Отчего въ этихъ предложенїяхъ conjunctivus послѣ историческихъ временъ встрѣчается только въ видѣ исключенїи? Отчего optativus послѣ главнаго времени употребляется въ нихъ весьма рѣдко? Причина всему этому заключается въ существенномъ значенїи самихъ наклоненїй. Мы сказали, что говорящїй посредствомъ желательнаго наклоненїи выражаетъ свою мысль, какъ случай только представляемый безъ всякаго отношенїи къ дѣйствительности. Но когда же говорящему представляется возможность выразить цѣль дѣйствїи, какъ чистое представленїе безъ всякой мысли о его осуществленїи, если не въ разказѣ о происшедшихъ уже дѣйствїяхъ? Въ такомъ повѣствованїи разказывающїй передаетъ цѣль прошедшаго дѣйствїя, какъ чистое представленїе, оставляя въ сторонѣ мысль о его осуществленїи, сопровождавшую дѣйствующее лицо во время дѣйствїя. Только въ томъ случаѣ говорящїй употребляетъ въ предложенїяхъ, выражающихъ цѣль прошедшаго уже дѣйствїя, сослагательное наклоненїе, если онъ, переносясь въ прошедшее, становится на точку зрѣнїя дѣйствующаго лица (repraesentatio); это даетъ ему возможность уяснить цѣль дѣйствующаго лица прямо изъ его мыслей, то-есть, съ тѣмъ отгѣнкомъ, который выражаетъ его ожиданїе, наиримѣръ:

Herod. 1, 29. Σόλων ἀπαθήμενον ἔταα δέχα, ἵνα δὴ μή τινα τῶν νόμων ἀναγκασθῇ. λέσαι τῶν ἔθων.

Наоборотъ, говорящій употребляетъ въ предложеніяхъ цѣли послѣ главнаго времени большею частію сослагательное наклоненіе, такъ какъ къ мысли, составляющей цѣль дѣйствія главнаго предложенія, если послѣднее относится къ настоящему или будущему, присоединяется понятіе ожиданія ея осуществленія. Optativus употребляется весьма рѣдко; насчетъ этого употребленія желательнаго наклоненія Cavallin говорятъ кт

П. VII, 340. ἐν δ' αὐτοῖσι πόλας ποιήσομεν εὖ ἀραροίας,
ὄφρα δι' αὐτῶν ἰκπηγάσῃ ὁδὸς εἴη.

In hoc loco aliisque similibus Thiersch (§ 342, 3) conjunctivum substitutum vult. Tamen, si quid ego judico, optativus ferri potest, quamquam de re futura oratio est. Finis enim, cur exstruerentur portae, non ut aliquid, quod expectaretur, sed ut pura cogitatio proponitur.

Въ нашу статью входятъ только тѣ предложенія цѣли, которыя имѣютъ глаголъ въ желательномъ наклоненіи. Мы уже сказали, что въ этихъ предложеніяхъ желательное наклоненіе выражаетъ цѣль главнаго дѣйствія какъ представленіе безъ всякой мысли о его осуществленія. При этомъ все равно, излагаетъ ли говорящій свою собственную цѣль, или посторонняго (дѣйствующаго) лица. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что говорящій употребляетъ желательное наклоненіе чаще для выраженія цѣли посторонняго лица, чѣмъ для выраженія своей собственной.

b) Optativus послѣ историческаго времени главнаго предложенія.

П. II, 280 sq. παρὰ δὲ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
εἰδομένη κήρυκε, σιωπᾶν λαὸν ἀνῶγοι,
ὥς ἅμα θ' οἱ πρῶτοί τε καὶ ὕστατοι οὔεις Ἀχαιῶν
μῦθον ἀκούσσαν καὶ ἐπιφρασσάμετο βουλήν.

П. IV, 113 sq. πρόσθεν δὲ σάχεα σχέδον ἐσθλοὶ ἑταῖροι,
μὴ πρὶν ἀναΐξειαν ἀρῆϊοι οὔεις Ἀχαιῶν.

П. V, 1 sq. ἐνθ' αὖ Τυδεΐδης Διομήδεϊ Παλλὰς Ἀθήνη
ὄωκε μένος καὶ θάρσος, ἵν' ἐκδηλος μετὰ πᾶσιν
Ἀργείοισι γένοιτο ἰδὲ κλέος ἐσθλὸν ἄροιο.

Х. Ап. III, 1, 47. καὶ ἅμα ταῦτ' εἰπὼν ἀνέστη, ὥς μὴ
μέλλοιτο ἀλλὰ περαίνοιτο τὰ δέοντα.

Х. Суг. I, 4, 25 ἐπεὶ δ' ἤκουσεν (sc. Καμβύσης) ἔργα ἀνδρὸς ἧδ' ἡ
διαχειριζόμενον τὸν Κύρον, ἀπεκάλει δὴ, ὅπως τὰ ἐν Πέρσῃσι ἐπιχώρια
ἐπιτελοίη.

Х. Суг. VII, 8, 14.

Примечаніе. Такъ какъ praesens historicum большею частью раз-

сматривается какъ время историческое, то въ предложеніяхъ цѣли, зависящихъ отъ него, часто ставится желательное наклоненіе.

Eur. Нес. 10. πολὺν δὲ οὖν ἐμοὶ χρόνον ἐκπέμπει λάθρα πατήρ, ἴν', εἴ ποτ' Ἰλίου τεῖχῃ πέσοι, τοῖς ζῶσιν εἴη καὶ οἱ μὴ σπάνως βίου.

Eur. Нес. 1148 sq.

Th. I, 139.

X. An. IV, 6, 1. τούτον δ' Ἐπισθέναι παραδίδωαι φυλάττειν, ὅπως, εἰ καλῶς ἡγήσαιο, ἔχων καὶ τοῦτον ἀπίοι.

X. An. IV, 7, 19. X. Cyr. I, 4, 7.

с) Послѣ главнаго времени главнаго предложенія говорящій употребляетъ въ предложеніяхъ цѣли желательное наклоненіе только въ томъ случаѣ, если онъ по своей скромности или церѣшительности желаетъ выразить мысль, составляющую цѣль главнаго дѣйствія безъ того отгѣнка, который выражаетъ ожиданіе ея осуществленія. Этотъ optativus близко подходитъ къ optativus potentialis.

Il. VII, 340 (см. выше).

Il. I, 344. οὐδέ τι οἶδε νοῆσαι ἅμα πρόσσω καὶ ὀπίσσω

ὅπως οἱ παρὰ νηυσὶ σοοὶ μαχέονται Ἀχαιοί.

Od. XVII, 250. τὸν ποτ' ἐγὼν ἐπὶ νηὸς εὐσεέλοιο μελαίνης

ἄξω τῇλ' Ἰθάκης, ἵνα μοι βίωτον πολὺν ἄλφοι.

S. OC. 11. στήσόν με ἀξιδρύον, ὡς πυθοίμεθα,

ὅπου ποτ' ἐσμέν.

Herod. II, 93. ἀντέχονται (τῆς γῆς)..., ἵνα δὴ μὴ ἀμάρτοιεν τῆς οδοῦ διὰ τὸν ῥόον.

X. An. II, 4, 4. ἴσως δέ που ἢ ἀποσκάπτει ἢ ἀποτεριχίζει, ὡς ἀπορος εἴη ἡ ὁδός.

X. An. III, 2, 36. ἀσφαλέστερον (sc. ἐστίν) ἡμῖν πορεύεσθαι πλαίσιον ποιησαμένους τῶν ὅπλων (ὀπλιτῶν), ἵνα ὁ πολὺς ὄχλος ἐν ἀσφαλίστέρῳ εἴη.

X. Cyr. I, 6, 34. οὐ διαλεγόμεθα ..., ἵνα μὴ χυθῶντο.

Примѣчаніе. Иногда говорящій хотя и высказываетъ дѣйствіе, относящееся къ настоящему времени, но выстѣсь съ тѣмъ думаетъ о какомъ-нибудь другомъ, уже происшедшемъ дѣйствіи, такъ что предложеніе цѣли съ optativus относится не столько къ дѣйствію, выраженному чрезъ praesens, сколько къ дѣйствію уже прошедшему, напримѣръ:

S. El. 759 sq. σῶμα

φέρουσιν ἄνδρες Φωκῶων τεταγμένοι,
ὅπως πατρώας τύμβον ἐκλάχοι χθονός.

(педагогъ высказываетъ цѣль тѣхъ, которыя ἔταξαν φέρειν).

Pl. civ. 420 c. ἄρ' οὖν καὶ οἱ καθιστάντες μουσικῇ καὶ γυμναστικῇ
παιδεύειν οὐχ, οὐ ἕνεκά τινες οἶονται, καθιστᾶσιν, ἵνα τῇ μὲν τὸ σῶμα
θεραπεύονται, τῇ δὲ τὴν ψυχὴν;

(цѣль относится къ тому времени, когда законодатели издали законъ).

Dem. XXIV, 147. οὗτος (ὁ νόμος) οὐκ ἐπὶ τοῖς κεκριμένοις καὶ
ἡγωνισμένοις καίται, ἀλλ' ἐπὶ τοῖς ἀκρίτοις, ἵνα μὴ διὰ τὸ δεδέσθαι
χειρὸν ἀναγκάζονται ἀγωνίζεσθαι.

·Dem. XXII, 11.

d) Иногда предложение цѣли съ желательнымъ наклонениемъ за-
виситъ отъ другаго предложенія съ желательнымъ наклонениемъ (съ
ἂν или безъ ἂν), хотя послѣднее предложение выражаетъ дѣйствие,
относящееся къ настоящему или будущему (attractio modi, см. § 8, с,
§ 9, с и § 11).

Od. XX, 79 sq. ὥς ἔμ' αἰστώσειαν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντας,
ἡέ μ' ἐυπλόκαμος βάλοι Ἄρτεμις, ὅφρ' Ὀδυσσῆα
ὀσομένη καὶ γαῖαν ὑπο στυγερὴν ἀφικοίμην
μηδὲ τι χείρονος ἀνδρὸς εὐφραίνοιμι νόημα.

Od. XIV, 408. XVIII, 369. Od. III, 347. Od. XXI, 210. XIII, 189 sq.

S. Ph. 325. θυμὸν γένοιτο χειρὶ πληρῶσαι ποτε,

ἵν' αἱ Μυκῆναι γνοῖεν.....

X. An. II, 4, 3. οὐκ ἐπιστάμεθα, ὅτι βασιλεὺς ἡμᾶς

ἀπολέσαι περὶ παντός ἂν ποιήταιτο, ἵνα καὶ
τοῖς ἄλλοις Ἑλλῆσι φόβος εἴη ἐπὶ βασιλέα
μέγαν στρατεύειν;

X. Cyr. II, 4, 17. εἰ δὴ πείσεις ἀπαινεῖν σε πολλούς, ὅπως

δόξαν λάβοις, ἄρτι ἐξηπατηκώς εἴης ἂν.

Примѣчаніе. Въ такихъ предложеніяхъ цѣли употребляется иногда
conjunctivus (объясн. § 8, е, прим. сравн. § 9, с примѣч. 2).

Il. XXIV, 75. εἰ τις καλέσειе, ὅφρα τί οἱ εἴπω.

Od. IV, 738. ἀλλὰ τις καλέσειе γέροντα, ... ὅφρα ... καταλέξῃ.

Il. XXIV, 264. οἶκ ἂν δὴ μοι ἄμαξαν ἐφοπλίσσατε τάχιστα,
ταῦτά τε παντ' ἐπιθεῖτε, ἵνα κρήσσωμεν ὁδοῖο;

X. An. III, 1, 38. οἶομαι ἂν ὑμᾶς μέγα ὀνῆσαι τὸ στρατεύμα,
εἰ ἐπιμεληθῆιτε, ὅπως ἀντὶ τῶν ἀπολωλότων
ὥς τάχιστα στρατηγοὶ ἀντικατασταθῶσιν.

X. Cyp. III, 2, 28.

Pl. Apol. 28, d. αὐτίκα ταθναίην, ἵνα μὴ ἐνθάδε
μένω καταγέλαστος.

Dem. XXV, 33.

е) Интересны тѣ періоды, въ которыхъ нѣсколько предложений цѣли слѣдуютъ одинъ за другимъ то съ сослагательнымъ, то съ желательнымъ наклоненіемъ. Въ такомъ случаѣ сослагательное наклоненіе выражаетъ цѣль какъ такую, осуществленіе которой дѣйствующій ожидаетъ, или оно выражаетъ цѣль какъ главную, которую дѣйствующій въ особенности имѣетъ въ виду; желательное наклоненіе, напротивъ, означаетъ цѣль какъ чистое предположеніе безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности или какъ менѣе важную, болѣе отдаленную цѣль, зависящую отъ осуществленія главной цѣли, выраженной посредствомъ conjunctivus.

Il. XV, 595 sq. Ἐκτορι γάρ οἱ θυμός ἐβούλετο κῦδος ὀρέξαι
Πριαμίδῃ, ἵνα νηυσὶ κορωνίσιοι θεσπιδαῖς πῦρ
ἐμβάλη ἀκάματον Θέτιδος δ' ἐξαισίον ἀρῆν
πᾶσαν ἐπικρήνειαν.

(непосредственная и болѣе отдаленная цѣль).

Herod. VIII, 76. τῶνδε δὲ εἵνεκεν ἀνῆγον τὰς νέας, ἵνα δὴ τοῖς Ἑλλήσι
μηδὲ φυγεῖν ἐτῆ, ἀλλ' ἀπολαμφθέντες ἐν τῇ Σαλαμῖνι δοῖεν τίσιν τῶν ἐπ'
'Αρτεμισίφ ἀγωνισμάτων.

Herod. XI, 51. ἐς τοῦτον δὴ τὸν χῶρον ἐβουλεύσαντο μεταστῆναι, ἵνα
καὶ ὄδατι ἔχουσι χρᾶσθαι ἀφρόνῳ, καὶ οἱ ἱππέες σφέας μὴ σινοῖατο (глав-
ная и побочная цѣль).

Herod. IV, 139.

Th. III, 22. παραῖσχον δὲ καὶ εἰ ἐκ τῆς πολέως Πλαταιῆς ἀπὸ τοῦ
τείχους φρουκτοὺς πολλοὺς, ὅπως ἀσαφῇ τὰ σημεῖα τῆς φρουκτωρίας τοῖς πο-
λεμίοις ἢ καὶ μὴ βοηθοῖεν ἄλλο τι νομίσαντες τὸ γιγνόμενον εἶναι ἢ τὸ ὄν
(осуществленія первой мысли не только можно, но и должно было
ожидать, но нельзя было звать, придуть ли непріятели на помощь
или нѣтъ).

Th. VII, 17. Dem. XVIII, 32.

Сперва желательное, затѣмъ сослагательное наклоненіе встрѣ-
чаются въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Il. XXIV, 582 sq. δρωῶς δ' ἐκχαλέσας λοῦσαι χέλετ' ἀμφὶ τ' αλεῖψαι,
νόσφιν ἀειράσας, ὥς μὴ Πριάμος ἴδοι υἱόν,
μὴ ὁ μὲν ἀχνομένην κραδίῃ χόλον οὐκ ἐρύσαιοτο

παῖδα ἰδὼν, Ἀχιλλῆϊ δ' ὀρίνθαίη φίλον ἦτορ
καὶ ἐ κατακτείνειε, Διὸς δ' ἀλίτῃται ἐφετμάς.

(Здѣсь рядомъ съ тремя предложеніями, выраженными желательнымъ наклоненіемъ, стоитъ conjunctivus, посредствомъ котораго поэтъ ex mente Achillis выражаетъ послѣднее и самое страшное изъ всѣхъ послѣдствій съ отгѣнкомъ боязни; читая слова Διὸς δ' ἀλίτῃται ἐφετμάς, мы, такъ сказать, чувствуемъ, какъ Ахиллесъ боится „нарушить священные Зевса заветы“).

Herod. I, 196. ἄλλο δέ τι ἐξευρήσασιν νεωστὶ γενέσθαι, ἵνα μὴ ἀδικοῖεν αὐτὰς μηδ' ἐς ἐτέρην πόλιν ἄγωνται (побочная и главная цѣль).

Th. VI, 96.

г) Особенный отдѣлъ составляютъ предложенія цѣли, зависящія отъ глаголовъ и выраженій, означающихъ боязнь, опасеніе. Греки (какъ и Римляне) соединяли всегда съ понятіемъ боязни понятіе желанія. Поэтому нашему союзу *что* (=чтобы не) соотвѣтствуетъ греч. *μή*, лат. *ne*, а нашему *что не* — греческ. *μή οὐ*, лат. *ut* или *ne* поп. Относительно употребленія желательнаго наклоненія въ этихъ предложеніяхъ цѣли слѣдуетъ замѣтить, что оно употреблется весьма рѣдко послѣ главнаго преемни. Причина этого явствуетъ изъ сказаннаго выше.

1) Optativus послѣ историческаго времени главнаго предложенія:

II. V, 297 sq. Αἰνείας δ' ἀπόρουσσι σὺν ἀσπίδι δοῦρι τὰ μακρόφ,
δείξας, μὴ πῶς οἱ ἐρυσσάιτο νεκρὸν Ἀχαιοί.

Od. XI, 635. ἐμὲ δὲ χλωρὸν δέος ἦρει,
μή μοι Горγείην καφαλὴν δαινοῖο πελώρου
ἐξ Ἀΐδεω πέμψειεν ἄγαντ' Περσεφόνεια.

X. An. I, 10, 9. ἔδεισαν οἱ Ἕλληνες, μὴ προσάγοιεν πρὸς τὸ ἑρέας καὶ περιπτύξαντας ἀμφοτέρωθεν αὐτοὺς κατακόψειαν.

X. An. V, 7, 2.

2) Optativus послѣ главнаго времени главнаго предложенія:

S. Aj. 279. δέδοικα, μὴ'x θεοῦ
πληγὴ τις ἦχοι.

Herod. VII, 103. ὅρα, μὴ μάτην κόμπος ὁ λόγος οὗτος εἰρημένος εἴη.

Иногда желательное наклоненіе чередуется съ сослагательнымъ, напримѣръ:

II. IX, 244 sq. ταῦτ' αἰνῶς δέδοικα κατὰ φρένα, μὴ οἱ ἀπυλάς
ἐκτελέσῃσι θεοί, ἡμῖν δὲ αἴσιμον εἴη
φθίεσθαι ἐνὶ Τροίῃ ἐκὰς Ἀργεὺς ἱπποβότοιο.

(Одиссей выражаетъ чрезъ conjunctivus то, чего опъ прежде всего и

больше всего опасается, а чрез optativus то, что онъ себѣ представляетъ слѣдствіемъ выраженного чрезъ conjunctivus дѣйствія).

Евг. Нес. 1138 sq. ἔδοξα, μὴ σοὶ πόλεμος· λειψήεις ὁ παῖς
Τροίαν ἀθροίσῃ καὶ ξυνεικίσῃ πάλιν,
γνόντες δ' Ἀχαιοὶ ζῶντα Πριάμιδ' ὄντα
Φρυγῶν εἰς αἶαν αὖθις ἄρειαν στόλον,
ἡπείτα Θρῆκῃς πεδία τρίβοιεν τάδε
λεηλατοῦντες, γαίτοσιν δ' εἶη καχὼν
Τρώων, ἐν ᾧ περ νῦν, ἀναξ, ἐκάμνομεν.

(Pflugk объясняетъ: alterum enim, Troja ut restitueretur, verebatur ne eveniret; de altero conjecturam faciebat, haud esse dissimile veri Achivos redituros).

§ 13. Optativus orationis obliquae.

Такъ какъ желательное наклоненіе выражаетъ только представляемый случай безъ всякаго намека на дѣйствительность, то понятно его употребленіе въ косвенной рѣчи, въ которой говорящій передаетъ мнѣнія или мысли посторонняго лица ex mente этого лица, какъ предметъ своего представленія, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности. Постороннимъ лицомъ мы называемъ лицо, составляющее подлежащее глагола sentiendi или declarandi, отъ котораго зависитъ косвенная рѣчь. Желательное наклоненіе встрѣчается въ косвенной рѣчи послѣ praeteritum глагола sentiendi или declarandi; это соединеніе желательнаго наклоненія съ прошедшимъ временемъ имѣетъ свою причину въ назначеніи этого наклоненія выражать такіи мысли, съ которыми не соединено ожиданіе ихъ осуществленія (см. § 12, а).

Optativus orationis obliquae встрѣчается послѣ praeteritum:

а) Въ главныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи. Главными предложеніями косвенной рѣчи называются: 1) предложенія дополнительные, присоединяемыя къ глаголу sentiendi или declarandi посредствомъ союзовъ ὅτι (у Гомера также ὅ) и ὥς; 2) косвенные вопросы. Первые предложенія могутъ быть также выражены чрезъ accusativus cum infinitivo.

б) Въ придаточныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи въ томъ случаѣ, если въ прямой рѣчи стоялъ бы въ нихъ indicativus одного изъ главныхъ временъ или conjunctivus. Изъ этого правила исключаются, конечно, тѣ придаточныя предложенія, которымъ, заключая въ себѣ замѣчанія или объясненія передающаго намъ чужую рѣчь, не

входятъ въ ея составъ и выражаются поэтому чрезъ изъяснительное наклоненіе, напримѣръ:

Herod. IV, 120. ἐβουλεύοντο.... καὶ πρὸς μὲν τὴν μίαν τῶν μοιρῶν, τῆς ἐβασίλευς Σκώπαις, προσχωρεῖν Σαυρομάτας.

Примѣчаніе. Не рѣдко встрѣчается желательное наклоненіе въ главныхъ предложеніяхъ, присоединенныхъ посредствомъ γάρ, οὖν и δέ къ предыдущему предложенію съ ὅτι или ὥς, или къ предшествующему accusativus cum infinitivo: эти вводныя предложенія составляютъ, такъ сказать, продолженіе предыдущаго предложенія.

Чаще всего употребляется въ этихъ предложеніяхъ optativus аттическихъ прозаиками; до Геродота не встрѣчается еще такое употребленіе желательнаго наклоненія.

Примѣры:

Aesch. Ag. 591. ταῦτ' ἀπάγγελον πόσει,
 ἤκειν ὅπως τάχιστ' ἐράσμιον πόλει·
 γυναῖκα πιστὴν δ' ἐν δόμοις εὖροι μολὼν
 οἷαν περ οὖν ἔλειπε.

Herod. VII, 13. ἔλεγε..., ὡς αὐτὸς μὲν γένοιτο Δαρεῖφ' ἤδη βασιλεύοντι..., 'Ἀρταβαζάνης δὲ ἐτι ἰδιώτῃ ὄντι Δαρεῖφ' οὐκ ὦν οὗτ' εἰκὸς εἶη οὔτε δίκαιον ἄλλον τινὰ τὸ γέρας ἔχειν πρὸ ἑωυτοῦ.

Th. II, 72. ἀπακρίναντο αὐτῷ, ὅτι ἀδύνατα σφίσιν εἶη ποιεῖν... παῖδες γάρ σφωὶ καὶ γυναῖκες παρ' ἐκείνοις εἶησαν.

X. An. VII, 3, 13. ἔλεγον πολλοὶ κατὰ ταῦτά, ὅτι παντὸς ἄξια λέγοι Σαύθης· χειμῶν γάρ εἶη, καὶ οὔτε οἰκαδε αποκλεῖν τῷ βουλομένῳ δυνατὸν εἶη κτλ.

X. An. IV, 6, 13. VI, 2, 10.

X. Hell. III, 2, 23. VI, 5, 36. VII, 1, 23.

Pl. civ. 420, с.

§ 14. *Предложенія съ ὅτι и ὥς и косвенные вопросы.*

Въ предложеніяхъ съ ὅτι и ὥς, а также въ косвенныхъ вопросахъ употребляется optativus aoristi въ томъ случаѣ, если бы въ прямой рѣчи въ этихъ предложеніяхъ стоялъ indicativus aoristi; или, другими словами, optativus aoristi имѣетъ значеніе прошедшаго времени.

S. OR. 1161. οὐ δῆτ' ἔγωγ'· ἀλλ' εἶπον, ἰὸς δοίην πάλαи (ог. recta: ἔδωκα).

Th. IV, 108. ἐδόλου, ὡς ἐλευθερώσιον τὴν Ἑλλάδα ἐκπεμφθεῖη (ог. recta: ἐξεπέμφθη).

Od. XV, 423. εἰρώτα δὲ ἔπειτα, τίς εἶη καὶ πόθεν ἔλθοι.

Od. XIX, 464. καὶ ἐξερέεινον ἕκαστα,
οὐλήν ὅτι πάθοι.

Herod. I, 111. ἡ γυνὴ εἶρετο, ὃ τί μιν οὕτω προθύμως Ἀρπαγὸς μεταπέμψαιτο (ог. recta: τί σε Ἀρπαγὸς μεταπέμψατο;).

X. An. VI, 3, 25. ἐπυνθάνοντο οἱ Ἀρχάδες τῶν περὶ Ξενοφῶντα, τί τὰ πορὰ κατασβέσειαν (ог. recta: τί κατεσβέσατε;).

Optativus praesentis и perfecti соотвѣтствуетъ изъяснительному praesentis и perfecti прямой рѣчи; напримѣръ:

Th. II, 13. προηγόρευε (Περικλῆς) τοῖς Ἀθηναίοις ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, ὅτι Ἀρχίδαμος μὲν οἱ ξένος εἶη οὐ μέντοι ἐπὶ κακῷ γε τῆς πόλεως γένοιτο (ог. recta: Ἀ....ἐστίν, οὐ μέντοι ἐγένετο).

Th. I, 67. καταβῶν ἐλθόντες τῶν Ἀθηναίων, ὅτι σπονδάς τε λευκότες εἶεν καὶ ἀδικοῖεν τὴν Πελοπόννησον (ог. recta: λευκότες ἐστὲ καὶ ἀδικεῖτε).

X. An. III, 5, 15. οἱ δ' ἔλεγον, ὅτι τὰ πρὸς μεσημβρίαν τῆς ἐπὶ Βαβυλῶνα (sc. ὁδοῦ) εἶη καὶ Μηδίαν, δι' ἧσπερ ἦκυοιεν (ог. recta: τὰ... ἐστὶ... δι' ἧσπερ ἦκατε).

X. An. VI, 25.

Od. IX, 89. δὴ τότε' ἐγὼν ἐτάρους προΐειν πρῦθεσθαι ἰόντας,
οἵτινες ἄνδρες εἶεν ἐπὶ χθονὶ σῖτον ἔδοντας.

Od. IX, 402. ἰστάμενοι δ' εἶροντο περὶ σπέος, ὅτι ἐ κῆδοι.

Il. XXI, 609. Od. XIII, 415 (ῆ=εἰ).

Herod. III, 64. εἶρετο ὁ Καμβύσης, ὃ τι τῇ πόλει οὐνομα εἶη (ог. recta: τί οὐνομά ἐστιν).

X. Cyr. I, 3, 15. ἡ μήτηρ διηρώτα τὸν Κῦρον, πότερον βούλοιο μένειν, ἢ ἀπιέναι.

X. Hell. III, 4, 5.

Indicativus imperfecti и plusquamperfecti прямой рѣчи остаются большою частью и въ косвенной рѣчи, такъ какъ при optativus было бы неизвѣстно, относится ли выраженное чрезъ него дѣйствие къ настоящему или къ прошедшему, напримѣръ:

X. Cyr. III, 2, 27. ἦκουσεν, ὅτι πολλάκις πρὸς τὸν Ἰνδὸν οἱ Χαλδαῖαι ἐπορεύοντο.

Только въ томъ случаѣ, если изъ связи и содержанія рѣчи видно, что дѣйствие предложенія съ ὅτι (ὥς) или косвеннаго вопроса отпосылается къ прошедшему, можно вмѣсто indicativus imperfecti и plusquamperfecti употреблять optativus praesentis и perfecti, напримѣръ:

X. Mem. II, 1, 13. ἦκουσα μὲν ὅτι Περικλῆς πολλὰς (ἐπ' ὄψας) ἐπί-

στατο, ὡς ἐπαῖδων πόλει ἐποίει αὐτὴν φυλαῖν αὐτόν (ог. recta: Π. ἡκίστατο).

X. An. I, 3, 20. ὁ δ' ἀπεκρίνατο, ὅτι ἀκούσι (ог. recta: ἤκουον).

X. An. IV, 1, 24. IV, 3, 11.

X. Hell. I, 7, 5.

Примѣчаніе 1-е. Особенный разрядъ составляютъ вопросительныя предложенія, выражающія недоумѣніе, въ которыхъ въ прямой рѣчи ставится conjunctivus deliberativus (въ первомъ лицѣ), напримѣръ: ποῖαν ὁδὸν τράπωμαι; какой мнѣ избрать путь? Этотъ conjunctivus (безъ ἄν) остается въ такихъ предложеніяхъ и въ томъ случаѣ, если они зависятъ отъ одного изъ главныхъ временъ, напримѣръ:

X. Mem. II, 1, 23. ὁρῶ σα, ὦ Ἡράκλεις, ἀποροῦντα, ποῖαν ὁδὸν ἐπὶ τὸν βίον τράπη.

Если же такое предложеніе зависитъ отъ praeteritum, то conjunctivus замѣняется желательнымъ наклоненіемъ, какъ скоро говорящій передаетъ ex mente посторонняго лица, какъ чистое представленіе, то-есть, безъ попятія ожиданія. Optativus aoristī въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія прошедшаго времени; отрицаніемъ служитъ μή. Многіе изъ этихъ вопросовъ состоятъ изъ двухъ противопоставляемыхъ частей.

II. I, 189, sq. διάνοιχα μερμήριζεν,

ἢ ὅγε φάσσανον ὅξυ ἐρουζάμενος παρὰ μηροῦ
τοὺς μὲν ἀναστήσειεν, ὁ δ' Ἀτρεΐδην ἐναρίζοι
ἢε χόλον παύσειεν ἐρητύσειε τὰ θυμόν.

II. II, 3. ἀλλ' ὅγε μερμήριζε κατὰ φρένα, ὡς Ἀχιλῆα
τιμήσει, ὀλέσσει δὲ πολέας ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν.

II. X, 503, sq. II. XVI, 713, sq. Od. XXIV, 235, sq.

Herod. V, 67. ἐχρηστηρίαζετο, εἰ ἐκβάλοι τὸν Ἀδρηστον (ог. recta: ἄρ' ἐκβάλω...).

Th. I, 25. τὸν θεὸν ἐπήροντο, εἰ παραδοῖεν Κορινθίους τὴν πόλιν κтл. (ог. recta: ἄρα παραδῶμεν...).

X. An. I, 10, 5. ὁ Κλέαρχος ἐβουλεύετο, εἰ πέμποιεν τινας ἢ πάντας ἴοιεν.

X. An. I, 10, 17. VII, 4, 10.

Примѣчаніе 2-е. Отъ упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи косвенныхъ вопросовъ съ conjunctivus deliberativus послѣ главнаго времени слѣдуетъ отличать тѣ, въ которыхъ послѣ главныхъ временъ стоитъ εἰ (εἰ κεν), ὅπως ἄν (ὅπως κέν) cum conjunctivo, а послѣ историческихъ εἰ, ὅπως cum optativo, и которые зависятъ

отъ глаголовъ, означающихъ размышлять, испытывать, стараться узнать (φράζεσθαι, σκεπᾶν, πειράσθαι) и т. п. Эти косвенные вопросы употребляются, когда говорящій сообщаетъ, что онъ или кто-нибудь другой размышляетъ (думаетъ и т. д.) о томъ, произойдетъ ли (εἰ) или какъ (ὅπως) произойдетъ дѣйствіе въ данномъ случаѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ (ἄν, кѣν см. § 3, с), напримѣръ:

Od. I, 205. φράσεται, ὥς κε νέηται.

Pl. Gorg. 452, с. εἶποι ἂν ὁ χρηματιστής· σκόπει δ᾽ ἡτα, ἑάν σοι πλούτου φανῇ τι μείζον ἀγαθὸν ὄν.

Послѣ praeteritum ставится въ этихъ предложеніяхъ вмѣсто ἑάν, ὅπως ἂν сὺν conjunctivo обыкновенно εἰ, ὅπως сὺν optativo orationis obliquae, посредствомъ котораго говорящій передаетъ намъ мысль, вызвавшую размышленіе дѣйствующаго лица, какъ чистое представленіе безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности.

Optativus aoristi и въ этомъ случаѣ не имѣетъ значенія прошедшаго.

II. XIII, 806. πάντῃ δ' ἄμφι φάλαγγας ἐπειράτο προποδίζων,
εἰ πῶς οἱ εἴξειαν ὑπασπίδια προβιβάντι.

Od. XIV, 459. τοῖς δ' Ὀδυσσεὺς μετέειπε συβώτῳ πειρητίζων,
εἰ πῶς οἱ ἐχδὺς χλαῖναν πόροι, ἣ τιν' ἐταίρων
ἄλλον ἐποτρύνειεν....

Особеннаго вниманія заслуживаютъ вопросы съ ἑάν и εἰ (лат. si), зависящіе отъ глаголовъ, выражающихъ такое дѣйствіе, въ которомъ уже заключается попятіе вышеупомянутыхъ глаголовъ πειράσθαι, σκεπᾶν и т. п., такъ что всегда можно къ нимъ добавить выраженіе „для того, чтобы узнать, желая открыть“.

Эти косвенные вопросы могутъ быть легко замѣнены предложеніями цѣли, какъ показываетъ:

Od. IX, 228. ἀλλ' ἐγὼ οὐ πιθόμην—ἣ τ' ἂν πολὺ κέρδιον ἦεν —
ὅφρ' αὐτόν τε ἴδοιμι, καὶ εἰ μοι ξείνια δοίη.

Od. XXII, 90. εἴρωτο δὲ φάσγανον ὀξύ,
εἰ πῶς οἱ εἴξειε θυράων...

Th. I, 27. ἐδεήθησαν δὲ καὶ τῶν Μαγαρέων ναυτοὶ σφᾶς συμπροπέμψειν,
εἰ ἄρα κωλύοιντο ὑπὸ Κερκυραίων πλεῖν.

Th. I, 58.

X. An. IV, 1, 21. διὰ τοῦτό σε οὐχ ὑπέμενον, εἰ πως δυνάιμην φθάσαι, πρὶν κατελῆφθαι τὴν ὑπερβολήν.

X. An. II, 5, 2. V, 4, 3. VI, 1, 31.

X. Cyp. VII, 3, 15. ἐκπλεῖς ἵσται εἰ τι δύναιτο βοηθῆσαι.

Такъ какъ эти предложенія съ εἰ и εἰ собственно условныя (εἰάν, εἰ=на случай, если), то въ нихъ употребляется отрицаніе μή.

§ 15. Придаточныя предложенія косвенной рѣчи.

Мы уже сказали (§ 13), что въ придаточныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи, зависящей отъ praeteritum, ставится optativus обыкновенно только въ томъ случаѣ, если въ прямой рѣчи стоялъ бы въ нихъ indicativus одного изъ главныхъ временъ или conjunctivus.

II. VI, 176. καὶ τότε μιν ἔρεεине καὶ ἤτεε σῆμα ἰδεσθαι

ὅτι ῥά οἱ γαμβροῖο πάρα Πιρόιτιο φερόιτο.

II. XVIII, 510 sq.... δῖχα δέ σφισιν ἦνδανε βουλή,

ἥε διαπραθεειν ἢ ἀνδῖχα πάντα δάσασθαι,

κτῆσιν δσῃν πτολίεθρον ἐπήρατον ἐντος ἐέργοι.

II. XXI, 580. οὐκ εὖλεν φεύγειν, πρὶν πευήσαι' Ἀχιλῆος

(priusquam... tentasset).

Od. XXIV, 173 sq. ἐνθ' ἡμαῖς μὲν πάντες ὁμοκλέομαν ἐπέεσσιν'

τόξον μὴ δόμεναι, μηδ' εἰ μάλα πόλλ' ἀγορεύοι.

Herod. I, 50. Λοδοῖσι τε πᾶσι προεῖπε θύειν πάντα τινὰ αὐτῶν τούτῳ, ὃ τι ἔχει ἕκαστος (or. recta: θυέτω πᾶς τις ὑμῶν τούτῳ, ὃ τι ἔχει ἕκαστος).

X. An. I, 8, 12. Κύρος.... τῷ Κλεάρχῳ ἐβόα ἄγειν τὸ στράτευμα κατὰ μέσον τὸ τῶν πολεμίων, ὅτι (quia) ἔκαὶ βασιλεὺς εἴη (or. recta: ἄγε, ὅτι ἐκεῖ βασιλεὺς ἐστί).

X. An. I, 9, 11. II 1, 2.

X. Hell. II, 3, 17. ἔλεγεν ὁ Θηραμένης, ὅτι, εἰ μὴ τις κοινῶνους ἱκανοὺς λήψοιτο τῶν πραγμάτων, ἀδύνατον ἔσοιτο τὴν ὀλιγαρχίαν διαμένειν (or. recta: εἰ μὴ τις λήψεται, ἀδύνατον ἔσται).

X. Ag. I, 10. Τισσαφέρνης ὤμοσεν Ἀγησιλάῳ, εἰ σπεισάιτο, ἕως ἔλθοιεν, οὐς πέμψει πρὸς βασιλέα ἀγγέλους, διαπράττεσθαι αὐτῷ ἀφεθῆναι αὐτονόμους τὰς ἐν τῇ ἑσσίᾳ πόλεις Ἑλληνίδας (or. recta: εἰάν σπείσῃ ἕως ἂν ἔλθωσιν, οὐς πέμψω.... διαπράττομαι).

X. Hell. III, 5, 23. X. Cyp. I, 4, 14.

Если же въ прямой рѣчи въ придаточныхъ предложеніяхъ стоитъ indicativus историческихъ временъ, то онъ остается и въ косвенной рѣчи, напpямѣръ:

Herod. I, 87. λέγεται.... Κροῖσον.... ἐπιβῶσασθαι τὸν Ἀπόλλωνα ἐπιχαλεόμενον, εἰ τί οἱ κεχαρισμένον ἐξ αὐτοῦ εἰδωρήθη, παραστήναι (or. recta: παρᾶστηθί μοι, εἰ τί σοι κεχαρισμένον ἐξ ἐμοῦ εἰδωρήθη).

Въ этихъ предложеніяхъ желательное наклоненіе можно употреблять

только въ томъ случаѣ, если уже содержаніе рѣчи и связь ея частей показываютъ, что дѣйствія этихъ предложений относятся къ прошедшему времени. Въ такомъ значеніи встрѣчается optativus praesentis и aoristi особенно въ продолженіяхъ съ ὅτι (= quia); напримѣръ:

X. Hell. VII, 2, 34. εἶχε γὰρ λέγειν (Πελοπίδας)..... ὡς Λακεδαιμόνιοι διὰ τοῦτο πολεμήσειαν αὐτοῖς, ὅτι (quia) οὐκ ἐθέλησαιεν μετ' Ἀθηναίων εἰλθεῖν ἐπ' αὐτόν, οὐδὲ ὑῴσαι ἐάσαιεν αὐτόν (or. recta: Δ. οὐκ ἠθέλησαν... οὐδὲ εἰσαν).

Примѣчаніе 1-е. Optativus futuri, встрѣчающійся какъ въ главныхъ, такъ и въ придаточныхъ предложенияхъ косвенной рѣчи, зависящей отъ praeteritum, соответствуетъ изъявительному будущаго прямой рѣчи, напримѣръ:

Herod. IX, 38. λέγων, ὡς ἀπολάμφοιτο συχνοῦς.

Herod. VIII, 226.

X. An. VII, 1, 33. ἔλεγεν, ὅτι ἔτοιμος εἴη ἡγεῖσθαι αὐτοῖς εἰς τὸ Δάλλα καλούμενον, ἐνθα πολλὰ καὶ ἀγαθὰ λήφοιτο.

X. An. I, 6, 3. ὁ δ' Ὀρόντας νομίσας ἐτοίμους εἶναι αὐτῷ τοὺς ἱππέας γράφει ἐπιστολὴν παρὰ βασιλέα, ὅτι ἤξοι ἔχων ἱππέας ὡς ἂν δύνηται πλείστους.

X. An. IV, 1, 23. ἔφη εἶναι ἄκρον, ὃ εἰ μὴ τις προκαταλήφοιτο, ἀδύνατον ἔσεσθαι παρελθεῖν.

X. Cyr. III, 1, 3. εἰ δὴ τινα φεύγοντα λήφοιτο, προηγόρευεν, ὅτι ὡς πολεμίῳ χρήσεται.

Примѣчаніе 2-е. Условные періоды съ εἰ cum modo irreali (imlucativo hypothetico) и съ εἰ cum optativo остаются съ тѣмъ же самымъ наклоненіемъ и въ косвенной рѣчи, напримѣръ:

X. Mem. I, 3, 3. οὕτα γὰρ τοῖς θεοῖς ἔφη καλῶς ἔχειν, εἰ ταῖς μεγάλας θυσίαις μᾶλλον ἢ ταῖς μικραῖς ἔχαIRON.... οὐτ' ἂν τοῖς ἀνθρώποις ἄξιον εἶναι ζῆν, εἰ τὰ παρὰ τῶν πονηρῶν μᾶλλον ἢν κεραισμένα τοῖς θεοῖς ἢ τὰ παρὰ τῶν χρηστῶν (or. recta: οὕτα καλῶς εἶχεν, εἰ ἔχαIRON, οὐτ' ἂν ἄξιον ἦν...., εἰ... ἦν).

X. An. VI, 6, 25. Ἀκούσας ταῦτα ὁ Κλέανδρος εἶπεν, ὅτι Λέξιππον μὲν οὐκ ἐπαινοίη, εἰ ταῦτα πεπονηκῶς εἶη. οὐ μέντοι ἔφη νομίζειν, οὐδ' εἰ καμπόνηρος ἦν Λέξιππος, βίαν χρῆναι πάσχειν αὐτόν....

Th. I, 136 extr. ἐκεῖνον δ' ἂν, εἰ ἐκδοίη αὐτόν....

σωτηρίας ἂν τῆς ψυχῆς ἀποστερήσαι,
(or. recta: εἰ ἐκδοίην... ἀποστερήσαι ἂν).

Х. Суг. I, 5, 2. ἐνόμιζεν, εἰ τοὺς Μῆδους ἀσθενεῖς ποιήσειε, πάντων γε τῶν περὶ ῥαδίως ἄρξειν.

Х. Мем. I, 2, 15.

§ 16. *Косвенная рѣчь, зависящая отъ одного изъ главныхъ временъ.*

Если косвенная рѣчь зависитъ отъ одного изъ главныхъ временъ, то наклоненія прямой рѣчи остаются и въ косвенной рѣчи: разказывающій становится въ этомъ случаѣ, такъ сказать, на мѣсто того лица, чьи слова или мысли онъ передаетъ, и поэтому употребляетъ тѣ же самыя наклоненія, которыя употребилъ бы самъ авторъ, на примѣръ: οἱ φιλόσοφοι ζητοῦσιν, ὡς ἀκήκοα, τί ἐστὶν ἀγαθόν, κοῦδὲ εἰς зῶρηκέ πῃ τί ἐστὶν.

Если же въ косвенной рѣчи, зависящей отъ praesens (perfectum), встрѣчается optativus orationis obliquae (сравн. § 13), то въ такомъ случаѣ, или а) praesens глагола declarandi (sentiendi) совпадаетъ по своему значенію съ аористомъ (praesens historicum), или б) главное время управляющаго глагола означаетъ дѣйствіе, заключающее въ себѣ другое дѣйствіе, относящееся къ прошедшему.

Х. An. I, 1, 3. Τισσαφέρνης διαβάλλει (praes. historicum) τὸν Κύρον πρὸς τὸν ἀδελφόν, ὡς ἐπιβουλεύει αὐτῷ.

Herod. I, 70. οἱ μὲν Λακεδαιμόνιοι λέγουσι (какъ теперь, такъ и прежде) ὡς Σάμιοι ἀπελοίατο αὐτὸν (τὸν χρητῆρα)...., αὐτοὶ δὲ Σάμιοι λέγουσι, ὡς.... ἀπέδοντο τὸν χρητῆρα.

Х. Суг. VIII, 2, 14. καὶ λόγος δὲ αὐτοῦ ἀπομνημονεύεται, ὡς λέγει παραπλήσια ἔργα εἶναι νομέως ἀγαθοῦ καὶ βασιλέως ἀγαθοῦ (этотъ λόγος былъ уже прежде часто высказываемъ).

Pl. civ. 409, а. ἄρ' οὖν οὐ μετρίως ἀπολογησόμεθα, ὅτι πρὸς τὸ ὄν πεφυκώς εἴη ἀμιλλᾶσθαι ὃ γε ὄντως φιλομαθής κтл., id est, ἄρ' οὖν οὐ μετρίως ἀπολογησόμεθα, ὃ ἐλέγομεν ἐν τοῖς ἐμπροσθε, ὅτι.... εἴη...

Pl. Lys. 215, с. ἤκουσά ποτε τοῦ λέγοντος καὶ ἄρτι ἀναμνησχομαι, ὅτι ὁμοιον ὁμοίφ πολεμιώτατον εἴη, id est.... καὶ ἄρτι ἀναμνησχομαι, ὅτι ἔλεγεν, ὅτι.... εἴη.

Pl. Charm. 156, b.

Примѣчаніе 1-е. Если optativus orationis obliquae встрѣчается въ косвенной рѣчи, зависящей отъ неопредѣленнаго наклоненія или причастія, находящихся въ зависимости отъ главнаго времени глагола declarandi (sentiendi), то infinitivus или participium выражаютъ дѣйствіе, относящееся къ прошедшему времени, такъ что optativus совершенно правиленъ, на примѣръ:

Herod. I, 24. (λέγουσι) τὸν Ἀρίονα... παραιτήσασθαι, ἐπειδὴ σφι... οὕτω δοκέει, περιδεῖν αὐτὸν.... ἀεῖσαι.

Th. V, 26. ἀεὶ μέμνημαι προφερόμενον, ὅτι.... θεοὶ γανέσθαι τὸν πόλεμον.

X. Cyp. I, 6, 6. οἶδά σε λέγοντα ἀεὶ, ὡς οἷδὲ θέμις εἴη αἰτεῖσθαι=οἶδα, ὅτι ἔλεγες ἀεὶ, ὅτι... εἴη.

X. Oec. I, 17. οὐς ἐγὼ ὀρώ... οὐκ ἐθέλοντας ἐργάζεσθαι, ὡς μὲν ἐγὼ οἶμαι, δι' αὐτὸ τοῦτο, ὅτι δεσπότης οὐχ ἔχειεν=οὐς ἐγὼ ὀρώ, ὅτι οὐκ ἤθελον ἐργάζεσθαι.... ὅτι (quod) δεσπότης οὐκ ἔχειεν.

Примѣчаніе 2-е. Въ косвенной рѣчи, зависящей отъ optativus (съ ἄν или безъ ἄν) глагола dicendi (sentienti), встрѣчается (впрочемъ, довольно рѣдко) желательное наклоненіе, не смотря на то, что optativus главнаго предложенія имѣетъ значеніе настоящаго. Это объясняется аттракціею наклоненія (ср. § 8, e; 9, c; 11; 12, d), напริมѣръ:

Il. XVII, 102. sq. εἰ δὲ που Λιαντός γε βοὴν ἀγαθοῖο ποθιμήν,
ἄμφω κ' αὖτις ἰόντες ἐπιμνησαίμεθα χάρις
καὶ πρὸς δαίμονά περ, εἴ πως ἐροσαίμεθα νεκρόν.
(косвенный вопросъ).

Od. XIV, 496. sq. ἀλλὰ τις εἴη (желаніе)
εἰπεῖν Ἀτρεΐδῃ Ἀγαμέμνονι ποιμένα λαῶν,
εἰ πλέονας παρὰ ναῦφιν ἐποτρύνετε νέεσθαι.
(косвенный вопросъ).

X. Cyp. VI, 3, 20. οὗτοι ἂν εἰδέειν (=cognoscent) εἰ οἱ κυκλοῦ-
μενοι κυκλωθεῖεν (косвенный вопросъ).

X. Cyp. III, 1, 28. οὐς δὲ γινώσκειν δοκούην ὅτι εὐνοία καὶ
φιλία τῇ ἐμῇ πρὸ θεόν συλλαμβάνοιεν, τούτους ἂν μοι δοκῶ καὶ ἀμαρ-
τάνοντας ῥῶν φέρειν ἧ (предложеніе съ ὅτι).

Dem. XVI, 5. οὐ γὰρ ἔκαίνο γ' ἂν εἰπομεν, ὅτι...
... βουλοίμεθα (предложеніе съ ὅτι).

Примѣчаніе 3. Въ косвенныхъ вопросахъ, зависящихъ отъ главнаго времени, встрѣчается (хоть довольно рѣдко) желательное наклоненіе съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какъ и въ вопросахъ прямыхъ, упомянутыхъ въ § 1, d; напрімѣръ:

Eur. Alc. 52. ἔστ' οὖν, ὅπως Ἀλκηστis ἐς γῆρας μόλοι;

Pl. Phaed. 107, a. οὐκ οἶδα, εἰς ὅτινὰ τις ἄλλον
χαῖρὸν ἀναβάλλοιτο, ἢ τὸν νῦν παρόντα.

Pl. Euthyd. 296, e. οὐκ ἔχω, ὅμιν πως ἀμφισβητοῖην.

§ 17. *Oratio mixta*.

Желательное наклоненіе не необходимо въ косвенной рѣчи. Греки по своей живости и подвижности, отразившимся какъ на ихъ жизни, такъ и на языкѣ, не любили строго проведенной косвенной рѣчи. Передавая чужія слова или мысли, они часто мысленно переносились въ прошедшее время (*geraesentatio*), становились на ту точку зрѣнія, съ которой самъ авторъ передаваемыхъ ими словъ (мыслей) смотрѣлъ на окружающій его міръ и употребляли, поэтому, наклоненія прямой рѣчи тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать *optativus orationis obliquae* (объективный способъ выраженія); иногда они даже совсѣмъ переходили отъ косвенной рѣчи къ прямой.

II. IV, 301. sq. ἰππεύουσιν μὲν πρῶτ' ἐπετάλλετο· τοὺς γὰρ ἀνῶγει
σφοδρὸς ἵππους ἔχμεν μὴδ' αὖ κλονέσθαι ὀμίλῃ.
μὴδ' αὖ τις ἵπποσύνην τε καὶ ἡνιόχευσι πεποιθὼς
οἷος πρόσθ' ἄλλων μεμάρτω Τρῶεσσι μάχεσθαι,
μὴδ' ἀναχωρεῖτω ἀλαπαδνότεροι γὰρ ἔσονται.

(переходъ отъ косвенной рѣчи къ прямой).

X. An. I, 2, 21. ἦσαν ἄγγελος λέγων, ὅτι λελοικῶς εἶη Σουέννεος τὰ ἄκρα, ἐπεὶ ἤρθετο (quum sensisset) τὸ Μένωνος στρατεύμα ὅτι ἦδη ἐν Κιλικίᾳ ἦν.

X. An. I, 3, 20. ὁ δ' ἀπεκρίνατο, ὅτι ἀκούει 'Αβροχόμαν, ἐχθρὸν ἀνδρα, ἐπὶ τῷ Εὐφράτῃ ποταμῷ εἶναι, ἀπέχοντα δῶδεκα σταθμῶν· πρὸς τοῦτον οὖν ἔφη βούλεσθαι ἐλθεῖν· καὶ μὲν ἤ ἔχει, τὴν δίκην ἔφη χρῆζειν ἐπιθεῖναι αὐτῷ, ἣν δὲ φεύγῃ, ἡμεῖς ἔχει πρὸς ταῦτα βουλευσόμεθα.

X. An. I, 3, 14. II, 1, 3. III, 1, 6.

Примѣчаніе 1. Такимъ образомъ, послѣ историческаго времени глагола *dicendi* (*sentiendi*) весьма часто встрѣчается или прежде *indicativus* (*conjunctivus*), а потомъ *optativus*, или наоборотъ, прежде *optativus*, а потомъ *indicativus* (*conjunctivus*). Разница между объективнымъ и субъективнымъ способомъ выраженія въ большинствѣ случаевъ только формальная и нельзя сказать, чтобы желательное наклоненіе, выражая неизвѣстное, составляло контрастъ съ изъявительнымъ, выражающимъ фактическое, такъ какъ можно безчисленными примѣрами доказать, что изъявительное наклоненіе можетъ выражать и случай неизвѣстный, а желательное—и случай фактическій. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать того, что иногда говорящій выбираетъ объективный способъ выраженія (*indicativus* и *conjunctivus*) или *opta-*

tivus orationis obliquae не случайно, какъ попало, а смотря по тому, соглашается ли онъ съ мнѣніями или мыслями того лица, чьи слова (мысли) онъ передаетъ, или нѣтъ. Особенно слѣдуетъ замѣтить соединеніе conjunctivus съ optativus: conjunctivus въ такомъ соединеніи выражаетъ весьма часто то, что ожидается прежде всего, тогда какъ optativus означаетъ мыслимое слѣдствіе, выраженное чрезъ conjunctivus дѣйствія (ср. § 12, е).

Herod. I, 70. οἱ μὲν Λακεδαιμόνιοι λέγουσι, ὥς . . .

Σάμιοι ἀπελοῖατο αὐτὸν (sc. τὸν χρητῆρα) . . . αὐτοὶ δὲ Σάμιοι λέγουσι, ὥς . . . ἀπέδοντο τὸν χρητῆρα.

(Геродотъ высказываетъ мнѣніе ὥς . . . Σάμιοι ἀπελοῖατο ex mente Lacedaemoniorum; съ мнѣніемъ же Самосцевъ ὥς . . . ἀπέδοντο онъ готовъ согласиться, какъ показывается то, что онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ: τάχα δὲ ἂν καὶ οἱ ἀποδόμενοι λέγοιεν ἀπικόμενοι ἐς Σπάρτην ὥς ἀπαρεβαίησαν ὑπὸ Σαμίων).

Хер. Мем. IV, 8, 4.

II. XVI, 646 sq.

καὶ φράζετο (sc. Ζεὺς) θυμῷ
πολλὰ μάλ' ἀμφὶ φόνῳ Πατρόκλου, μερμηρίζων
ἢ ἤδη καὶ κεῖνον ἐνὶ κρατερῇ ὑσμίνῃ
αὐτοῦ ἐπ' ἀντιῳφ Σαρπηδόνι φαίδιμος Ἑκτωρ
χάλαφ' ὀρώσῃ, ἀπὸ τ' ὤμων τεύχε' ἔλθῃ
ἢ ἔτι καὶ πλεόνεσσιν ὀφέλλειεν πόνον αἰπὺν.

(Первыя двѣ мысли, выраженные чрезъ conjunctivus deliberativus, по изображенію поэта, прежде всего возбуждаютъ вниманіе Зевса, такъ что онъ уже готовъ осуществить ихъ, какъ вдругъ ему на умъ приходитъ новая мысль, выраженная чрезъ optativus, какъ чистое представленіе: „или, можетъ быть, лучше будетъ отложить смерть Патрокла“).

Herod. I, 53. ἀνατέλλετο ὁ Κροῖσος ἀπειρωτᾶν τὰ χρηστήρια, εἰ στρατεύηται ἐπὶ Πέρσας Κροῖσος καὶ εἰ τίνα στρατὸν ἀνδρῶν προσθέοιτο φίλον.

(Первая мысль озабочиваетъ Креза прежде всего; вторая вытекаетъ изъ первой).

X. Ап. VII, 7, 57. εἰδόντο μὴ ἀπελθεῖν, πρὶν ἂν ἀπαγάγῃ τὸ στράτευμα καὶ Θίβρωνι παραδοίῃ.

Примечаніе 2. Смѣшеніемъ субъективнаго способа выраженія съ объективнымъ объясняется также соединеніе частицы ἂν съ optativus orationis obliquae, встрѣчающаеся въ предложеніяхъ съ εἰ, ἐπεὶ, πρὶν, ὅτε, ὥς, ὅς, ὅσοι, ὅστις и т. п.

часть CLXXVI, отд. 5.

§ 18. *Optativus orationis obliquae съ придаточными предположениями прямой рѣчи.*

Optativus orationis obliquae встрѣчается часто среди прямой рѣчи въ придаточныхъ предположеніяхъ, зависящихъ отъ предложений, выраженныхъ чрезъ *praeteritum*. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если говорящій желаетъ высказать что-нибудь не отъ себя, не какъ свою собственную мысль, а какъ мысль посторонняго, то-есть, дѣйствующаго лица, которая для него (говорящаго) служитъ только однимъ представленіемъ.

а) въ относительныхъ предположеніяхъ:

Od. V, 238 sq. ἤρχε δ' ὁδοῖο

νήσοο ἐπ' ἐσχατιῆς, ὅθι δ' ἄνδρα μακρὰ κεφόκει,
κλήθρη τ' αἰγυρὸς τ', ἐλάτῃ τ' ἦν οὐρανομήκης,
αὐα πάλαι, περίκηλα, τὰ οἱ πλώοιεν ἐλαφρῶς.

(мысль Калипсо, „о которыхъ она думала, что...“)

Od. XV, 458. καὶ τότε ἄρ' ἄγγελον ἦκαν, δς ἀγγέλλει γυναικί.

(= qui nunciaret).

S. Tr. 903. κρύψας' ἑστέην, ἔνθα μὴ τις εἰσίδοι.

(ubi se a nullo visum iri credebatur).

б) въ предположеніяхъ, опредѣляющихъ время дѣйствія:

Il. II, 792 sq. δς Τρώων σκοπὸς ἴζε, κοδωκείῃσι πεποιθώς,

τύμβφ ἐπ' ἀκροτάτφ Διούσηται γέροντος,

δέγμενος ὁππότε ναῦφιν ἀφορθεῖσιν Ἀχαιοί.

(expectans dum ... proficiscerentur).

Il. IV, 335. οἱ δὲ μένοντες

ἔστασαν, ὁππότε πόργος Ἀχαιῶν ἄλλος ἐπελθὼν

Τρώων ὀρμήσεις καὶ ἄρξειαν πολέμοιο.

Il. VII, 415. πάντες ὁμηγερέες, ποτιδέγμενοι, ὁππότε ἄρ' ἔλθοι

Ἰδαίος. . . ,

Od. IX, 376. καὶ τότε ἐγὼ τὸν μοχλὸν ὑπὸ σποδοῦ ἤλασα πολλῆς,

εἴως θερμαίνοιτο.

X. Hell. III, 2, 20. ἀλλήλοισι σπονδὰς ἐποίησαντο, εἰς

ἀπαγγελθείη τὰ λεχθέντα. Δερκυλίδᾳ μὲν εἰς

Λακεδαιμόνα, Τισσαφέρνει δὲ ἐπὶ βασιλέα.

X. Hell. I, 3, 11. Φαρνάβαζος περιέμενεν ἐν Καρχηδόνι,

μέχρι ἔλθοι (sc. Ἀλκιβιάδης) ἐκ τοῦ Βοσταντίου.

с) въ условныхъ предположеніяхъ:

Od. II, 343. ἐν δὲ πίθοι οἴνοιο παλαιοῦ ἡδυπότου

ἔστασαν, ἄκρητον θεῖον ποτὸν ἐντὸς ἔχοντας,
εἰς εἰς ποτὶ τοῖχον ἀρηρότες, εἰ ποτ' Ὀδυσσεύς
οἴκαδ' ἐνοστήσεια καὶ ἄλγεα πολλὰ μογήσας.

(„на случай, если когда-нибудь Одиссей возвратится“ ex mente тѣхъ, которые берегли вино для Одиссея).

S. Aj. 313. ἔπατ' ἐμοὶ τὰ δεῖν' ἐπηκέιλο' ἐπη,
εἰ μὴ φανοίην πᾶν τὸ συντυχὸν πάθος.

Th. IV, 131. οἱ δὲ . . . Πελοποννήσιοι ἰδρῦθησαν ἐπὶ λόφου . . ., ὃν εἰ μὴ ἔλοιεν οἱ ἐναντίοι, οὐκ ἐγίγνετο σφῶν περιτείχισις „*proprie* Th. in verbis ὃν εἰ μὴ ἔλοιεν ita incipit, ut si haec e mente Lacedaemoniorum dicturus οὐ γίγνεσθαι ἂν σφῶν περιτείχισιν (ἐνόμιζον) *perrecturus* esset; sed hanc sententiam miscuit cum altera ὃν εἰ μὴ ἦρουν οἱ ἐναντίοι, οὐκ ἐγίγνετο σφῶν περιτείχισις (Porro).

X. An. I, 4, 7. οἱ δ' ὤκτερον, εἰ ἀλώσονται.

Dem. XVIII, 145.

d) Часто въ предложенияхъ, означающихъ причину дѣйствія:

Herod. VII, 2. ἑστασίαζον (οἱ παῖδες), ὁ μὲν Ἀρταβάζανης, κατότι πρσβυτάτος τε εἶη παντὸς τοῦ γόνου, καὶ δι' νομιζόμενα εἶη... πρὸς πάντων ἀνθρώπων τὸν πρσβυτάτον ἡν ἀρχὴν ἔχειν. Σέρξης δὲ, ὡς Ἀτόσσης τε παῖς εἶη..., καὶ δι' Κῦρος εἶη ὁ κτησάμενος τοῖσι Πέρσῃσι τὴν ἐλευθερίαν.

Th. II, 21. (οἱ Ἀχαρνεῖς) ἐκάκιζον (τὸν Περικλέα), δι' στρατηγὸς ὢν οὐκ ἐπεξέγοι, quod (quia) exercitum non educeret (e mente Acharnensium).

Th. IV, 65.

Ср. въ лат. Cic. Tusc. 5, § 105. Aristides nonne ob eam causam expulsus est patria, quod praeter modum justus esset (мнѣніе егo со-гражданъ).

e) Весьма часто въ предложенияхъ, выражающихъ цѣль дѣйствія, см. § 12.

V. ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ СЪ ἄν (хέν) ВЪ ЗАВИСИМЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНИЯХЪ.

§ 19. a) Въ дополнительныхъ предложенихъ съ ὅτι, ὡς и въ косвенныхъ вопросахъ употребляется желательное наклонение съ ἄν (хέν) въ тѣхъ же, самыхъ случаяхъ и съ тѣми же самыми отглагольными значеніями, какъ и въ предложенихъ, независимыхъ (см. § 4); при этомъ все равно, зависятъ ли эти предложения отъ главныхъ или отъ историческихъ временъ.

Примѣры:

α) Предложенія съ ὅτι, ὡς.

S. Tr. 2. λόγος μὲν ἔστ' ἀρχαῖος ἀνθρώπων φανείς,
ὡς οὐκ ἂν αἰῶν' ἐκμάθοις βροτῶν.

X. An. V, 6, 3. γιγνώσκομεν γάρ, ὅτι ποῦ μὲν ἂν κρατῶμεν, δυναίμεθ' ἂν καὶ σώζεσθαι καὶ τὰ ἐπιτήδεια ἔχειν.

X. An. III, 2, 24.

X. Cyn. II, 4, 11. εἰάν οὐ ἀφθόνα ἔχης, οἶδ', ὅτι καὶ ἐμοὶ ἂν εἴη λαμβάνειν κτλ.

X. Conyn. III, 13. ἀλλὰ λανθάνει σε, ὅτι οὐκ ἂν δέξαιο τὰ βασιλέως χρήματα ἀντὶ τοῦ υἱοῦ;

X. Mem. I, 2, 19. ἴσως οὖν εἴποιεν ἂν πολλοί..., ὅτι οὐκ ἂν ποτε ὁ δίκαιος ἀδίκος γένοιτο.

Pl. ap. 32, a. ἀκούσατε δὴ μου τὰ ἐμοὶ ξυμβεβηκότα, ἵνα εἰδῆτε, ὅτι οὐδ' ἂν ἐνὶ ὑπαικάδοιμι παρὰ τὸ δίκαιον δαίσας θάνατον κτλ.

Pl. ap. 39, a. Pl. Crat. 402, a. Dem. XXIX, 22.

β) Косвенные вопросы.

Il. XI, 792. τίς δ'οἶδ' εἰ κέν οἱ σὺν δαίμονι θυμὸν ὀρίνας.

Od. XIV, 119, sq. Ζεὺς γάρ, που τότε οἶδε καὶ ἀθάνατοι θεοὶ ἄλλοι,
εἰ κέ μιν ἀγγείλαμι ἰδών. ἐπὶ πολλὰ δ'ἄλγηθην.Od. XV, 300. ὀρμαίνων, ἧ κεν θάνατον φύγοι, ἧ κεν ἀλφή
(opt. pot. ποτὴ=ind. futuri).

Il. XVIII, 308. ἀλλὰ μάλ' ἄντην

στήσομαι, ἧ κε φέρησι μέγα κράτος, ἧ κε φεροίμην
(optat. potentialis, стоящій рядомъ съ conjunctivus cum κέν, имѣетъ свою причину въ скромности Гектора).

X. An. V, 4, 7. εἰ δὲ ἡμᾶς ἀφήσετε, σκέψασθε, πόθεν αὖ ἂν τοσαύτην δύναμιν λάβοιτε σύμμαχον.

X. An. V, 7, 20. ἐβουλεύομεθα σὺν τοῖς Κεραισυντίοις, ὅπως ἂν ταφείησαν οἱ τῶν Ἑλλήνων νεκροί.

X. An. III, 1, 6. ἐλθὼν δ'ὁ Ξενοφῶν ἐπῆρατο τὸν Ἀπόλλω, τί νῦν θεῶν θύων καὶ εὐχόμενος κάλλιστα καὶ ἀριστα εἶθαι τὴν ὁδόν, ἣν ἐπινοεῖ, καὶ καλῶς πράξας σωθεῖν.

X. An. III, 1, 7. V, 7, 6. V, 7, 7.

b) Такъ какъ предложенія, выраженныя чрезъ ὥστε (пер. „и вслѣдствіе этого“) cum verbo finito, получаютъ значеніе главныхъ предложеній, то употребленіе въ нихъ желательнаго наклоненія съ ἂν не представлятъ никакихъ особенностей.

S. El. 333 sq. ἀλγῶ 'πὶ ταῖς παροῦσιν, ὥστ' ἄν, εἰ σθένος
λάβοιμι, δηλώσαιμ' ἄν, οἱ' αὐτοῖς φρονῶ.

S. Aj. 213.

Th. I, 70. (οἱ Ἀθηναῖοι) ἀπολαύουσιν ἐλάχιστα τῶν ὑπαρχόντων...., ὥστε, εἴ τις αὐτούς.... φαίη πεφυκάναι ἐπὶ τῇ μῇτε αὐτοῦς ἔχειν ἡσυχίαν, μῇτε τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους εἶναι, ὀρθῶς ἂν εἴποι.

X. An. V, 6, 20. πλοῖα δὲ ὑμῖν πάρεστιν, ὥστε, ὅπῃ ἂν βούλησθε, ἐξαίφνης ἂν ἐπιπέσοιτε.

X. An., II, 5, 15, X. Cyp. I, 1, 4.

Pl. ap. 24. a; 33, e.

Pl. conv. 197, a.

Dem. XXIX, 3. (ταῦτα πεποίηκεν) ὥστε πολὺ ἂν δικαιότερον διὰ ταῦτα τὰ ἔργα τοῦτον μισήσατε ἢ ἐμοῦ τινα ἀνεπιείκειαν καταγνοίητε.

с) Такъ какъ въ предложеніяхъ, означающихъ причину дѣйствія, высказывается точно также какое-нибудь сужденіе, какъ и въ предложеніяхъ главныхъ, то употребленіе желательнаго наклоненія съ ἄν (хέν) въ этихъ предложеніяхъ совершенно сходно съ употребленіемъ его въ предложеніяхъ независимыхъ (см. § 4).

Il. IX, 304. νῦν γάρ χ' Ἑκτορ' ἔλοισ, ἐπεὶ ἂν μάλα τοι σχεδὸν ἔλθοι.

Th. V, 93. Mel. Καὶ πῶς χρήσιμον ἂν ξυμβαίη ἡμῖν δουλεῦσαι, ὥσπερ καὶ ὑμῖν ἄρξαι; Ath. ὅτι ὑμῖν μὲν πρὸ τοῦ τὰ δεινότατα παθεῖν ὑπακούσαι ἂν γένοιτο, ἡμεῖς δὲ μὴ διαφθείροντες ὑμᾶς κερδαίνομεν ἂν.

X. Mem. III, 2, 2. Pl. civ. 597, c.

Optativus безъ ἄν встрѣчается въ этихъ предложеніяхъ только въ косвенной рѣчи вмѣсто indicativus (см. § 15).

d) Въ относительныхъ предложеніяхъ желательное наклоненіе съ ἄν (хέν) выражаетъ точно также, какъ и въ главныхъ, сужденіе какъ случай неизвѣстный, мыслимый при извѣстныхъ условіяхъ (см. § 4).

Il. III, 235. νῦν δ' ἄλλους μὲν πάντας ὀρῶ ἐλίκωπας Ἀχαιοῦς,
οὓς κεν ἐὺ γνοίην καὶ τ' οὐνομα μυθήσαιμην.

Il. V, 361 sq. λίην ἄχθομαι ἔλκος, ὃ με βροτὸς οὐτασεν ἀνὴρ
Τυδείδης, ὃς νῦν γε καὶ ἂν Διὶ πατρὶ μάχοιτο.

Il. XXIV, 733 οὐ δ' αὖ, τέκος, ἢ ἐμοὶ αὐτῇ
ἔψαι, ἐνθα (ubi) κεν ἔργα ἀεικέα ἐργάζοιο.

Od. VII, 293 ἢ δ' οὐ τι νοήματος ἡμβροτεν ἐσθλοῦ,
ὥς (=qua ratione) οὐκ ἂν ἔλποιο νεώτερον ἀντιάσαντα ἔρξεμεν. .

Il. XV, 738. Od. VIII, 239. Od. XI, 366,

S. Oc. 190 . . . ἄγε νυν σὺ με, ἔν' (ubi) ἂν . . .
τὸ μὲν εἴπομεν, τὸ δ' ἔχουσσιμεν.

Eur. Or. 639. ἔστι δ', οὗ σιγῇ λόγος κρείσσων
γένοιτ' ἂν, ἔστι δ', οὗ σιγῆς λόγος.

Eur. Rh. 626. χρὴ δ' ἄνδρα τάσσειν, οὗ
μάλιστα ἂν ὤφελοϊ.

Th. I, 33. τὸν δὲ πόλεμον, δι' ὃν περ χρήσιμοι ἂν εἴημεν, εἰ τις ὅμων
μὴ οἶεται ἔσεσθαι, γνώμης ἀμαρτάνει.

X. An. V, 4, 25. δόρατα, ὅσα ἄνθρωποι ἂν φέροι μόλις.

X. An. V, 6, 30. X. Mem. I, 3, 14.

X. Hell. III, 1, 14. αὐτῆς . . . ἀσπαζομένης (τὸν Μειδίαν), ὥσπερ ἂν
γυνὴ γαμβρὸν ἀσπάζοιτο.

(сравнительное предложение).

X. Cyn. 5, 4, 44.

Pl. Phaed. 89, d. οὐκ ἔστιν ὃ τι ἂν τις μείζον τούτου κακὸν πάθοι.

Pl. Phaedr. 230, b.

Dem. 40, 45. ὥσπερ αὐτοὶ οὐκ ἂν ἀξιώσατε κακῶς ἀκοῦειν ὑπὸ τῶν
ὁμιητέρων παιδῶν, οὕτω μηδὲ τούτῳ ἐπιτρέπετε περὶ τοῦ πατρὸς βλασφη-
μεῖν.

Dem, 2, 3.

Особый отдѣлъ составляютъ относительныя предложения съ opta-
tivus cum ἂν (хέν), имѣющія значеніе протазисовъ условныхъ периодовъ
съ εἰ ἂν (хén) cum optativo (см. § 7, c). Въ этихъ предложенияхъ отри-
цаніемъ служить μή.

Il. X, 305 sq. δῶσω γὰρ δίφρον τε δῶω τ' ἐριαύχενας ἱπποῦς,
οἳ καὶ ἄριστοι ἔωσι θεῶς ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν,
ὅς τις κε τλαίῃ, οἳ τ' αὐτῶν κῆδος ἄροιο.

Послѣ историческаго (рѣдко послѣ главнаго) времени главнаго
предложения такія относительныя предложения выражаютъ неопредѣ-
ленное повтореніе дѣйствія (см. § 8, c и d).

X. An. II, 6, 25. καὶ ὅσους μὲν ἂν αἰσθάνοντο ἐπιόρκους καὶ ἀδίκους,
. . . ἐφοβεῖτο (ἂν = при представившемся случаѣ, случайно).

X. Cyn. VIII, 3, 38. ὃ τι γὰρ ἂν λάβω σπέρμα (ὁ ἀγρός), καλῶς καὶ
δοχαίως ἀπαδίδου αὐτό.

Od. VII, 33. οὐ γὰρ ξείνους οἶδε μάλ' ἀνθρώπους ἀνέχονται
οὐδ' ἀγαπαζόμενοι φιλέουσ', ὅς κ' ἄλλοθεν ἔλθοι.

(въ главн. пр. главное время).

Od. XI, 149. φ' δέ κ' ἐπιφθονέους, ὃ δέ τοι πάλιν εἶπεν ὀπίσσω.

Pl. Lys. 218, d. φίλος δὲ ἂν εἴη, πότερόν ἐστί τῳ φίλος ἢ οὐ;

Относительныя предложения съ optativus cum ἂν (хén), имѣющія
значеніе условныхъ протазисовъ, часто зависятъ отъ предложений,

которыми сами выражают только мыслимый случай и имѣютъ поэтому глаголѣ въ желательномъ наклоненіи (см. § 8, е).

Od. II, 54. δοίη (желаніе) δ' ᾗ κ' ἐθέλοι καὶ οἱ κεχαρισμένος ἔλθοι.

Od. XVI, 392 . . . ἡ δέ κ' ἔπειτα

γῆμαιθ', ὅς κε πλεῖστα πόροι καὶ μόρσιμος ἔλθοι.

X. Mem. V, 5, 1. ἄρ', ὄντιν' ἂν αἰσθανοίμεθα, ἥττω γαστρός ἡ οἶνου . . . , τοῦτον ἂν αἰροίμεθα;

X. Mem. IV, 4, 17. τῷ (= τίνι) δ' ἂν τις ἥττον πολεμήσειεν ἡ ᾗ ἂν μάλιστα μὲν φίλος εἶναι βούλοιο;

X. An. I, 3, 17. ἐγὼ γάρ ὀκνοίην μὲν ἂν εἰς τὰ πλοῖα ἐμβαίνειν, ἃ ἡμῖν δοίη, . . . φοβοίμην δ' ἂν τῷ ἡγεμόνι ᾗ ἂν δοίη ἐπεσθαι.

Особинѣ отхѣлъ составляютъ относительныя предложенія съ optativus cum ἂν (хѣν), имѣющія значеніе предложеній цѣли (отрицаніе—μῆ) или значеніе слѣдствія. Но это значеніе цѣли (слѣдствія) не соединено непосредственно съ относительнымъ предложеніемъ, такъ какъ optativus съ ἂν и въ этомъ случаѣ не выражаетъ ничего другаго, какъ предположеніе, зависящее отъ извѣстныхъ условій, а происходитъ отъ соединенія этого предложенія съ предложеніемъ главнымъ.

II. XV, 735 sq. ἡέ τινάς φαμεν εἶναι ἀσαστήρας ὀπίσω

ἡέ τι τεῖχος ἄρειον, ὃ κ' ἀνδράσι λοιγὸν ἀμύναι;

(стѣна, которая отвратила бы при случаѣ).

II. XXIV, 149. κῆρυξ τίς οἱ ἔποιτο γαῖαιταρος, ὅς κ' ἰθύνει.

Od. XIII, 401. κλυζώσω δέ τοι ὅσσε πάρος περικαλλέ' ἔοντα,

ὡς ἂν ἀεικέλιος πᾶσι μνηστῆρος φανείης

(= qua ratione possis apparere).

Od. VIII, 21. Od. XV, 538. Od. XXIII, 135.

Dem. 20, 161. χρῆ . . . τοιαῦτα καὶ λέγειν καὶ νομοθετεῖν, οἷς μηδεὶς ἂν νεμεσῇται.

X. Cug. VI, 1, 14. τίς οὕτως ἰσχυρός, ὅς λιμῷ καὶ ῥίγῃ δύναιτ' ἂν μαχόμενος στρατεύεσθαι;

е) Отъ этихъ относительныхъ предложеній можно перейти къ предложеніямъ цѣли. Въ предложеніяхъ цѣли съ союзами ὡς и ὅπως (ер. ὅφρα) встрѣчается иногда послѣ историческаго времени главнаго предложенія optativus съ ἂν (хѣν). Желательное наклоненіе выражаетъ цѣль какъ мыслимый случай; а частица ἂν (хѣν) показываетъ, что эта мысль зависитъ отъ извѣстныхъ условій (ἂν=eventuell, möglicher Weise).

II. XII, 26. . . . ὅς δ' ἄρα Ζεὺς

συνεχῆς, ὅφρα κα θεῶσιν ἀλίπολα τεῖχεα θεῖη.

Od. XXIV, 333 sq. . . σὺ δὲ με προΐεις καὶ πότνια μήτηρ ἐς πατέρ' Αὐτολόχον μητρός φίλον, ὅφρ' ἂν ἐλοίμην ὄψα, τὰ δεῦρο μολῶν μοι ὑπέσχετο καὶ κατένευσεν.

Herod. I, 99. ταῦτα δὲ περὶ ἑαυτὸν ἐσέμνυνε. τῶνδε εἵνεκην, ὅπως ἂν μὴ ὀρέοντες οἱ ὁμήλικες . . . λυπσοίατο . . .

Herod. I, 75. V, 37. IX, 22. IX, 51.

Th. VII, 65.

X. An. VII, 4, 2. καὶ τὴν μὲν λείαν ἀπέπεμψε διατίθεσθαι Ἡρακλείδην εἰς Πάρινθον, ὅπως ἂν μισθὸς γένοιτο τοῖς στρατιώταις.

X. Hell. IV, 8, 16.

X. Cyr. VIII, 3, 33. τοῖς νικῶσι πᾶσιν ἐδίδου βούς, ὅπως ἂν θύσαντες ἐσιῶντο.

Ar. Av. 1338 γενοίμαν ἀετὸς ὑψιπέτας, ὥς ἂν ποταθεῖην (attractio modi выѣсто ὥς ἂν ποταθῶ).

Г) Въ предложенияхъ, опредѣляющихъ время дѣйствія, optativus съ ἂν (χέν) встрѣчается довольно рѣдко. Желательное наклоненіе и здѣсь выражаетъ мысленный случай, а частица ἂν (χέν) означаетъ, что этотъ случай зависитъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ.

Il. XVII, 501 sq. . . . σὺ γάρ ἐγωγε

"Εκτορα Πριαμίδην μένεος σχήσασθαι οἶφ,
πρίν γ' ἐπ' Ἀχυλλῆος καλλίτριχε βήμαναι ἔπω,
νῶϊ κατακτείναντα, φοβήσασθαι τε στίχας ἀνδρῶν.
'Αργείων, ἧ χ' αὐτὸς ἐνὶ πρώτοισιν ἀλοίη.

(optativus съ χέν рядомъ съ infinitivus).

X. Oec. 11, 14. ἐγὼ ἀνίστασθαι ἐξ εὐνῆς εἶθιςμαι, ἥνικ' ἂν ἐτι ἔνδον καταλαμβάνοιμι, εἴ τινα θεόμενος ἰδεῖν τυγχάνοιμι (когда я вѣроятно засталъ бы дома).

Dem. 4, 31. φυλάξας Φίλιππος τοὺς ἐτησίας ἢ τὸν χειμῶνα, ἐπιχειρεῖ (οὓς διαπράττεται), ἥνικ' ἂν ἡμεῖς μὴ δυνάμεθα ἐκχεῖσε (εἰς τὴν τοῦ Φιλίππου χώραν) ἀφικέσθαι (отрицание μὴ, потому что съ понятіемъ времени соединено понятіе условія).

Послѣ историческаго времени главнаго предложенія премежныя предложенія съ optativus получаютъ, какъ уже выше сказано (см. § 9, а), значеніе неопредѣленнаго повторенія. Если при желательномъ наклоненіи такого временнаго предложенія стоитъ частица ἂν (χέν), то она выражаетъ зависимость повторяющаго дѣйствія отъ извѣстныхъ условій.

Il. XI, 524. οὕτω καὶ τῶν πρόσθεν ἐπευθόμεθα κλέα ἀνδρῶν ἡρώων, ὅτε χέν τιν' ἐπιζάφελος χόλος ἴκοι.

Od. XVII, 298.

Нс. ep. 192. ἀλλ' ὅτ' ἂν ἡβήσῃσι καὶ ἡβης μέτρον ἴκοιτο, παυρίδιον ζώεσκον ἐπὶ χρόνον.

Herod. I, 196. ὡς ἂν αἱ παρθένοι γενοίαιτο γαμῶν ὥραται,.... ἐς ἐν χωρίον ἐσάγεσκον ἀλέας.

X. Cyp. VIII, 1, 44. καὶ γὰρ ὁπόταν ἐλαύνοιεν τὰ θηρία.... εἰς τὰ πεδία, φέρεσθαι σῖτον εἰς θήραν τοῦτοις ἐπέτρεπεν.

Часто временныя предложения съ optativus cum ἂν (хэн) зависятъ отъ предложениѣ, которыя сами выражаютъ только представляемый случай и имѣютъ поэтому глаголъ въ желательномъ наклоненіи (см. § 9, с).

Il. XXIV, 226 αὐτίκα γάρ με κατακτείνειεν Ἀχιλλεύς
ἀγχιὰς ἐλόντ' ἐμὸν υἱόν, ἐπὴν γόου ἐξ ἔρον εἶην.
(optativus главного предл. выражаетъ желание).

Od. II, 77. τόφρα γὰρ ἂν κατὰ ἄστρῳ ποτικτυροοίμεθα μύθῳ χρήματ'
ἀπαιτίζοντες, ἕως κ' ἀπὸ πάντα δοῦνείη.

Od. IV, 222 sq. Il. XV, 70 sq.

Ag. eq. 1056. ἐπεὶ κεν ἀναθείη.

X. Cyp. I, 3, 11. ὁπόταν κ' ἐπειδάν cum optativo.

Pl. Phaed. 101, d. εἰ δέ τις αὐτῆς τῆς ὑποθέσεως ἔχοιτο, χαίρειν ἐφῆς ἂν καὶ οὐκ ἀποκρίναιο, ἕως ἂν τὰ ἀπ' ἐκείνης ὀρμηθέντα σκέψαιο.

Pl. civ. 412, d. 501, с.

Объ условныхъ предложенияхъ съ εἰ ἂν (хэн) cum optative см. § 5, f и § 7, с.

г) Въ предложенияхъ косвенной рѣчи, зависящей отъ praeteritum, optativus съ ἂν соотвѣтствуетъ иногда сослагательному съ ἂν прямой рѣчи. Частица ἂν (хэн), соединенная съ optativus, выражаетъ и здѣсь тѣ обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ мысль, передаваемая говорящимъ чрезъ optativus orationis obliquae. (см. § 3, с).

Il. II, 597. στεῦτο γὰρ εὐχόμενος νικησέμεν, εἴπαρ ἂν αὐταὶ
Μοῦσαι δαΐδοιεν, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο.
(Еслибъ даже Музы случайно пѣли).

Il. VII, 387. ἡνώγει Πριάμός τε καὶ ἄλλοι Τρῶες ἀγαοὶ
εἰπεῖν, αἱ κέ περ ὕμμι φίλον καὶ ἡδὺ γένοιτο.
(ex mente Priami).

Il. XIX, 205 sq. ἦ τ' ἂν ἔγωγε
νῦν μὲν ἀνώγοιμι πτολεμίζειν οὔας Ἀχαιῶν

νήστιας ἀκμήνους, ἅμα δ' ἡελίῳ καταδύντι
τεύξεσθαι μέγα δόρπον, ἐπὴν τισαίμεθα λώβην.

„ЕСЛИ ПАМЪ УДАТСЯ (ἄν) ΟΤΟΜСТИТЬ.

S. Tr. 687. ἕως ἂν ἀρμόσαιμι.

S. Tr. 164. ἡνίχ' ἂν . . . ἀπείη.

Herod. VI, 44. ἀτὰρ ἐν νόφ' ἔχοντες ὅσας ἂν πλείστας δύναίτο κατα-
στρέφειν τῶν Ἑλληνίδων πολίων, τοῦτο μὲν δὴ τῇσι νηυσὶ θασίους οὐδὲ
χεῖρας ἀνταειραμένους κατεστρέψαντο, τοῦτο δὲ τῷ πεζῷ Μαχεδόνας πρὸς
τοῖσι ὑπάρχουσι δούλους προσεκτήσαντο.

Th. VIII, 27. ἐκέλευε τοὺς ἐπίπλους, ἣν που καιρὸς εἶη, ποι-
εῖσθαι.

Th. VIII, 54.

X. Hell. II, 3, 48. οὐκ οἶονται καλὴν ἂν ἐγγενέσθαι ὀλιγαρχίαν, πρὶν
ἂν εἰς τὸ ὑπ' ὀλίγων τυραννεῖσθαι τὴν πόλιν καταστήσειαν.

X. Hell. II, 4, 18.

X. An. I, 5, 9. νομίζων, ὅσῳ μὲν ἂν θᾶττον ἔλθοι, τοσούτῳ ἀπαρα-
σκευαστοτέρῳ βασιλεῖ μαχεῖσθαι.

X An. III, 2, 12. VII, 2, 6.

X. Cyr. VII, 5, 49, X. Mem. IV, 1, 2. Dem. 30, 6.

I. Γόρρα.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Принимается подписка на ежемѣсячное историческое изданіе,
выходящее въ С.-Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

1875 г. (шестой годъ изданія).

Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками—**ВОСЕМЬ** рублей съ доставкой и съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ — въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

 Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Статьи и матеріалы, которые будутъ напечатаны въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“ 1875 года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отъ-

чественных писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, за-мѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе раз-сказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукопис-ной литературы XVIII и начала XIX в.—Бурьевныя челобитныя, до-машніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листы изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. На-родная русская словесность: историческія и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные и раскольничьи.—Пѣсни скопцовъ; за-мѣтки и выписки изъ подлиппыхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго на-рода.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно ис-торическихъ, русскихъ книгъ.

Изъ первой книгѣ „Русской Старины“ 1875 г. будутъ, между прочимъ, приложенъ гравированный въ Лейпцигѣ портретъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, съ изображеніемъ его герба и девиза: *„безъ лести преданъ“*

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1874 г. высылается подписавшимся съ I-й книги. Всѣ книги этого журнала за 1874 г. вышли каждая пер-ваго числа соотвѣтственнаго мѣсяца съ приложеніями портретовъ, ри-сунковъ и снимковъ.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1874 г., за 12-ть книгъ, 8 руб. съ пересылкой.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1875 г., за 12-ть книгъ, 8 руб. съ пересылкой.

Въ составленіи и изданіи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе

М. И. Сомовскій.

В. Сомовскій,
отвѣств. изд.-ред. „Русской Старины“.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСНАГО УНИВЕРСИТЕТА И. Н. БЕРЕЗИНЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Принимается подписка на седьмой, восьмой, девятый и десятый выпуски (томы); цѣна съ первыми шестью выпусками *сорокъ два рубля*. При подпискѣ выдаются первые четыре выпуска и начало пятого и шестаго, на остальные же выпуски выдается билетъ.

Подписка принимается для жителей Петербурга въ книжномъ магазинѣ *О. В. Вазунова* (Невскій, 39). Гг. иногородныхъ просятъ обращаться на имя издателя, *И. Н. Березина*, въ контору Русскаго Энциклопедическаго Словаря, Вознесенскій проспектъ 27, квар. 30.

Отдѣльно выпуски не продаются. Для гг. служащихъ допускается разсрочка въ уплатѣ черезъ ихъ казначеевъ: живущіе въ Петербургѣ благоволятъ обращаться въ Типографію Товарищества Общественной Пользы (по Мойкѣ, 5), къ *Д. И. Гонецкому*, а гг. иногородные въ контору изданія.

И. Березинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

2-ГО ИЗДАНІЯ

ОСТРОМІРОВА ЕВАНГЕЛІА.

Редакція долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія учебныхъ заведеній, что согласно ея объявленію 2-ое изданіе **ОСТРОМІРОВА ЕВАНГЕЛІА** будетъ напечатано *только* въ томъ количествѣ экземпляровъ, каковъ потребно для раздачи подписавшимся *заблаговременно* и въ отдѣльную продажу не будетъ выпущено ни въ какомъ случаѣ ни одного экземпляра ни за какія деньги *).

Въ виду того, что учебныя заведенія Духовнаго вѣдомства были извѣщены о предпринятомъ изданіи двумя мѣсяцами позже, срокъ заявленій о желаніи пріобрѣсти ими 2-ое изданіе продолженъ до 1-го января 1875 года. Этимъ же льготнымъ срокомъ могутъ воспользо-ваться *учебныя заведенія* Мин. Народ. Просвѣщенія и *служащіе въ послѣднихъ* для присылки въ Редакцію требованій о необходимомъ для нихъ количествѣ экземпляровъ. Къ этому считаемъ не лишнимъ присовокупить, что въ редактируемомъ нами изданіи, при точномъ соблюденіи палеографическихъ особенностей подлинника (для этой цѣли будетъ отлитъ шрифтъ особый) и вообще принятаго А. Х. Востоковымъ порядка изданія, грамматическія объясненія пополнятся значительно примѣрами, а словарь будетъ обработанъ вновь соотвѣтственно словарю старославянскаго языка Фр. Миклошича.

Адресъ Редакціи прежній: *Зиминъ Переулокъ, д. № 1* (Глазунова), *кв. № 17, въ Санктпетербургѣ.*

*) У одного изъ петербургскихъ книгопродавцевъ есть *одинъ экземпляръ* 1-го изданія (А. Х. Востокова, 1843 года), который вѣтъ торговецъ книгами не соглашается уступить менѣе 75 руб. сер.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Багашева, Большая Сидовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Францъ Палацкій .

И. И. Первольфа.

Юридическіе знаки (Окончаніе)

И. Ефименко.

О философскихъ трудахъ И. Д. Юркевича. В. С. Соловьева.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е января 1654 — 30-е мая 1672 года. Сочиненіе *Геннадія Карпова*. М. 1870.

К. П. Бестужева-Рюмина.

Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое изслѣдованіе *В. Коженикова*. Козловъ. 1874.

Н. И.

Мусульманскія училища Туркестанскаго края

И. Т.

Замѣтка о гимнастикѣ для дѣвицъ

Д-ра Ф. Клеузля.

О введеніи обязательнаго обученія по хатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ общинъ.

Путевыя замѣтки о долиинѣ средняго и нижняго Дуная

А. Будиловича.

Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназіи, в) низшія училища.

Письмо изъ Парижа .

Л. Д — ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CLXXVI.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Вольная Садовья, д. № 49—2).
1874.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4., (14-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ Университетѣ.*

Нѣкоторые представители акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита, принимавшіе участіе въ банковомъ сѣздѣ 1873 года, проникнутые чувствомъ высокаго уваженія къ дѣятельности управляющаго государственнымъ банкомъ, тайнаго совѣтника Ламанскаго, положившей начало и способствовавшей развитію частнаго и акціонернаго кредита въ Россіи, и исполненіе глубочайшей признательности къ его трудамъ по учрежденію и личному руководству занятіями упомянутаго сѣзда, изъявили желаніе учредить въ С.-Петербургскомъ университетѣ стипендію имени тайнаго совѣтника Ламанскаго, и съ этою цѣлію собравъ по подписѣ капиталъ въ *девять тысячъ четыреста пятьдесятъ* рублей, обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ объ исходатайствованіи на сіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ 9,450 руб., одной

стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендіею тайнаго совѣтника Евгенія Иваповича Ламанскаго.

5. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Кронштадтской женской гимназіи.*

Кронштадтскій купецъ Николай Григорьевъ Сидоровъ, представивъ при прошеніи въ попечительный совѣтъ мѣстной женской гимназіи два срочныхъ 43¹/₂ года закладныхъ листа, серіи 2-й № 03007 и 03011, Полтавскаго земельного банка по 500 руб. каждый, а всего одну тысячу руб., ходатайствовалъ объ учрежденіи въ Кронштадтской женской гимназіи стипендіи имени покойнаго отца его, Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова, съ тѣмъ, чтобы стипендія эта состояла въ уплатѣ за ученіе въ гимназіи одной дѣвицы по выбору его, жертвователя, а послѣ его смерти, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта заведенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ на приведеніе наложеннаго ходатайства въ исполненіе.

6. (21-го сентября 1874 года). *О присвоеніи Жиздринской женской прогимназіи наименованія «Маріинской».*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу ходатайства Жиздринскаго уѣзднаго земства, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Жиздринской женской прогимназіи наименованія «Маріинской», въ честь имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны.

7. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Костромской гимназіи.*

Чинovníки Костромской базенной палаты, движимые чувствомъ скорби по случаю кончины директора департамента государствен-

11

наго казначейства, бывшаго передъ тѣмъ управляющимъ Костромскою казенною палатою, тайнаго совѣтника Гаврилова; желая выразить сердечную ихъ къ нему привязанность и уваженіе и тѣмъ увѣковѣчить память усопшаго, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ 420 р., проценты съ котораго положили уплачивать ежегодно за право ученія въ Костромской гимназіи одного воспитанника изъ дѣтей недостаточнаго состоянія чиновниковъ казенной палаты, или подвѣдомственныхъ ей казначействъ, съ тѣмъ, чтобы воспитанникъ этотъ именовался стипендіатомъ тайнаго совѣтника Д. П. Гаврилова.

Вслѣдствіе сообщенія о семъ управляющаго министерствомъ финансовъ и отзыва начальства Московскаго учебнаго округа, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Государь Императоръ, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго членами и чиновниками Костромской казенной палаты капитала въ *четыреста двадцати* руб., такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при Костромской гимназіи съ наименованіемъ оной: «стипендія тайнаго совѣтника Дмитрія Петровича Гаврилова».

8. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Кіевскомъ реальномъ училищѣ.*

Землевладѣлецъ Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда, коллежскій ассессоръ Корсунъ, пропитанный чувствомъ благодарности за воспитаніе въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ воспитанника его, ученика IV класса Адріана Семененка, представилъ директору этого училища *пятьсотъ* руб., какъ посылное съ его стороны пожертвованіе въ пользу заведенія, для употребленія по усмотрѣнію директора. Вопросъ о назначеніи этихъ денегъ былъ переданъ директоромъ на обсужденіе педагогическаго совѣта Кіевскаго реальнаго училища, который нашелъ болѣе всего цѣлесообразнымъ передать этотъ капиталъ въ кредитное учрежденіе, а полученные съ него проценты выдавать по своему усмотрѣнію

сегодно одному изъ бѣдныхъ учениковъ, отличающихся поведениемъ и успѣхами въ наукахъ; въ память же благотворителя ходатайствовать о присвоеніи этой стипендіи наименованія: «стипендія Михаила Михайловича Корсуна».

Вслѣдствіе донесенія управлявшаго Киевскимъ учебнымъ округомъ и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Государь Императоръ, въ 21-й день сентября сего года, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго землевладѣльцемъ Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда, коллежскимъ ассесоромъ Михаиломъ Михайловичемъ *Корсуномъ*, капитала въ *пятьсотъ* руб., такъ и на учрежденіе пяти процентовъ съ оного стипендіи при Киевскомъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной: «стипендія Михаила Михайловича Корсуна».

9. (21-го сентября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Киевской второй мужской гимназіи*

Чиновники управленія акцизными сборами Киевской губерніи, въ память совмѣстнаго служенія съ бывшимъ управляющимъ этими сборами, палатнымъ совѣтникомъ Петромъ Емельяновичемъ Манчтетомъ, заявили желаніе учредить при Киевской второй мужской гимназіи стипендію имени Манчтета, для воспитанія одного изъ дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ Киевскаго акцизнаго управленія. Съ цѣлію осуществленія этого дѣла, ими собранъ капиталъ въ 1600 р., на которые приобрѣтены 3 свидетельства государственнаго банка на непрерывный доходъ по выкупу въ $5\frac{1}{2}\%$, составляющихъ въ годъ 88 р., которые и переданы для храненія въ казначейство.

Вслѣдствіе донесенія о семъ управлявшаго Киевскимъ учебнымъ округомъ, и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 21-й день сентября сего года, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ *одну тысячу шестьсотъ* рублей, собраннаго чиновниками управленія акцизными сборами Киевской губерніи,

такъ и на учрежденіе на проценты съ опаго одной стипендіи при Кіевской второй мужской гимназіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія надворнаго совѣтника Петра Емельяновича Милчиста».

10. (7-го октября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицей.*

Душеприказчики умершаго статскаго совѣтника Соколова представили въ Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ билетъ Ярославскаго общественнаго банка въ тысячу рублей, на учрежденіе при лицей изъ процентовъ этой суммы одной стипендіи имени статскаго совѣтника Соколова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія представленія по сему предмету попечителя Московскаго учебнаго округа, въ 7-й день октября сего года, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Демидовскомъ юридическомъ лицей, на счетъ процентовъ съ означенныхъ 1000 руб., одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендіею статскаго совѣтника Соколова».

11. (7-го октября 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Московскомъ университетѣ.*

Душеприказчикъ умершей вдовы сенатора, тайнаго совѣтника Долгополова, Юліи Карловны Долгополовой, представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія шесть тысячъ рублей, завѣщанныя ею на учрежденіе изъ процентовъ съ сего капитала одной стипендіи для студентовъ Московскаго университета, имени мужа ея, тайнаго совѣтника Федора Ивановича Долгополова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія о вышеизложенномъ, въ 7-й день октября сего года, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ означеннаго капитала одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендіею тайнаго совѣтника Федора Ивановича Долгополова».

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

14-го сентлбря 1874 года. (№ 12) *Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію:* директору училищъ Херсонской губерніи, статскому совѣтнику *Бьлому* — до 1-го октября 1874 года; наставнику Херсонской учительской семинаріи *Маркову* — до 24-го октября 1874 года; кандидату императорскаго Новороссійскаго университета *Эйкевичу* — до 15-го марта 1875 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: докторъ медицины Императорскаго Московскаго университета *Остроумовъ* и кандидатъ Императорскаго Харьковскаго университета *Эмтесковъ* — на два года, — первый съ зачетомъ въ сію командировку четырехмѣсячнаго заграничнаго отпуска.

Увольняется: помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ивановъ* — отъ должности почетнаго попечителя Александровской гимназій Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, по случаю назначенія его помощникомъ попечителя.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (12-го октября 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о своевременномъ доставленіи въ контрольныя палаты шнуровыхъ книгъ.*

Циркулярными предложеніями министерства, отъ 25 марта 1867 года за № 2206 и 22 іюля 1872 года за № 7870, было имѣнено въ обязанность начальствамъ учебныхъ заведеній и учреждений доставлять шнуровыя книги, для скрѣпы и засвидѣтельствованія, въ мѣстныя ревизіонныя учрежденія не позже, какъ за два мѣсяца до того времени, съ котораго должна начаться записка въ тѣ книги денежныхъ суммъ и казеннаго имущества, наблюдая при этомъ, чтобы означенныя книги были доставляемы въ ревизіонныя учрежденія въ надлежащемъ порядкѣ.

Нынѣ г. управляющій государственнымъ контролемъ сообщать министерству народнаго просвѣщенія, что установленныя правила, относительно времени присылки и порядка заготовленія шнуровыхъ книгъ, исполняются подвѣдомственными министерству управлениями далеко не въ подлежащей точности. Такъ, только незначительная часть шнуровыхъ книгъ поступаетъ въ контрольныя палаты своевременно и въ должномъ порядкѣ; огромное же большинство ихъ присылается въ палаты въ декабрѣ (и часто даже во второй его половинѣ) и притомъ или безъ шнура и надписей, — для кого и на какой предметъ книги предназначаются, — или же безъ постраничной нумераціи.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство вновь подтвердить ксѣмъ начальствамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній и учрежденій, къ неслѣдующему и точному исполненію, чтобы подлежащія утвержденію контрольныхъ палатъ шнуровыя книги доставлялись въ палаты, для скрѣпы и засвидѣтельствованія, никакъ не позже 1-го ноября и притомъ непременно съ постраничною нумераціею, съ шнуромъ и надписями о томъ, для какого управленія и на какой предметъ книга предназначается.

6. (12-го октября 1874 года). *Циркулярное предложеніе почетелямъ учебныхъ округовъ о составѣ экзаменныхъ комиссій для поступающихъ вольноопредѣляющимися въ военную службу.*

Въ п. 4 правилъ и программъ для производства испытаній въ учебныхъ заведеніяхъ лицамъ, желающимъ поступить въ военную службу вольноопредѣляющимися 3 разряда, на основаніи статей 171 и 173, пункта 3, устава о воинской повинности, сказано, что экзаменныя комиссіи въ каждомъ изъ именнованныхъ учебныхъ заведеній состоятъ: изъ предсѣдателя (начальника заведенія или инспектора) и, по крайней мѣрѣ, двоихъ преподавателей соотвѣтственнаго предмета въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, по избранію педагогическаго совѣта; а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ — по пазна-

ченію начальника заведенія, съ присоединеніемъ въ нихъ послѣднихъ еще двухъ членовъ, изъ коихъ одинъ по назначенію военно-окружнаго начальства, а другой изъ числа лицъ, принадлежащихъ къ строевому или воспитательному составу того заведенія.

Равнымъ образомъ въ п. 5 лѣт. б и д, а также въ формѣ экзаменнаго свидѣтельства отдѣльно упоминаются экзаменаторы и отдѣльно члены. На этомъ основаніи нѣкоторые начальники учебныхъ заведеній полагали, что въ составъ экзаменаціонной комиссіи должны входить, кромѣ предсѣдателя и двухъ экзаменаторовъ, еще и отдѣльные члены.

Хотя по точному смыслу приведеннаго п. 4 изложенное въ ономъ условіе о назначеніи въ экзаменныя комиссіи кромѣ двухъ преподавателей, еще двухъ членовъ можетъ касаться только военно-учебныхъ заведеній, по какъ неточность въ редакціи этой статьи можетъ ввести въ заблужденіе, какъ это дѣйствительно и вышло по одному изъ учебныхъ округовъ, то я полагаю необходимымъ измѣнить редакцію этой статьи, выяснивъ въ ней, что помянутое условіе касается только военно-учебныхъ заведеній.

Военное министерство, съ которымъ я входилъ въ сношеніе по сему предмету, увѣдомило меня нынѣ, что экзаменныя комиссіи въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія должны состоять изъ предсѣдателя и преподавателей, числомъ не менѣе двухъ, а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ къ означеннымъ лицамъ присоединяются еще два другіе члена; согласно чему и экзаменныя свидѣтельства должны быть подписываемы: въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія — предсѣдателемъ и двумя экзаменаторами, а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ — предсѣдателемъ, двумя членами и двумя экзаменаторами.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, покорнѣйше прося васъ предложить подлежащимъ учебнымъ заведеніямъ вѣреннаго вамъ учебнаго округа къ руководству и исполненію.

7. (19-го октября 1874 года). *Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Петра Манчета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ трехъ платежныхъ свидѣтельствъ государственнаго банка на $5\frac{1}{2}\%$ непрерывный доходъ по выкупу отъ 1-го сентября 1863 года за № 103.902, въ 300 руб., за № 103.903 въ 300 руб. и за № 104.446 въ 1.000 руб., пожертвованныхъ чиновниками управленія акцизными сборами Кіевской губерніи, учреждается при Кіевской 2-й гимназіи стипендія по 88 руб. въ годъ, съ наименованіемъ оной: «*стипендія надворнаго совѣтника Петра Емельяновича Манчета*».

2) Стипендія эта предоставляется одному изъ дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ кіевскаго акцизнаго управленія и выборъ стипендіата производится каждый разъ представителями отъ окружающихъ управленій и наличнымъ составомъ губернскаго акцизнаго управленія.

3) Избранное лицо не прежде можетъ получать означенную стипендію, какъ по выполненіи всѣхъ условій, требуемыхъ для поступленія въ гимназію. Въ равной мѣрѣ оно подчиняется всѣмъ правиламъ, дѣйствующимъ въ этомъ заведеніи, и по вѣбѣ изъ него по какимъ-либо причинамъ лишается получасмой стипендіи.

4) Стипендія выдается по ассигновкѣ по полугодно родителямъ, или лицамъ, на попеченіи коихъ стипендіатъ находится; при чемъ удерживается въ пользу гимназіи плата за право ученія стипендіата.

8. (9-го ноября 1874 года). *Правила о стипендіи тайнаго совѣтника Федора Ивановича Домополова при Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На завѣщанный вдовою тайнаго совѣтника Юліею Карловною Долгополовой, капиталъ въ шесть тысячъ руб. учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ стипендія.

2) Стипендія эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го октября 1874 г., именуется «стипендією тайнаго совѣтника (Федора Ивановича Долгополова)».

3) Стипендія учреждается для студентовъ всѣхъ факультетовъ.

4) Стипендія назначается факультетомъ съ утвержденія совета университета, одному изъ бѣдныхъ и отличныхъ студентовъ.

5) Стипендіаты, оставшіеся вторично на курсѣ, по какому бы то ни было случаю, лишаются стипендіи.

9. (26-го октября 1874 года). *Дополнительныя статьи къ правиламъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія.*

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія).

Нижесложенные статьи опредѣляютъ условія для пріобрѣтенія права на званіе учителя или учительницы: а) начальныхъ школъ для инородцевъ-христіанъ и инородцевъ-язычниковъ и б) начальныхъ школъ для Татаръ—магометанъ и учителя русскихъ классовъ при мектебе и медресе.

1) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя и учительницы начальной школы для крещеныхъ инородцевъ (какъ-то: Татаръ, Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ, Мордвы и т. п.), подвергаются испытанію, установленному на таковыя же званія въ русскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ правилами для спеціальныхъ испытаній, утвержденными министерствомъ народнаго просвѣщенія 15-го мая 1870 года. Сверхъ того, упомянутыя лица подвергаются испытанію изъ языка того инородческаго племени, для образованія котораго они себя посвящаютъ. Знаніе подлежащаго инородческаго языка должно состоять въ томъ, чтобы испытуемое лицо было въ состояніи свободно читать изданныя на этомъ языкѣ русскимъ шрифтомъ книги и отчетливо излагать устно свои мысли на этомъ инородческомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Удостовереніе въ такомъ знаніи пріобрѣтается посредствомъ пробныхъ уроковъ испытуемаго въ со-

отвѣтствующей инородческой школѣ. Примѣчаніе сіе относится и къ ст. 3-й.

2) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя или учительницы начальной школы для инородцевъ — язычниковъ, подвергаются испытаніямъ, указаннымъ въ предыдущей статьѣ, съ тѣмъ исключеніемъ, что на сихъ лицъ не распространяется испытаніе въ знаніи закона Божіа.

3) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя или учительницы начального училища для Татаръ-магометанъ, а равно званіе учителя русскихъ классовъ при мектебе, подвергаются испытанію, установленному на таковыя же званія въ русскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ вышепозванными правилами о спеціальныхъ испытаніяхъ 15-го мая 1870 года, за исключеніемъ испытанія въ законѣ Божіемъ. Сверхъ того, лица сии испытуются въ татарскомъ языкѣ, знаніе котораго должно состоять въ свободномъ чтеніи татарскихъ книгъ и въ умѣнн правильно излагать устно свои мысли на татарскомъ языкѣ.

4) Определенному въ предыдущей 3-й статьѣ испытанію подвергаются и тѣ лица, кои желаютъ пріобрѣсти званіе учителя русскихъ классовъ при медресе, но съ тѣмъ, чтобы лица сии, кромѣ того, по математикѣ или по русскому языку выдержали испытаніе, установленное для пріобрѣтенія званія учителя уѣзднаго училища правилами о спеціальныхъ испытаніяхъ 15-го мая 1870 года.

Примѣчаніе. Лица, выдержавшія такое испытаніе по обоимъ названнымъ предметамъ, то-есть, по математикѣ и по русскому языку, пользуются при опредѣленіи на должности предпочтеніемъ предъ тѣми, кои выдержали сіе испытаніе только по одному изъ названныхъ предметовъ.

5) Лица, имѣющія свидѣтельства на званіе учителя или учительницы русскаго начального народнаго училища и изъявившія желаніе получить право на преподаваніе въ инородческихъ училищахъ, поименованныхъ въ ст. 1, 2 и 3, подвергаются только установленному въ сихъ статьяхъ испытанію въ знаніи соотвѣт-

ственныхъ и породческихъ языковъ. Равнымъ образомъ лица, имѣющія свидѣтельства на званіе учителя уѣзднаго училища и желающія получить право на преподаваніе въ русскихъ классахъ при медресе, подвергаются лишь указанному выше испытанію въ татарскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Воспитанники Казанской учительской семинаріи и татарскихъ учительскихъ школъ Уфимской и Симферопольской, окончившіе въ сихъ заведеніяхъ курсъ съ аттестатомъ на званіе учителя, совершенно освобождаются отъ установленныхъ настоящими статьями испытаній.

6) Испытанія на званіе учителя или учительницы начального училища: для инородцевъ-христіанъ и язычниковъ производятся въ педагогическомъ совѣтѣ Казанской учительской семинаріи, при чемъ пробныя уроки даются испытуемыми въ одномъ изъ мѣстныхъ начальныхъ инородческихъ училищъ при семинаріи или въ опой, смотря по населенію, среди котораго предполагается учительская дѣятельность испытуемаго лица. Испытанія на званіе учителя или учительницы начальной школы для Татаръ-магометанъ и на званіе учителя русскихъ классовъ при мектебе и медресе производятся въ педагогическихъ совѣтахъ татарскихъ учительскихъ школъ въ Уфѣ и Симферополѣ, при чемъ пробныя уроки даются испытуемыми также въ мѣстныхъ татарскихъ-магометанскихъ училищахъ. Впрочемъ всѣ означенныя испытанія могутъ быть производимы какъ въ поименованныхъ выше мѣстахъ, такъ и въ испытательныхъ комитетахъ и педагогическихъ совѣтахъ, указанныхъ въ общихъ правилахъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія. При производствѣ испытаній въ сихъ послѣднихъ учрежденіяхъ пробныя уроки испытуемымъ даются также въ мѣстныхъ соотвѣтственныхъ инородческихъ училищахъ, при чемъ для удостовѣренія въ знаніи испытуемымъ подлежащаго инородческаго языка или нарѣчія приглашается лицо, знающее этотъ языкъ или нарѣчіе, каковое лицо пользуется правомъ голоса при обсужденіи объ удовлетворительности пробныхъ уроковъ.

10. (15-го октября 1874 года). *Правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбытіи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

І. Правила общія.

§ 1. Лица, желающія воспользоваться правомъ на выслугу сокращенныхъ сроковъ службы, установленныхъ п. 4-мъ ст. 56-й устава о воинской повинности, должны имѣть отъ мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта, а гдѣ его нѣтъ, отъ педагогическаго совѣта одного изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, поименованныхъ въ 1-мъ примѣчаніи къ сему §, свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, опредѣленнаго положеніемъ 14 іюля 1864 года, или курса другихъ училищъ 4-го разряда, поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 53-й устава о воинской повинности.

Примѣчаніе 1. Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ коихъ нѣтъ училищныхъ совѣтовъ, учрежденныхъ положеніемъ о народныхъ училищахъ 25 мая 1874 года, а есть уѣздныя училища, свидѣтельства выдаются педагогическими совѣтами сихъ училищъ; при чемъ лицамъ тѣхъ уѣздовъ, или округовъ, въ коихъ нѣтъ уѣздныхъ училищъ, свидѣтельства выдаются педагогическими совѣтами уѣздныхъ училищъ ближайшихъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, по назначенію губернскаго директора училищъ, или директора народныхъ училищъ губерніи, основанному на соглашеніи съ гражданскимъ начальствомъ и на мѣстныхъ условіяхъ. Въ губерніяхъ Киевской, Подольской и Волынской, въ коихъ нѣтъ уѣздныхъ училищъ, а есть двухклассныя городскія мужскія училища, по правамъ равнымъ уѣзднымъ, свидѣтельства выдаются училищными совѣтами сихъ городскихъ училищъ; причемъ, въ засѣданіяхъ этихъ совѣтовъ, по выдачѣ свидѣтельствъ, не принимаютъ участія надзирательницы мѣстныхъ женскихъ училищъ, входящія въ составъ совѣтовъ. Въ тѣхъ уѣздахъ сихъ губерній и другихъ мѣстностей, въ коихъ нѣтъ ни уѣздныхъ, ни городскихъ училищъ, а есть учительскія семинаріи или мужскія гимназіи и прогимназіи или реальныя училища министерства народнаго просвѣщенія, свидѣтельства выдаются педагогическими совѣтами сихъ заведеній, по назначенію Попечителя округа въ томъ случаѣ, когда тако-

выхъ заведеній будетъ въ одной мѣстности болѣе одного. Въ губерніяхъ Варшавскаго учебнаго округа свидѣтельства выдаются педагогическими совѣтами мѣстныхъ учительскихъ семинарій, а за неимѣніемъ ихъ, — педагогическими совѣтами мужскихъ прогимназій, по назначенію попечителя округа, съ участіемъ начальниковъ учебныхъ дирекцій.

Примѣчаніе 2. Въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ тѣхъ изъ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній, кои не имѣютъ прямого отношенія къ заведыванію народными училищами, по дѣламъ о выдачѣ названныхъ свидѣтельствъ участвуютъ мѣстные инспекторы народныхъ училищъ или другія лица, коимъ вѣршено ближайшее управленіе начальными училищами.

§ 2. Уѣздные училищные совѣты, а гдѣ ихъ нѣтъ — педагогическіе совѣты подлежащихъ учебныхъ заведеній, выдаютъ желающимъ свидѣтельства о знаніи курса, указаннаго въ 1 § сихъ правилъ, по надлежащемъ удостовѣреніи въ знаніи ими такого курса, на основаніи слѣдующихъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ выдачи свидѣтельствъ: I. лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ тѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ и школахъ, помѣнованныхъ въ приложеніи къ ст. 53 устава о воинской повинности, кои имѣютъ постоянное существованіе и не менѣе двухъ преподавателей: законоучителя и учителя, въ коихъ проходитъ курсъ ученія не ниже опредѣленнаго положеніемъ 14 іюля 1864 г. и въ коихъ обученіе производится лицами, имѣющими установленное свидѣтельство на знаніе учителя начального училища; и II. лицамъ, не учившимся въ училищахъ, означенныхъ въ 1 п. сего § или не окончившимъ въ нихъ курса, но выдержавшимъ особое испытаніе въ знаніи курса начального училища, а также лицамъ, окончившимъ курсъ въ какомъ бы то ни было училищѣ до изданія настоящихъ правилъ.

II. О порядкѣ выдачи свидѣтельствъ лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ, удовлетворяющихъ условіямъ, опредѣленнымъ въ п. 1 § 2.

§ 3. Въ степени знанія лицъ, оканчивающихъ курсъ въ училищахъ, указанныхъ выше въ 1 п. § 2, подлежащіе уѣздные училищные или педагогическіе совѣты удостовѣряются посредствомъ обычныхъ экзаменовъ, производимыхъ въ училищахъ предъ окончаніемъ курса ученія.

§ 4. Для сего уѣздные училищныя совѣты, а гдѣ ихъ нѣтъ, педагогическіе совѣты подлежащихъ учебныхъ заведеній составляютъ ежегодно, предъ началомъ учебнаго курса, списокъ начальнымъ училищамъ своей мѣстности, удовлетворяющимъ условіямъ, опредѣленнымъ въ п. 1 § 2, и публикуютъ этотъ списокъ во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и особыми объявленіями, которыя разсылаются въ городскія управленія и волостныя или другія, замяняющія ихъ, сельскія правленія.

Примѣчаніе. Педагогическимъ совѣтамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, кои не имѣютъ примаго отношенія къ управленію начальными училищами, означенные списки доставляются инспекторами сихъ училищъ или другими лицами, кои завѣдуютъ училищами.

§ 5. Съ приближеніемъ времени, когда оканчивается ученіе въ начальныхъ училищахъ и происходитъ обычныя экзамены для учениковъ училищъ, названные совѣты заблаговременно назначаютъ сроки для производства такихъ испытаній оканчивающимъ курсъ въ училищахъ, означенныхъ въ спискахъ, и о срокахъ, назначенномъ для каждаго училища, извѣщаютъ оное чрезъ мѣстное, городское или сельское начальство, независимо отъ публикаціи о семъ во всеобщее свѣдѣніе чрезъ губернскія вѣдомости.

§ 6. Времени для испытаній долженъ быть преимущественно послѣдній мѣсяцъ предъ окончаніемъ ученія въ училищахъ; но сроки испытаній въ отдѣльности по каждому училищу слѣдуетъ опредѣлять такимъ образомъ, чтобы, съ одной стороны, можно было окончить испытанія во всѣхъ училищахъ во времени прекращенія въ нихъ занятій, а съ другой, чтобы не встрѣтилось препятствія къ присутствованію на испытаніяхъ лицъ для того назначенныхъ.

§ 7. Одновременно съ опредѣленіемъ сроковъ для испытаній по училищамъ, совѣты дѣлаютъ распоряженія о назначеніи по одному изъ своихъ членовъ для присутствованія на сихъ испытаніяхъ въ каждомъ училищѣ.

§ 8. Совѣты, въ случаѣ затрудненія назначить своего члена для присутствованія на испытаніяхъ, назначаютъ для сего тѣхъ лицъ уѣзда, кои по ст. 41 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г., будутъ избраны въ помощь уѣзднымъ предводителямъ дворянства для наблюденія за сими училищами, или лицъ, состоящихъ въ званіи почетныхъ смотрителей, почетныхъ блюстителей,

а равно попечителей училищъ, если сіи послѣднія лица признаны будутъ со стороны совѣта соотвѣтствующими цѣли назначенія.

§ 9. Испытанія оканчивающимъ курсъ ученія въ вышеозначенныхъ училищахъ производятся въ каждомъ училищѣ изъ пройденнаго въ ономъ курса своими преподавателями, т. е. законоучителями и учителями, въ присутствіи лица, назначеннаго подлежащимъ совѣтомъ.

§ 10. Лица, означенныя въ § 8, могутъ, если пожелаютъ, присутствовать на испытаніяхъ съ правомъ голоса и въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ членовъ совѣта будетъ назначенъ для производства испытаній.

§ 11. Мѣстные инспекторы народныхъ училищъ и другія лица учебнаго вѣдомства, завѣдывающія сими училищами, обязаны, по возможности, посѣщать училища, въ коихъ производятся испытанія, въ самое время производства испытаній; кромѣ того, при осмотрѣ въ теченіе года училищъ, въ коихъ имѣютъ быть производимы испытанія, члены училищныхъ совѣтовъ и въ особенности инспекторы народныхъ училищъ и соотвѣтствующія имъ лица учебнаго вѣдомства обращаютъ преимущественное вниманіе на успѣхи учениковъ, оканчивающихъ курсъ, повѣряютъ знаніе такихъ учениковъ, и свѣдѣнія о нихъ сообщаютъ подлежащему училищному или педагогическому совѣту, съ оцѣнкою каждаго такого ученика.

§ 12. Ко дню испытанія учитель, завѣдывающій училищемъ, готовится (по образцу № 1) экзаменный списокъ ученикамъ, имѣющимъ окончить курсъ и подвергнуться экзамену.

§ 13. По прибытіи лица, назначеннаго подлежащимъ совѣтомъ для производства испытанія, въ каждомъ училищѣ образуется коммиссія: изъ сего лица, подъ его предсѣдательствомъ, законоучителя и учителя училища, а равно изъ лицъ, названныхъ въ § 8, если таковыя явятся.

§ 14. Мѣра требованій испытанія по каждому предмету опредѣляется объемомъ преподаннаго ученикамъ, но она не можетъ быть ниже программы, приложенной къ § 26. Тотъ признается выдержавшимъ испытаніе, кто вполне удовлетворитъ этия требованія.

§ 15. Лица, не выдержавшія удовлетворительно испытаніе въ первый разъ, могутъ быть допускаемы къ оному во второй разъ, но не иначе какъ черезъ годъ и при условіи, если они этотъ годъ пробудутъ въ томъ же училищѣ.

§ 16. Вопросы предлагаются экзаменуемымъ по выбору членовъ

комиссіи, а оцѣнка отвѣтовъ производится согласно § 31 III-го отдѣла настоящихъ правилъ.

§ 17. По окончаніи испытанія, комиссіею составляется протоколъ, который, вмѣстѣ съ экзаменнымъ спискомъ, представляется въ подлежащій училищный или педагогическій совѣтъ.

§ 18. Совѣтъ сей, разсмотрѣвъ экзаменный списокъ и заключеніе комиссіи, совмѣстно съ имѣющимися при дѣлахъ совѣта свидѣніями, упомянутыми въ § 11, для тѣхъ лицъ, поминovanýchъ въ списокѣ, которые будутъ признаны достойными свидѣтельствъ, изготовляетъ таковыя (по образцу № 2) и, записавъ ихъ въ особую книгу, составляемую совѣтомъ (по образцу № 3), высылаетъ сіи свидѣтельства въ училища по принадлежности, не позже 1 сентября.

Примѣчаніе. Печатные бланки для свидѣтельствъ приготовляются училищными совѣтами на ихъ канцелярскія суммы, а педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній снабжаются таковыми бланками изъ управленій учебныхъ округовъ.

§ 19. По полученіи свидѣтельствъ въ подлежащихъ училищахъ, записывающіе оными учителя записываютъ сіи свидѣтельства въ книгу, составляемую по образцу № 3, проставляютъ на свидѣтельствахъ нумера, подъ которыми они записаны въ книгѣ училища, и затѣмъ выдаютъ свидѣтельства по принадлежности удостоеннымъ оныхъ или ихъ родителямъ, а за неимѣніемъ послѣднихъ—родственникамъ, опекунамъ и вообще лицамъ, заступающимъ мѣсто родителей, подъ росписки получателей въ означенной книгѣ.

§ 20. Изложенныя въ предшествующихъ 3 — 19 §§ правила не простираются на губерніи, входящія въ составъ Варшавскаго учебнаго округа, гдѣ порядокъ выдачи свидѣтельствъ производится на основаніи послѣдующихъ параграфовъ.

III. О порядкѣ выдачи свидѣтельствъ лицамъ не учившимся или не окончившимъ курса въ училищахъ, означенныхъ въ п. 1 § 2, а равно окончившимъ курсъ ученія до изданія настоящихъ правилъ и всѣмъ лицамъ въ губерніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 21. Въ степени знанія лицъ, поминovanýchъ въ п. 2 § 2, а равно всѣхъ лицъ въ губерніяхъ Варшавскаго учебнаго округа, желающихъ воспользоваться льготою, присвоенною учебнымъ заведеніямъ 4-го разряда, подлежащіе уѣздные или педагогическіе совѣты удостоверяются посредствомъ особыхъ испытаній, для производства коихъ

открываются испытательныя комиссіи или при самыхъ совѣтахъ, или въ другихъ городскихъ, а также сельскихъ мѣстностяхъ губерніи или уѣзда, по усмотрѣнію совѣтовъ.

§ 22. Означенныя въ предыдущемъ параграфѣ лица, чтобы быть допущенными къ испытанію, должны: а) имѣть не менѣе 16-ти лѣтъ отъ роду и не выше призывнаго возраста и б) подать прошеніе въ подлежащій училищный или педагогическій совѣтъ, собственноручно написанное по образцу № 4, съ приложеніемъ удостовѣренія о личности и лѣтахъ отъ роду отъ городского управленія или волостнаго правленія, или же отъ полиціи, смотря по словію или званію и мѣсту жительства просителя.

§ 23. Испытательная комиссія составляется, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ подлежащаго училищнаго совѣта или педагогическаго совѣта, изъ законоучителя и учителя мѣстнаго народнаго училища, по выбору названнаго совѣта. Прочимъ членамъ совѣта, а равно и лицамъ, поименованнымъ въ § 8, гдѣ такими есть, предоставляется, по ихъ желанію, участвовать въ занятіяхъ испытательной комиссіи съ правомъ голоса. Въ случаѣ значительнаго числа желающихъ экзаменоваться, можетъ быть образовано нѣсколько комиссій вышеозначеннаго состава въ данномъ уѣздѣ или губерніи.

§ 24. Испытанія производятся два раза въ годъ, по возможности только въ теченіе зимнихъ и лѣтнихъ вакацій, когда учителя начальныхъ народныхъ училищъ и члены педагогическаго совѣта, назначаемые въ испытательныя комиссіи, свободны отъ своихъ прямыхъ занятій. Но если по ближайшимъ мѣстнымъ соображеніямъ не представится особыхъ затрудненій къ производству испытаній и въ учебное время, то сіе не воспрепятствуетъ. О времени и мѣстѣ открытія испытательныхъ комиссій училищный или педагогическій совѣтъ публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщаетъ печатными объявленіями подлежащимъ городскимъ управленіямъ и волостнымъ правленіямъ. О назначеніи же тѣхъ или другихъ лицъ въ составъ комиссій дѣлается извѣстнымъ по возможности не задолго до начала испытаній.

§ 25. Ко дню испытанія, учитель, назначенный въ испытательную комиссію, приготовляетъ (по образцу № 5) экзаменныя спискиъ лицамъ, допускаемымъ къ испытанію.

§ 26. Испытаніе производится по приложеннымъ къ сему (№ 6) программамъ и раздѣляется на письменное и устное.

§ 27. Письменное испытаніе состоитъ въ слѣдующемъ: а) по выбору комиссіи диктуется учителемъ небольшой отрывокъ изъ какой нибудь книги для чтенія и б) предлагается экзаменуемымъ рѣшить двѣ ариѳметическія задачи, по назначенію комиссіи, съ цѣлью опредѣлить знакомство ихъ съ 4-ми ариѳметическими дѣйствіями надъ цѣлыми числами и узнать, на сколько у нихъ развито соображеніе для приложенія этихъ дѣйствій къ рѣшенію несложныхъ практическихъ задачъ.

§ 28. На представленныхъ письменныхъ работахъ члены комиссіи отмѣчаютъ ошибки и затѣмъ комиссія, оцѣнивъ достоинство ихъ, выставляетъ въ экзаменномъ спискѣ соотвѣтственные отмѣтки словами и цифрами, по 5-балльной системѣ.

Примѣчаніе 1-е. 5 означаетъ отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—не совсѣмъ удовлетворительно и 1—неудовлетворительно.

Примѣчаніе 2-е. Отмѣтки по чистописанію комиссія представляетъ на основаніи письменныхъ работъ.

Примѣчаніе 3-е. Письменная работа признается удовлетворительною, если продиктованный отрывокъ написанъ четко и скорописью безъ ливеекъ и безъ пропуска или искаженія продиктованныхъ словъ; отъ письменнаго же рѣшенія ариѳметическихъ задачъ требуется правильное пониманіе смысла задачи и правильное производство соотвѣтственныхъ вычисленій, причемъ письменное разъясненіе предложенныхъ задачъ не требуется.

§ 29. Къ устному испытанію допускаются только лица, получившія по предметамъ испытанія письменнаго отмѣтку не ниже: „удовлетворительно“

§ 30. Предметы устнаго испытанія слѣдующіе: а) законъ Божій (молитвы и священная исторія), б) толковое чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, в) первыя четыре дѣйствія ариѳметики.

Примѣчаніе. Иновѣрцы испытанію по закону Божію не подвергаются.

§ 31. Каждый членъ комиссіи оцѣниваетъ въ своемъ спискѣ соотвѣтственнымъ балломъ знанія экзаменуемыхъ по каждому предмету; по окончаніи отвѣтовъ испытываемаго по извѣстному предмету, председатель тотчасъ дѣлаетъ изъ общей сложности балловъ средній выводъ и полученный средній баллъ цифрами и словами заноситъ въ общій экзаменныя списки; образующіяся при этомъ дроби, половина

и болѣе половинны, принимаются за единицу, а менѣе половинны отсѣкаются.

§ 32. Отвѣчавшіе неудовлетворительно по одному изъ предметовъ устнаго испытанія считаются не выдержавшими испытанія, но нѣтъ, а равно и не выдержавшимъ письменнаго испытанія, предоставляется право явиться къ испытанію въ другой разъ, но не ранѣе какъ черезъ годъ.

§ 33. По окончаніи испытанія, комиссіею составляется протоколъ, который вмѣстѣ съ экзаменнымъ спискомъ представляется въ подлежащій училищный совѣтъ или въ педагогическій совѣтъ.

§ 34. Совѣтъ сей, рассмотрѣвъ экзаменныи списокъ и заключеніе испытательной комиссіи, выдаетъ безъ замедленія свидѣтельство (по образцу № 2) тѣмъ изъ экзаменовавшихся, которые будутъ признаны достойными такого свидѣтельства. Предъ выдачею, свидѣтельства вписываются въ особую книгу и на нихъ проставляется нумеръ, какъ указано въ § 19.

§ 35. Настоящія правила вводятся въ дѣйствіе на два года, въ видѣ опыта.

Образецъ № 2
къ § § 18 и 34.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Такой-то уѣздный Учительный Совѣтъ (или Педагогическій Совѣтъ *такого-то* учебнаго заведенія) сими удостоверяетъ, что *такой-то* (обозначить: имя, отчество и прозваніе или фамилію, сословіе, или званіе, общество въ коемъ числится, если принадлежитъ къ сословіямъ, вписаннымъ въ ревизскія сказки, а въ противномъ случаѣ—мѣсто рожденія, годъ, мѣсяцъ и день рожденія) успѣшно окончилъ курсъ ученія въ такомъ-то училищѣ (или выдержалъ испытаніе въ знаніи курса начальнаго народнаго училища), а потому имѣетъ право на льготу, установленную пунктомъ 4-мъ статьи 56-й Устава о вольской повинности. Выдано *такого-то* числа, мѣсяца и года.

№ $\frac{000}{00}$ / Совѣта
училища.

Подписи Членовъ Совѣта.

(Печать Предсѣдательствовавшаго въ Совѣтѣ).

Образецъ № 3
къ §§ 18 и 19.

К Н И Г А

для записки свидѣтельствъ, выданныхъ на право пользованія льготою,
установленною п. 4 ст. 56 Устава о воинской повинности.

№ по порядку.	Кому свидѣтельство выдано, съ обозначеніемъ свѣдѣній о немъ, прописанныхъ въ свидѣтельствѣ.	Годъ, мѣсяцъ и день выданъ свидѣтельства.	Росписка получившаго свидѣтельство.

Образецъ № 4

къ § 22.

Въ такой-то уѣздный Училищный Совѣтъ (или Педагогическій Совѣтъ такого-то учебнаго заведенія).

Желая воспользоваться льготой, установленною пунктомъ 4-мъ ст. 56-й Устава о воинской повинности, прошу подвергнуть меня испытанію въ знаніи курса начальнаго народнаго училища. Къ сему прилагаю удостовѣреніе о моей личности и о лѣтахъ.

Подпись (имя, отчество, фамилія или прозвище и сословіе или званіе).

Годъ, мѣсяцъ и число.

Мѣсто жительства.

Образец № 5
къ § 25

С П И С О К Ъ

лицамъ, подписавшимъ испытанію въ званіи курса начального народнаго училища, въ такоть-то мѣсяцъ, такого-то года.

№ № по порядку.	Прозвище или фамилия, имя и отчество.	Сословіе или званіе, съ объясненіемъ о лицѣхъ купеческаго или мѣщан- скаго сословія — въ какому городу приписаны, о крестьянахъ, каковаго уѣзда, въ какой волости и въ какому сельскому обществу принадлежать, а о лицахъ прочихъ сословій и за- вѣній — мѣсто рожденія.	Вѣроисповѣданіе.	Лѣтъ, мѣсяцъ и день рожденія.	По русскому языку. По арметикѣ. По чистописанію.	Заключеніе комиссіи относительно допущенія или не допущенія къ продолженію иснанія.	Оцѣнка письмен- ныхъ отвѣтовъ.	Оцѣнка устныхъ отвѣтовъ. По закону Божію. По русскому языку. По арметикѣ.	Имя о т ч.	Оплатѣ, ли комиссіи достоинствъ, получить свѣдѣтельство.

Подписи: Предсѣдатели и Члены Комиссіи, съ обозначеніемъ знанія каждаго изъ нихъ.

Приложеніе № 6 къ § 26.

Программы для испытанія лицъ, желающихъ приобрести свидѣтельство въ знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, помѣнованныхъ въ приложеніи къ ст. 53-й Устава о воинской повинности.

I. Законъ Божій.

а) *Молитвы, съ объясненіемъ содержанія, а также отдѣльныхъ словъ и выраженій ихъ:*

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Господи Іисусе Христе. Слава Тебѣ, Боже. Царю небесный. Святый Боже. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу. Пресвятая Троица. Отче нашъ. Молитва предъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Къ Тебѣ Владыко, Человѣколюбче, отъ сна возставъ, прибѣгаю. Достойно есть, яко во истину. Богородице Дѣво, радуйся. Символъ вѣры и десять заповѣдей.

б) *Краткая священная исторія вѣстаго и новаго завета.*

1) Сотвореніе міра и человѣка. Грѣхопаденіе первыхъ людей; обѣтованіе о Спасителѣ и наказаніе за грѣхъ. Всемирный потопъ. Непочтительность Хама къ отцу. Столпотвореніе Вавилонское и разсѣяніе народовъ. Призваніе Авраама и жертвоприношеніе Исаака. Исторія Іосифа. Рожденіе и призваніе Моисея. Исходъ Евреевъ изъ Египта. Синайское законодательство. Вступленіе Израильтявъ въ землю обѣтованную. Краткое понятіе о временахъ судей израильскихъ. Избраніе Саула на царство и отверженіе его Богомъ. Побѣда Давида надъ Голиафомъ. Воцареніе Давида; устройство имъ новой скинии и перенесеніе въ нее ковчега завета. Мудрость Соломона; построеніе имъ храма Іерусалимскаго. Раздѣленіе Израильтявъ на два царства и паденіе того и другаго. Понятіе о пророкахъ; событія изъ жизни пророковъ: Іліи, Елисея и Даниила.

2) Разказъ событій изъ священной исторіи новаго завета, празднуемыхъ православною церковью: Рождество Богородицы; Введеніе во храмъ; Благовѣщеніе Пресвятыя Дѣвы. Рожденіе Предтечи. Рождество Іисуса Христа; поклоненіе волковъ; срѣтеніе Господа Симеономъ и Анною во храмѣ. Крещеніе Іисуса Христа. Преображеніе Господне; воскрешеніе Лазаря; входъ Господень во Іерусалимъ; тайная вечеря; страданія, смерть, погребеніе, воскрешеніе и вознесеніе Іисуса Христа. Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ. Успеніе Богоро-

дицы и обрѣтеніе креста Господня. Сверхъ того: понятіе о притчахъ, притча о милосердномъ Самарянинѣ. О чудесахъ Христовыхъ, укрощеніе бури и исцѣленіе бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской.

II. Русскій языкъ.

Чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати.

Отъ экзаменующагося требуется, чтобы онъ читалъ по доступной его понятіямъ, не знакомой ему книгѣ, правильно, бѣгло, со смысломъ. Затѣмъ онъ долженъ передать прочитанное своими словами послѣдовательно и, по меньшей мѣрѣ, по предлагаемымъ ему экзаменаторами вопросамъ, исчерпывая по возможности все содержаніе статьи. Кромѣ того, онъ долженъ прочесть какую-нибудь четкую рукопись. Для чтенія по книгѣ гражданской печати можетъ быть предлагаема какая бы то ни была книга, заключающая повѣствованіе или описаніе, изъ числа одобренныхъ для начальныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія; для чтенія же по-славянски должно быть предлагаемо Евангеліе на церковно-славянскомъ языкѣ, или же какая-нибудь изъ Богослужебныхъ книгъ.

III. Письмо.

Экзаменующійся долженъ уметь написать диктуемый отрывокъ, который предварительно долженъ быть имъ прослушанъ, четко, скорописью (средней скорости) и притомъ безъ пропуска и искаженія словъ; при этомъ онъ долженъ уметь отдѣлять предложенія знаками препинанія.

IV. Арифметика.

Первыя четыре дѣйствія арифметики.

Отъ экзаменующагося требуется знаніе первыхъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами и умѣнье приложить это знаніе къ рѣшенію несложныхъ практическихъ задачъ, встречающихся въ житейскомъ быту. Онъ долженъ имѣть отчетливое понятіе о русскихъ мѣрахъ длины, вѣса, времени, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ и монетъ.

Примѣчаніе. Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ употребляютъ программы, одобренныя г. министромъ народнаго просвѣщенія въ предложеніи попечителю округа отъ 22-го декабря 1873 года за № 13582.

11. (12-го октября 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ учебныя заведенія «Международныхъ Словарей» г. Макарова.*

Определеніемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, мною утвержденнымъ, постановлено: *Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній*, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія *Н. Макаровымъ* (части французско-русская и русско-французская) признать заслуживающими высокой чести посвященія Августѣйшему Имени Государя Императора и предпочтительной передъ другими словарями рекомендаціи, какъ учебнаго пособия, для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

На посвященіе этихъ словарей Августѣйшему Имени Государя Императора послѣдовало, по всеподданнѣйшему моему докладу, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ этихъ словарей, которые, при особенной ихъ полнотѣ, отличаются и рѣдкою дешевизною, при чемъ для учебныхъ заведеній дѣлается еще уступка въ 20%,—долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить особенное вниманіе начальствъ подѣлдомственныхъ вамъ заведеній на приобрѣтеніе означенныхъ словарей для сихъ заведеній предпочтительно предъ всѣми другими подобнаго рода изданіями.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

14-го сентября 1874 года (№ 18). *Утверждаются:* докторъ медицины *Пашутинъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ общей патологій, съ 27-го мая 1874 года; наставникъ-руководитель гимназій при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Гаазе*—директоромъ Псковской гимназій, съ 31-го августа 1874 года;

инспекторъ Могилевской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Тупиловъ*—директоромъ Динабургскаго реальнаго училища; отставной статскій совѣтникъ *Григорьевъ*—директоромъ учительской семинаріи въ селѣ Поливановѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, съ 12-го августа 1874 года; инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Воршевъ*—директоромъ народныхъ училищъ сей губерніи, съ 24-го августа 1874 года; директоръ Псковской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вережкинъ*—директоромъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, съ 31-го августа 1874 года.

Назначается: инспекторъ Мозырской четырехклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Носовичъ*—исправляющимъ должность директора Мозырской шестиклассной прогимназіи.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: дѣйствительный студентъ Демидовскаго юридическаго лица Александръ *Талантовъ*, съ прикомандированіемъ для запятій къ департаменту народнаго просвѣщенія.

Продолжается срокъ отпуска: почетному попечителю Анапьевской мужской прогимназіи *Корбе*—въ С.-Петербургъ, на двадцать два дня; ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Бекетову*—за границу, на двадцать пять дней.

Увольняются въ отпускъ, по Россіи: директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Гвайта*—на семь дней, въ Либау; *за границу:* директоръ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Померанцевъ* и директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ *Кирхнеръ*—на четырнадцать дней; изъ нихъ первый по болѣзни; причисленный къ Варшавскому учебному округу *Шнабель*—на пятнадцать дней; помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ивановъ*—на двадцать восемь дней; старшій писмоводитель канцеляріи конференціи Императорской Академіи Наукъ, коллежскій ассессоръ *Сомовъ*—на одинъ мѣсяцъ; почетный попе-

читель Зарайскаго реального училища, генералъ-маіоръ *Дивовъ* — на четыре мѣсяца.

Увольняются отъ службы за выслугою сроковъ: директоръ Динабургскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Невзоровъ*, и инспекторы народныхъ училищъ губерній: Рязанской, статскій совѣтникъ *Смирновъ* и Калужской, надворный совѣтникъ *Копаницкій*; послѣдніе двое съ 28-го августа 1874 года, Невзоровъ же съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: начальнику Мѣховскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, полковнику *Орлу*, бывшему предсѣдателю Курскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, мировому посреднику *Ребиндеру* и Курскому городскому головѣ *Устиновичу*—за усердіе ихъ къ пользамъ народнаго образованія; учителю 2-й Казанской гимназіи *Ислентьеву*—за добросовѣстные и полезныя труды его по занимаемой имъ должности.

А

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги

1) составленныя *Г. Острогорскимъ*: а) «*Хронологія всеобщей и русской исторіи*. Курсъ эпизодическій III-го и IV-го классовъ гимназій и прогимназій; б) *Хронологія всеобщей и русской исторіи*. Курсъ систематическій. Выпускъ I. Средняя исторія (курсъ V-го класса) и в) *Курсъ всеобщей и русской исторіи*. Курсъ систематическій. Выпускъ II — новая исторія (для VI и VII классовъ гимназій)» — одобрить какъ полезное пособіе при изученіи исторіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

2) «*Природа*, популярный естественно-историческій сборникъ.

•

Книга 2. Москва. 1864 г., составилъ *Сабантеевъ*» — одобрить для библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

3) «*Очеркъ ученія православной вѣры. Пособіе къ усвоенію истинъ, изложенныхъ въ пространномъ христіанскомъ катихизисѣ православной каволической церкви. Составилъ законоучитель 1-го военнаго Павловскаго училища протоіерей Іоаннъ Заркевичъ. С.-Петербургъ, 1873 года*» — допустить согласно опредѣленію свѣтѣйшаго синода отъ ^{21-го февраля}_{5-го марта} сего года къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ VII классѣ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

4) Составленныя *А. Лева*: а) «*Наглядная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. С.-Петербургъ, 1873 года, in 8, стр. 284, цѣна 65 коп.*» — допустить въ библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также учительскихъ семинарій; б) «*Начальныя основанія геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ, въ 3-хъ частяхъ in 8. С.-Петербургъ, 1872 г.*» — одобрить какъ пособіе для гимназій и реальныхъ училищъ.

5) «*Способъ къ обученію скорописи, А. Верре, преподавателя Николаевскаго сиротскаго института; второе изданіе, исправленное и дополненное. Москва 1874 г.*» — одобрить какъ руководство при обученіи скорописи.

6) Изданіе *Ильина*: а) «*Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи*» — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій; б) «*Атласъ полнаго гимназическаго курса*» — одобрить для употребленія въ гимназіяхъ.

7) «*Практическій курсъ элементарной статистики латинскаго языка въ соединеніи съ изученіемъ синонимики, составленный по Шпендею, преподавателями древнихъ языковъ Костромской гимназіи Л. Куличикимъ и В. Демидовымъ. Выпускъ первый. Москва. 1874 г. Цѣна 80 коп.*» — одобрить какъ полезное учебное пособіе при изученіи латинскаго языка въ VI классѣ и въ младшемъ отдѣленіи VII класса гимназій, а также для пользования какъ руководствомъ, подготовляющимъ къ употребленію

въ старшемъ отдѣленіи VII класса одобренной и удостоенной Петровской преміи книги г-на Фохта «Матеріалы для упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій».

8) «*Лекціи по исторіи римской литературы*, читанныя въ университетѣ св. Владимира, ординарнымъ профессоромъ В. П. Модестовымъ. Курсъ первый. Отъ начала римской литературы до эпохи Августа. Киевъ 1873 г. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій и прогимназій.

9) Изданіе: «*Исторія римской литературы въ таблицъ*. Составилъ (по Фрейнду) А. Захарбековъ, инспекторъ Владимірской гимназіи. Владиміръ, 1874 года. Цѣна 25 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій и прогимназій.

10) «*Руководство къ переводамъ на греческій языкъ Э. Бергера и Г. Гейделберга*, обработанное для русскихъ гимназій Я. Левенштейномъ, преподавателемъ 2-й Московской гимназіи. Москва 1874 года» — допустить къ употребленію какъ руководство въ V классѣ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

11) «*Учебникъ русской словесности для учениковъ V-го класса гимназій, съ приложеніемъ хрестоматіи*. Составилъ П. Смирновскій. Учебникъ заключаетъ въ себѣ: 1) Изложеніе основныхъ началъ теоріи словесности и 2) Изложеніе элементарныхъ свѣдѣній изъ логики. С.-Петербургъ, 1874 г. Цѣна 60 к.»—одобрить какъ пособіе при изученіи словесныхъ произведеній.

12) Составленные К. Кюссе: «*Нѣмецкую грамматику для русскихъ гимназій и реальныхъ училищ*. С.-Петербургъ 1874 года, и *Учебный нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка*. Пособіе для учащихся. С.-Петербургъ 1874 года»—рекомендовать грамматику какъ руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а словарь какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка для тѣхъ же учебныхъ заведеній.

13) Составленные И. Балицкимъ: «*Избранные отрывки изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка древняго и новаго для гра-*

матическаго разбора, со свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ, съ палеографическими снимками греческихъ текстовъ и словаремъ. С.-Петербургъ 1874 г.»—одобрить какъ учебное пособіе при изученіи церковно-славянскаго языка въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

14) Изданія А. Добрякова: а) «*Историческія таблицы*. Подробный историческій конспектъ. Учебное пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ 1-й. *Древняя исторія. I. Восточные народы. II. Греки. III. Римляне*. 2-е исправленное изданіе. С.-Петербургъ 1874 г. Цѣна 25 коп.» б) «*Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ*. С.-Петербургъ 1874 г. Цѣна 40 коп.»—одобрить для употребленія въ качествѣ пособій при преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

15) «*Географическія таблицы. Обзорніе европейскихъ государствъ*. Курсъ III класса. Составилъ Г. О. Лыткинъ. С.-Петербургъ 1874 г.»—рекомендовать какъ полезное пособіе при преподаваніи географіи въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

16) Брошюру изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ, подъ заглавіемъ: «*О грозѣ Н. П. Жиховскаго*. С.-Пб. 1874 г. Цѣна 10 коп.»—одобрить для народныхъ школъ и вообще для народнаго чтенія.

17) Брошюру изъ народныхъ чтеній въ Соляномъ городкѣ, подъ заглавіемъ: «*Объ апоплексіи мозга или пострѣль*. Д-ра Н. Ф. Глинскаго. С.-Пб. 1874 г. Цѣна 10 коп.»—рекомендовать для библіотекъ народныхъ училищъ.

18) Книгу: «*Новая Зеландія и Океанія или острова Южнаго моря*. Соч. Кристиана и Оберлендера. Съ двумя картами и рисунками. Переведено съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1874 г.»—одобрить какъ не бесполезную для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для старшихъ трехъ классовъ.

19) Брошюру: «*О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земле-*

дѣльца и льсовода. П. А. Аникиѣва. Чтеніе для народа. Избрано комиссіею къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, произходившихъ въ Солянѣмъ городѣ. С.-Петербургъ, 1874 г. — одобрить для народныхъ училищъ и книжныхъ складовъ.

20) Брошюра: *«Какъ разводить ленъ и какъ увеличить сборы съ разныхъ постоновъ. Н. П. Казанскаго. Изданіе Высочайше учрежденной комиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб., 1864 г.»* — можетъ быть рекомендована для чтенія въ сельскихъ школахъ и для библиотекъ народныхъ училищъ.

21) Книгу: *«Греко-латино-русскій словарь къ сочиненію Ксенофонта Кірова Анабасисъ, составленный П. Тихомировичемъ. Харьковъ, 1874 г.»* — одобрить какъ весьма полезное для спеціальной его цѣли учебное пособіе по греческому языку для тѣхъ классовъ гимназій, въ которыхъ предполагается чтеніе Анабазиса Ксенофонна.

22) Книгу: *«Синтаксисъ латинскаго языка. По нѣмецкимъ источникамъ, составилъ Э. Кесслеръ. С.-Пб., 1874 г.»* — рекомендовать какъ руководство по латинскому языку для высшихъ классовъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

1) Книгу Н. Потулова, подъ заглавіемъ: *«Руководство къ практическому изученію древняго Богослужебнаго пѣнія православной російской церкви. Москва, 1873 г.»* — рекомендовать какъ учебное руководство при обученіи пѣнію для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

2) Брошюру: *«Народныя чтенія въ Солянѣмъ городѣ. А. В. Кольцовъ и ея пѣсни. Сост. М. П. Паруновъ. Съ 4-мя раскра-*

ненными картинами. Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб., 1874 г., in 8, стр. 27. Цѣна 10 коп.—допустить въ народныя библіотеки.

3) Брошюры: «Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ. Труды комиссіи педагогическаго отдѣла музея прикладныхъ знаній по составленію чтеній для народа. С.-Пб. 1873 г. 1) *О томъ, какого вида земля и какъ велика она. Н. Б. Медера*, и 2) *Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. Н. Б. Медера*. Цѣна 10 коп.—одобрить для библіотекъ и для употребленія въ народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

4) Брошюра подъ заглавіемъ: «*Задачи практическаго счета для швейцарскихъ народныхъ школъ, составленные и. Церингеромъ и передѣланныя для употребленія въ русскія народные школы Ш. Щукинымъ*. С.-Пб., 1873 г., въ 12 дол.»—I, II, III тетради означенныхъ задачъ могутъ быть допущены къ употребленію въ русскія народные школы.

5) Книги подъ заглавіями: 1) *Троице-Сергіева лавра. Историческій очеркъ. Т. Толмачевой*. С.-Пб., 1873 г. Цѣна 10 коп.» 2) «*Приключенія Робинзона Крузе. А. Н. Яхонтова*. С.-Пб., 1874 г., № 10. Цѣна 25 коп.»—могутъ быть допущены въ школы и 3) «*Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана*. Соч. В. А. Жуковскаго. С.-Пб. 1874 г. Цѣна 10 коп.»—можетъ быть вполне одобрена для употребленія въ школахъ.

6) *Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго отдѣловъ*. Составилъ К. А. Шмидтъ. С.-Петербургъ, 1874 г.—допустить въ библіотеки учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

7) «*Сборникъ арифметическихъ задачъ* Изданіе 6-е, часть II. Составилъ В. Ештуевскій. С.-Пб., 1874 г.»—допустить какъ пособіе при преподаваніи арифметики въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

8) Книга: «*Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ* (для учащихся), подъ редакціею Петра Вейнберга. (Съ примѣчаніями

и біографіями). Выпускъ I. *Гете*. С.-Петербургъ, 1874 г. Цѣна 50 к.—допустить для ученическихъ бібліотекъ гимназій и реаль-ныхъ училищъ.

9) Книга: *«Отечественная война 1812 года и Кутузовъ. Е. Желябужская»*. Изданіе народнаго журнала *«Грамотей»*. Москва 1873 года. Цѣна 50 коп.—допустить къ приобрѣтенію для бібліотекъ народныхъ, городскихъ училищъ и прогимназій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, во время проѣзда Его Величества чрезъ г. Харьковъ, 24-го минувшаго августа, въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, изволилъ обратиться къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа съ вопросами: 1) начались ли лекціи въ учебныхъ заведеніяхъ округа, и 2) сколько учащихся въ Харьковской женской гимназій. На первый вопросъ тайный совѣтникъ Воскресенскій отвѣчалъ, что въ гимназіяхъ экзамены и ученье начались съ первыхъ чиселъ августа, а въ университетѣ съ 16-го по 20-е производились повѣрочныя испытанія, а съ 20-го начались лекціи. Передъ отъѣздомъ Его Императорское Величество соизволилъ разрѣшить тридцати воспитанницамъ женской гимназій представиться Августѣйшей покровительницѣ заведенія, Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. На другой день, 25-го августа, въ часъ пополудни воспитанницы гимназій имѣли счастье представиться Государынѣ Императрицѣ, а въ 4½ часа — Государю Императору. Ихъ Императорскія Величества изволили обратить милостивое вниманіе на начальницу гимназій и воспитанницъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 7-й день октября, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку портрета сего сіятельства графа Дмитрія Андреевича Толстаго въ рекреационномъ залѣ Казанской второй гимназій.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 31-й день августа, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Екатеринбургской гимназіи портрета покойнаго директора этой гимназіи Предтеченскаго.

Педагогическій совѣтъ Николаевской Мариинской женской гимназіи, единодушно желая сохранить память о посѣщеніи Ею Императорскимъ Величествомъ этой гимназіи 27-го августа 1874 г., опредѣлилъ: день и часъ этого посѣщенія занести золотыми буквами на мраморную доску, которую и поставить въ приемной залѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день минувшаго октября, Высочайше соизволилъ на приращеніе изложеннаго ходатайства педагогическаго совѣта упомянутой гимназіи въ исполненіе.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ г. министру народнаго просвѣщенія, что курское городское общество, постановивъ открыть въ г. Курскѣ, на средства города, двухклассное бесплатное женское училище, въ память бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Александровны съ Ею Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Альфредомъ Эднбургскимъ, обратилось съ ходатайствомъ о наименованіи этого училища «Маринскимъ» въ честь Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу объ этомъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день минувшаго октября, Высочайше на сіе соизволилъ.

— Военный губернаторъ Амурской области донесъ главному управленію Восточной Сибири, что жители этой области, желая увѣковѣчить память о посѣщеніи Ею Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ Амурскаго края, ходатайствуютъ о разрѣшеніи учредить

въ г. Благовѣщенскѣ женскую школу Имени Его Высочества, на средства этого города.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу объ этомъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день минувшаго октября, Высочайше на сіе соизволилъ.

— Г. попечитель Московскаго учебнаго округа, князь Н. П. Мещерскій, изъявилъ желаніе ежегодно жертвовать, пока онъ будетъ состоять попечителемъ Московскаго учебнаго округа, по *двѣсти пятидесяти* руб. на устройство и содержаніе въ университетской клиникѣ двухъ кроватей для больныхъ изъ недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ совѣту университета принять означенное ежегодное пожертвованіе, съ употребленіемъ оного по назначенію и выразилъ князю Н. П. Мещерскому искреннѣйшую благодарность за этотъ новый знакъ его просвѣщеннаго вниманія къ нуждамъ нашихъ учебныхъ заведеній.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять 5% банковый билетъ въ *одну тысячу* руб., пожертвованный умершимъ генералъ-маіоромъ *Грековымъ*, въ неприкосновенный капиталъ Новочеркасской гимназіи, для выдачи процентовъ съ означенной суммы бѣднымъ ученикамъ названной гимназіи.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть два низшіе класса при Саранульскомъ реальномъ училищѣ на счетъ мѣстнаго земства.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, съ начала будущаго 18^{75/76} учебнаго года, за обученіе въ Ларинской гимназіи по *тридцати* рублей въ годъ съ учениковъ приготовительнаго класса и по *пятидесяти* рублей въ годъ съ учениковъ прочихъ классовъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ для учениковъ евангелическо-лютеранскаго и римско-католическаго исповѣданій Николаевской Царскосельской гимназіи ввести преподаваніе закона Божія сихъ исповѣданій.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести

для учениковъ лютеранскаго исповѣданія Казанской третьей гимназіи обученіе закону Божію этого исповѣданія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ Прилуцкой прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *восьми* руб., а въ прочихъ классахъ по *двадцати* руб. и въ Суражской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *пяти* руб., а въ первомъ классѣ по *десяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть параллельное отдѣленіе при одномъ изъ низшихъ классовъ Кронштадтскаго реальнаго училища.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ для учениковъ Моисеева закона Мелитопольскаго реальнаго училища ввести преподаваніе закона Божія этого исповѣданія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за обученіе въ Ахтырской прогимназіи по *восьми* руб. въ годъ съ каждаго ученика приготовительнаго класса, и по *двадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика прочихъ классовъ.

— Вслѣдствіе представленій попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Казанскаго, Виленскаго и Варшавскаго, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе: въ прогимназіяхъ: 5-й С.-Петербургской—въ приготовительномъ классѣ по 25 руб., а въ прочихъ классахъ по 35 руб., Вольской—въ приготовительномъ классѣ по 10 руб., а въ прочихъ классахъ по 15 руб., и Брестской—въ приготовительномъ классѣ по 18 руб., а въ прочихъ классахъ по 25 руб., и въ реальныхъ училищахъ: Варшавскомъ по 30 руб., Влоцлавскомъ и Ловичскомъ по 20 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ С.-Петербургской 6-й прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двадцати-шести*, а въ прочихъ классахъ по *сорока* рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ приготовительномъ классѣ Николаевской Цар-

скосельской гимназіи *по двадцати руб.* въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ Одесской "второй прогимназіи:" въ приготовительномъ классѣ *по двадцати пяти руб.*, а въ прочихъ классахъ *по сорока руб.* въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести въ Одесскомъ реальномъ училищѣ преподаваніе закона Божія римско-католическаго исповѣданія, для учениковъ сего исповѣданія, съ производствомъ законоучителю *по семисотъ пятидесяти рублей* въ годъ, изъ специальныхъ средствъ названнаго учебнаго заведенія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ для учениковъ римско-католическаго исповѣданія Псковскаго реальнаго училища, ввести преподаваніе закона Божія этого исповѣданія, съ платою за таковой трудъ ксендзу *Болтуновичу по пятидесяти рублей* за годовой урокъ, изъ специальныхъ средствъ названнаго училища.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть параллельное отдѣленіе при IV классѣ Кишиневскаго реальнаго училища, съ производствомъ жалованья учителямъ *изъ одной тысячи шестисотъ руб.*, ассигнованныхъ на этотъ предметъ Кишиневскою городскою думою, и съ прибавленіемъ къ нимъ недостающихъ *ста восьмидесяти руб.* изъ специальныхъ средствъ Кишиневскаго. реальнаго училища.

— Въ виду заявленія нѣсколькихъ дѣвицъ, окончившихъ въ прошедшемъ учебномъ году курсъ ученія въ Виленскомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ, о желаніи ихъ остаться въ училищѣ еще на годъ для посѣщенія уроковъ педагогическаго курса, г. управляющій Виленскимъ учебнымъ округомъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 27-й день февраля 1873 года, разрѣшилъ открыть при названномъ учи-

лицѣ, съ начала текущаго учебнаго года, VIII спеціально-педагогическій классъ.

СПИСОКЪ

училищныхъ совѣтовъ, открытыхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго Положенія ^{25-го мая}_{8-го іюня} 1874 года.

Наименованіе уѣздовъ.	Время открытія.
I. Тверской губерніи:	
Губернскій	3 іюля.
<i>Уѣздные училищные совѣты:</i>	
Весьегонскій	11 іюля.
Старицкій .	19 іюля.
Тверской	20 августа.
Зубцовскій	23 августа.
Ржевскій	25 августа.
Осташковскій	27 августа.
Вышневолоцкій	31 августа.
II. Владимирской губерніи:	
Губернскій	19 августа.
<i>Уѣздные училищные совѣты:</i>	
Владимірскій .	31 августа.
Шуйскій	2 сентября.
Вязниковскій .	4 сентября.
Гороховецкій .	5 сентября.
Покровскій	5 сентября.
Муромскій	7 сентября.
Александровскій .	7 сентября.
Меленковскій .	9 сентября.
Переславскій .	9 сентября.
Юрьевскій .	11 сентября.
Судогодскій	12 сентября.
Суздальскій	13 сентября.
Ковровскій	14 сентября.

Сверхъ того открыты нижеслѣдующіе учительскіе совѣты:

Губернскіе: Калужскій, Ярославскій, Нижегородскій, Харьковскій, Курскій, Тамбовскій, Пензенскій, Пермскій, Херсонскій, Екатеринославскій, Таврическій, Бессарабскій.

Уѣзды: Калужскій, Медынскій, Тарусскій, Лихвинскій, Малоярославецкій, Козельскій, Мещовскій, Живдринскій, Боровскій; Ярославскій, Романо-Борисоглѣбскій, Даниловскій, Любимскій, Мологскій, Рыбинскій, Угличскій, Ростовскій, Мышкинскій, Пошехонскій; Лебединскій; Курскій, Дмитріевоспасскій, Щигровскій, Корочанскій, Павловскій; Козловскій; Пензенскій, Краснослободскій, Наровчатскій, Мокшанскій, Нижнеомовскій, Бѣлгородскій, Ахтырскій, Львовскій, Суджанскій, Чембарскій, Обоянскій, Кирсановскій, Липецкій, Рыльскій, Путивльскій, Волчанскій, Грайворонскій, Новооскольскій, Свѣяжскій, Чебоксарскій, Козьмодемьянскій; Ядринскій; Одесскій, Херсонскій, Александрійскій, Елисаветградскій, Апаньевскій; Славяносербскій, Павлоградскій, Новомосковскій, Бахмутскій, Верхнедѣпровскій, Маріупольскій, Александровскій; Θεодосійскій, Симферопольскій, Евпаторійскій, Бердянскій, Мелитопольскій, Діѣпровскій, Перекопскій; Кишиневскій, Оргѣевскій, Аккерманскій, Бендерскій, Ясскій, Сорокскій; Хотинскій.

ФРАНЦЪ ПАЛАЦКІЙ,

ИСТОРИОГРАФЪ ЧЕШСКАГО НАРОДА. ЕГО УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ¹⁾).

Чешскій народъ, хотя малочисленный, занимаетъ между народами славянскими одно изъ первыхъ мѣстъ. Чехи, часть Славянъ лабскихъ, не раздѣлили ихъ участи. Между тѣмъ какъ сѣверные сосѣди и ближайшіе соплеменники Чеховъ — Сербы, Лютичи и Бодричи, — послѣ долголѣтняго сопротивленія, погибли въ неравной борьбѣ съ Пѣмцами, Чехи не пошли по ихъ слѣдамъ, а сохранили свою политическую независимость и свой національный бытъ. Славяне лабскіе и балтійскіе тратившіе всѣ свои силы на внутреннія распри и войны, не выработали *государственной идеи*, и сдѣлались добычей своихъ сосѣдей. Чехи, напротивъ, создали рано довольно сильное государство. Князь чешскій, располагая безусловно силами Чехіи и Моравіи, былъ однимъ изъ первостепенныхъ государей средней Европы; личная его зависимость до извѣстной степени отъ Римско-нѣмецкихъ императоровъ, нисколько не мѣшала его суверенитету. На основаніи политической самостоятельности Чешскаго государства, Славянская народность въ Чехіи могла успѣшно развиваться и преодолевать встрѣчавшіяся препятствія. Наконецъ, чешскій народъ — первый между народами всей Европы — началъ существующее до сихъ поръ движеніе: вмѣстѣ съ идеей чешской и славянской народности, Чехи подняли

¹⁾ Собственно *біографіи* Палацкаго мы здѣсь не предлагаемъ. Лучшая его біографія находится въ чешской энциклопедіи, въ Словникѣ Научномъ; ее написалъ (въ 1865 г.) на основаніи данныхъ, доставленныхъ самимъ Палацкиимъ, второй редакторъ Словника Я. Малай; она переведена, тотчасъ послѣ появленія на чешскомъ языкѣ, и по русски, въ *Современной Литературѣ*, прибавленіи къ *Москов. Вѣдомостямъ*. Замѣтимъ, что имя «Палацкій» выговаривается съ удареніемъ на *первомъ* слогѣ.

знамя свободы совѣсти и стремились также къ нововведеніямъ въ соціальныхъ порядкахъ своего времени. Это-то движеніе, *движеніе чешское*, придастъ чешской исторіи особенную важность въ культурной исторіи не только славянской, но и общечеловѣческой.

Дальнѣйшему развитію чешскаго народа помѣшала страшный погромъ, постигшій Чеховъ въ 1620 году. Испанско-габсбургскій абсолютизмъ, въ соединеніи съ іезуитско-католическимъ Римомъ, успѣлъ наконецъ подавить столь ненавистный Нѣмцамъ и Риму, славянскій, еретическій народъ.

Несчастливая страна сдѣлалась театромъ безпрестанныхъ войнъ, раззорялась войсками нѣмецкими, шведскими и императорскими. Народонаселеніе массами исчезало, либо посредствомъ выселенія, либо по бѣдствіямъ войны. Оставшееся же было подвержено контр-реформаціи: изъ бывшихъ гуситовъ-протестантовъ, іезуиты, съ помощію императорскихъ драгоновъ, дѣлали римскихъ католиковъ. Рядомъ съ этой католическою реформаціей шла все усиливающаяся германизація. Высшія сословія, города и окраины Чехіи и Моравіи наполнялись новыми пришлецами-Нѣмцами, которые замѣняли выселившуюся интеллигенцію. Такимъ образомъ чешская народность, въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, упала до такой степени, что даже сами чешскіе патриоты отчаявались въ возможности возрожденія своего народа.

Надъ духовною жизнью остатковъ чешскаго народа бдѣли строгіе стражи—іезуиты. Они изображали ему его прошлое по своему, внушали ему, что самая славная эпоха его исторіи (1403—1620 гг.)—страшное заблужденіе. Густъ, Жишка, Проконій, Юрій Подѣбрадскій, Рокицана, Аугуста, Благовѣстъ, Будовець и другіе чешскіе герои XV—XVII вѣковъ, представляемы были сыновьями дьявола, извергами ада, чудовищами; при произношеніи ихъ именъ, благочестивый Чехъ XVII—XVIII вѣковъ отрещивался и наполнялся страхомъ и ужасомъ. Іезуиты и ихъ орудія, бродя въ Чехіи, отнимали, сожигали или рвали всѣ чешскія и латинскія книги, писанныя съ появленія Гуса до 1620 года: всѣ эти книги считались или еретическими, или подозрительными.

При такомъ положеніи дѣлъ, чешская исторіографія не могла процвѣтать. Чешскую исторію стали разрабатывать почти исключительно католическіе монахи, особенно іезуиты, и можно себѣ представить, въ какомъ духѣ эти исторіографы представляли народу его исторію!

Поворотъ къ лучшему сдѣланъ только во второй половинѣ XVIII

вѣка, когда новыя начала стали приобрѣтать себѣ господство въ жизни государственной, научной и литературной, когда стали исчезать многія узы, сковывавшія до тѣхъ поръ и чешскую историографію.

Тогда началъ свою дѣятельность патріархъ чешской исторической критики, *Добнеръ*, изданіемъ важныхъ „*Annales Hayessi*“, то-есть, латинскаго изданія лѣтописца *Гайка* XVI вѣка, съ критическими объясненіями. Обширная чешская хроника *Вчеслава Гайка* (1541 г.), написанная въ смыслѣ строго католическомъ, стала въ послѣдствіи, въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, любимымъ чтеніемъ чешскаго просто-народа, избѣгнувъ костровъ и индексовъ іезуитовъ. Хроника эта написана не только безъ всякой критики, но и съ большою долею недобросовѣстности, и надо удивляться, что она могла вводить въ заблужденіе даже такихъ историковъ, какимъ былъ, знаменитый въ свое время ученый, іезуитъ *Бальбинъ* († 1688 г.). Эта-то хроника *Гайка*, написанная по чешски, переведена была въ XVIII вѣкѣ на латинскій языкъ; *Добнеръ* же, снабдивъ переводъ критическими замѣчаніями, сталъ ее издавать, но, къ сожалѣнію, не кончилъ своего труда († 1790 г.). Страніемъ *Добнера* авторитетъ *Гайка* наконецъ рухнулъ къ немалой пользѣ чешской историографіи. Эта побѣда критики надъ авторитетомъ *Гайка* замѣтна уже въ историческихъ трудахъ современниковъ *Добнера*, въ исторіяхъ Чехія *Пубички* и *Пельцеля*, равно какъ и въ историческихъ трудахъ *Добровскаго*. Разумѣется, и эти труды представляютъ только несовершенныя попытки нарисовать картину чешской исторіи; но замѣтный прогрессъ является именно въ томъ, что эти писатели уже не увлекаются баснями *Гайка*, а черпаютъ свѣдѣнія прямо изъ источниковъ и разбираютъ ихъ критически.

Вторая половина XVIII вѣка ознаменована *возрожденіемъ чешской народности*. Тогда готовились нанести чешскому, какъ казалось спящему летаргическомъ сномъ, народу смертельный ударъ и докончить давно приготавливаемую его германизацію. Но этотъ планъ не удался. Вслѣдствіе германизаторскихъ тенденцій австрійскаго правительства, чешскій народъ, напротивъ, пробудился къ новой жизни. Чешское національное движеніе, хотя шло медленно, но его уже ничѣмъ нельзя было остановить, благодаря неуныннымъ трудамъ чешскихъ писателей и дѣятелей.

Не мало способствовало къ этому возрожденію чешскаго народа и развивавшееся изученіе его исторіи. Въ царствованіе императора *Иосифа II* повѣяло болѣе либеральнымъ духомъ въ разныхъ сферахъ общественной и научной жизни. Въ то время, хотя отчасти, снято было

ѣткое давленіе, наложенное на чешскую исторію. Тогда раздается также даже изъ среды чешскаго католическаго духовенства голосъ: „Гусъ не еретикъ“, и вскорѣ присоединяется къ нему кликъ: „Жижка—славный чешскій полководецъ и мститель Гуса!“—къ немалому изумленію іезуитско-нѣмецкихъ кружковъ, не сомнѣвавшихся въ смерти несправедливаго имъ чешскаго народа. Не всѣ историки чешскіе стали уже довольствоваться сухимъ изложеніемъ фактовъ и ихъ критическою разработкой; нѣкоторые начинаютъ писать съ патріотическимъ вдохновеніемъ и представлять чешскому народу картину его блестящей исторіи, въ утѣшеніе и назиданіе. Такъ именно дѣйствовала *Цельцель*, одинъ изъ лучшихъ чешскихъ дѣятелей и историковъ конца XVIII вѣка.

Главнымъ недостаткомъ чешской исторіографіи того времени было—не считая разныхъ другихъ препятствій—то, что чешскіе историки стали разрабатывать свой предметъ преимущественно по лѣтописямъ и вообще по источникамъ болѣе извѣстнымъ, а не обращали надлежащаго вниманія на документальные памятники, грамоты и пр., хранившіеся въ архивахъ мѣстныхъ и заграничныхъ. Это можно сказать именно о трудѣ *Пубички*, который въ 1770—1801 гг. издалъ десять томовъ исторіи чешской, сухой и довольно безжизненной компіляціи. Пубичка довелъ свою исторію до 1618 года; смерть автора (1807 г.) прекратила обнародованіе XI тома, доведеннаго до 1630 года. Свою исторію Пубичка издавалъ съ помощію чешскихъ чиновъ, которые охотно пожертвовали деньги изъ земской казны на сочиненіе „для прославленія чешскаго народа“. Смертью Пубички прекратилось дальнѣйшее изданіе его исторіи, и чешскіе чины долго не могли найти ему преемника, который бы продолжалъ его трудъ.

Всѣ вышеприведенные труды по чешской исторіи, Добнера, Пубички, Цельцеля, Добровскаго и др., писаны на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; по чешски одинъ только Цельцель сталъ писать „Новую хронику чешскую“, но довелъ ее лишь до гуситскаго движенія. Причины ясны. Чешская народность, послѣ страшныхъ погромовъ, постигшихъ ее въ 1620—1648 гг., утѣлась такъ, что сдѣлалась достоиніемъ только простаго народа; высшія сословія, шляхта и города, онѣмечились, и хотя продолжали признавать себя въ политическомъ отношеніи „Чехами“, чинами чешскаго королевства и моравскаго маркграфства, но все-таки говорили и писали только по латински или по нѣмецки. Чешскій языкъ знали очень немногіе изъ нихъ. Къ этому постепенному онѣмеченію присоединились во второй

половинѣ XVIII вѣка, со временъ Маріи Терезіи и Іосифа II, германизаторскія тенденціи австрійскаго правительства.

Съ другой стороны, эти самыя тенденціи пробудили чешскій народъ къ новой жизни, поощрили ревностныхъ чешскихъ патріотовъ къ неутомимой дѣятельности, которая и не осталась безплодна: чешская народность въ самомъ дѣлѣ стала возвышаться, не смотря на всѣ многочисленныя препятствія. Не забудемъ, что пробужденіе чешскаго народа происходило только частнымъ образомъ, благодаря безпредѣльному самопожертвованію нѣсколькихъ лицъ, не только безъ содѣйствія, но еще при сопротивленіи правительственныхъ кружковъ. Чешскій языкъ пигдѣ не былъ въ употребленіи въ публичной жизни; вездѣ господствовалъ языкъ нѣмецкій: во всѣхъ школахъ, начиная съ такъ-называемыхъ нормальныхъ (приходскихъ) школъ, и гимназій до университета и технического института, въ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ, государственныхъ, городскихъ и многочисленныхъ патримоніальныхъ (дворянскихъ); по нѣмецки говорила шляхта, мѣщане, чиновники, профессора и вообще почти вся интеллигенція въ Чехіи и въ Моравіи. Правда, и между высшими сословіями и интеллигенціей встрѣчались патріоты — они-то и способствовали къ учрежденію чешскаго народнаго музея (1818 г.); но они считали полное возрожденіе чешскаго народа, по ихъ взглядамъ уже приговореннаго къ неминуемой смерти, и восстановленіе чешскаго языка дѣломъ невозможнымъ. Такими патріотами были на-примѣръ Хотки, Коловраты, Штернберги, Кинскіе и другіе, таковъ былъ и патріархъ славистики Іосифъ Добровскій. Этимъ людямъ усиліи и стремленія Пельцеля, Крамеріуса, Нухмайера, Юнгманна, Пресля и другихъ вдохновенныхъ борцовъ за чешскую народность казались несбыточными утопіями. Кромѣ того, возникшія въ самой средѣ чешскихъ писателей распри объ орфографіи, пуризмѣ и другихъ мелочахъ, выставляли ихъ въ глазахъ публики не въ очень выгодномъ свѣтѣ.

Чешскій языкъ раздавался только въ деревняхъ, да въ устахъ малочисленныхъ писателей и патріотовъ чешскихъ, а въ публичной жизни — лишь только въ самыхъ низшихъ народныхъ школахъ, и на амвонахъ проповѣдниковъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Чехіи, когда весной 1823 г. прибылъ въ Прагу, изъ странъ угорскихъ Словаковъ, двадцатипятилѣтній Мораванинъ, человѣкъ скромный, безъ средствъ и безъ связей, извѣстный лишь только маленькому кружку чешскихъ литераторовъ

нѣкоторыми стихотвореніями и эстетическими статьями. Это былъ—*Францъ Палацкій*.

Познакомившись со всѣми знаменитостями науки и литературы того времени, въ томъ числѣ съ графами Штернбергами (Каспаромъ и Францомъ), и съ Іосифомъ Добровскимъ, Палацкій скоро занялъ между ними видное мѣсто. Вросивъ разнообразныя студіи, онъ посвятилъ себя исключительно *чешской исторіи*, не имѣя другаго желанія, „какъ ради добра отечества совершить что-нибудь полезное и знаменитое“. Уже тогда, сознавъ главный недостатокъ своихъ предшественниковъ, онъ сталъ знакомиться съ архивными и вообще рукописными сокровищами, и работать въ архивахъ въ Требовнѣ, Нидриховѣ, Градицѣ, Рудницѣ, Будѣвицахъ и въ государственномъ архивѣ въ Пискомѣ.

Палацкій повсе не раздѣлялъ взглядовъ вышеупомянутыхъ чешскихъ патріотовъ на счетъ неминуемой гибели чешской народности. „Если будемъ всё такъ себя вести“, высказалъ онъ однажды (въ 1825 году) графу Каспару Штернбергу, президенту чешскаго музея, и Добровскому, „то, конечно, нашъ народъ погибнетъ съ духовнаго голоду; но я, еслибъ я былъ даже цыганскаго роду и послѣдній его потомокъ, то считалъ бы своею обязанностью всячески стараться, чтобы осталась по немъ по крайней мѣрѣ честная память“. Результатомъ этого достопамятнаго разговора былъ между прочимъ и планъ изданія *музейныхъ журналовъ* на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, которые и стали выходить съ 1827 года. Въ нихъ сосредоточились всѣ тогдашнія умственные и научныя силы Чехіи, чешской и нѣмецкой народности. Редакція обоихъ журналовъ поручена была Палацкому.

Молодой ученый скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Уже въ 1827 году чешскіе чины имѣли Палацкаго въ виду для продолженія чешской исторіи Пубички. Но Палацкій, съ удовольствіемъ принимая это предложеніе въ принципѣ, прямо указалъ и на неудобство его, а именно на то, что сочиненіе Пубички не соответствуетъ требованіямъ современной науки. Кроме того, эпоха чешской исторіи, о которой слѣдовало писать, была самая трудная и щекотливая и вмѣстѣ съ тѣмъ—такъ какъ тогда самостоятельное государство Чешское перестало существовать—мало интересная. Поэтому Палацкій предложилъ чешскимъ чинамъ написать совѣмъ новую исторію своего народа. Труды чешскихъ историковъ прежнихъ временъ—такъ разсуждалъ Палацкій—страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ,

именно тѣмъ, что эти историки, пользуясь особенно бѣдными и сухими лѣтописями, наполняютъ свои книги довольно бессвязными разказами о войнахъ, революціяхъ и проч., а на внутреннюю жизнь народа не обращаютъ почти никакого вниманія. Архивные документы остались этимъ историкамъ по большей части неизвѣстными, или они ими пользовались очень мало. А все-таки только изъ этихъ документовъ чешская исторія можетъ выясниться и только такимъ образомъ можно пріобрѣсти себѣ болѣе ясное представленіе о государственномъ и общественномъ устройствѣ, судопроизводствѣ, культурѣ и прочихъ сторонахъ внутренней жизни Чешскаго народа. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ документовъ долженъ сдѣлать самъ историкъ, такъ какъ онъ одинъ только можетъ оцѣнить нужное и имъ воспользоваться. Надо осмотрѣть разные архивы пражскіе и провинціальныя, архивы моравскіе, вѣнскіе, пештскіе: изъ заграничныхъ—архивы въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Вреславлѣ, Пулавахъ и ватиканскій въ Римѣ. Прежде чѣмъ не будетъ оконченъ этотъ долголѣтній трудъ, нечего и думать о писаніи чешской исторіи, то-есть, такой исторіи, которая бы представляла что-нибудь болѣе, чѣмъ компилицію изъ печатныхъ книгъ. Такой громадный трудъ—собрать матеріалы и сводить ихъ, разумѣется, не можетъ предпринять человѣкъ безъ большихъ средствъ, — для этого нужно значительное вспомошествованіе со стороны чиновъ. Еслибы чины Чешскаго королевства захотѣли способствовать развитію отечественной исторіографіи и возложили бы этотъ трудъ на него, Палацкаго, то его пламенное желаніе было бы исполнено. Предложеніе это ревностно поддержалъ благородный и ученый графъ Францъ Штернбергъ, и чешскіе чины согласились, на сеймѣ 1829 года, назначить Палацкаго своимъ исторіографомъ.

Для рѣшенія сеймоваго заключенія на счетъ назначенія Палацкаго „исторіографомъ чешскихъ чиновъ“ нужно было утвержденіе правительства. Но высшій канцлеръ (министръ внутреннихъ дѣлъ), въ то время графъ Заурау, отвѣтилъ, что онъ считаетъ ходатайство чешскихъ чиновъ непозволительнымъ (unzulässig).

Недовольные тѣмъ, чешскіе чины представили канцлеру ремонстрацію, и на этотъ разъ графъ Заурау уступилъ и счелъ ходатайство уже возможнымъ. Объ этомъ же самомъ дѣлѣ хлопоталъ и государственный и конференцъ-министръ, графъ Колоубратъ, бывший намѣстникъ чешскій; онъ самъ два раза вручалъ императору Францу актъ для подписи, но тотъ устранилъ его словами: „это можетъ

еще подождать", и наконецъ (1830 г.) уже прямо отказалъ (der Antrag hat vor der Hand auf sich zu beruhen).

Такъ какъ „исторіографъ чешскихъ чиновъ“ не былъ утвержденъ, то чины поручили Палацкому уже не продолженіе исторіи Публички, а новое сочиненіе съ вознагражденіемъ 1.200 гульденовъ въ годъ. Но и это не поправилось въ Вѣнѣ, и когда Палацкій, въ 1831 году, желая облегчить себѣ доступъ въ Мюнхенскій государственный архивъ, назвалъ себя „дезигнованнымъ исторіографомъ чешскихъ чиновъ“, то въ Вѣнѣ тотчасъ же обратили на это вниманіе и Палацкій получилъ въ Мюнхенѣ черезъ австрійскаго посланника выговоръ.

Титулъ „исторіографа чешскихъ чиновъ“ утвердилъ за нимъ въ 1838 году уже императоръ Фердинандъ. Позже титулъ этотъ былъ замѣненъ титуломъ „исторіографъ земскій“.

Съ 1831 года Палацкій, въ своей новой должности, сталъ продолжать уже до того времени предпринимаемыя имъ изслѣдованія въ архивахъ домашнихъ и заграничныхъ, и продолжалъ ихъ до недавняго времени (1863 года).

Въ теченіе этого времени онъ рассмотрѣлъ наиболѣе важныя архивы и бібліотеки въ Чехіи и въ Моравіи, именно въ Прагѣ—университетскій, Вышеградскій, капитульный, намѣстническій, городской, доски земскія и другія, знаменитый архивъ Требонскій (въ немъ работалъ онъ девять разъ), архивы въ Индриховомъ Градцѣ, Рудницѣ, Осѣлкѣ, Домажлицахъ, Будѣйовицахъ, Духцовѣ и другихъ городахъ; въ архивахъ моравскихъ, въ Оломуцѣ, Кромъжири и др., въ важномъ придворномъ архивѣ вѣнскомъ, въ которомъ, между прочимъ, хранится бывшій государственный архивъ чешскій и архивы уничтоженныхъ чешскихъ монастырей, въ архивахъ пештскихъ. За границей работалъ онъ преимущественно въ Ватиканскомъ архивѣ въ Римѣ, нѣсколько разъ въ Вратиславѣ (Бреславлѣ), Берлинѣ, Франкфуртѣ, Згорѣльцѣ (Герлицѣ), Будышинѣ (Бауценѣ), Бамбергѣ, Эрфуртѣ, Вольфенбюттелѣ, Лейпцигѣ, Базелѣ, Парижѣ и проч. Особенно важныя приобрѣтенія сдѣланы были имъ въ Ватиканскомъ архивѣ (1837 г.): Палацкій здѣсь прочиталъ 45.000 грамотъ и списалъ больше 400; о научной сторонѣ своего путешествія въ Римъ и вообще въ Италію, онъ сообщалъ въ статьѣ *Litterarische Reise nach Italien im J. 1837* (Prag, 1838), и въ письмахъ къ Шафарикъ и Хмеленскому (въ Часописѣ Чешскаго музея 1837 года).

Очеркъ дѣятельности Палацкаго мы раздѣлимъ на три части. Во-первыхъ, поговоримъ вкратцѣ о его *литературной дѣятельности*,

относящейся къ языку и литературѣ чешской; потомъ взглянемъ на него, какъ на *собираателя и издателя* матеріаловъ по чешской исторіи и, наконецъ, какъ на *исторіографа*.

I. Литературная дѣятельность Палацкаго.

Прежде чѣмъ мы начнемъ говорить объ исторической дѣятельности Палацкаго, коснемся хотя вкратцѣ его дѣятельности по чешской литературѣ и по чешскому языку, — дѣятельности, которая во многомъ тѣсно связана съ его историческими трудами, равнымъ образомъ какъ и съ возрожденіемъ Чешскаго народа въ теченіе первой половины нашего вѣка.

Мы уже выше сказали, что когда Палацкій прибылъ въ Прагу, литературная дѣятельность чешская находилась только въ зародышѣ; чешскій языкъ, вытѣсненный изъ школъ и изъ присутственныхъ мѣстъ находилъ себѣ убѣжище только въ маленькомъ кружкѣ чешскихъ литераторовъ. Въ числѣ ихъ были, конечно, и люди просвѣщенные и высоко образованные, какъ, напримѣръ, Юнгманъ и Пресль, но большинство, хотя тоже воодушевленные борцы за чешскую народность, были люди довольно простые и недалекіе. Занимались съ любовью и увлеченіемъ роднымъ языкомъ, форма котораго была строго установлена уже 300 — 400 лѣтъ тому назадъ, они стали подѣскивать въ немъ разные недостатки, то въ правописаніи, то въ формальномъ, то въ лексикальномъ отношеніяхъ. Изъ этого возникали споры и эти-то споры о буквахъ, правописаніи, пуризмѣ, неологизмахъ, просодіи и пр. занимали тогда въ литературной дѣятельности чешской одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ.

Палацкій, сдѣлавшись редакторомъ главнаго органа тогдашней литературы чешской, „Журнала Чешскаго музея“ (съ 1827 года), сталъ, конечно, важнымъ лицомъ въ кружкѣ писателей, не говоря уже о все больше увеличивавшемся значеніи его какъ историка. Онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и своимъ образованіемъ значительно превышавшій большинство своихъ современниковъ-литераторовъ, съ перваго же шага сталъ на точку зрѣнія самостоятельную и безпристрастную. Сознавая, что бесплодные споры о буквахъ и пр. ни къ чему не ведутъ, да еще вредятъ литературной дѣятельности, онъ не далъ имъ мѣста въ музейномъ журналѣ, и требовалъ отъ чешскихъ писателей, чтобъ они старались всѣми силами писать полезныя книги для поученія только что пробуждавшагося народа. Въ такомъ духѣ онъ велъ и журналъ музейный во все время

своего редакторства (до 1837 года). Журналъ этотъ сдѣлался достойнымъ органомъ возрождавшейся чешской литературы; онъ предлагалъ публикѣ хорошія статьи, знакомилъ ее съ различными памятниками древне-чешской литературы и значительно способствовалъ къ усиленію національнаго сознанія въ Чехіи и въ Моравіи. Между тѣмъ какъ чешскій журналъ музейный преуспѣвалъ, журналъ, издаваемый на нѣмецкомъ языкѣ тоже подъ редакціею Палацкаго, долженъ былъ прекратиться уже въ 1831 году. Палацкій, въ концѣ своей редакторской дѣятельности (въ 1837 году редакция была передана Шафаржику: съ сиравѣдиивою гордостью могъ указать на успѣхи журнала.

Палацкому принадлежитъ честь не только поднятія „Журнала Чешскаго музея, но и самаго музея и разныхъ его секцій. Уже въ 1830 году Палацкій, вмѣстѣ съ Юнгманномъ и Пресломъ, дали мысль объ учрежденіи особой секціи музейной для научнаго образованія чешскаго языка и литературы, и фонда для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ „Матицы чешской“, которая и до сихъ поръ дѣйствуетъ съ большою пользою.

Въ 1841 году Палацкій выбранъ былъ въ члены комитета музейнаго. Въ томъ же году, въ обширномъ меморандумѣ онъ указалъ на нѣкоторые недостатки музея, именно на то, что музей долженъ бы былъ заботиться, вмѣстѣ съ естественными науками, главнымъ образомъ, объ исторіи чешской въ наиболѣе широкѣйшемъ смыслѣ. Старавіемъ Палацкаго сложены въ музей рукописный *дипломатарій чешскій*, который потомъ безпрестанно умножался новыми списками (надъ переписываніемъ ихъ особенно трудились, подъ надзоромъ Палацкаго, прославившіеся позже историки Эрбенъ и Томекъ); кромѣ того, значительно обогащалась коллекція оригинальныхъ документовъ. Въ 1850 году архивъ музейный содержалъ 16.000 подлинниковъ и больше 10.000 списковъ. Кромѣ архива, Палацкій обратилъ вниманіе и на коллекцію *древностей*, и по его инициативѣ учреждено при музеѣ особое археологическое общество.

При подобной дѣятельности Палацкій, разумѣется, не могъ не имѣть столкновеній съ разными властями, въ особенности съ цензурою. Уже въ 1831 году онъ жаловался на чрезвычайную строгость цензуры высшему бургомистру Хотку, а также на то, что все школьное образованіе, очевидно, стремится къ полной германизациіи и къ истребленію чешскаго языка, что цензура запрещаетъ все, что указывало бы на это печальное положеніе и что бы служило къ возвышенію чешской рѣчи. Промеморія объ этомъ представленная вы-

шеупомянутою секціей для образованія чешскаго языка и литературы, осталась безъ результатовъ. Также не удался планъ Палацкаго издать энциклопедію на чешскомъ языкѣ. Этотъ планъ возмѣтили уже въ 1829 году Палацкій, Юнгманнъ и Пресль, побуждая къ тому вышеупомянутую секцію и Матицу чешскую, но не успѣли его осуществить. Въ 1850 — 1855 гг. Палацкій вновь поднялъ этотъ вопросъ и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чешскими писателями, предложилъ его Матицѣ чешской, ожидая отъ такой энциклопедіи великой пользы для народа. Планъ „Словари научнаго“ не былъ принятъ Матицей, и кромѣ того общество музейное, напуганное правительствомъ, уступило настоятельнымъ требованіямъ пражскаго полиціи-мейстера, и въ своемъ годичномъ собраніи 1852 г. не избрало Палацкаго въ члены комитета. Планъ „Словаря научнаго“ осуществился только позднѣе, не съ помощью Матицы, а частнымъ образомъ; редакцію его принялъ на себя зять Палацкаго. Др. Ригеръ и съ помощью многихъ чешскихъ писателей издалъ въ 1859—1874 гг. „Словникъ научный“, лучшую энциклопедію въ литературахъ славянскихъ. Палацкій, послѣ исключенія своего изъ музея, конечно, сталъ держать себя въ сторонѣ, но въ 1861 г. онъ былъ выбранъ опять въ члены музейнаго комитета, въ которомъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ.

Изучая памятники древнечешской исторіи и литературы, преимущественно XIV—XV вѣковъ, Палацкій рано вникнулъ въ духъ чешскаго языка; онъ, вмѣстѣ съ Юнгманномъ, былъ главнымъ его знаткомъ и считается до сихъ поръ лучшимъ чешскимъ стилистомъ. Извѣстно, что чешскій языкъ уже въ XV—XVI вѣкѣ приобрѣлъ вполне установленную форму, и вмѣстѣ съ тѣмъ — удивительную гладкость стиля, такъ что памятники тогдашней литературы остались и впоследствии образцами языка. Особенно цѣнились языкъ литературы единства чешскихъ братьевъ, именно языкъ Кралицкой библии (1579—1593 гг.), который считается до сихъ поръ классическимъ. Этотъ-то „библейный“ языкъ, крѣпче всего соединившій Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ въ единство литературное, остался образцомъ и канономъ и для новой, пробуждающейся съ конца XVIII вѣка, литературы чешской, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ необходимыхъ измѣненій, которыхъ требовалъ духъ времени; самая же основа его, формальная, грамматическая и синтаксическая осталась не тронутою, и измѣненія касались только нѣкоторыхъ недостатковъ орфографіи и способа словосложенія. Но многіе новые писатели думали, что въ ли-

литературный языкъ чешскій надо вводить разными измѣненіями, то въ орфографіи, то въ формахъ; они поступали такъ не по какимъ-нибудь реальнымъ, вѣснымъ причинамъ, а только по прихоти и своему усмотрѣнію. Двое Чеховъ, жившихъ въ Моравѣ, Тернѣ и Жакѣ, стали ратовать противъ разныхъ формъ чешскаго литературнаго языка, какъ онѣ установились въ теченіе лѣтъ и безъ разбора вводить разные моравизмы и словакизмы.

Противъ такой манеры строго выступилъ Палацкій (1832 г.), и ревностно и съ успѣхомъ защищалъ установившійся до тѣхъ поръ письменный языкъ чешскій. Въ подобномъ же смыслѣ выступилъ Палацкій еще разъ въ 1846 г., защищая нѣкоторыя особенности установившейся орфографіи и грамматики чешской, особенно противъ нововведеній В. Ганки и Франты. Тогда же поднялъ онъ свой голосъ и въ защиту единства общаго литературнаго языка у Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ. Въ то время Штуръ сталъ письменю употреблять одинъ изъ говоровъ словенскихъ и создавать новую литературу словенскую. Вожаки чешской литературы, Чехи, Моравяне и Словаки, Юнгманъ, Шафарикъ, Палацкій, Коларъ и другіе выступили противъ этой опасной попытки и защищали общій древній литературный языкъ для всѣхъ трехъ отраслей одного народа, но, къ сожалѣнію, уже напрасно. Разрывъ установился и существуетъ у Словаковъ до сихъ поръ.

Своимъ знаніемъ по древнечешскому языку Палацкій обратилъ тоже въ пользу чешской *филологіи*, хотя, разумѣется, дѣятельность его по этому предмету была только второстепенная, такъ сказать, между прочимъ. Такъ, для лучшаго пониманія древнечешскихъ памятниковъ, особенно XV вѣка, онъ составилъ краткій словарь менѣе извѣстныхъ словъ; изъ разныхъ древнихъ грамотъ и другихъ документовъ собралъ множество личныхъ именъ, и пр. На основаніи своихъ богатыхъ коллекцій разныхъ древнечешскихъ названій лицъ и мѣстъ, онъ написалъ важный „Разборъ этимологическій чешскихъ мѣстныхъ названій“ (1834 г.), и указалъ, что названія происходятъ либо отъ именъ лицъ, либо отъ мѣстныхъ особенностей. Эта статья удержала свое значеніе до сихъ поръ не только для чешскихъ, но и вообще для славянскихъ мѣстныхъ названій. Тѣ же самыя явленія какъ у Чеховъ, встрѣчаемъ мы и у другихъ Славянъ; такъ, напримѣръ, чешскія названія мѣстъ—Чаславъ, Яромиръ, Кіевъ, Богуславицы, Славѣтицъ,—происходящія отъ именъ лицъ: Чаславъ, Яромиръ, Кій, Богуславъ,

Славѣта,—повторяются и у другихъ Славянъ, напримѣръ, у Русскихъ: Ярославль, Володимиръ, Кіевъ, Дѣдогостици, Гординъ и проч.

Что касается литературной дѣятельности Палацкаго, то онъ, преимущественно въ качествѣ редактора перваго журнала чешскаго, „Журнала музейнаго“, имѣлъ значительное участіе въ умственномъ движеніи того времени. Его критики на выходившія тогда болѣе или менѣе важныя книги отличаются здравымъ и вѣрнымъ пониманіемъ потребностей чешской публики, подходятъ безъ всякихъ лишнѣхъ фразъ прямо къ сути дѣла. Палацкій не былъ чуждъ и изящной литературы: до своего прибытія въ Прагу онъ написалъ нѣсколько поэмъ, занимался чешскою просодіей и особенно эстетическими студіями: статьи по послѣднему предмету, писанныя въ 1820—1823 гг., свидѣтельствуютъ, что молодой литераторъ усердно старался изучить его. Критики на трагедію „Ангелина“, альманахъ „Весна“, „Отголоски русскихъ нѣсенъ“ Челаковскаго и др. доказываютъ, что Палацкій сумѣлъ воспользоваться результатами своихъ прежнихъ занятій по изящной словесности.

Труды Палацкаго по *исторіи чешской литературы* относятся преимущественно къ древнечешскому періоду. Особенно замѣчательны статьи о чешскихъ *проностикѣхъ* и *календарѣхъ* XVI вѣка (написана въ 1829 году), статьи по исторіи чешской астрологіи, астрономіи и математики, повдѣе разширенная Ганушемъ. Изъ этой статьи мы видимъ, между прочимъ, что одинъ изъ издателей чешскаго календаря, ректоръ Кодицкаго выпустилъ память І. Гуса и Іеронима,—праздновавшуюся у Чеховъ въ день 6-го іюля,—ко всеобщему негодованію гуситскихъ Чеховъ: „Вылетѣлъ у Чеховъ изъ Праги Гусъ—продать его магистръ Кодицкалъ“, такъ насмѣхались они надъ издателемъ. Въ томъ же году (1829) Палацкій написалъ по-чешски и по-нѣмецки біографію славнаго философа и педагога чешскаго *Коменскаго*, защищая его противъ Бели (Baile) и Аделунга. Еще недавній біографъ этого знаменитаго епископа едипства чешскихъ братьевъ, Зоубежъ (1871 г.), съ благодарностью отзывается объ этой статьѣ Палацкаго. Назовемъ здѣсь и другіе труды Палацкаго, а именно статьи его объ ученой дѣятельности Добровскаго и графовъ Штернберговъ, и изданіе автобіографіи графа Каснара Штернберга.

Особенное вниманіе обратилъ Палацкій на драгоцѣнныя остатки древнечешской поэзіи, на рукописи *Кралецворскую* и *Зеленогорскую*. Извѣстно, что эти рукописи, найденныя въ 1817 году, произвели тогда большую сенсацію не только у Чеховъ, но и у остальныхъ Славянъ

и вообще во всей Европѣ. Скоро переведенныя почти на всѣ европейскіе языки, эти рукописи сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Кромѣ повѣстической цѣны, рукописи эти имѣли еще другое значеніе: они свидѣтельствовали о высокой степени цивилизаціи древнихъ Чеховъ, еще до упроченія у нихъ нѣмецкаго вліянія, слѣдовательно о самобытной цивилизаціи славянской. Понятно, почему эти древнечешскіе памятники возбудили у Славянъ всеобщій восторгъ, но съ другой стороны понятно также, что Нѣмцы стали смотрѣть на нихъ искоса и мало по малу заподозрѣвать ихъ подлинность. Противъ подлинности Зеленогорской рукописи возсталъ и самъ патріархъ славистики, Іосифъ Добровскій; противъ же Краледворской рукописи возстали гораздо позже, именно съ 1858 года, разные нѣмецкіе ученые, Бюдингеръ, Фейфаликъ и др.

Въ объясненіи и защитѣ обоихъ древнечешскихъ памятниковъ, Палацкій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, одинъ или вмѣстѣ съ своимъ другомъ Шафарикомъ, который—благодаря побужденіямъ и помощи Палацкаго и нѣкоторыхъ другихъ чешскихъ писателей—переселился изъ Новаго Сада южной Угрии въ Прагу (1833 г.). О Краледворской рукописи издалъ Палацкій уже въ 1829 году обширную статью въ вѣспомъ журналѣ „Jahrbücher der Litteratur“. Онъ думаетъ, что эпическія поэмы Забой и Честмиръ сочинены около конца XII вѣка, Бенешъ Гермаполь въ началѣ XIII вѣка, остальные—Олдрихъ, Людиша, Ярославъ,—во второй половинѣ XIII вѣка; лирическія же пѣсни взяты изъ устъ народа. Собраніе всѣхъ этихъ пѣсень, а отчасти и авторство (пѣсней Олдрихъ, Людиша, Ярославъ) онъ приписываетъ славному Завишѣ Витковичу († 1290 г.). Но въ поздѣйшихъ трудахъ, именно въ своей чешской исторіи и въ историческихъ примѣчаніяхъ къ изданію Зеленогорской и Краледворской рукописей графа I. М. Туна (*Gedichte aus Böhmens Vorzeit. Mit einer Einleitung von P. I. Šafárik und Anmerkungen von F. Palacký, Prag, 1845*), Палацкій отступилъ отъ своего прежняго мнѣнія: поэмы Забой и Честмиръ относитъ опъ къ болѣе древнему языческому періоду, точно также какъ и пѣснь Олень; поэму Олдрихъ приписываетъ началу XI вѣка, вскорѣ послѣ событій, воспѣтаго ею (1004 г.), и проч. Въ своей чешской исторіи онъ признаетъ поэмы Олдрихъ, Бенешъ и Ярославъ отчасти даже источниками; остальные же—важными свидѣтельствами о внутренней жизни Чеховъ. Палацкому принадлежить заслуга болѣе точнаго опредѣленія нѣкоторыхъ событій и лицъ, встрѣчающихся въ Краледворской рукописи. Такъ, напримѣръ, раз-

казываемое въ поэмѣ событіе о пораженіи Саксонцевъ чешскимъ простонародьемъ въ сѣверной Чехіи, подъ Бенешомъ-Германовымъ—Добровскій, Мейнертъ и Свобода относили къ 1281—1282 гг.; но Палацкій (въ 1829 г.) доказалъ, что оно относится къ 1203 году, и отыскалъ въ грамотахъ 1197—1222 годовъ Бенеша сына Германа, жупана Будишинскаго. Разказъ автора поэмы „Ирославъ“ объ убіеніи князими Кубласими Нѣмцами Палацкій (въ 1841 г.) объяснилъ мѣстомъ изъ Волинской (Ипатіевской) лѣтописи объ ограбленіи русскаго князя Михаила Всеволодовича и убіеніи его внуки около Середы, въ Силезіи (1241 г.), и проч.

Когда съ 1858 года нѣмецкіе писатели стали сомнѣваться въ подлинности Краледворской рукописи, Палацкій былъ первый, который поднялъ свой голосъ въ защиту этого драгоценнаго славянскаго памятника, и прямо указалъ на источникъ спора, который происходитъ не изъ чистыхъ научныхъ цѣлей, а изъ совсѣмъ другихъ побужденій, именно изъ той „innata Teutonicis superbia, quod semper tumido fastu habent despectui Slavos et eorum linguam“, какъ говорить уже первый лѣтописецъ чешскій, Косма. Вслѣдствіе этихъ статей Палацкаго (1858—1859 гг.) началась живая полемика между чешскими и нѣмецкими учеными, окончившаяся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ; по крайней мѣрѣ, послѣ изданія важнаго сочиненія братьевъ Иречковъ о Краледворской рукописи (1862 г.), Нѣмцы совсѣмъ замолкли.

Равнымъ образомъ, какъ за Краледворскую, ратовалъ Палацкій и за подлинность Зеленогорской рукописи и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древнечешской литературы. Уже въ 1834 году онъ возстаетъ противъ Палковича, подозрѣвавшаго эту рукопись въ фальсификаціи и—выѣстъ съ Шафарикомъ—объясаетъ обширное сочиненіе по этому предмету. Черезъ шесть лѣтъ Палацкій и Шафарикъ, выѣстъ и въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, издали важный трудъ: „Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache: Libuša's Gericht, Evangelium Johannis, der Leitneritzer Stiftungsbrief, Glossen der Mater Verborum (Prag, 1840). Здѣсь разобраны съ большимъ ученымъ авторитетомъ вышеприведенные памятники, особенно же Зеленогорская рукопись (Любушинъ судъ), въ отношеніи палеографическомъ, филологическомъ и историческомъ; доказательства подлинности Зеленогорской рукописи направлены особенно противъ Добровскаго, мнѣніе котораго касательно памятника вполнѣ опровергается. Приведенныя въ этой книгѣ доказательства подлинности памятниковъ, особенно рукописи Зеленогорской,

такъ вѣски, что съ тѣхъ поръ никто не отваживался ихъ опровергать, и подлинность Зеленогорской рукописи, послѣ недавняго (1859 года) объясненія загадочнаго ея открытія и статей Гатталы, сдѣлалась неоспоримою.

II. Палацкій какъ собиратель и редакторъ матеріаловъ по чешской исторіи.

Палацкій, уже въ началѣ своихъ историческихъ занятій, понималъ, что пока не собраны разные матеріалы по отечественной исторіи, нечего и думать о систематическомъ ея изложеніи. Поэтому онъ съ самаго начала не ограничивался только выписками изъ архивныхъ документовъ и другихъ источниковъ, но обратилъ вниманіе на ихъ собраніе или списываніе и — на сколько позволяли тогдашнія средства — на ихъ обнаруженіе.

1) *Собраніе лѣтописей.* Съ развитіемъ историческихъ наукъ въ Чехіи со второй половины XVIII вѣка, обращено было вниманіе на изданіе древнихъ чешскихъ лѣтописей. Стараніемъ Добнера, Добровскаго и Пельцеля издавы еще въ XVIII вѣкѣ древніе чешскіе лѣтописцы. Косма и его продолжатели, Викентій, Герлахъ, Петръ Збраславскій, Неплахъ, Фрапписекъ, Бенешъ Крабица, Мариньола, Пулкава, Бартошекъ и другіе, въ сборникахъ: *Monumenta historica Bohemiae* (6 vol., 1764—1785) и *Scriptores rerum bohemicarum* (2 vol., 1783—1784). Кромѣ того, Прохазка издалъ тогда и чешскаго Пулкаву и римованную хронику такъ называемую Далимила. Всѣ эти лѣтописцы доходятъ только до начала XV вѣка, кромѣ Бартошка изъ Драгоницъ. описавшаго событія 1419—1443 гг. XV столѣтіе, бурная эпоха гуситская, очень бѣдна домашними лѣтописями; хроники Лаврентія изъ Брезовой, Николая изъ Пельгримова и нѣкоторые мелкія хроники оставались въ рукописяхъ; въ числѣ послѣднихъ есть также нѣсколько писанныхъ по чешски. Уже въ 1825 году ученое общество Пражское, побужденіемъ графа Штернберга, поручило Палацкому собраніе и сведеніе этихъ, по чешски писанныхъ, лѣтописей, преимущественно относящихся къ XV вѣку. Палацкій для этой цѣли собралъ семнадцать рукописей, сравнилъ и свелъ ихъ въ одно, и издалъ какъ третій томъ къ вышедшимъ уже книгамъ Добровскаго и Пельцеля *Scriptores rerum bohemicarum: Statl letopisové české od r. 1378 do 1527* (v Praze 1829, стр. 534). Хотя эти лѣтописи довольно скудны, но все-таки, при бѣдности домашнихъ источниковъ для исторіи XV вѣка, представляютъ много важнаго матеріала, записаннаго по большей ча-

сти очевидцами; кромѣ того онѣ важны и какъ памятники чешскаго языка XV вѣка. Лѣтописи ведутъ люди простые, мѣщане, ревностные патриоты чешскіе и „любители чаши Христовой“, то-есть гуситскіе утрависты. Къ этимъ лѣтописямъ Палацкій прибавилъ и разныя другія статьи подобнаго содержанія, напримѣръ, риёмовалпые разказы о началѣ гуситства, о сектѣ таборской, о смерти священника-демагога Іоанна Желивскаго, о священникѣ Михаилѣ Полякѣ и друг. Очень жаль, что Палацкій не продолжалъ этой издательской дѣятельности, что онъ не издалъ именпо Младеновица, Прибрама, Лаврентія изъ Брезовой, Николая изъ Пельгримова и другихъ памятниковъ о гуситскомъ движеніи. Изданіе этихъ важныхъ источниковъ предоставилъ онъ нѣмецкому профессору Гёфлеру, который, не будучи въ состояніи хорошо читать рукописи XV вѣка и не зная ни слова по чешски, издалъ эти памятники съ безчисленными ошибками, и кромѣ того, снабдилъ ихъ весьма неудачными разглагольствованіями (*Scriptores rerum hussiticarum*, 3 vol., 1856—1866). Это чрезвычайно плохое изданіе, обнародованное вѣнскою академіей, было поводомъ къ тому, что Палацкій, въ особой книгѣ, долженъ былъ открыть ученому міру всѣ ошибки и промахи нѣмецкаго издателя. (*Die Geschichte des Hussitenthums und Professor Höfler*, 1868).

Рѣдкость и недостаточность изданій источниковъ по чешской исторіи дали Палацкому поводъ къ отличной мысли, которая по его плану уже осуществляется. Въ 1868 году Палацкій праздновалъ свой 70-ти лѣтній день рожденія. Чешскій народъ собралъ тогда значительную сумму, около 20,000 гульденовъ, изъ которой созданъ фондъ Палацкаго для пособія чешской исторіографіи. Палацкій назначилъ большую часть процентовъ для критическаго изданія всѣхъ памятниковъ чешской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка. Въ это изданіе должны войти легенды, лѣтописи и разныя статьи лѣтописнаго содержанія, всѣ въ подлинникѣ, съ чешскимъ переводомъ и критическими примѣчаніями. Изданіе началось съ 1871 года (*Fontes rerum bohemicarum*), и первый томъ содержитъ въ себѣ *Vitae Sanctorum*, легенды о свв. Кириллѣ и Меодіѣ, Иванѣ, Людмилѣ, Вячеславѣ, Войтѣхѣ и проч. Второй томъ, только что начинающійся, содержитъ хронику Космы. Кромѣ домашнихъ лѣтописей, въ изданіе войдутъ и выписки изъ чужихъ лѣтописей — нѣмецкихъ, польскихъ, угорскихъ, русскихъ и другихъ, касающихся чешской исторіи. Въ изданіи *Fontes rerum bohemicarum* участвуютъ всѣ историки чешскіе: Томекъ, Эмлеръ, Иречекъ, Тифтрунъ и друг.; лѣ-
часть CLXXVI, отд. 2.

генды издали Первольфъ, Эмлеръ, Коларъ, Тругларъ, Зоубекъ и друг. Изданіе это, разчитанное на цѣлый рядъ лѣтъ, въ матеріальномъ отношеніи вполне обезпечено.

2) *Дипломатикрій чешскій*. Важность грамотъ для чешской исторіи понимали уже Добнеръ и Пельцель; оба напечатали въ своихъ трудахъ, въ Моументахъ, въ жизнеописаніяхъ императоровъ и королей Карла IV и Вячеслава IV, значительное число грамотъ. Пельцель задумалъ изданіе чешскаго дипломатарія и для этой цѣли приготавливалъ 642 списка грамотъ съ 824 до 1544 г. Грамоты важны особенно для чешской исторіи, такъ какъ лѣтописныя извѣстія часто очень скудны въ разказываніи событій; безъ грамотъ нельзя и думать объ изложеніи политическихъ событій въ нѣкоторыя эпохи, не говоря уже о внутренней исторіи страны. Такъ, чтобы привести одинъ примѣръ, самая важная часть чешской исторіи — гуситское движеніе — излагалась, до Палацкаго, чрезвычайно бѣдно и безсвязно именно по той причинѣ, что историки не могли воспользоваться архивными документами, а лѣтописныя извѣстія объ этой эпохѣ очень скудны. Палацкій, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Прагу, познакомившись съ драгоценными документами богатаго архива Требонскаго (теперь принадлежащаго князю Шварценбергамъ, а прежде — напамъ Розенбергамъ), усвоилъ себѣ совсѣмъ другой взглядъ на этотъ блестящій эпизодъ исторіи не только чешской, но и общечеловѣческой. Важность грамотъ для чешской исторіи понялъ и оцѣнилъ Палацкій вполне, и еще до 1830 года списалъ для себя 1.155 грамотъ и другихъ документовъ. Въ 1831 году онъ обратилъ вниманіе чешскихъ чиновъ на необходимость учрежденія полнаго дипломатарія, на первое время хотя бы только рукописнаго, и съ тѣхъ поръ обогащалъ его съ неутомимымъ прилежаніемъ, или самъ списывая грамоты, или же поручая списывать ихъ изъ разныхъ архивовъ домашнихъ и заграничныхъ. Для древней исторіи, то-есть, до начала XIV вѣка, описаны всѣ какіе только тамъ были памятники, для позднѣйшей — только съ выборомъ, хотя и здѣсь заботились о возможной полнотѣ до начала XVI вѣка. Для этой цѣли далъ пособіе чешскій Музей и нѣсколько членовъ чешской аристократіи (князь Ауэрспергъ, Коллоредо, Шварценберги, графы Вальдштейнъ, Кланъ-Галласъ и др.). Такимъ образомъ, чешскій дипломатарій, умноженный собственными коллекціями Палацкаго, значительно обогатился. Этотъ дипломатарій хранится въ чешскомъ Музее и составляетъ до сихъ поръ одно изъ важнѣйшихъ сокровищъ для чешскихъ историковъ. Къ сожалѣнію, не

нашлось достаточно средствъ для полнаго его изданія, по примѣру моравскаго дипломатарія, который, къ сожалѣнію напрасно отдѣленный отъ чешскаго, издается съ 1836 года. Но если изданіе полнаго дипломатарія чешскаго оказалось невозможнымъ, то все-таки оно замѣнено было позднѣе обширными *регестами*. Извѣстный чешскій ученый, Карлъ Эрбенъ, будучи архивариусомъ чешскаго Музея, сталъ дѣлать обширныя извлеченія изъ грамотъ чешскаго дипломатарія. Этотъ трудъ, пересматриваемый Палацкимъ, былъ изданъ позднѣе ученымъ обществомъ пражскимъ: *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I, ann. 600—1253* (Pragae, 1855, in 4°, pag. 812, съ подробными index'ами). Продолженіе этой публікаціи предпринялъ въ 1872 г. д-ръ Эмлеръ. Эти регесты, будучи довольно обширны, достаточно замѣняютъ пока полный дипломатарій. Какъ богаты эти коллекціи, видно изъ того, что I-й томъ регестъ содержитъ 1.358 номеровъ грамотъ, писемъ и другихъ документовъ, касающихся исторіи чешской и моравской только до половины XIII вѣка. Издаваемый въ настоящее время II-й томъ доведенъ пока (1874 г.) только до 1300 года и, для сорока семи-лѣтней эпохи, содержитъ уже 1.863 номера. Такимъ богатствомъ документовъ не можетъ похвалиться ни одинъ другой народъ славянскій. Документы, здѣсь находящіеся, снесены, такъ сказать, со всѣхъ угловъ свѣта, со списковъ музейнаго дипломатарія, списковъ съ другихъ оригиналовъ, изъ разныхъ печатныхъ изданій и пр. Желательно было бы, чтобъ трудолюбивый д-ръ Эмлеръ успѣлъ со временемъ издать свои регесты по крайней мѣрѣ до начала XV вѣка.

Часть чешскаго дипломатарія, особенно документы, относящіеся къ XV вѣку, Палацкій издалъ въ слѣдующихъ сборникахъ.

3) *Формуляріи*. Въ средніе вѣка былъ обычай собирать разныя грамоты, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ такъ-называемые письменники (*manuel épistolaire*), то-есть, какъ образцы для сочиненія подобныхъ документовъ. Такимъ образомъ въ разныхъ формуляріяхъ уцѣлѣло множество документовъ, подлинники которыхъ давно пропали. Палацкій собралъ нѣсколько такихъ формулярій по чешской исторіи,—формулярій королевы Кунигунды (русской княжны, супруги короля Премысла II), разныя формуляріи въ тайномъ архивѣ Ёнскомъ, въ монастырѣ Остѣцкомъ, въ архивѣ Требонскомъ, въ Пражскомъ архивѣ канцелярскомъ и др. Такимъ образомъ изъ разныхъ формулярій восстановлено 422 грамоты, относящіяся къ чешской исторіи XIII и XIV вѣковъ. Палацкій издалъ ихъ подъ названіемъ

Über Formelbücher, zunächst in Bezug auf böhmische Geschichte (2 vol., Prag. 1842—1847).

4) *Архивъ чешскій*. Такъ какъ Чехи приняли христіанство и культуру съ запада, то латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ въ ихъ государственной и общественной жизни, хотя и народный, чешско-славянскій языкъ, не былъ совсѣмъ вытѣсненъ изъ литературы, какъ это случилось, напримѣръ, въ сосѣдней Польшѣ. Грамоты писаны почти до конца XIV вѣка исключительно на латинскомъ языкѣ; многія грамоты, издаваемые въ городахъ нѣмецкаго происхожденія—также и по нѣмцки. Въ концѣ XIV вѣка стали употреблять въ грамотахъ и чешскій языкъ, а съ начала XV вѣка—съ великаго народнаго движенія гуситскаго—употребленіе его въ публичной жизни сдѣлалось господствующимъ; латинскій языкъ употребляли Чехи въ сношеніяхъ съ иностранцами, или Чехи—ученые. Такихъ документовъ, XIV и XV вѣковъ, писанныхъ по чешски, сохранилось нѣсколько десятковъ тысячъ.

Въ 1840 году, Палацкій, съ помощью чешскихъ чиновъ (позднѣе, съ 1861 года, на земскія деньги), сталъ издавать самый важный изъ сборниковъ—сборникъ разныхъ историческихъ и юридическихъ документовъ, писанныхъ по чешски, съ XIV до начала XVI вѣка, подъ названіемъ „Архивъ чешскій“. Съ 1840—1873 г., съ промежутками, вышло шесть большихъ томовъ in 4°. Цензура, которой чешскіе чины боялись, на этотъ счетъ не дѣлала никакихъ препятствій до 1848 года, и только наступившая послѣ этого года реакція помѣшала дальшѣйшему его изданію. Въ 1853 году продолженіе Архива чешскаго отсрочено на неопредѣленное время, но послѣ политическихъ переворотовъ 1860 года было опять возобновлено. Чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе объ этомъ важномъ трудѣ, надо ознакомиться вкратцѣ съ его содержаніемъ.

Въ „Архивѣ чешскомъ“ изданы, во первыхъ, *юридическія памятники чешскіе XIV вѣка*: а) такъ-называемая *книга папа Розенберга*, собраніе юридическихъ обычаевъ, особенно касающихся призванія къ суду; б) *судебный порядокъ земскаго права*, на латинскомъ и чешскомъ языкахъ; в) такъ-называемая *Majestas Carolina*, то-есть, опытъ свода земскихъ правъ, земскаго уложенія (на латинскомъ и чешскомъ языкахъ), предпринятый императоромъ и королемъ Карломъ IV, но отклоненный чешскими чинами; г) *объясненіе права земскаго* (1400 г.) папа Андрея изъ Дубой, высшаго судьи королевства чешскаго (министра юстиціи), памятникъ чрезвычайно важный и любопытный;

наконецъ д) *земское уложение короля Владислава* 1500 года, то-есть, сводъ земскихъ правъ, на чешскомъ языкѣ, съ позднѣйшимъ переводомъ латинскимъ.

Вторая важная публикація, вошедшая въ „Архивъ чешскій“, это — остатки главнаго *архива древне-чешскаго*, такъ-называемыхъ *земскихъ досокъ*. „Досками“—по чешски „десками“—называли древніе Славяне записи вообще. Такія „доски, дыщки“ встрѣчаемъ и на Руси, въ Новгородѣ (въ XIII вѣкѣ) и въ Псковѣ (въ XV вѣкѣ). Въ древней Чехіи назывались „десками“ преимущественно судебныя записи, книги, веденныя въ каждомъ уѣздѣ (жупѣ, позднѣе— краѣ); слѣды такихъ жупныхъ и крайскихъ „десекъ“ сохранились до нашего времени. Съ постепенною централизацией чешскаго государства доски *пражскаго* суда сдѣлались самыми главными и, наконецъ, поглотили всѣ остальные—сдѣлались *земскими*. Мало того—въ эти доски стали записывать не только судебныя дѣла, но вообще всѣ документы, касающіеся государственной, политической и общественной жизни, такъ что земскія доски сдѣлались главнымъ архивомъ чешскаго государства. Сначала записи въ этихъ доскахъ были на латинскомъ языкѣ съ примѣсю многихъ чешскихъ словъ и изреченій; съ половины же XIV вѣка встрѣчаются также и чешскія записи, а съ конца XV вѣка земскія доски велись исключительно на чешскомъ языкѣ. Подобныя тому доски были и въ Моравіи. Въ 1541 году земскія доски чешскія постигло страшное бѣдствіе—онѣ сгорѣли. Во вновь учрежденнымъ тогда доски вошли и нѣкоторые записи истребленныхъ досокъ, сохранившихся въ отдѣльныхъ рукописяхъ, грамотахъ и проч., но имѣвшія тогда только практическую, юридическую цѣну; объ остальныхъ записяхъ въ то время не заботились. Палацкій, рано понявъ чрезвычайную важность сгорѣвшихъ земскихъ досокъ для внутренней исторіи чешской, сталъ усердно собирать уцѣлѣвшіе ихъ остатки и печатать ихъ въ „Архивѣ чешскомъ“; древнѣйшая записъ относится къ 1287 году. вмѣстѣ съ тѣмъ Палацкій не переставалъ заботиться о *полномъ* собраніи этихъ драгоценныхъ остатковъ, и по его иниціативѣ въ 1863 году принялъ на себя этотъ громаднй трудъ вышеупомянутый молодой историкъ, д-ръ *Эмлеръ*. Съ 1870 года этотъ послѣдній—съ впачительнымъ денежнымъ вспоможеніемъ графа Клама-Мартиница, президента чешскаго музея — издаетъ: *Reliquiae tabularum terrae regni Bohemiae. Pozůstatky desk zemských království českého* (пока два тома in 4°),—публикація, чрезвычайно важная для чешской и вообще славянской исторіи и права.

Кромѣ остатковъ досокъ земскихъ, Палацкій печаталъ въ Архивѣ чешскомъ и разныя другіе *юридическіе памятники*: выписки изъ (удѣлѣвшихъ) досокъ придворныхъ, учрежденныхъ для ленъ (*feudum*), изъ XIV—XV вѣковъ, приговоры придворнаго и коморнаго суда, записки о дѣлахъ крестьянскихъ и проч. Многіе юридическіе памятники, издавныя Палацкимъ, вошли также въ издаваемый докторомъ Ирекомъ *Codex juris bohemicі*.

Кромѣ юридическихъ памятниковъ въ архивъ чешскій вошло множество *актовъ историческихъ*, относящихся къ чешской исторіи начиная съ конца XIV до начала XVI вѣка; значительная ихъ часть относится, слѣдовательно, къ гуситскому движенію. Помѣщены тутъ акты сеймовые и другіе публичныя, начиная съ 1394 года до начала XVI вѣка; письма, публичныя и частныя, королей Вячеслава IV, Сигизмунда, Альбрехта, Ладислава, Юрія Подѣбрадскаго, Владислава Ягайловича, Матвѣя Угорскаго; письма разныхъ знаменитыхъ лицъ XV вѣка, Жижики, Сигизмунда Корибутовича, Ольдриха Розенберга, Альша Голицкаго, Шликовъ, Рабштейна, Штернберговъ, Швамберговъ, пановъ Градецкихъ, Лобковицовъ, Коловратовъ, Гиларія Литомѣрицкаго, князей Минстербергскихъ (Подѣбрадовичей), Вилема Перпштейна и др.; акты общинъ Пражской, Домажлицкой, Гораждевицкой, Таборской, Пардубицкой и другіе; разныя важныя акты гуситскіе, напримѣръ: артикулы вѣроученія Таборитовъ, заключенія съѣзда Таборитовъ въ Пискѣ вообще нѣсколько сотъ тысячъ разныхъ документовъ, относящихся особенно къ событіямъ XV вѣка. Въ числѣ этихъ актовъ есть нѣкоторые интересные и для польской и для русской исторіи: такъ напримѣръ, акты, касающіеся Сигизмунда Корибутовича, польскихъ пановъ изъ Остроорога, Тенчина, Дубна, русскаго князя Вячеслава Острожскаго, акты объ избраніи королевича Владислава въ чешскіе короли, акты силезскіе, писанныя на чешскомъ языкѣ и проч.

Изъ этого бѣлаго очерка видна громадная важность Архива чешскаго для чешской исторіи. Кромѣ историческаго, онъ имѣетъ также и *литературическое значеніе*. Почти всѣ обнародованныя здѣсь документы писаны на чешскомъ языкѣ; языкъ этотъ является чрезвычайно выработаннымъ, стиль его удивительно гладокъ. „Архивомъ чешскимъ“ Чехи справедливо гордятся: такого собранія актовъ и другихъ памятниковъ не можетъ представить ни одинъ другой народъ славянскій. Желательно, чтобы маститый чешскій историкъ и впредь продолжалъ это предпріятіе и въ скоромъ времени издалъ бы

всѣ болѣе важные документы, писанные на чешскомъ языкѣ до 1526 года.

5. *Документы о І. Гусѣ*. Религіозно-національное движеніе, которое началось въ Чехіи съ І. Гусомъ, рано привлекало особенное вниманіе Палацкаго, отчасти потому, что эта эпоха чешской исторіи самая блестящая, отчасти и потому, что она до тѣхъ поръ была мало извѣстна. Нѣсколько тысячъ документовъ, относящихся къ этому движенію, писанныхъ на чешскомъ языкѣ, напечатаны въ Архивѣ чешскомъ. Вышеупомянутое, крайне ошибочное и недостаточное, изданіе *Scriptores rerum hussitarum* нѣмецкаго профессора Гёфлера и нѣлѣпныя его нападки на Гуса и на гуситское движеніе дали Палацкому поводъ къ важному труду: *Documenta Mag. Joannis Hus, vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam, et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas illustrantia, quae partim adhuc inedita, partim mendose vulgata, nunc ex ipsis fontibus hausta*. (Pragae 1869, pag. 768). Въ 1865—1868 гг. издалъ К. Эрбенъ собраніе чешскихъ сочиненій І. Гуса (*Sebrané spisy české*); собраніе латинскихъ его сочиненій вышло уже въ 1558 и 1715 гг. въ Нюрнбергѣ (*Historia et monumenta I. Hus atque Hieronymi Prag.*), хотя нѣкоторыя статьи, приписываемыя въ этомъ изданіи Гусу, принадлежатъ не ему. Сборникъ Палацкаго составляетъ важное дополненіе къ этимъ изданіямъ. Въ немъ напечатаны: а) всѣ письма Гуса 1408—1415 гг. на языкѣ латинскомъ и чешскомъ, числомъ 92; б) разные документы, относящіеся къ пражскимъ бурямъ, вызваннымъ Гусомъ и къ его дѣлу на Констанцскомъ соборѣ, жалобы духовенства пражскаго и другихъ лицъ, и отвѣты Гуса; в) разказъ *Петра изъ Младеновицъ*, ученика Гуса и очевидца, о дѣлѣ его учителя на соборѣ Констанцскомъ, источникъ очень важный; г) разные документы, числомъ 120, о начинавшемся движеніи гуситскомъ до 1418 года, статута синода пражскаго, акты о спорѣ университетскомъ и побѣдѣ Чеховъ въ пражскомъ университетѣ, акты о волненіи умовъ въ Чехіи по поводу наступательствъ противъ Гуса, его узничества и сожженія въ Констанцѣ, и проч.; наконецъ прибавлено д) нѣсколько статей, касающихся нѣкоторыхъ предшественниковъ Гуса, катехизисъ, вѣжесъ, самого Гуса, отрывки изъ чешскихъ его сочиненій, служащихъ къ его характеристикѣ, и, наконецъ, нѣкоторыя автографы записки. Чешскіе документы снабжены латинскимъ переводомъ, такъ что сборникъ сдѣлался доступенъ всему ученому міру.

6. *Историческіе акты о гуситской войнѣ*. Въ Архивѣ чешскомъ

напечатаны лишь акты, писанные на чешскомъ языкѣ; акты, писанные по латинѣ и по нѣмецки, и собранные Палацкии въ теченіе пятидесяти лѣтъ, издалъ онъ особо въ сборникѣ: *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419—1436* (съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ актовъ 1437 года), Прагъ 1872—73, 2 vol., p. 655, 547; въ сборникѣ помѣщены и краткіе регесты чешскихъ документовъ 1419—1437 гг., такъ что онъ содержитъ 1059 нумеровъ. Эта публикація прилегается къ предыдущей. Въ нее вошли и нѣкоторые документы изъ другихъ печатныхъ изданій, напримѣръ, изъ канцеляріи Ціолка (изд. Каро), изъ силезскихъ грамотъ (изд. Грюнгагена) и пр.; но большая часть почерпнута изъ разныхъ рукописей. Собранные здѣсь документы важны не только для чешской исторіи того времени, но и для исторіи другихъ сосѣднихъ странъ, особенно для Польши и Литвы; документы, взятые изъ пражскаго *Codex Ptemyslaeus* и друг., объясняютъ многія событія и личности въ Польшѣ и Литвѣ,—короля Владислава, Витовта, князя „русскаго“ (*herzog von Reussen*) Сигизмунда Корибутовича и другихъ. Такъ напримѣръ, изъ одного документа узнаемъ, что галицкіе Русскіе не только отказывались воевать съ „еретиками“ чешскими, но еще сibiпили сами къ нимъ на помощь.

7. *Акты о царствованіи Юлія Подѣбрadsкаго*. Сборникъ, въ томъ же родѣ какъ предыдущій; здѣсь изданы документы на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, числомъ 535; чешскіе документы того преслѣпа напечатаны въ Архивѣ чешскомъ. Желательно, чтобъ издано было еще собраніе такихъ же документовъ 1437—1450 гг. и 1471—1526 гг., параллельно съ публикаціей Архива чешскаго.

8. Въ сборникѣ, изданіиомъ Вѣпскою академіей: *Concilium Basilense* (1857, *Monumenta conciliorum generalium seculi XV*, tom. I), Палацкій помѣстилъ три важныя сочиненія, касающіяся чешскихъ дѣлъ па Вазельскомъ соборѣ, открытыя имъ по большей части въ 1849 году въ Базель и Парижѣ, именно: два трактата одного изъ главныхъ дѣятелей на этомъ соборѣ, югославянина Іоанна *Стойковича* изъ Дубровника, „доктора славянскаго“, какъ его называли Чехи (*Initium et prosecutio Basil. concilii, tractatus, quomodo Bohemi reducti sunt ad unitatem ecclesiae*), и дневникъ гуситскаго священника *Петра Жатецкаго* о чешскихъ дѣлахъ на упомянутомъ соборѣ (*Liber diurnus de gestis Bohemorum in concilio Basil.*).

9. Кромѣ этихъ обширныхъ сборниковъ, Палацкій издалъ и другіе памятники, писанные по чешски, въ журналѣ Чешскаго музея,

напримѣръ, дневникъ чешскаго посольства отъ короля Юрія къ королю французскому 1464 г., собраніе чешскихъ пословицъ пана Смила Флашки около 1400 года, военные порядки Гайка 1413 г. и Волчка изъ Ченова около 1490 года, промеморію королю Юрію объ улучшеніи торговли въ Чехіи около 1463 г., Брезана краткую хроніку рода Розенбергскаго, 1609 г., записки Корки, Дачицкаго, Жеротина XVI и пачала XVII вѣка, чешскіи письма литовскаго князя Швитригайла, важное стихотвореніе 1424 года о тогдашнихъ религіозныхъ спорахъ въ Чехіи, инструкціи пана Гриспека его чиновникамъ и крестьянамъ 1588 г., отрывки изъ книгъ Оомы Шитнаго и пр.

Наконецъ Палацкій же далъ толчекъ къ разнымъ изданіямъ, предпріятымъ другими лицами. Такъ, онъ задумалъ планъ важной выборки изъ древнечешской литературы (*Výbor z literatury české*), изданной Юнгманномъ и Эрбеномъ; онъ снабдилъ изданіе Викторина Корнелія изъ Вшегородъ о правахъ чешскихъ своимъ введениемъ.

Пятидесятилѣтняя дѣятельность Палацкаго, какъ собирателя и издателя памятниковъ по чешской исторіи, по истинѣ громадн. Большая часть издаваемыхъ памятниковъ списана имъ собственноручно, и авторъ этихъ строкъ, часто разсматривая рукописный дипломатіи въ чешскомъ музеѣ, былъ поражаемъ неутомимымъ трудомъ славнаго историка, который, при многочисленныхъ и разнообразныхъ своихъ работахъ, успѣлъ самъ переписать нѣсколько тысячъ документовъ. То, что въ другихъ странахъ исполняютъ академіи и ученыя общества, при щедрой помощи правительствъ, совершилъ у Чеховъ одинъ человѣкъ своимъ неутомимымъ, безмѣрнымъ трудолюбіемъ, съ малою матеріальною помощію чешскихъ чиновъ.

III. Палацкій, какъ исторіографъ.

Задумавъ изобразить исторію чешскую съ древнѣйшихъ до позднѣйшихъ временъ, Палацкій засталъ этотъ предметъ, такъ сказать, не обработаннымъ; нѣсколько статей Добнера, Пельцеля, Добровскаго, Мейнерта, Миллаура и другихъ было все, что онъ нашелъ. Поэтому на его долю достался тяжелый трудъ приступить къ осуществленію своего плана не на основаніи многочисленныхъ монографій своихъ предшественниковъ, а самому проложить себѣ путь на всемъ полѣ чешской исторіи и объяснять разныя ея части отдѣльными монографіями.

Первымъ дѣломъ Палацкаго было, разумѣется, основательное знакомство съ источниками чешской исторіи, начиная съ лѣтописей.

Въ 1826 году ученое общество пражское устроило конкурсъ на „оцѣнку чешскихъ лѣтописцевъ съ древнѣйшихъ временъ до Гайка (1541 г.)“. Общество получило только одинъ трудъ, но признало его достойнымъ „увѣличапія“. Этотъ трудъ — сочиненіе Палацкаго: *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber* (Prag. 1830, pag. 308). Съ полнымъ знаніемъ предмета и съ строгимъ критическимъ взглядомъ разбираетъ здѣсь Палацкій сочиненія лицъ, писавшихъ о чешской исторіи, даетъ ихъ біографіи и свѣдѣнія о рукописяхъ и изданіяхъ ихъ трудовъ. Разобраны здѣсь Косма и его продолжатели, монахи Сазовскій и Опатовицкій, Викентій, Герлахъ, такъ-называемый Далимилъ, Петръ Збраславскій, Францискъ, Неплахъ, Мариньола, Пулкава, Бенешъ Крабица, Лаврентій изъ Брезовой, Бартошекъ, Эней Сильвій, анонимные лѣтописцы XV вѣка, Бартошъ Пражскій, Кутенъ, Гаекъ; кромѣ того разобраны нѣкоторые легенды и другіе, менѣе значительные, писатели. Книга Палацкаго считается до сихъ поръ главною по этому предмету; нѣкоторые пробѣлы и недостатки своего труда Палацкій пополняетъ въ различныхъ позднѣйшихъ своихъ трудахъ, самъ отыскивалъ новые источники, или оцѣнивалъ вновь найденные. Такъ въслѣдствіи писалъ онъ болѣе обширно о Пулкавѣ и Гайкѣ, нагубное значеніе и вліяніе котораго въ чешской исторіи объяснено Палацкимъ какъ слѣдуетъ, говорилъ о писателяхъ гуситскихъ преслѣдъ, Пестрѣ изъ Младеновицъ, Лаврентіѣ изъ Брезовой, Прибрамѣ, Николаѣ изъ Пельгримова и другихъ; объ иностранныхъ авторахъ, писавшихъ о чешской исторіи, о франкскомъ лѣтописцѣ VII вѣка Фредегарѣ, объ Стойковичѣ и Карлеріѣ, писавшихъ о Базельскомъ соборѣ, о Лужичанинѣ Скультетѣ († 1614 г.), о Силезійцахъ XV вѣка Эшендёрфѣ и Йонсдорфѣ.

Сюда принадлежатъ тоже критическія изслѣдованія о двухъ важныхъ источникахъ древнѣйшей исторіи чешской, о *славянскомъ жизнеописаніи св. Вячеслава* (1834 г.), и о древнихъ *грамотахъ Лютомѣрицкой церкви* (1836 г.). Славянская легенда о св. Вячеславѣ, открытая въ 1830 году Востоковымъ, значительно дополняетъ латинскія легенды объ этомъ чешскомъ князѣ, разобранныя уже Добровскимъ, и даже еще превосходитъ ихъ. Палацкій, съ помощію Шафарика, доказалъ, что легенда написана на церковно-славянскомъ языкѣ, судя по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ чехизмамъ — Чехомъ, еще въ X вѣкѣ. Въ критическомъ разборѣ Лютомѣрицкихъ грамотъ онъ указалъ, что жалованная грамота, относимая къ XI вѣку, написана, на основаніи древнихъ грамотъ, въ XIII вѣкѣ. Въ латинской грамотѣ встрѣ-

чаются нѣкоторыя чешскія фразы и слова; интересны старинныя особенности въ названіяхъ жалованныхъ селъ съ окончаніемъ *áz* (Тгновáz, Вгнáz и друг., вмѣсто Тгнованесч, Вгнанесч),—форма, которая и для Добровскаго осталась темною и которую объяснилъ только Палацкій. Чешскія слова и фразы этой грамоты, впрочемъ, объяснены тоже въ вышеупомянутыхъ *Älteste Denkmäler*.

Другія монографіи Палацкаго, писанныя по чешски и по нѣмецки, касаются разныхъ сторонъ чешской исторіи, политической и внутренней. Къ первому разряду принадлежатъ статьи (1831 г.) о *Завишѣ Витковичѣ*, противникѣ несчастнаго короля Премысла II Отакара и любимцѣ его вдовы, русской княжны Купигунды; статьи (1841 г.) объ отцѣ Купигунды, русскомъ князѣ Ростиславѣ, Михайловичѣ, впослѣдствіи угорскомъ банѣ въ Мачвѣ, лицѣ до тѣхъ поръ мало извѣстномъ и объясненномъ, съ помощью угорскихъ и русскихъ источниковъ, только Палацкимъ; критическій разборъ (1841 г.) всѣхъ свидѣтельствъ о *наездѣ Монголовъ* въ среднюю Европу и о побѣдѣ Чеховъ надъ ними подъ Оломуцомъ; опроверженіе разказа лѣтописцевъ и историковъ о такъ-называемомъ кровавомъ сеймѣ Вилемовскомъ, бывшемъ будто бы во время короля Вячеслава (1843 г.); статьи (1827 г.) объ избраніи короля чешскаго въ 1440 году и о завоеваніи Праги Юріемъ Подѣбрадскимъ въ 1448 году; критическій разборъ (1856 г.) свидѣтельствъ о смерти короля Ладислава и очищеніе Юрія Подѣбрадскаго отъ подозрѣнія въ его отравленіи; генеалогія (1861 г.) наповъ изъ Цимбурга и проч. Занимался гуситскими періодами, Палацкій уже въ 1828 году обратилъ вниманіе на мало-извѣстное до того времени военное искусство Чеховъ въ XV вѣкѣ, которое распространилось на востокъ и юговостокъ Европы.

Особенно важны по исторіи гуситизма двѣ статьи Палацкаго: о *предшественникахъ гуситизма въ Чехіи* (1842 г.) и объ отношеніяхъ *Вальденцевъ къ гуситамъ* (1868 г.). Въ первой статьѣ, на основаніи разныхъ неизданныхъ документовъ, разказывается дѣятельность знаменитыхъ проповѣдниковъ пражскихъ во время Карла IV, нѣмецкаго — *Конрада изъ Вальдгаузена* и чешскаго — *Милича изъ Кромъжери*; авторъ объясняетъ интересную личность ученика Милича, *Матѣя изъ Янова*, поборника причащенія подъ обоими видами, и сообщаетъ отрывки изъ его обширнаго, до того времени неизданнаго сочиненія *Regulae veteris et novi Testamenti*; наконецъ говоритъ объ *Иоаннѣ изъ Щекна*. Эту статью не дозволено было напечатать и она сдѣлалась извѣстною только позже, въ 1846 году, въ нѣмецкомъ пе-

реводѣ Іордана, который, съ позволенія Палацкаго, издалъ ее въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: *Die Vorläufer des Hussitenthums in Böhmen*. Эта статья была началомъ задуманнаго Палацкимъ обширнаго труда „Ученіе Чехи и Мораване XIV и XV вѣковъ“; но невзгода постигшая ее отняла у автора охоту къ дальнѣйшей работѣ. Замѣчательна и другая статья — „о сношеніяхъ и объ отношеніи секты Вальденской къ давнимъ сектамъ чешскимъ“. Палацкій указываетъ на то, что въ Чехіи были и до гуситскаго движенія разные еретики, Катары и Вальденцы, но что послѣдніе были поглощены въ новомъ религіозномъ движеніи; что романскіе Вальденцы приняли по большей части ученіе радикальныхъ гуситовъ, именно Таборитовъ; единство же чешскихъ братьевъ, хотя и знало Вальденцевъ, но развилось самостоятельно и во многомъ отличалось отъ нихъ, и уже само, подобно Таборитамъ, имѣло значительное вліяніе на установленіе ученія Вальденцевъ.

Разныя части чешской исторіи Палацкій объясняетъ и въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ нѣмецкихъ историковъ-памфлетистовъ, Гёфлера и его сподвижниковъ, осыпавшихъ Палацкаго и чешскую исторію разною бранью (*Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Höfler 1868, Zur böhmischen Geschichtschreibung 1871*). Здѣсь опъ подробно объясняетъ, напримѣръ, королевскій титулъ чешскаго князя Вратислава (1086 г.), гибель татарскаго князя подъ Оломуцомъ (1241 г.), чешскихъ еретиковъ 1244 года, отношеніе Гуса къ нѣмцамъ, пропускное письмо императора Сигизмунда Гусу, учитель гуситовъ, гуситскія войны, компактаты и проч.

Результатомъ занятій Палацкаго историческими памятниками былъ, правда, сухой, по очень важный трудъ: это—*синхронистическія таблицы всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ королевства чешскаго съ древнѣйшихъ временъ до 1832 года* (*Přehled současný nejvyšších důstojníků a úředníků zemských a dvorských v Království českém, v Praze, 1832*). Нѣкоторые дополненія, касающіяся древнѣйшаго періода (до половины XIII вѣка) изданы позднѣе въ прибавленіяхъ ко 2-й части 1-го тома чешской исторіи.

Статьи Палацкаго по *внутренней исторіи чешской*, то-есть, по древнечешскому государственному устройству и праву, важны особенно потому, что славный историкъ вступилъ здѣсь на совсѣмъ неподъемное поле, еще не тронутое его предшественниками и что онъ своими изслѣдованіями далъ толчекъ къ серьезному изученію древнечешскаго права въ сравненіи съ славянскимъ, и указалъ путь

славянскимъ юристамъ. Важность изслѣдованій по чешскому праву Палацкій понялъ рано и старался собрать и изучить его памятники. Мы уже выше говорили о собирательской дѣятельности Палацкаго по этому предмету. Первая попытка Палацкаго обработать матеріалы относится къ 1831 году. Тогда онъ, на основаніи грамотъ и формуларій XIII вѣка, попытался начертать очеркъ *государственную устройства чешскаго* въ XIII вѣкѣ; онъ говоритъ вкратцѣ о сеймахъ, о должностяхъ земскихъ и придворныхъ, о земскихъ доскахъ, о крайскихъ должностяхъ, о вновь строимыхъ тогда городахъ королевскихъ, о королевскихъ доходахъ, о чешской монетѣ и проч. Въ этой статьѣ указано на *судъ присяжныхъ* (пороту) въ Чехіи уже во второй половинѣ XIII вѣка и открытъ первый извѣстный до сихъ поръ древнѣйшій слѣдъ *земскихъ досокъ* къ 1287 году. На доски земскія Палацкій, какъ уже выше сказано, не переставалъ обращать вниманіе во все время своихъ изслѣдованій, печаталъ ихъ отрывки въ „Архивѣ чешскомъ“ и еще въ 1863 году, въ особой статьѣ, говорилъ о ихъ необычайной важности для чешской исторіи, о необходимости собрать всѣ уцѣлѣвшіе ихъ остатки. Этотъ трудъ, какъ мы уже замѣтили выше, принялъ на себя д-ръ Эмлеръ. Какъ бы продолженіемъ статьи о государственномъ устройствѣ чешскомъ XIII вѣка служатъ двѣ статьи по *древнечешскому праву и судебному порядку* (1835 г.) и по *праву древнеславянскому* (1837 г., повторено и въ Исторіи чешскаго народа, томъ I-й, часть 2-я). Въ первой статьѣ Палацкій старался хотя немного пополнить пробѣлы въ изученіи древнечешскаго права и исправить ошибки и промахи Мацѣвскаго въ его „Исторіи славянскаго права“, побуждаемый къ тому самимъ Мацѣвскимъ. Палацкій уже зналъ всѣ до него изданные источники древнечешскаго права, книгу Розенбергскую, *Majestas Carolina*, Судебный порядокъ, объясненіе чешскаго права Андреемъ изъ Дубой, книгу Викторина изъ Вшегордъ. На основаніи тѣхъ и другихъ памятниковъ, досокъ и грамотъ, объясняетъ онъ древнечешское и вообще древнеславянское устройство жупское или городовое, значеніе жупныхъ чиновниковъ, жупана, коморника, судьи, писаря, и паденіе жупнаго устройства въ концѣ XIII и въ началѣ XIV-го вѣка; онъ подробно говоритъ о доскахъ земскихъ, земскомъ судѣ и кметяхъ (наивысшихъ судьяхъ), о древнихъ жупахъ и позднѣйшихъ краяхъ (уѣздахъ).

Статья „Право древнеславянское или сравненіе законовъ царя сербскаго Стефана Душана съ древнѣйшими учрежденіями земскими

въ Чехіи" произвела заслуженное впечатлѣніе въ ученое славянское міръ (она переведена на языки русскій и сербскій), и сохранила свою важность до сихъ поръ. Съ помощію Шафарика, доставившаго законъ Стефана Душана и другіе памятники, и разными свѣдѣніями о древней Сербіи, Палацкій выступилъ на путь *сравнительнаго изученія древнеславянскихъ учреждений* и указалъ на ихъ поразительное сходство у Чеховъ, Поляковъ, Югославянъ и Русскихъ, какъ оно является въ разныхъ памятникахъ; такими явленіями были—круговая порука, глава, вражда или вира, сводъ, лице; устройство судовъ у Чеховъ и Сербовъ, судъ присяжныхъ и суды Божіи у обоихъ народовъ, наследственное право, дѣдины или баштины, земскія работы, положеніе крестьянъ и проч. Результаты, добытые Палацкимъ, еще подробнѣе объяснены и дополнены позднѣйшими изслѣдованіями славянскихъ историковъ и юристовъ; но сама статья останется почетнымъ памятникомъ чешскому историку, который уже въ 1837 году вникъ въ духъ славянскаго права глубже и основательнѣе, чѣмъ всѣ его современники.

Рядомъ съ трудами по исторіи и праву чешскому Палацкій занимался также древнею *чешскою топографіей*. Бѣдствіями гуситской и тридцатилѣтней войнъ уничтожено множество чешскихъ селеній, укрѣпленій и простыхъ селъ, мѣстоположеніе которыхъ неизвѣстно; кромѣ того, вслѣдствіе усилившейся германизации, многія чешскія селенія омѣнялись, и что касается жителей, и что касается названій; такъ, напримѣръ, изъ древнечешскаго „Модлибоги“ Нѣмцы сдѣлали свой Nudelbaum, изъ „Непомышля“—Pomeisl, изъ „Убиславици“—Auslauf, изъ „Устьє“—Aussig, изъ „Болеславлѣ“—Bumzlau, и проч. Размноженіе нѣмецкаго народонаселенія въ окраинахъ чешскихъ, начинающееся съ половины XIII вѣка, со временъ нѣмецкой колонизации, нѣкоторые нѣмецкіе историки объясняли остатками будто бы полумионческаго племени Маркоманъ, слѣдовательно, считали Нѣмцевъ автохтонами въ Чехіи, славянскихъ же Чеховъ—иными пришлецами. Соображая всѣ эти обстоятельства, Палацкій предпринялъ въ 1845 году обширный трудъ, на основаніи разныхъ документовъ, грамотъ, каталоговъ епархій, досокъ и пр. отыскать исчезнувшія селенія и возстановить ихъ первоначальныя славянскія названія, съ цѣлью представить полную древнечешскую топографію. Но этотъ многолѣтній трудъ не доведенъ до конца по влѣбшимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ; сохранились только его отрывки; изъ нихъ видно, что мѣстныя названія въ омѣненыхъ краяхъ,

Жатецкомъ и Литомѣрицкомъ, — славянскаго, а не нѣмецкаго происхожденія.

Нѣкоторые результаты этихъ занятій, касавшихся древней чешской топографіи и генеалогіи до XIII—XIV вѣковъ, Палацкій помѣстилъ въ прибавленіяхъ ко 2-й части I-го тома своей исторіи. Особенно важны зачатки древней генеалогіи знатныхъ родовъ чешскихъ и моравскихъ, которые съ XVIII вѣка стали принимать по вновь строившимся замкамъ особыя названія и гербы; съ великимъ трудомъ здѣсь собраны изъ разныхъ документовъ (до начала XIV вѣка) всѣ данныя, относящіяся къ папскимъ родамъ Грабишичей, Витковичей, Гроповичей, Бузичей, Марквиртичей, Яповичей, Куничей, Босковичей и многихъ другихъ, которые стали называться потомъ панами изъ Ризенбурга, Розенберга, Лихтенбурга, Газенбурга, Вальдштейна, Колловратъ, Ризенберга, Мартиницъ и проч..

Другимъ результатомъ этихъ топографическихъ трудовъ Палацкаго есть подробное описаніе всѣхъ *мѣстъ чешскаго королевства*, съ ихъ чешскими и нѣмецкими названіями (Popsí Království českého, v Praze, 1848). Кроме того, результаты такихъ историко-топографическихъ изслѣдованій видны на многихъ страницахъ главнаго труда Палацкаго—въ его чешской исторіи; укажемъ только на разказъ его о началѣ славнаго города Табора (1420 г.).

Въ 1834 году Палацкій написалъ любопытную статью о числѣ *народонаселенія* Чехіи прежнихъ временъ. Изъ нея видно, что во второй половинѣ XVI вѣка было въ Чехіи около 3 милліоновъ жителей, въ 1618 году около 4 милл., но во второй половинѣ XVII вѣка, послѣ страшныхъ бѣдствій 30-лѣтней войны, только 1½ мил. жителей.

Всѣ эти громадныя разнообразныя работы Палацкаго направлены къ одной цѣли, цѣли его жизни — къ написанію *исторіи чешскаго народа*.

Когда Палацкій былъ назначенъ исторіографомъ чешскихъ чиновъ, то ему поручено было (въ 1831 г.) написать чешскую исторію въ 4-хъ или 5-ти томахъ, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, разужется, на *нѣмецкомъ языкѣ*. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Чехіи, которое мы вкратцѣ начертали выше, нечего было и думать объ возложеніи подобнаго сочиненія на чешскомъ языкѣ. Вышнія, болѣе образованныя сословія хотя и сохраняли полное сознаніе своей народности, но вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ народность эта тогда находилась, не были въ состояніи читать по-

добную книгу на чешскомъ языкѣ, а для этихъ-то самыхъ сословій Палацкій и долженъ былъ писать ее; простой же народъ довольствовался и восхищался сказочною хроникой Гайка, или хроникой Пабста или, наконецъ, не полною, но лучшею хроникой Пельцеля. Что касается количества 4-хъ или 5-ти томовъ, опредѣленнаго съ начала для всей исторіи чешской, то Палацкій рано убѣдился, что это невозможно, если чешская исторія должна быть изложена хоть нѣсколько полноѣ. Въ четырехъ томахъ, изданныхъ въ 1836—1845 гг. его „Geschichte von Böhmen“, содержится только разказъ съ древнѣйшихъ временъ до начала гуситскихъ волненій, то-есть, до смерти короля Вячеслава IV въ 1419 году.

Если Палацкій по необходимости вынужденъ былъ сначала писать свою исторію на нѣмецкомъ языкѣ, то въ послѣдствіи онъ задумалъ издать ее и *по-чешски*. Къ такой новой обработкѣ его труда побуждало его, кромѣ любви къ собственному языку и народу, еще и то обстоятельство, что онъ вынужденъ былъ часто, такъ сказать, ускорять изданіе томовъ: публика съ нетерпѣніемъ ждала изданія первой лучшей исторіи чешской, и не понимая огромныхъ препятствій, затруднявшихъ исторіографу болѣе скорое осуществленіе его задачи, торопила его; да къ тому же раздавались еще голоса, будто бы Палацкій нарочно медлитъ, чтобъ долѣе пользоваться жалованьемъ исторіографа чешскихъ чиновъ. Въ чешскомъ изданіи своей исторіи, Палацкій намѣревался избѣжать нѣкоторыхъ недостатковъ нѣмецкаго изданія и вообще обработать предметъ по болѣе обширному и болѣе удобному плану.

1848 годъ, годъ громадныхъ переворотовъ во всей Европѣ, въ томъ числѣ и въ положеніи Чеховъ, ускорилъ и замѣну нѣмецкаго языка въ историческомъ трудѣ Палацкаго—чешскимъ. Обработку эту Палацкій началъ уже въ Римѣ (1838—1839 гг.) и Ниццѣ (1844—1845 гг.); первый томъ чешскаго изданія, обнимающій древнюю исторію до 1125 года, вышелъ въ началѣ марта 1848 года. Вслѣдствіе наступившихъ потомъ переворотовъ, сдѣлалось Палацкому „морально невозможнымъ“, продолжать свой главный трудъ на чужомъ языкѣ. Съ одной стороны, признавая равноправность нѣмецкаго и чешскаго языковъ не позволяла ему предпочитать чужой родъ своему собственному; съ другой же стороны, брань, посыпавшаяся тогда на Палацкаго отъ всѣхъ писателей нѣмецкихъ, лишила его права трудиться въ средѣ, въ которой чешскій историкъ вращался не съ любовью, да и не по праву. Палацкій рѣшился продолжать *по-чешски* свою

исторію, начиная съ гуситскаго движенія (1403 г.). Такимъ образомъ, „Исторія народа чешскаго въ Чехіи и въ Моравіи“ (Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě) Палацкаго — начиная съ 1403 года — есть подлинникъ (1850 г.), и рядомъ съ нимъ выходящій текстъ нѣмецкій — переводъ. Объ этой перемѣнѣ доложилъ Палацкій земскому комитету—какъ въ то время уже назывался бывшій комитетъ чешскихъ чиновъ—который, послѣ долгихъ сопротивленій, долженъ былъ наконецъ дать свое согласіе. Переписка, веденная (1851 г.) по этому поводу Палацкимъ и комитетомъ, которымъ овладѣвала все усиливавшаяся реакція, во многихъ отношеніяхъ довольно интересна. Палацкій, касаясь двухъ вышеприведенныхъ причинъ, по которымъ онъ предпочиталъ писать по-чешски, считаетъ выборъ нѣмецкаго языка для своего сочиненія (1831 г.) дѣломъ второстепеннымъ; назначеніе исторіографомъ вѣроятно послѣдовало не за тѣмъ, чтобы, съ помощію чешскихъ чиновъ, нѣмецкая литература обогатилась оригинальнымъ сочиненіемъ, а скорѣе за тѣмъ, чтобы чешская исторіографія была спасена отъ совершеннаго упадка. При новомъ положеніи дѣлъ въ Австріи и въ Чехіи относительно народно-равноправности, при усиливающемся развитіи и значеніи чешскаго языка и чешской литературы, справедливо, чтобы и чешская публика могла пользоваться выходящею на земскія деньги книгой по отечественной исторіи. Кромѣ того, не надо забывать, что источники чешской исторіи, начиная съ гуситскаго движенія, писаны преимущественно по-чешски, и что ихъ воспроизведеніе въ самомъ сочиненіи прибавитъ ему больше интереса и живости. Наконецъ, сами Пѣмцы прямо высказывали, что надо писать чешскую исторію скорѣе по-чешски, чѣмъ по-нѣмецки, если авторъ не можетъ стать на нѣмецкую точку зрѣнія; а этого Палацкій, разумѣется, не былъ въ состояніи сдѣлать. „Еслибъ я“, говорятъ онъ, „съ-молodu не взялъ твердаго намѣренія и не считалъ бы цѣлью своей жизни представить когда-нибудь своимъ соплеменникамъ исторію ихъ народа на ихъ отечественномъ языкѣ, то врядъ-ли я сдѣлался бы когда-либо чешскимъ исторіографомъ“. Комитетъ долженъ былъ согласиться, особенно когда Палацкій нашелъ издателя для своей, по-чешски писанной, исторіи и, кромѣ того, заявилъ, что нѣмецкій переводъ будетъ выходить подъ его контролемъ. Случилось, однако, что одна книга исторіи Палацкаго, именно періодъ царствованія Юрія Подѣбрадскаго, вышла по-чешски раньше, чѣмъ по-нѣмецки (1860 года); комитетъ сдѣлалъ своему исторіографу выговоръ, требуя отъ него,

чтобъ его историческій трудъ выходилъ на нѣмецкомъ языкѣ раньше, чѣмъ на чешскомъ, и угрожалъ, въ противномъ случаѣ, „прекратить пособіе“. Вслѣдствіе новыхъ политическихъ переворотовъ, наступившихъ вскорѣ послѣ того въ Австріи, Палацкій освободился отъ повторенія подобныхъ „выговоровъ“.

Такимъ образомъ завоевалъ Палацкій для своего труда оригинальность чешскаго текста, начиная съ гуситскаго времени, и издалъ, въ теченіи 1850 — 1867 гг., по-чешски шесть книгъ своего сочиненія (томы III, IV, V, каждыя изъ двухъ частей), содержащаго исторію *гуситскаго движенія*, царствованіе *Юрія Подъбрадскаго* и обоихъ чешскихъ *Ягелловичей*, то-есть, періодъ съ 1403 по 1526 годъ. Нѣмецкій текстъ выходилъ одновременно съ чешскимъ. Между тѣмъ Палацкій трудился и надъ редакціей чешскаго текста для періодовъ исторіи, написанныхъ до тѣхъ поръ только по-нѣмецки: въ 1854 году онъ издалъ вторую часть I-го тома (1125—1253 гг.), въ 1874 году — начало первой части II-го тома (1253—1282 гг.). Періодъ, обнимающій 1283 — 1403 гг. существуетъ пока только еще въ нѣмецкомъ текстѣ; редакціей чешскаго текста этой части исторіи Палацкій занимается въ настоящее время. Чтобы судить о соотношеніи нѣмецкаго и чешскаго текстовъ исторіи Палацкаго до 1403 года, замѣтимъ, что періодъ съ древнѣйшихъ временъ по 1253 годъ считается въ нѣмецкомъ текстѣ 639 страницъ, въ чешскомъ же — 906 страницъ, періодъ 1253 — 1282 гг. въ нѣмецкомъ текстѣ 195, въ чешскомъ — 240 страницъ. Кромѣ того, Палацкій издалъ въ 1870 — 1872 гг. новое дополненное изданіе своей исторіи *гуситскаго* періода (1403—1439 гг.) въ трехъ томахъ; первое изданіе содержитъ 989 страницъ, второе — 1125 страницъ.

Когда Палацкій въ 1831 году предпринялъ планъ написать новую чешскую исторію, то уже тогда, предвидя всѣ затрудненія своего предпріятія, онъ отказался точнѣе опредѣлить срокъ, въ который довершить свой трудъ. Эти затрудненія все больше увеличивались, такъ какъ Палацкій не только повсюду вынужденъ былъ то собирать историческіе матеріалы, то пролагать новый путь почти въ каждой отрасли чешской исторіи; кромѣ того отняла у него время и его политическая дѣятельность 1848 — 1849 гг., особенно же начиная съ 1860 года. Достигши, между тѣмъ, уже преклонной старости, Палацкій увидѣлъ, что онъ не въ состояніи довести свой историческій трудъ до новѣйшихъ временъ и долженъ остановиться на извѣстномъ періодѣ. Онъ выбралъ 1526 годъ.

Эпоха 1526 года, кромѣ другихъ причинъ, знаменита въ чешской исторіи и потому, что она составляетъ, такъ сказать, рѣзкую грань между двумя періодами относительно сохранившихся источниковъ. Чешскому историку приходится жаловаться на безпримѣрное запущеніе всѣхъ письменныхъ памятниковъ періода до 1526 года. Изъ правительственнаго архива не уцѣлѣло никакихъ остатковъ; изъ богатыхъ королевскихъ регистровъ, введенныхъ уже со времени Отакара II, извѣстенъ одинъ только томъ изъ царствованія Карла IV, 1360—1361 гг. (издалъ его Глафей); и одинъ томъ изъ царствованія Владислава 1498—1502 гг. (изданъ недавно Палацкимъ); древнія земскія доски сгорѣли въ 1541 году, и случайно уцѣлѣвшія выписки изъ нихъ не могутъ замѣнить тяжелой потери; архивы чешскихъ прелатуръ, съ тѣхъ поръ какъ духовное сословіе лишено политическихъ правъ, лишены также исторической важности. Въ столицѣ чешскаго государства, въ Прагѣ, уже давно умышленно уничтожены всѣ политическіе акты XV и XVI вѣка; панскіе роды мало заботились о своихъ частныхъ архивахъ, такъ какъ земскія доски вполне удовлетворили ихъ потребностямъ; исключеніе составляютъ только паны изъ Розенберга, архивъ которыхъ въ Требони вышелъ цѣлъ изъ всѣхъ погромовъ. Наконецъ, извѣстно больше чѣмъ столѣтнее свирѣпствованіе іезуитскихъ миссіонеровъ, на повалъ истреблявшихъ всѣ древнечешскіе, будто бы еретическіе, памятники. Съ 1526 года положеніе дѣлъ измѣняется. Правительственные архивы, королевскіе регистры, сеймовые и судебные акты, земскія доски, все это сохранялось съ тѣхъ поръ если не вполне, все-таки въ достаточномъ изобиліи; кромѣ того множество матеріаловъ паходится въ разныхъ архивахъ домашнихъ и заграничныхъ. Поэтому, если чешскому историку пришлось бороться до 1526 года съ недостаткомъ нужныхъ источниковъ и извѣстій, настаетъ для него съ этого времени борьба другого рода, а именно съ ихъ изобиліемъ.

Палацкій, соображая всѣ эти обстоятельства, отказался отъ продолженія своего труда, а обратилъ всю свою дѣятельность на допoлненіе и усовершенствованіе написанныхъ уже періодовъ. Объ этомъ намѣреніи онъ извѣстилъ земскій комитетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ ему заботиться объ учрежденіи особаго архива земскаго (1862 г.).

До 1848 года рукопись исторіи Палацкаго должна была посылаться въ Вѣну въ главный цензурный комитетъ. Такъ какъ рукопись часто лежала тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, то высшій бургграфъ чешскій, графъ Хотекъ, сдѣлалъ предложеніе, что онъ самъ будетъ цензурировать

вать рукописи въ Прагѣ и сдѣлалъ пробу въ рукописи, обнимающей періодъ 1061 — 1092 гг. Но въ Вѣнѣ не согласились на это предложеніе и какъ бы въ доказательство того, что графъ Хотекъ дѣйствовалъ не съ надлежащею осмотрительностью, отиѣтили въ рукописи множество неудобныхъ мѣстъ. Впрочемъ, въ послѣдствіи и Вѣнская цензура отнеслась къ исторіи Палацкаго довольно снисходительно.

Другое дѣло когда Палацкій въ 1843 и 1844 гг. доставилъ рукописи о началахъ *гуситскаго движенія* (1403—1419 гг.). Тутъ, цензоръ, профессоръ теологін, даже сдѣлалъ предложеніе совершенно прекратить исторію Палацкаго. Но это показалось рѣшающимъ лицамъ слишкомъ строгимъ, такъ что объ этомъ сочли нужнымъ извѣстить самого канцлера Меттерниха. Тотъ рѣшилъ, чтобъ „неподобающія резонирования“ (*missliebige Raisonnements*) вычеркивались, но что автору нельзя запретить разказывать дѣйствительные факты.

Такихъ „неподобающихъ резонированій“ въ рукописи цензура находила довольно много, хотя авторъ, соображаясь съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, всевозможно старался быть очень умѣреннымъ въ своихъ выраженіяхъ. Цензура налегала на то, что чешская исторія вообще, гуситскій же періодъ въ особенности, должна быть такъ изложена, чтобъ католическіе читатели не были введены въ заблужденіе. Цензура вставила въ характеристику Гуса слова „упрямство и непреклонное своенравіе“ (*Hartnäckigkeit, unbilgamer Eigensinn*); третье качество навязанное Гусу „страсть къ спорамъ и желаніе быть всегда правымъ“ (*Rechthaberei*) осталось, только въ рукописи, а не перешло въ печать. Разказъ о чрезмѣрной испорченности тогдашней іерархіи былъ исключенъ; гуситизмъ долженъ былъ явиться дѣйствіемъ безъ причины, и могъ объясниться лишь разными „дурными“ качествами Гуса.

Разказъ Палацкаго о процессѣ Гуса на Констанцкомъ соборѣ показываетъ, по мнѣнію цензора, что авторъ хотѣлъ возбудить состраданіе къ осужденному. Цензурѣ не понравились: слово „напизмъ“ (что и было выпущено), сцена между Гусомъ и генераломъ миноритовъ (выпущена), слова Палацкаго, что „мужество Гуса возбудило удивленіе даже у его отъявленныхъ враговъ“ (выпущены), такъ какъ католическая церковь видитъ здѣсь не мужество, а ослѣпленіе и упрямство; слова „король Сигизмундъ не понялъ высшаго значенія Гуса“ (выпущены), описаніе Іеронима въ извѣстномъ письмѣ Поджіо

(осталось съ нѣкоторыми измѣненіями), мысли Палацкаго объ осужденіи Гуса и Іеронима (остались), и пр.

Отвѣты и защита Палацкаго противъ подобныхъ отзывовъ цензуры опять не понравились, и самъ министръ полиціи, графъ Чедлницкій, велѣлъ, чрезъ посредство пражскаго полиціймейстера, сдѣлать Палацкому строгій выговоръ за неприличный тонъ его отвѣта (dem Palacký sei das Unangenehme seiner Schreibart nachdrücklich zu verheben).

Съ 1848 года ничего подобнаго уже не повторилось, и въ чешскомъ изданіи Палацкій могъ говорить о процессѣ Гуса и Іеронима, какъ подобаетъ историка, безъ всякаго вмѣшательства заботливой о католическихъ читателей цензуры. Счастлива была мысль Палацкаго издать гуситскій періодъ въ 1850—1851 гг.; ибо вскорѣ послѣ того наступившая въ Австріи реакція, вѣроятно, не дозволила бы ему исполнить эту задачу. Такъ какъ гуситская исторія Палацкаго давно уже разошлась тогда въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и жадно читалась всѣми классами чешскаго народа, то въ Вѣнѣ попробовали, по крайней мѣрѣ, парализовать впечатлѣніе, сдѣланное разказомъ Палацкаго на чешскую публику. Извѣстный публицистъ, баронъ *Гельфертъ*, побуждаемый министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Туномъ, издалъ въ пользу благочестивыхъ католиковъ книгу о Гусѣ по-нѣмецки и по-чешски; чешское изданіе вынуждена была принять Матица чешская (1857 г.). Но все напрасно: гуситскій періодъ исторіи Палацкаго вышелъ недавно въ новомъ изданіи, а книга Гельферта давно заброшена и забыта, и множество ея экземпляровъ загромождаетъ до сихъ поръ книжный складъ чешской Матицы.

Познакомимся теперь съ главнымъ трудомъ Палацкаго, съ его „Исторіей чешскаго народа въ Чехіи и въ Моравіи“,—съ этимъ „трудомъ цѣлой жизни, съ этою главною и послѣднею цѣлью всѣхъ его стремленій“.

„Съ-молоду я не зналъ болѣе горячаго и высшаго желанія въ своей жизни,“ говоритъ Палацкій, „какъ только представить любимому своему народу вѣрную картину его прошлаго, въ которой онъ узналъ бы самого себя какъ въ зеркалѣ и помнилъ, въ чемъ онъ нуждается. Уже по этой причинѣ сочиненіе мое должно было быть написано на языкѣ и въ духѣ народномъ и, можетъ быть, я бы вообще никогда не сдѣлался историкомъ, еслибъ съ самаго начала не посвятилъ себя всецѣло служенію чешской литературѣ. Всѣ свои

историческія сочиненія, изданныя до тѣхъ поръ, я считалъ и считаю предварительными студіями, или простымъ подготовленіемъ къ этому труду „Исторіи чешскаго народа“ — главной и послѣдней цѣли всѣхъ моихъ прежнихъ стремленій. Хотя я усердно старался о томъ, чтобъ мой трудъ служилъ народу въ пользу, мнѣ же самому въ честь, но все таки съ болью сознаю, что онъ мнѣ удался только очень несовершенно, что онъ недостаточенъ почти на каждой страницѣ; но мнѣ не оставалось другаго выбора, какъ или навсегда отказаться отъ самаго любимаго своего желанія и надежды и, стало быть, вполнѣ прекратить неудовлетворительный этотъ трудъ, или же предложить его народу такимъ, какъ онъ есть. Приступивъ къ своему труду безъ руководителя, безъ помощника и безъ средствъ, я вынужденъ былъ прежде всего обратить вниманіе на заброшенные до тѣхъ поръ источники нашей исторіи. Я ходилъ по городамъ и краямъ, обильно пытался пылью архивовъ и библіотекъ, иногда еще не тронутыхъ, старательно подбиралъ всѣ крошки древнечешской литературы, какъ драгоценныя такъ и малозначущія, самъ все списывалъ, счастливый, когда въ пенлѣ минувшихъ временъ находилась искра, обѣщающая разсвѣтъ въ темныхъ и забытыхъ сферахъ! Но рѣдко выпадала на мою долю такая утѣха: прибрѣтенная добыча мало соотвѣтствовала усилію и нуждамъ изслѣдователя. Наши предки не очень заботились о духовныхъ потребностяхъ своихъ потомковъ, записывали мало и сохраняли еще меньше. Потому и занаятъ того, что возможно было собрать въ теченіе многихъ лѣтъ, недостаточенъ для яснаго взгляда на всѣ отрасли темной древности; постоянно еще и напрасно задаетъ себя изслѣдователь тысячи вопросовъ во мракѣ минувшихъ вѣковъ, и если тамъ и сямъ мелькаетъ что нибудь, то часто сомнительно, свѣтъ-ли это или же блудящій огонекъ!

„Болѣе кого-либо другаго я уважаю заслуги всѣхъ своихъ предшественниковъ по части чешской исторіи, начиная отъ Космы Пражскаго до Добнера и Пельцеля, и благодарю ихъ за поученіе въ ихъ трудахъ: но не правъ-ли я, говоря, что всѣ они даже издавна не удовлетворили требованіямъ настоящей исторіографіи? Доставленные ими извѣстія, въ сравненіи съ безчисленными историческими явленіями, очень бѣдны и недостаточны даже для составленія полнаго перечня простыхъ фактовъ и, такъ сказать, грубыхъ событій въ отечествѣ; па духъ же, изъ котораго исторія происходила, на идеи, которыя въ нихъ являлись, на многообразное государственное устройство, на перемѣны отношеній и правовъ въ народѣ, на формы, въ которыхъ

працалася общественная жизнь, — на такім и подобнымъ тому вещи у насъ въ давнія времена не обращали почти никакого вниманія, да и въ новѣйшій вѣкъ нельзя было ими заниматься, пока источники нашей исторіи не были собраны и не всесторонне изслѣдованы; а если кто и приступилъ къ подобной задачѣ на основаніи басней Гайка, то выходило еще хуже.

„При такомъ положеніи дѣлъ требовать, чтобъ я сейчасъ всему удовлетворилъ и одинъ, съ-разу, такъ сказать, нанесъ и подготовилъ себѣ почву, посадилъ и выростилъ зерна, подготовилъ ихъ разцвѣтъ и вывелъ зрѣлые плоды, это, думаю, ужъ слишкомъ много для такихъ слабыхъ силъ, какія я въ себѣ чувствую. Кто занимался изслѣдованіемъ нашей древности, тотъ навѣрно испыталъ, что каждый ея отдѣлъ требуетъ цѣлаго человѣка и цѣлой его жизни: какъ же мнѣ одному овладѣть ими всѣми? Поэтому, если послѣ меня болѣе счастливые изслѣдователи найдутъ, что я, говоря о древнихъ порядкахъ и беспорядкахъ, оставался иногда какъ будто только на поверхности и не вникалъ въ самую суть вопроса,—то я только буду жалѣть, что они меня не предупредили и не поучили. Но надѣюсь съ ихъ стороны на безпристрастное свидѣтельство, что если и не вездѣ уловилъ я правду, то, по крайней мѣрѣ, старался вездѣ ее отыскивать усердно и искренно.

„Старые Чехи, народъ малочисленный, попытались когда-то одни, можетъ быть преждевременно, разрѣшить великую задачу: освободить человѣческій духъ изъ подъ средневѣковаго авторитета, или добыть себѣ право свободного изслѣдованія и убѣжденія въ дѣлахъ вѣры и религіи. Поэтому имъ пришлось два раза поднять великую и рѣшительную борьбу, какой свѣтъ не видалъ до тѣхъ поръ: *борьбу за интересы и достояніе человѣческаго духа*. На первый разъ, въ такъ называемой гуситской войнѣ, Чехамъ удалось почти чудеснымъ образомъ побѣдить и одолѣть все остальное христіанство и принудить его къ признанію правъ другаго убѣжденія: но народы возненавидѣли за то чешское имя. Въ другой разъ, въ тридцатилѣтней войнѣ, хотя Чехи пріобрѣли себѣ союзниковъ, были побѣждены и замучены такъ, что три четвертыхъ народа погибли и исчезли въ неслыханныхъ несчастіяхъ и бѣдствіяхъ, одна же оставшаяся четверть уцѣлѣла только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ она не только отреклась отъ стремленій предковъ, но и осудила ихъ. Съ тѣхъ поръ одержало верхъ мнѣніе, что вся чешская исторія XV и XVI вѣковъ была—заблужденіемъ, о которомъ слѣдуетъ жалѣть и стыдиться его. Всеобщимъ и безжало-

стная реакція захватила всѣ памятники духовной жизни той эпохи; сочиненія, отъ нея оставшіяся, считались опаснымъ ядомъ и поэтому разыскивались и истреблялись силою въ продолженіе болѣе чѣмъ цѣлаго вѣка; то, что случайно не подверглось свирѣпому фанатизму, пропало, благодаря безумію и превратному равнодушію потомковъ. Когда преобладала мысль, что лучше утопить тѣ событія въ морѣ забвенія, чѣмъ нарушать ими глубокое спокойствіе позднѣйшаго вѣка, то не мудрено, что самая заботливость и спросъ на нихъ навлекали подозрѣнія въ неблагонамѣренности. Какъ при такомъ положеніи дѣлъ могли преуспѣвать изслѣдованія по чешской исторіи—не пужно излагать подробно.

„Принявъ на себя задачу чешской исторіографіи, я хотя и не былъ привыкомъ на этой почвѣ, все таки не могъ предвидѣть всѣхъ препятствій и затрудненій, которыя меня ожидали. Нашъ народъ, конечно, и во время глубочайшаго своего упадка, не переставалъ жаждать своей исторіи, обращая на нее глаза, какъ на священный якорь при угрожавшемъ потопленіи. По этой причинѣ всегда были патріоты, которые охотно и съ любовью занимались чешскою исторіей; но, при строгости цензуры, они вынуждены были выбирать себѣ предметомъ только отдѣльные вѣка и явленія, всего менѣе предосудительныя (съ точки зрѣнія тогдашнихъ властей, свѣтскихъ и церковныхъ), или проводить направленіе, которое а priori осуждало почти всѣ давнія желанія и стремленія народа. Извѣстно, какія непріятности испыталъ на этомъ пути, напримѣръ, самъ патріотическій іезуитъ Богуславъ Вальбинъ. Въ теченіе минувшаго вѣка отличились заслугами по чешской исторіи, особенно древнѣйшаго періода, Добнеръ, Пельцель и Добровскій. Это я признаю и прославляю съ тѣмъ болышей благодарностью, чѣмъ болыше они мнѣ облегчили, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мои задачи. Но вообще, когда я впервые предпринялъ свой трудъ, не былъ еще подготовленъ матеріалъ, безъ котораго исторія никакъ не можетъ обойтись, если она хоть мало мальски должна удовлетворять требованіямъ нашего времени. Дѣйствительныхъ и настоящихъ источниковъ сохранилось слишкомъ мало; древніе письменные памятники, которые избѣжали погрома минувшихъ вѣковъ, лежали по большей части еще скрытыми и незамѣченными въ домашнихъ и заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ; дипломатарію чешскому только старательностію Пельцеля сдѣлано очень незначительное начало. Даже и для древнѣйшаго до-гуситскаго періода, хотя онъ относительно былъ лучше всего обработанъ, недоставало пужной

научной основы, и я былъ вынужденъ провести нѣсколько лѣтъ, только надъ студіями древней чешской топографіи, жуннаго устройства и проч. Въ періоды гуситскій и послѣдующіе часто приходилось мнѣ жаловаться на недостатокъ данныхъ и на отрывочность нашихъ свѣдѣній о самыхъ важныхъ событіяхъ, такъ какъ бѣдность источниковъ, въ особенности домашнихъ, увеличивалась рѣзко въ связи съ важностью и интересомъ самыхъ историческихъ явленій. Нельзя, конечно, обвинять старыхъ Чеховъ, что они оставили намъ послѣ себя мало памятниковъ, ибо я знаю, что эти памятники долго, да отчасти еще и въ мое время, были громадно и умышленно истребляемы.

„Больше всего времени отняло у меня отыскиваніе и собраніе уцѣлѣвшихъ тамъ и сямъ древнихъ источниковъ, строительнаго матеріала, разбросаннаго во всѣхъ концахъ міра. Само строеніе, не смотря на весь тяжелый трудъ, доставляетъ все-таки больше удовольствій, хотя строитель знаетъ, что не смотря на всю старательность, изъ-за бѣдности матеріала, онъ не будетъ въ состояніи совершить ничего, ни великаго, ни виднаго.

„Въ своемъ трудѣ я желалъ соблюсти законы историческаго стиля; но, не говоря уже о своей недостаточности, мнѣ мѣшала еще бѣдность нашихъ источниковъ, которые часто довольно многорѣчивы о незначительныхъ дѣлахъ, а болѣе важныхъ вовсе даже не касаются. Историкъ-художникъ не долженъ строить свободно по своей фантазій, а только по опредѣленнымъ и достовѣрнымъ даннымъ. Какъ же создать художественное сочиненіе, если для него не достаетъ даже потребнаго матеріала? Многіе рекомендовали мнѣ воспользоваться модой нашего времени, которая учитъ окружать фразами вселѣдующихъ философическихъ системъ всѣ явленія, которымъ не умѣемъ возразить пластическихъ ихъ формъ: но я искренно признаюсь, что мнѣ не по вкусу это непогрѣбимое мечтательство, которое, заходя далеко за границы опыта и осязаемости, гораздо чаще минуетъ исторію, чѣмъ съ нею встрѣчается.

„Пусть мой трудъ послужитъ нашему народу къ самопознанію и къ сознанію того, чѣмъ онъ есть и чѣмъ онъ долженъ быть. Пусть нашъ любимый и всегда тяжело испытываемый народъ скорѣе получить вѣрное зеркало своего минувшаго, въ поученіе, память и укрѣпленіе въ своемъ бытіи, чтобы онъ всегда шелъ по пути правды и права, чтобы онъ не былъ высокомеренъ въ счастья и не падалъ духомъ въ несчастіи!“

Такими словами начинается Палацкій свой трудъ, обращаясь къ чешскому народу.

Какъ видно изъ заглавія „Исторія народа чешскаго въ Чехіи и Моравіи“, Палацкій объявля въ своемъ трудѣ судьбы обѣихъ этихъ странъ. „Моя цѣль была всегда не отдѣлять того, что соединилъ Богъ, и не дѣлать преградъ тамъ, гдѣ ихъ отъ природы нѣтъ: ибо я крѣпко убѣжденъ, что я *родомъ Мораванинъ, а народностью — Чехъ*“. Поэтому справедливо замѣчаетъ Палацкій, что основательная исторія чешскаго народа должна равнымъ образомъ относиться къ обѣимъ странамъ, Чехіи и Моравіи, какъ къ двумъ частямъ одного цѣлаго, которыя уже съ IX вѣка находятся въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Подъ словомъ „чешскій народъ“ Палацкій понимаетъ Славянъ, живущихъ и въ Чехіи, и въ Моравіи, или скорѣе „на Моравѣ“, главной рѣкѣ той страны.

Исторія чешскаго народа представляетъ во многомъ большой интересъ. Если чешская земля лежитъ въ серединѣ, такъ сказать, въ сердцѣ Европы, то и чешскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ служилъ средоточіемъ, въ которомъ соприкасались разные элементы и принципы новой европейской жизни, національной, государственной и церковной. Именно здѣсь видна долговѣчная борьба и обоюдное прониканіе элементовъ римскаго, нѣмецкаго и славянскаго.

Подлѣ завоевательнаго, плотно сосредоточеннаго подлѣ одной центральной власти, элемента нѣмецкаго, является элементъ славянской, къ завоеваніямъ не расположенный, разрозненный, и потому постоянно подпадающій подъ иго иноплеменниковъ. Если Славянинъ не хотѣлъ въ копецъ погибнуть, то онъ долженъ былъ отчасти измѣнить, преобразовать свою патуру и припить долю чуждыхъ элементовъ.

Это мы видимъ особенно у Чеховъ.

Главное содержаніе и основная черта всей исторіи чешскаго народа — *безпрерывное сношеніе и сталкиваніе славянства съ германизмомъ и романизмомъ*; а такъ какъ послѣдній касался Чеховъ только посредствомъ Нѣмцевъ, то можно сказать, что чешская исторія основывается, главнымъ образомъ, на борьбѣ съ нѣмецкой, или на принятіи и отрицаніи нѣмецкихъ учрежденій Чехами. Правда, и у другихъ славянскихъ племенъ было такое же столкновеніе обоеихъ элементовъ, но оно либо не было такъ всесторонне и живо, какъ напри-
мѣръ, у Поляковъ и у Русскихъ, либо давно окончилось гибелью славянской пародности, какъ у Лютичей, Водричей и друг. Чешскій

народъ одинъ, примкнувъ къ нѣмецкому какъ равный къ равному и въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтіе вступивъ съ нимъ въ самыя тѣсныя связи, *отстоялъ свою народность* до сихъ поръ, и хотя много нѣмецкаго принялъ и переработалъ въ свой бытъ, но не пересталъ быть славянскимъ народомъ. И теперь еще осталось его задачей, произтекающею изъ его исторіи и географическаго положенія, служить *мостомъ между нѣмечиною и славянствомъ*, между востокомъ и западомъ Европы вообще.

Эти свои взгляды на нѣмецко-славянскія отношенія Палацкій часто высказывалъ и помимо своей исторіи, особенно въ замѣчательной статьѣ „Разница въ исторіи Нѣмцевъ и Славянъ“ (1868 г.). „Чешская исторія есть та почва, гдѣ издавна сталкиваются другъ съ другомъ сильнѣе всего контрасты германизма и славянства, и гдѣ они всего яснѣе проявляются; все ея содержаніе—безпрестанная борьба нѣмецкаго и славянскаго элементовъ“. Контрастъ обоихъ племенъ выказывается въ самомъ началѣ ихъ исторіи. Нѣмцы, подобно Римлянамъ и азіатскимъ племенамъ, народъ завоевательный, слѣдовательно, первоначально—народъ разбойническій; Славяне, подобно Грекамъ, народъ не завоевательный. У первыхъ, завоевательныхъ племенъ, источникомъ права была сила; у другихъ, не завоевательныхъ, право основывалось на согласной волѣ цѣлаго народа; у первыхъ господствовало болѣе позитивное право, у другихъ—естественное. Римское право, послѣ паденія Рима, подходило и къ германскимъ завоевателямъ. Завоевательный князь—побѣдитель раздѣлялъ плоды побѣды съ своею дружиной; поэтому возникло особое положеніе насаловъ, разница сословіи, неравенство передъ закономъ, привилегіи, иммунитеты, послабленія однимъ и притѣсненія другихъ. Въ славянскомъ правѣ не преобладало начало силы и завоеваній, не было такъ называемаго права сильнаго. У древнихъ Славянъ, равно какъ, напримѣръ, въ современной Сербіи, не было политической разницы сословіи и неравенства передъ закономъ, не родились господа и рабы. Общимъ знакомъ первобытныхъ славянскихъ отношеній была *свобода*; германскихъ же — *юродство* и его естественное послѣдствіе, *рабство*. Славяне, любя черезъ-чуръ свободу, не подчинялись авторитету центральной власти и вслѣдствіе того пропала ихъ свобода: они сдѣлались жертвой своихъ завоевательныхъ сосѣдей—Нѣмцевъ, Татаръ, Турокъ и другихъ. Славяне вообще, и Чехи въ особенности, если не хотѣли сдѣлаться настоящими „сдѣлаками“ Нѣмцевъ, рано вынуждены были ограничить свою первобыт-

ную свободу и подчиниться принципу авторитета, праву болѣе сильнаго.

Культура современныхъ христіанскихъ народовъ есть общее благо, надъ осуществленіемъ котораго тысячи лѣтъ трудились разные народы міра; она, какъ ее выработали Евреи и Греки, передана Риму, и преимущественно черезъ его посредство перешла къ остальнымъ народамъ, романскимъ, германскимъ и славянскимъ. Нѣмцы, сносаясь раньше и ближе съ преемниками этой культуры, опередили Славянъ, конечно, только по этой приведенной причинѣ, а не по какому-нибудь племенному превосходству. Вслѣдствіе своего географическаго положенія, Славяне не могли добиться продолжительнаго спокойствія, имъ пришлось почти еще цѣлое тысячелѣтіе бороться за свое существованіе съ постоянно появляющимися изъ Азіи безчисленными ордами, между тѣмъ какъ Нѣмцы, защищаемые съ тылу спокойными Славянами, не предпринимали другихъ войнъ, кромѣ тѣхъ, которыя возбуждала у нихъ жадность и властолюбіе. Никогда не шли Славяне наступательно противъ Нѣмцевъ; они всегда держались въ оборонѣ и предпринимали только въ крайнемъ случаѣ, уже сильно раздраженные, нѣкоторыя мимолетныя нападенія на нѣмецкой почвѣ, въ отплату и отмщеніе. Но если страшное нѣкогда, азіатское варварство теперь совсѣмъ поражено и навсегда сдѣлано безвреднымъ, то Европа обязана этимъ только Славянамъ; это не маловажная съ ихъ стороны услуга христіанско-европейской цивилизаціи.

„Демократическій, характеръ древнихъ Славянъ еще сорокъ лѣтъ назадъ оспаривался почти всѣми, или же подвергался сомнѣнію. Но съ тѣхъ поръ это сдѣлалось, по крайней мѣрѣ въ Россіи, общимъ, совершенно узаконеннымъ мнѣніемъ, и хотя неволя низшихъ слоевъ тамъ прекратилась только недавно, но въ національномъ русскомъ обществѣ кастовый духъ теперь уже почти совсѣмъ исчезъ, между тѣмъ какъ на западѣ, особенно гдѣ преобладаютъ нѣмецкіе элементы, онъ еще процвѣтаетъ, не смотря на всѣ либеральныя законы и фразы“.

„Иронія судьбы! Взгляды на права и отношенія, которыя за тысячу лѣтъ назадъ были общимъ достояніемъ Славянъ и которыя считались варварскими, сегодня составляютъ гордость и цѣль стремлений самыхъ цивилизованныхъ народовъ Запада, а Славянъ чествуютъ полуварварами, потому что воображаютъ себѣ, что они имѣютъ пристрастіе къ учрежденіямъ, которыя, будучи созданы по примѣру За-

пада, еще не болѣе какъ за сто лѣтъ назадъ прославлялись имъ же, какъ убѣжище образованности и справедливости“.

Чешская исторія удобно можетъ быть раздѣлена на *три ѣтъ*, древній, средній и новый. *Средній вѣкъ* отличается преимущественно религіозными спорами, которые явились съ возникновеніемъ гуситизма въ 1403 году и кончились въ 1627 выселеніемъ всѣхъ его приверженцевъ. Предыдущія времена принадлежать *ѣтѣ древнему*, послѣдующія затѣмъ — *новому*.

Въ *древній вѣкъ* чешской исторіи преобладаютъ интересы по большей части государственныя, стремленія государей упрочить свою власть внутри и извнѣ. Вѣкъ этотъ раздѣляется на три періода: первый, съ древнѣйшихъ временъ до 895 года, Чехія языческая независимая; второй отъ 895 до 1253 года—Чехія христіанская въ зависимости отъ Германіи, но съ перевѣсомъ славянскихъ учрежденій; третій отъ 1253 до 1403 года—Чехія королевская, соединенная съ Германіей какъ государство равное съ равнымъ, но благопріятствующее въ земскомъ правленіи нѣмецкому элементу.

Въ концѣ V столѣтіи по Р. Х. являются на верхней Лабѣ и ея притокахъ, Волтавѣ и Огрѣ, разныя славянскія племена, которые въ послѣдствіи принимаютъ названіе *Чеховъ*. Общая опасность со стороны сосѣдей, Нѣмцевъ и Аваровъ, сблизила ихъ въ болѣе тѣсное цѣлое, и уже въ VII вѣкѣ Чехія сдѣлалась ядромъ перваго западославянскаго государства, къ сожалѣнію, мимолетнаго. Со смертію его основателя, Сама, славянскія племена разошлись: центръ тяготѣнія перенесли отъ Чеховъ Славяне карпатскіе и моравскіе, и *Великая Моравія* Мойміровичей сдѣлалась ядромъ втораго западославянскаго государства, которое однако въ началѣ X вѣка стало добычей азіатскихъ Мадыаръ. Между тѣмъ чешскія племена сгруппировались около князей пражскихъ рода Премысла, но, послѣ долговѣчныхъ войнъ съ сосѣдними Нѣмцами, должны были применить къ имперіи Римско-нѣмецкой. Чешско-моравскіе Славяне, находясь въ первобытномъ своемъ состояніи, жили въ родовомъ быту, склоняющемся къ демократическимъ учрежденіямъ; на немъ основывалась власть князя, — судьи, правителя, воеводы и жреца народнаго; разница сословій не была такъ рѣзка, какъ у Нѣмцевъ, рабство почти неизвѣстно; лѣхи и владыки были главные земляне, то-есть, землевладѣльцы, и они-то, вмѣстѣ съ княземъ и съ его совѣтомъ, кметами, совѣщались на *снѣмахъ* объ общественныхъ дѣлахъ; земля раздѣлилась на *жупы*, средоточіемъ которыхъ былъ градъ (городъ), начальникомъ—прямо жупанъ;

религія основывалась на обожаніи природныхъ силъ. Въ IX вѣкѣ къ Чехамъ и Моравянамъ стала проникать новая религія, христіанство, съ двухъ сторонъ: съ запада, посредствомъ Нѣмцевъ, римско-латинское, съ востока, изъ Царьграда, богослуженіе славянское; послѣднее должно было въ послѣдствіи уступить первому. „Если посмотримъ на картину первобытности чешской“, замѣчаетъ Палацкій, „какъ мы ее, хотя не полно и часто не совсѣмъ опредѣленно, нарисовали, по по подлиннымъ и хорошимъ источникамъ, то мы не можемъ не узнать въ ней такого положенія дѣлъ, которое свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ прогрессѣ въ образованности, равно какъ и о томъ, что первобытные Чехи не были такими варварами и полудикарями, какъ о нихъ до сихъ поръ господствуетъ почти всеобщее мнѣніе; но по величїи и такой идиллической жизни, какъ казалось лѣтописцу Гайку и потомъ другимъ. Пускай новѣйшіе нѣмецкіе историки помнятъ, что именно ихъ предки, Эйнгартъ, лѣтописцы Фульдскіе, Видукинъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ, біографы св. Оттона и другіе представили, хотя большею частью по неволѣ, но за то тѣмъ болѣе заслуживающія довѣрія свидѣтельства о равнѣмъ и многонадежномъ развитіи образованности у первобытныхъ Славянъ. Поэтому только общимъ невѣжествомъ этихъ историковъ должно объяснить, если они проповѣдуютъ о природномъ славянскомъ скотообразіи“.

Нашествіемъ Мадыаръ и паденіемъ Великой Моравіи произведенъ былъ переворотъ въ жизни Славянъ вообще, и западныхъ Славянъ въ особенности. Чехи, именно, должны были вступить съ Римско-нѣмецкою имперіей въ болѣе тѣсныя, политическія и церковныя связи, по при этомъ верховная власть ихъ князей осталась не тронутою, и еще значительно усилилась; чешскіе князья уже въ X вѣкѣ не имѣли соперниковъ въ Чехіи, да скоро распространили свою власть и на соседнія племена славянскія — на Моравъ, верхней Одрѣ и Вислѣ, и въ Карпатахъ. Но этотъ объемъ Чешскаго государства былъ кратковременный; осуществленіе западославянскаго государства не удалось ни чешскимъ князьямъ, ни польскимъ; только пынѣшняя Моравія присоединена къ Чехіи и раздѣляетъ съ тѣхъ поръ судьбу Чешскаго государства и народа. Зависимость чешскихъ князей отъ римскихъ императоровъ усиливалась съ междоусобицами разпожившихся членовъ рода Премысла; эти междоусобицы, это добываніе великокняжескаго достоинства, наполняютъ вторую половину XI и цѣлый XII вѣкъ, составляя печальную сторону чешской исторіи того времени. Законъ о родовомъ старшинствѣ не соблюдался чешскими, равно какъ и поль-

скими и русскими князьями. Но, благодаря усиліямъ пѣкоторыхъ эпергическихъ князей, единовство Чешскаго государства уцѣлѣло, а междоусобицы прекратились въ самомъ концѣ XII вѣка, при первомъ наслѣдственномъ королѣ чешскомъ Премыслѣ I Отакарѣ. При немъ точно опредѣлено отношеніе чешскаго короля къ императору, введено первородство, разрѣшенъ споръ между государственною и церковною властью въ пользу первой. Идея государства была упрочена еще больше при сынѣ Премысла, королѣ Вячеславѣ I. Громадныя заслуги приобрѣли себѣ Чехи передъ Европой при Вячеславѣ: ихъ усиленъ спасена среднія Еврона отъ страшнаго нашествія Монголовъ. Царствованіе короля Вячеслава составляетъ важный предѣлъ въ древней чешской исторіи. „Премыслъ I Отакаръ возобновилъ Чехію въ политическомъ отношеніи, Вячеславъ хотѣлъ преобразовать ее правственно; тотъ совдалъ новыя юридическія отношенія и новыя законы для своего государства, этотъ склонялъ свой народъ къ новымъ нравамъ, обычаямъ и развлеченіямъ; если стараніемъ перваго Чехія приобрѣла себѣ политическую независимость относительно Германіи, второй старался присоединить ее къ ней опять связями болѣе пріятными, и слѣдовательно болѣе прочными, спокойнаго сосѣдства, потребностей образованности и роскоши“.

Не смотря на тѣсныя связи Чехіи съ Германіей, начиная съ конца IX вѣка, въ ней сохранились славянскіе учрежденія почти ненарушимо до первой половины XIII вѣка. Славянскій характеръ поситъ на себѣ жизнь государственная, юридическая, общественная, умственная, сходная съ жизнью другихъ народовъ славянскихъ; имъ проникнуты такіе учрежденія, какъ, княжескіе удѣлы, нераздѣльность сословій, равенство всѣхъ передъ закономъ, не существованіе извѣстныхъ привиллегій, перевѣсъ жупнаго устройства и соединенныя съ нимъ земскія повинности, особые судебные порядки и т. д. Такой же славянскій характеръ имѣетъ и народная поэзія, сохранившаяся въ Зеленогорской и Краледворской рукописяхъ. Въ этотъ славянскій періодъ чешскій народъ не былъ еще раздѣленъ на строго опредѣленныя сословія съ разными политическими правами, не было въ Чехіи и Моравіи особаго сословія городского, хотя оно уже начинало создаваться; разница между шляхтой (дѣдами или панамъ и владыками) и не шляхтой (дѣдичами, кметами) не была строго опредѣлена, нѣкто не былъ освобожденъ отъ общихъ земскихъ судовъ и повинностей и проч. „Если соберемъ все здѣсь сказанное въ одно“, оканчиваетъ Палацкій этотъ періодъ, „и посмотримъ на

все это какъ на вѣрное зеркало духа и жизни народной, то увидимъ, что, конечно, нельзя прилагать къ упомянутымъ явленіямъ мѣрку созрѣвшей образованности, но, съ другой стороны, что мы были бы не правы передъ своими предками, еслибъ представляли ихъ себѣ варварами или полудикарями, погрязшими только въ звѣрской сторонѣ человѣческаго быта. Чехи и Мораване XII и XIII вѣковъ равнялись въ образованности и благородствѣ духа съ лучшими своими сосѣдами, и превосходили еще многихъ другихъ своимъ примѣромъ“.

При Премыслѣ II Отакарѣ (1253 — 1278) чешское государство вступило въ рядъ первостепенныхъ державъ Европы, и чешская исторія выходитъ изъ предѣловъ исторіи провинціальной, приобретаетъ болѣе обширный объемъ. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ Чехія опять сдѣлалась центромъ великаго государства, которое обнимало Австрію, Штирію, Каринтію и Краину, распространялось въ верхнюю Италію. Рядомъ съ этимъ разширеніемъ границъ чешскаго государства, шли важныя перемѣны и внутри его: король Премыслъ сдѣлался политическимъ реформаторомъ. Онъ создалъ особое сословіе городское, преимущественно изъ Нѣмцевъ, ограничилъ власть жупановъ и судовъ жупныхъ, подчинивъ ихъ центральнымъ властямъ въ Прагѣ, и вообще строго смотрѣлъ за соблюденіемъ справедливости безъ различія сословій; не менѣе того старался о подъемѣ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; самъ онъ былъ человѣкъ великодушный и образецъ, процвѣтавшихъ тогда въ западной и средней Европѣ, рыцарскихъ добродѣтелей. Король Премыслъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи чешской народности именно тѣмъ, что онъ, во вновь создаваемые королевскіе города и окранны чешскія и моравскія призвалъ множество Нѣмцевъ, мѣщанъ, промышленниковъ, рудокоповъ, ремесленниковъ и проч. Хотя самъ онъ не принялъ нѣмецкой народности и вмѣстѣ съ женой сохранялъ живое сознаніе „славянское“, именно сознаніе одного происхожденія славянскихъ народовъ, чешскаго и польскаго не смотря на все это, онъ все-таки благоволилъ къ Нѣмцамъ. „Мы не хотимъ, говоритъ Палацкій, и не можемъ его порицать за то, что онъ уничтожалъ древнеславянскія учрежденія въ своей землѣ, которыя въ западной Европѣ не могли дольше ни процвѣтать, ни сохраняться: иначе онъ долженъ былъ бы противиться имперіи и церкви римской, не находя за то у славянскаго востока ни духовной, ни матеріальной поддержки. Но если взглянемъ на повальное онѣмеченіе столькихъ городовъ и пограничныхъ жупъ (уѣздовъ), то едвали можемъ освободиться отъ подозрѣ-

ніа, что не столько потребность опоры противъ шляхты, сколько излишняя жадность новыхъ источниковъ обогащенія была виною его опростетчивости. Если онъ невольнo нанесъ этимъ своему народу, быть можетъ, роковой ударъ, то пострадалъ за то самъ скорѣе и тяжелѣе. Судьба, по истинѣ трагическая, наказала его тѣмъ, чѣмъ онъ грѣшилъ: ему досталось не только поруганіе, но, наконецъ, и гибель со стороны того же, воссламентѣвшаго національною враждой, элемента, которому въ жизни чрезмѣрно онъ мирвоилъ". Вслѣдствіе соединенныхъ силъ Германіи, Рима и Угрии и присоединившейся къ нимъ, партіи, недовольной своимъ сильнымъ государемъ, — чешско-моравскою шляхтою, — онъ упалъ съ высоты и погибъ въ сраженіи на Моравскомъ полѣ. „Король Премысль Отакаръ былъ на всемірномъ поприщѣ, въ числѣ передовыхъ людей исторіи, явленіемъ не только достопамятнымъ, но и гораздо болѣе благороднымъ, чѣмъ думало наше, сбываемое съ толку, общественное мнѣніе. Конечно, дѣйствительнаго величія и славы его не слѣдуетъ мѣрить ни числомъ, ни объемомъ земель, которыя онъ присоединилъ къ своей отчинѣ, ни побѣдами, которыя онъ часто одерживалъ надъ могущественными врагами, ни богатствомъ наконецъ, и прихворною роскошью, которою онъ превосходилъ всѣхъ государей своего вѣка: она основывалась болѣе на рѣдкомъ согласіи отличныхъ качествъ правителя, на возвышенныхъ планахъ и принципахъ относительно политики и права, на мудрости, съ которою онъ преобразовалъ устарѣвшее устройство своего государства по потребностямъ своего времени, создавъ новое политическое сословіе не въ ущербъ до тѣхъ поръ существовавшихъ правъ, — на всеобъемлющемъ и сильномъ духѣ, съ которымъ ясно всматривался во всѣ дѣла и отношенія своего государства, и управлялъ имъ мудро, справедливо и основательно; на усердномъ попеченіи о процвѣтаніи промышленности и торговли, объ образованіи и благосостояніи подданныхъ, наконецъ, особенно на энергіи, съ которою онъ защищалъ право и справедливость противъ многочисленныхъ насильниковъ своего вѣка. Онъ былъ и назывался главнымъ щитомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ своеволія и злодѣяній сильныхъ людей, въ неравной борьбѣ съ которыми ему пришлось пасть. Оба часто несогласные начальники христіанскаго міра, папа и императоръ римскій, каждый для своихъ собственныхъ выгодъ сговорились другъ съ другомъ на его погибель, взявъ въ союзники невѣрность и измѣну, страсти и предразсудки человѣческіе".

Разшатаанное до самыхъ основъ чешское государство было поднято
часть СЛХХVI, отд. 2.

только черезъ нѣсколько лѣтъ молодымъ Вячеславомъ II Премысловичемъ, и вслѣдствіе благоприятныхъ обстоятельствъ опять распространено, но на этотъ разъ уже не на югъ, а на востокъ: разрываема внутренними междоусобицами Польша пригласила къ себѣ Вячеслава; нѣкоторое время казалось, что и корона угорская прикинеть ближе къ государству чешскаго и польскаго короля. Но это величіе чешскаго государства было непродолжительно: по смерти короля Вячеслава II (1305 г.) и скоро затѣмъ послѣдующемъ убіеніи молодого его сына Вячеслава III (1306 г.) — послѣдняго члена рода Премысла — чешское государство ограничилось Чехіей и Моравіей и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, досталось династіи Люксембургской (1310 г.).

Съ воцареніемъ новаго короля, Іоанна Люксембургскаго, Чехія не достигла желасмаго успокоенія. Король Іоаннъ былъ вполнѣ рыцарь-авантюристъ того времени и предпочиталъ болѣе гоняться за приключеніями въ Германіи, Франціи, Угріи, Польшѣ и Литвѣ, чѣмъ заботиться объ устройствѣ своего государства, да нерѣдко онъ находился въ войнѣ и съ своими подданными. Деньги своего государства тратилъ онъ за границей и всѣ коронныя имѣнія отдавалъ въ залогъ за долги. Но за то онъ прославилъ вездѣ въ Европѣ чешское имя и распространилъ граицы чешскаго государства, именно въ Лужицы и Силезію. Сынъ и преемникъ Іоанна, Карлъ (1346—1378 гг.) во многомъ не походилъ на своего отца. „Онъ не наследовалъ ни его достоинствъ, ни его недостатковъ. Рыцарски храбрый, при томъ отчасти тщеславный, Іоаннъ поддавался обыкновенно своему живому, непостоянному, но направленному на все благородное, темпераменту; серьезно, или шутя, онъ предпочиталъ всему оружіе, выискивалъ войны и турниры, гонялся болѣе за славой, чѣмъ за приобрѣтеніемъ, издерживалъ болѣе, чѣмъ имѣлъ и умѣлъ болѣе захватывать, чѣмъ сохранять; онъ хотѣлъ великаго, но слишкомъ часто доходилъ до мелочей, потому что не умѣлъ разчитывать. Его ученый и серьезный сынъ выказывалъ, напротивъ, полнѣйшее самообладаніе во всемъ и руководствовался во всѣхъ занятіяхъ планами и разчетами; хотя онъ тоже, когда это было нужно, храбро сражался, но предпочиталъ путь мирныхъ переговоровъ, велъ въ порядкѣ свое хозяйство, выказывалъ отличный талантъ правителя рядомъ съ незначительнымъ даромъ полководца, и дипломатическимъ искусствомъ приобрѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо могъ приобрѣсти оружіемъ. Іоаннъ едва скрывалъ свое малое расположеніе къ народу и землѣ чешской: у Карла же эта любовь, казалось, была единственною его страстью. Іоаннъ

смотрѣлъ на свое государство какъ на нѣчто, доставляющее ему титулъ, деньги и могущество; не заботясь о его будущности, онъ искалъ только, въ ущербъ благосостоянію страны, вытиснуть изъ него все, что возможно въ данный моментъ, хотя его значеніе и могущество погибло черезъ это еще скорѣе, чѣмъ благосостояніе народа. Карлъ же дѣйствовалъ такъ, какъ будто земля и народъ издѣ были его первою и единою цѣлью; убѣжденный, что могущество правителя прежде всего основывается на умственномъ развитіи, нравственности и благосостояніи его подданныхъ, онъ дѣйствовалъ сообразно этому и этимъ самымъ укрѣплялъ въ то же время и свое могущество“.

„Карлъ — самый популярный король, какой когда-либо царствовалъ въ Чехіи. При произношеніи его имени согрѣвается еще и теперь каждое чешское сердце и уста переполняются благодарностью и уваженіемъ къ тѣни государя, который въ народной традиціи сталъ представителемъ наивысшаго развитія и благосостоянія своего отечества“. Хотя избранный также въ императоры римско-нѣмецкіе, онъ главное свое попеченіе посвятилъ своему чешскому государству, въ которомъ дѣйствительно могъ царствовать, между тѣмъ какъ при разстроенныхъ отношеніяхъ въ Германіи, это было уже невозможно. Карлъ, принявъ правленіе въ свои руки, выказалъ великолѣпную и обширную дѣятельность. Онъ не стремился къ несбыточнымъ мечтамъ, фантастическимъ теоріямъ, маніямъ чудака; предпринятые имъ подвиги соответствовали истиннымъ потребностямъ его времени, содѣйствовали благороднѣйшимъ интересамъ человѣчества. Границы и объемъ чешскаго государства Карлъ распространилъ въ Лужицы, Силезію, Бранденбургъ и въ другія сосѣднія нѣмецкія земли, не оружіемъ, а договорами и деньгами. Отношенія чешскаго государства къ Римской имперіи были точно опредѣлены. „Очень вѣроятно, что Карлъ стремился къ восстановленію императорской власти посредствомъ своего дома, изъ Чехіи; еслибы это удалось, то Германія сдѣлалась бы такою монархіей, какъ Франція, но съ другой стороны исчезла бы чешская народность“.

Замѣчательная дѣятельность Карла внутри его государства: отношеніи отдѣльных частей къ чешскому королевству были точно опредѣлены; въ немъ водворено полное спокойствіе и справедливое судопроизводство, въ которое самъ король перѣдко вмѣшивался; онъ былъ, хотя не по праву, но на дѣлѣ, настоящимъ самодержцемъ, хотя и не своевольнымъ тираномъ. Чешскіе вельможи, столь сильные и даже опасные при его предшественникахъ, покорались его волѣ и управленію;

только не удалось введеніе общаго уложенія для цѣлаго государства. Карлъ, будучи ученѣйшимъ государемъ и однимъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени, покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ; его побужденіемъ и съ его помощью занялись нѣкоторые ученые отечественною исторіею, при немъ процвѣтала живопись и скульптура; онъ основалъ въ Прагѣ университетъ. При отсутствіи войны и при всеобщей безопасности процвѣтали торговля, ремесла и другія занятія мирнаго времени, возникали новыя строснія, именно въ столицѣ Чехіи и Германіи, въ Прагѣ.

Споры преемника и сына Карла, короля Вячеслава IV, съ чешскимъ духовенствомъ и панами скоро отодвинулись на второй планъ вслѣдствіе важныхъ волненій, которыя составляютъ предѣлы древней и средней исторіи чешской.

Во внутреннихъ отношеніяхъ чешскаго государства и народа—съ половины XIII до начала XV вѣка—произошли важныя перемѣны. Различіе сословій упрочилось и сдѣлалось болѣе рѣзкимъ. Чешская шляхта все больше распадалась на два разряда, пановъ и владыкъ или рыцарей; панское мѣсто пріобрѣло себѣ новое сословіе городское, первоначально почти исключительно пѣмское. Отъ древнихъ дѣдичей или дѣдичиновъ, то-есть, людей-неспляхтичей, лично и вещественно свободныхъ, осталось очень мало; подданные кметы (крестьяне) осѣдлые, по чешскому и нѣмецкому праву, пользовались личною, хотя не вещественною свободой. Древнеславянское жупное устройство совсѣмъ пало вслѣдствіе многочисленныхъ и все больше умножавшихся изытій изъ общаго права. Такимъ образомъ преобразовалась древнеславянская администрація и судопроизводство, развилось особое правленіе земское для учреждений старыхъ, и особое правленіе придворное для новыхъ учреждений, возникло нѣсколько судебныхъ мѣстъ и правъ. Кромѣ того, съ половины XIII вѣка распространилось въ Чехіи много чужихъ обычаевъ, особенно же нѣмецкихъ, не только въ государственной, но и въ общественной и литературной жизни. „Если съ одной стороны справедливо, что Чехи, какъ вообще ни одинъ народъ въ мірѣ, не образовались только сами собою и независимо отъ чужаго вліянія, то съ другой стороны видно, что они развились самостоятельно и соотвѣтственно своему собственному духу принятыя извнѣ зародыши. Нельзя не возставать противъ извѣснаго распространеннаго у Нѣмцевъ предразсудка, будто цивилизація въ Чехіи началась только черезъ нихъ, то-есть, черезъ пѣмскія колоніи. Уже при первомъ взглядѣ на древнѣйшія и лучшія произведе-

ніа чешской литературы ясно видно, что опѣ написаны въ національномъ славянскомъ, даже анти-нѣмецкомъ духѣ. Въ XIV вѣкѣ, когда Нѣмцы въ городахъ пользовались положительнымъ вліяніемъ, духовный перевѣсъ въ странѣ былъ все-таки не на ихъ, а на сторону природныхъ Чеховъ. Доказательствомъ того служитъ большое количество оставленныхъ Чехами латинскихъ и чешскихъ сочиненій, тогда какъ Нѣмцы не могутъ представить ничего другого кромѣ, конечно, драгоценнѣйшей Збраславской лѣтописи архимандрита Петра Житавскаго и переводовъ Давимила и Ткадечка съ чешскаго на нѣмецкій языкъ. Не видно ли уже изъ этого послѣдняго обстоятельства подтвержденія приведеннаго факта? Но не нужно, конечно, игнорировать и того, что, при разнообразномъ смѣшеніи обоихъ племенъ въ странѣ, чешская воспримчивость и живучесть, съ пріобрѣтеніемъ нѣмецкой настойчивости и твердости, пріобрѣла себѣ такую многосторонность, которая отличала Чеховъ столько же отъ ихъ соплеменниковъ, сколько и отъ Нѣмцевъ“.

Съ XV столѣтіемъ начинается *средній вѣкъ* чешской исторіи. Главное содержаніе и характеръ его—это споры и борьба церковная, религіозная, которая два раза повела къ кровавымъ и долготѣннымъ войнамъ: первой, гуситской, которую Чехи и Моравіане довершили побѣдоносно; второй—тридцатилѣтней, которую они несчастливо начали и въ которой, на смерть обесилешные, исчезли со сцены. Партія гуситская или утравистская въ это время числомъ и силой стояла на первомъ планѣ. Связь чешской короны съ Германіей, вслѣдствіе отреченія короля Вячеслава IV отъ нѣмецкой короны и потомъ вслѣдствіе гуситской войны, ослабла такъ, что заключалась только въ правѣ чешскихъ королей подавать голосъ при выборѣ императора. Власть королевская въ землѣ была слаба, народъ даналъ самъ себѣ законы, чешскій языкъ былъ въ публичной жизни господствующимъ, нѣмецкій элементъ, сопротивлявшійся гуситству, кромѣ Силезіи и Лужицъ, глубоко упалъ и почти погибъ. Но съ другой стороны, феодальные нѣмецкіе порядки развивались все больше и больше; разнища сословій не только сдѣлалась крѣпче и рѣзче, но между шляхтой и городами возникли долготѣнные споры и даже кровавыя войны; духовное сословіе въ Чехіи вытѣснено съ политической арены; сельское пародонаселеніе, пользовавшееся до тѣхъ поръ личною свободою, порабощено.

Волѣ крупныя явленія средняго вѣка суть: возникновешіе *гуситской войны* (1419 г.) и примиреніе утравистовъ съ католическою

церковью на Базельскомъ соборѣ; *упадокъ королевской власти* во время долгаго междуцарствія и неудавшееся стремленіе короля Юрія къ ея позстановленію; *распри сословій* и поработеніе сельскаго народонаселенія при королѣ Владиславѣ; *призваніе Габсбурговъ* на чешскій тронъ (1526 г.) и укрѣпленіе королевской власти на кровавомъ сеймѣ (1547 г.); зачатки новыхъ религіозныхъ споровъ (1602 г.) и возникновеніе *тридцатилѣтней войны* (1618 г.).

Палацкій, какъ извѣстно, не успѣлъ написать исторію всего средняго вѣка, а остановился, по многимъ причинамъ, о которыхъ упомянуто выше, на 1526 году.

Гуситскій періодъ чешской исторіи Палацкаго составляетъ самую блестящую и самую обширную часть его труда (7 томовъ для періода 1403—1526 гг.); и такъ какъ этотъ періодъ, особенно же первая его половина, самый важный въ чешской исторіи, то мы поговоримъ о немъ подробнѣе, чѣмъ о предыдущихъ.

Господствовавшій въ римско-католической церкви расколъ папскій, подкапываніе духовнаго авторитета взаимными атаками обонхъ папъ, свѣтскаго же авторитета—проклятіемъ однимъ папой не признающаго его государя, испорченность іерархіи и духовенства представляли много причинъ къ сомнѣніямъ: были ли тѣ власти руководимы св. Духомъ? Сомнѣнія въ правотѣ признаваемаго до тѣхъ поръ авторитета повели къ отыскиванію новыхъ источниковъ истины, къ Библии—какъ къ слову Божию. Это новое направленіе съ самаго своего начала носитъ характеръ исключительно религіозный, церковный, обратившись противъ папы и іерархіи, а не противъ свѣтской власти, которая въ то время нигдѣ не была абсолютно-монархическою.

Такія сомнѣнія часто являлись въ средневѣковой Европѣ, особенно со стороны разныхъ ересей, Катаровъ и Вальденцевъ, толки которыхъ достигли и Чехіи. „Но то великое движеніе духовное, тѣ бури религіозныя, которыя въ XV вѣкѣ составляютъ главное содержаніе исторіи и существенно измѣнили весь характеръ чешскихъ дѣлъ, происходили не изъ какой-нибудь средневѣковой секты, Вальденской, ни Катарской, а развились изъ собственныхъ зародышей и причинъ, сначала, какъ казалось, незначительныхъ, но пріобрѣтавшихъ себѣ мало-по-малу все болѣе серьезности и важности. Это была идея христіанской жизни въ спорѣ и борьбѣ съ контрастомъ дѣйствительной жизни, которая, не удовлетворяя глубоко благочестиваго сердца старыхъ Чеховъ, всла ихъ все къ новымъ попыткамъ осуществить

ее въ человѣческомъ обществѣ". Къ тому стремились уже во второй половинѣ XIV вѣка ревностные проповѣдники, Вальдгаузеръ, Миличъ, Матвій изъ Янова; къ тому не мало способствовала и кипучая духовная жизнь въ пражскомъ университетѣ, гдѣ, въ числѣ многихъ другихъ ученыхъ сочиненій, въ то время только что стали извѣстными и книги англійскаго теолога Виглифа.

Къ новому движенію въ духовной жизни присоединилось и другое движеніе, національное, которое направилось противъ многочисленныхъ Нѣмцевъ въ университетѣ и повело со временемъ къ ихъ вытѣсненію не только изъ университета, но почти изъ всей Чехіи.

Во главѣ обоихъ движеній, духовно-религіознаго и національнаго, сталъ магистръ *Іоаннъ Гусъ*, въ 1402—1403 гг. ректоръ Пражскаго университета, славный проповѣдникъ Вилеемской часовни. „Менѣе грубый въ рѣчахъ, чѣмъ когда-то Конрадъ Вальдгаузеръ и менѣе мечтательный, чѣмъ Миличъ, онъ не волновалъ слушателей до такой степени, какъ эти его предшественники, но за то дѣйствіе его проповѣдей было болѣе продолжительное. Онъ дѣйствовалъ преимущественно на умъ, наводилъ на размышленіе и, предварительно поучивъ и убѣдивъ, только потомъ уже употреблялъ также трогательныя и проникающія слова. Остроуміе и ясность его мыслей, особенная способность касаться сути дѣла и развитіе его у всякаго на глазахъ, необыкновенное знаніе книгъ вообще и священнаго писанія въ особенности, энергическая и послѣдовательная защита цѣлой учебной системы — все это давало ему значительный перевѣсъ надъ его товарищами и современниками. Къ этому присоединилась строгая серьезность во всѣхъ дѣйствіяхъ, набожная мысль, живая и твердая вѣра; жизнь, даже по отзывамъ враговъ, безпорочная, нѣжное чувство къ друзьямъ, ревностное стремленіе къ улучшенію народа и къ реформѣ всего, что тогда было испорченнаго въ церкви; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, также чрезвычайная смѣлость, неуступчивость и безпощадность противъ враговъ, бьющее въ глаза желаніе пріобрѣсти себѣ народную любовь, честь и славу, но славу такую, апогея которой находится въ мученическомъ вѣнцѣ“.

Такъ характеризуетъ Палацкій знаменитаго реформатора, который за свое смѣлое выступленіе противъ іерархіи заплатилъ смертію, назначенною для еретиковъ. Собравшіеся на соборѣ Констанцскомъ іерархи римской церкви думали, что сожженіемъ Гуса и его друзей Іеронима возстановленъ вновь ихъ потрясенный авторитетъ.

Но вышло иначе. Констанцскіе костры произвели огромный по-

жаръ, охватившій почти все христіанство. Бѣлая часть Чеховъ новсе не хотѣла поддаться старому авторитету церкви, и такъ какъ церковь стремилась покорить ихъ силой, или истребить какъ еретиковъ, то они схватились за оружіе. Такимъ образомъ начались страшныя *гуситскія войны*, въ которыхъ воодушевленный чешскій народъ на голову разбивалъ своихъ враговъ, особенно Нѣмцевъ.

Борьба эта приняла двоякій характеръ: вопервыхъ, это была борьба религіозная, борьба за новыя идеи, за убѣжденія противъ притязаній Рима; вовторыхъ, закипѣла старая національная вражда между нѣмецкимъ и чешско-славянскимъ элементомъ, и Чехи хорошо понимали, что вѣковые ихъ враги — Нѣмцы, которые безъ всякой причины всегда алятся на нашъ языкъ и какъ поступили съ нами на Лабѣ и Одрѣ и выпали его, такъ хотѣтъ поступить и съ нами и сами занять мѣста выгнанныхъ". Эта-то національная борьба возобновила мысль о соединеніи Чеховъ съ сосѣднимъ славянскимъ государствомъ, польско-литовско-русскимъ, „мысль соединить всѣ народы *славянскіе* подъ одинъ скипетръ и основать на востокѣ Европы не только могущественное государство славянское, но и устроить въ немъ одну церковь и одно вѣроисповѣданіе, подъ знаменемъ святой чаши; это было, однимъ словомъ, осуществленіе *панславистической* идеи, о которой много толкуется только въ наше время". Эта-то идея привела въ Чехію, польскихъ и литовско-русскихъ воиновъ, въ томъ числѣ знаменитаго князя Сигизмунда Корбутовича и князя Острожскаго. Она же заставляла Чеховъ XV вѣка искать себѣ нѣсколько разъ короля „славянскаго рода" и повела, наконецъ, къ воцаренію Ягайловичей на тронѣ чешскомъ ¹⁾.

Хотя грустно смотрѣть на безчисленные варварства, которыми сопровождалась означенная война, все таки надъ этою грустною картиною сверкаетъ утѣшительная заря. „Не проводилъ здѣсь своей гнусной игры подлый эгоизмъ, по дѣло шло о благородныхъ потребностяхъ духа, о моральныхъ, а не матеріальныхъ имуществѣхъ, о свободѣ. Гуситскіе вожди не жаждали ни богатства, ни славы, ни могущества и власти: они были всегда и вездѣ готовы пожертвовать не только имуществомъ, но и жизнью, за идеи, за святое дѣло своей совѣсти и народности".

Первымъ такимъ вождемъ-героемъ является *Іоаннъ Жижка*; онъ

¹⁾ О панславизмѣ во время гуситскаго движенія см. нашу книгу „Славянская взаимность", стр. 139.

понялъ задачу борьбы чешскаго народа и военалъ „для освобожденія правды закона божяго, языка чешскаго и *славянскаго*“. Геніальный полководецъ — онъ создалъ новую стратегію, которая сдѣлала Чеховъ первымъ военнымъ народомъ XV вѣка. „Жижка былъ фанатикомъ. Считалъ вѣру свою спасительною, онъ не думалъ, чтобы кто-либо могъ быть правъ, не имѣя спасительной вѣры. Онъ желалъ не одного излишка набожныхъ чувствъ, но также энергій въ богоугодныхъ дѣйствіяхъ; онъ желалъ набожности, а не ханжества. Подъ вліяніемъ своего фанатизма, онъ немилосердно убивалъ всѣхъ тѣхъ, кто не жилъ согласно съ нимъ. Больше всего свирѣпствовалъ онъ противъ латинскихъ священниковъ и монаховъ, потому что они, долженствуя быть примѣромъ набожности для народа, были, по его мнѣнію, величайшими грѣшниками и лицемерами. Вѣротерпимость и снисхожденіе были неизвѣстны ему добродѣтели; всякое двоемысліе, равнодушіе и нерѣшительность казались ему мерзостью передъ Господомъ. Онъ хотѣлъ имѣть въ Чехіи только людей искреннихъ, энергичныхъ и надежныхъ, хотя бы ихъ было и мало. Поэтому онъ также гнушался всякимъ примиреніемъ съ врагами; но если кому-нибудь что-либо обѣщалъ, то старался добросовѣстно исполнить свое слово. Неправида феодальное панство, онъ не благопріятствовалъ нигдѣ различію сословій. Не любя Нѣмцевъ, онъ прикинулъ тѣмъ сердечнѣе къ славянству, былъ однимъ изъ немногихъ людей того времени, для которыхъ идея *славянская* была побужденіемъ къ дѣйствию. Хотя онъ обладалъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, но у него не доставало того духа, которымъ нѣкогда Римляне и Нѣмцы умѣли добывать себѣ и укрѣплять господство надъ народами; онъ былъ и въ этомъ отношеніи Славяниномъ. Чехи, подъ начальствомъ Жижки, умѣли побѣждать, но не умѣли пользоваться побѣдами для политическихъ цѣлей. Жижка былъ искренній фанатикъ, пренебрегавшій всегда личною пользою; онъ не жаждалъ ни имущества, ни власти, ни славы. Побѣдитель въ столькихъ сраженіяхъ и вождь непобѣдимаго войска, онъ не гонялся за удовольствіями и умеръ такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ сначала“.

У Жижки воспиталось множество полководцевъ, которые, послѣ его смерти, вели Чеховъ къ новымъ и новымъ побѣдамъ. Таковы были поплъ Проконій великій, Проконій малый, Чапекъ изъ Сагъ, Рогачъ изъ Дубой, поплъ Бедрихъ изъ Стражницы, Колла изъ Жампаха.

Движеніе, начатое Гусомъ, не остановилось на томъ, чему

онъ училъ, а пошло дальше. Послѣ разрушенія признаваемого до тѣхъ поръ авторитета римской церкви, чешскіе гуситы замѣнили его другимъ—авторитетомъ Библии. Изъ нея они вывели себѣ новый канонъ, извѣстные *четыре артикула* пражскіе и всякій ревностный приверженецъ закона Божьяго ратовалъ за свободу слова Божьяго и за причащеніе подъ обоими видами, противъ свѣтскости духовенства и противъ спусхожденія явнымъ грѣхамъ. Но не всѣ гуситы объясняли себѣ Библию одинаково: одни занимались ею больше чувствомъ, другіе умомъ; одни признавали подлѣ Библии церковную традицію, на сколько она не противилась Библии, другіе ее вполне отвергали. Первые составляли большинство въ народѣ и назывались обыкновенно по главному своему знаку—*чашиники* (по чешски *калишники*, калихъ=чаша), или *утракисты* (*sub utraque, scilicet*), или, наконецъ, по столицѣ Чехіи—*Пражане*; другіе, меньшинство—*Табориты*, по своей столицѣ, новому городу Табору въ южной Чехіи. Чашиники очень мало отличались отъ римской церкви, ихъ ученіе лучше всего видно изъ заключеній синода 1418 г. — и такимъ образомъ получили возможность примириться съ Римомъ на Базельскомъ соборѣ. Между ними были партіи умѣренныя, ревностная и крайняя, первая и послѣдняя уступили потомъ средней, ревностнымъ чашиникамъ, вождями которыхъ были магистры Яковъ изъ Серебра (*Стрибро* городъ) и Іоаннъ изъ Рокицанъ. Новыя идеи отразились и въ политическомъ устройствѣ чешской столицы: Прага, послѣ паденія власти короля Сигизмунда, сдѣлалась теократическою республикой, управляемою вліятельными священниками; верховною властью пользовалась „великая община“, то-есть, совокупность мѣщанъ, ремесленниковъ, поденщиковъ и другихъ, вообще всѣхъ жителей пражскихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, которые въ городѣ занимались самостоятельною промышленностью; великая община собиралась на площади и ея приговоры составляли для города законъ, подобно тому какъ это было на древнерусскихъ вѣчахъ.

Другая главная партія гуситовъ, *Табориты*, распадалась на разныя отдѣлы, прибавлявшіе къ слову Божию больше или меньше толкованій изъ собственнаго ума. „Здѣсь въ полной и долготѣйшей свободѣ и своевольствѣ всплыли разомъ всякія нелѣпости; поэтому видимъ несогласія и споры не только церковныя и религіозныя, но и социальныя и политическія, все подъ авторитетомъ слова Божьяго и свободнаго его толкованія. Всякія человѣческія желанія и страсти, при господствѣ установленныхъ порядковъ, обыкновенно болѣе или менѣе

укрощаемыя и скрываемыя, явились теперь на сцену и заявили свои притязанія.

Хилиастическое мечтаніе, то-есть, вѣра въ новое Божіе царство на Таборѣ скоро исчезло, но за то замѣнилось разными толками коммунистическими и социалистическими. Стали учить, что не будетъ ни господства, ни подданства, что всѣ люди будутъ равны, что прекратится всѣ подати, что не будетъ частнаго имущества, а всѣ будутъ владѣть всѣмъ сообща, какъ то дѣйствительно и было на Таборѣ, что права государственныя, земскія, городскія и сельскія будутъ уничтожены, какъ выдумки человѣческія. „Эти ученія брали въ Чехіи верхъ уже въ XV вѣкѣ изъ ложнаго толкованія Библіи точно такъ, какъ во Франціи недавно изъ философскихъ системъ: по настоящій ихъ источникъ былъ, тамъ и здѣсь, внезапное и полное увольненіе и освобожденіе народа изъ-подъ авторитета, который съ теченіемъ времени сдѣлался слишкомъ тяжелымъ“. Не менѣе радикально отпосидились Табориты и къ теологическимъ вопросамъ, считая библію единственнымъ источникомъ слова Божіяго; они отвергали всякую традицію, всѣ церковныя обряды, посты, праздники (кромѣ воскресенія) и пр., какъ изобрѣтенія антихриста, поклоненіе иконамъ — какъ идолопоклонство, латинскую литургію, которую замѣняли чешскими пѣснями, и проч.; важный у гуситовъ вопросъ объ эвхаристіи они рѣшили самымъ радикальнымъ образомъ; нашлись и такіе люди, которые отвергали Библію и вообще всякое христіанство, клонясь къ пантеизму: это такъ-называемые юлые или *адамиты*. Но скоро крайнія ученія исчезли, или были истреблены силой, и на Таборѣ взяло верхъ, особенно стараніемъ знаменитаго епископа *Николая изъ Пельримова*, ученіе среднихъ Таборитовъ, которые, впрочемъ, мало отличались отъ крайнихъ. Какой духъ вѣялъ въ этихъ замѣчательныхъ Таборитахъ, видно особенно на ихъ сѣздѣ въ Пискѣ 1426 года.

Вопросъ о пресуществленіи, которое Табориты отрицали, далъ поводъ къ отложенію отъ нихъ мирныхъ элементовъ, которые вѣрили въ пресуществленіе, соблюдали посты, поклонялись святымъ и пр.; они-то по смерти своего вождя, Жижки, назывались *Сиротками*. „Кажется вообще, что между всѣми гуситскими сектами Сиротки вѣрнѣе держались ученія Гуса, между тѣмъ, какъ Пражане или чашники приближались все больше къ Риму; Табориты же шли дальше, чѣмъ указалъ не только Гусъ, но и Виклифъ. Отдѣломъ мирныхъ Таборитовъ были и братья *Оребскіе*, назвавшіеся такъ по горѣ Оребу, недалеко отъ Градца Королевой. Между Таборитами встрѣчаютъ, впро-

чемъ, „фактъ, въ то время очень рѣдкій: на Таборѣ, гдѣ съ самаго начала встрѣчалось столько разныхъ и противоположныхъ мнѣній, рано разцвѣла и все больше пріобрѣтала право гражданства религіозная терпимость, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, которые желали мирнаго сожителства съ сосѣдями.“

Соціализмъ въ Таборскихъ и Сиротскихъ общинахъ есть одно изъ самыхъ интересныхъ явленій въ чешской исторіи вообще, и гуситской въ особенности. Нѣтъ сомнѣній, что сначала, именпо до распаденія Таборитовъ, у нихъ господствовалъ полный коммунизмъ начавшійся во время хліазма. Кромѣ письменныхъ свидѣтельствъ, это доказываютъ особенно тѣ общія кассы или, какъ ихъ называли, „вади“, которые были учреждены въ Таборѣ, Писекѣ и Воднянахъ. Какъ долго существовалъ на практикѣ этотъ коммунизмъ нельзя сказать; въ 1422 году о немъ нѣтъ уже и помину и на его мѣсто выступило устройство социалистическое. Раздѣленіе общинъ Таборскихъ и Сиротскихъ съ тѣхъ поръ „на общину домашнюю (мѣстную)“, и на „общину полевою (то-есть, военную)“ или „полеми, работающую“ является ясно въ теченіе многихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ навѣрно до 1434 года, если не дольше. Полевые общины должны были заниматься исключительно войной; мѣстные же — ремеслами и хозяйствомъ и доставлять всякія потребности въ „поле“, то-есть на войну; кажется, что эти общины мѣнялись въ извѣстное время, переходя съ жепами и дѣтьми отъ войны къ ремесламъ и наоборотъ. Гражданскій начальникъ общинъ назывался *справом* (правитель), позже *владарь*, военный же былъ *зейтманъ* (гетманъ), подлѣ котораго были *старшіе* войскъ.

Эти разные религіозныя, политическія и социалистическія мнѣнія повели и къ спорамъ сословнымъ. Радикальные гуситы стремились къ уничтоженію разницы сословій, и если Табориты и Сиротки и признавали шляхетскіе титулы своихъ приверженцевъ, то ихъ сословныхъ правъ не признавали, и избирали въ начальники самыхъ способныхъ людей, не смотря на родъ и имуществно. И въ этой борьбѣ между аристократическимъ и демократическимъ началами, которая, разумеется, велась тоже подлѣ религіознымъ знаменемъ, являлись болѣе или менѣе радикальные элементы: такъ именно мы знаемъ „среднихъ братьевъ“ въ Моравіи, которые требовали, чтобъ платились только законныя подати законнымъ господамъ, а всѣ незаконныя новипосты прекратились; эта партія была уничтожена силой. Такія стремленія, конечно, пугали шляхту и тѣснили ее все больше въ ла-

геръ римскій и короли Сигизмунда; она-то позже, въ союзѣ съ иноземцами, нанесла дальнѣйшему развитію гуситизма смертельный ударъ.

Вотъ вкратцѣ характеристика разныхъ гуситскихъ партій, какъ ее могъ начертать Палацкій послѣ долголѣтнихъ изслѣдованій (съ 1824 года); она находится только во второмъ изданіи его исторіи гуситскаго движенія (1872 г.); въ первомъ изданіи (1850—1851 г.) ея еще недостаетъ.

Если разные гуситскія партіи между собой ссорились, спорили и даже воювали, то все-таки противъ иностранныхъ враговъ они выступали соединенными силами. Чехи нѣсколько разъ разбивали и прогоняли огромныя ополченія всей западной Европы и наконецъ, чтобы заставить своихъ противниковъ примириться съ собой, они перешли отъ оборонительной системы къ наступательной, и стали опустошать сосѣднія страны. Этотъ поворотъ случился особенно подъ влияніемъ главнаго послѣ Жижки вождя, *Прокопія великаго*. „Ставъ изъ пона военнымъ начальникомъ, какъ счастливый побѣдитель, онъ пріобрѣлъ себѣ славу непобѣдимости. Образованностью и любовью къ наукамъ и книгамъ онъ отличался передъ другими вождями Таборскими; религіознымъ и національнымъ энтузіазмомъ, энергіей воли и неустрашимостью равнялся Жижкѣ, во превосходилъ его политическимъ разумомъ и не былъ, подобно ему, фанатикомъ. Ибо хотя онъ пошелъ гораздо дальше въ церковныхъ поповведеніяхъ и отстаивалъ ихъ съ чрезвычайною энергіей, но онъ также охотно признавалъ у другихъ право свободы и примиренія съ врагами, гдѣ это соглашалось съ безопасностью его партіи. Ревностный защитникъ общины или демократіи своего вѣка, онъ все-таки охотно переговаривался съ шляхтой, чтобы привлечь ее къ своему ученію и не желалъ построить свою власть на гибели противной партіи. По поводу такого миролюбія и уступчивости онъ часто навлекалъ на себя подозрѣніе, будто бы онъ относится къ своимъ приверженцамъ неискренно, — обидя часть людей высшаго разума, если они стоятъ во главѣ крайнихъ партій. Такъ какъ въ немъ сосредоточилась сила крайнихъ началъ и партій, и относительно вѣроисповѣданія, и относительно социальныхъ вопросовъ, то не могло быть иначе, какъ что партіи римская, чашническая и шляхетская наконецъ соединились, чтобы его погубить“.

Страшный разгромъ ополченія крестоносцевъ у Домажлицъ и начавшіяся, по примѣру гуситовъ, движенія народовъ въ Германіи и во Франціи, заставили наконецъ римскую іерархію искать примире-

нія съ Чехами, и интересно видѣть, какъ она на соборѣ Базельскомъ покорно относится къ гуситскимъ вождямъ, и еще сама посылаетъ своихъ депутатовъ въ Прагу. Примиреніе совершилось благодаря роковой катастрофѣ, которая постигла радикальныхъ гуситовъ. Шляхта католическая и чашническая, соединившись съ Пражанами, уничтожила главную силу Таборитовъ и Сиротокъ въ кровавомъ сраженіи Липанскомъ (1434 г.). „Подъ Липанами былъ пораженъ и ослабленъ демократическій элементъ такъ, что онъ пересталъ быть самостоятельной властью въ странѣ; солнце Тора, навсегда зашедшее, сдѣлалось блудящею звѣздой, кружащею подобно другимъ около Праги, единственного цотомъ средоточія чешскаго народа. Чехія возвратилась въ политическомъ отношеніи опять къ тому же положенію, въ которомъ она была вообще до начала войнъ; аристократія заняла опять первыя мѣста въ земскомъ устройствѣ; та сила, которая прежде, особенно подъ вліяніемъ попа Провокія великаго, преобладала и рѣшала на сеймахъ, перемѣнилась теперь въ простую оппозицію меньшинства, довольно спокойную и безвредную. Власть королевская въ Чехіи была восстановлена и примиреніе главной партіи чешской, чашниковъ, съ римской церковью состоялось; послѣдняя торжественно заявила, что „Чехи и Мораване, причащающіеся подъ обоими видами, суть вѣрные хрістіане и первые сыновья церкви“. Но римская курія съ самаго начала относилась неискренне къ новымъ „компактатамъ“, и нѣсколько лѣтъ спустя формально уничтожила ихъ.

„Такимъ образомъ окончился рядъ событій, первою пружиной которыхъ были пробудившіяся идеи реформаторскія и національныя. Высшее значеніе этихъ вопросовъ и свѣжесть силъ, которыми они вводились въ жизнь и защищались, обеспечиваютъ гуситской исторіи всемірную важность и интересъ, хотя чешскія стремленія къ освобожденію духа, будучи слишкомъ преждевременны и не нашедъ себѣ въ окрестныхъ странахъ достаточно воспримчивой почвы, не привились до такого размѣра и объема, чтобы преодолѣть всѣ бури. Чехія того времени внесла свою долю въ развитіе человѣчества вообще; если въ томъ была заслуга и слава, то нельзя отрицать, что она приобрѣтена тяжкими жертвами и бѣдствіями“.

Если аристократія значительно возвысилась уже послѣ Липанскаго сраженія, то ея власть приобрѣла себѣ рѣшительный перевѣсъ во время долготлѣтнаго *междоусерствія* (1439—1453 г.). Между партіями отличалась патріотическимъ духомъ особенно партія ревностныхъ чашниковъ; ихъ начальниками были благородные Гинекъ Пта-

чекъ изъ Пиркштейна, Алешъ (Алексѣй) Галицкій изъ Штериберга и, особенно, молодой Юрій изъ Подѣбрадъ; духовною же главой— нововыбранный, но папой не утвержденный, гуситскій архіепископъ Пражскій, Ракицана. Партія Подѣбрадская, съ завоеваніемъ Праги, взяла наконецъ верхъ и Юрій Подѣбрадскій былъ признанъ правителемъ земскимъ; онъ занималъ и послѣ воцаренія короля Ладислава первое мѣсто въ его совѣтѣ.

„Духовное состояніе чешскаго народа около половины XV вѣка не можетъ быть названо отраднымъ и исполненнымъ надеждъ; недоставало той всесторонней тонкости, живости и эластичности, которыми отличались предыдущіе вѣка. Доказательствомъ могущественности вліянія Гуса и Жижки было то, что ихъ земляки вполнѣ стѣснѣнны не были въ состояніи, даже цѣлый вѣкъ спустя, опомниться и освободиться отъ него: ихъ дѣятельность и стремленіе обращались всегда почти исключительно къ дѣламъ религіознымъ и военнымъ. Чехъ того вѣка, если возвышался въ области духа и мысли, то не искалъ и не находилъ тамъ ничего, кромѣ безконечныхъ вопросовъ о церкви и ереси, о Божіемъ словѣ и антихристѣ, объ эвхаристіи и чашѣ, о правахъ и обязанностяхъ іерархіи и проч., и его занятія сосредоточивались, какъ на самомъ важномъ и полезномъ дѣлѣ, на упражненіи оружіемъ, устройствѣ воевъ и военнаго строя, наемномъ упражненіи въ военномъ ремеслѣ, не гляди, для кого и противъ кого. Но не только запущена была обработка обширной области наукъ естественныхъ и историческихъ вообще, не только изгнана эстетика и введено варварство, но ослабли также предпримчивость и прогрессъ въ промышленности, которая ограничилась потомъ только необходимыми быденными потребностями. Конечно, въ томъ была виновата и нетерпимость противной партіи, которая сознательно и явно стремилась къ обидненію чешскаго духа, запрещая своимъ вѣрнымъ всякое общеніе съ Чехами и стремясь изолировать ихъ и исключить, такъ сказать, изъ міра. Кругозоръ ума человѣческаго расширяется только сношеніями съ чужими элементами. Чехамъ-утракистамъ и послѣ примиренія посредствомъ компактатовъ не переставали затворять заграничныя школы, въ которыхъ умъ ихъ могъ бы хотя пемного выбиться изъ мѣстной узкой сферы, и хотя чешскіе воины были мужны и ихъ искали во всѣ страны, но ихъ исключало изъ болѣе интимнаго общенія съ чужеземнымъ обществомъ не только грозное ихъ ремесло, но народность и вѣра; эта послѣдняя сдѣлалась препятствіемъ не только для дворянъ въ исканіи ры-

царскихъ приключеній, но мѣшала и купцамъ въ ихъ торговлѣ и промышленности. Несчастье Чеховъ зависѣло здѣсь опять отъ ограниченаго ихъ числа; еслибъ они были сорокамилліоннымъ народомъ, то ихъ изолированное положеніе не могло бы продолжаться“.

Въ чешской литературѣ того времени, воздѣлываемой на языкахъ латинскомъ и чешскомъ, нѣтъ ни одного болѣе замѣчательнаго историка, ни одного поэта, и всѣ писавшіе по этимъ предметамъ не выходять изъ ряду посредственности. За то число разныхъ богословскихъ статей значительно, не смотря на безконечные ауто-да-фе древнихъ чешскихъ книгъ и рукописей, зажигаемымъ іезуитами ad maiorem Dei gloriam. Богослововъ разныхъ оттѣнковъ, защищавшихъ мнѣнія своихъ партій словомъ и перомъ, было очень много. Между ними особенно извѣстенъ гуситскій архіепископъ пражскій, Янъ изъ Рокицанъ,—человѣкъ, не обладавшій творческимъ талантомъ и не глубокий мыслитель, онъ припаялъ систему ученія отъ своего учителя, магистра Якова изъ Серебра, но усвоилъ ее себѣ съ такимъ живымъ убѣжденіемъ, защищалъ ее съ такою ученостью и краснорѣчіемъ, что еще при жизни Якова считался главнымъ вождемъ усердныхъ чашниковъ. Въ жизни этой главной религіозной партіи замѣтно въ половинѣ XV вѣка интересное явленіе: чашники, отвергаемые Римомъ, обращаются на востокъ, въ Царьградъ. Хотя соединеніе чешской утравкистской церкви съ православною тогда и не состоялось, но чашники не переставали озираться на востокъ, и еще въ концѣ XV вѣка администраторъ утравкистской консисторіи, Коранда, вызываетъ Чеховъ бросить римскую церковь и прилечь къ восточной греческой.

Остатки Таборитовъ, безпрестанно преслѣдуемыхъ чашниками, удержались до половины XV вѣка (1452 г.) и, наконецъ, насильно принуждены были отказаться отъ своихъ особенностей и примкнуть къ утравкистамъ; первый и послѣдній ихъ епископъ, Николай изъ Пильгримова (Бискупецъ), погибъ въ тюрьмѣ. Еще наканунѣ паденія этой замѣчательной теократической республики, посѣтилъ ее заклятый врагъ гуситовъ, извѣстный Эпей Сильвій (позже папа Пій II), и оставилъ намъ интересное ея описаніе; между прочимъ онъ замѣчаетъ, что на Таборѣ можно свободно вѣровать, какъ кому угодно, и что Табориты любятъ науки. Кромѣ Таборитовъ, существовало еще нѣсколько меньшихъ сектъ, подходившихъ къ нимъ, но съ своими особенностями. Между ними преимущественно замѣчательны приверженцы Петра Хелчицкаго. Этотъ знаменитый философъ и моралистъ обращалъ

главное вниманіе не на догматическую, теоретическую часть религіи, а на сторону моральную, на христіанскую практику; между прочимъ онъ осуждалъ войны и всякое кровопролитіе, отличаясь тѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ сектъ того времени. Хелчицкій былъ духовный отецъ новой секты, извѣстнаго *единства чешскихъ братьевъ*, возникшаго во второй половинѣ XV вѣка, въ сѣверовосточной Чехіи.

Чешскія бури XV вѣка произвели не меньшія перемѣны въ вѣсѣннхъ, чѣмъ въ церковныхъ дѣлахъ: онѣ составили переходное время между средневѣковымъ и нововѣковымъ вѣсѣніемъ въ Европѣ вообще. Чехи считались лучшими воинами въ XV вѣкѣ; ихъ уважали, искали и подражали имъ. Чешскія общины, „работающія полемъ“, представляють зародки постоянныхъ войскъ. Эти-то „братья“, „роты“, то-есть, устроенныя военныя общества, признающія своимъ начальствомъ только гетмановъ, участвуютъ потомъ почти во всѣхъ войнахъ XV вѣка въ средней, восточной и юговосточной Европѣ. Числу чешскихъ богослововъ XV вѣка соотвѣтствуетъ число чешскихъ полководцевъ; къ чешскимъ воинамъ присоединились и многіе Поляки и Русскіе. Палацкій считаетъ даже русское казначейство подражаніемъ чешскимъ военнымъ ротамъ или братствамъ.

„Одною добродѣтью превышали Чехи того времени всѣ народы: это была любовь къ родинѣ и къ народу или, какъ тогда выражались, къ языку своему. Непріязнь, съ которою они, какъ иновѣрцы и еретики, встрѣчаемы были у всѣхъ заграничныхъ народовъ, имѣла для нихъ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что тѣснѣе связывала ихъ самихъ и придавала имъ энергію для самопожертвованія на общественную пользу. Благородныхъ и отличныхъ патріотовъ, какими были, напримеръ, папы Гинекъ Птачекъ изъ Пиркштейна, Алексъ Голицей изъ Штернберга и друг., было въ Чехіи гораздо больше, чѣмъ въ Германіи или въ Угріи. Юрій изъ Подѣбрадъ приобрѣлъ себѣ потому особенную любовь народа, что онъ преимущественно заботился объ общемъ благосостояніи своей родины. Поэтому патріотическое чувство было больше развито въ партіи утравистической, чѣмъ католической, которая тогда прильнула къ чужеземцамъ, хотя и имѣла также Вилемъ младшій изъ Ризенберга оставилъ свѣтлый и славный примѣръ. Это чувство являлось чаще въ низшихъ и въ среднихъ слояхъ, чѣмъ у высшихъ классовъ. Только патріотическій энтузіазмъ сдѣлалъ возможными большую часть тѣхъ дѣйствій XV вѣка, которыя возбуждали удивленіе міра. Не одинъ Нѣмецъ, сравнивая та-
часть CLXXVI, отд. 2.

кое сознаніе чешское съ почти всеобщимъ равнодушіемъ къ родинѣ у своего народа, не скрываетъ своего удивленія и сожалѣнія“.

Въ 1458 году, 2-го марта, сеймъ чешскій выбралъ въ короли любимца чешскаго народа, Юрія Подѣбрадскаго.

Царствованіе Юрія принадлежитъ къ одному изъ самыхъ важныхъ періодовъ чешской исторіи. Чехи увидѣли опять исходящее съ трона не только могущество и желаніе общаго блага, но также примѣръ и образецъ неутомимой дѣятельности, высокой мудрости, всеобъемлющаго попеченія и непреклонной энергіи. По этой причинѣ въ лицѣ государя сосредоточились всѣ публичныя событія и нація оставалась на заднемъ планѣ даже тамъ, гдѣ она оказывала сопротивление. Но Чехія, какъ особое государство и отдѣльное цѣлое, не ограничилась своею мѣстной дѣятельностью, но выступила опять, въ послѣдній разъ, — на обширную міровую сцену и сдѣлалась европейскою державой; еще разъ стало видно, какое важное положеніе занималъ чешскій народъ посреди Европы, какія свѣжія зародыши государственныхъ и чисто человѣческой жизни содержалъ онъ въ себѣ. Условливалось это, правда, ни громомъ оружія и славой завоеваній, ни разжиганіемъ новыхъ, міръ смущающихъ, идей, ни, наконецъ, тою прославленною мудростью и справедливостью, которая дѣлала чешскаго короля въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посредникомъ между государями средней Европы, и едва не возвела его на тронъ Римской имперіи; важность его вліянія не зависѣла отъ потоковъ множества пролитой крови, ни отъ объема спорныхъ матеріальныхъ успѣховъ, но вообще отъ преимущества духовныхъ интересовъ. Ибо опять долженъ былъ разрѣшиться, и не для одной только Чехіи, вопросъ — нѣтъ ли право на всемірное господство *идеи средняго или новаго вѣка*.

„Король Юрій сдѣлался, быть можетъ, безсознательно и невольно, представителемъ и защитникомъ новаго времени въ двоякомъ отношеніи и направленіи: во первыхъ, какъ гуситъ, во вторыхъ, какъ государь и курфирстъ Римской имперіи. Первое направленіе обратилось къ жизни духовной и христіанской вообще, и, слѣдовательно, было гораздо обширнѣе и важнѣе другаго, которое относилось къ дѣламъ политическимъ и свѣтскимъ и ограничивалось почти только одной Германіей.

„Признакомъ среднихъ вѣковъ было черезъ-чуръ сильное владычество принципа *авторитета* въ духовной жизни вообще и въ христіанской въ особенности; новый вѣкъ знаменовался собственно эманципаціей ума отъ авторитета, или принципомъ свободнаго изслѣдо-

ванія (examen liberum). Послѣ громаднаго моральнаго упадка перваго принципа (расколъ и споры обѣихъ его представителей, — императоровъ и папъ), послѣ первой его горячей борьбы съ принципомъ свободнаго изслѣдованія, объявленной міру зажженными въ Констанцѣ кострами, наступила критическая пора, самый важный моментъ въ исторіи послѣдняго пятисотлѣтія.

„Римскіе папы были убѣждены, что апостольская курія должна погибнуть, если ея принципъ дѣлаеть какіи бы то ни было уступки противному принципу; всякій христіанинъ долженъ былъ отказаться отъ права на свободное изслѣдованіе и испреимѣнно и безусловно преклониться предъ ихъ ученіемъ. Послѣ пораженія примирительной партіи повсюду, особенно въ Германіи, Чехи-утракисты и ихъ король были уже единственными видными представителями и защитниками права свободнаго изслѣдованія.

„Это положеніе, само по себѣ важное, сдѣлалось еще важнѣе по поводу тѣхъ отношеній, въ которыя вступилъ король, какъ курфирстъ Германіи и какъ государь вообще. Тѣсный союзъ папы съ императоромъ не понравился нѣмецкимъ государямъ, и они обратили свое вниманіе на короля, какъ на самаго могущественнаго и способнаго въ ихъ средѣ. Онъ долженъ былъ служить ей щитомъ противъ императора и папы, и попытаться поправить то, что было испорчено.

„Если, такимъ образомъ, къ лицу Юрія примыкали всѣ оппозиціонные элементы современнаго міра внутри и внѣ Чехіи, то легко понять, почему папы обращали на него такое вниманіе, почему они стремились, прежде всего, склонить его къ себѣ ласкою, и когда на это исчезла надежда, почему борьба съ нимъ казалась имъ еще болѣе нужною, чѣмъ защита христіанскаго міра противъ Турокъ.

„Возобновилась, вслѣдствіе того, религіознаа борьба не менѣе упорная и убійственная, чѣмъ та, которою волновалась Чехія за полвѣка раньше; разница состояла въ слѣдующемъ: то, что въ первую пору гуситизма осуществлялось путемъ революціоннымъ и демократическимъ, теперь облеклось въ одежду консервативную и монархическую; нападеніе выходило уже съ той стороны, которая прежде довольствовалась больше обороною. Но эта борьба, хотя веденная съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ, осталась все-таки нерѣшенной, кончилась обоюднымъ изнеможеніемъ. Ни средневѣковая власть, хотя отлично организованная, не могла задушить и истребить въ христіанскомъ мірѣ зародыши новаго вѣка, ни новый вѣкъ не имѣлъ довольно силъ, чтобы искоренить то, что ему сопротивлялось

въ духѣ минувшихъ вѣковъ, то-есть, моральную основу власти императорской и папской.

„Какъ вообще въ чешской исторіи трагическая стихія превосходитъ эпическую, такъ и въ жизни и въ царствованіи Подѣбрадскаго видно то же самое. Патріотическія его заботы и заслуги были такъ признаваемы всѣми, что королевскій вѣнецъ достался ему почти самъ собою, какъ бы въ вознагражденіе за вѣнецъ гражданскій. Онъ, и какъ государь, считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ своего вѣка. На его мудрость и способности смотрѣли вездѣ съ удивленіемъ и уваженіемъ. Но счастье его достигло скоро своего зенита, и реакція настала тѣмъ упорнѣе, тѣмъ знаменитѣе была его предыдущая дѣятельность. Тѣ, которые больше всего должны были быть обязаны ему благодарностью, сдѣлались его страшнѣйшими врагами. Его же поведеніе въ роковой борьбѣ отличалось болѣе достоинствомъ и отвагой, чѣмъ успѣхомъ“.

Юрій желалъ быть государемъ мирнымъ: „многіе другіе заботились о войнахъ и побѣдахъ, мы же—о соблюденіи права и справедливости; многіе старались размножить и расширить свое владѣчество, мы же заботились только о чести государства и о благосостояніи его жителей; другіе хотѣли, чтобъ люди боялись ихъ власти, мы же заботились о народѣ и служили ему не иначе, какъ рачительный о своемъ семействѣ отецъ“. Такъ понималъ новый король чешскій задачу государя. Король Юрій обратилъ на себя всеобщее вниманіе и пользовался общимъ уваженіемъ у своихъ сосѣдей, у императора и князей нѣмецкихъ, у королей угорскаго и польскаго; нѣкоторые нѣмецкіе князья, недовольные императоромъ, даже задумали возвести въ этотъ санъ перваго курфюрста Римской имперіи, короля чешскаго, и поставить его во главѣ задуманнаго похода противъ Турокъ. Но дальнѣйшему развитію чешскаго государства по этому пути воспрепятствовала римская курія. Папа Пій II, (Эней Сильвій Пикколомини, часто посѣщавшій Чехію и написавшій чешскую исторію) уничтожилъ компактаты и потребовалъ отъ Чеховъ и ихъ короля воссоединенія съ римскою церковью,—вещи, разумѣется, невозможной для обоихъ. Напрасно чешскій король возымѣлъ блестящую мысль: ограничить папскую курію и освободить свѣтскую власть отъ ея вліянія созданіемъ какого-то международнаго парламента христіанскихъ государей: тогдашній міръ не созрѣлъ еще для такой великой идеи. Недовольные королевемъ элементы въ чешскомъ государствѣ, аристократы и нѣмецкіе города, по инушеніямъ папской

курін, отказались отъ повиновенія проклятому въ Римѣ „еретическому“ государю и возстали противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Мало того, мятежники и папа' предложили чешскую королевскую корону польскому королю Казимиру; но тотъ, жалѣя о гибели „славянскаго“ народа, не принялъ ее и старался примирить короля Юрія съ его повставшими подданными. За то угорскій король, Матвій Корвинъ, жадно ухватился за корону чешскую и началъ долгодѣтную войну съ „еретическимъ“ чешскимъ королемъ. Юрій скончался въ тотъ моментъ, когда, испивъ страдальческую чашу до дна, долженъ былъ сдѣлаться виновникомъ новаго блага и новой славы своего отечества. *Судьба, кажется, предназначила ему бышь не побѣдителемъ, а скорѣе мученикомъ.* Какъ нѣкогда Іоаннъ Гусъ потерпѣлъ за присвоенное имъ себѣ право, которымъ пользуется въ наше время уже весь міръ, такъ и Юрій Подѣбрадскій, пострадавъ главнымъ образомъ за свое эманципированіе изъ подъ іерархической опеки, сдѣлался мученикомъ идеи новѣйшаго государства“.

Король Юрій обнаружилъ свою государственную мудрость и въ вопросѣ о своемъ наслѣдникѣ. Минувъ своихъ сыновей, онъ совѣтовалъ Чехамъ выбрать въ короли сына польскаго короля, Владислава. Это и случилось: такимъ образомъ завалъ чешскій тронъ родъ Ягайла (1471 г.) въ „возвышеніе языка славянскаго“, какъ тогда думали Чехи и Поляки съ Литовцами. Но этимъ еще не прекратилась страшная война съ Матвѣемъ, тоже „королемъ чешскимъ“; кончилась она въ ущербъ чешскому государству; Моравія, Силезія и Лужицы отошли отъ него къ Уграмъ. Чешское государство восстановлено въ своей цѣлости и полнотѣ только по смерти Матвія Корвина, когда и Угры выбрали Владислава въ свои короли. Чешская корона присоединена была къ угорской, чешскіе короли и чешское государство втянуты въ дѣла и интересы угорскіе, и въ борьбѣ угорской короны противъ Турокъ, въ несчастномъ сраженіи Могачскомъ, погибъ молодой король Лудовикъ Владиславовичъ (1526 г.).

Чешская исторія во время царствованія Ягайловичей представляетъ все болѣе и болѣе грустную картину. Что касается вѣвшихъ отношеній, то чешское государство какъ будто исчезало, будучи частью государства угорскаго; внутри его виднѣлась разорванность, безплотіе и слабость. Чины (сословія) чешскаго королевства, панскій, владыцкій (рыцарскій) и городской, постоянно ссорятся и почти вся дѣятельность чешскаго народа того времени поглощается этими сословными спорами; слабые короли напрасно стараются посредничать и

примирять; шляхта и города примирились только въ 1617 году знаменитымъ договоромъ Святоточеславскимъ, который сохранилъ свою обязательную силу по крайней мѣрѣ номинально до самого 1848 г. Аристократія, возвысившись послѣ Липанскаго сраженія и во время панскаго союза (противъ короля Юрія, стремилась къ полному устраненію всѣхъ остатковъ древнеславянской демократіи, къ упроченію феодальныхъ учреждений и при слабомъ королѣ достигла наконецъ того, что подданное сельское народонаселеніе прикрѣплено было къ землѣ (1487), и господство шляхты выразилось въ земскомъ уложеніи 1500 года.

Правда, въ этихъ перемѣнахъ важную роль играетъ и слѣдующее обстоятельство: чешская и моравская аристократія того времени отличалась образованностью, просвѣщеніемъ, политическимъ развитіемъ, энергіей и отчасти патріотизмомъ; имена Циבורа изъ Цимбурга, Вилема изъ Перистейна, Іоанна изъ Шельнберга, гуманистовъ Богуслава изъ Лобковицъ, Викторина изъ Вшегордъ и другихъ паповъ и шляхтичей, не мало украшаютъ страницы чешской исторіи того времени.

„Что касается духовной жизни чешскаго народа того времени, то нельзя не замѣтить, что преимущества и добродѣтели, которыя въ первой половинѣ XV вѣка сдѣлали Чеховъ предметомъ удивленія міра, чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе терялись, такъ какъ дѣятельный духъ прогресса, который бываетъ въ высшѣмъ духомъ высшаго просвѣщенія, отклонился отъ этого народа и перешелъ къ его сосѣдямъ и врагамъ. Тотъ духъ прогресса и инициативы вообще, который въ началѣ вѣка производилъ столько неслыханныхъ дѣлъ, мало-по-малу ослабѣлъ въ духовномъ изолированіи утравкистовъ, подъ владычествомъ авторитета еще болѣе строгаго, чѣмъ это было въ другихъ мѣстахъ. Даже въ воспомъ искусствѣ Чехи не сдѣлали ни шагу впередъ со временъ Жижки и Прокопія; чашнический же ригоризмъ породилъ еще большіе препятствія полету мысли и умственному кругозору, чѣмъ сама римская церковь. Прогрессъ, который оставался въ религіозной области, находилъ себѣ убѣжище въ благородномъ, но нѣсколько ограниченномъ *единствѣ чешскихъ братьевъ*.“ Воцареніемъ католическаго короля на чешскомъ тронѣ у папской курии отнять былъ по крайней мѣрѣ поводъ къ продолженію ея враждебной политики противъ Чеховъ; но обѣщаніе Владислава—примирить чешскихъ утравкистовъ съ папой, разумѣется, не могло состояться; въ неминуемыхъ религіозныхъ распряхъ между католиками и чашниками, король дер-

жался первыхъ, къ немалому неудовольствію ихъ противниковъ. Но подъ конецъ этихъ долговѣчныхъ споровъ расцвѣлъ отрадный плодъ просвѣщенія новѣйшаго времени — вѣротерпимость и христіанская любовь: на сеймѣ 1485 года Чехи католики и уtrakвисты, провозгласили полную *равноправность* обоимъ исповѣданіямъ, и этотъ законъ встрѣчается потомъ во всѣхъ земскихъ уложеніяхъ до 1627 года. Изъ этой терпимости, конечно, были исключены ненавистные католикамъ и уtrakвистамъ чешскіе братья „никарты“ (то-есть отрицатели пресуществленія), это религиозное общество подвергалось безпрестаннымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ.

Чехи, пользуясь внѣшнимъ и внутреннимъ миромъ, обратили свое вниманіе на мирныя занятія; усиливающаяся зажиточность народа свидѣтельствовала объ успѣхахъ земледѣлія, ремеслъ и торговли и повела къ новому развитію науки, литературы и художествъ.

Прекращеніемъ династіи Ягайловичей на чешскомъ тронѣ Палацкій кончаетъ свой разказъ и, какъ выше замѣчено, не намѣренъ его продолжать. Ему остается еще разработать чешскій текстъ періода 1283 — 1403 гг., который существуетъ пока только на нѣмецкомъ языкѣ. Палацкій обѣщаетъ затѣмъ изобразить внутреннюю исторію 1253—1526 гг., то-есть, перемѣны въ государственномъ устройствѣ и въ жизни чешскаго народа, духовной, юридической и соціальной; кромѣ того, онъ изложитъ свои мысли о славянской исторіи вообще и чешской въ особенности, о важности и значеніи чешской исторіи въ Европѣ, и пр. Ждемъ съ нетерпѣніемъ этого дополнительнаго тома, или лучше томовъ, и выражаемъ желаніе, навѣрное всѣхъ любителей славянской исторіи, чтобъ обѣщанная Палацкимъ картина культурной исторіи чешской вышла въ возможно большей полнотѣ; судя по тому, что уже сдѣлано имъ (партіи и секты гуситскія, ихъ вожди, военныя роты и проч.), можно ожидать чего нибудь весьма замѣчательнаго.

Палацкій излагаетъ чешскую исторію языкомъ простымъ, напминающимъ древнихъ историковъ греческихъ и римскихъ; онъ пишетъ не по какому-нибудь шаблону, не увлекается какими-либо теоріями философскими и политическими, и напрасно было бы искать въ его трудѣ разныхъ высокопарныхъ фразъ, какими нерѣдко изобилуютъ книги новѣйшихъ историковъ. „Исторія чешскаго народа“ — это трудъ долго созидаемый; факты излагаются въ ней прагматически, только послѣ всесторонняго изученія и обдуманной, строжайшей критики источниковъ, и никогда не заводять автора въ царство произ-

вольныхъ фантазій и воздушныхъ замковъ; чего историкъ на основаніи подлежащихъ данныхъ доказать не можетъ, то онъ оставляетъ нерѣшеннымъ вопросомъ. Только изрѣдка позволяетъ себѣ Палацкій нѣкоторыя историко-философскія и политическія размышленія, объясняющія въ общихъ чертахъ болѣе важныя историческія эпохи. Изъ нихъ, равно какъ и изъ цѣлаго изложенія фактовъ, видно, что Палацкій—рѣшительный приверженецъ прогресса, но прогресса не все-разрушительнаго, а вводящаго реформы въ разныя отрасли жизни мирнымъ способомъ. Онъ не предается той или другой теоріи, онъ не исключительный демократъ и не исключительный аристократъ, онъ не унижаетъ и не возвышаетъ ни Таборитовъ, ни чашниковъ; онъ смотритъ на всѣ сословія, на всѣ политическія, національныя и религіозныя партіи съ точки зрѣнія безпристрастнаго историка-ислѣдователя; онъ соображаетъ, оцѣниваетъ и осуждаетъ всѣ ихъ поступки, какъ заслуги такъ и ошибки. „Одностороннимъ, даже самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ неслѣдя безусловно вѣрить, ибо *audiat et altera pars*; поэтому необходима строгая критика, если хотимъ писать исторію, а не выводы какой-либо извѣстной партіи. Стремленіе къ всевозможной исторической истинѣ и вѣрности—вотъ принципъ, которымъ я руководился“,—такъ понимаетъ Палацкій задачу истиннаго историка. Недостатки своего труда онъ чувствуетъ самъ, очень часто жалуется на нихъ и, по возможности, ихъ исправляетъ.

Само собой разумѣется, что это историческое безпристрастіе не помѣшало Палацкому помнить, что онъ *Чехъ-Славянинъ*, что онъ пишетъ „исторію чешскаго народа въ Чехіи и Моравіи“, къ судьбамъ котораго онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ; если онъ, съ одной стороны, не колеблется никогда отмѣчать и порицать недостатки и ошибки своего народа, то, съ другой, не умалчиваетъ и о его блестящихъ качествахъ, останавливается на нихъ съ особенною любовью.

Нападки Нѣмцевъ на чешскаго историка особенно усилились въ недавнее время, именно съ 1862 года, когда въ Прагѣ образовалось особое „общество для исторіи Нѣмцевъ въ Чехіи“; во главѣ сего сталъ, выписанный изъ Баваріи, вышеупомянутый профессоръ Гёфлеръ, который, со времени своего прибытія въ Прагу, тоже началъ заниматься чешскою исторіей. Но похождения пражскихъ Нѣмцевъ противъ Палацкаго кончились очень плачевно: своими книжками и полемикою они исключили себя изъ среды историковъ, а перешли въ ряды обыкновенныхъ памфлетистовъ. Чтобы дать понятіе объ ихъ науч-

нихъ пріемахъ, приведемъ только слѣдующіе интересные факты: за то, что Гусъ добылъ своему чешскому народу принадлежавшее ему положеніе въ пражскомъ университетѣ, посыпался отъ нихъ рядъ ругательствъ на этого великаго человѣка, который подъ ихъ перомъ является полнѣйшимъ негодаемъ; за то, что чешскіе гуситы—еще за цѣлыхъ сто лѣтъ до „нѣмецкой“ реформациі—посмѣли поднять знамя новыхъ идей и, между прочимъ, возстановили полное господство чешско-славянской народности у себя дома, пражскіе „нѣмецкіе“ „историки“ не находятъ словъ для ихъ порицаній; борьбу гуситовъ за новыя идеи они называютъ „невыразимо пустымъ внутреннимъ споромъ“, ибо эта борьба „не стремилась къ свободѣ, прогрессу и праву, а доставила побѣду несправедливости и развращенію“ (sic!). Все это пишется не въ шутку, а совершенно серьезно. Не трудно было Палацкому, на голову разбить такихъ противниковъ и обнаружить ихъ настоящую цѣль—всевозможное поношеніе чешскаго народа и его исторіи. (*Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Höfler, 1868; Zur böhmischen Geschichtschreibung, 1871*).

Надо, впрочемъ, замѣтить, что поведеніе пражскихъ борцовъ „за нѣмецкую идею“ въ Чехіи, не находить одобренія въ Германіи, какъ это доказываютъ сочиненія Бѣрингера, Крумеля, Вецольда и пр.

Значеніе главнаго историческаго труда Палацкаго у чешскаго народа—громадно. Не смотря на его чисто научную цѣну, онъ игралъ чрезвычайно важную роль и въ національномъ возрожденіи Чеховъ въ послѣднее сороколѣтіе; онъ распространенъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; его читали и читаютъ всѣ классы общества, образованные и необразованные, шляхта, мѣщане, духовенство, крестьяне,—всѣ находятъ въ немъ свою славу, черпаютъ изъ него указанія и совѣты. Едва ли у другаго народа можно найти подобное этому явленію, чтобы строго ученый трудъ пріобрѣлъ такое громадное вліяніе, такую популярность, такой пенарушимый авторитетъ.

Таковы заслуги Палацкаго для чешской исторіографіи, заслуги—по истинѣ безмерныя. Стараніемъ его чешская исторіографія очутилась на такой же высотѣ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ, у которыхъ отечественная исторія пользуется покровительствомъ и пособіемъ высшихъ правительственныхъ кружковъ, преподается вездѣ въ учебныхъ заведеніяхъ и вообще составляетъ предметъ попеченія всѣхъ слоевъ общества. Палацкій создалъ изслѣдователей, число которыхъ все больше и больше увеличивается. Къ прежнимъ историкамъ: Воцелу, Томку, Эрбену, Иречку, Рыбичкѣ, Гин-

дели, Дудіку, Шемберъ—присоединяются новѣйшіе: Брандель, Эмлеръ, Тифтрукъ, Калоусекъ, Томанъ, Зоубекъ и другіе.

Отъ души желаемъ славному чешскому исторыку еще долгой жизни, чтобъ по прежнему неутомимо дѣйствовалъ онъ на пользу чешской исторіографіи и довершилъ скорѣе главный свой трудъ—исторію чешскаго народа.

Іосифъ Первольфъ.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ЗНАКИ ¹⁾.

Знаки собственности у различных диких, кочевых и земледельческих народов. — Переходъ знаковъ у этихъ народовъ отъ родовыхъ къ общиннымъ, затѣмъ къ дворовымъ и личнымъ. — Такия же измѣненія въ знакахъ Славянъ. — Общая классификація юридическихъ знаковъ.

Въ предшествующихъ главахъ нашего труда мы старались выяснить связь, существующую между нашими печатами, гербами, таврами, торговыми штемпелями, бирками, денежными и другими знаками и древними пятнами или знаменами, а черезъ нихъ и съ теперешними знаками собственности.

Мы знаемъ также, что крестьяне непроизвольно ввели между собою употребленіе знаковъ собственности и не заимствовали ихъ отъ сосѣднихъ народовъ, а получили ихъ какъ наслѣдство, отъ своихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Остается еще разрѣшить вопросы: въ какую именно эпоху возникли наши знаки собственности, что обуславливало ихъ появленіе, и каковы былъ ихъ первоначальный характеръ и видъ? Корень нашихъ знаковъ—въ родовыхъ знакахъ Славянъ; они обязаны своимъ возникновеніемъ родовому быту нашихъ предковъ.

Дѣленіе на роды, колѣна, поколѣнія или племена можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ свѣта у народовъ, находящихся на различныхъ степеняхъ развитія, именно—не только у бродячихъ дикарей, но и у кочевниковъ, иногда даже у земледѣльческихъ племенъ. Мы его находимъ у Австралійцевъ, у Индійскихъ племенъ Сѣверной Америки, у Негровъ Африки, у полярныхъ номадовъ, и вообще, у Туранскихъ народовъ Азіи. Есть и въ Европѣ племена, сохранившія родовыя формы быта, какъ увидимъ ниже. У всѣхъ этихъ народовъ существуютъ и особые родовые знаки.

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв. за 1874 г.

Австраійскіе дикари раздѣляются на роды, изъ которыхъ каждый отличается именемъ какого-нибудь животнаго или растенія, которое служитъ символомъ рода, или *кобонюмъ*. Членъ рода ни за что не убьетъ животнаго изъ породы, къ которой принадлежитъ его кобонгъ. Это объясняется увѣренностію, что кто-либо изъ этой породы—ихъ искреннѣйшій другъ, и убить его было бы величайшимъ преступленіемъ. Туземецъ, носящій имя растенія, позволяетъ себѣ сорвать его при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстную пору года ¹⁾. Символическіе знаки, или кобонги, вкладутся австраійскими племенами на ихъ оружіяхъ, утвари, украшеніяхъ и выдѣлываются на тѣлѣ чрезъ татуированіе ²⁾. На островахъ Тихаго океана существуетъ обычай, при помощи своихъ знаменъ, превращать въ частную собственность рѣдкія деревья и растенія. Всякій, замѣтившій плоды на какомъ-либо лѣсномъ деревѣ, можетъ сдѣлать на немъ извѣстный знакъ, и тогда плоды эти не будутъ никѣмъ тронуты и могутъ окончательно дозрѣть ³⁾.

У Индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки каждый родъ также называется особымъ именемъ—*тотемъ* или *додемъ*,—которымъ обыкновенно служитъ названіе какого-нибудь одушевленнаго предмета, напримѣръ, медвѣдя, волка, бобра, черепахи, цапли, акулы и проч., и рѣдко или никогда не одушевленнаго предмета ⁴⁾. Это прозвище рода есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его символическій знакъ, изображаемый на различныхъ предметахъ ⁵⁾. Важность значенія этихъ тотемовъ объясняетъ Лэбоукъ въ своемъ сочиненіи „Начало цивилизаціи“ еще тѣмъ, что люди положительно ведутъ отъ нихъ свою родословную. Голубь, медвѣдь и волкъ, кажется, были первобытными и самыми уважаемыми тотемами въ большей части племенъ и пользуются до сихъ поръ громаднымъ значеніемъ въ преданіяхъ Ирокезовъ и Ленани или Делаваровъ. Озагавы, напротивъ, предполагаютъ, что они происходятъ отъ бобра и потому никогда не убиваютъ этого обожаемаго ими животнаго.

Хонды Индіи также принимаютъ названія отъ различныхъ животныхъ, такъ что племена ихъ дѣлятся: на медвѣжье племя, свиное

¹⁾ Донсторич. бытъ человека, *Тайлора*, стр. 109. Начало цивилизаціи *Лэбока*, стр. 34—36, 126.

²⁾ Allgem. Cultur-Gesch. der Mensch. *Klenn.* I, 319.

³⁾ Азбука социальн. наукъ. С.-Пб. 1871. Ч. I, стр. 37.

⁴⁾ См. №№ 361—365 на нашихъ таблицахъ.

⁵⁾ Донсторич. бытъ человека, 382—385. Нач. цивилиз., стр. 40.

племя, оленье племя и т. д. Колю Нагпора тоже дѣлятся на кеели или кланы, по большей части называемые по имени животныхъ, которыхъ вслѣдствіе этого они не ѣдятъ ¹⁾).

Въ Африкѣ христіанскіе миссіонеры нашли между Неграми такое обыкновеніе, что каждое колѣно обожаетъ какой-либо особый предметъ, чаще всего животныхъ. Имена обоготворяемыхъ животныхъ, признающихся покровителями племени и не употребляемыхъ поэтому въ пищу, принимаются за родовыя прозвища.

(Обожанію животныхъ, служившихъ тотемами, авторъ „Начала цивилизаціи“ длетъ такое широкое и важное значеніе, что отводитъ ему особое мѣсто въ исторіи развитія человѣческихъ вѣрованій, именун даже особый періодъ въ исторіи религій *тотемизмомъ*. Впрочемъ, онъ, какъ намъ кажется, не совсѣмъ вѣрно объясняетъ происхождение этого обоготворенія. По его словамъ, обожаніе животныхъ произошло отъ обыкновенія называть сперва отдѣльными личности, а потомъ—ихъ семьи, именами различныхъ животныхъ. Семья, наприимѣръ, названная медвѣдемъ, смотрѣла на это животное сперва съ особымъ участіемъ, затѣмъ, съ уваженіемъ, и наконецъ, съ благоговѣніемъ ²⁾. Мы же думаемъ, что обоготвореніе животныхъ должно было явиться помимо того обстоятельства, что именами ихъ называли людей; оно вытекало прямо изъ потребности человѣка обоготворять явленія внѣшняго міра и коренится въ такъ-называемомъ фетишизмѣ. Наименованіе же людей именами животныхъ только способствовало развитію большаго уваженія къ царству животныхъ. Не у всѣхъ народовъ, даже находящихся на низшей степени развитія, символами родовъ и семей въ настоящее время служатъ одни животныя; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ употребленіи уже другіе знаки, какъ можно судить по изображеніямъ ихъ татуировки.

Разрисовка кожи, по словамъ Лэбока, почти повсемѣстна между низшими расами. Иногда каждый разрисовываетъ себя по своему вкусу; иногда же у каждаго клана свой особый рисунокъ. Вотъ что разказываютъ, наприимѣръ, объ Аббеокутахъ. Они изображаютъ на себѣ различныя фигуры—черепахъ, аллигаторовъ, шипицъ, звѣзды, круги, зигзаги, прямыя линіи, каемочки, узелки и проч. У нихъ всякое племя, всякій кланъ, даже всякое семейство имѣетъ свой гербъ, безкончныя видоизмѣненія котораго можно сравнить только разнѣ съ

¹⁾ Начало цивилизаціи, стр. 126 — 127.

²⁾ Начало цивилизаціи, стр. 126.

разнообразіемъ европейской геральдики. Племенной знакъ Бунновъ въ Африкѣ состоитъ изъ трехъ шрамовъ, начинающихся на темени и пересѣкающихъ все лицо до рта. Жители Формозы отпечатлѣваютъ на своей кожѣ различныя фигуры деревьевъ, цвѣтовъ и животныхъ. Новозеландцы разрисовываютъ себя кривыми или спиральными линіями. Они употребляютъ свои моко, или рисунки татуировки, вмѣсто подписи ¹⁾. По нашему мнѣнію, знаки второго рода, то-есть, состоящіе изъ линій, произошли отъ знаковъ перваго рода, то-есть, отъ изображеній животныхъ и другихъ обоготворяемыхъ предметовъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что татуированіе у многихъ дикихъ народовъ имѣетъ религіозное значеніе, даже тамъ, гдѣ для татуировки употребляются простыя линіи ²⁾.

Татуированіе первобытныхъ народовъ перешло у насъ болѣе развитыхъ въ нѣкоторыя другія обыкновенія. Такъ, у нѣкоторыхъ изъ племенъ Индусовъ, принятіе въ племя дѣтей совершается, на пятый годъ, чрезъ выдавливаніе на рукѣ особаго знака ³⁾. Всѣ мужчины родовъ Мекки и Джидды отличаются особыми знаками, которые татуируютъ имъ родители обыкновенно въ сороковой день послѣ ихъ рожденія. Эти знаки, состоя изъ трехъ длинныхъ насѣчекъ или разрѣзовъ, сдѣланныхъ на обѣихъ щекахъ, и двухъ на правой вискѣ, представляютъ рубцы въ три или четыре линіи, и потому не изглаживаются во всю жизнь. Бедуины не соблюдаютъ этого обычая, Мекканцы же гордятся этимъ отличіемъ, которое исключаетъ всѣхъ жителей другихъ мѣстностей отъ великой чести принадлежать къ числу уроженцевъ святаго города. Чрезвычайно рѣдко татуируютъ такимъ же знакомъ и дѣвочекъ ⁴⁾. Это напоминаетъ намъ обычай христіанскаго населенія Іерусалима и паломниковъ татуировать себѣ знакъ креста съ Адамовою головою на правой рукѣ. Западно-европейскіе моряки употребляютъ на рукахъ татуировку въ видѣ имени корабля, года и числа поступленія на судно и собственнаго имени.

Всѣ почти кочевники Средней Азіи имѣютъ свои родовые знаки.

¹⁾ Начало цивилизаціи, стр. 40 — 43.

²⁾ Anthropologie der Naturvölker von *Waitz*, 5 ч. 2 отдѣл. 1870 г., стр. 67. Въ Микронезіи дикари на однихъ островахъ думаютъ, что татуированіе обитателей предохраняетъ островъ отъ гибели въ волнахъ моря, на другихъ — что только нататуированные идутъ послѣ смерти въ царство блаженныхъ, на третьихъ — что только нататуированные могутъ посѣщать священныя мѣста и т. д.

³⁾ Die Rechtsverhältnisse bei verschied. Völker der Erde. von *Bastian*. Berl. 1872, стр. 166.

⁴⁾ О племенахъ земнаго шара, *Хант*. Сиб. 1864, ч. 3, стр. 44.

Родовые символы теряют здѣсь значеніе прозвищъ для родовъ, ибо роды уже называются другими именами, напримѣръ, именами родоначальниковъ, мѣсть кочевки и т. п. Они уже не имѣютъ того священнаго значенія, какъ у дикарей, и состоятъ по большей части изъ изображеній предметовъ домашней жизни и вообще кочевой и т. п.

Чтобы показать, какое значеніе имѣютъ родовые знаки у азіатскихъ племенъ, приведемъ въ примѣръ нѣсколько живущихъ въ предѣлахъ Россіи азіатскихъ народовъ, живо еще сохраняющихъ родовой строй жизни—Киргизъ, Кундровскихъ Татаръ, Калмыковъ и др.

Киргизы Малой Орды дѣлятся на 18 родовъ. Каждый изъ родовъ подраздѣляется на отдѣленія, а отдѣленія — на подотдѣленія. Роды значительно разнятся между собою по числу своихъ членовъ: самый малый изъ нихъ состоитъ изъ 300 кибитокъ, а самый большой—изъ 12 тысячъ кибитокъ. Всякій родъ имѣетъ свой знакъ, называемый тамгою. Тамги имѣютъ свои особыя наименованія, смотря по тому, что онѣ представляютъ. Такъ, у Султанскаго рода тамгой служитъ *джя-окъ*, то-есть, лукъ со стрѣлой (№ 351): султанская тамга называется *ханъ-тамга*; у Табынскаго рода — *тарахъ*, то-есть, гребень (№ 352); у рода Хаджи — *алифъ*, то-есть, буква а (№ 353); у Кирдиринаскаго, равно какъ и у Шумишли-Табынскаго рода—*шумишъ*, то-есть, ковшикъ (№ 354); у Алачинскаго рода — *костамалъ*, то-есть, два, соединенные въ одно (№ 355); у Байетинскаго—*серіе*, деревянный намордникъ, надѣваемый на жеребятъ, чтобъ они не сосали молока (№ 356); у Черкесскаго — *узымъ-тамга*, то-есть, длинная тамга (№ 357); у Адаевского—*тыль-тамга*, то-есть, языкъ тамга (№ 358); у Китинскаго — *чекъ-тамга*, то-есть, знакъ или перекладина вверху кибитки (№ 359), и т. д. Родовыя тамги Киргизъ кладутъ на лошадей и овецъ посредствомъ раскаленного желѣза; тамги иногда выдѣлываются на кошмахъ, то-есть, войлокахъ; онѣ же прикладываются къ бумагамъ вмѣстѣ съ подписями. У другихъ азіатскихъ народовъ тамги изображаются и на знаменахъ поколѣній ¹⁾. Всякій пришлецъ долженъ быть приписанъ къ тому или другому поколѣнію и съ того времени пользуется его тамгою.

¹⁾ Не одни восточные народы изображали на знаменахъ свои родовые знаки. У древнихъ Германцевъ, по указанію Тацита, также были значки съ изображеніями звѣрей, для отличія и группированія воинскихъ массъ (Истор. цивилиз. Германіи, *Шерра*. Спб. 1869, стр. 196). Объ обычаѣ изображать животныхъ на знаменахъ, по словамъ Лабона, упоминаетъ и Плутархъ, который именно этому обстоятельству приписываетъ возникновеніе обожанія животныхъ (Начало цивилиз., стр. 125).

Тамги и примѣты, о которыхъ мы говорили раньше, важны особенно въ случаяхъ грабежа, воровства и вообще пропажи животныхъ, составляющихъ почти единственное богатство Киргизъ: овецъ, лошадей и проч. Когда Киргизы отобьютъ свой скотъ отъ грабителей изъ враждебныхъ поколѣній, то узнаютъ по тамгамъ и примѣтамъ, какому роду онъ принадлежитъ, и возвращаютъ въ родъ, а этотъ ужъ отдаетъ животныхъ по принадлежности. Воры и грабители скота стараются уничтожить на немъ старыя тамги и примѣты и наложить знаки своего рода. Тамъ, какъ и у нашихъ крестьянъ, такая поддѣлка служитъ доказательствомъ въ совершеніи преступленія. Если прежняя тамга заростетъ шерстью, то судьи пробриваютъ шерсть и по шрамамъ заключаютъ о воровствѣ ¹⁾).

Приведемъ еще слѣдствія о родовомъ устройствѣ Кундровскихъ Татаръ, кочевыхъ инородцахъ Астраханской губерніи. Кундровскіе Татары проводятъ зиму, по примѣру осѣдлыхъ жителей, въ двухъ обширныхъ селеніяхъ Красноярскаго уѣзда, Сейтовѣ и Хожетаевѣ, а лѣтомъ кочуютъ по неплодороднымъ степямъ лѣваго берега Волги. По преданіямъ, они считаютъ своимъ родоначальникомъ одного изъ мурзъ Большаго-Ногая, по имени Изманла, у котораго былъ сынъ Едигей, а отъ сыновей-то этого Едигея—Касая и Каспулата—произошли нѣсколько родовъ или поколѣній Кундровцевъ.

Отъ Каспулата идутъ слѣдующіе три рода: Асъ, Найманъ и Тибетпесъ. Асскіе Кундровцы живутъ въ селеніи Хожетаевѣ, или какъ выговариваютъ сами Татары, Ходжетай. Круглымъ числомъ считаются ихъ до 600 душъ мужескаго пола. Тамга этого рода—прямая черта, направленная отъ лѣвой стороны къ правой: *кустой*, то-есть, палецъ. Родъ Асъ подраздѣляется на два отдѣленія: 1) Шотукъ, 2) Култасъ. Родъ Найманъ живетъ въ селеніи Сейтовѣ; число душъ мужескаго пола простирается до 500. Найманскій родъ раздѣляется на три отрасли или отдѣленія: 1) Джагалбайлы; его тамга состоитъ изъ двухъ чертъ (съ одного конца тупыхъ, съ другаго — заостренныхъ), положенныхъ одна на другую, въ видѣ буквы Т, что довольно близко походитъ на молотокъ, какъ она и дѣйствительно называется: *муулуи тамга*, а шугушъ, или по другому выговору, чокушъ, означаетъ молотокъ. 2) Баганайле; тамга этого отдѣленія есть черта, сверху нѣсколько раздвоенная (У); она представляетъ собою родъ подпорки или сучковатой жерди, а потому и называется *баиана*, столбъ. 3) Шо-

¹⁾ Изъ моего рукописнаго сборника юридическихъ обычаевъ Киргизъ Милой Орды.

балачи; тамга его — палецъ, или *и*; для различія этой тамги съ тамгой Аскаго рода, она кладется не слѣва направо, а отъ правой стороны къ лѣвой. Родъ Тюбетпестъ, иначе называемый Джалгы-найманъ, или Янгинайманъ, то-есть, новые Найманы живутъ въ Хожетаевкѣ; численность его полагается душъ въ 600 мужескаго пола. Этотъ родъ употребляетъ ханскую тамгу, *тарахъ*, гребень.

Отъ Касая произошелъ только одинъ родъ Мангышъ, подраздѣлившійся на шесть отраслей: 1) Мангытъ. Кондровцы этого отдѣленія живутъ и въ Сейтовкѣ, и въ Хожетаевкѣ; въ каждомъ изъ нихъ численность Мангытовъ доходить до 1.000 душъ мужескаго пола. Тамга ихъ — ковшъ, *шѣмышъ*. 2) Кугюссы; они живутъ въ Хожетаевкѣ; ихъ численность около 400 душъ мужескаго пола; тамга ихъ или *ковшъ*, или *полумѣсяцъ*, *ай*. 3) Эргенекли; они живутъ тоже въ Хожетаевкѣ, въ числѣ, не превышающемъ 400 душъ мужескаго пола. Одна половина Кундровцовъ изъ отдѣленія Эргенекли имѣетъ тамгой ковшъ, другая — рѣшотку для ограды, *эргенекъ*. 4) Алтолкы: мѣстожительство, численность и тамга тѣ же, что и у Эргенекли. 5) Байгунда. Татары этого отдѣленія живутъ въ Сейтовкѣ, населеніе ихъ полагается душъ въ тысячу; тамга ихъ — ковшъ. Отдѣленіе Байгунда раздѣлилось на пять подотдѣленій: Байгунда, Ютугулъ, Джальмамбестъ, Аджимбестъ и Апшай. 6) Темирходжа; они живутъ въ Сейтовкѣ, общее число ихъ около 400 душъ мужескаго пола. У Темирходжи три подотдѣленія: а) Темирходжа; его тамга — сабля, *кымышъ*, кривая черта, съ одного конца нѣсколько перечеркнутая для обозначенія клинка и эфеса; б) Киревтъ и в) Тойбермали: тамги у нихъ — ковшъ съ кривою ручкой, называемый *тойермалъ*.

У Кундровскихъ Татаръ есть еще два рода, или двѣ отрасли, неизвѣстные по происхожденію: это 1) Сальджугутъ, въ числѣ около ста душъ мужескаго пола, обитающіе въ Сейтовкѣ; тамга ихъ четырехугольникъ, составленный изъ прямыхъ чертъ , что означаетъ домъ, *юй*, отчего и тамга эта называется *юй-тамга*, и 2) Токъ; они, всего душъ полтора ста мужескаго пола, живутъ тоже въ Сейтовкѣ; въ тамгѣ у нихъ родъ треугольника, обозначающій тотъ клочекъ бумаги съ писаннымъ текстомъ изъ Корана, который благочестивые магометане носятъ на шеѣ. Тамга эта называется *дуа-тамга*. Впрочемъ, въ послѣднее время отрасли Сальджугутъ и Токъ замѣнили эти тамги тамгой — ковшъ съ кривою ручкой ¹⁾.

¹⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1852 г., кн. 6. Волжское нивозье. Небольсина, стр. 356—359.

Калмыки, кочующіе въ Астраханской губерніи, дѣлятся на улусы, которыхъ всего семь; улусы состоятъ изъ родственныхъ между собою родовъ или анги; роды дробятся на аймаки, послѣдніе на хотоны, а хотонъ—это группа близко родственныхъ семей, нераздѣльно кочующихъ на данной мѣстности. Изъ числа семи улусовъ три считаются владѣльческими, а остальные, какъ выморочные, казенными. Казенные улусы управляются назначаемыми отъ правительства особыми правителями, а владѣльческіе — нойонами; власть переходитъ къ старшему въ родѣ. Владѣльцамъ улусовъ подчинены зайсанги, пользующіеся нѣкоторыми правами владѣнія надъ своими аймаками, которые, какъ и улусы, переходятъ безраздѣльно, по праву наслѣдства, къ старшему въ родѣ. У Калмыковъ существуютъ тамги не только улусныя и родовыя, но и у отдѣльных нойоновъ, зайсанговъ и даже ипогда у простыхъ Калмыковъ ¹⁾. Тамги наиболѣе всего употребительны для тапренія лошадей. Калмыки таврятъ молодыхъ жеребятъ по достиженіи ими одного года. Обычай этотъ существуетъ не только у Калмыковъ, но и у всѣхъ сосѣднихъ съ ними инородцевъ, также какъ и у Русскихъ, имѣющихъ свои табуны.

На нашей таблицѣ подъ №№ 316 по 322 изображены клейма Калмыковъ Яндыковского улуса, разныхъ родовъ и отдѣленій. Такъ, подъ №№ 316 и 317 клейма Варунова рода (по всей вѣроятности—разныхъ аймаковъ), подъ № 318 клеймо Керетова рода и Трухманъ Чогдурова рода; № 319—Шабинерова рода и Теленгутова рода Хошаутовскаго улуса. № 320—Багутова рода; это тавро находится въ четырехъ родахъ, составившихъ въ древности одинъ,—теперь различіе идетъ только въ величинѣ тамги. № 321—Бага-Цатанова рода, № 322—Аха-Цатанова рода и у крещеныхъ Калмыковъ, причисленныхъ къ Молдокскому казачьему полку, которые прежде принадлежали этому роду. Подъ №№ 323, 324 и 325 клейма Молодербетлевскаго улуса Абгансорова рода. Подъ № 326 общее тавро Эркетеновскаго улуса, подъ № 327—того же улуса Хожчутова рода (русское тавро). Подъ № 328 клеймо Багадохуровскаго улуса Варунова рода. Подъ №№ 329 до 336 включительно клейма Хошоутовскаго улуса. Изъ нихъ № 329 Ики-Хошоутова и Бага-Хошоутова рода; только въ первомъ тамга больше, а въ послѣднемъ меньше. № 330—Эркетенева рода, № 331 въ Хошоутовскомъ улусѣ въ скотоводствѣ, № 332 тоже, № 333—Керетова

¹⁾ Калмыцкая степь Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Кумо-Мамынской экспедиціи, изд. Мин. Гос. Имущ. Спб. 1868 г., стр. 106, 130.

рода, также у Киргизъ Джансырова рода и у Мочажныхъ Татаръ, № 334 — Шабнирова рода, № 335 тоже, только основанъ въ различіе. № 336 — того же улуса, въ скотоводствѣ. Подъ №№ 337, 338 и 339 изображены клейма Икицохуровскаго улуса: первое — Ярғачинъ-Эркетенева рода, второе — Ачинерова рода и у Хошоутовскаго владѣльца нойона Тюмпева, третье — Зюнгарова рода, также Хошоутовскаго улуса Цаатанова рода, у Каранагайцевъ Найманова куба и у Кабардинцевъ, только у послѣднихъ тавро бываетъ длиннѣе, во всю лишку. № 340 — Харахусовскаго улуса Харахусова рода, также Багацановскаго улуса Ламиятъ-Шабнирова рода, у Каранагайцевъ Найманова куба и у Мочажныхъ Татаръ бухарскаго двора. № 341 — Малодербетовскаго, Эрденіевскаго и Хошоутовскаго улусовъ. № 342 — Багацотровскаго зайсанга Собокова; № 343 — Икицохуровскаго нойона Церена-Убуши и Киргизскаго хана Внутренней Орды; № 344 — нойона Тюмпева; № 345 — нойона Тундута; № 346 — нойона Очира Хапчукова; № 347 — нойона Дугарева; № 348 — Калмыка Яндыковскаго улуса Багильда Цакупова; № 349 — Калмыка Эркетеневскаго улуса Чекана Зундуева; № 350 — Калмыка того же улуса Уту-Насунъ-Ширипова ¹⁾).

Примѣръ Кундровскихъ Татаръ и Калмыковъ Астраханской губерніи показываетъ, что вмѣстѣ съ разростаніемъ родовъ и съ разчлененіемъ ихъ на отдѣльныя самостоятельныя части или отдѣлы, родовые знаки могутъ дѣлаться знаками отдѣленій и подотдѣленій. При дальнѣйшемъ развитіи быта, при самомъ началѣ распаденія родовыхъ связей, эти знаки часто переходятъ въ общинные, и наконецъ, дворовые или личные. Вмѣстѣ съ такимъ переходомъ все яснѣе и яснѣе обозначается ихъ главный характеръ какъ знаковъ собственности, и расширяется кругъ ихъ примѣненій въ практической жизни. Такъ, у инородческихъ племенъ Архангельской губерніи, Лопарей и Самоѣдовъ, у которыхъ родовой бытъ клонится къ распаденію, родовые знаки уже перешли въ знаки собственности. Но по бѣдности бытовой обстановки, они не могутъ еще получить такого многосторонняго примѣненія, какъ у другихъ ихъ соплеменниковъ, примѣръ, Зырянъ и Корель, которые въ культурномъ отношеніи стоятъ несравненно выше первыхъ. Въ то время, какъ Самоѣды и Лопари употребляютъ свои знаки только какъ клейма на животныхъ и нѣкоторыхъ вещахъ и вмѣсто подписей, Зыряне и Корелы пользуются

¹⁾ Калмыцкая степь. Прилож. 1-е.

ими почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какъ и мѣстнос русское население. У Тунгусовъ и Якутъ Сибири, находящихся не на высокой степени культурнаго развитія, уже въ XVII столѣтіи клейма, кажется, являются съ характеромъ личныхъ знаковъ ¹⁾.

Что клейма дѣйствительно могутъ переходить изъ родовыхъ въ фамиліи, въ этомъ можно убѣдиться на клеймахъ Пермиковъ. Живущіе въ Пермской губерніи Пермаки нынѣ имѣютъ фамиліи, которыми обозначаютъ предѣлы захваченнаго въ лѣсу угодья, свои борти и улья, деревья, нужныя для хозяйства, накладываютъ ихъ на лошадиныхъ посредствомъ раскаленнаго желѣза, прикладываютъ къ роспискамъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ такіе знаки переходятъ, вмѣстѣ съ имуществомъ, къ старшему въ родѣ. Съ возникновеніемъ новаго рода или семьи, является и новый знакъ. Иногда, вмѣстѣ со знакомъ, присвоивается роду особое прозваніе, напримѣръ, родъ Гимровинныхъ происходитъ отъ фамиліи Васильиныхъ, родъ Оленичей изъ фамиліи Щукиныхъ и т. д. Иногда же родъ не имѣетъ особаго прозванія, и пося одну фамилію, роды имѣютъ только свои особые знаки. Последнее обстоятельство доказываетъ, что еще не такъ давно семейные знаки Пермиковъ были родовыми. Дѣйствительно, сохранилась довольно старая рукопись, содержащая въ себѣ изображеніе родовыхъ знаменій, съ описаніемъ, какому роду знакъ принадлежитъ и гдѣ родъ обитаетъ ²⁾.

Все сказанное позволяетъ думать, что и у Славянъ знаки собственности развивались такимъ же порядкомъ. Сначала они были родовыми знаками, а потомъ, съ ослабленіемъ родоваго быта, обратились въ знаки домовые. Разумѣется, переходъ этотъ совершался не вдругъ и не скачками, такъ что наши знаки должны были пройти не одну фазу развитія. Развитие же ихъ обуславливалось прогрессивнымъ движеніемъ бытовой жизни народа.

Что Славяне въ началѣ своего историческаго существованія жили въ формахъ родоваго быта — объ этомъ свидѣлствуетъ много историческихъ данныхъ, не отвергаемыхъ никѣмъ; но есть и прямое доказательство; это именно очевидные остатки родоваго быта, сохранившіеся у одного изъ славянскихъ племенъ. Мы говоримъ о Черногорцахъ. Черногорцы до сихъ норъ дѣлятся на племена, отдѣ-

¹⁾ Изображенія якутскихъ и тунгусскихъ клеймъ можно найти въ Дополн. къ Актамъ Историч. изд. Археогр. Ком., т. VII, 1859 г. №№ 1—30.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869, № 12, стр. 338; завед. Моск. общ. любит. естествозн., 17-го марта,

ленія и братства, какъ и другіе народы, находящіеся на той же ступени развитія. Каждое племя, отдѣленіе и братство имѣетъ свое названіе, и эти названія входятъ въ составъ фамильнаго прозвища всякаго Черногорца ¹⁾. Причинъ, способствовавшихъ сохраненію этого архаическаго строя жизни среди Славянъ, надобно искать въ территоріальномъ положеніи и историческихъ условіяхъ Черногоріи. Наши предки, Русскіе Славяне, сравнительно, довольно рано разорвали узы родового быта; впрочемъ, не такъ рано, какъ полагаютъ нѣкоторые наши ученые. Въ Русской Правдѣ можно найти еще много указаній если не на явное существованіе формъ кровнаго быта, то по крайней мѣрѣ, на очевидныя остатки его, или лучше сказать, на промежуточные явленія, свидѣтельствующія о господствѣ родовой общины.

Для насъ весьма важно знать, изъ какихъ частей складывалась наша родовая община, и какъ она распадалась съ развитіемъ народной жизни. Выскажу здѣсь свои соображенія, добытыя изъ изученія теперешней русской общины крайняго сѣвера Европейской Россіи и изъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ о пей прошлаго и семнадцатаго столѣтій. Но то, что будетъ высказано здѣсь, не считаю возможнымъ подтверждать теперь же фактами, ибо такимъ образомъ мы далеко ушли бы отъ своей ближайшей цѣли. Родовая община, какъ извѣстно изъ Русской Правды, называлась въ древности вервью, потому что обвервливалась (*вервь* значитъ измѣрять землю веревкой) вокругъ и отвервливалась отъ другихъ вервей, подобно германской маркѣ. Мы еще не знаемъ навѣрное, соотвѣтствовала ли вервь цѣлому роду, или только его отдѣленію, или подотдѣленію, скорѣе всего послѣднимъ; но для насъ это пока безразлично. Вервь складывалась изъ отдѣльныхъ маленькихъ, но значительно разбросанныхъ деревень, которыя назывались *омищами* или *печищами*, и пахотились, подобно западно-славянской задругѣ, подъ управленіемъ старѣйшинъ, называвшихся *омищанами* или *печищанами*. Каждая вервь сначала владѣла землей пахотною и сѣнокосною сообща. Потомъ земли верви раздробились между печищами, при чемъ всѣ члены печища владѣли ею нераздѣльно, не раздробляя ея между собою; пастбища же и лѣса по прежнему оставались въ общемъ владѣніи верви. Затѣмъ появилась частная поземельная собственность въ печищахъ, но такъ, что она не уничтожала совершенно общей собственности печищъ; напротивъ, частная собственность уживалась мирно рядомъ

¹⁾ Pravni običaji u Slovena, Bogišić, стр. 36.

съ общимъ землевладѣніемъ. Часть земель дѣлилась между родственниками, составлявшими печище, или *складниками*, и они владѣли ею на правахъ полной собственности, а другая составляла ихъ общее достояніе, и они обрабатывали ее сообща. Владѣніе земель на правахъ полной собственности отмѣнено правительствомъ, которое ввело повсемѣстно общинное землевладѣніе. Что такова была историческая судьба сѣверной общины, это, какъ уже сказано, мы попытаемся доказать въ другомъ мѣстѣ; для нашей цѣли достаточно и того, что здѣсь изложено. Теперь нужно узнать, какія измѣненія претерпѣвали наши родовые знаки вмѣстѣ съ превращеніями, совершавшимися въ общинѣ. Къ сожалѣнію, прямыхъ указаній, по крайней мѣрѣ, для первоначальнаго измѣненія родовыхъ знаковъ, мы не имѣемъ, а можемъ дѣлать свои заключенія только по аналогическимъ явленіямъ, замѣчаемымъ у другихъ народовъ. Съ распаденіемъ каждаго рода на отдѣльныя и подотдѣленія, изъ которыхъ составились родовыя общины или верви, родовые знаки нашихъ предковъ должны были, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у Кундровскихъ Татаръ, раздробиться на знаки отдѣленій или общинные знаки. Вѣроятно, когда у насъ впервые обмѣривались и разграничивались верви, то каждая изъ нихъ получала свой знакъ, которымъ обозначались предѣлы верви. То же самое было и у древнихъ Германцевъ, какъ свидѣлствуютъ данныя филологіи и исторіи. Какъ древняя родовая община Германцевъ, такъ и всѣ земли, принадлежавшія общинѣ, равно и граница земель, и служившіе границею, находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга, и даже клейма, съ отдаленнѣйшихъ временъ употреблявшіеся въ Германіи и налагавшіеся, между прочимъ, на предметы межевые, обозначались однимъ и тѣмъ же именемъ, марки ¹⁾. И у насъ, какъ мы видѣли раньше, слово, обозначавшее клеймо, знамя, было перенесено, если не на всю общинную землю, то по крайней мѣрѣ, на нѣкоторую часть ея, собственно на лѣсныя угодья и на межевые знаки, обозначавшіе болѣе или менѣе обширныя пространства. Все это служитъ намекомъ на существованіе у насъ веревныхъ знаковъ. При распаденіи общинъ на отдѣльныя мелкіе поселки или печища, то-есть съ переходомъ поземельнаго землевладѣнія отъ общиннаго къ печищному, общинные знаки перешли въ печищные, а

¹⁾ Архивъ истор. юрид. свѣд. *Калачева*, кн. 2-я пол. 1-я М. 1855 г.: О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ *Грачевскаго*. Древности 1867 г. т. I вып. 2: Зимятинъ А. *Котляревскаго* къ ст. гр. *Тышкевича*, стр. 246. *Deutsche Rechtsalterthümer von J. Grimm*, Göt. 1854, стр. 406.

потомъ уже эти послѣдшіе—въ дворовые или домовые. Возвратимся нѣсколько назадъ, чтобы убѣдиться въ послѣднемъ превращеніи, то-есть въ образованіи домовыхъ знаковъ изъ печищныхъ.

Говоря въ началѣ статьи о знакахъ собственности въ Архангельской губерніи и о способѣ ихъ передачи отъ одного лица къ другому, мы сказали, что въ теперешнихъ домовыхъ знакахъ собственности можно почти всегда замѣтить основной или коренной знакъ старой семьи, изъ которой образовались новыя. Въ примѣръ мы приводили крестьянина Чудинова: члены этого семейства, сначала сыпозья, а потомъ зятя-пріемыши, принявъ въ основу своего клеймотцовскій знакъ, крестъ въ видѣ римской цифры X, измѣнили его прибавкою рубежей, за исключеніемъ младшаго сына, который, оставшись въ родительскомъ домѣ, удержалъ безъ измѣненія клеймо отца. Такимъ образомъ, крестъ остался кореннымъ знакомъ всего Чудинова скаго рода, составлявшаго собою до 1831 года отдѣльное печище. Если бы члены Чудиновскаго печища не дѣлились землей, хотя бы и жили въ разныхъ домахъ, какъ бывало въ старину, то этотъ знакъ оставался бы у нихъ общимъ, печищнымъ. Возникновеніе дѣлежей земли между лицами, входившими въ составъ печища, но такъ, что часть земли оставалась общою, вызвало обыкновеніе отклеивываться особыми знаками, въ которыхъ, однакоже, можно было узнать общій печищный знакъ ¹⁾. Въ наше время, когда память о печищахъ почти угасла, вслѣдствіе, съ одной стороны, введенія правительствомъ общинаго землевладѣнія, а съ другой—вслѣдствіе крайняго дробленія семей, наши теперешніе знаки имѣютъ уже исключительно характеръ домовыхъ или дворовыхъ клеймъ. Такъ какъ наши знаки переходили различныя фазы своего развитія согласно измѣненіямъ въ характеръ землевладѣнія, слѣдовательно, подъ вліяніемъ хозяйственнаго или экономическаго начала, то въ нихъ не сохранилось того кровнаго или родоваго элемента, который бросается въ глаза въ гербахъ знатныхъ польскихъ фамилій. Тогда какъ у насъ клейма являются нынѣ представителями только двора, а въ прежнее время—печища, польскіе гербы служатъ символами цѣлыхъ рядовъ фамилій, происходящихъ отъ одного корня или искусственно приписанныхъ къ одному роду.

¹⁾ Мацневскій говоритъ, что нѣкогда деревни возникали у Славянъ такъ: возлѣ родительскаго дома, переходившаго къ младшему сыну, являлись строенія остальныхъ сыновей, которые жили одну фамилію и одинъ знакъ (гербъ). Hist. pravod. т. III, 364.

Такъ какъ въ польскихъ гербахъ обнаруживается въ сильной степени родовой принципъ, то можно думать, что они получили свое начало въ родовыхъ знакахъ Польскихъ Славянъ; правда, противъ такого заключенія могутъ быть приводимы историческія данныя, которыя утверждаютъ, что принятіе гербовъ польскимъ дворянствомъ началось никакъ не раньше XIV столѣтія; слѣдовательно когда родовые знаки должны были уже исчезнуть ¹⁾; но, принявъ во вниманіе тотъ фактъ, что своего рода гербовые знаки существуютъ до настоящаго времени въ иныхъ мѣстахъ Польши между простыми народами, нельзя безусловно отрицать возможности происхожденія польскихъ гербовъ именно отъ родовыхъ знаковъ. О Карпатскихъ Польскихъ горахъ сообщаютъ, что они дѣлятся на двѣнадцать отдѣльных родовъ, различающихся одеждой и обычаями. Изъ нихъ такъ называемые Татранскіе солтысы (Татры—отрасль Карпатцевъ) распались на множество семей, которыя, однако, признаютъ другъ друга за родственниковъ, за членовъ одного рода; пользуются *общимъ гербомъ*, имѣютъ фамиліи провинца, держатся, по преданію, извѣстнаго образа жизни и заработка, имѣютъ собственныхъ выборныхъ начальниковъ и вообще бытомъ своимъ напоминаютъ шотландскіе кланы ²⁾. Въ виду подобныхъ фактовъ, нельзя не считать страннымъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые (какъ напримѣръ, графъ Тышкевичъ) не хотятъ видѣть корня аристократическихъ гербовъ въ гербахъ простаго народа, и нельзя не раздѣлять мнѣнія другихъ польскихъ писателей, которые придерживаются противоположнаго взгляда. Такъ, Новосельскій, авторъ книги *Lud Ukrainsky*, говоритъ: „Зоріанъ Ходаковскій первый замѣтилъ, что между гербовыми знаками Славянъ и ихъ древними религіозными представленіями и символами должно быть извѣстное соотношеніе; дѣйствительно, такъ и было, потому что первоначальные родовые знаки служили талисманами, которые, будучи поставлены на площадяхъ селъ, охраняли ихъ отъ нечистой силы и привлекали на людей и животныхъ плодородіе и здоровье, а будучи взяты на войну, охраняли людей одного рода, или, говоря по малорусски, одного кодла, а со временемъ сдѣлались эмблемами дворянскихъ фамилій. Эмблемы эти были названы *god-tani*, по тому именно, что представляли кодло, или родъ“ ³⁾.

Хотя многое изъ сказаннаго здѣсь, напримѣръ, объ обращеніи ро-

¹⁾ О нач. насѣд. въ др. Русн. *Никольскою*. Прилож. 1-е, стр. 31.

²⁾ *Historja prawod. Słowian, Maciejowskiego*, т. III, стр. 302—304.

³⁾ *Lud Ukrainsky. W.*, 1857. т. I, стр. 186.

довыхъ знаковъ Славянъ въ военныя знамена, о таинственномъ значеніи родовыхъ знаковъ можно считать только предположеніемъ, тѣмъ не менѣе предположеніе это имѣетъ значительную опору, во-первыхъ, въ тождествѣ названій какъ военнаго знамени, такъ и народныхъ знаменъ или пятенъ; во-вторыхъ, въ томъ, что многіе изъ народовъ какъ мы видѣли, на своихъ знаменахъ изображаютъ именно свои родовые знаки. Мысль о томъ, что родовымъ знакамъ приписывалось таинственное значеніе, чародѣйная сила, подтверждается авторомъ доказательствами такого рода, что у различныхъ народовъ разнымъ знакамъ, вошедшимъ въ ихъ алфавиты, придавалось значеніе охранительныхъ талисмановъ; такими, напримѣръ, были буквы х въ римскомъ алфавитѣ, у въ греческомъ и т. д.; нѣкоторые изъ знаковъ, служившихъ таврами для лошадей у восточныхъ народовъ, способствовали, по мнѣнію кочевниковъ, плодородію и сохраненію стада отъ всего дурнаго ¹⁾. Мнѣніе автора можетъ быть еще подкрѣплено происхожденіемъ родовыхъ знаковъ изъ религіознаго пачала. Если-жъ они имѣли, при самомъ своемъ возникновеніи, религіозное значеніе, то не удивительно, что и долго послѣ того имъ приписывались таинственныя, чародѣйственныя силы.

Измѣненіе внутренняго значенія какого-либо явленія обыкновенно сопровождается перемѣнами и въ формѣ, или во внѣшнемъ видѣ этого явленія. Отсюда, по измѣненіямъ, происходящимъ во внѣшнемъ видѣ или символахъ, можно всегда заключать о дѣйствительности измѣненій въ самомъ явленіи или предметѣ, изображаемомъ символически. Если съ этой стороны взглянуть на разбираемые нами символы, то-есть, на пятна и знамена, то можно вполне убѣдиться въ сказанномъ. Прежде всего слѣдуетъ вспомнить о томъ общемъ явленіи, извѣстномъ каждому археологу, слѣдившему за историческимъ развитіемъ идей, воплощаемыхъ въ символахъ, по которому, чѣмъ глубже и живѣе создается какая-либо идея, выраженная эмблематически, тѣмъ будетъ яснѣе и цѣльнѣе и символическое ея изображеніе; по мѣрѣ же того, какъ идея затмѣивается, сознаваясь все смутнѣе и смутнѣе, самый символъ сбрасываетъ свою прежнюю прозрачную оболочку. черезъ которую видно все его внутреннее содержаніе, и облакается въ новую, болѣе темную; символъ становится чисто условнымъ знакомъ, подъ которымъ съ большимъ трудомъ можно узнать первичную его форму и идею, выражаемую имъ. То же самое

¹⁾ Lud Urkainsky, т. I, стр. 185, 211—212.

можно замѣтить и въ символическихъ изображеніяхъ родовъ и семей, то-есть, пятнахъ и знаменахъ: объ измѣненіяхъ, происходившихъ въ славянскихъ пятнахъ и знаменахъ съ древнѣйшихъ временъ, съ эпохи ихъ возникновенія, мы можемъ заключать только по аналогіи; слѣдить за ихъ историческимъ развитіемъ въ первыя эпохи можемъ только въ связи съ измѣненіями, происходившими въ знакахъ другихъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ развитія.

Въ первобытную эпоху, когда человѣкъ влачитъ свое жалкое существованіе въ борьбѣ за жизнь съ внѣшнею природою, и главнымъ образомъ, съ міромъ животныхъ, онъ является соединеннымъ въ небольшія общества, связанныя кровнымъ родствомъ для болѣе удачной борьбы за существованіе. Каждое такое поколѣніе, или родъ, проникнутое чувствомъ зависимости отъ внѣшней природы, преимущественно же отъ царства животныхъ, обоготворяетъ то или другое живое существо, принимаетъ его имя для собственнаго наименованія и признаетъ его за свой символъ. Поэтому, въ первую эпоху развитія, родовые знаки, какъ мы видѣли, состоятъ по большей части изъ изображеній животныхъ, рѣдко другихъ предметовъ, которыми поклоняются племена. Когда наши предки находились на этой ступени развитія, то навѣрно у нихъ господствовали въ родовыхъ знакахъ образы звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ, по именамъ которыхъ назывались отдѣльные роды, и изображенія которыхъ они выдѣляли на своемъ тѣлѣ. Многочисленныя легенды и повѣрья, существующія между Славянскими племенами о различныхъ животныхъ, о неупотребленіи ихъ въ пищу, утверждаютъ насъ въ томъ мнѣніи, что и у Славянъ, какъ и у нынѣшнихъ дикарей, была своя эпоха тотемизма, когда обоготворялись эти животныя, а такіе факты, какъ встрѣчающіеся въ одной болгарской рукописи названіе Турокъ — змѣями, Русскихъ — выдрами, Литовцовъ — зубрами, Болгаръ — быками, Сербовъ — полками¹⁾, подтверждаетъ предположеніе объ извѣстности Славянамъ родовыхъ символовъ, представляемыхъ животными.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ народовъ, съ переходомъ ихъ къ кочевой жизни, когда борьба съ страшнымъ животнымъ царствомъ значительно ослабѣваетъ, когда человѣкъ самъ становится господиномъ многихъ животныхъ, и когда духовная самостоятельность его начинается

¹⁾ Die Rechtsverhält. bei verschied. Völkern von Bastian. Berl. 1872, стр. 165. Названіе одного славянскаго племени Волчками или Вильцами напоминаетъ племенные прозвища дикарей по именамъ обоготворяемыхъ ими животныхъ.

проявляться въ изобрѣтеніи многихъ предметовъ, необходимыхъ въ домашней жизни, вообще при новой обстановкѣ, — животныя мало по малу отступаютъ въ родовыхъ знакахъ на задній планъ, а предметы домашней жизни, которые неизвѣстны въ бродичьемъ быту, занимаютъ въ числѣ символовъ первое мѣсто. Они же господствуютъ и въ символахъ земледѣльческой эпохи, пока сохраняется память о родовомъ бытѣ. Самыя изображенія теряютъ уже свои округленные очертанія и состоятъ изъ нѣсколькихъ чертъ, расположенныхъ такъ, чтобы представлять выражаемый ими предметъ. Эти предметы уже не служатъ прозвищемъ для родовъ; роды получаютъ особые наименованія, но большей части отъ имени своихъ родоначальниковъ. Тутъ ужъ естественно начинаютъ разрываться та связь между родами и предметами, служащими символами для нихъ, которая такъ ярко бросается въ глаза въ первую эпоху. Къ этому второму періоду, по своему внѣшнему виду, относятся и наши древніе знаки, сохранившіеся въ юридическихъ актахъ, прошедшіе чрезъ различныя фазы своего внутренняго развитія. Они имѣютъ свои особые названія, потому что представляютъ извѣстные предметы, которые очерчиваются углами и изогнутыми линіями, и при нихъ уже, какъ необходимая принадлежность, являются черточки или прямыя линіи, зародыши будущихъ рубежей.

Въ третій періодъ знаки собственности теряютъ свои названія, почти всѣ состоятъ изъ рубежей, то-есть, примыхъ линій, и дѣлаются чисто условными знаками; здѣсь символъ и выражаемое имъ понятіе связаны только своимъ историческимъ прошлымъ.

Наконецъ, въ четвертой фазѣ своего развитія клейма являються въ совершенно новой формѣ, въ видѣ начальныхъ буквъ именъ и фамилій ихъ владѣльцевъ. Здѣсь они вполне измѣняютъ свой первоначальный характеръ.

Разумѣется, это дѣленіе черезъ-чуръ общее, и уклоненіе отъ него въ ту или другую сторону весьма возможно, какъ въ этомъ можно убѣдиться и изъ приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ настоящаго труда фактовъ. Но тѣмъ не менѣе, оно всего болѣе удовлетворяетъ генеалогической классификаціи этихъ знаковъ.

V.

Законы развитія юридическихъ знаковъ.

Въ заключеніе нашего очерка, бросимъ краткій взглядъ на все сказанное о юридическихъ знакахъ, при чемъ постараемся уловить

тотъ общій порядокъ, которому они подчиняются при своихъ измѣненіяхъ.

Прежде всего, мы видимъ источникъ родовыхъ знаковъ въ томъ чувствѣ зависимости человѣка отъ природы, которымъ проникнуты всѣ народы во время ихъ младенчества, и которое становится источникомъ всѣхъ ихъ будущихъ мистическихъ представленій и повѣрій. Зародившись въ видѣ священныхъ родовыхъ символовъ, знаки эти подчиняются общему всей физической и нравственной природѣ закону перехода отъ одной формы въ другія; именно, въ теченіе болѣе или менѣе значительныхъ періодовъ времени, они измѣняются какъ въ своемъ значеніи, такъ и въ формѣ: будучи сначала родовыми знаками, тѣсно связанными религіознымъ чувствомъ съ представляемыми ими родами, они, съ теченіемъ времени, переходятъ въ общипные знаки, затѣмъ въ домовые, и наконецъ, въ личные. Рядомъ съ ними, и изъ нихъ же, въ равное время образуются новыя формы, составившія, съ теченіемъ времени, совершенно особые роды знаковъ. Мы говоримъ о знакахъ, которые лияются на печатяхъ, гербахъ, торговыхъ штемпеляхъ и т. д. Такимъ образомъ, намъ представляется явленіе, существующее по всей природѣ: исчезновеніе однихъ формъ и возникновеніе другихъ, хотя родственныхъ имъ, но уже значительно отклонившихся, какъ по своему вѣншему виду, такъ и по внутреннему значенію. Эти переходы совершаются съ такою правильностію, что, зная законы видоизмѣненій знаковъ, можно предсказать ихъ дальнѣйшую судьбу у каждаго народа, находящагося на низшей ступени культуры, — разумѣется, если его развитіе будетъ идти естественнымъ путемъ.

Мы сказали, что знаки собственности проходятъ чрезъ нѣсколько фазисовъ своего развитія и въ каждую эпоху являются съ новыми характеристическими особенностями. Они, по своей формѣ, на столько различаются другъ отъ друга въ каждомъ фазисѣ развитія, что ихъ можно признавать за различные виды, происшедшіе отъ одного первоначальнаго типа. Развитіе знаковъ совершается подъ вліяніемъ тѣхъ же законовъ, которые господствуютъ и въ мірѣ органическихъ формъ. Впервые, тутъ замѣчается дѣйствіе наслѣдственности, въ силу которой формы извѣстной эпохи передаются въ неизмѣнномъ видѣ отъ одного поколѣнія въ другому, и это происходитъ подъ вліяніемъ господства въ извѣстную эпоху времени однихъ и тѣхъ же жизненныхъ условій. Въ вторыхъ, мы замѣчаемъ явленіе измѣненности, въ силу которой формы извѣстной эпохи мало по малу начи-

нають переходить въ новыя виды, по причинѣ происшедшихъ измѣненій въ бытовой и правственной обстановкѣ даннаго народа, то-есть, дѣйстви́тъ съ переѣной формъ жизни отъ бродячей къ кочевой, и отъ этой послѣдней къ земледѣльческой, съ переходомъ народа отъ родового къ общинному быту и т. д. Эта измѣняемость сопровождается борьбой за существованіе между знаками, при чемъ постепенно гибнутъ группы знаковъ болѣе слабыхъ, существованію которыхъ жизненные условія менѣе благопріятствуютъ, а также—подборомъ знаковъ болѣе удачныхъ, соответствующихъ жизненнымъ условіямъ. Отсюда слѣдуетъ, что всякій разъ, когда въ данной странѣ измѣнится жизненная обстановка, особи, составляющія видъ, какъ и всѣ вообще организмы, распадутся на двѣ категоріи—способныхъ устоять противъ новыхъ условій и не способныхъ къ этому. Эти послѣдніе, къ которымъ принадлежитъ значительное большинство, постепенно вымираютъ; другіе же продолжаютъ жизнь или въ прежнемъ видѣ, или измѣняясь, сообразно съ новыми условіями, и выѣтъ со вновь возникшими формами, даютъ начало новому виду.

Мы сказали, что въ сферѣ разсматриваемыхъ знаковъ, какъ и въ мірѣ живыхъ организмовъ, встрѣчаемся съ отдѣльными особями, которыя, обладая наибольшими способностями къ сопротивленію, постоянно остаются въ живыхъ, то-есть, переживаютъ другихъ, болѣе слабыхъ, которыя безслѣдно исчезаютъ. Но прослѣдить и указать ближайшія причины, почему одинъ изъ знаковъ исчезаетъ, а другой сохраняется въ теченіе нѣсколькихъ эпохъ посреди всеобщаго и постоянного преобразованія всѣхъ другихъ, современныхъ его возникновенію, формъ, также трудно, какъ трудно сдѣлать это и относительно живыхъ существъ. Только для нѣкоторыхъ индивидуумовъ можно безъ особеннаго труда указать эту причину. Къ числу такихъ индивидуальных формъ принадлежитъ знакъ креста, который встрѣчается у нашихъ предковъ и у другихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ и сохранился до настоящаго времени, сдѣлавшись господствующимъ среди другихъ знаковъ: это, конечно, совершилось подъ вліяніемъ христіанства.

Иногда при разбираемыхъ знакахъ, какъ напримѣръ, при русскихъ знакахъ собственности второй эпохи, являются зачаточныя органы (въ данномъ случаѣ — рубежи), но это не атрофированныя частицы, какія замѣчаются въ живыхъ существахъ высшей организаціи, какъ остатки предшествовавшаго, менѣе совершеннаго, состоянія, — а такіе органы, которые способны къ дальнѣйшему развитію

и дѣйствительно развиваются потому въ самостоятельные символическіе организмы или новые виды знаковъ.

Относительно географическаго распространенія нашихъ знаковъ и распредѣленія ихъ между различными слоями общества замѣчаемъ слѣдующее:

Одинъ изъ видовъ знаковъ, происшедшихъ по прямой линіи отъ родовыхъ (мы говоримъ о знакахъ собственности), сохранился въ иной средѣ, нежели другой рядъ знаковъ, происшедшихъ отъ родовыхъ и личныхъ, то-есть, знаки печатей, гербовъ, торговыхъ штемпелей, межевыхъ знаковъ и т. д.; именно, первыя наши условія, наиболѣе благоприятныя для своего сохраненія, въ низшихъ слояхъ общества, тогда какъ вторые укоренились преимущественно среди высшихъ сословій. Притомъ, первыя спасены отъ роковой борьбы и въ низшихъ слояхъ не повсемѣстно; только въ немногихъ краяхъ они защищены мѣстными условіями отъ окончательнаго истребленія.

Указанные два ряда знаковъ вели упорную борьбу не только со средой, ихъ породившею, но и между собою; при этомъ побѣда осталась за послѣдними, оказавшимися болѣе способными къ жизни; вслѣдствіе того они постоянно увеличивались въ своемъ числѣ и разнообразіи формъ, а побѣжденные молчали и постоянно исчезали. Изъ числа знаковъ, тѣ, которые нашли для себя благоприятную обстановку среди высшихъ сословій, на столько удалились отъ первыхъ и обособились, что, кажется, составляютъ самостоятельныя типы, возникшіе независимо отъ первыхъ и даже другъ отъ друга. Но если идти въ глубь временъ, до эмбрионовъ того и другаго рода знаковъ, то окажется, что какъ тѣ, такъ и другіе, въ началѣ своего существованія, совершенно тождественны. Оттого, напримѣръ, знаки собственности, печати, гербы, межевые знаки, торговые штемпеля и т. п. при самомъ началѣ различаются только по своему употребленію, а не по сущности. Потому эти формы, сначала тождественныя, уклоняясь, какъ мы видѣли, по своимъ признакамъ, не только отъ начальнаго типа, но и одна отъ другой, развиваются въ самыя разнообразныя формы, для раскрытія родства и связи которыхъ между собою необходимы тщательныя научныя изысканія. Но изученіе эмбриологіи нашихъ знаковъ возможно только при помощи такихъ звеньевъ въ послѣдовательномъ ряду формъ, которыя ужъ исчезли у насъ, но сохранились у другихъ народовъ и на памятникахъ древности разнаго рода. Только такимъ способомъ можно убѣдиться, что настоящіе виды знаковъ, при помощи того же закона,

которому подчинены живые организмы, то-есть, закона подбора и измѣняемости, обязаны своимъ происхожденіемъ видамъ, сходнымъ съ существующими въ другихъ мѣстностяхъ, а иногда уже давно угасшимъ.

Главное, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи исторіи нашихъ знаковъ, есть то, что мы въ нихъ повсюду видимъ постоянное прогрессивное развитіе формъ отъ низшихъ къ высшимъ, отъ простыхъ къ сложнымъ. Такое развитіе можно наблюдать исключительно только во второмъ типѣ символическихъ формъ, то-есть, въ печатяхъ, гербахъ, денежныхъ знакахъ и пр., тогда какъ въ первомъ ряду формъ, то-есть, въ знакахъ родовыхъ, общинныхъ и вообще въ знакахъ собственности, замѣчаются постепенные переходы, или измѣненія отъ высшихъ къ низшимъ формамъ, что ведетъ ихъ прямо къ вымиранию. Но и это явленіе не противорѣчитъ явленіямъ въ мірѣ органическихъ формъ. Сама знаменитая теорія о происхожденіи видовъ, по словамъ ея автора, вовсе не заключаетъ въ себѣ идеи о постепенно возрастающемъ прогрессированіи всего организма, но только идею измѣняемости, такъ что виды могутъ измѣняться постепенно, хотя организація ихъ и не совершенствуется.

Итакъ, мы видимъ среди нашихъ юридическихъ знаковъ взаимное родство и происхожденіе ихъ отъ одного типа, явившіяся при помощи измѣняемости, соперничества или борьбы за существованіе, и подбора, то-есть, въ силу законовъ, постоянно дѣйствующихъ вокругъ насъ въ мірѣ живыхъ существъ.

II. Ефименко.

1.

Объясненія къ таблицѣ клеймъ.

№№ 1—15. Знаки собственности у крестьянъ одной деревни села Ракулы, Холмогорскаго уѣзда. Доставилъ крестьянинъ Дохтуровъ.

№№ 16—43. Знаки собственности у крестьянъ деревни Высокаго Бору, села Боголюбленскаго, Ухтострѣва, Холмогорскаго уѣзда. Доставлены помощникомъ миссіонера Ф. С. Батраковымъ.

Изъ числа этихъ клеймъ означенныя подъ №№ 18—21, 24, 25, 30, а также подъ №№ 128, 130, 132, вырубаются на двухъ сторонахъ жерди.

№№ 44—71. Знаки крестьянъ деревни Товры, Холмогорскаго уѣзда. Доставилъ крестьянинъ Короткой.

№№ 72—84. Знаки крестьянъ Шенкурскаго уѣзда. Доставлены секретаремъ съѣзда мировыхъ посредниковъ Костылевымъ.

№№ 85—87. Знаки крестьянъ селенія Зимней Золотицы, Архангельскаго уѣзда. Доставилъ священникъ Розановъ.

№№ 88—90. Знаки крестьянъ Пинежскаго уѣзда, срисованные П. А. Ивановымъ съ приговора сельскаго схода.

№№ 91—102. Знаки крестьянъ Нюхотской волости, Кемскаго уѣзда, спитые мною съ рѣшеній волостнаго суда.

№№ 103—110. Срисованные мною знаки крестьянъ селенія Сюьмы, Архангельскаго уѣзда.

№№ 117—136. Знаки эти срисованы мною въ городѣ Холмогорахъ и принадлежать живущимъ здѣсь крестьянамъ, также мѣщанамъ и купцамъ; у послѣднихъ клейма именныя.

Многіе изъ знаковъ собственности русскаго населенія Архангельской губерніи изображены здѣсь по нѣскольку разъ, для того, чтобы показать однообразіе знаковъ въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи.

№№ 137—144. Заимствованы изъ изданія археографической коммисіи: Акты юридическіе. С.-Пб. 1838 г., стр. 185 и 213; эти старинныя русскіе бортные знаки.

№№ 145—153. Заимствованы изъ изданія археографической коммисіи: Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. II-й. С.-Пб. 1864 г., стр. 558. Это тоже русскіе бортные знаки.

№№ 154—164. Старинные знаки бортниковъ Черемисовъ. Акты юридич., стр. 213.

№№ 165—196. Знаки Лопарей. Взяты изъ книги сдѣлокъ Кольскаго Печенегскаго монастыря 1734 г., находящейся въ Холмогорскомъ соборѣ, также изъ дѣлъ Холмогорскаго уѣзднаго суда 1821 и 1828 гг. по иску Лопарей съ крестьянина Пегодяева.

№№ 197—303. Корельскіе знаки. Взяты изъ рѣшеній волостныхъ судовъ и книгъ договоровъ Корельскихъ волостей Архангельской губерніи.

№№ 304—313. Изъ книги Миллера: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ Черемисовъ, Чувашъ и Вотяковъ“. С.-Пб. 1791 г., стр. 64.

№№ 314. Знакъ Темниковскаго Татарина. Взятъ изъ изданія Археографической коммисіи: Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. II-й, стр. 433.

№ 315. Родовой знакъ черкесскаго племени Джигитовъ. Доставилъ П. С. Познанскій.

№№ 316—350. Родовые и личные знаки Калмыковъ Астраханской губерніи. Изъ книги: Калмыцкая степь Астраханской губерніи, изданной министерствомъ государств. имуществъ. С.-Пб. 1868 г., приложение.

№№ 351—360. Родовыя клейма Киргизъ Малой Орды. Изъ моего рукописнаго сборника юридическихъ обычаевъ Киргизъ Малой Орды.

№№ 361—365. Родовые знаки сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ, заимствованныя изъ книги Тайлора: Доисторическій бытъ человека. М. 1868 г., стр. 108. Здѣсь изображены: мѣднхвостый медвѣдь, акула, зимородокъ, черепаха и журавль.

О ФИЛОСОФСКИХЪ ТРУДАХЪ П. Д. ЮРКЕВИЧА.

Если высотой и свободой мысли, внутреннимъ тономъ воззрѣній, а не числомъ и объемомъ написанныхъ книгъ опредѣляется значеніе настоящихъ мыслителей, то безспорно почетное мѣсто между ними должно принадлежать покойному московскому профессору Памфилю Даниловичу Юркевичу. Въ умственномъ характерѣ его замѣчательнымъ образомъ соединялись самостоятельность и широта взглядовъ съ искреннимъ признаніемъ историческаго преданія, глубокое сердечное сочувствіе всѣмъ существующимъ интересамъ жизни—съ тонкою проницательностью критической мысли. Оставленные имъ философскіе труды немногочисленны и не обширны. Какъ и большая часть русскихъ даровитыхъ людей, онъ не считалъ нужнымъ и возможнымъ давать полное вѣдѣніе всему своему умственному содержанию, выворачивать его наружу на показъ, онъ не хотѣлъ перевести себя въ книгу, превратить все свое духовное существо въ публичную собственность. Однако и изъ того, что имъ оставлено, достаточно видно, что мы имѣемъ дѣло съ умомъ сильнымъ и самостоятельнымъ. Прежде чѣмъ обратиться къ обзору его трудовъ, я сообщу нѣсколько біографическихъ о немъ свѣдѣній.

Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ былъ сыномъ сельскаго священника въ Полтавской губерніи, и родился около 1827 года. Пройдя семинарскій курсъ въ Полтавѣ, онъ поступилъ въ 1847 году въ Кіевскую духовную академію. Здѣсь, по окончаніи курса съ причисленіемъ къ первому разряду воспитанниковъ, по особому распоряженію мѣстнаго начальства введенъ былъ онъ въ назначенную ему академическою конференціею должность наставника по классу философскихъ наукъ (1851 г.); въ слѣдующемъ году возведенъ на степенъ магистра и переименованъ въ бакалавры академіи; въ 1853 году „за отличіе усердые и весьма полезныя труды его объявлено ему благоволеніе

Св. Синода". Въ слѣдующемъ году онъ опредѣленъ помощникомъ инспектора академіи, но, вѣроятно, эта должность не пришлась ему по вкусу, потому что черезъ два года онъ, согласно своему прошенію, былъ отъ нея уволенъ. Въ 1857 году, сверхъ философіи, поручено ему было преподаваніе нѣмецкаго языка, а черезъ годъ онъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1861 году „опредѣленіемъ Св. Синода за примѣрно усердную службу, обширныя сѣдѣнія и отличное преподаваніе возведенъ въ званіе ординарнаго профессора". Труды его, отчасти напечатанные въ ученомъ журналѣ Академіи обратили на себя вниманіе не одного духовнаго начальства: въ томъ же 1861 году онъ былъ приглашенъ на философскую кафедру въ Московскій университетъ, куда въ октябрѣ этого года и былъ съ Высочайшаго соизволенія перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ. Здѣсь, кромѣ университетскихъ занятій, онъ прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о матеріализмѣ, потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, преподавалъ педагогику въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства ¹⁾. Въ 1869—1873 гг. былъ онъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Въ этомъ послѣднемъ году П. Д. лишился жены (онъ женился еще въ Кіевѣ въ 1856 году), которая умерла въ Крыму послѣ долгой болѣзни. Это несчастіе и соединенныя съ нимъ тревоги совершенно разстроили здоровье П. Д. Онъ серьезно заболѣлъ и уже болѣе не поправлялся. 4-го октября текущаго года онъ скончался въ Москвѣ отъ истощенія силъ.

Философскіе труды Юркевича, частію помѣщенные въ провинціальномъ и притомъ специально духовномъ журналѣ, мало извѣстны даже такимъ лицамъ, которые могли бы оцѣнить ихъ достоинство. Повнакомить ихъ съ этими статьями составляетъ цѣль слѣдующаго изложенія.

I.

Первый напечатанный трудъ Юркевича есть, па сколько мнѣ извѣстно, статья: *Сердце и его значеніе въ духовной жизни человека* ²⁾. Статья эта представляетъ значительный философскій интересъ и потому и изложу ее подробно, большею частію, словами автора.

¹⁾ Педагогика составляла одно изъ любимѣйшихъ занятій П. Д. Онъ посвятилъ ей два большіе труда. Желательно было бы, чтобы компетентныя лица оцѣнили ихъ по достоинству.

²⁾ *Труды Кіевской Духовной Академіи* за 1860 г., кн. 1-я. Статья не подписана.

Въ общемъ сознаніи существо человѣка какъ тѣлесное, такъ и душевное, представляется состоящимъ изъ двухъ важнѣйшихъ основныхъ частей, которыя на обыкновенномъ языкѣ обозначаются словами „сердце“ и „голова“. Несомнѣнно, что для общаго живаго языка слова эти, обозначающія собственно части физическаго организма, относятся вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущественно къ двумъ главнымъ сторонамъ духовнаго существа. Такое словоупотребленіе предполагаетъ въ общемъ сознаніи то убѣжденіе, что опредѣленные элементы духовнаго существа имѣютъ свое ближайшее выраженіе или воплощеніе въ опредѣленныхъ частяхъ тѣлеснаго организма, а именно, что нравственный или практическій элементъ духа, то-есть, начало воли и душевныхъ аффектовъ, воплощается ближайшимъ образомъ въ сердцѣ, какъ центральномъ органѣ кровеносной системы, а теоретическое начало духа, то-есть, умъ, имѣетъ свое виѣшнее выраженіе въ головѣ, какъ виѣсталищѣ важнѣйшихъ частей нервной системы, именно головного мозга и органовъ виѣшнихъ чувствъ. Такимъ образомъ по этому воззрѣнію человѣческое существо, какъ человѣческое, состоитъ не изъ души и тѣла, какъ двухъ субстанціальныхъ частей, а изъ сердца и ума, какъ двухъ душевно-тѣлесныхъ сторонъ одной конкретной сущности. Но этимъ двумъ сторонамъ или элементамъ разсматриваемое воззрѣніе приписываетъ не одинаковое значеніе въ общемъ существѣ человѣческомъ, какъ это можно видѣть изъ относящихся сюда мѣстъ Библии, которою мы можемъ пользоваться какъ древнѣйшимъ памятникомъ, выражающимъ въ себѣ не личное, а общее народное сознаніе.

По Библии сердце есть хранитель и носитель всѣхъ тѣлесныхъ силъ и средоточіе всей душевной и духовной жизни человѣка. Въ немъ корятся не только многообразныя душевныя чувствованія, волненія, страсти и нравственныя состоянія, но также и всѣ познавательныя дѣйствія души глубочайшею своею основой имѣютъ не умъ, какъ такой, а сердце. Размышленіе по Библии есть предложеніе или усовѣтованіе сердца; уразумѣть сердцемъ значитъ попать; познать всѣмъ сердцемъ — попать всецѣло. Какъ средоточіе всей тѣлесной и многообразной духовной жизни человѣка, сердце называется истоками жизни, оно есть *о тронос тис чавезавос* — кругъ или колесо, во вращеніи коего заключается вся наша жизнь. Посему оно составляетъ глубочайшую часть нашего существа: „глубоко сердце человѣку наче всѣхъ и кто познаетъ его“. Состояніемъ сердца выражается все

душевное состояніе, но никогда внѣшнія обнаруженія слова, мысли и дѣлъ не исчерпываютъ этого источника.

Полагая средоточіе духовной жизни человѣка въ сердцѣ, Библейскіе писатели признавали голову какъ бы за видимую вершину той жизни, которая первоначально и непосредственно коренится въ сердцѣ. Впрочемъ, многія мѣста Библии выражаютъ совершенно опредѣленную мысль, что голова имѣетъ значеніе органа посредствующаго между цѣлостнымъ существомъ души и тѣми вліяніями, которыя она испытываетъ со внѣ или свыше, и что при этомъ ей приличествуетъ достоинство правительственное въ цѣлостной системѣ душевныхъ дѣйствій; эти явленія душевной дѣятельности въ головѣ еще не исчерпываютъ всего существа души; по необходимости мышленія мы должны допустить нѣкоторую первоначальную духовную сущность, которая нуждается въ поименованномъ посредничествѣ и правительственномъ дѣйствіи головы. Эта-то первоначальная духовная сущность и имѣетъ по Библии своимъ ближайшимъ органомъ сердце. Такимъ образомъ сердце признается не только воплощеніемъ одной стороны нашего духа, но въ то же время и выраженіемъ глубочайшей основы всего духовнаго существа. Чтобы не ходить далеко, можно привести хорошій примѣръ такого отношенія въ области тѣлеснаго бытія. Такъ кровь, будучи одною изъ жидкихъ частей живаго тѣла, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общій субстратъ или плазма всего тѣла во всѣхъ его частяхъ, но сколько исѣ части тѣла образуются изъ питательныхъ веществъ крови, такъ что тутъ то самое, что *actualiter* есть лишь часть, въ то же время есть и первоначальная основа цѣлаго.

Въ какомъ же отношеніи находится то значеніе, которое придаютъ сердцу и головѣ общее сознаніе и Библия, къ положеніямъ научной философіи? На основаніи несомнѣнныхъ фізіологическихъ фактовъ психологія учитъ, что голова или головной мозгъ съ идущими къ нему нервами служитъ необходимымъ и непосредственнымъ тѣлеснымъ органомъ души для образованія представленій и мыслей изъ впечатлѣній внѣшняго міра, или что только этотъ органъ есть непосредственный проводникъ и поситель душевныхъ дѣйствій. Съ этимъ безспорно истиннымъ ученіемъ о тѣлесномъ органѣ душевныхъ явленій долго было соединяемо въ психологін особенное воззрѣніе на существо человѣческой души,—воззрѣніе, которое впрочемъ могло имѣть до извѣстной степени и самостоятельное независимое развитіе. Когда нервы, сосредоточенные въ головѣ, приходятъ въ движеніе отъ

вліяній и впечатлѣній внѣшняго міра, то непосредственное и ближайшее слѣдствіе этого движенія есть происхожденіе въ душѣ представленій, попятій или познаній о внѣшнемъ мірѣ. Отсюда легко было прійти къ предположенію, что существенная способность человеческой души есть именно эта способность рождать или образовывать представленія о мірѣ по поводу движенія нервовъ, возбужденныхъ внѣшними предметомъ. То, что существуетъ въ нервахъ какъ движеніе, открывается, являясь и существуетъ въ душѣ какъ представленіе. Сообразно съ этимъ въ философіи долго господствовалъ и доселѣ еще отчасти господствуетъ взглядъ, что душа человеческая есть первоначально существо представляющее, что мышленіе есть самая сущность души, или что мышленіе составляетъ всего духовнаго человѣка. Воля и чувствованія сердца были понимаемы какъ явленія, видоизмѣненія и случайныя состоянія мышленія. Съ этими опредѣленіями была бы совершенно несообразна мысль, что въ самой душѣ есть нѣчто *задушевное*, есть такая глубокая существенность, которая никогда не исчерпывается явленіями мышленія. Итакъ на первый разъ мы можемъ видѣть здѣсь по меньшей мѣрѣ наклонность къ такому изъясненію явленій, въ которомъ не дается сущности большаго и значительнѣйшаго содержанія въ сравненіи съ ея явленіями, доступными нашему наблюденію; и кто напротивъ думаетъ, что въ человеческой душѣ, какъ и во всемъ сущемъ, есть стороны недоступныя для относительнаго познанія, тотъ напередъ уже можетъ видѣть многозначительность Библейскаго ученія о *глубокомъ* сердцѣ, котораго тайны знаетъ только умъ Божественный.

Очевидно, что та философія, которая основывается на положеніи, что сущность души есть мышленіе и ничего болѣе, должна отрицать все существенно-нравственное въ человѣкѣ. Жизненную заповѣдь любви,—заповѣдь, которая такъ многозначительна для сердца—забывая она отвлеченнымъ сознаніемъ долга, сознаніемъ, которое предполагаетъ не воодушевленіе, не сердечное влеченіе къ добру, а простое безучастное пониманіе явленій. Точно также, поскольку наши познанія о Богѣ человекообразны, эта философія необходимо приходитъ къ отвлеченному понятію о существѣ Божіемъ, опредѣляя все богатство Божественной жизни какъ идею, какъ мышленіе, полагающее міръ безъ воли, безъ любви, изъ одной логической необходимости. Между тѣмъ несомнѣнно, что мышленіе не исчерпываетъ всей полноты духовной человеческой жизни, такъ точно, какъ совершенство мышленія еще не обозначаетъ всѣхъ совершенствъ человѣче-

скаго духа. Кто утверждаетъ, что мышленіе есть весь человѣкъ и надѣется изъяснить все многообразіе душевныхъ явленій изъ мышленія, тотъ успѣетъ не больше того физиолога, который сталъ бы изъяснять явленія слуха—звуки, тоны и слова,—изъ явленій зрѣнія, каковы протяженіе, фигура, цвѣтъ и т. д. Сообразно съ этимъ мы можемъ уже предположить, что дѣятельность человѣческаго духа имѣетъ своимъ непосредственнымъ органомъ въ тѣлѣ не одну голову или головной мозгъ съ нервами, къ нему идущими, но простирается гораздо дальше и глубже внутрь тѣлеснаго организма. Какъ существо души, такъ и ея связь съ тѣломъ должна быть гораздо богаче и многообразнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Эта, конечно, общая и пока еще неопредѣленная мысль о многосторонней, а не односторонней связи души съ тѣломъ, содержится въ Библейскомъ ученіи о сердцѣ, какъ непосредственномъ и ближайшемъ органѣ душевныхъ дѣятельностей и состояній. Тѣлеснымъ органомъ души можетъ быть не иное что, какъ человѣческое тѣло. Посему, такъ какъ сердце соединяетъ въ себѣ всѣ силы этого тѣла, то оно же служить ближайшимъ органомъ жизни душевной. Тѣло есть цѣлесообразный органъ души не по одной своей части, но по всецѣлому своему составу и устроенію.

Если, какъ было сказано, то положеніе, что душевные дѣйствія и именно *сознательная* дѣятельность души имѣетъ свой непосредственный органъ въ головномъ мозгѣ,—доказывается несомнѣнными физиологическими фактами, то изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ однако очень немного для психологическаго ученія о пребываніи души въ тѣлѣ. Мы только можемъ сказать: дѣятельность или, точнѣе, движеніе головного мозга есть необходимое условіе для того, чтобы душа могла рождать ощущенія и представленія о мірѣ; или, чтобы движеніе, сообщенное какому-либо органу, стало душевнымъ ощущеніемъ и представленіемъ, оно должно распространиться до головнаго мозга. Если же отсюда заключаютъ далѣе, что душа существомъ своимъ должна пребывать въ головномъ мозгѣ, то въ основѣ такого предположенія лежитъ постороннее наблюденіе, взятое изъ чувственнаго міра. Въ этомъ мірѣ, гдѣ два члена взаимодействія, какіе только подлежатъ нашему наблюденію, равно чувствены, движеніе переходитъ отъ одного изъ нихъ на другой посредствомъ давленія или толчка: тѣло движущее должно произвести давленіе или толчокъ на пространственную сторону тѣла движимаго, которое по этому поводу развиваетъ въ себѣ такіе или другіе виды движенія. Но это давленіе, этотъ толчокъ невозможенъ во взаимодействіи между душою и

тѣломъ, гдѣ одинъ членъ есть непространственное существо души. Душа не имѣетъ пространственной стороны, на которую она могла бы принимать толчки отъ пространственныхъ движеній головного мозга. Поэтому хотя дѣятельность головного мозга есть необходимое условіе для того, чтобы душа могла рождать ощущенія и представленія, однако отсюда не слѣдуетъ немислимое предположеніе, чтобы душа должна была для этого пребывать въ головномъ мозгѣ, какъ своею мѣстѣ. Связь между движеніемъ извѣстной части головного мозга и представленіемъ, которое по этому поводу образуетъ душа, есть не механическая связь давленій и толчковъ, которые безспорно предполагали бы пространственную совмѣстность связующихся членовъ, но связь цѣлесообразная, идеальная.

Эти замѣчанія показываютъ, что самые достовѣрные факты физиологии, которыми подтверждается тѣсная связь сознательной жизни души съ дѣятельностью головного мозга, не находятся въ противорѣчіи съ общимъ сознаніемъ и Библейскимъ ученіемъ о сердцѣ, какъ подлинномъ средоточіи душевной жизни. Очень возможно, что душа, какъ *основа* извѣстныхъ намъ сознательныхъ психическихъ явленій, имѣетъ своимъ ближайшимъ органомъ сердце, хотя ея сознательная жизнь обнаруживаетъ себя подъ условіемъ дѣятельности головного мозга.

Въ настоящее время физиологія знаетъ, что сердце не есть простой мускулъ, не есть нечувствительный механизмъ, который только завѣдываетъ движеніемъ крови въ тѣлѣ посредствомъ механическаго на нее давленія. Въ сердцѣ соединяются оба замѣчательнѣйшіе порядка нервовъ, такъ называемые нервы симпатическіе, завѣдующіе всѣми растительными отправлениями организма, и нервы, служащіе необходимыми органами ощущенія или представленія и произвольнаго дѣйствія. Можно сказать, что въ сердцѣ, которое есть колодезь крови, обѣ нервныя системы—это подлинное тѣло существъ, имѣющихъ душу,—сходятся и соприкасаются въ такомъ единствѣ и взаимодействіи, какового не представляетъ никакой другой органъ человѣческаго тѣла. Не можемъ ли мы сказать, не противорѣча фактамъ физиологии, что въ сердцѣ всѣ значительнѣйшія системы человѣческаго организма имѣютъ своего представителя, который изъ этого средоточія заботится объ ихъ сохраненіи и жизни? Но по меньшей мѣрѣ отсюда дѣлается яснымъ, почему *общее чувство* души, или чувство, которое мы имѣемъ о нашемъ собственномъ духовно-тѣлесномъ бытіи, даетъ замѣчать себя въ сердцѣ, такъ что самыя непримѣтныя перемѣны въ

этомъ чувствѣ сопровождаются переѣнами въ біеніяхъ сердца. Между тѣмъ настроенія и расположенія души, опредѣляемыя ея общимъ чувствомъ, служатъ послѣднею глубочайшею основой нашихъ мыслей, желаній и дѣлъ. Въ то время какъ физиологія указываетъ въ головномъ мозгѣ *физическія* условія, отъ которыхъ зависитъ дѣятельность души, Библейское ученіе о сердцѣ, какъ мѣстѣ рожденія мыслей, желаній и дѣлъ человѣческихъ, указываетъ намъ непосредственный *духовно-нравственный* источникъ душевной дѣятельности въ цѣлостномъ и нераздѣльномъ настроеніи и расположеніи душевнаго существа. Наши мысли, слова и дѣла суть *первоначально* не образы внѣшнихъ вещей, а образы или выраженія общаго чувства души, порожденія нашего сердечнаго настроенія. Конечно, въ обыкновенной жизни, наполняемой заботами о текущей дѣятельности, мы слишкомъ мало обращаемъ вниманія на эту *задушевную* сторону въ нашихъ мысляхъ и поступкахъ. Тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что все, входящее въ душу совѣтъ, при посредствѣ органовъ чувствъ и головного мозга, перерабатывается, измѣняется и получаетъ свое послѣднее и постоянное качество по особенному, частно опредѣленному сердечному настроенію души, и, наоборотъ, никакія дѣйствія и возбужденія, идущія отъ внѣшняго міра, не могутъ вызвать въ душѣ представленій или чувствованій, если послѣднія несовмѣстны съ сердечнымъ настроеніемъ человѣка. Въ сердцѣ человѣка лежитъ основа того, что его представленія, чувствованія и поступки получаютъ особенность, въ которой выражается *его* душа, а не другая, или получаютъ такое *личное*, частно опредѣленное направленіе, по силѣ котораго онѣ суть выраженія не *общаго* духовнаго существа, а отдѣльнаго живаго дѣйствительно сущающаго человѣка.

Во внутреннемъ опытѣ мы вовсе не замѣчаемъ, какъ измѣняется головной мозгъ отъ измѣненія нашихъ мыслей, желаній и чувствованій; на основаніи непосредственнаго самовозрѣнія мы даже не знали бы, что онъ есть органъ сознающей души. Если это отношеніе между мышленіемъ и его органомъ имѣетъ разумныя основанія въ назначеніи мышленія, которое само по себѣ должно быть спокойнымъ и безучастнымъ сознаніемъ окружающей насъ дѣятельности, то отсюда однако же слѣдуетъ, что какъ въ мышленіи, такъ и въ его тѣлеспомъ органѣ, душа не являетъ себя во всей полнотѣ и глубинѣ своего существа. Если бы человѣкъ обнаруживалъ себя однимъ мышленіемъ, которое въ такомъ случаѣ было бы по всей вѣроятности самымъ подлиннымъ образомъ внѣшнихъ предметовъ, то многообраз-

ный, богатый жизнью и красотою, міръ открывался бы его сознанию какъ правильная, но безжизненная математическая величина. Онъ могъ бы прозрѣвать въ эту величину насквозь и всецѣло, но за то нигдѣ уже не встрѣтилъ бы бытія истиннаго, живаго, которое поражаело бы его красотою формъ, таинственностью влеченій и безконечною полнотою содержанія. Въ дѣйствительной душѣ нѣтъ такого односторонняго мышленія. И что было бы съ человекомъ, если бы его мысль не имѣла другаго назначенія, кромѣ того, чтобы повторять въ своихъ движеніяхъ событія дѣйствительности, или отражать въ себѣ постороннія для духа явленія? Можетъ статься, что въ этомъ случаѣ наши мысли отличались бы такою же опредѣленностью какъ математическія величины: но за то мы могли бы въ нашемъ знаніи вещей двигаться только въ широту, а не въ глубину. Лучшіе философы и великіе поэты сознавали, что сердце ихъ было истиннымъ мѣстомъ рожденія тѣхъ глубокихъ идей, которыя они передали человечеству, а сознаніе, котораго дѣятельность соединена съ отправленіями органовъ чувствъ и головнаго мозга, давало этимъ идеямъ только ясность и опредѣленность, свойственныя мышленію.

Необозримое для внѣшняго взора существо души, назначенной къ развитію не только во времени, но и въ вѣчности, не можетъ быть опредѣлено по тѣмъ однимъ ея состояніямъ, какія вызываются въ ней впечатлѣніями внѣшняго міра. Въ ней всегда останется рядъ состояній и движеній, къ которымъ не можетъ быть прихвѣненъ физическій законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ. Уже въ простомъ представленіи, какое только образуется нашимъ мышленіемъ на основаніи впечатлѣній, идущихъ со внѣ, мы должны различать двѣ стороны: 1) знаніе внѣшнихъ предметовъ, заключающееся въ этомъ представленіи, и 2) то душевное состояніе, которое обуславливается этимъ представленіемъ и знаніемъ. Эта послѣдняя сторона не подлежитъ никакому математическому разчету: она выражаетъ непосредственно и своеобразно качество и достоинство нашего душевнаго настроенія. Въ одностороннемъ стремленіи къ знанію мы часто забываемъ, что всякое понятіе входитъ въ нашу душу какъ ея внутреннее состояніе, и оцѣниваемъ наши понятія только потому, въ какой мѣрѣ они служатъ для насъ образами вещей. Но древо познанія не есть древо жизни, а для духа его жизнь представляется чѣмъ-то болѣе драгоценнымъ, чѣмъ его знаніе. А эта особенная, своеобразная, не поддающаяся математическимъ опредѣленіямъ жизнь духа имѣетъ самое близкое отношеніе къ *сердцу* человека. Въ немъ

отражаются примѣтнымъ образомъ тѣ тонкія, неуловимыя движенія и состоянія нашей души, о коихъ мы не можемъ образовать никакого яснаго представленія. Намъ никогда не удастся перевести въ отчетливое знаніе тѣ движенія радости и скорби, страха и надежды, тѣ ощущенія добра и любви, которыя такъ непосредственно измѣняютъ біенія нашего сердца. Когда мы наслаждаемся созерцаніемъ красоты въ природѣ или искусствѣ, когда насъ трогаютъ задумчивыя звуки музыки, когда мы удивляемся величію подвига, то все эти состоянія большаго или меньшаго *воодушевленія* мгновенно отражаются въ нашемъ сердцѣ и притомъ съ такою самообытностью и независимостью отъ нашего обычнаго потока душевныхъ состояній, что человѣческое искусство всегда будетъ жаловаться на недостаточность средствъ для выраженія и изображенія этихъ сердечныхъ состояній.

Христіанскіе аскеты часто укоряли разумъ за медлительность въ признаніи того, что непосредственно и прямо извѣстно сердцу, и нерѣдко называли умъ человѣческой чувственнымъ и тѣлеснымъ; и конечно онъ можетъ показаться такимъ, если сравнить его *посредственную* дѣятельность съ тѣми *непосредственными* и внезапно возникающими откровеніями истины, которыя имѣютъ мѣсто въ нашемъ сердцѣ. Этимъ впрочемъ не отрицается, что медлительное движеніе разума, какъ медленная походка, отличается опредѣленностью и правильностью, какихъ недостаетъ слишкомъ энергическимъ движеніямъ сердца. Тѣмъ не менѣе, если свѣтъ знанія долженъ сдѣлаться теплотою и жизнію духа, онъ долженъ проникнуть до сердца, гдѣ бы онъ могъ войти въ цѣлостное настроеніе души. Такъ если истина падаетъ намъ на сердце, то она становится нашимъ благомъ, нашимъ внутреннимъ сокровищемъ. Только за это сокровище, а не за отвлеченную мысль, человѣкъ можетъ вступать въ борьбу съ обстоятельствами и людьми; только для сердца возможенъ подвигъ и самоотверженіе.

Изъ этихъ замѣчаній мы извлекаемъ два положенія: 1) сердце можетъ выражать, обнаруживать и понимать совершенно *своеобразно* такія душевныя состоянія, которыя по своей преимущественной духовности и жизненности не поддаются отвлеченному знанію разума; 2) понятіе и отчетливое знаніе разума, поскольку оно дѣлается нашимъ душевнымъ состояніемъ, а не остается отвлеченнымъ образомъ вѣншихъ предметовъ, открывается или даетъ себя чувствовать и замѣчать не въ головѣ, а въ сердцѣ: въ эту глубину оно должно

проникнуть, чтобы стать дѣятельною силою и двигателемъ нашей духовной жизни.

Философскія системы германскаго идеализма развили ученіе о *самозаконіи* (автономіи) человѣческаго разума, или ученіе, что этотъ разумъ самъ по себѣ, изъ собственныхъ силъ и средствъ, даетъ или полагаетъ законы для всей душевной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія было бы необходимо согласиться, что все достоинство человека или весь духовный человекъ заключается въ мышленіи. Но законъ душевныхъ дѣятельностей не полагается силою ума какъ его изобрѣтеніе, а предложить человеку какъ готовый, неизмѣняемый порядокъ нравственно-духовной жизни человека и человечества. Самозаконіе не свойственно разуму человѣческому ни въ какомъ смыслѣ. Между явленіями и дѣйствіями души разумъ имѣетъ значеніе свѣта, которымъ озаряется не имъ положенная жизнь человѣческаго духа съ ея законами. Душа существуетъ не только какъ этотъ свѣтъ, но и какъ освѣщаемое имъ существо. Жизнь духовная зарождается прежде этого свѣта разума—во мракѣ и темнотѣ, то-есть въ глубинахъ, недоступныхъ для нашего взора. Если изъ основъ этой жизни возникаетъ свѣтъ знанія и разумѣнія, какъ послѣдующее ея явленіе, то этимъ вполне оправдывается то воззрѣніе, по которому человѣческій умъ есть вершина, а не корень духовной жизни человека.

Но кромѣ неоспорительнаго ученія о самозаконіи ума, періодко встрѣчается въ психологіи неопредѣленное ученіе о существѣ человѣческой души. Обыкновенно психологія ограничивается указаніемъ только на общіи родовыя свойства души, на тѣ душевныя явленія, которыя общи человѣческой душѣ со всякою другою. Человѣческая душа опредѣляется ею какъ существо ощущающее, представляющее, чувствующее и желающее, и превосходство этихъ явленій въ человѣкѣ сравнительно съ соотвѣтствующими явленіями въ другихъ чувственно-наблюдаемыхъ существахъ изъясняется изъ многихъ причинъ, которыя во всякомъ случаѣ не лежатъ въ первоначальномъ существѣ человѣческой души и только видоизмѣняютъ ея общій родовой характеръ. Между тѣмъ нужно представлять дѣло совершенно наоборотъ: человѣческая душа имѣетъ первоначальное и особенное содержаніе, которое обнаруживается или является, безспорно, въ общихъ родовыхъ формахъ душевной жизни, каковы: представленіе, чувствованіе, желаніе и т. д. Только изъ этого предположенія можно изъяснить, почему эти родовыя формы принимаютъ въ человѣкѣ особенный и совершеннѣйшій характеръ, почему въ нихъ открывается прав-

ственная личность человека, для выражения которой тщетно мы искали бы в душе определенного, действующего по общим законамъ, механизма, почему, наконецъ, въ этихъ конечныхъ родовыхъ формахъ носится чувство и сознание безконечнаго, для котораго опять нѣтъ определенного и частнаго носителя или представителя въ явленияхъ душевной жизни. Но мы должны сдѣлать еще шагъ далѣе и положить, что каждая частная человѣческая душа имѣетъ свою существенную особенность и обладаетъ своеобразнымъ развитіемъ, которое выражается въ свою очередь въ общихъ родовыхъ формахъ человѣческой душевной жизни.

При изслѣдованіи явленій душевной жизни наука сообразно съ своею общемою методою спрашиваетъ: по какимъ общимъ условіямъ и законамъ совершаются эти явленія? Но эта плодотворная метода науки, очевидно, имѣетъ примѣненіе только ко вторичнымъ, производнымъ явленіямъ душевной жизни. Всякая *простая основа* явленій, въ которой еще не выступили определенные направленія и формы, недоступна анализу науки, потому что этотъ анализъ предполагаетъ сложность и многообразіе явленій, чего нѣтъ во всякой простой основѣ. Если это справедливо вообще, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ согласиться, что въ человѣческой душѣ есть нѣчто первоначальное и простое, есть потаенный сердца человекъ, есть глубина сердца, котораго будущія движенія не могутъ быть разчитаны по общимъ и необходимымъ условіямъ и законамъ душевной жизни. Для этой *особеннѣйшей* стороны человѣческаго духа наука не можетъ найти общихъ и навсегда определенныхъ формъ, которыя были бы привязаны къ той или другой парѣ нервовъ и возникали бы съ необходимостью по поводу ихъ движенія.

Когда мистицизмъ пытался указать формы, которыя вполне соотвѣтствовали бы духовному содержанію человѣческаго сердца, то онъ могъ только отрицать всѣ доступныя для насъ формы и выраженія какъ конечнаго міра, такъ и конечнаго духа. Ему казалось, что не только низшія душевныя способности не соотвѣтствуютъ полнотѣ и достоинству сердечной жизни, но и самый разумъ, поскольку онъ мыслитъ въ частныхъ формахъ, рождая одну мысль за другою во времени, есть слабое и неточное выраженіе этой жизни. Поэтому мистики могъ только погружаться въ темное чувство единства и безконечности, въ ту глубину сердца, гдѣ наконецъ погасаетъ всякій свѣтъ сознанія. Это болѣзненное явленіе мистицизма, который хочетъ миновать всѣ конечныя условія нашего духовнаго развитія,

который хочетъ стать у послѣдней цѣли съ-разу и непосредственно, не достигая ея многотруднымъ и постепеннымъ совершенствованіемъ во времени, — есть во всякомъ случаѣ замѣчательный фактъ для изъясненія душевной жизни человѣка. Въ его основаніи лежитъ истинное убѣжденіе, что полнота духовной жизни, которую мы ощущаемъ въ сердцѣ, не исчерпывается тѣми душевными формами, которыя образуются подъ условіями этого конечнаго міра, или что наше развитіе не можетъ быть замкнуто тѣми опредѣленными явленіями духа, которыя возникаютъ подъ временными условіями. Противуположность съ мистицизмомъ образуетъ то психологическое воззрѣніе, которое надѣется перечислить и опредѣлить всѣ явленія душевной жизни, какъ конечныя и разъ навсегда данныя ея формы, такъ что ни въ нихъ, ни подъ ними нельзя уже найти жизни своеобразной, простой, непосредственной, которая бы проторгалась неожиданно и неразчитанно. Если это воззрѣніе вообще не можетъ указать въ душѣ человѣка глубочайшихъ основъ ея личности и зачатковъ ея будущей жизни, то съ другой стороны для него остаются и всегда останутся неразгаданными многія душевныя явленія, о которыхъ свидѣлствуетъ опытъ, каковы напримѣръ: знаменательность сновъ, явленія предчувствія, состоянія ясновидѣнія, въ особенности различныя таинственныя формы религіознаго сознанія. Истину между показанными крайностями мистицизма и эмпиризма мы имѣемъ въ Библейскомъ ученіи о сердцѣ, какъ средоточіи душевной жизни человѣка. Сердце рождаетъ всѣ тѣ формы душевной жизни, которыя подлежатъ общимъ условіямъ и законамъ; и такъ оно не можетъ относиться къ нимъ отрицательно, не можетъ своими непосредственными порывами расторгать ихъ. Однако же сердце не переноситъ разъ навсегда всего своего духовнаго содержанія въ эти душевныя формы; въ его *любимъ*, недоступной апализу, всегда остается источникъ новой жизни, новыхъ движеній и стремленій, которыя переходятъ за предѣлы конечныхъ формъ души и дѣлаютъ ее способною для вѣчности. Поэтому и во временныхъ, но особенныхъ условіяхъ всегда остается возможность для такихъ необычайныхъ явленій, которыя выступаютъ за предѣлы ея обычнаго образа дѣйствованія.

Изъ всего сказаннаго могутъ быть сдѣланы слѣдующія примѣненія:

1) Если сердце есть такое средоточіе духовной жизни человѣка, изъ котораго возникаютъ стремленія, желанія и помыслы непосред-

ственно или тою стороною, которая не вытекает съ математическимъ равенствомъ изъ вѣдѣнныхъ дѣйствующихъ причинъ, то самая вѣрная теорія душевныхъ явленій не можетъ опредѣлять особенностей и отличій, съ какими они обнаружатся въ этой частной душѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Отсюда мы можемъ заключить, что хотя въ исторіи природы все было подчинено строгому механизму, не допускающему изъятія, — въ исторіи человечества возможны событія и явленія, которыя будутъ свидѣтельствовать о себѣ своимъ простымъ существованіемъ и возможности которыхъ нельзя ни допускать, ни отрицать на основаніи *общихъ* законовъ, извѣстныхъ намъ изъ науки. Когда наука выяснитъ себѣ настоящее значеніе и предѣлы этого положенія, тогда, можетъ быть, она сумѣетъ поставить себя въ правильное отношеніе къ фактамъ религіи. Доселѣ она рассуждала такимъ образомъ: извѣстное историческое событіе, судя по сильнымъ свидѣтельствамъ, должно бы быть признано дѣйствительнымъ, по явленію его противорѣчить *общимъ* законамъ, слѣдовательно нельзя принимать его за дѣйствительность. Мы противопоставляемъ этому рассужденію слѣдующій порядокъ мыслей. Въ первоначальной сущности человѣка (сердцѣ) заключаются источники для такихъ явленій, которыя запечатлѣны особенностями, не вытекающими ни изъ какого общаго понятія или закона. По *общимъ* законамъ душевной жизни мы можемъ обсуждать только ежедневныя, обыкновенныя, условленныя обычными теченіемъ вещей, явленія человѣческаго духа потому, что эти законы сами сняты или отвлечены отъ этихъ обычныхъ или одинаковыхъ явленій. Поэтому тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ явленія, ниспущающія изъ этого обыкновеннаго ряда, мы должны изслѣдовать первѣе всего ихъ простую дѣйствительность, не заслоняя ее общими законами, потому что еще никто не доказалъ, чтобы душа повиновалась этимъ *общимъ* законамъ съ механическою необходимостью, какъ мертвая и недѣятельная масса. Притомъ, если нельзя допустить, чтобы здѣсь, какъ въ области физики, дѣйствія и противодѣйствія были равны, то съ другой стороны необыкновенныя событія, какъ доказываетъ опытъ, всегда происходили среди какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ.

2) Положимъ, что всѣ наблюдаемая нами событія будутъ по своей сущности таковы, что мы можемъ какъ бы становиться за ними и подсматривать тѣ причины, которыя произвели ихъ; потомъ также можемъ поставить себя за этими причинами и наблюдать условія и причины произведенія ихъ, и такъ при всякомъ наблюдаемомъ слу-

чаѣ. Дѣйствительно матеріальныя вещи обладаютъ этимъ подлиннымъ и рѣшительнымъ качествомъ конечнаго. Но очевидно, что если бы все существующее имѣло такую производную и слагаемую изъ стороннихъ причинъ сущность, то человѣку не пришло бы и на мысль говорить о причинѣ безусловной. Если однако же человѣчество единогласно завершаетъ всѣ свои изысканія признаніемъ безусловнаго первоначала, то это метафизическое сознаніе наиболѣе оправдывается натурою человѣческаго сердца, за которую мы уже не можемъ стать, чтобы подсматривать еще другія, слагающія ее, причины и которая поэтому обладаетъ всею непосредственностью бытія, полагаемаго Богомъ.

3) Еще рѣшительнѣе выступаетъ значеніе сердца въ области нравственной дѣятельности; потому что мы различно судимъ о человѣческихъ поступкахъ смотря потому, опредѣляются ли они внѣшними обстоятельствами и соотвѣствующими соображеніями, или же возникаютъ изъ непосредственныхъ и свободныхъ движеній сердца. Только послѣднимъ по настоящему мы можемъ приписать нравственное достоинство. Христіанское ученіе говоритъ намъ, что любовь есть источникъ всѣхъ истинно нравственныхъ поступковъ. Это положеніе, стоящее въ ясной причинной связи съ Библейскимъ ученіемъ о сердцѣ, оправдывается изъ началъ нравственной философіи, такъ точно, какъ само то ученіе о сердцѣ нашло хорошія основанія въ психологіи.

Вмѣсто этого верховнаго начала любви нѣкоторые повѣйшіе моралисты предлагаютъ намъ другое: „уважай себя или свою личность“, и думаютъ въ этомъ правилѣ открыть основаніе нравственно добрыхъ поступковъ человѣка. Намъ кажется, что изъ этого правила также могутъ происходить, или не происходить нравственные поступки, какъ и изъ правилъ, апалитически вытекающихъ изъ него, каковы: корми себя, сохраняя, согрѣвай свое тѣло, упражняй свою память, развивай свой умъ, свои музыкальные таланты и т. д. Болѣе значенія имѣетъ принятое въ нравственной философіи понятіе нравственнаго закона и ученіе о долгѣ. Но законъ, по которому совершается нравственная дѣятельность, не есть уже поэтому *причина* этой дѣятельности, какъ напримѣръ, законъ паденія тѣлъ не есть причина ихъ паденія. Итакъ, съ раціоналистической точки зрѣнія всегда останется неизлѣпимымъ, откуда, изъ какого источника происходятъ тѣ дѣла, которыя оказываются сообразными съ нравственнымъ закономъ, какъ съ предписаніемъ разума. Всякое нравственное предпи-

саніе разума, всякое его паставленіе о томъ, что я *долженъ* дѣлать, открывають мнѣ перспективу дѣлъ еще только ожидаемыхъ, пока еще не осуществленныхъ: „могу ли я совершить эти дѣла, имѣю ли я нравственныя силы какъ источники этихъ дѣлъ“,—это совершенно другой вопросъ, о которомъ нравственное законодательство разума ничего не скажетъ. Точно, умъ можетъ предписывать, повелѣвать, но только тогда, когда онъ имѣетъ предъ собою не мертвый трупъ, а живаго и воодушевленнаго человѣка и когда его предписанія и повелѣнія спяты съ натуры этого человѣка, а не навязываются ей какъ что-то чуждое, не сродное: потому что ни одно существо на свѣтѣ не приходитъ къ законообразной дѣятельности изъ побужденій постороннихъ для него. Умъ, какъ говорили древніе, есть *правительственная* или *владычественная* часть души, и мистицизмъ, который погружается въ непосредственныя влеченія сердца, не переводя ихъ въ отвлеченныя, спокойныя и твердыя идеи или начала ума, противорѣчитъ свойствамъ человѣческаго духа. Но правительственная и владычественная сила не есть сила рождательная; она есть правило, простирающееся на такое содержаніе нравственнаго міра, которое рождается изъ глубочайшаго существа духа и въ своемъ непосредственномъ видѣ или въ первомъ и *основномъ* явленіи есть любовь.

II.

Въ приведенной статьѣ Юркевичъ высказываетъ и разпнваетъ свои основныя воззрѣнія и, какъ легко видѣть, въ этихъ воззрѣніяхъ открываются не только его теоретическія убѣжденія, но и весь духовный характеръ. Въ слѣдующей статьѣ „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“ ¹⁾ Юркевичу приходится защищать эти свои воззрѣнія противъ господствовавшихъ тогда, и теперь еще не совсѣмъ потерявшихъ силу падъ перазвитыми умами, теорій матеріализма. Конечно, Юркевичу не стоило никакого труда доказать философскую несостоятельность этихъ теорій и онъ доказалъ ее ясно какъ дель для всякаго способнаго понимать. Я приведу тѣ мѣста статьи, гдѣ авторъ по поводу матеріализма высказываетъ свои собственныя воззрѣнія.

Обыкновенно матеріализмъ возстаетъ противъ того дуализма, который признаетъ въ человѣкѣ двѣ отдѣльныя природы, духовную и тѣлесную; но въ этомъ отрицаніи дуализма, вообще справедливымъ,

¹⁾ Труды Киевской Духовной Академіи 1860 г., кн. 4-я.

выказывается у матеріалистовъ крайняя неясность основныхъ философскихъ понятій. Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, не имѣющей ничего общаго съ духомъ, то онъ этимъ допускалъ дуализмъ *метафизическій* какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе устранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдовательно, она должна носить на себѣ знаки духовнаго начала, изъ котораго произошла. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, закономірность, присутствіе цѣли и идеи. Если человѣческій духъ развивается въ матеріальномъ тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ, то эта связь не есть внѣшняя, она опредѣляется смысломъ человѣческой жизни, ея назначеніемъ или идеей. Изучите хорошо тѣлесный организмъ человѣка и вы можете отгадать, какія формы внутренней духовной жизни соотвѣтствуютъ ему; изучите хорошо эту внутреннюю жизнь, и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соотвѣтствуетъ ей. Но послѣ устранинія дуализма *метафизическаго*, остается еще дуализмъ *гносеологическій*, дуализмъ знаній. Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: внѣшними чувствами—тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ—душевными явленіями. Кажется ясно, что мысль, какъ мысль, не имѣетъ ни пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣетъ ни тяжести, ни температуры; и такъ фізіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовозрѣніи онъ знаетъ себя какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Пусть онъ наблюдаетъ самыя сложныя движенія нервовъ: все же эти движенія, пока они существуютъ для внѣшняго опыта, то-есть пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Итакъ, если говорятъ, что движеніе нерва превращается въ ощущеніе и т. д., то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля, который обладаетъ этою чудною превращающею силой, или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва; а само это движеніе, понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ-либо другимъ, кромѣ движенія. Психологія требуетъ признать только это феноменальное или гносеологическое различіе,

по которому ея предметъ, какъ данный во внутреннемъ опытѣ, не имѣетъ ничего сходнаго и общаго съ предметами внѣшняго наблюденія. Всякій дальнѣйшій вопросъ о сущности этого явленія, вопросы о томъ, не сходятся ли разности матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ высшемъ единствѣ и не суть ли они простое послѣдствіе нашего ограниченнаго познанія,—поскольку оно не постигаетъ подлинной, однородной, тождественной съ собою сущности вещей,—всѣ эти вопросы принадлежатъ метафизикѣ и равно не могутъ быть разрѣшены никакою частною наукой, изучающею явленія. Когда говорятъ о *математикѣ*, то это слово, или не имѣетъ смысла, или оно означаетъ, что предметное событіе видоизмѣнилось формами ощущающаго и понимающаго субъекта. Кто, напримѣръ, изъясняетъ представленіе и мышленіе изъ нервнаго процесса, тотъ или не понимаетъ, что значить явленіе, или же признаетъ первы и ихъ движенія *вещью въ себѣ*, бытіемъ метафизическимъ, сверхчувственнымъ: потому что въ противномъ случаѣ онъ согласился бы, что нервный процессъ самъ есть лишь феноменъ, то-есть, что его способъ явленія уже условленъ формою представленія, которое еще только хотѣть произвести изъ него. Если же матеріализмъ утверждаетъ, что и даннымъ внутренняго опыта имѣютъ только феноменальное значеніе, то-есть, что наши внутреннія состоянія представляются духовными только въ *субъективномъ* нашемъ пониманіи, а сами въ себѣ суть явленія органической жизни, то на это должно возразить, что такъ какъ сами эти явленія органической тѣлесной жизни не существуютъ для насъ внѣ формъ видящаго ихъ и понимающаго субъекта, то гдѣ же тотъ *другой* субъектъ, въ воззрѣніи и пониманіи котораго самыя формы видящаго и понимающаго субъекта становятся субъективными? Если *явленія* возможны только для *другаго*, то гдѣ этотъ другой въ области самонаблюденія и самовоззрѣнія?

Съ другой стороны если несомнѣнно, что для того, чтобы волнообразное движеніе воздуха превратилось въ звукъ, вибраціи эира—въ свѣтъ, нужно *ощущающее* существо, въ которомъ собственно совершается это превращеніе количественныхъ движеній въ качества звука и свѣта, то на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ должно признать, что *всѣ* качества предмета существуютъ не въ самомъ предметѣ, какъ *вещи въ себѣ*, а въ *отношеніяхъ* предмета къ ощущающему субъекту. Явленіе потому и есть явленіе, что оно обусловлено формами воззрѣнія и представленія познающаго духа, а потому крайне нелѣпо изъяснять качества этого духа изъ внѣшнихъ явленій, которыя сами,

поскольку они суть явленія, условлены этими качествами и должны быть изъясняемы изъ первоначальныхъ формъ ощущающаго и представляющаго духа. Попытно, что наши пять чувствъ вовсе не суть такое безусловное откровеніе, которое давало бы намъ ощущать и представлять всѣ существующія въ мірѣ силы, дѣятельности и событія. Но для правильной оцѣнки силъ и средствъ нашего духа нужно сдѣлать и обратное предположеніе. Именно, очень возможно, что наше чувственно-духовное существо имѣетъ органы или способности знаній, которыя не проявляются только потому, что внѣшняя природа не можетъ подѣйствовать на нихъ надлежащимъ образомъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ міръ явленій неизъяснимъ изъ самого себя; для его изъясненія нужно брать въ расчетъ ощущающій, представляющій и познающій духъ какъ одно изъ *первоначальныхъ* условий, почему вещи являются такими, а не другими. Когда вы говорите о матеріи самой въ себѣ, то вы дѣлаете пустое отвлеченіе, существующее только въ вашей мысли. Уже древніе философы приходили къ убѣжденію, что такая чистая матерія, отрѣшенная отъ идеальныхъ опредѣленій, которыхъ содержаніе мы знаемъ только изъ глубины нашего духа, есть ничто, небытіе (μη ὄν). Точно также, съ другой стороны, тотъ фактъ, что царство одушевленныхъ существъ простирается далѣе царства человѣческаго, служилъ для философіи по всѣмъ временамъ основаніемъ ученія, что вообще въ мірѣ нѣтъ голой матеріальности, что въ немъ все воодушевлено, способно не только быть, но и наслаждаться бытіемъ, что всякая величина экстенсивная есть вмѣстѣ и интенсивная, открывающаяся въ порывахъ и стремленіяхъ. Если же матеріализмъ пользуется этимъ для того, чтобы снять границу между животнымъ міромъ и человѣкомъ, то онъ не объясняетъ то существенное различіе, что животныя несомнѣнно обладаютъ лишь эмпирическимъ сознаніемъ, человѣкъ же никогда эмпирическимъ сознаніемъ не ограничивается, а имѣетъ и постоянно проявляетъ способность относиться *критически* къ своему собственному эмпирическому состоянію, измѣрять то, что есть, тѣмъ, что должно быть, — имѣетъ способности жить и развиваться подъ *идею*.

Покоячивъ съ матеріализмомъ въ области логики и психологіи, нашъ авторъ переходитъ къ нравственной философіи. Матеріализмъ справедливо возстаетъ противъ морали формалистическаго ригоризма, которая требуетъ, чтобы мы исполняли общіе безусловные законы долга безучастно, не испытывая радости и наслажденія отъ нравственной дѣятельности. Справедливо, что такая нравственность не со-

образна съ существомъ чловѣка: удовольствіе, удовлетвореніе, слѣдовательно, благо, счастье, или, пожалуй, польза, суть неотдѣлимые мотивы чловѣческихъ поступковъ. Наше я всегда будетъ тамъ, гдѣ есть *наша*, все равно нравственная или безнравственная, дѣятельность; наша живая душа всегда будетъ испытывать опредѣленными, пріятными или непріятными, ощущеніями, все равно будемъ ли мы дѣлать добро или зло, преслѣдовать цѣли личныя или дѣйствовать для счастья другихъ; безнравственный эгоизмъ не въ томъ состоитъ, что мы включаемъ себя и наше счастье въ нашу дѣятельность, но въ томъ, что мы выключаемъ изъ этой дѣятельности другихъ людей и ихъ счастье.

Но не болѣе справедлива противоположная формалистическому ригоризму нравственная система утилитаризма. Полезно то, что удовлетворить нашимъ потребностямъ, но каковы эти потребности и каковы, поэтому, предметы способные удовлетворить имъ, это мы опредѣляемъ уже не изъ идеи пользы, а наоборотъ, идея пользы измѣняется съ измѣненіемъ нашихъ потребностей и понятій о нашемъ достоинствѣ и цѣли нашего существованія. Чловѣкъ, какъ и животное, начинаетъ свое существованіе въ патологическомъ мірѣ непосредственныхъ желаній пріятнаго, какъ такого, ради его непосредственнаго качества. Но ни дикій, ни образованный чловѣкъ не остается въ этомъ патологическомъ мірѣ, онъ выходитъ изъ него въ міръ дѣйствительный и вступаетъ въ область истинно-сущаго: развитіе свое онъ составляетъ въ зависимости отъ идеи, какую онъ образовалъ о своемъ назначеніи и достоинствѣ вещей. Вслѣдствіе психическаго отношенія между мыслями и идеальными чувствованіями, которыя происходятъ изъ нихъ, чловѣкъ ощущаетъ потребность или *влеченіе* выражать въ своихъ дѣйствіяхъ *истину*, воплощать теоретически истинное въ нравственно-добромъ. Если чловѣкъ хотѣлъ бы дѣйствовать согласно не только съ общимъ благомъ разумныхъ существъ, но и со *смысломъ* всего существующаго, то это желаніе безусловнаго нравственнаго совершенства происходитъ изъ тѣхъ идеальныхъ аффектовъ, которыя рождаются изъ нашихъ теоретическихъ мыслей о мірѣ, его основѣ и его назначеніи.

Въ связи съ изложенною статьею находятся четыре статьи подъ заглавіемъ „Языкѣ физиологовъ и психологовъ“, помѣщенные въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1862 г. Въ нихъ, по поводу вышедшей тогда на русскомъ языкѣ физиологіи Льюиса, Юркевичъ болѣе частнымъ образомъ развиваетъ то, что было высказано имъ въ первой статьѣ противъ матеріализма. По времени этимъ статьямъ предшествуетъ рядъ

критическихъ очерковъ подъ заглавіемъ: „Критико-философскіе отрывки“ ¹⁾, гдѣ авторъ преимущественно разсматриваетъ отношеніе философскихъ системъ, особенно Канта, къ основному богословскому ученію о бытіи Божіемъ. Къ сожалѣнію эти очерки, замѣчательные (въ особенности, что касается до Канта) рѣдкою критическою проницательностью, не могутъ быть здѣсь изложены вслѣдствіе ихъ объема.

Наиболѣе значеніи имѣетъ послѣдній философскій трудъ Юркевича „Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта“. Прихожу его основныя мысли.

Два и только два основныя убѣжденія возможны для духа, по скольку онъ открываетъ свою дѣятельность въ познаніи. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что ему, какъ духу вообще, присущи начала, дѣлающія возможнымъ познаніе *самой истины*; другое въ томъ, что ему, какъ духу человѣческому, связанному съ общими типомъ человѣческой тѣлесной организаціи, присущи начала, дѣлающія возможнымъ только приобрѣтеніе *общедоступныхъ истинъ*. Въ этихъ убѣжденіяхъ остается поле для скептицизма, который, разрушая знаніе, долженъ, чтобы быть въ согласіи съ собою, сомнѣваться и въ томъ, что онъ разрушаетъ знаніе, и такимъ образомъ безвыходно вращаться въ недомыслимомъ кругѣ, отрицая свои собственные положенія.

Первый взглядъ, находящій возможнымъ знаніе *истины*, развитъ въ образцовомъ для всѣхъ временъ совершенствѣ Платономъ въ его ученіи о разумѣ и идеяхъ; второй, допускающій только знаніе *общедоступное*, развитъ Кантомъ въ его ученіи объ опытѣ. Вотъ ихъ соотвѣтствующія положенія:

Платонъ. Только невидимая сверхчувственная сущность вещи познаваема.

Кантъ. Только видимое чувственное явленіе познаваемо.

Платонъ. Поле опыта есть область тѣней и грѣвъ: только стремленіе разума въ міръ сверхчувственный есть стремленіе къ свѣту знанія.

Кантъ. Міръ сверхчувственный есть область тѣней и грѣвъ; только въ области опыта возможно знаніе.

Платонъ. Настоящее познаніе мы имѣемъ, когда движемся отъ идей, чрезъ идеи, къ идеямъ.

¹⁾ Труды Кіевской Духовной Академіи за 1861 г. съ января по май. Первые два отрывка обозначены: «По поводу статей богословскаго содержанія въ Философскомъ Лексиконѣ», а слѣдующія три—«Доказательства бытія Божія».

Кантъ. Настоящее познание мы имеемъ, когда движемся отъ воззрѣній, чрезъ воззрѣнія, къ воззрѣніямъ.

Платонъ. Познание существа человѣческаго духа, его безсмертія и высшаго назначенія заслуживаетъ по преимуществу названія науки.

Кантъ. Это не наука, а формальная дисциплина, предохраняющая отъ бесплодныхъ попытокъ утверждать что-либо о существіи души.

Вообще, если для Платона познание истины возможно для чистаго разума, то для Канта оно не возможно ни для чистаго разума, ни для разума, обогащеннаго опытами: въ послѣднемъ случаѣ познание хотя возможно, но это будетъ не познание истины, а только познание общаго. Наука имѣетъ всѣ условія для того, чтобы сообщать намъ общаго свѣдѣнія и ни одного условія для познанія истины. И однако же, никогда философъ не одерживала такихъ блестящихъ побѣдъ надъ реализмомъ общаго смысла и наукъ положительныхъ, какія одержала она въ критикѣ чистаго разума. Никогда съ такою убѣждающею очевидностью не изобличала она всей неосновательности предразсудка общаго смысла, будто гдѣ-то вѣдь пасть существуютъ чувственные предметы, совершенно готовые, размѣщенные въ пространство и измѣняющіеся во времени, имѣющіе фигуру и краски, жесткіе и мягкіе, пахучіе и звучащіе, и будто всѣ эти вѣдѣніе предметы съ своими качествами, какъ только мы откроемъ для нихъ наши чувства, повторяются какъ въ зеркалѣ въ образахъ нашего сознанія. Опытъ, на который мы такъ довѣрчиво полагаемся, оправдывалъ наши мысли посредствомъ сравненія ихъ съ самими вещами, будто независимыми отъ нашихъ мыслей, не есть источникъ познанія, лежащій вѣдь познающаго субъекта. „Опытъ есть первый продуктъ, который производится нашимъ разумомъ, какъ только разумъ перерабатываетъ сырой матеріалъ ощущений“. (Опытъ съ его мнимыми вещами самъ произошелъ въ мастерской человѣческаго разума. Единственные данные элементы въ нашемъ познаніи суть ощущенія, которыя не существуютъ вѣдь, кромѣ опредѣленій внутренняго чувства, будучи лишь видоизмѣненіями этого чувства, обусловленными нашимъ способомъ замѣчать ихъ одно послѣ другаго въ формѣ времени. Такимъ образомъ наши познавательныя способности, не имѣя ничего впереди дающаго и существующаго, должны изъ себя произвести образы вещей, называемыхъ данными опыта. Это удивительное ученіе примиряетъ Платона съ Протагоромъ и Лейбница — съ Давидомъ Юмомъ и оно-то составляетъ

душу нашей науки и нашей культуры. Оно соотвѣтствуетъ той социальной теоріи, которая надѣется основать общественный бытъ и благо народовъ не на вѣчныхъ законахъ правды, но на всеобщемъ личномъ согласіи гражданъ.

Показавъ истинность *идеалистическихъ* положеній Канта, авторъ, на основаніи мастерской критики, которая здѣсь не можетъ быть приведена, признаетъ совершенно неосновательнымъ *скептическое* воззрѣніе Канта. Въ противоположность этому воззрѣнію онъ излагаетъ свои собственные взгляды, примыкая ихъ къ ученію Платона. Я передамъ основныя черты этихъ взглядовъ.

Реализмъ во всѣхъ своихъ видахъ надѣется познать сущность вещи, отдѣляя отъ нея всѣ ея положенія въ системѣ вещей и отличая самую вещь съ ея первобытными, ничѣмъ болѣе не опредѣленными, свойствами отъ всѣхъ такихъ положеній. Идеализмъ, отрицая самую возможность такихъ первобытныхъ вещей, изъясняетъ, напротивъ, всю ихъ сущность изъ того разумнаго положенія, какое имѣетъ каждая вещь въ системѣ міра. Это разумное положеніе опредѣляется степенью участія вещи въ идеѣ, слѣдовательно, тѣмъ мѣстомъ, какое вещь занимаетъ, какъ одинъ изъ членовъ дѣленія общаго понятія. Въ спекулятивной методѣ предполагается внутреннее развитіе понятія до тѣхъ формъ, которыя даны на вещахъ или въ вещахъ и которыхъ фактическое существованіе будетъ, такимъ образомъ, претворено въ разумное, или то, что есть, будетъ изъяснено изъ того, что должно быть по требованію идеи. Но если такимъ образомъ весь духъ истинной философской методы состоитъ въ убѣжденіи, что дѣйствительное опредѣляется мыслимымъ, то это не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ страстнымъ ученіемъ, что идея сама себя осуществляетъ, что она есть свой собственный исполнитель въ мірѣ явленій—ученіемъ, которое такъ много повредило новѣйшему идеализму. Должно различать идею, какъ причину, отъ тѣхъ дѣятелей, безъ которыхъ эта идеальная причина не можетъ быть причиною. Вѣчная истина не есть сила, она есть истина, и этимъ исчерпывается все ея бытіе: *essentia ejus involvit ejus existentiam*. Она осуществляется въ потокѣ вещей дѣйствіемъ той воли, которая полагаетъ этотъ міръ, какъ исполнительную власть, по отношенію къ идеѣ, какъ власти законодательной. Если идеямъ должно быть приписано истинное бытіе, то далеко не томъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ бытіе живымъ существамъ или субъектамъ. Только въ реализмѣ, который все содержаніе нашихъ мыслей и опытовъ, все живое многообразіе существъ

и отношеній пригоняетъ къ простому и бѣдному бытію безразличныхъ атомовъ,—только въ реализмѣ категоріи бытія есть столь простая и косная, что съ нею вообще нельзя ничего предпринять. По истинѣ же бытіе есть положеніе, принимающее различный смыслъ, смотря по содержанію, о которомъ мы говоримъ, что оно *есть*. Хотя справедливо, что идеи суть общее и что, слѣдовательно, бытіе постоянное и неизмѣняемое принадлежитъ общему, однако, отсюда не слѣдуетъ мысль повѣрнаго идеализма, что общее *есть то, что суть собственно истины*. Общее, идеи, истина есть вѣчное, не произведенное субъектомъ, содержаніе разума. Бытіе же способныхъ къ дѣйствию и страданію живыхъ существъ есть такое безусловное положеніе, которое не исчерпывается ихъ познаваемостью. Царство идей, образцовъ, или вѣчной истины, далѣе, царство существъ разумныхъ, призванныхъ познавать эту истину и *питаться* ею, и, наконецъ, призрачное существованіе всего тѣлеснаго,—или *мыслимое, сущее и явленіе*—таковы три сферы истинной философіи. Идеи имѣютъ то существенное значеніе, что космосъ, который есть Сынъ Божій по Платону, долженъ исполнить *всякую правду*, лежащую въ идеяхъ, чтобы наслаждаться совершеннѣйшимъ существованіемъ. Такъ какъ идеи суть система *общихъ* мыслимыхъ основаній, то мы изъ нихъ никогда діалектическимъ путемъ не выведемъ особенной индивидуальной живленности существъ, никогда не выведемъ міра того *совершенно сущаго*, которому принадлежитъ жизнь, движеніе, душа и разумъ. Хотя существованіе его возможно только на общихъ идеальныхъ основаніяхъ, однако его дѣйствительность не обнимается логическою идеєю сущности, потому что духовное начало, полагающее эту дѣйствительность, не есть сущность, а сверхсущественное. Какъ въ естествознаніи, такъ и въ философіи не могутъ быть *выведены*, но должны быть *найдены* тѣ основныя факты, которые и суть таковы именно потому, что въ нихъ есть нѣчто несводимое на идеи разума. Если бы система идей была вполне для насъ прозрачна, то, тѣмъ не менѣе, индивидуальное бытіе живыхъ и разумныхъ существъ представлялось бы намъ какъ непонятная судьба, и содержащееся въ идеяхъ откровеніе о томъ, *что есть*, оставляло бы насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, *кто есть*. Только въ непосредственномъ, внутреннемъ сознаніи черезъ дѣйствительность нашего собственнаго духа открывается намъ тотъ сверхсущественный духъ, который *то, что можетъ быть (идея), переводитъ въ то, что есть (дѣйствительность) посредствомъ того, что должно быть (то αἶψαν)*.

Изложеніе философскихъ воззрѣній Юркевича было бы неполно, еслибы мы не упомянули о тѣхъ особенныхъ историческихъ, фактическихъ основаніяхъ, которыя онъ искалъ и находилъ для нѣкоторыхъ изъ существовавшихъ своихъ убѣжденій. Въ самомъ дѣлѣ, разъ міросозерцаніе, какъ это было у Юркевича, не ограничивается одною чисто-теоретическою сферою, выходитъ изъ области логическихъ возможностей и вступаетъ въ міръ дѣйствительности, оно должно и основанія себѣ брать не въ одной философской мысли, а въ фактахъ дѣйствительности. Такъ, если основныя метафизическія воззрѣнія Юркевича находили себѣ твердую опору въ исторической дѣйствительности религіи и, разумѣется, преимущественно христіанства, то болѣе частныя его воззрѣнія на природу и назначеніе человѣческаго духа, волюшѣ согласныя въ существѣ съ тѣмъ же христіанскимъ ученіемъ, получали, по его мнѣнію, ближайшее фактическое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ, возникшихъ въ послѣднее время. Я разумѣю явленія такъ называемаго спиритизма, въ достовѣрности которыхъ Юркевичъ былъ убѣжденъ и отъ которыхъ многого ожидалъ въ будущемъ. На этихъ явленіяхъ въ глазахъ большинства лежитъ нѣкоторый особенный одишъ, отчасти оправдываемый тѣмъ, что въ сферѣ этихъ явленій открывается не малый просторъ шарлатанству и обману, а также и тѣмъ, что къ фактамъ часто привязываются ученія столь же пошлыя и неосновательныя по своему содержанію, сколько притязательныя и наглны по своей формѣ. Юркевичъ признавалъ это волюшѣ и объяснялъ изъ свойствъ той среды, въ которой возникли явленія. Но въ его глазахъ неблагопріятная вѣщность спиритизма не могла заслонять сущности самаго факта. Сущность же факта, еслибы онъ оказался достовѣрнымъ, состоитъ въ томъ, что простымъ, для всѣхъ убѣдительнымъ образомъ, ad oculum доказывалась истинность христіанскаго ученія о человѣческомъ духѣ какъ объ индивидуальномъ существѣ, имѣющемъ собственную внутреннюю дѣйствительность, не подлежащую всецѣло силѣ вѣшнихъ вѣщественныхъ условій и потому послѣ видимой смерти продолжающемъ безконечно свое развитіе въ иныхъ условіяхъ и формахъ. Было ли убѣжденіе Юркевича въ достовѣрности спиритическихъ явленій заблужденіемъ и самообольщеніемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ, или же эти явленія дѣйствительно имѣютъ объективную убѣдительность—покажетъ будущее.

Вл. Соловьевъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е января 1654—30-е мая 1672 года. Сочиненіе Геннадія Карпова. М. 1870.

Сочиненіе Г. Θ. Карпова, вышедшее подъ приведеннымъ заглавіемъ, составляетъ какъ-бы введеніе къ изданнымъ имъ позднѣе результатамъ его собственныхъ архивныхъ изслѣдованій: такъ, въ *Православномъ обзорѣ* (1871, № 8) онъ помѣстилъ изслѣдованіе: „Кіевская митрополія и Московское правительство въ 1654 году, въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1871, №№ 11 и 12): „Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей“ и отдѣльно издалъ въ 1873 году: „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго.“ Такимъ образомъ эти, изслѣдованія, продолжаемыя авторомъ, должны служить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ обращаться съ источниками въ противоположность предшестующему сочиненію, гдѣ авторъ старался показать, какъ съ ними обращаться не слѣдуетъ. Такова, кажется, мысль автора, если судить о ней по порядку, принятому имъ въ изданіи его сочиненій. Возможность такого способа доказалъ, между прочимъ, великій историкъ нашего времени Ранке, критическое сочиненіе котораго „*Kritik neuerer Geschichtschreiber*“, 1824 года, предшествуетъ его собственнымъ историографическимъ трудамъ. Слѣдовательно, начинать съ обсуждения своихъ предшественниковъ, а не съ результатовъ положительныхъ—пріемъ, быть можетъ, очень смѣлый, но не небывалый и имѣющій за себя довольно значительныя выгоды: указывая то, чего не слѣдуетъ дѣлать, какъ при изданіи источниковъ, такъ и при пользованіи ими, авторъ яснѣе и рельефнѣе можетъ показать—что именно слѣдуетъ дѣлать, и такимъ образомъ, варантѣ обозначить путь, которымъ намѣренъ слѣдовать, и объяснить читателю, чего отъ него въ правѣ

ожидать ¹⁾. Попытка г. Карпова вызвала полемику, выразившуюся главнымъ образомъ въ статьѣ Н. И. Костомарова въ *Бесѣдѣ* 1871 г., № 1, и въ отвѣтѣ П. О. Карпова, появившемся отдѣльною брошюрою въ томъ же 1871 г. подъ заглавіемъ: „П. Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи“, на которую Н. И. Костомаровъ отвѣчалъ въ газетѣ *Голосъ*. Такимъ образомъ обѣ стороны высказались, но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не слышно было третьяго безпристрастнаго голоса. Оттого намъ придется обратиться къ книгѣ нашего автора и посмотрѣть, чего онъ хотѣлъ достигнуть, и какъ онъ достигъ своей цѣли.

Цѣль своей книги авторъ выражаетъ (стр. 9) слѣдующими словами: „Предметъ нижеслѣдующаго изслѣдованія: 1-е, какъ до сихъ поръ историки Малороссіи пользовались Малороссійскими дѣлами и вообще архивными документами, — какое значеніе имъ придавали, и 2-е, составъ бумагъ Малороссійскихъ дѣлъ“. Эта двойственность цѣли только видимая, ибо какъ скоро доказано, что предшествоващіе историки пользовались не всѣмъ запасомъ матеріала и тѣмъ, который былъ у нихъ въ рукахъ, пользовались неудовлетворительно, является необходимость объяснить объемъ и характеръ самого запаса.

Авторъ начинать съ первой половины своей задачи и опредѣляетъ, какъ пользовались источниками Д. Н. Бантишъ Каменскій, Н. А. Маркевичъ и Н. И. Костомаровъ; между двумя послѣдними онъ ставитъ автора „Исторіи Руссовъ“, служившаго главнымъ источникомъ для Маркевича. При разборѣ „Исторіи Руссовъ“ онъ встрѣчаетъ себѣ важное пособіе въ трудахъ С. М. Соловьева („Очерки исторіи Малороссіи“ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1848 года. №№ 11 и 12 и 1849, № 2) и М. А. Максимовича (*Киевлянинъ* 1865 г., №№ 23—25 и *День* 1863 г., №№ 44, 46). Прибавимъ, что вообще труды С. М. Соловьева, въ особенности „Исторія Россіи“, служили какъ-бы маякомъ для г. Карпова, освѣщая ему путь. Его взглядъ на казаковъ,

¹⁾ Прибавлю, что говоря о начинающемъ писателѣ, я говорю о Г. О. Карповѣ только относительно даннаго вопроса, ибо предшествовавшее его сочиненіе, писанное имъ для полученія степени магистра: „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскими“, излагающее какъ военныя дѣйствія, такъ и мирныя сношенія между этими двумя государствами при Іоаннѣ III и отчасти Василіѣ Іоанновичѣ, — имѣло характеръ не полемическаго сочиненія, а историческаго разказа, основаннаго преимущественно на документахъ Московскихъ архивовъ. Авторъ—ученикъ С. М. Соловьева—придаетъ особое значеніе архивнымъ матеріаламъ, ставя ихъ выше всѣхъ другихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

какъ на воинское братство (дружину), стремившуюся подчинить себѣ все населеніе Малороссіи, имѣть источникомъ „Исторію Россіи“, ибо подобное же, если еще не болѣе рѣзкое, возрѣніе на казаконъ, выраженное въ 1842 году при разборѣ сочиненія Маркевича: „Исторія Малороссіи“ („Собраніе сочиненій О. И. Сенковского“, IX) осталось, кажется, неизвѣстнымъ г. Карпову. Слѣдимъ, однако, прибавить, что рѣзкостью своихъ выраженій и страстностью своей полемики нашъ авторъ придаетъ этому возрѣнію болѣе рельефности, чѣмъ оно имѣетъ у С. М. Соловьева, и тѣмъ перѣдко выводитъ его изъ сферы науки въ жгучую среду современной, не всегда научной полемики (см. напримѣръ, стр. 146: „Впрочемъ напечатаніе такого ресстра легко могло бы указать и на то, какими мѣрами господъ Кулишъ и Костомаровъ охраняють русское общество отъ вредныхъ для него познаній“ (Дѣло идетъ о ресстрѣ Малороссійскимъ дѣламъ, составленномъ Н. П. Вантышъ-Каменскимъ и объ изданіи „Актонъ Южной и Западной Россіи“). При изложеніи своихъ критическихъ замѣчаній, авторъ начинаетъ краткимъ введеніемъ, въ которомъ изъясняетъ свою задачу и указываетъ въ общихъ чертахъ на значеніе архивныхъ матеріаловъ, въ которыхъ съ достаточною основательностію видитъ главный источникъ для исторіи Малороссіи. Затѣмъ онъ переходитъ къ трудамъ историковъ и начинаетъ съ Д. П. Вантыша-Каменскаго, котораго „Исторію Малороссіи“ онъ считаетъ „и по сіе время единственною цѣльною исторіей Малороссіи“, при чемъ указываетъ на то, что главною основою для этого труда послужили работы отца его автора—Н. П. Вантыша-Каменскаго, которыя не были, къ сожалѣнію, протвѣрены самимъ авторомъ, что воопшѣ убѣдительно доказываетъ г. Карповъ примѣромъ изданій „Статей Богдана Хмельницкаго“, ибо имъ изданы (и въ „Источникахъ Малороссійской исторіи“, напечатанныхъ по бумагамъ Вантыша-Каменскаго въ *Чтеніяхъ въ обществѣ Исторіи* 1859, кн. 1, и въ „Исторіи Малой Россіи“) не окончательныя статьи, а проекты. Къ Маркевичу нашъ авторъ относится строже, и нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ правда на его сторонѣ. Ему удалось доказать, что главнымъ источникомъ для Маркевича служила „Исторія Руссовъ“, долго приписываемая Георгію Конискому, достовѣрность которой Маркевичъ доказывалъ доводами черезъ-чуръ оригинальными: „Предполагая, что лѣтопись Конискаго есть дѣйствительно лѣтопись Гетманская, что такое показаніе преосвященнаго Георгія справедливо, и что достойный уваженія ученый мужъ, примѣрный гражданинъ и архипастырь благочестивый не увѣралъ бы напрасно и не давалъ бы

своего архипастырскаго слова въ томъ, что изъ собственныхъ записокъ Богдана и Юрія Хмельницкихъ составлена его лѣтопись, и такъ, предполагая все это, мы необходимо должны вѣрить на счетъ чиселъ и происшествій болѣе гетману, нежели историкамъ, которые въ битвахъ тѣхъ не были". („Исторія Малороссіи" I, 230—231). Все это основано на свидѣтельствѣ предисловія къ „Исторіи Руссовъ" (*Чтенія въ общество Исторіи*, годъ I-й, № 1), которая издана по спискамъ, а подлинника, писаннаго Георгіемъ, никто не видѣлъ, и прямыхъ свидѣтельствъ Георгія о принадлежности ему этого сочиненія никто не указалъ. Подлинными официальными источниками Маркевичъ не пользовался,—это хорошо доказано г. Карповымъ, при чемъ, разбирая показанія Маркевича о бывшемъ у него въ рукахъ архивѣ гетмана графа Разумовскаго, заключающемъ въ себѣ и списки документовъ прежнихъ временъ, авторъ представилъ нѣсколько въ высшей степени полезныхъ замѣчаній о характерѣ и степени достовѣрности такихъ встрѣчающихся въ частныхъ архивахъ копій: не новость для историковъ, вообще такіа замѣчанія дѣло весьма не лишнее въ нашей молодой литературѣ. Разобрать Конискаго было нетрудно, но и ядѣсь авторъ представилъ любопытныя замѣчанія о тенденціозности его характера (на чтѣ уже были намеки въ *Вѣстникѣ Европы* при разборѣ „Исторіи южно-русской литературы") и объ отношеніяхъ его къ лѣтописамъ Самовидца, Велички, Грабенки, при чемъ сдѣлано первое указаніе на недостовѣрность такъ-называемаго дневника Зорки, писаря Богдана Хмельницкаго, дневника, будто бы послужившаго матеріаломъ для Велички. Болѣе полный и обстоятельный разборъ этого Зорки встрѣчаемъ въ другомъ сочиненіи нашего автора: „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго" (стр. 240—248). Указанія на вліяніе такъ-называемаго Конискаго на послѣдующихъ историковъ не пройдутъ, вѣроятно, безслѣдно для будущихъ историковъ Малороссіи, и конечно, подробное доказательство того, что свиданіе Хмельницкаго съ ханомъ, какъ оно описано въ „Исторіи Руссовъ", и какъ его передавали другіе историки, не бывало и въ такомъ видѣ не могло быть—важная заслуга на пользу будущимъ историкамъ. Можно было бы указать на то, что напрасно г. Карповъ, опровергая вѣрность свидѣній, сообщаемыхъ „Исторіей Руссовъ",—въ чемъ съ нимъ согласны въ настоящее время всѣ безъ исключенія, ибо приводимая имъ статейка *Филологическихъ Записокъ* едва ли кѣмъ-либо считается серьезнымъ произведеніемъ,—отказываетъ автору этого сочиненія въ художественныхъ достоинствахъ, признанныхъ за нимъ и Пушкинымъ, и М. А.

Максимовичемъ, котораго поэтический инстинктъ всемъ извѣстенъ. Впрочемъ это замѣчаніе постороннее. Глава, посвященная трудамъ П. И. Костомарова, поражаетъ даже лицъ, привыкшихъ къ пріемамъ современной полемики, непріятною рѣзкостью тона, которая никакъ не должна была бы имѣть мѣсто въ отношеніи ученаго столь извѣстнаго, каковъ г. Костомаровъ. Сверхъ того, авторъ кидаетъ тѣнь и на цѣлое учрежденіе—Археографическую Коммиссію, по крайней мѣрѣ въ извѣстный періодъ ея существованія. Все это заставляло относиться къ этой главѣ неблагосклонно, по откинувъ эти крайности, нельзя не сознаться, что въ основѣ своихъ обвиненій авторъ немного отступаетъ отъ истины, что дѣйствительно указанный имъ въ сочиненіи г. Костомарова недостатокъ: излишнее довѣріе къ красивымъ разказамъ, существовать, и что не смотря на оправданіе г. Костомарова (въ *Бесѣдѣ*), что имѣя въ виду исторію народную, онъ пропустилъ большинство дипломатическихъ сношеній, все-таки это остается важнымъ пропускомъ въ исторіи соединенія обѣихъ половинъ Руси. Наконецъ, значительная доля правды въ замѣчаніяхъ г. Карпова доказывается и тѣмъ, что опровергать его приходилось иногда посредствомъ разныхъ изворотовъ: напримѣръ, авторъ характеризуетъ дѣйствіи казаковъ стремленіемъ „добыть зинуну“—выраженіе употребляемое Донцами; ему отвѣчаютъ (г. Костомаровъ въ *Лѣтоисъ*) тѣмъ, что на Украинѣ зинунъ не носили. Какъ будто это выраженіе можно было принимать буквально. Нѣсколько иначе мы должны отнестись къ тому, какъ ставить г. Карповъ вопросъ объ изданіи источниковъ. Конечно, человѣку постороннему трудно судить, почему сдѣлано такъ или иначе, но надо было предварительно справиться,—и въ отвѣтъ г. Костомаровъ мы находимъ нѣсколько облегчающихъ обстоятельствъ. Впрочемъ опять это относится скорѣе къ тону возраженій, чѣмъ къ ихъ сущности. Г. Карповъ предлагаетъ свой планъ изданія источниковъ, который, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ серьезнаго вниманія знатоковъ дѣла: онъ совѣтуетъ издать прежде всего рескрипты архивные, гдѣ они существуютъ; затѣмъ при печатаніи актовъ собирать однородные, при чемъ предварительно издатель долженъ изучить весь тотъ періодъ времени, къ которому относятся издаваемые акты, и послѣ такого цѣлостнаго изученія—рѣшить, что печатать вполнѣ, что сокращать и т. п. При печатаніи онъ рекомендуетъ держаться порядка дѣла, то-есть, того порядка, въ которомъ бумаги поступали въ приказъ. Это послѣднее замѣчаніе можетъ вызвать споры: защитники хронологическаго порядка не безъ основанія укажутъ на то, что по-

слѣдовательность актовъ на мѣстѣ имѣеть значительную важность и много объясняетъ самія событія, что указавшія на связь актовъ, дѣлаемыя въ примѣчаніяхъ, могутъ избавить отъ необходимости держаться приказнаго расположенія; но съ другой стороны, можно сказать, что для этой цѣли при сборникахъ должны быть хронологическіе перечни, что наконецъ начатый подъ редакціей А. А. Кунника хронологическій перечень актовъ будетъ въ состояніи устранить этотъ недостатокъ. Не предрѣшая этого вопроса, указываемъ на самую постановку его, какъ на одну изъ заслугъ Г. Ѳ. Карпова. Последняя глава разбираемаго сочиненія, къ сожалѣнію самая краткая, наиболѣе важна. Ея содержаніе: внѣшній видъ Малороссійскихъ дѣлъ; столбцы: возникновенія и свертки документовъ въ столбецъ (колеса); старшія описи столбцамъ. Характеръ документовъ Малороссійскихъ дѣлъ: переговоры въ приказахъ съ послами войска Запорожскаго; статейные списки и отписки посланниковъ и воеводъ; „списки съ Бѣлорусскаго письма“; распросныя рѣчи; распоряженія правительства¹⁾. Здѣсь авторъ старается опредѣлять внѣшній и внутренній характеръ занимающихъ его документовъ. Не смотря на свою краткость, замѣтки автора—плодъ личныхъ наблюденій и изслѣдствій—могутъ служить важнымъ руководствомъ для тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ нашими архивами по занимающему его вопросу; но ужъ изъ выписаннаго нами оглавленія этой главы можно судить о томъ, что авторъ не позаботился придать своему изложенію ни полноты, ни систематичности, отчего—разумѣется—много теряетъ самое изложеніе. Нельзя не замѣтить вообще, что вся книга много страдаетъ отъ поспѣшности своего составленія: въ ней замѣтна какая-то случайность. Такъ, объ очень важныхъ вопросахъ (напримѣръ, дневникъ Зорки) авторъ говоритъ мимоходомъ. Если онъ на это отвѣтилъ бы, что главная цѣль — отношеніе историковъ къ великорусскимъ документамъ, то тогда напрасно было бы по Липцатъ Конискаго, а при Конискомъ нужно было осмотрѣть всю историографію, и не было бы нужды обращаться къ тѣмъ же самымъ вопросамъ въ другихъ отношеніяхъ (такъ, въ „Началѣ исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго“ поднять важный вопросъ о лѣтописи Самовидца и ея составѣ). Лучше было взять болѣе широко тему и осмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ,—тогда было бы настоящее ученое сочиненіе, а не рядъ замѣтокъ часто справедливыхъ, но не всегда хорошо между собою связанныхъ, изложен-

¹⁾ Оглавленіе выписано буквально.

ныхъ съ рѣзкими нападками на другихъ изслѣдователей и съ неясно выраженнымъ общимъ взглядомъ. Послѣдняго мы, впрочемъ, касаться не будемъ, такъ какъ главнымъ образомъ онъ, какъ уже замѣчено, принадлежитъ С. М. Соловьеву. Останимъ также безъ вниманія вѣщное изложеніе, которое даже въ наше время, привыкшее къ небрежности языка, невольно поражаетъ своею небрежностью. Вообще въ книгѣ много хорошаго, но она какъ-то не додѣлана.

К. Вестужевъ-Рюминъ.

Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое изслѣдованіе В. Кожевникова. Козловъ, 1874.

Ученое изслѣдованіе объ одномъ изъ періодовъ римской исторіи, изданное въ уѣздномъ городѣ Козловѣ (и при томъ изданное отнюдь не хуже, чѣмъ во многихъ изъ столичныхъ типографій), — уже это обстоятельство должно остановить вниманіе на книгѣ г. Кожевникова. Зная, какъ рѣдко сколько-нибудь серьезныя сочиненія появляются у насъ въ провинціальныхъ городахъ (за исключеніемъ, разумѣется, университетскихъ) читатель отнесется, быть можетъ, недоувѣрчиво и къ труду, заглавіе коего выписано выше, но ознакомившись съ содержаниемъ его, онъ тотчасъ же убѣдится въ своей ошибкѣ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ книгою весьма серьезною и умною, обнаруживающею въ авторѣ основательное знакомство съ предметомъ и написанною такъ, что она не можетъ не заинтересовать всякаго образованнаго человѣка. Послѣднее обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ нашихъ глазахъ: нападки на классицизмъ сдѣлались у насъ общимъ мѣстомъ, но нападки эти, не смотря на весь свой задоръ, не возбуждаютъ ничего, кромѣ чувства жалости, когда подумаешь, что бѣдная русская публика не имѣетъ даже приблизительнаго понятія о классической древности. Да и откуда могла бы она заимствовать его? Исторія классицизма въ Россіи не многосложна: едва началъ онъ приниматься на нашей почвѣ, какъ былъ нанесенъ ему сильный ударъ, поразившій его, можно сказать, въ самомъ зародышѣ; публика наша еще и не видала его плодовъ, а между тѣмъ смѣло объявляетъ, что эти плоды не пригодны для нея. Не то происходитъ въ любомъ изъ европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, гдѣ изученіе классической древности продолжалось непрерывно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, гдѣ оно привлекало къ себѣ лучшіе умы, породило громадную литературу, — литературу, предвѣстительную не только для

часть CLXXVI, отд. 2.

болѣе или менѣе обширнаго круга ученыхъ, но доступную также и всѣмъ слоямъ образованнаго общества. Въ Германіи, Англіи, Франціи безпрерывно появляются книги по классической древности, изложенныя въ такой формѣ, что ими живо интересуется масса публики; въ любой книжкѣ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ „обозрѣній“ можно встрѣтить статьи, которыя знакомятъ читателей съ результатами изслѣдованій объ исторіи, философіи и древностяхъ Греціи и Рима. Есть ли что-нибудь подобное у насъ? Мы не обладаемъ даже переводами самыхъ капитальныхъ иностранныхъ произведеній. „Римская исторія“ Момизена выходитъ теперь пятимъ изданіемъ, а у насъ, много лѣтъ тому назадъ, появилось въ переводѣ только начало этого превосходнаго произведенія, да этимъ началомъ все и кончилось; за Грота, Курціуса, Меривеля, Дюпкера, Преллера никто и не принимался; нѣтъ у насъ также достаточно образованныхъ публицистовъ, которые постановили бы себѣ задачею знакомить русское общество съ капитальнѣйшими трудами по древней исторіи и литературѣ. Вотъ почему замѣтили мы выше, что придаемъ большую цѣну такимъ, къ сожалѣнію, крайне рѣдкимъ у насъ книгамъ по классической древности, которыя помимо ученыхъ своихъ достоинствъ, могли бы быть прочитаны съ пользою и удовольствіемъ даже и не специалистомъ, а именно къ числу ихъ и принадлежитъ книга г. Кожевникова. Всякаго мыслящаго человѣка заставить она задуматься надъ существенно важными вопросами.

Занявшись изслѣдованіемъ умственнаго и нравственнаго состоянія римскаго общества во II вѣкѣ по Р. Х., авторъ говоритъ, что эпоха эта была до сихъ поръ сравнительно мало изучаема и указываетъ на два сочиненія ея: Герерониуса „Geschichte Hadrian's und seiner Zeit“ и Марта „Les moralistes sous l'empire romain“. Въ самое послѣднее время появилось однако весьма подробное изслѣдованіе, посвященное именно тому предмету, которымъ занимается нашъ авторъ, и не упомянутое имъ вѣроятно только потому, что оно еще не дошло до него, когда печаталась его книга: это — „La religion romaine d'Auguste aux Antonins“ Гастона Буассье. „Цѣль моего труда, говоритъ г. Кожевниковъ, — изобразить нравственное и умственное состояніе языческаго общества въ послѣдній моментъ его самостоятельнаго развитія, въ ту пору, которая граничитъ съ началомъ усиленнаго вліянія на него христіанства. Такъ какъ это послѣднее въ изучаемую мною эпоху было занято еще исключительно своими собственнымъ развитіемъ, то его специальная исторія не вошла въ область

моего изслѣдованія; за то я преимущественно старался обращать вниманіе на подготовку новыхъ идей въ сферѣ самого язычества; и разсматрѣлъ особенно подробно религіозно-правственныя теоріи II вѣка не столько вслѣдствіе самостоятельной ихъ важности, сколько потому, что онѣ составляютъ крайнюю точку сближенія стараго порядка съ новымъ". И Буассье преслѣдуетъ, хоти въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, ту же самую задачу, а именно, онъ характеризуетъ два періода въ развитіи римской религіи,—періодъ, относящійся къ концу республики и къ началу имперіи когда, подъ вліяніемъ восточныхъ культовъ и философскихъ ученій, возникаетъ разложеніе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Римлянъ, и затѣмъ послѣдующій періодъ, періодъ II вѣка, когда философскія школы ревностно стараются подкрѣпить эти разшатанные вѣрованія, приворотивъ ихъ къ новымъ понятіямъ и стремленіямъ общества. Оба эти періода тѣсно связаны между собою, одинъ вытекаетъ изъ другаго, и вотъ почему французскій ученый занялся одинаково подробнымъ изслѣдованіемъ каждаго изъ нихъ. Г. Кожевниковъ сосредоточилъ, напротивъ, вниманіе свое почти исключительно на второмъ изъ означенныхъ періодовъ и это тѣмъ болѣе жаль, что зависимость ихъ одинъ отъ другаго сознается имъ какъ нельзя лучше. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу:

«Достоиню замѣчанія, что консервативное направленіе въ римскомъ обществѣ возникаетъ въ ту пору, которая уже довольно близка ко времени внутреннего разложенія древняго міра и что оно все усиливается по мѣрѣ приближенія реформы. Параллельно съ этимъ замѣчается упадокъ скептическаго духа, упадокъ на столько опутительный, что въ концѣ II и въ началѣ III вѣка скептицизмъ уже почти совершенно исчезаетъ, такъ что если бы противоположное направленіе не замѣняло по неволѣ до известной степени благотвѣтельной роли сомнѣнія, то реформа осталась бы безъ всякой поддержки со стороны язычества. Дѣло въ томъ, что скептицизмъ, будучи спутникомъ преимущественно переходныхъ эпохъ, достигаетъ вообще своего наибольшаго развитія не во время самой реформы, а въ періодъ, ей предшествующій. Скептицизмъ, болѣе близкій по времени къ старому порядку, примѣе оправдываетъ свое назначеніе; онъ бываетъ тогда ожесточеннѣе, иногда несправедливѣе, но за то и понятнѣе. Зло, съ которымъ онъ борется, еще слишкомъ сильно для него, чтобы не воспринять борьбы; при томъ же въ это время онъ пылаетъ прелестью новизны, качество важное для популяризированія всякой отвлеченной идеи. Но по мѣрѣ того какъ новая идея одерживаетъ побѣду, рвеніе скептицизма должно естественно ослабѣвать, ибо протестъ противъ стараго порядка ставившійся уже менѣе нужнымъ, а о сомнѣніи въ новомъ порядкѣ такъ скоро не можетъ еще быть и рѣчи. Этимъ-то моментомъ обыкновенно пользуется отжившее противоположное направленіе для временнаго возобновленія только

что отвергнутого. Разумѣется, подобныя реставраціи ни къ чему не ведутъ, какъ скоро реформа дѣйствительно созрѣла, какъ скоро ея тенденція не только выработалась въ опредѣленную систему, но и стали достаточно уже популярны. Къ сожалѣнію, великіе перевороты слишкомъ обширны для того, чтобъ они могли совершиться быстро и одновременно: вотъ почему реставрація старинны столь часто слѣдуетъ за наиболее важными реформами.

Мы видимъ изъ приведеннаго нами отрывка, что авторъ, различая два періода въ развитіи языческихъ религіозныхъ вѣрованій съ конца республики до эпохи Антониновъ включительно, весьма вѣрно указываетъ и на тѣ причины, по которымъ строгій консерватизмъ въ этихъ вѣрованіяхъ замѣняетъ собою господство крайняго скептицизма. Тѣмъ не менѣе, повторимъ, первый, по времени, изъ этихъ періодовъ — періодъ скептический — изложенъ у него недостаточно обстоятельно, что не могло не повредить цѣльности представленнаго имъ очерка.

За то философскія ученія, какъ развивались они во II вѣкѣ (преимущественно стоицизмъ и платонизмъ), и подъ вліяніемъ коихъ совершался умственный и нравственный переворотъ въ римскомъ обществѣ, обозначены имъ весьма рельефно. Обширную главу посвящаетъ онъ также обзорѣнію научныхъ свѣдѣній, которыя были распространены тогда въ образованныхъ классахъ Рима, а глава эта, по полнотѣ и искусной группировкѣ фактовъ, принадлежитъ едва-ли не къ лучшимъ во всей книгѣ.

Характеръ движенія, совершавшагося въ предѣлахъ римской имперіи и картина коего начертана въ разбираемой нами книгѣ, нерѣдко подавалъ, какъ извѣстно, поводъ къ самымъ ложнымъ толкованіямъ. Если одни изъ изслѣдователей не придавали ровно никакой цѣны усиліямъ лучшихъ людей той эпохи распространить болѣе нравственныя и свѣтлыя понятія въ окружавшей ихъ средѣ, то другіе, какъ выражается Буассье, „имѣя въ виду только возвышенные принципы, часто провозглашаемые тогдашними философами, и относясь равнодушно къ вопросу, примѣнялись ли эти принципы на дѣлѣ, изображали изъ такого обаятельнаго свѣтѣ мудрость древнихъ мыслителей, что не было никакой нужды, если вѣрить имъ, въ переворотѣ, совершенномъ христіанствомъ, что въ сущности и переворота никакого не произошло, ибо христіанская религія явилась будто бы не болѣе какъ простымъ и естественнымъ выводомъ изъ античныхъ вѣрованій преобразованныхъ античными философами“. Чтобы разоблачить во всей паготѣ этотъ софізмъ, необходимо было бы сопоставить лицомъ

къ лицу философскія древнія ученія съ христіанствомъ, чего однако не сдѣлалъ нашъ авторъ и почему изслѣдованіе его какъ бы лишено заключительнаго слова. Только этимъ путемъ выяснилось бы, что умственное движеніе, овладѣвшее высшими сферами римскаго общества, могло лишь на время продлить его существованіе, но въ концѣ концовъ не въ состояніи было спасти его отъ гибели. „Стоицизмъ говоритъ г. Кожевниковъ, проповѣдуя идеи, во многихъ случаяхъ тождественныя съ христіанскою моралью, имѣлъ гораздо меньшій успѣхъ, чѣмъ она, и одною изъ главныхъ причинъ этого было безспорно то *пренебреженіе*, съ которымъ онъ относился къ чувству во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ; наоборотъ, христіанство было сильно именно тамъ, гдѣ былъ слабъ стоицизмъ: философскіи убѣжденія этого послѣдняго оно сумѣло высказать на столько проще и сдѣлать ихъ на столько популярнѣе, что изъ логическихъ выводовъ они превратились чуть ли не въ инстинктивные побужденія человѣческой натуры и оттого стали искреннѣе, теплѣе, естественнѣе чѣмъ прежде“. Но если массы оставались совершенно чужды къ ученіямъ языческихъ философовъ, то конечно не потому, что философы пренебрегали элементомъ чувства, а главнымъ образомъ по той причинѣ, что въ самыхъ этихъ ученіяхъ не было ничего такого, что говорило бы сердцу массъ, что могло бы пролить въ нихъ утѣшеніе отъ угнетавшихъ ихъ бѣдствій. Философскія системы I и II вѣка предназначены были не для нихъ, и онѣ не поняли бы этихъ системъ, тогда какъ „Посланіе къ Римлянамъ“ стало тотчасъ же доступно людямъ всѣхъ безразлично состояній. Не есть ли это доказательство, что не было ничего общаго между вѣчными истинами, истолкованными апостоламъ, и ученіемъ греческихъ философовъ и ихъ римскихъ подражателей?

Послѣднимъ словомъ всѣхъ этихъ ученій было не общее благо, не общее спасеніе, а лишь нравственное благополучіе отдѣльных личностей. Стоики, напримѣръ, проповѣдывали высокомерное презрѣніе къ міру, чѣмъ хуже былъ этотъ міръ, тѣмъ ревностнѣе долженъ былъ человѣкъ отдаляться отъ него, не заботясь нисколько объ его улучшеніи и имѣя въ виду только собственное превосходство надъ окружающею его средою. Индиферентизмъ, отчужденіе отъ дѣйствительности,—вотъ что лежало въ основѣ стоицизма; отсюда происходили такія вопіющія явленія, что Сенека, одинъ изъ представителей этой школы, позволялъ себѣ крайне предосудительныя дѣйствія въ качествѣ приближеннаго лица къ Нерону. „Довѣй самому себѣ“ —

такое было правило всѣхъ стоиковъ. Эпикурейцы проповѣдывали наслажденіе жизнью, соединяя это съ понятіемъ о добродѣтели, ибо безъ добродѣтели нѣтъ наслажденія, человекъ не добродѣтельный не можетъ наслаждаться. И въ основѣ этого ученія видимъ тотъ же эгоизмъ: для эпикурейца міръ представлялъ интереса лишь на столько, на сколько онъ могъ черпать изъ этого міра матеріалъ для высшихъ, нравственныхъ удовольствій, а затѣмъ онъ презиралъ его не менѣе, чѣмъ стоики. То же самое направленіе господствуетъ и въ другихъ системахъ. Всѣ онѣ отмѣчены глубокою меланхоліею: люди ищутъ счастья, успокоенія, внутренняго примиренія — и не находятъ его; они презираютъ міръ, хотятъ возвыситься надъ нимъ, а между тѣмъ онъ ихъ себѣ подчиняетъ, они побѣждены имъ. Неудивительно, что долгое время самоубійство было *ultima ratio* для тогдашнихъ философовъ: истинный мудрецъ, говорили они, никогда не будетъ побѣжденъ, ибо онъ можетъ умертвить себя, но что же это за побѣда, которая заключалась въ самоуничтоженіи! Этимъ самымъ философскія ученія обнаруживали свою несостоятельность, ибо конечно самоубійство—не добродѣтель, о которой проповѣдывали одни изъ нихъ, и еще менѣе—наслажденіе, къ которому стремились другіе.

Н. И.

МУСУЛЬМАНСКІЯ УЧИЛИЩА ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

I.

Жизнь мусульманина, какъ извѣстно, построена на началахъ религіи, созданной Кораномъ, и самыя мелочныя явленія ея подводятся подъ правила, предписываемыя шаріатомъ ¹⁾; поэтому изученіе Корана составляя первую заботу каждаго правовѣрнаго, считается сущю всего образованія. Слѣдствіемъ такого положенія все образованіе исключительно находится въ рукахъ муллъ ²⁾, состоящихъ должностными лицами при мечетяхъ: отсюда школы (мектабъ) и семинаріи (медресэ) тѣсно связаны съ мечетью. Въ такомъ же положеніи находятся и мусульманскія школы въ Туркестанскомъ краѣ. Вѣльшая часть изъ нихъ имѣютъ вакфы ³⁾, на счетъ которыхъ онѣ содержатся вмѣстѣ съ мечетью, иногда же на счетъ вакфа содержится только школа съ учителемъ. Въ городахъ Туркестанскаго края (я говорю только о тѣхъ, которыя посѣщены мной) почти каждый гузаръ ⁴⁾, приходъ—или какъ въ другихъ городахъ называютъ *мазале*,—имѣетъ свою школу. Преподавателями (мекшебдаръ) въ нихъ бывають

¹⁾ Толкованіе Корана и преданій, оставшихся отъ Мухамеда.

²⁾ Мулла, грамотный, ученый мулла. Въ изіитскихъ государствахъ нельзя признать духовенства въ томъ корпоративномъ значеніи, какъ принято. По мусульманскому ученію, всякій ученый можетъ быть духовнымъ лицомъ.

³⁾ Вакфомъ называется все то, что завѣщано какому-нибудь учрежденію или лицу. Почти каждый вакфъ обуславливается документомъ на завѣщанное имущество. По существу дарственной записи завѣщанное имущество не перепродается и не отнимается. Учрежденіе или лицо, получившее вакфъ, имѣетъ право только на доходъ съ имущества и вообще право пользованія имъ. Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ распространяться объ этомъ предметѣ.

⁴⁾ Гузаръ—часть города, приходъ, отъ Таджикскаго глагола гузагитенъ.

нимъ¹⁾ или муэззинъ²⁾ мечети и, весьма рѣдко, постороннее лицо. Надо замѣтить, что народное образованіе во всемъ мусульманскомъ мірѣ содержится болѣе частною благотворительностью, чѣмъ на счетъ государства. Всѣ высшія училища содержатся на доходы съ завѣщанныхъ имъ имуществъ эмирами, визирями и богатыми людьми; а низшія или же на счетъ вакфа, или на счетъ общества прихожанъ. Учитель школы, какъ замѣчено выше, если онъ не изъ лицъ, служащихъ при мечети, что бываетъ весьма рѣдко, избирается преимущественно изъ жителей того квартала, въ которомъ находится школа; рѣдко бываетъ это лицо постороннее, изъ другой части города. Въ обоихъ случаяхъ содержаніе ему платятъ жители квартала по 1—2 теньги съ дома. Если же учитель приглашенъ изъ отдаленнаго квартала, то, кромѣ того, ему отводится, вмѣстѣ съ семействомъ, особое помѣщеніе вблизи школы. Для полученія мѣста школьнаго учителя не требуется никакихъ особенныхъ правъ. Кварталь, нуждающійся въ учителяхъ, поручаетъ кому-либо изъ уважаемыхъ лицъ своего околада, пріискать такового; отъ послѣдняго требуется только, чтобы онъ самъ окончилъ курсъ ученія въ школѣ. Кромѣ содержанія изъ вакфа, или отъ общества и съ приходящихъ учениковъ а иногда, какъ сказано выше, готоваго помѣщенія,—учитель ничего не получаетъ. Всѣ учащіеся въ школѣ—приходящіе. Внутренность школы, какъ и вся домашняя обстановка правоваго, чрезвычайно незатѣйлива и проста. Школу составляетъ одна комната съ нѣсколькими дверьми, замѣняющими окна; лѣтомъ всѣ двери стоятъ настежь цѣлые дни, а зимою, кромѣ входныхъ дверей, всѣ остальные заставляются рѣшетчатыми рамами, обклеенными бумагою. Иногда надъ дверьми бывають небольшія окна. Въ стѣнахъ обыкновенно устроены пещи для калошъ, платья и т. п. вещей. Для освѣщенія комнаты въ потолокъ находится небольшое квадратное отверстіе, называемое *табланъ*, открытое лѣтомъ, а зимою закрытое фонаремъ, состоящимъ изъ деревянныхъ брусковъ, обклеенныхъ бумагою. Видъ фонаря походитъ на переплетъ полураскрытой книги корешкомъ къверху. Подобное устройство имѣютъ помѣщенія всѣхъ школъ при мечетяхъ. Тѣ же школы, для которыхъ нѣтъ особаго помѣщенія при мечети, устраиваются въ *милланъ-ханъ*—въ приспичной комнатѣ учителя.

На полу параллельно стѣнамъ, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ

¹⁾ Имамъ—совершающій богослуженіе въ мечетяхъ.

²⁾ Муэззинъ—причетникъ мечети, возвѣщающій народу время молитвы.

нихъ, положена связка изъ бревенъ вершковъ 5 толщиною, соединенныхъ между собой въ углахъ срубомъ. Связка эта замѣняетъ ученикамъ, сидящимъ на полу съ поджатыми ногами, столы и представляетъ собою парты особаго устройства. Ученики сидятъ внѣ этого сруба, лицомъ во внутрь комнаты, а учитель—среди ихъ за бревнами, образующими парты. Полъ комнаты устланъ плетенками изъ камыша или же просто соломой. Кромѣ кпичъ, близъ учителя лежитъ длинный пруть, часто употребляемый въ дѣло для возбужденія вниманія въ развлекшихся ученикахъ. Задавая урокъ одному изъ нихъ, учитель въ то же время слѣдитъ изъ подлобы за остальными и всегда неожиданно съ своего мѣста достаетъ прутомъ шалуна.

Посмотримъ теперь какъ, при этой незатѣйливой обстановкѣ, развивается мусульманская мудрость.

По существующему обычаю, отецъ, условившись предварительно съ учителемъ относительно платы, которая бываетъ, смотря по состоянію, отъ $\frac{1}{2}$ до 2 тенги ¹⁾ въ мѣсяцъ, приводитъ своего 6—8 лѣтняго сына въ школу и вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ „дастирханъ“, т. е. угощеніе, состоящее изъ лепешекъ и изюма. Передавая сына, вмѣстѣ съ принесенными гостинцами, учителю,—отецъ поручаетъ перваго его мудрости. Учитель, принявши изюмъ и лепешки, которыхъ бываетъ числомъ девять или кратное отъ числа девяти ²⁾, угощаетъ ими будущихъ товарищей новобранца, потомъ, посадивъ его возлѣ себя, даетъ ему первый урокъ, заставляя повторять слѣдующіе стихи:

„Боже милосердый, просвѣти сердце раба твоего“.

„Рабъ этотъ мусульманинъ, жаждущій читать Коранъ“.

„Онъ ищетъ твоего покровительства, ибо много согрѣшилъ“.

Изученіе этихъ стиховъ на память продолжается нѣсколько дней. Новопоступившій ученикъ, если онъ сынъ богатаго человѣка, почти всегда сидитъ близъ учителя, на видномъ мѣстѣ; въ противномъ слу-

¹⁾ Тенги—коконъ—туземная монета 20 коп.

²⁾ Полагаю, не безинтересно будетъ замѣтить, что мусульмане Туркестанскаго края за счастливыя цѣфры считаютъ 2, 7, 9, 11 и 40. Число *два* чествуется въ память Хозрета, пророка Хызра (Эноха) и Ильаса (Иліи), завѣщавшихъ для хорошаго исхода всякаго начинанія дѣлать дѣло два раза; *семь*—въ честь Богауддина (Нахшибенди), завѣщавшаго, чтобы всякая милость, во имя Бога, творилась 7 разъ; *девять*—въ честь девяти жевъ Мухамеда, *одинадцать*—въ честь Хозрета-Гаусуди-Азима, имѣющаго 11-ть прозвищъ, а *сорокъ*—въ честь 40 святыхъ, бывшихъ до Магомета. Туземцы не знаютъ собственныхъ именъ этихъ святыхъ.

чаѣ, черезъ нѣсколько дней или недѣлю, ученика сажаютъ куда придется. Вообще дѣти богачей пользуются въ школахъ большимъ вниманіемъ учителя.

Просвѣтивъ, такъ сказать, ученика вышеприведенными стихами, учитель пишетъ на доскѣ арабскую азбуку, состоящую изъ двадцати восьми буквъ. Объяснивъ ученику произношеніе каждой буквы, учитель передаетъ ему доску и поручаетъ кому-либо изъ сосѣдей помогать ему. Въ нѣкоторыхъ школахъ учитель, задавъ первый урокъ новопоступившему ученику, поручаетъ его своему халифе.

Халифе—это помощникъ учителя. Такъ какъ учитель не всегда можетъ проводить цѣлыя дни въ школѣ, то у каждого изъ нихъ есть одинъ или два халифе. Это—старшіе ученики по времени поступленія въ школу. Въ большинствѣ случаевъ они выбираются изъ учениковъ, кончившихъ уже курсъ, но оставшихся въ школѣ для усовершенствованія въ каллиграфіи. Въ отсутствіе учителя, халифе занимаются съ учениками, выслушиваютъ приготовленные ими уроки, задаютъ повые и вообще слѣдятъ, чтобы дѣти были запяты. Въ присутствіи учителя они, какъ я замѣтилъ, помогаютъ менѣе способнымъ ученикамъ готовить уроки. Халифе не получаютъ никакого вознагражденія за оказываемую помощь учителю. Когда, по существующему порядку, ученикъ самъ заявить, что онъ знаетъ урокъ, учитель задаетъ ему новый. Срока для этого заявленія не опредѣляется. Выучивъ твердо азбуку, ученикъ переходитъ къ абджаду. Абджадъ—упражненіе для памяти, состоящее въ томъ, что согласныя буквы соединены въ слова, имѣющія не лексическое значеніе, а числовое. Въ этомъ заучиваніи на память сочетанія буквъ и заключаются всѣ ариметическія познанія, выносимыя учениками изъ первоначальной школы.

Зубреніе кабалистическихъ словъ абджада занимаетъ 1—2 недѣли. Вообще, опредѣлить въ какой періодъ усваиваетъ ученикъ книгу, равно и продолжительность самаго ученія, трудно. Пройдя абджадъ, ученикъ переходитъ къ изученію Корана. При этомъ онъ освобождается на одинъ день отъ ученія, а признательные родители, за сдѣланные сыномъ успѣхи, присылаютъ учителю одну или двѣ теньги въ подарокъ.

Изученіе Корана начинается съ 1-й главы его Алхаша. За нею слѣдуютъ, въ опредѣленномъ порядкѣ, другія главы Корана, послѣдовательность которыхъ объяснена ниже въ примѣчаніи. По изученіи каждой серіи главъ, ученикъ пользуется увольненіемъ отъ ученія на

одинъ день, а учитель получаетъ отъ родителей 1—2 теньги, или блюдо кушанья.

Послѣ изученія учениками главы, заключающей собою третью серію, совершается особое празднованіе успѣхонъ ученика, которое происходитъ, по установившимся обычаямъ, слѣдующимъ образомъ: учитель вставляетъ между связанныхъ кистей рукъ ученика, отверстіемъ къ верху, пустой пепалъ или ящикъ отъ чернильницы. Затѣмъ ученикъ, въ сопровожденіи старшаго изъ учениковъ въ школѣ и другихъ товарищей, отправляется сперва къ родителямъ, отъ нихъ со всею свитой обходитъ всѣхъ родныхъ. Каждый изъ нихъ обязанъ положить въ футляръ нѣсколько монетъ, которыя идутъ въ пользу учителя. Во все время этой прогулки, какъ къ родителямъ, такъ и къ родственникамъ, старшій изъ учениковъ халифе, поетъ сложный для этого случая гимнъ. Содержаніе его почти одинаково во всѣхъ школахъ. Авторомъ его считается шейхъ Атаръ-Вали. Въ гимнѣ воспѣваются способности ученика, мудрость учителя и пожеланіе отъ Бога благодати ученику на поприщѣ предпринятаго имъ изученія мусульманской мудрости. Послѣ каждого двустишія, которыя поетъ, а иногда говоритъ речитативомъ халифе, сопровождающіе ученика его школьные товарищи припѣваютъ „бали, бали“ — точно такъ, точно такъ.

Если процессія не успѣетъ обойти въ одинъ день всѣхъ родныхъ, шествіе продолжается и на другой день; но при этомъ ежедневно вечеромъ ученикъ отправляется къ учителю, чтобы выспать ему все собранное въ футлярѣ. При каждомъ посѣщеніи товарищи ученика угощаются родными и родственниками изюмомъ и лепешками.

Хотя все пройденное до сихъ поръ ученикъ училъ по книгѣ, но при этомъ онъ не зналъ всѣхъ буквъ прифта и изученіе шло механически, на память. Поэтому ученикъ начинаетъ повторить сначала всѣ пройденныя имъ 27 главъ Корана. При повтореніи выученнаго прежде на память, онъ складываетъ каждое слово по книгѣ.

Окончательно усвоивъ пройденное, ученикъ переходитъ къ чтенію остальныхъ пятидесяти осьми главъ той части Корана, которая называется Хавту-Экъ и включаетъ въ себѣ 69 главъ, въ числѣ которыхъ находятся и первыя пройденныя ученикомъ 21 главы. Читая Хавту-Экъ, ученикъ пропускаетъ читанныя и повторенныя уже имъ. Окончивъ Хавту-Экъ, онъ принимается за Калиму-шерифъ (священное слово) Корана.

Передъ тѣмъ какъ одинъ изъ учениковъ долженъ приступить къ изученію Калям-шерифъ, учитель приглашаетъ товарищей новаго богослова сдѣлать складчину на угощеніе преуспѣвающаго въ изученіи Корана ученика. На собранныя такимъ образомъ деньги, учитель покупаетъ нѣсколько лепешекъ, халвы, изюму и другихъ лакомствъ и отправляется вмѣстѣ со всѣми учениками въ домъ родителей виновника торжества. Предупрежденный объ этомъ посѣщеніи школьныхъ товарищей сына и учителя, отецъ устраиваетъ у себя праздникъ, на который приглашаетъ сосѣдей и родственниковъ, а также и товарищей сына. Во время достархана (угощенія) отецъ подноситъ въ подарокъ учителю халать и чалму. На женской половинѣ также празднуется это торжественное событіе. У матери ученика собираются онъ знакомыя и родственницы. Послѣ угощенія, состоящаго изъ нѣсколькихъ кушаній и неизбежнаго *пилау*, учитель, въ присутствіи гостей, заставляетъ ученика прочесть первую главу изъ Корана, покупаемаго для этого случая отцомъ ученика. По окончаніи чтенія, гости, совершивъ молитву, расходятся.

Вызубривъ безсознательно весь Коранъ, ученикъ принимается за *Чахаръ-Китабъ*, сборникъ правилъ нѣри, написанный по-персидски. До сихъ поръ вся школьная мудрость заключалась въ безсознательномъ усвоеніи арабской грамоты; съ книгой *Чахаръ-Китабъ*, ученикъ изъ таджиковъ переходитъ къ болѣе или менѣе толковому чтенію и пониманію того, что онъ учитъ, хотя для мальчишки всякой другой національности, не говорящаго по-таджикски ¹⁾, зубреніе измѣняется только въ отношеніи звуковъ, но не пониманія читаемаго и учимаго.

Казалось бы, что ученику, усвоившему себѣ пока только буквы арабской азбуки, съ переходомъ къ чтенію на персидскомъ языкѣ, въ которомъ болѣе звуковыхъ знаковъ (31, буква вмѣсто 28 арабскихъ), должны представляться особенныя затрудненія при чтеніи письменности, въ которую входятъ незнакомыя ему буквы; но этого, какъ мыѣ приходилось видѣть, не случается. Ученикъ, безъ всякихъ разъясненій со стороны учителя, прямо начинаетъ читать по-персидски, и о существованіи лишнихъ буквъ въ персидскомъ языкѣ противъ арабскаго, онъ узнаетъ только при урокахъ каллиграфіи.

Окончивъ *Чахаръ-Китабъ* я представивъ учителю подарокъ отъ родителей въ 1--2 теньги, ученикъ принимается за книгу *Мантыкъ*,

¹⁾ Нарѣчіе персидскаго языка.

сочиненіе шейхъ Атаръ-Вали, написанное по-таджикски. Послѣ нея ученикъ переходитъ къ сочиненіямъ хаджи Хафиза, одного изъ любимыхъ поэтовъ востока. Стихотворенія его написаны на персидскомъ языкѣ и пользуются огромною извѣстностію. Выучивъ Хафиза, ученикъ приноситъ учителю, неизбѣжный послѣ окончанія изученія каждой книги, достарханъ и двѣ теньги, и на другой день принимается за книгу Мирза-Видиль, написанную по-таджикски. По изученіи ея, послѣ обычнаго достархана, онъ переходитъ къ послѣдней, завершающей школьную мудрость, книгѣ — стихотвореніямъ эмира Навай, писаннымъ на турецкомъ языкѣ. Впрочемъ, болѣе ретивые ученики, послѣ книги Навай, изучаютъ еще стихотворенія Фузули, написанныя на узбекскомъ языкѣ.

Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ школахъ за книгой Чахаръ-Китабъ дальнѣйшее изученіе не всегда идетъ въ вышеприведенномъ порядкѣ одного сочиненія за другимъ и не всегда проходятся всѣ указанныя учебники; въ школахъ, исключительно наполненныхъ таджиками, послѣ Корана проходятъ только персидскія книги; тамъ же, гдѣ преобладаетъ узбекское населеніе, послѣ Чахаръ-Китабъ за таджикскими книгами изучаютъ и узбекскія.

Выборъ книгъ зависитъ отъ взгляда учителя, но всѣ они держатся одного общаго правила: не прежде давать ученику новую книгу, какъ окончивъ раньше начатую. Можно безошибочно сказать, что нѣтъ школы, гдѣ бы ученикъ въ одно время проходилъ параллельно двѣ, три книги.

Закончивъ все школьное обученіе книгой Навай или Фузули, ученикъ, если пожелаетъ, продолжатъ посѣщать школу съ цѣлью выучиться каллиграфіи, и только одолѣвъ эту послѣднюю, онъ идетъ въ медресу.

Желающіе учиться каллиграфіи обыкновенно приготавливаютъ себѣ къ обязанностямъ мирзъ; тѣ же, которые идутъ въ медресу для усовершенствованія себѣ въ богословскихъ и юридическихъ наукахъ, изучаютъ каллиграфію не въ первоначальной школѣ, а въ медресѣ, у профессоровъ. Выучившись каллиграфіи, ученикъ изучаетъ цифры и узнаетъ абджадъ, которому онъ безсознательно учился лѣтъ 5 — 8 назадъ.

Экзаменовъ не существуетъ въ видѣнныхъ мною туземныхъ школахъ. Въ нихъ нельзя встрѣтить правильной группировки учениковъ по изучаемымъ книгамъ. Самая неподдѣльная простота существуетъ во

всехъ. Рядомъ съ ученикомъ, зубрящимъ громогласно, на всю улицу, азбуку, почти всегда встрѣтите мальчика, безсознательно скандирующаго стихи хаджи Хифиза, или не менѣе громко читающаго Коранъ. Въ видѣнныхъ мною городахъ присутствіе школы въ кварталѣ даетъ себя знать за нѣсколько десятковъ саженей.

Всѣ классныя принадлежности и руководства обыкновенно приобрѣтаются родителями учениковъ. Для этого, за нѣсколько дней до окончанія изучаемой книги, учитель, лично или черезъ ученика, даетъ знать отцу послѣдняго, чтобы была куплена такая-то книга.

Въ средне-азиатской педагогикѣ не принято давать ученику уроковъ на домъ. По существующему обычаю, ученики проводятъ въ школѣ цѣлый день. Они собираются въ школу около 8-ми часовъ утра и остаются въ ней до заката солнца, отлучаясь только въ полдень домой на одинъ часъ, чтобы пообѣдать. Ученье въ школахъ обыкновенно идетъ круглый годъ, исключая еженедѣльно пятницъ и праздниковъ Рамазана, Курбанъ-Байрама и новаго года. По случаю прекращенія занятій въ эти дни, учитель не остается безъ подарковъ. Наканунѣ пятницы, въ четвергъ, ученики приносятъ учителю по одной лодбной лепешкѣ. Занятія въ этотъ день продолжаются только до полдня. Въ 12 часовъ, передъ роспускомъ учениковъ, учитель осматриваетъ у нихъ ногти, и тѣхъ, у которыхъ они окажутся нечистыми, бьетъ переплетомъ книги или доской, на которой пишется азбука. Послѣ осмотра ногтей всѣ ученики становятся въ рядъ, лицомъ къ Каабѣ, и учитель учитъ ихъ правиламъ намаза (молитвы). За этимъ онъ дѣлаетъ наставленіе ученикамъ: какъ вести себя въ отношеніи старшихъ, не пропускать время молитвы, почтительно отвѣчать на вопросы родителей и не откланиваться, когда ихъ зовутъ звуками „ха“ и т. п., наконецъ, не играть на улицахъ въ горѣлки и др. игры. За неисполненіе этихъ совѣтовъ виновные наказываются фалахомъ¹⁾.

Передъ годовыми праздниками учитель заставляеть учениковъ выучить слѣдующія четверостишія, которыми дѣти должны поздравить родителей съ праздникомъ.

По случаю Рамазана.

Мѣсяцъ Рамазанъ уноситъ горе всѣхъ. Онъ даетъ всѣмъ вкусить шербетъ, очищающій грѣхъ.

¹⁾ Фалахъ—палка, употребляемая при наказаніяхъ по пяткамъ.

Этотъ священный мѣсяцъ приходитъ въ годъ разъ.
Да сохранить васъ всѣхъ Богъ до другаго года!

По случаю Курбанъ-Байрама.

Праздникъ Курбанъ насталъ, приносите жертвы.
Посвящайте свои души Господу, Богу милосердному.
Пилигримы теперь обходятъ Каабу, а вы, православные, дѣлайте
здѣсь доброе дѣло.

На новый годъ.

Во время новаго года народъ гуляетъ въ полѣ.
Соловьи и цвѣтники любятъ розы.
Отецъ, дай праздничныя (деньги), возрадуй моего учителя, и тѣмъ
приготовь для себя жилище въ рай до послѣдняго дня.
Каждый изъ родителей, повѣщенный приведенными стихами о
паступающемъ праздникѣ, считаетъ своею обязанностью послать учи-
телю нѣсколько монетъ или же какой-либо другой подарокъ. Приве-
денные стихи не одинаковы во всѣхъ существующихъ школахъ и вы-
бираются учителемъ изъ разныхъ сочиненій, или складываются имъ
самимъ на каждый новый случай.

Для обученія каллиграфіи существуетъ нѣсколько почерковъ: Ки-
таби ¹⁾, Корани ²⁾, Куфа и Райтани ³⁾; въ школахъ же употребляется
преимущественно Китаби и Коранъ.

По поводу каллиграфіи замѣчу кстати объ этикетѣ, соблюдаемомъ
мирянами въ частной перепискѣ. Принято обрѣзывать полукругомъ пра-
вый уголъ бумаги, на которой пишется письмо, что должно выра-
жать желаніе, чтобы письмо быстрее дошло по назначенію. Въ осно-
ваніи этого обычая лежитъ слѣдующая легенда: письма Хозрета
Сухеймана ⁴⁾ разносила птица Нудъ-Нудъ (потатуйка), держа ихъ въ
клювѣ за правый уголъ. Въ настоящее время обрѣзываніе праваго
угла письма, напоминая быстроту, съ которой птица разносила письма,
выражаетъ желаніе такого же быстрога доставленія отпрямленнаго
письма.

Дисциплинарными мѣрами, кромѣ совѣтовъ, щедро расточаемыхъ

¹⁾ Книжный, — извѣстно, что на востокѣ не существуетъ почитанія: всѣ книги
рукописныя, вслѣдствіе этого и сложились особый почеркъ.

²⁾ Коранный.

³⁾ По мѣсту составленію писемъ.

⁴⁾ Соломона.

учителемъ по четвергамъ, ему служить, какъ было выше замѣчено, длинный пруть, всегда лежащій около него, переплетенная книга и линейка для высканій за грязныя ноги и, наконецъ, высшая мѣра наказанія это—фалахъ, состоящій изъ палки, длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина съ веревочною петлей по срединѣ. Положивъ провинившагося ученика, на ноги ему надѣваютъ петлю и поднимаютъ ноги, держа за концы палки, для того, чтобы удобнѣе было дѣйствовать другою палкой по пяткамъ наказуемаго. Наказаніе этого рода примѣняется болѣею частью за побѣгъ отъ школьныхъ занятій. О неявиющихся нѣсколько дней въ школу ученикахъ наводится справка у родителей и, если окажется, что отсутствующій ученикъ уходитъ изъ дому, но не бываетъ въ школѣ, то для отысканія его командировются нѣсколько его школьныхъ товарищей. Право отколотить его палками по пяткамъ, принадлежитъ разыскавшимъ его товарищамъ, какъ вознагражденіе за поискъ.

Нельзя точно опредѣлить время прохожденія ученикомъ курса по наложенной выше программѣ. На это употребляется среднимъ числомъ отъ 6 — 8 лѣтъ. Многое въ этомъ случаѣ зависитъ отъ обстоятельствъ. Не рѣдко мальчикъ, прошедшій Коранъ, беретъ родителей изъ школы для торговыхъ или домашнихъ занятій. Равнымъ образомъ трудно опредѣлить и среднее число учениковъ въ школахъ. Цифра приходящихъ учениковъ сильно колеблется. Мои наблюденія со справками прошедшаго времени показываютъ, что въ послѣднее время, съ занятіемъ края Русскими, число посѣщающихъ школы учениковъ значительно уменьшилось; такъ, въ Самаркандѣ. бывъ среднее число учениковъ въ каждой изъ школъ колеблется между 20 — 30, хотя и есть школы, въ которыхъ, по показаніямъ учителей, число это доходитъ до 60-ти. Впрочемъ, школы съ такимъ числомъ учениковъ, весьма немногія: къ нимъ можно отнести только тѣ, которыя посѣщаются дѣтьми нѣсколькихъ сосѣднихъ кварталовъ (гузаровъ), не имѣющихъ своихъ школъ по недостатку преподавателя или помѣщенія.

По показаніямъ туземцевъ Самарканда, самое значительное число учащихся было во время Эмира-Насруллы, когда было строго вѣдѣно въ обязанность рансовъ (полицейскихъ чиновниковъ) слѣдить за тѣмъ, чтобы родители посылали своихъ дѣтей въ школы. При этомъ тѣ родители, дѣти которыхъ отъ пяти до семилѣтняго возраста не посѣщали школу, подвергались денежному штрафу, независимо отъ котораго, дѣтей ихъ отводили въ школу рансы. Съ вступленіемъ

на престолъ Эмира-Музафера, на народное образованіе мало обращалось вниманіе, и школы начали пустѣть.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя, я полагаю, можно приять за среднее число учащихся въ школахъ посѣщенныхъ мною городовъ 20—25 мальчиковъ на каждый гузаръ, безъ различія, есть ли въ немъ школа или нѣтъ, такъ какъ выше было замѣчено, что не рѣдко дѣти двухъ—трехъ магалъ посѣщаютъ одну школу, находящуюся въ центрѣ сосѣднихъ кварталовъ. Такимъ образомъ число учащихся въ Ходжентѣ, гдѣ 20 находится магалъ, будетъ 400 мальчиковъ.

Въ Ура Тюбе, 41 магалъ, 840 мальчиковъ.

Въ Джизикѣ, 7 магалъ, 7 школъ, 140 мальчиковъ.

Въ Зааминѣ, 2 школы, 100 учащихся.

Въ Самаркандѣ, 80 школъ, 1.000 учащихся.

Въ Ташкентѣ, 144 магалъ, 118 школъ, 2.036 мальчиковъ.

Въ началѣ я уже сказалъ, что въ городахъ Туркестанскаго края школа почти постоянно находится при мечети. То же встрѣчается и въ кышлакахъ (деревняхъ), но съ тою разницею, что здѣсь хотя и бываетъ нѣсколько мечетей, но школа учреждается только при одной или двухъ.

Преподаваніе въ школахъ въ кышлакахъ заканчивается Кораномъ. Родители, желающіе дать своимъ дѣтямъ большее образованіе, отвозятъ ихъ въ городъ къ мектебдару, у котораго и живетъ ученикъ до окончанія школьнаго обученія.

Въ заключеніе замѣчу нѣсколько словъ о грамотности между женщинами. Хотя грамотность между мусульманками въ среднеазиатскихъ городахъ сравнительно весьма мало распространена, тѣмъ не менѣе почти въ каждомъ городѣ находится одна или двѣ наставницы (биби-халифе), которыя специально занимаются обученіемъ грамотѣ дѣвушекъ.

Биби-халифе большею частію бываютъ жены школьныхъ учителей и имамовъ мечетей. Преподаваемый ими курсъ мусульманской мудрости не идетъ далѣе стихотвореній Хафиза.

Способы преподаванія и руководства у биби-халифе тѣ же, что и у школьныхъ учителей. Изученіе книгъ у нихъ идетъ тѣмъ же путемъ, одна за другою. Слѣдующія цифры обучающихся дѣвушекъ и биби-халифе, въ посѣщенныхъ мною городахъ, могутъ служить указателемъ грамотности между женщинами:

9	Биби-халифе въ Ходжентѣ.
7	„ Ура-Тюбе.
1	„ Зааминѣ.
5	„ Джизакѣ.
15	„ Самаркандѣ.
25	„ Ташкентѣ.

Учащіяся дѣвушки бываютъ большею частію дѣти богатныхъ людей. Для ученія онѣ собираются на домъ къ биби-халифе. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ наставницы принимаются въ домъ для обученія дѣвушекъ. То же самое можно замѣтить и о мектебдарахъ. Если биби-халифе или мектебдаръ приглашаются преподавать на дому, то въ этомъ случаѣ родители учащихся отводятъ имъ у себя отдѣльное помѣщеніе.

1871 года апрѣля 15-го.

Ташкентъ.

И. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАМѢТКА О ГИМНАСТИКѢ ДЛЯ ДѢВЦЬ.

Гимнастика имѣетъ цѣлью приготовить человѣка къ житейскому поприщу,—мужчину къ борьбѣ со свѣтомъ, женщину къ тихой дѣятельности матери и хозяйки. Соотвѣтственно этому слѣдуетъ распредѣлить и гимнастическія упражненія, состоящія главнымъ образомъ изъ упражненій вольныхъ (движенія на мѣстѣ), порядковыхъ (движенія съ мѣста), упражненій съ снарядами и на оныхъ. Посредствомъ движеній вольныхъ и порядковыхъ систематически и многообразно упражняются мускулы и вмѣстѣ съ тѣмъ прямо и косвенно приводятся въ дѣятельность главнѣйшіе факторы жизненныхъ процессовъ. Развитие прочнаго здоровья, тѣлесной ловкости и увѣренности во всѣхъ движеніяхъ, вотъ что составляетъ цѣль этихъ упражненій, которыя почитаются зерномъ и основаніемъ гимнастики. Однако онѣ недостаточны для мужчинъ, которымъ необходимы еще упражненія на снарядахъ, развивающія преимущественно силу мускуловъ, особенную тѣлесную ловкость, мужество и рѣшительность. Такъ какъ посредствомъ этихъ упражненій физическія способности юношей развиваются до степени искусства, то и самая гимнастика для мальчиковъ принимаетъ характеръ искусства. Такая вѣдѣніи дѣятельность, требующаяся въ жизни мужчины, само собою разумѣется, не соотвѣтствуетъ призванію женщины, натура которой сама не допускаетъ спеціальнаго развитія мускуловъ, а требуетъ скорѣе для полнаго духовнаго и физическаго здоровья соразмѣрно большій дѣятельности внутреннихъ органовъ, особенно же органовъ питанія и кровообращенія. Преимущественное развитіе мускуловъ нарушило бы эту внутреннюю дѣятельность, обезобразило бы женщину, потому что излишняя выносливость мускуловъ, не составляя для женщины необходимаго условія здоровья, можетъ нарушить гармонію формъ. Снаряды употребляются въ женской гимнастикѣ, или для достиженія гигиени-

ческой цѣли (напримѣръ, упражненія въ висѣніи на горизонтальной перекладинѣ и упражненія съ палками для противоѣдствія вредному вліянію отъ согнутаго держанія тѣла при классныхъ занятіяхъ), или для гимнастическихъ игръ (напримѣръ, короткіе и длинны канаты, воланы, кольца, штурмовая доска и пр.).

Къ сожалѣнію, на практикѣ рѣдко слѣдуютъ вышеприведеннымъ правиламъ. Упражненія вольныя и порядковыя требуютъ предварительнаго составленія плана для каждаго гимнастическаго урока; кромѣ того упражненія на снарядахъ представляютъ больше интереса для юношества, чѣмъ упражненія вольныя и порядковыя; поэтому, при обученіи педагогической гимнастикѣ, мальчикамъ почти всегда выпускаютъ упражненія вольныя и порядковыя (какъ это и видно изъ сочиненій здѣшнихъ учителей гимнастики) и весь гимнастическій урокъ почти исключительно посвящается упражненіямъ на снарядахъ. Эта метода преподаванія, къ сожалѣнію, нерѣдко имѣетъ вредныя послѣдствія для здоровья, потому что требующія значительныхъ усилій упражненія на снарядахъ, большею частію, производятся руками, отчего чрезмѣрно развивается верхняя часть туловища, и такимъ образомъ нарушается гармоническое соотвѣтствіе отдѣльных частей тѣла,—существенное условіе здоровья.

При гимнастическихъ занятіяхъ съ дѣвками, пренебреженіе упражненіями вольными и порядковыми становится еще ощутительнѣе, такъ какъ именно эти упражненія должны исключительно составлять женскую гимнастику. Для пополненія этого пробѣла прибѣгають обыкновенно къ гимнастическимъ играмъ, которыя конечно удовлетворяютъ дѣтской потребности въ разнообразіи и веселомъ движеніи, но для тѣлеснаго развитія имѣютъ едва ли болѣе значенія, чѣмъ обыкновенныя игры. Значеніе этихъ гимнастическихъ игръ не увеличивается отъ того, что ими, на публичныхъ испытаніяхъ, ловче можно пускать пылъ въ глаза.

Если въ Германіи гимнастика для дѣвицъ не достигла еще полнаго развитія (хотя и по этой части тамъ появилось много прекрасныхъ сочиненій), то причины этого слѣдуетъ, кажется, искать въ томъ, что женская гимнастика находится въ рукахъ учителей, посвятившихъ свою дѣятельность мужской гимнастикѣ и не старающихся вникнуть въ сущность гимнастики для дѣвицъ. Было бы поэтому гораздо практичнѣе, еслибъ женскою гимнастикою занимались исключительно женщины: зная потребности женской натуры, онѣ болѣе способны понять научное основаніе вольныхъ и порядковыхъ

упражнений и никогда не допустить такихъ положеній и движеній, которыя, хотя бы въ малѣйшей степени, были неприличны для дѣтей женскаго пола; кромѣ того, онѣ легче подчиняются контролю врачей, столь важному въ гимнастикѣ, какъ наукѣ преимущественно гигиенической, и, наконецъ, учительница, которой предстоитъ заниматься не исключительно вольными и порядковыми упражненіями, будетъ по необходимости стараться возбуждать и поддерживать въ дѣвицахъ интересъ и любовь къ занятіямъ гимнастикой наиболее пригодными способами обученія этому предмету.

Д-ръ Э. Клевезаль.

О ВВЕДЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПО ХОДАТАЙСТВАМЪ НѢКОТОРЫХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНИЙ ¹⁾.

Вопросъ о введеніи обязательнаго начального обученія возбужденъ въ настоящее время по ходатайству губернскихъ земскихъ собраний: Олонецкаго и Владимірскаго, уѣздныхъ земскихъ собраний: Вытегорскаго и Каргопольскаго (Олонецкой губерніи), Сапожковскаго (Рязанской губерніи), Спасскаго (Казанской губерніи), Павлоградскаго (Екатеринославской губерніи), Юрьевецкаго (Владимірской губерніи), Копотопскаго (Черниговской губерніи) и уѣздныхъ же Нижегородскаго и Пензенскаго. Сверхъ того, подобное же заявленіе сдѣлано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ начальника Смоленской губерніи за 1870 годъ.

Во всѣхъ ходатайствахъ вышеозначенныхъ земскихъ собраний выставляются болѣе или менѣе одинаковыя причины, по которымъ введеніе обязательнаго начального обученія признается мѣрою крайне необходимою. Потребность въ образованіи сельскаго населенія, по мнѣнію вышеозначенныхъ земскихъ собраний, никогда еще не чувствовалась въ такой мѣрѣ, какъ въ настоящее время, когда великія реформы нынѣшняго царствованія вызвали къ общественной дѣятельности всѣ сословія государства и въ томъ числѣ сельское крестьянское населеніе, получившее право самоуправленія, но лишениое возможности, по своей неразвитости и безграмотности, пользоваться надлежащимъ образомъ этимъ правомъ. Отъ распространенія начального образованія въ массѣ сельскаго населенія, кромѣ возвышенія уровня нравственности, представится возможность, во первыхъ, вмѣсто невѣжественныхъ, безграмотныхъ и обчитываемыхъ на каждомъ шагѣ волостныхъ судей и сборщиковъ податей, имѣть на этихъ мѣстахъ болѣе развитыхъ и болѣе достойныхъ людей изъ среды народа; во вторыхъ, народъ избавится въ большей или меньшей степени отъ обмановъ въ

¹⁾ Помѣщая статьи объ обязательномъ обученіи (въ нынѣшней и ноябрьской книжкахъ) мы готовы напечатать и всѣхъ дѣльных замѣчаній возвращеніи по ихъ поводу. *Ред.*

торговлѣ, въ тяжёбныхъ дѣлахъ и заключаемыхъ имъ условіяхъ, чему онъ безпрерывно подвергается теперь, по своей безграмотности, и третьихъ, произойдетъ явный выигрышъ для него въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ усвоеніе начального образованія даётъ право на сокращеніе срока дѣйствительной военной службы и чрезъ то, болѣе скорымъ возвращеніемъ отслужившихъ свой срокъ въ крестьянскую среду, увеличиваетъ число рабочихъ силъ.

При всѣхъ этихъ очевидныхъ выгодахъ образованія, наше крестьянское населеніе, по мнѣнію земскихъ собраній, еще мало сознаетъ пользу ученія даже первоначального; повсюду оказывается недостатокъ въ училищахъ по отношенію къ народонаселенію; число ихъ не только не увеличивается, но и уменьшается; тамъ, гдѣ уже существуютъ училища, большаѣ половина населенія вовсе не учится въ нихъ, и такимъ образомъ затраты земства и сельскихъ обществъ оказываются мало производительными. Наконецъ и тѣ, сравнительно немногіе, которые учатся въ училищахъ, не выносятъ изъ нихъ всей пользы отъ крайне неисправнаго посѣщенія ихъ, составляющаго язву нашихъ сельскихъ школъ. Родители безпрерывно отвлекаютъ своихъ дѣтей отъ училищъ, то для сельскихъ и другихъ домашнихъ работъ, то ради праздничныхъ дней, число которыхъ въ нашихъ селеніяхъ доходитъ до 200 въ теченіе года, то безъ всякой причины, не говоря уже о томъ, что и дѣти, находясь внѣ всякаго контроля, прогуливаютъ нередко время классныхъ занятій, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Для устраненія всѣхъ этихъ явленій, сильно тормозящихъ распространеніе образованія въ сельскомъ населеніи и дѣлающихъ безплодными, или по крайней мѣрѣ, мало полезными усилія правительства, земства и общества къ развитію образованія въ народѣ, необходимо, по мнѣнію земскихъ собраній, установить обязательность ученія, какъ такую мѣру, которая повсюду оказалась исполнимою дѣйствительною для достиженія этой цѣли.

Предлагая такую мѣру, всѣ земскія собранія благоразумно ограничиваютъ, однако, кругъ дѣйствія этой обязательности только извѣстными мѣстностями, именно признаютъ возможнымъ обязывать къ посѣщенію училищъ дѣтей школьнаго возраста только въ такихъ селеніяхъ, которыя имѣютъ уже училища или отстоятъ отъ послѣднихъ не далѣе двухъ или трехъ верстъ. Нѣкоторыя земскія собранія прибавляютъ къ этой обязательности непрѣмное условіе, чтобы такіа училища были хорошо устроены, чтобы въ нихъ обучали чтенію, письму, закону Божію и молитвамъ, первымъ четыремъ аріоме-

тическимъ дѣйствіямъ, счисленію на счетахъ и, по возможности, церковному пѣнію, чтобы въ училищахъ были способные и приготовленныя учителя, и чтобы училища имѣли достаточно просторныя и приноровленныя къ этой цѣли помѣщенія.

Находя возможнымъ вводить обязательность сначала только тамъ, гдѣ есть уже школы, и затѣмъ, постепенно распространить ее на вновь учреждаемыя школы, нѣкоторые земскія собранія указываютъ и возрастъ, въ теченіе котораго ученіе должно быть обязательно для дѣтей обоего пола. Самый большой срокъ опредѣляется въ 6 лѣтъ, отъ 6 до 12 лѣтъ, затѣмъ въ 4 года, отъ 8 до 12 или отъ 7 до 11 лѣтъ, затѣмъ въ 3 года и, наконецъ, въ 2 года, въ возрастѣ между 10 и 16 годами. При этомъ многими земскими собраніями обращено вниманіе и на продолжительность годичнаго учебнаго курса, въ настоящее время весьма различную въ нашихъ сельскихъ школахъ, въ которыхъ не рѣдко ученіе начинается въ октябрѣ, ноябрѣ и даже декабрѣ и оканчивается болѣею частью въ апрѣлѣ и рѣдко въ маѣ мѣсяцѣ, и изъ этого короткаго учебнаго срока не мало времени пропадаетъ еще для ученія за множествомъ праздниковъ. Въ отвлеченіе такой траты времени предлагаются разныя мѣры, какъ-то: установленіе продолжительности годичнаго учебнаго курса не менѣе 9-ти мѣсяцевъ, ограниченіе праздниковъ одними воскресными и табельными днями и назначеніе опредѣленнаго годичнаго срока ученія съ 1-го октября, то-есть, со времени окончанія полевыхъ работъ, до 1-го апрѣля или до 1-го мая, то-есть, до начатія весеннихъ работъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при обязательности обученія, опредѣленіе учебнаго срока является необходимымъ, и что срокъ этотъ, даже при семимѣсячномъ годичномъ курсѣ, никакъ не можетъ быть менѣе трехъ лѣтъ, дабы учащіеся могли окончить полный курсъ ученія по Высочайше утвержденному положенію о начальныхъ училищахъ и такимъ образомъ пріобрѣсти льготы по воинской повинности по 4-му разряду, сокращающія сроки дѣйствительной военной службы.

Всѣ земскія собранія, высказавшіяся въ пользу введенія обязательнаго обученія, ходатайствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обученіе это было и даровое для всѣхъ учащихся въ сельскихъ начальныхъ училищахъ.

Касательно способовъ исполненія мѣры объ обязательности ученія выходятся указанія только въ немногихъ ходатайствахъ земскихъ собраній. По мнѣнію Пензенскаго земскаго собранія, отвѣтственность за посѣщеніе школы дѣтьми должна лежать на родителяхъ, опеку-

нахъ, и вообще, старшихъ въ семьѣ, а наблюденіе за точнымъ исполненіемъ послѣдними этой обязанности должно быть возложено на сельское и волостное начальство. Саношковское уѣздное земское собраніе предполагаетъ съ тою же цѣлю учредить при каждой школѣ наблюдательный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника, изъ 6 членовъ по выбору общества, слѣдующій за ходомъ ученія и исправнымъ посѣщеніемъ школы учащимися.

Въ числѣ наказаній родителей за непосѣщеніе дѣтьми ихъ школы безъ уважительной причины указываются въ ходатайствахъ земскихъ собраній слѣдующія: *Саношковскаю*—выговоръ отъ наблюдательнаго комитета, сообщеніе комитетомъ обществу о нерадивыхъ родителяхъ и выговоръ имъ отъ имени общества, а при неуспѣшности обѣихъ этихъ мѣръ, лишеніе нерадивыхъ, по общественному приговору, права на хозяйство въ семьѣ и назначеніе къ нимъ опекуна; *Павлоградскаю*—наложеніе на родителей штрафа въ размѣрѣ не менѣе 25 коп. за каждый разъ непосѣщенія школы, со взысканіемъ этого штрафа, въ случаѣ несостоятельности провинившагося, съ самого общества; *Ковотопскаю*—взысканіе также денежнаго штрафа не свыше, однако, цѣнности двухъ мужскихъ рабочихъ дней за каждый день непосѣщенія школы, при чемъ Ковотопское земское собраніе обратило вниманіе на важное въ практическомъ отношеніи обстоятельство, именно на доставленіе бѣднымъ дѣтямъ возможности исправно посѣщать школу снабженіемъ ихъ, на счетъ земства, обувью и одеждою, необходимыми особенно въ холодное время.

Заботы относительно матеріальнаго обезпеченія школъ всескімъ собраніемъ принимаются на себя; болѣе полныя указанія въ этомъ отношеніи находятся только въ одномъ ходатайствѣ Саношковскаго земскаго собранія, которое назначаетъ на содержаніе каждой школы съ жалованьемъ учителю 300 руб. въ годъ и на обязательное устройство училищнаго зданія единовременно по 500 руб., и сверхъ того, полагаетъ откладывать ежегодно по 2.000 руб. для образованія неприкосновеннаго училищнаго капитала, который не долженъ быть смѣшиваемъ съ другими земскими суммами и проценты съ котораго не могутъ быть расходуемы въ теченіе 11-ти лѣтъ; къ этому же капиталу должны быть причисляемы и могущіе быть остатки отъ содержанія и устройства школъ. Какъ на источникъ, изъ котораго земство могло бы легко покрыть всѣ эти расходы, Саношковское собраніе указываетъ на обложеніе всѣхъ земель уѣзда ежегоднымъ пятиконѣшнымъ сборомъ съ десятины.

Не входя еще въ подробное обсужденіе вынесозначенныхъ ходатайствъ земскихъ собраній, нельзя не признать однако съ перваго же взгляда, что въ ходатайствахъ этихъ мѣры къ введенію обязательнаго обученія достаточно обставлены тѣми необходимыми условіями, при которыхъ успѣшное достиженіе предполагаемой цѣли является исполнѣ возможнымъ: ходатайство это распространяется только на тѣ мѣстности, гдѣ есть и школы, а слѣдовательно, возможность содержать ихъ, и учителя, способные вести въ школахъ дѣло ученія съ надеждою на успѣхъ.

Тѣмъ не менѣе, постановленія земскихъ собраній о введеніи обязательнаго обученія вызвали въ пѣкоторыхъ мѣстахъ, даже въ средѣ самаго земства, возраженія, заслуживающія полнаго вниманія. Такъ, г. Пиловскій, гласный Сапожковскаго земскаго собранія, замѣтилъ, что экономическій бытъ нашего народа далеко еще не приготовленъ къ тому, чтобы возможно было потрясать его новою тяготой, отрывая обязательно хотя малолѣтняго работника. Но особенно подробно развитыми являются слѣдующіе доводы, представленные противъ обязательнаго обученія гласнымъ Сапожковскаго земскаго собранія А. И. Кошелевымъ:

1) Обязательность можетъ быть умѣстна въ отношеніи къ платежу податей, къ запрещенію дѣйствій, вредныхъ для другихъ лицъ, и т. п., но совершенно непригодна при раздачѣ благодѣній. Грамотность есть благо, выгода. Какъ же людямъ навязывать, подѣ страхомъ наказанія, блага, выгоды? Тутъ падо дѣйствовать убѣжденіемъ, примѣромъ, пособіемъ; этимъ только путемъ благо сохраняетъ свой характеръ и истинно плодотворно. Падо людей вообще мало уважать, а о себѣ имѣть слишкомъ высокое мнѣніе, чтобы считать себя въ правѣ благодѣтельствовать людямъ вопреки ихъ желанію. Позволительно думать, что и земства, и правительствѣ, которые принимаютъ на себя обязанности просвѣтителей народа путемъ принужденій, дѣйствуютъ *не по праву, внѣ круга настоящихъ ихъ обязанностей, и приносятъ не пользу, а причиняютъ вредъ народу.*

2) Обязательность обученія установлена не во многихъ странахъ, почти только въ одной Германіи, гдѣ ужъ и безъ того почти весь народъ грамотный. Какъ же устанавливать ее въ Сапожковскомъ уѣздѣ, гдѣ изъ ста человѣкъ имѣтъ десяти грамотныхъ? Для того, чтобы имѣть возможность установить обязательность грамотности, падо прежде устроить школы во всѣхъ селеніяхъ, а ихъ въ Сапожковскомъ уѣздѣ болѣе пятисотъ. Устанавливать же обязательность грамотности только

для тѣхъ селеній, гдѣ школы существуютъ или будутъ учреждены, опасно. Мы этимъ не поможемъ, а повредимъ устройству школъ. Обязательность посадки картофеля, выдуманная во время оно министерствомъ государственныхъ имуществъ, также въ видѣ оказанія благодѣяній неразвитому народу, вызвала бунты и сопровождалась военными экзекуціями. Какъ бы обязательность посѣщенія школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ школы, не вызвала поджоговъ, столь у насъ и безъ того, къ сожалѣнію, частыхъ.

3) Установленіе обязательности обученія требуетъ необходимо и карательныхъ мѣръ, иначе обязательность останется только на бумагѣ. Какія же карательныя мѣры могутъ быть теперь установлены? Штрафы съ родителей, не посылающихъ дѣтей въ школы? Эта мѣра дѣйствительна, но едина ли она примѣнима; пришлось бы ихъ взыскивать съ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Лишеніе дѣтей въ будущемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ? Но если отцы считаютъ теперь болшинство этихъ правъ обязанностями, повинностями, то едва ли они будутъ дорожить ими и для своихъ дѣтей. Если же лишеніе этихъ правъ обратить противъ отцовъ, то во многихъ селеніяхъ едва ли останутся люди полноправные, то-есть, могущіе быть старостами, старшинами, присяжными засѣдателями и проч.

4) Нельзя обманывать себя на счетъ настоящаго хозяйственнаго положенія крестьянъ. Для хожденія въ школу, существующую даже въ томъ же селеніи, необходимо, чтобы дѣти были тепло обуты и одѣты, ибо у насъ школы въ полномъ ходу только зимой; а селенія часто расположены на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Возможно ли при такихъ условіяхъ требовать, чтобы дѣти всѣхъ крестьянъ ходили въ школу?

5) Всякое ходатайство должно заключаться не въ одномъ изъясненіи желанія, но и въ указаніи мѣръ къ его исполненію. Въ предложеніи большинства Саношковскаго земскаго собранія указаны финансовыя мѣры, разбирать которыя здѣсь не у мѣста, но вовсе пропущено молчаніемъ о томъ, какимъ способомъ обезпечить приведеніе въ дѣйствіе обязательности обученія, о которой ходатайствуется; а это, въ настоящемъ случаѣ, особенно важно и въ этомъ заключается главнѣйшая трудность.

6) Предметъ ходатайства есть общій, а не какой-либо мѣстный; законъ объ обязательности народнаго обученія не можетъ быть издавъ для одного Саношковскаго уѣзда; дѣло такой первостепенной важности должно быть обсуждено, сколько возможно, большимъ чи-

словъ людей и сколь возможно въ болѣе пространномъ кругѣ дѣйствія. Отправлять прямо изъ уѣзднаго собранія къ правительству подобное ходатайство и избѣгать его обсужденій въ губернскомъ собраніи—значить бояться всесторонняго его обсужденія, значить не быть увѣреннымъ въ его основательности и своевременности.

Изъ десяти начальниковъ губерній, въ которыхъ поднятъ былъ вопросъ объ обязательности ученія, восемь признали осуществленіе этой мѣры полезнымъ, и только двое высказались безусловно противъ мѣры, предлагаемой земскими собраніями.

Но сколь ни вѣскими должны казаться съ перваго взгляда вышеприведенные доводы противниковъ обязательнаго ученія, они не могутъ выдержать сколько-нибудь серьезной критики,—и въ томъ случаѣ, если мы станемъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія юридическаго права, и въ томъ, когда будемъ оцѣнивать ихъ на основаніи богатаго опыта европейской школы, представляющаго неопровержимыя фактическія доказательства того, что народное просвѣщеніе распространено во всѣхъ классахъ лишь въ тѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ начальное образованіе обязательно для всѣхъ дѣтей обоюдо.

1) Положенія, что обязательность совершенно непригодна при раздачѣ благодѣяній, къ числу которыхъ относится и грамотность, что нельзя навязывать благодѣяній людямъ вопреки ихъ желанію и подѣ страхомъ наказанія, и что правительство, принимающее на себя обязанность просвѣщать народъ по принужденію, дѣйствовало бы не по праву и внѣ круга настоящихъ своихъ обязанностей и могло бы принести народу не пользу, а вредъ,—оказываются съ юридической точки зрѣнія несостоятельными. Положенія эти не новы и выражаютъ собою односторонній взглядъ на личную свободу въ примѣненіи къ дѣлу воспитанія мыслителей-теоретиковъ, преимущественно англійскихъ, взглядъ, теряющій съ каждымъ годомъ своихъ защитниковъ повсюду и даже въ самой Англіи, гдѣ обязательное ученіе введено уже во многихъ городахъ, какъ-то: въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Оксфордѣ, Стокпортѣ, Вутлѣ, Рочдэлѣ, Гаилѣ, Берилѣ, Влэкбернѣ, Баристаплѣ и нѣкоторыхъ другихъ, въ силу акта первоначальнаго образованія 1870 года (Elementary education act 1870), предоставляющаго училищнымъ совѣтамъ (school board) дѣлать въ ихъ округахъ обязательнымъ обученіе всякаго ребенка отъ 5 до 13 лѣтъ. Никто не будетъ оспаривать необходимости уважать личную свободу каждаго человѣка; но никто не можетъ и отрицать, что лич-

ная свобода человека, живущаго въ обществѣ, ограничивается известными предѣлами, которые устанавливаетъ законъ во имя общественнаго блага. Пользованіе личною свободою не освобождаетъ однако никого отъ обязанности платить налоги, соблюдать полицейскія постановленія, исполнять лично военную повинность и т. п. Правительство, во имя общественнаго блага, строго слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ этихъ обязанностей каждымъ членомъ общества, и законъ опредѣляетъ за нарушение ихъ соотвѣтствующія наказанія. Точно также общественное благо настоятельно требуетъ возможнаго уничтоженія источниковъ нищеты, пороковъ и преступленій, вносящихъ элементы разложенія въ гражданскій строй общества, а главный изъ этихъ источниковъ безспорно составляетъ невѣжество. Дабы искоренить это невѣжество, необходимо, чтобы родители заботились объ исполненіи своей священной обязанности воспитывать своихъ дѣтей, и въ этомъ отношеніи всѣ просвѣщенные правительства являются на помощь въ родителямъ и доставляютъ имъ возможные средства для воспитанія ихъ дѣтей, оставляя за ними въ то же время полную свободу въ выборѣ способовъ воспитанія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы родителямъ могла быть оставлена полная свобода вовсе не учить дѣтей ничему. Утверждать, что отецъ, не дающій своимъ дѣтямъ никакого образованія, не совершаетъ дѣянія противозаконнаго, значило бы отвергать непреложныя основы права естественнаго, защищать, подъ предлогомъ ненарушимости родительскихъ правъ, свободу невѣжества и содѣйствовать общественному злу поддержаніемъ и размноженіемъ невѣжества, порождающаго главнымъ образомъ различные общественныя недуги. Съ этой точки зрѣнія правительство, обязанное нести о сохраненіи и поддержаніи общественнаго блага, имѣетъ не только полное право, но даже священную обязанность напоминать родителямъ, не радующимъ о воспитаніи своихъ дѣтей, объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ дѣтямъ и требовать отъ нихъ, во имя общественнаго блага, точнаго исполненія этихъ обязанностей подъ опасеніемъ взысканія за ихъ нарушеніе. Въ этомъ случаѣ правительство, принуждая родителей-невѣждъ исполнять ихъ обязанности, ограждаетъ только право малолѣтнихъ отъ злоупотребленія или неправильнаго примѣненія родительской власти и предупреждаетъ вредныя послѣдствія, которыя могли бы возникнуть для общественнаго блага изъ такихъ дѣяній родителей, а потому полное оправданіе этого вмѣшательства правительства въ дѣло воспитанія вѣлю

чается въ правѣ его предусматривать преступленіе и храни́ть законныя общественныя интересы.

Итакъ, установленіе обязательнаго начальнаго ученія слѣдуетъ съ юридической точки зрѣнія, считать вполне справедливымъ; по приведеніе въ исполненіе этой мѣры, сверхъ того, приносить огромную пользу и потому является необходимымъ. Наглядное доказательство всей пользы этой мѣры представляеть сравненіе состоянія образованія въ странахъ, гдѣ нѣтъ всеобщаго обязательнаго ученія, каковы: Франція, Бельгія и Англія, съ другими странами, гдѣ существуютъ эти мѣры, каковы: Германія и вообще протестантскія государства. Во Франціи, не смотря на цѣлесообразные законы и усилія общества, не смотря на то, что каждая община обязана тамъ содержать начальную школу, половина народонаселенія остается безграмотною; на 5 дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 13 лѣтъ приходится тамъ только 1 учащійся, но и изъ учащихся въ школахъ только 48% исправно посѣщаютъ школы, а остальные выходятъ малограмотными, едва умѣющими только читать; поэтому изъ поступающихъ въ рекруты въ нѣкоторыхъ департаментахъ болѣе половины оказываются безграмотными; точно также и изъ жепщинъ болѣе половины не умѣютъ подписать своего имени. И въ Бельгіи, находящейся въ одинаковыхъ условіяхъ съ Франціей, не смотря на превосходно устроенныя школы, при народонаселеніи въ 5.021.366 жителей, считается 2.548.742 не умѣющихъ ни читать, ни писать, то-есть, 52% всего народонаселенія. Столь же неудовлетворительны, и по той же причинѣ, результаты начальнаго ученія въ Англіи, не смотря на содѣйствіе частныхъ лицъ и религіозныхъ общинъ и на пособія отъ правительства дѣлу начальнаго образованія. Изъ вѣдомостей о бракосочетавшихся въ 1870 г. въ Англіи оказывается, что на 100 молодыхъ людей, вступившихъ въ бракъ, приходится около трети не умѣвшихъ ни читать, ни писать, а изъ 4 милліоновъ дѣтей было тамъ до сихъ поръ менѣе 2 милліоновъ посѣщающихъ школы, а между послѣдними—менѣе половины исправно ходящихъ въ школы.

Совершенно другую картину представляеть начальное образованіе въ странахъ протестантскихъ, каковы Германія, Швеція, Норвегія и Данія, гдѣ введено обязательное ученіе. Въ Пруссіи въ 1864 году, при народонаселеніи въ 18.476.500 человекъ, изъ 3.090.294 дѣтей школьнаго возраста 2.959.857 посѣщали общественныя и частныя начальныя школы, а остальные 130.437 распределены были болѣею частью по среднимъ учебнымъ заведеніямъ, или получали до-

машнее воспитаніе; оставались безъ всякаго образованія только весьма немногіе, уволенные отъ ученія по болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ. По свѣдѣніямъ *Статистическаго журнала* Энгеля за 1871 годъ неграмотные изъ рекрутъ составляли въ Пруссіи: въ Берлинѣ 0,3%, въ Магдебургѣ и въ Висбаденѣ 0,2%, въ Кельнѣ 0,8%, такъ что на 1000 человѣкъ грамотныхъ приходится только 2 безграмотныхъ. Тѣ же самые результаты, какъ и въ Пруссіи, представляютъ успѣхи начального образованія въ другихъ государствахъ, а также въ Германіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи, гдѣ издавна введено уже обязательное ученіе.

Но польза обязательнаго обученія заключается не въ одномъ только томъ, что оно привлекаетъ въ школы всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, а еще болѣе въ томъ, что оно предохраняетъ школу отъ господства двухъ золъ, подтачивающихъ ся успѣхи въ самомъ корнѣ, именно отъ неисправнаго посѣщенія уроковъ дѣтьми и отъ преждевременнаго оставленія ими ученія; то и другое строго преслѣдуется при обязательности ученія; пропуски уроковъ дѣтьми безъ уважительныхъ причинъ влекутъ за собою наказаніе ихъ родителей; оставленіе же школы раньше положеннаго срока и вовсе не допускается, а вслѣдствіе этихъ мѣръ результаты ученія оказываются болѣе плодотворными, и школа пріобрѣтаетъ возможность готовить для общества будущихъ гражданъ, не просто грамотныхъ, но и обладающихъ уже достаточными начальными знаніями. Притомъ, болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ школѣ, требуемое при обязательномъ ученіи, пріучаетъ дѣтей къ порядку, дисциплинѣ, опрятности, что въ свою очередь не можетъ не оказать полезнаго вліянія на ихъ будущую дѣятельность въ обществѣ.

Всѣ эти выгоды системы обязательнаго обученія слишкомъ очевидны. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить, что обязательное обученіе сдѣлало въ послѣднее время въ Европѣ значительные успѣхи; кромѣ Германіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Швейцаріи, оно введено теперь въ Австрію, Италію, Испанію, Португалію, Грецію; начало введенію его положено уже, какъ сказано выше, въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе просвѣщенныхъ людей, безъ различія партій, все болѣе и болѣе склопается въ пользу того, чтобы начальное ученіе сдѣлано было обязательнымъ не только въ тѣхъ округахъ, гдѣ это уже сдѣлали училищные совѣты, но и на всемъ пространствѣ Англіи. Вопросъ о введеніи обязательнаго обученія возбуждался уже нѣсколько

разъ во Франціи и Бельгii, и если онъ не рѣшенъ еще въ утвердительномъ смыслѣ, то это зависѣло отъ разныхъ политическихъ причинъ, съ устраненіемъ которыхъ нельзя сомнѣваться въ благопріятномъ его рѣшеніи. Но и въ предѣлахъ Европы вопросъ объ обязательномъ ученіи имѣетъ сильныхъ защитниковъ, именно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ обязательное обученіе введено въ штатахъ Массачузетсѣ, Мичиганѣ, Арканзасѣ, и гдѣ раздаются сильные голоса въ пользу распространенія этой мѣры на всѣ штаты. „Я знаю только одно средство къ обезоруженію дикости будущей ватаги избирателей, неслѣжество которыхъ угрожаетъ нашему общественному и политическому строю“, говоритъ американскій публицистъ Генри Барнардъ,—„и оно заключается въ изданіи закона, обязующаго всѣхъ дѣтей посѣщать школы и упрочивающаго ихъ хорошее нравственное воспитаніе“ Слова эти имѣютъ особенный вѣсъ въ виду того, что въ Соединенныхъ Штатахъ число школъ, сравнительно даже съ Германіей, огромное и вполне достаточное для населенія; на содержаніе школъ истрачиваются громадныя суммы, въ учителяхъ нѣтъ ни малѣйшаго недостатка, и вообще начальное образованіе поощряется тамошними правами, вѣковыми преданіями и требованіями владычествующаго вѣроисповѣданія; тѣмъ не менѣе во многихъ штатахъ, въ которыхъ не существуетъ обязательнаго ученія, какъ напримѣръ, въ Алабамѣ, Флоридѣ, Луизіанѣ, на 1000 человѣкъ приходится отъ 480 до 490, то-есть, почти половина, безграмотныхъ, а въ Массачузетсѣ, гдѣ введено обязательное ученіе, изъ 1000 человѣкъ только 38 безграмотныхъ, то-есть, 3,8%.

Въ виду приведенныхъ выше доводовъ, доказывающихъ юридическую справедливость мѣры введенія обязательнаго обученія и неоспоримость огромной пользы, приносимой ею, едва ли, кажется, можно сомнѣваться въ томъ, что у насъ въ Россіи, гдѣ начальное образованіе стоитъ, сравнительно даже съ Франціей, еще на весьма низкой степени, гдѣ, напримѣръ, въ Московскомъ учебномъ округѣ приходится 1 учащійся на 173 жителя, а между дѣтьми школьнаго возраста учится только 1 изъ 17, введеніе обязательности должно считаться въ высшей степени желательнымъ и необходимымъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Само собою разумѣется, что при этомъ, по недостатку школъ, учителей и даже матеріальныхъ средствъ, не можетъ быть и рѣчи о повсемѣстномъ введеніи у насъ обязательнаго обученія; но ничто не мѣшаетъ допустить примѣненіе этой мѣры къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя имѣютъ уже благоустроенныя школы, какъ ходатайствуютъ

о томъ земскія собранія, и затѣмъ, по мѣрѣ учрежденія новыхъ школъ и поступления новыхъ ходатайствъ мѣстныхъ обществъ, постепенно распространять обязательность ученія и на новыя мѣстности. Прямая выгода допущенія такой системы заключается уже въ томъ, что по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ со школами, будутъ учиться не нѣкоторые только дѣти, а всѣ дѣти этой мѣстности, что учащіеся будутъ аккуратнѣе посѣщать училища и будутъ оставлять ихъ не во всякое время, а по прошествіи извѣстнаго срока, когда успѣютъ уже приобрести болѣе или менѣе основательное знаніе начальнаго курса. Независимо отъ такой прямой пользы для данной мѣстности отъ введенія въ ней обязательнаго обученія, можетъ произойти и другая косвенная польза; примѣръ училища, дающаго такіе хорошіе плоды, благодаря обязательности ученія, не можетъ остаться безъ вліянія и на окружающія мѣстности, гдѣ нѣтъ еще обязательнаго ученія и потому въ школахъ учатся только немногіе, а учащіеся ходятъ въ школы мало и неисправно и въ большинствѣ выходятъ изъ нихъ полуграмотными. Одно это сравненіе можетъ побудить общества этихъ мѣстностей къ ходатайству о введеніи и въ нихъ школахъ обязательнаго ученія, а въ итогѣ всего этого явится постепенное и прочное распространеніе въ массѣ населенія основательнаго начальнаго образованія.

Г. Кошелевъ приводитъ нѣсколько причинъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ воспрепятствовать у насъ введенію обязательнаго ученія даже на вышеприведенныхъ основаніяхъ. Главное препятствіе, по его мнѣнію, заключается въ опасности, съ которою сопряжено установленіе обязательности не повсемѣстно, а только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ школы уже существуютъ или будутъ учреждены. Такая мѣстная обязательность можетъ возбудить неудовольствіе въ крестьянскомъ населеніи и можетъ вызвать даже поджоги, и безъ того уже у насъ, къ сожалѣнію, частые. Притомъ же вопросъ объ обязательности есть вопросъ общій, а не какой-либо мѣстный, и потому законъ, устанавливающій эту мѣру, не можетъ быть изданъ для одного какого-либо уѣзда. На это можно сказать, что если не представляется возможности ввести обязательность ученія повсемѣстно, то слѣдуетъ довольствоваться постепеннымъ введеніемъ ея по частямъ въ различныхъ мѣстностяхъ, какъ сдѣлала это Англія въ послѣднее время, не вызвавъ никакого волненія въ населеніи, привыкшемъ охранять свою личную свободу. У насъ же эти опасенія еще менѣе возможны: обязательность предполагается вводить только тамъ, гдѣ

ходатайствуют о томъ мѣстных общества или земства, и гдѣ ужъ есть готовая школа, вполне обеспеченная на мѣстные средства. Здравый практический смыслъ Русскаго народа скоро пойметъ, что если правительство требуетъ, чтобы *все* учились въ такой школѣ, то это потому, что желаетъ, чтобы школа приносила пользу *всѣмъ безъ исключенія*, такъ какъ хорошее ученіе дѣлаетъ человека вполне грамотнымъ, болѣе пригоднымъ для всякаго дѣла и сокращаетъ, кромѣ того, срокъ дѣйствительной военной службы. Кто же будетъ жечь школу, въ которой введено обязательное обученіе? Конечно, не крестьяне той мѣстности, которые сами пожелали ее устроить именно съ этою цѣлью. Но и жителямъ соседнихъ мѣстностей, гдѣ не введено еще обязательное обученіе, нѣтъ надобности прибѣгать къ подобному преступленію, такъ какъ имъ вполне предоставлено право открывать училища и содержать ихъ, не вводя обязательнаго ученія, и такъ какъ обязательность эта можетъ быть введена только по ихъ собственному желанію, выраженному въ общественномъ приговорѣ.

Второе препятствіе къ достиженію цѣли г. Кошелевъ видитъ въ невозможности установленія дѣйствительныхъ карательныхъ мѣръ, безъ которыхъ обязательность ученія осталась бы только на бумагѣ. Штрафы съ родителей могли бы быть дѣйствительны, но они у насъ не примѣнимы, потому что пришлось бы взыскивать ихъ съ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Лишеніе дѣтей въ будущемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, какъ напримѣръ, права выбора на общественныя должности, не дѣйствительно, потому что крестьяне не дорожатъ этими правами, считал ихъ тяжелыми для себя повинностями; еще менѣе возможенъ лишать такихъ правъ самихъ родителей; тогда по многихъ селеніяхъ едва ли бы остались люди полноправные, то-есть, могущіе быть старостами, старшинами, присяжными засѣдателями и т. п. Возраженія эти имѣютъ значительную долю основательности; дѣти, не посѣщающія школы, не могутъ быть наказываемы за вину ихъ родителей, и лишеніе родителей нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ у насъ также не всегда было бы дѣйствительнымъ наказаніемъ; но нѣтъ никакого основанія считать не примѣнимымъ у насъ наказаніе родителей денежными штрафами потому только, что пришлось бы взыскивать штрафы съ самыхъ бѣдныхъ крестьянъ, не посылающихъ дѣтей своихъ въ школы, иногда за неимѣніемъ обуви и одежды въ зимнее время. Причины послѣдняго рода дѣйствительно могутъ быть; но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ озаботиться, какъ это принято вездѣ при обязательномъ обученіи, о снабженіи дѣтей, особенно бѣдныхъ,

обуью и одеждою въ яиннее время, а затѣмъ уже требовать неуклоннаго посѣщенія школъ и взыскивать денежныя штрафы, какъ съ достаточныхъ, такъ и съ бѣдныхъ родителей, а въ случаѣ несостоятельности послѣднихъ, уплату штрафныхъ денегъ возлагать на мѣстныя общества. При устройствѣ нашихъ крестьянскихъ обществъ на общинномъ началѣ, примѣненіе этой послѣдней мѣры не могло бы встрѣтить у насъ препятствій и принесло бы еще ту пользу, что побудило бы крестьянскія общества слѣдить внимательнѣе за исправнымъ посѣщеніемъ школъ дѣтьми. Суровость этой мѣры не должна останавливать ея примѣненія, потому что только при точномъ ея исполненіи, въ обществѣ укрѣпляется сознание необходимости посѣщать школу исправно, и самая обязательность посѣщенія школъ постепенно утрачиваетъ свой насильственный характеръ. Въ Пруссіи ребенокъ каждый день отправляется въ школу также естественно, какъ отецъ идетъ на работу, а потому въ Пруссіи, при 3 милліонахъ учащихся въ школахъ, общая цифра приговоровъ о наложеніи штрафа за непосѣщеніе школы — сравнительно незначительна, и годичный сборъ штрафной суммы, за исключеніемъ Берлина, составляетъ ничтожную цифру не болѣе, какъ отъ 500 до 750 талеровъ.

Наконецъ, г. Кошелевъ находитъ невозможнымъ введеніе обязательнаго ученія безъ указанія способовъ, какъ привести въ исполненіе такую мѣру у насъ. Но способы примѣненія на практикѣ обязательнаго ученія тамъ, гдѣ оно существуетъ, слишкомъ хорошо извѣстны и отличаются простотою и несложностью своихъ пріемовъ. При введеніи обязательнаго обученія на основаніяхъ, предлагаемыхъ земскими собраніями, дѣло это могло бы устроиться у насъ также просто, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи. Прежде всего было бы необходимо къ школѣ, въ которой введено обязательное обученіе, приписать населеніе какъ того мѣста, гдѣ находится школа, такъ и ближайшихъ къ нему мѣстъ не далѣе двухъ верстъ отъ школы; затѣмъ образовать при школѣ особый училищный комитетъ, въ составъ котораго должны входить непремѣнно мѣстный приходскій священникъ, представитель земства, сельскій или волостной старшина и учитель школы. На обязанности комитета должно лежать составленіе, при помощи метрическихъ книгъ, находящихся у священника, списка всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, ежегодная поправка этого списка, исключеніе изъ него дѣтей, перешедшихъ школьный возрастъ, и пополненіе его вновь дѣтьми, достигшими школьнаго возраста. На основаніи этого списка комитетъ извѣщаетъ родителей, дѣти которыхъ

достигли школьного возраста, объ обязанности ихъ посылать дѣтей въ школу. Въ то же время учитель школы провѣряетъ каждый день учениковъ школы и записываетъ имена пропустившихъ уроки на особой печатной таблицѣ, которую, по окончаніи недѣли, отсылаетъ председателю комитета. Послѣдній призываетъ къ себѣ родителей не явившихся учениковъ, спрашиваетъ о причинѣ ихъ неявки въ школу, и въ случаѣ неуважительности такой причины, дѣлаетъ имъ внушеніе, а при повтореніи подобнаго же случая, и выговоръ съ угрозою наказанія. Наказаніе, заключающееся въ денежномъ штрафтѣ, который не можетъ быть, однако, значительнымъ и не долженъ превышать цѣнности, напримѣръ, двухъ рабочихъ дней, приводится въ исполненіе не самимъ училищнымъ комитетомъ, а мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ по постановленію училищнаго комитета. Обвиненному можетъ быть предоставлено право обжаловать рѣшеніе комитета уѣздному училищному совѣту, постановленія котораго должны уже имѣть силу окончательнаго рѣшенія и приводиться въ исполненіе также мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ. Штрафныя деньги поступаютъ въ особый фондъ училища, изъ котораго могутъ быть дѣлаемы пособія бѣднымъ родителямъ, чтобы облегчить для нихъ возможность исправной посылки ихъ дѣтей въ школу. Вотъ въ главныхъ чертахъ и всѣ способы, необходимыя для успѣшнаго введенія обязательнаго ученія; быть можетъ, на дѣлѣ окажется необходимымъ измѣнить нѣкоторыя подробности, но сущность дѣла, поражающая своею простотою, не можетъ подлежать измѣненію.

Остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу замѣчанія г. Шиловскаго противъ обязательности обученія, что дѣти необходимы родителямъ для крестьянскихъ работъ, а потому отвлеченіе ихъ въ школы составило бы новую тяготу для крестьянъ и могло бы еще болѣе ухудшить ихъ и безъ того скудный экономическій бытъ. Возраженіе это теряетъ всякую силу, если, во первыхъ, будетъ установленъ, какъ предлагаютъ то нѣкоторые земскіе собранія, срокъ обязательности ученія въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ, когда дѣти еще не могутъ оказывать своимъ родителямъ сколько-нибудь дѣйствительной помощи, и если, во вторыхъ, на учебный годъ будетъ назначено въ сельскихъ училищахъ время отъ 1-го октября по 1-е мая, когда и не предстоитъ надобности родителямъ въ особой помощи дѣтей, а остальное время полевыхъ работъ съ 1-го мая по 1-е октября дѣти остаются свободными отъ школы и не лишены возможности помогать родителямъ въ ихъ полевыхъ работахъ.

На основаніи вышеизложеннаго, признавая не только возможнымъ, но и весьма полезнымъ введеніе у насъ обязательнаго обученія на предложенныхъ земскими собраніями основаніяхъ, необходимо, однако, обезпечить успѣшное осуществленіе этого перваго опыта, могущаго имѣть неизмѣримо важныя послѣдствія. По примѣру вышеуказанныхъ земскихъ собраній, могутъ выразить желаніе ввести у себя обязательное ученіе другія земскія собранія, также городскія и сельскія общества. При осуществленіи такихъ ходатайствъ, могли бы служить руководствомъ слѣдующія общія основанія:

1) Обязательное начальное ученіе вводится каждый разъ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія не иначе, какъ по ходатайству земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ, сначала въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находится уже начальныя училища, а потомъ и тамъ, гдѣ вновь откроются училища, если училища эти:

а) обезпечены въ средствахъ содержанія, то-есть, на каждое училище назначено не менѣе 300 рублей въ годъ, и кромѣ того, имѣютъ достаточное и просторное помѣщеніе,

б) слѣдуютъ учебному курсу по Положенію 25-го мая 1874 года о начальныхъ училищахъ,

в) имѣютъ учителей, выдержавшихъ установленное испытаніе на званіе учителя начального училища.

Примѣчаніе. При ходатайствѣ о введеніи обязательнаго обученія, должны быть представляемы. вмѣстѣ съ обозначеніемъ содержанія училища, обязательна, что училище не можетъ быть закрыто внослѣдствіи, и что сумма, назначенная на его содержаніе, не можетъ быть уменьшена.

2) Обязательность посѣщенія училища распространяется въ селахъ на всѣхъ дѣтей обоаго пола не только той мѣстности, гдѣ находится училище, но и на мѣстности, находящіяся въ разстояніи не далѣе двухъ верстъ, въ городахъ же—на дѣтей, живущихъ въ чертѣ города.

3) Въ случаѣ невозможности помѣщенія въ училище всѣхъ дѣтей, обязанныхъ учиться, земскія собранія, городскія или сельскія общества, по ходатайству которыхъ вводится обязательность ученія, обязаны открыть новое училище или отдѣленіе при прежнемъ училищѣ. при чемъ паблюдается, чтобы въ училищѣ, гдѣ находится болѣе 70-ти учениковъ, назначался второй учитель или учительскій помощникъ.

4) Учебный годъ начинается въ начальныхъ училищахъ сельскихъ

съ 1-го октября и продолжается по 1-е мая; во все это время ученье обязательно, за исключениемъ воскресныхъ и табельныхъ дней. Въ начальныхъ училищахъ городскихъ на годичный учебный курсъ начинается время съ 15-го августа по 15-е июня.

Примѣчаніе. Продолжительность учебного года въ сельскихъ училищахъ съ 1-го октября по 1-е мая, по различію мѣстностей, можетъ быть измѣняема, съ тѣмъ только, чтобы въ общей сложности она составляла не менѣе 7-ми мѣсяцевъ въ году.

5) Дѣти обоего пола обязаны посѣщать училище въ селеніяхъ: въ возрастѣ отъ 8-ми до 11-ти лѣтъ, а въ городахъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ. Отвѣтственность за исправное посѣщеніе училища возлагается на ихъ родителей, опекуновъ, старшихъ въ семействѣ, и вообще, лицъ, замѣняющихъ собою родителей. Впрочемъ родителямъ предоставляется, по ихъ желанію, учить дѣтей и дома, или въ частныхъ училищахъ; въ такомъ случаѣ успѣхи домашняго ученія подтверждаются ежегодно училищнымъ начальствомъ, имѣющимъ право, въ случаѣ неудовлетворительности домашняго ученія, обязать родителей посылать дѣтей въ общественную школу.

6) Родители, не заботящіеся повсе о воспитаніи дѣтей и отклоняющіе ихъ отъ посѣщенія школы или неисправно посылающіе ихъ въ школы безъ уважительныхъ причинъ, подвергаются сначала вышестіямъ, выговорамъ, а потомъ и наказаніямъ денежными штрафами.

7) За ученье въ сельскихъ училищахъ не взимается никакой платы; въ начальныхъ же училищахъ городскихъ допускается, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, введеніе платы за учене по приговору самихъ обществъ съ увольненіемъ отъ такой платы бѣдныхъ учениковъ; впрочемъ такое право можетъ быть предоставлено и сельскимъ обществамъ, если они того пожелаютъ.

8) На земскія собранія, городскія и сельскія общества, по ходатайству которыхъ вводится обязательность ученія, возлагается обязанность снабжать бѣдныхъ учениковъ, по надлежащемъ удостовѣреніи въ ихъ бѣдности, одеждой и обувью, необходимыми для посѣщенія школы въ холодное время.

9) При каждой школѣ, въ которой установлено обязательное ученье, долженъ находиться особый училищный комитетъ, въ составъ котораго входитъ мѣстный приходскій священникъ, представитель отъ земства и отъ обществъ: сельскаго изъ селлахъ и городского въ городахъ, и учитель школы. Предсѣдательство въ этомъ комитетѣ принадлежитъ въ училищахъ, содержимыхъ земствомъ, представителю

земства, въ училищахъ городскихъ—представителю городского общества и въ училищахъ сельскихъ — мѣстнымъ приходскимъ священникамъ.

Примѣчаніе. Въ городахъ, имѣющихъ нѣсколько училищъ, для всѣхъ ихъ можетъ быть одинъ комитетъ.

10) На комитетъ возлагается наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій обязательнаго ученія. Съ этою цѣлію комитетъ:

а) ведетъ списки всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста, обязаннымъ посѣщать школу, ежегодно повѣряетъ эти списки, исключая изъ нихъ дѣтей, перешедшихъ уже школьный возрастъ и включая въ нихъ достигшихъ школьнаго возраста;

б) увѣдомляетъ родителей о дѣтяхъ, достигшихъ школьнаго возраста и приглашаетъ ихъ посылать дѣтей въ училище;

в) разсматриваетъ еженедѣльно вѣдомости учителя школы о пропущенныхъ дѣтьми урокахъ и дѣлаетъ чрезъ своего предсѣдателя дознаніе о причинѣ пропуска уроковъ;

г) принимаетъ заявленія родителей, желающихъ учить дѣтей дома или въ частныхъ училищахъ, ведетъ списки такимъ дѣтямъ и принимаетъ мѣры къ повѣрѣ успѣховъ дѣтей, получающихъ домашнее воспитаніе;

д) въ случаѣ пропуска уроковъ по не уважительнымъ причинамъ, поручаетъ предсѣдателю сдѣлать внушеніе родителямъ о необходимости и пользѣ посѣщенія ихъ дѣтьми школы, а при неусидѣнности этой мѣры, дѣлаетъ выговоръ родителямъ съ угрозою наказанія;

е) при не дѣйствительности предыдущихъ мѣръ, дѣлаетъ постановленіе о наложеніи денежнаго штрафа на виновныхъ родителей, который, при повтореніи вины, можетъ увеличиваться, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ превосходить цѣнности двухъ рабочихъ дней;

ж) пересылаетъ постановленія о наказаніяхъ въ селахъ въ мѣстное волостное правленіе, а въ городахъ — въ мѣстное полицейское управленіе, которые уже приводятъ ихъ въ исполненіе;

з) принимаетъ отъ приговоренныхъ къ наказанію, въ случаѣ ихъ недовольства рѣшеніемъ, жалобы и представляетъ ихъ съ своимъ заключеніемъ въ уѣздный училищный совѣтъ, постановляющій уже окончательное рѣшеніе, которое приводится затѣмъ въ исполненіе мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ въ городахъ и волостнымъ управленіемъ въ селахъ.

Примѣчаніе. Штрафныя деньги, взысканныя полицейскимъ управленіемъ или волостнымъ правленіемъ съ виновныхъ, или въ случаѣ несостоятельности ихъ, со всего мѣстнаго общества, обращаются въ не прикосновенный училищный фондъ, изъ котораго, на основаніи ст. 8-й, земскія собранія, сельскія и городскія общества дѣлають пособіе бѣднымъ ученикамъ.

11) Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ сельскія или городскія училища, къ которыхъ введено обязательное ученіе, подчиняются правиламъ, установленнымъ въ Высочайше утвержденномъ 25-го мая 1874 года Положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Предложенныя здѣсь правила представляютъ проектъ тѣхъ руководящихъ основаній, которыя было бы полезно принять при введеніи у насъ обязательнаго ученія; правила эти болѣе или менѣе согласны и съ желаніями, выраженными въ вышеприведенныхъ ходатайствахъ земскихъ собраній и достаточно уже объясненными. Остается въ заключеніе всего сказать нѣсколько словъ въ поясненіе четырехъ постановленій: а) о разрѣшеніи вводить обязательное ученіе *не иначе*, какъ по ходатайствамъ земскихъ собраній, городскихъ или сельскихъ обществъ, б) о требованіи отъ училищъ съ обязательнымъ обученіемъ полного курса начальныхъ училищъ, в) о допущеніи въ этихъ училищахъ дароваго ученія и г) о позволеніи родителямъ обучать дѣтей дома или въ частныхъ училищахъ.

а) Если бы Россія относительно начальныхъ школъ была въ такомъ положеніи, какъ Франція и Бельгія, гдѣ число школъ достаточно для населенія, гдѣ каждая община обязательно содержитъ школу на свой счетъ, то конечно, не могло бы быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, при такихъ условіяхъ, возможно было бы ввести обязательность ученія во всѣхъ школахъ, не спрашивая на то согласія самихъ обществъ. Но у насъ недостатокъ школъ — огромный не только въ селахъ, но даже въ городахъ, а потому необходимо пока поддерживать вслѣдствіе стремленіе, особенно сельскаго населенія, открывать новыя школы, хотя бы и не вполне удовлетворительныя, и поощрять желаніе улучшать уже существующія школы. Есть основаніе опасаться, что введеніе обязательнаго обученія по одному почину правительства повсюду, гдѣ есть хорошія школы, можетъ, при неразвитости нашего сельскаго населенія, охладить въ немъ стремленіе къ открытію и улучшенію школъ и даже имѣть послѣдствіемъ закрытіе многихъ школъ. Поэтому было бы благоразумнѣе оказывать одинаковое покровительство всѣмъ школамъ, хотя бы въ нихъ и не

было введено обязательное обученіе, и приступать къ введенію этой послѣдней мѣры только тамъ, гдѣ желаютъ этого сами мѣстные общества или земскія собранія. При такой системѣ распространеніе обязательности ученія, конечно, пойдетъ медленнѣе, но за то, опираясь на поддержку общества, будетъ прочнѣе.

б) При обязательномъ обученіи каждый ребенокъ обязанъ учиться непремѣнно отъ 3 до 4 лѣтъ и не можетъ пропускать уроковъ безъ уважительныхъ причинъ; при такой продолжительности учебнаго курса и при хорошо подготовленныхъ учителяхъ, что также поставлено въ непремѣнное условіе, оказывается вполне возможнымъ пройти въ такихъ училищахъ полный курсъ, знаніе котораго доставляетъ притомъ учившимся прямую выгоду сокращенія срока дѣйствительной военной службы. Въ этой-то возможности качественнаго улучшенія ученія въ начальныхъ училищахъ и заключается главная выгода обязательнаго ученія, и сю необходимо воспользоваться; ограниченіе же требованій меньшимъ курсомъ повлекло бы за собою для большинства учениковъ праздное проведеніе времени въ училищѣ и пониженіе вообще уровня начальнаго народнаго образованія.

в) Обязательное ученіе не имѣетъ ничего общаго съ даровымъ бесплатнымъ обученіемъ, но и этотъ послѣдній вопросъ, при введеніи обязательнаго обученія, казалось бы, слѣдуетъ признать заслуживающимъ вниманія. Введеніе обязательности было бы у насъ новостью, а потому, при бѣдности крестьянъ, несущихъ уже налоги на содержаніе училищъ, и во избѣжаніе толкованій, что крестьяне облагаются новымъ налогомъ въ видѣ платы за ученіе ихъ дѣтей, было бы благоразумнѣе на первый разъ оставить ученіе бесплатнымъ, но крайней мѣрѣ, въ сельскихъ училищахъ, не отнимая однако у сельскихъ обществъ права постановлять, по ихъ желанію, приговоры о введеніи такой платы. И въ Европѣ во многихъ государствахъ не существуетъ платы за ученіе въ начальныхъ училищахъ, какъ-то: въ Италіи, Даніи, Португаліи и нѣкоторыхъ Швейцарскихъ кантонахъ; въ послѣднее время взиманіе платы за начальное ученіе отменено въ Испаніи и даже въ Пруссіи; въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ начальное ученіе признается повсюду даровымъ.

г) Наконецъ, и при обязательномъ обученіи необходимо наблюдать только, чтобы всѣ родители безъ исключенія давали дѣйствительно воспитаніе своимъ дѣтямъ, но нѣтъ никакого основанія запрещать родителямъ исполнять эту обязанность домашнимъ ученіемъ дѣтей или помѣщеніемъ ихъ въ частныя училища, если они того

пожелаютъ, и требовать непремѣнно отъ всѣхъ посылки дѣтей въ общественныя школы, что было бы стѣсненіемъ родителей, не имѣющимъ никакой разумной цѣли. Во всѣхъ странахъ, гдѣ введено обязательное ученіе, усмотрѣнію родителей предоставляется посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы, или воспитывать ихъ въ частныхъ училищахъ, или дома, подѣ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы домашнее ученіе подвергалось повѣркѣ учебнаго начальства. Правило это въ статьѣ 5-й предложено и для нашихъ училищъ, такъ какъ въ селахъ нашихъ, а еще болѣе въ городахъ, могутъ быть землевладельцы и вообще достаточные люди, которые предпочтительно изберутъ домашнее воспитаніе для своихъ дѣтей.

Независимо отъ введенія обязательности ученія по ходатайствамъ земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ, казалось бы необходимымъ, въ виду несомнѣнной пользы этой мѣры, теперь же принять еще слѣдующія мѣры:

а) при выборѣ мѣстностей для учрежденія сельскихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, получающихъ пособіе отъ правительства, отдавать на будущее время предпочтеніе тѣмъ мѣстностямъ, общества которыхъ, кромѣ выполненія другихъ условій, ходатайствуютъ о введеніи обязательнаго ученія, и

б) приступить предварительно къ собранію свѣдѣній по всѣмъ городамъ о томъ, сколько училищъ потребуется въ каждомъ городѣ для того, чтобы число училищъ было вполне достаточно для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, и въ какой мѣрѣ возможно въ каждомъ городѣ разчитывать на матеріальное содѣйствіе городского общества къ учрежденію достаточнаго числа училищъ, для того, чтобы можно было приступать къ введенію въ томъ или другомъ городѣ обязательнаго ученія.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ О ДОЛИНѢ СРЕДНЯГО И НИЖНЯГО ДУНАЯ ¹⁾.

Сопершивъ нѣсколько этнографическихъ экскурсій изъ г. Черновца по окрестнымъ селеніямъ Надирутской долины, я отправился (29-го августа 1873 года) на югъ, въ Придунайскія княжества, съ цѣлю хотя бѣгло ознакомиться съ общественными и народными отношеніями этихъ странъ, съ ихъ главнѣйшими центрами, съ движеніемъ ихъ литературы и науки. На почву румынской или волошской народности я вступилъ въ г. Сучавѣ, а оставилъ ее въ Мармарошскомъ Сиготѣ, посѣтивъ по очереди Яссы, Галацъ, Букарештъ, Брашево ²⁾, Сибиу ³⁾, Колошваръ ⁴⁾, Дебрецинъ. Затѣмъ, я пробылъ нѣсколько недѣль въ средѣ нашихъ ближайшихъ заграницныхъ соплеменниковъ, Угорскихъ Русскихъ, въ ихъ городахъ: Сиготѣ, Гүштѣ, Мукачевѣ, Унгварѣ, Бардѣвѣ, Пряшевѣ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ Землинской и Шаринской жупаній. Наступили затѣмъ осенніе мѣсяцы, не совсѣмъ удобные для деревенскихъ экскурсій, вслѣдствіе чего я предпочелъ провести ихъ въ городахъ. Разчитывая пайти что-нибудь поучительное и для себя на Вѣнской всемірной выставкѣ, я отправился въ Вѣну и имѣлъ возможность болѣе или менѣе внимательно изучить интересовавшіе меня (археологическіе и этнографическіе) отдѣлы. Изъ Вѣны я еще разъ посѣтилъ Прагу, гдѣ собралъ нѣкоторые данныя для характеристики современнаго общественнаго и экономическаго положенія Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи а равно и нѣкоторые другіе матеріалы этнографическаго и историко-литературнаго характера. Изъ Праги я отправился затѣмъ

¹⁾ Извлечено изъ отчета командированнаго за границу для приготовленія къ профессорскому званію магистра славянской филологіи А. С. Будиловича.

²⁾ Бронштадтъ.

³⁾ Германштадтъ.

⁴⁾ Klausenburg.

въ Пожунѣ¹⁾, а оттуда въ Пештъ, гдѣ оставался болѣе полутора мѣсяца (4-го декабря 1873—25-го января 1874 г.), совершивъ оттуда двѣ небольшие экскурсіи — въ Вышеградъ и въ нѣкоторые центры Словенской земли (Турчавскій св. Мартинъ, Кляшторъ подъ Зніовымъ, Зволяпъ, Вапская Быстрица). Наконецъ, въ концѣ января мѣсяца, я перебрался изъ Пешты въ Хорватскій Загребъ. Такимъ образомъ, вторую половину 1873 года я посвятилъ преимущественно изученію территоріи, населенія и исторіи слѣдующихъ странъ: Буковины, Молдавіи, Валахіи, Семиградья, Венгріи (подкарпатской) и Хорватіи. Не могу сказать, чтобы знакомство мое съ этими странами и теперь, послѣ путешествій въ нихъ, было особенно полное и обстоятельное. Для этого необходимо было бы на каждую изъ нихъ отдѣльно посвятить, по крайней мѣрѣ, полгода времени. Мнѣ же пришлось ограничиться лишь самымъ существеннымъ, — въ знакомствѣ съ положеніемъ отношеній и исторіей вышепозванныхъ странъ и ихъ населенія, отложивъ изученіе частностей до другаго болѣе благопріятнаго случая. Притомъ, въ настоящемъ очеркѣ я могу представить лишь краткіе и бѣглые намеки на то, что будетъ развито въ подробномъ описаніи моего путешествія, которое я надѣюсь издать въ послѣдствіи.

Русское населеніе Буковины составляетъ до 250.000 душъ, хотя статистическимъ показаніямъ центральныхъ австрійскихъ комитетовъ, равно какъ и показаніямъ народныхъ переписей, вѣрить абсолютно не возможно, потому что эти переписи всюду почти и при томъ довольно систематически направлены на преуменьшеніе (хотя кажу- щееся) населенія славянскаго, въ пользу всякой другой народности — нѣмецкой, мадьярской, италіанской, румынской. Единствен- ное въ этомъ отношеніи исключеніе составляютъ Подьяки, которыхъ мѣстная статистика не только не преслѣдуетъ, но даже замѣтно покровительствуетъ имъ — на счетъ Русскихъ. Вообще же можно сказать, что русскій элементъ даже статистикамъ внушаетъ наиболѣе заботы и заставляетъ ихъ постоянно прибѣгать къ разнымъ пріемамъ — конечно, фиктивного лишь — сего ослабленія. Въ Буковинѣ это совершается съ помощію румынскаго элемента, въ Венгріи — съ помощію мадьярскаго, отчасти даже словенскаго. Какъ бы то ни было, русское населеніе въ Буковинѣ составляетъ

¹⁾ Pressburg.

абсолютное большинство. Границы его трудно опредѣлить, потому что онѣ не идутъ по одной опредѣленной линіи, а, напротивъ, того во многихъ мѣстахъ прорываютъ этнографическую черту Румуновъ и смѣло врѣзаются въ глубь ихъ народной территоріи. Оттого ни Прутъ, ни Сереть не могутъ быть названы пограничною русско-румунскою рѣкой. Есть острова русскіе и за Серетомъ, на Сучавѣ, даже подъ самою Кириль Вабой, на крайнемъ юго-западѣ провинціи, близъ границъ Семиградья. И спрашивалъ мѣстныхъ старожилъ о томъ, въ которую сторону раздвигается область народная и почти всѣ убѣждали меня, что это совершается въ пользу народности русской и на счетъ румынской. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что румынская народность является здѣсь привилегированною въ сравненіи съ русскою. Въ рукахъ Румуновъ находится большая часть крупныхъ земельныхъ участковъ. Они имѣютъ преобладающее вліяніе и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ управленіяхъ, потому что и Нѣмцы, вліятельные въ мѣстной администраціи, гораздо нѣжнѣе относятся къ богатой „панской“ народности румынской, чѣмъ къ бѣдной мужицкой — русской. Румуны имѣютъ нѣсколько гимназій, Русскіе — ни одной. Даже въ семинаріи духовной, гдѣ Русскіе рѣшительно составляютъ большинство, русскіе ученики должны учиться на румынскомъ языкѣ, должны учиться на румынскомъ языкѣ проповѣдывать въпоследствии въ русскіихъ приходахъ! И не смотря на все это, русская народность въ Буковинѣ ширится, а румынская — убываетъ.

Что касается народнаго типа, то пужно различать здѣсь три элемента русскаго населенія.

Самый многочисленный изъ нихъ — *Гуцульскій*. Этотъ горный типъ встрѣчается не только въ горныхъ и пограничныхъ съ Румунами частяхъ Галиціи и Буковины, но и въ Закарпатскомъ (венгерскомъ) Мармарошѣ. Въ этомъ типѣ замѣчается сильная примѣсь крови волошской. Не въ одномъ только высокомъ ростѣ, смугломъ лицѣ, стройной осанкѣ и гордыхъ пріемахъ отражается эта примѣсь южной крови, но и въ костюмѣ, въ пѣснѣ, въ музыкѣ, въ обстановкѣ быта, въ языкѣ Гуцула. Уже одна женская юбка, въ видѣ двухъ связанныхъ платковъ (спереди и сзади) достаточно свидѣтельствуетъ о румынской „модѣ“ у гуцульскихъ красавицъ — въ Буковинѣ, въ округѣ Коломыйскомъ и въ комитетѣ Мармарошскомъ. Столь же родственны между собою оригинальные мотивы музыки гуцульской (коломыйка) и волошской. Замѣчательно, что тѣ же мотивы составляютъ особенность и цыганской музыки, господствующей какъ въ придунайскихъ княже-

ствахъ, такъ и въ Венгріи, собственно мадьярской. Одинъ русскій путешественникъ выражалъ мнѣ свое удивленіе по поводу страннаго сходства музыки цыганской съ персидскою. Не принесли ли Цыгане этой музыки изъ Азіи (Индіи, Персіи), и не послужили ли Румыны лишь распространителями этихъ мелодій въ средѣ прикарпатскихъ горцевъ? Кажется, что и Евреи хлебнули изъ этого музыкальнаго источника. Танцы гуцульскіе и волошскіе тоже очень сходны ¹⁾. Даже „дипломатическимъ“ языкомъ у Гуцуловъ при пляскахъ служить — волошскій (какъ въ цивилизованныхъ обществахъ — французскій)! На воловъ своихъ Гуцулъ тоже кричитъ по волошски (но относительно лошадей и собакъ и встрѣчалъ въ Буковинѣ примѣненіе нѣмецкаго языка, какъ „международнаго дипломатическаго“: *vorwärts, rückwärts* и т. д.). Подобно Румуну, Гуцулъ предпочитаетъ кукурузу всякой другой пищѣ. Мамалыга, плаченца — любимыя его блюда. Какал-то затѣмъ по истинѣ волошская беззаботность и легкомысліе отличаютъ Гуцула ²⁾. Конечно, въ этой послѣдней области трудно рѣшить, гдѣ оригиналъ, а гдѣ копія: Русскіе ли отъ Волоховъ или Волохи отъ Русскихъ заимствовали свою лѣнь, безпечность и страсть къ нѣпству. Или это признакъ ихъ общей принадлежности къ „оріенту“, къ „греко-славянскому“ культурному міру? Несомнѣнно только, что и Мадьяры въ этомъ отношеніи наши „восточные“ братья. Только у нихъ эта лѣнь еще величественнѣе, а безпечность еще первобытнѣе.

Было бы, однако, несправедливо все общее въ типѣ и бытѣ Русскихъ и Волоховъ приписывать одностороннему вліянію вторыхъ на первыхъ. Еще могущественнѣе, безъ сомнѣнія, было вліяніе первыхъ на вторыхъ, что и отразилось не только въ современномъ языкѣ Волоховъ, но и въ массѣ волошскихъ историческихъ памятниковъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Ниже еще будетъ рѣчь объ этомъ; теперь же замѣтимъ лишь фактъ чрезвычайнаго сходства между Русскими и Румынами, и притомъ такъ, что Подоляне Русскіе похожи на Молдаванъ, а Горцы (Гуцулы) — на Волоховъ въ собственномъ смыслѣ, или „Мунтянъ“.

Съ другой стороны, очень вѣроятно, что бѣольшую долю Гуцуловъ составляютъ обрусѣвшіе Волохи. Это видно, между прочимъ,

¹⁾ Называются они, напримѣръ, кордія, сербинъ, арпанъ, козакъ, колошійка или рускій танецъ.

²⁾ Но Гуцулы гораздо солиднѣе, трудолюбивѣе, скромнѣе Волохъ. На нихъ держится общественный порядокъ Гуцульскаго края.

изъ географической номенклатуры карпатскихъ жилищъ Гуцуловъ. Волошскій языкъ запечатлѣлся въ названіяхъ горъ и равнинъ на всемъ почти протяженіи Карпатовъ, но преимущественно въ южной, гуцульской ихъ части. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйтелей въ этой совершившейся здѣсь руссификаціи Румунъ былъ церковно-славянскій богослужебный языкъ, лишь недавно вытѣсненный румунскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе элементы народныя присоединились къ образованію этого любопытнаго гуцульского типа, но важнѣйшимъ, основнымъ долженствовали быть полонскій. Въ историческія изысканія о томъ, когда, въ какомъ вѣкѣ совершилось образованіе этого типа, когда и какъ онъ вошелъ въ Буковину, поспѣли и все далѣе въ ней распространился и распространяется — пускаться здѣсь не стану, такъ какъ это вопросъ мало еще разъясненный. Буковина была, между прочимъ, полемъ борьбы Польши съ Турціей, что не могло не отразиться и на населеніи этой области. Оно прежде было очень малочисленно и углублено въ горы. Но со времени присоединенія къ Австріи, область быстро населилась и развилась. Вѣроятно, въ это уже время преимущественно расширилось въ Буковинѣ и гуцульское ее населеніе. Какъ бы то ни было, въ настоящее время это самый сильный изъ элементовъ мѣстнаго населенія, разрастающійся, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія. Къ вышензложеннымъ соображеніямъ о румунской основѣ гуцульского типа, можно привести еще одно обстоятельство, не лишенное своего значенія. Всѣ, можно сказать, Буковинскіе Гуцулы суть православныя, а не униаты. Зовутъ же они себя и Волохами ¹⁾, по не Русскими: Русскій въ Буковинѣ означаетъ униата. Почему это? Потому, что „Волохъ“ дѣйствительно еще упорнѣе въ православіи, чѣмъ Русскій. Хотя въ Семиградѣ есть и Румуны-униаты, но въ Буковинѣ таковыхъ почти нѣтъ: всѣ буковинскіе униаты ²⁾ суть позднѣйшіе (послѣ Іосифа II) выходцы изъ Галиціи. Но число такихъ униатовъ русскихъ въ Буковинѣ очень незначительно: для униатской пропаганды оказалась въ Буковинѣ почва равно неблагопріятная какъ между Волохами, такъ и между Гуцулами.

¹⁾ Волохами, но не Румунами. Про Румунъ же одинъ русскій крестьянинъ сказалъ: «У нихъ вѣра московская, а языкъ цыганскій».

²⁾ Мѣстная власть и здѣсь, какъ всюду, поддерживала унию. Довольно характерно, хотя и неумышленно выразился одинъ — но совсѣмъ безграмотный — униатъ, отвѣтивъ на вопросъ: какой ты вѣры? — «Я цесарскій католикъ»!

Кромѣ этихъ двухъ частей русскаго населенія Буковины — Гуцуловъ и галицкихъ переселенцевъ уніатовъ, есть тамъ еще третья, незначительная по числу, но важная по яденіямъ, какія она представляетъ и по энергія своихъ членовъ. Это — Липоване, то-есть, великорусскіе раскольники, имѣющіе здѣсь, въ Бѣлой Криницѣ, свою митрополию — не только для Буковины, но и для всего русскаго старообръческаго міра.

Я не стану распространяться здѣсь о религіозномъ направленіи и значеніи этихъ бѣлокриницкихъ раскольниковъ. Скажу только о той репутаціи, какою они тутъ пользуются между другими элементами населенія. Какихъ-нибудь 5.000 душъ — въ трехъ-четырехъ деревушкахъ, — а сколько труда, какою дѣятельностію умѣютъ они развить въ странѣ! Своею особою спеціальностію считаютъ они земліяныя работы. И дѣйствительно, значительная часть дорогъ и мостовъ, рововъ и капаловъ — не только въ Буковинѣ, но и въ смежныхъ частяхъ Галиціи, произведены этою горстью „мужиковъ-нижеперовъ“. Въ послѣднее время они ходятъ на работы и въ Бессарабію. Говорятъ они на чистѣйшемъ великорусскомъ языкѣ; живутъ строго, честно и зажиточно; на людей другихъ народностей и исповѣданій смотрятъ съ недовѣріемъ, но и вмѣстѣ съ какимъ-то высокомѣрнымъ сознаніемъ своего превосходства. Въ послѣднее время между ними образовалась партія, желающая возвратиться въ Россію, примириться съ землею своихъ предковъ; но митрополитъ и его штатъ очень неблагоприятно отнеслись къ этой мысли, боясь потерять свое „папское“ вліяніе по удаленіи ихъ изъ своего Бѣлокриницкаго Рима. Примиреніе съ этими упрямыми, людьми очень подняло бы авторитетъ Россіи между другими заблудшими ея дѣтьми, напримѣръ, Липованами въ Молдавіи и Некрасовцами въ дунайскихъ плавняхъ и Добруджѣ. Известно, что этими, турецкимъ теперь, Русскими принадлежатъ въ настоящее время плавни, то-есть, гирлы Дуная. Въ 1853—1854 годахъ они составляли авангарды турецкихъ войскъ; но теперь и замѣчалъ въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ нихъ недовольство своимъ положеніемъ и какъ бы тоску по родинѣ своихъ отцовъ.

Впослѣдствіи въ Яссахъ, Галацѣ и Букарештѣ мнѣ пришлось встрѣтить еще другой видъ русскаго раскола, именно скопцовъ; но тѣ производятъ впечатлѣніе уже другаго рода. Конечно, и они не потеряли русской сметки и находчивости; они трудолюбивы и бережливы, зажиточны и трезвы. Но уродство физическое кладезь и на духовную ихъ сторону какое-то темное, зловѣщее пятно. На глад-

комъ, равнодушномъ ихъ лицѣ читаешь невольно какую-то затаенную злобу, подавленное страданіе и какъ-бы презрѣніе къ себѣ и къ людямъ. Въ придупайскихъ княжествахъ, вѣроятно, наберется до 1.000 приверженцевъ этой мрачной секты. Большая ихъ часть занимается извозничьимъ промысломъ въ большихъ городахъ. Лучшие рысаки въ обѣихъ румынскихъ столицахъ, самые изящные экипажи, блестящая эбруа принадлежать этимъ русскимъ скопцамъ. Мнѣ случилось слышать, что общество румынское потому и смотритъ сквозь пальцы на вскрывающіяся по временамъ безобразія этой секты, что боится потерять несравненныхъ своихъ кучеровъ-извозниковъ. А кто бывалъ въ Иссахъ и Букарештѣ, тотъ знаетъ, какую громадную роль играетъ въ жизни этого легкомысленнаго общества — катанье по Corso или шоссе....

Скажу теперь нѣсколько словъ объ интеллигенціи Буковинскихъ Русскихъ. Къ сожалѣнію, какъ и во многихъ другихъ славянскихъ земляхъ, она далеко несоотвѣтствуетъ своему пароду — ни по количеству, ни по качеству. Особенно падастъ этотъ упрекъ на русское духовенство Буковины. Другихъ интеллигентныхъ русскихъ сословій здѣсь и быть не можетъ. Помѣщики — почти всѣ Румыны, либо Нѣмцы, Евреи и Армяне. Между чиновниками хотя и есть Русскіе, но они должны соображаться со своими начальниками, преимущественно Нѣмцами. Между учителями тоже есть Русскіе, но они должны преподавать либо на нѣмецкомъ, либо на румынскомъ языкахъ и таить свои народныя чувства. Духовенство могло бы быть болѣе заботливымъ о нравственныхъ потребностяхъ своего народа. Нужно вспомнить, что нигдѣ почти въ Австріи духовенство не представляется столь обезпеченнымъ матеріально, какъ въ Буковинѣ. Прежде богатства буковинскаго духовенства были еще значительнѣе. Іосифъ II, закрывъ здѣсь двадцать-одинъ монастырь (изъ 25-ти), наложилъ руку и на церковныя имущества. Изъ имуществъ этихъ образованъ былъ такъ-называемый Studien und Religions-Fond, который въ Буковинѣ и въ настоящее время представляетъ до 11-ти милліоновъ въ капиталахъ и до 10-ти милліоновъ въ имѣніяхъ (особенно лѣса, составляющіе почти половину всѣхъ лѣсовъ Буковины). Какъ ни плохо управленіе этимъ фондомъ, все же духовенство буковинское получаетъ съ него болѣе 700.000 флориновъ. Имѣя въ виду, что сумма эта распределяется на духовно-религіозныя потребности парода менѣе чѣмъ въ полмилліона душъ, можно понять, что положеніе православнаго духовенства Буковины довольно обезпеченное. Лучшимъ доказательствомъ этого служить

нововоздвигаемая въ Черновицахъ резиденція православнаго епископа, ипѣ митрополита Буковины и Далмаціи. Это одно изъ громаднѣйшихъ и красивѣйшихъ, по вѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ дорогихъ зданій Австріи. Болѣе милліона издержано уже изъ суммъ религіознаго фонда Буковины — на сооруженіе этого зданія, а оно еще далеко не окончено. Странно видѣть такую расточительную роскошь въ резиденціи православнаго владыки полумилліона (по съ Далмаціей — все-таки менѣе милліона) душъ! Уже одна эта резиденція можетъ служить достаточнымъ указаніемъ какъ на богатства буковинской церкви, такъ и на неумѣнье ея пользоваться этимъ богатствомъ...

Не изъ одного источника слышалъ я также о жадности нѣкоторыхъ, другіе говорятъ — очень многихъ, православныхъ священниковъ Буковины. Эта жадность при исправленіи требъ бывала даже поводомъ къ совращенію православныхъ Буковинцевъ въ унию, духовенство которой гораздо безупречнѣе въ этомъ отношеніи. Что касается развитія народнаго сознанія въ большинствѣ русскаго православнаго духовенства въ Буковинѣ, то недостаточность его видна уже изъ того, что въ его средѣ чрезвычайно распространено употребленіе нѣмецкаго языка. Это не только дипломатическій, но и семейный языкъ значительной части русскаго священства Буковины. Нельзя отрицать, что есть и теперь уже нѣсколько дѣльныхъ и ревностныхъ патріотовъ въ средѣ какъ духовной, такъ и свѣтской интеллигенціи русской въ Буковинѣ, по это исключенія, хотя пріятныя, но, къ сожалѣнію, довольно рѣдкія. Въ этомъ отношеніи даже Галиція гораздо выше Буковины. Есть въ Черновицахъ, правда, клубъ — Руссканъ бесѣда. Прежде было даже двѣ: гражданскан и ученическан; потомъ онѣ слились во-едино; но особеннаго оживленія въ мѣстную общественную русскую жизнь онѣ не внесли. Отношеніе интеллигенціи румынской къ русской (въ Буковинѣ) довольно вѣрно можно охарактеризовать разсмотрѣніемъ основнаго фонда Черновицкихъ бесѣдъ румынской, съ одной стороны, и русской — съ другой. Фондъ первой доходилъ до 50.000 флориновъ., а второй — едва до 1.500 флориновъ.

Что касается вліянія, какое можетъ имѣть октроированное недавно австрійскимъ министерствомъ іерархическое соединеніе Буковины съ Далмаціей, то оно едва ли будетъ вредно народнымъ интересамъ Славянъ Буковинскихъ или Далматинскихъ. Какъ ни противостественна эта административная комбинація, она однако оказалась болѣе непріятною Румынамъ, чѣмъ Славянамъ. Первые предпочли бы союзъ церковный съ любую страню румынскую, напри-

мѣръ, Семиградьемъ и Молдавіей, такъ какъ мысль о сближеніи разрозненныхъ частей „великой Дакіи“ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ головѣ румынскихъ патріотовъ. Естественнымъ же центромъ тяготѣнія церкви буковинско-русской былъ бы востокъ, еслибъ этому не препятствовали многія обстоятельства внутреннія и внѣшнія. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что природа, и страны, и населенія, приковала Буковину къ славянскому востоку, еще болѣе, чѣмъ къ волошскому югу, не говоря уже о задунайской Германіи. Сюда, на востокъ, текутъ всѣ рѣки Буковины; сюда направлены всѣ ея торговые пути; сюда стремится инстинкты населенія. Каждое лѣто масса буковинскихъ горцевъ спускается въ сосѣдную Подолію, Бессарабію и далѣе до Днѣпра и Черпаго моря, на заработки. Лишь немногіе изъ Русскихъ Буковины ходятъ въ Молдавію.

Во всякомъ случаѣ, эта небольшая, но интересная область во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія русскихъ ученыхъ. Своими предаціями, своимъ населеніемъ, своими интересами она связана съ сосѣдними областями южной Россіи. Отъ западныхъ центровъ науки она слишкомъ удалена и въ прямомъ, и въ переносномъ (нравственномъ) смыслѣ. Оттого она очень мало еще изслѣдована, какъ въ физическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Существующія описанія Буковины ¹⁾ не выходятъ за предѣлы краткихъ популярныя очерковъ, особенно въ историческихъ и археологическихъ своихъ отдѣлахъ. Исторія буковинскихъ монастырей изслѣдована отчасти Львовскимъ ученымъ О. А. Петрушевичемъ; но въ сожалѣнію, лишь незначительный ея отрывокъ былъ напечатанъ въ одномъ, исчезнушемъ уже теперь, Черновицкомъ періодическомъ изданіи. Очень было бы желательно побудить г. Петрушевича обнародовать продолженіе своего труда; онъ обозрѣлъ и архивы буковинскихъ монастырей, вслѣдствіе чего трудъ его долженъ быть очень важенъ для исторіи южной Руси политической и религіозной, съ Приднѣстровьемъ и Припутьемъ. Мы удалось рассмотреть еще одинъ рукописный трудъ о Буковинѣ, именно этнографическое описаніе одной ея части (Берюметъ надъ Прутомъ и сосѣднія селенія), со сборникомъ пѣсень, пословицъ и т. д., составленное г. Купчавкомъ и находящееся нынѣ въ распоряженіи Кіевскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Этотъ сборникъ за-

¹⁾ Импринтарт. *Bendella*: Die Bukowina 1845; *Bukowina*, Heimathskunde Czernowitz 1872; *Bukowina*, Bericht d. Czernowitzer Handels-und Gewerbe Kammer 1873; *Simiginowicz-Staufe*, Bodenplastik der Bukowina, Kroustadt 1873.

ключаетъ не мало интересныхъ данныхъ, но онъ обнимаетъ лишь незначительную часть русской Буковины. Здѣсь я рѣшаюсь высказать убѣжденіе, что, въ интересахъ науки русской этнографіи, было бы очень желательно, чтобы Русское Географическое Общество обратило свое вниманіе на этнографическое изученіе и закордонныхъ частей Русскаго племени, то-есть на русское населеніе Галиціи, Буковины и восточной Венгріи. Это тѣмъ важнѣе, что значительная, а именпо подгорная часть этого населенія донынѣ осталась на довольно патріархальной ступени общественнаго развитія и потому представляетъ въ живомъ видѣ много исчезнувшихъ уже индѣ чертъ древне-русскаго быта, правовъ, обрядовъ, повѣрій и т. д. Не малую въ этомъ отношеніи услугу оказало русской наукѣ Московское общество исторіи и древностей изданіемъ сборника народныхъ пѣсенъ галицкихъ, а отчасти буковинскихъ и венгерско-русскихъ Н. Ѳ. Головацкаго. Но область эта не истощена и не исчерпана въ научномъ отношеніи. Между тѣмъ въ послѣднее время, послѣ многихъ измѣненій въ общественныхъ и народныхъ отношеніяхъ австрійскихъ народовъ (съ 1848 года), старыя условія быта сильно потрясены даже въ самыхъ недоступныхъ культурнымъ вліяніямъ ущельяхъ Карпатскихъ горъ. Пути сообщенія, школы открыли туда доступъ новымъ элементамъ, новымъ идеямъ: въ Галиціи преимущественно польскимъ, въ Буковинѣ—пѣмекскимъ и румынскимъ, а въ Венгріи—мадьярскимъ. Поэтому съ каждымъ днемъ повсегоду гибнетъ здѣсь народная русская старина въ бытѣ и понятіяхъ, гибнетъ, слѣдовательно, драгоценный матеріалъ для этнографа, археолога и историка. Было бы очень поэтому желательно, чтобы наши этнографическія южно-русскія экспедиціи распространялись по возможности и на подкарпатскія области Русскаго племени.

Перехожу теперь къ сосѣдней Южноруссамъ и по многомъ чрезвычайно имъ родственной народности румынской, или волошской.

Границъ строго опредѣленныхъ эта народность не имѣетъ. Правда, что нѣкоторые румынскіе мечтатели опредѣляютъ эти границы рѣками: Днѣстромъ, Тисой и Дунаемъ, но на пространствѣ, облитомъ этою линіею, живетъ нѣсколько миллионъ не Румуновъ, во многихъ случаяхъ болѣе или менѣе сплошными массами, какъ напримѣръ, Мадыры въ Бихарскомъ, Аразскомъ, Чапакскомъ, Ченградскомъ, Бевешскомъ и т. д. комитатахъ; Сербы въ западномъ Банатѣ, Русскіе въ Мармарошѣ, Угоцкомъ, Сутмарскомъ, Заболотскомъ комитатахъ, въ Коломыйскомъ округѣ, сѣверной Буковинѣ, въ низовьяхъ и гирлахъ Дуная. Даже внутри ихъ собственной территоріи есть значительныя

острова инородцевъ, напримѣръ, острова Зикскихъ Секляровъ, затѣмъ Брашовскихъ, Сибинскихъ и Быстрицкихъ Саксовъ въ Семиградѣ. Значительную часть городского населенія въ Молдавіи составляютъ Евреи, а въ Валахіи—Болгары. Города же придупайскіе представляютъ пеструю смѣсь всѣхъ почти восточныхъ и нѣкоторыхъ западныхъ народовъ. Стоитъ пройти по площадямъ и набережнымъ Галаца, чтобы составить себѣ понятіе о разнокалиберной смѣси толкущихся здѣсь народовъ. Глядомъ встрѣчаете вы тутъ и греческій фесъ, и турецкій турбанъ, и румынскую овчинную шапку, и швабскій цилиндръ, и еврейскую мицку. Такое же смѣшеніе въ языкахъ, въ лицахъ, въ правахъ.

Румынская народность представляетъ чрезвычайно любопытное этнографическое явленіе. Тутъ повторяется то, что замѣчается и между Евреями: противорѣчіе между языкомъ и бытомъ, формой и содержаниемъ. Кто назоветъ Еврея Нѣмцемъ, не смотря на все то, что онъ говоритъ въ семьѣ и въ общественныхъ отношеніяхъ на нѣмецкомъ, какъ на родномъ языкѣ? Столько же трудно назвать Ромашцемъ Волоха, хотя говоритъ онъ на одномъ изъ романскихъ нарѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго съ западными соплеменниками своими имѣетъ этотъ Волохъ? Что его роднитъ съ ними: вѣра ли, общественный ли строй, характеръ или бытъ? Зайдите въ его церковь. Правда, теперь вы уже не услышите звуковъ славянскаго языка, но увидите еще всюду славянскія буквы,—ибо и Куза не въ состояніи былъ вытѣснить кириллицу изъ церковнаго употребленія, даже при румынскомъ языкѣ. А если икона подревнѣе, то неурѣдно вы прочтете на ней славянскую надпись. Взгляните на этотъ куполъ, который возвышается надъ вами, на эти стѣны, разукрашенные оригинально живописью, на стиль этихъ зданій, на характеръ этой живописи: развѣ это романскій западъ? Пройдитесь по любому волошскому городу, конечно, не нѣмецкому только, по улицамъ Яссы, Галаца, Буварешта, присмотритесь къ этому раскидистому простору, къ этимъ то грязнымъ, то пыльнымъ улицамъ, къ постройкѣ этихъ одноэтажныхъ, пестрыхъ, домиковъ съ плоскими крышами: развѣ это не нашъ родной—привольный, но безалаберный востокъ, тотъ же востокъ, который преслѣдуетъ васъ всюду, гдѣ живетъ Славянинъ, Грекъ, Турокъ, Волохъ, Мадьяръ? Войдете вы въ волошскую деревню, посмотрите на эту деревянную „архитектуру“, на эти соломенные крыши,—присмотритесь къ домашней утвари, къ ихъ хозяйственнымъ приборамъ, къ узорамъ ихъ тканей, прислушаетесь къ мотивамъ ихъ пѣ-

сень, приглядитесь къ характеру ихъ плясокъ, и сколько найдете во всемъ этомъ поразительно сходнаго со славянскимъ, особенно же съ малорусскимъ! Та же поэзія и та же безнечность; то же добродушіе и то же отсутствіе самообладанія; тѣ же величавые приемы и та же неповоротливость въ обращеніи; та же вѣрность своимъ религіознымъ преданіямъ и суевѣріе столь же невѣжественное. Даже бѣлые украинскіе быки, съ безконечными рогами, также неизбѣжны въ каждомъ почти волошскомъ селѣ. Только лицо нѣсколько смуглѣе, жестикуллія живѣе, кровь жарче. Къ торговлѣ и ремесламъ Волохъ обнаруживаетъ очень мало склонности. За него это исправляютъ Евреи въ Молдавіи, Болгары въ Валахіи, а Саксы и другіе Нѣмцы въ Семиградѣ и Венгріи. Волохъ столь же исключительный земледѣлецъ, какъ Малороссъ или Мадьяръ. Лишь въ горахъ онъ пускается — и то по нуждѣ — въ промыслы.

Впрочемъ, нужно различать — какъ всюду, такъ и здѣсь — Волоха-горца и Волоха-подолянина. Первые называются тамъ Мунтипами; а вторые ипогда смѣшиваются съ названіемъ Молдавнина. Отношеніе между ними почти то же, что между Гуцуломъ или Верховинцемъ (въ Венгріи) и подоляниномъ Русскимъ. Первый нѣсколько грубѣе, суровѣе, но и энергичнѣе; послѣдній мягче, добрѣе, но и апатичнѣе. Между первыми есть цѣлое сословіе пастуховъ, знаменитыхъ волошскихъ пастуховъ, распространившихъ свое имя и приемы пастушескаго дѣла не только по Карпатскимъ, но отчасти и по Балканскимъ горамъ. Оттого въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и допущенъ слогъ „влахъ“ служить почти синонимомъ пастуха. Не они ли разнесли волошскія названія по цѣлому гребню Карпатонъ, до самыхъ Татръ, между которыми тоже есть одна гора „Волошинъ“? Центромъ и исходнымъ мѣстомъ этихъ волошскихъ Мунтинъ были, по видимому, Алыны Семиградскія — южныя и восточныя. Едва ли другому обстоятельству, какъ не недоступности этихъ горъ, Румуны обязаны своимъ народнымъ спасеніемъ. И Васки лишь изъ горъ спасли свою народность въ круговоротѣ вѣковъ и тысячелѣтій. То же было съ Кельтами, Албанцами, Осетинами и др.

Къ вышеизложеннымъ чертамъ сходства или этнографическаго сродства между Румунами и Славянами можно присоединить еще одну, печальную историческую примѣту. До послѣдняго времени Румуны всюду почти и въ полномъ смыслѣ слова были беззащитными обществеными паріями. Не стану вспоминать здѣсь вѣковой неволи турецкой, не мало сроднившей Румунъ со Славянами общностью

страданій. Приведу лишь одинъ фактъ изъ исторіи Семиградскихъ Румунъ. Истинно, что они составляютъ въ Семиградѣ громадное большинство населенія. въ сравненіи со всѣми другими элементами—мадьярскимъ, секлярскимъ и саксовъ. Тѣмъ не менѣе политическій триумфъ семиградскихъ народностей состоялъ изъ: Мадьяровъ, (Секляровъ (тоже плѣтъ Мадьяровъ) и Саксовъ! Румунъ словно тамъ и не существовало! Но еще тяжелѣе этого политическаго рабства было рабство социальное, крѣпостная зависимость отъ помѣщиковъ, нѣвшихъ громадное значеніе какъ въ Семиградѣ, такъ и въ княжествахъ, значеніе, не вполне утраченное и въ настоящее время. Правда, что румунскіе крестьяне эманципированы и въ Австріи (1848 г.), и въ княжествахъ (1864 г.). Но эманципация эта не освободила ихъ отъ зависимости. Аристократическій элементъ слишкомъ силенъ здѣсь не только громадными своими богатствами, но и солидарностью интересовъ, привычкою господствовать, превосходствомъ образованія, влияніемъ на правительство. Нужно при этомъ вспомнить, что какъ въ Венгріи, такъ и въ княжествахъ власть находится преимущественно въ рукахъ инородцевъ, въ которыхъ, слѣдовательно, румунская народность не можетъ ожидать особеннаго къ себѣ расположенія. Какъ бы то ни было, Румунскій народъ представляется въ настоящее время почти повсемѣстно расколотымъ на два очень различныя слоя, между которыми мало сродства въ бытѣ и въ интересахъ. Верхній классъ—боярство, знать, и низшій—*meșterii contribușii plebs*. Большая часть того, что сказано выше о Румунахъ, относится преимущественно къ послѣднему, низшему классу народа. Онъ же составляетъ и громадное большинство, можетъ быть, 90% населенія, такъ какъ интеллигентный классъ вообще здѣсь очень не значителенъ. Расколъ между двумя классами Румунскаго народа такъ силенъ, какъ, быть можетъ, былъ въ Россіи нѣкогда, при Аннѣ Иоанновнѣ или Петрѣ III. Разница эта не мало усиливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что румунская, то-есть, между Румунами живущая, аристократія въ значительной части—иностранныя происхожденія: въ Венгріи—мадьярскаго и вѣмецкаго, а въ княжествахъ—греческаго, турецкаго, сербскаго. Въ Венгріи даже религія раздѣляетъ знать отъ простаго народа: первая принадлежитъ преимущественно къ протестантамъ (Мадьяры — кальвинисты, Нѣмцы — лютеране) или католикамъ, а послѣдній исповѣдуетъ православіе. Въ Княжествахъ этого различія нѣтъ; но стремленіе къ нему и здѣсь начинается пробиваться. Съ тѣхъ поръ, какъ между румунскою интеллигенціею сталъ пробиваться романизмъ, или,

лучше сказать, „галломанія“,—появилось кой-гдѣ и стремленіе эманципироваться отъ восточнаго и примкнуть къ западу въ религіозномъ отношеніи. Первый ударъ направленъ былъ на славянскій языкъ въ богослуженіи, второй—на кирилловскую азбуку въ гражданской и духовной литературѣ. Но на этомъ пока и остановилось дѣло. Корни румунизма слишкомъ глубоко всосались въ почву православія, чтобы однимъ усиліемъ можно было ихъ вырвать изъ этой почвы и пересадить на другую. Впрочемъ, религіозный индифферентизмъ составляетъ уже теперь преимущественную религіозную атмосферу, въ которой растетъ и развивается румунская „интеллигенція“. Вслѣдствіе этого такъ сочувственно отнеслась она къ тому сильному удару, который нанесенъ румунской церкви княземъ Кузою чрезъ секуляризацію церковныхъ имуществъ и упраздненіе всѣхъ почти румунскихъ монастырей въ княжествахъ. Конечно, часть ответственности за это равнодушіе общества къ интересамъ своей церкви должна пасть на голову служителей послѣдней, слишкомъ часто забывавшихъ свои обязанности въ отношеніи къ своему народу и жившихъ своими интересами, личными и кастовыми. Но съ другой стороны, значительная часть церковныхъ доходовъ княжествъ должна была отсылаться въ патріархію и употребляться на цѣли, часто противорѣчащія интересамъ румунской народности. Во всякомъ случаѣ общество въ правѣ было требовать отъ своего правительства, по крайней мѣрѣ, употребленія секуляризованныхъ имуществъ на цѣли религіозно-нравственныя. Іосифъ II также взялъ въ казну монастырскія имущества въ Австріи; но онъ образовалъ изъ нихъ особый Studien-und Religions-Fond, тогда какъ въ Румуніи тѣ имущества поступили въ число государственныхъ, употребляются на армію, пути сообщенія и т. д., на вещи, конечно нужныя, но очень различныя отъ тѣхъ, на какія онѣ пожертвованы завѣщателями. Послѣ этой конфискаціи церковныхъ имуществъ, румунское духовенство утратило остатокъ своего вѣса и значенія. Болярство не имѣетъ въ немъ противовѣса своимъ олигархическимъ стремленіямъ.

Не смотря на потерю дароваго крестьянскаго труда, румунскіе бояре находятся все еще въ довольно блестящемъ матеріальномъ положеніи. Доходы въ 50,000 или 100.000 червонцевъ не рѣдкость между ними. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время между ними сталъ сильно распространяться вкусъ къ роскоши, къ раззорительнымъ путешествіямъ, а вслѣдствіе этого, они стали входить въ долги. Конечно, долги показываютъ развитіе кредита, но являясь они служатъ признакомъ важнаго общественнаго перелома—перехода крупнаго землевладѣнія

и капиталовъ отъ волошскихъ бояръ къ нѣмецкимъ спекулянтамъ, Евреямъ ростовщикамъ и греческимъ торговцамъ. Что выиграетъ отъ этого народъ — покажетъ время.

Вообще современное общественное состояніе Румыніи не представляется особенно утѣшительнымъ. Не стану касаться здѣсь неудачи политическихъ и плохого состоянія румынскихъ финансовъ (не смотря на всѣ выгоды естественнаго положенія страны, на превосходное качество почвы, обиліе водяныхъ путей, близость къ торговымъ хлѣбнымъ рынкамъ). Не стану распространяться о легкомысліи румынскаго общества, легкомысліи въ отіошеніяхъ семейныхъ и общественныхъ, о приврачной свободѣ народа, съ благодарностью, но и съ грустью вспоминаяго о временахъ графа Киселева, когда господствовалъ законъ и для сильныхъ, и для слабыхъ. Не буду говорить о деморализаціи политическихъ представителей народа, о ихъ готовности служить подъ каждымъ „выгоднымъ“ знаменемъ. Скажу лишь нѣсколько словъ о состояніи образованія въ Княжествахъ.

Не смотря на то, что въ краѣ есть два университета и нѣсколько гимназій, состояніе школъ въ Румыніи, по собранному мною свѣдѣніямъ, очень печально. Достаточно привести тотъ, наиримѣръ, фактъ, что въ городѣ Галацѣ, съ болѣе чѣмъ 70.000 населенія, существуетъ лишь 4-х-классная гимназія. Кто ищетъ для своихъ дѣтей серьезнаго образованія, посылаетъ ихъ въ нѣмецкія гимназіи въ Брашова, Сибиу или Черновицы. Аристократія воспитываетъ дѣтей въ разныхъ заграничныхъ заведеніяхъ. Лучшіе профессора княжествъ — тѣ, которые вызваны изъ Семиградія и Буковины. Любви къ литературному и ученому труду замѣтно еще мало. Книжные магазины Иессъ, Букарешта и т. д. наполнены произведеніями французской литературы. Замѣчательно это одностороннее пристрастіе румынскаго общества къ Франціи! Нѣмецкій и англійскій языки и книги здѣсь еще мало распространены и не популярны. По видимому, не мало содѣйствовалъ этому Наполеонъ III, его слава, обаяніе его имени, его вліяніе, господствовавшіе здѣсь особенно съ 1856 года; Куза не мало потрудился въ этомъ направленіи. Русскій языкъ мало кому извѣстенъ въ княжествахъ; русская книга — величайшая тутъ рѣдкость. И однако, всѣ симпатіи народныхъ массъ румынскихъ, всѣ ея надежды, еще въ большей мѣрѣ устремлены на Россію, чѣмъ симпатіи интеллигенція — на Францію. Нѣмецкая же наука и политика пользуются здѣсь самымъ слабымъ вліяніемъ и на интеллигентное общество, и на массы. Судя по всему этому, русская литература, русскій языкъ имѣютъ тамъ

будущность, по настоящее почти безраздѣльно принадлежит французскому языку и литературѣ.

Собственно румынская литература чрезвычайно еще бѣдна и скудна. Самый языкъ литературный еще не установился, и правописание не опредѣлилось окончательно. По количеству и качеству своихъ произведеній, румынская литература не можетъ сравняться и съ сербскою, не говоря о чешской, польской или русской. Любимѣйшую область изученія, конечно, и здѣсь составляютъ отечественная исторія и древности. Со времени Кантемира уже кое-что сдѣлано¹⁾, хотя къ сожалѣнію много предить румынскимъ историкамъ какое-то пренебреженіе ихъ къ славянскимъ языкамъ и къ исторіи сосѣднихъ славянскихъ народовъ, съ которою румынская исторія неразрывна самымъ неразрывнымъ образомъ. Историкъ Румунъ и Мадьяръ должны быть славистомъ, а славистъ принужденъ включить Румунію и Венгрію въ кругъ своего изученія, если хочетъ понять исторію Славянъ, сосѣднихъ съ этими странами, а отчасти и населяющихъ оныя. Большое преимущество предъ своими товарищами имѣетъ въ этомъ отношеніи новѣйшій исторіографъ Румуніи, г. Хаждевъ (Hasdeu). Уроженецъ Бессарабіи и воспитанникъ Харьковскаго университета, онъ имѣлъ возможность изучить языкъ русскій и обратить вниманіе на другія славянскія нарѣчія. Ему обязана славистика изданіемъ многихъ важныхъ кирилловскихъ историческихъ памятниковъ, касающихся исторіи придунайскихъ странъ въ его „Archiva istorico a Romaniei“ (Букарештъ 5 выпусковъ). Но обширнѣйшій и важнѣйшій трудъ г. Хаждева составляетъ его „Istoria critica a Romanilor“, которой 1-й томъ вышелъ въ прошломъ году въ Букарештѣ. Планъ этого сочиненія, охватывающаго внутреннюю и вѣншнюю исторію всѣхъ областей древней Дакіи (область между Днѣстромъ, Тисой и Дунаемъ), задуманъ очень широко, можетъ быть, слишкомъ широко. Авторъ предполагаетъ поочередно рассмотреть территоріальную, политическую, религіозную, общественную, экономическую, литературную и другія стороны румынской исторіи, что должно составить содержаніе 20 или 30 большихъ томовъ. Первый томъ (4⁰) охватываетъ территоріальную исторію Румунъ съ древнѣйшихъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, что автору удалось разрѣшить не мало темныхъ вопросовъ изъ географіи древней и новой Дакіи и очень желательно, чтобы

¹⁾ *Kagolnicanu*, *Chroniche Romanii*. 2-е изд. 1872; *Carra*, *Istoria Mold. zi Valach*. 1857. *Bukurest*; *Laurianu*, *Istoria Romaniloru*. 4-е изд. 1863; *Latino*, *Istoria generala a Daciei* *Bukurest* 1872.

наши слависты обратили вниманіе на этотъ трудъ. И имѣлъ возможность лишь бѣгло перелистовать это сочиненіе и потому воздерживаюсь отъ критики, хотя не могу умолчать, что мнѣ показались неумѣстными многочисленныя экскурсіи автора въ область исторической методологии и философіи, которыя лишь затрудняютъ и автора, и читателя, а нисколько не относятся къ спеціальному предмету его изслѣдованія. Г. Хаждевъ редактируетъ еще румынскій ежемѣсячникъ по части исторіи и критики: *Троянова колонна*, не лишенный интереса и для славистовъ.

Лучшій топографическій обзоръ княжествъ составленъ г. Фрунелеску (*Dictionariu topograficu Zi Statisticeu alu Romanici*, 1872). Самый значительный сборникъ народныхъ румынскихъ пѣсень составленъ извѣстнымъ румынскимъ поэтомъ Александри ¹⁾. Есть еще сборники *Поминилу* (*Balade populare Romane*, Jassi, 1870), *Wartha* (*Dorulu*, Букарешть, 1873) и др.

Изъ работъ еще не напечатанныхъ, упомяну объ обширной исторіи Молдавіи, составляемой г. Гармазани въ Черновицахъ. Архимандритъ Августинъ въ Яссахъ показывалъ мнѣ румынскую рукопись, составленной имъ „Исторіи молдавскихъ монастырей Нямца и Секула“, на основаніи рукописей монастырскихъ архивовъ. Я просилъ отца Августина предоставить эту рукопись, въ русскомъ переводѣ, какому-нибудь изъ русскихъ ученыхъ обществъ или изданій, такъ какъ въ княжествахъ не представляется удобнымъ издать это сочиненіе. Авторъ согласился на мою просьбу, но исполнилъ ли онъ ее, мнѣ не извѣстно. Сочиненіе это любопытно потому, что Немецкій монастырь игралъ очень важную роль въ исторіи молдавской церкви. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ было до 800 человекъ братіи, изъ коихъ до 100 было Русскихъ, большею частію образованныхъ людей ²⁾. Но съ тѣхъ поръ, какъ противъ славянскаго языка воздвигнуто гоненіе въ румынской церкви, большая часть братіи Немецкаго монастыря изъ Славянъ разошлась. Хотя монастырь этотъ и понынѣ не закрытъ, но потерялъ свое прежнес значеніе.

Существуетъ еще одинъ трудъ по исторіи румынскихъ монастырей и церковныхъ имуществъ ³⁾; онъ составленъ секретаремъ рус-

¹⁾ *Poesii populare ale Romaniloru*. 1866.

²⁾ По разказамъ одного изъ бывшихъ братій этого монастыря.

³⁾ Объ этомъ предметѣ есть сочиненіе румынское: *Bolliac, Monastirile din Romania*. Bucurest 1862; но, писанное по заказу правительства: оно слишкомъ тенденціозно и односторонне.

скаго консульства въ Палацѣ, г. Елисицынымъ; авторъ отдалъ его въ мое распоряженіе, и я надѣюсь со временемъ сдѣлать этотъ трудъ доступнымъ для ученой публики.

Изъ ученыхъ хранилищъ Румыніи, особеннаго вниманія заслуживаетъ Букарештскій центральный архивъ. Въ немъ находится значительное количество и славянскихъ рукописей. Часть ихъ издана г. Хаждевымъ въ вышеупомянутомъ его „Архивѣ“. Остальное ждетъ еще изслѣдователей и издателей.

Публичный музей Букарештскій не особенно еще богатъ, но любопытна частная археологическая коллекція майора Папазоглу ¹⁾, въ которой находится много римскихъ древностей Дакии. Кромѣ того, есть въ этомъ музеѣ и греческія, турецкія, славянскія древности—граммоты, иконы, утварь, и т. д. Вообще, коллекція эта очень интересна и довольно значительна; еслибъ она была продана въ Россію—чего очень желаетъ владѣлецъ,—то была бы хорошимъ дополненіемъ къ собираемымъ въ нашихъ музеяхъ древностямъ Таврическаго полуострова и побережья Черноморскаго.

Отъ княжества переходжу къ Румынамъ Семиградья и Венгрии; впрочемъ, по этому поводу немного остается прибавить къ сказанному уже выше о румынской народности. Замѣчательно лишь то, что Румыны являются въ этихъ областяхъ представителями населенія почти исключительно горнаго, въ такой же мѣрѣ, какъ Словаки въ Верхней Венгрии, или напимѣръ, Пѣмцы въ Чехіи. Каждая болѣе обширная и плодородная долина занята здѣсь Саксами, либо Мадьярами. Съ послѣдними побѣгами Семиградскихъ горъ на западъ и сѣверо-западъ оканчиваются и послѣднія селенія румынскія. Произошло ли это отъ поздняго сравнительно появленія и распространенія здѣсь Румуновъ, или отъ несчастій ихъ прошлаго, отъ несправедливости къ нимъ сосѣдей и пришельцевъ-поработителей, — не станемъ теперь разбирать. Упомянемъ лишь, что естественнымъ и понятнымъ послѣдствіемъ этого обстоятельства была и есть бѣдность Румуновъ Семиградскихъ, въ сравненіи съ зажиточными Саксами и Мадьярами. А рядомъ съ бѣдностію шла безпомощность и преслѣдованія—политическія, религіозныя, народныя. Румынское племя дало Венгріи нѣсколько знаменитыхъ имепъ (Гуіадъ, М. Корвинъ), но само мало извлекло пользы изъ ихъ исторической дѣятельности. Стоитъ пройти нѣсколько сосѣднихъ деревень румынскихъ, съ одной стороны.

¹⁾ См. брошюру: *Muzeul Papazoglu, Bukarest, 1865.*

и мадьярскихъ или нѣмецкихъ—съ другой, взглянуть на деревенныя лачужки и бѣдныя деревянныя же православныя церкви первыхъ—и просторныя и чистыя каменные дома и каменные же бѣлыя церкви (лютеранскія, кальвинистскія и католическія), съ высокими башнями. послѣднихъ, чтобы съ-разу замѣтить различіе экономическаго ихъ положенія. Румынское поселеніе и здѣсь является со всѣми „аттрибутами“ славянства—бѣдностію, подавленностію, какимъ-то наріемъ въ средѣ другихъ народовъ! Вѣковое давленіе сломило здѣсь отчасти прославленное упрямство Румуновъ въ православіи: часть ихъ приняла уже унию.

Въ послѣднее время и въ среду австрійскихъ Румуновъ Семиградскихъ и Венгерскихъ начинаетъ проникать идея народнаго самосознанія. 1848 годъ и для нихъ въ этомъ отношеніи былъ знаменательнымъ. Впервые возстали они тогда на своихъ притѣснителей и увидѣли униженіе Мадьяръ на сценѣ исторіи международной. Съ тѣхъ поръ Мадьярамъ не удается ужь уснуть пробудившееся и развивающееся народное сознаніе Румуновъ. Конечно, оно не приняло еще широкихъ размѣровъ, не достигло самоувѣренности и смѣлости; но рано или поздно оно должно будетъ завоевать себѣ призваніе и уваженіе.

Что касается литературы Семиградской, то всего болѣе сдѣлано въ этомъ отношеніи нѣмцами, которые имѣютъ въ Сибинѣ общество исторіи и древностей и не мало уже сдѣлали для археологическаго и этнографическаго изученія края. Особенно много потрудились для этого Шуллеръ ¹⁾. Цѣлзя удивляться тому, что нѣмецкіе ученые довольно односторонне даютъ предпочтеніе въ Семиградѣ своей народности, то есть, Саксамъ, и почти игнорируютъ Румуновъ. Изъ среды же послѣднихъ до настоящаго времени мало еще выходило самостоятельныхъ изслѣдователей. Въ главѣ ихъ долженъ быть поставленъ бывшій митрополитъ семиградскихъ Румуновъ, Шагуна. Изъ иностранцевъ стоитъ упомянуть, кромѣ почтеннаго нѣмца Ресслера, еще Англичанинъ Вонертъ, издавшій довольно обстоятельное описаніе природы и населенія Семиграда.

Не менѣе Румуновъ важную роль въ славянской исторіи и поли-

¹⁾ См. также: *Bielz*, Handbuch der Heimathskunde v. Siebenbürgen, 1857. *Hermanstadt*; *Söllner*, Statistik v. Siebenbürgen, 1848; *Salzer*, Reisebilder in Siebenbürgen, 1860; *Schuster*, Siebenbürgisch-Sächsische Volkslieder, 1865; *Frank*, Siebenbürgens hervorragende Bestimmung als Industrie. Land, 1868; *Obermüller*, Die Herkunft der Stekler, 1872.

тикъ игралъ и играетъ другой тоже неславянскій народъ — Мадыяры. Судя по той роли, какую онъ теперь играетъ въ Австрiи, можно бы подумать, что это очень многочисленный народъ. Между тѣмъ, по достовѣрнымъ статистическимъ даннымъ, число Мадырь едва превышаетъ число Словаковъ и уступаетъ въ численности народностямъ Чешской, Сербской, Болгарской, Польской, Румынской. Территорiя, на которой онъ живетъ въ болѣе или менѣе сплошныхъ массахъ, довольно вѣрно определяется слѣдующими пограничными городами: Пожунъ (Пресбургъ), Пештъ, Мѣшконецъ (Miskolcz), Дебрецинъ, В. Арадъ, Сегединъ, Печуръ (Fünfkirchen), В. Канижа и Каменець (Steinanger). Естественнымъ центромъ этой мадырской территорiи представляется г. *Кечкеметъ*. Въ этой пограничной черты остаются лишь два болѣе значительные острова: одинъ на сѣверѣ отъ Пешта, на территорiи словацкой, на склопахъ горъ Черхата и Матры; а другой на югѣ, на территорiи румынской, на западныхъ склопахъ горъ семиградско-молдавскихъ. Первые извѣстны подъ именемъ Половцевъ (Palancsen), а вторые — Секлеровъ или Сейкелевъ. Какъ тѣ, такъ и другiе, довольно отличны отъ Мадырь и по языку, и по условiямъ быта. Мадырь изъ пунты съ трудомъ уже понимаетъ Половца. Языкъ Секлеровъ тоже довольно отличенъ отъ мадырскаго собственно, или литературнаго языка. Что же касается Кузановъ (Kupen) и Языговъ (Jasen), живущихъ въ пунтѣ, то они считаются чистѣйшими представителями мадыризма. Въ другихъ частяхъ Венгрии Мадыры являются уже сильно пережѣванными съ инородцами: на сѣверѣ со Словаками, на востокѣ съ Русскими и Румынами, на югѣ съ Сербами, на западѣ съ Пѣвцами и т. д. Въ вышеозначенной пограничной черты они являются уже въ меньшинствѣ болѣе или менѣе значительномъ. Есть, какъ мы видѣли, мадырскiя (севлерскiя) поселенiя и въ Буковинѣ; есть нѣсколько селъ и въ Молдавіи, имѣющихъ особый выговоръ (з, ц, с въѣсто ж, ч, ш, какъ у Мазуровъ). Но эти drobные осколки племени не имѣютъ значенiя. Не нужно затѣмъ забывать, что по всей Венгрии, можетъ быть, найдется не болѣе двухъ-трехъ жупанiй, гдѣ Мадыры живутъ не смѣшанно съ другими народностями. Во всѣхъ же другихъ жупанiяхъ они пережѣваны страннымъ образомъ со Славянами, Румынами и Пѣвцами. Что касается городского населенiя Венгрии, то въ составѣ его находится самый ничтожный процентъ Мадырь, напримѣръ, въ Пештѣ, Пожунѣ, Клшицахъ, Шопронѣ (Оденбургѣ). Собственно же мадырскiе города, какъ, напримѣръ, Дебре-

цинъ, Солнокъ, Кечкемать и др., называются городами лишь по недоразумѣнію, это не болѣе какъ большія села.

Мадыры занимаютъ почти также исключительно долины и равнины, какъ Семиградскіе Румыны — холмы и горы Въ самомъ дѣлѣ, границы Мадырь и Румуновъ страннымъ образомъ волюн почти совпадаютъ съ орографическими очертаніями страны. Тоже почти относится къ границамъ между землями Мадырь и Словиновъ. Даже за Дунаемъ Мадыры сидятъ преимущественно въ равнинахъ, а въ горахъ — уже Нѣмцы. Мы не хотимъ сказать, чтобы все пространство обѣихъ среднедунайскихъ низменностей было залито Мадырами, а только утверждаемъ, что громадное большинство, можетъ быть, до 80%, Мадырь живетъ въ равнинахъ, въ низменностяхъ. Исключеніе болѣе значительное составляютъ вышеупомянутые Половцы на сѣверѣ и Сэклеры на югѣ. Но они не представляютъ уже столь чистаго мадырскаго типа.

Изъ того обстоятельства, что масса Мадырь занимаетъ равнины и притомъ очень плодородныя, естественно происходитъ земледѣльческій характеръ этого народа и его зажиточность. Мадырь почти нѣ такой же мѣрѣ можетъ быть названъ земледѣльцемъ, какъ и Румынъ Придунайскій, Малороссъ или Болгаринъ. Даже громадные бѣлые волны съ большими рогами южно-русскихъ степей и молдо-валахской низменности представляются пераэдѣльнымъ спутникомъ Мадыря въ его нущахъ. Усвоивъ себѣ такимъ образомъ земледѣльческіе инстинкты своихъ славянскихъ и румунскихъ сосѣдей, Мадырь принялъ отъ нихъ много и другихъ бытовыхъ условій, много первобытной поэзіи, патріархальной простоты и даже добродушія, но въ маскѣ грубости и холодности. Дикіе же инстинкты старой природы съ большею силой уцѣлѣли лишь въ нацшеской части народа. Быть можетъ, они и тутъ давно бы замерли, еслибы тысячелѣтняя исторія этого народа не представляла непрерывной почти сѣмны войнъ сначала наступательныхъ, потомъ оборонительныхъ и снова наступательныхъ, — войнъ, поддерживавшихъ въ народѣ жажду крови и хищническіе инстинкты. Пріютомъ для этихъ хищниковъ были степи Птисья и Подунавья, Баконскій лѣсъ, горы Семиградья и т. д.

Мадырскіе мужики совсѣмъ не питаютъ той злобы къ другимъ, особенно Славянскимъ народамъ, какъ ихъ нетерпимая интеллигенція. Напротивъ того, они легко съ ними братаются и съ болышимъ довѣріемъ относятся къ Нѣмцу, чѣмъ къ Славянину. Въ этомъ случаѣ мадырскія интеллигенція столь же мало представляетъ чувства

и интересы своихъ массъ, какъ напримѣръ, польская шляхетская интеллигенція. Конечно, имѣя въ своихъ рукахъ кассандры церкви и школы, весь авторитетъ власти и всю энергію фанатизма, возможно привить новому поколѣнію народа такія чувства и понятія, какія чужды были его отцамъ и дѣдамъ. Въ послѣдніе десятки лѣтъ Мадьяры не мало преусиля въ этой проповѣди вражды къ людямъ и суевѣрнаго самооптима. Но все-таки и теперь еще главный фундаментъ мадьяризма, его чаяній и стремленій его бреда и фантазій заключается не въ народѣ, а въ сословіи, въ шляхтѣ, — совершенно также, какъ и въ Польшѣ. Вообще прошлое и настоящее этихъ двухъ странъ и народностей — Польши и Венгрии, Поляковъ и Мадьяръ — представляетъ много поразительныхъ аналогій: тоже раздѣленіе сословій, тотъ же фанатизмъ вѣроисповѣдныи и народный, то же самовольство буйной и воинственной шляхты, слабость центральной власти, подавленность народныхъ массъ. Роднитъ Мадьяръ съ Поляками и какая-то политическая близорукость, страшное легкомысліе и отсутствіе серьезности въ мысляхъ и дѣятельности. Истинъ, типическій Мадьяръ (шляхтичъ) всюду вноситъ съ собою какіе-то пафвдническіе приемы: гусаромъ-пафвдникомъ является онъ въ арміи, въ политикѣ, въ администраціи, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ наукѣ и литературѣ; ничего не представляется ему непреступнымъ, недостижимымъ; но если нѣсколько бѣшеныхъ приступовъ къ чужой крѣпости отбито, то Мадьяръ не предпрійметъ правильной и продолжительной осады. Безумная храбрость и малодушное отчаяніе какъ-то страшно сосѣдять въ типѣ Мадьяра. Это обнаружилось и въ событіяхъ 1848 и 1849 годовъ.

Что касается физическаго типа Мадьяръ, то въ немъ столь же мало уже можно теперь найти финскаго, какъ въ остальныхъ — туркскіа. Они пасквозь пронитаны элементомъ славянскимъ, отчасти румынскимъ и нѣмецкимъ. Особенно относится это къ аристократіи — такъ-называемой пыпѣ „мадьярской“, а прежде „венгерской“, — которая составилаъ изъ народныхъ репегатовъ всевозможныхъ народностей. Нѣсколько десятилѣтій передъ симъ три четверти мадьярской аристократіи и не понимали мадьярскаго языка. Официальнымъ языкомъ былъ тогда латинскій, общественнымъ — французскій или нѣмецкій, а семейнымъ — очень часто славянскій. Особенно словенскій языкъ сильно былъ, да остается и теперь, распространеннымъ между венгерскими аристократами, потому что главная сила венгерскаго аристократизма, особенно въ прежнее время, сосредоточена была въ

Верхней Венгріи, то-есть, на Словачинѣ. Отсюда произошли Ерсеи, Палвеси, Кароли и другіе фамиліи. Въ турецкія времена богатые люди и не смѣли спускаться изъ долины. Другимъ центромъ венгерскаго магнатства была Хорватія, опять-таки славянская страна; третій, наконецъ, Семиградье, гдѣ славянский элементъ прежде былъ гораздо сильнѣе, тѣмъ болѣе, что въ Семиградью принадлежали тогда горнымъ части Потисля, палримѣръ, Мармарошъ, Сутмаръ. Къ тому же въ XVI и XVII вѣкахъ Семиградье при независимыхъ своихъ князьяхъ: Запольи, Баторіяхъ, Бочкаи, Гаврилахъ, Ботленѣ, Текели, при Раковскихъ (Rakoczy), находилось въ непрерывной почти связи съ Верхнею Венгріей, населенною Словаками и Русскими.

Нельзя поэтому отрицать, что многими своими традиціями магнатство венгерское связано со Славянами. Да и теперь еще въ средѣ венгерскихъ аристократовъ тайное знаніе славянскаго языка довольно распространено. Къ сожалѣнію, они мало пользуются этимъ знаніемъ для усвоенія себѣ сокровищъ славянскихъ литературъ. То же должно сказать и объ огромномъ большинствѣ мадыарской средней и низшей шлехты: по крайней мѣрѣ 80% оной обладаютъ знаніемъ одного изъ славянскихъ языковъ, но очень многіе скрываютъ это компрометирующее ихъ въ политическомъ отношеніи обстоятельство, и никто не интересуется славянскими литературами, изъ коихъ по крайней мѣрѣ русская могла бы, кажется, достаточно вознаградить ихъ за знаніе славянскаго языка. Отворачивались такимъ образомъ отъ всего, что напоминаетъ славянство, они вступаютъ въ бесплодную борьбу съ самими собою, со своими народными преданіями, своею кровью, своею физическою и нравственною природою. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно даже читать исторію Мадыаръ, исторію ихъ прихода въ долину средняго Дуная и 1000-лѣтняго тамъ сожительства, болышею частью мирнаго, со славянами, не нужно рыться въ лѣтописяхъ,—стоитъ лишь взглянуть на Мадыара, на его деревню, его домъ, обстановку, нравы и обычаи, чтобы убѣдиться, что онъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ и Румынъ, проникнутъ славянскими стихіями. Даже мадыарскій танецъ—чардашъ есть ни да въ ни взять славянская коломийка; ихъ костюмъ—аттила, ихъ гусарскіе штаны, ихъ высокіе ботфорты, все это словенское или хорватское, и ужъ никакъ не гунское или угрофинское наслѣдіе. Мотивы ихъ музыки, ихъ пѣсенъ напоминаютъ либо славянскіе, либо румынскіе. Правда, и западъ европейскій оказалъ на нихъ свое вліяніе; но оно отразилось болѣе на поверхности народной жизни, на высшихъ слояхъ народа, на интеллигенціи и городскомъ

населеніи. Въ деревняхъ только высокія готическая колокольня на-
поминаетъ западъ, но и ея видъ достаточно парализуется нѣсколь-
кими окружающими ее оригинальными славянскими колодцами („жу-
равли“), въ видѣ громадныхъ вѣсовъ, на одномъ рычагѣ концы ви-
сять камень, а на другомъ — ведро съ водой. Правда, что религія у
большинства Мадыръ западная, а не восточная. Но есть и право-
славные Мадыры, очень твердо придерживающіеся своей „старой
вѣры“, какими именуютъ вообще называется православіе въ Венгріи.
Я вижу въ виду нѣсколько православныхъ мадырскихъ селеній на
такъ-названномъ потискѣ „пиру“ (березнякъ), за Дебрециномъ,
Дорога, Бесермени и т. д. Эти Дорогскіе Мадыры очень твердо дер-
жатся православнаго богослуженія, даже донынѣ на славянскомъ язы-
кѣ. Называютъ они себя *Grosz ember* (Русскій человѣкъ), хотя не
говорятъ по-русски и даже не понимаютъ этого языка. Такихъ пра-
вославныхъ Мадыръ есть тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Трудно
сказать, древнѣе ли это Мадыры, или омадыренные въпослѣдствіи
Русскіе или Сербы (такъ какъ и сербскія колоніи гайдуцкія находи-
лись здѣсь нѣкогда). Но во всякомъ случаѣ это доказываетъ непре-
миримость православія съ мадыризмомъ. Нѣкогда въ X — XI вѣ-
кахъ православіе, какъ извѣстно, господствовало во всей Венгріи и
Семиградьѣ. Еще въ XIII вѣкѣ Иннокентій III жаловался на много-
численность въ Венгріи монастырей православныхъ и на малочислен-
ность латинскихъ. На народномъ гербѣ Венгріи понынѣ красуется
шестиконечный крестъ. Непрочность же католицизма въ мадырскомъ
народѣ, не смотря на всѣ усилія католическаго духовенства и на гру-
мадное вліяніе богатаго и образованнаго латинскаго клира, обнару-
жилась въ XVI вѣкѣ, когда въ одно поколѣніе вся почти Венгрія
совратилась въ протестантизмъ. Извѣстно, какія мѣры употребили
потомъ Габсбурги (особенно Леопольдъ) для возстановленія въ Вен-
гріи католичества. Однако это и понынѣ еще не удалось. Хотя въ Вен-
гріи католики имѣютъ большинство, но между Мадырами народнымъ
вѣроисповѣданіемъ считается кальвинизмъ, а не католичество, и Де-
брецинъ, а не Остригомъ считается теперь мадырскимъ Римомъ. И
знаменательно то, что не лютеранство, а кальвинизмъ привился къ
Мадырскому народу; то же замѣтно въ Чехіи, гдѣ между Славянами
почти нѣтъ лютеранъ, а есть кальвинисты.

Изъ сказаннаго можно ужь отчасти видѣть, въ какой значитель-
ной степени сроднилось мадырство со славянствомъ, и какъ много
сходнаго между ними въ преданіяхъ, въ бытѣ, въ учрежденіяхъ, въ

характерѣ и нравахъ. Однако послѣднія поколѣнія мадьярской интеллигенціи, по какому-то странному и роковому заблужденію, рѣшились эманципировать мадьярство отъ славянства; мало того—рѣшились поставить ихъ во враждебныя отношенія, принести, наконецъ, славянство въ жертву мадьяризму, или правильнѣе—гермапизму. Начали они эту Смиффову работу съ такою энергіей и фанатизмомъ, повели ее съ такою безразборчивостью и беззастѣнчивостью, какія напомянутъ политику Польскаго государства во второй половинѣ прошлаго вѣка. Изъ мадьяризма они создали себѣ какого-то золотого тельца, въ жертву которому рѣшились принести все: свободу народовъ, ихъ благосостояніе и образованіе, честь лица и святнью семьи.... Для омадьяренія всѣхъ Венгровъ они считаютъ все позволительнымъ. Какъ пѣкогда Римляне говорили: *fiat justitia, pereat mundus*, такъ теперь Мадьяры: *vivat Madjarismus, pereant ustitia, mundus*. Всякая законодательная мѣра, касается ли она судовъ или администраціи, школъ или церкви, науки или искусства, путей сообщенія или филантропическихъ учрежденій, все одѣйвляется прежде всего съ точки зрѣнія мадьяризма. И ничто не могло задержать ихъ на этомъ пути, пока громъ не грянулъ надъ ихъ головою въ видѣ угрожающаго банкротства. Дай Богъ, чтобы послѣдовало благотѣльное отрезвленіе, потому что тотъ путь неминуемо довелъ бы не однихъ Мадьяръ, а всю Венгрію къ тому, къ чему доведены были сто лѣтъ тому назадъ, подобнымъ же своеволіемъ шляхты, государство и народность Польская.

Такое положеніе вещей слишкомъ рѣзко бьетъ въ глаза каждому путешествующему въ Венгрію. Нѣкоторое знакомство съ этими обстоятельствами необходимо и для пониманія литературныхъ отношеній венгерскихъ народовъ, особенно же Мадьяръ, Русскихъ, Сербовъ и Словаковъ. Нѣмцевъ не упоминаю я здѣсь потому, что хотя число ихъ въ Венгріи довольно значительно и вліяніе сильно, но это вліяніе обращено болѣе на торговлю и промышленность, чѣмъ на литературу и политику. Нѣмцы и Евреи предоставили Мадьярамъ философствовать и разглагольствовать на комитатскихъ и городскихъ собраніяхъ, на сеймѣ и т. д., а сами позаботились прибрать въ это время въ свои руки всѣ болѣе выгодныя статьи экономической дѣятельности, овладѣли народными капиталами, сдѣлали большую часть мадьярской знати и интеллигенціи своими должниками, и такимъ образомъ, стали фактическими господами страны. Мадьяры же распространяютъ свой языкъ среди Словаковъ и Венгерскихъ Русскихъ.

въ Палантъ и Семиградьѣ, мадьяръ Славянтъ, Нѣмцевъ и Румуновъ. Чтѣ же дають они прозелитамъ своимъ въ замѣтъ оставленнаго, кромѣ синекуръ, денегъ, власти? Чѣмъ питають они ихъ духовную жажду? Къ счастью Мадьяръ, эта жажда не оказывается у прозелитовъ столь отвлеченною: они могутъ утолить ее и хорошимъ токайскимъ или флавскимъ! Остальное удовлетворяется политическими брошюрами, да романами — Этвеша, Токая и др. Академія наукъ издаетъ, правда, и серьезныя книги¹⁾, Историческое общество также описываетъ нѣкоторые архивы, разбираетъ старину. Но кто стапетъ это читать между Мадьярами, кромѣ самихъ же пишущихъ! По недостатку читателей, серьезныхъ книгъ и пишется очень мало. Да и кто ихъ пишетъ? Тѣ же Нѣмцы, Словяки, Евреи: Гунфальви, Буденцъ, Шунала, Вамбери и пр.

Контроль общественнаго мнѣнія надъ произведеніями мадьярской науки и литературы не идетъ далѣе наблюденія за направленіемъ, то-есть, охраненія чести своихъ признанныхъ героевъ, достовѣрности своихъ привилегированныхъ историческихъ источниковъ (какъ Анонимъ короля Бели), и подавленія всего, чтѣ пахнетъ въ мадьярской исторіи и бытѣ славянствомъ. Вслѣдствіе такого „общественнаго контроля“ почти все, чтѣ пишется въ Венгріи изъ области отношеній международныхъ, запечатлѣно характеромъ страшной односторонности, тенденціозности. И тутъ нѣтъ исключенія. Возникла эта тенденціозность, особенно между венгерскими историками, уже давно; отъ нея не свободны и старые историки, какъ напримѣръ, Прай, Вель, Катона, Фейеръ. Но чѣмъ новѣе сочиненіе, тѣмъ эта струя сильнѣе и глубже. Въ историческихъ работахъ Хорвата, Голди, Феслера, Сопая эта тенденціозность доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Гдѣ нѣтъ извращенія фактовъ, является умышленное ихъ опущеніе. Поэтому славянскимъ историкамъ приходится совершенно съзнавать строить всю венгерскую исторію, такъ какъ выстроенная Мадьярами не имѣетъ фундамента.

Содержаніе венгерскихъ архивовъ еще очень мало извѣстно, особенно то, что тамъ хранится изъ писаннаго на славянскихъ языкахъ, или касающагося до участія Славянъ въ венгерской исторіи. Все это умышленно игнорируется изслѣдователями мадьярскими; поэтому было бы въ высшей степени желательно, чтобы русскіе ученые обратили вниманіе на венгерскіе архивы, такъ какъ для

¹⁾ Напримѣръ, Monumenta Hungariae Historica. Вышло уже 45 томовъ, подъ редакціей Венцеля.

мѣстныхъ славянскихъ ученыхъ они очень трудно доступны, а часто и совсѣмъ недоступны. Особенно заслуживали бы вниманія, послѣ государственнаго архива Вѣнскаго (Hof-und Staatsarchiv), еще земскій (Landesarchiv) и катедральный (министерства финансовъ) архивы Пештскіе, изъ коихъ въ первомъ заключаются документы для внутренней административной, а во второмъ — для финансовой исторіи Венгріи. Затѣмъ, для исторіи Верхней Венгріи (Словацкой и Русской) должны быть важныя документы въ монастырскихъ архивахъ Лелешскомъ (изъ Землинскомъ комитатѣ) и Исовскомъ (въ Абауйскомъ комитатѣ), гдѣ была такъ-называемая *locus credibilis* для сѣверо-восточной Венгріи. Много матеріала должно скрываться также въ архивахъ городскихъ, епископскихъ (напримѣръ, въ Унгварѣ, Бапской Выстрицѣ) и частныхъ фамиліиныхъ ¹⁾. Для археологическаго изученія Венгріи важенъ центральный музей въ Пештѣ, основанный графомъ Ульчеи и хранящій много древностей, особенно изъ Верхней Венгріи ²⁾. Къ сожалѣнію, и тутъ старина славянская отодвинута на задній планъ.

Въ этнографическомъ отношеніи много данныхъ о населеніи Венгріи, особенно за послѣдніе вѣка, собрано въ извѣстномъ трудѣ Чернига: „Австрійская этнографія“. Мадырскіе ученые не занимаются своею этнографіей, считая эту науку противною ихъ культурному призванію и ихъ политическимъ интересамъ. Они боятся, напримѣръ, точной этнографической переписи народа, боятся своей „тѣни“. Этнографія и потому уже не пользуется особенною любовью Мадыровъ, что эта наука, имѣя предметомъ народный бытъ, переноситъ центръ народности изъ интеллигентныхъ сословій въ простыя массы. Быть можетъ, мадырскіе ученые и сами сомнѣваются въ томъ, чтобы, изучивъ оригинальныя основы мадырскаго народнаго духа и быта, имъ удалось открыть тамъ достаточно мотивовъ для выработки изъ нихъ самостоятельной мадырской культуры, равнозначительной другимъ великимъ культурнымъ типамъ: романскому, германскому, англосаксонскому, славянскому. Не имѣя же у себя передъ глазами и подъ ногами твердой и вмѣстѣ съ тѣмъ полой идеальной основы, они принуждены копировать чужіе болѣе или менѣе устарѣлые образцы, переводить нѣмецкіе оригиналы на мадырскіе.

¹⁾ Напримѣръ, въ Мукачевѣ, архивъ графа Шенберга, прежде Рацеевскій, очень важный для исторіи Венгерскихъ Русскихъ.

²⁾ Ср. *Romer. Illustrierte Führer in die Münz- und Alterthumabtheilung des Ungarischen National Museums. Budapest 1873.*

Но довольно о Мадыряхъ. Скажу теперь нѣсколько словъ о тѣхъ славянскихъ народахъ, на которые преимущественно обращены ихъ стремленія къ мадыризаціи, именно о Венгерскихъ Русскихъ и Словакахъ.

Венгерскіе Русскіе, или Русияки, замѣчательны не столько по своей численности (около полумилліона), сколько по территоріи, которую они занимаютъ, и по своимъ этнографическимъ особенностямъ. Въ большей или меньшей частотѣ и плотности они заселяютъ весь венгерскій склонъ центральныхъ Карпатъ, отъ истоковъ Попрада и Вага до истоковъ Тисы. Западная граница, отдѣляющая ихъ отъ Словаковъ въ собственномъ смыслѣ, опредѣляется приблизительно такъ: водораздѣлъ Попрада и Вага западная граница Спишской жупаніи; въ Гемерской граница идетъ мимо селъ Вернаръ, Телгартъ, Шумяцъ; далѣе по горамъ, мимо Рожнавы до г. Мѣшковца и р. Тисы ¹⁾. Слѣдовательно, линія эта почти совпадаетъ съ рр. Шаявою (Sajó) и Тисою. Выше г. Гушта граница идетъ по горамъ, отдѣляющимъ Мармарошъ отъ Сутмарской жупаніи. Крайній юго-восточный пунктъ почти совпадаетъ съ политической границею Венгріи и Семиградья. Болѣе или менѣе значительные острова Русскаго населенія находятся далеко въ „Ниру“. Напримѣръ, въ селѣ Весермени и долинѣ должно быть до 1½ тысячи душъ, говорящихъ по русски. Много есть и другихъ отдѣльныхъ селеній Русскихъ въ Заболотской (Szaboles) и Сутмарской жупаніяхъ, до самаго почти Дебрецна, гдѣ тоже есть нѣсколько сотъ Русскихъ, и который представляетъ населеніе изъ трехъ племенъ Русскаго, Волошскаго и Мадырскаго.

Такимъ образомъ русская народность въ Венгріи обнимаетъ приблизительно слѣдующія жупаніи: Мармарошъ, Угочу, Берегъ, Ужъ (Ужгородъ), Землинъ, Шарішъ, Спишъ, Абауйваръ, Торну, и части Гемерскаго, Боршодскаго, Заболотскаго и Сутмарскаго комитатовъ. Были нѣкогда русскія поселенія и гораздо далѣе, именно въ Новоградскомъ комитатѣ, и даже по ту сторону Дуная (Oroszvár), но отъ нихъ ничего теперь не осталось, кромѣ названій деревень и урочищъ. Подобно Галицкой, территоріи Венгерскихъ Русскихъ или, лучше сказать, Закарпатской Руси, раздѣляется тоже на Верховину и Подолье, часть котораго за Тисой зовется здѣсь Ниромъ (березнякъ?). Впрочемъ и са-

¹⁾ Я самъ не имѣлъ возможности объѣхать всю эту линію. Обозначая же ее на основаніи указаній известнаго знатока народныхъ отношеній Венгріи А. И. Добрянскаго.

мая Верховина должна быть здѣсь подраздѣлена на двѣ части: первая — юго-восточная или группа Черной Горы (между Коломыйщиной и Мармарошемъ), у истоковъ Тисы, до Талабора и Ломниці; далѣе на сѣверѣ и сѣверо-западѣ горный хребетъ все понижается, и въ Землинскомъ, Шаршскомъ, Спншѣ представляетъ уже гораздо меньшія высоты и лучшіе переходы. Этотъ двойной характеръ закарпатской Верховины отразился и на ея населеніи. Юговосточную, меньшую ея часть (Черногорскую) занимаютъ Лишаки, которые по типу, языку и обстановкѣ быта очень мало разнятся отъ Коломыйскихъ и Буковинскихъ горцевъ и Гуцуловъ. Затѣмъ, за р. Талаборомъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ живутъ уже Лемки или Лемаки, которые тянутся до самаго Попрада. Они соответствуютъ по своему положенію, а отчасти и типу, Галицкимъ Бойкамъ. Такимъ образомъ, Лишаки занимаютъ собственно лишь Мармарошъ да часть Угоцкой жупаніи: все остальное, то-есть, $\frac{3}{4}$ русской закарпатской территории занято Лемками. Югозападная часть Лемковъ (около Шаршскаго Потока, Уйгеля и т. п.) носитъ еще частное прозвище Сотаконъ.

По типу и быту Лишаки, подобно Гуцуламъ, обнаруживаютъ въ себѣ не малую примѣсь волошской крови. Это какъ-бы составная еще часть этого Мунтянскаго населенія, о которомъ говорено выше. Связь же Гуцуловъ Коломыйско-Буковинскихъ и Мармарошскихъ самая тѣсная и непрерывная. Дорога, связывающая Сиготъ съ Коломной ¹⁾, два главные крайніе пункта Гуцульщины, непрерывно кшатъ подводами съ той и другой стороны. Ярмарки Коломыйскія посѣщаются Мармарошцами и наоборотъ. На Мармарошскіе „полонины“ (альпійскія пастбища у Польскихъ Горалей—*halé* или: *holi*) гоняютъ свои стада югасы Коломыйскіе, конечно, по взаимному соглашенію. При этомъ западная, венгерская сторона Гуцульской Черной Горы считается лучшею, богатѣйшею, „образованнѣйшею“. Сиготъ считается болѣе цивилизованнымъ городомъ, чѣмъ Коломыя или Куты. Въ первомъ можно купить хороній поясъ, пряжку, шляпу, а въ послѣднихъ—лишь кукурузу да пшепцу. Гуцулы Галицкіе ходятъ иногда на заработки въ Венгрію, но не на оборотъ. Тоже замѣчается и въ Землинскомъ комитатѣ. Русняки Венгерскіе считаются и тутъ какъ бы болѣе благородною расою, чѣмъ ихъ галицкіе сосѣди. Послѣдніе считаютъ большою честію выдать свою дочку за-мужъ въ Венгрію, по ту сторону горъ. И чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ народъ считается образованнѣе.

¹⁾ Черезъ с. Ясвинь.

Впрочемъ, послѣднее не относится къ Мадьярамъ, а къ Словакамъ. Напримѣръ, въ Берегскомъ или Землинскомъ комитатѣ, въ разговорѣ съ бариномъ крестьянинъ любитъ ввернуть словенское словечко, чтобы показать, что и онъ-де не совсѣмъ ужъ простъ и невѣжественъ.

Словенскій языкъ (то есть, языкъ Словаковъ) считается здѣсь почти такою же принадлежностію образованія, какъ въ Галиціи польскій. При такомъ взглядѣ на языкъ и при непрерывныхъ сношеніяхъ Русняковъ, особенно Лемковъ со Словаками, печего удивляться, что языкъ первыхъ значительно пропитанъ словенизмами. Это замѣтно уже въ Гуштѣ, отчасти даже въ Сиготѣ („най ся пачитъ“, то-есть, пожалуйста; *айно*—да; *виштво*—все, и т. д.). Съ Землинскаго же католичества и до Спиша эта примѣсь словенизмовъ въ словахъ, оборотахъ, даже формахъ является уже столь сильною, что во многихъ случаяхъ вы должны назвать этотъ русскій языкъ уже ословенившимся. Лишь православная вѣра хранить еще въ этихъ мѣстахъ память русскаго имени, слѣдъ русской народности. Въ тѣхъ же селеніяхъ, гдѣ заведенъ католицизмъ, а имя русское исчезло, народъ, по наставленію ксендзовъ, зоветъ себя Словаками или просто католиками, то-есть, не Русскими.

Вообще должно замѣтить, что русская народность считается въ Венгріи самою послѣднею и какъ-бы позорною. Какъ ни свысока смотритъ Мадьяръ на Словака, и какъ ни презираетъ онъ его и ненавидитъ, однако, когда прійдется выбирать даже между Словакомъ и Русскимъ, то Мадьяръ ни мало не задумается подать руку первому. Поэтому Мадьяры желали бы всѣхъ Русняковъ обратить—если ужъ не въ Мадьяръ, то по крайности въ Словаковъ. Все-таки Словаки—католики, либо протестанты; все-таки они не носятъ и такого грознаго имени, какъ эти Русскіе!

Грозны для Мадьяръ эти Русскіе не только своимъ именемъ, но и важностію той территоріи, какую они занимаютъ. Въ ихъ рукахъ находятся всѣ проходы чрезъ Карпаты отъ Татръ до Кишли-Бабы. Они господствуютъ надъ всею сѣверо-восточною Венгріей. Значеніе этой территоріи и въ древнее время видно изъ многихъ здѣшнихъ замковъ, игравшихъ значительную роль въ венгерской исторіи. Начиная отъ Сиготы, тянется цѣлая сѣть такихъ замковъ: Сиготъ, Вышковъ, Гуштъ Кишли-Газа, Мукачевъ, Середля, Унгваръ, Сборовъ, Капушанскій замокъ, Шаришъ и т. д. Цѣлью ихъ было, съ одной стороны,—охранять проходы чрезъ Карпаты, а съ другой—господство-

вать надъ сосѣднею низменностію, надъ теченіемъ многочисленныхъ, выбѣгающихъ изъ русской территоріи, рѣкъ.

И какой-то дивный историческій инстинктъ словно приковалъ горсть Русскаго племени къ этимъ бѣднымъ, хотя прекраснымъ горамъ. Долина мапить ихъ всѣми обаяніями богатства и довольства, но Руснякъ сидитъ въ своей глуши, какъ-бы не довѣряя этому подолію, какъ-бы не любя его! Правда, лѣтомъ онъ спускается въ долину—на работы, сплавляетъ туда лѣсъ, жнетъ пшеницу и кукурузу, коситъ сѣно, собираетъ виноградъ и—возвращается назадъ въ свои родныя горы. Да и тогда Руснякъ не отваживается проникать далеко въ пушту: Мармарошецъ доходитъ до Дебрецина, Землинецъ до Токая и Мѣшковца, далѣе же предоставляется поле Словакамъ или Волохамъ. Да и можетъ ли однообразная, знойная, часто безводная и всегда почти безлѣсная пушта замѣнить Русняку его привольныя прохладныя горы, съ здоровымъ вѣтромъ, ключевою водою и темными лѣсами?

Мадьяръ, напротивъ того, очень не охотно поселяется въ горахъ. Прежде было много мадьярскихъ поселеній въ Шаритской жупаніи, но теперь и слѣдъ ихъ исчезъ. Лишь большая грубость и буйство нѣкоторыхъ Шаритскихъ Русняковъ заставляютъ въ нихъ предполагать обрусѣвшихъ Мадьяръ. Правда, вы очень часто услышите мадьярскій языкъ и въ Сиготѣ, и въ Гуштѣ, и въ Мукачевѣ, и въ Унгварѣ: но это вѣдь органъ администраціи, судовъ, школъ и интеллигенціи! Притомъ же и эти Мадьяры не болѣе какъ ренегаты русской народности или даже печальныя ея жертвы! Какъ удивился я, услышавъ на торжественномъ собраніи *русскаго* общества Василія Великаго (въ Унгварѣ) большую часть преній и рѣчей на *мадьярскомъ* языкѣ! А между тѣмъ, главное содержаніе этихъ рѣчей составляла оппозиція противъ наклонной къ Мадьярамъ политики нынѣшняго Мукачевскаго епископа Панковича. Но виновата ли эта интеллигенція Русскаго народа, въ Венгріи, что все свое образованіе она принуждена была получать на мадьярскомъ языкѣ? Виноваты ли эти люди, что не имѣютъ ли одной русской гимназій—ни мужской, ни женской, и потому должны въ своемъ собственномъ центрѣ, въ Унгварѣ, учиться по мадьярски? Съ другой стороны, имѣютъ ли они возможность дополнять домашнимъ образованіемъ эти недостатки своихъ школъ? Вся ихъ мѣстная литература состоитъ изъ одной газетки (прежде „Свѣтъ“, „Сова“, затѣмъ „Новый Свѣтъ“ а теперь „Карпаты“), да нѣсколь-

кихъ брошюрѣхъ ¹⁾). Книги русскія изъ Россіи считаются здѣсь самою опасною политическою контрабандою. Нѣмецкій языкъ довольно распространенъ въ Верхней Венгріи (около Кишица, Пришева), но въ восточныхъ русскихъ жупаніяхъ мало кому знакомъ. Что остается этой русской интеллигенціи другаго, какъ питаться мадьярскою литературой! Вообще, нѣтъ въ славянскомъ мірѣ народности болѣе подавленной въ духовномъ смыслѣ, чѣмъ эти Венгерскіе Русскіе. И нельзя сказать, чтобы не было въ средѣ мѣстныхъ людей сознанія этого страннаго положенія. Но что пользы отъ сознанія болѣзни, когда нѣтъ въ рукахъ средствъ для ея излеченія? Народъ бѣдентъ; его помѣщики, за малыми исключеніями—чужеродцы или ренегаты; его духовные пастыри связаны волею мадьярскаго (въ Мукачевской епархіи) епископа или крохами той правительственной субсидіи, какую они получаютъ подъ именемъ „songtwa“ ²⁾; его воспитатели, администраторы, судьи—либо инородцы, либо запуганные люди, которые не рѣшаются поднять голосъ за народныя интересы. Имѣютъ эти Русскіе нѣсколько представителей въ сеймѣ, но лишь одинъ изъ нихъ не стыдится своего русскаго имени: да одинъ въ полѣ не вопіетъ!

Нѣсколько лучше положеніе дѣлъ въ Пришевской епархіи, гдѣ епископъ не отдѣлился отъ своей паствы, какъ Мукачевскій, гдѣ поэтому духовенство менѣе связано въ своей дѣятельности для народа. Есть въ Пришевѣ и одно общество (Іоанна Предтечи), которое содержитъ до 40 стипендіатовъ изъ бѣдныхъ русскихъ учениковъ мѣстныхъ школъ. Но и эти стипендіаты все-таки принуждены уже съ первыхъ классовъ гимназій проходить весь курсъ на мадьярскомъ языкѣ!

Еще печальнѣе женское образованіе этихъ Русскихъ. Единственныя женскія школы здѣсь суть монастырскія, въ женскихъ католическихъ монастыряхъ въ Кошицахъ, Бардбевѣ, Уйгепѣ, Унгварѣ: здѣсь русскія дѣвушки получаютъ образованіе въ католическомъ и мадьярскомъ духѣ! Но самое печальное положеніе тѣхъ Русскихъ, которые живутъ разсѣянно островами въ средѣ мадьярскаго населенія. Тѣ рѣшительно теперь гибнутъ въ народномъ смыслѣ, и раз-

¹⁾ Напримѣръ, Уріяла Метеора «Крейцарова комедія», гдѣ осмѣяны Паниковичъ, съ его сателлитами.

²⁾ Нормальный окладъ священника опредѣленъ въ 300 флоринтовъ. Если доходъ съ земли и гробъ не приносятъ этой суммы, то недостающее выдается изъ религіознаго фонда, подъ названіемъ songtwa.

въ какой-нибудь *deus ex machina* въ состояніи спасти ихъ отъ мадьяризаціи.

Литература этого народа столь же бѣдна, какъ онъ самъ, какъ и свѣдѣнія объ его прошломъ и настоящемъ. Лучшимъ историческимъ изслѣдованіемъ еще остается трудъ Баяловича „Исторія Базиліанскаго монастыря въ Мукачевѣ“. Исторію и топографію Землинскаго комитата обрабатывалъ графъ Ширмай, Спичскаго—Вагнеръ, а Гемерскаго—Бартоломеидевъ. Бидерманъ не окончилъ, къ сожалѣнію, своей исторіи Венгерскихъ Русскихъ (*Ungarischen Russen*, 1862. II т.). Въ настоящее время печатаетъ на русскомъ языкѣ исторію Венгерской Руси о Дулишковичъ (въ Чинодѣвѣ, около Мукачева). Онъ воспользовался, между прочимъ, Лукаевскою рукописью „Церковной исторіей Венгерскихъ Русскихъ“, которая хранится, въ нѣсколькихъ фоліантахъ, въ Унгварскомъ епископскомъ архивѣ. Я имѣлъ въ рукахъ нѣсколько листовъ исторіи о Дулишковича; но она вращалась еще въ области славянскихъ древностей. Нѣсколько любопытныхъ историческихъ документовъ о прежней автономіи русскаго княжества въ Венгріи издалъ Добрянскій въ своей „*Rede in d. Address-Angelegenheiten*“ (1861). Они извлечены изъ Лелешскаго архива, о коемъ упомянуто выше. О. Кустодіевъ (въ Пештѣ) обладает теперь нѣкоторыми рукописными трудами о. Дулишкова, какъ-то: „Краткая исторія Венгерской Руси“; „Исторія Пришевской епархіи“ и т. д. Не лишены интереса и напечатанныя уже оригинальныя статьи о. Кустодіева: „Конгрессъ католиковъ Венгріи и Угорскіе Русскіе“ (1872), „Церковь Угорскихъ Русскихъ и Сербовъ“ (1873). Но вообще должно сказать, что исторія этой любопытной и важной части Русскаго племени и русской территоріи еще ждетъ изыскателей. Изысканія эти должны быть произведены въ двухъ направленіяхъ — этнографическомъ ¹⁾ и археологическо-историческомъ ²⁾. Это была бы прямая обязанность нашихъ ученыхъ. По моему скромному мнѣнію, подвигъ этихъ Русскихъ, перенесшихъ границы Русскаго племени по ту сторону Карпатъ, есть одинъ изъ величайшихъ и важнѣйшихъ подвиговъ Русскаго народа на поприщѣ всемірной исторіи.

¹⁾ Матеріалъ, обнародованный г. Головацкимъ въ *Чтеніяхъ Московскаго общества Исторіи и Древностей*, мнѣ еще незнакомъ.

²⁾ Повторю еще разъ о необходимости обозрѣнія архивовъ: Лелешскаго и Ясовскаго, Унгварскаго епископскаго и Мукачевскаго—гр. Шенберна. О. Дулишковичъ воспользовался, какъ я слыжалъ, нѣкоторыми рукописными матеріалами (Унгварскаго архива), но въ очень незначительной лишь степени.

Перехожу теперь къ ближайшимъ сосѣдямъ и соплеменникамъ Венгерскихъ Русскихъ—Словакамъ. Какъ территорія, такъ и народность этого племени принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ на славянскомъ западѣ. Къ сожалѣнію, собравшись туда уже зимою, я мало имѣлъ возможности ближе и непосредственнѣе ознакомиться съ этою страню. Я провелъ на почвѣ словенской лишь нѣсколько недѣль (въ Турчанской, Зволянской и Пажурской жупаніяхъ); между тѣмъ для ближайшаго съ нею ознакомленія понадо- бился бы не одинъ мѣсяцъ.

Территорія Словаковъ опредѣляется слѣдующею чертою: Дунай отъ Пожуна до Пешта; вѣтвь линія отъ Пешта, по склону Матри подъ Мѣшконецъ, гдѣ имѣется сочтеніе трехъ элементовъ: Русскаго, Словенскаго и Мадьярскаго; дальше вышеозначенная линія русской народности до Кралевой голи и Ламницкаго шницца; затѣмъ Татры и Бескиды, по водораздѣлу Вислы и Дуная, близъ политической границы Венгріи, которая перейдена словенскою народностью лишь въ Моравіи, гдѣ рѣка Морава отдѣляетъ приблизительно диалектическую область Словенскую отъ Чешской. На описанной территоріи живетъ свыше 3 милліоновъ населенія, въ томъ числѣ лишь нѣсколько процентовъ несловенскаго (мадьярскаго и нѣмецкаго). Но и внѣ этой линіи есть значительныя колоніи словенскія, напримѣръ, Чабба, Сарвашъ и т. д., достигающія на югѣ до Баната и кое-гдѣ даже до Военной границы. Въ смыслѣ колонизаціонномъ едва ли какой народъ можетъ сравниться со Словаками. Даль ихъ не пугаетъ, а напротивъ, какъ-бы манить къ себѣ. Это выражается и страстью Словаковъ къ кочевой коммерціи, которая ведется ими не только въ Венгріи, Чехіи, Моравіи, Польшѣ, но и по всей Россіи, вплоть до Иртыша и Оби. А нѣкоторые Пресбургскіе (изъ св. Зора) ходебщики осмѣливаются проникать и въ западную Европу и Америку. Центромъ этихъ кочевыхъ словенскихъ торговцевъ служитъ Турчанскій комитатъ, именно одна его околица, называемая Держава. Изъ этой Державы, обнимающей дошину деревень, ходебщики отправляются въ самыя отдаленныя даже губерніи Россіи. Яѣбесѣдовалъ въ г. Кляшторѣ подъ Зніовомъ (столица этой Державы) съ однимъ старикомъ, который еще въ 40-хъ годахъ пробирался, со своими компаньонами, до Тобольской губерніи. Торгуютъ они полотняными и суконными, а также и разными галантерейными предметами. Многіе изъ этихъ Державцевъ приобрѣли значительное состояніе (до 100.000 флоринновъ). Живутъ они просто, но съ извѣстнымъ комфортомъ, — съ самоварами, хоро-

шею боровичкой и т. д. Они считаются наиболее развитыми и патристическими изъ Словенскихъ крестьянъ. Быть можетъ, этому кочевому промыслу Державецъ не мало обязанъ и вообще Турчанскій комитатъ своимъ теперешнимъ первенствомъ въ народномъ отношеніи передъ всѣми другими. Ходятъ еще на промыселъ и изъ Оравскаго (blachari и др.) и Тренчинскаго (polejkarі и др.), но не въ такихъ размѣрахъ, какъ изъ Турца.

Вслѣдствіе этихъ частныхъ блужданій по славянскимъ землямъ, знаніе другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ томъ числѣ русскаго, довольно распространено между Словенскимъ народомъ. Русскихъ они даже называютъ обыкновенно тоже Словаками, а русскій языкъ считаютъ словенскимъ, какъ Сербъ — сербскимъ, только съ другимъ-де выговоромъ. Не на этой ли почвѣ выросли славянскія идеи Словаковъ Галлага, Коллара, Шафарика, Штура, Гаджи, Гурбана и т. д., которые утвердили за Словаками имя панславистовъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи Словаки опередили не только Чеховъ, но и всѣ почти другія Славянскія племена.

Но что пользы отъ идеи, хотя и возвышенной, когда некому и нѣтъ способовъ осуществить ея? А Словаки — народъ вообще бѣдный, хотя и не въ такой степени какъ русскіе Верховиняне. Особенно скудна природа въ трехъ горныхъ жупаніяхъ: Оравской, Тренчинской, Липтовской, а затѣмъ и въ Турчанской. Немногимъ лучше и Зволенская, Гемерская, Тековская жупанія, большая часть коихъ покрыта болѣе или менѣе высокими горами. Богаче и плодотворнѣе низменные части Нитранской, Пожунской, Новоградской и т. д. жупаній, покуда уже направился потокъ мадьяризма, отчасти успѣвшій оттѣснить Словаковъ въ горы.

Знати на Словачинѣ много: въ турецкія времена это былъ главный пріютъ аристократіи. Но она не хвастаетъ ни языкомъ, ни интересомъ своей народности. За малыми исключеніями, она мадьярствуетъ самымъ лютымъ образомъ. Еще больше страдаетъ тѣмъ же порокомъ низшая шляхта, иниця, но заносчивая (въ родѣ польскихъ „однодворцевъ“). Собственно говоря, эта послѣдняя, а не магнатство, и задастъ теперь тонъ въ Венгріи. Она переселила магнатовъ въ комитатскихъ и избирательныхъ собраніяхъ и успѣла даже терроризировать свою знать въ такой степени, что мадьярскіе, или вообще венгерскіе, графы и князья не смѣютъ публично иначе и говорить, какъ на мадьярскомъ языкѣ. Зоветъ себя эта мелкопомѣстная шляхта земанами, — иначе интеллигенціей, хотя часто такой интеллигентъ

едва грамотѣ умѣеть. Горачится же эта интеллигенція за мадьяризмъ потому, что онъ ее кормить, даетъ ей монополію всѣхъ публичныхъ должностей, даетъ синекуры, словомъ — хлѣбъ.

Изъ кого же состоитъ здѣсь дѣйствительная и независимая интеллигенція Словенскаго народа? Изъ нѣсколькихъ рѣшительныхъ „фанатиковъ народности“, нѣсколькихъ самоотверженныхъ адвокатовъ, священниковъ, писателей, учителей. Счастье Словенскому народу, что есть хоть нѣсколько такихъ въ его средѣ! Они спасаютъ его нравственный авторитетъ, его преданія, дѣлѣютъ его мечты, созидаютъ его будущее. Въ другой странѣ и народности достаточно имѣть знаніе и таланты, чтобы сдѣлаться писателемъ, ученымъ, публицистомъ. Но въ средѣ этихъ загнанныхъ народностей нужно гораздо болѣе того: нужна еще рѣшимость на борьбу съ нуждою, съ общественною оппозиціей, съ народнымъ безучастіемъ. Поэтому несправедливо было бы оцѣнивать на одну мѣрку заслуги первостепеннаго, напримѣръ, поэта или ученаго словенскаго съ мадьярскимъ, польскимъ, русскимъ. Последніе имѣютъ за собою преданіе, а вокругъ себя — поддержку и литературную и нравственную. Писатель же словенскій предоставленъ единственно своему таланту, своей энергіи, своему самоотверженію. Словакъ тоже имѣетъ свой политическій центръ, имѣетъ государство, за которое онъ столько разъ проливалъ кровь; но это государство ничего не жертвуетъ на его школы, его литературныя общества, его народныя предпріятія. Государство занимается съ него подати и налоги, но оно употребляетъ ихъ на свои особыя цѣли. На деньги Словаковъ, Русскихъ, Румуновъ, Сербовъ Венгерское государство содержитъ мадьярскіе театры и академіи, музеи и университеты, гимназіи и политехники; на эти деньги оно поддерживаетъ мадьярскіе газеты и журналы, подкупаетъ славянскихъ избирателей, строитъ желѣзныя дороги, гдѣ это нужно мадьярскимъ помѣщикамъ и политикамъ. Но на словенскую, напримѣръ, гимназію, музей, матицу—оно не израсходуетъ ничего. Совсѣмъ другой смыслъ получаетъ такая словенская гимназія, содержащая на послѣдніе гроши патріотовъ.

Въ настоящее время есть уже три частныя словенскія гимназіи: одна полная (въ Вел. Ревуцѣй) и двѣ четырехклассныя (Турчанскій Мартинъ и Кляшторъ подъ Зниовомъ). Чтобы оцѣнить самоотверженіе учителей этихъ гимназій, достаточно сказать, что въ Вел. Ревуцѣй учителя этой словенской гимназіи, и притомъ лучшіе педагоги своего народа, живутъ съ семействомъ на содержаніи въ 500 — 600 флоринновъ, а нѣкоторые даже менѣе.

Свои газеты словенскіе журналисты издають при 500—600 подписчикахъ. О литературномъ гонораріи здѣсь рѣдко когда и рѣчь бываетъ. Хорошо еще, если удастся найти издателя. Въ послѣднемъ отношеніи много пользы приноситъ словенская матица въ Т. Св. Мартинѣ. Ея *Литонисъ* служитъ единственнымъ пріютомъ для серьезныхъ историческихъ, археологическихъ и т. п. статей и изслѣдованій. Въ десятилѣтнее существованіе свое матица успѣла издать не мало важныхъ изслѣдованій изъ области мѣстной исторіи и древностей (Сасинка, Гостинскаго, Заборскаго и др.). Въ послѣднее время усилями Францисци и Павлини-Тота основано въ Т. Св. Мартинѣ еще другое—Акціонерное издательское общество, которое издало нѣсколько десятковъ популярныхъ книгъ, повѣстей (напримѣръ, Калинчака), драматическихъ пьесъ (Халуши и др.), учебниковъ для народныхъ школъ и гимназій (Зоха, Ориша, Кожелуги, Чулена и т. д.). Павлини-Тотъ издаетъ *Narodne Noviny*, Ференчакъ — *Ilasnik*, Турбанъ — *Evangelicke listy*, Лихардъ — *Hospodarske noviny*, Страковичъ — ежемѣсячникъ *Dunaj* и т. д.

Главнымъ литературнымъ центромъ словенскимъ считается теперь Турчанскій Св. Мартинъ, какъ мѣстопробываніе наибольшаго числа словенскихъ писателей. Центромъ, около котораго они здѣсь собраны, служитъ матица. Болѣе значительные словенскіе города, какъ Банска Быстрица, Нитра, Тренениъ, С. Микулашъ не рѣшались въ 1861 году открыть въ своей средѣ пріютъ для матицы; вслѣдствіе того наименѣйшій изъ словенскихъ комитатскихъ городовъ, Св. Мартинъ, сталъ во главѣ народнаго движенія, сталъ въ нѣкоторомъ смыслѣ Вицеелемомъ Словенскаго народа. Прежде не было постоянного и опредѣленнаго центра словенской народности и литературы. При Палковичѣ и затѣмъ Л. Штурѣ таковымъ былъ Пожунъ, затѣмъ при Гождѣ — Св. Микулашъ, при Францисци, Полярихѣ и Викторинѣ — Пештъ; наконецъ, въ послѣдніе годы Св. Мартинъ сосредоточилъ въ себѣ наилучшія словенскія силы: Францисци, Павлини-Тотъ, Ференчакъ, Сасипекъ, Мудропъ; въ сосѣдствѣ же этого города живутъ Гочаръ, Чуленъ и мн. др. Въ Пештѣ тоже начинаетъ словно просыпаться словенская народность (Бахатъ, Страковичъ и мн. др.), что выражается въ предпріятіи словенскаго ежемѣсячника *Dunaj*. Но это лишь робкое начало, неизвѣстно къ чему имѣющее привести. Издается, правда, въ Пештѣ и политическая словенская газета *Slovenske Noviny* (ред. Бобуля); но она прежде не пользовалась довѣріемъ народа; въ послѣднее впрочемъ время, по видимому, нѣмѣпи-

лась къ лучшему. Въ Банской Быстрицѣ издается еще словенскій листокъ *Syornost*, но это офиціозный мадьярскій органъ. Изъ этого видно, что при подобныхъ условіяхъ о литературѣ словенской, въ настоящемъ смыслѣ слова, не можетъ быть и рѣчи. Но то незначительное, что явилось уже на словенскомъ языкѣ, особенно въ области поэзіи (Голый, Сладковичъ, С. Халупка, Калинчакъ, Заборскій, Штуръ), позволяетъ возлагать самыя большія надежды на свѣжую силу и духовную производительность этого народа. Нужно лишь желать, чтобы жалкія современныя общественныя и педагогическія условія перемѣнились здѣсь въ духѣ справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству каждаго лица и каждаго народа.

Наконецъ, скажу нѣсколько словъ о современномъ положеніи науки и литературы въ Хорватіи, въ столицѣ которой — Загребѣ, я пробылъ около мѣсяца.

Хотя число Хорватовъ и уступаетъ количеству Словаковъ, однако положеніе ихъ, особенно въ настоящее время, несравненно благоприятнѣе. Хорваты имѣютъ свою округленную область, какой дониндѣ не имѣютъ еще Словаки. За Дравой начинается область Тріединнаго королевства, начинается почва особой историко-политической индивидуальности, которой не оспариваютъ и Мадьяры, такъ какъ и сами они чувствуютъ подъ собою единственно эту историко-политическую почву, за отсутствіемъ выгодной почвы этнографической или какой другой. Идея историческаго права импонируетъ на Мадьяръ: по крайней мѣрѣ они не оспариваютъ ея гласно. Конечно, и Венгерскіе Русскіе ссылаются на свои старыя автономическія учрежденія, на привилегіи своего Русскаго княжества; ссылаются затѣмъ и Словаки на древнюю автономію Нитранскаго княжества, на старую независимость владѣтелей Вага и Грона. Но Мадьяры не признаютъ этихъ историческихъ преданій. Въ Тріединномъ же королевствѣ они формально его не оспариваютъ; быть можетъ, преданіи Елачича предостерегаютъ ихъ отъ этого; какъ бы то ни было, изъ всѣхъ народовъ венгерскихъ, одни Хорваты считаются историческимъ народомъ, на ряду съ Мадьярами; одни Хорваты смѣютъ употребить родной языкъ и въ Пештскомъ сеймѣ; одни они имѣютъ свой отдѣльный земскій соборъ, имѣютъ провинціальную автопомію. Такимъ образомъ, права хорватскаго языка въ Тріединномъ королевствѣ не оспаривались даже при мадьярскихъ банахъ Радхъ и Вакановичъ. Они имѣютъ гимназій, учительскія семинаріи, техническія школы, юридическую академію съ преподаваніемъ на хорватскомъ языкѣ и свою ака-

демію наукъ, довольно хорошо обеспеченную; въ самомъ скоромъ времени будутъ они имѣть свой университетъ, чего даже Чехи не имѣютъ, хотя чешская народность почти втрое богѣе сербо-хорватской въ Австріи ¹⁾. Хорваты имѣютъ администрацію и суды съ дѣлопроизводствомъ на народномъ языкѣ. Ихъ „домобранцы“ (ополченцы) имѣютъ хорватскую же команду. Они имѣютъ бана, отвѣтственнаго предъ народнымъ соборомъ, и притомъ должность бана занимаетъ теперь одинъ изъ лучшихъ хорватскихъ патріотовъ и писателей Иванъ Мажураничъ. Хорваты имѣютъ далѣе несравненнаго мецената своей науки и литературы, заслуженнаго покровителя всѣхъ народныхъ хорватскихъ предпріятій для общественной пользы—епископа Штросмайера. Число жертвъ, принесенныхъ имъ на алтарь народности, опредѣляется нѣкоторыми суммою до милліона флориновъ. Онъ болѣе другихъ содѣйствовалъ и основанію въ Загребѣ академіи наукъ и университета. Но еще важнѣе принесенныхъ имъ матеріальныхъ для народа пожертвованій есть то нравственное вліяніе, какое онъ имѣлъ своимъ патріотизмомъ на хорватское духовное и свѣтское общество, возбуждая въ немъ любовь къ родному знамени и мужество въ борьбѣ за него. Наконецъ, и народъ Хорватскій богаче Словенскаго или Угро-Русскаго. За исключеніемъ нѣкоторыхъ граничарскихъ полковъ (Ликскій, Оточадскій, Огулинскій), Хорватія и Славонія занимаютъ придорожныя, а отчасти и благословенныя мѣстности (напримѣръ, Нижняя Славонія).

Литературное единеніе Хорватовъ съ Сербами открываетъ значительный сдѣлъ для ихъ произведеній и привлекаетъ много силъ на поприще хорватской литературы. Съ другой стороны, Хорваты очутились послѣдниками богатыхъ сокровищъ литературныхъ, завѣщанныхъ потомству старыми далматинскими поэтами и скрывавшихся донны въ библіотечкахъ и архивахъ Дубровника, Задра, Сплета, Загреба и т. д.

Соединеніе всѣхъ этихъ условій очень облегчило задачу хорватскихъ патріотовъ и дозволило имъ въ короткое время сдѣлать Загребъ—если не вполне еще, то хотя отчасти—юго-славянскими Афинами. Нужно замѣтить, что и старая религіозная вражда, раздѣлявшая нѣкогда Хорватовъ отъ Сербовъ, въ послѣднее время замѣтно ослабѣла. Хорваты не только не боятся вступить теперь въ духовное

¹⁾ Нимѣ, какъ извѣстно, университетъ въ Загребѣ ужь открытъ.

Прим. ред.

общеніе съ другими вѣтвями Юго-Славянъ, но даже вызываютъ на это и Словенцевъ, и Сербовъ, и Болгаръ. Не безъ этой мысли между прочимъ и академію свою назвали они юго-славянскою. Въ соотвѣтствіе съ этимъ, и въ ученую свою дѣятельность Хорваты хотѣли бы включить все южное славянство. Не упоминая о старомъ иллиризмѣ Гаа, приведу лишь, напримѣръ, Кукулевича *Архивъ за повѣстницу югославенску* (XI тт.); Любича *Ogledalo Kusičevne poviesti jugoslavjanske*; его же „Нумизматику югославянскую“ (печатается); Рачкаго „Ворьба Югославянъ въ XI вѣкѣ“; онъ же составляетъ нынѣ древнѣйшую исторію югославянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ“; Матковичъ, кромѣ изданныхъ уже изслѣдованій топографическихъ, напримѣръ, о Босніи и Болгаринъ, занятъ въ настоящее время изученіемъ старинныхъ итинераріевъ по югославянскимъ областямъ Турціи; Богичичъ издалъ одинъ томъ „Pisani zakoni u Jugoslavena“ и „Матеріалы для обычнаго права Югославянъ“ (изъ печати).

Такимъ образомъ, въ изслѣдованіяхъ Загребскихъ ученыхъ замѣчается утѣшительное расширеніе кругозора своего и на другія сосѣднія Славянскія племена. Конечно, это можетъ возбуждать нѣкоторую ревность въ ученыхъ Бѣлоградскихъ, привыкшихъ видѣть въ Бѣлградѣ центръ югославянства; но если эта ревность выразится въ соревнованіи Хорватамъ въ подобномъ же направленіи, то наука и жизнь югославянская могутъ лишь выиграть отъ этого.

Не менѣе чести приносить Хорватамъ ихъ заботливость объ изданіи сокровищъ старой далматинской литературы. До настоящаго времени издано уже академіей Загребскою пять томовъ „Stargivsci“ hrvatski, именно—произведенія Марка Марулича (I-й т.), Шишка Менчетича и Држића (II-й т.), М. Ветранича (III-й и IV-й тт.), П. Димитровича и Н. Налешковича (V-й т.). Далѣе предполагають издавать Чубриновича и др. Когда этотъ циклъ будетъ завершенъ, (что потребуетъ до 30—40 томовъ), тогда гораздо легче будетъ изучать исторію далматинской поэзіи, бывшей донинѣ доступною лишь для архиваріевъ. Значительное число драматическихъ сюжетовъ и отрывковъ древней дубровацкой драмы извлечено изъ рукописей г. А. Павичемъ и издано въ его полезномъ трудѣ „Исторія дубровацкой драмы“ (1871. Загребъ).

Для историческаго, археологическаго и литературнаго изученія южнославянскихъ земель, особенно же Хорватинъ и Далматинъ, много матеріалу издано Загребскою академіей въ 25-ти томахъ ея сбор-

ника: *Rad.* и въ 5-ти томахъ *Starine*¹⁾. Любичъ (кроме юго-славянской нумизматики) печатаетъ V-й томъ *Monumenta spectantia historiam Slavonum meridionalium* (материалы изъ Венеціанскихъ архивовъ). Рачкій издалъ документы о заговорѣ бана Петра гриньскаго и князя Франкопана (при Леопольдѣ. *Acta conjurationem bani P-n. Zrinio et com. F. Francorani illustrantia*. 1873. 8°, 596). Кроме того, онъ же приготовляетъ палеографическое изданіе памятниковъ хорватской исторіи до начала XII вѣка. Ткаличъ издалъ недавно: *Monumenta Episcopatus Segrabienensis* (XII—XIII в.) Agram. 1873.

Кроме академіи наукъ, въ Загребѣ есть еще одно ученое и два издательскія общества, именно: Общество для югославянской исторіи, Илирская (теперь уже переименованная въ Хорватскую) матица, общество св. Іеронима. Предсѣдатель перваго изъ названныхъ обществъ, многозаслуженный ветеранъ югославянской науки и литературы Кукулевичъ Сакцинскій, издалъ недавно I-й томъ *Codex diplomaticus regni Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae* (1874. Загребъ), заключающій въ себѣ 248 грамотъ (отъ 503 по 1102 годъ по Р. Хр.), извлеченныхъ изъ 19-ти различныхъ архивовъ и библіотекъ Далмаціи, Италіи, Хорватіи, Пешта, Вѣны и т. д. Въ концѣ приложенъ очень обстоятельный указатель историческій, топографическій, юридическій и т. п. Кроме того, печатается XII-й томъ *Архива* Кукулевича²⁾. Второе изъ названныхъ выше издательскихъ обществъ, матица, въ послѣдніе годы ничего не издавало. *Книжевики* ея прекратились немедленно съ открытіемъ академическаго *Rad.* Въ настоящее время матица предполагаетъ предпринять опять свое особое изданіе, для статей, болѣе популярнаго содержанія, молодыхъ хорватскихъ литераторовъ, для которыхъ недоступно еще участіе въ академическомъ сборникѣ. Общество св. Іеронима издало нѣсколько книжекъ для

¹⁾ Въ 5-мъ томѣ *Старина* помѣщено, между прочимъ, нѣсколько новыхъ материаловъ для сербской письменности, извлеченныхъ проф. Ягичемъ изъ рукописей Вука Караджича, Берлинской и С.-Петербургской публичныхъ библіотекъ.

²⁾ Г. Кукулевичъ обладаетъ, между прочимъ, довольно значительнымъ собраніемъ средневѣковыхъ надписей, собранныхъ имъ въ различныхъ мѣстахъ Хорватіи и Славоніи (числомъ до 800—900). Было бы очень желательно дополнить эту коллекцію надписями далматинскими, истріонскими и пр. и издать въ печати. Любичъ тоже имѣлъ подобную влиятельную коллекцію, но уступилъ ее проф. Мозану, который и воспользовался этимъ матеріаломъ въ недавно изданномъ III-мъ томѣ *Corpus Inscriptionum*, куда вошли именно надписи панионскія.

школъ и народнаго чтенія (напримѣръ, популярную физику, составленную извѣстнымъ Словакомъ Шулекомъ, хорватскимъ лексикографомъ). Не неугодно будетъ упомянуть здѣсь объ основаніи въ Хорватіи новаго общества св. Кирилла и Меѳодія, которое поставило своею цѣлью поддержаніе боснійскихъ школъ, снабженіе ихъ книгами, учеными принадлежностями и т. д. Если общество это не собьется въ католическую пропаганду, то можетъ принести несомнѣнную пользу невѣжественнымъ боснійскимъ райямъ.

Заслуживаетъ еще упоминанія прекрасное изданіе полного собранія поэтическихъ произведеній Петра Прерадовича, одного изъ лучшихъ новыхъ хорватскихъ лириковъ, нѣсколько сроднаго нашему Лермонтову. Было бы очень желательно, чтобы наши поэты и критики поближе познакомили и русскую литературу съ этимъ кореннымъ хорватской литературы.

Наконецъ, упомяну еще объ одномъ обширномъ ученомъ предпріятіи Хорватовъ, именно — о составленіи историческаго словаря сербо-хорватскаго языка (по плану нѣмецкаго словаря братьевъ Гримовъ). Затѣянъ этотъ трудъ, конечно, академіей наукъ; ближайшее его веденіе поручено было Даниичу. Въ настоящее время уже значительная часть старыхъ далматскихъ писателей и древнихъ грамотъ исчерпаны для словаря. Послѣ отъѣзда Даниича въ Бѣлградъ, завѣдываніе этимъ дѣломъ перешло въ руки Шулека, нынѣшняго секретаря Юго-славянскаго академіи и одного изъ лучшихъ ея членовъ. Во всякомъ случаѣ, окончанія этого обширнаго предпріятія придется ожидать еще нѣсколько лѣтъ.

Библиотечныя и архивныя богатства Загребѣ довольно значительны. Первопрестольная церковь, юридическая академія, академія наукъ, наконецъ, музей имѣютъ болѣе или менѣе значительныя собранія книгъ и рукописей. Академія наукъ недавно обогатила свою коллекцію рукописей покупкою нѣсколькихъ десятковъ церковно-славянскихъ рукописей (большую часть священныхъ и церковныхъ книгъ) г. Михаловича. Значительною долей этихъ рукописей пользовался уже Миклошичъ для своего словаря. Самая замѣчательная изъ этихъ рукописей есть сербская Коричая 1260 года. Она была уже рассмотрѣна и г. Ягичемъ, который, какъ я слышалъ, предполагаетъ скорѣе издать результатъ своихъ изслѣдованій.

Музей Загребскій обладаетъ очень значительною нумизматическою коллекціей (до 100.000 экз.), особенно полною по отдѣламъ сербо-хорватской нумизматики. Есть также нѣсколько замѣчательныхъ над-

писей на камняхъ, между прочимъ, вѣрный оттискъ знаменитой глаголической надписи, вырѣзанной на камиѣ на о. Кркѣ, которая должна принадлежать XI вѣку. Въ настоящее время каноникъ Рачкій занимается объясненіемъ этой надписи, съ которой сдѣланъ очень хорошій фотографическій снимокъ.

Довольно приведенныхъ фактовъ, чтобы видѣть, что литературное движеніе довольно сильно въ Хорватіи — особенно въ виду малой численности самого народа, въ средѣ котораго оно совершается. Стоитъ пожелать, чтобы движеніе это перешло за предѣлы самой Хорватіи и оживило бы ученую пылкость и умственную дѣятельность въ средѣ сосѣдей Хорватовъ — Словенцевъ и Сербовъ, чтобы новый Загребскій университетъ сумѣлъ притянуть къ себѣ массу юго-славянской молодежи, скитающейся по университетамъ всей западной Европы, отъ Пешта, Градца и Вѣны до Лейпцига, Цюриха и Парижа.

А. Вудиловичъ.

ОТЧЕТЪ О СЕМНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ЗА ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ¹⁾.

Сочиненій по части русской и славянской исторіи, представленныхъ на соисканіе наградъ графа Уварова, было девять; кромѣ того, въ соисканіи участвовало одно сочиненіе, отложенное отъ прошлогодняго конкурса. Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ, конференціей Академіи была назначена коммиссія, подѣ председательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ гг. академиковъ: А. А. Куника, И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, Я. К. Грота, А. Θ. Бычкова, М. И. Броссе и А. В. Никитенко.

Ознакомившись съ переданными ей на разсмотрѣніе сочиненіями, коммиссія для каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства конкурсныхъ сочиненій, коммиссія, въ засѣданіи 10-го сего сентября, положила удостоить меньшихъ Уваровскихъ премій (въ 500 руб. каждая) слѣдующія четыре книги:

I.

Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ. М. О. Кояловича. С.-Петербургъ 1873 г.

Это сочиненіе было разсмотрѣно членомъ-корреспондентомъ Академіи А. Н. Поповымъ, который въ своей рецензій, подробно указавъ на достоинства труда г. Кояловича, вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ тѣ

¹⁾ Составленъ непремѣннымъ секретаремъ Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскимъ и читанъ въ публичномъ ея засѣданіи 25-го сентября 1874 года..

основанія, по которымъ онъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ нѣкоторыми взглядами автора.

Сущность замѣчаній рецензій состоитъ въ слѣдующемъ:

Имя профессора С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича давно извѣстно въ нашей ученой литературѣ, и прежніе его труды оцѣнены по достоинству. Еще въ 1859 и 1861 гг. онъ издалъ два тома изслѣдованій о Литовской церковной униі. Затѣмъ, какъ самъ онъ говоритъ въ рѣчи, произнесенной имъ передъ защитою разсматриваемаго нами сочиненія, которое было представлено на соисканіе ученой степени доктора,—онъ „началъ заниматься, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, исторіей воссоединенія униатовъ въ 1839 г. Но изучивъ главнѣйшіе памятники этого событія въ собраніи бумагъ покойнаго графа Д. П. Блудова, въ громадномъ собраніи дѣлъ архивовъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода и греко-униатской коллегіи, и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ въ Западной Россіи, и послѣ бесѣдъ съ современными свидѣтелями этого событія, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что воссоединеніе униатовъ 1839 г., во главѣ котораго стоялъ необыкновенный человѣкъ нашего времени, покойный митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, не было дѣломъ новымъ, имъ измышленнымъ или искусственно созданнымъ русскими правительствомъ, а составляло продолженіе направленія, давно существовавшаго и только около времени митрополита Іосифа заслоненнаго извѣстною политическою системою дѣйствій князя Адама Чарторыйскаго, нашествіемъ Французовъ и господствомъ въ нашей интеллигенціи западно-европейскихъ идей“. Изъ этихъ словъ видно, что авторъ въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно и непрерывно посвящалъ свои занятія изслѣдованіямъ объ историческихъ судьбахъ униі, или какъ онъ постоянно ее называетъ,—*униатской церкви*. Начавъ свои занятія исторіей униі со времени первоначальнаго ея установленія, г. Кояловичъ намѣревался перейти затѣмъ къ изслѣдованію того событія, которымъ окончилось ея существованіе въ предѣлахъ Русской Имперіи, то-есть, къ воссоединенію униатовъ съ восточною церковью въ 1839 году. Но продолжая занятія своимъ предметомъ, онъ естественно пришелъ къ тому убѣжденію, что это событіе не можетъ быть ни понято, ни объяснено надлежащимъ образомъ безъ предварительнаго изслѣдованія предшествовавшихъ ему явленій въ исторіи униі. Плодомъ этихъ изслѣдованій представляется новый трудъ г. Кояловича, служащій переходомъ отъ первыхъ его, уже обнародованныхъ, изслѣдованій объ униі, къ розысканіямъ, предполагаемымъ въ

будущемъ—о воссоединеніи униатовъ при императорѣ Николаѣ. Обиліе и особое свойство источниковъ дали возможность сочинителю подробно изложить происшествія второй половины XVIII столѣтія и сообщить своему изложенію особенную живость. Много источниковъ уже обнародовано комиссіей для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, комиссіей, бывшею при Виленскомъ учебномъ округѣ, археографическою комиссіей и пр. Но еще большее ихъ количество хранится въ архивахъ. Всѣми такими матеріалами пользовался авторъ. „Въ борьбѣ, происходившей въ униі“, говоритъ М. О. Кояловичъ,—„часть Русскихъ людей, оставшаяся въ предѣлахъ Польши и лишенная почти всей своей интеллигенціи, съ поразительною искренностью и самоотверженіемъ ратуетъ за свое русское и православное званіе. Мы видимъ, что во время этой борьбы всѣ слои народа, простые крестьяне, ктиторы, то-есть, церковные старосты, священники, иноки, стоятъ за одно, *обладаютъ большими свѣдѣніями политическими, знаютъ даже секреты политическіе*, и такъ какъ во главѣ этого русскаго общества стояли духовные, которымъ естественно было сообщать свои свѣдѣнія нашему центральному духовному правительству, то отсюда вышло, что нашъ синодъ обладалъ полными и вѣрными свѣдѣніями о дѣлахъ въ Польшѣ“. Но эта борьба части Русскаго народа, находившагося въ Польшѣ, шла съ униатами и латинянами-Поляками, которые, съ своей стороны, оставили не менѣе извѣстій, какъ напечатанныхъ, такъ и хранящихся въ архивахъ. Архивъ униатскихъ митрополитовъ сохраняетъ значительное количество такихъ извѣстій, и между ними г. Кояловичъ весьма справедливо считаетъ *чрезвычайно важною* переписку, продолжавшуюся непрерывно десять лѣтъ между королевскимъ секретаремъ и въ то же время униатскимъ архидіакономъ, а потомъ епископомъ, Левинскимъ съ униатскимъ митрополитомъ Смогоржевскимъ. Въ этой перепискѣ *дѣйствительно замѣтны нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣлахъ политики и даже тайныхъ*, но эти свѣдѣнія незначительны. Вообще же они не могли быть извѣстны въ то время никому, кромѣ нѣкоторыхъ кабинетовъ европейскихъ державъ, и по преимуществу, русскому. Въ извѣстіяхъ, оставленныхъ латинянами и Поляками даже о происшествіяхъ того времени, замѣчается разнообразіе. Такъ ли могли относиться къ дѣламъ того времени іезуиты, уничтоженные въ то время папою, преслѣдуемые въ Польшѣ и нашедшіе себѣ пріютъ въ Россіи, какъ относилась польская латинская іерархія, руководимая папскими нунціями? Одинаковы ли между собою свѣдѣнія

объ этихъ дѣлахъ, какія могли сообщать тѣ польскіе паны, которые не только не преслѣдовали православныхъ, но даже защищали ихъ, и тѣ свѣдѣнія, какія оставили въ наслѣдство исторіи правительство и шляхетство польскія? Въ самой средѣ уніатовъ шла въ то время роковая борьба двухъ направлений, постоянно въ ней существовавшихъ, и она не могла не отразиться на источникахъ, вышедшихъ изъ этой среды.

При такихъ условіяхъ историческіе памятники этой эпохи уніи весьма многочисленны, разнообразны по направленію и по степени правдивости. Разнообразіе, условленное вліаніемъ среды, изъ которой они происходили, усиливалось еще болѣе тѣмъ особеннымъ порядкомъ, или лучше сказать, безпорядкомъ устройства Польскаго государства, который допускалъ необузданность личности, не сдерживаемой ни законами, ни обычаями, ни государственною властью. Это свойство придавало особый, такъ сказать, *индивидуальный* характеръ большей части этихъ памятниковъ; но въ то же время оно давало и возможность каждой личности оставить въ память потомству свой обликъ со всѣми достоинствами и недостатками, со всѣми страстями и увлеченіями.

Такія свойства историческихъ источниковъ, представляя огромное преимущество, даютъ обильныя краски для начертанія оживленной картины прошедшаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они представляютъ и большую опасность: они могутъ увлечь историка въ одну сторону и лишить его необходимаго безпристрастія. Такое вліаніе этихъ источниковъ отражалось на всѣхъ сочиненіяхъ объ уніи, писанныхъ въ Польшѣ и западной Европѣ. Конечно, эта опасность менѣе всѣхъ угрожаетъ русскому православному историку, потому что въ этомъ случаѣ правда на его сторонѣ; но тѣмъ не менѣе на немъ лежитъ обязанность подчинить себѣ эти источники и уберечься отъ ошибокъ.

По добросовѣстности и подробности, съ которыми авторъ излагаетъ происшествія избраннаго имъ періода въ исторіи уніи, его сочиненіе составляетъ важный вкладъ въ науку русской исторіи. Если, какъ замѣчаетъ рецензентъ, и возможно указать въ этомъ трудѣ на нѣкоторыя неточности, необходимыя какъ по сложности работы, такъ и по свойству источниковъ, то онѣ не настолько значительны, чтобы могли уменьшить достоинство сочиненія. Но что касается до оцѣнки нѣкоторыхъ русскихъ, дѣйствовавшихъ въ это время, лицъ и взгляда вообще на политику императрицы Екатерины въ отношеніи къ во-

просу объ уни, то г. Поцовъ не соглашается съ мнѣніями почтеннаго профессора духовной академіи, и въ своемъ отзывѣ приводитъ тѣ основанія, по которымъ онъ полагаетъ, что объективное и менѣе одностороннее изученіе историческихъ свидѣтельствъ должно приводить къ нѣсколько иной оцѣнѣ нѣкоторыхъ лицъ, чѣмъ та, которую дѣлаетъ авторъ.

II.

Сборникъ памятникѣвъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи. Выпускъ I-й. Текстъ В. С. Румянцовъ. Москва 1872 г. (1873).

Постановляя приговоръ свой объ этомъ сочиненіи, комиссія имѣла въ виду его разборъ, написанный по ея порученію, академикомъ А. О. Бычковымъ.

Походожи къ изданію сборника памятникѣвъ русскаго книгопечатанія было исполнившееся въ 1864 году трехсотлѣтіе со времени выхода въ свѣтъ первой печатной книги изъ Московской типографіи, существующей и доселѣ подъ именемъ синодальной. Представленный Академіи первый выпускъ этого роскошнаго изданія содержитъ въ себѣ исторію Московскаго печатнаго двора до разоренія его въ Смутное время и дѣлятся на слѣдующіе шесть отдѣловъ: 1) учрежденіе печатнаго двора въ Москвѣ, 2) Московскіе первопечатники, 3) первые Московскія изданія, 4) распространеніе книгопечатанія на югъ-западъ Россіи, 5) книгопечатаніе въ Москвѣ до Литовскаго нашествія и 6) библиографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора со времени основанія до Литовскаго разоренія.

Главными матеріалами для исторіи типографскаго дѣла въ Россіи доселѣ были: данныя о книгопечатаніи въ южно-славянскихъ земляхъ, послѣсловія къ печатнымъ книгамъ, выходившимъ изъ Московской и другихъ русскихъ типографій, и два поясняющія исторію Московскаго книгопечатанія сказанія, находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ синодальной бібліотеки. Всѣ же другіе матеріалы, которыхъ число впрочемъ весьма ограничено, особенно для періода съ 1553 по 1611 годъ, имѣютъ второстепенное значеніе и могутъ лишь служить иногда къ поясненію главныхъ фактовъ. Послѣ трудовъ митрополита Евгенія, Сопикова, Снегирева и въ особенности П. М. Строева, современный изслѣдователь, если только онъ случайно не найдетъ новыхъ, неизвѣстныхъ матеріаловъ, едва ли въ состояніи сказать что-либо новое объ исторіи книгопечатанія въ Россіи; но обязанность такого изслѣдователя—относиться критически къ трудамъ своихъ пред-

шественниковъ, и очистивъ извѣстное отъ невѣрныхъ данныхъ или бездоказательныхъ предположеній, изложить въ стройномъ цѣломъ все, что добыто наукою до послѣдняго времени. Эту задачу исполнилъ г. Румянцевъ. Изъ подъ его пера, по отзыву рецензента, явился трудъ, въ которомъ не пропущено и не оставлено безъ вниманія ни одного изъ дошедшихъ до насъ данныхъ, а нѣкоторымъ фактамъ сдѣланы новыя объясненія, — словомъ, трудъ, далеко оставившій за собою всѣ предшествовавшіе труды по этому предмету.

Чтобы доказать справедливость такого сужденія о книгѣ г. Румянцева, академикъ Вычковъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе каждаго изъ ея отдѣловъ, при чемъ указываетъ на наиболѣе важные выводы, добытые авторомъ. Съ особымъ вниманіемъ останавливается рецензентъ на исторіи появленія въ свѣтъ и на описаніи „Дѣяній апостольскихъ и посланій соборныхъ и святаго апостола Павла посланійхъ“ — первой, сколько до сихъ поръ извѣстно, печатной книги, вышедшей изъ Московской типографіи. Эту книгу, образецъ изящной печати, которому нельзя не удивляться даже и въ наше время, г. Румянцевъ впервые описалъ отчетливо и подробно, какъ съ вѣшной стороны, такъ и со стороны типографской техники. Его описаніе, по свидѣтельству г. Бычкова, даетъ о ней самое вѣрное понятіе и возбуждаетъ невольное сожалѣніе о томъ, что такимъ же образомъ не описаны у автора и другія книги, выпущенныя изъ Московской типографіи, по крайней мѣрѣ такъ называемыя первоначальныя изданія. Рукопись, по которой печатался Апостолъ 1564 года, не дошла до насъ, а славянскій текстъ его до сихъ поръ не былъ еще изслѣдованъ, и наши ученые, какъ напримѣръ, С. М. Соловьевъ и архіепископъ Харьковскій Филаретъ, имѣли о немъ сбивчивыя и невѣрныя понятія; поэтому г. Румянцевъ, для болѣе точнаго ознакомленія съ особенностями текста Апостола и для сравнительнаго опредѣленія его достоинства, сличилъ текстъ означенной книги съ текстомъ, находящимся въ древнѣйшихъ рукописяхъ Апостола, хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ, и въ печатныхъ изданіяхъ: Острожскомъ 1581 года и нынѣшнемъ. Для успѣшнаго разрѣшенія этой легкой, а между тѣмъ очень существенной задачи, г. Румянцеву послужила немаловажнымъ пособіемъ найденная имъ и напечатанная въ приложеніи къ его изслѣдованію, обширная „докладная выписка“, составленная справщиками печатнаго двора, и между прочимъ, извѣстнымъ Медвѣдевымъ, по приказанію патріарха Іоакима, о замѣченныхъ ими разностяхъ при сличеніи напечатанной въ 1671 году книги

Апостола „съ древними апостолами рукописанными и харатейными словенскими, съ бесѣдами апостольскими и со иными преводами“. Г. Руманцевъ все довольно значительное число указанныхъ въ выпискѣ и найденныхъ имъ самимъ разностей въ текстѣ первопечатнаго Апостола и другихъ текстахъ, раздѣлилъ на три группы. Къ первой онъ отнесъ мѣста, въ которыхъ слова и рѣченія несогласны съ принятыми въ нынѣшнемъ текстѣ или и совсѣмъ изъ него исключены, съ указаниемъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ Острожской библии исправлены сходно съ нынѣшнимъ текстомъ. Во вторую группу онъ помѣстилъ слова и рѣченія, встрѣчающіяся только въ первопечатномъ Апостолѣ, и которыхъ Іоакимовскіе свѣдѣнія не нашли въ имѣвшихся у нихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Наконецъ, третью группу образовали мѣста первопечатнаго Апостола, въ которыхъ противъ бумажныхъ списковъ встрѣчаются новыя исправленія какъ въ чтеніяхъ греческаго текста, такъ и въ переводѣ. На основаніи такого сличенія, которое нельзя не признать весьма цѣпнымъ вкладомъ для исторіи славянскаго текста Апостола, и которое даетъ точное понятіе какъ о недостаткахъ и достоинствахъ текста первопечатнаго Апостола, такъ и объ его отношеніи къ тексту древнѣйшихъ и современныхъ ему рукописныхъ Апостоловъ, а также къ Острожскому и нынѣшнему печатнымъ, авторъ изслѣдованія дѣлаетъ свой выводъ о первопечатномъ текстѣ, который, „принадлежа къ фамилии бумажныхъ списковъ, въ то же время является самостоятельнымъ, и притомъ не только тамъ гдѣ онъ представляетъ другія чтенія или другой переводъ противъ списковъ, но и въ самыхъ заимствованіяхъ своихъ изъ рукописей. Эти заимствованія дѣлаются въ немъ иногда изъ бумажныхъ, иногда изъ харатейныхъ списковъ, иногда изъ древняго перевода, сохранившагося въ синодальныхъ толковыхъ апостолахъ. Вообще видно, что издатели первопечатнаго Апостола имѣли подъ руками не мало славянскихъ списковъ разныхъ переводовъ или редакцій. Руководствуясь этими списками, а иногда, по видимому, и собственнымъ разумѣніемъ, они внесли въ текстъ бумажныхъ списковъ, бывшихъ въ то время во всеобщемъ употребленіи, весьма много новыхъ исправленій. Исправленія эти, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ сдѣланы были удачно и вообще болѣе всѣхъ извѣстныхъ списковъ приблизили славянскій апостольскій текстъ къ принятому нынѣ“

Послѣ замѣчаній объ языкѣ первопечатнаго Апостола и его правописаніи и краткаго описанія часовника—второй книги, напечатанной въ Москвѣ, авторъ приводитъ свѣдѣнія о томъ, какимъ обра-

зомъ и при какихъ обстоятельствахъ книгопечатаніе распространилось изъ Москвы на юго-западъ Россіи, и излагаетъ послѣдующую исторію типографскаго дѣла въ самой Москвѣ, до Литовскаго нашествія. Не сообщалъ при этомъ новыхъ фактовъ, онъ не упускаетъ изъ виду ничего, что было добыто другими изслѣдователями, и подвѣргая уже извѣстныя данныя ученой критикѣ, искусно группируетъ ихъ и выставляетъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Кромѣ вышеупомянутой „докладной выписки“ и библиографическихъ свѣдѣній объ изданіяхъ Московскаго печатнаго двора, г. Румянцевъ приложилъ къ своему труду 27 листовъ снимковъ съ печатныхъ книгъ и съ византійско-русскихъ украшеній. Эти таблицы исполнены превосходно и служатъ нагляднымъ пособіемъ въ изученіи исторіи типографскаго у насъ искусства до 1611 года. Выборъ помѣщенных на таблицахъ сдѣланъ искусно и съ большимъ знаніемъ дѣла: изъ каждой книги взято наиболѣе характеристичное, именно то, что отличается ея отъ всѣхъ прочихъ: гравюры, заставки, заглавныя буквы, вязь, цвѣтки и узлы. Сверхъ того, на нѣкоторыхъ таблицахъ заключаются данныя, посредствомъ которыхъ каждому изслѣдователю легко опредѣлить степень вліянія иноземныхъ и западно-русскихъ типографій на Московскую.

Свою рецензію г. Бычковъ оканчиваетъ замѣчаніемъ, что книга г. Румянцева, при всѣхъ ея достоинствахъ, имѣетъ и недостатки, состоящіе въ нѣкоторыхъ недомолвкахъ и въ слишкомъ краткомъ описаніи книгъ, вышедшихъ изъ Московской типографіи, за исключеніемъ первопечатнаго Апостола. Но эти недостатки не могутъ уменьшить важности разсматриваемаго труда, составляющаго, по одному уже описанію Апостола 1564 года, значительное приобрѣтеніе для науки.

III.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова, А. Никитскаго. С.-Пб. 1873 г.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена профессоромъ Дерптскаго университета И. Е. Энгельмапомъ, который въ особенности указываетъ на тщательность и добросовѣстность изслѣдованій автора. Г. Никитскій старался выискать въ истинный смыслъ источниковъ и извлечь изъ нихъ все, что они содержатъ; мѣтко схватывая особенности Псковскаго быта, онъ заботится объ объясненіи ихъ происхожденія особыми обстоятельствами существованія Пскова. Добросовѣстность въ собираніи фактовъ, правильность ихъ оцѣнки и наглядность группировки — таковы, по словамъ ре-

цензента, отличительныя качества сочиненія г. Никитскаго. Оно несомнѣнно принесетъ пользу наукѣ, требующей именно подробнаго и строгаго разбора источниковъ и надлежащей обработки фактовъ. Тѣмъ не менѣе рецензентъ находитъ, что автору недостаетъ навыка въ примѣненіи приѣмовъ исторической критики. Иногда, считая дѣло совершенно яснымъ, онъ не беретъ на себя труда собрать всѣ извѣстія, касающіяся до этого предмета, и заглянуть во всѣ источники, вслѣдствіе чего мѣстами приходится къ поверхностнымъ результатамъ. Иной разъ, въ своихъ сужденіяхъ, онъ терлетъ изъ виду общій планъ изслѣдованія; рассматривая извѣстную сторону предмета, онъ илѣняется ею, забываетъ другую сторону, а переходя къ другой, увлекается и ею и противорѣчитъ самому себѣ, такъ что читателю трудно рѣшить—какого же, наконецъ, мнѣнія придерживается авторъ. Но самый главный недостатокъ г. Никитскаго состоитъ въ томъ, что онъ не ограничиваетъ свой трудъ тѣмъ предметомъ и тѣми способами изслѣдованія, которыми умѣетъ пользоваться,—у него является иногда охота пускаться въ сравнительную исторію права и въ историко-философскія разсужденія и соображенія, что ему очевидно не подъ силу. Нельзя также не замѣтить его страсти къ громкимъ и необыкновеннымъ словамъ, поражающимъ читателя, его небрежности въ употребленіи нѣкоторыхъ выраженій, и наконецъ, излишества иностранныхъ словъ.

Послѣ общихъ замѣчаній о разсмотрѣнной имъ книгѣ, г. Энгельманъ дѣлаетъ оцѣнку отдѣльныхъ ея частей.

Изслѣдованіе г. Никитскаго, раздѣленное на шесть главъ, изъ которыхъ первая названа введеніемъ, распадается на самомъ дѣлѣ на двѣ части, не имѣющія ничего между собою общаго: въ первой излагается взглядъ автора на родовой бытъ въ древней Руси, а вторая посвящена самому изслѣдованію внутренней исторіи Пскова. Эта вторая часть состоитъ изъ пяти главъ: 1) областной бытъ Великаго Новгорода, 2) Псковъ и его устройство, 3) состояніе церкви во Псковѣ, 4) торжество Московскаго порядка и 5) вліяніе Москвы на церковныя дѣла.

При изложеніи своего взгляда на родовой бытъ въ древней Руси, авторъ не ограничивается положительными данными, но вѣдается и въ общія историко-философскія разсужденія, и забираясь слишкомъ далеко, касается исторіи цивилизаціи народовъ по поводу такого спеціального предмета, какъ внутренняя исторія Пскова. При этомъ онъ затрогиваетъ разные обширные вопросы исторіи цивилизаціи, которые

въ двухъ-трехъ словахъ не могутъ быть не только разрѣшаемы, но и излагаемы ясно и понятно. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Никитскаго рецензентъ находитъ заслуживающими вниманія изслѣдованія различія между круговою порукою, существовавшею, вѣроятно, уже въ древнѣйшее время, и тою, которая встрѣчается въ позднѣйшую, историческую пору, о характерѣ родовыхъ отношеній, о значеніи родоначальника, городовъ о паденіи родового быта и установленіи государственнаго начала и т. п. Рецензентъ находитъ здѣсь много основательныхъ замѣчаній, къ сожалѣнію, слишкомъ часто прерываемыхъ фикціями или слишкомъ искусственными объясненіями автора.

Въ главѣ, посвященной изображенію Новгородскаго строя, г. Никитскій, придавалъ этому предмету значеніе лишь введенія въ исторію Пскова, не рисуя полной картины историческаго развитія Новгородскаго быта, но указываетъ лишь на тѣ явленія, которыя имѣютъ особенную важность: онъ объясняетъ, какое значеніе имѣло понятіе старшинства на отношенія городовъ между собою; затѣмъ рассматриваетъ тѣ средства, которыми старѣйшій городъ Новгородъ располагалъ для вліянія на ослатной бытъ. По отзыву рецензента, весьма понятно и ясно изложены здѣсь отношенія Новгорода къ сосѣднимъ великимъ князьямъ по спорнымъ землямъ, значеніе служилыхъ людей, вступившихъ, какъ доказываетъ авторъ, въ такія же отношенія къ Новгороду, въ какія они вступали къ великимъ князьямъ, отношеніе Двинской земли къ Новгороду и проч.

Въ исторіи самого Пскова, г. Никитскій съ особымъ вниманіемъ излагаетъ ходъ событій, доведшихъ этотъ городъ до совершенной независимости отъ Новгорода; онъ доказываетъ коренное различіе между положеніемъ князей во Псковѣ и въ Новгородѣ — различіе, на которое до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія, и утверждаетъ, что Псковскіе князья были сначала только кормленщики, лишь мало-по-малу получили другое значеніе, и наконецъ, съ конца первой четверти XIV вѣка явились самостоятельными князьями. Это положеніе г. Никитскій старается вывести съ особенною послѣдовательностью, такъ что измѣненіе въ характерѣ княжеской власти представляется у него необходимымъ слѣдствіемъ опредѣленныхъ стремленій. По мнѣнію рецензента, такого стройнаго развитія этихъ отношеній не было въ дѣйствительности; въ Псковѣ, даже ранѣе XIV вѣка, бывали, хотя изрѣдка, самостоятельные князья, такъ что напрасно авторъ всѣми средствами старается низвести ихъ на степень простыхъ Новгородскихъ намѣстниковъ, а самый Псковъ на степень

простаго пригорода. Вообще все изслѣдованіе о положеніи хозяйства во Псковѣ, по замѣчанію г. Энгельмана, отличается несомнѣнными достоинствами, тщательнымъ обслѣдованіемъ источниковъ и отдѣльныхъ фактовъ, удачною группировкой провѣреннаго матеріала, но страдаетъ тѣмъ, что авторъ слишкомъ усердно старается доказать, что до первой четверти XIV вѣка оставалось все по прежнему, а послѣ того все измѣнилось, и подкрѣпляетъ это положеніе выводами, которые нельзя не считать натяжками.

Въ главѣ „Псковъ и его устройство“ авторъ даетъ возможно полную картину Псковскаго общественнаго строя; подробно и обстоятельно объясняетъ оное положеніе и значеніе Псковской области и города, характеризуетъ княжескую власть, значеніе вѣча и вліяніе бояръ на ходъ политическихъ дѣлъ. Это обстоятельное и серьезное изслѣдованіе рецензентъ считаетъ весьма важнымъ приобритеніемъ русской исторической литературы.

Говоря, въ III-й и V-й главахъ, о состояніи церкви во Псковѣ и о вліяніи Москвы на церковныя дѣла, г. Никитскій выказываетъ какъ умѣніе пользоваться источниками, такъ и талантъ для изслѣдованій въ области положительной исторіи. Здѣсь рецензентъ не находитъ ничего существеннаго, что можно было бы возразить автору; его изслѣдованіе, основанное на подробномъ изученіи источниковъ, тѣмъ важнѣе, что до послѣдняго времени свѣтскіе писатели по большей части упускали изъ виду вліяніе церковныхъ дѣлъ на гражданскія и политическія обстоятельства.

Не менѣе любопытна IV-я глава, гдѣ разказывается о торжествѣ Московскаго порядка, то-есть, о наденіи „господина Пскова“ и всей Псковской земли, объ уничтоженіи въ ней мѣстной жизни, ея строя, ея права, ея стариннаго быта. Въ отношеніи способа изслѣдованія, эта глава, по снисходительству рецензента, отличается тѣми же достоинствами, какъ и главы II-я, III-я и V-я; тѣмъ не менѣе и здѣсь, при чтеніи разказа о происшествіяхъ и столкновеніяхъ, подготовившихъ для Пскова трагическій конецъ, читателя поражаетъ странность нѣкоторыхъ общихъ сужденій автора, противорѣчащихъ не только тѣмъ фактамъ, которые онъ самъ же сообщаетъ, но и его собственной характеристикѣ происшествій, въ особенности поступковъ Московскихъ князей.

Въ заключеніе своей рецензіи, г. Энгельманъ замѣчаетъ, что всѣ указанные имъ недостатки труда г. Никитскаго встрѣчаются во введеніи къ оному и въ предварительныхъ разсужденіяхъ автора, не

нѣющихъ прямого отношенія къ его спеціальной задачѣ; частью же эти недостатки вредятъ нѣкоторымъ его воззрѣніямъ и общимъ сужденіямъ, нѣющимъ только вѣтшнюю связь съ его розысканіями. Поэтому они не оказали вліянія на внутреннее содержаніе изслѣдованія. Собственно же историческія розысканія изъ положительной исторіи выказываютъ въ авторѣ несомнѣнный талантъ, и русская историческая литература можетъ ожидать отъ него еще многого.

IV.

Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтенисы. Изслѣдованіе Н. П. Барсова Варшава. 1873.

При самомъ зарожденіи русской исторіи, какъ науки, въ началѣ XVIII столѣтія, изслѣдователи не могли не обратить вниманія на изученіе явленій, составляющихъ въ настоящее время предметъ особой отрасли знаній—исторической географіи. Въ теченіе этого столѣтія область ея значительно расширилась открытіемъ новыхъ источниковъ, сборниками матеріаловъ по мѣстной исторіи и изданіемъ путешествій по Россіи, содержащихъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя по этнографіи и археологіи. Однако, не смотря на эти усилія, наша древнѣйшая географія еще долго не была самостоятельною отраслью исторической науки, и труды ученыхъ XVIII вѣка не давали яснаго представленія о древней географіи Россіи. Тому, кто впервые сдѣлалъ исторію нашего отечества доступною для большинства, принадлежить и важная заслуга въ дѣлѣ разработки предмета, о которомъ идетъ рѣчь: пользуясь нашими письменными памятниками, на сколько они были необходимы для построенія общей исторіи Россіи, Карамзинъ, не смотря на неудовлетворительность въ его время историческихъ пособій, избѣгъ тѣхъ произвольныхъ догадокъ и ошибокъ, въ какія порѣдко впадали его предшественники, такъ что на основаніи его объясненій можно было составить довольно вѣрную карту древней Руси. Около того же времени явились превосходныя изслѣдованія Лерберга, приемы котораго въ изученіи историко-географическихъ вопросовъ до сихъ поръ остаются образцовыми. Изъ слѣдовавшихъ затѣмъ трудовъ по русской исторической географіи замѣчательны сочиненія Арцыбешева, Надеждина, Неволіна и Погодина. Независимо отъ того, въ послѣдніе двадцать лѣтъ явилось, кромѣ нѣкоторыхъ монографій, не мало замѣтокъ и указаній въ различныхъ изданіяхъ; напечатаны дотогѣ неизвѣстные памятники, заключающіе въ себѣ новыя данныя; явились разныя пособія по географіи Россіи;

критическая разработка древнѣйшихъ памятниковъ подвинулась впередъ, впервые было обращено вниманіе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ древней Руси, болѣе и болѣе сталъ выясняться вопросъ о вліяніи природы восточной Европы на народы, въ ней обитавшіе, была сознана важность вопроса о колонизаціи русской народности, вслѣдствіе чего и предметъ исторической географіи получилъ новое освѣщеніе.

Все это привело къ убѣжденію въ необходимости новаго труда, въ которомъ были бы сведены въ одно цѣлое результаты частныхъ изысканій и дополнены, а также прогнрены, предшествовавшіе работы по русской исторической географіи.

Такого рода трудъ для географіи древнѣйшаго лѣтописнаго свода исполненъ нынѣ г. Варсовымъ. Подробная и основательная оцѣнка его сдѣлана, по приглашенію Академіи, профессоромъ Е. Е. Замысловскимъ, который, въ своей рецензій, отзываясь о немъ съ большою похвалою, замѣчаетъ, что въ немногихъ трудахъ русскихъ ученыхъ по исторической географіи можно встрѣтить такое обстоятельное изученіе источниковъ, какимъ отличается трудъ г. Барсова.

Самъ авторъ говоритъ, что онъ „имѣлъ цѣлью не полное и всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху, обнимаемую начальною лѣтописью, но главнымъ образомъ разъясненіе только тѣхъ вопросовъ этого обширнаго предмета, которые ставитъ сама лѣтопись, и что поэтому, онъ „ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ“. Не смотря на такое скромное опредѣленіе задачи авторомъ, его трудъ, по замѣчанію рецензента, представляетъ разборъ не только матеріала начальной лѣтописи, но и другихъ памятниковъ; видно, что авторъ хорошо изучилъ предметъ и приложилъ стараніе къ удовлетворительному рѣшенію даже и такихъ вопросовъ, которые не имѣли примаго отношенія къ его изслѣдованію. При этомъ, касаясь какаго либо еще мало выясненнаго или спорнаго вопроса, авторъ обстоятельно знакомитъ читателя съ литературой этого вопроса, и пользуется источниками согласно требованіямъ современной исторической критики.

Кромѣ этихъ достоинствъ, рецензентъ ставитъ г. Барсову въ заслугу и строгость его изложенія. Отъ опредѣленія попятій о мірѣ, извѣстномъ начальной лѣтописи, авторъ обращается къ описанію рѣчныхъ системъ, а затѣмъ переходитъ къ разбору извѣстій о племенахъ Литовскомъ, Финскомъ и Славянскомъ; извѣстн же о Турк-

скомъ племени, къ сожалѣнію, не сведены имъ въ одно цѣлое, но разбросаны по разнымъ мѣстамъ.

Входя въ подробную опѣнку отдѣльных частей сочиненія, рецензентъ указываетъ на любопытнѣйшія изъ заключеній автора. Въ особенности замѣчательнымъ, по обстоятельству доказательствъ и разнообразію ученыхъ приемовъ, г. Замысловскій считаетъ изслѣдованіе г. Барсова о томъ, какую область занимали Ятвяги, вопросъ о національности которыхъ онъ признаетъ еще не рѣшеннымъ. Въ этомъ изслѣдованіи, едва ли не лучшимъ отдѣлѣ всего сочиненія, авторъ, принявъ въ соображеніе и раннія и болѣе позднія извѣстія, находящіяся какъ въ русскихъ, такъ и въ польскихъ источникахъ, а равно и данныя нынѣшней номенклатуры, пришелъ къ выводу, отличному отъ общепринятаго въ настоящее время, и состоящему въ томъ, что первоначальныя поселенія Ятвяговъ простирались по Нѣману и его южнымъ притокамъ, отъ водораздѣла съ Припечью и Побужьемъ, на сѣверо-западъ отъ того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе у Гродна. Для опредѣленія области, которую занимало племя Веси, авторъ приводитъ много указаній изъ современной географической номенклатуры, могущихъ служить для дальнѣйшей разработки исторической географіи. Любопытно также объясненіе, какое даетъ онъ характеру извѣстій начальной лѣтописи о финскихъ племенахъ вообще, — объясненіе, которое существенно разнится отъ объясненія Шегрена. Наконецъ, г. Замысловскій считаетъ новымъ и важнымъ то, что сдѣлано авторомъ для опредѣленія колонизаціи cadaго славянскаго племени въ восточной Европѣ.

Указавъ на достоинства разсмотрѣннаго имъ труда, рецензентъ не скрываетъ и его недостатковъ. Онъ находитъ, что нѣкоторые изъ выводовъ автора построены на нетвердомъ основаніи. Сколь ни многочисленны были матеріалы, находившіеся въ распоряженіи г. Барсова, онъ однако упустилъ изъ виду нѣкоторыя важныя пособія. Не говоря уже о томъ, что онъ не пользовался статьями и замѣтками, разбѣянными въ губернскихъ вѣдомостяхъ и другихъ провинціальныхъ изданіяхъ, представляется страннымъ то обстоятельство, что ему, по видимому, было неизвѣстно изслѣдованіе академика Видемана о прежней судьбѣ и нынѣшнемъ состояніи Ливовъ, тогда какъ въ этомъ сочиненіи онъ нашелъ бы не мало полезныхъ для себя данныхъ. Жаль также, что авторъ недостаточно воспользовался указаніями, которыя онъ могъ бы найти въ изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ спискахъ населенныхъ мѣстъ.

Впрочемъ, не смотря на недостатки и нѣкоторыя неточности въ изложеніи, трудъ г. Барсова, по мнѣнію рецензента, долженъ занять мѣсто въ ряду полезныхъ изслѣдованій по русской исторіи.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія сочла своимъ долгомъ публично выразить свою признательность А. Н. Попову, и профессорамъ И. Е. Энгельману, Е. Е. Зимиловскому и К. Н. Бестужеву-Рюмину за содѣйствіе, которое они ей оказали при оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, и присудила имъ установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

Независимо отъ большихъ и малыхъ наградъ графа Уварова, положеніемъ объ этихъ наградахъ установлена особая поощрительная премія, въ 500 рублей, за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіей по исторіи и древностямъ русскимъ.

На нынѣшній разъ Академія вновь обращаетъ вниманіе занимающихся русскою исторіей на вопросы, предложенные ею прежде, и приглашаетъ ихъ доставить ей рѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

- 1) Исторія древне-русскихъ княжествъ.
- 2) Историческія отношенія Польскаго народа и государства къ Русскому племенн.
- 3) О составѣ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ, лѣтописей.

и 4) Историко-литературное обзорѣніе печатныхъ полемиическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ сѣверо- и юго-западномъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVIII столѣтій.

Кромѣ того, Академія предлагаетъ слѣдующія двѣ новыя задачи:

- 1) Коментарій на договоры Кіевскихъ великихъ князей съ Византійскими царями.
- 2) Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.

Задачи, предлагаемыя Императорскою Академіей Наукъ на основаніе поощрительныхъ премій графа Уварова.

І. Задачи, прежде предложенныя и нынѣ возобновленныя:

1.

Исторія древне-русскихъ княжествъ.

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ совре-

менной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ — самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго, Тверскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достоинствахъ Рюриковой династіи, изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествахъ Гедиминовой династіи.

2.

Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой-либо спеціальный предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь, подъ историческими отношеніями, разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла преимущественно великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба польскаго и русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

Хотя Академія не желаетъ стѣснять конкурентовъ въ выборѣ спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью разъяснить историческія отношенія Польскаго племени къ Русскому, однако она сочла полезнымъ на этотъ разъ обратить особенное вниманіе ученыхъ на два слѣдующіе предмета:

3.

О составѣ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ, лѣтописей.

Въ ряду источниковъ отечественной исторіи занимаютъ не послѣднее мѣсто западно-русскія лѣтописи о великомъ княствѣ Литовскомъ. До насъ дошло нѣсколько ихъ списковъ; изъ нихъ одни напечатаны, другіе остаются еще въ рукописяхъ; сверхъ того, есть указаніе въ польскихъ историкахъ на существованіе лѣтописей этого

же разряда, болѣе подробныхъ, чѣмъ тѣ, которыя находятся теперь у насъ въ рукахъ. Академія предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующую задачу: опредѣлить по печатнымъ спискамъ, а если угодно, то и по рукописнымъ, время составленія дошедшихъ до насъ западно-русскихъ, такъ-называемыхъ литовскихъ, лѣтописей и ихъ составъ, и показать, какими извѣстіями изъ этихъ лѣтописей воспользовались, съ одной стороны, составители русскихъ лѣтописныхъ сборниковъ, а съ другой — польскіе историки, какъ напримѣръ, Длугошъ, Стрымковскій, Вильскій и другіе. При этомъ изъ польскихъ историковъ необходимо сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ западно-русскому краю и не входящихъ въ напечатанныхъ спискахъ западно-русскихъ лѣтописей; расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и привести соответствующія имъ мѣста, если таковыя имѣются, изъ сѣверно-русскихъ и южно-русскихъ лѣтописей, и указать, какія изъ этихъ извѣстій и на какомъ основаніи должны были находиться въ литовскихъ лѣтописяхъ.

4.

Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ сѣверо-и юго-западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, правовъ и просвѣщенія упомянутой эпохи. Въѣсть съ тѣмъ, тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ, или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія, но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Іохера, Вишневскаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обзорѣнн можно уже говорить лишь на столько, на сколько эти книги и брошюры послужатъ матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній

II. Задачи, вновь предложенныя.

1.

Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.

Между многочисленными пробѣлами, которые замѣчаются въ отечественной исторіи, особенно чувствителенъ недостатокъ исторіи русской торговли и связаннаго съ нею плаванія по рѣкамъ и морямъ до Петра Великаго. Восполнить этотъ пробѣлъ — становится одною изъ главныхъ задачъ для всѣхъ понимающихъ тѣсную связь, которая существуетъ между культурною жизнью древней Россіи и расширеніемъ ея торговыхъ сношеній.

Чтобы обратить вниманіе на этотъ предметъ, Академія предлагаетъ задачу объ исторіи мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка. Форма изложенія этой задачи совершенно предоставляется соискателямъ наградъ.

При разнообразіи и частію при малой явѣстности источниковъ о началѣ славянскаго мореплаванія, точныя ссылки на лѣтописи и другіе документы необходимы.

Сравнительное изученіе мореплаванія Славянскихъ народовъ не можетъ не быть плодотворнымъ, особенно при оцѣнкѣ перваго періода его. Вотъ почему не лишнимъ будетъ собраніе и разборъ древнихъ терминовъ, касающихся до морскаго дѣла, общихъ всѣмъ Славянамъ, или заимствованныхъ въ упомянутый періодъ отъ другихъ народовъ. Кромѣ того, нельзя не желать отъ составителя такой спеціальной исторіи точнаго изложенія причинъ, по которымъ тотъ или другой славянскій народъ, хотя жившій по большой рѣкѣ или на берегу моря, не успѣлъ ознаменовать себя морскими предпріятіями, какъ для военныхъ, такъ и для торговыхъ цѣлей.

Хотя морскіе набѣги и торговыя предпріятія на морѣ Македонскихъ, Далматинскихъ и Померанскихъ Славянъ должны занять видное мѣсто въ исторіи славянскаго мореплаванія до XIII вѣка, тѣмъ не менѣе необходимо обратить особенное вниманіе на происхожденіе и первоначальное развитіе русскаго мореплаванія на Черномъ, Каспійскомъ и Балтійскомъ моряхъ, при чемъ слѣдуетъ ясно указать обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, уже во время удаленнаго періода нашей исторіи, мореходное дѣло приходило въ упадокъ еще до нашествія Татаръ.

При малочисленности имѣющихся по предмету такого изслѣдова-

нія матеріаловъ, настоящая задача не можетъ, кажется, представить особенныхъ затрудненій.

2.

Комментарій на договоры великихъ князей Кіевскихъ съ Византійскою Имперіей.

Давно уже признано, что договоры 907, 911, 944 и 972 годовъ, дошедшіе до насъ въ славяно-русскомъ переводѣ, и то только по сохранившимся позднимъ спискамъ, представляютъ для изслѣдователей много затрудненій и даже совершенно темныхъ мѣстъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ, которыхъ, какъ извѣстно, не мало, — та, что переводчики слишкомъ заботились о дословной передачѣ содержанія византійскаго подлинника.

Много уже сдѣлано для объясненія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ русской старины. Но для полнаго пониманія и систематическаго изложенія содержанія ихъ предстоитъ еще предварительная обработка нѣкоторыхъ отдѣльных, болѣе или менѣе темныхъ, вопросовъ. Конечно, все это, при современномъ положеніи бытовой исторіи какъ Византіи, такъ и Славянскаго племени, не по силамъ одному лицу. Академія же, считая своевременнымъ пригласить изслѣдователей къ критической оцѣнкѣ всего того, что до сихъ поръ уже сдѣлано по этому предмету, предлагаетъ задачу о составленіи филологическаго и историческаго комментарія на упомянутые договоры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая стѣснять соискателей особою программой, Академія полагаетъ однако не лишнимъ указать на нѣкоторые условія, которыя необходимо имѣть въ виду будущему комментатору договоровъ.

Прежде всего текстъ договоровъ долженъ быть возстановленъ по всѣмъ дошедшимъ до насъ спискамъ, заслуживающимъ вниманія, и раздѣленъ на статьи. Само собою разумѣется, что при разбросанности трудовъ, касающихся языка и содержанія договоровъ, необходимо сколь возможно полное исчисленіе этихъ предварительныхъ розысканій въ связи съ критическимъ разборомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя способствовали къ научному пониманію договоровъ. Комментарій же долженъ представить краткій сводъ всего того, что до сихъ поръ сдѣлано для объясненія заключающихся въ договорахъ статей или особенно важныхъ терминовъ. Это критическое сравненіе, безъ сомнѣнія, поведетъ комментатора къ новымъ соображеніямъ, но весьма желательно, чтобы онъ при этомъ не пренебрегалъ другими памят-

никами славяно-русской и византийской письменности, могущими служить новымъ подспорьемъ предмету, тѣмъ болѣе, что въ послѣднія двадцать лѣтъ число византийскихъ договорныхъ и другихъ грамотъ значительно увеличилось. Исчерпать этотъ запасъ источниковъ — дѣло времени, но приращеніе параллельныхъ мѣстъ въ договорахъ и подобныхъ памятникахъ значительно облегчитъ задачу будущихъ историковъ воспроизвести переводъ договоровъ на официально-литературномъ языкѣ, бывшемъ въ употребленіи въ Византіи.

Въ концѣ комментарія слѣдуетъ приложить алфавитный указатель словъ и именъ, заключающихся въ договорахъ, съ указаніемъ на мѣсто, гдѣ то или другое изъ нихъ объяснено.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1873 году; личный составъ преподавателей; вакантныя мѣсты; усиленіе учебной дѣятельности студентовъ; награды за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей; публичныя лекціи; утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ; командировки съ ученою цѣлю; свидѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ теченіе 1873 года въ Дерптскомъ университетѣ состояло слѣдующее число преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ — 7, доцентовъ — 4, лекторовъ — 2; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ — 8, экстраординарный — 1, астрономъ-наблюдатель — 1, доцентовъ — 2; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ — 10, экстраординарный — 1, прозекторъ — 1, доцентовъ — 2, ученый антекаръ — 1; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ — 6; по богословскому: ординарныхъ профессоровъ — 5, доцентъ — 1; сверхъ того профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія и 6 учителей искусствъ. Общее число преподавателей по всѣмъ факультетамъ было 59, въ томъ числѣ: ординарныхъ профессоровъ — 36, экстраординарныхъ — 2, профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія — 1, прозекторъ — 1, астрономъ-наблюдатель — 1, доцентовъ — 9, ученый антекаръ — 1, лекторовъ — 2, учителей искусствъ — 2. Сверхъ общаго, положеннаго по штату, числа преподавателей состояли: помощникъ профессора специальной патологіи и клиники по части поликлиники — 1 и законоучитель для студентовъ римско-католическаго исповѣданія — 1. Приватъ-доцентовъ было 4: по медицинскому факультету — 2 (по хирургіи и по специальной патологіи) и по физико-математическому — 2

(по зоологiи и по химiи). Вакантныхъ кафедръ было 8: спеціальной патологiи и клиники — съ 11-го ноября 1872 года; географiи, этнографiи и статистики — съ 1-го іюля 1873 года; русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще — съ 1-го октября 1873 года; латышскаго, французскаго и италіанскаго языковъ; сверхъ того одна доцентура и должность преподавателя началъ архитектуръ.

Въ 1873 году факультеты имѣли засѣданій: богословскій — 10, юридическій — 15, медицинскій — 15, историко-филологическій — 14 и физико-математическій — 10. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, независимо общеустановленныхъ мѣръ, какъ-то стипендій и пособій, освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій, присужденія медалей за научные труды, изданія отличившихся изъ нихъ на счетъ университета, въ минувшемъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сверхъ лекцій существовали по всѣмъ факультетамъ бесѣды, ренетиціи, практическія упражненія въ письменныхъ занятіяхъ и научныя занятія, и во всѣхъ такихъ занятіяхъ студенты участвовали въ весьма значительномъ числѣ. Изъ разсужденій, представленныхъ студентами для соисканія наградъ или для приобрѣтенія ученой степени, по особенной полнотѣ, основательности и самостоятельности, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія: въ юридическомъ факультетѣ: Хр. Эбленшмидта — „Der Criminalprocess nach Dörptschen Stadtrecht während der Periode der polnischen Herrschaft“, А. Деябнера — „Die Location der Gläubiger nach Rigaschem Concursprocess“, барона Макс. Радена — „Stam-und Erbgüter nach curländischen Rechte“, Ник. Шефера — „Der Executivprocess in Curland“; въ медицинскомъ диссертации докторовъ: Роб. Гюбера — „Zur Histologie der pathologischen Verknöcherung“, Конст. Эверса — „Ueber die physiologischen Wirkungen des aus Aconitum Ferox dargestellten Aconitin“, Бернг. Ароппштейна — „Ueber die Darstellung salzfreier Albuminlösungen vermittelt der Diffusion“, Павл. Крамера — „Experimentelle Untersuchungen über den Blutdruck im Gehirn“, Никол. Герца — а) „Untersuchungen über der Nativellischen Digitalispräparate in chemischer und physiologischer Beziehung, и б) „Ein Beitrag zur physiologischen Wirkung des Digitalins auf den Blutdruck“; въ историко-филологическомъ разсужденія кандидатовъ: Эд. Томберга — „Die Stellung Gregors VII zu Berengar von Tours“, Фр. Глазенапа — „Ueber das sprachliche Geschlecht des Begriffs Erde-und einiger anderes sich daran schliessender Begriffe“, Авр. Ливенталя — „Zur Agrargesetzgebung

und Statistik der bauerlichen Vethältnisse in Curland", Вильг. Отиды— „Das Merkantilsystem in Russland unter Peter dem Grossen"; въ физико-математическомъ разсужденіи кандидата Юл. Пульса — „Ueber die Metall-Glyceride".

За представленныя въ 1873 году сочиненія награждены медалями слѣдующіе студенты: золотыми: медицинскаго факультета — Антонъ Яновицкій за разсужденіе на задачу „О физиологическомъ дѣйствіи переливанія" и физико-математическаго — Юлія Пульсъ за разсужденіе „О металлическихъ глицеридахъ"; серебряною — богословскаго факультета Густавъ Каровъ за разсужденіе „О реформаторской дѣятельности Лютера по богослуженію"; медали сенатора фонъ-Врадке — юридическаго факультета баронъ Гаральдъ Толль за разсужденіе „Исторія управленія города Дерпта"; медали Фармацевтическаго общества въ С.-Петербургѣ — провизоръ Эдуардъ Леманъ за разсужденіе „Составъ коры крушины и вишневыхъ косточекъ, доставляющихъ синильную кислоту.

Въ 1873 году напечатаны слѣдующіе труды преподаватели Дерптскаго университета: профессоры: А. фонъ-Эттингенъ — „Christliche Sittenlehre", 2 части; „Zur Rechtfertigung einer Socialethik" въ *Dorpatер Zeitschrift für Theologie und Kirche*; „Ueber Socialwissenschaft der Zukunft" въ *Baltische Monatschrift*; Фолькъ — „Ueber die Bedeutung der semitischen Philologie für die alttestamentliche Exegese"; Эрдманъ — „Die Vindication der Mobilien nach Provincialrecht" въ *Dorpatер Rechtswissenschaft*; Г. фонъ-Эттингенъ — „Zur Casuistik und Diagnostik der Orbitaltumoren" въ *Klinische Monatshefte für Augenheilkunde*; Вейрихъ — „Rückblick auf die Choleraepidemie zu Dorpat im Jahre 1871" въ *Dorpatер medicinische Zeitschrift*; Ветхеръ — „Ueber die Entwicklung der traumatischen Keratitis" въ *Dorpatер medicinische Zeitschrift*; Драрендорфъ — „Zur Volksmedizin Turkestans" въ *Repertorium für Pharmacie Бухнера*, „Ueber den jetzigen Zustand der Volksmedizin in Turkestan" въ *Russische Revue*, и „On cantharidal plaster and fluid extract of cantharides" въ *Chicago-Pharmacist*; Вегрманъ — „Zur Behandlung der Erfrierungen" въ *Dorpatер medicinische Zeitschrift*, „Specifische Embolie der Lungenkapillaren durch Micracocun in Feltropfen" въ *Archiv Лангенбекка* (Verhandlungen des 2-ten Chirurgencongresses) — „Ein Fall tödtlicher Fettombolia" въ *Berliner klinische Wochenschrift*, „Die Lehre von den Kopfverletzungen" (составляетъ часть издаваемого Питтою и Вальротомъ руководства хирургіи); Стида — „Studien über *Ampheoxia lanceolatus*" въ запискахъ С.-Петербург-

ской академіи наукъ, „Образованіе костной ткани“ въ Военно-медицинскомъ журналѣ, „Zur Kritik der Untersuchungen Schöbels über die Haare“ въ Archiv für mikroskopische Anatomie, „Über den Bau des Rückenmarks der Koechen und der Hale“ въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, „Ueber die Deitung der einzelnen Theile des Fischgehirns“ тамъ же; Паукеръ — „Beiträge zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte“ въ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, „Zusätze zu den Beiträgen zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte“, „Ergänzungen zum lateinischen Lexicon“ въ Zeitschrift für österreichische Gymnasien, „Emendationes in Plinio Valeriano“ въ Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg; Мейеръ — „Ueber Vocalsteigerung ins besondere in der Verbalflexion“ въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung Купа, „Ueber einige deutsche Pronominalbildungen“ тамъ же, „Ueber die livländische Reimchronik“ въ Baltische Monatsschrift и въ Zeitschrift für deutsche Philologie Цахера; Брикнеръ — „Die Reise Katharinas nach Südrussland im Jahre 1787“ въ Russische Revue, „Ein Kleiderreformproject vor Peter dem Grossen“ тамъ же, „Katharina II und die französische Revolution“ тамъ же, „Des Patriarchen Nikon Ausgabenbuch 1652. Ein Beitrag zur Wirthschaftsgeschichte Russlands“ въ Baltische Monatsschrift, „Разрывъ между Россією и Турцією въ 1787 году“ въ *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія*, „Осада Очакова въ 1788 году“ тамъ же, „Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ I“ въ *Русской Утиринъ*; Тойхмюллеръ — „Ueber die Unsterblichkeit der Seele“; Ульманъ — „Zur Erinnerung an Ch. S. von Stockmar“ въ Preussische Jahrbücher, „Miscelle über die Haltung des Bärtigen von Sachsen betreffend die sächsische Kurwürde im J. 1523“ въ Archiv für sächsische Geschichte, „Ueber eine coronica principum Misnersium und einige andere Geschichtsquellen des 13 und 14 Jahrhunderts“ въ Forschungen zur deutschen Geschichte; Петерсенъ — „Die Kunst des Pheidias“, „De vita Thucydides disputatio“, К. Шмидтъ — „Hydrologische Untersuchungen“ въ Mémoires de l'Acad. Imp. de St.-Petersbourg, „Die Mineralbutter der Uferfelsen des Irtisch und Jennissei“ въ Bulletin de l'Académie Impériale de St.-Petersb., „Zur chinesischen Diätetik und Pharmakologie“, „Wienerausstellungsnotizen“ въ Dorpater Medicinische Zeitschrift; Арт. фонъ-Эттингенъ — „Ueber Anomographie“ въ Zeitschrift der österreichischen meteorologischen Gesellschaft, „Ueber künstliche Interruption der oscillatorischen Entladung der Leydener Batterie und über das Gesetz der electri-

schen Schlagweite“ въ Jubelband Porrenedorfskixъ Lethonisey; Вилькомъ — „Forstliche Flora von Deutschland und Oesterreich“, „Atlas der Botanik“, Шварцъ — Kurzer Bericht über die Beobachtungen der Sterne des nördlichen Himmels bis zur G-t Grösse inclus.“ въ Vierteljahresschrift der astronomischen Gesellschaft; Генъ — „Bericht über die landwirthschaftliche Abtheilung der Wiener Weltausstellung des Jahres 1873“, доценты: Рейгеръ — „Wie hilft man in plötzlicher Lebensgefahr“, Рюль — „Ueber die Ammianhandschrift des Accursius“ въ Rheinische Museum, „Dionysios Periegetes“ тамъ же, „Nachträgliches zu Justinus“ въ Jahrbücher von Jahn, тамъ же, „Kaukasische Inschrift“ въ Philologus; приватъ-доцентъ Зейдлицъ — „Fauna baltica“ вып. III, „Kritik über die Auflösung der Arten“ въ Ausland.

Въ 1873 году публичныя лекціи читали: профессора: фонъ-Энгельгардтъ — „Соціальный политическій прогрессъ и христіанскія церкви“, „О іезуитахъ и іезуитизмѣ“, Фолькъ — „Никосы и Фараонъ исхода Израильтанъ“, „Объ именахъ Божіихъ въ вѣдомъ завітѣ“, „Значеніе семитической филологіи для экзегетики древняго завітѣ“, Мюлау — „Ремесла у Израильтанъ“, „О Самаритянахъ“, Эрмашъ — „О гражданскомъ бракѣ“, „Нѣчто о прежнихъ цѣхахъ“, Г. фонъ-Эттингенъ — „О чувствахъ и органахъ чувствъ“, „О мѣшечатыхъ опухоляхъ глазницъ“, Вейрихъ — „Взглядъ на бывшую въ 1871 году въ Дерптѣ холерную эпидемію“, „Къ вопросу объ оспѣ“, Веткеръ — „О путяхъ пасоки во внутреннемъ ухѣ“, „Къ анатоміи оспеннаго прыща“, Драгендорфъ — „О новѣйшихъ научныхъ работахъ въ Дерптскомъ фармацевтическомъ институтѣ“, Фогель — „О бѣлокровіи“, „Объ эпилепсіи“, „О значеніи употребленія желудочнаго насоса“, А. Шмидтъ — „Объ очищеніи бѣловыхъ веществъ діализомъ“, Бергманъ — „О леченіи обмороживаній“, „Объ эмболическомъ закупориваніи жировыми сгустками“, „Отчетъ о новыхъ открытіяхъ по патологіи febris recurrens“, „О медленно развивающихся формахъ сифилиса“, „Объ остановленія кровотеченій“, „Случай усиленнаго мѣстнаго перерожденія костей“, Бомъ — „О дѣйствіи дигиталина“, Стида — „О египетскихъ муміяхъ“, Мейеръ: „О введеніи въ употребленіе чужихъ словъ въ нѣмецкій языкъ“, Брикверъ — „Императрица Екатерина II и французская революція“, „Публицистика въ Германіи и Франціи въ послѣднія столѣтія“, „О развитіи почтъ“, „О модахъ во время французской революціи“, Тейхмюллеръ — „О времени“, „Измѣняется ли характеръ человека или нѣтъ“, Ульманъ — „Императоръ Максимілианъ I“, Гревингъ — различныя лекціи въ публичныхъ засѣданіяхъ общества

естествоиспытателей и ученаго Эстскаго общества; К. Шмидтъ — „Объ успѣхахъ химической технологіи въ послѣднее десятилѣтіе“, „Школа на вѣнской выставкѣ“; Гельмлингъ — „О начальной механикѣ“, „Опытныя опредѣленія числа колебаній тона опредѣленной высоты“; Арт. фонъ-Эттингенъ — „Ученіе объ электричествѣ и примѣненіе его въ технику“, „О происхожденіи гармоническаго пѣнія въ Европѣ“, „О методѣ измѣренія температуры“; Вилькомъ — „О восстаніи въ Испаніи“; Шварцъ — „О наименьшихъ тѣлахъ во вселенной“; доценты: Геттисъ — „О приметулялинѣ“, „О новомъ произведеніи разложенія теппа и объ отдѣленіи алкаліевъ изъ тѣла животныхъ“; Раоль — „Древне-римскій домъ“; приватъ-доцентъ Зейдлицъ — о десцендиціальной теоріи.

Въ 1873 году Дерптскимъ университетомъ утверждены: въ степени доктора медицины — В. Кубицкій, О. Ветхеръ, Фр. Нейманъ, І. Гѣне, И. Кармель, Р. Гюберъ, І. Тараскевичъ, К. Эверсъ, В. Арошштейнъ, П. Крамеръ, Э. Брюкнеръ, И. Герцъ, І. Фикъ, С. Унтербергеръ, Э. Гарнакъ, И. Югансовъ, А. Кши, Г. Юндваль; въ степени магистра: Э. Блокъ — астрономъ, Г. Бунге — химикъ и В. Дыбовскій — минералогъ. Сверхъ того удостоены степени доктора: гёттингенскій профессоръ Фр. Велеръ — по химіи, старшій учитель гёттингенской гимназіи М. Фикъ — по сравнительному языкованію, и аптекаръ въ Ригѣ К. Фредеркингъ — степени магистра фармаціи. Затѣмъ утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: кандидата — 40 (по юридическому факультету — 27, историко-филологическому — 7, физико-математическому — 6), дѣйствительнаго студента — 23 (по богословскому — 4, юридическому — 12, историко-филологическому — 7), лекаря — 2, уряднаго врача — 2, инспектора врачебной управы — 2, магистра фармаціи — 1, провизора — 21, аптекарскаго помощника — 45, повивальной бабки — 24.

Съ Высочайшаго соизволенія командированы были за границу съ ученою цѣлію: профессоръ Драгендорфъ, на 4 мѣсяца, для посѣщенія Вѣнской всемірной выставки, съ цѣлію изученія лекарственныхъ снадобій, для принятія участія въ общемъ собраніи общества австрійскихъ аптекарей, въ засѣданіяхъ общества германскихъ аптекарей и съѣзда естествоиспытателей въ Висбаденѣ, для посѣщенія гористыхъ странъ съ цѣлію изслѣдованія въ породахъ аконита *digitalis* дѣйствующихъ составныхъ частей и для пользованія разными библіотеками для продолженія своего труда о химическомъ анализѣ растений и частяхъ растений; профессоръ Стида, на 4 мѣсяца, для изу-

ченіи на всемірній виставкѣ касающихся анатоміи и анатомической техники предметовъ, и въ Триестѣ—для продолженія начатыхъ имъ анатомическихъ изслѣдованій надъ безпозвоночными животными; профессоръ Мейеръ, на лѣтнее вакаціонное время и 29 дней, въ разныхъ библіотеки Германіи для изученія средневисоконѣмецкаго языка, съ цѣлію окончанія своего труда о лифляндской риемованной лѣтписи; доцентъ Гаусманъ, на 1 годъ, для занятій въ историческихъ библіотекахъ и архивахъ съ цѣлію изученія германской исторіи XIV вѣка; приватъ-доцентъ и ассистентъ Рейгеръ, на 8 мѣсяцевъ, для посѣщенія и изученія хирургическихъ барачныхъ построекъ.

Студентовъ въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1873 г. состояло 686; въ теченіе года вновь поступило 294, въ томъ числѣ: изъ гимназій—141, бывшихъ студентовъ Дерптскаго университета—35, изъ другихъ университетовъ—11, антокарскихъ помощниковъ—37; въ теченіе года вышло: до окончанія курса—119, по окончаніи курса—90, всего 209; затѣмъ къ 1-му января 1874 года оставалось 701, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ богословскомъ—86, въ юридическомъ—190, въ медицинскомъ—259, въ историко-филологическомъ—80 (по разряду историко-филологическому—59, по камеральному—21), въ физико-математическомъ—86 (по математическому разряду—33, по разряду естественныхъ наукъ—53). Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1873 года было 6; въ теченіе 1873 года вновь поступило 25; въ теченіе года вышло: до окончанія курса—25, по окончаніи курса—1; затѣмъ къ 1-му января 1874 г. оставалось 5. Изъ общаго числа студентовъ, простиравшагося въ 1873 году до 910 чловѣкъ, освождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ семестрѣ—158, во второмъ—161, среднимъ числомъ—160 студентовъ, что составляетъ $17\frac{1}{2}$ общаго числа. Въ 1873 году стипендіатовъ было: въ богословскомъ факультетѣ—9 (2.550 руб.), въ юридическомъ—4 (291 руб. 66 коп.), въ медицинскомъ—19 (5.450 руб.), въ историко-филологическомъ—20 (1.800 р.), въ физико-математическомъ—2 (300 руб.), стипендіатовъ Виленскаго евангелическо-реформатскаго синода—3 (500 руб.), всего 57 стипендіатовъ на сумму 10.891 руб. 66 коп. Расходъ этотъ, за исключеніемъ 500 руб. на стипендіатовъ Виленскаго евангелическо-реформатскаго синода, произведенъ изъ суммы, положенной по штату университета на стипендіи.

По финансовой сметѣ на содержаніе Дерптскаго университета въ 1873 году ассигновано было 212.144 руб. 45 коп., въ томъ числѣ:

на содержаніе личнаго состава 135.923 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы—54.650 руб., на стипендіи и пособія студентамъ—14.000 руб., на награды и пособія—2.000 руб., на экипировку окончившимъ курсъ врачамъ—600 руб., на расходы при чтеніи публичныхъ лекцій по техническимъ наукамъ—971 руб. 45 коп., на содержаніе хирургической клиники, въ дополненіе къ штатной суммѣ, 4.000 руб. Специальныхъ средствъ въ 1873 году поступило всего на сумму 6.983 руб., именно: сбора за слушаніе лекцій—5.705 руб., и за матрикулы—1.278 руб. Сумма эта израсходована сполна по распоряженію правленія университета.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго университета къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ общей университетской библіотекѣ состояло книгъ и періодическихъ изданій — 124.897, рукописей — 710; плановъ, картъ и рисунковъ — 5.551; библіотекою пользовались 480 студентовъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: древностей и искусственныхъ работъ—7.174, монетъ и медалей—7.380, сочиненій—1.074. Въ центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей: 2.720 экземпляровъ, книгъ—388. Въ математическомъ кабинетѣ: 284 экземпляра и книгъ—284. Въ рисовальной школѣ: 3.848 предметовъ, книгъ—111. Въ физическомъ кабинетѣ: приборовъ—923, книгъ—372. Изъ приобретеній, сдѣланныхъ въ 1873 году, особеннаго вниманія заслуживаетъ самозаписывающій анометръ. Физическими опытами ислѣдованіями занимались: въ первомъ семестрѣ—5, во второмъ—11 студентовъ. Въ химическомъ кабинетѣ: 767 предметовъ, книгъ—203. Въ химической лабораторіи занимались: въ первомъ семестрѣ—30, во второмъ—37 студентовъ, а именно вновь поступившіе студенты квалитативнымъ, старые — квантитативнымъ анализомъ, преимущественно по минеральной химіи (химической геологіи, сельско-хозяйственной химіи), затѣмъ практическимъ изслѣдованіемъ различныхъ аналитическихъ методовъ, приготовленіемъ препаратовъ для анализа и проч. Въ минералогическомъ кабинетѣ: 35.837 предметовъ, книгъ—651. Изъ приобретеній заслуживаютъ особаго вниманія квартерные потонные остатки позвоночныхъ животныхъ Самарской губерніи. Практическими упражненіями, состоящими въ измѣреніи кристалловъ и опредѣленіи минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей, занимались 15 студентовъ. Въ зоологическомъ музеѣ: 16.020, книгъ—60. Изъ приобретеній особаго вниманія заслуживаетъ количество прѣсноводныхъ раковинъ Сѣверной Америки. Въ ботаническомъ саду: живыхъ растений и сѣмянъ—13.376,

сушеныхъ растений въ гербаріяхъ—27.300; въ ботанической бібліотекѣ—534 сочиненія. Садъ доставлялъ достаточный матеріалъ для демонстрацій и упражненій въ анализѣ, равно какъ и для микроскопическихъ изслѣдованій. Въ демонстраціяхъ и упражненіяхъ въ анализѣ живыхъ растений участвовали 8 студентовъ, въ разныхъ другихъ изслѣдованіяхъ—53 студента. Въ сельско-хозяйственномъ и технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: предметовъ—1.347, сочиненій—356. Изъ прибрѣтеній заслуживаютъ вниманія 4 платинныхъ выпаривательныхъ чашки большаго размѣра. Изслѣдованіями по фізіологіи процесса питанія занимались два доктора, изслѣдованіями почвы—два студента. Въ астрономической обсерваторіи: инструментовъ—152, книгъ—2.529, картъ, эстамповъ и т. д.—42. Въ анатомическомъ театрѣ коллекцій: для анатоміи человека—757, для сравнительной анатоміи—2.307, инструментовъ, статуй, моделей—232, сочиненій—163. Изъ полученныхъ 23 труповъ употреблены: 5—для хирургическихъ цѣлей, 14—для упражненій въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ, и одинъ трупъ—для лекцій. Изслѣдованіями труповъ занимались 30 студентовъ. Въ фізіологическомъ институтѣ: предметовъ—258, сочиненій—71. Изъ прибрѣтеній заслуживаетъ особеннаго вниманія кимографіонъ съ часами. Специально-научными изслѣдованіями занимались 3 студента. Въ патологическомъ институтѣ: предметовъ—1.555, сочиненій—96. Научными изслѣдованіями занимались 4 студента, вскрыто 52 трупа. Въ фармацевтическомъ институтѣ: предметовъ—2.269, сочиненій—10. Для коллекцій химическихъ препаратовъ сдѣлано 140 нумеровъ. Въ практическихъ занятіяхъ по химіи участвовали 69 студентовъ медицины и 61 фармацевтъ. Научными работами большаго объема занимались 12 лицъ. Въ фармакологическомъ институтѣ: предметовъ—1.125, сочиненій—10. Специально-научными изслѣдованіями занимались 10 лицъ. Въ хирургической коллекціи имѣлось: перевязокъ и машинъ—727, инструментовъ—1.234. Изъ прибрѣтеній заслуживаютъ особеннаго вниманія два гальваническихъ снаряда по Штёреру. Въ коллекціи офтальмологической—266, въ коллекціи акушерской—377 инструментовъ. Въ клиникахъ: медицинской (47 практикантовъ): къ 1-му января 1873 года состояло больныхъ—1, въ 1873 году принято—211, выздоровѣло—54, вынуждено получившихъ облегченіе или неизлечимо-больныхъ—121, умерло—34, къ 1-му января 1874 года больныхъ не осталось; въ хирургической (46 практикантовъ): къ 1-му января 1873 года состояло—25, въ 1873

году принято—266, выздоровѣло—137, выпущено—121, умерло—20, осталось къ 1874 году — 13; офталмологической (20 практикантовъ): къ 1873 году состояло — 2, въ теченіе года принято—150, выздоровѣло—71, выпущено—80, умеръ—1, къ 1874 году не осталось ни одного; въ акушерской (43 практиканта): къ 1873 году—4, принято—100, выздоровѣло—73, выпущено—27, умерло—3, къ 1874 году осталось — 1; въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы (7 практикантовъ): къ 1873 году—38, принято—236, выздоровѣло—145, выпущено—80, умерло—24, къ 1874 году осталось—25. Число изслѣдованій труповъ и судебныхъ вскрытій было 45.

Г И М Н А З І И.

О состояніи и дѣятельности Архангельской мужской гимназіи въ 1872/73 учебномъ году.

Архангельская гимназія преобразована согласно дѣйствующему нинѣ уставу гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ начала 1872/73 учебнаго года. Въ 1772/73 учебномъ году въ четырехъ низшихъ классахъ былъ уже введенъ полный курсъ классическихъ гимназій съ обоими древними языками; въ V-мъ преподавался лишь одинъ латинскій языкъ, согласно распоряженію министерства; замѣнить греческаго языка оба новыхъ были оставлены обязательными; VI—VII классы оставались еще реальными и въ нихъ преподавались предметы, положенные программой согласно уставу реальныхъ гимназій, Высочайше утвержденному въ 1864 году.

Движеніе учащихся представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ началу 1872/73 учебнаго года съ оставшимися отъ предыдущаго года и съ вновь поступившими состояло—156; въ теченіе года поступило—13; итого въ теченіе года было—169 (въ приготовительномъ классѣ—32, въ I—34, во II—32, въ III—18, въ IV—18, въ V—13, въ VI—12, въ VII—10); выбыло до испытаній—16, подвергались испытаніямъ—142; изъ нихъ, переведено: до ваканцій—79, по дополнительнымъ испытаніямъ послѣ ваканцій—13, всего переведено—92; оставлено въ тѣхъ же классахъ на другой годъ—49, уволено за малоуспѣшность на основаніи § 34 устава—8, уволено за совершенное нерадѣніе и неодобрительное поведеніе, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія—4; окончило полный курсъ реальной гимназіи съ аттестатами—6, выбыло въ теченіе каникулярнаго вре-

меня — 10, подано прошеній для поступленія въ гимназію — 54; изъ подавшихъ прошенія принято — 38, отказано по недостаточной подготовкѣ — 24; къ началу учебныхъ занятій 1874/75 учебнаго года состояло — 162, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ — 34, въ I — 38, во II — 24, въ III — 26, въ IV — 12, въ V — 6, въ VI — 8, въ VII — 15. Учащіеся въ 1873/74 учебномъ году распредѣлялись: а) по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ — 97 (59%), духовнаго званія — 13 (8%), городскихъ сословій — 53 (32,1%), сельскихъ сословій — 5 (3,3%), иностранцевъ — 1 (0,6%); б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 157 (95,2%), римско-католическаго — 8 (4,8%), евангелическаго — 4 (2,9%); в) по возрасту: 8-ми лѣтъ — 3, 9-ти — 10, 10-ти — 17, 11-ти — 15, 12-ти — 23, 13-ти — 25, 14-ти — 14, 15-ти — 15, 16-ти — 17, 17-ти — 16, 18-ти — 6, 19-ти — 8. Изъ 142 учениковъ, подвергавшихся экзамену, оказали успѣхи: весьма хорошіе — 24, хорошіе и порядочные — 55, посредственные — 43, слабые — 20.

По сравненіи годичныхъ занятій и переводныхъ экзаменовъ, бывшихъ до ваканцій, успѣшность по классамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: лучше всѣхъ оказывается V классъ, такъ какъ изъ 11 учениковъ его, подвергавшихся экзамену, переведено 9 (70%); за нимъ слѣдуетъ III классъ (изъ 15 переведено 10, то-есть, 66⅔%); за тѣмъ VII — 60%, VI — 59%, II — 56% и I — 47%, то-есть, изъ 32 удостоились перевода 15 учениковъ. Успѣхи учениковъ приготовительнаго класса могутъ быть названы очень удовлетворительными, такъ какъ изъ 20 экзаменовавшихся переведено въ I классъ 15, т. е. 75%. Самымъ слабымъ по успѣхамъ былъ I-й классъ. Къ числу слабѣйшихъ учениковъ этого класса принадлежали 5 мальчиковъ, принятыхъ въ августѣ 1872 года, по введеніи устава 1871 года, на основаніи прежняго устава, требованія котораго для поступленія въ гимназію были гораздо слабѣе; особенно слабыми оказались ученики по русскому языку и ариметикѣ. Но и изъ принятыхъ въ августѣ 1873 года оказалось весьма много слабыхъ и мало развитыхъ. Большая часть вновь принятыхъ поступила изъ частныхъ школъ, въ которыхъ обученіе ведется по старому методу: главную задачу свою школы эти полагаютъ въ наученіи дѣтей читать, писать и механическимъ вычисленіямъ; умственное же развитіе ихъ почти не входитъ въ программу частныхъ школъ, — вотъ причина слабости I класса. Степень успѣшности въ главныхъ предметахъ гимназическаго курса, считая первые пять классовъ, преобразованныхъ по новому уставу,

выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: по латинскому языку на 100 учившихся было: удовлетворительныхъ—64, неудовлетворительныхъ—36; по греческому на 25 учившихся: удовлетворительныхъ—17 (68%), неудовлетворительныхъ—8 (32%); по математикѣ на 100 учившихся: удовлетворительныхъ—75, неудовлетворительныхъ—25. Изъ обязательныхъ предметовъ, каковыми признаются одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, рисованіе, пѣніе и гимнастика, тремъ послѣднимъ обучалось весьма ограниченное число учениковъ. Ученики V класса, которыми преподавался одинъ только латинскій языкъ, равно какъ ученики VI и VII классовъ, обязаны были обучаться обоимъ новымъ языкамъ. Изъ 90 учениковъ, бывшихъ въ шести высшихъ классахъ, обучались: одному французскому языку—35 (39%), одному нѣмецкому—8 (9%), обоимъ новымъ языкамъ—42 (52%). Остальнымъ необязательнымъ предметамъ обучались ученики низшихъ классовъ: рисованію—23, гимнастикѣ—ученики I и II классовъ, пѣнію—10. За неимѣніемъ ни свободнаго времени, ни мѣста, рисованію могли обучаться только по воскреснымъ днямъ послѣ обѣдни, отчего число желающихъ уменьшалось все болѣе и болѣе и въ концѣ года осталось только 7. Гимнастикѣ могли обучаться только ученики I и II классовъ по два раза въ недѣлю по одному часу по время 5-го урока; компанію для гимнастики служило помѣщеніе I класса, въ которомъ сдвинуты классные столы, тѣмъ не менѣе помѣщеніе оказалось тѣснымъ для 30 человѣкъ. При томъ, преподаватели сосѣднихъ классовъ, имѣвшихъ 5-е уроки, постоянно жаловались на шумъ, который производился во время гимнастики, и это неудобство будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ имѣть особое помѣщеніе для гимнастики. Весной, въ хорошіе дни, гимнастикой занимались въ гимназическомъ саду, въ которомъ устроены необходимы для этого снаряды. Пѣнію обучались весьма немногіе, и то въ первое только полугодіе по субботамъ.

Здоровье учащихся было вообще удовлетворительно, особенно во второе полугодіе. Въ теченіе перваго полугодія свирѣствовала оспа, которою переболѣло 10 учениковъ, въ томъ числѣ 3—приготовительнаго класса; всѣ они выздоровѣли. Въ предупрежденіе большаго распространенія оспы гимназическій врачъ ревакцинировалъ не только всѣхъ учениковъ, но и почти всѣхъ служащихъ въ гимназій лицъ съ ихъ семьями. Въ теченіе года гимназическій врачъ пользовалъ до 40 учениковъ; въ случаѣ крайней бѣдности родителей учащихся, лекарства или даромъ отпускались изъ аптеки, или прописы-

вались докторомъ на собственный его счетъ. Смертныхъ случаевъ не было ни одного.

Пропущенныхъ учениками по болѣзни уроковъ было: въ четырехъ низшихъ классахъ — 4.760, среднимъ числомъ 54 на 89 учениковъ, въ трехъ высшихъ — 840, среднимъ числомъ 26 на 33 ученика, всего — 46 на 122 ученика. По причинамъ неуважительнымъ пропущено въ теченіе года 190 уроковъ, большая часть коихъ приходится на старшіе четыре класса.

Поведеніе учениковъ вообще было очень хорошее. Разныя дѣтскія шалости проявлялись преимущественно въ низшихъ трехъ классахъ. Изъ приготовительнаго класса въ концѣ года исключены трое за крайнюю лѣность, постоянное невниманіе въ классѣ и вредное вліяніе на своихъ товарищей. Изъ проступковъ, чаще всего повторявшихся въ теченіе года, замѣчательны слѣдующіе: неприготовленіе уроковъ, списываніе заданной на домъ работы у товарища, невниманіе и шалость во время урока, занятіе посторонними предметами во время уроковъ, развлеченіе товарищей въ классѣ, непосѣщеніе уроковъ безъ уважительныхъ причинъ, самовольный уходъ съ урока (въ VI и VII клас.), брань и драка съ товарищами, самовольный уходъ съ гимнастики.

Пособія учащимся въ теченіе года оказаны были слѣдующія: а) изъ специальныхъ средствъ гимназій сшиты были форменныя платья четверемъ ученикамъ, на сумму 60 рублей; б) изъ суммы, отпускаемой городскою думой въ пособіе гимназій, 5 бѣднѣйшихъ и прилежныхъ учениковъ получали стипендіи по 57 руб. 14 коп. каждый; в) 8-ми бѣднѣйшимъ ученикамъ выданы учебныя и классныя принадлежности изъ суммъ, ежегодно назначаемыхъ въ пособіе ученикамъ (17 руб.), и кромѣ того весьма многіе пользовались безвозмездною выдачею учебниковъ и лексиконовъ, какъ по древнимъ, такъ и по новѣйшимъ языкамъ, изъ склада учебниковъ, образовавшагося въ теченіе многихъ лѣтъ. Наконецъ, при гимназій существуютъ стипендіи: одна — Ломоносовская въ 200 руб., на которую воспитывается одинъ крестьянскій мальчикъ изъ родины Ломоносова; двѣ учрежденныя чиповниками казенной палаты: одна — въ 20 руб., другая — въ 25 руб., и три — учрежденныя въ память бывшаго архангельскаго губернатора, по 30 руб. каждая. Отъ платы за ученіе освобождено было 11 бѣднѣйшихъ учениковъ, чтѣ составляетъ 8,8% всего числа учащихся, и кромѣ того 14 сыновей лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія.

Учебныя пособія находились въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библіотекѣ къ концу 18⁷⁸/74 учебнаго года состояло 2.229 названій въ 5,360 томахъ; въ томъ числѣ въ теченіе года приобрѣтено 160 названій въ 260 томахъ на 468 руб. Въ ученической библіотекѣ къ тому же времени считалось 742 названія въ 1.104 томахъ. Въ отдѣлѣ учебниковъ для безвозмездной выдачи бѣднѣйшимъ ученикамъ для пользованія состояло 32 названія въ 211 экземплярахъ. Въ физическомъ кабинетѣ числилось разныхъ приборовъ 228 нумеровъ. Изъ новыхъ приобрѣтеній особенно замѣчательны: телескопъ, приборъ Фуко, гальваническіе часы, приборъ Карпентера для производства увеличенныхъ изображеній разныхъ предметов на экранѣ и фотоскопъ. Въ кабинетѣ естественныхъ наукъ состояло 450 минераловъ и 814 окаменѣлостей. Для кабинета сдѣлано весьма цѣнное приобрѣтеніе — 100 таблицъ стѣнныхъ изображеній для нагляднаго преподаванія естествовѣдѣнія Ветштейна. Сверхъ того въ кабинетѣ имѣется коллекція животныхъ изъ папье-маше въ числѣ 97 нумеровъ. Пособій при изученіи исторіи и географіи, состоящихъ въ атласахъ, стѣнныхъ картахъ, глобусахъ, теллуріи — 162 нумера. Рисунковъ и моделей проволоочныхъ, деревянныхъ, жестяныхъ и гипсовыхъ — 542 нумера. Матеріальныя средства гимназіи заключались въ слѣдующемъ: изъ государственнаго казначейства — 26.609 руб. 94 коп., отъ городской думы — 705 руб. 14 коп., сбора за ученіе — 1.820 руб., остатокъ отъ суммы 1873 года — 1.522 руб. 47 коп., всего 30.657 руб. 55 коп.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

(По официальнымъ и частнымъ извѣстіямъ).

Православное Обозрѣніе извѣщаетъ, что новое „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“, Высочайше утвержденное 25-го мая, предложено было вниманію св. синода г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, который, согласно журналу общаго собранія государственнаго совѣта, заявилъ, сколь желательно и необходимо для успѣха дѣла, чтобы при попомъ устройствѣ училищной части духовенство съ неслабымъ усердіемъ продолжало нести и усугубляло труды по исполненію обязанностей учителей и наставниковъ народа, распространяя въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга.

Св. синодъ, съ своей стороны, нашелъ нужнымъ пояснить какъ значеніе новаго Положенія о народныхъ училищахъ для дѣятельности православнаго духовенства, такъ и тѣ обязанности, къ коимъ оно этимъ Положеніемъ призывается. Эти объясненія даны въ циркулярномъ указѣ св. синода отъ 10-го октября 1874 года и изложены такъ:

„Стоя близко къ народу, духовенство наше искони, въ силу пастырскихъ обязанностей, служило дѣлу народнаго образованія, и безхорыстая въ теченіе многихъ вѣковъ дѣятельность его на этомъ поприщѣ сколько оцѣнена по достоинству правительствомъ, столько же и несомнѣнна: многочисленныя народныя училища, введенныя духовенствомъ и содержимыя на его счетъ, служатъ осязательнымъ тому доказательствомъ. Новое Положеніе упрочиваетъ вліяніе духовенства не только на эти имъ устроенныя, но и на всѣ начальныя народныя училища; оно вѣрнѣе высшее наблюденіе какъ за преподаваніемъ закона Божія, такъ и вообще за религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія мѣстному епархіальному архіерею, предоставляя ему или лично обозрѣвать училища, или поручать это особо назначаемымъ имъ духовнымъ лицамъ; далѣе, Положеніе, приглашая къ преподаванію закона Божія приходскихъ священниковъ или особыхъ законоучителей съ утвержденія епархіальнаго начальства, предоставляетъ духовнымъ лицамъ обучать въ училищахъ и прочимъ предметамъ; наконецъ, новое Положеніе сохраняетъ за духовенствомъ и право участія въ управленіи народными училищами въ лицѣ своихъ представителей, назначаемыхъ членами училищныхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ, настоящее Положеніе о начальныхъ училищахъ даетъ духовенству весьма почетное мѣсто въ дѣлѣ народнаго образованія, къ поддержанію и упроченію котораго въ истинно благомъ направленіи Государю Императору благоугодно было призвать всѣхъ просвѣщенныхъ людей страны. Проникаясь мыслию, какъ важно въ этомъ дѣлѣ единодушное усиліе всѣхъ вѣдомствъ, призванныхъ Монаршею волею стать на стражѣ религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго народа, св. синодъ не сомнѣвается, что православное духовенство потщится оправдать и въ семъ отношеніи возлагаемыя на оное Его Императорскимъ Величествомъ надежды, и усугубить всегда отличавшія священнослужителей усилія и ревность къ исполненію своего пастырскаго долга, не престанетъ содѣйствовать словомъ, дѣломъ и примѣромъ къ размноженію народныхъ училищъ и къ упроченію въ нихъ религіозно-нравственнаго направленія. А какъ такое направле-

ніе главныхъ образомъ обусловливается должнымъ выясненіемъ учащимся евангельскихъ истинъ, то св. синодъ не можетъ не желать чтобы преподаваніе закона Божія въ народныхъ училищахъ было всенно основательно и такъ, чтобы божественныя истины укоренились въ сердцахъ учащихся. Благословляя православное російское духовенство на дальнѣйшее служеніе въ указанномъ смыслѣ великому и священному дѣлу народнаго образованія, св. синодъ приглашаетъ и епархіальныхъ архіереевъ содѣйствовать успѣху этого дѣла всѣми законными отъ нихъ способами, поощряя отличающихся на этомъ поприщѣ дѣятелей и вразумляя нерадѣющихъ къ оному*.

— Со всѣхъ сторонъ получаютъ свѣдѣнія объ открытіи губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 25-го мая сего года Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. *Московскія Вѣдомости* извѣщаютъ, между прочимъ, о тѣхъ мѣрахъ, которыя одинъ изъ нихъ, а именно Серпуховскій совѣтъ, обсуждалъ въ первомъ же своемъ засѣданіи, кромѣ въ виду не одно распространеніе грамотности, но и поднятіе уровня народной нравственности. Въ засѣданіи этомъ, происходившемъ 3-го сентября, председатель совѣта Д. Н. Жуковъ, упомянувъ о священныхъ, дорогихъ словахъ, которыя были сказаны Государемъ Императоромъ дворянству, призванному блюсти народное образованіе, выразилъ желаніе, чтобы благая мысль Монарха о возвышеніи религіозно-нравственнаго направленія народной школы дѣятельно осуществлялась. Г. Жуковъ находилъ полезнымъ обязать всѣхъ учителей народныхъ школъ каждое воскресенье и каждый праздникъ собирать въ школу всѣхъ учащихся до обѣдни и объяснять то евангеліе, которое будетъ читаться въ церкви, и затѣмъ съ дѣтми отправляться къ слушанію литургіи; вмѣнить также въ обязанность учителямъ, чтобы мальчики обучались церковному пѣнію въ школахъ и обученные пѣли на клиросахъ, такъ какъ пѣнію обучаются во всѣхъ школахъ. Онъ убѣжденъ, что это самый лучший и вѣрный способъ къ развитію религіозно-нравственнаго чувства въ ребенкѣ, приучая его съ ранняго возраста посѣщать церковь и быть внимательнымъ къ службѣ. Онъ увѣренъ тоже, что на эти бесѣды, кромѣ учениковъ, будутъ ходить и взрослые, особенно если учителя съ должнымъ вниманіемъ относятся къ этому дѣлу. Далѣе, онъ предложилъ бы совѣту войти въ соглашеніе съ Обществомъ распространенія Св. Писанія и получать отъ него всѣ книги, имъ издаваемыя, которыя и распространять какъ можно болѣе между народомъ. Эту продажу книгъ можно возложить

на учителей каждой школы подъ непосредственнымъ контролемъ совѣта. Мѣра эта имѣла бы, кромѣ нравственнаго значенія, и матеріальную выгоду, такъ какъ при значительной покупкѣ книгъ Общество дѣлаетъ уступку въ 10 и болѣе процентовъ съ рубля, а деньги эти могли бы быть присоединены къ образуемому неприкосновенному капиталу, проценты съ котораго должны идти на народное образованіе. Кромѣ того, г. Жуковымъ предложены еще слѣдующія мѣры: 1) утвердить прежнее раздѣленіе уѣзда на участки, или составить новый раздѣлъ, въ виду того, что въ совѣтъ вошли и новые члены, которымъ, можетъ быть, прежній раздѣлъ будетъ не совсѣмъ удобенъ. Эта мѣра необходима для лучшаго контролированія учителей, ибо немислимо оставить болѣе 70-ти школъ уѣзда безъ всякаго наблюденія, или поручить это наблюденіе одному или двумъ лицамъ. При этомъ, обязать членовъ совѣта объѣзжать свои участки по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, въ декабрѣ и предъ окончаніемъ ученія. 2) Повторить ходатайство, чтобы было разрѣшено устроить въ уѣздѣ три или четыре пункта, куда должны быть собираемы ученики изъ ближайшихъ школъ для испытанія ихъ ежегодно при окончаніи ученія. Эта мѣра необходима какъ для контроля надъ ученіемъ, такъ и въ виду всесословной военной повинности, устанавливающей извѣстную льготу кончившимъ курсъ ученія въ народной школѣ, а можетъ служить провѣркою дѣйствій самихъ членовъ совѣта при ихъ разъѣздахъ по участкамъ. 3) Повторить учителямъ распоряженіе совѣта, чтобы они ежегодно, при окончаніи ученія, сообщали совѣту списки о всѣхъ нуждахъ народныхъ училищъ. Эта мѣра необходима потому, что совѣтъ, заблаговременно составивъ полный списокъ, потребуетъ отъ земской управы заблаговременной подготовки всего необходимаго, и затѣмъ, предъ началомъ ученія разослать все нужное въ школы.

Въ заключеніе г. Жуковъ сообщилъ, что нѣкоторыми лицами сдѣланы денежные пожертвованія на народное образованіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы капиталъ этотъ былъ неприкосновеннымъ, а проценты съ него шли бы на пользу школъ. Вслѣдствіе этого и былъ избранъ совѣтомъ казначей, ведущій всю отчетность. Деньги заключаются въ билетахъ внутренняго съ выигрышами займа и въ папичной суммѣ. При этомъ членъ совѣта М. Е. Новосильцевъ обѣщалъ пополнить папичную сумму на столько, чтобы купить еще одинъ билетъ выигрышнаго займа.

Г. директоромъ было предложено, чтобы дѣлопроизводство совѣта

оставалось по прежнему на обязанности штатнаго смотрителя, какъ члена совѣта, такъ какъ инспектору неудобно вести это дѣло во многихъ уѣздахъ, особенно въ такомъ, какъ Серпуховской, гдѣ болѣе 70 училищъ.

Обсудивъ всѣ эти заявленія, совѣтъ призналъ предлагаемыя г. Жуковымъ мѣры полезными и постановилъ привести ихъ въ исполненіе, а также и предложеніе г. директора относительно оставленія дѣлопроизводства совѣта въ завідованіи штатнаго смотрителя. Далѣе, совѣтомъ опредѣлено выразить г. Жукову благодарность за плодотворную дѣятельность его и постоянную и настойчивую заботливость о распространеніи народнаго образованія, въ теченіе шестилѣтней его службы въ должности предсѣдателя совѣта, и благодарность г. Новосильцеву за общаппое имъ пожертвованіе.

— Въ журналѣ *Народная Школа* находимъ мы весьма интересные свѣдѣнія о практическихъ занятіяхъ воспитанниковъ Черниговской земской учительской семинаріи. Заимствуемъ ихъ изъ означеннаго журнала.

Согласно уставу Черниговской земской учительской семинаріи, для практическихъ занятій воспитанниковъ посвящается собственно только 3-й годъ семинарскаго курса, то-есть, послѣдній передъ выходомъ ихъ изъ семинаріи. Теоретическія занятія воспитанниковъ 3-го класса въ это время хотя и продолжаются, но характеръ этихъ занятій болѣе спеціальный, нежели общеобразовательный, и имѣетъ главною цѣлью — подготовленіе слушателей къ практическимъ занятіямъ по тому или другому учебному предмету, входящему въ курсъ начальной народнои школы. Такимъ образомъ, въ 3-мъ классѣ семинаріи воспитанники слушаютъ: курсы методики русскаго языка, арифметики, отчизновѣдѣнія, методику письма, черченія и методику нагляднаго обученія или такъ-называемыхъ предметныхъ уроковъ. Кромѣ того, въ 3-мъ же классѣ они оканчиваютъ курсъ закона Божія, который, по обширности своей, не можетъ быть пройденъ въ два первые года семинарскаго курса, и общую педагогическую дидактику, преподаваемую также и во 2-мъ классѣ семинаріи. Для практическихъ занятій воспитанниковъ, при учительской семинаріи имѣется школа, составленная изъ дѣтей обоого пола, воспитывающихся въ сиротскомъ домѣ на полномъ содержаніи отъ земства Черниговской губерніи. Чтобы этой школѣ придать характеръ сельской, съ которою будущимъ учителямъ главнымъ образомъ и придется имѣть дѣло, ее раздѣлили на 3 группы или отдѣленія, и курсъ каждой изъ этихъ

группы соответствует таковой въ школѣ народной. Въ первой группѣ начинаютъ обученіе чтенію и письму, ариметикѣ, (изученіе чиселъ 1-го десятка), ведутся наглядныя бесѣды, какъ пособие для изученія языка и для развитія мыслительной способности дѣтей, и сообщается значеніе главнѣйшихъ молитвъ; во 2-й группѣ съ дѣтьми ведется объяснительное чтеніе, наглядныя бесѣды, изученіе чиселъ до 1.000 и проходитъ краткія исторіи вѣтхаго завета; наконецъ, въ 3-мъ отдѣленіи, кромѣ объяснительнаго чтенія, дѣтей знакомятъ съ правилами элементарной грамматики, сообщаются понятія о простыхъ дробяхъ, проходитъ краткій курсъ отчисловѣдѣнія; вмѣстѣ съ уроками черченія и рисованія, и исторія новаго завета (главнѣйшія событія), вмѣстѣ съ объясненіемъ важнѣйшихъ обрядовъ православаго богослуженія. Изученіе церковно-славянскаго азбуки начинается въ концѣ 1-го года или въ началѣ 2-го.

Завѣдываніе практическою школою поручается одному изъ преподавателей семинаріи, а въ помощь ему, собственно для надзора за воспитанниками сиротскаго дома въ внѣклассное время, дается особый надзиратель.

Практическимъ урокамъ воспитанниковъ по каждому предмету курса начальной народной школы *предшествуетъ* теоретическое знаніе ихъ съ приѣмами преподаванія этого предмета или извѣстнаго его отдѣла на урокахъ методики, такъ что, приступая къ самостоятельнымъ практическимъ урокамъ въ школѣ, практиканту остается только овладѣть самою *техникой* преподаванія, а это пріобрѣтается навыкомъ и строгимъ отношеніемъ къ каждому изъ приѣмовъ, употребленныхъ на урокѣ.

Практическія занятія открываются *примѣрными* уроками *руководителей*, то-есть, преподавателей учительской семинаріи, каждымъ по своему предмету. Примѣрный урокъ дается сначала въ одной только 1-й группѣ, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ 3-го класса. По окончаніи урока, преподаватель разъясняетъ цѣль его, средства, употребленныя имъ для достиженія этой цѣли, указываетъ на причины, по которымъ то или другое средство, тотъ или другой приѣмъ не оказали должнаго дѣйствія и не привели къ желаемымъ результатамъ. Затѣмъ, руководитель приглашаетъ практикантовъ высказать ихъ личныя соображенія на счетъ того, какой выходъ избрали бы они сами изъ затруднительнаго положенія, какой способъ или приѣмъ примѣнили бы въ данномъ случаѣ и т. д. Послѣ примѣрнаго урока руководителя слѣдуетъ рядъ *практическихъ* уроковъ воспитанни-

ковъ по тому же самому предмету и въ той же самой группѣ, но при этомъ имѣется въ виду, чтобы въ 1-й группѣ было не болѣе 2-хъ уроковъ въ день: одинъ по родному языку, а другой по арифметикѣ, и чтобы каждый урокъ длился не болѣе $\frac{3}{4}$ часа. Урокъ каждого практиканта сопровождается *разборомъ* его со стороны присутствующихъ на немъ товарищей, при чемъ преніями и всѣмъ ходомъ дѣла руководить преподаватель того предмета, по которому данъ урокъ. Разборъ этотъ производится слѣдующимъ образомъ. Сначала практикантъ, дававшій урокъ, читаетъ приготовленный имъ еще наканунѣ и просмотрѣнный руководителемъ конспектъ своего урока, выѣстъ съ программой его, и тутъ же указываетъ самъ на сдѣланные имъ на урокѣ промахи, подводя ихъ подъ то или другое правило методики, отступленіе отъ котораго и составляетъ самый промахъ; вслѣдъ за нимъ дѣлаютъ замѣчанія объ урокѣ слабѣйшіе изъ его товарищей. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы дать симъ послѣднимъ возможность высказывать свои наблюденія, которыя могли бы быть предвосхищены у нихъ при иномъ порядкѣ разбора. За слабѣйшими товарищами высказываютъ свои замѣчанія и лучшіе. При этомъ непримѣннымъ условіемъ ставится то, чтобы каждое изъ высказываемыхъ замѣчаній не было голословно, а подкрѣплялось бы извѣстнымъ педагогическимъ соображеніемъ. Рѣшающій голосъ въ спорѣ или въ недоразумѣніи принадлежитъ руководителю; за нимъ остается также и послѣднее слово объ урокѣ. При распредѣленіи уроковъ между практикантами, принято за правило предоставлять ихъ сначала наиболѣе сильнымъ ученикамъ, обнаруживающимъ не только теоретическія познанія въ методикѣ даннаго предмета, но и нѣкоторую даровитость въ исполненіи. Такимъ образомъ, слабѣйшіе изъ практикантовъ, прежде чѣмъ дойдетъ до нихъ очередь, имѣютъ возможность видѣть нѣсколько образцовыхъ для себя уроковъ. Наканунѣ своего урока, практикантъ, выѣстъ съ двумя кандидатами, уроки которыхъ должны слѣдовать тотчасъ за его урокомъ, сообщаетъ составленную имъ программу и конспектъ урока руководителю, который одобряетъ ее, дополняетъ или измѣняетъ, объясняя при этомъ причины, почему онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе. Иногда руководителю назначаетъ составлять конспекты и приготовляться къ уроку, не одному, а тремъ или четыремъ практикантамъ разомъ, и потомъ, у кого изъ нихъ конспектъ окажется лучше, — тому онъ и назначаетъ давать урокъ; остальные же считаются кандидатами и приготовляютъ конспекты къ слѣдующему дню.

Само собою разумѣется, что всѣ уроки ведутся въ извѣстной системѣ и по одному и тому же плану. Такъ, напримѣръ, практическіе уроки по обученію грамотѣ сначала и до конца слѣдуютъ или аналитическому методу, или синтетическому,—смотри по тому, какой изъ нихъ принять въ основаніе цѣлаго курса. При этомъ, конечно, не упускается изъ виду и самая программа того, что положено пройти въ извѣстномъ отдѣленіи школы.

Когда, такимъ образомъ, всѣ наличные практиканты дадутъ, въ присутствіи своихъ товарищей и подъ руководствомъ преподавателя, по одному уроку въ 1-й группѣ по каждому предмету,—тогда переходятъ ко 2-му отдѣленію школы, гдѣ серія практическихъ уроковъ воспитанниковъ открывается опять-таки примѣрными уроками руководителей, каждымъ по своему предмету. Первое же отдѣленіе на это время препоручается по очереди каждому изъ воспитанниковъ, считая по недѣлѣ на каждого, и тутъ уже практикантъ ведетъ уроки вполне *самостоятельно* и по *всѣмъ* предметамъ, положеннымъ по программѣ въ этой группѣ. На урокахъ этихъ, изъ воспитанниковъ присутствуетъ только тотъ, кого назначили *преемникомъ* практикующему. Надъ такого рода самостоятельными занятіями воспитанниковъ установленъ контроль, который выражается отчетностью практиканта въ томъ, что онъ сдѣлалъ за истекшую недѣлю и въ какомъ видѣ передаетъ онъ классъ своему преемнику. Отчетъ этотъ провѣряется руководителемъ, присутствующимъ на послѣднемъ урокѣ практиканта, и сопровождается замѣчаніями и наставленіями съ его стороны тому, въ чьи руки потомъ переходитъ группа.

Переходъ къ 3-му отдѣленію совершается послѣ того, какъ всѣми практикантами даны уроки во 2-й группѣ. Здѣсь происходитъ та же процедура; 2-е отдѣленіе поручается самостоятельному обученію одного изъ воспитанниковъ, по очереди, на урокахъ котораго присутствуетъ преемникъ его, и т. д. Въ это время, слѣдовательно, ведутся практическіе уроки воспитанниковъ, въ присутствіи всѣхъ практикантовъ и подъ руководствомъ преподавателя, въ 3-мъ отдѣленіи школы и самостоятельныя занятія очередныхъ практикантовъ въ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ, въ томъ же порядкѣ и при той же отчетности.

По окончаніи занятій съ 3-ею группой, всѣ три группы сводятся въ одинъ классъ и начинается серія уроковъ съ *тремя* отдѣленіями разомъ, которую открываетъ примѣрный урокъ руководителя, изъбраннаго своими товарищами для руководства занятіями воспитанниковъ.

съ тремя отдѣленіями. Занятія ведутся такимъ образомъ, что въ одинъ и тотъ же урокъ практикантъ занимается различными предметами съ различными отдѣленіями класса; въ томъ же смыслѣ составляются имъ программа и конспектъ урока. При этомъ, по возможности, соблюдается правило, чтобы, въ продолженіе урока, практикантъ успѣлъ занятья съ каждою группою, и въ то время, когда онъ занимается съ одною, остальные не бездѣйствовали бы, а исполняли тѣ самостоятельныя работы, которыя назначены имъ учителемъ. На урокъ съ тремя отдѣленіями полагается часть времени. Каждый урокъ практиканта сопровождается и въ данномъ случаѣ разборомъ, причемъ особенное вниманіе обращается на умѣнье практиканта распорядиться какъ временемъ, такъ равно и тѣмъ учебнымъ матеріаломъ, который былъ назначенъ для разработки въ данный урокъ.

Для надзора за дѣтми во время рекреаций, съ цѣлью наблюденія за порядкомъ, и въ то же самое время для того, чтобы имѣть возможность наблюдать характеръ ребенка, сочтено было нужнымъ установить между практикантами *дежурство*, назначая по два изъ нихъ ежедневно для этой цѣли. По мѣра эта, по разнымъ причинамъ, не могла привиться и успѣха не имѣла. Точно также къ сожалѣнію, не имѣлъ успѣха и выборъ такъ-называемыхъ классныхъ наставниковъ или вѣрнѣе, *репетиторовъ*, которымъ поручались отдѣльные ученики и ученицы для изученія ихъ характеровъ, для повторенія съ ними уроковъ и вообще для педагогическаго надзора за ними. Предполагалось, что каждый изъ репетиторовъ будетъ дѣлиться наблюденіями съ своими товарищами и съ руководителями, причемъ былъ бы возможенъ обмѣнъ мыслей и обсужденіе тѣхъ мѣръ, которыя скорѣе и вѣрнѣе могутъ привести къ цѣли—ко всестороннему развитію дитяти. Но и эта педагогическая мѣра, какъ сказано выше, не удалась,—можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что воспитанники семинаріи не проникнулись важностью того дѣла, къ которому ихъ призывали, а можетъ быть и потому еще, что, не будучи хорошо къ нему приготовлены, не знали, какъ за него приняться. Есть, впрочемъ, надежда достигнуть того, чтобы ученики семинаріи не ограничивались заботами объ одномъ только обученіи дѣтей, но чтобы обращали вниманіе и на воспитательную сторону дѣла.

По окончаніи всѣхъ вообще практическихъ занятій воспитанниковъ семинаріи,—весною, въ одинъ изъ воскресныхъ или праздничныхъ дней, предпринимается *экскурсія въ народную школу*, причемъ, къ назначенному часу въ училище собираются мальчики и дѣвочки

и ждутъ прибытія семинаристовъ вмѣстѣ съ ихъ руководителями. Экскурсія эта совершается нѣшкомъ, въ село, отстоящее на 12 верстъ отъ города и имѣющее школу *средняго* достоинства, не очень плохую, но и не очень хорошую. По прибытіи на мѣсто, начинается осмотръ школы: составляется описаніе наружнаго ея вида, географическаго положенія ея въ селѣ и относительно другихъ строеній, описаніе помѣщенія школы; дѣлаются измѣренія кубическаго содержанія воздуха въ классахъ и вычисляются отношеніе между нимъ и числомъ учащихся, дѣлается осмотръ классной мебели и классныхъ принадлежностей, училищной библіотека, учебныхъ пособій и проч., причемъ сами практиканты указываютъ на тотъ или другой недостатокъ школы. Въ заключеніе, практиканты пробуютъ свои силы на урокахъ по родному языку, ариметикѣ и наглядному обученію. Руководители, обративъ вниманіе практикантовъ на жалкую обстановку школы, указываютъ имъ средства, при помощи которыхъ можно хотя до нѣкоторой степени облегчить и улучшить дѣло обученія при такихъ неблагоприятныхъ для него условіяхъ, указываютъ на тѣ простые предметы, которые, за неимѣніемъ лучшихъ, могутъ служить учебными пособиями для сельской школы и проч. На обратномъ пути руководители сообщаютъ будущимъ учителямъ краткія свѣдѣнія о томъ, каковыя образомъ производить экскурсіи съ дѣтьми, каковыя цѣли необходимо при этомъ задаваться и, наконецъ, каковыми средствами ихъ достигать.

— 22-го сентябри сего года открыты были въ с. Рыбцакомъ (С.-Петербургскаго уѣзда) двухклассное мужское и одноклассное женское народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Училища эти помѣщаются въ собственномъ домѣ, на устройство коего было выдано изъ суммъ министерства 2.000 руб., отъ мѣстнаго общества—1.000 руб. и пожертвовано П. Ф. Громонымъ лѣсныхъ матеріаловъ и желѣза для крыши на 5.430 руб. Домъ выстроенъ въ два этажа: въ первомъ изъ нихъ помѣщаются два класса (каждый на 50 учащихся), мастерская, сборная для дѣтей комната и квартира учителя, а во второмъ: классъ для дѣвочекъ (тоже на 50 дѣтей), библіотека, сборная комната и двѣ квартиры—для учителя и учительницы. Внутреннее расположеніе комнатъ весьма удобно и соответствуетъ учебнымъ и гигиеническимъ требованіямъ. Во флигелѣ находится помѣщеніе для сторожа и всѣ необходимыя службы. Домъ и флигель выстроены прочно и красиво, благодаря добросовѣстности и

безкорыстію подрядчика М. Яковлева, который сдѣлалъ въ главномъ зданіи много улучшеній и добавленій на собственный счетъ.

На обзаведеніе училищъ выдано министерствомъ народнаго просвѣщенія 700 р., а г. Громовымъ и его супругою пожертвованы: 4 образа въ кіотахъ, цѣною въ 315 руб.; два портрета Государа Императора, портреты Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и Цесаревны; классная мебель на 311 руб.; бронзовый бюстъ Ломоносова съ пьедесталомъ къ нему; книги для библіотеки, картины священной исторіи и для нагляднаго обученія, разныя учебныя и канцелярскія принадлежности и т. д. Пожертвованія эти, выѣстъ съ лѣснымъ матеріаломъ и желѣзомъ для крыши, простираются до 7.100 р. Вслѣдствіе всего этого Рыбацкія училища обставлены весьма удачно, снабжены всѣми необходимыми учебными пособиями и имѣютъ хорошую библіотеку.

Къ открытію училищъ находилось въ нихъ 87 мальчиковъ и 45 дѣвочекъ. Священникъ мѣстной приходской церкви обратился къ нимъ съ наставленіемъ, а учитель школы, Н. Добромысловъ, произнесъ рѣчь, въ которой старался объяснить родителямъ, какъ должны они относиться къ училищамъ, которымъ они выѣряютъ своихъ дѣтей.

— Въ отчетѣ г. директора училищъ Симбирской губерніи мы находимъ свѣдѣнія о слѣдующихъ *имородческихъ* начальныхъ школахъ въ означенной губерніи:

Ходаровская мужская, существующая уже четыре года, получаетъ на содержаніе свое по 500 руб. отъ министерства народнаго просвѣщенія и весьма удобно помѣщается во вновь построенномъ для нея домѣ. За переходомъ прежняго законоучителя въ другое село, священникъ Эллидинъ съ любовью и рѣдкимъ усердіемъ продолжалъ занятія съ дѣтьми. Учащіеся составляютъ въ текущемъ году три отдѣленія, изъ коихъ въ старшемъ было 6, въ среднемъ — 14 и въ младшемъ — 20; въ числѣ ихъ одинъ сынъ чиновника, одинъ изъ духовнаго знанія, остальные — дѣти мѣстныхъ крестьянъ; по происхожденію, за исключеніемъ 4 Русскихъ, всѣ — Чуванни. На испытаніяхъ, происходившихъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, успѣхи по закону Божію, русскому языку и ариметикѣ оказались весьма удовлетворительными: дѣти старшаго возраста очень не дурно описали мѣстную ярмарку, да и дѣти средняго отдѣленія сдѣлали письменныя упражненія порядочно. Вообще Ходаровская школа занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми другими. Сами крестьяне удивляются успѣхамъ своихъ дѣтей, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующаго: однажды приходитъ въ

школу родитель одного изъ учениковъ и просить священника составить ему какое-то письменное условіе. Священникъ поручилъ эту задачу сыну просителя, обучавшемуся только второй годъ, и мальчикъ немедленно, безъ всякой посторонней помощи, написалъ бумагу. Радости и удивленію отца не было предѣловъ.

Кокшкиская начальная школа, основанная въ 1871 году, замѣтно улучшается со времени назначенія новаго учителя изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ бывшихъ педагогическихъ классовъ при Симбирскомъ училищѣ, природнаго Чуваши Макарова. Помѣщеніе весьма удобно: въ свѣтлой просторной комнатѣ стоятъ 20 парныхъ ученическихъ столовъ, конторка для учителя и шведскіе счеты. Всѣхъ учащихся 33 (въ старшемъ отдѣленіи 12 и въ младшемъ 21), между которыми двое Русскихъ, остальные—Чуваши. Успѣхи, сравнительно съ прошлымъ годомъ, удовлетворительны, хотя и слабѣе чѣмъ въ Ходаровской школѣ. Предъ началомъ и по окончаніи уроковъ, дѣти, подъ руководствомъ учителя, поютъ молитвы по славянски и по чувашски, а въ праздничные дни поютъ также весьма не дурно въ приходской церкви.

Симбирская чувашская школа принадлежитъ къ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ, ибо всѣ ученики живутъ въ ней. Она пользуется двумя стипендіями отъ министерства народнаго просвѣщенія и кромѣ того имѣетъ стипендіатовъ отъ земствъ: Бунинскаго—12, Симбирскаго—10 и Чистопольскаго—3. Всѣхъ учащихся 50, по кромѣ того въ школѣ живутъ 5 воспитанниковъ Симбирскаго уѣзднаго училища. Дѣти раздѣляются на два отдѣленія и успѣхи ихъ оказались весьма удовлетворительными. Кромѣ учебныхъ предметовъ, они занимаются также сапожнымъ ремесломъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

10/22 ноября 1874 года.

I.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій высшаго совѣта народнаго просвѣщенія, министръ, г. Кюмонъ, произнесъ рѣчь, имѣвшую цѣлю ознакомить совѣтъ съ различными произведенными имъ преобразованіями. Прежде всего г. Кюмонъ упомянулъ о факультетахъ, преимущественно о финансовомъ и матеріальномъ ихъ положеніи. Министръ не отрицаетъ того факта, что факультеты — не столько въ самомъ Парижѣ, сколько въ провинціяхъ — сильно страдаютъ отъ недостатка помѣщенія, отъ тѣсноты лабораторій, что ихъ библіотеки, коллекціи, минералогическіе и другіе кабинеты находятся въ упадкѣ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, видно, что въ Греноблѣ, Реннѣ, Пуатье, Дижонѣ, Каанѣ и Лиллѣ городскія общества построили для тамошнихъ факультетовъ болѣе или менѣе обширныя зданія и отдали ихъ въ полное распоряженіе министерства. Вообще, далеко не рѣдкость, что богатые провинціальныя города, сознавая, что существующіе у нихъ факультеты приносятъ имъ и извѣстность, и матеріальную пользу, дѣлаютъ для нихъ значительныя пожертвованія; на помощь нѣкоторымъ изъ такихъ городовъ является и министерство субсидіями отъ 12.000 до 30.000 фр. По словамъ г. Кюмона, въ теченіе 1871, 1872 и 1873 годовъ израсходовано было на приобрѣтеніе книгъ и инструментовъ для факультетовъ 955.000 фр., то-есть, болѣе чѣмъ по 300.000 ежегодно. Въ 1874 году назначено на тотъ же предметъ 220.000 фр.

Что касается собственно учебнаго дѣла въ упомянутыхъ выше школахъ, то оно не подвергалось въ послѣднее время ни малѣйшей перемѣнѣ. Многимъ хотѣлось бы произвести въ немъ болѣе или менѣе важныя реформы, учредить повсюду вѣдущихъ, ввести приватъ-доцентуру

и т. п., но министр не упомянул ни однимъ словомъ о подобныхъ требованіяхъ, да и высшій совѣтъ вовсе не расположенъ, кажется, приступить къ нимъ. Вотъ почему провинціальныя наши факультеты продолжаютъ влечить довольно жалкое существованіе. Высшее преподаваніе, въ настоящемъ смыслѣ слова, сосредоточивается по прежнему только въ Парижѣ.

Мало поваго сообщилъ г. Кюмонъ и о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ выставилъ на видъ благотѣльные послѣдствія, должствующія производиться отъ преобразованія системы экзаменовъ на степень бакалавра; упомянулъ также о предстоящемъ увеличеніи жалованья преподавателей лицеевъ. Преподаватели эти раздѣляются, какъ извѣстно, на два разряда: лиценціатовъ (licenciés) и ихъ помощниковъ или адъюнктовъ (agregés). Чтобы удостоиться этой послѣдней степени, нужно выдержать весьма трудное, какъ устное, такъ и письменное, испытаніе. Правительство намѣревается увеличить жалованье такъ называемыхъ преподавателей-agregés 500 франками, а тѣмъ изъ преподавателей, которые, не получивъ еще упомянутой степени, все таки допущены къ ваятію учительскихъ должностей въ лицейхъ, прибавка назначена въ 300 фр.

Говоря о народныхъ школахъ, министр указалъ на усиленіе занятія въ нихъ географіею, особенно мѣстною. Учителя ревностно принялись за это дѣло. Въ очень многихъ школахъ, даже въ болѣе обширныхъ ихъ, находятся теперь карты каптоновъ и общинъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ, а въ школахъ образцовыхъ или нормальныхъ сами ученики чертятъ подобныя карты на стѣнахъ въ болѣе большомъ размѣрѣ. Министерство народнаго просвѣщенія щедро поощряетъ изданіе частными людьми географическихъ картъ различныхъ мѣстностей Франціи. Начиная съ 1872 года, 10.169 начальныхъ школамъ роздано 50 845 картъ и глобусовъ. Изъ всего этого видно, что преподаваніе географіи идетъ тамъ довольно успѣшно. Г. Кюмонъ замѣтилъ, что желательно было также ввести въ народныхъ школахъ обученіе земледѣлію и садоводству, но до сихъ поръ еще нельзя было приступить къ этому повсюду, за неимѣніемъ опытныхъ и надежныхъ наставниковъ. Въ нормальныхъ училищахъ оно уже существуетъ, но занимаются имъ не сами учителя, а ихъ помощники, свѣдѣнія коихъ, — особенно практическія свѣдѣнія — весьма скудны. Въ январѣ текущаго года министр назначилъ особую комиссію для разсмотрѣнія вопроса о курсѣ земледѣлія и садоводства

для начальныхъ школъ, и комиссія эта выразила свое мнѣніе въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. На будущее время основныя свѣдѣнія изъ земледѣлія и садоводства должны быть обязательны для всякаго, кто жалеаетъ получить дипломъ народнаго учителя.

2. Для обезпеченія преподаванія земледѣлія въ нормальныхъ низшихъ школахъ, необходимо озаботиться, въ каждомъ департаментѣ, о подготовкѣ преподавателей этого предмета, расходъ на содержаніе коихъ долженъ быть внесенъ въ бюджетъ министерствъ народнаго просвѣщенія и земледѣлія.

3. Департаменты, съ своей стороны, должны выдавать субсидіи тѣмъ преподавателямъ садоводства, которые согласились бы распространять свѣдѣнія по этому предмету посредствомъ общедоступныхъ лекцій.

На основаніи приведенныхъ мною революцій комиссіи, министръ озаботился собрать необходимыя свѣдѣнія изъ всѣхъ департаментовъ, послѣ чего будетъ постановлено имъ окончательное рѣшеніе. Въ настоящее время сады существуютъ уже при 27.957 школахъ, и для учениковъ устроены въ нихъ практическія занятія.

Что же касается вообще начальныхъ училищъ, то число ихъ въ послѣднее время замѣтно возрастаетъ, и очень жаль, что въ рѣчи г. Кюмона не содержится никакихъ статистическихъ данныхъ на этотъ счетъ. Министерство сильно озабочено вопросомъ объ увеличеніи жалованья народныхъ учителей: это тѣмъ болѣе необходимо, что теперь нерѣдко возникаютъ затрудненія даже при замѣщеніи паставниковъ нормальныхъ школъ.

Замѣчено было, что министръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека въ своей рѣчи на важный вопросъ о высшемъ преподаваніи. Клерикальная партія чрезвычайно занята имъ, и нѣкоторые епископы уже пожертвовали болѣе или менѣе значительныя суммы на учрежденіе такихъ учебныхъ заведеній, которыя могли бы соперничать съ университетами.

Въ настоящую сессію высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія не будетъ обремененъ слишкомъ большимъ количествомъ дѣлъ. Только одно изъ нихъ представляетъ интересъ: въ прежнее время каждый лицей и коллегіумъ могъ ввести у себя то или другое руководство, не требуя для этого особаго разрѣшенія; высшій совѣтъ одобрялъ только тѣ изъ нихъ, которыя нарочно были представляемы на его разсмотрѣніе, а министерство имѣло право преграждать доступъ въ

школы такимъ учебникамъ, которые казались ему неблаговидными съ точки зрѣнія религіи, нравственности и педагогіи. Съ 1873 года постановлено, что только руководства, одобренныя совѣтомъ, могутъ быть допускаемы въ училищахъ, но такъ какъ руководства выходятъ вообще очень много и совѣтъ не успѣваетъ просматривать ихъ, то ему предстоитъ организовать это дѣло болѣе правильными образомъ.

Недавно президентъ республики пожаловалъ орденъ почетнаго легіона директору французской школы въ Римѣ, г. Альберту Дюмону, и по общему отзыву г. Дюмонъ исполнѣ заслужилъ эту награду. Извѣстно, въ какихъ щекотливыхъ отношеніяхъ находится Франція къ итальянскому правительству и къ папскому двору, какъ не легко удастся ей избѣгать столкновенія съ этими соперничающими элементами. И французской нашей школѣ въ Римѣ постоянно приходится лавировать между Квириналомъ и Ватиканомъ, ибо главнѣйшіе музеи, въ которыхъ должны работать ея воспитанники, находятся въ распоряженіи папскихъ чиновниковъ. Г. Дюмонъ выказалъ себя въ этомъ случаѣ отличнымъ дипломатомъ и заслуги его были оцѣнены по достоинству.

Кстати о французской школѣ. Двое ея воспитанниковъ совершили въ нынѣшнемъ году весьма длинное путешествіе. Отправившись въ февралѣ мѣсяцѣ изъ Рима, они объѣздили Эпиръ, значительную часть Фессаліи и оставались довольно долго на Аѳонской горѣ; одинъ изъ нихъ осматривалъ также бібліотеку на о. Патмосѣ. Г. А. Дюмонъ говорить въ своемъ докладѣ министру, что путешествіе это привело къ весьма важнымъ результатамъ относительно эпиграфики, археологіи и палеографіи. По *эпиграфикѣ* упомянутые воспитанники (гг. Дюшенъ и Байе) скопировали, преимущественно въ Салоникѣ и Фессаліи, болѣе ста шестидесяти надписей. Сто сорокъ изъ нихъ никогда еще не были изданы. По *археологіи* г. Байе тщательно изслѣдовалъ въ Салоникѣ тамошнія мозаики и кромѣ того составилъ сборникъ надписей, по которымъ можно прослѣдить исторію искусства на Аѳонѣ,—сборникъ весьма замѣчательный, по свидѣтельству г. Дюмона. Кромѣ того изслѣдователи сообщили подробное описаніе (съ фотографическимъ снимкомъ) одной церковной каеэдры, найденной ими въ Салоникѣ. Каеэдра эта украшена весьма оригинальною скульптурою. По *палеографіи* изысканія гг. Дюшена и Байе оказались особенно замѣчательными: первый изъ нихъ открылъ 22 неизданныхъ схолій Иліады, 9 листовъ посланій ап. Павла (Кесарійскій манускриптъ), 33 листа Евангелія св. Марка (манускриптъ VI вѣка), часть CLXXVI, отд. 4.

неизданныя схолія Демосфена, Эсхина и Фукидида, нѣсколько латинскихъ документовъ, касающихся сношеній греческихъ монастырей съ западно-европейскими, преимущественно съ римскимъ дворомъ и т. д. Кромѣ того составилъ онъ каталогъ и подробно описалъ главнѣйшія рукописи Патмосской библіотеки. По надписямъ, открытымъ въ Салоникѣ, можно, кажется, болѣе точнымъ образомъ опредѣлить хронологію Македоніи, а надписи Ларисскія содержать много любопытныхъ указаній на гражданское право, состояніе училищъ и т. п. Особенно же важны, въ ряду палеографическихъ открытій, схолія, относящіяся къ Иліадѣ. Увѣрять, что въ Патмосской библіотекѣ найдены совершенно неизвѣстныя доселѣ отрывки изъ Софокла и Менандра.

Результаты всѣхъ этихъ открытій будутъ вскорѣ обнародованы въ весьма обширномъ изданіи, предпринятомъ по инициативѣ министерства народнаго просвѣщенія: можно надѣяться, что оно сдѣлаетъ честь французской археологіи.

Извѣстно, что наша Академія Надписей давно уже приступила къ изданію „Историковъ крестовыхъ походовъ“, въ которое должны войти всѣ главнѣйшія лѣтописи, относящіяся къ этой эпохѣ. Но кромѣ того, не только во Франціи, но и повсюду въ Европѣ разсѣяно много документовъ меньшей важности, историческихъ и географическихъ, которые или еще не изданы, или составляютъ библиографическую рѣдкость: съ цѣлью собирать и печатать ихъ образовалось недавно въ Парижѣ особое общество (*Société de l'Orient latin*), между учредителями коего первое мѣсто занимаютъ гг. Этгеръ, Леопольдъ Далиль и де-Соси. Общество это состоитъ не болѣе какъ изъ сорока членовъ-учредителей (Французовъ и иностранцевъ) и членовъ соревнователей, число коихъ простирается до 850 (первые изъ нихъ вносятъ ежегодно по 50, а вторые — по 15 фр.). Общество намѣревается издавать по два обширныхъ тома въ годъ съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ (которые изготовляются, впрочемъ, только въ количествѣ 40 экземпляровъ) подъ заглавіемъ: „*Bibliothèque de l'Orient latin*“. Этотъ сборникъ раздѣляется на три части: 1) историческую; 2) географическую—куда войдутъ описанія путешествій на всѣхъ языкахъ, и 3) стихотворную, заключающую въ себѣ поэмы латинскія, французскія, вѣнецкія и т. д. Кромѣ того, существуетъ намѣреніе посвящать по два особыхъ тома картографіи, нумизматикѣ и эпиграфикѣ латинскаго востока. Въ свое время и сочту долгомъ

упомануть о первыхъ результатахъ, которыми ознаменуется дѣятельность этого новаго ученаго общества.

II.

Переходи къ обзору литературныхъ новостей, обращаю вниманіе ваше прежде всего на только что появившійся 3-й выпускъ словаря греческихъ и римскихъ древностей (*Grand dictionnaire des antiquités grecques et romaines*), издаваемого гг. Дарамбергомъ и Салио. Въ выпускѣ этомъ содержатся 221—480 страницъ I-го тома. Особенно интересны слѣдующія, помѣщенные въ немъ, статьи: *Apothéose* (съ весьма любопытными рисунками) г. Гастона Буассье, *Aqua*, *Aqueductus*, *Ara*, *Arbores sacrae*, *Arca*, *Architecte*, *Archontes*, *Arcopage*, *Argonautes*, *Arithmetica*, *Artifices*, *Arvales*, *As*. Рисунки исполнены превосходно и еще болѣе повышаютъ достоинство этого изданія, дѣлающее большую честь какъ трудолюбію французскихъ ученыхъ, такъ и предприимчивости книгопродавца Гашета. Еще недавно убѣряли меня, будто бы ежегодный торговый оборотъ этого книгопродавца простирается до 12.000.000 фр. и что всѣ вмѣстѣ лейпцигскія книжныя фирмы не могутъ съ нимъ соперничать въ этомъ отношеніи. Превосходятъ его размѣрами своей дѣятельности только два лондонскихъ торговыхъ дома.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи издалъ недавно четвертый томъ своей римской исторіи („*Histoire des Romains*“ par Victor Duruy), — продолженіе труда, которымъ онъ занимается около 15 лѣтъ. Первая часть его появилась еще въ 1840 году, но съ тѣхъ поръ авторъ нерѣдко отвлекаемъ былъ отъ своихъ занятій обязанностями государственной службы. Г. Дюрюи получилъ, въ теченіе этого времени, двѣ преміи, какъ отъ Академіи французской, такъ и отъ Академіи Написей. Въ книгѣ его не слѣдуетъ искать какихъ-либо новыхъ взглядовъ, оригинальныхъ изслѣдованій: это преимущественно весьма добросовѣстный сводъ того, что было сдѣлано другими, — сводъ дѣльный и умный, отличающійся изящнымъ изложеніемъ; если специалисты упрекнули бы г. Дюрюи, что онъ не пользовался надлежащимъ образомъ надписями и нумизматикою, то онъ можетъ отвѣчать, что прежде всего его цѣлью было сочинить книгу, доступную для массы образованной публики, а не для ограниченного только круга ученыхъ. Авторъ принадлежитъ къ школѣ Мишле; онъ умѣетъ налагать предметъ съ большимъ одушевленіемъ,

мастеръ рисовать блестящія картины и оттого произведенія его пользуются большою популярностью. Въ вышедшемъ нынѣ томѣ содержится политическая исторія римскихъ императоровъ отъ Тиверія до Марка-Аврелія,—что же касается до религій, учреждений и нравовъ, то онѣ отложены до слѣдующаго тома.

Между учебниками особеннаго вниманія заслуживаетъ „Новая французская грамматика“ г. Августа Браше (*Nouvelle Grammaire française*, par Auguste Brachet). Авторъ уже достаточно хорошо извѣстенъ публикѣ, ибо изданные имъ нѣсколько времени тому назадъ „Этимологическій словарь“ и „Историческая грамматика“ составили ему репутацію отличнаго филолога. Въ новой его книгѣ большую роль играетъ сравнительная филологія; онъ хочетъ, чтобы ученики усваивали себѣ грамматическія правила не одною только памятью, но и размышленіемъ. Извѣстно, что въ надѣлавшемъ такъ много шума циркулярѣ своемъ отъ 8-го октября 1872 года г. Ж. Симонъ выразилъ ту же самую мысль, которая показалась нашимъ педагогамъ до такой степени основательною, что они и теперь заботятся объ ея осуществленіи, между тѣмъ какъ всѣ остальные реформы г. Ж. Симона давно уже отиѣсны. Высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія назначилъ нѣсколько времени тому назадъ комиссію изъ гг. Дюпанлу, Эггера и Патена, и комиссія эта постановила, что „методъ преподаванія грамматики долженъ быть измѣненъ, что преподаватель обязанъ принимать во вниманіе изысканія сравнительной филологіи для объясненія ученикамъ правилъ, заучиваемыхъ ими наизусть“. Такъ какъ высшій совѣтъ, о которомъ мы упомянули сейчасъ, предписалъ ввести въ лицеяхъ курсъ французской литературы до XVII вѣка, то г. Браше издаетъ теперь два сборника: первый содержитъ въ себѣ избранные отрывки изъ писателей отъ IX до XV столѣтія (онъ уже вышелъ въ свѣтъ и всѣ его экземпляры были раскуплены съ необыкновенною быстротою), а второй, ожидаемый въ непродолжительномъ времени, будетъ посвященъ литературѣ XV и XVI вѣковъ.

Упомяну затѣмъ о трудѣ, находящемся въ связи съ названнымъ мною выше и принадлежащемъ г. Полю Альберу, преподавателю Парижской Нормальной школы и автору весьма добросовѣстныхъ изслѣдованій о старинной нашей литературѣ. Онъ издалъ теперь „Французскую литературу XVIII столѣтія“ (*La littérature française au XVIII siècle*, par Paul Albert). Это новое его сочиненіе отличается

весьма замѣчательными достоинствами, но можно указать въ немъ также и на недостатки, между которыми особенно поражаетъ крайняя рѣзкость тона: авторъ, занимающійся не столько разборомъ и оцѣнкою литературныхъ произведеній, сколько изображеніемъ общаго хода идей, слишкомъ преклоняется предъ писателями XVIII столѣтія, между тѣмъ какъ къ предшественникамъ ихъ отнеслся черезъ чуръ строго.

Въ одной изъ послѣднихъ моихъ корреспонденцій я указывалъ на замѣчательную монографію г. Гюреля: „Проповѣдники временъ Лудовика XIV“, но повидимому, авторъ не исчерпалъ свою тему, ибо недавно появилось новое о ней изслѣдованіе. Преподаватель одного изъ парижскихъ лицеевъ, г. Фѣжеръ, записавъ въ словесномъ факультетѣ диссертацию подъ заглавіемъ: „Бурдалу, его проповѣди и его время“ (Bourdalu, sa prédication et son temps). По силѣ своего ораторскаго таланта Бурдалу мало уступалъ Боссюету, а между тѣмъ далеко не пользовался такою же славою, хотя объясняется это отчасти посторонними причинами; Боссюетъ былъ епископомъ и наставникомъ королевскаго сына, онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ событіяхъ, происходившихъ при дворѣ Лудовика XIV, между тѣмъ какъ Бурдалу вполнѣ довольствовался скромною обстановкою монашескаго званія. Личность его не выдавалась впередъ, а между тѣмъ она заслуживаетъ внимательнаго изученія какъ съ точки зрѣнія рѣдкихъ способностей этого проповѣдника, такъ и съ точки нравственнаго состоянія французскаго общества въ XVII вѣкѣ. Во многихъ случаяхъ произведенія его служатъ отличнымъ комментариемъ къ мемуарамъ Сень-Симона и къ письмамъ г-жи Севинье. Два года тому назадъ Французская Академія назначила темою для соисканія преміи краснорѣчія похвальное слово Бурдалу и премія присуждена была г. Фѣжеру, который издалъ теперь свой трудъ, значительно дополнивъ его: книга эта написана имъ съ большимъ талантомъ.

Рѣдко считаю я нужнымъ говорить о переводахъ, но на этотъ разъ долженъ сдѣлать исключеніе въ пользу „Зоологической мифологіи“ г. Губернатиса. Переводъ этой любопытной книги сдѣланъ членомъ нашего Азіатскаго общества г. Рено, а введеніе къ ней написано Фредерикомъ Водри, который извѣстенъ многими замѣчательными трудами о мифологіи индѣйской.

Во всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уже начались обычные занятія. Въ школахъ восточныхъ языковъ введенъ теперь

часть CLXXVI, отд. 4.

курсъ русскаго языка, преподаваніе коего поручено г. Л. Лежеру. Въ школѣ высшихъ наукъ началъ свои лекціи новый профессоръ, г. Эрнестъ Дежарденъ, занявшій мѣсто г. Мореля, который принялъ кафедру въ Женевскомъ университетѣ: онъ излагаетъ своимъ слушателямъ въ нынѣшнемъ году политическія учрежденія древняго Рима.

Л. Л—ръ.

—

О Т Д Ъ Л Ъ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

(по Кирхманну.)

Въ предлагаемомъ очеркѣ погребальныхъ обрядовъ у древнихъ Римлянъ мы имѣли цѣль чисто *педагогическую*, а именно облегчить нѣсколько учениковъ при чтеніи латинскихъ авторовъ.

Какъ извѣстно, литература, особенно поэтическая, у каждого народа есть чистое и ясное зеркало его жизни съ религіей, нравами, обычаями и пр. Въ особенности древняя классическая поэзія есть рядъ картинъ и сценъ былой жизни. Часто въ отдѣльномъ стихѣ выражается или народное преданіе, или торжественный отголосокъ религіознаго гимна, либо живописный актъ изъ разнообразнаго и драматическаго ритуала древняго богослуженія. Творенія Гомера, Софокла, Аристофана, Вергилія, Горація, Овидія представляютъ богатую галерею картинъ изъ міеологіи, рядъ житейскихъ сценъ, обрядовъ и пр.

Очевидно, что разумное чтеніе такихъ авторовъ не мыслимо безъ знакомства съ жизнію классическихъ народовъ.

Такъ какъ человѣкъ проводитъ свою жизнь „при двойномъ свѣтѣ вѣнчальнаго и погребальнаго факеловъ — *inter faces nuptiales et funerales*“, — то и такихъ мѣстъ, гдѣ упоминаются *погребальные обряды Римлянъ*, разсѣяно у читаемыхъ въ гимназіи авторовъ весьма много ¹⁾.

По возможности полная картина римскихъ похоронъ, составленная на основаніи лучшихъ писателей, много поможетъ ученику.⁴ Здѣсь, въ этомъ очеркѣ, онъ найдетъ подробное объясненіе множества словъ, выраженій, пословицъ, относящихся къ траурной сторонѣ жизни, и которыхъ значеніе всегда будетъ темно или не полно безъ знакомства съ самыми обрядами.

¹⁾ Въ нашемъ очеркѣ они указываются.

Прекрасный трудъ, которымъ мы пользовались при составленіи нашего очерка, заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ познакомиться. Въ этомъ трудѣ (Iohanni Kirchmanni Lubecensis De funcribus Romanorum libri quatuor. Lubecae MDCXXV) собрано все, касающееся римскихъ погребальныхъ обрядовъ. Видно, что авторъ занимался этою стороною древней римской жизни съ особеннымъ увлеченіемъ. Позднѣйшіе изслѣдователи римскихъ древностей часто обращались къ труду Кирхманна, говоря объ этомъ предметѣ. Сочиненіе Кирхманна, написанное по-латинѣ, было издано 4 раза. Мы цитуемъ Любекское изданіе 1625 года, по экземпляру Императорской Академіи Наукъ.

I.

«Λίγω τοῖνον δαί καὶ παντὶ καὶ πανταχοῦ καλλίστον εἶναι ἀνδρὶ, πλουτοῦντί, ὀφθαλμοῖσι τιμωμένῳ ὑπὸ τῶν Ἑλλήνων, ἀφικόμενῳ εἰς γῆρας, τοὺς αὐτοῦ γονέας τελευτήσαντας καλῶς περιστεῖλαντι, ὑπὸ τῶν αὐτοῦ ἐχρόνων καλῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς ταφῆναι».

Plato in Hipp. Major¹⁾.

„Съ подобающею честию быть погребеннымъ“ (καλῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς ταφῆναι)²⁾ составляло одинъ изъ идеаловъ жизни древняго Грека, по ученію Платона. Такой высокій взглядъ на погребеніе имѣлъ основаніе свое въ религіи и философіи классическаго міра. Какъ греческая религія, такъ и философія твердо вѣрили въ загробную жизнь. Темный вопросъ о загробной жизни является до очевидности яснымъ въ классической міеологіи и въ ученіяхъ греческихъ философовъ. Съ особенною послѣдовательностію и полнымъ развитіемъ ученіе о судьбѣ отшедшихъ душъ Сократъ. Начиная съ минуты, когда душа разлучается съ тѣломъ, онъ подробно рисуетъ состояніе ея за предѣлами земнаго міра. Опредѣливъ топографію жилища умершихъ или ада, философъ указываетъ тѣ мытарства, чрезъ которыя проходитъ душа.

„При такомъ устройствѣ преисподней, умершіе приходятъ на мѣсто, куда каждаго ведетъ духъ (δαίμων) и прежде всего подвер-

¹⁾ «Я говорю, что всегда и вездѣ считается лучшимъ благомъ для каждаго мужа, когда онъ, при достаткѣ и здоровьѣ, почитаемый Эллинами, достигнетъ старости, прилично похоронить своихъ родителей, и самъ, въ свою очередь, чинно и благозвучно будетъ погребенъ собственными дѣтими». Plat. Opera изд. Stallb. vol. IV. Sect. I, стр. 229—230.

гаются суду, кто изъ нихъ жилъ хорошо и свято, и кто пѣтъ. Тѣ, жизнь коихъ оказывается посредственною, обитаютъ близъ Ахеропа; тамъ они очищаются и, вытерпѣвъ наказаніе за свои неправды, становятся свободными отъ проступковъ, а за сдѣланное добро по заслугамъ получаютъ награду.... Люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ, какъ отъ темницы, прибываютъ въ жилище чистое и обитаютъ надъ землею, вселяются въ жилища прекраснѣе земныхъ, въ такіа жилища, какія теперь изобразить не легко“ ¹⁾).

Подробное изображеніе состояніи душъ умершихъ находимъ у Платона также въ повѣствованіи (міеѣ) Эра, сына Арменіева. Этотъ Эръ палъ пѣкогда въ битвѣ; на десятый день, между тѣмъ какъ тѣла другихъ убитыхъ подверглись разрушенію, его тѣло найдено нисколько не поврежденнымъ, и отнесено въ домъ, гдѣ онъ жилъ прежде. Когда въ двѣнадцатый день собрались совершить надъ нимъ обрядъ погребенія, а тѣло его уже лежало на кострѣ, онъ вдругъ ожилъ и пересказалъ все видѣнное на томъ свѣтѣ. Смыслъ всего разказапаго Эромъ тотъ, что всякій за совершенное зло претерпѣваетъ на томъ свѣтѣ десятикратное наказаніе, которое возобновляется каждые сто лѣтъ, потому что таково наибольшее продолженіе человеческой земной жизни. Въ такихъ же размѣрахъ благочестивые и справедливые получаютъ достойныя награды ²⁾).

Наконецъ, погребальныя обряды, паглядно представляя въ своемъ разнообразіи вѣрованія и взгляды древнихъ Грековъ и Римлянъ, сдѣлались торжественнымъ ихъ исповѣдываніемъ вѣры въ жизнь за предѣлами гроба. „Изъ погребальныхъ церемоній“, говоритъ Сократъ, „я вывожу заключеніе о судьбѣ отшедшихъ душъ въ преисподнюю ³⁾“). При твердомъ и искреннемъ убѣжденіи въ существованіи замогильной жизни, погребальныя обряды получили святое значеніе для каждаго Грека и Римлянина. Отсюда проистекаетъ, съ одной стороны, полнота и разнообразіе похороннаго ритуала, а съ другой — особенная забота и стараніе соблюсти его чинно (χαλῶς), благолѣпно (μεγαλοπρεπῶς). Для живыхъ обязанности въ отношеніи къ умершимъ были заповѣдью боговъ, догматомъ вѣры, для умершихъ погребаль-

¹⁾ См. *Пропилеи* т. V, «Федонъ», разговоръ Платона, перев. Карпова, стр. 72—73.

²⁾ *Respub.* р. 614. *Пропилеи*, т. V, стр. 85. «О Платоновыхъ міеахъ», ст. проф. Карпова.

³⁾ См. «Федонъ», разговоръ Платона въ переводѣ проф. Карпова.

ные обряды приготавливали спокойное пребываніе за могилой, были необходимымъ условіемъ вѣчнаго упокоенія, единственнымъ, такъ сказать, мостомъ для перехода на тотъ свѣтъ....

Такимъ благоговѣніемъ къ послѣднему долгу проникнута душа каждаго Грека и Римлянина, что обязанности въ отношеніи къ умершимъ называются *всеобщимъ закономъ* (νόμος Πανανθρώπων), *назралою умершимъ* (τὸ γὰρ γέρας ἐστὶ θανάτου) ¹⁾, божественнымъ закономъ, не писаннымъ, но *несмыслимымъ, нерасложимымъ закономъ боговъ* (ἔγρακτα χάσφατ' ἢ θεῶν νόμιμα) ²⁾ *справедливымъ* — τὰ δίκαια, *justa*, для всѣхъ *обязательнымъ* — *debita* и *точно бывшимъ* (χοῦδαίς οἰδαν ἐξ ὅτου φάνη) ³⁾.

Антигона рѣшается лучше умереть, чѣмъ заслужить гнѣвъ боговъ, оставивъ брата Полиника безъ погребенія. Геніальнѣйшая изъ трагедій Софокла являетъ предъ нами во всей полнотѣ это, въ высшей степени благоговѣнное, отношеніе классическаго міра къ погребальнымъ обрядамъ. Замигательна сцена допроса, дѣлаемаго Креономъ Антигонѣ ⁴⁾:

Креонъ (Антигонѣ).

Ты знала и дерзнула
Законъ ⁵⁾ нарушить?

Антигона.

Не Зевесъ его
Мнѣ возвѣстилъ и не богиня правды,
Живущая съ подземными богами;
Не думала я видѣть столько силъ
Въ твоихъ уставахъ, чтобы, смертный, могъ
Ты ими понирать боговъ законы;
Не писаны, не зблемы они,
Явились не вчера или сегодня,
Но жили прежде и всегда: начало
Ихъ никому невѣдомо. За нихъ-то
Не захочу я дать отвѣтъ богамъ,

¹⁾ Odyss. XXIV.

²⁾ Antig. Traged. Sophocl. 450.

³⁾ Antig. 457.

⁴⁾ «Антигона», траг. Софокла, перев. Водовозова.

⁵⁾ Запрещающій похоронить Полиника эдиктъ Креона.

Страшась нарушить волю человѣка!
 Умру... я знала: какъ же быть иначе?
 Безъ твоего рѣшенья это было-бъ;
 А если преждевременно умру,
 То въ этомъ снова выгода моя.
 Тому, кто жизнь свою всегда влачилъ
 Подобно мнѣ, среди однихъ несчастій,
 Какъ можетъ смерть невыгодной казаться?
 Поэтому нисколько не прискорбна
 Мнѣ горькая судьба моя; но если-бъ
 Умершій братъ, единокровный мнѣ,
 Лежалъ безъ погребенья... да! Объ этомъ
 Скорбѣла-бъ я, не о моей судьбѣ!

Участь души не погребеннаго человѣка ужасна. Ей суждено сто лѣтъ скитаться около стѣнъ мрачнаго ада. „Не зарытымъ костямъ вѣтъ успокоенія“, вѣровали Греки и Римляне:

„Не суждено никому переплыть черезъ страшныя воды (Стисса)
 Прежде, чѣмъ кости его сокроются въ темной могилѣ.
 Сто лѣтъ блуждаютъ опѣ (тѣни) вокругъ береговъ тѣхъ скитаясь,
 Лишь тогда возвращаются снова на берегъ желанный“ ¹⁾.

Полинурь, утонувшій, умоляетъ Энея въ аду:

„Ахъ, умоляю тебя и солнечнымъ блескомъ, и милымъ
 Свѣтомъ небесъ, и отцемъ, и надеждою сына Юла,
 Непобѣдимый Эней, исторгни меня изъ пучины
 Гора и золь, или покрой мое бренное тѣло землей“ ²⁾.

Душа Патрокла просить Ахиллеса:

„О, погребѣ ты меня, да войду я въ обитель Аида!
 Души, тѣни умершихъ меня отъ воротъ его гонять,
 И къ тѣнямъ приобщиться къ себѣ за рѣку не пускаютъ;
 Тщетно скитаюсь я предъ широкооротнымъ Андомъ“ ³⁾.

Въ силу такой важности погребальнаго обряда для умершаго, каждый, при встрѣчѣ съ непогребеннымъ тѣломъ, обязанъ былъ предать его землѣ. Сущность обряда будетъ исполнена, если тѣло встрѣченное будетъ посыпано тремя горстями земли (*ter pulvere jacto*). Тому, кто не совершилъ, по чему-либо, этого краткаго обряда, грозить мщеніе боговъ, и не только ему, но и потомству его.

¹⁾ Энеид. кн. VI, переводъ Шершеневича, изд. 1868 г.

²⁾ Энеид. кн. VI, въ перев. Шершеневича, ср. кн. X.

³⁾ Илиада, перев. Гнедича, пѣснь XXIII, стих. 70.

„Ты, матросъ, будь добрымъ человѣкомъ“, говорить у Горация не погребенный трупъ мимо плывшему моряку, „не пожалѣй *сину чаю песку* (*vacas агенае*) для моей непогребенной головы и моихъ успокоенныхъ костей. Если ты совершишь обрядъ—какъ бы ни грозилъ тебѣ Эвръ гиперидскими волнами, какъ бы ни гнулись дѣла Вепузій—ты будешь невредимъ, и много барышей стечется къ тебѣ отовсюду по милости справедливаго Юпитера и Посидона, стража священнаго Тарента. Ужели ты позволишь себѣ по небрежности обмануть мои ожиданія и тѣмъ въ послѣдствіи навлечь вредъ на неповинныхъ дѣтей своихъ... Мои молебны будутъ отищены и тебя не разрѣшатъ отъ такого грѣха никакія очистительныя жертвы. Хотя ты и снѣдшишь (но за дѣломъ, о коемъ я прошу) — не велико промедленіе. Ты можешь тотчасъ же плыть, только брось на меня *три юрсти земли*“ (*non est longa mora, licebit injecto ter pulvere curras*¹⁾).

Любопытно въ этомъ случаѣ сопоставленіе вѣрованія древнихъ Римлянъ съ вѣрованіемъ нашего народа въ то возмездіе, которое ожидаетъ каждаго за неисполненіе надъ встрѣченнымъ трупомъ послѣдняго долга.

Послѣ сказаннаго понятно, почему между идеалами классическаго міра было и стремленіе удостоятся „велегѣннаго“ погребенія (*μεταλοκρατός ταφῆναι*), т. е. погребенія по обрядамъ, завѣщаннымъ стариной, обрядамъ, сложившимся вѣками, обрядамъ, въ которыхъ каждый прозрѣвалъ утѣшительную надежду, чаеніе новой жизни и разрѣшительный актъ для перехода въ страну, „откуда нѣтъ возврата“—страну вѣчнаго мира и покоя...

Далѣе, понятна и та осмысленность, которую мы видимъ въ погребальномъ ритуалѣ Грековъ и Римлянъ. Каждый обрядъ, даже маловажный, поситъ въ себѣ идею, мысль. Такъ какъ Грекамъ первымъ изъ этихъ двухъ народовъ принадлежала честь привести погребальные обряды въ стройный и послѣдовательный порядокъ, то на всемъ траурѣ лежитъ кромѣ того печать изящнаго. Цвѣты, вѣйки, кипарисы, факелы, музыка—необходимая принадлежность похоронъ въ древней Элладѣ...

Римляне, какъ преемники греческой цивилизаціи, у Грековъ же въ главныхъ чертахъ заимствовали и погребальные обряды. Но, оставаясь по существу одинаковыми, эти обряды въ Римѣ, особенно императорскомъ Римѣ, значительно дополнились: сдѣлались блестяще,

¹⁾ Horat. Lib. I. Od. XXVIII.

тищеславіе. Эти дополненія въ римскихъ погребальныхъ обрядахъ, сравнительно съ греческими, отчетливо рисуютъ разницу изящной Эллады отъ гордаго orbis terrarum.

II.

Съ древѣйшихъ временъ Римляне двоякимъ образомъ совершали погребеніе: *предавали землю и сжигали тѣла* (humatio et combustio), подражая Грекамъ, у коихъ преданіе землѣ (ταφή) и сжиганіе (καΐσις), какъ два вида погребенія, одновременно имѣли мѣсто ¹⁾.

Критонъ, одинъ изъ учениковъ Сократа, за минуту до принятія симъ послѣднимъ іда, спросилъ своего учителя: „какимъ образомъ похоронить тебѣ—ὡς ποτεν δέ σε τίνα τρόπον?“— „Какимъ вамъ угодно“, отиѣчалъ Сократъ. Потомъ, обратившись къ другимъ слушателямъ, и, указывая на Критона, Сократъ продолжалъ: „видя мое тѣло *сжигасмымъ или закапывасмымъ* (ὅρῳ μοῦ τό σῶμα ἢ καίμενον ἢ κατακρυπτόμενον), онъ устыдится своей скорби, потому что будетъ сожжено *одно тѣло* Сократа“ ²⁾.

Двоикий способъ погребенія оправдывался воззрѣніями греческой натуральной философіи. Одни изъ философовъ, какъ Гераклитъ, доказывали, что всѣ тѣла созданы изъ огни и должны разрѣшиться въ эту стихію; другіе (Θалесъ) все сотворенное производили изъ земли, въ которую опять и должно все возвратиться ³⁾.

Обычай *зарывать тѣла въ землю* (terra obducere, humare) и *сжигать* (cremare, comburere) одновременно существовалъ и у Римлянъ. Смотри по желанію самого умершаго или его родственниковъ, трупы однихъ предавались землѣ, другихъ—пламени. Такъ, въ домѣ Корнеліевъ до Суллы никто не былъ сожженъ. Сулла же пожелалъ быть сожженнымъ, такъ какъ послѣ смерти боялся подвергнуть свое тѣло такой же участи, какая постигла тѣло Маріи, надъ останками котораго Сулла наругался, приказавъ ихъ вырыть и развѣять (dissipari jussit) ⁴⁾.

Одновременное существованіе двоякаго способа погребенія у Римлянъ подтверждаетъ законъ XII таблицъ, гдѣ запрещено *хоронить* (sepelire) и *сжигать* (comburere) мертвыхъ. Все таки сжиганіе было самымъ обыкновеннымъ и распространеннымъ способомъ погребенія.

Обыкновенно не сжигались, а закапывались: во-1-хъ, тѣла дѣтей,

¹⁾ Иліад. пѣснь 1. Aeneid. XI.

²⁾ Федонъ, разговоръ Платона, пер. Карпова. См. Пропилеи кн. V, стр. 74.

³⁾ Kirchm. Lib. 1.

⁴⁾ Plin. Lib. VII cap. LIV.

которымъ не минуло 40 дней отъ рожденія, у которыхъ еще не прѣзаялся зубокъ (*priusquam genito dente*), такъ какъ въ сущности пѣчему горѣть и не долго разлагаться. Могила такихъ дѣтей называлась *suggrundarium*.

Во-2-хъ, считалось неприличнымъ сожигать тѣла убитыхъ молніей (*de coelo tacti, fulminati, fulgurati*). Религія Римлянъ считала таковыхъ неприкосновенными (*salvi*) и повелѣвала предавать землѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поразила ихъ стрѣла Громовержца ¹⁾.

Инымъ бы способомъ ни совершалось погребеніе, на языкѣ Римлянъ оно обозначалось однимъ общимъ словомъ *funis*, и ведетъ свое происхожденіе отъ (*funis, funale* — веревка, факелъ) факеловъ (*funalia*), при свѣтѣ коихъ встарину одинаково для всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, ночью скромно совершалась погребальная церемонія.

Впослѣдствіи, свойственнымъ людямъ суесть и тщеславіе одѣли самую печаль роскошною рязой, окружили блескомъ и великолѣпіемъ. И вотъ скромное, печальное шествіе ночью при свѣтѣ факеловъ превращается мало по малу въ блестящую *пожну* (*pompa funebris*), торжественно слѣдующую среди бѣлаго дня чрезъ форумъ по многояднымъ улицамъ Рима. О ней напередъ возвѣщаютъ герольды, ее сопровождаютъ громогласные звуки погребальной музыки, состоявшей изъ флейтъ, роговъ, трубъ, — цѣлые хоры голосящихся плакальщицъ, криляющихся мимовъ и проч.

Первоначальное *funis*, какъ названіе погребенія, стало прилично развѣ только бѣднымъ плебейскимъ похоронамъ, которыя и теперь (въ позднѣйшія времена республики и имперіи), какъ и во время оно, также молчаливо вечеромъ, по необходимости, а не ради роскоши, при тускломъ свѣтѣ факеловъ, число коихъ ограничивалось закономъ, по заднимъ улицамъ пробирались за городъ къ мѣсту сожженія.

Возрастъ, состояніе, общественное положеніе и, наконецъ, послѣдняя воля умершаго обуславливали собою характеръ и многія подробности погребального обряда. Различныя подробности погребального церемоніала строго опредѣлялись римскимъ законодательствомъ.

Такимъ образомъ явились похороны съ *олащеніемъ* (*funus indicivum*), *немалая* (*iacitum*), *публичная* (*publicum*), *триумфаторскія* (*triumphale*), погребеніе *высшихъ сановниковъ* (*ensorium, consularium, praetorium*), *плебейское* (*plebejum*), *рядовое, обыкновенное* (*commune*), *запросто, безъ затѣй* (*simpludiarium, translaticium*), погребеніе *несо-*

¹⁾ Plin. Lib. II. Cap. LIV.

вершеннолетнихъ, младенцевъ (*funus acerbum, immaturum*). Были даже похороны *мнимыя*, похороны *масокъ* (*funus larvatum*), похороны однихъ *изображений* или *портретовъ* (*imaginarium funus*) ¹⁾.

Все это разнообразіе похоронъ можетъ быть раздѣлено на двѣ главныя категоріи: похороны *маснымъ* (*funus indictivum*) для патриціевъ и похороны *безъ омащенія* (*funus tacitum*—иначе *plebejum*) для плебеевъ.

Нашъ очеркъ будетъ посвященъ, главнымъ образомъ, описанію погребальныхъ обрядовъ при *масныхъ похоронахъ*.

III.

Погребальные обряды слѣдовали въ такомъ порядкѣ: 1) обряды до выноса тѣла, 2) при выносѣ и погребальномъ шествіи, 3) во время сожженія и 4) послѣ сожженія.

Современныя выраженія: „принять послѣдній вздохъ“, „закрыть глаза“—есть живой отголосокъ нравовъ и обычаевъ классической старины.

Обязанность цѣлованіемъ „принять въ себя послѣдній вздохъ умирающаго (*excipere extremum halitum, ore legere halitum extremum*), а вмѣстѣ съ дыханіемъ перенимать, ловить какъ бы самую душу умирающаго ²⁾, равно какъ закрывать глаза (*καθαίρειν, συγχεῖν τοὺς οφθαλμοὺς ἢ βλέφαρα*==*condere, firmare, operire, comprimere oculos aut lutina* ³⁾)—исполняли ближайшіе родственники умершаго. Этотъ обыкновенный актъ любви къ покойному у Грековъ и Римлянъ получилъ санкцію обряда и вошелъ, какъ таковой, въ погребальный ритуалъ.

„Закрывать глаза тотчасъ послѣ смерти и вновь открывать ихъ на кострѣ было священнымъ обрядомъ Квиритовъ“, говоритъ Плиній ⁴⁾, „обычай сложившійся потому, что неприлично людямъ смотрѣть въ потухшіе глаза, и тѣмъ болѣе неприлично не открыть ихъ для неба (*et coelo non ostendi nefas*)“. Вѣроятно, первоначальною

¹⁾ Kirchm. de funer. Rom. lib. I, Cap. IV, p. 23.

²⁾ Aeneid. IV. Объ нѣющихъ скоро умереть обыкновенно говорили: *animam in primo ore vel labris tenere*, то-есть, душа едва держится во рту.

³⁾ Aeneid. IX, 487. Ovid. Trist. III, 3, 43.

⁴⁾ Plin. XI, 37. Римляне очень хлопотали о туалетѣ своихъ покойниковъ. Светоній разсказываетъ, что Августъ за нѣсколько минутъ предъ смертью попросилъ зеркало и приказалъ себя умытъ и причесать себя волосъ. Svet. XIC. Kirchm. Lib. 1. C. V.

причиною обычая закрывать глаза было то же, что и теперь, то-есть, желаніе придать благообразный видъ лицу покойника, такъ какъ открытые безжизненные глаза внушаютъ чувство страха и невольнаго отвращенія. Ближайшіе родственники, дабы убѣдиться въ подлинности смерти, или чтобы пробудить чувства, которыя можетъ быть только замерли ¹⁾, тотчасъ послѣ закрытія глазъ и послѣдняго цѣлованія, начинали громко произносить имя покойнаго (conclamatio) и со словами: „прощай, прощай—have, vale“ поднимались общее рыданіе и вопли.

Вотъ почему латинское выраженіе: *conclamatum est* (окликали) значить: нѣтъ болѣе надежды, все напрасно, скончался!

Вслѣдъ за окликаніемъ, снаружи дома, у входа, выставлялись *пихты* и *кипарисы*, знакъ, что въ домѣ покойникъ. „Пихта, дикое дерево, любить разсѣлины горъ и стужу (*amat montes atque frigora*)“, говоритъ Плиній, „кипарисъ же посвященъ Плутону, адскому богу; вотъ почему они служатъ эмблемами траура (*funebre indicium*) и составляютъ принадлежность погребальныхъ церемоній“ ²⁾. Къ тому же траурныя деревья служили предостереженіемъ особенно для жрецовъ, которыхъ оскверняло посѣщеніе дома, гдѣ былъ покойникъ ³⁾.

Любопытны основанія, по которымъ Римляне сосну и кипарисъ считаютъ деревьями печали и потребляютъ какъ знаки траура. О кипарисѣ существуетъ нѣсколько грустныхъ преданій. По одному изъ нихъ, кипарисъ впервые выросъ на могилѣ Кипариссы (Сурагиссы), дочери Борея; по другому—нѣсколько кипарисныхъ деревьевъ выросло по волѣ Теллюры, какъ надгробный памятникъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Киприссы, дочери Этеокла, во время священной пляски (*tripudium*) упали въ колодезь и погибли. По третьему, Кипарисъ былъ сынъ Телефа, любимый Аполлономъ, превращенный въ дерево за то, что неутѣшно оплакивалъ убитаго имъ любимаго оленя ⁴⁾.

Пихта (*arbor Diti sacra*) Плутону посвящена какъ дерево печали потому, во первыхъ, что любить горы, слѣдовательно, расти въ нѣкоторомъ образѣ во владѣніяхъ подземнаго бога; во вторыхъ, потому, что, по словамъ Феста, „однажды срубленная не отражается

¹⁾ Kirchm. (de funerib. XIII. cap. p. 103, lib. 1) приводитъ изъ разныхъ писателей нѣсколько случаевъ замиранія.

²⁾ Plin. Lib. XVI. Cap. X, XXXIII.

³⁾ Kirchm. de funerib. Lib. 1, p. 110.

⁴⁾ Ibid. Cap. XIII, p. 110—111. Lib. 1.

(*ex cisa nihil renascitur*) и совершенно пропадаетъ. Такъ и отъ мерт-
ваго нечего уже ждать (*ex mortuo nihil sperandum est*)¹⁾.

Ельникъ—знакъ печали и въ наши дни. Отчаянію языческаго
міра христіанство противопоставило вѣру и надежду на воскресеніе.
Сосна и ель одиѣ круглый годъ не теряютъ своихъ зеленыхъ хвой
и, устлая собою путь похоронной процессіи, знаменуютъ чаяніе вѣч-
ной, неуывающей жизни за гробомъ.

IV.

Дальнѣйшія заботы о приготовленіи покойника къ погребенію по-
ручались въ Римѣ лицамъ, спеціальностію коихъ были похороны. Эти
похоронные служители или хоронильщики (*νακροθάπται*) носили общее
имя *либитинаріевъ* (*libitinarii*). Институтъ либитинаріевъ ведетъ свое
начало отъ Сервія Туллія. Этотъ царь статистиковъ для веденія пра-
вильнаго счета числу рождающихся и умирающихъ постановилъ, чтобы
родители за каждаго поворожденнаго вносили нѣкоторую сумму въ
храмъ Юноны Люцины (*Junonis Lucinae*), а за умершаго родствен-
ники его—въ храмъ Венеры Либитины (*Veneris Libitinae*). Въ этихъ
храмахъ велись вписи, куда и вписывались всѣ рождающіеся и уми-
рающіе. Впослѣдствіи при храмѣ Либитины образовалось хранилище
(складъ, депо) всѣхъ погребальныхъ принадлежностей (*τὰ πρὸς τὰς
ταφάς*). Здѣсь продавались или отдавались на прокатъ носилки, бла-
говонныя масла для намащенія, курительныя пещества, дрова для
костровъ и пр. Здѣсь же жили и похоронные служители: смывальщики
(*lotores*), памятатели (*pollinctores*), факельщики (*lictiores*), носильщики
(*lecticarii*), мими (*ludiones, scurrae*), плакальщицы, причитальщицы
(*praeficae, laeniae*) съ распорядителемъ похоронной церемоніи или це-
ремоніймейстеромъ (*designator*) во главѣ.

Вотъ почему слово „*libitina*“ на языкѣ Римлянъ означаетъ и
собственно похоронныхъ служителей, и погребальный одръ (*lectulus*),
и погребальныя принадлежности (*funeralia*), и обязанность въ отно-
шеніи къ умершимъ (*defunctis justa*), и судьбу и богиню смерти, и по-
хороны, и самую смерть²⁾.

¹⁾ Kirchm. de funor. Lib. 1, c. XIII.

²⁾ Multaque pars mei vitabit libitinam. Hor., Lib. III. Od. XXX. Lib. II.
Epist. 1. Phaedr. Lib. IV. Fab. LXXVII.

V.

«Наконецъ-то покойничекъ (beatulus),
Положенный на высокомъ одрѣ,
Густо намазанный нибирекъ,
Къ двери протягиваетъ окоченѣлыя пятки
И смотрѣть вонъ». Церерѣ ¹⁾.

Затѣмъ тѣло поступало въ распоряженіе либитинаріевъ... Надобно сказать, что Римляне слишкомъ заботились о туалетѣ своихъ мертвецовъ. Женщины даже румянили ²⁾. „Великолѣпно выражаютъ и одѣваютъ, точно боятся, чтобы мертвые дорогой не озябли и въ неприличномъ видѣ не явились предъ Церберомъ“, говоритъ Люціанъ ³⁾. „Августъ“, говоритъ Светоній, „въ день смерти потребовалъ зеркало, приказалъ причесать волосы, привести въ порядокъ впавшія щеки (malas labantes corrigi praesepit)“ ⁴⁾.

Неудивительно послѣ этого, что всѣ перечисленные должности либитинаріевъ—всѣ эти unctores, pollinctores, lotores нѣли не мало работы около покойника.

Омытый, намащенный, надушенный, часто нарумяненный трупъ одѣвался въ лучшую одежду. Общая одежда мертвыхъ Римлянъ была бѣлая тога ⁵⁾; чиновники (magistratus) хоронились въ тогахъ, соответствующихъ должности (toga praetexta, purpurea). Траурная же тога была темнаго цвѣта (pulla toga).

Греки на своихъ покойниковъ возлагали вѣнки (εἰσθασι στέφανοις νεκροῖς). Этотъ обычай соблюдался и у Римлянъ. Они тоже увѣнчивали своихъ умершихъ оливковыми вѣнками (oleastro). Тѣ изъ покойниковъ, которые при жизни стяжали себѣ почетные вѣнки, какъ награду на играхъ, или какъ побѣдители враговъ, хоронились въ этихъ вѣнкахъ, иногда золотыхъ ⁶⁾, „Для напоминанія предстоящимъ, что жизнь человѣческая коротка и „яко цвѣтъ сальный, тако отцвѣтеть (quae spectatissime floreat, celerissime marcescere)“, говоритъ Плиній, осыпали покойника и ложе его цвѣтами ⁷⁾.

¹⁾ Satir. III. «Tandemque beatulus alto

Compositus lecto, crassisque lutatus amomis
In portas rigidos calces extendit». Sat. III.

²⁾ Діонъ въ жизни Нерона,—Kirch. 149 стр.

³⁾ Lucian. «de luctu».

⁴⁾ Sveton. vita August.

⁵⁾ Juven. Sat. III.

⁶⁾ Cic. II, de legib. См. Kirch. de funer. lib. 1. Cap. XI.

⁷⁾ ἀντίστον βολή—у Грековъ.

Смариженіе (compositio, compositio) покойника, то-есть, омовеніе, намащеніе, одѣваніе и проч., обыкновенно совершалось во внутреннихъ комнатахъ. Затѣмъ, приготовленное къ погребенію тѣло помѣщалось (collocabatur, *πρόθεσις*, collocatio) въ приемной или передней (vestibulum) на парадномъ богатомъ ложѣ (lectus) или одрѣ, верѣдько изъ слоновой кости, устланномъ дорогимъ парчевымъ или пурпуровымъ покрываломъ. Тѣло обыкновенно лежало ногами къ выходу, такъ какъ „по закону природы человѣку свойственно рождаться головой впередъ, а выносить его наоборотъ, то-есть, впередъ ногами“ ¹⁾. Около одра стояли благовонныя курильницы (aga-асегга) и рабы съ опахалами для отгонянія мухъ (abigatores).

VI.

Тѣло оставалось въ домѣ семь дней. На восьмой день обыкновенно былъ *выносъ* (elatio, *ἐκφορά*); въ этотъ же день трупъ сжигался, на донятій его хоронили. *Выносъ тѣла* ²⁾ у Римлянъ совершался со всею торжественностью.

Наканунъ выноса обыкновенно развѣзжали особые глашатаи, герольды (praesones) по главнымъ улицамъ города и возвѣщали о печальномъ событіи ³⁾ въ такихъ выраженіяхъ: „Ollus Quiris letho datus est. Exequias ire cui commodum est, jam tempus est. Ollus ex aedibus effertur“, то-есть: такой-то гражданинъ скончался. Время уже идти, кому угодно на выносъ. Такого-то выносить“ ⁴⁾.

Древній Римъ былъ строго религіозное государство (religiosa civitas). Тогда считалось непристойнымъ выносить покойниковъ среди бѣлаго дня, потому что животворящее солнце оскорблялось картиной мертвѣго тѣла. Точно также считалось предосудительнымъ для жрецовъ и высшихъ сановниковъ (которые тогда почитались лицами священными) встрѣчаться съ покойникомъ. Вотъ почему въ древнія времена Римскаго государства даже царей хоронили въ ночное время. Напримѣръ, Сервій Туллій, по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго, вынесенъ былъ ночью ⁵⁾. Римъ позднѣйшаго времени измѣ-

¹⁾ Ritu naturae capite hominem gigni mos est, pedibus efferri. *Phil.* Lib. VII, Cap. VIII.

²⁾ «Elatio, efferre, exportare, funus ducere, exequias ducere, pompa funebris).

³⁾ Indicabant,—отсюда *indictivum funus*, въ противоположность *tacitum funus*.

⁴⁾ Kirchm. de funerib. Lib. 1.

⁵⁾ Что самое погребеніе получило названіе отъ употреблявшихся при выносі оакеловъ (funus, funalia), объ этомъ мы говорили выше.

нилъ этотъ скромный обычай. Предоставивъ бѣднякамъ выносить своихъ мертвецовъ *молчаливо, во мракъ ночи*, гордые римскіе вельможи истощали всю изобрѣтательность, чтобы придать своимъ похоронамъ всевозможный блескъ и торжественность.

Обыкновенно на богатыхъ похоронахъ выносъ происходилъ въ разгаръ городского движенія, когда площади и улицы Рима были полны народа.

Погребальная роскошь позднѣйшаго времени до такой степени была велика, что сочли нужнымъ издать особый законъ, которымъ ограничивалась излишняя пышность ¹⁾.

Распорядителемъ погребальной процессіи былъ особый церемоніймейстеръ (*designator*) ²⁾ съ своими черными листорами и подручнымъ (*ассensus*). Во главѣ шествія помѣщалась музыка вокальная и инструментальная. Съ одной стороны флейтчики, трубачи, рогачи (*согнисен*), съ другой — плакальщицы, подъ предводительствомъ своей главной *заводчицы* (*праефика*), составляли одинъ ужасный хоръ, въ которомъ рѣзкіе звуки роговъ и трубъ сливались съ пронзительными воплями, стенапіями и причитапіями (*паенія* или *mortuaria*) въ раздирающій душу погребальный маршъ.

Впрочемъ, похоронная музыка у Римлянъ совершенно удовлетворяла своей цѣли, которая состояла между прочимъ и въ томъ, чтобы уничтожить сильными звуками привидѣнія, прогнать нечистую силу и всякое дьявольское навожденіе ³⁾.

Сколько рѣзки и отвратительны были звуки похоронной музыки инструментальной, столько же дики и бессмысленны причитапія (*паеніе*) плакальщицъ. Эти причитапія вошли у Римлянъ въ пословицу для выраженія самаго непріятнаго впечатлѣнія или обозначенія пустяковъ, вздора, вещей ничтожныхъ. О рѣчи неискускаго оратора, грубого стиха бездарнаго поэта, вздорномъ утѣшаніи ложнаго философа, обыкновенно говорили: „это сборникъ заукойныхъ причитапій“, „точь въ точь причитапія плакальщицъ“ ⁴⁾. Содержаніемъ причитапій обыкновенно были похвалы покойнику.

Праефика — передовыя плакальщицы (заводчицы) дирижировали похороннымъ плачемъ и давали тактъ остальнымъ плакальщицамъ

¹⁾ Cic. Phil. IX, 7. См. Pauly. T. III, стр. 544.

²⁾ Horat. Ep. 1, 7, 6.

³⁾ Avertere spectra et daemonum ludibria. Kirchm. de funer. lib. II, p. 143.

⁴⁾ «Mortuaria glossaria, tanquam mulierum voces praeificarum». Agell. lib. XVIII Cap. VII. Kirchm. de funer. lib. II. Cap. VI. pag. 153.

мѣрными ударами въ грудь (*quæ dant sæteris modum plangendi*). Нерѣдко картина надгробнаго рыданія (*planctus*) превращалась въ безобразное зрѣлище. Плакальщицы въ своемъ наемномъ усердіи, а за ними и другія женщины, участвовавшія въ погребальной процессіи, нерѣдко преступали границы всякаго приличія, слишкомъ утрируя свои плачевныя обязанности: онѣ неистовствовали, голосили, выли, били себя въ грудь, рвали волосы, пачкали лице грязью, и раздирали до крови щеки. Такъ, Анна въ Энеидѣ, оплакивая смерть сестры Дидоны, разцарапываетъ лице и грудь ногтями¹⁾. Законъ XII таблицъ запрещаетъ женщинамъ царапать щеки — „да не царапаютъ женщины себѣ щекъ“²⁾, а Цицеронъ подобный способъ выраженія скорби называетъ „отвратительнымъ“³⁾.

За толпой музыкантовъ и плакальщицъ слѣдовали *мимы* (актеры), *комедіанты* (*histriones*), *шуты*, *скоморохи* (*scurræ*). Эта странная труппа съ архимимомъ во главѣ должна была представить въ похоронной процессіи, по возможности близко къ оригиналу, лице самого покойника и его близкихъ и дальнихъ умершихъ родственниковъ.

Въ сущности невинное желаніе родныхъ и знакомыхъ оживить, такъ сказать, въ своемъ воображеніи дорогую личность покойника, мало по малу превратилось въ особый родъ траурнаго спектакля, въ которомъ дѣйствующими лицами были покойникъ съ своими умершими предками и сродниками. Комедіантамъ раздавались роли: каждый изъ нихъ, изображая лице извѣстнаго родственника покойника, надѣвалъ его восковую маску (*persona - imago*) и подходящій костюмъ. Первую роль, т. е. лице самого покойника, игралъ архимимъ. Въ маскѣ и костюмѣ умершаго, онъ различными кривляньями старался воссоздать для публики личность погребасемаго. Такъ „Фаворъ архимимъ шелъ впереди носилокъ Веспасіана въ его маскѣ, подражая, по обычаю, дѣламъ и словамъ этого мужа“⁴⁾.

Извѣстно, что знатныя фамиліи (*nobiles gentes*) въ Римѣ имѣли право хранить въ своемъ домѣ изображенія предковъ (*jus imaginum*). Въ знатныхъ, родовитыхъ домахъ (напр. Корнеліевъ, Сципіоновъ) такихъ восковыхъ изображеній или портретовъ (*effigies majorum, stem-*

¹⁾ Lib. IV. Aeneid.

²⁾ „Mulieres genas ne radunto“.

³⁾ „Detestabilia genera lugendi“.—Cic. III. Tuscul.

⁴⁾ „Favor archimimus personam Vespasiani ferens imitansque, ut est mos, facta et dicta viri“. Sveton. Vespas. 19.

та) скоплялось большое количество. Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ такой родовой семьи, всѣ эти восковые предки считали обязанностью участвовать въ погребальнѣй процессіи, и провожали умершаго до костра, какъ бы указывая новому жителю преисподней знакомую дорогу въ подземное царство Плутона. Помѣщенные на высокихъ шестахъ (*celsa feretra*) они окружали со всѣхъ сторонъ, какъ свита, тѣло покойника. Иногда число восковыхъ изображеній доходило до нѣсколькихъ сотъ. „Шествіемъ изображеній“ (*processu imaginum*) предковъ, по словамъ Тацита ¹⁾, особенно замѣчательны были похороны Друза. Здѣсь присутствовали портреты всѣхъ царей, императоровъ и знаменитыхъ людей, начиная съ Энея и Ромула.

На похоронахъ полководцевъ, императоровъ, впереди покойника несли на особыхъ доскахъ изображенія завоеванныхъ городовъ, покоренныхъ народовъ, перечень побѣжденныхъ непріятелей, побѣдные трофеи, названія изданныхъ законовъ (*tituli*). При погребеніи государственныхъ сановниковъ (*summi magistratus*) носилкамъ предшествовали знамена (*insignia*) ихъ достоинствъ: связки ликторовъ (*fascēs*), сѣкеры, щиты и другое оружіе въ обратномъ видѣ (*agta versa*): копы остриемъ внизъ, а щиты обратными сторонами. Того требовалъ траурный этикетъ (*mos lugentium*) ²⁾.

Затѣмъ слѣдовало самое тѣло. Его несли на погребальномъ ложѣ (*lectica, togus, ἡ κλίνη*), нѣрѣдко изъ слоновой кости, отдѣланномъ золотомъ, выстланномъ пурпуровою или парчевою матеріею, на носилкахъ (*feretrum*) ³⁾.

Честь нести богатыхъ покойниковъ принадлежала вольноотпущенникамъ ⁴⁾ и наслѣдникамъ:

„Густо намащенный трупъ

На обнаженныхъ плечахъ несть наслѣдникъ“ ⁵⁾.

Высшихъ государственныхъ сановниковъ, императоровъ обыкновенно должны были нести сенаторы, всадники и другіе чины ⁶⁾.

¹⁾ Tacit. Annal. lib. IV.

²⁾ Kirchm. Lib. II. p. 166.

³⁾ Becker-Gallus. Pauly III. 545. *Feretrum* — отъ *fero*. На обыкновенныхъ похоронахъ (*tacitum funus*) несли одръ особые наемные носильщики изъ числа любительнаго вѣхровѣса (*νεκροφόρος, lecticarius, vandapila, vespillo* — отъ *vesper* — носильщикъ на ночныхъ похоронахъ) на одрѣ, называвшемся *vandapila* — λήκος — λήκη, ἐφ' οἷς τοὺς νεκροὺς κομμοῦσιν.

⁴⁾ Horat. Lib. II. Sat. V.

⁵⁾ Juven. Sat. III.

⁶⁾ Tacit. Annal. I.

Позади тѣла шли родственники, знакомые и всѣ присутствовавшіе на похоронахъ, въ траурной одеждѣ (*lugubria*) темнаго цвѣта (*toga pulla*). Цвѣтныя одежды, знаки власти (*insignia—toga praetexta, purpurea, lictores, fasces* и пр.) золотыя, серебряныя украшенія, даже кольца строго запрещались траурнымъ римскимъ этикетомъ, который предписывалъ во время погребальной процессіи надѣвать трауръ (*sumere, ponere, induere lugubria*) всѣмъ присутствующимъ, а ближайшимъ родственникамъ не снимать его (*exuere, deponere lugubria*) цѣлый годъ¹⁾.

Погребальное шествіе (*feralis pompa*) направлялось изъ дома покойнаго къ мѣсту погребенія или сожженія чрезъ форумъ. Здѣсь передъ рострами процессія останавливалась. *Lectica* съ тѣломъ ставилась на особое возвышеніе. Вокругъ ея, въ видѣ амфитеатра, размещивались на скамьяхъ мимы въ маскахъ, изображенія предковъ ставились въ восходящемъ хронологическомъ порядкѣ. Входилъ на кафедру (*rostra*) ораторъ и начиналъ надгробную рѣчь (*oratio funebris*). Въ силу пословицы: *de mortuis aut bene aut nihil*, эти надгробныя рѣчи изобиловали похвалами покойнику, его усопшимъ отцамъ, братьямъ и всему его роду. Видно, что ораторъ для ублаженія памяти самого покойника и его предковъ не скупился на похвалы и лѣстивыя выраженія, если римскіе писатели, каковы Ливій и Цицеронъ надгробныя рѣчи признають причиною лживости (подкрашенности, подурманиненности) вообще римской исторіи²⁾. „У насъ существуютъ, говоритъ Цицеронъ, похвальные рѣчи умершимъ. Эти похвалы хранились въ семействахъ, какъ памятники и украшеніе. Въ случаѣ смерти новаго члена дома ими пользовались другіе ораторы для прославленія знатности рода (*ad nobilitatem illustrandam*). Вслѣдствіе этихъ похвальныхъ рѣчей исторія наша стала лживѣе (*mendosior*), потому что въ этихъ фамиліальныхъ памятникахъ помѣщено много небывалыхъ событій, триумфовъ, консульствъ и другихъ небылицъ“³⁾.

Тоже говоритъ и Ливій: „память о нашихъ историческихъ событіяхъ, я полагаю, совершенно испорчена (*memoriam vitiatam*) этими надгробными похвалами, такъ какъ всякая фамилія имѣетъ привычку присвоивать себѣ славу совершенныхъ доблестныхъ подвиговъ, подъ вліяніемъ обманчивой и лживой лести“⁴⁾. По окончаніи надгробной

¹⁾ Kirchm. lib. II. Cap. VIII. Ovid. Metam. lib. VI.

²⁾ Laudibus funebribus fucata est historia, mendosior facta est.

³⁾ Cicer. in Bruto.

⁴⁾ „Ad se quaeque familia famam rerum gestarum fallente mendacio trahit.“ Liv. Lib. VIII.

рѣчи, процессія слѣдовала въ прежнемъ порядкѣ за городъ для сожженія и погребенія, такъ какъ еще законъ XII таблицъ гласилъ: *intra urbem hominem mortuum neque urito, neque verelito*, то-есть, не сжигать и не хоронить тѣла внутри города ¹⁾. Исключеніе было только для жрецовъ, весталокъ, триумфаторовъ и императоровъ ²⁾.

VII.

«Воздвигается на полѣ высокій костеръ изъ пихты и прикрытъ его со всѣхъ сторонъ плазучій кипарисъ» ³⁾.

Стаций.

Способъ сожиганія (*combustio*), какъ мы выше говорили, въ Римѣ былъ болѣе употребительною формою погребенія, нежели преданіе землѣ (*humatio*). Мѣстомъ сожженія богатыхъ служили ихъ собственныя загородныя виллы, помѣстья, поля, или откупленные съ этою цѣлью участки за городомъ, гдѣ устраивались фамиліные склепы, болѣею частію близъ большихъ дорогъ (см. ниже). Обыкновенно сжигались тѣла на кострѣ (*gogus*, *ruga*). Мѣсто, на которомъ горѣлъ костеръ, называлось *пепелище* (*ustrina*). Костеръ строился изъ пихты, сосны, какъ деревьевъ, посвященныхъ адскому богу, и другихъ смолистыхъ деревьевъ. Для костровъ употреблялись грубыя, нетѣсанныя бревна: „не выглаживайте костра скобелю (*gogum aescia ne polito*)“, гласилъ законъ XII таблицъ ⁴⁾.

Костры по своей конструкціи имѣли форму громаднаго жертвенника (*ingens ara*). Костеръ покрывали зеленью и кругомъ ставили кипарисы. Тѣло вмѣстѣ съ погребальнымъ одромъ поднималось на вершину костра. Тотчасъ ближніе родственники умершаго брали зажженные факелы (*fax funeralis*) и, „держа отвращенные взоры“ ⁵⁾, знакъ печальной необходимости, поджигали костеръ съ четырехъ угловъ.

Древніе Римляне, какъ и Греки, были убѣждены, что душа покойника тѣмъ угоднѣе богамъ, чѣмъ скорѣе сгорало его тѣло. Въ силу этого вѣрованія, костеръ строился изъ смолистыхъ, удобосгораемыхъ деревьевъ, которыя сверхъ того, обливались масломъ. Тот-

¹⁾ Cic. de legg. II. См. Kirch. lib. II. С. XX.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Stat. lib. IV.

⁴⁾ Cic. de legg. II. Plin. XXXV. 7.

⁵⁾ «*Aversi tenuere facem*». Aen. lib. VI. Перев. Шершневича.

часть, по зажженіи костра, всѣ предстоящіе обращались съ молитвою къ Эолу, чтобы онъ помогъ раздуть пламя. Особенно горяча была молитва, если костеръ горѣлъ тихо и медленно.

„Но костеръ между тѣмъ не горѣлъ подъ мертвымъ Патрокломъ. Ставъ отъ костра въ отдаленіи началъ молиться онъ (Ахиллъ) въ-трамъ,

Вѣтру Борею и Зефиру, жертвы для нихъ общая.
Часто кубкомъ златымъ возливалъ онъ вино и молилъ ихъ
Къ полю скорѣй принестися и, пламенемъ срубъ воспаливши,
Тѣло скорѣе сожечь... Воздвиглися вѣтры,
Съ шумомъ ужаснымъ несиася и тучи клубя предъ собою...
Всѣ на костеръ налегли и огонь загремѣлъ пожиратель.
Вѣтры всю ночь волновали высоко крутившееся пламя,
Шумно дыша на костеръ“... ¹⁾.

Печальные звуки трубъ и роговъ, завываніе плакальщицъ, вздохи и молитвы предстолннхъ мѣшались съ трескомъ пламени. Во все это время вблизи костра совершались возліаніи душамъ предковъ (*manibus*) и подземнымъ богамъ.

При похоропахъ императоровъ, полководцевъ, во время горѣнія костра происходилъ военный парадъ. Трижды слѣва на право вмѣсто справа налѣво (*orbe sinistro* вм. *orbe dextro* въ обыкновенныхъ военныхъ играхъ) отряды всадниковъ объѣзжали пылавшій костеръ съ гикомъ, похожимъ на стонъ ²⁾ (*ululatus*). Каждый изъ всадниковъ держалъ оружіе въ обратномъ видѣ ³⁾.

„И ратниковъ крики и трубныя звуки
Къ звѣдному своду несутся. Другіе же въ пламя бросаютъ
Съ павшихъ Латинявъ добычу: бросаютъ шоломовъ,
Много прекрасныхъ мечей и уздъ и колесъ быстролетныхъ“ ⁴⁾.

Въ горлиціи костеръ часто бросали любимыя вещи покойнаго: одежды, оружіе, лошадей, собакъ, а встарину — плѣнныхъ и рабовъ ⁵⁾. Сожигаемому дѣлались приношенія и дары. Такъ, Корнелія на костеръ Помпея бросила его одежду, вышитую ея руками (*pictam togam*), и обувь. При погребеніи Цезаря, многія матроны бросали на

¹⁾ Илиад. Пѣсм. XXIII, 195—215. Пер. Гвѣдича.

²⁾ Aeneid. lib. XI.

³⁾ «Обращенными копьями въ землю».

⁴⁾ Aeneid. кн. XI, пер. Шершеневича.

⁵⁾ См. Kirchm. lib. III.

костеръ свои золотыя запястья, одежды, медальоны (*bullae* — кольцо сердечкомъ, амулетъ) ¹⁾. Въ отдаленной древности римскія жены, — что и теперь дѣлается въ Индіи, — считали за честь сжигать себя за живо вмѣстѣ съ своими мужьями ²⁾. Цицеронъ упоминаетъ объ этомъ самосожиганіи: „въ Индіи жены, говоритъ онъ, когда умираетъ мужъ, начинаютъ споръ о томъ, которую изъ нихъ покойный больше любилъ. И та, которая одержитъ верхъ, торжествующая и радостная, въ сопровожденіи остальныхъ, идетъ за тѣломъ мужа и вмѣстѣ съ нимъ позлагается на костеръ: жены побѣжденныя съ грустью удаляются ³⁾“. Эту сцену прекрасно рисуетъ Проперцій:

„Когда послѣдній зажженный факелъ брошенъ подъ смертное ложе, благоговѣйная толпа женъ стоитъ съ распущенными волосами и ведетъ горячій споръ о томъ, которой изъ нихъ слѣдовало за своимъ супругомъ; было бы стыдомъ и поношеніемъ не имѣть преимущества умереть... И вотъ побѣдительницы уже пылаютъ на кострѣ, подставляя свою грудь пламени и обгорѣлыя уста прижимаютъ къ своимъ (пылающимъ) мужамъ ⁴⁾“.

Картину построения и горѣнія костра находимъ у Вергилія:

„Между тѣмъ Трояне у берега моря рыдали
Надъ Мизеновымъ тѣломъ, послѣдній долгъ отдавая
Праху его. Сначала огромный костеръ положили
Изъ дубовыхъ вѣтвей и смолистаго дерева сосны;
По сторонамъ костра положили темныя лозы;
И посадили кругомъ ряды кипарисовъ надгробныхъ,
И украсили все бровею покойнаго мужа.
А другіе — печальный обрядъ! — поднявъ на плеча носилки
И, по обычаю предковъ, держа отвращенные взоры,

¹⁾ Sueton. XXIV. См. Лекс. Кронеберга.

²⁾ Valer. Maxim. lib. IV. C. VI. Senec. lib. II. Declam. II. Tacit. lib. XIV. Annal.

³⁾ Cic. V. Tuscul.

⁴⁾ «Namque ubi mortifero jacta est fax ultima lecto,
Uxorum fuis stat pia turba comis,
Et certamen habent leti, quae viva sequatur
Conjugium, pudor est non licuisse mori.
Ardent victrices et flammæ pectora praebent
Imponuntque suis ora perusta viris».

Propert. lib. III. Eleg. 11.

Подъ изготовленный гѣсъ положили пылающій факелъ;
Жгутъ благовонныя жертвы, изъ чашъ возниваютъ елеи¹⁾.

VIII.

Костеръ наконецъ догоралъ. Тогда начинался обрядъ *собиранія костей* (ossilogium):

„А когда ужъ костеръ догорѣлъ и пламя потухло,
Льютъ на горячіе пеплы вино и, кости собравши,
Мужъ Кориней сложилъ и закупорилъ въ мѣдномъ сосудѣ.
Онъ же товарищей трижды обнесъ священной водою,
Врызгая мелкой росой изъ вѣтки счастливой оливы,
И очистилъ мужей, и сказалъ прощальное слово“²⁾.

Церемонію собиранія костей прекрасно рисуетъ Тибуллъ въ одной изъ своихъ элегій:

„Когда я превращусь въ тончайшую тѣнь и черная сажа покроетъ бѣлыя кости мои, къ моему костру подойдетъ печальная жена. У нея длинныя, распущенныя волосы въ беспорядкѣ и она заплачетъ...

„Но она придетъ въ сопровожденіи своей, тоже грустной, дорогой матушки. Эта потужитъ надъ зятемъ, а та поплачетъ надъ мужемъ... Вотъ онѣ прежде помолатся, совершать возніаніе тѣнямъ предковъ и мося душѣ, благоговѣнно вымоютъ свои руки... Потомъ, распоясавши траурную одежду (incinctae nigra veste), соберутъ остатки моего тѣла—бѣлыя кости. Сначала оросятъ ихъ годовалымъ елеемъ, затѣмъ обольютъ бѣлоснѣжнымъ молокомъ (niveo lacte). Послѣ того завернуть ихъ въ бѣлыя полотна просушить (carbasseis humorem tollere ventis) и сложать въ мраморной гробницѣ (marmorea domo—домовинѣ)³⁾. Тамъ надъ костями обильно прольются всѣ ароматы, что посылаетъ намъ востокъ, богатая Аравія и Ассирія; а съ ароматами сольются и слезы помнящихъ насъ очей (nostri memores lacrimae fundantur eodem). И уходя скажетъ: сладко и мирно покойся, и да будетъ земля легка надъ твоими костями! 4).

¹⁾ См. Энеид. пер. Шершеневича, кн. XI.

²⁾ Энеид. кн. VI. Пер. Шершеневича.

³⁾ Областное у насъ названіе «гробницы».

⁴⁾ „Et bene, discedens dicit, placideque quiescas
Terraque securae sit super ossa levis».

„Вотъ какъ и желалъ бы похороненнымъ быть, когда обращусь въ кости и пепелъ“ ¹⁾).

Такимъ образомъ кости и пепелъ, орошенные виномъ, ароматами и слезами собирались въ особыя урны (*urna—ossuaria—cineraria*) ²⁾, то-есть, сосуды для костей и пепла. Урны были небольшіе сосуды изъ золота, серебра, мѣди и глины. Иногда онѣ заранѣе приготавлились ³⁾. Кости императора Траяна, по свидѣтельству Светонія, были собраны въ золотую урну и похоронены въ городѣ въ особомъ мавзолеѣ. Поэтъ Проперцій назначаетъ своимъ костямъ покониться въ глиняной урнѣ. „Когда огонь испепелитъ меня, говоритъ онъ, мои останки (*meos manes*) приметь *милый юршичекъ*“ (*parvula testa*) ⁴⁾.

Урны ставились въ склепы или гробницы (*sepulchrum*) ⁵⁾, гдѣ были особыя для того ниши (*loculi*).

Во все время собиранія и убиранія костей (*sepultura*) гробница продолжала плакать, стонать подъ звуки флейты,—предстоящіе вторили ея воплямъ и рыданіямъ. Когда, наконецъ, устанавливались урны въ гробницахъ,—присутствовавшіе окроплялись очистительною водою и наконецъ гробница произносила отпускъ: „*ilicet — ire licet* — позволяется уходить“. Тогда всѣ расходились при троекратномъ восклицаніи: „прости на вѣкъ (*salve, vale aeternum*), да будетъ надъ тобою земля легка (*sit tibi terra levis!*)“ ⁶⁾.

IX.

Гробницы или склепы, какъ и въ наше время, были различны и по своей величинѣ, и по богатству, и по виду. Слѣдуетъ замѣтить, что могильные памятники у Римлянъ вообще отличались роскошью, особенно фамиліные склепы (*sepulcra familiaria, haereditaria, gentilia*) и мавзолеи ⁷⁾. Они обыкновенно выкапывались довольно глубоко въ землѣ сводами, выстилались камнемъ, имѣли двери. Въ стѣнахъ

¹⁾ Tibull. lib. III. Eleg. II.

²⁾ *Urna—urnae* горѣть, *ossuaria* — os, — *cineraria* — cinis. См. Kirchm. lib. III. C. VIII p. 366.

³⁾ См. Kirchm. lib. III, cap. VIII.

⁴⁾ Propert. lib. II. Eleg. XII.

⁵⁾ Иначе—*усыпальницы* (*requietorium*), *памятники* (то мѣсто, *monumentum*), *лѣтній домъ*, последнее жилище (*sedes, domus, thesaurus, stabula cadaverum—tumulus—sarcophagus*) склепы, мавзолеи (некропольная, царская гробница).

⁶⁾ Tibull. lib. III. Eleg. II. Propert. lib. I. Eleg. XVII.

⁷⁾ Напримѣръ, мавзолей Адріана въ Римѣ, теперь крѣпость св. Ангела.

были пиши или углубленія (loculi, capuli, arca, solia) для урнъ. „Здѣсь-то, по выраженію Апулея, поселялись на житѣ испепеленные и обратившіеся въ прахъ мертвецы“ (quis inhabitabant pulverei et jam cinerosi mortui)¹⁾. Склепы строились большею частію изъ мрамора, ограждались рѣшетками (serpimentis), иногда обсаживались деревьями, большею частію кипарисами. Наружныя стѣны гробницъ и саркофаговъ весьма часто, почти всегда, украшались скульптурными изображеніями (simulacris) иногда цѣлыхъ сценъ: воинскихъ игръ, сраженій, охоты, жертвоприношеній, эпизодами изъ походовъ Геракла, адскихъ боговъ и пр. Самая распространенная тема для надгробныхъ украшеній была похищеніе Прозерпины Плутономъ²⁾. На одной изъ мраморныхъ плитъ, составлявшихъ переднія стороны римскаго саркофага, которыя находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображенъ Плутонъ, сопровождаемый маленькимъ богомъ любви и увлекающій Персефону (Прозерпину) въ подземное царство. За Плутовою колесницей видны три нимфы, въ сопровожденіи которыхъ Прозерпина играла на лугу, когда ее вдругъ похитилъ страшный властитель преисподней. Минерва, принимавшая участіе въ игрѣ дѣвъ, также находится здѣсь. Одна она имѣетъ смѣлость воспротивиться могучему богу и спѣшитъ за нимъ, чтобы вырвать добычу. Мать Персефоны, Деметра (Церера) уже замѣтила отсутствіе дочери. На другомъ концѣ изображенія бѣжитъ она по горамъ и доламъ на колесницѣ, везомой двумя большими змѣями, съ горящими факелами въ рукахъ и ищетъ свою любимую дочь³⁾.

Искусство, желая оживить надежду на безсмертіе и вмѣстѣ доставить утѣшеніе родственникамъ умершаго, выбирало для саркофаговъ мнѳологическія изображенія, заключавшія въ себѣ указанія на возвратъ изъ преисподней или вообще на счастливую жизнь по смерти. Ни одинъ сюжетъ не былъ такъ приличенъ для этого, какъ похищеніе Прозерпины, этой цвѣтущей дѣвы, увлеченной Плутономъ отъ любящей матери въ царство смерти, но потомъ, по просьбамъ Деметры, получившей отъ Зевеса право проводить жизнь свою — полгода въ нижнемъ и полгода въ верхнемъ мірѣ, такъ что она равно принадлежала и царству смерти и царству жизни.

¹⁾ Apul. lib. IV. Met.

²⁾ См. статью академика Стосеана въ V томѣ *Прописей*: «Путеводитель по античному отдѣленію Эрмитажа».

³⁾ «Прописей», т. V.

Въ Эримитажѣ есть, кромѣ другихъ многихъ, надгробный камень, замѣчательный по своей надписи. Онъ былъ назначенъ сохранить память о четырнадцатилѣтнемъ мальчикѣ Трифонѣ, который изображенъ на немъ вѣстѣ съ любимой собакой. Надпись гласитъ:

„Ты спрашиваешь, о путникъ,
Что это за камень, что за гробница,
Что это за новое изваяніе видно на камнѣ?
Смѣй Трифона, то же имя носящій,
Четырнадцать лѣтъ бѣжалъ я по стадіи
Жизни и вотъ чѣмъ наконецъ сталъ —
Плита, гробница, камень, изображеніе“ ¹⁾.

Какъ изображенія на памятникахъ, такъ и надписи (эпитафіи) были разнообразны. Самая обыкновенная — *Dis manibus Sacrum*, то есть, храмъ душамъ усопшихъ. На нихъ также значилось имя, годъ смерти, нерѣдко причина ея, имя того, кто соорудилъ памятникъ. Нерѣдко пишется на плитахъ надгробныхъ: „*I. V. F.—V. F. C.*“, то есть, *ipse vivus fecit* — самъ живо себя приготовилъ, — *vivus faciendum curavit* — живо позаботился сдѣлать, или: *haeres ex testamento fecit* — наследникъ соорудилъ по завѣщанію“ ²⁾. „Часто списываютъ надгробные камни стихами“ (*signant carmine saxum*), говоритъ Овидій ³⁾. Поэтъ Проперцій проектируетъ себя такую эпитафію.

„Здѣсь лежитъ въ видѣ отвратительнаго праха тотъ, кто когда-то былъ рабомъ одной любви“ ⁴⁾.

Овидій завѣщаетъ сдѣлать такую эпитафію на своемъ памятникѣ:

„Чтобы могъ и торопливый прохожій бѣглымъ глазомъ (*prorepante oculo*) прочтатъ, такъ вычеканн (*caede notis*) на моемъ мраморномъ памятникѣ крупными буквами слѣдующіе стихи: „Я, который здѣсь

¹⁾ «Ζητεῖς, ὦ παροδῖτα, τίς ἡ στήλη, τίς ὁ τύμβος,
Τίς δὴ ἐν τῇ στήλῃ εἰκὼν νεότευκτος ὑπάρχει;
Υἱὸς Τρύφωνος τοῦνομα ταύτὸν ἔχων,
Τεσσαρακαίδεξ' ἔτη δόλιχον βίотου σταδίαύσας,
Τοῦθ' ἀπάντων γέγονα στήλη, τύμβος, λίθος, εἰκὼν».

—Проперций» V т. 279 стр., «Путеводитель» акад. Стефани.

²⁾ Kirchm. lib. III. Cap. XI. См. lap. XIII.

³⁾ Ovid. II. Metamorph.

⁴⁾ «Et duo sint versus: qui nunc jacet horridus pulvis
Unius quondam servus amoris erat».

Propert. lib. I. Eleg. X.

лежу,— поэтъ Навонъ, пѣвецъ нѣжной любви и гибну отъ собственнаго генія ¹⁾).

Гораций упоминаетъ о скрагѣ Стаберин, который завѣщалъ на своемъ памятникѣ, вмѣсто всякой эпитафіи, написать разчетъ, кто изъ наслѣдниковъ и сколько получалъ отъ него ²⁾.

Плиній сообщаетъ любопытную эпитафію: *turba se medicorum periiisse*, то-есть, „погибъ отъ множества врачей“ ³⁾.

Особый видъ гробницъ назывался *кенотафы* (*cenotaphia* — *κενοτάφιον*), то-есть, пустыя или почетныя гробницы ⁴⁾. Такіе кенотафы были двухъ родовъ: почетныя — такъ, напримѣръ, воины воздвигли Друзу на мѣстѣ его смерти въ Галліи почетный кенотафъ ⁵⁾, или кенотафы устраивались въ память безвѣстно погибшихъ или утонувшихъ въ морѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они замѣняли погребеніе (*funeris instar habet*) и самую гробницу.

Х.

Богатые Римляне хоронили своихъ мертвецовъ близъ большихъ дорогъ.

„Боги да устроятъ, говоритъ Проперцій, чтобы земля пріютила мои кости не тамъ, на торной дорогѣ, по которой снуетъ постоянно народъ, и гдѣ, такимъ образомъ, ополчиваются (*infamantur*) надгробныя памятники любящихъ. Пусть меня земля прикроетъ со стороны дороги древесною листвою, или совсѣмъ скоронитъ безвѣстный песчаный курганчикъ. Непріятно посреди дороги выставлать свое имя“ ⁶⁾.

Пріюту вѣчнаго покоя прилична тишина, мирное уединеніе, вдали отъ городского шума, на лонѣ природы. Развитые эстетически сыны

¹⁾ Lib. III. Trist. Eleg. III:

„Quosque legat verius oculo properante viator
Grandibus in tumuli marmore caede notis:
Hic ego, qui jaceo tenerorum lusor amorum,
Ingenio pereo Naso poëta meo“.

²⁾ Horat. lib. II. Sat. III.

³⁾ Plin. lib. XXIX. Natur. Histor. Cap. 1.

⁴⁾ Ὡς τόπος νεκρῶν, μὴ ἔχων νεκρὸν — *honorarius tumulus*.

⁵⁾ Sueton. in vita Claudi.

Tacit. Annal. 1.

⁶⁾ „Di faciant, mea ne terra locet ossa frequenti,
Qua facit assiduo tramite vulgus iter,
Post mortem tumuli sic infamantur amantum,

древней Эллады избирали для могильныхъ склеповъ уединенныя и живописныя мѣста — гдѣ-нибудь въ саду, въ рощѣ или на берегу моря.

Наши лучшіе поэты желали опочить вѣчнымъ сномъ среди природы...

„И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять“, —

говорить одинъ ¹⁾).

„Чтобы всю ночь, весь день мой слухъ лежалъ,
Про любовь мнѣ (заснувшему на вѣки) сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ вѣчно зеленѣя
Темный дубъ склонился и шумѣлъ, —
поетъ другой ²⁾).

— „Потокъ воды, двѣ три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота“!

— завѣщаніе третьяго.

Не мудрено, если сердце римскаго поэта скорбитъ о тщеславномъ обычаѣ Римлянъ устроить свои могилы на бойныхъ и людныхъ мѣстахъ.

Извѣстно, что всѣ главныя дороги, ведшія въ Римъ, были усыпаны памятниками съ такими, между прочимъ, надписями: „взгляни, о путникъ! (aspice, viator)“ — „Кто бы ты ни былъ, идущій по Фламиніевой дорогѣ, не проходи мимо благороднаго мрамора“ (памятника) ³⁾ и др.

Для погребенія бѣдныхъ, рабовъ и проч. отведено было общее поле за Эсквилинскими воротами и называлось просто — ямы (puticuli). Здѣсь же совершались рукою палача казни преступниковъ. Впоследствии мѣсто это было подарено Августомъ Мecenату, который раз-

Me tegat arborea devia terra coma,
Aut humet ignotae cumulis vallatus arenae:
Non juvat in media nomen habere via».

Propert. Eleg. lib. III.

¹⁾ Пушкинъ въ элегін: «Брожу ли я».

²⁾ Лермонтовъ въ элегін: «Выхожу одинъ я на дорогу».

³⁾ «Quisquis Flaminiam teris viator,
Noli nobile praeterire marmor».

велъ на мѣстѣ убогаго кладбища свои извѣстные сады. Горацій говоритъ: „И вотъ теперь воткнутая жердь (съ чучелой или трещеткой) пугаетъ птицъ назойливыхъ и запрещаетъ имъ садиться въ новыхъ садахъ. Здѣсь прежде дешевые склепы (*vilis agra*) вмѣщали трупы, выброшенные изъ узкихъ подваловъ. Здѣсь была общая гробница для бѣднаго люда... Теперь можно удобно жить на здоровомъ Эсквилинѣ и гулять въ благорастворенномъ климатѣ холма. А прежде грустно было глядѣть на поле, обезображенное бѣлыми костями“¹⁾.

Особыя мѣста были для погребенія младенцевъ (*suggrundaria*) и убитыхъ молніею (*bidental* — рогатка, огороженное мѣсто)²⁾.

Гробницы и мѣста погребенія считались священными и неприкосновенными. „Священны надгробные камни и кто бы осмѣлился развѣить прахъ и потревожить мирный покой костей“? восклицаетъ Квинтиліанъ³⁾.

Оскорбители гробницъ и могильныхъ памятниковъ, выкапывающіе украшенія (*spoliatores cadaverum*, τρυφωροί) судились какъ святотатцы (*sacrilegi*) и наказывались, по закону XII таблицъ, смертію⁴⁾.

XI.

«Дни поминовенія родителей (*parentalia*—родительскія) древняго происхожденія и еще установлены Нумой въ честь его родственниковъ. Оставшіеся въ живыхъ ничѣмъ болѣе не выразить своего святаго уваженія къ памяти умершихъ, какъ благоговѣйнымъ о нихъ воспоминаніемъ».

Аusonius⁵⁾.

Дни поминовенія были общественные и частные — въ каждомъ

¹⁾ «Ast importunas volucres in vertice arundo
Terret fixa vetatque novis considerare in hortis.
Huc prius augustis ejecta cadavera cellis
Conservus vili portanda locabat in area:
Illic miserae plebi stabat commune sepulcrum
Nunc licet Esquilis habitare salubribus atque
Aggere in aprico spatium, quo modo tristes
Albis informem spectabant ossibus agrum».

²⁾ Объ этомъ см. выше.

³⁾ Quintil declam. X.

⁴⁾ Kirchm. de funerib. lib. III cap XXVI.

⁵⁾ Ausonius in praef. Parentalium:

«Parentalia-antiquae appellationis-hic dies est jam inde ab Numa cognatorum inferis institutus, nec quicquam sanctius habet reverentia superstitum, quam ut amicos venerabiliter recordetur.»

отдѣльномъ семействѣ. Ежегодное общественное поминованіе (*feralia*¹⁾ усопшихъ происходило въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ частности по каждому новому умершему въ семействѣ соблюдались *десятый день* погребъ похоронъ (*novemdialis*) и *десятый* (*denicalia*).

Десятый день назывался днемъ *очищенія* или *очистительнаго жертвоприношенія* (*exequiae*, *evectae*). Такимъ образомъ домъ, ставшійся нечистымъ по причинѣ бывшаго покойника, освещался жертвоприношеніемъ и омовеніемъ. Десятый день былъ послѣднимъ днемъ *глубокаго траура*²⁾.

Дни поминованія праздновались жертвоприношеніями, пирами, играми, возліаніями, возложеніемъ на могилу вѣнковъ, цвѣтовъ.

Въ одной энокѣ такъ описываются эти поминальныя приношенія (*inferiae*):

„На вѣки прощай, счастливый Мелибей: тебѣ дарить благовонныя листья сельскій Аполлонъ, срывающій лавры. Даютъ тебѣ Фавны, чтобъ каждый можешь: съ виноградной лозы — сочныя гроздья, съ поля — хлѣбные колосы, и съ cadaго дерева — плоды; дасть долговѣчная Палеса (богиня стадъ) вринки съ пѣнящимся молокомъ. Нимфы несутъ медь, Флора дасть разноцвѣтные вѣнки. И самый высокій даръ умершимъ (душамъ) музы несутъ свои пѣсни“³⁾.

Всѣ эти жертвы, возліанія и куренія, по словамъ Тацита⁴⁾, совершались со слезами, воплями и восклицаніями.

На обѣдахъ поминальныхъ (*epulae inferales*) царствовало обыкновенно глубокое молчаніе, дабы отличить трапезу печали отъ другихъ пировъ и чтобы выразить свое благоговѣніе къ тѣнямъ умершихъ, которыя, по вѣрованіямъ древнихъ Римлянъ, присутствовали молча (*si-*

¹⁾ *Feralia* — отъ *fero*, собственно приношеніе на могилу различнымъ вещамъ для поминальнаго пишества, иначе назывались *inferiae*, т. е. жертвоприношенія въ честь умершихъ — *sacrificia, quae diis Manibus inferebant*.

²⁾ См. Kirch. lib. IV. Cap. 1. *Exequiae* отъ *exeo* — *ere*, раздѣвать, снимать одежду (траурную). *Evecto* — выметать, очищать.

³⁾ „Felix, o Meliboe, vale: tibi frondis olerae
Munera dat lauros carpens ruralis Apollo:
Dant Fauni quod quisque valet: de vite racemos,
De campo culmos, omnique ex arbore fruges,
Dat grandaeva Pales spumantia cymbia lacte,
Mella ferunt Nymphae: pectas dat Flora coronas
Manibus hic supremus honor dant carmine Musae.“
См. Kirchm. lib. III. p. 347.

⁴⁾ Tacit. Annal. III.

lentes) на этихъ печальныхъ столованіяхъ. Вотъ почему такая трапеза называлась *silicernium*¹⁾. Обычай запрещалъ что нибудь ѣсть на поминальной трапезѣ: „oblata Diis Manibus gustare nefas“—т. е. принесенное душамъ умершихъ непристойно вкушать, говорили они, такъ что всѣ кушанья тутъ же сжигались. Вслѣдствіе этого обычая жадные и прожорливые люди называли *bustirâpi*, т. е. ворующіе то, что брошено въ огонь во время поминокъ.“ На богатыхъ похоронахъ, особенно при похоронахъ важныхъ сановниковъ, въ поминальные дни устраивались гладіаторскія игры и давались пиры народу (*visceratio-pes*²⁾). Во время игръ и представленій ставилось кресло (*sella*), на которомъ помѣщалась статуя или изображеніе покойника, въ честь коего давались игры. Нерѣдко такое изображение въ золотомъ вѣнкѣ везено было торжественно на слонахъ къ мѣсту представленій или игръ³⁾).

Срокъ траура (*tempus lugendi*) самый большой,—который, напримѣръ, дѣти носили по родителямъ, жена по мужу—продолжался годъ. Въ это время, какъ и у насъ теперь, строго соблюдались, особенно женщинами, правила, предписываемыя траурнымъ этикетомъ (*mos lugendi, mos lugentium*). Въ числѣ признаковъ траура⁴⁾ была черная одежда (*atrata, pulla toga*), отсутствіе въ туалетѣ какихъ нибудь украшеній. Трауромъ также строго воспрещалось являться на улицахъ, въ собранія, въ театры и другія общественныя мѣста. Въ траурномъ домѣ не зажигали огня⁵⁾. Высшіе сановники во время траура являлись на площадь, къ исправленію своихъ должностей, безъ знаковъ отличія. Такъ водилось при частномъ траурѣ (*privatus luctus*).

По случаю же смерти важныхъ государственныхъ сановниковъ: консуловъ, императоровъ, особымъ эдиктомъ сената предписывался *общественный трауръ* (*publicus luctus*). Въ это время на нѣсколько дней объявлялось закрытіе присутственныхъ мѣстъ и прекращеніе служебныхъ занятій (*justitium*). Такъ, по случаю смерти Германика, говоритъ Тацитъ, прежде еще сенатскаго эдикта, лишь только разнеслась печальная вѣсть, послышались въ городѣ вздохи, стеланія,

¹⁾ *Sileo*—ѣре молчать.

²⁾ *Liv. lib. XXXIX.*

³⁾ *Dio lib. LII.*

⁴⁾ «*Signa tristitia.*»

⁵⁾ *Juvenal. Sat. III. Kirchm. lib. IV. p. 627.*

заперлись лавки, дома. Всѣ болѣе душевно, нежели наружно, горевали ¹⁾).

„Суды молчатъ, вѣчные законы остаются безъ отмщенія; на цѣлой площади (форумѣ) не видать ни одной пурпурной одежды“, говоритъ одна элегія ²⁾).

ХП.

«Уже самъ (Августъ) творить боговъ и возносить новаго кумира до небесъ. Въ его царствованіе растетъ и увеличивается небо» (т. е. ликъ боговъ).

Манинъ ³⁾).

Самая высокая степень, которой достигало почитаніе душъ умершихъ въ Римѣ, выразилась въ апоѳеозѣ или причисленіи умершаго къ лику боговъ.

Апоѳеозъ (ἀποθέσις, consecratio, deificatio) ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ. Мифическій и героическій періодъ исторіи каждаго народа богатъ сказаніями (эпосъ) о полубогахъ и герояхъ. Не говоря о Тезеѣ, Геркулесѣ,—всѣ герои Иліады и Одиссеи были полубоги. Фантазія каждаго народа окружаетъ обыкновенно своихъ любимыхъ вождей ореоломъ печеловѣческой славы. Богатыри, герои народнаго эпоса совершаютъ нечеловѣческіе подвиги, потому что одарены сверхъестественною силою, — силою необыкновенною владѣютъ они потому, что всѣ божественнаго происхожденія, прямо или косвенно, по прямой или боковой линіи, но непремѣнно въ родствѣ съ богами. Исторія древнѣйшая Греціи и Рима, анналы, хроники и лѣтописи другихъ народовъ кишатъ такими полубогами. Ромулъ даже взятъ живой на небо. Отъ этихъ героическихъ почестей (Ἡρώεαι τιμαί) недалеко было до боготворенія (Θεοποίησις). И героямъ народнаго эпоса строились храмы, воздавались божескія почести—стали ихъ дѣлать богами (Θεὸν ποιεῖν, ἀποθεοῦν). Такъ было въ Греціи. Подобное „возведеніе въ санъ“ бога было актомъ суевѣрной фантазій народа.

¹⁾ Tacit, Lib. 1. Annal.

²⁾ Iura silent, mutaeque jacent sine vindice leges,
Aspicitur toto purpura nulla foro.

См. Kirchmann lib. IV.

³⁾ Jam facit ipse deos, mittitque ad sidera numen.
«Majus et Augusto crescit sub principe coelum.»

Римляне же не ограничивались богопочтениемъ однихъ эпическихъ героев, которыхъ подвиги, спустя долгое время, иногда цѣлые вѣка послѣ смерти, народная фантазія разукрашиваетъ безчисленными пестрыми разказами и причисляетъ къ сонму боговъ. Нѣтъ, апофеозъ у Римлянъ былъ дѣломъ лести современниковъ; тамъ посвященіе въ боги (*consecratio*) совершалось по опредѣленію сената, — *per veritatem et populum in deos creatus est* — т. е. „сенатомъ и народомъ причисленъ къ богамъ“.

Первымъ новопосвященнымъ богомъ у Римлянъ былъ Ромулъ, а за нимъ слѣдуетъ длинный рядъ боговъ и богинь (*divi et divae*). Этотъ рядъ открываетъ Юлій Цезарь, котораго Августъ возвелъ въ божескій санъ. Вотъ на какомъ основаніи поэтъ называетъ Августа „творцемъ боговъ, множащимъ лжѣ небожителей“:

Такъ совершалось обожествленіе покойнаго чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, по словамъ Геродіана ¹⁾.

„Есть обычай“, говоритъ онъ, „у Римлянъ причислить къ богамъ императоровъ, которые умираютъ, оставляя по себѣ послѣдниковъ. Въ назначенный для апофеоза день въ цѣломъ городѣ какъ будто замѣчается трауръ, смѣняемый съ какою-то праздничною торжественностью, точно во время похоронъ какого нибудь знатнаго покойника.“

„Для этого дѣлается восковое изображеніе посвящаемого (императора), выставляется оно въ *vestibulum* дворца на высочайшемъ ложѣ изъ слоновой кости, устланномъ золотыми покрывами. Съ одной стороны сенаторы, съ другой — знатнѣйшія матроны въ траурной одеждѣ окружаютъ ложе. Въ такомъ положеніи выставленное изображеніе оставалось, какъ и тѣло настоящаго покойника, семь дней. Въ эти семь дней будущій богъ считался опасно больнымъ. Его навѣщали врачи, притворялись обезпеченными безнадежнымъ положеніемъ больного, и, наконецъ, объявляли, что онъ скончался.“

„Тогда сенаторы и всадники несли ложе съ восковымъ изображеніемъ на древній форумъ по священной дорогѣ (*via sacra*). Здѣсь на особомъ возвышеніи ставился парадный одръ. Хоры мальчиковъ съ одной стороны, и хоры дѣвочекъ съ другой пѣли гимны въ честь божественнаго покойника. Отсюда шествіе направлялось за городъ на Марсово поле. Здѣсь устроивался богатый почетный костеръ въ видѣ жертвенника, который имѣлъ форму пирамидальной многостаж-

¹⁾ Herodiani lib. IV. Kirchn. lib. IV, 638 p.

ной башни. Эта башня внутри была пуста и наполнялась чрезъ двери, которыя были во второмъ этажѣ, различными благовонными, удобосгораемыми веществами. Снаружи обтягивалась башня парчевыми матеріями, украшеніями изъ слоновой кости и различными рисунками. Во второмъ этажѣ этого жертвенника (башни) ставилось восковое изображеніе на спосѣ ложѣ. Со всѣхъ сторонъ на перерывъ обливали его благовоніями, осыпали цвѣтами, наполняли все пространство вокругъ ароматными курительными веществами. Когда все было готово для горѣнія,—начинались воинскія игры. Сословіе всадниковъ, подъ предводительствомъ особыхъ церемоніймейстеровъ, которые разодѣты были въ пурпоровыя тоги и на лицѣ имѣли маски знаменитыхъ полководцевъ, особымъ маршемъ нѣсколько разъ объѣзжало кругомъ костра. По окончаніи парада воинскаго, преемникъ обожаемаго императора первый беретъ зажженный факель и подкладываетъ его подъ костеръ (башню); за нимъ другія знатныя лица поджигаютъ съ другихъ угловъ. Когда пламя обниметъ костеръ, извнутри верхняго этажа башни выпускается орелъ, который будто бы упосилъ душу новопосвященнаго бога къ престолу Юпитера".

Съ этой минуты извѣстное лице считалось богомъ или богиней. Имени ихъ посвящались храмы съ особыми причтомъ жрецовъ и весталокъ, ставились жертвенники, имъ пѣлись божественныя гимны и молитвы (*saliaria carmina*), именемъ ихъ клялись, словомъ, новые боги вступали во всѣ свои права.

А. Родонешскій.

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ВРЕМЕНЪ ГРЕЧЕСКАГО ГЛАГОЛА У АТТИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО У КСЕНОФОНТА¹⁾.

§ 1. Общія понятія о формахъ греческаго спряженія, называемыхъ временами (tempora).

Чтобы уразумѣть истинное значеніе этихъ формъ, необходимо какъ можно далѣе держаться отъ положеній, основывающихся на воззрѣніяхъ новаго времени. Къ числу таковыхъ прежде всего при-

¹⁾ Статья эта составляетъ первую часть приготовляемаго къ соисканію преміи В. П. Боткина «Разсужденія» на предложенную комиссіею гг. профессоровъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета слѣдующую тему: «Изложить употребленіе временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта; изслѣдовать, существуютъ ли въ греческомъ языкѣ виды, подобныя видамъ русскаго глагола; показать, какии средства имѣются въ греческомъ языкѣ для обозначенія отглагольности, выражаемыхъ русскими видами. Отъ автора ожидается, что онъ изготавитъ литературный и тщательно составленный переводъ одного изъ трехъ сочиненій Ксенофонта: Анабасиса, или Киропедія, или Меморабилій, и приложитъ его къ своему разсужденію, какъ главное основаніе своего изслѣдованія».

Изложеніе употребленія временъ греческаго глагола представлено здѣсь въ видѣ своды ученій объ этомъ предметѣ извѣстѣйшихъ нѣмецкихъ египтологовъ, и именно:

A. F. Aken. Die Grundzüge der Lehre vom Tempus und Modus im Griechischen Rostock. 1861.

G. Curtius. Griechische Schulgrammatik. 1870.

Erg. zu Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik. 1870.

E. Korb. Griechische Schulgrammatik. 1871.

K. V. Krüger. Griechische Sprachlehre. Syntax. 1873.

надлежитъ то, будто каждая глагольная форма должна означать понятія о прошломъ, настоящемъ или будущемъ (Аксентъ). Изъ анализа формъ оказывается ясно, что для означенія прошлаго въ греческомъ языкѣ вообще нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ наращенія (Augment), и что потому прошлое собственно лишь въ тѣхъ формахъ выражается, гдѣ есть наращеніе, то-есть, въ imperfectum, plusquamperfectum и аористѣ изъявитель. наклоненія, стало быть вообще только въ изъявит. наклоненіи. На этихъ формахъ изъявительнаго наклоненія также весьма ясно можно видѣть, что кромѣ прошлаго, языкъ выражаетъ ими еще что-то другое. Ἐ-γένε-α=το, ἀ-τίγν-ε-το, ἐ-γεγόν-α различаются между собою чѣмъ-то другимъ, сравнительно съ ἐτίγνεται отъ τίγναι, ἐγεγόναι отъ γέγονα. Грекъ различаетъ троякое свойство въ темпоральныхъ формахъ: спряженія, перекрещивающееся съ понятіями о настоящемъ, прошломъ и будущемъ и проицающее весь богатый строй времени, наклоненій и отглагольных именъ. Различіе между этими свойствами есть болѣе внутреннее, между тѣмъ какъ (собственно) темпоральное ¹⁾ различіе есть болѣе вѣдѣнное. Различіе между временами настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ основывается на отношеніи дѣйствія къ говорящему (то-есть, ко времени его рѣчи). Потому различіе это, какъ относящееся лишь къ точкѣ зрѣнія, можно назвать *ступенью времени* (Zeitstufe). Дѣйствіе или совпадать съ моментомъ рѣчи о немъ, или оно лежитъ въ видѣ предшествующей ступени, позади него, или въ видѣ ступени предстоящей, впереди находящейся. Слово *ступень* должно здѣсь выражать только послѣдовательность времени, помимо внутренней перемѣны въ самомъ дѣйствіи. Между формами же γενέσθαι, τίγνεται, γεγόναι различіе состоитъ не въ отношеніи къ чему-либо, находящемуся внѣ самого дѣйствія, но проявляется внутри самого дѣйствія. Это различіе можно выразить словомъ *видъ времени* (Zeitart) ²⁾, такъ какъ слово *видъ* (Art) употребляемъ мы для означенія специфическихъ, внутреннихъ особенностей чего-либо. Тросвидность

¹⁾ Подъ темпоральностію собственно разумѣется здѣсь свойство названной глагольной формы выражать относительное время дѣйствія, то-есть, по сравненію съ моментомъ, въ которомъ говорится о дѣйствіи.

²⁾ Вѣрнѣе было бы, кажется, называть это *видами дѣйствія*, а не видами времени, такъ какъ рѣчь идетъ не о различіи какихъ-либо свойствъ времени, а о различіи известныхъ свойствъ самого дѣйствія.

дѣйствіи составляютъ: 1) его *продолжительность*, выражаемая корнемъ настоящаго времени, 2) его *законченность*, — корнемъ перфекта и 3) то его свойство, которое выражается корнемъ аориста и могло бы быть названо *моментальностью* ¹⁾. Но иной смѣшиваетъ, пожалуй, моментальность съ мгновенностью и станетъ по часовой стрѣлкѣ искать различія между ποιεῖν и ποιῆσαι, κῆν и κηῖσας, ἔβαλλε и ἔβαλε. Художникъ, подлинывая подъ своєю работою ἐποίησα или ἐποίησας, вовсе не думалъ означить тѣмъ количество употребленнаго на работу времени; по первой формѣ указывалъ лишь на простой фактъ, что художникъ былъ именно онъ, а второю формѣ указывалъ на трудъ, котораго стоило произведение ²⁾. Потому лучше вмѣстѣ съ Ростомъ и Крюгеромъ назвать выражаемое аористомъ дѣйствіе *наступленіемъ дѣйствія* (Die eintretende Handlung). Этимъ наименованіемъ выражается существенная особенность аористическаго дѣйствія. Наступленіе дѣйствія не должно смѣшивать ни съ дѣйствіемъ начинающимся (beginnend), ни съ предстоящимъ (bevorstehend, tempus instans). Наступленію или вступленію дѣйствія противоположаются: а) дѣйствіе дѣющееся, въ родѣ того, какъ вступленіе въ домъ противоположается пребыванію въ домѣ, наступленіе темноты — самоѣ темнотѣ. Въ этомъ смыслѣ наступленіе дѣйствія означаеъ какъ бы начальную точку линіи, наприимѣръ, ἐρασθῆναι или ἐράσασθαι влюбиться и ἐρᾶν любить, ἀρξαι начать и ἀρξεν начинать, νοσῆσαι заболѣть и νοσεῖν быть больнымъ, болѣть, βασιλεύσαι воцариться и βασιλεύειν царствовать. Аористъ, выражающій такого рода наступленіе дѣйствія, можно назвать аористомъ *наступательнымъ* (ingressiver Aorist). Съ другой стороны, на-

¹⁾ Это и было бы самое настоящее названіе, если условиться разумѣть подъ моментальностью дѣйствія не только реальную его мгновенность (хотя въ русскомъ языкѣ и таковая выражается особою формою спряженія — ну), но также известный способъ представленія себя дѣйствія въ одно изъ фазисовъ (моментовъ) его развитія или совершенія, помимо всѣхъ прочихъ фазисовъ.

²⁾ Скорѣе почти на оборотъ: imperfect'омъ въ этомъ случаѣ указана только принадлежность работы вообще (ἐποίησας дѣлалъ, рисовалъ, выкалъ и т. п.), и вовсе не ея трудность; аористомъ же схваченъ окончательный моментъ труда (ἐποίησας сдѣлалъ, нарисовалъ, изваялъ и т. п.). Но необходимо отличать реальную, объективную законченность дѣйствія отъ субъективной, только мысленной. Первая, покаянію дѣйствію сопровождается состояніемъ, какъ его сладостіемъ, выражається въ греческомъ языкѣ посредствомъ perfectum и plusquamperfectum, а вторая, выражаемая преимущественно аористами, обозначаетъ все дѣйствіе указаніемъ на одинъ изъ моментовъ въ его совершеніи.

ступленіе дѣйствія противоположается: б) приготовленію къ дѣйствию, какъ наступленіе ночи сумеркамъ. Такъ *διδόναι* можетъ выражать только одну попытку дать одно предложеніе чего-либо (давать), а *δοῦναι* — уже самое выполненіе этого дѣйствія (дать), словомъ, самую передачу; *ἀγαγεῖν* отводить, *ἀγαγεῖν* отвезть; *κτίζεσθαι* приобрѣтати, *κτῆζεσθαι* приобрѣсть; *πράττειν* дѣлать, *πράττειν* сдѣлать, *πειθεῖν* уговаривать, *πειθεῖν* уговорить. Такого рода аористъ можно назвать *окончательнымъ* (effectivor Aorist), такъ какъ здѣсь означаетъ конечная точка линіи, противоположаемая предшествующей продолжительности дѣйствія. Въ томъ и другомъ случаѣ аористомъ выражается дѣйствіе, совершаемое за-разъ, въ одинъ приѣмъ (auf einen Schlag), или такое, на отдѣльные моменты котораго (въ его совершеніи) не обращается вниманіе. Возражаютъ, что терминъ — наступленіе дѣйствія — равнозначителенъ и неопредѣленъ; но и греческій аористъ разностороненъ, такъ что въ обширности значенія этого термина именно и состоитъ его преимущество.

Найти же совершенно точное опредѣленіе для греческаго аориста¹⁾ никогда не удастся. Различіе видовъ времени (Zeitarten) осно-

¹⁾ Названіе аористическаго дѣйствія наступительнымъ (eintretend, ingressiv) я въ то же время законченнымъ (effectiv) производятъ сбивчивость, которая отнюдь не устраняется многообразными объясненіями; такъ какъ эти послѣднія въ свою очередь оказываются отчасти во взаимной противорѣчій. Воспримется, напр., понимать подъ наступленіемъ дѣйствія начало дѣйствія; а между тѣмъ наступленіе уподобляется исходной точкѣ линіи. Избѣгаютъ называть аористическое дѣйствіе моментальнымъ, изъ опасенія, чтобы не сбились моментальность дѣйствія съ мгновенностью; а между тѣмъ утверждаютъ, что аористъ выражаетъ дѣйствіе, совершаемое за разъ, въ одинъ приѣмъ (auf einen Schlag). Гораздо удачнѣе опредѣлена тройственность формъ спряженія у Акона: «Дѣйствительными формами выражается дѣйствіе въ его развитіи, продолжаемости, совершаемости; формами совершеннаго глагола (verbum perfectum) выражается дѣйствіе въ его состояніи совершенія (auf einer erreichten Stufe der Vollkommenheit); формами же аористическими выражается дѣйствіе положительно, какъ пунктъ, какъ моментъ, безъ этихъ побочныхъ отношеній. Этими способомъ опредѣляется дѣйствіе само изъ себя, то-есть или по линіи его теченія, именно началомъ, срединною, концомъ; или же какъ пунктъ». Противъ этого можно лишь замѣтить по-первыхъ, что когда дѣйствіе опредѣляется само изъ себя, то начало, срединна или конецъ его уже нельзя назвать побочными отношеніями, а второе, что посредствомъ perfectum выражается точно также одинъ пунктъ въ дѣйствиіи, именно законченность, какъ и аористомъ, только въ первомъ случаѣ разумѣется законченность реальная, объективная, а во-второмъ — мысленная только или субъективная. (См. § 1. Примѣч. 4-е).

вывається на нѣкоторомъ чутѣ, которое можно приобрьсть лишь тѣмъ, если будемъ переноситься въ область воззрѣній того языка, чему подобіе или соотвѣтственный картинный способъ выраженія на родномъ языкѣ болѣе содѣйствуетъ, чѣмъ всякая логика. Французскіе грамматисты (какъ и Французы вообще) не расположены къ различеніямъ, выходящимъ изъ круга логическихъ, а посему почти повсемѣстно признанное въ Германіи воззрѣніе на аористъ не принимается даже тѣми изъ нихъ, которые въ другихъ случаяхъ сочувствуютъ нѣмецкимъ изслѣдованіямъ объ языкѣ. Извѣстный французскій ученый Шарль Тюро (Thurot) въ „Observations sur la signification des radicaux temporels en Grec“ (*Memoires de la société linguistique de Paris*. T. I pag. 111—125) опровергаетъ существованіе видовыхъ временъ. Онъ утверждаетъ, что вообще нѣтъ различія между imperfectum и аористомъ изъяснит. наклоненій, между настоящимъ временемъ сослагательнаго, повелит., желат. и неопредѣленнаго наклоненій съ одной стороны, и аористомъ тѣхъ же наклоненій съ другой; что вообще при употребленіи временъ греческаго спряженія дѣло можетъ идти лишь о современности, предшествованіи или послѣдованіи. Но какъ эти (три) категоріи повсе не приложимы, напримѣръ, къ повелительному наклоненію, то, по мнѣнію г. Тюро, „употребленіе часто бываетъ также капризно, какъ относительно рода именъ. Почему, напр., ораторъ въ одномъ случаѣ употребляетъ λέγε читай, а въ другомъ ἀνάγνωθι прочитай, это столь же трудно (!) рѣшить, какъ и то, почему βότρως мужскаго рода, а λάρναξ женскаго“. Г. Тюро приводит множество мѣстъ изъ аттическихъ писателей и доказываетъ, что „предлагаемыя различенія остроумны, но неудовлетворительны (plus subtiles que satisfaisants, pag. 121). Часто вполне безразлично выразить или не выразить длительность дѣйствія и съ другой стороны синонимическія формы настоящаго времени и аористовъ столь многочисленны, что писателю почти при каждомъ членѣ фразы приходилось бы спрашивать себя, употребить ли настоящее время или аористъ, а такіе усилія мысли не совмѣстимы съ быстротою рѣчи“. Какъ будто при такихъ прирожденныхъ народу различеніяхъ бываетъ нужда въ соображеніи! Славяне говорятъ не менѣе быстро, чѣмъ Нѣмцы, однако же и необразованные изъ нихъ дѣлаютъ эти различенія съ величайшею точностію. Что касается до приведенныхъ г. Тюро мѣстъ, то многія изъ нихъ, безъ всякой натяжки, можно объяснить согласно съ нашимъ воззрѣніемъ. Что строгое древнее употребленіе perfectum

начинаетъ ослабѣвать со времени Ксенофонта,—это признано и нѣмецкими учеными. Можно даже допустить, что обсуждаемыхъ различій нельзя съ очевидностію указать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и что говорящему часто представляется свободный выборъ; все-таки изъ этого не слѣдуетъ, что различія эти вовсе не существуютъ и что у Грековъ, одаренныхъ тонкимъ чутьемъ языка, различія корней времени, наслѣдованныя изъ первобытныхъ свойствъ индогерманскихъ языковъ, были бесполезнымъ балластомъ. Кто можетъ опредѣлить всякій разъ различія родственныхъ по смыслу словъ въ языкѣ? И однако ихъ чувствуетъ всякій, владѣющій языкомъ, особенно если онъ ему родной, а ужъ задача науки—выслѣдить, въ томъ или въ другомъ случаѣ, эти часто весьма тонкія различія. Между живыми языками, въ славянскихъ находимъ совершенно сходныя, тонкія различія видовыхъ временъ; вслѣдствіе чего природному Славянину весьма легко усвоить употребленіе аориста и его различіе отъ временъ, производимыхъ отъ корня настоящаго времени (Курціусъ).

§ 2-й. Таблица временъ греческаго спряженія.

Чтобы составить первоначальную таблицу временъ, предначертанную самими языкомъ, прежде всего надобно вычеркнуть всѣ tempora prima (слабое спряженіе). Они отличаются отъ tempora secunda (сильное спряженіе) не значеніемъ (по крайней мѣрѣ не въ темпоральномъ отношеніи), а только по формѣ. Именно, такъ какъ не всѣ корни, особенно позже развившіеся, оказывались способными образовывать себя времена по сильному спряженію, то возникло спряженіе слабое, болѣе механическимъ образомъ, посредствомъ внѣшней, для всякаго глагола возможной прибавки (Tempuscharakter); между тѣмъ какъ сильное спряженіе, основывающееся на измѣненіи гласной внутри самаго корня, предполагаетъ особенныя свойства корня. По общепринятому закону, tempora prima даже сдѣлались обыкновенными, такъ называемыми правильными формами (Акенъ).

При означеніи времени въ греческомъ языкѣ различаются:

1) *Степень времени.* Такихъ степеней три: настоящая, прошлая или прошедшая и будущая.

2) *Виды времени.* По виду времени дѣйствіе бываетъ или а) для-

щимся, длительнымъ, напр., γινώσκειν узнавать (kennen lernen; дѣйствіе изображается въ его протяженіи, длениі); б) наступительнымъ, напр., γινώσκει узнавать (inne werden; дѣйствіе представляется въ его проявленіи, наступленіи); в) готовымъ, конченнымъ, напр., εἰδέναι узнавать, знать (kennen, erkannt haben; дѣйствіе изображается въ его готовности, конченности).

Дляціяся дѣйствія означаются формами, производимыми отъ корня настоящаго времени. Дѣйствіе въ его наступленіи выражается формами, производимыми отъ корня аориста. Дѣйствіе конченное, готовое, выражается формами, производимыми отъ корня perfectum. Будущее время означаетъ ступень времени относительно какъ дѣйствующаго дѣйствія, такъ и дѣйствія въ его наступленіи. Такъ γινώσκω и буду узнавать, а также и узнаю (ich werde kennen lernen allmählig, а также: ich werde erkennen).

3) Будущее, futurum exactum, выражаетъ конченность дѣйствія: εἰδέναι εἰσαίμι мнѣ будетъ извѣстно (novum).

Времена настоящее, аористъ и perfectum означаютъ опредѣленную ступень времени только въ изъявительномъ наклоненіи; прочія наклоненія и причастія примыкаютъ, по значенію своему, къ соответствующимъ временамъ изъявительнаго наклоненія только относительно вида, а не ступени времени.

;

;

ВИДЫ ВРЕМЕНИ.	С У Т У Ш Е Н И В Р Е М Е Н И.		
	НАСТОЯЩНОСТЬ.	ПРОШЛОСТЬ.	БУДУЩНОСТЬ.
Дѣііе, корень	Настоящее время изъявительнаго наклоненія: <i>ѣсть</i> бѣю.	Имперфектъ изъявительнаго наклоненія: <i>ѣстъ</i> бѣахъ.	Будущее изъявительнаго наклоненія: <i>ѣще</i> буду бѣти.
	Сослагательное, желательное, повелительное, неопредѣленное наклоненія ¹⁾ в причастіе настоящего времени.		
Наступленіе, корень <i>гнѣ</i> .	Сослагательное, желательное, повелительное и неопредѣленное наклоненія аориста.	Аористъ изъявительнаго наклоненія: <i>гнѣхъ</i> и побѣдъ, в прибавъ.	(Будущее: [<i>гнѣ</i>] побѣю, побѣю).
Готовность, законченность, корень <i>пѣ</i> .	Перфектъ изъявительнаго наклоненія: <i>гнѣхъ</i> мною побѣдъ, <i>пѣ</i> , <i>о</i> , <i>м</i> .	Плусquamперфектъ <i>гнѣхъ</i> : мною бѣахъ— <i>а</i> , <i>о</i> , и побѣдъ— <i>о</i> , <i>м</i> .	Будущее совершенное (futurum exactum): <i>гнѣхъ</i> буду побѣти.
	Сослагательное, желательное, повелительное, неопредѣленное наклоненія и причастіе перфекта. (<i>Дѣи</i> е, <i>Курив</i> е).		

¹⁾ О формахъ времени повелительнаго, сослагательнаго, желательнаго и неопредѣленнаго наклоненія какъ записано, такъ и въ дѣйствительномъ употребленіи лишь по нѣк-отомъ отношенію къ темпоральности и къ видѣмъ свойствъ дѣйствія, не касаясь нѣк-отомъ значенія. Въ противоположн. случаѣ потребовалась бы изложеніе ученія о родахъ предлѣженій, что вовсе не входитъ въ составъ темы этого сочиненія.

Греческій глаголъ, съ точки зрѣніи нѣмецкаго языка, состоитъ изъ трехъ глаголовъ. При двухъ изъ нихъ одна главная форма (настоящее время) и одна придаточная. Аористическій глаголъ не имѣетъ главнаго времени. Формы временъ и наклоненій каждаго изъ этихъ трехъ глаголовъ состоятъ вовсе не въ темпоральномъ отношеніи къ таковымъ же формамъ прочихъ двухъ глаголовъ. Относительность временъ можетъ имѣть значеніе только въ противоположеніи временъ *главныхъ* и *второстепенныхъ*. Последнія суть *наращательныя* формы (Augmenttempora) и выражаютъ прошлость; а потому главнымъ временемъ и приходится выражать настояще (Авентъ).

§ 3-й. Настоящее время.

См. 1-я. Настоящее время означаетъ дѣйствіе, мыслимое въ непосредственномъ соприкосновеніи съ *настоящимъ мгновеніемъ*, такъ что дѣйствіе или 1) заканчивается выѣстъ съ этимъ мгновеніемъ, или 2) выѣстъ съ нимъ начинается, или 3) тянется, что всего обыкновеннѣе, по обѣ стороны этого мгновенія. При этомъ въ первомъ и третьемъ случаяхъ остается неопредѣленнымъ начальный, а во второмъ и въ третьемъ случаяхъ — конечный или послѣдній моментъ дѣйствія. Поэтому настоящее время можетъ означать также неограниченное протяженіе времени (всегдашнее настоящее, allzeitiges Präsens). Πλέον εἰς, Ἀπὸν Ἀθηναῖοι πέμπουσιν (хат' ἐνιστόν). Пл. Фаіδ. 58. Аѳиняне посылаютъ (ежегодно) корабль въ Делось.

См. 2-я. Къ третьему случаю относится и то настоящее, коимъ выражается дѣйствіе, простирающееся по обѣ стороны настоящаго мгновенія, хотя съ перерывами, но все-таки составляющее въ многократныхъ своихъ проявленіяхъ одно цѣло. Потому настоящее время употребляется также въ предложеніяхъ, выражающихъ опытную истину и въ гномахъ, рядомъ съ аористомъ и перфектомъ. Οὐ μόνον αἱ τὰ αὐτὰ λέγω, ἀλλὰ καὶ παρὶ τῶν αὐτῶν. Ксеноф. Апол. 4, 1, 6. Не только говорю всегда то же самое, но и обѣ томъ же самомъ (Крюгеръ). Нѣ- котораго рода длительностію считается также связанное повтореніе, обычное дѣйствіе (Кохл).

См. 3-я. Распространеніемъ перваго случая можно считать настоящее, которымъ выражается дѣйствіе, хотя и законченное предъ настоящимъ мгновеніемъ, однакоже состоящее съ нимъ въ связи, по своему продолжающемуся вліянію. Такъ формы настоящаго изъ глаголовъ: ἀκούω (у поэтовъ также κλύω) слышу, πυνθάνομαι спрашиваю, разумею, αἰσθάνομαι чую, понимаю, μανθάνω учусь, разумею употреб-

люють вмѣсто ихъ перфектовъ, если содержаніе слышаннаго мыслится продолжающимся и въ настоящее время. Οἱ Σικελιώται στασιάζουσιν, ὥσπερ πυνθανόμεθα. Θ. 6, 17, 3. Сикеліоты, слышимъ (какъ слышно), бушуютъ.

Ст. 4-я. Такимъ образомъ настоящія времена многихъ глаголовъ, ридомъ съ собственнымъ значеніемъ, получили значеніе перфекта, какъ φεύω бѣгу и я изгнанъ, ἀλίσκομαι меня берутъ и, рѣже, я изытъ иъ плѣнъ, νικάω и κρατῶ побѣждаю и — я побѣдилъ (я побѣдителя), ἀδικῶ погрѣшаю и — я погрѣшилъ, я не правъ, ἡττῶμαι: меня побѣждаютъ и — я побѣжденъ (Крюгеръ). Сюда же θνήσκει онъ мертвъ; у поэтовъ τίχτειν, ἐκφύειν рождать. Τίς μ' ἐκφύει βροτῶν — кто изъ смертныхъ породилъ меня (чье я рожденіе)? (Курційсъ). Τῶν νικῶντων ἐστὶ καὶ τὰ αὐτῶν σῶζειν καὶ τὰ τῶν ἡττωμένων λαμβάνειν. Анаб. 3, 2, 39. Побѣдителямъ (или: побѣждающимъ) свойственно свое сберегать, а брать принадлежащее побѣжденнымъ (или: побѣждаемымъ).

Ст. 5-я. Всегда близкое къ перфекту значеніе имѣютъ: ἦκω я пришелъ, или: я здѣсь, οἶχομαι я ушелъ, или: я уйду '). Ихъ имперфекты употребляются собственно какъ plusquamperfectum, при чемъ однако ἦκον, сообразно своего значенія, соответствуетъ аористу синонимическихъ себѣ глаголовъ. Ὁφύμενъ можетъ выразить оба времени. Также отъ глаголовъ, упомянутыхъ выше въ ст. 4-й, встрѣчаются имперфекты на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ слѣдовало ожидать аористовъ. Καταλαμβάνει τὴν θυγατέρα τοῦ χωμάρχου· ὁ δ' ἀνὴρ αὐτῆς λαγῶς φέχετο θηράσων. Анаб. 4, 5, 24. Онъ захватываетъ дочь комарха (сельскаго старшины), а мужъ сѣ ушелъ (уходилъ?) на охоту за зайцами.

Ст. 6-я. Въ глаголахъ: ἦκω, νικάω, κρατῶ, ἡττῶμαι настоящія времена сослагательнаго и желательнаго наклоненій, какъ и аористы, употребляются иъ гипотетическихъ и темпоральныхъ предложеніяхъ, съ значеніемъ futurum exactum. Κόρος εὐχέτο τοσοῦτον χρόνον ζῆν, ἕτε νικῆν καὶ τοὺς εὖ καὶ τοὺς κακῶς ποιῶντας ἀλεξόμενος. Анаб. 1, 9, 11.

') По-русски иногда на оборотъ: прошедшее видовое глагола уходитъ употребляется вмѣсто настоящаго. Напримѣръ, кто уходитъ изъ дому, тотъ, давая знать о томъ остающимся, чтобы заперли за нимъ дверь, кричитъ: я ушелъ (вмѣсто: я уйду)! Впрочемъ и по-русски часто говорится: прихожу, вы. я пришелъ. Напримѣръ, вчера прихожу я къ брату, а онъ еще въ постели. Но это можно отнести къ употребленію историческаго настоящаго, употребленнаго по-русски исключительно въ оживленномъ разказѣ.

Киръ желалъ жить столько времени, пока прензойдетъ воздаяніемъ хорошо и худо съ нимъ поступающихъ.

Ст. 7-я. Распространеніемъ втораго случая должно считать то, когда настоящимъ временемъ означается дѣйствіе будущее, которое въ настоящее время уже подготовлено или начато (eingeleitet). 'Επει δὲ ἡμᾶς ἔχετε τήνδε τὴν χώραν, νῦν δὲ ἐξελάυνετε ἡμᾶς. Анаб. 7, 7, 7. После того, какъ вы чрезъ насъ получили эту самую страну, теперь выгоните (=хотите выгнать) насъ изъ нея. Εἰ δ' ὑμῖν γνώμη ἐστὶ κωλύειν τὴν ἡμᾶς... καὶ τὰς ἀπονδᾶς λύετε, ἡμᾶς τοῦδε λαβόντες. Thuk. 1, 53, 2. Если вы намѣрены препятствовать намъ... и вы нарушите (нарушаете) договоръ, то схвативши насъ...

Ст. 8-я. Въ оживленномъ разказѣ настоящее время ставится вмѣсто будущаго иногда въ глаголахъ πορεύομαι и ἔρχομαι, обыкновенно же въ αἶμι иду. 'Π πόλις ἦδ' αἱ ἔρχονται 'Αθηναῖοι, ἀμυναῖται αὐτούς. Thuk. 6, 40, 2. Этотъ городъ, если придутъ (идутъ) Локняне, отразитъ ихъ (Крюгеръ). Сюда же относится καταβαίνω. Аленъ объясняетъ это тѣмъ, что всѣ глаголы, выражающіе ходъбу, могутъ быть понимаемы въ значеніи стремленія къ цѣли.

Ст. 9-я. Въ оживленной вопросительной рѣчи настоящее изъявит. наклоненія ставится синонимомъ будущаго или настоящаго сослагательнаго, такъ какъ опредѣленіе того, что должно быть сдѣлано, представляютъ себѣ какъ бы настоящимъ, въ качествѣ чисто объективной неизвѣстности (?). Βουλόμεθα δεῖξαι αὐτοῖς ὅτι Λαριῆς ἐσμέν· ἡ μένουμεν ἕως ἄν ἔχασται κατὰ πόλεις ληφθόμεν; Th. 6, 77, 2. Рѣшимся ли мы показать имъ, что мы Лорійцы, или будемъ ждать, пока у насъ заберутъ городъ за городомъ.

Ст. 10-я. Въ оживленномъ повѣствованіи мысленно представляютъ себѣ прошедшее дѣйствіе какъ бы наглядно происходящимъ. Это настоящее называется историческимъ настоящимъ, которое весьма употребительно въ греческомъ языкѣ вмѣсто какого-либо прошедшаго, особенно же вмѣсто повѣствовательнаго аориста (Крюгеръ). Историческое настоящее часто смѣшивается съ временами прошедшими. Καὶ πᾶς οὐραὶ καὶ ἔρβῳ. И какими образомъ увидали (усматриваютъ) ее и схватили (Курциусъ) ¹⁾.

¹⁾ Тоже самое и въ русскомъ языкѣ:

«Пальбой отбиты дружины,
Мѣшались, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розень съвоемъ тѣснѣнны,

Ст. 11-я. Когда настоящимъ изъяснительнаго повидимому означаетъ только попытка къ дѣйствию (*praesens de conatu*), на самомъ же дѣлѣ дѣйствіе представляется въ такихъ случаяхъ дѣющимся, не законченнымъ; напримѣръ: *παῖδω αὐτόν* я убѣждаю его (то-есть, стараюсь его убѣдить). Если передъ такимъ настоящимъ стоитъ отрицаніе, то отрицается не попытка, а законченность; οὐ *παῖδω* не значить: я не занимаюсь его убѣжденіемъ, а—я не могу его убѣдить (Кохъ) ¹⁾.

§ 4.

Ст. 1-я. Сослагательное, повелит., неопредѣленное наклоненія и причастіе въ настоящемъ времени выражаютъ только длительность дѣйствія, все равно настоящаго, прошлаго или будущаго. *Μαίνόμεθα πάντες, ὁπόταν ὀργῶμεθα*. Мы всѣ сумасшествуемъ, когда сердимся. *Οὕτω ποιήσω, ὅπως ἂν οὐ χελεύῃς*. Такъ буду поступать, какъ ты приказываешь (прикажешь). *Ταῦτα λέγων θορόβου ἤκουσε διὰ τῶν τάξεων ἰόντος, καὶ ἤρετο, τίς ὁ θόροβος εἶη*. Анаб. 1, 8, 16. Говоря (какъ онъ говорилъ) это, онъ услышалъ шумъ, идущій (шедшій) по рядамъ и спросилъ, что это (есть, былъ) за шумъ (Курціусъ).

Ст. 2-я. Настоящее повелительнаго, сослаг., желат., неопредѣлен. наклоненій и причастія означаетъ дѣйствіе въ его развитіи, въ его продолженіи, безъ всякаго означенія времени. Этими же формами выражается дѣйствіе, къ которому дѣлалась только попытка, а также дѣйствіе повторяющееся. *Βουλόμεν μὲν βραδέως, ἀπτελεί δὲ ταχέως τὰ δοκίμια*. Исос. 1, 34. Обдумывая медленно, по разъ рѣшенное выполняй быстро (Кохъ).

Ст. 3-я. Относительное опредѣленіе времени, то-есть прошлость, настоящность и будущность, выражается въ греческомъ языкѣ только

Сдѣлается пылкій Шлиппсбахъ,
Тѣснитъ ны Шведовъ рты за ратью,
Темнѣетъ слеза ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣвъ.

А. Пумпяна.

¹⁾ Что здѣсь разумѣется не попытка, а самое дѣйствіе въ его продолженіи, видно изъ того, что попытка означаетъ по намѣренію только дѣйствовать, по начало самаго дѣйствія («Попытка не тутки, а сурось не бѣда»). Впрочемъ, значеніе οὐ *παῖδω* едва ли можетъ быть объяснено отрицаніемъ законченности, а скорѣе обыкновеннымъ риторическимъ употребленіемъ настоящаго вмѣсто аориста или пересказа (см. § 3. Ст. 10).

формами изъявительнаго наклоненія. Формы прочихъ наклоненій опредѣляютъ дѣйствіе безотносительно ко времени, то-есть, лишь длительности, оконченности, моментъ. Во всякомъ случаѣ объ относительности можетъ при этомъ быть рѣчь лишь на столько, на сколько она бываетъ видна изъ модальности. Такъ сослагательное наклоненіе, выражая ожиданіе, указываетъ на будущность; наклоненіе желательное, означая желаніе, можетъ собственно относиться лишь къ настоящности или будущности (Акенъ).

Ст. 2-я. Настоящее неопредѣленнаго наклоненія относится иногда къ дѣйствию будущему, не означая собственно никакого времени, какъ и аористъ, употребляющійся въ подобныхъ же случаяхъ. Τῆς οὐχ οὐτοῦ πολεμεῖν... πράξει... Они общались воевать (общались войну), сдѣлать (Крюгеръ).

§ 5. Imperfectum.

Ст. 1-я. Imperfectum выражаетъ прошлое дѣйствіе въ его длительности, въ его продолженіи, протяженіи по времени рядомъ съ другими дѣйствіями, или же въ его продолжающейся повторительности. Οὐποτε μετὸν ἀπεστρατοπεδεύοντο οἱ βάρβαροι τῶν Ἑλλήνων ἐτήχοντα σταδίῳν. Анаб. 3, 4, 34. Никогда варвары не располагались лагеремъ менѣе, чѣмъ въ шестидесяти стадіяхъ отъ Эллиновъ (Курціусъ).

Ст. 2-я. Слова, означающія рѣчь (говорить, возвѣщать, приказывать, спрашивать), часто ставятся не въ аористъ, а въ имперфектъ, если говоренныя слова передаются прямо или косвенно; потому что чрезъ это самое представляется намъ дѣйствіе говоренія въ его постепенномъ развитіи. Такъ у Фукидида VI, 32, 3, о рѣчи Гермократа: ἔλεγε καὶ παρήγει τοιαῦτα.. говорилъ и увѣщевалъ слѣдующимъ образомъ. Затѣмъ приводится самая рѣчь въ главахъ 33 и 34, а въ началѣ 35-й главы, въ заключеніе употребленъ аористъ. ὁ μὲν Ἑρμοκράτης τοσαῦτα εἶπε. Вотъ что сказалъ Гермократъ (Кохъ).

Что понятіе длительности не есть существенный (довольно бы сказать: не исключительный) признакъ имперфекта, это доказывается безчисленными примѣрами, въ которыхъ имперфектомъ выражается чисто моментальное дѣйствіе, какъ въ ἤρῳτα. Анаб. II, 3, 4, 7; а между тѣмъ ἤρώτησεν. Анаб. II, 4, 15 ¹⁾. Ἐδόκει. Анаб. II,

¹⁾ Въ обоихъ случаяхъ имперфектъ и аористъ стоятъ, кажется, на спонгѣ. ἔστηκεν. Ἐπεὶ δὲ ἦν πρὸς τοῖς ἀγγέλοις, ἀνῆρτά, τί βούλοιντο. Когда онъ былъ бланъ вѣстниковъ, то спрашивали, чего они хотятъ. Καὶ προσελθὼν ἀνθρώπος τις ἤρώτησε τοὺς προύλακας καὶ ἀν' ἰδοὶ Πρόβανον. И какой-то человѣкъ, подошедши

3, 8, 9. III, 3, 5, 8, 4, 36. 40. 4, 12; а между тѣмъ *ἰδοὺ* Анаб. I, 10, 16. II, 1, 2. 3, 28. 5, 2. 24. *ἤγγελλε*. Анаб. I, 7, 8. 13. 8, 3. II, 3, 9. 4, 23. 24. 5, 26; а между тѣмъ *ἤγγελε*. I, 1, 6. II, 2, 21. III, 5, 18; *ἐκέλευε* I. 7, 1. 8, 11. 15. 9, 27. II, 3, 1. 9. 5, 36; а между тѣмъ *ἐκέλευε* II, 2, 20. 5, 26 (Маттѣ). Обѣ послѣднія формы Акевъ объясняетъ такъ: *ἐκέλευε* означаетъ подготовительное дѣйствіе, гдѣ возбуждено ожиданіе того, будетъ ли оказано послушаніе; *ἐκέλευε*, гдѣ исполненіе, по видимому, само собою разумѣется¹⁾.

Ст. 3-я. Нѣкоторыя дѣйствія Грекъ любилъ представлять себѣ преимущественно длящимися и потому употреблялъ ихъ какъ въ имперфектѣ, такъ и въ аористѣ. Это относится къ глаголамъ, выражающимъ ходъ, бѣгъ, торопленіе, атаку, посылку. Вообще Греки

къ стражамъ, спросилъ, гдѣ ему увидать Проксена. Въ первомъ случаѣ дѣйствіе представлено длящимся, потому что это былъ формальный переговоры, пошедшій, конечно, черезъ переводчика; во 2-мъ случаѣ вопросъ сдѣлать одиному человѣку, говорившему, какъ видно, по-гречески.

¹⁾ По моему же мнѣнію, на употребленіе той или другой формы сдѣлали здѣсь имѣть вліяніе успѣшность призыванія, извѣстность или неизвѣстность выполненія. Имперфектомъ (какъ общимъ прошедшимъ) выражается здѣсь дѣйствіе, въ самомъ дѣлѣ бывшее, или даже повторявшееся. Напримеръ: «Говорилъ ли иной Дуношникъ, *наказывалъ*: помирите живя, моя любушка!» Аористомъ же (какъ видовымъ прошедшимъ временемъ) указывается на заключительный моментъ рѣчи, сколько бы она ни продолжалась. «Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поношу плачуть мнѣ въ плѣнѣ!» Онъ сказалъ и вѣнгу на Ермака напалъ!» (Дмитріевъ). Кюнеръ даетъ другое объясненіе подобному сопоставленію имперфекта съ аористомъ. Напримеръ, Анаб. II, 5, 32. *οἱ τ' ἔνδον ξυνελαβάνοντο καὶ οἱ ἔξω καταβόρσαν*. Находящихся внутри *жестали*, а находящиеся снаружи *были изрублены*. Кюнеръ утверждаетъ, что здѣсь имперфектомъ выражено дѣйствіе второстепенное, иридаточное (*res secundaria*), аористомъ же—главное (*res primaria*), передавая эту фразу латинскою рѣчью такимъ образомъ: *intus ei, qui intus erant, comprehendebantur, ei, qui foris erant, trucidati sunt*. Но по связи рѣчи, оба дѣйствія произошли одновременно и слабы не такъ, то на послѣднее изъ нихъ требовалось времени болѣе, чѣмъ на первое, потому что вождя внутри палатки находилось только пятеро, а снаружи стояла ихъ свита до 200 человекъ. Съ точки зрѣнія русскаго языка, подобное сопоставленіе имперфекта съ аористомъ объясняется изобразительнымъ значеніемъ здѣсь имперфекта, какъ *общей* (по пидионѣ) формы прошедшаго и въ народной русской рѣчи попадаетъ чуть не на каждый шагъ. Напримеръ: «*Сходилъ* они на черпалъ корабль, *подымали* тонки паруса полотняные, *побыжали* по озеру Ильменю». Здѣсь имперфектъ *подымали* вполне приравнивается историческому настоящему *сходилъ*, которое, въ свою очередь, поставлено на мѣстѣ аориста (*сошли*) для болѣе живаго представленія дѣйствія и соотнобщаетъ аористическую форму: *побыжали*.

недѣтъ разказъ не всегда въ аористѣ, а между аористами употребляетъ и имперфектъ, какъ скоро дѣйствіе представляется ему не въ видѣ пункта, но въ его постепенномъ развитіи, какъ бы въ видѣ линіи; такъ ваятели, живописцы подъ своими произведеніями подписывали не ἐποίησεν, ἔγραψε, а ἐποίει, ἔγραφε, въ знакъ скромности. Imperfectum modestiae (Срав. § 1, примѣч. 4-е). 'Επεὶ δ' αὐτοῖς ἀετὸς δεξιὸς φανείς προηγεῖτο, προσευξάμενοι θεοῖς.. διέβαινον τὰ ὄρια. 'Επειδὴ δὲ διέβησαν, προστῆχοντο αὐτῷ θεοῖς.. Ταῦτα δὲ ποιήσαντες ὁ μὲν πατὴρ πάλιν εἰς πόλιν ἀπῆλθε, Κῦρος δὲ εἰς Μῆδους ἐπορεύετο. Кур. II, 1, 1. Когда же показавшійся съ правой стороны орелъ полетѣлъ передъ ними, то, помолившись богамъ,... они *стали* переходить границу. Когда же перешли границу, опять *стали* молиться (молились) богамъ.. Сдѣлавши это.. отецъ пошелъ назадъ въ городъ, Киръ же отправился (пошелъ) въ Мидію ¹⁾).

Ст. 4-я. Форма настоящего, выражающаго попытку (de conatu), имѣеть при себѣ такой же имперфектъ. 'Επειθον я уговаривалъ, οὐκ ἔπειθον я не могъ (!) уговорить (ich konnte nicht überreden) ²⁾. Νέων ἔπειθεν αὐτοὺς, ἀποτρέψαντα· οἱ δ' οὐκ ὑπήκουον. Анаб. VII, 3, 7. Неонъ *уговаривалъ* ихъ возвратиться, но они не слушались. Πολλοὶ μὲν ἀπελιδραστον, πολλοὶ δὲ ἐάλωσαν. Куроп. IV, 5, 5. Многіе *бѣжали*, многіе были и схвачены. Ταῦτ' εἰπὼν ἀνιστάμεν ὡς ἀπὼν καὶ μου ἀνισταμένου ἐπιλαμβάνεται ὁ Καλλίας τῆς χειρὸς καὶ εἶπεν· οὐκ ἀφῆρομέν σε ὦ Σώκратες. Καὶ ἐγὼ εἶπον—ἤδη δα ἀνεστῆχη ὡς ἐξών, ὦ παῖ.. Сказавши это, я *всталъ было* (сталъ приподниматься), чтобы уйдти,

¹⁾ Въ этомъ примѣрѣ имперфекты, состоя въ очевидномъ противоположеніи съ ближайшими аористами: φανείς, προσευξάμενοι, διέβησαν, ποιήσαντες, означаютъ окончательные моменты дѣйствій, выражаютъ начальные моменты дѣйствій, именно здѣсь—начало движенія. Такъ проηγεῖτο полетѣлъ впереди. Киръ съ отцомъ только и могли видѣть начало этого дѣйствія, потому что орелъ, конечно, скрылся скоро изъ виду. Διέβαινον стали переходить. Границею служили кѣроитно не черта какая-либо, а горный перевалъ, или рѣчка и т. п., такъ что для перехода онъ требовалось время, котораго только начальный моментъ здѣсь указывается. 'Απῆλθε, ἐπορεύετο объясняются также, какъ проηγεῖτο. Итакъ, имперфекты этого рода можно назвать *начинательными*.

²⁾ Видяши οὐκ ἔπειθον (въ дѣйствительномъ залогѣ) можеть означать безуспѣшность дѣйствія, который должнъ бы выразиться аористомъ οὐκ ἔπεισεν, или перфектомъ. Скорѣе здѣсь отрицается снмие дѣйствіе. Въ приведенномъ тамъ же у Ксена примѣрѣ изъ Аристофана: Ψεφρ. 116. ἀνέπειθον αὐτὸν μὴ ἐξέλαι, ὁ δ' οὐκ ἀνεπίθετο. Я убивалъ его не уходить, онъ же не убивался (не слушался—употребленъ страдательный залогъ, имѣющій здѣсь значеніе ередняго: убивался (срав. § 3, ст. II, прим. 4).

и, какъ я вставалъ, Калліасъ окватилъ меня за руку и сказалъ: ми не пустимъ теби, Сократъ. А я сказалъ,—потому что я *всталъ* уже, чтобъ уйти,—о сыпь.. (Кохъ) ¹⁾.

Imperfectum, по объясненію Курціуса, часто выражаетъ предпринимавшееся, но не выполненное дѣйствіе. Прῶτος Κλέαρχος τοὺς αὐτοῦ στρατιώτας ἐβιάζετο ἰέναι, οἱ δὲ αὐτὸν ἔβαλλον καὶ τὰ ὑποζύγια τὰ ἐκείνου, ἐπεὶ ἤρξατο προίεναι. Анаб. I, 3, 1. Клеархъ сперва приневоливалъ было (сталъ приневоливать) своихъ вояковъ идти, а они стали бросать въ него (каменными) и въ его обозъ, когда онъ двинулся впередъ ²⁾.

Ст. 5-я. Отъ формъ настоящаго времени νικάω, ἀδίκηώ, φεύγω, κρατέω, ἡττῶμαι, имѣющихъ часто значеніе перфектовъ, производимые имперфекты имѣютъ (соотвѣтственно тому) часто значеніе плюсквамперфектовъ, напримѣръ, ἐνίκηον я былъ побѣдитель (Кохъ).

Ст. 6-я. Въ связи съ другими прошедшими временами, имперфектъ хотя означаетъ событія, продолжающіяся рядомъ съ другими, перѣдко однако означаетъ и такія длиющіяся событія, которыя предшествовали главному дѣйствію, что въ нѣмецкомъ и въ латинскомъ языкахъ выражается чрезъ plusquamperfectum. Οἱ Λέβριοι ἠναγκάσθησαν τὴν ἀπόστασιν πρότερον, ἢ διεννοοῦντο ποιήσασθαι. Лесбийцы принуждены были совершить отпаденіе раньше, чѣмъ разсчитывали это сдѣлать (Курціусъ).

Имперфектъ съ понятіемъ длительности употребляется вмѣсто нѣмецкаго plusquamperfectum, и не только при соотвѣтственномъ тому нарѣчій, но и безъ него. Ἦσαν αἱ Ἰωνικαὶ πόλεις Τισσαφέρηνους τὸ ἀρχαῖον, τότε δὲ ἀπέστησαν πρὸς Κύρον. Анаб. I, 1, 6. Ионійскіе города были сначала Тиссаферповы, тогда же перешли къ Киру. Λέγουσι δὲ οὖν Εὐρυστρεὺς ἦρχε τὴν βασιλείαν Ἀτρέα παραλαβεῖν. Θ. I, 9, 2. Говорить, что Атрея получилъ господство падъ всѣмъ, чѣмъ владѣлъ Еврисфентъ (Крюгеръ).

¹⁾ Формами ἀνίσταμαι и ἀνιστάμενος дѣйствительно выражается попытка въ смыслѣ начальнаго момента дѣйствія. Поэтому эти формы также должны быть отнесены къ начинательному имперекту, о которомъ говорилось выше въ примѣч. 3-мъ.

²⁾ Здѣсь нельзя назвать дѣйствій ἐβιάζετο и ἔβαλλον не выполненными, а разнѣ только не доведенными до конца, то-есть, что Клеархъ поинтовъ не принудилъ идти, а они его не убили каменьями. Но все-таки оба дѣйствія имѣли мѣсто, то-есть, были начаты. Поэтому и эти имперфекты должны быть отнесены къ начинательнымъ.

Ст. 7-я. Въ географическихъ описаніяхъ вмѣсто настоящаго ставится часто имперфектъ, по отношенію къ тому времени, о которомъ говорятъ разказчикъ. Ἀφίχοντο ἐπὶ τὸν ποταμόν, ὃς ᾠρεῖε τὴν τε τῶν Μακρῶνων χώραν καὶ τὴν τῶν Σκοθινῶν. Анаб. IV, 8, 1. Они пришли къ рѣкѣ, которая отдѣляла землю Макроновъ отъ земли Скиноновъ (Кохъ).

Ст. 8-я. Имперфекты глаголовъ, выражающихъ *долженствованіе*, означаютъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ, что слѣдовало бы дѣлать въ противоположность тому, что дѣйствительно дѣлается. Ἐδεῖ τοὺς λέγοντας μῆτε πρὸς ἔχθραν ποιεῖσθαι τὸν λόγον μῆτε πρὸς χάριν. Ораиторамъ должно было бы говорить ни по враждѣ, ни по пристрастію. Таковы глаголы: χρῆν должно, εἰκός ἦν слѣдовало бы, ἐστὶν возможно было бы, καλὸν ἦν, καλῶς εἶχεν было бы прекрасно, αἰὼν, δίκαιον ἦν было бы справедливо (Курціусъ). Сюда же ᾠφελε, αἰσχυρόν ἦν. Ὁφέλες Κύρος ζῆν. Анаб. II, 1, 4. Надобно бы Киру въ жинныхъ быть (Маттѣ).

Ст. 9-я. Имперфекты глаголовъ ἦκω прихожу и я пришелъ, ὄχομαι я ухожу и я ушелъ, употребляются собственно какъ plus-quamperfectum, при чемъ однако ἦκον, сообразно своего значенія, соответствуетъ аористу синонимическихъ себѣ глаголовъ, ᾤχεσθαι можеть выразить оба времени (ср. § 3, ст. 5. Тамъ же и примѣры. Крюгеръ. См. ниже, ст. 10).

Ст. 10-я. Въ придаточныхъ предложеніяхъ (Vordersatz) предположительнаго или условнаго (hypothetisch) періода употребляется имперфектъ, или аористъ, или плюсквамперфектъ изъяснительнаго наклоненія съ союзомъ εἰ, смотря по тому, идетъ ли рѣчь: а) о дѣйствіи настоящаго времени, или б) о дѣйствіи закончившемся, или, наконецъ, в) о дѣйствіи, которое было уже законченнымъ.

а) Ἴδὼν εἶχε βέλτιόν τι δεῖξαι, ᾠολόγουσιν ἂν ἀδίκεῖν. Еслибы ты имѣлъ (у тебя есть) показать что-либо лучшее, то я сознался бы (сознаюсь) ¹⁾, что я неправъ. Здѣсь подразумѣвается отрицаніе обоихъ предложеній, и придаточнаго и главнаго, и отрицаніе должно бы быть выражено въ настоящемъ времени, имепно: νῦν δ' οὐδὲν ἔχεις со τοίνυν ᾠολογῶ ἀδίκεῖν. Но у тебя ничего нѣтъ, а потому я не

¹⁾ Употребленіе въ русскомъ языкѣ будущаго совершеннаго въ главномъ предложеніи условнаго періода можно объяснить тѣмъ, что и въ придаточномъ подразумѣвается собственно также будущее дѣйствіе совершеннаго вида. «Если покажешь мнѣ, что у тебя есть что нибудь лучшее, то признаю себя неправымъ».

признаю себя неправымъ. Εἰ τὸν Φίλιππον τὰ δίκαια πρᾶττοντα ἴσμεν, εὐδὲρα ἂν βασιλεύοντων ἡγεύμεθα αὐτόν. Еслибы я видѣлъ (увидѣлъ), что Филиппъ поступаетъ справедливо, то и считалъ бы (счелъ бы) его весьма удивительнымъ человекомъ. Подразумѣвать должно: но я этого не вижу, а потому его таковымъ и не считаю.

б) Ἀπέθανον ἂν, εἰ μὴ ἡ τῶν τριάκοντα ἀρχὴ κατελύθη. Я пропалъ бы, еслибы владычество тридцати не рушилось. Подразумѣвать должно противоположныя дѣйствія, которыя также выразились бы въ аористѣ: ἐπεὶ δὲ κατελύθη, οὐκ ἀπέθανον.. Но оно рушилось, и я не погибъ.

в) Εἰ τοῦτο ὡμολόγητο ἡμῖν ῥᾳδίως ἂν διαμαρτύρομαι. Еслибы мы въ этомъ были согласны (оказались согласившимися), намъ было бы легко продолжать споръ. То-есть: этого согласія у насъ не оказалось, и намъ теперь не легко продолжать споръ.

Въ главныхъ предложеніяхъ таковыхъ періодовъ могутъ стоять имперфектъ, аористъ или плюсквамимперфектъ изъяснительнаго наклоненія и всегда съ частицею ἂν, независимо отъ того, тѣ ли же самыя или другія формы употреблены въ предложеніяхъ придаточныхъ. Εἰ τότε ἐβοηθήσαμεν, οὐκ ἂν ἠνέχλει νῦν ὁ Φίλιππος. Еслибы тогда пошли на помощь, то теперь Филиппъ насъ не беспокоилъ бы. Иногда частица ἂν въ главномъ предложеніи, для большей его выразительности, опускается. Ἠσυχονόμεν μόντοι, εἰ ὑπὸ πολέμου γε ὄντος ἐξηλατήθη. Анаб. VII, 6, 21. Я стыдился (устыдился) бы, еслибы обмануть былъ непріятелемъ (дался бы въ обманъ непріятелю).

Придаточное предложеніе, въ которомъ должно заключаться условіе, иногда вовсе опускается и должно быть подразумѣваемо. Ἐπιστευόμεν ὑπὸ Λακεδαιμονίων, οὐ γάρ ἂν μα ἐπεμπον κάλιν πρὸς ὑμᾶς. Минъ допѣрились Лакедемонцы, иначе не послали бы опять къ вамъ.

Ст. 11-я. Къ имперфекту, какъ и къ аористу, приставляется иногда частица ἂν, для означенія прошедшаго дѣйствія, которое совершилось при извѣстномъ случаѣ (eventuell) ¹⁾. Ἀναλαμβάνων αὐτῶν τὰ

¹⁾ Изъ приведенныхъ примѣровъ вовсе не видно, чтобы дѣйствіе, при выраженіи котораго употребляется частица ἂν, происходило при извѣстномъ какомъ-либо случаѣ (eventuell), а скорѣе указывается именно неопредѣленное число случаевъ, рядъ обычныхъ дѣйствій выражается *собирательно*. Здѣсь легко замѣтить сходство значенія этой частицы въ данномъ случаѣ съ русскою глагольною прибалкою *было*, которая придаетъ смыслъ собирательности и прошлости всякой глагольной формѣ, какою бы ни была она времени и вида, напр. «Вышло полднемъ порою сберутся (сбиралась, сбираются) юноши толпою; игра

ποιήματα, διηρώτων ἂν αὐτούς, τί λέγοιεν. И бралъ ихъ стихотворенія и спрашивалъ ихъ *бывало* (auch wohl gelegentlich), чѣмъ они хотѣли этимъ сказать. Εἰ τις δοκοίη αὐτῷ βλαχεύειν, ὁ Κύρος ἐπαίειεν ἂν. Анаб. II, 3, 11. Если *бывало* Кирю покажется, что кто-нибудь лѣнитъ, того онъ бывало приколотитъ. Εἰ δέ τινα ὀρήφῃ δεινὸν ὄντα οἰκονόμῳ ἐκ τοῦ δικαίου, οὐδένα ἂν πώποτε ἀφείλετο, ἀλλ' αἰεὶ πλείω προσεδίδου. Анаб. I, 9, 19. Если онъ въ комъ увидитъ *бывало* (усматривалъ) славнаго и честнаго хозяина, у того никогда ничего не отнималъ (*бывало* не отниметъ), но тому *бывало* еще больше прибавлялъ. Εἰ δέ τι δόξειεν αὐτῷ σημαίνεισθαι παρὰ τῶν θεῶν, ἤττον ἂν ἐπαίεσθαι παρὰ τὰ σημανόμενα ποιῆσαι. Мемор. I, 3, 4. Всякій разъ какъ, *бывало*, что нибудь покажется ему за указаніе боговъ, трудно *бывало* уговорить его — поступить противъ указанія. Εἰ δέ τις αὐτῷ περὶ τοῦ ἀντιλέγοι... ἐπὶ τὴν ὑπόθεσιν ἐπανήγεν ἂν πάντα τὸν λόγον. Мемор. IV, 6, 13. Если кто *бывало* ему въ чемъ противорѣчилъ, то онъ сводилъ (*бывало*) весь разговоръ къ основанію.

Встрѣчается ἂν въ прибавленіи и къ причастію настоящаго времени (какъ замѣщающаго имперфектъ) и аориста. "Εσφαττον ὦν κρατεῖν δύναντο καὶ ἀποτέρνοντες ἂν (ἀπέτεμνον ἂν) τὰς κεφαλὰς ἐπορεύοντο. Анаб.

Убивали, кѣмъ могли овладѣть, и, отрубая *бывало* голову, выступали (Курціусъ, Кохъ).

Ст. 12-я. Неопредѣленное наклоненіе и причастіе настоящаго времени принадлежать и имперфекту, а потому могутъ имѣть и значеніе этого послѣдняго, и не только въ связи съ прошедшими временами, но и съ настоящимъ. Ξενοφῶντος κατηγόρησάν τινας φάσκοντες παίζεισθαι ὑπ' αὐτοῦ καὶ ὡς ὑβρίζοντος τὴν κατηγορίαν ἐκοοῦντο. Анаб. 5, 8, 1. Нѣкоторые обвиняли Ксенофонта, говоря, что *бывали* имъ биты, и обвиняли, что онъ былъ заносчивъ (Крюгеръ).

§ 6-й Аористъ.

Ст. 1-я. Аористъ изъявительнаго наклоненія выражаетъ отношеніе къ прошедшему времени дѣйствіе, въ сего наступленіи ¹⁾. Гречъ

смыслется (смыслился) игрою. и пр. (Пушкинъ). Такъ и въ греческихъ приглаголахъ хотя δοκοίη, ὀρήφῃ суть формы настоящаго времени, какъ и ἀποτέρνοντες, и не имперфекты и аористы, при которыхъ поставлены ἂν, но темпоральное ихъ значеніе совершенно одинаково съ сими послѣдними, а потому и вліяніе члвстици ἂν равно и на нихъ простирается.

¹⁾ О неясности этого опредѣленія говорено въ § 1. Примѣч. 2. 3. 4. Къ этому прибавить можно слѣдующее: наступленіе дѣйствія можно понимать лишь

употребляетъ эту форму въ разказѣ о прошломъ событіи, давая ея только знать, что оно было и не вводя его ни въ какія отношенія къ другимъ дѣйствіямъ. Μετὰ τὴν ἐν Κορωνείᾳ μάχην οἱ Ἀθηναῖοι ἔξελίπον τὴν Βοιωτίαν πᾶσαν. Послѣ битвы при Короней Аѳиняне оставили всю Беотию. Παυσανίας ἐκ Λακεδαιμόνος στρατηγὸς ὑπὸ Ἑλλήνων ἐξεπέμφθη μετὰ εἰκοσι νεῶν ἀπὸ Πελοποννήσου, ξυνέπλεον δὲ καὶ Ἀθηναῖοι τριάκοντα ναοὶ καὶ ἐστράτευσαν ἐς Κύπρον καὶ αὐτῆς τὰ πολλὰ κατὰστρέψαντο. Павзаній Лакедемонскій посланъ былъ, въ качествѣ пождл, Эллинами, съ 20 кораблями изъ Пелопоннеса; съ нимъ вмѣстѣ плыли и Аѳиняне съ 30-ю кораблями; и они выступили въ походъ противъ Кипра и большую его часть покорили. Τοξικὴν καὶ ἱατρικὴν καὶ μαντικὴν Ἀπόλλων ἀνεύρεν. Искусство стрѣлянія, лѣченья и гадаванья изобрѣлъ Аполлонъ.

Ст. 2-я. Аористъ изъяснительнаго наклоненія употребляется въ предложеніяхъ, выражающихъ опытные истины (Erfahrungssätze), означая, что произошло пѣчто, повторяющееся во всѣ времена. Τῷ χρόνῳ ἢ οἵκῃ πάντως ἤλθ' ἀποτασμένῃ. Со временемъ пришло (прядеть, приходитъ) таки карающее правосудіе. Καὶ βραδὺς εὐβουλος εἶλεν ταχὺν ἄνδρα διώκων. И медленный (да) разумный настигъ (настигасть, настичетъ) въ погонѣ рѣзваго чловѣка.

Такой аористъ встрѣчается особенно въ ꙗномахъ, или поговоркахъ, потому что называютъ его *ѳомиѳескимъ* (*Κυρτῖος*).

двоѳко: или въ смыслѣ точки отправления иъ дѣйствіи, т. е. начала дѣйствія; но этого Куртῖος (§ 1) не допускаетъ; или въ смыслѣ простаго указанія, что дѣйствіе вообще имѣло мѣсто; но это можно сказать единѳкопо обо всѣхъ прошедшихъ формахъ изъяснит. наклоненія. Изъ всего сказаннаго объ аористѣ можно вывести такое его опредѣленіе: *основное* значеніе аориста состоитъ въ представленіи дѣйствія какъ бы моментальнымъ и мѣстѣ оконченимъ. Иначе сказать, аористъ выражаетъ оконченное дѣйствіе указаніемъ на одинъ только изъ трехъ моментовъ его развитія: или на исходный, начальный (конѳъ начала), или на менѳий (ἀκμή, разгаръ дѣйствія), или на послѣдній, заключительный. Такое значеніе аориста потому называю основнымъ, что аористомъ не нѣ извѣстныхъ случаяхъ, о которыхъ говорено будетъ въ своемъ мѣстѣ, могутъ быть означены прошлые дѣйствія и *собираѳельно, суммарно*. Близко къ этому воззрѳію на значеніе аориста опредѣляетъ его и Крюгеръ: «аористъ выражаетъ дѣйствіе не въ раскрытіи, а въ сжатомъ видѣ (nicht entfaltend, sondern zusammengefasst). Въ противоположность имперѳекту аористъ сдѣлался по преимуществу повѣствовательнымъ временемъ, представляя событіе въ его концентрированномъ проявленіи (то-есть въ одномъ изъ существенныхъ моментовъ его проявленія).

Что случилось разъ въ прошлое время, то, при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ и теперь во всякое время случиться ¹⁾. Этотъ же аористъ употребляется въ сравненіяхъ и картинахъ, чтобы единичный (конкретный) случай тѣмъ нагляднѣе дѣйствовалъ.

У Гомера чрезъ это дается много жизни картинамъ природы:

Ἄλλ' ὅτε δὴ ῥ' ἐν τοῖσιν ἐλίξεται, ἀλλὰ πεποιθὼς,
ἄψ τ' ἀνεχώρησαν διὰ τ' ἔτρεσαν ἄλλοδις ἄλλος.

II. 17, 729. Но только что онъ (забанъ), увѣренный въ силѣ, обернется на нихъ (преслѣдующихъ его собакъ), какъ опѣ мигомъ *пустились* (= пускаются) назадъ и кто куда разбѣжались (разбѣгаются). (Кохъ, Акенъ).

Ст. 3-я. Аористомъ выражается какъ бы дѣйствіе ускоренное, быстро мелькающее, какъ бы происходящее вмѣстѣ съ рѣчью объ немъ. Напримѣръ, σὲ γάρ ἐκάλεσα я кликнула, повала (= кличу, зову) тебя (Акенъ). Τί τοῦτ' ἐγέλασας; что ты засмѣялся (смѣяешься)? Въ разговорѣ вызванное во мнѣ чѣмъ-либо чувство, въ то мгновеніе, когда я о немъ говорю, уже принадлежитъ прошлому; поэтому въ греческомъ языкѣ ставится въ такихъ случаяхъ 1-е лицо аориста изъяснительнаго наклоненія. Πῶς ἐξανασχῆρασε, τοῖσιν Ἀτρέως ἐμὲ ζωνόντα παῖσιν, σὲ μ' ἀπόλεσαν. Soph. Φιλ. 1313—1314. Какъ мы перенесете то, что я соединяюсь съ дѣтиши Атрея, которые сгубили меня (Кохъ). Χρὴ δὲ ξένον μὲν χάριτα προσχωρεῖν πόλει· οὐδ' ἀστέον ἦνες, ὅς τις αὐθάδης γεγὼς πικρὸς πολίταις ἐστὶν ἀμαθίας ὕπο. Eurip. Med. 220. Чужестранецъ долженъ припоравливаться къ (новому) государству. Не похваляю (не похвалила) я гражданина, который, сдѣлавшись записнымъ, тягостенъ согражданамъ по своей неутѣшливости.

Также въ отрицательныхъ вопросахъ, на которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отвѣта. Τί οὖν οὐ διηγῆσαι ἤτις; Plat. Phaed. 86. D. Зачѣмъ же ты не *разказывалъ* (не разказывалъ, не разказываешь) памъ? Τί οὖν οὐχί, οὐ γὰρ αὐτίκα μάλα εὐδαίμων ἐγένου καὶ ἐμὲ εὐδαίμονα ἐποίησας Кор. 8, 3, 46. Ну такъ вотъ ты и сдѣлался (дѣлаешься)

¹⁾ Въ русскихъ народныхъ поговоркахъ, загадкахъ и пословицахъ встрѣчается то же самое. «Кто смѣлъ, тотъ два *смыла*. — Китайскимъ стрѣла (чай) въ Россію *вошла* въ хрестіанскія сердца, *сгубила* всѣхъ до конца. — Маленькій, горбатенькій (серпъ) все поле *проскакалъ*. — *Пришла* (когда приходитъ) бѣда, отворилъ ворота (то-есть за ней придутъ другія). Воронъ за море летѣлъ, а умишъ не *сталъ*. — Жилъ-былъ молодецъ, дома не видалъ *поселян*, *ушелъ* изъ чужбину *запасака*. — Рано пташки *запѣла*, какъ бы кошечка не *сѣла*».

очень счастливымъ и мени счастливымъ сдѣлалъ (дѣлаешь)! *Ti oũ oũ kai Prōdikon ēkalēssamen;* Plat. Protag. 317. D. Отъ чего же мы не познали также Продика? *Ti oũ oũ ēkeino prōton ēpeschēfameθα;* Мен. IV, 6, 14. Такъ не рассмотримъ ли намъ сперва то? *Ἄνερ φίλε, μή με πατήσης. Ὁρθὸς ἀνέστα ὁ πυρρός. Ἴδ', ὡς ἄγριος. Θεοστ.* Любезный человѣкъ, не задани меня. Глѣдой *сталъ* на дыбы—вишь, какой бѣшеный!). Такой аористъ даже можетъ означать будущее дѣйствіе, какъ бы предвѣщая его, чтобы выразить быстроту выполнения²⁾. *Ἦν δ' ἄρα του καὶ πείρα σφαλῶσιν, ἀντελπίσαντες ἄλλα ἐπ' ἀγρωσαν τὴν χρεῖαν.* Thuc. I, 70, 7. Если потернать въ попыткѣ неудачу, то, создавъ себѣ новыя надежды, они уже возмѣстили убытокъ. *Ἦν τις ἄρα ἐν κατηγορίᾳ παροξύνῃ, οὐδὲν μᾶλλον ἀχθεομένης ἀνεπεσιθήμεν.* Thuc. I, 84. Если кто обвиненіемъ будетъ раздражать насъ — не увлечемся (не увлеклись) негодованіемъ.

Ст. 4-я. Если быстро наступающее дѣйствіе есть видѣть съ тѣмъ и такое, которое во всякое время случается, то сближаются по значенію своему дѣйствія моментальное и обычное. *Ἐπακούσας δὲ τῆς φωνῆς ὁ χροκόδειλος ἵεται κατὰ τὴν φωνήν, ἐντυχὼν δὲ τῷ ὧτι κατακίβεν· οἱ δὲ ἔλκουσι.* Ἐπεὰν δὲ ἐξελκουθῇ ἐς γῆν, πρῶτον ἀπάντων ὁ θηρευτῆς πηλὴ κατ' ὧν ἐπλάσσει αὐτοῦ τοὺς ὀφθαλμούς. Herod. 2, 70. Крокодилъ, услышавъ голосъ (поросепка), плюнеть нѣ голосъ; встрѣтившись же съ хребтовиною (свиницею), проглатываетъ ее. Тѣ тащатъ. Какъ скоро онъ вытаснетъ на землю, то прежде всего охотникъ засорить (засорить) ему глаза глиной³⁾. *Μετὰ δὲ λίθῳ Λιβυοπικῷ ὀξεί παρασχίσαντες παρὰ τὴν λακάρην ἐξ ὧν εἶλον τὴν κοιλίην πᾶσαν.* Herod. II, 86. Потомъ острымъ эоіонскимъ камнемъ разрѣзавъ подъ пахомъ, вынимають (вынули, вынутъ) всю внутренность. *Ἐπεὰν τοὺς χλουστῆρας πλήρωνται τοῦ ἀπὸ χέδρου ἀλείφατος γινομένου, ἐν ὧν ἐπ' ἀγρωσαν τοῦ νε-*

¹⁾ То же самое и въ русскомъ просторѣчнн: тебя чуть тронъ, ты и зарежалъ (то-есть, испугался релѣтъ). — Подождешь къ глубокой рѣкѣ, — моста нѣтъ, и стало дѣло. Онъ вскочилъ на коня, да и былъ таковъ!

²⁾ Въ русскомъ просторѣчнн: ты топнешь, а я вотъ тебѣ такъ и испугалась (то-есть, не испугалась)! Кончилъ (какъ скоро кончилъ) дѣло, гуай свѣдо. Не глѣдко въ подобныхъ случаяхъ ставится будущее и неизмѣнно видовое: шила нѣ мѣшикъ не утиснь. Поспѣвшишь, людей насмѣвшишь. Мурапей не по себѣ пошу тащить, никто спасибо не скажетъ. Выйдетъ красно солнце, уйдетъ свѣтель мѣсяць.

³⁾ Этотъ случай употребленія аориста кажется совершенно аналогичнымъ съ предыдущими и съ приведенными въ примѣчаніяхъ 2-мъ и 3-мъ русскими примѣрами. Еще примѣръ: Отъ чего казакъ гладокъ? *Помъ* и на боку!

κροῦ τὴν κοιλίην. Пегол. 2, 87. Влиять въ клистиръ кедроваго масла, наполняютъ (наполнили, наполняютъ) имъ животь у трупа.

Ст. 5-я. Аористъ часто выражаетъ пунктъ, въ которомъ сосредоточивается значеніе всего дѣйствія, ἀκμή, вершину дѣйствія, — еще не состояніе, но какъ бы моментъ достиженія той высоты, откуда начинается состояніе ¹⁾. Βουλῆθηται посоветовать, δυνῆθαι возмочь, ἐρασῆθαι полюбить (возлюбить, влюбитъся). Здѣсь формы настоящего времени служатъ какъ бы начинательными (inchoativa) при аористѣ. Ἦδὲ γάρ Πριάμου γενετὴν ἤχθηρε Κρονίων. II, 20, 306. Ибо *не залюбилъ* (не возлюбилъ, возненавидѣлъ) Кропіонъ родъ Пріама. Особенно же имъ выражается достиженіе чего-либо: ἐβασίλευσεν воцарился. (Акенъ).

Аористомъ изъяснительнаго склоненія выражается наступленіе дѣйствія въ прошломъ времени (ingressiv). Παпримѣръ, ἔσχον (франц. j'eus) и получилъ, то-есть, и сталъ имѣть; ἐχρησάμην и воспользовался, сталъ употреблять, ἤρξα и возгосподствовалъ, ἐδῆλας началъ, началъ, ἐδυνασάμην и получилъ возможность что-нибудь сдѣлать, ἔσχουα и окрѣпнѣ, ἐβασίλευσα и воцарился, ἐστρατήγησα и сдѣлался полководцемъ, ἐβούλευσα и вступилъ въ члены совѣта, ἐτοράνησα и сдѣлался владыкою, ἐδοῦλασα и поналъ въ рабство, ἐπυλέμησα и началъ воевать, ἐνύχησα и ἤρπηνησα и заболѣлъ, ἐπεδήμησα и пришелъ домой, во снеюм, ἐκοιμήτην и заснулъ, ἐπλούτησα и разбогатѣлъ, εὐέχοιμησα и вошелъ въ славу, ἐσχόλασα и удосужилъ, ἐγάλασα и засмѣлся, ἐδάκρυσα и заплакалъ, ἐσίγησα и замолчалъ, ἠράσθην и полюбилъ, влюбился, ἠγάσθην, ἦσθην, ἠχθῆσθην, ἐφροβήθην и ἐδείξα и удивился, возрадовался, разсердился, испугался, ἐθάρρησα и ободрился, ἐπώπτευσα и сталъ подозрѣвать, ἐθαύμασα и удивился, ἐνόμεσα и ἠτήσαμην и ψήθην и вздумалъ, ἐπαλά на мысль. Корень формы настоящего этихъ глаголовъ озпачаетъ частію состояніе, напримѣръ, имѣть, царствовать, частію связное повтореніе (?), напримѣръ, смѣюсь, плачу, люблю (Κοιῶ).

Ст. 6-я. Объ употребленіи аориста съ частицею ἄν, наравнѣ съ имперфектомъ, при обозначеніи прошлыхъ обычныхъ дѣйствій, гово-

¹⁾ Пунктомъ, въ которомъ сосредоточивается значеніе всего дѣйствія, въ русскомъ языкѣ можетъ быть не средина только, или, какъ у Акена, вершина (ἀκμή), но также начало и конецъ дѣйствія; такъ какъ указаніе и на одинъ изъ этихъ моментовъ дѣйствія выражается все дѣйствіе. Но и этою, столь нѣтъ условленною Акеномъ, *вершиною* дѣйствія не вполне выражается точка наибольшаго напряженія, разгара дѣйствія, увлеченія дѣйствіемъ. Едва ли удастся найти равносильными русскими формамъ: разъигрался, расплескался.

рено выше (§ 5, ст. 11), съ приведеніемъ примѣровъ. Акенъ находитъ то различіе между употребленіемъ въ подобныхъ случаяхъ имперфекта и аориста, что имперфектомъ выражается обычность продолжительная, непрерывная, аористъ же представляетъ *сумму отдѣльныхъ фактовъ*. Это и есть именно то, что я называю видовой *собираательною* формою, когда упоминается о прошломъ обычномъ дѣйствиіи *суммарно, собирательно*.

Ст. 7-я. Прошрое дѣйствіе, происшедшее прежде другаго, прошлаго же дѣйствія, обыкновенно выражается аористомъ изъявительнаго наклоненія, который въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ латинскому *plusquamperfectum*. Впрочемъ, предшествованіе одного прошедшаго времени другому прошедшему же выражается не самою формою аориста, а скорѣе явствуетъ изъ связи рѣчи. Именно въ предложеніихъ относительныхъ и служащихъ для опредѣленія времени, если придаточное дѣйствіе предшествуетъ главному, или иначе какъ къ нему относится, оно ставится въ аористѣ изъявительнаго наклоненія. Такъ употребляется аористъ съ союзами времени *ἐπεὶ*, *ὥς*, *ὅτε* какъ въ латинскомъ имперфектѣ съ *postquam*, *ubi*, *ut*, *ὥς* *ὁ* *Κῦρος* *ἦ* *οὐ* *εἶ* *το* *κραιττῆς*, *ἀνακτῆρος* *ἐκ* *τῶν* *ἱππῶν* *ᾧ* *παρ* *ἐν* *θουοισίν*. Какъ только Киръ услышалъ (*postquam audivit*) крикъ, вскочилъ онъ, будто изступленный, на коня. *Λαρεῖος* *Κῦρον* *μετακίπεται* *ἀπὸ* *τῆς* *ἀρχῆς*, *ἥς* *αὐτὸν* *σατραπὴν* *ἐ* *ποι* *ῆ* *σεν*. Анаб. 1, 1, 2. Дарій вызываетъ Кира изъ области, надъ которою онъ былъ отъ него поставленъ сатрапомъ. *Ἐπεὶ* *Κῦρος* *Ἰσσαφέρνην* *ἐ* *πολέμησε*, *πᾶσαι* *αἱ* *πόλεις* *ἐ* *κοῦσαι* *Κῦρον* *εἰ* *λοντο* *ἀντὶ* *Ἰσσαφέρους*. Анаб. 1, 9, 9. Послѣ того какъ Киръ сталъ воевать (*quum bellum gerere coepisset*) съ Тиссаферномъ, всѣ города добровольно передались Киру вмѣсто Тиссаферна.

Надобно замѣтить, что здѣсь, какъ и вообще, Грекъ оставляетъ послѣдовательность времени безъ означенія, что въ латинскомъ языкѣ именно означаетъ самымъ подробнымъ образомъ (Курціусъ, Кохъ). Акенъ объясняетъ употребленіе аориста на мѣстѣ плюсквамперфекта тѣмъ, что такъ какъ одновременность не возможна безъ длительности, то пунктъ ставится предъ начинающеюся линіею (*fällt der Punct vor Beginn der Linie*).

Ст. 8-я. Аористъ изъявительнаго наклоненія ставится вмѣсто имперфекта вслѣдствіе того, что отношеніе дѣйствія къ моменту говоренія о немъ остается невыраженнымъ. На этомъ и вообще основывается опущеніе выраженія отношеній по времени. Такъ въ латинскомъ языкѣ ставится большею частію *perfectum historicum* тамъ,

гдѣ мы ожидаемъ собственно перфекта. Νῦν δ' ὥδε ἐν νηὶ κατ' ἄλυσον. Ноин. Odys. 1, 182. Теперь же я прибылъ сюда съ кораблемъ. Тамъ же 172, 194, 211, 219, 2, 28, 46, 96, 4, 810, 727, 23, 27, 3, 103. Αἰσθόμενοι δὲ καταβοήν οὐκ ὀλίγην οὔσαν παρήλθομεν. Thuc. 1, 73, 1. Узнавши о немалой на насъ клеветѣ, мы *пошлись*. Κερκωραῖοι ἀπέστευλαν ἡμᾶς. Thuc. 1, 32. Керкореѣцы прислали насъ. Ἐκκλησίαν ζυνήγαγον. Thuc. 1, 120, 1. Они созвали собраніе. Συνέκαλεσα. Thuc. 2, 89, 1. Я созвалъ. Ἐγραφα δὲ αὐτὰ διὰ τόδε. Thuc. 1, 97, 2. А написалъ и это потому. Νῦν ἐπεδείξατε. Thuc. 4, 17, 1. Теперь вы это доказали. Ἐπεμφαν ἡμᾶς οἱ Λακεδαιμόνιοι. Thuc. 4, 17, 1. Насъ послалъ Лакедемонцы. Οὐκ ἀπὸ τοῦ ἰσσοῦ παρεσχευάζαντο. Thuc. 2, 89, 1. Они изготовились не въ равномъ числѣ. Ἐκαλλωπισάμην' ἵνα καλῶς παρὰ καλὸν ἴω. Plat. Symp. 182. С. Я украсился, чтобы къ красивому прійти самому красивымъ. Εὖρες καὶ ἔχεις. Ты пашелъ и имѣешь. Symp. 175. Д. Παῦσαι τῆς λυγγός. Переставъ рыдать и Ἐπαύσατο пересталъ. Symp. 188. Е. Ἐπειδὴ θνητοῦ σώματος ἔτυχες. Isocr. 2, 37. Такъ какъ ты получилъ смертное тѣло.

Нерѣдко аористъ употребляется смѣшанно съ перфектомъ. Τί οὖν ταῦτ' ἐπήραμαι καὶ τί ἑτενάμην οὕτως; οφουδρῶς. Dem. 18, 142. Но для чего я такъ покаялся и такъ объ этомъ распространился. Κεῖται δὲ νεκρὸς περὶ νεκρῶν, τὰ νομφικὰ τέλη λαχὼν δέιλαιος ἐν γ' Αἰδοῦ δόμῳς. Soph. Antig. 1229 (1208). Лежитъ мертвецъ рядомъ съ мертвецомъ, получивши, несчастный, брачное благословеніе въ жилищахъ аида.

Ἦμεῖς μὲν Κύρον ἡβήσαντες, στρατεύμα δόντες, καὶ ἄρχοντα τοῦτου αὐτὸν καταστράσαντες. Κύρος δὲ ἡγούμενος τοῦτου εὐκλειεῖς μὲν ὑμᾶς ἐν πασιν ἀνθρώποις ἐποίησεν· τῶν δὲ συστρατεύσασμένων τοὺς μὲν ἀρίστους καὶ πεπλούτιξε, τοῖς δὲ πολλοῖς μισθὸν καὶ τροφήν παρεσχεύακεν· ἱππικὸν δὲ καταστράας Περσῶν πεποίηκε Πέρσαις καὶ πεδίων εἶναι μετουσίαν. Кур. 8, 5, 23. Вы *сдѣлали* Кира великимъ, давши ему войско и поставивши его надъ нимъ начальникомъ. Киръ же, предводительствова имъ, *сдѣлалъ* насъ славными между всѣми людьми. Изъ тѣхъ, которые пошли съ нимъ въ походъ, самыхъ лучшихъ онъ *обогадилъ*, многимъ другимъ доставилъ жалованье и содержаніе. Учредивши же персидскую конницу, онъ *сдѣлалъ* Персовъ соучастниками во владѣнствѣ надъ равнинами.

Такимъ образомъ аористъ приравнивается не только нѣмецкому перфекту, но и греческому, то-есть, употребляется не только тамъ, гдѣ выражается отношеніе времени дѣйствія ко времени говоренія о немъ, но и тамъ, гдѣ дѣйствіе результатомъ своимъ входитъ въ

настоящности, и это основывается вовсе не на значеніи законченности, но на оставленіи безъ вниманія относительнаго опредѣленія времени, на несоблюденіи послѣдовательности (*consecutio*) временъ (Акенъ)¹⁾.

Ст. 9-я. Аористы *первый*, иначе аористъ слабого спряженія, и *второй*, или аористъ сильнаго спряженія, относительно времени ни чѣмъ между собою не разнятся (Крюгеръ). Въ нѣкоторыхъ глаголахъ, имѣющихъ обѣ формы аористовъ и колеблющихся между переходнымъ и непереходнымъ значеніемъ, аористу второму принадлежитъ значеніе непереходное, аористу первому переходное. ἔστην я сталъ, ἔστηα я поставилъ; ἔβην я пошелъ, ἔβηα (у поэтовъ) я заставилъ идти; ἔφυν я родился, ἔφυα я родилъ; ἔδον я погрузился, ἔδοα я погрузилъ; ἔσβην я погасъ, ἔσβεα я погасилъ; ἔπιον я пилъ (цанился), ἔπισα я поилъ (напоилъ).

Ст. 10-я. Аористъ въ повелительномъ, желательномъ, сослагательномъ и неопредѣленномъ наклоненіяхъ выражаетъ наступленіе дѣйствія вообще, будь-ли то въ настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ времени. Οἱ τριάκοντα προσέταξαν ἀπαγαγεῖν Λέοντα, ἵν' ἀποθάνῃ. Тридцать тирановъ приказали отвезти Леона на убійствѣ. Ἀπορῶ, τί πρῶτον μνησθῆ. Не доумѣваю, о чемъ прежде упомянуть. Μὴ θαυμάσῃτε, εἰν παράδοξον εἶπω τι. Не удивитесь, если скажу нѣчто странное. Μεγα οἶμαι ἔργον τὸ ἀρχὴν καταπράξειαι, πολὺ δ' ἔτι μεῖζον τὸ λαβόντα διασώσασθαι. Считаю великимъ дѣломъ достигнуть власти, но гораздо еще большимъ, достигши удержатъ ее.

Аористъ въ повелительномъ, желательномъ, сослагательномъ и неопредѣленномъ наклоненіяхъ отличается отъ соответствующихъ формъ настоящаго времени тѣмъ же самымъ, чѣмъ аористъ изъявительнаго наклоненія отъ имперфекта. Формы аориста указываютъ болѣе на единичность факта, на дѣйствіе, схваченное въ одной точкѣ сего со-

¹⁾ Маттѣ (Grammatischer Anfang zu Xenoph. Anabasis § 5), объ употребленіи аориста вообще выражается такъ: «латинскій и нѣмецкій языки, употребляющіе вмѣсто аориста въ большей части случаевъ форму настоящаго времени, представляются въ этомъ отношеніи монотонными, непереломными и вялыми, въ сравненіи съ греческимъ языкомъ, который поперечными употребленіемъ аориста означая окончательное наступленіе дѣйствія, придаетъ волю, намѣренію, рѣшенію опредѣленность и твердость, желанію и позволенію настоячность, нѣжностію и утвержденію увѣренность, заботѣ завыѣстность, надеждѣ основательность, возможное представляетъ достигимымъ, невозможное немислимымъ, необходимое неизбѣжнымъ и вообще дѣлаетъ способъ выраженія въ высшей степени опредѣленнымъ и точнымъ».

вершеніи; формы настоящаго времени выражаютъ состояніе, часто длительность. Χαλεπὸν τὸ ποιεῖν, τὸ δὲ κελεῦσαι ῥᾶδιον. Трудно дѣлать, а приказать легко. Εἴ πῃ ἔχεις ἀντιλέγειν, ἀντίλεγε· εἰ δὲ μὴ, παῦσαι πολλὰκις λέγων τὸν αὐτὸν λόγον. Если имѣешь, что возразить, возражай; если нѣтъ, *перестань* твердить ту же рѣчь.

Ст. 11-я. Причастіе аориста выражаетъ обыкновенно дѣйствіе, предшествовавшее дѣйствию, выражаемому главнымъ глаголомъ. Κροῖσος Ἄλυν διαβάς μεγάλην ἀρχὴν καταλύσει. Крезъ, перешедши Галистъ, разрушить великое государство. Такъ какъ аористъ вообще выражаетъ наступленіе дѣйствія (выражаетъ дѣйствіе указаніемъ на одинъ моментъ въ его развитіи), то и причастіе аориста выражаетъ только, что наступленіе этого дѣйствія предшествовало другому дѣйствию; между тѣмъ какъ оно могло продолжаться и рядомъ съ нимъ. Γελάσας εἶπε. Засмѣявшись сказалъ онъ. Χάρισαί μοι ἀποκρινάμενος. Сдѣлай милость, отвѣтъ мнѣ.

§ 7. Perfectum.

Ст. 1-я. Perfectum означаетъ настоящее состояніе совершившагося дѣйствія; это есть настоящее совершеннаго дѣйствія. Τέθνηκα я мертвъ, κέκτημαι у меня приобрѣтено, τέθαπται онъ погребенъ, ἔστηκα я сталъ, σεοίγηκα я смолкъ (σιγήσαι замолчать). Ὁ μακάρις οὐ τὰ τέθνηκα καὶ αὐτὸ τοῦτο, ὅτι ἐκ πένητος πλούσιος γεγέννηται· πολὺ γάρ οἶμαι σε καὶ διὰ τοῦτο ἡδίων πλουτεῖν, ὅτι πεινῆσας χρημάτων πεπλούτηκας. Сынъ гор. VIII, 2, 23. Счастливъ ты сверхъ прочаго и потому, что изъ бѣдняка сталъ богачемъ; думаю, что тебѣ гораздо пріятнѣе быть богатымъ, потому что ты, наголодавшись, разбогатѣлъ.

Ст. 2-я. Perfectum глаголовъ душевнаго движенія означаютъ не то, что движеніе кончилось, но что начало движенія закончилось и что субъектъ пребываетъ въ этомъ движеніи (волненіи) душевномъ. Ἐντεθόρημαι. Анаб. III, 1, 43. Я додумался, задумалъ (ich bin von dem Gedanken durchdrungen). Ἐπιτεθόρηκα. Plat. Phaedr. 227. Д. Я возжелалъ, мнѣ захотѣлось. Ἐσπούδακα. Luc. Char. 20. Я разохотился (ich bin voll Eifers). Ἔστιν ὁδοῖνας ἀνθρώπους τεθαύμακας ἐπὶ σοφίᾳ; Mem. 1, 4, 2. Не въ изумленіи ли ты отъ нѣкоторыхъ людей, въ слѣдствіе ихъ мудрости? Ἐφοβήθη καὶ ἐτι καὶ νῦν τεθροβήθη. Aesch. 2, 4. Я испугался и теперь еще въ смущеніи (не окупился). (Кохъ.)

Ст. 3-я. Состояніе, вытекающее изъ заключенія окончившагося дѣйствія, можетъ быть *положительное* и *отрицательное*. Последнее рѣже. Ἄλις πεπαισθῶ. Полно шутить (собственно: пусть довольно бу-

дѣть пошучено. Перестань шутить)! Въ латинскомъ языкѣ это употребительнѣе. Finis Троя. Были мы Троянцами. Navi filiam! Была у меня дочь (то-есть, теперь пѣтъ у меня дочери).¹⁾

Такъ какъ первоначальное дѣйствіе въ perfectum представляется уже оконченнымъ, то въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ состояніе выражается уже формою настоящаго, состояніе это формою perfectum отрицается. Βεβίωκασι *жили, отжили*. Но форма настоящаго допускаетъ также и значеніе пачинательности; поэтому βεβίωκα можетъ значить и *жили* (dieses Resultat des Lebens habe ich gewonnen). Такимъ образомъ ἐσχηκα имѣетъ отрицательное значеніе къ настоящему въ смыслѣ: *имѣть*, и положительное къ настоящему въ смыслѣ: *получать*²⁾.

См. 4-я. Состояніе законченности, смотря по значенію слова, можетъ быть очень разнообразно: часто оно есть прекращеніе дѣйствія (ἐκέρχθηαι, ἐκλήθηαι); часто дѣйствіе представляется какъ бы слившимся съ дѣятелемъ (als haftend an der Person): ἐχτόνευαι *быть чинить-нибудь, убійцемъ*; часто оно есть выполненіе новаго дѣйствія: δέβορκα, πέκοιθα, οἶδα (Акетъ).

См. 5-я. Очень часто Греки ставятъ аористъ, гдѣ мы ожидаемъ встрѣтить perfectum. Въ этихъ случаяхъ онъ, значить, не обращаетъ вниманія на то, что дѣйствіе въ настоящее время предлежитъ въ законченномъ видѣ, а лишь на то, что оно поступило въ область прошлаго. Παρεχάλεα ὄμας. Анаб. 1, 6, 6. Я позовалъ васъ. Ἐπερφευ ἦμας. Анаб. 5, 5, 8. Прислалъ насъ. Но наоборотъ: perfectum никогда не ставится вмѣсто аориста (Кохъ)³⁾. Впрочемъ Акетъ, ссылаясь на Беригарди, замѣчаетъ, что теперь мѣста, гдѣ perfectum употребленъ былъ вмѣсто аориста, всѣ измѣнены.

См. 6-я. Perfectum, съ прибавкою εὐδός, παρὰχρημα, ταχὺ выражаетъ и будущее законченное, несложное и непрерывное дѣйствіе.

¹⁾ Въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и русскую пословицу: «Былъ молодцу не укоръ», — то-есть, проступки, которые болѣе не повторяются, не безсчитать хорошаго человека. То же значеніе изрочно имѣетъ и прибавка былъ-а, о-и въ сказочномъ выраженіи: жилъ-былъ; а также въ выраженіи: и былъ таковъ.

²⁾ Двойной смыслъ встрѣчается и въ русскихъ глаголахъ, сложныхъ съ пересектинными (такъ сказать) предлогами. Напримѣръ, отжилъ онъ — можетъ значить: онъ не въ живыхъ уже, или: онъ не живетъ уже (у кого-либо), а также и въ смыслѣ: *отработалъ*, напримѣръ, я отжилъ ему свой долгъ. — Отгулялся, то-есть, болѣе не будетъ гулять; а также: поправился черезъ гулянье.

Οὐ βουλευέσθαι ὦρα, ἀλλὰ βεβουλευέσθαι. Plat. Crit. 46. Не сомѣтонаться
 пора, а уже принять рѣшеніе. Ἀριθμὸς ἐὰν ἀφάλῃς τι ἢ προσῴῃς, ἕτε-
 ρος εὐθὺς γέγονεν. Пл. Крат. 432. Число, какъ скоро отъ него отни-
 мешь что-либо, или приложишь, сейчасъ другое сдѣлалось (Кохл).
 Аксигъ называетъ такой perfectum предвзимающимъ (vorgausgeifend).
 "Ὀλοῦλα. И пропалъ. Суг. 4, 2, 26. Весьма хорошій примѣръ такого
 perfectum встрѣчается въ Анабазисѣ 1, 8, 12. Κάν τοῦτ', εἴφη, νικῶμεν,
 πάνθ' ἡμῖν πεποιήται. И если мы побѣдимъ его (центръ арміи), то у
 насъ все покончено (будетъ).

Ст. 7-я. Perfectum въ изъявительномъ наклоненіи можетъ выра-
 жать выѣстъ съ окончаніемъ дѣйствія и его слѣдствіе. Ἐπελεῶς οἱ
 θεοὶ ὧν οἱ ἄνθρωποι θέονται κατεσχευάκασιν. Xenoph. Anol. 4, 3, 3. Бо-
 гами заботливо припасено все, что нужно людямъ. Но собственно,
 чтобы означить слѣдствіе прежняго дѣйствія, какъ еще продолжаю-
 щееся, употребляется perfectum (а также и аористъ) въ причастіи съ
 εἰμί. Οὕτως ἂν καὶ οὐδεὶς ἕτερος ἀποκτείνας αὐτὸν εἴη. Ant. Этого, а не
 другой кто, его убійца.

Ст. 8-я. Такимъ образомъ perfectum отъ нѣкоторыхъ глаголовъ
 сдѣлалось синонимами настоящаго времени тѣхъ же или другихъ,
 соотвѣствующихъ глаголовъ, выражая однако выѣстъ съ тѣмъ и за-
 копченности дѣйствія; другіе же выражаютъ рѣшительныя резуль-
 таты.

Καλεῖν называть, κελῆσθαι зваться, быть названнымъ, отъ γινώ-
 σκειν узнавать, ἐγνώκειν знать, novisse, отъ μνησκειν вспоминать,
 μνησθῆναι помнитъ; отъ κτᾶσθαι приобрѣтати, κελῆσθαι владѣти. "Αν-
 ἥρωπος ὧν μέμνηται τῆς κοινῆς τύχης. Будучи человѣкомъ, помни общую
 долю (Крюгеръ). Сюда же принадлежатъ: παῖσθαι слѣдую, πέποιθα и
 расположился (на кого); ὀλλομαι погиблю, ὅλωλα и погибъ; ἵσταμαι
 становлюсь, ἕστηκα я сталъ (= стоίω), βαίω иду, βέβηκα и пошелъ
 (Курциусъ)¹⁾.

Ст. 9-я. Perfectum повелительнаго, желательнаго, сослагательнаго
 и неопредѣленнаго наклоненій выражаетъ законченности дѣйствія,
 безъ означенія времени. Τεθνάειν быть мертвымъ, μέμνητο помни.

Ст. 10-я. Причастіе perfectum выражаетъ не предшествовавшую
 прошлость (Vorvergangenheit), но, подобно plusquamperfectum, одно-
 временности законченнаго придаточнаго дѣйствія съ главнымъ.

¹⁾ Совершенно то же встрѣчается въ русскомъ языкѣ: куда ты пошелъ?
 выѣсто: куда ты идешь? Если ты мнѣ не поможешь, то я пропалъ.

Ἐποοῦντο διαβάσεις ἐκ τῶν φοινίκων, οἱ ἦσαν ἐκκεκτοχότες. Анаб. 2, 3, 10. Дѣлали переправы изъ лежавшихъ тамъ финиковыхъ деревьевъ. Ἐρώτησεν εἰ ἤδη ἀποκεκρίμενοι εἶεν. Анаб. 2, 1, 15. Онъ спросилъ, данъ ли уже имъ отвѣтъ.

Ст. 11-я. Ἐχειν съ причастіемъ perfectum означаетъ существующее и основанное на дѣйствиі обладаніе. Πολλὰ χρήματα ἔχουεν ἡρκαχότες. Анаб. 1, 3, 14. Много имущества у насъ награблено. Χορία φησὺν ἰσχυρά οἱ Ταόχοι, ἐν οἷς καὶ τὰ ἐπιτήδεια πάντα εἶχον ἀνακεκομισμένοι. Анаб. 4, 1, 1. Таохцы живутъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ собраны и всѣ съѣстные припасы.

Но какъ оконченность дѣйствиі уже достаточно выражается глаголомъ ἔχειν, то Грекъ употребляетъ часто вмѣсто причастія perfecti причастіе аориста. Τοὺς ἄλλους πάντας εἶχε καταστρεφάμενος Κροίσος. Герод. 1, 28. Всѣ другіе были покорены Крезомъ.

У трагиковъ встрѣчается ἔχειν съ переходнымъ значеніемъ (пробывать въ извѣстномъ состояніи) въ связи съ причастіемъ перфекта или аориста. Θαυμάσας ἔχω τότε. Soph. Phil. 1362. Удивляюсь этому (= θαυμάζωκα τότε) (Кохъ).

§ 8. Plusquamperfectum.

Ст. 1-я. Plusquamperfectum есть прошедшее dokonченнаго (готовнаго) дѣйствиі. Грекъ выражаетъ имъ дѣйствиі оконченное (бывшее готовымъ), по отношенію къ прошедшему времени: ἐτεθνῆκεν я былъ уже умершимъ, ἐκεκτῆμην и состоялъ владѣльцемъ, ἐτέθηκτο онъ былъ уже погребеннымъ, ἐπεφοβήμην и былъ испуганъ. Ἐντοῖς Δράκοντος νόμοις μία ἅπασιν ᾠριστο τοῖς ἀμαρτάνουσι ζημία θάνατος. Въ драконовыхъ законахъ было для всѣхъ преступниковъ одно положено наказаніе—смертная казнь. Это говоритъ одинъ Аѳинянинъ, послѣ того какъ законы эти были отменены; а пока они были въ дѣйствиі — ᾠρισται (Курциусъ, Кохъ).

Ст. 2-я. Иногда писатель въ оживленномъ разказѣ упоминаетъ о дѣйствиі, какъ законченномъ, о совершеніи котораго онъ вовсе еще не упоминалъ. Εὐθὺς τὰ τε χρήματα ἐκ τῶν ἀγρῶν συνήγον καὶ αἱ πόλαι ἐκέχλειντο καὶ ἐπὶ τῶν τευχῶν ὄπλα ἐφαίνετο. Анаб. VI. 2, 8. Тотчасъ они убрали имущество изъ деревень (въ городѣ), и ворота предъ тѣмъ уже были заперты и на стѣнахъ видно было оружіе.

Ст. 3-я. Греческій plusquamperfectum въ придаточныхъ предложеніяхъ не выражаетъ предшествовавшей пропlosti, какъ въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (для чего Грекъ употребляетъ

аористъ изъявительнаго наклоненія), а одновременность оконченнаго придаточнаго дѣйствія съ главнымъ (Кохъ).

Ст. 4-я. Plusquamperfectum изчисленныхъ выше § 7, ст. 8 глаголовъ, у которыхъ perfectum сдѣлалось синонимимами формъ настоящаго времени, равнозначительны imperfectum'у. Ὡν παρῆναις πρότερον ἀμάρτυτο οὐδέν. Θ. 2, 21, 3. Онъ ничего не помнилъ изъ того, что прежде посовѣтовалъ.

Ст. 5-я. Желательное, неопредѣленное наклоненія и причастіе perfectum'a принадлежать также и plusquamperfectum'у (Крюгеръ).

§ 9. Будущее время.

Ст. 1-я. Будущее время, по происхожденію ближайшее къ аористу, означаетъ собственно предстоящее наступленіе дѣйствія, но расширяется до неопредѣленнаго аористическаго выраженія, особенно когда дѣйствіе не утверждается положительно. Такъ отъ ἔω имѣю ἔω я достигну, а также: я буду владѣть; отъ ἄρχω—ἄρξω я достигну владычества, а также: я буду владѣть. Даже ἔσομαι можетъ имѣть и то и другое значеніе: я буду и—я сдѣлаюсь (стану). Οἱ Ἀθηναῖοι ἡγοῦντο, εἰ Σираκούζας οἰοῖεν, ῥαδίως καὶ τὰ ἄλλα εἶναι. Θ. 6, 33, 2. Афиняне думали, что если они овладѣютъ Сиракузами, то легко и прочее получатъ. Νῦν πολὺ μᾶλλον πραγματοῦνται, ὥπως ἄρξουσιν ἢ ὥπως ἄντι τοῦτου ἔσονται Xen. Lac. П. 14, 5. Теперь же гораздо болѣе хлопотуть о томъ, чтобы получить власть, нежели о томъ, чтобы сдѣлаться ей достойными.

Ст. 2-я. Второе лицо будущаго времени ставится также въ качествѣ смягченнаго повелительнаго, а въ вопросахъ, въ соединеніи съ οὐ, означаетъ живое настояніе ¹⁾. Δίγ' εἴ τι βούλῃ, χεῖρ' δ' οὐ φαύσεαι ποτέ. Ев. Мѣд. 1320. Говори, если хочешь, а рукою не тронь (Крюгеръ).

Ст. 3-я. Замѣчательно употребленіе будущаго изъявительнаго въ придаточныхъ предложеніяхъ вопросительныхъ и относительныхъ. Будущее изъявительное въ этомъ случаѣ собственно означаетъ, что дѣйствіе, по отношенію къ другому дѣйствію, есть будущее, то-есть имѣетъ мѣсто послѣ него, все равно, относится ли это послѣд-

¹⁾ По-русски наоборотъ. Будущее 2-го лица, употребляемое вмѣсто повелительнаго, скорѣе усиливаетъ, чѣмъ смягчаетъ приказаніе; напримеръ: завтра ты разбудишь меня въ пять часовъ. Здѣсь дается приказаніе съ полною увѣренностію въ его исполненіи. Въ отрицательныхъ предложеніяхъ будущее вовсе не можетъ замѣнить повелительнаго наклоненія.

нее дѣйствіе къ настоящему или къ прошедшему, такъ что формою будущаго въ подобныхъ случаяхъ просто выражается дѣйствіе предположенное или желаемое. Τὴν ἑορτὴν βούλομαι θεάσασθαι, τίνα τρόπον ποιήσουσιν. Желаю посмотрѣть на праздникъ, какими образомъ они его будутъ дѣлать. Но также: Κατέβην χυβὲς τὴν ἑορτὴν βουλόμενος θεάσασθαι, τίνα τρόπον ποιήσουσιν. Οἱ Ἀθηναῖοι ἄνδρας ἐπεμψαν, οἱ αἰρήσουσι τὸν Θερμοκλέα. Афиняне послали людей схватить Тερмостокла.

Ст. 4-я. Такимъ же образомъ употребляется и причастіе. Ἡ χώρα πολλὴ καὶ ἀγαθὴ ἦν καὶ ἐνῆσαν οἱ ἐργασόμενοι. Земля была велика и хороша; были и люди для ея обработки. Τίς ἔσται ὁ ἡγησόμενος; кто будетъ проводникомъ?

Ст. 5-я. Къ будущему изъявительнаго накл. прибавляется ἄν, для означенія, что дѣйствіе только можетъ наступить. Εὖ οἱ δὲ ὅτι ἄσμενος ἄν πρὸς ἄνδρα οἷος οὐ εἰ ἀπαλλαγῇσεται. Знаю навѣрное, что онъ охотно примирится съ такимъ, какъ ты, человѣкомъ.

Такое употребленіе въ аттической прозѣ весьма рѣдко; вмѣсто же того употребляется тамъ настоящее, или аористъ желат. наклоненія съ ἄν.

Ст. 6-я. Чтобы означить непосредственно предстоящее, или преднамѣренное дѣйствіе, Грекъ употребляетъ глаголь μέλλω съ настоящимъ, будущимъ, или, хотя гораздо рѣже, съ аористомъ неопредѣленнаго наклоненія. Μέλλω ὑμᾶς ἄγειν εἰς Ἀσίαν. Думаю вести васъ въ Азію. Это будущее называется *перифрастическимъ*, то-есть, описательнымъ. Ἀγορὰν οὐδεὶς παρέσειν μέλλει. Никто не будетъ (не кому) доставлять съѣстные припасы.

Ст. 7-я. Какъ въ латинскомъ языкѣ употребляется будущее причастіе (на *urus*) съ *esse*, такъ и въ греческомъ μέλλω употребляется въ другихъ временахъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Πλησίον ἦδη ἦν, ὁ σταυρὸς ἔνθα ἔμελλον καταλόσασιν. Уже близка была стоянка, гдѣ думали отдохнуть (Курицусъ).

Ст. 8-я. Третье будущее, какъ показываетъ самая его форма, переносить перфектъ (окончаніе дѣйствія) въ будущее время, слѣдовательно, оно отвѣчаетъ латинскому *futurum exactum*, но только въ самостоятельныхъ предложеніяхъ; потому что въ чисто гипотетическихъ предложеніяхъ и въ смѣшанныхъ ставятся вмѣсто него аористъ желательнаго и сослагательнаго наклоненія. Ἐάν με ἐξελέγῃς, οὐκ ἀχθεσθήσομαι σοι, ἀλλὰ μέγιστος εὐεργέτης ἀναγεγράφει. Пл. Го. 506.

Если обличить меня, не обижусь на тебя, но сочту тебя (сочтенъ будешь) за величайшаго благодѣтеля.

Ст. 9-я. Подобно тому, какъ для означенія пребывающаго результата прежняго (оконченнаго) дѣйствія употребляется перфектъ въ причастіи съ εἰμί, становится перфектъ въ причастіи и съ ἔσομαι. Этотъ описательный оборотъ необходимъ при глаголахъ дѣйствительныхъ, гдѣ, впрочемъ, болѣе у поэтовъ, встрѣчается съ ἔσομαι и аористъ въ причастіи. Τῇ αὐτῇ ψήφῳ τοὺς τε ἄλλους βελτίους ποιήσατε καὶ παρὰ τούτων δίκην εἰληφότες ἔσεσθε. Лу. 30. 23. Тѣмъ же самымъ голосованіемъ вы поставите другихъ лучшихъ и на этихъ положите наказаніе.

Однако же дѣйствіе, долженствующее пребывать выражается и третьимъ будущимъ. Сюда относятся также хеклῆσομαι—мнѣ будетъ названіе, μνησόμεθα—буду помнить. Μνησόμεθα, ὅτι ἡμεῖς αἰτιοὶ ἐσμεν. Суг. 3. 1. 27. Вспомнимъ, что мы виноваты.

Ст. 10-я. Третье будущее можетъ быть также поставлено для выраженія неизбѣжнаго и неотложнаго наступленія предстоящаго дѣйствія, мыслимаго въ его законченности. Εὐὺς Ἀριαῖος ἀφαστήξει, ὥστε φίλος ἡμῖν οὐδεὶς ληλείφεται, ἀλλὰ καὶ οἱ πρόσθεν (φίλοι) ὄντες πολέμιοι ἡμῖν ἔσονται. Анаб. 2, 4, 5. Аріей оставитъ насъ, такъ что у насъ не останется ни одного друга, и тѣ, которые прежде были нашими друзьями, будутъ нашими врагами.

Ст. 11-я. Будущее желательнаго наклоненія встрѣчается обыкновенно только въ косвенной рѣчи послѣ историческаго времени, хотя и въ этомъ случаѣ изъяснительное очень употребительно. Ἐς τῇ ὑπὸ πολλῆς ἐπιμελείας, ὅπως ὡς ἐλάχιστα μὲν ὤφοιτο, ἐλάχιστα δ' ἀκούοιτο, ἐλάχιστα δ' ἔροιτο. Хер. Оик. 7, 5. Сидѣлъ въ большомъ раздумьѣ, какъ бы поменьше видѣть, поменьше слышать, поменьше спрашивать.

Ст. 12-я. Будущее въ неопредѣленномъ наклоненіи встрѣчается иногда вѣсто настоящаго въ томъ же наклоненіи послѣ глаголомъ, выражающихъ предположеніе, желаніе. Τὸν πόλεμον διενεοῦντο πρόθυμῳ οἷσαν. Θ. 4, 121, 1. Они надѣялись бодро вести войну. Τὸν λυπήσαντα οὐκ ἐβόλυντο τιμωρῆσθαι. Θ. 6, 6, 1. Они хотѣли наказать оскорбляющаго ихъ.

С. Шафрановъ.

БОРЬБА ДЕМОСФЕНА СЪ ЭСХИНОМЪ ПО ПОВОДУ ПОСОЛЬСТВА КЪ МАКЕДОНСКОМУ ЦАРЮ ФИЛИППУ II ВЪ 346 ГОДУ ДО Р. Х.

Исторія процесса, возбужденнаго Демосфеномъ противъ Эсхина по поводу посольства къ Филиппу въ 346 году до Р. Х.¹⁾, важна не только потому, что она представляетъ намъ споръ между двумя величайшими ораторами своего времени, но еще въ особенности и потому, что въ лицѣ Демосфена и Эсхина стали лицомъ къ лицу два политическія направленія, двѣ партіи, на которыя въ то время была раздѣлена, можно сказать, вся Греція, а именно: *олигархическая партія*, представителемъ которой въ то время въ Афинахъ можно считать Эсхина, и *демократическая*, главнымъ представителемъ которой былъ Демосфенъ²⁾. И та и другая партія не имѣли недостатка въ даровитыхъ и энергическихъ приверженцахъ. Такъ къ демократической партіи принадлежали, какъ мы уже сказали, Демосфенъ, величайшій изъ ора-

¹⁾ Въ 346 году Афиняне отправляли къ Филиппу II Македонскому два посольства, въ которыхъ участвовали въ качествѣ пословъ Демосфенъ и Эсхинъ, — первое для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ, а второе для утвержденія составленныхъ уже условій мира. Демосфенъ обвинялъ Эсхина собственно по поводу втораго посольства. Въ третьемъ посольствѣ, бывшемъ въ томъ же году, Демосфенъ отказался участвовать.

²⁾ Что дѣйствительно Эсхинъ принадлежалъ къ партіи олигарховъ и агитировалъ въ ея пользу, на это часто указываетъ Демосфенъ, обвиняя Эсхина въ томъ, что онъ хочетъ разрушить демократическое (τὸν κολλῶν) правленіе въ Афинахъ, и дѣйствуетъ въ пользу немногихъ (ὀλίγων). Demosth. orat. de falsa legatione § 225, pag. 436; 341, p. 450. Сравни. 300, p. 437; 314, p. 442. (Въ цитатахъ изъ рѣчей Демосфена и Эсхина указываются параграфы и страницы, означенныя въ изданіи Дидота.) Эсхинъ же, оправдываясь, говоритъ, что онъ не имѣетъ въ виду разрушать власть народа, но понимая его интересы гораздо лучше Демосфена и тѣхъ, которые считаютъ себя приверженцами и защитниками демократіи, дѣйствуетъ въ пользу последней. Aesch. or. de fals. leg. § 177. p. 51 — 52.

торовъ древности, который, не смотря на всю испорченность афинскаго народа и его отвращеніе отъ запятій дѣлами государства и преимущественно отъ военной службы, силою своихъ рѣчей умѣлъ возбуждать въ немъ рѣшимость браться за оружіе и отстаивать свою свободу противъ македонскаго царя Филиппа II; Гиперидъ, обвинитель Филократа за его дѣйствія въ пользу Филиппа ¹⁾; ораторъ Гегезинпъ, и другіе. Къ партіи же олигарховъ принадлежалъ великій противникъ Демосфена Эсхинъ, въ богатствѣ ораторскихъ дарованій которому не можетъ отказать самъ Демосфенъ ²⁾; Евбулъ, бывшій архонтомъ въ Аѳинахъ и завѣдывавшій государственными финансами, мужъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между своими согражданами и оказывавшій покровительство Эсхину ³⁾; Фокіонъ, извѣстный, какъ хорошій полководецъ, и какъ человѣкъ, отличавшійся рѣдкою честностію; Навзиклъ, пріятель и сверстникъ Эскина ⁴⁾; и наконецъ Филократъ главный дѣлатель при заключеніи мира съ Филиппомъ Македонскимъ въ 346 г. до Р. Хр. Политическимъ идеаломъ демократической партіи была прошедшая, полная славы, исторія Аѳинъ, съ верховною властію народа, и этотъ идеалъ демократическая партія старалась осуществить, забывая то измѣненіе нравовъ къ худшему, которое произошло между Греками вообще и Аѳинянами въ особенности. Видя стремленіе Филиппа къ господству надъ Греціею, демократы считали его врагомъ греческой свободы и старались направить противъ него всѣ силы Грековъ. Олигархи, напротивъ, сознавали ничтожность афинскаго демоса и его неспособность къ самоуправленію ⁵⁾. Вслѣдствіе этого воззрѣнія на демократію, они не видѣли ничего преступнаго въ стремленіяхъ Филиппа пріобрѣсть игомонію надъ Греціею и ничего

¹⁾ Hyperidias fragm. въ изд. Didot'a: Orat. attici. т. II, стр. 379, § 29—32.

²⁾ Demosth. de fals. leg. 120, p. 378; 216, p. 408; 337, p. 449.

³⁾ Arg. ad or. Aesch. de fals. leg. p. 28: Εὐβούλου αὐτῷ (Αἰσχίνῃ) τοῦ δημαγωγοῦ συναγυνισαμένου.

⁴⁾ Aesch. or. de fals. leg. 184, p. 52: Παρακαλῶ δὲ Εὐβούλον ἐκ τῶν πολιτικῶν καὶ σωφρόνων ἀνδρῶν συνήγορον, Φωκίωνα δ' ἐκ τῶν στρατηγῶν, ἅμα δὲ καὶ δικαιοσύνη διεννηχότα πάντων, ἐκ δὲ τῶν φίλων καὶ τῶν ἡλικιωτῶν, τῶν ἐμαυτοῦ Ναυσικλέα καὶ τοὺς ἄλλους, οἵτις ἐγὼ χάρημαι.

⁵⁾ Въ этомъ отношеніи замѣчательно одно мѣсто Демосфена, de fals. leg. 136, p. 383, гдѣ онъ говоритъ, что люди одного образа мыслей съ Эсхиномъ считаютъ народъ неспособнымъ къ самоуправленію, потому что онъ, будучи въ высшей степени непостояннымъ (ἀσταθμότητάτων πρᾶγμα τῶν πάντων καὶ ἀσυνεπότητων), и повинулся, подобно морской волнѣ, гонимой вѣтромъ, первому вѣтрену движению, вовсе не заботится о дѣлахъ государственныхъ.

бѣдственнаго для Грековъ въ достиженіи имъ этихъ стремленій. При томъ олигархическая партія сознавала невозможность для афинскаго народа бороться съ такимъ могущественнымъ и энергическимъ противникомъ, какъ Филиппъ, и поэтому старалась сохранять съ нимъ миръ, какъ необходимое условіе благоденствія для афинскаго государства ¹⁾. Поэтому олигархическую партію, по ея отношенію къ македонскому царю, можно назвать партіею мира, а демократическую, которая требовала войны съ Филиппомъ, — партіею войны. Такимъ образомъ, начало вражды между Демосееномъ и Эсхиномъ, выразившейся въ спорѣ ихъ по поводу посольства къ Филиппу, лежало уже въ различіи ихъ политическихъ убѣжденій.

Разсмотрѣніе обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ споръ, и изложене исторіи самого спора и составляетъ цѣль настоящаго труда.

Но прежде, чѣмъ перейти къ главному предмету нашего изслѣдованія, необходимо изложить нѣкоторые факты, касающіеся политическаго состоянія афинскаго государства во время третьей священной войны ²⁾ и его отношеній къ Македоніи; затѣмъ мы перейдемъ къ исторіи афинскихъ посольствъ къ Филиппу въ 346 году для мирныхъ переговоровъ и для утвержденія мира, такъ какъ во время этихъ посольствъ обнаружилась неприязнь между Демосееномъ и Эсхиномъ, и наконецъ, рассмотримъ процессъ, возникшій между ними по поводу втораго посольства къ Филиппу. Главный источникъ свѣдѣній о нашемъ предметѣ заключается въ обвинительной рѣчи Демосеена противъ Эсхина: *ὁ περὶ τῆς παρακρησεῖας*, и въ рѣчи, которою Эсхинъ отвѣтилъ на обвиненіе Демосеена, имѣющей точно такое же надписаніе. Обѣ эти рѣчи очень богаты историческими свѣдѣніями, и перѣдко представляютъ связанный, послѣдовательный разказъ изъ исторіи посольствъ Леоплнъ къ Филиппу въ 346 году. И тотъ и другой ораторъ, говоря объ однихъ и тѣхъ-же событіяхъ, естественно старается выставить ихъ въ благопріятномъ видѣ для себя и въ неблагопріятномъ для своего соперника, упомянуть кратко, или даже и совсемъ умолчать о тѣхъ фактахъ, которые не говорятъ въ его пользу,

¹⁾ Сравни. Aesch. de fals. leg. 177 — 178, p. 52.

²⁾ Четыре такъ называемыя священные войны были ведены въ разные времена и по разнымъ, болѣею частью политическимъ, причинамъ; предлогомъ же къ этимъ войнамъ была защита святыни Дельфійскаго храма противъ разнаго рода оскорбленій. Первая священная война относится къ 600 — 590 г. до Р. Хр., вторая къ 448 г., третья къ 356—346 г., четвертая къ 339—338 г.

и представить ясно и со всѣми подробностями тѣ изъ нихъ, которые для него благопріятны. Отъ этого выходитъ, что ораторы пополняютъ и какъ бы исправляютъ другъ друга; изъ соединенія, сличенія и критическаго разбора показаній обоихъ соперниковъ можно составить себѣ относительно вѣрный взглядъ на все это дѣло. Главнымъ пособіемъ, какъ для изученія эпохи, въ которой относится означенное посольство, такъ и для уразумѣнія нѣкоторыхъ фактовъ изъ самаго посольства, служило при составленіи настоящей статьи сочиненіе Шефера: Demosthenes und seine Zeit.

I.

Краткій очеркъ событій, касающихся политическаго состоянія Аѳинскаго государства и его отношеній къ Македонскому царю Филиппу II во время 3-й священной войны.

Аѳиняне, значеніе которыхъ было унижено послѣ Пелопонезской войны, приобрѣли потомъ, благодаря стараніямъ и военнымъ талантамъ полководца своего Тимофея, игемонію надъ 75 городами ¹⁾; въ числѣ ихъ союзниковъ были города Потидея, Мессона и Пидна при Ѳермейскомъ заливѣ, а также многіе острова; кромѣ того Аѳиняне утвердили свое вліяніе во Ѳракійскомъ Херсонесѣ, и основали тамъ свои колоніи. Но это благосостояніе Аѳинъ продолжалось недолго; вслѣдствіе притѣсненій со стороны ихъ полководцевъ, союзники возстали; Аѳиняне хотѣли удержать ихъ въ повиненіи; началась такъ называемая „*союзническая война*“ (358 — 355 г.), которая окончилась отпаденіемъ отъ Аѳинянъ большей части ихъ союзниковъ и стоила имъ огромныхъ издержекъ ²⁾.

Въ это время на престолѣ Македоніи былъ Филиппъ II, человѣкъ, очень умный и въ высшей степени дѣятельный, во всю свою жизнь неутомимо преслѣдовавшій одну цѣль — приобрести игемонію надъ Греціей. Подавивъ противную себѣ партію въ самой Македоніи, и отразивъ вѣдшихъ враговъ — Пэонійцевъ и Илирійцевъ, онъ рѣшился потомъ распространить предѣлы Македоніи до Эгейскаго моря, и въ то время, какъ Аѳиняне вели союзническую войну, вѣроломнымъ образомъ овладѣлъ Амфинолемъ и Пидною (358 г.), потомъ Потидеею (357 г.), а чрезъ нѣсколько лѣтъ взялъ и Мессону (353 г.). Кромѣ того, Филиппъ отнялъ у Ѳракійскаго царя Керсавлента, союзника

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 70, p. 37.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 71, p. 37.

Аонянцѣ, часть принадлежавшихъ ему владѣній. Завоеваніемъ городовъ, союзныхъ съ Аонянами, Филиппъ ставилъ себя въ испріязненныя отношенія къ послѣднимъ, и дѣйствительно, уже со времени завоеванія Амфиполя у Аонянцѣ съ нимъ начинается вражда, которая потомъ перешла въ открытую войну за независимость Олинфеа (349 г.), окончившуюся миромъ въ 346 году до Р. Хр.

Медленнымъ, но твердымъ шагомъ шелъ Филиппъ къ осуществленію своего плана пріобрѣтенія игемоніи надъ греческими государствами, пользуясь искусно всякимъ благопріятнымъ для себя случаемъ. Около четырехъ лѣтъ спустя по вступленіи его на престолъ, *третья священная война* (356 — 346) подала ему поводъ вмѣшаться въ дѣла Греціи и возможность утвердить въ ней свое вліяніе. Эта война, какъ извѣстно, было ведена главнымъ образомъ Фокейцами противъ Оиванцевъ и ихъ союзниковъ: Локрійцевъ, Дорійцевъ и другихъ. По смерти Филомела, предводителя Фокейцевъ, братъ его Ономархъ занялъ его мѣсто (354) и вступилъ въ союзъ съ Аонянами, Спартакцами и Ферскими тиранами Писолаемъ и Ликофрономъ. Тогда владѣтели другихъ эссалійскихъ городовъ, опасаясь за свою независимость, призвали на помощь Филиппа II Македонскаго. Послѣдній принялъ предложеніе и явился съ войскомъ въ Эссалію. Разбитый въ двухъ сраженіяхъ Ономархомъ, онъ однако скоро успѣлъ собраться съ новыми силами; въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи войско Ономарха было разбито и самъ онъ убитъ (353). Писолай и Ликофронъ были изгнаны и вся Эссалія покорилаь Филиппу, котораго власть была распространена теперь до Термопилъ, или Средней Греціи. Аоняне, прежде спокойно слѣдившіе за ходомъ войны, теперь были уstraшены успѣхами Филиппа; съ занятіемъ имъ Термопилъ и съ покореніемъ Фокиды, Атика дѣлалась открытою для его нападеній, и Оиванцы, не встрѣчая болѣе противодѣйствія въ Фокейцахъ, могли также въ союзъ съ Филиппомъ обратитъ противъ Аонянцѣ всѣ свои силы. Теперь интересъ Аонянцѣ требовалъ подать помощь Фокейцамъ, которая дѣйствительно и была послана (Cest. d. f. leg. § 319, p. 443), а главная задача Филиппа состояла въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе и силы Аонянцѣ отъ Фокиды. Поэтому прежде, чѣмъ идти далѣе въ осуществленіи своего плана относительно игемоніи надъ Греціею, Филиппъ занялся постройкой флота и завоеваніемъ Олинфеа.

Олинфяне происходили изъ города Халкиды на Эвбей¹⁾, который

¹⁾ Это и другія, ссылающіяся на снмъ, свѣдѣнія объ Олинфѣ заимствованы

сначала былъ Аѳинскою колоніей. Сдѣлавшись потомъ могущественнымъ городомъ, и ставъ во главѣ одноплеменныхъ (συγγενῶν) съ нимъ еракійскихъ городовъ, ОлинѢ вель войну съ Аѳинянами и Спартакцами за независимость, и даже заключилъ союзъ противъ Аѳинянъ съ Филиппомъ II Македонскимъ, который за это передалъ ему отнятый у Аѳинянъ городъ Потидею. Но потомъ, видя постепенно возрастающее могущество Македонскаго царя и его замыслы противъ себя, ОлинѢяне тайно послали пословъ въ Аѳины просить помощи противъ Филиппа. Аѳиняне, послушавшись совѣтовъ Демосфена, вступили съ ОлинѢйцами въ союзъ, и потомъ, когда Филиппъ объявилъ ОлинѢ войну и началъ осаждать его, два раза посылали ему на помощь свой флотъ, но во главѣ этихъ экспедицій стояли люди неспособные и безнравственные — Харесъ и Харидемъ; войско ихъ состояло изъ наемниковъ, которые скорѣе думали о грабежѣ, чѣмъ объ интересахъ аѳинскаго народа. Въ самомъ ОлинѢ нашлись измѣнники — Ласоепъ и Эвекратъ, которые, получивъ начальство надъ олинѢйскою копией, съ намѣреніемъ завели порученное имъ войско въ непріятельскую засаду. Видя, что ОлинѢяне ослабѣваютъ въ борьбѣ съ Филиппомъ, Аѳиняне рѣшились въ третій разъ послать имъ помощь, но прежде, чѣмъ она достигла ОлинѢа, онъ былъ уже взятъ (348 г.); другіе союзныя съ ОлинѢомъ города были завоеваны Филиппомъ еще прежде ¹⁾. Долгое и упорное ²⁾ сопротивленіе ОлинѢа, а также пріемъ, оказанный имъ двумъ македонскимъ государственнымъ измѣнникамъ, своднымъ братьямъ Филиппа, сильно ожесточили послѣдняго. Городъ былъ разграбленъ и жители его проданы въ рабство или подарены приверженцамъ Македонскаго царя въ другихъ греческихъ городахъ. Такимъ образомъ палъ послѣдній опасный сосѣдъ Македоніи на полуостровѣ Халкидикѣ. Филиппъ понималъ важное значеніе завоеванія ОлинѢа, и праздновалъ его великолѣпными олимпійскими играми ³⁾. Аѳиняне остались теперь безъ союзниковъ. Еще прежде войны за независимость ОлинѢа Аѳиняне должны были вести борьбу съ

изъ предисловія (ὑπόθεσις, argumentum) къ 1-й ОлинѢйской рѣчи Демосфена, написаннаго схолиастомъ Либаниемъ.

¹⁾ Demosth. de fals. leg. 266, p. 426: πρὶν μὲν ἐξαλλεῖν ἑναυτὸν τὰς πόλεις ἀπάσας ἀπωλόλεσσαν τὰς ἐν τῇ Χαλκιδικῇ προϊδόντας.

²⁾ Продолжавшееся около года. См. предыдущее примѣчаніе.

³⁾ Demosth. de fals. leg. 192, p. 401: ἐπειδὴ γὰρ εἶλεν Ὀλυνθὸν Φίλιππος, Ὀλυνθία ἔπολει, εἰς δὲ τὴν θυσίαν ταύτην καὶ τὴν πανήγυριν πάντας τοὺς τεχνίτας συνήγαγεν.

возставшими жителями острова Эвбея. Эвбея, послѣ изгнанія изъ нея воинскимъ полководцемъ Тимошеемъ Фиванцевъ, находилась въ зависимости отъ Аонянъ. Но Филиппъ, чтобы отвлечь вниманіе Аонянъ отъ дѣлъ Греціи, и тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать въ ней самому, сталъ посылать къ Эвбеяцамъ письма, которыми возмущалъ ихъ противъ Аонянъ, и достигъ того, что на Эвбѣ образовалась партія, желавшая свергнуть ихъ господство. Аоняне послали на Эвбею войско подъ начальствомъ Фокіона (350 г.), который одержалъ надъ противниками блистательную побѣду при городѣ Таминѣ (Τάμιναι) ¹⁾. Но Фокіонъ скоро былъ отозванъ изъ Эвбеи, оставивъ тамъ войско, которое затѣмъ было взято врагами въ плѣнъ. О новой экспедиціи для Аонянъ, занятыхъ олинейскою войною и истощенныхъ въ матеріальныхъ средствахъ, нечего было и думать. Эвбея для нихъ была совершенно потеряна. Наконецъ, видя невозможность бороться съ Македонскимъ царемъ лишь собственными средствами, Аоняне, послѣ взятія Олинея, или не задолго до этого ²⁾, хотѣли подпять всю Грецію для защиты греческой свободы отъ Македонскаго царя. По предложенію Эвбула ³⁾, съ этою цѣлью они отправили въ разныя греческія государства пословъ ⁴⁾, чтобы заключить съ ними союзъ и условиться относительно военныхъ дѣйствій противъ общаго врага; вмѣстѣ они должны были восстать противъ него, вмѣстѣ же и заключить миръ ⁵⁾. При этомъ Эсхинъ былъ напаче въ Пелопонезѣ ⁶⁾, именно въ Аркадію. Но это стараніе

¹⁾ Ораторъ Эсхинъ служилъ оплитомъ въ Эвбейской экспедиціи и былъ отправленъ Фокіономъ въ Аонию съ радостною вѣстію о побѣдѣ при Таминѣ. Aesch. de fals. leg. 169, p. 50.

²⁾ Что посольство было отправлено не задолго до взятія Олинея или тотчасъ послѣ него, это можно заключить изъ словъ Демосеена, который приводитъ разказъ Эскина о томъ, что этотъ послѣдній на возвратномъ пути изъ Пелопонеза встрѣтилъ Аркадца Атрестида, который велъ съ собою около 30 подаренныхъ ему Олинейцевъ, женщинъ и дѣтей. Demosth. de fals. leg. 305, 306, p. 439.

³⁾ οὗχ' ὁ μὲν γράφων τὸ φήσιμα Εὐβουλος ἦν. . .; Demosth. de fals. leg. 304, p. 438.

⁴⁾ Demosth. de fals. leg. 10, p. 344; 304, p. 338; 16, p. 346; Aesch. de fals. leg. 60, p. 35.

⁵⁾ Aesch. de fals. leg. 57, p. 35: οἱ Ἕλληνες μεταπεμφθέντες ὑπὸ τοῦ δήμου, ἵνα κοινῇ καὶ πολεμοῖεν, εἰ δεοῖ, Φιλίππῳ μετὰ Ἀθηναίων, καὶ τῆς εἰρήνης, εἰ τοῦτο εἶναι δοκοῖν συμφέρον, μετέχοιεν.

⁶⁾ Demosth. de fals. leg. 304, p. 438: ὁ δὲ πρεσβέων εἰς Πελοπόννησον Αἰσχίνης οὕτως (ἦν);

поднять всѣхъ Грековъ противъ Филиппа не принесло никакихъ результатовъ. Хотя Эсхинъ успѣлъ возбудить въ Мегалополѣ живое сочувствіе къ этому дѣлу, но извѣстно также, что далеко не всѣ въ Аркадіи раздѣляли это сочувствіе. Такъ Эсхинъ долженъ былъ говорить рѣчь противъ аркадца Иеронима, приверженца Филиппа, доказывая, что тѣ Греки, которые, бывъ подкуплены, дѣйствуютъ въ пользу Македонскаго царя, виновны не только противъ своего отечества, но и противъ всей Греціи ¹⁾, потому что Филиппъ—варваръ и общій врагъ всѣхъ Грековъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе Аѳиняне вѣроятно были заподозрѣны въ честолюбивыхъ стремленіяхъ къ игемоніи; ни одно государство не рѣшилось вступить съ ними въ союзъ; напротивъ, одни стали спокойно ожидать, что будетъ, другіе даже приняли сторону Филиппа ³⁾.

Между тѣмъ какъ Филиппъ былъ занятъ внутренними дѣлами государства и завоспаніемъ Олиноа, а Аѳиняне старались утвердиться на Эвбеѣ, и, поддерживая Олиполий противъ Филиппа, пытались составить противъ него коалицію изъ разныхъ греческихъ государствъ, священная или Фокейская война продолжалась главнымъ образомъ между Фокейцами и Фиванцами. Мѣсто Ономарха занялъ братъ его Фаиллъ, а по смерти послѣдняго предводителемъ Фокейцевъ сталъ племянникъ Фаилла, сынъ Ономарха, Фалекъ (352 г.). Долго война велась нерѣшительно. Хотя Фокейцы, по свидѣтельству Демосфена, имѣли большой перевѣсъ надъ Фиванцами ⁴⁾, но они должны были дѣлать постоянно огромные расходы на насѣтъ войска ⁵⁾, пока, наконецъ, сокровища храма, представлявшія имъ для этого средства, совсѣмъ истощились, и между наемными войсками, не получавшими жалованья, появились смуты ⁶⁾. При томъ Фиванцы пригласили къ себѣ на помощь противъ Фокейцевъ Филиппа и Тессалій-

¹⁾ Demosth. de fals. leg. 11, p. 344.

²⁾ Demosth. de fals. leg. 305, p. 438.

³⁾ Aesch. de fals. leg. 79, p. 38: οὐδενὸς δ' ἀνθρώπων ἐπικούρου· τῇ πόλει, ἀλλὰ τῶν μὲν περιόρωντων, ὅτι συμβήσεται, τῶν δὲ συνεπιστρατεύοντων (Схол. къ послѣднему слову: καὶ ἡμῶν δηλονότι μετὰ Φιλίππου στρατεύοντων).

⁴⁾ Demosth. de fals. leg. 148; p. 387; 141, p. 384; 320 p. 441.

⁵⁾ Во время сдачи Фалекомъ Филиппу Термопиль у Фалекъ было еще, по свидѣтельству Демосфена, 10,000 пѣхотнаго войска и 1,000 конницы. Demosth. de fals. leg. 230, p. 412. Большая часть войска у Фокейцевъ состояла изъ наемниковъ.

⁶⁾ Aesch. de fals. leg. 132, p. 45: αὐτοὺς (Φοκίαις) καθέλειν ἢ τοῖς ἀπορούμενοις στρατοπέδοις συνήθως παρακολουθοῦσα στάσις.

цевъ, а Фокейцы обратились тогда за помощію къ Аѳинянамъ, которыми обѣщали сдать господствовавшія надъ Термопилами крѣпости: Алпонтъ, Фроній и Никсею (347 г.). Аѳиняне съ радостію приняли это предложеніе; они снарядили 50 триремъ, вооружили всѣхъ гражданъ до 30-тилѣтнаго возраста и поручили полководцу своему Проксену плыть къ Термопиламъ и принять во власть упомянутыя крѣпости. Но къ несчастію Фокейцевъ между ними не было согласія. Въ то время какъ партія людей болѣе благоразумныхъ, вида въ Аѳинянахъ естественныхъ своихъ союзниковъ, приглашала ихъ на помощь и предлагала имъ занять три упомянутые города, Фалекъ и его приверженцы ¹⁾ отказались сдать Проксену эти города, и даже заключили въ оковы пословъ, обѣщавшихъ Аѳинянамъ, что они будутъ сданы ²⁾. Съ этого времени всѣ вооруженія, предпринятые Аѳинянами для подачи помощи Фокейцамъ, были пріостановлены: 50 приготовленныхъ триремъ безъ войска стояли въ гавани близъ города Орея, на сѣверномъ берегу Эвбеи ³⁾; граждане оставались дома и не думали о военной службѣ ⁴⁾. Не смотря, однакожъ, на такое оскорбленіе со стороны Фалека, Аѳиняне продолжали считать Фокейцевъ своими естественными союзниками и готовы были оказывать имъ помощь противъ Филиппа, потому что съ завоеваніемъ Фокиды Филиппъ становился обладателемъ Термопилъ и могъ постоянно грозить независимости Аттики.

А. Фесенко-Навроцкій.

¹⁾ Aesch. de fals. leg. 133, p. 45: οἱ τύραννοι; ср. 135, p. 46.

²⁾ Aesch. de fals. leg. 132—133, p. 45.

³⁾ Demosth. de fals. leg. 322, p. 444; 52, p. 357; 123, p. 378; 155, p. 369. Aesch. de fals. leg. 37 p. 33; 89, p. 40.

⁴⁾ Demosth. de fals. leg. 43, p. 355: αὐτοὺς (ὁμᾶς, Ἀθηναίους) οἴκοι καταμεῖναι. 50, p. 356: μενόντων μὲν ὁμῶν οἴκοι καὶ οὐκ ἐξεληλυθόντων.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О Б Ъ И З Д А Н І И ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ ВЪ 1875 ГОДУ.

„Православное Обозрѣніе“ въ 1875 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же направленіи, какъ издавалось доселѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

„Православное Обозрѣніе“, какъ *журналъ богословскій*, имѣетъ своею задачей — разъяснять религіозную истину, хранимую Православіемъ, для людей мыслящихъ, ищущихъ религіознаго убѣжденія. Иходя нужнымъ предлагать читателямъ статьи нравственно-назидательнаго содержанія, имѣющія надлежащія литературныя достоинства, „Православное Обозрѣніе“ особенно дорожитъ статьями съ научно-богословскимъ характеромъ, могущими имѣть болѣе или менѣе руководительное значеніе. Изслѣдованія по всемъ отраслямъ богословскаго знанія находятъ себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала, какъ скоро отвѣчаютъ требованіямъ православно-богословской науки, религіознымъ запросамъ общества или современнымъ потребностямъ церковной жизни. Въ отдѣлѣ историческомъ прежде всего имѣется въ виду — доселѣ еще недостаточно разработанныя у насъ — исторія Православія какъ въ церкви Восточной, такъ въ особенности въ церкви Русской, а равно у единовѣрныхъ намъ народовъ Славянскихъ. Различное отношеніе къ религіозной истинѣ христіанскихъ

обществъ, извѣстныхъ на Западѣ, само собою вызываетъ нужду внимательнаго изученія какъ прошедшей ихъ исторіи, такъ и современнаго состоянія: очерки изъ истории западныхъ христіанскихъ обществъ, уже въ значительномъ числѣ напечатанные въ „Православномъ Обзорѣннѣ“ за прежніе годы, будутъ продолжаться и на будущее время. Слѣдя научныя и литературныя направленія, неблагопріятныя или прямо враждебныя религіозной истинѣ, появляющіяся за границей и при неустойчивости нашей общественной мысли и жизни легко приобращающія у насъ приверженцевъ, мы намѣрены дать въ журналѣ болѣе широкое мѣсто статьямъ апологетическаго содержанія. Той же потребности религіознаго руководства будетъ служить критическое овозрѣніе болѣе видныхъ и вліятельныхъ произведеній иностранной богословской литературы, обсуждаемыхъ съ православно-научной точки зрѣнія. На научныхъ же основаніяхъ, избѣгая мелкой полемики, предпочитаемъ мы вести и разработку церковно-практическихъ вопросовъ, открывшихся у насъ вслѣдствіе сознанный потребности преобразованій въ церковномъ быту, но еще далекихъ отъ своего разрѣшенія вслѣдствіе незрѣлости у насъ потребныхъ знаній въ этой области. Желая сдѣлать болѣе доступнымъ пониманію общества богослужебную практику Православной церкви, мы надѣемся начать съ будущаго года печатать переводы на русскій языкъ изъ церковныхъ богослужебныхъ книгъ, принадлежащіе одному изъ знатоковъ написій церковности. Лѣтопись церковной жизни на Востоцѣ и на Западѣ—какъ въ ея свѣтлыхъ явленіяхъ, представляющихъ положительное развитіе религіозной истины, такъ и въ ея темныхъ сторонахъ, обличающихъ несостоятельность одностороннихъ направленій, составляетъ постоянный отдѣлъ нашего журнала. Въ виду того живаго вниманія, какое возбуждаютъ въ нашемъ духовенствѣ и обществѣ явленія и вопросы нашей внутренней церковной жизни, начиная отъ успѣховъ православной миссіи до новостей епархіальной хроники,—мы постараемся расширить отдѣлъ внутренняго овозрѣнія: здѣсь мы будемъ обозрѣвать движеніе нашей общецерковной и мѣстной епархіальной жизни въ возможной полнотѣ,—избѣгая впрочемъ беспорядочнаго и безсвязнаго совмѣщенія на страницахъ журнала массы сыраго газетнаго матеріала; наконецъ мы будемъ по временамъ подвергать разбору и тѣ явленія нашей общественной жизни и свѣтской журналистики, которыхъ въ религіозно-нравственномъ интересѣ не можетъ обходить молчаніемъ современныи духовный журналъ.

Труды редакціи будутъ по прежнему раздѣлять: *свищ. Г. Смиц-*

новъ-Платоновъ, прот. А. Иванцовъ-Платоновъ и свящ. П. Преображенскій.

Въ 1875 году „Православное Обзорѣніе“ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 12 печатныхъ листовъ и болѣе. Подписная цѣна: 6 руб. 50 коп. въ годъ,—а съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города 7 руб. Подписная цѣна съ „Указателемъ“ за одиннадцать лѣтъ 8 руб.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала, на Остоженкѣ, приходѣ Новаго Воскресенія, домъ свящ. Смирнова-Платонова,—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: Въ редакцію „Православнаго Обзорѣнія“ въ Москвѣ.

Подписка на Православное Обзорѣніе 1874 года продолжается.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. 31-го августа 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Тульской гимназій	3
2. 7-го сентября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ	—
3. 7-го сентября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ .	4
4. 14-го сентября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ .	25
5. 21-го сентября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Кронштадтской женской гимназій .	26
6. 21-го сентября 1874 года. О присвоеніи Жиздринской женской прогимназій наименованія „Маріинской“	—
7. 21-го сентября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Костромской гимназій	—
8. 21-го сентября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Киевскомъ реальномъ училищѣ .	27
9. 21-го сентября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Киевской второй мужской гимназій	28
10. 7-го октября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ	29

11. 7-ю октября 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Московскомъ университетѣ	29

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

30-го августа 1874 года (№ 11)	4
14-го сентября 1874 года (№ 12).	30

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 24-ю августа 1874 года. Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Андрея Андреевича Керстича, учрежденной при Оренбургской гимназій	5
2. 19-ю сентября 1874 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о допущеніи къ переводу изъ приготовительнаго въ первый классъ гимназій и прогимназій учениковъ, не достигшихъ 10-лѣтняго возраста	6
3. 28-ю сентября 1874 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о снабженіи директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ казенными гербовыми печатями	—
4. 3-ю октября 1874 года. Положеніе о стипендіи имени умершаго Кронштадтскаго 1-й гильдіи купца Григорія Петровича Сидорова при Кронштадтской женской гимназій	8
5. 14-ю октября 1874 года. Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о своевременномъ доставленіи въ контрольныя палаты шпуровыхъ книгъ	30
6. 12-ю октября 1874 года. Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о составѣ экзаменныхъ комиссій для поступающихъ вольноопредѣляющимися въ военную службу	31
7. 19-ю октября 1874 года. Положеніе о стипендіи надворнаго совѣтника Петра Манчтета	33
8. 9-ю ноября 1874 года. Правила о стипендіи тайнаго совѣтника Федора Ивановича Долгополова при Московскомъ университетѣ	—
9. 26-ю октября 1874 года. Дополнительныя статьи къ правиламъ о специальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія	34
10. (15-ю октября 1874 года. Правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбытіи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности	37

11. 12-ю октября 1874 года. Циркулярное предложеніе по-
печителямъ учебныхъ округовъ о введеніи въ учебныя заведенія.
„Международныхъ Словарей“ г. Макарова . 52

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

14-го сентября 1874 года (№ 18) —

**Приказы управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія,
товарища министра.**

24-го іюля 1874 года (№ 15) . 9

17-го августа 1874 года (№ 16) 12

24-го августа 1874 года (№ 17) 15

**Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго
просвѣщенія.**

О „Международныхъ словаряхъ для среднихъ учебныхъ за-
веденій“, составленныхъ по программѣ министерства народнаго
просвѣщенія *Н. Макаровымъ* 16

О книгѣ: „Естественная исторія пчелы и наставленіе къ
разумному челоюководству“. Съ 63-ми рисунками, на одной, особо
приложенной таблицѣ. Составилъ *О. Паульсонъ* . , . . 17

О книгѣ: „Cours élémentaire méthodique et pratique de lan-
gue française par E. Varon. 1-re et 2 partie —

О „Географической таблицѣ“. Курсъ I-го и II-го классовъ.
Составилъ *Н. Лыткинъ* —

О издаваемыхъ книгопродавцемъ Черкесовымъ книгахъ: а) „Фи-
зика“ проф. Бальфура Стюарта; б) „Физическая географія“
проф. Гейки, и в) „Химія“ проф. Роско. —

О книгѣ: „Руководство къ физикѣ“. *В. Полкомыцкаго* —

О книгѣ: „Учебникъ химіи“. Составилъ преподаватель С.-Пе-
тербургскаго реальнаго училища *Ковалевскій* . 18

О книгѣ: „Хрестоматія какъ пособіе при изученіи русской
словесности и при повтореніи грамматики“. Часть 2-я. Соста-
вилъ *А. Семеновъ* —

О книгѣ: „Наука грамотѣ съ сборникомъ для послѣдова-
тельнаго письма съ голосу. *П. Перевальскаго* . . . —

О „Таблицѣ удѣльнаго періода Русской исторіи“. Составилъ
Пикторскій —

О составленныхъ Г. Острогорскимъ книгахъ: а) „Хронологія
всеобщей и русской исторіи“. Курсъ эпизодическій III и IV

классовъ гимназій и прогимназій; б) „Хронологія всеобщей и русской исторіи“. Курсъ систематическій, и в) „Курсъ всеобщей и русской исторіи“. Курсъ систематическій 54

О книгѣ: „Природа“, популярный естественно-историческій сборникъ. Книга 2-я. Составилъ *А. Сабантеевъ* 55

О книгѣ: „Очеркъ ученія православной вѣры“. Составилъ законоучитель 1-го военнаго Павловскаго училища протоіерей *Іоаннъ Заркевичъ* —

О составленныхъ А. Лева: а) „Наглядная геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ“ и б) „Начальныя основанія геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ“, въ 3-хъ частяхъ —

О книгѣ: „Способъ къ обученію скорописи“, *А. Верре*, преподавателя Николаевскаго сиротскаго института. —

О изданіяхъ Ильина: а) „Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи“ и б) „Атласъ полного гимназическаго курса“. —

О книгѣ: „Практическій курсъ элементарной статистики латинскаго языка въ соединеніи съ изученіемъ синонимики“, составленный по Шпенделю, преподавателями древнихъ языковъ Костромской гимназій *Л. Кульчицкимъ* и *В. Дежидовымъ*. —

О „Лекціяхъ по исторіи римской литературы“, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра ординарнымъ профессоромъ *В. П. Модестовымъ*. Курсъ первый. 56

О изданіи: „Исторія римской литературы въ таблицахъ“. Составилъ *А. Захарбековъ*, инспекторъ Владимирской гимназій —

О книгѣ: „Руководство къ переводамъ на греческій языкъ Э. Бергера и Г. Гейдельберга“, обработанное для русскихъ гимназій *Я. Левенштейномъ*, преподавателемъ 2-й Московской гимназій. —

О книгѣ: „Учебникъ русской словесности для учениковъ V-го класса гимназій, съ приложеніемъ хрестоматіи“. Составилъ *П. Смирновскій* —

О составленныхъ К. Клоссе: а) „Нѣмецкая грамматика для русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ“ и б) „Учебный нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка“. Пособіе для учащихся. —

О составленныхъ И. Балицкимъ: „Избранныя отрывки изъ памятниконъ церковно-славянскаго языка древняго и новаго для грамматическаго разбора. Со свѣдѣніями и замѣчаніями о памят-

никахъ, съ палеографическими снимками греческихъ текстовъ и словаремъ".

56

О изданіяхъ А. Добрякова: а) „Историческія таблицы“. Подробный историческій конспектъ и б) „Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ“.

57

О „Географическихъ таблицахъ“. Обзоръіііе европейскихъ государствъ. Курсъ III класса. Составилъ Г. С. Лыткинъ

—

О брошюрѣ изъ народныхъ чтеній въ Солянѣмъ городѣ, подъ заглавіемъ: „О грозѣ“. Н. П. Животовскаго

—

О брошюрѣ изъ народныхъ чтеній въ Солянѣмъ городѣ, подъ заглавіемъ: „Объ апоплексіи мозга или пострѣлѣ“. Д-ра Н. Ф. Глинскаго

—

О книгѣ: „Новая Зеландія и Океанія или острова Южнаго моря“. Соч. Кристмана и Оберлендера.

—

О брошюрѣ: „О птицахъ и гадахъ, полезныхъ для земледѣльца и лѣсовода. П. А. Амикіева

—

О брошюрѣ: „Какъ разводить ленъ и какъ увеличить сборы съ разныхъ посѣвовъ“. Н. П. Казанскаго

58

О книгѣ: „Греко-латино-русскій словарь къ сочиненію Ксенофонта Кірова *Ἀνάβασις*, составленный П. Тихоновичемъ

—

О книгѣ: „Синтаксисъ латинскаго языка“. По нѣмецкимъ источникамъ, составилъ Э. Кесслеръ

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМПЕТТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ“. Соч. В. Н. Соболева

18

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія Россіи“. Съ картинками, для народныхъ училищъ. Сочин. М. Острогорскій

—

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Животныя, полезныя для полей и лѣсовъ“. Соч. П. Амикіева

—

О изданной княгиней Марією Барятинскою книгѣ, подъ заглавіемъ: „Начатки“. Приготовленіе къ христіанскому ученію, въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленное къ дѣтскому возрасту

19

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Всѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ духовной жизни человѣка“. (Опытъ народной гігіены). Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. С. Бобровскаго

—

О книгѣ Н. Потулова, подъ заглавіемъ. „Руководство къ

практическому изученію древняго Богослужбнаго пѣнія право- славной россійской церкви	58
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „А. В. Кольцовъ и его пѣснѣи“. Сост. <i>М. П. Паруновъ</i>	—
О брошюрахъ подъ заглавіемъ: 1) „О томъ какого вида земля и какъ велика опа“. <i>Н. Б. Медера</i> , и 2) „Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима“. <i>Н. Б. Медера</i> .	59
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Задачи практическаго счета для швейцарскихъ народныхъ школ“, составленныя г. Церин- геромъ и передѣланная для употребленія въ русскихъ народ- ныхъ школахъ <i>П. Щукинымъ</i>	—
О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Тронце-Сергіева лавра“. Историческій очеркъ <i>Т. Толмачевой</i> . 2) „Приключенія Робинзона Крузе“. <i>А. Н. Яхонтова</i> , и 3) „Котъ въ сапогахъ“, „Овсянній кисель“, „Свѣтлана“. Соч. <i>В. А. Жуковскаго</i> .	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и граждан- скаго вѣдомствъ“. Составилъ <i>К. А. Шлихтъ</i> .	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ арифметическихъ за- дачъ“. Изданіе 6-е, часть II. Составилъ <i>В. Етунисевскій</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ“ (для учащихся), подъ редакцію Петра Вейлберга	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Отечественная война 1812 года и Кутузовъ“. <i>Е. Желябужскаго</i> . Изданіе народнаго журнала „Грамотей“.	50
Официальныя извѣщенія	19 и 60

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Казанскія гимназій въ XVIII столѣтіи. <i>А. Артемьева</i>	1
Индійскія сказки. <i>И. Минаева</i>	68
Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Констан- тинополѣ XI и XII вѣковъ. <i>В. Васильевскаго</i>	105
Юридическіе знаки. <i>П. Ефименко</i>	144 и 271
Францъ Палацкій. <i>Иосифа Перволюба</i>	197
О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича. <i>Вл. Соловьева</i>	294

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

	СТРАН.
Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическое изслѣдованіе. Е. Карповича. <i>А. Брикнера</i>	171
Физиологія гласа и гласови српскога језика. Лингвистичка студија Стојана Новаковића. (Физиологія слова человѣческаго и звуки сербскаго языка. Лингвистическое изслѣдованіе Стояна Новаковича)	182
Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemiliani Kałużniacki con. etc. а, MDCCCXXI. (Описаніе славянскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Ягеллонскаго университета, трудъ Эмилиана Калужницкаго, изд. 1871 г.), съ двумя листками снимковъ. (Отчетъ дирекціи гимназіи св. Анны въ Краковѣ за учебный 1871 годъ). <i>И. Бодуэна-де-Куртене</i>	193
Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-о генваря 1654—30-е мая 1672 года. Сочиненіе Геннадія Карпова. <i>К. Бестужева-Рюмина.</i>	319
Нравственное и умственное развитіе римскаго общества во II вѣкѣ. Историческое изслѣдованіе В. Кожевникова. <i>Н. И.</i>	325

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Олонецкая гимназія съ 1808 по 1831 годъ. <i>К. Петрова.</i>	1
Мусульманскія училища Туркестанскаго края. <i>И. Т.</i>	23
Замѣтка о гимнастикѣ для дѣвицъ. <i>Д-ра Ѳ. Клевезаля</i>	35

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Шестиклассныя прогимназіи	1
О введеніи обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ.	5
Село Мишевское, родина В. А. Жуковскаго. <i>И. Мартынова.</i>	28
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназій, и в) пизшія училища.	35 и 195
Открытіе учительской семинаріи въ Псковѣ	73
Письма изъ Парижа. <i>Л. Л.—ра</i>	84 и 220
<i>А. И. Артемьевъ. Л. Майкова.</i>	94
О введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній	111

	СТРАН.
Путевыя замѣтки о долинахъ средняго и нижняго Дуная.	
<i>А. Будиловича</i>	132
Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова за историческія сочиненія	175

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Замѣтка о первоначальномъ преподаваніи греческаго языка.	
<i>Ем. Гнѣдкова</i>	3
De clavo purpureo, tunicae Romanae ornamento. <i>Ernestus Schulze</i>	17
Значеніе и употребленіе желательнаго наклоненія греческаго глагола. (Окончаніе). <i>И. Гобзы</i>	22
Погребальные обряды древнихъ Римлянъ. <i>А. Родонезская</i>	61
Объ употребленіи временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта. <i>С. Шафранова</i>	93
Борьба Демосфена съ Эсхиномъ по поводу посольства къ Македонскому царю Филиппу II въ 346 году до Р. Х. <i>А. Фесенко-Насроцкаго</i> .	126

Принимается подписка на ежемѣсячный историческій журналъ,
издаваемый въ Петербургѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1875 г.

шестой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1875 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя пять лѣтъ изданія (1870—1874 гг.).

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ три тома, каждый не менѣе 44 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2,200 печатныхъ страницъ.

При изданіи прилагаются: портреты достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, снимки съ подлинныхъ ихъ писемъ, рисунки историческихъ памятниковъ, зданій, генеалогическія таблицы замѣчательныхъ русскихъ фамилій и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, непременно 1-го числа, и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1875 г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ ВОСЬМИ рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ книжномъ магазинѣ Александра Ѳеодоровича Вазунова (Невскій просп., д. № 30); въ Москвѣ—въ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, у Спаса Преображенія, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Читатели „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ теченіи пяти лѣтъ, безъ сомнѣнія, достаточно ознакомились со степенью разнообразія, интереса и значенія, для отечественной исторіи и исторіи русской литературы, тѣхъ записокъ (мемуаровъ), воспоминаній, очерковъ, разсказовъ, біографій и другихъ статей и матеріаловъ, которые появляются на страницахъ этого ежемѣсячнаго изданія. Нынѣ мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что наши собранія помянутыхъ статей, записокъ и матеріаловъ, не только не уменьшаются, но продолжаютъ увеличиваться. Съ различныхъ мѣстъ Россіи, а частью и изъ-за границы, отъ нашихъ соотечественниковъ, непрерывно поступаютъ сообщенія, нерѣдко весьма важныхъ, полныхъ значенія и интереса, статей и матеріаловъ для отечественной исторіи и исторіи русской литературы. Не перечисляя таковыя, довольно сказать, что въ распоряженіи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, не считая работъ самой редакціи по документамъ различныхъ архивовъ и подготовленныхъ ею очерковъ, біографій и прочихъ статей, находится до тысячи шести сотъ сообщеній, какъ извѣстныхъ ученыхъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, такъ и частныхъ лицъ, ревнителей разработки новѣйшей исторіи Россіи. (Списокъ тѣхъ изъ нашихъ сотрудниковъ, сообщенія которыхъ предположены къ напечатанію въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“ 1875 года, будетъ помѣщенъ въ XII книгѣ текущаго года).

Всѣ статьи и матеріалы, имѣющіе появиться въ „Русской Старинѣ“ 1875 года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ писателей, артистовъ и проч.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и пачала XIX в.—Курьезныя челобитныя, домашніе дневники, черты правовъ русскаго общества прошлаго времєни и проч. листки изъ записной книжки „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.—VII. Пародіи русскаго словесности: историческія и сатирическія лѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные и раскольничьи.—Пѣсни скопцовъ, замѣтки и выписки изъ подлисныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго на-

рода.—VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ, русскихъ книгъ.

Къ первой книгѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1875 г. будетъ, между прочимъ, приложенъ гравированный въ Лейпцигѣ портретъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, съ изображеніемъ его герба и девиза: *„безъ лести преданъ“*.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1874 г. Цѣна за 12 книгъ 8 руб. съ пересылкою. Гг. подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія, съ 1-го января 1874 г., книги.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1875 г. 12 книгъ, со всѣми приложеніями, портретами и рисунками, цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, не напечатанныхъ въ этомъ журналѣ, выйдетъ, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія» 1809—1831 гг. Въ ней помѣщены рассказы и воспоминанія очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселенцевъ въ 1831 году; подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта военныхъ поселеній и подлинная переписка гр. Аракчеева.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1875 г., могутъ получить книгу: «Графъ Аракчеевъ» бесплатно, выслать лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдуемыхъ за «Русскую Старину» 1875 г., пять десятикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ или 50 коп. на пересылку означенной книги.

Въ составленіи и изданіи «РУССКОЙ СТАРИНЫ» принимаетъ постоянное и непосредственное участіе

М. И. Семевскій.

В. Семевскій,
отвѣтств. изд.-ред. «Русской Старины».

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. „Русской Старины“ д. Ф. К. Опочинкина. Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика В. А. Гартмана; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (большою частью впервые) подлинники снимковъ, какъ-то письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей; въ концѣ книги помѣщено алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., въ красивой папкѣ 3 р. 50 к.; пересылка 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. „Русской Старины“. Спб. 1873; въ 8 д., 400 стр. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Въ этомъ томѣ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученномъ или литературномъ.

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, полицій-мейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-крюгсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г. и 1873 г., стола разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ 1872 г. (изданіе второе), можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 86 экземпляровъ). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го октября 1874 г.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

